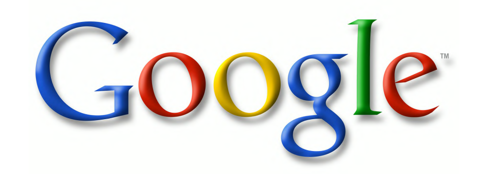

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Digitized by Google

27222.45
A

Harvard College Library

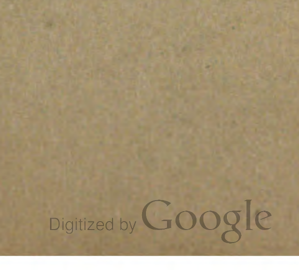
FROM THE

SUBSCRIPTION FUND,

BEGUN IN 1858.

8 Apr. 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

10042

Ив. ЖДАНОВЪ.

РУССКІЙ БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

I — V.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1895.

Digitized by Google

27222.45

A

HARVARD COLLEGE
APR 8 1898
LIBRARY.

Subscription fund.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ нашихъ былинъ, — вопросъ объ ихъ литературной исторіи, о первоначальномъ составѣ нашего эпоса и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могли и должны были испытать историческія пѣсни, прожившія нѣсколько вѣковъ.

Наша древняя письменность сохранила, какъ извѣстно, очень скудныя свѣдѣнія о составѣ и движеніи былевой поэзіи минувшихъ вѣковъ. Записи былинъ не восходятъ далѣе XVII вѣка. Отъ болѣе древняго времени дошло до насъ лишь нѣсколько псевдо-историческихъ сказаній и лѣтописныхъ замѣтокъ, въ основѣ которыхъ можно предполагать эпическій матеріалъ.—При такой скудости письменной традиціи вопросъ объ исторіи нашего эпоса, объ обработкѣ и переработкѣ былевыхъ пѣсенъ можетъ быть рѣшаемъ преимущественно на основаніи изученія и оцѣнки тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя сохранились въ области такъ называемой народной словесности. Но въ этой области, загроможденной обломками разныхъ эпохъ, нельзя свободно подвигаться впередъ, если предварительно не будетъ разчищенъ путь для движенія, если разновременные обломки не будутъ распредѣлены въ опредѣленномъ порядкѣ.

Въ смѣшанномъ, неоднородномъ составѣ нашего эпоса, кромѣ спутанныхъ напластованій историческо-бытоваго характера, могутъ быть различаемы слои иного рода,—слои собственно литературные, особенности которыхъ объясняются разнообразіемъ того литературнаго матеріала, который вошелъ въ составъ той или другой былины.—По различію литературныхъ основъ удастся, быть можетъ, распредѣлить наши «старины» на нѣсколько группъ, установить нѣсколько типовъ былевой

Digitized by Google

пѣсни. Сравненіе же этихъ типовъ можетъ указать на ихъ взаимное отношеніе, на послѣдовательность, съ которой выступали въ нашей эпикѣ былевыя пѣсни того или другого состава. Намѣчается так. обр. одинъ изъ тѣхъ путей, которые могутъ приблизить насъ къ рѣшенію вопроса объ историческомъ развитіи русскаго эпоса.

Наблюденіе надъ разнообразіемъ литературнаго состава нашего эпоса опредѣлило выборъ тѣхъ произведеній былевой поэзіи, которыя разсматриваются въ книгѣ, представляемой на судъ читателей.

1) Эпосъ былевой предполагаетъ историческую основу. При такомъ только предположеніи объясняется генезисъ былеваго эпоса, его выдѣленіе въ особый, своеобразно развивающійся видъ народнаго творчества. Свидѣтельства, сохранившіяся въ нашей древней письменности, придаютъ этому предположенію значеніе достовѣрнаго факта. Авторъ Слова о полку Игоревѣ, писатель XII вѣка, зналъ пѣсни о событіяхъ и лицахъ болѣе древняго времени. Въ Словѣ изображается вѣщій пѣвецъ, который пѣлъ «славу» князьямъ: «старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святославичу.»—Какъ бы мы ни смотрѣли на загадочнаго Бояна, это свидѣтельство о древне-историческихъ пѣсняхъ остается внѣ сомнѣній. Что касается народно-былевыхъ пѣсенъ, то нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ замѣчательную силу и жизненность эпической памяти. Такова напримѣръ извѣстная пѣсня о Щелканѣ, точно передающая эпическое воспоминаніи о событіи начала XIV столѣтія (1327 г.). Нѣсколько вѣковъ устной передачи не разрушили ни литературной полноты, ни исторической ясности этой старой были. Изъ тѣхъ народно-поэтическихъ произведеній, которыя разсматриваются въ моей книгѣ, къ этому отдѣлу былинъ въ собственномъ смыслѣ слова могутъ быть отнесены нѣкоторыя пѣсни, связанныя съ именемъ князя Романа, а именно: малорусская пѣсня о Воротарѣ и великорусскія пѣсни о женѣ князя Романа. Я пытаюсь доказать, что въ пѣсняхъ этихъ сохранилось воспоминаніе о событіяхъ XIII вѣка, объ исторически извѣстномъ лицѣ,—князѣ Романѣ Мстиславичѣ. Къ этому же ряду древне-

Digitized by Google

историческихъ пѣсенъ должна была принадлежать и та поэтическая быль, которая лежитъ въ основѣ сказаній о Мономаховыхъ инсигніяхъ.

Отраженіе въ поэзіи историческихъ событій, характеризующее былевой эпосъ въ его основѣ, не объясняетъ однако всѣхъ явленій, всѣхъ разновидностей былевой пѣсни. Вліяніе историко-литературныхъ теченій могло значительно отклонять движеніе эпоса отъ его первоначальнаго направленія. Поэтому рядомъ съ пѣснями, сложившимися на историческо-былевой основѣ и удерживающими эту основу и въ позднѣйшихъ пересказахъ, находимъ такія произведенія эпической поэзіи, въ которыхъ историческія воспоминанія замѣняются инымъ литературнымъ матеріаломъ. Какой же именно матеріалъ вошелъ въ нашъ былевой эпосъ, измѣняя составъ и характеръ исторической пѣсни? Недостаточно указать, что это матеріалъ захожій, матеріалъ, непринадлежащій къ кругу нашихъ былей. Нужно опредѣлить тотъ отдѣлъ поэтической литературы, подъ вліяніемъ котораго опредѣлился составъ той, или другой былины. При такомъ изученіи выяснится живая связь, соединяющая былевой эпосъ съ другими, параллельными ему теченіями народнаго творчества, исторія былины не останется уединенной, а войдетъ въ общую картину движенія старо-русской поэзіи.

2) «Сказка-складка, а пѣсня быль», говоритъ народная пословица. При ближайшемъ ознакомленіи съ нашими былевыми пѣснями это опредѣленіе пословицы не всегда, однако, оправдывается. Законы эпическаго творчества недостачно строго охраняютъ межу, отдѣляющую быль отъ складки, полосу историческаго эпоса отъ участковъ, принадлежащихъ «нѣкоторому царству, нѣкоторому государству». Въ области русской былевой поэзіи нерѣдко можно напасть на ясные слѣды, указывающіе на вторженіе въ эту область литературныхъ сосѣдей изъ царства складки. Есть даже цѣлыя былины, содержаніе которыхъ повторяется въ памятникахъ сказочнаго характера. Такова именно разсматриваемая ниже пѣсня: «Неразсказанный сонъ». Пѣсня эта пріурочиваетъ къ имени царя Ивана Васильевича одну изъ сказокъ, занесенныхъ въ Книгу о семи мудрецахъ.

Digitized by Google

Эта же сказка извѣстна въ цѣломъ рядѣ народно—устныхъ пересказовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что примѣры вліянія сказокъ на былины могутъ быть указаны и въ такихъ пѣсняхъ, основы которыхъ относятся, вѣроятно, къ древнѣйшей порѣ. Припомнимъ былину о Михайлѣ Потыкѣ. Одинъ изъ отдѣловъ этой былины встрѣчается, какъ извѣстно, въ сказочныхъ пересказахъ.

3) Въ ряду памятниковъ нашего былеваго эпоса есть особаго рода произведенія, которыя можно назвать былинами бытовыми или побывальщинами въ поэтической формѣ. Дѣйствующія лица этихъ побывальщинъ рѣдко появляются не широкой исторической аренѣ рядомъ съ величавыми фигурами эпическихъ знаменитостей; они выступаютъ обыкновенно передъ нами, какъ исполнители той или другой роли въ драмѣ бытоваго содержанія, разыгрываемой на домашней сценѣ. Имена этого рода пѣсенныхъ героевъ—имена безвѣстныя: Ванька Ключникъ, Гость Терентьище и т. п. Иногда, правда, въ этихъ бытовыхъ былинахъ упоминаются имена, за которыми скрываются, быть можетъ, какія нибудь опредѣленныя, хотя и трудно разгадываемыя, историческія воспоминанія: кн. Михайло, кн. Данило, кн. Димитрій и др. Но несмотря на черты, указывающія на историческое пріуроченіе побывальщины, все содержаніе такого рода пѣсни ясно даетъ понять, что интересъ ея сосредоточивается на развитіи не историко-эпической, а психологическо-бытовой темы. Пѣсня разсказываетъ о какой-нибудь семейной драмѣ, въ которой, какъ дѣйствующія лица, выступаютъ мужъ и жена, свекровь и невѣстка, братья и сестры; содержаніе драмы—проявленіе любви и ревности, довѣрчивости и коварства, преступленіе и раскаяніе. Эти психологическія темы развиваются, какъ извѣстно, во множествѣ бытовыхъ пѣсенъ. И тѣ пѣсни, которыя извѣстны въ видѣ бытовыхъ былинъ, встрѣчаются нерѣдко безъ опредѣленнаго пріуроченія, безъ упоминанія именъ дѣйствующихъ лицъ. Получая историческую окраску, вторгаясь въ область исторической пѣсни, поэтическая побывальщина соединяетъ потокъ былеваго эпоса съ широкимъ русломъ бытовыхъ пѣсенъ. Къ кругу указываемыхъ бытовыхъ былинъ, относятся разсматриваемыя ниже

Digitized by Google

пѣсни о князѣ Михаилѣ. Такова же пѣсня о томъ, какъ «князь Романъ жену терялъ», примкнувшая къ эпическимъ воспоминаніямъ о князѣ Романѣ Галицкомъ. Примѣры подобнаго пріуроченія побывальщинъ къ былинамъ отыщутся и въ области богатырскаго эпоса. Припомнимъ былину объ Алешѣ Поповичѣ и сестрѣ братьевъ Збродовичей. Что это, какъ не побывальщина, въ которую только вставлено имя извѣстнаго богатыря? Таковы же и нѣкоторыя пѣсни о Дунаѣ, гдѣ этотъ богатырь является въ положеніи Ваньки-Ключника.

4) Въ старо-русской письменности есть обширный и интересный отдѣлъ, слагавшійся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ поэтическаго замышленія. Отдѣлъ этотъ—литература легендъ и назидательныхъ притчъ. Изъ книгъ легенда и притча проникла въ народъ, давая матеріалъ для духовныхъ стиховъ и благочестивыхъ разсказовъ въ прозѣ. Не осталась внѣ вліянія легенды и былевая поэзія. Такъ, былина о Васильѣ Буслаевичѣ повторяетъ въ примѣненіи къ новгородскому ушкуйнику легенды о покаявшемся разбойникѣ, о человѣкѣ, обреченномъ демону. Былина о Волхѣ Всеславьевичѣ примыкаетъ къ новгородскимъ преданіямъ о Волхвѣ Словеничѣ, а изъ-за этого Волхва выглядываетъ фигура Симона Мага, извѣстнаго по апокрифнымъ дѣяніямъ апостола Петра.

5) Апокрифныя сказанія заходили къ намъ путемъ переводовъ. Русской литературѣ принадлежатъ лишь усвоеніе и переработка этихъ сказаній. Къ числу такихъ же захожихъ произведеній относятся и многія другія легенды, притчи, побывальщины и сказки, усвоенныя нашей письменностью, и перенесенныя въ нашу народную словесность.—Эти притчи и сказки могли находить то или другое историческое пріуроченіе еще до перехода на русскую почву. Русскіе сказочники и пѣвцы пытались связать съ родными преданіями и такія заносныя былины. Примѣрами подобнаго вторичнаго пріуроченія могутъ служить повѣсти и сказки о Вавилонѣ. Съ именемъ греческаго царя Льва соединялось сказаніе о добываніи драгоцѣнностей, принадлежавшихъ Навуходоносору. Это сказаніе переходитъ на Русь и примыкаетъ въ нашемъ эпосѣ къ преданіямъ о князѣ Владимірѣ или о царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Digitized by Google

Имя Владиміра находимъ въ дополнительной замѣткѣ, присоединяемой къ книжной повѣсти о греческомъ посольствѣ въ Вавилонъ; имя Ивана встрѣчается въ народныхъ сказкахъ о Бормѣ, ходившемъ за древними драгоцѣнностями по порученію московскаго царя. Пѣсенные пересказы византійско-русской повѣсти не извѣстны, но это не мѣшаетъ, конечно, причислить сказки о Бормѣ и преданія о походѣ Владиміра на Цареградъ къ матеріаламъ для исторіи русской эпики.

Отношеніе историческаго преданія къ литературнымъ наслоеніямъ въ эпосѣ не одинаково. Сказки и легенды, побывальщины и притчи могутъ проникать въ былины или путемъ литературнаго замѣщенія или путемъ бытоваго пріуроченія. Въ первомъ случаѣ такой или иной литературный матеріалъ примыкаетъ къ ранѣе сложившимся историческимъ сказаніямъ, осложняя и измѣняя ихъ первоначальный составъ. Сходство эпической темы или только нѣкоторыхъ подробностей даетъ поводъ замѣнить старый разсказъ новымъ, или, по крайней мѣрѣ, внести въ прежній разсказъ новые эпизоды. Примѣры такого замѣщенія встрѣчаемъ въ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ, о кн. Романѣ («какъ князь Романъ жену терялъ»), въ былинахъ, связанныхъ съ именемъ царя Ивана (Неразсказанный сонъ, Подсолнечное царство). При эпическо-бытовомъ пріуроченіи наблюдается обратное явленіе. Разсказъ, не имѣвшій первоначально связи съ былевымъ эпосомъ, прикрѣпляется къ опредѣленной исторической почвѣ, открывая доступъ для внесенія тѣхъ или другихъ бытовыхъ подробностей, придающихъ переработанной пѣснѣ былевой складъ и характеръ. Захожая пѣсня оказывается удобной формой, въ которую влагается мѣстное, своеземное содержаніе. Образцомъ такого эпическаго пріуроченія можетъ служить былина о Васильѣ Буслаевичѣ.

Явленія замѣщенія и пріуроченія различаются не только способомъ соединенія были и небылицы, но и нѣкоторой историко-литературной послѣдовательностью. Само собою понятно,

Digitized by Google

что повѣствованія, чуждыя первоначально нашему эпосу, могли получать русскую историческую окраску въ томъ только случаѣ, если пѣсни былевыя по основѣ, послѣ постепенной переработки, стали утрачивать строго-историческую опредѣленность, стали смѣшиваться съ повѣствованіями изъ круга сказокъ и легендъ. Русская быль, принявшая черты захожей легенды или сказки, открывала путь и для обратнаго превращенія: захожая легенда передѣлывалась въ русскую быль. Самсонъ «богатырь святорусскій» могъ, конечно, появиться въ нашемъ эпосѣ только тогда, когда мѣстные богатыри вышли ему на встрѣчу, когда образы этихъ богатырей, потемнѣвшіе отъ времени и не разъ подновлявшіеся, потеряли былевую опредѣленность, когда поэтому и появленіе среди такихъ богатырей библейскаго силача не могло показаться несообразностью, нарушающею цѣльность русскаго эпоса.

Раздѣленіе былинъ на двѣ группы не предрѣшаетъ вопроса о литературной цѣнности пѣсенъ той или другой группы. Пѣсни съ былевой основой послѣ ряда замѣщеній и передѣлокъ могутъ потерять и историческую, и литературную опредѣленность. Пѣсни же сказочно-легендарныя получаютъ иногда такую яркую историческую окраску, которая придаетъ имъ значеніе замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старо-русской поэзіи. Былина о Васильѣ Буслаевичѣ не оригинальна по литературной основѣ, но по мастерскому изображенію нѣкоторыхъ сторонъ старо-русскаго, именно новгородскаго быта, былина эта— одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ старо-русскаго эпоса. Пѣснотворцы стараго времени пользовались готовыми образами для выраженія думъ, которыя будила въ нихъ русская историческая жизнь.

Въ книгѣ моей разсматриваются лишь нѣкоторые, немногіе памятники нашего былеваго эпоса. Нѣтъ сомнѣнія, что указанныя выше явленія въ области былеваго творчества могутъ быть изучены и показаны и на другихъ примѣрахъ, на

Digitized by Google

такихъ пѣсняхъ и сказкахъ, которыхъ я не касался. Мой выборъ объясняется желаніемъ остановится на произведеніяхъ менѣе извѣстныхъ, рѣже привлекавшихъ вниманіе изслѣдователей. Собирая и разсматривая эпическія παραλιπόμενα, я имѣлъ въ виду представить не совсѣмъ, быть можетъ, безполезныя дополненія къ трудамъ моихъ славныхъ предшественниковъ въ дѣлѣ изученія нашей народной поэзіи.

Въ заключеніе считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ, благосклонное содѣйствіе которыхъ облегчало мнѣ собираніе и отыскиваніе научно-литературнаго матеріала.

Digitized by Google

ПОВѢСТИ О ВАВИЛОНѢ

и

«СКАЗАНІЕ О КНЯЗЕХЪ ВЛАДИМІРСКИХЪ».

I.

Въ сборникѣ сказокъ и преданій Самарскаго края, собранныхъ Д. Н. Садовниковымъ, помѣщена сказка о Бормѣ Ярыжкѣ, любопытная по смѣшенію сказочнаго матеріала съ подробностями книжной повѣсти и по пріуроченію этого смѣшаннаго разсказа къ событіямъ русской исторической жизни.

Вотъ что передается въ сказкѣ: царь Иванъ Васильевичъ кликалъ кличъ: «Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону, скипетръ, рукъ державу и книжку при нихъ?» По трое сутки кликалъ онъ кличъ, но никто не являлся. Приходитъ Борма Ярыжка. «Я, говоритъ, могу достать, а для этого мнѣ надо снарядить корабль, да тридцать человѣкъ дайте мнѣ матросовъ; корабль чтобы весь былъ окованъ жестью, всѣ снасти и мачты, да тридцать бочекъ въ него пороху, да на три года провизіи, и если я черезъ три года не ворочусь, значитъ—меня вживѣ не будетъ. А теперь мнѣ съ молодцами дайте попить да погулять». Спустя шесть недѣль, Борма и его спутники отправились въ путь.—«Пріѣзжаютъ къ Вавилонскому царству. Онъ сошелъ на берегъ, взялъ двоихъ съ собой матросовъ. А Вавилонское царство все было съѣдено змѣями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили, и нашелъ онъ въ ней корону, скипетръ и рукъ державу и книжку при нихъ. Матросы говорятъ: «Ну теперь добыли, пойдемте на корабль!» А онъ: «нѣтъ, говоритъ, надо въ городъ сходить, а то насъ будутъ спрашивать, а мы ничего не знаемъ». Змѣи все пожирали, ничего кругомъ не осталось, а спали между

Digitized by Google

обѣдней и заутреней въ Свѣтло Христово Воскресенье. Въ это время Борма и вышелъ на берегъ. Царь вавилонскій издалъ указъ, чтобы на всемъ змѣи были вырѣзаны и написаны: и на чашкахъ, и на ложкахъ, и на монетахъ. Богъ его и наказалъ: всѣ эти змѣи ожили и поѣли все живое. Около города, вмѣсто стѣны, змѣя обвилась: Ну вотъ Борма Ярыжка, чтобы перелѣзть стѣну и змѣя не задѣть, слѣпилъ лѣстницу и перелѣзъ. Когда онъ шелъ городомъ, змѣи, какъ мертвыя, подъ ногами лежали. Иная взметнется, какъ наступять, и опять спитъ. Онъ никого живого не нашелъ и пошелъ прямо во дворецъ. Приходитъ—всѣ комнаты пустыя, а въ послѣдней царской комнатѣ сидитъ Царь-Дѣвка—на половину змѣя, на половину дѣвка. Она надъ всѣмъ змѣинымъ царствомъ царствовала. Когда Борма Ярыжка вошелъ, она увидала и говоритъ: «А, Борма Ярыжка! Ты шелъ изъ Русскаго царства доставать корону, скипетръ, рукъ державу и книжку, и они у тебя?»—У меня.—«Досталъ?»—Досталъ—«Разорву, съѣмъ!»—Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мнѣ мяса? Вотъ я тебѣ двоихъ въ залогъ оставлю, да и остальныхъ приведу: все одно вмѣстѣ пропадать. Черезъ часъ вернусь». Она отпустила его, да и говоритъ: «Ну, ступай, да не обмани». Не успѣлъ онъ ступить изъ ея комнаты, Царь-Дѣвка на матроса..... разорвала матроса при немъ же. А Борма Ярыжка, какъ прибылъ на корабль, такъ закричалъ: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» — Царь-Дѣвица, замѣтивъ хитрость Бормы, отправляетъ въ погоню за нимъ змѣй. Борма разсыпалъ на палубѣ корабля порохъ и поджегъ его.—«Змѣи налетѣли, обцѣпили корабль и всѣ снасти облѣпили... Порохъ взорвало и у змѣевъ всѣ крылья опалило; которыхъ добили, которыхъ пожгли».—Царь-дѣвица посылаетъ змѣя Горынича, «что около города стѣной лежалъ, и съ нимъ много зміевъ». Борма поджегъ двадцать семь бочекъ съ порохомъ: «змѣй многихъ пожгло, а Змѣй Горыничъ уцѣлѣлъ и началъ корабль топить, корабль и потонулъ». Борма бросается въ лодку, добирается до берега и пускается въ путь—дорогу отыскивать родную сторону.

«Шелъ много ли, мало ли, приходитъ къ великолѣпному дому. Окруженъ домъ каменною стѣной и ворота заперты. Началъ стучаться—отзыву нѣтъ, никто не окликается... Сѣлъ на лавочку и сталъ ждать». Къ вечеру пришелъ хозяинъ великолѣпнаго дома—*огноглазый* великанъ, братъ Царь-Дѣвицы, живущей въ Вавилонѣ. Великанъ грозится разорвать и съѣсть Борму. «Ну, что ѣсть-то: развѣ отъ меня сытъ будешь?—говоритъ Ярыжка—а вотъ давай по-братски сдѣлаемъ: у тебя вотъ одинъ глазъ то, а я тебѣ два сдѣлаю.

Digitized by Google

Ты теперь одно царство видишь, а тогда два. Пойдемъ!» На это предложеніе Бормы великанъ отвѣчалъ согласіемъ. Борма скрутилъ его воловьими жилами, пошелъ, взялъ олова, растопилъ, да и говоритъ великану; «Растопырь глазъ то, а то ошибешься, не такой сдѣлаешь». Тотъ раскрылъ глазъ, а Борма и вылилъ туда горячаго олова. Великанъ порвалъ воловьи жилы, все изорвалъ и поломалъ. «А, говоритъ, ты меня обманулъ! Ну, да постой, найду!» Затворилъ ворота и камень къ нимъ привалилъ. Некуда Бормѣ дѣться. А у одноглазаго, въ родѣ товарища, козелъ громадный жилъ. Вотъ Борма то и подвязался къ козлу подъ брюхо, а то не уйдешь пожалуй,— и давай его подъ бока щекотать. А козелъ то привыкъ съ одноглазымъ играть, разбѣжится, разбѣжится, да и ткнетъ. А тотъ говоритъ: «Уйди, Васька, теперь не до тебя». Надоѣлъ онъ одноглазому. Тотъ разсердился, схватилъ козла за рога, хотѣлъ объ стѣну расшибить, да съ Бормой вмѣстѣ черезъ стѣну и перекинулъ.— Борма, какъ только очутился на той сторонѣ, отвязался отъ козла и крикнулъ: «А я здѣсь!»—«А, Борма Ярыжка,—закричалъ одноглазый,—хитеръ ты и мудеръ». Ну, на отъ меня на память золотой топорикъ!...» Борма Ярыжка думаетъ: «Не даромъ онъ кидаетъ». Подошелъ да мизинцемъ чуть дотронулся до топорика. Какъ дотронулся, топорикъ и закричалъ: «Хозяинъ! Здѣсь! Держу» Борма Ярыжка схватилъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палецъ. Пока тотъ отваливалъ камень, Борма убѣжалъ. «Эхъ! крикнулъ топорилъ, не поспѣлъ! Вотъ тебѣ одинъ палецъ!» Великанъ кинулся, весь его сгрызъ, а Борма гдѣ за дерево спрячется, гдѣ камнемъ лукнетъ—ушелъ».

Выбравшись отъ одноглазаго, Борма попадаетъ къ его второй сестрѣ. У нея пришлось Ярыжкѣ остаться надолго. «Эта дѣвка его каждый день смертью стращала и двадцать лѣтъ съ нимъ прожила и прижила сына. Стало сыну двадцать лѣтъ. Вотъ разъ она уходитъ въ Вавилонское царство къ сестрѣ, а Борму на цѣпи оставила и говоритъ сыну: «Я пойду, цѣлый день не буду. Смотри, съ цѣпи отца не отпускай, а то онъ хитеръ и мудеръ. Самого разорву, коли пустишь; а къ вечеру я сама вернусь!» Борма уговорилъ сына идти вмѣстѣ на охоту, пострѣлять утокъ на рѣкѣ. Убилъ Борма утку и послалъ сына за уткой; самъ плотъ сдѣлалъ на рѣкѣ и поплылъ. «Батюшка! закричалъ сынъ, что ты дѣлаешь?» А дѣвка ужь на берегъ прибѣгла, кричитъ: «А, Борма Ярыжка! хитеръ и мудеръ! На вотъ тебѣ твою то половину, не надо мнѣ!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плотъ, онъ сталъ тонуть. Борма взялъ да ножемъ и вырѣзалъ.

Digitized by Google

Плотъ опять поплылъ и переѣхалъ въ Русь Святую. Дѣвка побѣсилась, побѣсилась, а сдѣлать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма посмѣялся надъ ней и дальше пошелъ». Дорогой, увидѣвъ, какъ левъ боролся со змѣемъ, Борма помогаетъ льву, подстрѣливъ змѣя. Благодарный звѣрь въ три часа домчалъ Ярыжку до роднаго города, до котораго тому пришлось бы идти еще три года: «Борма пошелъ прямо во дворецъ и сказалъ о себѣ, а тамъ ужъ и забыли о немъ, потому что тридцать лѣтъ какъ его не было. Стали искать въ архивахъ и нашли, что дѣйствительно тридцать лѣтъ назадъ былъ отправленъ корабль за поискомъ короны, скипетра, рукъ державы и книжки при нихъ. — «Ну что, чѣмъ мнѣ тебя наградить? спрашиваетъ Борму Иванъ Васильевичъ. «Да что? Дозволь мнѣ три года безданно-безпошлинно пить во всѣхъ кабакахъ!» И вотъ сталъ Борма пить-попивать, пьяницъ за нимъ не толчена труба. Напившись разъ, онъ хвалиться сталъ: «мнѣ бы еще три года идти, да меня левъ подвезъ въ три часа за то, что я змѣя убилъ». Какъ эти слова выговорилъ и спохватился». Дѣло въ томъ, что, по требованію льва, Борма далъ обѣщаніе подъ страхомъ смерти никому не разсказывать о своей поѣздкѣ. Чтобы выпутаться изъ бѣды, Ярыжка распорядился приготовить три котла: одинъ — съ медомъ, другой — съ виномъ, третій—съ самымъ крѣпкимъ спиртомъ. «Поднялась буря, и вслѣдъ за ней бѣжитъ левъ и сейчасъ же къ Бормѣ: «А, ты мной похвалился! Такъ я тебя съѣмъ!» — «Это не я!» — «А кто же?» — «Хмѣль».—«А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котелъ съ медомъ. Левъ весь котелъ выпилъ и выворотилъ изъ земли». Затѣмъ выпилъ левъ и остальные два котла и пьяный тутъ же растянулся.—«Борма велѣлъ вбить около льва столбы и оковать цѣпями. Когда левъ встряхнулся—хвать и встать нельзя. Борма подошелъ и говоритъ: «Вотъ видишь, что хмѣль то дѣлаетъ. Не я тобой хвалился, а хмѣль. Я тебѣ бы теперь могъ голову срубить, да не сдѣлалъ этого». — «Ну, пусти Борма Ярыжка!»— Тотъ велѣлъ его расковать; левъ и убѣжалъ. Послѣ этого Борма недѣли три пьянствовалъ и опился въ кабакѣ» [1]).

---

[1]) Сказки и преданія Самарскаго края, собранныя и записанныя *Д. Н. Садовниковымъ* (*Записки Русскаго географическаго общества*, по отдѣленію Этнографіи, т. XII, 1884 г.) стр. 22—27. Въ другомъ варіантѣ, записанномъ г. Садовниковымъ («Иванъ Туртыгинъ») добываніе государственныхъ драгоцѣнностей замѣнено возвращеніемъ похищенной змѣемъ царевны Скипетры. Отыскиваетъ эту царевну Иванъ Туртыгинъ. „Подъѣзжаетъ къ царству, гдѣ этотъ самый Змѣй Горыничъ живетъ; оставилъ корабь, а самъ пошелъ пѣшій. Подходитъ къ

Digitized by Google

Варіанты этой сказки записаны *г. Романовымъ* въ Могилевской губ., *г. Иваницкимъ* въ Вологодской губ., *г. Добровольскимъ* въ Смоленской губ.

Въ Вологодскомъ пересказѣ имя царя не названо. «Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царь да царица, а у этова царя не было короны. Онъ и сталъ сбирать свое царство и собралъ всѣхъ главныхъ начальниковъ и простова роду мужиковъ, кто бы ему корону могъ достать съ острова, гдѣ она хранилась. Вотот-ка выискался одинъ,—Михайло Трунщиковъ». Передъ отправленіемъ въ путь, пропьянствовавъ 12 дней, Михайло попросилъ у царя команду солдатъ и 13 кораблей; всѣ корабли, кромѣ одного, наполнены были порохомъ. «Отправился Михайло Трунщиковъ въ дорогу и подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, на которомъ острову была корона. (Названіе Вавилонскаго царства забыто). Сейчасъ и зачалъ распоряжаться: причаливайтесь! Команда причалилась къ острову, вышелъ М. Т—въ изъ корабля и пошелъ по острову, взялъ съ собою трехъ совдатовъ.

Идетъ онъ островомъ, а на этомъ острову маленькихъ змѣй по колѣно брели. Но у нихъ была такая одежа, што они не боялись: Подходя къ дому, а у этова дома лежала змѣя 30 сажень длины и и 12 ширины. Они сильно испугались ее, но М. Т—въ не струсилъ, перешелъ по ей и совдаты за имъ, перешли всѣ четверо, она

царству—пастухи скотину пасутъ. „Что, пастухи, чье это царство?"—Змѣя Горынича.—„А что, онъ у васъ женатъ, али холостъ?"—Нѣтъ, онъ недавно женился: у бѣлаго царь дочь унесъ.—„А что, мнѣ придти можно?"—Можно у насъ ни часовыхъ, ни вѣстовыхъ.—Всходитъ Иванъ Туртыгинъ въ палаты, беретъ Скипетру-царевну за руку и уводитъ съ собой. Увелъ на корабь, велѣлъ корабельщикамъ, чтобы на палубу какъ можно пороху насыпать и фитиля зажигать. Поплыли они. Вдругъ Змѣй Горыничъ узналъ и—въ погонь. Они зажгли порохъ, онъ крылья спалилъ и отлетѣлъ". Возвращаясь отъ Змѣя Горынича, Иванъ встрѣчается а) съ сестрой Змѣя—Лютой Змѣицей, б) съ кривымъ богатыремъ, в) съ Заплетаемъ Заплетаичемъ, г) со львомъ.—Разсказъ о кривомъ Богатырѣ передается сходно съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ сказки о Бормѣ.—Эпизодъ встрѣчи Ивана съ Заплетаемъ приведенъ будетъ ниже.—Въ разсказѣ о львѣ Змѣй замѣненъ „Окаяннымъ". Иванъ „взялъ саблю и снесъ съ окаяннаго голову. Левъ и говоритъ: „Ну, садись на меня! Я тебя до царства донесу. Довезъ онъ его до царства, снялъ съ себя и говоритъ: „Ну, Иванъ Туртыгинъ, дОпьяна не напивайся, а мной, звѣремъ не похваляйся».—Одинъ изъ спутниковъ Ивана, который ранѣе прибылъ къ отцу Скипетры, выдаетъ себя за ея освободителя. Готовится сватьба. Прибытіе Ивана открываетъ обманъ. Сказка заканчивается появленіемъ льва и его опьяненіемъ.— Иванъ женится на Скипетрѣ—царевнѣ.

Digitized by Google

и не слыхала, вошли въ домъ, а въ домѣ въ переднемъ углу стояла корона. Взялъ М. Т — въ корону и воротились назадъ. Только изъ дома вышли, а змѣя повернулась къ нимъ ротомъ, а сама говоритъ человѣческимъ голосомъ: а! гтъ, вы пришли корону воровать! Сама ротъ распелила и хочетъ всѣхъ съѣсть. А М. Т—въ и говоритъ: не ѣшь, дай мнѣ снести корону на корабъ, такъ втожно (тогда) и ѣшь, а коли топере съѣшь меня и корону, такъ тебѣ барышу нѣтъ и намъ убытокъ. А она гтъ: не повѣрю, ты, гтъ, не придешь. А М. Т—въ: я, гтъ, тебѣ оставлю трехъ совдатовъ подъ закладъ. И оставилъ трехъ совдатовъ, самъ пришелъ въ корабъ и сказалъ своимъ совдатамъ: отчаливайтесь скорѣе! Сейчасъ отчалились и поѣхали обратно въ путь.» — Змѣя замѣтивъ обманъ, проглотила трехъ солдатъ и послала маленькихъ змѣй въ погоню за похитителемъ. Змѣи подожгли три корабля съ порохомъ и погибли. Посланы остальныя змѣи. Набросились они на четыре корабля съ порохомъ и стали прожигать крыши. «Какъ только прожгли и дотронулись жигаломъ до пороху, порохъ спыхнулъ, разорвало корабли и всѣхъ змѣй». Отправилась въ погоню старшая змѣя и бухнулась на пять кораблей. «Какъ она сѣла, корабли угрузли въ воду. Испугалея М. Т—въ, што подмочитъ порохъ и не спыхнетъ, но не успѣла она сѣсть на корабли и проткнула жигаломъ крышу, дотронулась жигаломъ до пороху и спыхнулъ порохъ и разорвало пять кораблей и ее расахватило на мелкія части. Црево изъ ея выкинуло на берегъ съ тремъ совдатамъ, которые были отданы подъ закладъ: они были неврежены». Михайло причалилъ къ берегу, чтобы взять этихъ солдатъ, вышелъ и самъ на берегъ. Спутники его воспользовались этимъ, чтобы присвоить себѣ подвигъ добыванія короны: «дома скажемъ, что его змѣи съѣли, а мы, молъ, корону достали, насъ царь наградитъ».

Покинутый Михайло побрелъ вдоль берега. Слѣдуетъ встрѣча Михайла съ чертомъ, замѣняющимъ одноглазаго великана самарской сказки. «Выскочилъ изъ лѣсу чортъ, бѣжитъ да самъ и кричитъ: а! ты у насъ корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, вотъ ужъ топере не убѣжать, я тебя съѣмъ! М. Т—въ побѣжалъ отъ чорта и перескочилъ за канавку, тутъ ужъ чорту дѣла нѣтъ до него, онъ не можетъ за канавку перейти, тутъ ужъ земля не чорта, а медвѣдя. Только онъ за канавку перескочилъ, сейчасъ ему медвѣдь на встрѣчу, три сажени вышины да двѣ ширины, разѣлъ пасъ и говоритъ: зайди ко мнѣ въ ротъ, отъ меня ужъ не уйдешь. Ты корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, да и отъ чорта ушелъ, а ужъ отъ меня

Digitized by Google

не уйдешь, я тебя съѣмъ! А медвѣдь-отъ былъ милосливый. И сталъ прошать М. Т—въ, чтобы онъ его спасъ». Медвѣдь (соотвѣтствующій льву самарской сказки) не только пощадилъ Михайла, но и перенесъ его къ царю, добывавшему корону. «Царь какъ увидѣлъ его, сейчасъ схватилъ въ охапку и спрошалъ: гдѣ ты взялсё? А вотъ, гтъ, они уѣхали, а меня медвѣдь привезъ. И разсказалъ все царю подробно, какъ дѣло было. Разсердился царь и разстрѣлялъ совдатовъ,—тѣхъ, которые оммануди его, только трехъ оставилъ, которые были въ змѣиномъ цревѣ». Слѣдуетъ появленіе медвѣдя, его опьянѣніе; подробности эти передаются сходно съ самарской сказкой. «А М. Т—въ получилъ отъ царя половину царства и женился на царевнѣ у того же царя.» [a]).

Въ Могилевскомъ пересказѣ («Проварна ярыжка») царя Ивана Васильевича замѣняетъ Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ. «А ёнъ бывъ большій карцёжникъ и любивъ крѣпко у карты гулядь. И была на возморъи, у которомъ то царстви, жила тамъ Василиска Дыяболска, и ина тожъ охвотница у карты гуляць». Иванъ царевичъ отправился къ ней. Стали играть. Русскій царевичъ проигрался. «И такъ енъ обыйгрався, што и государственную коруну пройгравъ», Василиска «замуровала гэту коруну у печь». Вернувшись домой, царевичъ сталъ отыскивать человѣка, который взялся бы возвратить корону. Вызвался Проварна Ярыжка, прогоркая пьяница. Передъ отправленіемъ въ путь, онъ заявилъ, что для исполненія труднаго дѣла ему «надо солдатовъ полкъ, и надо корабль, и надо пороху, и надо увесь припасъ солдацкій». Корабль былъ приготовленъ, и Ярыжка съ отрядомъ солдатъ пустился въ путь-дорогу. Завидѣвъ дворецъ Василиски, онъ вышелъ на берегъ, приказавъ спутникамъ ожидать его. «Ну, приходзя проварна Ярыжка прогоркая пьяница подъ дворецъ, а тамъ кругомъ яé дворца обвився большій вужъ, и въ зубы хвостъ узявъ; и хто идзе у дворъ къ ей, енъ пуская, а хто идзе зъ двора, того ня пуская. Нуй упуцивъ ёнъ яго. И уходзиць ёнъ у первую комнату, Проворна Ярыжка. И сычасъ якъ увыйшовъ ёнъ, и увидавъ онъ государськую коруну, умурованную у печь, и чуць яна видна. Ну, гэтый Проварна Ярыжка сычасъ яе выдравъ и сховавъ за пазуху». Представившись затѣмъ Василискѣ, Ярыжка проситъ позволенія сходить на корабль: «у мяне есть,—говоритъ онъ,—книжачка такая, што вы можаця увесь

[a]) *Иваницкій*, Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, стр. 165—166. (Въ Извѣстіяхъ Моск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. LXIX).

Digitized by Google

свѣтъ обыйграцъ». Василиска приказала пропустить Ярыжку. «Ну пошовъ ёнъ. Приходзя на корабъ и говора солдатамъ: смотри, робяты; будзецъ до васъ отъ Василиски Дыяболски нападзеньня! Ну, а самъ у лехкую лотку сѣвъ и поѣхавъ». Нападеніе дѣйствительно было сдѣлано. «А гэта Василивска Дыяболска посылала на корабъ, и яны ня могли доступитца до корабля». (Упоминанія о змѣяхъ нѣтъ). Тогда сама Василиска сѣла въ ступу, прилетѣла къ кораблю и съѣла всѣхъ солдатъ одного за другимъ. Ярыжка въ это время продолжалъ свой путь: «Идзе берегомъ, стоицъ хатка. Уходзицъ ёнъ у хатку, ажъ тамъ на столѣ стоицъ чанъ капусты, чанъ каши». Ярыжка поѣлъ и сталъ поджидать хозяина хатки. Явился этотъ хозяинъ—«косовокій богатыръ». Слѣдуетъ разсказъ объ ослѣпленіи этого богатыря, передаваемый сходно съ самарской сказкой: Ярыжка обвязалъ косовокаго крѣпкимъ ланцугомъ и плеснулъ ему въ глазъ растопленной смолы. Козелъ выноситъ Ярыжку изъ жилища богатыря. Приключеніе съ топоромъ. Выбравшись отъ одноглазаго, Ярыжка встрѣчается съ другимъ богатыремъ—Оплеталомъ. Этотъ «Оплетавъ богатырь» сѣлъ Ярыжкѣ на плечи и приказалъ нести себя. Ярыжка успѣлъ однако отдѣлаться и отъ этого богатыря. Онъ поднесъ его къ яблонѣ и попросилъ позволенія достать яблокъ. Богатырь позволилъ. «Енъ полѣзъ, доставъ яблоковъ и давъ яму ѣсь. Енъ якъ изьѣвъ, дакъ и заснувъ. Проварна Ярыжка бача, што Оплетовъ—богатырь заснувъ, и пошовъ» [6]). Сказка оканчивается знакомымъ уже намъ приключеніемъ: Ярыжка помогаетъ льву, боровшемуся со змѣей; левъ переноситъ путника на его родину.

«Проварна Ярыжка принося къ цару крѣпку дзержаву и отдае цару. Царъ яго спрашуя: што табѣ треба за гэто?—Треба мнѣ за гэто, штобъ куды ни пошовъ, усюды кабаки были отчиняты!.. Царъ

---

[6]) Есть сходный эпизодъ въ самарской сказкѣ объ Иванѣ Туртыгинѣ: «Нашелъ на него Заплетай Заплетаичъ, сорокъ рукъ, сорокъ ногъ и облапилъ его; и не можетъ онъ отъ него отодраться. На себѣ его долго носилъ, даже усталъ; шелъ и запнулся за мертвую богатырскую голову. Взялъ да и толкнулъ ее ногой. Та и говоритъ: «Не толкай меня, Иванъ Туртыгинъ! Лучше хорони въ песокъ. Я отъ его рукъ въ землю пошелъ». (отъ Заплетая Заплетаича стало быть). Присѣлъ Иванъ, вырылъ ямку и положилъ голову въ песокъ. Голова и говоритъ: «Я тебѣ скажу, какъ отъ него избавиться: пойдешь ты вотъ этимъ доломъ и нападешь на ягоды; однѣ ягоды сладкія и манныя, а другія ягоды—пьяныя; сладкихъ самъ поѣшь, а пьяныхъ ему бросай черезъ плечо; когда онъ напьется, ты сядь на припарѣ солнца». Иванъ Туртыгинъ все это сдѣлалъ. Заплетай Заплетаичъ опьянѣлъ, уснулъ: и руки и ноги расплелись. Иванъ убѣжалъ, а его тутъ оставилъ.—(*Садовниковъ*, ор. с. стр. 21).

Digitized by Google

дозволивъ. Вотъ роспився Проварна Ярыжка, распъянствувався, и похвалився пьяный, што на льву-звѣру ѣхавъ. Якъ похвалився, такъ сичасъ кабаки и закрылись» [1]).

Своеобразенъ по многимъ подробностямъ другой могилевскій варіантъ, записанный г. Романовымъ въ Климовицкомъ уѣздѣ. Добывающій корону носитъ въ этомъ пересказѣ имя: Дикій Бурьма.

«Бывъ собою хозяинъ богатый. Што у яго была дочарь вельми пригожая. И яна, замужъ ня вышовши, забременѣла». Когда родился у нея сынъ, она отнесла его въ лѣсъ и бросила тамъ. Проѣзжавшій мимо купецъ взялъ себѣ брошеннаго ребенка. «И трехъ годъ ёнъ яго отдавъ у школу, до сями годъ енъ вышовъ и съ школы, и якъ ёсь на свѣци якая грамата, такъ ёнъ усю понявъ». Сосѣди купца донесли царю о мудромъ мальчикѣ: «што вотъ, такъ и такъ, у такого то купца живецъ Знайдзёнъ, малецъ такій вумный, такій разумный, што ёнъ будзець годзитца вамъ у сынодъ. Прозваніе его Дзикій Бурьма».—«Потребувавъ яго царь къ сабѣ, спросивъ у яго акзаминтовъ изъ разныхъ языковъ. Енъ яму отдавъ акзаминты на дванапати языкахъ дóразу. Знявши зъ яго етые акзаминты, сычасъ яго перевяли у сынодъ. И што у сынодзи ёнъ скажець, ня можець нихто перемяницъ—ни царь, ни хто». Когда Бурьмѣ исполнился двадцать одинъ годъ, царь выдалъ за него свою дочь. «Цяперь на придзевятомъ царьстви. на придзесятой зямли помёръ царь. Осталося отъ яго костыль и панахвида и царьская коруна».—Царь предлагаетъ Бурьмѣ достать эти вещи. Бурьма отправился въ путь, взявъ «дужо много солдатовъ, цѣлную, можа, берегату (бригаду). . . и капэльлію съ собою, музыку». (Снаряженіе корабля опущено; Борма и его спутники ѣдутъ на коняхъ). Недоѣзжая версты или двухъ до того города, гдѣ нужно было достать костыль и корону, путники замѣтили хатку. Въ этой хаткѣ жила старушка, «и яна етой царицы удовѣ не изъ родьни, а значитца, знакомая етой царицы». При помощи этой старушки Бурьма заводитъ знакомство съ царицей.—«Пріѣхали яны, музыка зайграла, сама царица вышла, приняла ихъ до чесци». Начался пиръ. Когда царица утомилась и заснула, Бурьма похитилъ костыль и корону. На обратномъ пути Бурьма и его спутники остановились разъ отдохнуть и покормить коней. Когда Бурьма уснулъ, товарищи его поспѣшили уѣхать, захвативъ съ собой царскія вещи. Проснулся Бурьма только черезъ три дня. «Тоды уставъ, Богу перяксцився—

---

[1]) *Романовъ*, Бѣлорусскій сборникъ, вып. 3, № 30, стр. 212—214.

Digitized by Google

нема нечого при имъ! И ѣсць хочетца, и негдзи купиць, и грошій нема при имъ и соусимъ голый. Такъ сабѣ думаеть: «э, што Богъ дасць, да дасць—пойду етой дорогой, куды-нибудь да выйду». На пути Бу́рьма встрѣчается съ сестрой той царицы, у которой похитилъ корону, съ одноглазымъ великаномъ, съ лявомъ и змѣемъ. Всѣ эти встрѣчи передаютъ сходно съ самарской сказкой о Бормѣ [1]).

Близокъ къ этой самарской сказкѣ и смоленскій пересказъ. «Ѳедыръ Барма Пьяница» вызывается достать царю скипетръ и державу. По его желанію приготовляется корабль—бритвенныя снасти. «Якъ карабль быў гатоў, Барма набраў сабѣ таваришіў и паплыў у змяиныя царства. Пріезжають у то́я змяиныя царства, у тэй змяиный горатъ: кругомъ горада ляжитъ змѣй; галава и хвостъ у мѣсти. Царица съ тога горада и гаворить Бармѣ: «Даляко ты, Барма, литаишъ, буйну голыву тиряишъ!»—Ѳедыръ пупрасіў у царицы пазваленія схадить у храмъ пумалитца Богу,—«Да я ня тэй вѣры: ни магу туды вясти тябе». Ѳедыръ Барма узялъ тады у царицы ключи, а ёй заставилъ свайго прислужника, да й пайшолъ у храмъ. *Узялъ у храми скипитръ и диржаву*, да скарѣй на карабъ. Царица застаўлинныга матроса зъѣла». Погоня: на корабль налетѣла несмѣтная сила змѣй, но всѣ тѣ змѣи порѣзались о бритвенныя снасти. «Уйшоў Ѳедыръ Барма атъ змѣй и стали яго таварыши завидывать яго сдабычи и хатять сбросить Ѳедыра Барму съ корабля: Ѳедыръ Барма узналъ объ тымъ, сѣў на шлюпку и уѣхыў атъ таварышіў». Встрѣча съ одноглазымъ богатыремъ (Козьма Кривой). Борьба льва со змѣемъ. Возвращеніе Борьмы на родину. На вопросъ царя о наградѣ Борма отвѣчаетъ: «Ничога мнѣ ни нада, акрамя таго, ваша вяличиства, штобъ у якей кабакъ увайду, была бъ мнѣ тамъ вотка, скольки народу ни привяду, уси были бъ пьяны» [2]).

Кромѣ этихъ сказокъ о пьяницѣ Бормѣ, преданіе о добываніи царскаго вѣнца изъ змѣинаго царства сохранилось еще въ другой редакціи, извѣстной мнѣ по пересказу г. Барсова. Въ этомъ пересказѣ дѣйствующими лицами выступаютъ также царь Иванъ Васильевичъ и Ѳедоръ Борма, путешествующій въ Вавилонъ, но самое путешествіе обставлено иными подробностями—не сказочнаго, а легендарнаго характера.

«Вышніе люди Царя-города выбрали Ѳеодора Борму́, чтобы шелъ онъ въ градъ Вавилонъ и добылъ оттуда царскую порфиру и ко-

[1]) ibid. № 28, стр. 205—211.

[2]) *Добровольскій*, Смоленскій этнографическій сборникъ, ч. I, № 86, стр. 150—152.

Digitized by Google

рону, и царскіе жезлы и скипетръ царскій. Пришелъ онъ изъ Царяграда къ морю и встрѣчаетъ здѣсь у берега съ судномъ неизвѣстнаго человѣка, который назвалъ себя «Правдою». «Правда» перевезла его на другой берегъ и, когда узнала, зачѣмъ онъ ѣдетъ, разсказала ему судьбу Вавилонскаго царства.

Въ семъ градѣ Вавилонѣ устроили граждане валъ земляной кругомъ всего города и сдѣлали змія въ воротахъ, у липины голова, а у другой хвостъ. Былъ здѣсь царь Поръ, который издалъ указъ изображать змѣенышей на монетахъ и писать змѣенышей на посудѣ—на чашкахъ и ложкахъ, и домы украсить змѣенышами. Одинъ старѣйшій думный человѣкъ въ царскомъ синклитѣ говорилъ Пору: Царю! голова моя, а мечъ твой: не вели этого дѣлать, станутъ эти змѣеныши потреблять людей да и самаго большаго змія надо кормить. Царь распорядился, но поздно спохватился... Великій змій и всѣ змѣеныши живы стали, и истребилъ нечистый духъ во градѣ Вавилонѣ всѣхъ людей и все царство царя Пора. Теперь во всемъ градѣ стоитъ лишь церковь, а въ ней у Егорья Побѣдоносца да Митрія Салынскаго хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царскіе, да жива есть еще тамъ дѣвица, которая вышиваетъ коверъ Егорью Побѣдоносцу да Митрію Салынскому. Въ градъ можно проникнуть только въ полночь; тогда дѣвица молится Егорью Храброму да Митрію Салунскому, и великій змій и всѣ змѣеныши спокой имѣютъ.

Вознесъ благодарность Өедоръ Бормà этой «Правдѣ» и отправился во градъ Вавилонъ. Вошелъ онъ въ градъ, какъ научила его Правда, и по Божьему «опридѣлу» приходитъ въ храмъ Егорья Побѣдоносца да Дмитрія Салынскаго и взмолился онъ этой дѣвицѣ: «сбереги меня отъ напрасной смерти и пособи мнѣ добыть корону и порфиру, скипетръ и жезлы царскіе въ семъ храмѣ». И отвѣчала ему дѣвица: «рабъ Божій Өедоръ Бөрма! Вотъ тебѣ коверъ, который я вышила золотомъ и серебромъ съ ликами Егорья Побѣдоносца и Митрія Салынскаго, раскинь его на воду, поѣзжай по морю и вези царскія сокровища царю православному»! И пріѣзжаетъ онъ къ Царюграду—скоро скажется, тихо дѣется—изъ моря на берегъ. Но тутъ было во Царѣ-градѣ великое кровопролитье; рушилась вѣра православная, не стало царя православнаго. И пошелъ Өедоръ Бормà отъ Царя-града въ нашу Русію подселенную, и пришелъ онъ во Казань городъ и вошелъ онъ въ палаты княженецкіи, въ княженецкія палаты богатырскіи, и стали спрашивать его, гдѣ добылъ онъ порфиру и вѣнецъ, и скипетры и жезлы царскіи. И разсказалъ тутъ

Digitized by Google

Ѳедоръ Борма, какъ указала ему «Правда» «путь прямую» въ Вавилонъ градъ и какъ дѣвица указала нести царскіи сокровища къ царю правовѣрному. И улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство «Проходима», поганаго князя казанскаго [1]).

Нѣкоторыя подробности сказокъ о Бормѣ указываютъ на воспоминанія, связанныя съ временемъ Ивана Васильевича Грознаго, царствованіе котораго оставило, какъ извѣстно, много слѣдовъ въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ [2]). Въ ряду событій эпохи Грознаго, отмѣченныхъ народно-поэтической лѣтописью, не осталось забытымъ и царское вѣнчаніе Ивана. Объ этомъ вѣнчаніи нѣтъ, правда, отдѣльныхъ пѣсенъ, но оно упоминается въ былинахъ о покушеніи царя на убійство сына и о покореніи Казани.

Когда-жь то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы»!...
(*Рыбн.* I, стр. 383. Ср. *Гильф.* 785).

Или:

Повынесъ я порфиру изъ Царя-града,
И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
Ужь я выведу измѣну изъ Нова-города. (Ibid. 389).

Варіантъ:

Хочу вывести измѣнушку со Опскова. (Ibid 396).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ порфира представляется вывезенной изъ Казани:

Какъ я Грозенъ царь, чѣмъ похвастаю:

---

[1]) ***Барсовъ***, **Историческій очеркъ чиновъ вѣнчанія на царство, стр. XXIV—XXV (*Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс.*, 1883, кн. I).**

[2]) **Преданія объ Иванѣ Грозномъ были разсмотрѣны *Буслаевымъ* (Очерки, I, 512—515) и *Веселовскимъ* (Древн. и нов. Россія, 1876 г., № 4) О пѣсняхъ есть книга г. *Вейнберга*: «Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ». Варшава, 1872.**

Digitized by Google

Вывелъ я измѣну изо Пскова,
Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
Казанское царство мимоходомъ взялъ,
Царя Симіона подъ миръ склонилъ,
Снялъ я съ царя порфиру царскую,
Привезъ порфиру въ каменну Москву,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ,
Послѣ этого сталъ Грозный царь.
(*Кирѣевскій*, VI, стр. 98—99).

Варіантъ:

Эту порфиру на себя положилъ,
Послѣ того я сталъ Пресвитеръ-царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ. (Ibid. 95) [1]).

Въ пересказахъ былины о взятіи Казани:

Онъ и взялъ съ него (царя Симеона) царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царской костыль въ руки принялъ,
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава.
(*Кирша Даниловъ*, 286—287. Ср. *Гильф.* 684).

Колебаніе пѣсни, пріурочивающей порфиру то къ Казани, то къ Цареграду, имѣетъ историческія основанія. Русскій народъ привыкъ соединять титулъ царя съ именемъ ордынскихъ хановъ, былыхъ властителей Руси [2]). Тотъ же титулъ перенесенъ былъ на хановъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ варіантахъ названіе порфиры (перфилы) смѣшано съ собственнымъ именемъ Порфирій (Перфилъ), при чемъ упоминается и перфила, и Перфилъ:

Ай повынесъ онъ царство изъ Царя-града,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову срубилъ,
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себи въ руки взялъ. (*Гильф.* ст. 104).

Въ варіантѣ Кирѣевскаго:

Вывелъ я измѣну изъ своей земли,
Вывезъ Перфила изъ Царя-града. (VI, стр. 56).

Или:

Вывелъ Перфила изъ Новагорода. (Ibid., стр. 77).

[2]) Изъ множества относящихся сюда примѣровъ приведу хоть два. Въ повѣсти о нашествіи Тохтамыша: «и *царя* обведе (Олегъ Рязанскій) около своея отчины, земли Рязанскыя». Въ посланіи Вассіана Рыло къ Ивану III: «аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко подъ клятвою есмы отъ прародителей еже не поднимати руки противъ *царя*» и т. д.

Digitized by Google

Казани, Астрахани, Крыма. Отсюда постоянныя выраженія: Казанское царство, Астраханское царство, казанскій царь, перекопскій царь [1]). Покоривъ Казань (1552), а позже—и Астрахань (1556), московскій князь являлся замѣстителемъ власти ихъ владѣтелей, преемникомъ ихъ достоинства и ихъ титула. Въ 1554 году наши послы къ Сигизмунду Августу говорили по вопросу о царскомъ титулѣ такъ: «опричь Русскіе земли нынѣ государю нашему Богъ далъ царьство Казанское, и что ему государю нашему, Богъ далъ, и то хто у него оставитъ? И государь нашъ нынѣ зъ Божьею волею пишется царемъ Русскимъ и Казанскимъ, и то, панове, мѣсто Казанское, и сами знаете, извѣчное царьское потому жь, какъ и русское». Послы наши, бывшіе въ Польшѣ въ 1556 году, кромѣ Казани, указывали еще на Астрахань: «нынѣ государю нашему Богъ далъ къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ государствахъ и вѣчно цари же были; и что государю нашему Богъ далъ, то у насъ кто возметъ?» Польскій король отвѣчалъ: «никоторый государь у кристьянствѣ тымъ именемъ не называетца, кромѣ бусурманскихъ царей, а онъ, братъ нашъ, есть государемъ кристьянскимъ» [2]). Въ народномъ сознаніи казанскій походъ остался самымъ яркимъ и блестящимъ воспоминаніемъ эпохи Грознаго. Сопоставленіе этого похода съ царскимъ вѣнчаніемъ Ивана (1547) давало наглядное, всѣмъ понятное объясненіе принятія московскими князьями новаго титула и установленія новаго церковнаго обряда [3]). Завое-

---

[1]) Напримѣръ, у Курбскаго въ «Исторіи князя великаго Московскаго»: «не противъ единаго царя ополчашеся, но абіе противъ трехъ великихъ и сильныхъ сирѣчь супротивъ *Перекопскаго царя, и Казанскаго*, и супротивъ княжатъ Ногайскихъ».—«Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, аки мало предъ тѣмъ, даровалъ ему къ Казанскому другое *царство Астраханское*» (Сказанія, изд. 3, стр 11, 54). Выраженія: «Царь Казанскій, Царь Астраханскій» перешли и въ титулъ московскаго государя.

[2]) Сборникъ Русск. историч. общества, т. 59-й, стр. 437, 452, 446. Ср. еще стр. 476, 500, 528.

[3]) Выраженія: новый титулъ, новый обрядъ нуждаются въ нѣкоторой оговоркѣ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно въ грамотахъ къ иностраннымъ правительствамъ, наименованіе „царь“ употреблялось въ титулѣ московскихъ государей еще со времени Ивана III. При Василіѣ Ивановичѣ чеканились уже монеты съ царскимъ титуломъ. Въ памятникахъ литературныхъ наименованіе царя въ примѣненіи къ русскимъ князьямъ встрѣчается и ранѣе Ивана III. Напримѣръ, объ Изяславѣ Мстиславичѣ въ лѣтописи (подъ 1151 г.) сказано: „и въсхитиша и руками своими съ радостію, яко *царя* и князя своего“. Болѣе подробныя указанія см. у *Лакіера* („Исторія титула государей Россіи“ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1847 г., ч. LVI) и *Прозоровскаго* („О значеніи

Digitized by Google

вавъ Казань, Иванъ сталъ царемъ, устроивъ предварительно церковное освященіе бусурманской порфиры:

Привезъ порфиру въ каменну Москву,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ.

Въ повѣсти о Өедорѣ Бормѣ говорится, что порфира принесена изъ Вавилона въ Казань: «и улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго Ивана царя Васильевича который рушилъ царство Проходима [1]), поганаго князя казанскаго».

Өедоръ Борма отправляется въ Вавилонъ изъ Цареграда, но, вернувшись изъ путешествія, онъ засталъ во Царѣградѣ великое кроволитье: «рушилась вѣра правовѣрная, не стало царя православнаго. И пошелъ Өедоръ Борма отъ Царяграда въ нашу Русію» и т. д. Историческій смыслъ этого разсказа, такъ же какъ и пѣсен-

царскаго титула до принятія русскими государями титула императорскаго" въ Извѣстіяхъ русск. археолог. общ., т. VIII и IX). Въ „Словѣ о съставленіи осьмаго собора" относительно вел кн. Василія Васильевича замѣчено, что онъ только „смиреніа ради благочестіа и величествомъ разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ рускимъ" (*Павловъ*, Критич. опыты по исторіи грекорусской полемики противъ латинянъ, стр. 100—101). Съ этимъ замѣчаніемъ любопытно сопоставить „Отписку Филиппа Петрова Новгородскому архіе, пископу Геннадію о приходѣ въ Псковъ латинскихъ монаховъ и о прѣніяхъ съ ними священниковъ" (ок. 1491 г.). Псковичи въ отвѣтъ на замѣчаніе о Флорентійской уніи говорили: „тое сборище окаянное на нашей памяти было, и едва утекъ гординалъ Исидоръ отъ нашего государя великаго князя Василія Васильевича, *царя всея Русіи*, и злѣ въ Римѣ животъ скончалъ" (Акты истор. I, № 286, стр. 523). Что касается обряда царскаго вѣнчанія, то о немъ, какъ и о титулѣ царскомъ, нужно сказать, что онъ пріобрѣтаетъ значеніе постояннаго установленія только со времени Ивана IV, но извѣстенъ былъ у насъ и ранѣе. Иванъ III вѣнчалъ внука своего Димитрія (чинъ его поставленія на великое княжество изданъ въ „Лѣтоп. занятій археогр. коммиссіи" вып. 3). Въ рукописныхъ Потребникахъ встрѣчается „Молитва на поставленіе царя". Одинъ изъ списковъ этой молитвы (нач. „Господи Боже нашь, царю царствующимъ и Господи господствующимъ, иже Самоиломъ пророкомъ избравый раба своего Давида" и т. д.), вошедшей въ составъ позднѣйшаго „Чина поставленія"... изданъ былъ *Невоструевымъ* (Гласник српског ученог друштва, т. XXII, 1867, изъ Требника сербскато письма, рукоп. Синод. библіот., № 807). Другой списокъ съ отмѣткой: „потруженіе смѣренаго митрополита всея Руси Кыпріяна" нашелъ я въ Потребникѣ, принадлежавшемъ извѣстному попу Сильвестру (Бѣлоз. библ., № $^{775}/_{810}$). Если молитва переписывалась, то, вѣроятно, и употреблялась.

[1]) Въ былинѣ: «Казанское царство *мимоходомъ* взялъ». Нѣтъ ли связи между этимъ выраженіемъ и именемъ «Проходимъ»?

Digitized by Google

наго выраженія: «повынесъ царенье *изъ Царяграда*»,—ясенъ. Историческое преданіе указывало на Царьградъ, какъ на столицу православнаго міра, средоточіе его церковной и государственной жизни. Иванъ IV шлетъ пословъ въ цареградскому патріарху (1557), благословеніе котораго должно было дать высшее освященіе принятому имъ царскому титулу. «А котораго для дѣла—писалъ царь патріарху—приняли есмя вѣнчанье царства Русскаго изволеніемъ и рукоположеніемъ и соборными молитвами о Святѣмъ Дусѣ отца нашего и богомольца Макарія, митрополита всея Русіи, и всего священнаго собора Руские митрополіи, и коликимъ милосердіемъ и неизреченною милостію преблагаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа взяли есмя царство Казанское и царство Астороханское со всѣми ихъ подлежащими, и какъ начальники тѣхъ царствъ богохульные цари со всѣми ихъ воинствы гнѣвомъ Божіимъ, яко огнемъ, нашею саблею потребишася, иніи жь въ нашихъ рукахъ просвѣтишася банею святаго крещенія и обще съ нами Богу хвалу воздаютъ, христіанскихъ же душъ премногое множество тѣхъ царствъ разореніи избавилъ Богъ отъ безбожныхъ томительства,—якожь восхотѣ Богъ, сіе и сотвори,—о томъ о всемъ, принеся Богу благодареніе, х тебѣ есмя приказали словомъ съ нашимъ посланникомъ митрополитомъ Евгрипскимъ Іасафомъ и ты бъ его выпросилъ и хвалу воздалъ милосердому Богу, изліявшему на насъ премногую благодать свою, и намъ бы еси о нашемъ вѣнчаньѣ благословенье свое соборне отписалъ своею грамотою съ нашимъ посланникомъ, съ священноинокомъ Ѳеодоритомъ». Въ наказѣ Ѳеодориту было сказано: если получитъ онъ отъ патріарха соборную грамоту о царскомъ вѣнчаньѣ, то «съ тою грамотою ѣхати ко царю и великому князю не мотчая, а грамота вести одноконечно бережно» [1]). Какъ видно, Иванъ придавалъ цареградской грамотѣ большое значеніе. Припомнимъ, что въ это время московскіе князья уже привыкли считать себя преемниками византійскихъ императоровъ. Иванъ III, женившись на греческой принцессѣ, принялъ гербъ Римской имперіи.

[1]) Обстоятельства, при которыхъ отправлено было посольство въ Константинополь и получена грамота отъ патріарха, подробно изложены *кн. Оболенскимъ* въ изданіи: «Соборная грамота духовенства православной восточной церкви утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ 1561 года», Ср. *Муравьевъ*, Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, I, 74—122; *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи и ея приложеніе въ древней Руси, вып. II, 67—68; *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, 26—33 (изд. 2). Приведенные отрывки взяты изъ изданія Оболенскаго, стр. 32—33, 34.

Digitized by Google

Сложилось представленіе о Москвѣ — третьемъ Римѣ: «два Рима пало, а третій стоитъ—Москва, а четвертому не быть» [1]). Въ это же время получило литературную обработку преданіе о такъ называемыхъ мономаховыхъ регаліяхъ, отодвигавшее перенесеніе на Русь «царенья изъ Царяграда» въ отдаленную до-монгольскую эпоху [2]). Титулъ византійскихъ императоровъ постоянно передавался у насъ именемъ «царь». Грамота константинопольскаго патріарха о царскомъ титулѣ Ивана Васильевича должна была явиться торжественнымъ признаніемъ третьяго Рима.

Воспоминанія о коронованіи Грознаго придаютъ повѣстямъ о Бормѣ нѣкоторую историческую окраску, которая не закрываетъ однако сказочно-легендарной основы этихъ повѣстей.

Самарская сказка о Бормѣ Ярыжкѣ стоитъ въ ближайшей связи:

а) Съ сказкой о Лихѣ Одноглазомъ и ея многочисленными родичами въ разныхъ литературахъ, начиная отъ Гомерова Полифема. Сказки этой группы были обстоятельно разсмотрѣны В. Гриммомъ, а въ недавнее время—Крекомъ, Комаровымъ и Вс. Ѳ. Миллеромъ [3]). Повторять то, что собрано этими учеными, нѣтъ, конечно, надобности. Замѣчу только, что всѣ подробности приключеній Бормы у одноглазаго великана находятся и въ сказкѣ о Лихѣ (выкалываніе глаза у великана, подвязыванье къ козлу, чудесный топоръ).

б) Съ группой сказокъ о благодарныхъ животныхъ: герой сказки выручаетъ животное изъ бѣды, какъ Борма льва; животное отплачиваетъ за это человѣку какой-нибудь услугой [4]). Подробности этого

[1]) О Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, см. въ указанномъ выше трудѣ г. *Каптерева*, а также въ сочиненіяхъ г. *Иконникова* (Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 366—370) и г. *Дьяконова* (Власть московскихъ государей, passim). Съ инымъ значеніемъ эта преемственность царствъ представляется въ Псковской лѣтописи. «И восхотѣ (Иванъ IV) царство устроити на Москвѣ, и якоже написано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царствъ минуло, а шестое есть, но не убо пришло, но се абіе уже настало и приде» (П. С. Р. Лѣт. IV, 307).

[2]) Объ этомъ преданіи см. далѣе въ гл. IV и V.

[3]) Die Sage von Polyphem (въ *Abhandlungen der Akad. der Wiss. zu Berlin* 1857); *Krek*, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, 2 Aufl., 665—758, Ср. *Аѳанасьевъ*, Сказки, № 170 (2 изд.); *Комаровъ*, Экскурсы въ сказочный міръ М. 1886, стр. 5—109 («Одноглазый великанъ народныхъ преданій»); *Всев. Миллеръ* (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1886, декабрь, 360—367, въ статьѣ о «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа»; Кавказскія сказанія и циклопахъ въ *Этногр. Обозрѣніи*, кн. IV, стр. 25—44. (Ср. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1890, ноябрь, стр. 213—214).

[4]) Ср. *Benfey*, Pantschat. I, § 71; *Кирпичниковъ*. Поэмы Ломб. цикла, 43, 176—177; *Аѳанасьевъ*, Сказки, стр. 163; *Marx*, Griechische Märchen von dankba

Digitized by Google

рода сказокъ повторяются и въ памятникахъ инаго рода. Такъ, борьбу льва съ змѣемъ или дракономъ находимъ въ поэмахъ объ Ивейнѣ, о Вольфдитрихѣ, о Генрихѣ Львѣ, въ повѣсти о Брунсвикѣ, извѣстной и въ нашей старинной письменности.

в) Нужно еще указать на сходство сказки о Бормѣ Ярыжкѣ съ разсказомъ, приведеннымъ Аѳанасьевымъ въ примѣчаніи къ сказкѣ о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ. Рѣчь идетъ о кривой царевнѣ. «Весельчакъ—*пьяница* вызвался вылѣчить ея глаза и поѣхалъ въ змѣиное царство: въ томъ царствѣ жили одни змѣи да гады. Кругомъ города лежала большая змѣя, обвившись кольцомъ, такъ что голова съ хвостомъ сходилась. Пьяница воспользовался сномъ исполинской змѣи, сдѣлалъ веревочную лѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накинулъ лѣстницу на городскую стѣну, забрался въ городъ и посреди его нашелъ камень, а подъ камнемъ цѣлебную мазь: стоитъ только помазать ею глаза, какъ слѣпота тотчасъ же проходитъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подъ мышку, сѣлъ на корабль—и въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за воромъ; плыветъ по морю, а подъ ней вода словно въ котлѣ кипитъ; махнула хвостомъ и разбила корабль въ дребезги. Пьяницѣ удалось выплыть на берегъ; онъ вылѣчилъ кривую царевну и получилъ щедрую награду» [1]).

Аѳанасьевъ относитъ этотъ разскатъ о кривой царевнѣ къ группѣ сказокъ о добываніи живой воды, но сходство ограничивается здѣсь только тѣмъ, что весельчакъ, какъ и герой сказокъ о живой водѣ, добываетъ лѣкарство для больнаго; характеристическихъ подробностей сказокъ о живой водѣ (больной отецъ, спящая или очарованная красавица, у которой хранится вода; любовь героя сказки къ красавицѣ и ея пробужденіе; позднѣйшая встрѣча дѣвицы съ добывателемъ живой воды) [2]) въ разсказѣ о весельчакѣ нѣтъ.

Въ иномъ видѣ представляется отношеніе разсказа о весель-

---

ren Thieren. und Verwandtes 1889. Ср. *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 152—153 *Веселовскій*, Южно-русскія былины, II, 50—52; *Миллеръ*, Илья, 527—528. Способъ, какимъ Борма справляется со львомъ, напоминаетъ отношенія Соломона къ Китоврасу (*Веселовскій*, Соломонъ, стр. 209, ср. стр. 18--19; 106—107; 131; 256, 259, 320). Ср. *Kuhn*, Die Herabkunft des Feuers (1859), S. 38—34.

[1]) *Аѳанасьевъ*, Сказки, IV, стр. 197—202. Такимъ же пьяницей, какъ Борма и весельчакъ, изображается и Балдакъ Борисьевичъ, посланный царемъ Владиміромъ къ султану турецкому, чтобы увести у него коня златогриваго и убить кота бахаря (Аѳ. № 180, изд. 2).

[2]) Ср. въ моей книгѣ: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», стр. 143—150.

Digitized by Google

чакѣ къ сказкѣ о Бормѣ. Весельчакъ и Борма отправляются въ городъ, окруженный змѣями, и добываютъ то, что имъ нужно; змѣи пускаются за ними въ погоню; корабль тонетъ; и Борма и весельчакъ успѣваютъ спастись. Герои той и другой сказки — пьяницы. Словомъ, сходство разсказовъ о Бормѣ и весельчакѣ такъ велико, что нельзя не признать въ нихъ варіантовъ одной и той же сказки.

Что касается повѣсти о Ѳедорѣ Бормѣ, то на ея содержаніе, какъ было уже замѣчено, имѣли вліяніе памятники не сказочнаго, а легендарнаго характера. Въ повѣсти говорится, что въ Вавилонѣ, опустѣвшемъ царствѣ царя Пора[1]), «стоитъ лишь церковь, а въ ней у Егорья Побѣдоносца да Митрія Салынскаго хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царскіе да жива есть еще тамъ дѣвица, которая вышиваетъ коверъ Егорью Побѣдоносцу, да Митрію Салынскому»; дѣвица передаетъ Бормѣ вышитый ею коверъ: «раскинь его на воду, поѣзжай по морю и вези царскiи сокровища царю православному». Этотъ чудесный коверъ—реминисценція изъ легендъ о св. Димитріи Солунскомъ. Въ стихѣ объ этомъ святомъ разсказывается, какъ невѣрный царь Мамай, разбитый и прогнанный отъ Солуня св. Димитріемъ, увозитъ «во свою сторону порубежную» двухъ дѣвицъ полонянокъ. Мамай спрашиваетъ дѣвицъ какой это «царь, или бояринъ, или воевода» помогаетъ Солунянамъ:

Единъ мою невѣрную силу побѣждаетъ,
Сѣчетъ онъ, и рубитъ, и за рубежъ гонитъ?

Дѣвицы отвѣчаютъ:

„О злодѣй, невѣрный Мамай царь!
Это не князь, не бояринъ и не воевода:
Это нашъ святой отче
Димитрій Солунскій Чудотворецъ“.
Возговорилъ невѣрный царь Мамай
Ко двумъ ко дѣвицамъ:
— «Когда это у васъ святой отче,
Димитрій Солунскій чудотворецъ,
Вышейте вы мнѣ на коврѣ
Ликъ своего чудотворца Димитрія Солунскаго
Коню моему на прикрасу,
Мнѣ царю на потѣху,
Предайте лице его святое на поруганье».

---

[1]) Царь Поръ, замѣстившій имя Вавилонскаго царя, примѣшался здѣсь изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Поводъ къ смѣшенію могли дать разсказы о змѣяхъ, водившихся около Александріи (*Веселовскій*, Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 337 и слѣд.).

Digitized by Google

Дѣвицы отказываются.

Тогда же невѣрный царь Мамай
На двухъ дѣвицъ опалился:
Вынимаетъ онъ саблю мурзавецкую
Да и хочетъ онъ главы ихъ рубити
По ихъ плечи по могучія.

Устрашенныя плѣнницы даютъ согласіе исполнить требованіе царя:

Двѣ дѣвицы шили коверъ, вышивали,
Святое лицо на коврѣ вышивали,
На небеса возирали,
Горючія слезы проливали,
Молились онѣ Спасу, Пречистой Богородицѣ
И святому Димитрію Солунскому чудотворцу.
Поздо вечеромъ они просидѣли,
На коврѣ спать ложились и пріуснули.
По Божьему все повелѣнью
И по Димитрія святаго моленью
Воставали сильные вѣтры,
Подымали коверъ со двумя со дѣвицами,
Подносили ихъ ко граду ко Солуну,
Ко святой соборной Божіей церкви,
Ко празднику Христову.
Ко святому Димитрію Солунскому чудотворцу:
Положило ихъ святымъ духомъ за престоломъ.

(*Калики Перех.*, вып. 3, стр. 590—592).

Этотъ разсказъ о чудесномъ коврѣ съ изображеніемъ св. Димитрія читается, какъ указалъ профессоръ Кирпичниковъ, въ Четіихъ-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго и въ Прологѣ, но въ греческихъ сказаніяхъ о Солунскомъ чудотворцѣ не отыскивается [1]).

[1]) Поэтому проф. Кирпичниковъ далъ своей статьѣ, въ которой разсматривается легенда о св. Димитріѣ, такое заглавіе: «Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ» (*Журн. Мин. Нар. Пр*, 1890, апрѣль, 306—313). О чудѣ съ ковромъ почтенный ученый говоритъ: «Disjecta membra, изъ которыхъ составленъ этотъ разказъ, думается мнѣ, указать не трудно. Самымъ важнымъ основаніемъ была, конечно, побѣда Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ; извѣстно, что поминовеніе по убіеннымъ на Куликовомъ полѣ совершалось въ Дмитровскую субботу, между 18 и 26 октября, а Димитрій Донской былъ на Димитрія Солунскаго имянинникомъ. Далѣе: матеріаломъ послужило сходное чудо (объ Агриковѣ сынѣ Василіѣ) св. Николая, святаго еще болѣе популярнаго на Руси съ первыхъ временъ христіанства, между чудесами котораго есть и чудо о дѣвицахъ, избавленныхъ имъ, положимъ, не отъ поганыхъ, а отъ бѣдности и разврата и о коврѣ (его же купивъ и паки взврати вспять) и изъ св. главы котораго, какъ и изъ мощей Димитрія, истекаетъ чудотворное муро.» (312).

Digitized by Google

Что касается сопоставленія имени св. Димитрія съ именемъ Георгія Храбраго въ повѣсти о Бормѣ, то такое совмѣстное упоминаніе двухъ христіанскихъ героевъ довольно обычно въ памятникахъ европейскаго эпоса, при чемъ св. Георгій и Димитрій являются либо братьями, либо товарищами [1]). Позже мы встрѣтимся еще съ другими, болѣе важными чертами сходства нѣкоторыхъ памятниковъ европейскаго эпоса и нашими сказаніями о Бормѣ.

Приключенія Өедора Бормы и Бормы Ярыжки не одинаковы, но тотъ и другой путешествуютъ въ Вавилонъ, окруженный змѣями, и приносятъ оттуда знаки царскаго достоинства. Эти народные разсказы о Вавилонѣ и добываніи оттуда короны связаны родственными отношеніями съ повѣстью о посольствѣ въ Вавилонъ, отправленномъ греческимъ императоромъ Львомъ, а повѣсть эта представляетъ въ свою очередь часть сказаній о Вавилонскомъ царствѣ, извѣстныхъ по старо-русскимъ рукописямъ.

II.

Сказанія о Вавилонѣ, сохранившіяся въ старо-русскихъ рукописныхъ пересказахъ, не разъ были изданы и разсмотрѣны. Первое сообщеніе объ одномъ изъ такихъ сказаній дано было въ 1854 году Ө. И. Буслаевымъ въ статьѣ о русскихъ пословицахъ [2]). Въ томъ же году А. Н. Пыпинъ издалъ въ «Извѣстіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ» «Сказку о Вавилонскомъ царствѣ» по рукописи Румянцовскаго музея (№ 374); къ изданію присоединена объяснительная замѣтка [3]). Позже (1858) повѣсти о Вавилонѣ подробнѣе были разсмотрѣны г. Пыпинымъ въ его «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» [4]). Затѣмъ эти повѣсти по спискамъ не одинаковыхъ редакцій изданы были Н. И. Ко-

---

Сравн. еще замѣчанія того же ученаго въ статьѣ: «Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ» (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1877, октябрь, 146—147) и въ Исторіи русской словесности *Галахова*, изд. 2, т. I, стр. 231—233.

[1]) *Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго дух, стиха, II, (св. Георгій), стр. 5; Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. 1, стр. 125.

[2]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, кн. II, пол. 2, отд. IV, стр. 47—49. Содержаніе повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ отъ царя Ливуя пересказано по рукописи XVII вѣка, сообщенной автору г. Шестаковымъ.

[3]) *Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣл. русскаго языка и словесности*, *т. III*. 313—318.

[4]) Стр. 99—102 (*Уч. Записки втораго отд. Акад. Наукъ*, кн. IV и отд.).

Digitized by Google

стомаровымъ [1]) и Н. С. Тихонравовымъ [2]). Въ 1876 г. въ 3-мъ томѣ «Славянскаго сборника» появилось изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» [3]). Въ этомъ трудѣ данъ сводный текстъ повѣсти по изданнымъ спискамъ; къ тексту присоединенъ обширный историко-литературный комментарій. Въ позднѣйшихъ работахъ г. Веселовскій не разъ возвращался къ сказаніямъ о Вавилонѣ [4]).

Въ виду общеизвѣстности упомянутыхъ изданій и изслѣдованій я ограничусь бѣглымъ изложеніемъ свѣдѣній о занимающихъ насъ повѣстяхъ, а подробнѣе остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ, относительно которыхъ нахожу возможнымъ и не безполезнымъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія.

Старо-русскія сказанія о Вавилонѣ [5]) могутъ быть раздѣлены на три отдѣла.

I. «Притча о Вавилонѣ градѣ» или «Повѣсть града Вавилона». Эта притча или повѣсть слагается изъ двухъ разсказовъ: о Навуходоносорѣ и о сынѣ его Василіѣ Новуходоносоровичѣ.

II. Посланіе отъ Льва царя греческаго, во святомъ крещеніи Василія, иже посла въ Вавилонъ градъ посланники своя испытати

---

[1]) Памятн. стар. русской литерâтуры, изд. гр. *Кушелевымъ-Безбородко*, вып. 2 (1860), 391—396.

[2]) Лѣтописи русской литературы и древности, изд. *Тихонравовымъ*, т. I (1859), отд. III, стр. 161—165. т. III (1861), отд. III, стр. 20—33.

[3]) Стр. 122—165. Тоже въ *Arhiv für Slav. Philologie*, II. (1878).

[4]) Замѣтки по литературѣ и народной словесности (Прилож. къ XLV т. *Записокъ Акад. Наукъ*), стр. 9—14; *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1885, ноябрь; 1888, мартъ; *Arhiv. für. Slav. Phil.* VIII (1885), 2; Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 405, прим.; Разысканія въ области русск. дух. стиха, гл. XI, 88—93.

[5]) Перечень рукописей, въ которыхъ встрѣчаются сказанія о Вавилонѣ, см. въ указанныхъ сочиненіяхъ гг. *Пыпина* (Исторія повѣстей) и *Веселовскаго* (Отрывки визант. эпоса). Къ этому перечню могу присоединить указанія: а) на рукописные сборники Погодинскаго древлехранилища, №№ 1592, 1603, 1604, 1936 (*Бычковъ*, Опис. рукоп. Имп. Публ. Библіот., ч. I, стр. 230, 274, 324, 480) б) на рукоп. Моск. Публ.. Румянц. музея № 589 (=Пискар. № 154), л. 151 и сл. (*Ср. Викторовъ*, Каталогъ рукописей Пискарева, стр. 35), в) на принадлежащій мнѣ рукописный сборнихъ XVII в. (Текстъ этого списка напечатанъ въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ. 1891, октябрь, стр. 362—368) и г) на рукописный сборникъ XVIII в., принадлежащій проф. Московскаго Университета М. Ив. Соколову. Съ дозволенія владѣльца, которому спѣшу засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность, помѣщаю текстъ этого списка въ приложеніяхъ (№ I).

Digitized by Google

и взяти тамо знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила».

III. Разсказъ о женитьбѣ Навуходоносора на дочери перскаго царя.

Эти отдѣлы передаются въ рукописяхъ въ неодинаковымъ видѣ:

а) Встрѣчается въ видѣ отдѣльной статьи первый отдѣлъ сказанія [1]) или только первый разсказъ перваго отдѣла (о Навуходоносорѣ) [2]).

б) Первый отдѣлъ соединяется со вторымъ (повѣсть о Навуходоносорѣ, его сынѣ Василіѣ и о посольствѣ въ Вавилонъ отъ императора Льва) [3]).

в) Второй отдѣлъ имѣетъ видъ отдѣльной статьи [4]).

г) Третій отдѣлъ встрѣчается только въ видѣ вступленія, присоединяемаго къ отдѣлу второму (извѣстіе о женитьбѣ Навуходоносора на перской царевнѣ, затѣмъ—разсказъ о посольствѣ отъ императора Льва) [5]).

Каждый изъ указанныхъ видовъ сказанія представляетъ значительныя разницы въ изложеніи, дающія право говорить о различіи редакцій старо-русской повѣсти о Вавилонѣ. Списки повѣсти—очень поздняго времени. Это затрудняетъ рѣшеніе вопроса о томъ, въ какомъ именно разрядѣ рукописныхъ текстовъ цѣльнѣе сохраненъ первоначальный видъ памятника. Можно только замѣтить, что сводные

---

[1]) Лѣтоп. р. лит. и древн. Ш, 20 –26. Текстъ взятъ изъ Синодальнаго сборника XVII вѣка, № 850.

[2]) Памятн. стар. р. лит. II, 391—393 (изъ сборника проф. Буслаева).

[3]) Лѣтоп. р. лит. и др. III, 27—31 (по рукописи новаго письма, принадл. А. В. Горскому). Каждый отдѣлъ повѣсти имѣетъ особое заглавіе: «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и о царѣ Аскерксѣ, какъ онъ людей своихъ отъ мору соблюлъ». — «Сказаніе о царѣ Василеи, сынѣ Навходоносора, царя Вавилонскаго».—«Сказаніе о царѣ Алевуѣ и о царицѣ Александрѣ и о посланіи въ Вавилонъ градъ». Текстъ того же извода—въ моемъ рукописномъ сборникѣ. Къ своднымъ текстамъ принадлежатъ и указанные выше списки Пискарева и М. И. Соколова.

[4]) *Извѣстія Академіи Наукъ*, III, 314—318 (по рукоп. Румянцовскаго музея № 374); Памятн. стар. р. лит. II, 394—396 (по той же рукописи); Лѣтоп. русск. литер., Ш, 31—33 (изъ раскольническаго сборника новаго письма). Ср. указанныя выше рукоп. Погод. древлехр., № 1592, л. 104—105; 1604, л. 727—731; 1936, л. 87—98, а также *Толстаю*, II, № 229 (=Публ. Библіот. Q. XVII, 82), л. 57—60. Текстъ, передаваемый этими списками, близокъ вообще къ извѣстнымъ по изданіямъ; нѣкоторыя разночтенія указаны будутъ ниже.

[5]) Лѣтоп. р. лит. I, 161—165 (по рукоп. гр. Уварова № 66; варіанты ихъ списка Забѣлина; обѣ рукописи XVIII вѣка). Ср. рукоп. Погод., № 1603, л. 340 об.—346.

Digitized by Google

тексты, передающіе первый и второй, или третій и второй отдѣлы повѣсти, носятъ слѣды болѣе глубокой переработки, чѣмъ тексты, въ которыхъ упомянутые отдѣлы излагаются отдѣльно.

Третій отдѣлъ повѣсти, разсказъ о жѣнитьбѣ Навуходоносора, представляетъ, какъ указано было еще г. Тихонравовымъ, передѣлку сказанія Палеи о царицѣ Савской. Въ этомъ сказаніи говорится, что «царица Южичьская» пришла испытать мудрость Соломона. «Слышав же Соломонъ пришедшю царицю, сѣде на полатахъ стекла бѣлаго на помостѣхъ, хотя бо искусити ю. Она же видѣ, яко в водѣ сѣдитъ царь, воздья порты противу ему; онъ же видѣ, яко красна есть лицемъ, тѣло же еи власяно бысть, яко щеть, власы же онѣми она убадаше мужа бывающа с нею. И рече Соломонъ мудрецемъ своимъ: створите мовъкражму(?) съ зелиемь и помажете тѣло ея на отпадение власомь. Хитреци же и книжници молвяхуть, яко совокупляется с нею; заченши же отъ него и иде в землю свою и роди сынъ, и сей бысть Новходоносоръ» [1]). Въ нѣкоторыхъ сводныхъ спискахъ повѣсти о Вавилонѣ этотъ разсказъ помѣщается какъ вступительный отдѣлъ. У царицы Южской родился отъ Соломона сынъ. Она призвала вѣрнаго слугу и «повелѣ ему отроча своего въ Вавилонскіе предѣлы отнести, на лѣсу положити повелѣ». (Далѣе слѣдуютъ извѣстія о царѣ Аксерксѣ, объ его смерти, объ избраніи въ цари Навуходоносора) [2]).

Этотъ же разсказъ, нѣсколько измѣненный, переносится на отношенія Навуходоносора къ Перской царевнѣ.

«Въ Вавилонѣ градѣ былъ первый царь Іоаннъ именемъ Невротъ, потомъ царь Новходоносоръ, и покрылъ онъ градъ Вавилонъ весь желѣзомъ, и позлатилъ кровлю ясно и повелѣ сотворити во градѣ палату стеклянную, а въ полатѣ царское мѣсто стекляное же. И обручилъ за себя царевну перскаго царя и повелѣ внити къ себѣ въ стеклянную палату, а самъ сидитъ на царскомъ мѣстѣ. А царевна къ нему вниде въ полату, а въ той полатѣ мостъ стекляной, и видѣ тотъ мостъ царевна, аки вода, ризы своя подняше; царь же видѣ тѣло ея и пусти огнь въ полатѣ и подпали ей нижніе власы, и тое ради вины царевна сама его нарекла Навходоносоромъ, прозва его

---

[1]) Лѣтоп. р. лит. I, 162, примѣч. 5. (По списку синод. Палеи 1477).

[2]) Рукоп. Моск. Публ. Румянц. Музея № 589, л. 151—152. См. Приложенія (№ II).

Digitized by Google

Насоромъ за то, что нижніе власы подпалилъ» [1]). Далѣе прибавлено что Навуходоносоръ приказалъ «около всего града Вавилона сотворити змія великаго; и повелѣ царь дѣлати на всякихъ сосудѣхъ и на перстняхъ, и на чаркахъ змѣи, и тѣ змѣи всѣ ожили, которые дѣланы на сосудѣхъ, и перстняхъ, и на чаркахъ, и учинилось отъ тѣхъ зміевъ пояденіе великое, и тотъ Вавилонъ градъ опустѣлъ и обладаша ими змѣи и на многія лѣта». Эта сокращенная передача того, что подробнѣе разсказывается въ «Притчѣ о Вавилонѣ градѣ».

Во второмъ отдѣлѣ разсматриваемыхъ сказаній рѣчь идетъ о томъ, какъ послы, отправленные въ Вавилонъ греческимъ царемъ Львомъ, добываютъ тамъ вещи, принадлежавшія нѣкогда Навуходоносору. Собравъ войско, Левъ направляется къ Вавилону. Не доходя пятнадцати поприщъ до этого города, онъ останавливается, выбираетъ трехъ благочестивыхъ мужей (грека, обежанина и русскаго) и посылаетъ ихъ въ Вавилонъ «взять знаменіе» у святыхъ трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила. «Идоша посланницы медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ, и съ великою нуждою идоша». Вокругъ города на шестнадцать верстъ «израсте быліе великое, аки есть волчецъ, трава безугодная». Было тутъ кромѣ того много «гадовъ всякихъ, зміи и жабы великія,.... имъ же числа нѣсть, аки великія копны сѣнныя віющеся отъ земли и до верху: ови свисташа, а иныя шипяше, и отъ иныхъ студено изхождаше, аки въ зимѣ студено бысть». Пробравшись благополучно мимо всѣхъ гадовъ, посланники увидѣли стѣны города, вокругъ котораго лежалъ великій змѣй. Къ стѣнѣ городской была приставлена лѣстница съ надписью на языкахъ греческомъ, обежскомъ и славянскомъ [2]). Надпись гласила, что по наружной лѣстницѣ можно безопасно подняться на городскую стѣну и затѣмъ по другой лѣстницѣ спуститься внутрь города, а тамъ ужь легко добраться до церкви, гдѣ находятся гробницы святыхъ трехъ отроковъ. Послы такъ и сдѣлали, какъ сказано было въ надписи. Въ церкви они нашли на гробницѣ святыхъ кубокъ «чюденъ зѣло, сотворенъ отъ злата и украшенъ жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ, стоитъ же тотъ кубокъ полнъ мира и ливана. Посланницы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша веселы и уснуша многое время». Проснувшись, послы хотѣли было взять кубокъ, но

---

[1]) Лѣтоп. I, 162. Относительно сказаній о хрустальныхъ полахъ см. указаніе *Веселовскаго*: Соломонъ и Китоврасъ, стр. 345, прим. 2, стр. 347—348.

[2]) „Славянскимъ и россійскимъ языкомъ“ (Румянц. рук.); „русскимъ языкомъ“ (Рукоп. гр. Уварова).

Digitized by Google

въ это время изъ гробницы послышался голосъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но поидѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, а тамо возмите знаменіе». Во дворцѣ пришельцы увидѣли въ одной палатѣ «одръ царской, сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царьскихъ: первой Навходоносора царя Вавилонскаго и всея вселенныя, (второй) его царицы; и тутъ же видѣша грамоту лежащу, написану греческимъ языкомъ». Въ грамотѣ значилось, что вѣнцы сдѣланы были Навуходоносоромъ, «нынѣ же будутъ на греческомъ царѣ Львѣ, во святомъ крещеніи Василіи, и на его царицѣ Александрѣ». Послы взяли вѣнцы и грамоту. Въ другой палатѣ они нашли дорогія занавѣси, но лишь только дотронулись до нихъ, ткани разсыпались, «понеже лежатъ много лѣтъ». Въ той же палатѣ послы «видяша крабицу сердоликову, въ ней бысть царская багряница, сія рече порѳира [1]; да тутъ же видѣша, стоятъ два ларца насыпаны злата и сребра и бисера драгаго и многоцѣннаго каменія; и тутъ же видѣша кубокъ златый таковъ же, что и въ церкви святыхъ на гробѣ у святаго Ананія. Посланницы же, вземше крабицу, и злато, и тотъ кубокъ, и царскую багряницу, и вѣнцы, и каменія драгаго числомъ 25 камней, и драгихъ тѣхъ вещей, какъ бы можно нести къ царю Василію, и возвратишася отъ царскаго двора и пріидоша паки въ церковь трехъ святыхъ отроковъ и поклонишася гробамъ ихъ, и ужъ къ нимъ гласа нѣсть отъ гробовъ тѣхъ». Подкрѣпившись опять изъ чудеснаго кубка святыхъ отроковъ, пришельцы уснули. На другой день, слѣдуя голосу отъ гробовъ, они пустились въ обратный путь. Двое изъ посланниковъ (грекъ и русинъ) благополучно перебрались по лѣстницѣ черезъ великаго змѣя. «Единъ же отъ нихъ, Іяковъ Обежанинъ, ступи съ верху на третію ступень и упаде съ лѣстницы на великаго того змія и убуди его отъ сна. Великій же той змій послыша его, и воста на немъ чешуя; яко волны морскія, и нача колебатися. Посланницы же, вземше третіяго своего друга Якова, и скоро бѣжаша». Они успѣли уже добраться до мѣста, гдѣ оставили своихъ коней, и положили на нихъ свою добычу. Въ это время «свиснулъ великій змій, и не бысть таковаго звуку слышати нигдѣ же. Посланницы же отъ свистанія того съ коней повергошася на землю, и лежаша на земли долгъ часъ мертвы; по малѣ же времени очнулися и сѣдши на кони своя, и поидоша на мѣсто, идѣже стоялъ царь Василій съ

[1]) Въ Погод. рукоп., № 1936: „и наидоша въ полатѣ сердоликову крабицу а въ ней лежаще царскіи виссонъ і порѳира, и шапка мономахова, і скипетръ царскій».

Digitized by Google

воинствомъ своимъ». Оказалось, что змѣиный свистъ произвелъ опустошеніе среди греческаго стана. Воины Льва попадали съ коней, многіе замертво, не мало и погибло и коней. Царь съ оставшимися въ живыхъ пустился въ бѣгство и остановился ожидать пословъ за тридцать поприщъ отъ Вавилона. Посланники, отыскавъ царя Льва, разсказали ему, что имъ пришлось видѣть и испытать, и передали драгоцѣнности, взятыя въ Вавилонѣ.

Заключительная часть разсказа о путешествіи въ Вавилонъ посланцевъ царя Льва передается въ рукописяхъ не одинаково. Въ спискѣ Румянцевскаго музея (изд. Пыпинымъ и Костомаровымъ) говорится, что, царь, взявъ у пословъ принесенную ими грамоту, пошелъ къ патріарху: «патріархъ же веземъ у посланниковъ царскія вѣнцы и положи на главу царю Василію, а другой царицѣ Александрѣ и благослови ихъ». Часть драгоцѣнныхъ камней, добытыхъ въ Вавилонѣ, царь послалъ въ Іерусалимъ и только пять камней оставилъ у себя. «А что они посланники принесоша злата и сребра, и бисера драгаго и всякихъ узорочевъ царскихъ, и то все царю объявиша Василію. Царь же Василій не взя у нихъ ничтоже, и отдавъ имъ, и свыше того давъ имъ свой даръ по пятидесяти златницъ злата; и тако глагола царь Василій: «пойдите со мною, и просите у мене, елико хощите, и азъ по прошенію вашему и со вторицею (сторицею?) дамъ вамъ». Посланницы же, слышавше то отъ царя Василія, и поклонишася ему, и шедшеся, прославиша Бога и благочестиваго царя Льва, во святомъ крещеніи Василія».

Въ текстѣ, изданномъ г. Тихонравовымъ по раскольническому сборнику новаго письма («Лѣтописи», т. III), читаемъ: «Царь же веземъ вѣнцы, и кубокъ, и камыки, и земчюгу себѣ, а имъ злата много даде и сребра, и отпусти ихъ царь въ домы своя и глаголя имъ: «Прославите Бога и Господа, и святыхъ тріехъ отрокъ, Ананія, Азарія и Мисаила, и мене, царя Василія». И веземъ царь полнъ кубокъ злата послалъ во Іеросалимъ къ патріарху и глаголя царь «Да не буду азъ отлученъ отъ Іеросалима». И самъ царь поиде на страны полунощныя, на языки иновѣрные, и призывая себѣ вышняго Бога на помощь». Слѣдуетъ затѣмъ неудачно приставленная замѣтка о запустѣніи Вавилона: вавилоняне «обложиша около града змія древяна и сотвориша его хитра вельми, яко жива, и на всѣхъ хоромѣхъ... и вселися во змія діяволъ и нача пожирати человѣки, на всякъ день множество людей, и видѣша людіе погибель града своего и разыдошася вси по единому лицу всея земли, и запустѣ градъ, и домове ихъ падоша во многихъ лѣтѣхъ, и токмо едини зміи жи-

Digitized by Google

вутъ; людій же нѣсть ни единаго живущаго въ Вавилонѣ». Въ текстѣ, изданномъ въ «Лѣтописяхъ русской литературы» (т. I) по рукописямъ гр. Уварова и г. Забѣлина: «царь же чествоваше ихъ (пословъ) и дарова имъ многими дарьми, и пойде царь во градъ (=во Царьградъ), и бысть ему радость великая и всѣму міру извѣщеніе о Вавилонскомъ градѣ». Далѣе читается разсказъ о томъ, какъ «сердоликова крабица со всѣмъ виссомъ царскимъ» перешла во владѣніе русскаго князя Владиміра. То же заключеніе въ рукописи Публичной Библіотеки изъ Погодинскаго древнехранилища № 1603 (ср. ниже, гл. IV и V). Въ сборникахъ Погодинскаго древл. №№ 1604 и 1592, а также въ рукописи Публичной библіотеки Q. XVII, 82 (=Толст. II, № 229) разсказъ о путешествіи заканчивается упоминаніемъ о намѣреніи царя Льва идти въ Индію: «царь же восхоте оттоле ити во Индею: Давыдъ же царь греческиі (вар. кртьяски) рече: пойди на страны полунощныя, на враги иноверны за веру и за родъ християнскиі» [1]); иначе: «царь же оттолѣ восхотѣ изыти в'Ындѣю и на страны полунощныя на враги иноверны за родъ христианскиі»
Въ моемъ сборникѣ: «царь Алевуй слышавъ великия радости наполнися і пойде к Царю-граду со всеми силами своими, і приде в Царьградъ, великая же царица великия радости наполнися; і сотвори царь пиръ на князи и на бояра і на велможы и на оныхъ трѣхъ мужей». На пиру «русенинъ» поднесъ царю и царицѣ порфиру и вѣнецъ Навуходоносора; «гречанинъ»—царское дивное узорочье, отъ котораго освѣтилась вся палата; «обѣшенинъ»—смирну и фиміамъ. «I много на пиру царь Алевуй веселися, оныхъ трехъ мужей потчивалъ царскою честию и отпустилъ ихъ в домы своя. Они же те три мужи приідоша в домы своя благодаря Бога і святыхъ страстотерпцевъ Ананию і Азарию і Мисаила».

Проф. Веселовскій въ упомянутой выше статьѣ указалъ слѣды извѣстности сказанія о путешествіи въ Вавилонъ за знаменіемъ—внѣ предѣловъ русской литературы. Въ житіи св. Кира и Іоанна разсказывается «объ александрійскомъ епископѣ *Аполлинаріи*, который строилъ въ честь вавилонскихъ отроковъ храмъ и посылаетъ въ Вавилонъ именитаго боголюбиваго мужа съ грамотой къ святымъ, въ которой молитъ ихъ дать ему для новаго храма частицу ихъ мощей. Посланный молится у ихъ гроба; рука св. мученика, лежавшаго посреди двухъ другихъ, протягивается къ грамотѣ и беретъ ее. Не по-

---

[1]) *Бычковъ*, Опис. рук. Публ. Библ., I, 324.

[2]) Погодинскій сборникъ, № 1592.

лучивъ отвѣта на свое моленіе, посланный возвращается назадъ и затѣмъ вторично идетъ въ Вавилонъ, по настоянію епископа... Послѣ слезныхъ молитвъ у гроба, посланный беретъ грамоту, которую святой держалъ въ рукѣ, и рука чудесно отдѣляется отъ тѣла вмѣстѣ съ грамотою. Посолъ доставляетъ эти мощи епископу Аполлинарію» [1]). Въ поэмѣ Генриха von Neustadt: «Apollonius von Tyrus» рѣчь идетъ о томъ, какъ Аполлоній, называющій себя въ это время Лоніемъ, попадаетъ въ плѣнъ къ Немвроду (Nemrot), королю Романіи [2]), и по его порученію идетъ въ пустынный Вавилонъ. Послѣ ряда приключеній Аполлоній достигаетъ Вавилона и приноситъ отдуда пряжку и шахматы изъ драгоцѣнныхъ камней, принадлежавшие нѣкогда Навуходоносору [3]).

Этотъ разсказъ нѣмецкаго поэта возвращаетъ насъ къ тѣмъ русскимъ сказкамъ о Бормѣ, которыя мы разсматривали въ предшествующей главѣ.

Зависимость этихъ сказокъ отъ указанныхъ выше повѣстей о Вавилонѣ и о посольствѣ отъ царя Льва — несомнѣнна. Эта зависимость обнаруживается не только въ самомъ замыслѣ сказки, но и въ ея подробностяхъ. Въ сказкѣ говорится: «царь Вавилонскій издалъ указъ, чтобы на всемъ змѣи были вырѣзаны и написаны: и на чашкахъ, и на ложкахъ, и на монетахъ». Извѣстіе о такомъ именно «указѣ» мы находимъ въ «Притчѣ о Вавилонѣ», содержаніе которой изложено будетъ ниже. — «Змѣи все пожирали, говоритъ сказка, ничего кругомъ не осталось, *а спали между обѣдней и заутреней въ Свѣтло Христово Воскресенье*». Въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти о послахъ греческаго царя замѣчено: «зміевъ и гадовъ много во градѣ безъ числа, но Божіимъ повелѣніемъ *въ воскресеніе отъ восхода солнечнаго зміи лежатъ, яко мертви, до захожденія солнцу*, къ понедѣльнику же оживутъ» [4]).

Вліяніемъ повѣсти не исчерпывается однако все содержаніе сказки. Борма встрѣчается съ царь-дѣвицей и ея сестрой, путешествуетъ на львѣ. Повѣсть не знаетъ подобныхъ приключеній.

---

[1]) Славянскій сборникъ, III, 159.

[2]) Любопытно наименованіе Немврода королемъ Романіи. Нѣмецкіе памятники упоминаютъ die wust Rumeney, гдѣ Теодорихъ долженъ биться съ змѣями (mit wurmen mus er streiden). См. *Веселовскій*, Разысканія въ обл. русск. дух. стиха, V, 118; Изъ исторіи романа, II, 333. Эпитетъ Романіи и указаніе на змѣй напоминаетъ Вавилонъ.

[3]) Славянскій сборникъ, III, 160—163.

[4]) Лѣтоп. р. литер. и древн., III, 3, 32.

Digitized by Google

Какъ же объяснить появленіе этихъ приключеній въ сказкѣ? Слѣдуетъ ли въ нихъ видѣть выраженіе своеобразнаго творчества русскаго сказочника, или нужно допустить, что эти сказочныя подробности—отголосокъ какой-то особой версіи сказанія о посольствѣ въ Вавилонъ. При отыскиваніи отвѣта на этотъ вопросъ нельзя опустить изъ виду замѣчательный параллелизмъ между самарской сказкой о Бормѣ и упомянутой выше нѣмецкой поэмой.

1) Лоній, прибывъ въ Вавилонъ, проникаетъ въ обширный, богато украшенный и наполненный драгоцѣнностями дворецъ; здѣсь онъ встрѣчается съ двумя чудовищными существами: верхняя часть ихъ тѣла — человѣчья, нижняя—лошадиная; одно существо было мужскаго, другое женскаго пола. «Лоній ударилъ кентавра-мужчину, который скрывается по потаенной лѣстницѣ на башню; женщина хотѣла было послѣдовать за нимъ, но Лоній схватилъ ее за волосы и повалилъ на землю.... Ея спутникъ является снова, вооруженный лукомъ, и стрѣляетъ въ Лонія. Имя кентавра — Пирамортъ; его жены—Плiадесъ; она — дочь Ахирона, предлагаетъ Лонію въ откупъ за себя два перстня и пряжку и бѣжитъ къ своему мужу» [1]). Любопытно, что въ поэмѣ дается преимущественное значеніе кентавру-женщинѣ: съ нею бьется Лоній, отъ нея получаетъ Навуходоносоровы драгоцѣнности. Нашъ Борма Ярыжка сталкивается въ Вавилонѣ съ чудовищемъ инаго вида: «пошелъ прямо во дворецъ; приходитъ—всѣ комнаты пустыя, а въ послѣдней царской комнатѣ сидитъ Царь-Дѣвка, на половину змѣя, на половину дѣвка; она надъ всѣмъ змѣинымъ царствомъ царствовала».

2) Лоній успѣваетъ выбраться изъ Вавилона при помощи инорога Milgot, который снабдилъ его какимъ-то волшебнымъ зельемъ. Намекъ на помогающее животное находимъ и въ повѣсти о послахъ греческаго царя. Когда послы приблизились къ Вавилону, «они пустиша кони своя въ поле и *обрѣтоша малаго звѣря,* ту бо израсте быліе великое, аки есть волчецъ-трава безугодная, кругъ всего Вавилона града» [2]). Въ другомъ текстѣ: «когда пріѣхаша близь Вавилона, и видѣша стезицу малую—*единаго звѣря хожденіе*, а градъ бяше оброслъ быліемъ, едва видѣша» [3]). Иначе: «дойдоша до великаго града Вавилона и *найдоша на пути тецемаго звѣря зайца*, и поставиша кони своя, и убили того звѣря, а сами пойдоша за-

---

[1]) Слав. Сборникъ, Ш, 161.

[2]) Памятники стар. р. литературы, вып. 2, 394.

[3]) Лѣтоп. р. литер. и др. Ш, 3, 31.

Digitized by Google

ячьимъ слѣдомъ и дошли ко граду Вавилону» [1]). Значеніе звѣря представляется такимъ образомъ не яснымъ, забытымъ. Нужно предполагать, что въ первоначальномъ видѣ повѣсти звѣрю принадлежала иная, дѣятельная роль, роль помогающаго животнаго. Съ помогающимъ животнымъ встрѣчаемся мы и въ сказкѣ о Бормѣ, причемъ нужно замѣтить, что эпизодъ встрѣчи Бормы со львомъ едва ли удачно отнесенъ въ заключительную часть сказки.

3) Уходя изъ Вавилона, Лоній слышитъ, что за нимъ гонятся драконы, змѣи, кентавры. «Прибывъ къ рѣкѣ, Лоній подкрѣпилъ своего коня чудотворнымъ зельемъ и .... перебрался на другой берегъ .... Сзади онъ слышитъ ревъ чудовищъ: они столпились на томъ берегу, потому что не въ состояніи были переправиться» [2]). Въ подобномъ же положеніи находился и Борма. «Велѣлъ онъ матросамъ всѣ бочки (съ порохомъ) выкатить и разбить на палубѣ, а самъ въ лодку сѣлъ одинъ и уѣхалъ... Царь-Дѣвка на крыльцѣ заплясала. «Ну, Борма Ярыжка, потонулъ таки!»—«Ну, чортъ, пляши! Я то здѣсь, да вотъ товарищей жаль».

4) Отдѣлавшись отъ Вавилонскихъ чудовищъ, Лоній не безъ приключеній добирается до стана Немврода: «Наступила ночь, конь Лонія усталъ, и самъ онъ спѣшитъ въ лѣсъ, гдѣ располагается на ночлегъ около одного источника, сложивъ оружіе и спрятавъ въ шлемѣ пряжку и шахматы. Въ полночь является дикая женщина, которая угоняетъ лошадь Лонія, нагрузивъ на нее его оружіе и драгоцѣнности» [3]). Съ трудомъ только удается Лонію и прибывшему къ нему на помощь Климодину поймать дикую женщину и отобрать у нея похищенныя сокровища.—Въ сказкѣ этому приключенію съ дикой женщиной соотвѣтствуетъ встрѣча Бормы съ сестрой Царь-Дѣвки.

Параллелизмъ, наблюдаемый въ рядѣ подробностей поэмы и сказки, не можетъ быть явленіемъ случайнымъ. Слѣдуетъ поэтому отдать предпочтеніе второму изъ выставленныхъ выше предположеній, то-есть, признать, что въ сказкѣ о Бормѣ и въ разсказѣ нѣмецкой поэмы до насъ дошли остатки какого-то древнѣйшаго сказанія, въ содержаніи котораго были подробности, не сохраненныя повѣстью о посольствѣ отъ царя греческаго Льва. Что касается разницъ въ изложеніи сказки и поэмы, то эти разницы легко объясняются характеромъ обработки (или точнѣе переработки) того и другаго па-

[1]) Ibid. I, 3, 163.

[2]) Слав. сборн. III, 162.

[3]) Ibidem.

Digitized by Google

мятника. Нѣмецкій пересказъ примкнулъ къ повѣсти объ Аполлоніѣ Тирскомъ [1]), при чемъ этотъ древній романъ въ новой обработкѣ нѣмецкаго поэта принялъ тѣ черты своеобразнаго литературнаго синкретизма, которымъ характеризуются всѣ старо-европейскія передѣлки захожихъ сказаній. Дѣйствующія лица, появляющіяся въ разсказѣ Генриха, представляютъ пеструю смѣсь литературныхъ припоминаній: Аполлоній Тирскій, Валтасаръ, владѣтель Арменіи, сынъ его Ассуръ, Аввакумъ Болгаринъ, царь Лодомеръ (Владиміръ?) [2]), Хиранъ, король Македонскій, Немротъ, король Романіи, кентавръ Пиромортъ, его жена Пліадесъ, дочь Ахирона. Рядомъ съ кентаврами, взятыми изъ захожихъ сказаній, появляется «дикая женщина», часто упоминаемая въ народныхъ нѣмецкихъ преданіяхъ и сказкахъ [3]). Русскій варіантъ сохранился въ формѣ народной сказки, и въ ея изложеніи, рядомъ съ вліяніемъ книжной повѣсти, открывается несомнѣнное воздѣйствіе ближайшаго литературнаго сосѣдства (сказка о Лихѣ одноглазомъ и др.).

Вторая повѣсть о Бормѣ, упоминающая о св. Георгіѣ и Дмитріѣ Солунскомъ, также не стоитъ совершенно одиноко среди сказаній, такъ или иначе связанныхъ съ Вавилономъ. Я имѣю при этомъ въ виду старо-французскій романъ объ Оберонѣ.

Романъ открывается поэтическою родословной его героевъ — Георгія и Оберона. Іуда Маккавей,—человѣкъ добродѣтельный, какого не бывало со временъ Ноя, и совершеннѣйшій рыцарь,—женится на дочери побѣжденнаго имъ царя Bandifort'a. Отъ этого брака рождается прекрасная Brunehaut. Она выходитъ за мужъ за римскаго императора Césaire. Сынъ ихъ, Юлій Цезарь, вступаетъ въ бракъ съ сестрой короля Артура феей Morgue. Ихъ дѣти—святой Георгій и Оберонъ (Auberon). При рожденіи перваго явились три феи: первая предсказываетъ, что онъ будетъ римскимъ императоромъ, вторая говоритъ о счастливой женитьбѣ, третья указы-

---

[1]) Эта повѣсть извѣстна была и въ старо-русской письменности (см. *Пыпинъ*, Исторія повѣстей и сказ. русскихъ, 193, 242, *Веселовскій* въ Ист. р. словесности *Галахова*, изд. 2-е, стр. 436—438; текстъ русскаго перевода въ «Лѣтоп. р. литературы и древн.» 1, 2, 1—33, съ предисловіемъ проф. *Тихонравова*, и въ „Римскихъ Дѣяніяхъ", изд. Общ. люб. древн. письменности). Относительно вопроса о родинѣ «Аполлонія» мнѣнія ученыхъ расходятся: одни предполагаютъ греческій оригиналъ, другіе утверждаютъ, что дошедшій до асъ латинскій текстъ не переводъ, а подлинникъ. (Ср. *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1883 декабрь, стр. 464).

[2]) Ср. Lodomeria — названіе Владиміро-Волынскаго княжества.

[3]) См. *Grimm*, D. Mythologie I, 358—360; III, 121, 440.

Digitized by Google

ваетъ на посмертную святость. Разсказъ о приключеніяхъ Георгія начинается извѣстіемъ объ его путешествіи въ Персію. У царя персидскаго была красавица дочь, въ которую влюбляется Георгій и которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Боясь, что связь ихъ станетъ извѣстна ея отцу, Георгій и его подруга бѣгутъ *изъ Вавилона.* Дорогою Георгію приходится выдержать борьбу со змѣемъ. Змѣй убитъ, но и побѣдитель получилъ тяжелыя раны. Царевна чувствуетъ между тѣмъ приближеніе родовъ и настаиваетъ, чтобы Георгій удалился. Въ это время проходила тутъ св. Дѣва Марія съ Іосифомъ и Божественнымъ младенцемъ. Услышавъ крики, она останавливается и помогаетъ бѣдной женщинѣ. Раны Георгія исцѣлены водой, въ которой купали младенца Іисуса. Лишь только это совершилось, на путешественниковъ напали разбойники, ограбили св. Іосифа и унесли только что родившагося ребенка. Георгій бросился на нихъ, разбилъ и отнялъ похищенное. По прибытіи въ Римъ, Георгій отпраздновалъ свадьбу съ персидской царевной и немедленно отправился въ Индію (Inde majour), гдѣ принялъ царское вѣнчаніе.

Оберонъ, какъ и его братъ, получилъ при рожденіи вѣщія пожеланія фей: онъ будетъ королемъ, будетъ владѣть силой исполнять всѣ свои желанія, достигнувъ юношескаго возраста, не будетъ старѣть, проживетъ 300 лѣтъ, будетъ самымъ красивымъ человѣкомъ въ мірѣ, но ростомъ будетъ только трехъ футовъ. Отъ матери и отъ бабки Оберонъ получаетъ въ подарокъ чудесныя вещи: волшебный рогъ, напоминающій сказочныя гусли-самогуды, чашу съ неисчерпаемымъ запасомъ вина и кольчугу, защищающую отъ пораженія въ битвахъ. Впослѣдствіи чудодѣйственный панцырь былъ похищенъ у Оберона великаномъ Гордецомъ (l'Orgueilleux), отецъ котораго былъ побѣжденъ и убитъ отцемъ Оберона—Юліемъ Цезаремъ. Великанъ, дѣйствовавшій по наущенію сатаны, напалъ на карлика въ то время, когда тотъ снялъ волшебныя латы. Оберонъ—въ отчаяніи. Brunehaut утѣшаетъ его: «Не скорби! Будетъ время, когда ты найдешь свой панцырь. Сегодня родился въ Бордо ребенокъ, по имени Huon (Hugo). Онъ накажетъ великана и возвратитъ твою кольчугу» [1]).

---

[1]) *L. Gautier*, Les épopées françaises, 2 ed. III, 724—730. Разборъ легенды о Георгіѣ, переданной въ «Оберонѣ», и другихъ параллельныхъ ей версій см. въ соч. *Веселовскаго*: Разысканія въ области русскаго дух. стиха, II (св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ), гл. V, стр. 104—125. Разсказъ о путешествіи св. семейства и о чудѣ, совершенномъ младенцемъ Христомъ, представляющій несомнѣнную реминисценцію изъ „Евангелій дѣтства“, указываетъ на пріуроче-

Digitized by Google

Въ романѣ о Huon de Bordeaux, которому Auberon служитъ введеніемъ, разсказывается о странствованіи Гюона въ Вавилонъ по волѣ Карла Великаго. Гюонъ, чтобы загладить свою вину (убійство сына Карла), долженъ отправиться къ вавилонскому властителю Годису (l'amiral Gaudisse) и выполнить слѣдующія порученія: убить перваго язычника, котораго онъ встрѣтитъ во дворцѣ, три раза поцѣловать Есклармонду (Esclarmonde), дочь Годиса, и принести четыре зуба и бороду самого Годиса. Гюонъ встрѣчается съ Обероиомъ и при его содѣйствіи (карликъ даетъ Гюону волшебный рогъ, неисчерпаемую чашу) исполняетъ приказанія Карла. При этомъ ему удается не только поцѣловать Есклармонду, но и вызвать ея любовь. Она оставляетъ Вавилонъ вмѣстѣ съ Гюономъ. Кромѣ разсказа о приключеніяхъ въ Вавилонѣ, романъ упоминаетъ еще о столкновеніи Гюона съ великаномъ l'Orgueilleux. Великанъ побѣжденъ, чудодѣйственный панцырь достается побѣдителю [1]).

ніе Георгіевыхъ похожденій къ Египту. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ Георгіевой легенды такое пріуроченіе вступаетъ еще яснѣе: Георгій освобождаетъ Сабру, дочь Египетскаго царя Птоломея (*Веселовскій*, 1. с. 109). На такое географическое смѣшеніе могло конечно, оказать вліяніе представленіе о Вавилонѣ Египетскомъ, то-есть, Каирѣ (см. слѣд. примѣч.) Не мѣшаетъ припомнить, что въ житіи св. Кира и Іонна посольство въ Вавилонъ усвояется *Александрійскому* епископу Аполлинарію.

[1]) *L. Gautier*, op. c 732—773. Припомнимъ, что *Ор. Ѳ. Миллеръ* сравнивалъ съ поэмой о Huon de Bordeaux нашу сказку о Балдакѣ (Илья Муромецъ, 714). Въ сказкѣ упоминается чудесный рожокъ, при помощи котораго Балдакъ спасается отъ смерти. Разсказъ объ игрѣ приговореннаго къ повѣшенію Балдака—повтореніе соотвѣтствующей сцены въ сказаніяхъ о Соломонѣ. Но нельзя ли предположить, что первоначально разсказъ о рожкѣ построенъ былъ нѣсколько иначе, при чемъ сходство между Балдакомъ и Гюономъ, дѣйствующимъ при помощи Оберонова рога, могло выступать болѣе ясно?.. Во французской поэмѣ Вавилонъ представляется великолѣпнымъ, многолюднымъ городомъ; Гюонъ побывалъ во дворцѣ властителя этого города, увлекъ его дочь. Это не «пустынный Вавилонъ», жилище змѣй и гадовъ. *G. Paris* въ этомъ Вавилонѣ, который посѣтилъ Гюонъ, узнаетъ Багдадъ: «cette position géographique de Babylone indique une date anterieure aux expeditions de saint Louis; depuis cette èpoque Babylone signifie le Caire en Égypte (voy. Joinville), et la ville ici désignée est appelée Baudas (Bagdad) [*Revue Germanique*, 1861, t. 16, 358]. Въ памятникахъ русской письменности также, кромѣ древняго, разрушеннаго Вавилона, упоминается новый, цвѣтущій Вавилонъ—Багдадъ: «а гилянской ханъ Ахметъ былъ у Турскаго, а Турской отпустилъ его *въ Багдадъ, а по русски въ Вавилонъ*» (*Карамзинъ*, Исторія Г. Р., X, примѣч. 326). Въ замѣткѣ «О земляхъ за Араратомъ» читаемъ: «Рѣки (Тигръ и Евфратъ потекли на полдень и на полднѣ сошлись въ одну рѣку... Тутъ было царство Вавилонское и городъ Вавилонъ, о которомъ голосъ ангела небеснаго сказалъ: падетъ, падетъ Вави-

Digitized by Google

Въ романѣ объ Оберонѣ насъ интересуетъ связь, которая устанавливается между легендой о св. Георгіѣ и разсказами о Вавилонѣ и о странствованіяхъ въ Вавилонъ. Подобная же связь повторяется и въ нашей легендѣ о Бормѣ, при чемъ рядомъ съ Георгіемъ упоминается его эпическій спутникъ—св. Димитрій Солунскій. Эта связь должна быть вмѣнена какому-то древнѣйшему сказанію, слабыя, колеблющіяся отраженія котораго проглядываютъ и во французской поэмѣ и въ нашей легендѣ. Воздерживаюсь отъ сопоставленія подробностей; замѣчу только, что разсказъ о чудѣ съ ковромъ

лонъ великій и народы поучатся. Теперь не видно, гдѣ и стоялъ онъ. Когда овладѣли невѣрные этими землями, то ихъ цари построили городъ Багдадъ изъ камней Вавилона». (*Срезневскій*, Хожденіе за три моря Аѳ. Никитина въ *Уч. зап. 2 отд. Акад. наукъ*, II, 2, стр. 230). Этимъ названіемъ Багдада Вавилономъ объясняется, вѣроятно, упоминаніе пришельцевъ «отъ Вавилона» въ путешествіи игумена Даніила, а также указаніе на Вавилонъ въ перечнѣ владѣній Тамерлана. Въ Изборникѣ XIII в. и въ посланіи М. Климента: «не саламандръ оугаси Багдатьскоую пещь, рекше Вавилоньскоую». (*Никольскій*, О литер. трудахъ М. Климента Смолятича, стр. 130—131). Смѣшеніе названій книжныхъ и народныхъ въ старорусской географической терминологіи давно было отмѣчено Срезневскимъ (въ указанной статьѣ о хоженіи Аѳ. Никитина, гдѣ разсмотрѣны и повѣсти о Тамерланѣ). Говоря о разнообразномъ географическомъ пріуроченіи имени Вавилона, нельзя еще не упомянуть о двухъ преданіяхъ, нѣмецкомъ и русскомъ, въ которыхъ упоминается Вавилонъ, какъ названіе туземныхъ урочищъ. «In Westfalen, zwischen Lübbecke und Holzhausen, oberhalb des dorfes an der Weser liegt ein hügel die Babilonie genannt, in dem *Wedekind* (Wekind) versunken sitzt und harrt bis seine zeit kommt; begünstigte finden den eingang und werden beschenkt entlassen» (*Grimm*, D. Mythologie, 4 Ausg. II, 797). На Руси названіе Вавилона пріурочено было къ какому-то урочищу въ сѣверномъ поморьѣ, близъ Норвежской границы: «Былъ въ Корелѣ и во всей Корельской земли большой владѣтель, именемъ Валитъ, Варентъ тожь, а послушна была Корела къ В Новугороду съ Двинскою землею, и посаженикъ былъ тамъ Валитъ на Корельское владѣнье отъ новгородскихъ посадниковъ, и какъ онъ ту Мурманскую землю учалъ войною приводити подъ свою власть, и мурмане били челомъ норвецкимъ нѣмцомъ, чтобъ они по сосѣдству за нихъ стали... и отстояти (нѣмцы) ихъ не могли, потому что онъ самъ собою былъ дороденъ, ратной человѣкъ и къ рати необычный охотникъ... и побивалъ нѣмецъ, а въ Варенгѣ на побоищѣ нѣмецкомъ, гдѣ Варенской лѣтней погостъ, на славу свою принесши съ берегу своими руками положилъ камень, въ вышину отъ земли есть и нынѣ больше косые сажени; а около его подалѣ выкладено каменьемъ, кабы городовой окладъ, въ 12 стѣнъ, *а названъ у него былъ тотъ окладъ Вавилономъ*». Тому же Валиту приприписывается укрѣпленіе Колы и постройка крѣпости на островѣ, посреди губы морской, въ 35 верстахъ отъ Печенгской губы. «А какъ Валита не стало, а въ крещеньѣ ему было имя Василій, и положенъ въ Корелѣ на посадѣ». Эту богатырскую сагу о Валитѣ разсказывали русскіе послы, отправленные въ 1601 году въ Копенгагенъ, для переговоровъ объ установленіи русско-норвежской границы (*Карамзинъ*, И. Г. Р. XI, прим. 56. Ср. *Бестужевъ-Рюминъ*, О лѣтописи, 60).

Digitized by Google

въ нашей легендѣ явился, вѣроятно, замѣстителемъ какого-нибудь инаго приключенія [1]).

Остается сказать нѣсколько словъ о самыхъ «знаменіяхъ», приносимыхъ изъ Вавилона.

Въ житіи Кира и Іоанна упоминаются части мощей святыхъ отроковъ; въ поэмѣ объ Аполлоніи—драгоцѣнные камни и пряжка

[1]) Соединеніе легенды о Георгіѣ съ преданіями о Вавилонѣ облегчалось, конечно, представленіемъ о Георгіѣ-змѣеборцѣ. Припомнимъ одну изъ заставъ встрѣчаемыхъ Георгіемъ Храбрымъ, въ русскомъ духовномъ стихѣ: «Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное, нельзя Егорію проѣхати» и т. д. (Калики перех., I, 418). По нѣкоторымъ пересказамъ нашего стиха борьба Георгія съ змѣемъ пріурочивается къ Вавилону; «святый Георгій доѣхавши до тото до царства додальняго, до того *царства Вавилонскаго*»... (ibid. 420). Любопытно при этомъ обратить вниманіе на нѣкоторые, правда неясные, намеки, находимые въ нѣмецкихъ памятникахъ, указывающіе на связь сказаній о Георгіѣ, Альберихѣ и Вавилонѣ,—связь, подобную той, которая открывается во французскихъ поэмахъ. Вольфдитрихъ, по нѣкоторымъ пересказамъ поэмы о немъ,—крестникъ св. Георгія и обладатель чудесной, непробиваемой рубашки этого святаго. «Уже въ первой половинѣ XIII в. (ок. 1225 г.) циклъ Вольфдитриха представляется въ сплоченіи съ легендой объ Ортнитѣ, поглощенномъ змѣемъ; отомстителемъ является Вольфдитрихъ. Ортнитъ нѣмецкой поэмы—сынъ демоническаго Альбериха, Auberon'a французской Chanson de geste о Huon de Bordeaux». Такимъ образомъ черезъ Вольфдитриха и Ортнита Георгій и въ нѣмецкихъ памятникахъ вступаетъ въ эпическое родство съ Альберихомъ-Оберономъ. (*Веселовскій*, Св. Георгій, 10, 122—124. О связи поэмъ о Гюонѣ и Ортнитѣ см. соч. *F. Lindner'a*: Ueber die Beziehungen des Ortnit zu Huon de Bordeaux. 1872). На поэмы такъ называемаго Ломбардскаго цикла оказалъ, очевидно, извѣстное вліяніе тотъ же кругъ спутанныхъ представленій о Вавилонѣ (древнемъ и новомъ, «пустынномъ» и цвѣтущемъ, который отразился въ поэмахъ объ Оберонѣ и Гюонѣ (припомнимъ, что *сирійскій* царь посылаетъ на владѣнія Ортнита губительныхъ *змѣй*; припомнимъ Имелота и Базилистія «изъ пустынной Вавилоніи» въ поэмѣ о Ротерѣ). Подобная же спутанность замѣчается и въ нашей легендарной повѣсти о Бормѣ. Жители Вавилона истреблены змѣями; уцѣлѣла однако одна *дѣвица*. То, что разсказывается объ этой дѣвицѣ, цѣликомъ взято, какъ мы видѣли, изъ легенды о св. Димитріѣ. Не слѣдуетъ ли предполагать, что дѣвица являлась первоначально въ иномъ положеніи, болѣе близкомъ къ положенію красавицъ въ сказаніяхъ о Георгіѣ и Ортнитѣ? Подобный же вопросъ вызываетъ и «человѣкъ, который назвалъ себя Правдой». Въ легендѣ о Георгіѣ, пріурочивающей его дѣятельность къ Египту, говорится, что, отправившись въ эту страну, Георгій встрѣчается съ пустынникомъ и отъ него узнаетъ объ опустошеніяхъ, которыя производитъ ядовитый драконъ (*Веселовскій*, Георгій, 109). Гюону разсказываетъ о путяхъ къ Вавилону какой-то старецъ Жеромъ. Если признать, что человѣкъ, сообщившій Бормѣ свѣдѣнія о Вавилонѣ,—родня собесѣдникамъ Георгія и Гюона, то нужно будетъ допустить, что легенда о Бормѣ могла имѣть первоначально какое-то иное содержаніе, спутанное впослѣдствіи съ повѣстью о посольствѣ въ Вавилонъ отъ царя Льва.

Digitized by Google

Навуходоносора. Только въ русскихъ повѣстяхъ и сказкахъ рѣчь идетъ о царскихъ инсигніяхъ. Это даетъ основаніе предполагать, что упоминаніе о вавилонскомъ вѣнцѣ не представляетъ существенной, исконной подробности разсматриваемаго круга сказаній. Внесеніе этой подробности, соединеніе разсказа о Вавилонѣ съ преданіемъ о добываніи царскаго вѣнца [1]), можетъ быть объяснено вліяніемъ пред-

Проф. Веселовскій въ одной изъ недавнихъ «Замѣтокъ къ былинамъ» указалъ на нѣкоторое сходство Альбериха (Оберона) съ нашимъ Вольгой (Волхомъ), который, по пересказу Кирши Данилова, проникаетъ въ *царство Индѣйское* (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1890, мартъ). По нѣкоторымъ пересказамъ повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ, царь Левъ, получивъ вещи Навуходоносора, «восхотѣ ити въ *Индею*». Въ *Индію* отправляется и св. Георгій послѣ женитьбы на дочери вавилонскаго правителя. Намекъ на Индію находимъ и въ повѣсти о Бормѣ: царемъ вавилонскимъ, установившимъ изображеніе змѣй, называется здѣсь не Навуходоносоръ, а Поръ. Это имя припуталось изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. На эти же сказанія объ Александрѣ указываетъ, быть можетъ, и упоминаніе Индіи въ разсказахъ о Вавилонѣ. Александръ, побѣдивъ Дарія, овладѣваетъ Вавилономъ, женится на дочери вавилонскаго царя, получаетъ богатыя дары («крьзно Сексена (Ексерксена) царя перскаго, иже бѣ сьтворено отъ *зміевыхъ очію* съ многоцѣннымъ каменіемъ, и *вѣнацъ* Сьнхова вьселенскаго царя» и др.), отправляется потомъ въ пустынныя мѣста, посѣщаетъ заброшенный и *необитаемый дворецъ* Семирамиды. *Изъ Вавилона* Македонскій завоеватель направляется въ *Индію*, борется съ царемъ Поромъ и попобѣждаетъ его. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ повѣсти объ Александрѣ замѣчаются слѣды примѣси изъ сказаній о Вавилонѣ, о вавилонскомъ змѣѣ (*Веселовскій*, Изъ исторіи романа, I, 405); могло быть и обратное смѣшеніе: въ разсказы о пустынномъ Вавилонѣ могли входить кое-какія подробности изъ Александріи.

[1]) Объ отношеніяхъ имп. Льва къ Вавилону упоминаетъ еще Добрыня Андрейковичъ (арх. Антоній) въ описаніи путешествія въ Цареградъ: «той царь Корлей взявъ *грамоту* Вавилонѣ во гробѣ у св. пророка Даніила и особя содержа, по смерти же его по множѣхъ лѣтѣхъ принесена бысть въ Царьградъ и преведена бысть отъ философъ на греческій языкъ. Написано бысть—имена въ ней парей греческихъ, кому царемъ быти, дондеже стоитъ Цареградъ». Въ Повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ также упоминается о «*грамотѣ*, написанной греческимъ языкомъ». Указавъ на сходство этихъ извѣстій (припомнимъ, что и въ сказкѣ о Бормѣ упоминается какая-то «книжка»), *г. Веселовскій* замѣчаетъ: «разсказъ Антонія нельзя отдѣлить отъ посланія Льва въ русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Это даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что уже въ XII вѣкѣ существовало въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени главнаго дѣйствующаго лица съ *посланіемъ* русской повѣсти; 2) что посланіе это явилось эпическимъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи загадочныхъ пророчествъ о судьбѣ Византіи, въ которомъ знаменательно чередовались имена Даніила и Льва Мудраго». (Замѣтки по литер. и нар. словесности, 13). Преданіе указанное Добрыней, имѣло, какъ видно, нѣсколько иной составъ, чѣмъ дошедшая до насъ повѣсть о посольствѣ въ Вавилонъ. Слѣдуетъ, быть можетъ, пред-

Digitized by Google

ставленій о змѣиномъ царѣ, о змѣиной коронѣ. Нѣмецкое преданіе разсказываетъ о молодой дѣвушкѣ-красавицѣ: каждый разъ, когда она доила коровъ, къ ней подползалъ змѣй съ короной на головѣ; дѣвушка поила его теплымъ молокомъ; въ благодарность змѣй подарилъ ей потомъ свою корону. Въ Нижнихъ Лужицахъ извѣстно повѣрье о змѣиномъ царѣ съ драгоцѣннымъ вѣнцомъ на головѣ; обладаніе этимъ вѣнцомъ приноситъ богатство. Кто хочетъ добыть волшебную корону, долженъ разостлать на лугу бѣлый платокъ и имѣть наготовѣ верховую лошадь. Змѣиный царь придетъ и будетъ играть съ другими змѣями; на время игры онъ оставляетъ корону на платкѣ. Смѣльчакъ долженъ схватить корону и мчаться какъ можно скорѣе. За собой онъ услышитъ угрожающее шипѣніе змѣй. Опасность преслѣдованія прекращается, когда онъ достигнетъ города. «По болгарскому повѣрію, змѣиный царь бываетъ о двухъ головахъ, на одной головѣ корона, а языкъ—изъ брилліанта; если убить этого царя (что́ впрочемъ, весьма трудно, ибо онъ окруженъ самыми лютыми змѣями, которые всѣ поднимутся на его защиту) и завладѣть брилліантомъ и короною, то сдѣлаешься повѣлителемъ всего міра и будешь безсмертнымъ» [1]). Подобныя повѣрья легко могли ассимилироваться съ

положить, что въ нашей повѣсти сказаніе о перенесеніи въ Византію загадочной Даніиловой грамоты соединилось съ какими-то преданіями, связанными съ драгоцѣнностями византійскихъ царей. Припомнимъ упоминаніе о чудесномъ камнѣ въ изображеніи имп. Льва: «На странѣ же дверій стоитъ икона велика, а на ней написанъ царь Корлѣй о софосъ, и у него камень драгій въ челѣ и свѣтитъ въ нощи по святѣй Софѣи» (Путеш. Добрыни Андр. 68—69); съ этой диковинкой сходенъ камень въ коронѣ германскаго императора, о которомъ говоритъ Альбертъ Великій «*Orphanus* est lapis, qui in corona romani imperatoris est, neque unquam alibi visus est, propter quod etiam orphanus vocatur... Est autem lapis perlucidus et traditur, quod aliquando *fulsit in nocte*, sed nunc tempore nostro non micat in tenebris. *Fertur autem, quod honorem servat regalem*. (Ср. еще упоминаніе о камнѣ, добытомъ во время странствованій герцогомъ Эристомъ. *Grimm*, D. Myth. II, 1018, Uhlands Schriften, VIII, 570 f.).

[1]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. славянъ, II, 541—543, *Grimm*, Mytholog.[4] II, 571—572, 1020; III, 198; Märchen, III, 185—186, № 105. Коронованные змѣи извѣстны и въ области библейско-апокрифной литературы. Въ библейскомъ Апокалипсисѣ (гл. XII, ст. 3) читаемъ: „и явися ино знаменіе на небеси, и се змій великъ черменъ, имѣя главъ седмь и роговъ десять, и на главахъ его седмь вѣнецъ“. Ср. упоминаніе о коронѣ вавилонскаго дракона въ пророчествахъ Мерлина (Слав. Сборн. III, 150). Народныя и книжныя преданія легко могли перепутываться, но видѣть во всѣхъ повѣрьяхъ о змѣиномъ царѣ и о змѣиной коронѣ только отраженіе захожихъ сказаній о Вавилонѣ нѣтъ, конечно, основанія. Упомянутыя повѣрья стоятъ въ ближайшей связи съ цѣлымъ рядомъ преданій о змѣяхъ (змѣи, охраняющіе клады, владѣющіе живой водой и т. п.). Нѣтъ также

Digitized by Google

преданіями о Вавилонѣ: самый блестящій и самый драгоцѣнный вѣнецъ—вѣнецъ змѣинаго царя, а змѣиное царство въ Вавилонѣ.

О томъ, какъ змѣи овладѣли Вавилономъ, разсказывается въ «Притчѣ о Вавилонѣ градѣ». Разсказъ связанъ съ именами царя Навуходоносора и сына его Василія.

I. Царствовалъ нѣкогда въ Вавилонѣ царь Аксерксъ. Для предохраненія города отъ «мороваго повѣтрія» онъ издалъ такое постановленіе: «аще у котораго князя или у боярина, или у вельможи, или отъ простыхъ людей увидитъ на лбу красно съ копейку, и царь Аксерксъ велитъ тѣхъ людей высылати изъ града на лѣсъ за двадесять поприщъ отъ града, да пусть тамо живутъ, а хотя и помрутъ». Родные приносили изгнанникамъ пищу, оставляя ее на пняхъ. По смерти Аксеркса жившіе въ лѣсу «начаша собиратися, хотяху бо во градъ итти. И обрѣтоша на соснѣ сову, да туто же подъ сосною младенецъ, да у той сосны козу дикую. И тѣ люди не знающе, какъ младенцу имя дати, и нарекоша совѣ имя *Носоръ*, а козѣ имя *Аха*, а младенцу имя *Навходъ*; и даша младенцу изъ обоева во трою Навходносоръ [1]). И взяша младенца и начаша питати его. И пойдоша вси людіе безчисленно много во градъ Вавилонъ, и внидоша вси люди во градъ съ лѣсу, и бысть радость велика во градѣ Вавилонѣ, что вси сродичи снидошася, а иніи мнози на лѣсу помроша. Князи же, и боляре, и велможи, и вси вавилоняне живяху немногое время [2]), донележе царя не бысть». Стали думать о выборѣ новаго царя и

основаній сводить къ воспоминаніямъ объ опустѣвшемъ Вавилонѣ всѣ преданія о городахъ, окруженныхъ змѣями. Такой именно городъ изображается въ апокрифномъ житіи Моисея. „Отправляясь на войну противъ армянъ и персовъ, Киканосъ, царь сарацинскій, поручилъ охранять свою столицу убѣжавшимъ изъ Египта волхву Валааму и двумъ его сыновьямъ; но Валаамъ измѣнилъ Киканосу, возмутилъ противъ него сарацинъ и заперся въ столицѣ, укрѣпивъ ее съ двухъ сторонъ стѣною, съ третьей огромными рвами, а съ четвертой—*змѣями* и скорпіонами, которыхъ онъ собралъ „шептаніемъ своимъ и потворы“. Возвратившись съ войны, Киканосъ девять лѣтъ осаждалъ свою столицу; въ это время явился къ нему Моисей; Киканосъ принялъ его съ честію и сдѣлалъ своимъ думцею... Но не успѣвъ взять столицы, Киканосъ умеръ; Моисей, избранный войскомъ на мѣсто Киканоса царемъ, истребилъ змѣй и скорпіоновъ, защищавшихъ столицу, посредствомъ аистовъ, которыхъ онъ велѣлъ наловить своимъ воинамъ“, Оригиналъ этого сказанія о Моисеѣ—въ еврейской книгѣ Яшаръ (*Порфирьевъ*, Апокриф. сказ. о встхозав. лицахъ и событіяхъ, 290, 57). Ср. *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. II, 530.

[1]) Лѣт. р. литер. III, 3, 21. Варіантъ: и даша имя совѣ Осоръ, младенцу Находъ, а козѣ Ахаизда; младенцу второе имя Находъ Осоръ“. (Памятн. стар. р. лит. 2, 391).

[2]) „Три лѣта“ (Пам. ст. р. лит. 2, 39 1).

Digitized by Google

«приговориша вси вавилоняне, что поставити рогъ со измирномъ во вратѣхъ градныхъ. И повелѣша всѣмъ княземъ, и боляромъ и велможамъ, и всѣмъ вавилонянамъ итти и ѣхати изъ града вонъ и во градъ въѣхати; и надъ кѣмъ рогъ воскипитъ, тотъ и царь буди надъ нами въ Вавилонѣ. И сотвориша тако: поставиша рогъ со измирномъ во вратѣхъ градныхъ, той же часъ по едину вси князи, и боляре, и велможи, и вси вавилоняне ѣздяше конные и пѣшіе хождаху изъ града и во градъ многажды и ни надъ кѣмъ рогъ ни воскипѣлъ. Какъ поѣхалъ найденой младенецъ Навходъносоръ изъ града и во градъ, той же часъ рогъ воскипѣлъ со измирномъ». Навуходоносоръ провозглашенъ былъ царемъ. «И введоша его въ царской домъ и возложиша на него царское одѣяніе и вѣнецъ царскій возложиша на главу ему, и скипетръ царскій въ руку ему вдаша и посадиша его на царскомъ престолѣ и поклонишася вси, князи, и боляре, и велможи и вси вавилонстіи витязи, и рекоша: «радуйся, великій, сильный и храбрый, велеумный Навходъносоръ, царю вавилонскій, царствуя въ скипетродержателномъ Вавилонскомъ государствѣ!». Той же Навходъносоръ, царь Вавилонскій, бысть младъ зѣло, но велеумною мудростію и храбростію старъ [1]). Нача царствовати и бысть мудръ зѣло». «Въ нѣкоторый день» Навуходоносоръ объявилъ вавилонянамъ такой приказъ: «князи, и боляре, и велможи и вси вавилонстіи витязи, сотворите мнѣ новый градъ Вавилонъ о седми стѣнахъ, на семи верстахъ, а въѣздъ и выѣздъ едины врата, а около града сотворите змій великъ, во главу бы зміеву въѣздъ во градъ» [2]). Когда городъ былъ построенъ, царь объявилъ новое распоряженіе: «и повелѣ Навходъносоръ царь во всемъ Вавилонѣ градѣ знамя учинити на платье, и на оружіе, и на коняхъ, и на сѣдлахъ, и на уздахъ, и на хоромахъ на всякомъ бревнѣ, и на дверяхъ, и на окошкахъ, и на сосудахъ, на ставцахъ, и на блюдахъ и на всякомъ скоту. Знамя—все зміи». Затѣмъ «повелѣ себѣ сдѣлати мечь самосѣкъ аспидъ-змій [3]),

---

[1]) Ср. въ Словѣ Даніила Заточника: „юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ“.

[2]) Въ рукописяхъ встрѣчается особая статья: „О созданіи града Вавилона великаго“. Навуходоносоръ построилъ Вавилонъ „отъ плитъ жьженыхъ“ и камня; каждый камень имѣлъ въ ширину—3 локтя, въ длину—6 локтей; мѣра города—40 стадій, высота стѣны—80 локтей, толщина—30 л. Въ городѣ выкопано было озеро великое, созданы были „тверди каменныя и превысоки зѣло“ и разведенъ былъ садъ, точно густой лѣсъ: въ немъ гуляла жена Навуходоносора „никимъ же видима“ (Толст. II, 276=Публ. Библіот. Q. 262, л. 265 об.). Источникъ этой статьи въ хроникѣ Георгія Амартола (ср. *Истринъ*, Александрія русск. хронографовъ стр. 178).

[3]) Подобные мечи извѣстны и по западнымъ памятникамъ. „Man brachte

Digitized by Google

и взя за себя царицу отъ великаго роду царьского и прижилъ съ нею сына царевича, имянемъ Василія».

Разъ собрались противъ Вавилона многіе цари съ великими силами [1]). Они уже успѣли вторгнуться въ Вавилонскіе предѣлы, овладѣли многими городами и приближались къ столицѣ. Навуходоносоръ двинулъ противъ враговъ многочисленное войско подъ начальствомъ Тевриза Мореистровича, Атлана Вивилонянина и Дятковича властелинича Болгаристра. Обѣ стороны бились отважно. Много было побито враговъ, но не мало пало и вавилонянъ. «Слышавъ же Навходъносоръ, царь вавилонскій, что побито вавилонянъ, на утріи же день Навходъносоръ царь убрався во златокованные царскіе воиньскіе брони и опояса по бедрѣ своей мечь свой самосѣкъ аспидъ-змій, и повелѣ себѣ великій конь осѣдлати, и всѣде на великій конь и взя съ собою двора своего царскаго храбрыхъ витязей 100,000 (или 200,000), поиде за градъ къ своимъ на помощь. Егда войско съ войскомъ сразишася, начаша битися, Навходъносоръ царь вельми борзо приспѣ къ своимъ и вмѣнися во свое войско. Тогда мечь самосѣкъ аспидъ-змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и нача безъ милости сѣчь; тотъ часъ всѣхъ царей посѣче съ великими силами, токмо единъ царь Траклинскій со стомъ конникъ утече». Побѣдитель Навуходоносоръ съ торжествомъ возвратился въ Вавилонъ.

Царствовавъ много лѣтъ, Навуходоносоръ «узна свою смерть и повелѣ во градную стѣну мечь свой самосѣкъ аспидъ-змій замуровати, и закля,—не повелѣ вынимати до скончанія вѣку. И умре великій и силный, грозный и храбрый и велеумный Навдохъносоръ царь Вавилонскій отъ царьствія своего, и на его мѣсто постави(ша) во цари въ Вавилонѣ на царство сына его царевича Василія» [2]).

II. При Василіѣ Навуходоносоровичѣ снова напали на Вавилонъ «многіе цари съ великими силами». Василій выслалъ противъ нихъ своихъ воеводъ съ большимъ войскомъ; «они же грозніи воеводы вавилонстіи начаша битися, но не въ силу имъ бяше, вспять ко граду понуждаеми». Царю совѣтуютъ достать отцовскій мечь-самосѣкъ. Василій боится нарушить запрещеніе Навуходосора: «Заклятъ мечь у отца моего до скончанія вѣка, не повелѣлъ его вынимати. Они же вси велегласно рекоша: «выми, государь на ны-

schlangen als zauber in schwertern und auf helmen an"... (*Grimm*, D. Mythologie[4] II, 573).

[1]) Упоминаются цари Траклинскіе и Далматинскіе.

[2]) Этимъ оканчивается списокъ, изд. въ Пам. стар. р. литер. 2, 393.

Digitized by Google

нѣшнее время, а какъ минется воиньское время, и ты, царю, опять сохрани его». Царь согласился: досталъ мечь-самосѣкъ и выѣхалъ съ нимъ къ своему войску. «Егда же царь Василій Навходъносоровичъ вмѣнися въ свои полки, хотѣ битися, тотъ же часъ мечь-самосѣкъ аспидъ-змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и отсѣче царю Василію главу и царей великихъ посѣче съ великими силами. А у вавилонскихъ витязей.... что у нихъ было знамя на платіи, и на оружіи, на коняхъ, и на уздахъ, и на сѣдлахъ и всякой воиньской збруѣ зміи, тѣ всѣ зміи живы стали, вавилонское войско всѣ поѣли. А во градѣ что было знамя-зміи, женъ и дѣтей поѣли и всякой скотъ, а что былъ великій змій около града каменъ, и тотъ живъ сталъ, свистая и рыкая. Отъ тѣхъ-же мѣстъ и донынѣ царствующій Вавилонъ градъ новый пустъ сталъ» [1]).

Отрывки приведеннаго разсказа о Навуходоносорѣ, извѣстнаго до сихъ поръ только по передачѣ старо-русской «Притчи», отыскиваются и въ памятникахъ западно-европейской письменности. Одинъ изъ такихъ западныхъ пересказовъ разсматриваемаго преданія переведенъ былъ на русскій языкъ. Я имѣю при этомъ въ виду небольшую статью, которая извѣстна мнѣ по двумъ рукописнымъ сборникамъ: Софійской библіотеки № 1464, л. 179—180, и Погодинскаго древлехранилища № 1570, л. 50 об.—51 [2]).

Въ Софійской рукописи статья имѣетъ такое заглавіе: «В Даниловѣ пророчествѣ в латыньскомъ толкованіи въ главѣ первой»; въ сборникѣ Погодинскомъ: «отъ Данилова пророчества тлъ. В главѣ первой». Заглавіе ясно указывало на латинскій оригиналъ. И дѣйствительно, по справкѣ оказалось, что наша статейка представляетъ переводъ небольшаго отрывка изъ книги итальянскаго богослова Менокки (1577—1655): Brevis explicatio sensus litteralis totius Scripturae [3]). Указанный отрывокъ читается въ толкованіи на первую

[1]) Въ спискѣ проф. Соколова, такое опустошеніе Вавилона отнесено ко времени Навуходоносора.

[2]) Описаніе Софійской рукописи см. въ «Лѣтоп. занятій археогр. коммиссіи» вып. 3, отд. III, стр. 44—52; содержаніе Погодинскаго сборника изложено въ «Описаніи рукоп. сборниковъ Публ. Библ.» *А. Ѳ. Бычкова*, стр. 188—211.

[3]) Johannes Stephanus Menochius (Menocchi), родомъ изъ Павіи, въ молодыхъ годахъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, былъ преподавателемъ св. писанія и нравственнаго богословія въ Миланской коллегіи, принималъ участіе in multis gravibusque societatis administrationibus; ум. въ Римѣ въ 1655 году. Кромѣ упомянутаго труда (Brevis explicatio), ему принадлежитъ: Hieropoliticon sive institutionis politicae e sacris scripturis depromptae libri tres, 1625; Institutionis oeconomicae ex sacris litteris depromptae l. II, 1625; De republica Hebraeorum

Digitized by Google

главу книги пророка Даніила (ст. 1—2).—Помѣщаю текстъ перевода по Софійской рукописи; варіанты, очень незначительные, рукописи Погодинской отмѣчаю въ скобкахъ; рядомъ съ переводомъ даю мѣсто тексту оригинала.

В сеи чясти три суть сумнѣніа: первое, кто бысть сей Навуходоносоръ (Наоуходоносоръ), понеже мнози чтутся (чтѹ) бывше (*нѣтъ*) сице именовани; второе, кто (*приб.* есть) сей Іоахимъ тѣмже съвѣщаніемъ; третіе, что ради Навуходоносоръ (Наоуходоносоръ) пріиде нань войною. В первыхъ глаголется ся, яже той Навуходоносоръ (Наоу......) бысть великій, и глаголется отъ величества дѣлъ, зане цар:тво халдейское, иже преже его бѣ мало, велми распространилъ и монархіею сътворилъ, яко Каролъ великій глаголется отъ величества дѣлъ, понеже первый отъ царей франскыхъ въспріатъ римское царство. Глаголетъ же ся нѣвкоихъ (в нѣкоихъ) исторіахъ, яже (якоже) Навуходоносоръ (Наоу......) сей первое названъ (званъ) бысть симъ именемъ, и сіе отъ случая, понеже егда новороженъ бысть, бѣ в дубравѣ поверженъ (пороженъ) и оставленъ, но по Божію устроенію пріиде коза дикая (дивіа), отроча млекомъ питая, яко писано есть въ псалмѣ: храняй младенца Господь; сова же надлетѣ на древо надо отрокомъ, ея же прокаженый по лѣсу преходя видѣвъ и начя (начатъ) дивитися, понеже та птица мало является въ день, сего ради прилѣжнейше (прилѣжнѣ) внемля узрѣ козу сосящу отроча подъ древомъ, егоже вземъ кормити сътвори, егоже Навуходоносоромъ (Наоу......) отъ случая прозва. Наву

Circa istam partem tria sunt haec dubia. Primo, quis fuerit iste Nabuchodonosor, quia plures leguntur fuisse sic nominati. Secundo, quis iste Ioakim eadem ratione. Tertio, quare Nabuchodonosor venit contra eum in praelium. Ad primum dicendum, quod iste Nabuchodonosor fuit magnus, et dicitur a magnitudine operum, quia regnum Chaldaeorum, quod ante ipsum erat parvum, valde ampliavit et monarchiam fecit. Sic Carolus magnus dicitur sic a magnitudine operum, quia primus de regibus Francorum adeptus est Romanum imperium. Dicitur autem in aliquibus historiis, quod Nabuchodonosor iste primo vocatus est hoc nomine, et hoc ab eventu, quia quando de novo fuit natus, fuit in sylvam projectus et dimissus, sed ex divina ordinatione venit capra sylvestris puerum lactans, quia est scriptum in Psalm. Custodiens parvum Dominus. Bubo etiam advolavit super arborem juxta puerum, quem leprosus per nemus transiens vidit et coepit admirari: quia illa avis parum apparet de die, propter quod diligentius attendens vidit capram lactantem puerum sub arbore, quem assumens nutriri fecit at eum Nabuchodonosor ab eventu vocavit. *Nabu* enim bubo dicitur in illa lingua, *Chodo* capra, *nosor* leprosus. Et patet, quod non fuit ille Nabuchodonosor, sub quo historia Judith dicitur fuisse, quia ille fuit post

l. VIII, 1648. (См. Menochii vita въ изд. *Migne*'я: Scripturae sacrae cursus completus, t. XIII; ср. *Grässe*, Lehrbuch einer allg. Literärgeschichte, III, 1, 832, 834; III, 2, 920). Комментарій Менокки на книгу пророка Даніила перепечатанъ былъ въ Biblia maxima изд. De la Haye (1660), а отсюда перенесенъ въ изданіе *Migne*'я: S. S. cursus completus, t. XX. Я имѣлъ въ рукахъ это послѣднее изданіе.

(Наоу) бо сова глаголется в томъ языцѣ, ходо—коза, носоръ—прокаженный И явить, яже не бысть онъ Навуходоносоръ, при немже исторія Юдиѳуна (Іюдифина) глаголется бывша (бяше), понеже той бысть после того за много время (лѣтъ) и обще глаголется, яже бысть сынъ Куровъ, понеже исторіа Юдифина (Іюдифина) бысть по възвращеніи плѣна Вавилонскаго яко явить (да явитъ) тамо. Второе вѣдомо да есть, яко сей Іоахимъ бысть сынъ Іосіинъ (Іессеинъ) царя Іюдина, который плѣнену брату его Іоахаму отъ царя египетьскаго, (*приб.* отъ того царя египетскаго) поставленъ бысть царь, отъ того премѣнену имени оного (его), иже преже Еліахимъ звашеся, яко явить въ 4-мъ Царствѣ, въ 23 главѣ, и царствоватой 11 лѣтъ и по немъ бысть сынъ езо Іоахимъ ипрочая.

istum per magnum tempus, et communiter dicitur, quod fuit filius Cyri, quia historia Judith fuit post reditum captivitatis Babylonicae, ut patet ibidem. Ad secundum dicendum, quod iste Joakim fuit filius Josiae regis Juda, qui captivato fratre ejus Joachaz per regem Aegypti, ab eodem rege Aegypti constitutus est rex Juda mutato nomine ipsius, qui prius Eliachim vocabatur, ut patet 4 Reg. 23, et regnavit iste 5 annis, cui successit filius ejus Ioachim.

Menochius ссылается на какія-то «исторіи» (legitur in aliquibus historiis). Не берусь опредѣлить, какіе именно памятники имѣлъ при этомъ въ виду италіянскій богословъ. Могу только замѣтить, что разсказъ о Навуходоносорѣ, тожественный съ Менохіевымъ, читается въ обширной исторической компиляціи Готфрида de Viterbo [1]) (XII в.) «Pantheon»:

Origo regis Nabuchodonosor.

Quidam quaerunt, cujus filius fuerit Nabuchodonosor rex Babylonis? Respondemus, quia neque de regibus Assyriorum, neque de regibus Medorum ortus est, sed de Chaldaeis extraordinarius rex fuit, natus ex incerto coitu, ex quadam regiae propaginis foemina, qui statim ut natus fuit, est in sylvam proiectus et a quodam homine leproso, ibi tunc transeunte, inventus, et deportatus, et educatus, et suo nomine nominatus, scilicet a bubone, capra et lepra.

---

[1]) Время жизни и общественное положеніе Готфрида опредѣляются его замѣчаніемъ: me Gotfridum hujus libri auctorem capellanum et notarium fuisse regis Conradi tertii et Friderici imperatoris et filii ejus Henrici sexti (Panth. 344). Годъ смерти Готфрида не извѣстенъ. Есть основаніе думать, что онъ умеръ вскорѣ послѣ 1190 года. (См. *H. Ulmann*, Gotfrid von Viterbo. Beitrag zur Historiographie des Mittelalters. Göttingen, 1863).

Digitized by Google

Bubo enim supra infantem stabat, capra eum lactabat, leprosus eum deportabat. Unde in lingua Armena et Chaldaea tria haec nomina in uno nomine Nabuchodonosor continentur. *Nabuc* enim, id est bubo; *Chodir*, capra; *Nosor*, lepra. Haec namque tria componunt unum nomen Nabuchodonosor.

Этотъ разсказъ о Навуходоносорѣ изложенъ Готфридомъ вторично въ стихотворной формѣ:

De etymologia hujus nominis Nabuchodonosor.

Quid sonet hoc nomen Nabuchodonosor, videamus,
Quo casu, qua sorte fuit, si gesta feramus,
Rem satis ignotam prodigiumque damus.
Nascitur incerto coitu puer ex muliere;
Foemina moecha domi puerum non ausa tenere
Projicit in sylvam, nil pietate gerens.
Bubo reservat eum, lactat capra, virque leprosus
Forte venit miseransque capit puerum speciosum,
Nominat et puerum vir Nabuchodonosor.
Hoc nomen tria continet haec, quae iam memoravi,
Quae tria componens hoc nomine vir numeravit,
Sicut et inferius pagina lecta canit.
Nabuc id est bubo; *chodir*, capra, *nosora*, lepra;
Haec tria singula, tam bene consona, nomina tetra,
Sunt Nabuchodonosor, sic docuere metra,
Armena lingua noscas haec dicta fuisse,
Haec et ab Armenis fateor me sic didicisse [1])

Разсказъ Готфрида и Менохія представляетъ, какъ очевидно, отрывокъ того именно сказанія о Навуходоносорѣ, которое въ болѣе полномъ видѣ распространено было въ нашей письменности. Упоминаніе прокаженнаго, который нашелъ малютку, объясняетъ разсказъ о распоряженіи Аксеркса, переданный русской повѣстью. Разница замѣчается лишь въ указаніи значенія составныхъ частей Навуходоносорова имени.

Въ латинскихъ пересказахъ:	Въ русскихъ пересказахъ:
Nabu, nabuc—bubo,	Носоръ. осоръ—сова,
Chodo, chodir—capra,	Аха (Ахаизда)—коза,

[1]) Illustrium veterum scriptorum qui rerum a Germanis.... gestarum historias vel annales posteris reliquerunt, tom II. Ex bibliotheca Pistorii (1613), pag. 168, 184. Въ новомъ изданіи сочиненій Готфрида (Monumenta Germaniae historica: Scriptorum t. XXII) тѣ отдѣлы Pantheon'a, въ которыхъ излагается древняя исторія, опущены.

Digitized by Google

Nosor—leprosus, lepra	Навходъ, Находъ—имя младенца [1]).

Въ «Азбуковникѣ» та же этимологія передана ближе къ латинскимъ варіантамъ: «*Ноуходоносоръ*, прокаженный; съ причти бо сіе имя дано есть, сказуетъ бо ся: *ноу*, сова; *ходо*, коза; *носоръ*, прокаженный» [2]). Предполагаемая академикомъ Веселовскимъ связь между разсказомъ о сынѣ Навуходоносора Василіи и упоминаніемъ какого-то Василистія въ нѣмецкой поэмѣ о Ротерѣ даетъ возможность допустить, что не безъизвѣстна была на западѣ и вторая часть «Притчи о Вавилонѣ» [3]).

Готфридъ въ разсказѣ о Навуходоносорѣ ссылается на устныя сообщенія армянъ. Ульманъ въ сочиненіи о Готфридѣ считаетъ это указаніе вѣроятнымъ [4]). Съ нимъ соглашается и новый издатель Готфридовыхъ сочиненій Вайцъ [5]). Припомнимъ при этомъ, что

---

[1]) Названіе младенца Навходомъ, Находомъ, указывающее на вліяніе „народной этимологіи“, сходно съ именемъ Симеона *Нáхода* (найденыша) сербскихъ пѣсенъ (*Караджичъ*. II, № 14, 15).

[2]) *Сахаровъ*. Сказанія русскаго народа, т. II, кн. V, 173. Укажу здѣсь кстати нѣкоторыя другія этимологіи имени «Навуходоносоръ». Въ Исторіи династій Абуль-Фараджа говорится, что имя Навуходоносоръ на сирійскомъ языкѣ означаетъ какое-то говорящее божество: Estque nomen ejus syriace Nabuchadnezar, i. e. Mercurius loquitur (Латин. перев. p. 47, ср. нѣм. перев. S. 67). Въ «Хрисмологіонѣ» *Н. Спафарія* замѣчено: «Толкуется же имя его: Навуходоносоръ, по еврейски Небукадънезаръ, сирѣчь творяи смерть или красоты навѣтникъ» (Син. библ № 192, л. 41). Въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые филологи пытались объяснить имя Навуходоносора изъ славянскихъ корней. «Обыкновенное окончаніе халдейскихъ именъ на *царь* навело проницательнаго, впрочемъ, Михаелиса на мысль, что вавилонскіе халдеи были, можетъ быть, славяне. Великій знатокъ языковъ Бютнеръ, коему сообщилъ онъ свою догадку, не только подкрѣпилъ его въ оной, но и объяснилъ даже имя Nebucadnezar чрезъ Nebjecadzenui—tsar, небомъ поставленный царь, Старшій Форстеръ пошелъ еще далѣе и хотѣлъ всѣ халдейскія имена производить изъ словенскаго языка. Въ Nebucadnezar читалъ онъ: небу годной царь. Шлецеръ, наконецъ, настоящимъ историческимъ изслѣдованіемъ кончилъ сіи этимологическія забавы». (*Эверсъ*, Предварит. критич. изслѣдованія для русской исторіи, I, 71). Дѣйствительное значеніе имени вавилонскаго царя выяснилось только съ развитіемъ научнаго изученія клинописи. Въ Исторіи Востока *Масперо* принятое теперь объясненіе передано такъ: Nabou-koudourr-oussour: Nabo, protége la couronne (p. 495).

[3]) Слав. Сборникъ III. 152.

[4]) Cotfrid von Viterbo, 47—48.

[5]) Multa etiam ex populi ore in itineribus suis collegit vel ad iis accepit, quibuscum per longam vitam versatus est. Graecos et Sarracenos, Persas et Armenios, qui ad curiam imperialem et papalem venerant, ipsum instruxisse,

Digitized by Google

указаніе на сказанія о Вавилонѣ находимъ въ повѣсти грузинскаго происхожденія о царицѣ Динарѣ [1]). Въ нашей повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ упоминается абхазецъ (обежанинъ); въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти жена царя Льва названа армянкой: «патріархъ же вземъ два венца, прочетъ грамоту и возложи венецъ на царя Василія и другии на царицу его Александрѣю, *родомъ арменію*» [2]). Сопоставленіе этихъ данныхъ указываетъ, можетъ быть, на область первоначальнаго распространенія повѣсти о Вавилонѣ [3]), но дѣлать отсюда какіе либо выводы о путяхъ перехода этого памятника въ старо-русскую письменность, при отсутствіи болѣе точныхъ указаній, не рѣшаюсь. Вопросъ можетъ разъяснится при участіи знатоковъ армянской и грузинской литературъ.

Въ дополненіе рѣшаюсь указать,—какъ на матеріалъ для изученія праисторіи сказанія о хожденія въ Вавилонъ,—на одинъ изъ памятниковъ древне-христіанской поэзіи. Памятникъ этотъ—гимнъ о душѣ, сохранившійся въ сирійскихъ дѣяніяхъ ап. Ѳомы [4]).

---

gloriatur; quod dicat, etiam scripta eorum se accepisse, non magni faciendum est, sed narrationes, quales apud orientales populos viguisse compertum habemus, tunc temporis in occidentem esse perlatos et a Gotifredo receptos, verisimile est. (Monumenta Germ. hist. Script. XXII. 8). По поводу указанія на разсказы, извѣстные у восточныхъ народовъ, можно припомнить свидѣтельство *Масуди* о существованіи какихъ-то «многихъ сказаній» о Навуходоносорѣ (Les Prairies d'or, II, 122—123).

[1]) Послѣ побѣды надъ персами, Динара «взятъ вся сокровища прежнихъ царей, и каменіе многоцѣнное, и блюдо ланное (лальное), на немъ же ядяше Навуходоносоръ царь» (Пам. стар. р. литер. 2, 375, 376).

[2]) Рукоп. Толст. II, 229=Публ. Библіот. Q. XVII. 82, л. 60.

[3]) Это сопоставленіе не рѣшаетъ, конечно, вопроса о томъ, слѣдуетъ ли признать повѣсти о Навуходоносорѣ и о посольствѣ въ Вавилонъ частями одного первоначальнаго сказанія, или нужно допустить, что эти повѣсти только позже слиты были въ одно цѣлое. Указано, какъ мы видѣли, нѣсколько параллелей для сказанія о посольствѣ въ Вавилонъ, но ни въ одномъ изъ этихъ параллельныхъ памятниковъ нѣтъ упоминанія о Навуходоносорѣ—найденышѣ. Составителямъ разсказовъ о добываніи въ Вавилонѣ «знаменія» оставалось, какъ видно, не извѣстнымъ преданіе. сохраненное нашей Притчей о Вавилонѣ.

[4]) Сирійскія дѣянія Ѳомы изданы были *Wright*'омъ (Apocryph. Acts of the Apostles). Переводъ и объясненіе гимна о душѣ можно найти въ трудахъ *K. Macke*: Syrische Lieder gnostischen Ursprungs (Theologische Quartalschrift 1874, I H., 27—69), *R. A. Lipsius*'a (Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, I B., 291—300, II. 2, 420—425). Греческіе περίοδοι Θωμᾶ (*Tischendorf*, Acta apostolorum apocrypha. p. 192 sq.) не сохранили гимна о душѣ. Нѣтъ этого гимна и въ славянскомъ переводѣ Дѣяній ап. Ѳомы (изд. *Ягичемъ*, въ журн. Starine, V, 96—108. Ср. *Порфирьевъ*, Апокр. сказанія о новозав. лицахъ и событіяхъ, стр. 101).

Digitized by Google

Гимнъ изложенъ отъ лица юнаго пареянскаго царевича. Этотъ царевичъ, сопровождаемый двумя спутниками, [6]) отправляется, по волѣ родителей, на западъ, въ Египетъ, чтобы принести оттуда драгоцѣнную жемчужину. Жемчужину нужно достать въ морѣ, вокругъ котораго обвился громко шипящій змѣй. Добравшись до Египта, юноша простился съ своими спутниками, приблизился къ змѣю и сталъ ходить около него, ожидая его сна. Въ это время познакомился съ пареянскимъ путешественникомъ другой выходецъ съ Востока, ранѣе прибывшій въ Египетъ. Чтобы не возбуждать подозрительности туземцевъ, захожій царевичъ одѣлся въ египетскую одежду, но жители той страны все-таки узнали въ немъ иностранца и постарались отвлечь его отъ цѣли путешествія. Юноша забылъ о томъ, что онъ царскій сынъ, забылъ и о жемчужинѣ, которую долженъ былъ достать. Послѣ угощенія туземцевъ онъ уснулъ [8]). Узнали объ этомъ родители царевича и написали письмо: «Проснись, вспомни о томъ, что ты царскій сынъ, сбрось съ себя рабство, въ которое попалъ, вспомни о драгоцѣнности, за которой посланъ». Письмо полетѣло, какъ орелъ, примчалось къ царевичу и «стало словомъ». Когда раздался голосъ этого слова, юноша проснулся, вспомнилъ о своемъ происхожденіи и о порученіи, данномъ родителями. Онъ постарался усыпить змѣя. Когда тотъ уснулъ, царевичъ взялъ жемчужину и поспѣшилъ ва родину. Его путеводителемъ былъ посланецъ отца, его слово. Вернувшись домой, юноша радостно былъ принятъ отцемъ и облекся въ блестящую одежду, снятую передъ путешествіемъ.

Дѣянія апостола Өомы и гимны въ нихъ внесенные—гностичес-

---

6) Припомнимъ трехъ мужей, посланныхъ въ Вавилонъ царемъ Львомъ.

8) Въ нашей повѣсти: «и видѣша посланницы: кубокъ стояше на гробѣ чюденъ зѣло... Посланницы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша весели и уснуша многое время. И воспрянуша отъ сна своего и хотѣша взяти тотъ кубокъ... Бысть же имъ въ то время отъ гробовъ въ девятомъ часѣ дни гласъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но пойдете въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возмите знаменіе». Иначе: «Обрѣтоша на столѣ скатерть покрыта, на златомъ блюди и хлѣбецъ малъ бѣлъ, да на столѣ склянница съ виномъ. Они же хлѣбецъ разрѣзаша на три укруга, испиша вина по три чары, хлѣбецъ съѣша и быша сыты и пьяны и уснуша долгъ часъ. Бысть же имъ гласъ отъ гробовъ святыхъ страстотерпцевъ. «Полно вамъ спать; вѣдь вы взяли царское знамя, взойдите вы ко гробамъ святыхъ страстотерпцевъ и возмите измирну и фиміянъ и ладонъ и поидите изъ града вонъ, до коихъ мѣстъ змѣй великій не возбудился».

Digitized by Google

каго происхожденія [1]). Гимнъ, разсказывающій о странствованіяхъ парѳянскаго царевича въ Египетъ, представляетъ аллегорическое изложеніе гностическаго ученія о душѣ, удалившейся изъ царства свѣта и послѣ блужданій земной жизни, послѣ пребыванія въ мысленномъ Египтѣ, возвращающейся на свою небесную родину. Змѣй, опоясывающій земной міръ, упоминается и въ другихъ памятникахъ гностической литературы. «Тьма кромѣшняя (говорится въ Pistis Sophia Валентина) есть великій драконъ, хвостъ котораго—въ устахъ его; онъ внѣ всего міра и объемлетъ весь міръ» [2]). Жемчужина, которую долженъ достать царевичъ,—искра свѣта, запавшая въ матеріальный міръ изъ высшей области. Блестящая одежда, оставленная царевичемъ на родинѣ,—эѳирное тѣло, замѣненное египетской одеждой, т. е. грубой земной плотью. Сонъ царевича—забвеніе душой ея высшей природы и ея свѣтлой родины. Посланіе отъ отца—Божіе откровеніе [3]).

[1]) Unter allen uns noch erhaltenen apokryphen Apostelgeschichten,—замѣчаетъ Липсіусъ,—haben jedenfalls die περίοδοι Θωμᾶ noch die *bedeutendsten gnostischen Ueberreste* bewahrt. Verschiedene Gesänge und Gebete sind in völlig unveränderter Gestalt auf uns gekommen; andre Stücke enthalten wenigstens noch erhebliche Spuren des ursprünglich gnostischen Colorits. (op. cit. I, 291). Особенно ярко этотъ гностическій колоритъ выступаетъ въ гимнѣ о душѣ. По выраженію Nöldeke, Dies ist unzweifelhaft ein *unverfälschter gnostischer Gesang* und zwar ein syrisches Original По мнѣнію этого ученаго, гимнъ—памятникъ II вѣка; составителемъ гимна могъ быть знаменитый гностикъ Вардесанъ (Zeitschrift der deutschen morgenländ. Gesellschaft, 1871, B. XXV, 676—678). Къ мнѣнію Нёльдеке присоединяются Маке и Липсіусъ. Было высказано предположеніе, что за гностическимъ разсказомъ объ апостолѣ Индіи (какимъ представляется Ѳома) кроется болѣе древняя основа—буддійская. Доказательства, представленныя въ пользу этой догадки Gutschmid'омъ, не вполнѣ убѣдили позднѣйшаго изслѣдователя Дѣяній Ѳомы. Eine Einwirkung des Buddhismus auf die Detailzüge der Legende erscheint... sehr fraglich, замѣчаетъ Липсіусъ, но при этомъ прибавляетъ: Darum kann aber die Beobachtung selbst richtig sein, dass hier eine buddhistische Bekehrungsgeschichte für das Christenthum annectirt ist. При такомъ предположеніи удобно объясняется путь Ѳомы, указанный въ Дѣяніяхъ, и пребываніе апостола при дворѣ царя Гундафора (op. cit. I, 282—283). Слѣдуетъ еще замѣтить, что пріуроченіе дѣятельности Св. Ѳомы къ Индіи даетъ поводъ къ сближенію преданій объ этомъ апостолѣ съ извѣстнымъ сказаніемъ объ Индіи богатой; посредствующимъ звеномъ служитъ при этомъ разсказъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ о какомъ-то архіепископѣ (=патріархѣ) Индіи, побывавшемъ въ началѣ XII вѣка въ Византіи и въ Римѣ (ibid. II, 2, 420—422).

[2]) *Macke*, op. cit. 54.

[3]) Объясняя гимнъ о душѣ, Маке припоминаетъ разсказъ о Пери, переданный Томасомъ Муромъ въ поэмѣ: Лалла Рукъ. Разсказъ этотъ всѣмъ знакомъ

Digitized by Google

Памятники гностической литературы не оставались достоянiемъ еретическихъ кружковъ. Дѣянiя апостоловъ, слагавшiяся на почвѣ гнозы, распространялись и въ правовѣрно-церковной средѣ, причемъ болѣе или менѣе рѣзкiя выраженiя еретической догматики устранялись или передѣлывались сообразно съ ученiемъ церкви [1].

Но рядомъ съ такой церковно-учительной перелицовкой могло идти иное, народно-поэтическое усвоенiе и измѣненiе памятниковъ древне-апокрифной литературы [2]. Такiя произведенiя, какъ Дѣянiя апостоловъ могли представлять чисто литературный интересъ, могли привлекать вниманiе занимательностью разсказа, яркостью и разнообразiемъ поэтическихъ картинъ.

Это общее замѣчанiе примѣнимо и къ переданному выше гимну. Его скрытое символическое значенiе не всѣмъ было ясно, но самое содержанiе гимна могло нравиться, какъ занимательная притча, напоминавшая, по своему складу, преданiя эпической старины. Дальнѣйшее измѣненiе притчи могло опредѣлиться влiянiемъ литературной аналогiи. Гимнъ помѣщаетъ змѣя, охраняющаго сокровище, въ Египтѣ; такая локализацiя отвѣчала принятому у гностиковъ сим-

---

по переводу Жуковскаго. Пери, стоявшая «у вратъ потерявнаго рая», слышитъ голосъ «стража эдемской двери»:

Узнай, что небомъ рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земнаго края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.

Пери отыскиваетъ такой даръ и возвращается на небо.

[1]) Такую именно передѣлку представляютъ и извѣстныя теперь Дѣянiя Ѳомы. Если же въ сирiйскомъ текстѣ Дѣянiй удержался такой ярко-гностическiй памятникъ, какъ гимнъ о душѣ, то это объясняется той аллегорической формой, въ которую облечены въ этомъ гимнѣ еретическiя воззрѣнiя. Die Erhaltung dieses kostbaren Restes gnostischer Poësie,—говоритъ Липсiусъ,—ist der glücklichen Unwissenheit des katholischen Bearbeiters zu danken, welcher nicht ahnte, welche ketzerische Schlange unter den lieblichen Blumen dieser Dichtung verborgen sei. Das Beste zur Verdeckung des wirklichen Sinns hat die geographische Einkleidung gethan. Aus der Seele die aus ihrer himmlischen Heimath herabgesunken, in der untern Welt ihres himmlischen Ursprungs vergisst, ist ein parthischer Königssohn geworden, der gen Westen durch Babylonien, nach Aegypten wandert, um dort die von der Schlange behütete Perle zu suchen (op. cit. I, 296—297).

[2]) Можно при этомъ припомнить старо-русскую легенду объ апостолѣ Андреѣ, основы которой кроются въ апокрифныхъ преданiяхъ о первозванномъ апостолѣ. (См. „Русско-византiйскiе отрывки" проф. *Васильевскаго* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г., № 1).

Digitized by Google

волическому значенію Египта, изображавшаго матеріальный міръ, страну мрака [1]). Въ обще-христіанской литературѣ гораздо болѣе извѣстенъ былъ иной образъ темнаго царства, образъ Вавилона, жилища змѣй и бѣсовъ [2]). Египетскій змѣй могъ поэтому переселиться въ Вавилонъ [3]). Подъ вліяніемъ же такой локализаціи разсказъ о хожденіи за жемчужиной, понимаемый безъ символизма, вызывалъ въ памяти преданія о богатствахъ древняго Вавилона [4]), о святыняхъ въ немъ хранившихся, о гробницахъ св. Ананіи, Азаріи, и Мисаила [5]). Аллегорическій гимнъ превращался при этомъ въ псевдо—историческую повѣсть, постепенно осложнявшуюся новыми подробностями.

Позднѣйшій пересказъ этой повѣсти находимъ въ знакомомъ намъ «Посланіи отъ Льва, царя греческаго, во святомъ крещеніи Василія, иже послалъ въ Вавилонъ градъ посланники своя испытати и взяти тамо знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ, Ананія, Азарія, и Мисаила». Замѣчательно, что и въ этомъ позднемъ пересказѣ черты родства повѣсти и древнегностической притчи высту-

---

[1]) *Nöldeke*, *l. c.* 676.

[2]) Рядъ указаній на такое представленіе Вавилона см. въ указанной выше статьѣ *А. Н. Веселовскаго* (Славянскій сборникъ, III, стр. 148—151). Изъ русскихъ свидѣтельствъ можно указать на изображеніе «темнаго Вавилона» въ «Зерцалѣ Богословія» Кирилла Транквилліона. (См. приложеніе III).

[3]) Замѣчательно однако, что Египетъ упоминается, какъ мы видѣли въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ того круга, къ которому принадлежитъ и повѣсть о Вавилонѣ.

[4]) Въ библейскомъ апокалипсисѣ читаемъ: «Палъ, палъ Вавилонъ, великая блудница, сдѣлался жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякому нечистому духу, пристанищемъ всякой нечистой и отвратительной птицѣ.... Горе, горе, тебѣ, великій городъ Вавилонъ, городъ крѣпкій! ибо въ одинъ часъ пришелъ судъ твой. И купцы земные восплачутъ и возрыдаютъ о ней, потому что товаровъ ихъ никто уже не покупаетъ, товаровъ золотыхъ и серебрянныхъ и камней драгоцѣнныхъ, и жемчуга и виссона, и порфиры, и шелка, и багряницы, и всякаго благовоннаго дерева и всякихъ издѣлій изъ слоновой кости, и всякихъ издѣлій изъ дорогихъ деревъ, изъ мѣди, и желѣза и мрамора; корицы и ѳиміама, и мура и ладана, и вина, и елея, и муки и пшеницы, и скота и овецъ, и коней и колесницъ, и тѣлъ и душъ человѣческихъ, и плодовъ, угодныхъ для души твоей не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось отъ тебя..... Горе, горе тебѣ великій городъ, одѣтый въ виссонъ и порфиру и багрянницу, украшенный золотомъ и камнями драгоцѣнными и жемчугомъ. Ибо въ одинъ часъ погибло такое богатство. И всѣ кормчіе и всѣ плывущіе на корабляхъ, и всѣ корабельщики, и всѣ торгующіе на морѣ стали вдали. (Гл. XVIII, ст. 2, 10—14, 16—17).

[5]) Ср. *Истринъ*. Александрія русскихъ хронографовъ, 178—187.

Digitized by Google

паютъ еще съ достаточной ясностью. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не обратить вниманія на то, что въ древней притчѣ отыскиваются всѣ основныя подробности поздней повѣсти. Трое путниковъ отправляются по приказанію царя, за драгоцѣнностью, которую нужно достать въ мѣстѣ, окруженномъ змѣей. Перебраться черезъ змѣю можно только во время ея сна. Не доставъ драгоцѣнности, путешественникъ-царевичъ засыпаетъ. Его пробуждаетъ чудесный голосъ.—Драгоцѣнность взята и принесена царю.

Со временемъ откроются, быть можетъ, новыя данныя, которыя дадутъ возможность болѣе точно опредѣлить связь, соединяющую древне-гностическій гимнъ съ его позднѣйшими перепѣвами.

III.

Народное преданіе любитъ набрасывать на рожденіе и дѣтство великихъ людей покровъ загадочности и тайны. Малютка, отвергнутый родителями, относится куда-нибудь въ лѣсъ или въ степь на вѣрную смерть, но спасается отъ гибели, благодаря участію сердобольнаго человѣка или даже животнаго. Позже какой-нибудь случай или «знаменіе» выдвигаетъ такого заброшеннаго человѣка, и выдвигаетъ не даромъ: онъ совершаетъ великіе подвиги, дѣлается народнымъ вождемъ, основываетъ новое царство и т. п. [1]). Таковъ именно Навуходоносоръ нашего сказанія, рожденный ex incerto coitu, воспитанный козой, отысканный и призрѣнный прокаженнымъ, а потомъ выбранный въ цари по указанію чуда [2]).

Было бы большою ошибкой объяснять происхожденіе такихъ пре-

---

[1]) Обзоръ сказаній о выброшенныхъ и чудесно спасенныхъ дѣтяхъ дали: *Hahn*, Arische Aussetzungs-und-Rückkehr—Formel (Sagwissenschaftliche Studien, 1876, 340), *Bauer*, Die Kyrossage und Verwandtes (Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der k. Akademie d. Wissenschaften zu Wien, 1882, 495—578) и др. Перечни такихъ преданій находимъ еще у древнихъ писателей (*Aeliani* Var. historiae, 1. XII, cap. XLII; *Hygini* Fabulae, CCLII).

[2]) Замѣчательно близкое сходство съ сказаніемъ о Навуходоносорѣ представляетъ монгольскве преданіе о Чингисханѣ „У монголовъ не было хана; въ это время находятъ младенца, лежащаго подъ деревомъ; на деревѣ сидитъ сова; младенца питаетъ дерево собственнымъ сокомъ; въ его уста вставленъ листъ, согнутый жолобомъ, и по нему въ ротъ втекаетъ древесный сокъ. Найденыша сдѣлали Ханомъ; при посаженіи его на престолъ какая-то птица кричала: Чингисъ! Чингисъ! Поэтому и назвали его Чингисъ-Ханомъ (*Потанинъ*, Богдо-Гэсэръ и славянская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ въ „Этнографич. Обозр.“. Кн. XI, стр. 117—118).

Digitized by Google

даній однимъ лишь «культомъ героевъ», который побуждалъ изображать ихъ существами, отмѣченными судьбой, который заставлялъ отыскивать даже въ дѣтствѣ великихъ людей черты необычайнаго. Генезисъ означенныхъ преданій—явленіе болѣе сложное.

Основа ихъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ стародавнимъ обычаемъ выбрасыванія лишнихъ дѣтей [1]). Обычай этотъ, замѣстившій еще болѣе дикое явленіе дѣтоубійства, до сихъ поръ сохраняется кое-гдѣ за окраинами и на окраинахъ культурнаго міра; тамъ, гдѣ этотъ обычай былъ потомъ совершенно забытъ, вымираніе его совершалось, конечно, какъ всѣ бытовые процессы, съ медленной постепенностью. Сказанія о выброшенныхъ, но не погибшихъ дѣтяхъ—плодъ такого переходнаго времени; они любопытны, какъ отраженіе глубокаго нравственнаго переворота, сопровождавшаго отживаніе жестокой старины. Выбрасываніе дѣтей уже возбуждало отвращеніе, но «пошлина» и нужда продолжали поддерживать существованіе древней повадки. Судьба несчастныхъ малютокъ стала при этомъ вызывать невольный интересъ и состраданіе. Хотѣлось думать, что эти дѣти, отвергнутыя людьми, найдутъ себѣ нежданныхъ и негаданныхъ покровителей, что они будутъ спасены хоть какимъ-нибудь чудомъ. Здѣсь сказалось то же настроеніе мысли, которое лежитъ въ основѣ русскаго повѣрья, что «крапивники» бываютъ баловнями судьбы, что природа выказываетъ относительно ихъ большую щедрость, чѣмъ относительно другихъ дѣтей. Не было ничего естественнѣе, какъ перенести подобныя представленія на дѣйствительныхъ баловней судьбы, на людей, жизнь которыхъ озарилась успѣхомъ и славой.

Это представленіе о героѣ-найденышѣ могло потомъ получить особенную устойчивость въ связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ нравственныхъ понятій. Есть не мало разсказовъ, въ которыхъ эпическіе герои представляются людьми темнаго происхожденія, вышедшими изъ самой скромной общественной среды и столь же неожиданно выдвигающимися на общественную высоту, какъ и герои-найденыши (Саулъ, Премыслъ, Пястъ) [2]). Любопытную аналогію съ этими раз-

---

[1]) О выбрасываніи дѣтей, какъ бытовомъ явленіи, см. *Ploss*, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, 2 Aufl. II, 243; *Воеводскій*, Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ, § 14, стр. 127—150; *Кулишеръ*, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, гл. V, стр. 46—56.

[2]) О преданіяхъ такого рода см. *Grimm*, Gesch. d. d. Sprache, I, 43; *Massmann*, Eraclius, 370; *v. d. Hagen*, Gesammtabenteuer, III, CLI. (Kaiser Dagobert) *Миллеръ*, Илья Муромецъ, 226—237.

Digitized by Google

сказами представляютъ нѣкоторыя бытовыя явленія, а именно—подробности обрядовъ поставленія царей, вождей и другихъ носителей власти. Припомнимъ хорутанскій обрядъ избранія князя, обрядъ избранія кошеваго атамана у запорожцевъ [1]) и др.

Смыслъ всѣхъ этихъ разсказовъ и обрядовъ ясенъ до очевидности. Это—образное, въ стилѣ народной символики, выраженіе мысли объ условномъ значеніи всякаго земнаго величія. Высшая сила, судьба или народная воля, даетъ человѣку силу и власть, даетъ для выполненія великихъ задачъ, для труднаго и важнаго дѣла. Благо избраннику, если онъ помнитъ это, и горе ему, если онъ забываетъ истинное значеніе своего величія, если онъ вздумаетъ считать это величіе принадлежностью своей особы, а не своего служенія. Представленія такого рода легко примѣшивались къ сказаніямъ о счастливыхъ найденышахъ, при чемъ болѣе ранніе разсказы прилаживались къ позднѣйшему пониманію, получая при этомъ новую окраску, новый смыслъ и значеніе. Слѣды этого есть и въ нашемъ разсказѣ о Навуходоносорѣ, Онъ не только найденышъ; онъ—человѣкъ, вышедшій изъ самой несчастной и жалкой среды,—пріемышъ прокаженнаго. Власть Вавилонскихъ царей находится въ зависимости отъ чудеснаго меча: «и узна (Навуходоносоръ) свою смерть и повелѣ во градную стѣну мечъ свой самосѣкъ аспидъ-змій замуровать, и закля, — не повелѣ вынимати до скончанія вѣку». Сынъ Навуходоносора рѣшился нарушить заклятіе и былъ пораженъ волшебнымъ мечемъ.

Подъ вліяніемъ той же мысли объ условности и обманчивости человѣческаго величія и силы слагались сказанія о наказанныхъ гор-

[1]) *Кулишеръ*, ор. с. гл. X, стр. 168—192. Припомнимъ еще любопытную подробность византійскаго коронованія, отмѣченную въ путешествіи діакона Игнатія: «по патріарховыхъ глаголѣхъ никтожъ можаше и смѣяше преже приступити ко царю и глаголати ему о здравіи, ни князи, ни бояре, ни вои. Но точію приступятъ къ нему мраморницы и гробоздателіе, принесше показуютъ ему мраморы и каменіе отъ различныхъ лицъ и внидутъ к нему и глаголютъ: «которымъ лицемъ велитъ быти держава твоя гробу твоему?» притчею воспоминающе ему, глаголюще: человѣкъ еси смертенъ и тлѣненъ, мимоходя въ суетнѣмъ семъ изчезаемомъ и скоропогибаемомъ бѣднемъ житіи...... И сице имъ глаголавшимъ, якоже тамо во уставѣ писано есть, и потомъ идоша князи, и стратилаты, и попы, и вои, и вси велможи, глаголюще ему по обычаю ихъ». (Никон. лѣт. IV, 176). Подобное же значеніе придается и нѣкоторымъ другимъ подробностямъ византійскаго коронаціоннаго обряда: Dès son enfance, alors que des moines l'ont entouré, dès son couronnement, *alors qu'on lui a mis entre les mains l'akakia, ce sachet de soie, plein de la poussière des tombeaux*, il (византійскій императоръ) s'est familiarisé avec sa mort inévitable» (*Rambaud*, L'empire grec au X-me siècle, 48). Ср. *Барсовъ*, Памятн. вѣнчанія царей, стр. 23.

Digitized by Google

децахъ, о людяхъ, мечтавшихъ помѣряться съ «силой не здѣшней». Прототипомъ для такихъ сказаній могли служить миѳическія преданія о борьбѣ боговъ и титановъ, но позднѣйшее развитіе мысли переработывало эти древнія преданія, давало имъ новое значеніе. При этомъ рядомъ съ такими передѣланными сказаніями слагались на ту же тему новыя притчи, которыя были уже какъ нельзя болѣе далеки отъ всякаго миѳологическаго значенія [1]). Пересматривая эти сказанія, мы опять встрѣчаемся съ именемъ Навуходоносора. Я разумѣю разсказъ о безуміи Вавилонскаго царя, переданный въ книгѣ пророка Даніила. Позднѣйшіе писатели охотно припоминали и повторяли этотъ разсказъ. Въ литературныхъ памятникахъ христіанскихъ народовъ Навуходоносоръ выступаетъ обыкновенно, какъ типическій представитель безумной гордыни, какъ зазнавшійся властодержецъ, которому пришлось однако убѣдиться въ ничтожности своего призрачнаго величія: «отъяся отъ него слава его, отгнанъ бысть отъ царства своего». Рядомъ съ именемъ Навуходоносора назывались имена Неврода, Хозроя, Тиридата и другихъ представителей человѣческой заносчивости [2]). Старорусскіе читатели знакомились съ разсказомъ о наказаніи Навуходоносора по библейской книгѣ и по житію пророка Даніила, которое встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ то въ полномъ составѣ, то въ видѣ отдѣльныхъ статей, передающихъ тотъ или другой эпизодъ изъ жизни ветхозавѣтнаго праведника. О Навуходоносорѣ въ этомъ «житіи» говорится, что когда онъ былъ звѣремъ, «глава бѣ ему, аки волу, а руцѣ и нозѣ, аки лву». По временамъ «прихождаше емуна сердцѣ мысль человѣческая: плакаше горко, милъ ся дѣя Богу», такъ что «бѣша ему очи заросли, яко мертвымъ мясомъ, отъ плача». Молился за Навуходоносора и Даніилъ. Послѣ семилѣтняго искуса Вавилонскій царь получилъ прощеніе грѣховъ. «Тогда Навуходоносоръ исповѣдаше грѣхи своя и неправды, по отпущеніи же его дасть ему Господь Богъ царство его». Послѣ этого Навуходоносоръ «нача ни хлѣба, ни мяса ясти, ни вина пити, исповѣдаяся Господеви, якоже бѣ ему заповѣдалъ Даніилъ» [3]).

---

[1]) Такова повѣсть о гордомъ царѣ, извѣстная во многихъ пересказахъ (*Веселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, 40—49; 92—93. Разысканія въ области русск. дух. стиха, V, 103—123).

[2]) *Grimm*, D. Mythologie [4], I, 319, III, 110; *Веселовскій*, въ Слав. сборн. III, 143—146. Ср. *Востоковъ*. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 526; „Просвѣтитель" Іосифа Волоцкаго, гл. 16, стр. 591 (Казанск. изд.).

[3]) Рукоп. Погод. древлехр., № 1590, л. 122 об.—123. Ср Chronicon pascha-

Digitized by Google

Указывая на связь разсказовъ о Навуходоносорѣ съ другими, аналогичными имъ народно-эпическими преданіями, я ограничивался лишь общими бѣглыми замѣчаніями. Останавливаться долѣе на этихъ аналогіяхъ значило бы повторять много разъ сказанное и разъясненное. Исключеніе позволю сдѣлать для разсказа о выборѣ царя по «знаменію», который рѣже останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей.

Когда не стало царя Аксеркса, вавилоняне придумали «поставити рогъ съ измирномъ во вратѣхъ градныхъ, и повелѣша всѣмъ княземъ, и боляромъ, и велможамъ, и всѣмъ вавилоняномъ итти и ѣхати изъ града вонъ и во градъ въѣхати, и надъ кѣмъ рогъ возкипитъ, тотъ и царь буди надъ нами въ Вавилонѣ». Рогъ воскипѣлъ надъ Навуходоносоромъ.

Этотъ разсказъ о воскипѣвшемъ рогѣ повторяется въ русской повѣсти о Басаргѣ. Юноша Борзосмыслъ принимаетъ помазаніе на царство: «и вниде патріархъ въ церковь, и сотвори молитву, якоже подобаетъ патріархомъ, и постави на немъ рогъ масла древянного, и воскипѣ на немъ рогъ, и благослови его патріархъ на царство. И людіе вси возкликнуша отъ мала и до велика: «много лѣтъ государю нашему, новому царю, Богомъ вѣнчанному Борзосмыслу Димитріевичю!» [1]).

Ближайшее сходство съ этимъ чудомъ кипящаго масла представляетъ знаменіе самозагарающейся свѣчи, упоминаемое въ цѣломъ рядѣ разсказовъ о выборѣ царя. Изъ такихъ разсказовъ упомянемъ прежде всего двѣ русскія побывальщины:

1) Побывальщина о выборѣ царя въ Москвѣ. «Когда-то случилось въ Москвѣ быть безъ царя; народное вѣче присудило избрать того, при входѣ котораго въ Спасскія ворота сама засвѣтится свѣча у надворотнаго образа. Наконецъ, одинъ въѣхалъ первый въ ворота и нареченъ царемъ». Имя избраннаго царя—Борисъ (Годуновъ) или Михаилъ (Романовъ) [2]). Въ пересказѣ этого преданія, записанномъ

---

le, I, 298—300. (Corpus script. hist. byzant.). Житіе Даніила—часть повѣствованія о пророкахъ, авторомъ котораго называется Дороѳей или Епифаній Кипрскій.

[1]) Памятн. стар. русской литерат., вып. II, 351, 355.

[2]) *Снегиревъ*, Лубочн. картины, стр. 104 (изд. 1861 г.). Преданіе, называющее имя Бориса, см. въ ст. г. *Барсова*: Сѣверныя народныя сказанія о древнерусскихъ царяхъ и князьяхъ („*Древняя и Новая Россія*“, 1879, № 9, стр. 409). Преданіе о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ указано пр. *Терновскимъ* (Изученіе византист. исторіи въ древней Руси, I, стр. 60). Недавно напечатанъ грузинскій пересказъ этого русскаго преданія. Дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ здѣсь Петръ Ве-

Digitized by Google

въ Симбирской губерніи, выбранный царь называется Иваномъ Грознымъ. Когда не стало царя, москвичи, по совѣту юродиваго, купили пудовую свѣчу и поставили передъ иконой Богоматери на Варварскихъ воротахъ. Выборъ палъ на кучера какого-то генерала: «Подъѣхалъ на тройкѣ, сидитъ на козлахъ, вдругъ кони въ пень стали подъ воротами и ни съ мѣста, а надъ нимъ загорѣлась свѣча и издала многосіянный свѣтъ. Тотчасъ подхватилъ народъ подъ руки кучера Ивана и посадилъ на Московское царство; новый царь первымъ дѣломъ отдалъ приказъ—повѣсить того генерала, у котораго онъ находился въ услуженіи. Съ тѣхъ поръ и стали называть Ивана грознымъ царемъ» [1]).

2) Побывальщина о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ. Варіантъ этой побывальщины—сказка о Васильѣ царевичѣ и Еленѣ прекрасной. Въ стольномъ во городѣ во Кіевѣ у ласкова князя у Владиміра жилъ дворянинъ безчастный молодецъ; служилъ онъ двадцать пять годовъ, не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкія никакого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья. Горькая судьба этого молодца мѣняется, когда онъ находитъ себѣ покровительницу въ лицѣ «престарѣлой женщины», которая, какъ потомъ оказалось, была португальская королева, тайно удалившаяся въ Кіевъ послѣ нашествія враговъ на ея родину. Старуха помогаетъ молодцу исполнить трудныя порученія Владиміра, а затѣмъ выдаетъ за него дочь. На пиру у Владиміра добрый молодецъ расхвастался красотою своей жены. Тутъ выскочилъ изъ-за столика задняго Ѳедька насмѣшникъ и говоритъ: «Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій! Я съ его хозяйкой три года живу, а про то никто не знаетъ». Говоритъ Владиміръ стально-кіевскій: «Когда ты съ его хозяйкою живешь три года, такъ принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестами». Ѳедька при содѣйствіи «сѣнной служаночки», на которой обѣщаетъ жениться, достаетъ монисты. Разгнѣванный молодецъ продаетъ свою обвиненную въ невѣрности жену заморскимъ купцамъ. Пріѣзжаетъ она съ ними въ Португальское царство. «А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король. И стали ходить князья-бояра думные. воеводы, и стали ходить купцы изъ своего града: ни у кого

ликій, бывшій до избранія въ цари кучеромъ (Сборн. матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. X, стр. 47).

[1]) Труды 3-го археологическаго съѣзда, I, 337—338, (въ ст. *Аристова*: Русскія народныя преданія объ историч. лицахъ и событіяхъ).

Digitized by Google

не загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И стали ходить купцы странные. Пошла и жена дворянина безчастнаго молодца, подрѣзала волосы по мужески, одѣвала мужеское платье, и пошла къ царскимъ вратамъ: у ней загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И всѣ люди взрадовалися, все ей крестъ цѣловали и королемъ нарекали». Позже жена молодца, ставшая королемъ, побывала въ Кіевѣ, отыскала здѣсь мать и мужа. Дѣло разъяснилось. Ѳедька насмѣшникъ казненъ. «Послѣ того король и королевна погостили у князя Владиміра и поѣхали домой» [1]).

Въ указанномъ выше варіантѣ вмѣсто безчастнаго молодца выступаетъ Василій царевичъ, прозванный несчастнымъ потому, что «ни въ чемъ ему счастья не было»; вмѣсто Владиміра царь Иванъ, живущій «въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ»; Ѳедора насмѣшника замѣняетъ Алеша Поповичъ. Старуха покровительствуетъ Василью, а потомъ она же помогаетъ Алешѣ достать у Елены кольцо, которое должно было служить доказательствомъ мнимой невѣрности. Обстоятельства выбора царя сходны съ разсказомъ побывальщины [2]).

3) Сказка о милосердомъ бѣднякѣ.—Бѣднякъ этотъ дѣлился съ нищими послѣднимъ кускомъ и за то награжденъ былъ подъ старость богатствомъ и почетомъ. Нужда заставила его покинуть родину. Старикъ, его жена и двое дѣтей разбрелись въ разныя стороны. Бѣднякъ нашелъ себѣ пріютъ въ чужой землѣ у доброй старушки. «Пашоў старикъ па горыду съ сумкый, насабираў торбу хлѣба и денежку. Ипять къ старухи на нычъ. Три раза хадіў старикъ и сабраў три денежки. Помиръ царь. Дѣлаитца публикація у двинацытымъ часу ибъ царю, штоба усякій имѣў свячу: чія свича загаритца, тэй и будить царёмъ. За гаспадами, за купцами, за нищію братію у церкви праходу не была. Старикъ самъ сабѣ думаить: Паду и я, стану у вуглушку съ сумучкый. Стаў сабѣ и іонъ со свячой. Якъ запѣли хирувимы, ни у каво ни загараитца свича; запѣли тожа—ни у кова; у утретій якъ запѣли,—агу, пырхъ свича у старика и запалилась. Подхватили старика подъ пахи и сдѣлали царемъ». Старушка, пріютившая у себя бѣдняка, оказывается его женой. Позже возвращаются къ нимъ и дѣти [3]).

---

[1]) Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, II, № 51, стр. 274.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Сказки, изд. 2, № 179. Разборъ этой побывальщины см. въ Южнор. был. *Веселовскаго*, вып. II, гл. XI. Ср. его же „Мелкія замѣтки къ былинамъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, декабрь).

[3]) *Добровольскій*, Смоленскій этнографич. сборникъ, ч. I, стр. 530—532

Digitized by Google

4) Сказка объ уткѣ съ золотыми яйцами. Бѣдняку достается утка, несущая золотыя яйца. Жена разбогатѣвшаго заводитъ знакомство съ какимъ-то молодцомъ. Любовникъ нашелъ подъ крыломъ утки подпись: «ежели кто эту уточку съѣстъ, тотъ царемъ будетъ». По его требованію утка зарѣзана и поставлена въ печь. Пришелъ домой сынъ хозяина, заглянулъ въ печь, нашелъ тамъ жареную утку и съѣлъ. Узналъ объ этомъ отецъ, побилъ жену, а сына выгналъ изъ дому. «Малой Иванушка пошелъ путемъ-дорогою и шелъ, куда и самъ не знаетъ, а туда, куда глаза глядятъ; шелъ десять дней и десять ночей и пришелъ къ нѣкоему государству. И когда пошелъ во градскія ворота, увидѣлъ великое множество народу; и тотъ народъ думалъ думушку крѣпкую и такую думу, что царь ихъ умеръ, а они не знали, кого царемъ выбрать, и уговорились между собою такъ: который человѣкъ прежде придетъ къ нимъ въ градскія ворота, то того и царемъ сдѣлать надъ собою. И какъ на ту пору Иванушка пришелъ во градскія ворота, тогда весь народъ закричалъ: «вотъ идетъ нашъ царь!» и старѣйшины подхватили Иванушку подъ руки, и повели въ царскіе чертоги и облекли его въ царскія ризы и посадили на царской престолъ, и начали всѣ ему кланяться, яко истинному царю своему, и спрашивали отъ него разныхъ приказовъ. Тогда Иванушка подумалъ, что онъ царемъ себя во снѣ видитъ, а не на яву; однако опомнился и увидѣлъ себя настоящимъ царемъ, возрадовался всѣмъ сердцемъ и началъ повелѣвать народомъ и учредилъ многихъ чиновныхъ людей».

Въ варіантѣ этой сказки упоминаются два брата: одинъ съѣлъ голову утки и сталъ царемъ, другой—сердце и сталъ богачемъ. Сказка заканчивается свиданіемъ родныхъ, послѣ котораго «старшій братъ взялъ отца въ свое царство жить, меньшой поѣхалъ невѣсту искать, а мать одное покинули». Выборъ царя передается

(„Ибъ Ивани Миласернымъ“).—Въ томъ же сборникѣ находимъ еще другую сказку, въ которой повторяется тоже чудо самозагорѣвшейся свѣчи. „Иванъ Иванывичъ, купеческій сынъ, спасаитъ атъ паруганія вобразъ Николы Чудатворца. Съ помыщу Николы Чудатворца ѣдитъ у Ваксонскій градъ на бломкахъ старыга атцоўскыга корабля. Никола Чудатворицъ даетъ ему савѣтъ, якъ стяречь гробъ ваўшебницы, царскый дочирн. Съ помыщу Николы Чудатворца И. И. алишіў ваўшебницу злэй силы и жаніўся зъ ею. Жонка И. И. пиридиваитца и дѣлаитца царимъ па Божьиму суду: яе свича сама собою загаряитца“. (I, стр. 546 –554). Какъ видно и изъ этого краткаго изложенія, сказка представляетъ соединеніе побывальщины о безчастномъ молодцѣ съ легендой о чудѣ Св. Николая (Ср. *Аничковъ*, Микола угодникъ и Св. Николай, стр. 28—31 въ Запискахъ нео-филологич. общества, вып. II, № 2).

Digitized by Google

такъ: «Бо́льшій братъ ...шелъ, шелъ и пришелъ въ иное царство; попросился къ старушкѣ ночь ночевать, переночевалъ, всталъ по утру, умылся, одѣлся, Богу помолился. А въ томъ государствѣ померъ тогда царь, и собираются всѣ люди въ церковь со свѣчами: у кого прежде свѣча сама собой загорится, тотъ царь будетъ. «Поди и ты, дитятко, въ церковь, говоритъ ему старушка,—можетъ, у тебя свѣча прежде всѣхъ загорится». Дала ему свѣчу, онъ и пошелъ въ церковь; только что входитъ туда, у него свѣча и загорѣлась; другимъ князьямъ да боярамъ завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вонъ гнать. А царевна сидитъ высоко на тронѣ и говоритъ: «не троньте его! худъ ли, хорошъ ли—видно судьба моя!» Подхватили этого мальчика подъ руки, привели къ ней; она сдѣлала ему во лбу печать своимъ золотымъ перстнемъ, приняла его во дворецъ къ себѣ, выростила, объявила царемъ и вышла за него замужъ» [1]).

5) Сказка о мудромъ мальчикѣ, извѣстная въ нѣсколькихъ пересказахъ. Въ нѣкоторые изъ этихъ пересказовъ внесена картина избранія царя «по знаменію» [2]).

а) Пересказъ, сообщенный г. Радловымъ въ его Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens [3]). Жилъ былъ старикъ со старухой. Родился у нихъ сынъ. Когда мальчикъ подросъ, родители отдали его въ ученіе. Черезъ три года отецъ, по просьбѣ сына, пришелъ за нимъ и оба отправились въ путь. Когда они проходили лѣсомъ, отецъ, желая испытать мудрость сына, спрашиваетъ его, что говорятъ птицы. Сынъ прислушивается, понимаетъ рѣчь птицъ, но отказывается ее передать. По настоятельному требованію отца, сынъ заявляетъ потомъ, что птицы говорили ему, какъ онъ

---

[1]) *Аванасьевъ*, Сказки, изд. 2, № 114, 115. *Худяковъ*, Великор. сказки, вып. 3, № 119. Народн. сказки, изд. *Эрленвейна*, № 10, стр. 46—47). Ср. еще въ послѣднемъ сборникѣ сказки № 19, гдѣ дѣйствующими лицами выступаютъ Буръ-Храберъ, Иванъ Царевичъ и Димитрій Царевичъ. „Шли-шли они, стоитъ избушка, Иванъ царевичъ говоритъ: братья, давайте, у кого избушка отворится, свѣча затеплится, тотъ намъ будетъ большой братъ. Иванъ царевичъ бился-бился, избушка не отворилась, свѣчи не затеплились, и Димитрій царевичъ—также. Буръ-Храберъ сказалъ слово: тотчасъ избушка отворилась и свѣчи затеплились. Иванъ царевичъ и говоритъ: вотъ будетъ нашъ большой братъ“ (стр. 93).

[2]) Въ другомъ рядѣ варіантовъ этой сказки избраніе въ цари замѣняется женитьбой на царевнѣ. См. ниже въ статьѣ: „Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: Неразсказанный сонъ“.

[3]) Der schriftkundige Sohn (I B. № XIV, S. 208).

Digitized by Google

будетъ царемъ и устроитъ пиръ; на этомъ пиру будетъ и отецъ, при чемъ ему придется попробовать отвратительнаго питья [1]). Разгнѣванный отецъ убилъ сына; завернулъ трупъ въ лошадиную шкуру и бросилъ въ воду. Свертокъ былъ прибитъ къ берегу у какой-то деревни. Увидѣла этотъ свертокъ женщина и раскрыла; оттуда вышелъ юноша цѣлъ и невредимъ. Въ это время умеръ князь той страны. Дѣтей у него не было; поэтому жители стали выбирать себѣ князя. Устроили середи деревни ворота и поставили на нихъ двѣ свѣчи; рѣшено было, что княземъ будетъ тотъ, на кого упадутъ свѣчи. Знаменіе указало на чудесно спасеннаго юношу: когда онъ появился между столбами, свѣчи упали и загорѣлись [2]). Сбылось предсказаніе птицъ о сынѣ, сбылось и объ отцѣ.—Сказка оканчивалась примиреніемъ родителей съ сыномъ.

б) Бретонскіе пересказы [3]). Герой сказки — такой же необыкновенный мальчикъ, какъ и тотъ, о которомъ говорится въ сибирской сказкѣ. Въ дѣтствѣ онъ предсказываетъ свое величіе [4]); разгнѣванные родители замышляютъ погубить свое дитя, но счастливый случай спасаетъ его отъ гибели. Позже герой сказки, послѣ цѣлаго ряда приключеній, въ которыхъ успѣваетъ выказать свою необычайную прозорливость, попадаетъ въ Римъ, когда тамъ приготовлялись къ выбору папы. Было постановлено избрать папу по знаменію самовозгарающейся свѣчи. Къ торжественной процессіи, въ которой шли кардиналы, епископы, священники, монахи, присоединился и захожій юноша. У него не было денегъ, чтобы купить свѣчу; онъ шелъ съ прутикомъ вмѣсто свѣчи. Чудо указало на него, какъ на

---

[1]) „Wenn ich dort (во дворцѣ) das Volk versammelt habe, so wirst du, Vater, meinen Urin trinken, so haben die Vögel gesprochen". Позже, когда сынъ сталъ царемъ, это исполнилось: отецъ, напившійся на пиру, ночью по ошибкѣ отвѣдалъ жидкости изъ грязнаго горшка.

[2]) Zu jener Zeit war in jenem Lande kein Fürst, der Fürst war gestorben und hatte keinen Sohn. Seine Unterthanen nahmen zwei goldene Pfosten und befestigten auf ihrer Spitze zwei Kerzen. Diese beiden Pfosten stellten sie in der Mitte des Dorfes auf. Alles Volk musste zwischen diesen Pfosten hindurchspringen. An denjenigen Menschen, welcher ihr Fürst sein sollte, sollten die beiden Kerzen herabfallen. Alles Volk sprang hindurch, die beiden Kerzen fielen nicht herunter. Jetzt ging unser Jüngling zu den Pfosten, als er dort hinkam, fielen die beiden Kerzen auf seinen Nacken und brannten".

[3]) *Mélusine*, 1878, 300—308, 374—383.

[4]) „Il viendra un jour où vous serez heureux de me verser de l'eau pour me laver les mains, et vous, ma mère, vous serez heureuse de me présenter une serviette pour les essuyer".

избранника неба. Въ заключительной части сказки говорится о свиданіи папы съ родителями [1]).

5) Преданіе о выборѣ іерусалимскаго короля. Когда святой городъ былъ взятъ крестоносцами, рѣшено было выбрать короля завоеванной страны изъ числа прибывшихъ вождей. Выборъ долженъ былъ опредѣлиться указаніемъ чуда: королемъ будетъ тотъ, у кого въ пасхальную утреню прежде другихъ загорится свѣча. Выбраннымъ оказался по однимъ пересказамъ Готфридъ Бульонскій, по другимъ— Робертъ, герцогъ Нормандскій [2]).

Самовозгараніе свѣчи при выборѣ властителя [3]) представляетъ только частное проявленіе чудеснаго знаменія, извѣстнаго и въ другихъ проявленіяхъ. Такъ, преданіе объ іерусалимскомъ королѣ соединяетъ избраніе царя съ чудомъ пасхальнаго огня, хорошо всѣмъ знакомымъ по описанію нашего древняго паломника. Свѣчи, которыя сами засвѣтились», извѣстны и народнымъ пѣснямъ [4]).

IV.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о Вавилонѣ вслѣдъ за разсказомъ о путешествіи пословъ царя Льва читается дополнительная замѣтка, связанная съ воспоминаніями о событіяхъ русской исторіи. «В то же время услыша князь Владимеръ Киевскій, посла воины своя на Царьградъ. Царь же Василій, видѣвъ воины силныя Владимеровы подъ градомъ стояше, и убояся ихъ и посла к великому князю Владимеру посла своего, а с нимъ посла дары великія и ту

[1]) Юноша, избранный въ папы, называется въ одномъ Christic, въ другомъ Innocent. Послѣднее имя указываетъ, кажется, на воспоминаніе о папѣ Иннокентіѣ III, о которомъ разсказывали, что избраніе его возвѣщено было знаменіемъ,—появленіемъ бѣлаго голубя (*Grimm* Märchen, III, 63—64).

[2]) Isländische Legenden, Novellen und Märchen hrsg. v. *H. Gering*, II, № XVII, S. 47, 53—56, 394.

[3]) Кромѣ кипѣнія масла, назначеннаго для царскаго помазанія, чудеснаго зажиганія свѣчей, упоминаются при подобныхъ же обстоятельствахъ еще иныя знаменія: опусканіе вѣнца на голову избранника божества (разсказъ о вѣнцѣ, опустившемся на голову Александра Македонскаго въ Египтѣ), чудесный колокольный звонъ (сказка изъ сборника Webster'a, указанная *R. Köhler*'омъ въ *Mélusine*, 1878, 385). Чудесное заключается здѣсь въ необычайномъ проявленіи такихъ дѣйствій, которыя совершались обыкновенно при поставленіи правителей (покрываніе головы вѣнцомъ, звонъ); то же нужно сказать и о зажиганіи огней (Ср. *Grimm*, D. Mythologie, 4 Ausg. I, 524; III, 178).

[4]) *Потебня*, Обзоръ поэтич. мотивовъ колядокъ и щедровокъ, 757—761.

Digitized by Google

сердоликову крабіицу со всѣмъ, что в ней: виссонъ царскіи, і порфира, і шапка манамахова, і скипетръ царскіи. Князь же Владимеръ радостенъ бысть, прія такія честныя дары отъ царя Василія, и не повоева Царяграда и отступи отъ него; и отъ того часа прослы великіи князь Владимеръ Киевскій Мономахъ; і до сего дни во всей Россіи вѣнчашася цари московъскія в нынѣшнемъ вѣцѣ виссомъ і порфирою царскою и шапкою мономаховою і до сего дни» [1]).

Эта замѣтка возвращаетъ насъ къ тѣмъ литературнымъ фактамъ, которыхъ мы коснулись въ первой главѣ. Правда, сказка о Бормѣ упоминаетъ о царѣ Иванѣ, а приведенная замѣтка называетъ иное, болѣе древнее имя, но и въ сказкахъ, и въ замѣткѣ обнаруживается воздѣйствіе историко-литературной аналогіи, приводившей къ соединенію захожихъ сказаній о Вавилонѣ съ русскими историческими преданіями.

Соединеніе это выражается, впрочемъ, не одинаково: каждый изъ указанныхъ памятниковъ представляетъ въ этомъ отношеніи своеобразныя черты. Самарская сказка о Бормѣ сложилась путемъ простаго перенесенія на русскаго царя Ивана того, что въ книжной повѣсти разсказывается объ императорѣ византійскомъ Львѣ. Въ легендѣ о Бормѣ начало разсказа, его завязка удерживаются на византійской почвѣ; конецъ, развязка переносятся на Русь, пріурочиваясь къ опредѣленному историческому событію (завоеваніе Казани). Что касается замѣтки о Владимірѣ, то она имѣетъ видъ отдѣльнаго разсказа, содержаніе котораго не представляетъ никакого сходства съ повѣстью о Вавилонѣ. Императоръ Левъ шлетъ въ Вавилонъ пословъ; этимъ посламъ не грозитъ опасность вступить въ борьбу съ вооруженной силой; имъ приходится пройдти черезъ опас-

---

[1]) Погод. рукоп. № 1603, л. 345. См. Описаніе рукоп. сборниковъ Публ. библіот. *А. Ѳ. Бычкова*, № LVII, стр. 270—278. Въ текстѣ, изданномъ проф. *Тихонравовымъ* (по рукоп. гр. Уварова и г. Забѣлина), приписка о князѣ Владимірѣ изложена такъ: „Въ то же время, услышавъ князь Владиміръ Кіевскій и посла воя силныя владимірова; и убояся ихъ и посла царь Василій къ великому князю Владиміру посла своего (съ миромъ), и съ нимъ посла дары великіе и ту сердоликову крабицу со онымъ всѣмъ виссомъ царскимъ, и отъ того часа прослыша великій князь Владимеръ Кіевскій Мономахова, иже есть взятіи отъ Вавилона. И донынѣ та шапка манамахова въ русскомъ государствѣ, въ богохранимомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, у великихъ государей, царей великихъ князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ“ (Лѣтоп. р. литер. и древн. т. 1, отд. III, стр. 165).

Digitized by Google

ности особаго рода, при чемъ ихъ выручаетъ лишь высшая помощь. Нашъ Владиміръ идетъ на Царьградъ съ войскомъ; греческій царь, чтобы отвратить бѣду, шлетъ Владиміру дары. Эти дары напомнили старо-русскому писателю о чудесныхъ вещахъ, добытыхъ императоромъ Львомъ [1]), и онъ поспѣшилъ присоединить русскій разсказъ къ переводной повѣсти, но отдѣльность разсказа и повѣсти совершенно ясно выступаетъ и въ этомъ соединеніи.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что рядомъ съ преданіемъ о походѣ Владиміра на Царьградъ могъ существовать разсказъ и о посольствѣ отъ Владиміра въ Вавилонъ,—разсказъ сходный по содержанію со сказкой о Бормѣ. Я имѣю при этомъ въ виду извѣстіе позднихъ лѣтописныхъ сводовъ о гостяхъ, отправленныхъ Владиміромъ на востокъ: «Того же лѣта (1001) посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другыхъ во Іерусалимъ, и въ Египетъ *и въ Вавилонъ* съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ» [2]). Если это упоминаніе о Вавилонѣ въ самомъ дѣлѣ намекаетъ на существованіе русскаго преданія, аналогичнаго съ сказаніемъ о послахъ императора Льва, то придется допустить, что сказка о Бормѣ могла образоваться путемъ вторичнаго переноса: разсказъ о Львѣ былъ усвоенъ

---

[1]) Имя императора Льва служило, какъ извѣстно, эпическимъ центромъ цѣлой группы преданій, аналогичныхъ большею частью съ тѣми разсказами, которые соединялись въ средніе вѣка на Западѣ съ именемъ Вергилія. Въ путешествіи нашего дьякона Зосимы упоминается о жабѣ, которая при царѣ Львѣ Премудромъ „по улицамъ ходя, сметіе жерла“, (*Сахаровъ*, Путеш. русскихъ людей, ч. II, стр. 40). Разсказъ объ этой жабѣ и нѣкоторыя другія преданія о царѣ Львѣ занесены въ хронику Дороѳея, митрополита Монемвасійскаго (*Liebrecht* Zur Volkskunde, 85—87. Есть русскій переводъ Дороѳеевой хроники: см. *Востоковъ*, Описаніе рукоп. Румянц. музея, № XCVII, стр. 167—168; *Викторовъ*, Каталогъ рукоп. Пискарева, № 170, стр. 43). Въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“ помѣщенъ разсказъ о необыкновенныхъ статуяхъ, устроенныхъ Львомъ (Gesta Romanorum, изд. H. Oesterley-я, гл. 8, стр. 282—283, 714: Leo regnavit и т. д.). Въ космографіи Бѣльскаго пересказано преданіе, записанное еще Ліутпрандомъ: цесарь Леонъ философъ ходилъ ночью переодѣтый осматривать стражу; первый отрядъ поддался на подкупъ, второй—также, третій отрядъ схватилъ мнимаго бродягу; утромъ царь открылся: третій отрядъ получилъ награду, первый и второй—наказаніе (рукоп. Публ. библ. F. IV, 162, л. 410—411). Любопытно, что нѣкоторыя преданія, связанныя съ именемъ Льва, пріурочивались у насъ къ Кіеву. Таково преданіе о чудесномъ зеркалѣ, записанное Лассотой (Дневникъ Лассоты, пер. Бруна, стр. 18. Ср. *Терновскій*; Изученіе Византіи. I, 108—109; *Веселовскій*, Мелкія замѣтки къ былинамъ, II: „Нерушимая стѣна и волшебное зеркало въ Кіево-Софійскомъ соборѣ“ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1885, декабрь, 186).

[2]) Полное собр. р. лѣтоп. IX, 68 (Никон. лѣт.).—Ср. Степен. книга, 1. 170.

Digitized by Google

Владиміру; усвоенное Владиміру перенесено на Ивана. Но возможность или вѣроятность существованія повѣсти о посольствѣ отъ Владиміра въ Вавилонъ можетъ служить только новымъ доказательствомъ самостоятельнаго значенія той замѣтки, которую находимъ въ концѣ повѣсти о Вавилонѣ. Преданіе о «гостяхъ» должно было разсказывать совсѣмъ не то, что передается въ замѣткѣ. Оба сказанія могли существовать рядомъ, какъ произведенія, независимыя одно отъ другаго и не похожія одно на другое.

Слабо, даже нѣсколько случайно связанная съ повѣстью о Вавилонѣ, замѣтка о драгоцѣнностяхъ, добытыхъ Владиміромъ, не стоитъ одиноко въ ряду сказаній «Владимірова цикла». Кромѣ упомянутой замѣтки, можно указать три разсказа, въ которыхъ идетъ рѣчь о томъ, какъ русскому князю Владиміру удается добыть царскій вѣнецъ, бармы и т. п.

I. Разсказъ о Константинѣ Мономахѣ, царѣ греческомъ, и о русскомъ князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ. Владиміръ задумываетъ идти на Царьградъ по примѣру своихъ предшественниковъ. Русскія дружины, послѣ удачнаго набѣга на греческія владѣнія, съ богатой добычей возвращаются въ Кіевъ. Константинъ шлетъ къ Владиміру пословъ, которые должны были передать князю царскіе дары: крестъ, вѣнецъ и другія драгоцѣнности. Владиміръ принялъ дары и былъ съ тѣхъ поръ въ мирѣ и любви съ царемъ Константиномъ Мономахомъ.

Это преданіе извѣстно въ нѣсколькихъ пересказахъ, совершенно сходныхъ въ существенныхъ чертахъ. Разница пересказовъ сводится къ тому, излагается ли преданіе отдѣльно, или въ связи съ извѣстіями и разсказами совершенно инаго содержанія.

A. *Посланіе о Мономаховомъ вѣнцѣ Спиридона-Савы*, современника великаго князя Василья Ивановича [1]). Посланіе открывается бѣглыми, отрывочными историческими припоминаніями, восходящими до временъ Ноя. За разсказомъ о раздѣленіи земли между потомками Сима, Хама и Іафета, слѣдуетъ перечень великихъ властодержцевъ: называются имена Сеостра и Ѳиликса, царей египетскихъ, Александра Македонскаго, Юлія Цезаря. По смерти Юлія братъ его Августъ, находившійся съ войсками въ Египтѣ, провозглашенъ былъ властителемъ вселенной; его облекли въ одежду царя

[1]) Первое сообщеніе о посланіи Спиридона-Саввы находимъ въ „Описаніи рукоп. сборниковъ Публ. библіот.“ *А. Ѳ. Бычкова*, I, стр. 58—59 (Рукоп. Древлехр. Погодина № 1567, изъ собранія Строева, л. 95—106). Помѣщаю ниже (прилож. IV) полный текстъ Спиридонова посланія.

Digitized by Google

Сеостра, на голову возложили митру Пора царя Индѣйскаго, принесенную Александромъ Македонскимъ, плечи покрыли «окрайницею» царя Филикса; кромѣ того, Августъ увѣнчанъ былъ «вѣнцемъ Римскаго царства». Ставши верховнымъ властодержцемъ, Августъ «начатъ рядъ покладати на вселенную: постави брата своего Патрекія царя Египту, и Августалія брата своего Александрѣи властодерьжца постави, и Киринѣя Сиріи властодержца положи, и Ирода же Антипатрова отъ Аманитъ... постави царя еврѣйска во Еросалимѣ; Асию всю поручи Евлагерду сроднику своему, и Илирика брата же своего постави в повершии Истра, и Пиона постави в Затоцехъ златыхъ, иже нынѣ наричутся Угрове, а Пруса въ брезехъ Вислы рѣки, во градѣ глаголемыи Мамборокъ, и Турокъ и Хвойница и преславный Гданескъ и иныхъ многихъ градовъ по рѣку глаголемую Нѣмокъ, впадшую въ море». По имени этого Пруса «зовется Пруская земля». Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о призваніи русскихъ князей. По совѣту Гостомысла, новгородцы отправились «въ Прускую землю и обрѣтоша тамо нѣкоего князя, именемъ Рюрика, суща отъ рода римска цесаря Августа». По приглашенію русскихъ пословъ Рюрикъ, вмѣстѣ съ братьями Синеусомъ и Труворомъ, прибылъ въ Новгородскую землю. «Отъ великаго князя Рюрика четвертое колѣно—князь великій Володимеръ, просвѣтивый землю рускую святымъ крещеніемъ,... и отъ него четвертое колѣно—князь великій Володимеръ Всеволодичъ».

Такова первая, вступительная часть Спиридонова посланія. Во второй части читается разсказъ объ отношеніяхъ Владиміра Всеволодовича къ греческому царю Константину. Владиміръ держитъ совѣтъ съ своими князьями и боярами: «Егда азъ есми юнѣйшии, говоритъ онъ, преже мене державствовавшихъ и хорогови правящихъ скипетра великія Росія, яко той князь великій Олегъ ходилъ и взятъ съ Константинополя, съ Новаго Рима, по главамъ дань и здравъ возвратися во свояси; и потомъ князь великіи Святославъ Игоревичъ, пореколъ имый Лѐхкіи, и иде въ ладіяхъ на двою тысящъ и седмью сотъ и взятъ на Константиновѣ градѣ тяжчайшую дань и возвратися во свое отечество, Кіевскую область, и скончаваетъ житіе; а мы есмы наслѣдницы прародителей своихъ и отца моего Всеволода Ярославича и наслѣдницы тояже чести отъ Бога, и совѣта ищу отъ васъ, моея полаты, князи, и бояре, и воеводы и всего подъ вами христолюбиваго воинства,... кій ми совѣтъ воздаваете?» Отвѣчали князю Владиміру князи, и бояре, и воеводы: «мы—въ твоей волѣ, государь». Собралъ тогда Владиміръ многія

Digitized by Google

тысячи воинства и, поставивъ надъ нимъ искусныхъ воеводъ, тысячниковъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, отправилъ во Ѳракію. Дружины русскія «плѣниша ю доволно и возвратишася со многимъ богатствомъ во здравіи множѣ во свояси».

Разсказъ прерывается извѣстіемъ о папѣ Формозѣ, впадшемъ въ ересь (filioque). Царь Константинъ Мономахъ, по совѣту патріарха Керулларія, созываетъ церковный соборъ, на которомъ рѣшено было удалить «папино имя изъ паралипомена церковныхъ престолъ». Послѣ этого отступленія авторъ снова возвращается къ отношеніямъ Руси и Византіи.

Царь Константинъ Мономахъ отправилъ къ Кіевскому князю пословъ: Неофита, митрополита ефесскаго, двухъ епископовъ, Августалія александрійскаго и игемона іерусалимскаго Евстафія. Послы принесли дары: крестъ «отъ самого животворящаго древа, на немъ же распятся владыка Христосъ», вѣнецъ царскій, «крабицу сердоликову, изъ нея же Августъ кесарь веселяшеся», ожерелье, «иже на плещу своею ношаше», золотую кадильницу (кацыю), и иные многіе дары. Вѣнецъ царскій назначался для коронованія Владиміра, которое долженъ былъ совершить ефесскій митрополитъ. «И отъ того времени князь великій Володимеръ Всеволодичъ нареченъ Мономахъ и царь великія Росия, и отъ того часа тѣмъ вѣнцемъ царскимъ, что присла великій царь греческій Констянтинъ Мономахъ, вѣнчаются вси великіе князи Володимерскіе, егда ставятся на великое княженіе русское».

Авторъ посланія называетъ себя двойнымъ именемъ: «Спиридонъ рекомый, Сава глаголемый». Кто же именно былъ этотъ Спиридонъ Сава? Изъ самаго памятника мы узнаемъ, что авторъ былъ лице духовное, носилъ священный санъ, повидимому епископскій. Спиридонъ пишетъ: «сынови смиренія нашего радоватися, аще ти въ потребу молитва нашего смиренія»; такія обращенія встрѣчаются обыкновенно въ епископскихъ посланіяхъ. Авторъ жилъ въ какомъ-то монастырѣ: «слышаніе мое, еже потребовалъ еси отъ насъ своимъ писаніемъ и нашими *черньци*»... Изъ заключительной части посланія узнаемъ, что оно писано въ княженіе Василія Ивановича и притомъ не позже 1523 г. [1]); авторъ былъ «старостію одержимъ мно-

[1]) Въ концѣ посланія читаемъ: «якоже и сие волный и самодержацъ царь великія Росия Василей Івановичь, вторый надесять по колѣну отъ великого князя Володимера Манамаха, а отъ великого князя Рюрика 25 колѣно, и братья его Івановичи и Андрѣевичи". Ивановичи — родныя братья Василія: Андрей († 1537), Георгій († 1536), Симеонъ († 1518), Димитрій († 1521). Андреевичи—

Digitized by Google

гою», имѣя отъ роду лѣтъ «девятьдесятъ и едино». Кто-то настойчиво просилъ Спиридона сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія «отъ историкіи»; какъ видно, авторъ посланія былъ человѣкъ, извѣстный своими познаніями, своей начитанностью.

Соображеніе всѣхъ этихъ данныхъ позволяетъ съ достаточной вѣроятностью указать, кто именно былъ авторомъ посланія о Мономаховомъ вѣнцѣ. Это—Спиридонъ, бывшій нѣкоторое время митрополитомъ кіевскимъ (1476—1477), а потомъ доживавшій вѣкъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ [1]). Онъ извѣстенъ, какъ авторъ «Изложенія о православной вѣрѣ» [2]) и житія свв. Зосимы и Савватія Соловецкихъ. О времени составленія житій узнаемъ изъ приписки самого Спиридона: «списашася житія сія въ лѣто 7011 (1503) митрополитомъ Спиридономъ, поточену ми бывшу тогда въ странахъ Бѣла езера, въ монастыри пречистыя Богородица въ Ферапонтовѣ». Игуменъ Соловецкій Досиѳей, по просьбѣ котораго работалъ митрополитъ, говоритъ о немъ «такъ: бывшу ми на Бѣлѣ езерѣ, въ Ферапонтовѣ монастырѣ, и понудихъ тамо пребывающаго бывшаго митрополита Спиридона преписати и изложити стройно житіе начальниковъ Соловецкихъ... бѣ бо онъ тому мудръ добрѣ, умѣя писанія ветхая и новая. И Божіимъ изволеніемъ не отречеся и написа въ общую пользу хотящихъ ревновати сихъ преподобныхъ житію» [3]). Другой современникъ Спиридона, извѣстный новгородскій архіепископъ Геннадій, отзывался о бывшемъ митрополитѣ такъ: «сей че-

---

двоюродные Васильевы братья, дѣти Андрея Васильевича: Иванъ и Димитрій; первый изъ нихъ, постригшійся въ монахи подъ именемъ Игнатія, умеръ въ 1523 году (*Барсуковъ*, Источники русской агіографіи, 206—207; Игнатій причисленъ къ святымъ; есть и „житіе" его); другой братъ Диматрій пережилъ Василія (*Карамзинъ*, И. Р. Г., VIII, 37). Спиридонъ писалъ, когда живы были оба Андреевича, то-есть, до 1523 года. Любопытно, что въ посланіи не упомянуты другіе двоюродные братья Василія—Борисовичи, сыновья Бориса Васильевича: Иванъ, умершій въ 1503 г. (Никон. лѣт. VI, 170), и Ѳедоръ, умершій въ 1513 г. (ibid. 194). Не указываетъ ли это на то, что посланіе Спиридона явилось уже послѣ смерти этихъ князей, то-есть, послѣ 1513 г.?

[1]) Сводъ извѣстій о митрополитѣ Спиридонѣ см. въ Исторіи русской церкви пр. *Макарія*, т. IX (1879), стр. 63—68. Ср. *Строевъ*, Списки іерарховъ, отд. 35; *Яхонтовъ*, Житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ, 17—32; *Ключевскій*, Житія, 200—201; *Филаретъ*, Обзоръ русск. духовн. литературы, § 113; *Евгеній*, Словарь духовныхъ писателей, II, 230.

[2]) Ср. (*Смирновъ*) Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новг. Соф. библіотеки, № 1451, л. 243 (Лѣтопись занятій археографической коммиссіи, вып. 3, III, стр. 24—25).

[3]) *Православный Собесѣдникъ*, 1859, ч. II, стр. 219, 221.

Digitized by Google

ловѣкъ бѣаше столпъ церковный» [1]). Эти извѣстія о митрополитѣ Спиридонѣ вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что мы знаемъ объ авторѣ посланія. Извѣстность Спиридона, какъ человѣка, знавшаго «писанія ветхая и новая», объясняетъ, почему тотъ, кто желалъ имѣть свѣдѣнія о родѣ русскихъ князей, обратился именно въ бывшему кіевскому митрополиту. Двойное имя автора посланія указываетъ, вѣроятно, на то, что Спиридонъ принялъ въ это время «схиму», при чемъ постригаемый мѣняетъ имя.

Былъ ли Спиридонъ первымъ списателемъ повѣсти о родѣ русскихъ князей и о Мономаховомъ вѣнцѣ, или онъ только пересказалъ болѣе раннее произведеніе,—отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только послѣ ознакомленія съ другими пересказами изучаемаго нами преданія.

Б. *Сказаніе о великихъ князехъ Владимірскихъ* [2]). Содержаніе и изложеніе сказанія представляетъ ближайшее, большею частью дословное сходство съ посланіемъ Спиридона. Это сходство открывается съ первой же строки сказанія: «отъ исторіи Ханаонова и предѣла рекома Арфаксадова» и т. д. Эти же слова читаются въ началѣ Спиридонова посланія. Послѣ вступительнаго разсказа (отъ Ноя до Пруса) слѣдуетъ, какъ и у Спиридона, извѣстіе о походѣ Владиміровыхъ дружинъ во Ѳракію и о дарахъ царя Константина. Замѣтка о Формозѣ, изложенная нѣсколько иначе, чѣмъ въ посланіи, помѣщается въ концѣ памятника. Нѣкоторыя разнорѣчія посланія и сказанія будутъ указаны ниже.

В. *Родословіе великихъ князей русскихъ.* Памятникъ этотъ извѣстенъ въ пересказахъ, сходныхъ въ основѣ, различныхъ по передачѣ или опущенію нѣкоторыхъ подробностей. Укажемъ нѣкоторые изъ этихъ пересказовъ:

а) Родословная книга начала XVII столѣтія, времени царя Василія Шуйскаго [3]). Здѣсь, какъ и въ сказаніи о князехъ Владимірскихъ, находимъ повтореніе того же вступительнаго разсказа

---

[1]) *Макарій*, I. с.

[2]) Сказаніе о князехъ Владимірскихъ извѣстно мнѣ по рукописямъ Публичн. Библіотеки: О. IV, № 21 (=Толст. III, 68), л. 350 и сл.; F. IV, № 238, л. 450 и сл.; Погод. древлехр. № 1522, л 1 и д.; № 1572, л. 115 и сл.; № 1604, л. 525 и д.; Румянц. музея № 459, л. 525 и сл.

[3]) Издана по рукописи Московской синод. библіотеки № 860 въ *Временникъ Общества Ист. и Древн. Росс.*, кн. X (1851), отд II, стр. 1—130. Ср. рукописи Публичн. библіотеки F. IV, 207 (=Толст. I, 66), F. IV, 117 (=Толст. I, 300); Описаніе рукоп. археограф. коммиссіи, стр. 5—6 (Лѣтопись занятій археограф. коммиссіи, I, отд. III).

Digitized by Google

(«Отъ исторіи ханаановы, отъ предѣла Арфаксадова»), который извѣстенъ намъ по посланію Спиридона. Отличіе родословной заключается въ присоединеніи къ вступительному разсказу (о знаменитыхъ властодержцахъ до Августа и Пруса) краткихъ извѣстій о великихъ князьяхъ, преемственно занимавшихъ столъ кіевскій, владимірскій, московскій при чемъ сообщаются по мѣстамъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ вступилъ на великое княженіе тотъ или другой князь, объ отношеніяхъ великаго князя къ удѣльнымъ, о княжескихъ усобицахъ и т. п. Этотъ отдѣлъ, имѣющій видъ краткой лѣтописи, обрывается въ разсматриваемой родословной на 7106 (1598) г., на извѣстіи о смерти Ѳедора Ивановича. О Владимірѣ Мономахѣ замѣчено только, что въ лѣто 6622 (1114) онъ «сяде въ Кіевѣ», хотя редактору родословной и извѣстно было сказаніе о византійскихъ дарахъ. Вслѣдъ за краткой лѣтописью помѣщено «Родословіе великихъ князей россійскаго государства по степенемъ, написано въ перечень въкратцѣ» (нач.: «Пріиде на Русь въ великій Новгородъ изъ Прускіе земли княжить князь великій Рюрикъ I...»). Въ этой статьѣ о Владимірѣ Мономахѣ замѣчено: «князь великій Владимиръ Мономахъ 7, сей взятъ у греческаго царя Костянтина у Манамаха царскій вѣнецъ и скипетръ» [1]).

b) Родословная книга времени царя Ивана Васильевича [2]). Вступительная часть («отъ исторіи Ханаоновы») опущена. Лѣтопись великихъ князей начинается Рюрикомъ. («Въ лѣто 6370 сѣде на великомъ Новѣгородѣ первой князь великой Рюрикъ»), оканчивается царемъ Иваномъ Васильевичемъ («Въ лѣто 7042 сяде на государствѣ князь великій Иванъ Васильевичъ»...). Подъ 6621 (1113) г. помѣщенъ разсказъ о византійскихъ дарахъ, присланныхъ Владиміру Мономаху,—разсказъ совершенно сходный съ посланіемъ Спиридона и сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ: «князь великій Володимеръ Всеволодовичъ Мономахъ... началъ совѣтъ творити со князьми своими: «Еда азъ есмь малъ, рече, преже мене царствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великія Росіи» и т. д. Замѣтки о Формозѣ нѣтъ.

c) Magni Moscoviae ducis genealogiae brevis epitome ex ipsorum manuscriptis annalibus excerpta [3]), переводъ родословія, принадле-

---

[1]) *Временникъ*, X, отд. II, стр 24.

[2]) Ibid. 204—266 (по рукоп. Московск. архива минист. иностр. дѣлъ). О царскомъ родословцѣ времени Ивана Грознаго см. въ сочиненіи г. *Лихачева*. Разрядные дьяки XVI вѣка, 405—414.

[3]) Rerum moscoviticarnm auctores varii. Francof. 1600. Переводъ генеалогіи появился въ 1576 г.

Digitized by Google

жащій XVI вѣку. Въ началѣ читается извѣстіе объ Августѣ и Прусѣ: «Augusto (sit fides penes legentem) aliquot fuere vel fratres, vel agnati, qui provinciis quibusdam praefecti fuere. Ex hisce Prussus ad mare Balthicum et Vistulam fluvium celebrem consedit, Prussiaeque nomen dedit. Hujus nepotes ab ipso quarto gradu distantes fuere Rureck, Sinaus et Truvor». Далѣе о Владимірѣ Мономахѣ: «Hujus posterioris (Всеволода) filius Wladimirus Kyoviae ad Boristhenem urbe avita, consedit et post varias concertationes cum agnatis, cum omnes provincias sibi vicissim subiecisset, μονόμαχος dictus est. Hic, libet enim ea referre, quae ipsorum habent manuscripti annales, regi Constantinopolitano Constantino bellum movit, cumque Thraciam depopulatus, magnaque et opulenta praeda onustus, domum reversus esset, et novum bellum moliretur, Constantinus Metropolitam Ephesinum Neophytum atque duos episcopos, praefectum item Antiochiae atque archimandritam Hierosolymitanum Eustaphium ad ipsum mittit magnisque muneribus, utpote parte de Christi Salvatoris cruce, diademate aureo, poculo ex sardonyche lapide fabrefacto, humerali multis gemmis eximio, atque torque aureo, ipsum affecit, Zari nomine, quod si proprie interpreteris, regem significat, non Caesarem, uti multis ostendi posset, ipsum salutare jussit et firmissimum foederis atque amicitiae vinculum cum ipso sanxit». Этотъ же разсказъ былъ извѣстенъ Даніилу Принтцу [1]): «Horum (Рюрика, Синеуса и Трувора) originem Rutheni ad Augustum Caesarem referunt; qua id authoritate fiant, judicent alii. In annalibus enim suis, quorum tamen cum difficultate nostratibus copiam faciunt, scriptum habent: Augusti fratrem Prussum ad mare Balthicum et Vistulam consedisse Prussiaeque nomen dedisse: referunt item ab hoc arces Mamborock, quae fortasse est Marienburgum, a Polonis Malburg dicta, Turonium et Gedanum ad fluvium Nemon occupatas». О Мономахѣ: «Deinde scribunt Wladimirum Kyoviensem ducem a regibus Constantinopolitanis, cum quibus affinitatem contraxerat, transmissis per metropolitam pileo cum humirali, insignibus nempe imperialibus, ad eam dignitatem evectum esse.

Г. *Разсказъ о Мономаховыхъ утваряхъ, какъ отдѣльная статья* безъ родословнаго введенія. Таковъ разсказъ, внесенный въ нѣкоторые списки хронографа [2]); тотъ же разсказъ читается на затворахъ

---

[1]) Scriptores rerum Livonicarum, II, 692, 721. Ср. *Аделунгъ*, Обозрѣніе путеш. по Россіи ч. I, отд. 79, стр. 196.

[2]) *Поповъ*, Изборникъ славянск. и русскихъ сочиненій, внесенныхъ въ хронографы, стр. 20—23. Ср. Обзоръ хронографовъ, II, 60—61.

Digitized by Google

царскаго мѣста въ Успенскомъ соборѣ [1]); нерѣдко встрѣчается этотъ разсказъ, какъ отдѣльная статья, и въ рукописныхъ сборникахъ [2]). Текстъ разсказа совершенно сходенъ съ посланіемъ Спиридона и съ сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ [3]).

Д. *Краткіе пересказы.*

а) Пересказъ лѣтописнаго свода московской редакціи [4]). Начинается: «Того же лѣта 6622 (1114) нача Владимеръ совѣтовати съ бояры своими, хотя ити на Царьградъ».... По содержанію это тотъ же разсказъ, который знакомъ намъ по посланію Спиридона и который повторяется въ другихъ, указанныхъ выше памятникахъ. Сокращеніе коснулось лишь нѣкоторыхъ подробностей изложенія: опущена вступительная рѣчь Владиміра; о сборѣ войска, вмѣсто перечня «чиноначальниковъ» (тысячники, сотники, пятидесятники), замѣчено только: «и князь великій съвокупивъ войско, отпущаше воеводъ сво-

---

[1]) Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ (М. 1792) ч. II, стр. 218—224; *Снегиревъ*, Памятники московск. древн. 27—28. Царское мѣсто устроено въ 1551 году. („в лѣто 7060, сентевриа въ 1 день“); объ этомъ мы узнаемъ изъ особой замѣтки, сохранившейся въ томъ же Погодинскомъ сборникѣ (№ 1567), гдѣ помѣщено посланіе Спиридона—Саввы. *Бычковъ*, Описаніе сборн. Публичн. библіотеки, стр. 59. Ср. замѣтку *Забѣлина* („Археологическая находка“) въ *Москвитянинѣ* 1850, III, № 11.

[2]) Повѣсть о Мономаховой шапкѣ, передаваемая отдѣльной статьей, имѣетъ обыкновенно такое заглавіе: „Поставленіе (или: О поставленіи) великихъ князей русскихъ на великое княженіе откуду бѣ, и како начаша ставитися святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ“. Издано „Поставленіе“: а) въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, ч. VII (изд. 2), стр. 1—4; б) въ трудѣ г. *Барсова*: Древнерусскіе памятники св. вѣнчанія царей на царство (*Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1883, кн. I), стр. 39—41. (По списку посольскаго приказа, XVI в.): Изъ рукописей могу указать: Публичн. библіотеки F. XVII, 19 (=Толст. I, 236), л. 221—222 (О постановленіи...); Q. VI, 66 (=Толст. II, 155), л. 1—3 (Поставленіе...); Погод. № 1576, л. 147—150 (Написаніе о царскомъ вѣнце, когда і како принесенъ бысть из Царяграда в Киевъ); Погод. № 1615, л. 224—226 (О шапки Манамаховѣ); Погод. № 1560, л. 43—44 (безъ загл.); Погод. № 1567, л. 107—108 (безъ загл.); Моск. син. библіот. № 963, л. 23—26; Моск. публ. музея № 587 (=Пискар. № 152), л. 135 и д. (Поставленіе...).

[3]) Нѣкоторое разнообразіе замѣчается лишь въ концѣ памятника. Въ большей части списковъ повѣсть оканчивается замѣчаніемъ: „тѣмъ вѣнцемъ царскимъ вѣнчаются великіи князи Владимірстіи“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вслѣдъ за этой замѣткой приписано извѣстіе о кончинѣ Владиміра Мономаха (Вивліоѳика, VII). Въ одномъ изъ списковъ (Погод. № 1560) уцѣлѣла, хотя и въ сокращенномъ видѣ, замѣтка о Формозѣ: „Въ царство же Константина Манамаха отлучился Римъ отъ Царяграда, испаде папа Римскій отъ вѣры православные Формусъ“.

[4]) Полное собраніе р. лѣтописей, IX, стр. 143—144; VII, стр. 23.

Digitized by Google

ихъ на Фракію Царяграда», наказная рѣчь Константина Мономаха сокращена.

б) Пересказъ, записанный въ Степенной книгѣ [1]) и въ похвальномъ словѣ Михаилу кн. Черниговскому черноризца Филолога [2]). Владиміръ Мономахъ «греческаго царя (у Филолога: отъ греческаго царя) Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ, и крестъ животворящаго древа пріемъ и порамниду (у Филолога, порамницу) царскую и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеся иногда Августъ кесарь римскій, и чепь златую аравицкаго злата и иныя многія царскія почести въ дарахъ пріемъ мужества ради своего и благочестія; и не просто рещи таковому дарованію (прибавл. и) не отъ человѣкъ, но (прибавл. по) Божіимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяюще и преводяще славу греческаго царства на россійскаго царя. Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ въ святѣй велицѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви отъ святѣйшаго митрополита Неофита Ефесскаго и отъ прочихъ святитель *Митулинскаго и Митилинскаго, вкупѣ съ митрополитомъ пришедшихъ отъ Царяграда* (словъ, означенныхъ курсивомъ, у Филолога нѣтъ); и оттолѣ боговѣнчанный царь нарицашеся въ Россійскомъ царствіи» [3]).

---

[1]) Степенная книга, I, 247 (по изд. Миллера).

[2]) Великія Минеи-Четіи, собр. митрополитомъ *Макаріемъ* (изд. археографич. коммиссіей), сентябрь, ч. 20, ст. 1318.

[3]) Къ числу краткихъ пересказовъ можно отнести также извѣстія о Владимірѣ Мономахѣ, находящіяся въ посольскихъ бумагахъ времени Ивана IV. Примѣръ: „Нашъ государь учинился на царствѣ по прежнему обычаю, какъ прародитель его великій князь Владимеръ Мономахъ вѣнчанъ на царство русское, *коли ходилъ ратью на царя греческаго Костянтина Манамаха*, и царь Костянтинъ Мономахъ тогда прародителю государя нашего великому князю Володимеру добилъ челомъ и прислалъ к нему дары, вѣнецъ царьскый и діядиму, съ митрополитомъ ефескимъ киръ Неофитомъ, и иные дары многіе царьскіе прислалъ, и на царство митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и отъ (того) времени именованъ царь и великій князь Владимеръ Монамахъ". (Сборникъ русск. ист. общ. 59, стр. 345: посольство къ Сигизмудну Августу 1550 г.). Упоминаніе о мономаховомъ вѣнцѣ находимъ еще въ Повѣсти о бѣломъ клобукѣ (Памятн. стар. русск. литературы, вып. I, 296). Эта новгородская повѣсть—литературный коррелятивъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ. Въ сказаніи упоминается о папѣ Формозѣ, какъ современникѣ Мономаха; присылка вѣнца связывается хронологически съ раздѣленіемъ церквей. Въ Новгородской повѣсти говорится, что папа Формозъ, отступивъ отъ правой вѣры, не взлюбилъ „святаго бѣлаго клобука", спряталъ его въ каменной стѣнѣ. Царская шапка, присланная изъ Византіи, выставлялась символомъ перенесенія на Русь греческаго царства. Новгородскому клобуку придается еще болѣе высокое значеніе. Святой мужъ, явившійся патріарху Филоѳею, говоритъ: „Въ древняя лѣта, изволеніемъ *зем-*

Digitized by Google

Е. *Пересказы, извѣстные по Густынской лѣтописи и Синопсису.* Особенность этихъ пересказовъ въ замѣнѣ имени Константина Мономаха именемъ Алексѣя Комнина, который, кромѣ даровъ, посылаетъ Кіевскому князю грамоту: «Алексій Комнинъ, милостію Божіею царъ православный Греческій, великому въ державныхъ князехъ рускихъ Володымеру радоватися. Понеже съ нами единыя вѣры еси, паче же намъ и единокровенъ, отъ крове бо великого Константина Мономаха, царя греческаго идеши, сего ради не брань, но миръ и любовь, яко единокровнымъ подобаетъ намъ имѣти со собою; и да познаеши любовъ нашу, яже ко твоему благородству имамы, се посылаю ти вѣнецъ царскій Константина Мономаха, отца матере твоея, и скиптръ и діадиму, еще же и крестъ златый со животворящимъ древомь, и гривны, и иная царская знаменія и дары, ими же да вѣнчаютъ благородство твое посланныи отъ мене святители, яко да будеши отселѣ боговѣнчанный царъ русскій ты и по тебѣ будущіи обладателѣ рускія землѣ». Эта грамота—передѣлка того наказа, который данъ былъ (по упомянутымъ выше пересказамъ) Константиномъ Мономахомъ его посламъ, отправленнымъ въ Кіевъ [1]).

Сказаніе о Мономаховыхъ драгоцѣнностяхъ, сохранившееся въ перечисленныхъ памятникахъ, интересуетъ насъ со стороны его историко-литературнаго значенія, но, чтобы уяснить себѣ это значеніе, нужно предварительно остановиться на нѣсколькихъ вопросахъ, вы-

---

ного царя Константина, отъ царствующаго сего града царьский вѣнецъ данъ бысть рускому царю; бѣлый же сей клобукъ, изволениемъ *небеснаго царя* Христа нынѣ данъ будетъ архиепископу великаго Новаграда, и *кольми сий честнѣе оного*!" Константинъ Великій хотѣлъ было передать папѣ Сильвестру царскій вѣнецъ, но, по повелѣнію апостоловъ Петра и Павла, *вмѣсто вѣнца* устроилъ бѣлый клубокъ, соединивъ такимъ образомъ въ одномъ символѣ выраженіе и царственнаго и церковно-іерархическаго достоинства. Подаривъ клобукъ Сильвестру, Константинъ „совѣтъ благъ приемъ и рече: яко идѣже святительска власть и християнскаго благочестия глава небеснымъ царемъ уставлена бысть, не у достойно есть тамо власть имѣти земному царю". Поручивъ великій Римъ Сильвестру, Константинъ отправился въ Византію и „созда градъ великъ и славенъ и нарече его во имя свое Констянтинъ градъ и живяше ту". Разборъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ см. въ сочиненіяхъ *Петрова* (О судьбѣ вѣна Константинова, въ *Трудахъ Кіевской духовной академіи*, 1865, декабрь; Западное вліяніе въ древней русской литературѣ, ibid. 1872, апрѣль), *Субботина* (Какъ издаются книги о расколѣ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1862, май), *Терновскаго* (Изученіе византійской исторіи, вып. I, 89—90; вып. II, 171—174).

[1]) Полное собр. русскихъ лѣтописей, II, стр. 290; Синопсисъ, стр. 125—128 (по изд. 1735 г.).

Digitized by Google

зываемыхъ содержаніемъ сказанія, составомъ и взаимнымъ отношеніемъ его пересказовъ.

1) Всѣ пересказы повѣсти о византійскихъ дарахъ, полученныхъ Владиміромъ Мономахомъ, принадлежатъ времени значительно отдаленному отъ тѣхъ событій, о которыхъ говорится въ сказаніи. Поэтому первый вопросъ, возбуждаемый этимъ сказаніемъ, — вопросъ историко-критическій, вопросъ о томъ, могутъ ли считаться достовѣрными приведенныя выше извѣстія объ отношеніяхъ Владиміра Мономаха къ византійскому царю. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ—отрицательный. Еще писателями XVII вѣка замѣченъ былъ анахронизмъ въ сопоставленіи именъ Константина и Владиміра Мономаховъ. Византійскій Мономахъ умеръ въ 1055 году, когда русскому Мономаху было только около двухъ лѣтъ [1]). Для устраненія этой-то несообразности въ Густынской лѣтописи и въ Синопсисѣ имя Константина замѣнено именемъ Алексѣя Комнена (1081—1118), современника Владиміра Всеволодовича [2]). Эта поправка ученыхъ XVII вѣка принята была Татищевымъ, который относитъ принесеніе вѣнца къ 1119 году и по этому поводу высказываетъ такія соображенія: «Въ Степенной и въ житіи Іоанна I писано, что Владиміру прислано оное отъ дѣда его Константина Мономаха, токмо оной за долго умеръ, здѣсь же хотя и Алексія сказуетъ, токмо и Алексій Коминнъ умеръ прежде въ 1118 году; однакожъ сіе сумнительства не наноситъ тѣмъ, что Алексій послы отпустя умеръ, и они 1119 года въ Кіевъ пришли и договоры учинили, какъ и о смерти Алексія вскорѣ потомъ сказуетъ,—знатно, что вѣдомость вскорѣ получена» [3]). Интересенъ и самый разсказъ Татищева объ отношеніяхъ Владиміра Мономаха къ Византіи. «Владиміръ, хотя отмстить грекамъ смерть зятя своего Леона и удѣлъ его удержать оставшему младенцу сыну его Василію, велѣлъ всѣмъ своимъ войскамъ готовиться, такожь звалъ всѣхъ прочихъ своихъ князей въ помочь, напередъ же къ Дунаю послалъ воеводу Яна Вышатича, а самъ хотѣлъ со всѣми князи весною итти. Алексій же Императоръ увѣдавъ о томъ, прислалъ ко Владиміру великое посольство, митрополита, епи-

---

[1]) Владиміръ Мономахъ родился въ 6561 (1053) году (Лавр. лѣт. 157).

[2]) „Обрѣтается же въ нѣкихъ лѣтописцахъ, яко отъ Константина Мономаха, кесаря греческаго, прислана быша вся тая знаменія царская Владиміру Мономаху, самодержцу россійскому: но событіе того по смерти Константина Мономаха лѣтъ болѣе пятидесяти отъ прочихъ лѣтописцевъ россійскихъ и отъ Бароніуша и Стріковскаго изъявляется“ (Синопсисъ, изд. 1735, стр. 127).

[3]) Исторія Россійская, кн. 2, стр. 460—461, прим. 369.

Digitized by Google

скоповъ и вельможъ знатныхъ со многими дары, въ нихъ же знатнѣйшее Вѣнецъ царскій, хламида, поясъ драгоцѣнный, скипетръ, чаша сердоликовая съ драгоцѣнными камни и нарекши его себѣ братомъ и царемъ, а при томъ просилъ о мирѣ. Владимиръ же пріялъ оное любовно, и пословъ оныхъ чествовалъ. Потомъ просили послы, чтобъ Владимиръ далъ внуку свою, дочь Мстиславлю, за сына императорскаго Іоанна, что Владимиру не противно явилось, есть ли Императоръ надлежащей съ нимъ договоръ учинить, представляя имъ учиненные Греками съ Леономъ зятемъ его неправды, и что удѣлъ данной ему у сына его отняли, чего и впредь опасно; но по многой просьбѣ и обѣщаніямъ пословъ Владимиръ одаря ихъ отпустилъ, и съ ними для учиненія обстоятельнаго договора послалъ своихъ знатныхъ пословъ, которые бывъ договоры учинили на томъ, что Владимиръ внука своего города уступилъ Іоанну нареченному зятю сына его, за которое Греки Леонову сыну Василію дали деньги, а о бракѣ младости ради сочетающихся отложили на два года, и съ тѣмъ послы Владимировы одарены пребогато возвратились, и была о семъ Владимиру и всѣмъ людямъ радость великая» [1]). Въ этомъ разсказѣ знакомое намъ преданіе о Мономаховомъ вѣнцѣ соединено съ извѣстіями о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай въ 1116 году. О походѣ этомъ сохранилсь извѣстіе въ южно-русскомъ лѣтописномъ сводѣ: «Въ се же лѣто иде Леонъ царевичъ, зять Володимерь, на куръ Алексія царя, и вдася городовъ ему Дунайскыхъ нѣколко; и въ Дельстрѣ городѣ лестію убиста и два сорочинина, посланая царемъ, мѣсяца августа въ 15 день. Въ се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Войтишича, и посажа посадники по Дунаю... Томъ же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай съ Ѳомою Ратиборичемъ и пришедъ Дьрьстру и не въспѣвше ничтоже воротишася». Далѣе, подъ 1122 годомъ: «Ведена Мьстиславна въ Грекы за царь» [2]). Карамзинъ передаетъ разсказъ о походѣ на Константинополь и о греческомъ посольствѣ съ такой оговоркой: «*Если вѣрить новѣйшимъ повѣствователямъ*, то Владимиръ ужасалъ и греческую имперію» [3]). Въ примѣчаніи историкъ высказывается съ большей опредѣленностью, прямо называя повѣсть о мономаховомъ вѣнцѣ «сказкой» [4]). Позже, кромѣ давно замѣченнаго анахронизма въ имени византійскаго императора, указаны были въ нашей «сказ-

[1]) Ibid., стр. 221—222.
[2]) Полн. собр. лѣтоп II, стр. 7, 8, 9. Ср. стр. 291, 292.
[3]) Ист. гос. росс. т. II, гл. VII, стр. 90.
[4]) ibid., примѣч. 220.

Digitized by Google

кѣ» и другія историческія несообразности. Константинъ Мономахъ присылаетъ Владиміру дары съ *митрополитомъ ефесскимъ Неофитомъ;* въ спискѣ ефесскихъ митрополитовъ имени Неофита не отыскивается [1]). Кромѣ Неофита, въ составѣ византійскаго посольства были два епископа мелитинскій и митилинскій [2]), стратигъ антіохійскій, августалій александрійскій и игемонъ іерусалимскій, «Но во время Мономаха, замѣчаетъ проф. Васильевскій, не было ни александрійскихъ августаліевъ, ни іерусалимскихъ игемоновъ. Августалій есть титулъ префектовъ Египта въ періодъ Римской имперіи, а Египетъ и Сирія давно были въ рукахъ мусульманскихъ» [3]). Сомнительнымъ представляется и появленіе стратига антіохійскаго [4]).

Не смотря на всѣ эти очевидныя ошибки и несообразности, нѣкоторые ученые пытались однако отыскать въ повѣсти о Мономаховой утвари черты исторически-достовѣрнаго извѣстія. По мнѣнію князя Оболенскаго, Константинъ Мономахъ *могъ* прислать дары Владиміру Мономаху: «Весьма естественно, что императоръ, не оставляя послѣ себя потомства по мужескому колѣну, желалъ передать и дѣйствительно *передалъ царское достоинство*, вмѣстѣ съ регаліями, своему малюткѣ-внуку, какъ великое наслѣдіе въ своемъ родѣ». Князь Оболенскій допускалъ даже, что надъ ребенкомъ «по желанію дѣда» совершенъ былъ обрядъ царскаго вѣнчанія [5]). Несостоятельность этого страннаго мнѣнія выяснена была съ убѣдительностью, не допускающею спора, гг. Васильевскимъ и Прозоровскимъ [6]). Не

---

[1]) *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи, II, стр. 159.

[2]) Мелитина и Митилина были митрополіями, а не епископіями. (*Скабалановичъ*, Византійское государство въ XI вѣкѣ, стр. 408, 413).

[3]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1875, № 12, стр. 312 (въ статьѣ: „Русско-византійскіе отрывки. I. Два письма византійскаго императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу"). Замѣтимъ, что въ нашихъ Азбуковникахъ титулу „августалій" придается широкое значеніе: „Августалій—воевода великій. Древле въ Еллинахъ честно бѣ имя Августъ, тѣмъ же въ почесть коему сановнику царскому дающеся нареченіе се" (*Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа т. II кн. V, стр. 141). Вмѣсто: „игемонъ іерусалимскій" въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается „игуменъ іерусалимскій".

[4]) „Il est aussi improbable qu'il existât en ce temps un stratège d'Antioche, car Antioche était alors une principauté latine fondée par les croisés". (*Regel*, Analecta byzantino-russica, p. LXX).

[5]) Соборная грамота духовенства православной церкви, утвержд. санъ царя за в. кн. Иваномъ IV, стр. 7.

[6]) *Васильевскій*, Русско-византійскіе отрывки (см. выше); *Прозоровскій*, По вопросу о регаліяхъ, приписс. Владиміру Мономаху (Труды 3-го археологическаго съѣзда, т. II, стр. 145—149); Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру

Digitized by Google

повторяя ихъ соображеній и доказательствъ, замѣчу только, что нельзя, конечно, допустить, чтобы какому нибудь византійскому императору пришла мысль, будто онъ можетъ передать свое царское достоинство иноземному князю. Да и что общаго между предполагаемымъ вѣнчаніемъ двухлѣтняго Всеволодова сына и тѣмъ вѣнчаніемъ Владиміра, о которомъ говорится въ сказаніи?..

С. М. Соловьевъ, по примѣру Татищева, соединяетъ разсказъ о присылкѣ инсигній съ извѣстіями о Дунайскомъ походѣ: «Дочь Мономахова Марія была въ замужествѣ за Леономъ, сыномъ императора греческаго Діогена; извѣстны обычные въ Византіи перевороты, которые возвели на престолъ домъ Комненовъ въ ущербъ дома Діогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи своего тестя, русскаго князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя Комнина и добыть себѣ какую нибудь область; нѣсколько дунайскихъ городовъ уже сдались ему, но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ для внука своего Василія [1]) удержать пріобрѣтенія Леоновы и послалъ воеводу Ивана Войтишича, который посажалъ посадниковъ по городамъ дунайскимъ, но Доростолъ былъ захваченъ уже греками; для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ Вячеславъ съ воеводою Ѳомою Ратиборовичемъ на Дунай, но принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха. *По другимъ извѣстіямъ*, русское войско имѣло успѣхъ во Ѳракіи, опустошило ее, и Алексѣй Комненъ, чтобы избавиться отъ этой войны, прислалъ съ мирными предложеніями къ Мономаху Неофита, митрополита ефесскаго, и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли Кіевскому князю богатые дары, крестъ изъ животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотыя цѣпи и проч.,—при чемъ Неофитъ возложилъ этотъ вѣнецъ на Владиміра и назвалъ его царемъ... Извѣстіе это не заключаетъ ничего невѣроятнаго» [2]).

Допустимъ, что сопостовляемыя историкомъ извѣстія дѣйствительно говорятъ объ одномъ и томъ же событіи,—о дунайскомъ походѣ. Извѣстія эти противорѣчатъ одно другому, между ними при-

---

Мономаху (*Записки отдѣленія русской и слав. археологіи р. арх. общества*, т. III, стр. 1—64).

[1]) Объ этомъ Василіѣ Леоновичѣ находимъ извѣстіе въ лѣтописи подъ 6644 (1136) годомъ: „Тогда же (въ битвѣ Мономаховичей съ Ольговичами на р. Супоѣ) Василко Леоновичъ царевичь убьенъ бысть“ (П. Собр. Лѣтоп., II, 13).

[2]) Исторія Россіи, II, 82.

Digitized by Google

ходится дѣлать выборъ. Мы знаемъ, что одни извѣстія—лѣтописныя замѣтки, сохранившіяся въ южно-русскомъ лѣтописномъ сводѣ; «другія извѣстія» — знакомое намъ сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ. Чтобы признать, что разсказъ о византійскихъ дарахъ дѣйствительно «не заключаетъ ничего невѣроятнаго», нужно допустить, что сказаніе, несомнѣнно позднее, представляетъ сообщенія болѣе достовѣрныя, чѣмъ замѣтка древняго лѣтописнаго свода. Мы могли бы согласиться съ такимъ предложеніемъ только въ томъ случаѣ, если бы было указано, что въ болѣе древнемъ извѣстіи есть подробности, вызывающія сомнѣнія, противорѣчащія обстоятельствамъ дѣла, между тѣмъ какъ болѣе позднее извѣстіе, чуждое такихъ подробностей, имѣетъ печать исторической правды. Таково ли отношеніе разсматриваемыхъ разсказовъ? Лѣтописныя извѣстія о возстаніи царевича Леона и о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай не вызываютъ сомнѣній. Что же касается сказанія о византійскомъ посольствѣ, то прежде, чѣмъ ввести его въ рядъ историческихъ извѣстій, приходится сдѣлать въ немъ нѣсколько существенныхъ поправокъ: вмѣсто имени Константина Мономаха нужно написать имя Алексѣя Комнена: нужно затѣмъ исправить дату, ибо указанія на 1116 годъ нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ сказанія; перечень пословъ (митрополита Неофита и другихъ) надо совсѣмъ вычеркнуть. Неужели такой, требующій кореннаго измѣненія разсказъ можно серьезно противопоставлять лѣтописнымъ извѣстіямъ? Нужно еще замѣтить, что и самое сопоставленіе сказанія и лѣтописи не оправдывается составомъ извѣстій: лѣтопись говоритъ о царевичѣ Леонѣ, о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай, о посадникахъ Владиміровыхъ въ дунайскихъ городахъ: сказаніе не упоминаетъ ни объ одной изъ этихъ подробностей, а говоритъ о какомъ-то походѣ «во Ѳракію Царяграда».

2) Мы видѣли, что повѣсть о византійскихъ дарахъ, полученныхъ княземъ Владиміромъ, дошла до насъ въ пересказахъ не одинаковаго состава: въ одномъ рядѣ пересказовъ повѣсть соединена съ вступительной статьей, излагающей воспоминанія изъ древней исторіи («Отъ исторіи Ханаоновы»); въ другомъ рядѣ пересказовъ повѣсть имѣетъ видъ отдѣльнаго сказанія, не имѣющаго родословнаго введенія, при чемъ текстъ повѣсти передается или въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ пересказахъ перваго ряда, или сокращенно. На какой же группѣ пересказовъ слѣдуетъ остановиться, какъ на болѣе древней, передающей сказаніе въ первоначальномъ, или, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе близкомъ къ первоначальному виду?

Digitized by Google

Было высказано мнѣніе, что статья «отъ исторіи Ханаоновы» и повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ сложились независимо одна отъ другой, имѣли первоначально видъ отдѣльныхъ произведеній и только позже соединены въ одно цѣлое [1]). Въ пользу такого мнѣнія говорить, повидимому, существованіе памятниковъ, въ которыхъ Родословіе и Повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ дѣйствительно передаются отдѣльно. Остановимся на этихъ памятникахъ.

Подробная повѣсть о Мономаховыхъ драгоцѣнностяхъ (хронографъ; напись на царскомъ мѣстѣ въ Успенскомъ соборѣ; разсказъ о «поставленіи великихъ князей русскихъ») представляетъ, какъ было уже замѣчено, *тотъ же самый текстъ*, который читается и въ Сказаніи о князехъ Владимирскихъ и въ посланіи Спиридона. Важно при этомъ обратить вниманіе на первыя строки повѣсти. Въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсть начинается такъ: «*Въ лѣто 6496* (то-есть, въ 988 году), *и отъ великаго и блаженнаго князя Володиміра четвертое колѣно правнукъ его князь великій Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ*, той убо царь и Мономахъ прозвася отъ таковы вины: егда на великое княженіе сѣде въ Кіевѣ, совѣтъ творяше съ князьми своими и боляры...» [2]). Какъ объяснить это странное указаніе на 988 годъ при разсказѣ о Владимірѣ Мономахѣ? Отвѣтъ даетъ справка съ текстомъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ. Въ сказаніи читаемъ: «отъ великаго князя Рюрика четвертое колѣно князь великій Володимеръ просвѣтивый землю Рускую святымъ крещеніемъ *въ лѣто 6496*, *и отъ великаго князя Володимера четвертое колѣно князь Володимеръ Всеволодичъ...*» [3]). Ясно, что тотъ, кто отдѣлялъ разсказъ о Мономахѣ отъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ принялъ по ошибкѣ годъ, относящійся къ крещенію Руси, за годъ вступленія Мономаха на великое княженіе. Эта ошибочная дата, драгоцѣнная какъ несомнѣнный показатель связи, соединявшей повѣсть о великокняжескихъ уборахъ съ разказомъ «отъ исторіи Ханаоновой», исправлена въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти, при чемъ вмѣсто 6496 года выставляется 6622 (1114) или 6621 (1113) годы [4]). Но и въ этихъ исправленныхъ спискахъ удерживается большею частью при имени Мономаха родословное опредѣ-

[1]) *М. А. Дьяконовъ.* Власть московскихъ государей, 79.

[2]) Рукоп. Публ. библіот. изъ древлехр. Погод. 1576, 1567; напись на царскомъ мѣстѣ.

[3]) Погод. древлехр. № 1572, 1604; Публ. библіот. O. IV. 21.

[4]) Публ. библіот. Q. IV. 66; F. XVII, 19. *Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс.*, X., II, 206.

Digitized by Google

леніе («четвертое колѣно», «правнукъ великаго князи Владиміра, просвѣтившаго русскую землю святымъ крещеніемъ»...), связывавшее въ Сказаніи повѣствованіе о византійскихъ дарахъ съ воспоминаніями о древнѣйшихъ русскихъ князьяхъ. Уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти и упоминаніе о папѣ Формозѣ, о которомъ разсказываетъ посланіе Спиридона и Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. На основаніи всѣхъ этихъ указаній съ рѣшительностью можно и должно утверждать, что подробная повѣсть о Мономаховыхъ драгоцѣнностяхъ есть отдѣльно переписывавшаяся часть Сказанія о князьяхъ Владимірскихъ.

Обратимся къ краткимъ пересказамъ повѣсти.

Пересказъ Московскаго лѣтописнаго свода, какъ было уже замѣчено, представляетъ несомнѣнно сокращеніе подробнаго разсказа «Начя Владимеръ совѣтовати съ бояры своими, хотя ити на Царьградъ; *отвѣщаша* ему боляре его: сердце царево въ Божіей руцѣ» и т. д.—Бояре отвѣчали, а что же спрашивалъ у нихъ Владиміръ? Объ этомъ мы узнаемъ изъ подробной повѣсти. Помимо подобныхъ сокращеній текстъ лѣтописнаго разсказа дословно сходенъ съ сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ.

Менѣе яснымъ представляется отношеніе сказанія къ краткому извѣстію Степенной книги. Г. Прозоровскій, въ указанномъ выше изслѣдованіи «Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху», высказываетъ предположеніе, что разсказъ Степенной книги былъ источникомъ всѣхъ болѣе подробныхъ пересказовъ повѣсти о Мономаховыхъ инсигніяхъ. «Говорятъ, что царскія утвари были присланы Владиміру Мономаху изъ Византіи для коронованія и указываютъ на древнее преданіе объ этомъ событіи, которое однакожъ записано въ историческихъ памятникахъ не одинаково, самые же памятники, упоминающіе о томъ, не только не современны Мономаху, но моложе и Татарскаго періода, такъ какъ всѣ они составлены хотя по старой основѣ, но съ перемѣнами и съ добавленіями уже въ XVI, а нѣкоторые въ XVII вѣкѣ. Въ наиболѣе старыхъ памятникахъ вовсе не находимъ никакого намека на означенное преданіе, а позднѣйшія рукописи не указываютъ на источники, изъ которыхъ онѣ это преданіе заимствовали. Впрочемъ, есть основаніе полагать, что единственнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ была Степенная книга...; другіе памятники либо повторяютъ сказаніе Степенной книги, либо излагаютъ его согласно своимъ понятіямъ, выведеннымъ изъ историческихъ соображеній всегда неудачныхъ» [1].

[1]) *Записки отд. русск. и слав. археол.* III. 2—3.

Digitized by Google

Хронологія дошедшихъ до насъ текстовъ, передающихъ преданіе о Мономахѣ, не подтверждаетъ соображеній г. Прозоровскаго. Редакція извѣстнаго намъ разсказа Степенной книги принадлежитъ, по словамъ самого г. Прозоровскаго, XVI вѣку, точнѣе—второй половинѣ этого вѣка. «Пероначально Степенная книга была составлена св. митрополитомъ Кипріаномъ; не извѣстно, продолжалась ли она послѣ него; наконецъ, ***митрополитомъ Макаріемъ приведена въ тотъ составъ, въ какомъ мы ее теперь видимъ....*** Ежели нѣтъ возможности опредѣлить точно всѣ добавленія, сдѣланныя послѣ Кипріана, то можно по крайней мѣрѣ опредѣлить степень вліянія позднѣйшаго времени на Кипріаново сочиненіе и въ особенности на преданіе о вѣнчаніи Владиміра Мономаха. Дѣйствительно, печать XVI вѣка лежитъ на всемъ составѣ Степенной книги. Владиміръ Мономахъ называется въ ней «царемъ и великимъ княземъ», титуломъ, установившимся уже послѣ коронованія Іоанна Грознаго въ 1547 году, а затѣмъ въ заключительной къ четвертой степени замѣткѣ сказано, что послѣ Владиміра «пятый степень начинается, иже есть начало московскому царствію», о которомъ при Кипріанѣ еще никто и не думалъ.... По всѣмъ указаннымъ признакамъ можно смѣло утверждать, что ***Кипріанъ или совсѣмъ ничего не писалъ о вѣнчаніи Владиміра Мономаха, или его изложеніе преданія въ XVI вѣкѣ совершенно перепрaвлено***» [1]). Подробное сказаніе о Мономаховой утвари явилось ранѣе этой Макаріевой редакціи Степенной книги: м. Спиридонъ писалъ свое посланіе при Василіѣ Ивановичѣ, и притомъ ранѣе 1523 года. Можно, конечно, замѣтить, что хронологія дошедшихъ до насъ текстовъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при обсужденіи вопроса о взаимномъ отношеніи редакцій того или другаго Сказанія. Краткій разсказъ Степенной книги могъ вѣрнѣе сохранить черты первоначальнаго Сказанія, чѣмъ болѣе ранній памятникъ—Спиридоново Посланіе. Но такое предположеніе можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что краткое извѣстіе свободно отъ тѣхъ ошибокъ и позднѣйшихъ примѣсей, которыя встрѣчаются въ подробномъ разсказѣ. Если же это доказано быть не можетъ, то мы, по необходимости, должны предположить иное отношеніе разсматриваемыхъ извѣстій, то-есть, признать, что болѣе позднее, краткое извѣстіе есть извлеченіе изъ подробнаго разсказа, сокращеніе болѣе ранняго памятника. Къ такому именно выводу приводитъ сличеніе извѣстій Степенной книги съ разсказомъ Спиридонова Посланія и Сказанія о

[1]) Ibid. 57—58, 61.

князехъ Владимірскихъ. Въ сказаніи несомнѣнно позднимъ и неудачнымъ домысломъ представляется упоминаніе о митрополитѣ Неофитѣ и его спутникахъ. Упоминаніе это повторяется и въ Степенной книгѣ: «Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ въ святѣй велицѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви отъ святѣйшаго митрополита Неофита Ефесскаго и отъ прочихъ святитель Митуліинскаго и Митилинскаго, вкупѣ съ митрополитомъ пришедшихъ отъ Царяграда». Зачѣмъ именно прибыли въ Кіевъ Неофитъ и его спутники, Степенная книга не говоритъ, но упоминаніе о греческихъ святителяхъ въ связи съ извѣстіемъ о дарахъ, полученныхъ княземъ Владиміромъ, даетъ основаніе догадываться, что эти именно лица и принесли цареградскіе дары. Въ подробномъ Сказаніи обстоятельства дѣла представляются съ полной ясностью: митрополитъ Неофитъ и другіе епископы посланы изъ Цареграда съ дарами; по прибытіи въ Кіевъ, они передаютъ эти дары Владиміру и вѣнчаютъ его царскимъ вѣнцемъ. Извѣстіе Степенной книги упоминаетъ и о Константинѣ Мономахѣ: «Его же ради мужества и греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа пріемъ» и т. д. Г. Прозоровскій обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ извѣстіи не говорится, будто дары присланы отъ Константина Мономаха, между тѣмъ какъ въ другихъ пересказахъ преданія «присылка утварей прямо приписывается Константину Мономаху» [1]). По поводу этого замѣчанія нужно сказать слѣдующее: а) Извѣстіе, находящееся въ Степенной книгѣ, повторяется, какъ было уже замѣчено, въ похвальномъ словѣ Михаилу Черниговскому. Въ текстѣ этого Слова читаемъ: «отъ греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ... пріемъ». Можно ли доказать, что чтеніе Степенной книги слѣдуетъ назвать основнымъ? [2]) б) Въ извѣстіи Степенной книги сказано: «греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ... пріемъ, и парамниду царскую и крабійцу сердоличную... и чепь златую... и иныя многія царскія почести въ дарахъ пріемъ». Допустимъ, что слова: «Константина Мономаха» указываютъ не на лицо приславшее дары, а лишь на лицо, которому принадлежали присланныя вещи. Всѣ ли упомянутые въ извѣстіи подарки, или только нѣкоторые признаются мономаховыми? Если всѣ, то слова «Константина Мономаха» и «отъ

[1]) Ibid. 3.

[2]) Въ одномъ изъ списковъ Степенной книги интересующее насъ мѣсто передано такъ: «его же ради мужества и храбрости греческии царь Константинъ Мономахъ в дарѣхъ почести присла ему діадиму царскую» и т. д. Рукоп. Публ. Библіот. Q. XVII, 72 (=Толст. II, 282).

Digitized by Google

Константина Мономаха» будутъ имѣть одинаковый смыслъ, ибо что иное можетъ значить выраженіе «получилъ дары Константина Мономаха», какъ не то, что эти дары были получены отъ Константина Мономаха? Если же принадлежавшими Константину называются лишь нѣкоторыя вещи (діадима, вѣнецъ, крестъ), то кому же принадлежали остальныя? Не странно ли, что, упомянувъ о царѣ Константинѣ, прежнемъ владѣльцѣ вѣнца и діадимы, авторъ замѣтки не счелъ нужнымъ назвать того, кто прислалъ въ Кіевъ эти вещи, присоединивъ къ нимъ пирамниду, крабійцу, цѣпь золотую и другіе подарки? в) Значеніе присланныхъ изъ Византіи вещей опредѣлялось не принадлежностью ихъ дѣду Владиміра Мономаха, а тѣмъ, что онѣ были выраженіемъ «царскихъ почестей»; съ полученіемъ этихъ вещей связано было перенесеніе «славы греческаго царства на россійскаго царя». Очевидно, вѣнецъ, крестъ и прочія драгоцѣнности переданы были князю Владиміру какимъ-то греческимъ царемъ (иначе не было бы и перенесенія «славы») и назначались именно для коронованія русскаго князя. Редакторъ Степенной книги дѣлаетъ намекъ на это, но не даетъ прямого и яснаго указанія; извѣстіе остается недосказаннымъ, неопредѣленнымъ. Эта недосказанность, эта неопредѣленность заставляютъ предполагать какой-то болѣе подробный и болѣе ясный разсказъ о присылкѣ византійскихъ даровъ,—такой именно разсказъ, какой находимъ въ Посланіи м. Спиридона и въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Редакторъ Степенной книги сократилъ подробное сказаніе, но оно просвѣчиваетъ сквозь недомолвки и намеки «краткаго извѣстія». г) Въ извѣстіи Степенной книги нѣтъ указанія, по какому поводу, при какихъ обстоятельствахъ прислана была Мономаху царская утварь. Подробные разсказы сообщаютъ, что причиной византійскаго посольства былъ походъ Владиміровыхъ дружинъ къ Цареграду. Какъ объяснить появленіе этого извѣстія, если допустить, что показанія Степенной книги были источникомъ всѣхъ другихъ пересказовъ повѣсти о шапкѣ Мономаха?

Въ защиту мнѣнія о первоначальной отдѣльности сказанія «Отъ исторіи Ханаоновы» и повѣсти о Мономаховомъ вѣнцѣ можно, пожалуй, указать еще на списки Родословія, въ которыхъ читается сказаніе, но нѣтъ повѣсти. Таковъ, какъ мы видѣли, списокъ Синодальной библіотеки, изданный въ *Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Но этотъ списокъ принадлежитъ довольно позднему времени, а именно началу XVII вѣка. Въ спискѣ, переданномъ латинскимъ переводомъ XVI вѣка, родословіе и разсказъ о вѣнцѣ соединены. Соединенными представляются эти отдѣлы и въ памят-

Digitized by Google

никѣ начала XVI вѣка—въ Посланіи Спиридона. Важно при этомъ обратить вниманіе на то, что соединеніе упомянутыхъ сказаній не ограничивается тѣмъ, что сказанія эти включаются въ одинъ и тотъ же памятникъ; замѣчается связь и въ изложеніи и въ содержаній сказаній. Разсказъ о Мономахѣ открывается родословной замѣткой (отъ великаго князя Владиміра четвертое колѣно), которая служитъ продолженіемъ подобныхъ же замѣтокъ, помѣщенныхъ въ концѣ родословія. Содержаніе соединенныхъ сказаній представляетъ любопытную попытку связать исторію Московскаго царства съ исторіей всемірной. Главный, центральный пунктъ въ разсказѣ о древнихъ властодержцахъ—свѣдѣнія о кесарѣ Августѣ. Юлій Кесарь отправилъ Августа въ Египетъ. Приходитъ вѣсть о смерти Юлія. Римскія дружины провозглашаютъ Августа императоромъ. Провозглашеніе сопровождается обрядомъ переодѣванія. Августъ одѣтъ былъ въ порфиру и виссонъ Сеостра, начальнаго царя Египту; голова покрыта была митрой индѣйскаго царя Пора, принесенной Александромъ Македонскимъ; на плечи накинута была окрайница царя Филикса. Этотъ пестрый костюмъ долженъ былъ служить символическимъ выраженіемъ всемірной власти римскаго кесаря: онъ—наслѣдникъ Сеостра, Филикса, Пора, Александра... Въ его лицѣ сходилось все величіе былаго, отъ него же разошлась власть и сила по отдѣльнымъ странамъ: ставленники Августа сѣли и въ Египтѣ, и въ Сиріи, и на берегахъ Истра, и тамъ, гдѣ обитаютъ угры, и на побережьѣ Вислы рѣки. Исторія Московскаго государства двойнымъ узломъ связана съ этимъ давнимъ величіемъ Римской имперіи. Русскіе князья—потомки Пруса, брата Августа и его намѣстника. Въ рукахъ московскихъ князей—завѣтная святыня, инсигніи Византійскихъ царей, властителей новаго Рима, преемниковъ Августовой власти. «А царству ихъ (московскихъ князей) начатокъ отъ Сеостра и отъ Августа, кѣсаря Римска, сей бо Августъ пооблада вселенною». Такъ оканчивается посланіе Спиридона. Передъ мыслью писавшаго эти строки носился образъ всемірной монархіи. Въ шапкѣ Мономаха и въ крабійцѣ, изъ которой «Августъ кесарь веселяшеся», ему видѣлся символическій залогъ будущаго необъятнаго величія Москвы. Являлись вызванныя изъ сумрака вѣковъ величавыя тѣни римскаго императора и загадочнаго египетскаго фараона и открывали передъ московскими князьями заманчивую даль, на горизонтѣ которой рисовалось блестящее марево всемірной власти.

3) Повѣсть о древнихъ монархахъ и ея продолженіе, разсказъ о Мономахѣ, передаются въ Сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ и въ

Digitized by Google

посланіи Спиридона-Савы. Изложеніе этихъ памятниковъ, при дословномъ большею частью сходствѣ, представляетъ однако и нѣкоторыя разницы Какъ объяснить эти разницы? Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ распредѣлить изучаемые тексты? Гдѣ первоначальная основа и гдѣ позднѣйшая переработка? Сличеніе Сказанія и Посланія не даетъ отвѣта на эти вопросы: видимъ разницы, но не отыскиваемъ основаній для предпочтенія одного чтенія другому. Отношеніе этихъ текстовъ можетъ нѣсколько разъясниться лишь путемъ сопоставленія Сказанія и Посланія съ текстомъ, пореданнымъ въ «Родословцѣ великихъ князей». Вотъ данныя, полученныя при такомъ сопоставленіи.

а) Въ началѣ и въ концѣ Спиридонова посланія мы находимъ замѣтки, изъ которыхъ узнаемъ объ авторѣ и о времени появленія этого произведенія. Въ Сказаніи и Родословцѣ такихъ замѣтокъ нѣтъ; это—памятники анонимные.

б) Первый отдѣлъ повѣтствованія о древнихъ властодержцахъ до разсказа объ Юліѣ Кесарѣ и Августѣ совершенно сходенъ въ Сказаніи и Родословцѣ. У Спиридона въ этомъ отдѣлѣ есть нѣкоторыя добавки. Послѣ извѣстія о нѣкоемъ начальникѣ, появившемся въ Калаврійскихъ странахъ, Спиридонъ говоритъ: «имяше же и Симъ, сынъ Ноевъ, сынъ именемъ Арѳаксадъ, отъ его же рода правнукъ его Гайдуварій». Этихъ словъ нѣтъ въ Сказаніи и Родословцѣ: Гайдуварій называется правнукомъ упомянутаго выше калаврійскаго «начальника», имя котораго обозначается не одинаково (Фарсисъ, Фарисъ, Арфаксъ). Нѣтъ въ Сказаніи и Родословцѣ и замѣтки о Птоломеяхъ: «И отъ Птоломѣя Заѣчича до Птоломея прокаженнаго преминуло во Египте Птоломѣевъ 20». Спиридонъ вставилъ эту замѣтку передъ извѣстіемъ объ удаленіи матери Александра къ ея отцу Фолу.

в) Второй отдѣлъ повѣсти, разсказъ объ Юліи Кесарѣ и о борьбѣ Августа съ Антоніемъ, сходенъ въ Сказаніи и Посланіи; Родословецъ измѣняетъ порядокъ подробностей. Въ первыхъ двухъ памятникахъ послѣдовательность событій такая: Юлій посылаетъ зятя своего Антонина въ Египетъ; Клеопатра вступаетъ съ нимъ въ переговоры, которые оканчиваются бракомъ римскаго полководца и египетской царицы. Узнавъ о томъ, что Антонинъ «воцарился» въ Египтѣ, Юлій отправилъ противъ него брата своего Августа. Походъ окончился покореніемъ Египта. Антоній убитъ; Клеопатра «умори себе ядомъ аспидовымъ». Въ это время противъ Юлія Кесаря возстали ипаты Врутосъ, Помплій и Красъ. Юлій убитъ. Извѣстіе объ этомъ дошло до Египта. Римскія дружины провозгласили Августа импера-

Digitized by Google

торомъ. Въ Родословцѣ тѣ же событія разсказаны въ иной послѣдовательности. Вслѣдъ за извѣстіемъ о Клеопатрѣ, управлявшей Египтомъ «подъ отцемъ своимъ Птоломеемъ», читаемъ: «и въ то время бысть въ Римѣ первый римскій кесарь Іуліе, и пришедъ во Египетъ и сотвори Египетъ и Клеопатру подъ областію римскою и пріиде въ Римъ». Брутусъ, Помплій и Красъ убили Юлія. Августъ, его сыновецъ, объявленъ императоромъ и торжественно коронованъ. Въ это время пришло извѣстіе, что Клеопатра свергла власть Рима. Августъ посылаетъ противъ нея своего зятя Антонина. Антонинъ перешелъ на сторону египетской царицы. Августъ съ своими братьями, собравъ большое войско, двинулся въ Египетъ. Антонинъ убитъ. Клеопатра умерла отъ яда.

г) Вслѣдъ за только что передаными извѣстіями въ Сказаніи и въ Родословѣ читаемъ: «въ лѣто 5457 году Августу кесарю Римскому грядущу во Египетъ со своею братіею и со своими ипаты, со многимъ воинствомъ на Клеопатру царицу, яже бѣ власть египетская, роду сущи Птоломѣева, и срѣте его Иродъ Антипатровъ асколонитянинъ и творя ему великое послуженіе вои, пищею и дары, предаде же Богъ Египетъ и Клеопатру въ руцѣ Августу Кесарю». У Спиридона этой замѣтки нѣтъ.

д) Въ перечнѣ Августовыхъ намѣстниковъ Сказаніе опускаетъ имя Киринея, упомянутое въ Посланіи Спиридсна и въ Родословцѣ.

е) Въ Родословцѣ вступительная часть, имѣющая сходство съ Посланіемъ и Сказаніемъ, оканчивается извѣстіемъ о Прусѣ. Слѣдующій затѣмъ разсказъ о призваніи князей составленъ по лѣтописи. Въ Посланіи и въ Сказаніи преданіе о Гостомыслѣ и Рюрикѣ изложено одинаково.

ж) Сходны, какъ выше было замѣчено, разсказы о Владимірѣ Мономахѣ, помѣщенные въ Сказаніи и въ Посланіи. Исключеніе составляетъ одна подробность: въ сказаніи, послѣ упоминанія о походѣ русскихъ войскъ во Ѳракію, сказано; «Тогда бѣ во Царѣградѣ благочестивый царь Константинъ Мономахъ, *и в то время брань имыи с персы и съ латыны*»[1]). У Спиридона этого извѣстія нѣтъ.

з) Замѣтка о папѣ Формозѣ въ Сказаніи помѣщена въ концѣ; въ Посланіи она вставлена въ разсказъ о Мономахѣ. Въ изложеніи замѣтки есть разницы[2]).

---

[1]) Это извѣстіе о персахъ и латинахъ удерживается и въ спискахъ сказанія о мономаховой шапкѣ, передаваемаго въ видѣ отдѣльной статьи.

[2]) Текстъ замѣтки о Формозѣ см. въ приложеніи IV (примѣч. къ Спиридонову посланію).

Digitized by Google

На основаніи этихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ сопоставленія трехъ параллельныхъ текстовъ, съ увѣренностью можно утверждать, что Сказаніе о князехъ Владимірскихъ сохранило намъ текстъ древнѣйшій, наиболѣе близкій къ первоначальному. Въ Посланіи Спиридона находимъ нѣсколько такихъ добавокъ, которыя не повторяются ни въ Сказаніи, ни въ Родословцѣ (объ Арфаксадѣ, о Птоломеѣ Заечичѣ); эти добавки составляютъ принадлежность только Спиридонова Посланія. Подобнымъ же образомъ въ Родословцѣ есть такія измѣненія (порядокъ извѣстій объ Августѣ и Антоніѣ), которыя принадлежатъ только этому памятнику. Сказаніе о князьяхъ свободно отъ этихъ добавокъ и перестановокъ, находимыхъ въ Посланіи и въ Родословцѣ, почему особенности этихъ послѣднихъ памятниковъ легко могутъ быть объяснены, какъ неодинаковое измѣненіе того основнаго изложенія, которое находится въ Сказаніи. Чтобы полнѣе убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, допустимъ иное объясненіе. Предположимъ, что основнымъ текстомъ слѣдуетъ признать Посланіе Спиридона. Какъ при этомъ объяснить, что редакторы Сказанія и Родословца сошлись въ измѣненіи этой предполагаемой основы? Тотъ и другой прибавили извѣстіе о встрѣчѣ Августа съ Иродомъ, тотъ и другой выбросили извѣстіе о Птоломеѣ Заечичѣ. Можно, пожалуй, допустить новую догадку: Посланіе Спиридона было переработано въ Сказаніи о князьяхъ; составитель Родословца воспользовался этой переработкой, но не оставилъ бывшаго у него подъ руками текста неизмѣненнымъ, а внесъ въ него новыя поправки. Остановиться на этомъ предположеніи мѣшаютъ особенности тѣхъ мѣстъ Спиридонова Посланія, которыми оно отличается отъ Сказанія. У Спиридона упоминаются два Арфаксада, сынъ Ноя и сынъ Сима, предокъ Гайдуварія. Въ Сказаніи и въ Родословцѣ Гайдуварій, какъ мы видѣли, называется потомкомъ Афета, правнукомъ Ѳарсиса (или Арфакса). Какъ объяснить эту разницу? Въ Сказаніи два раза упоминается объ Арфаксадѣ, при чемъ въ одномъ случаѣ онъ называется сыномъ Ноя («отъ исторіи Ханаоновы и предѣла Арфаксадова, перваго *сына Ноева*, рождьшагося по потопѣ»), въ другомъ сыномъ Сима («и благослови *Симова сына* Арфаксада, яко да вселится въ предѣлахъ ханаонскихъ»). Это противорѣчіе указываетъ на очевидную порчу текста. Повидимому, подобный же испорченный текстъ былъ и подъ руками Спиридона. Чтобы устранить разногласіе, онъ и во второмъ случаѣ назвалъ Арфаксада сыномъ Ноя: «благослови же и четвертаго *своего сына* Арѳаксада вселитися въ ханаоновыхъ предѣлехъ». Но чтобы сохранить упоминаніе и о Симовомъ

Digitized by Google

сынѣ Арфаксадѣ (о которомъ Спиридонъ могъ знать изъ Библіи), онъ вставилъ замѣтку: «имяше же и Симъ, сынъ Ноевъ, сынъ именемъ Арѳаксадъ». Обратное предположеніе, признаніе Спиридонова текста основнымъ оставляетъ необъяснимымъ, почему редакторы позднѣйшихъ текстовъ нашли нужнымъ опустить только что приведенную замѣтку. Также было бы трудно объяснить опущеніе извѣстія Спиридона о Птотомеѣ Заечичѣ.

Обратимъ еще вниманіе на вступительныя строки Спиридонова Посланія: «Слышание мое еже потребовалъ еси отъ насъ своимъ писаниемъ и нашими черньцы, ищучи отъ насъ нѣкихъ прежнихъ лѣтъ ото историкіи, отъ Ханаонова предѣла, рекомаго отъ Арѳаксадова» и т. д. На основаніи этихъ словъ можно, кажется, утверждать, что Спиридонъ не былъ первымъ списателемъ переданнаго имъ сказанія. Тотъ, кто спрашивалъ Спиридона, имѣлъ, очевидно, въ виду что-то опредѣленное, какое-то повѣствованіе, о которомъ, вѣроятно, слышалъ, но не имѣлъ подробныхъ и ясныхъ свѣдѣній. Если же въ то время, когда Спиридонъ получалъ какіе-то настойчивые запросы отъ своего духовнаго сына, совсѣмъ не было извѣстно сказаніе «отъ исторіи Ханаоновы», если оно впервые сложено самимъ Спиридономъ, то о чемъ же спрашивалъ его тотъ, къ кому обращено посланіе?.. Правда, въ концѣ посланія Спиридонъ говоритъ: «увидѣхотъ отъ историкия Гаднуярия нѣкоего именемъ отъ рода Арѳаксадова, первое исписавшу астрономию во Асирью Еврѣиска и о(тъ) капитулы римскы; не просто бо глаголетъ государей нашихъ поколѣнства благочестія удрьжавшихъ православныя вѣры, родомъ бо ихъ начатокъ отъ Месрема внука Ноева». Такъ говорить могъ, повидимому только первый списатель сказанія. Но самое содержаніе приведенной замѣтки устраняетъ, конечно, возможность видѣть въ ней указаніе на первоначальные источники Спиридонова Посланія. У какого астронома нашелъ Спиридонъ свѣдѣнія о родѣ русскихъ князей? О Гаднуяріи (или Гайдуваріи) авторъ Посланія узналъ, конечно, изъ того же сказанія, которое передавалъ. Замѣтка о первомъ списателѣ астрономіи помѣщена въ сказаніи въ началѣ памятника, прежде разсказовъ объ Августѣ, Прусѣ и т. д. Спиридонъ принялъ эту мимоходную замѣтку за цитату, за указаніе на литературный источникъ. Выраженіе: «капитулы римскы» указываетъ только на то, что Спиридонъ зналъ латинское слово: capitulum, какъ зналъ его и составитель Азбуковника, написавшій: «капитулумъ—глава» [1]). Римскіе

[1]) *Сахаровъ*, Сказ. р. народа, т. II, стр. 163.

Digitized by Google

капитулы—это тотъ отдѣлъ сказанія, гдѣ рѣчь идетъ объ Юліѣ Кесарѣ и Августѣ. Своей заключительной замѣткой Спиридонъ хотѣлъ сказать только то, что онъ передалъ повѣствованіе, основанное на свѣдѣніяхъ о древнихъ монархіяхъ и о Римской имперіи.

Такимъ образомъ, текстъ Спиридонова Посланія не можетъ быть признанъ основнымъ. Еще менѣе правъ на такое значеніе имѣетъ текстъ Родословца, который лишь вступительной своей частью сходенъ съ Сказаніемъ и Посланіемъ. Эта вступительная часть обрывается на извѣстіи о Прусѣ; дальнѣйшее содержаніе Родословца не имѣетъ отношенія къ изучаемымъ нами текстамъ. Особенности изложенія, какія находимъ въ предисловіи къ Родословцу, обличаютъ руку позднѣйшаго справщика. Въ Сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ и въ Посланіи Спиридона говорится, что Августъ былъ коронованъ послѣ побѣды надъ Антониномъ: покоривъ Египетъ, онъ облекся въ одежду древняго царя египетскаго Сеостра. Въ Родословцѣ коронованіе Августа отнесено ко времени, предшествовавшему завоеванію владѣній Клеопатры.

Если ни Родословецъ, ни Спиридоново Посланіе не могутъ представить достаточныхъ основаній для утвержденія за ними права старшинства, то остается признать это право за Сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ. Но говоря это, называя текстъ Сказанія древнѣйшимъ сравнительно съ Посланіемъ и Родословцемъ, я вовсе не имѣю въ виду утверждать, что Сказаніе сохранило неизмѣннымъ *первоначальный текстъ* повѣсти о древнихъ царяхъ и о русскихъ князьяхъ. Въ дошедшихъ до насъ текстахъ, передающихъ эту повѣсть, есть такія подробности, которыя остаются необъяснимыми, если не предположить, что источникъ ихъ не вполнѣ совпадалъ съ текстомъ Сказанія о князьяхъ. Такъ, въ посланіи Спиридона и въ Родословцѣ между властителями, поставленными Августомъ, упоминается имя Киринея (=Скириній), «Сиріи властодержца»; въ Сказаніи упоминанія объ этомъ лицѣ нѣтъ. Если не предположить, что Спиридонъ и редакторъ Родословпа случайно сошлись на этой вставкѣ, то остается признать, что текстъ, бывшій у нихъ подъ руками, передавалъ перечень Августовыхъ намѣстниковъ не въ томъ видѣ, какъ сохранился онъ въ Сказаніи. Далѣе, въ Посланіи и въ Сказаніи слова Клеопатры переданы такъ: «вѣси ли, о стратиже римскій, египетское богатство лутше (ми) есть съ покоемъ царствовати, нежели съ малоуміемъ изліяти кровь человѣческу». Порча текста очевидна. Въ Родословцѣ читаемъ: «вѣси ли, о преславный стратиже, египетское богатство лучше есть безъ брани пріяти и съ покоемъ во Египтѣ царствовати,

Digitized by Google

нежели съ малоумiемъ изліяти крови человѣческія». Вѣроятно, въ такомъ именно видѣ передавалась рѣчь Клеопатры и въ первоначальномъ текстѣ. Выше я указалъ на странную путаницу, окружающую имя Арфаксада: въ Сказаніи Арфаксадъ называется сначала сыномъ Ноя, а потомъ —сыномъ Сима; у Спиридона въ томъ и другомъ случаѣ Арфаксадъ—сынъ Ноя; объ Арфаксадѣ, сынѣ Сима, въ посланіи помѣщена особая замѣтка; въ Родословцѣ упоминается одинъ только Арфаксадъ—сынъ Сима. Послѣднее чтеніе, опирающееся на Библію, нужно, конечно, назвать основнымъ. Видимъ такимъ образомъ, что Родословецъ сохранилъ по мѣстамъ первоначальный текстъ лучше, чѣмъ Сказаніе и Посланіе.

Нельзя еще не обратить вниманія на нѣкоторую отрывочность изложенія въ началѣ и въ концѣ Сказанія. Памятникъ начинается словами: «Отъ исторіи Ханаоновы и предѣла Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождьшагося по потопѣ; по отца своего Ноя благословенію раздѣлися вся вселенная на три части» и т. д. Въ такомъ зачинѣ бросается въ глаза отсутствіе вступительной замѣтки, отсутствіе «приступа», столь обычнаго въ произведеніяхъ нашихъ старинныхъ книжниковъ. Что касается окончанія Сказанія, то оно обрывается, какъ мы видѣли, на замѣткѣ о папѣ Формозѣ; въ нѣкоторыхъ спискахъ эта замѣтка опущена. Такое вступленіе и заключеніе придаютъ Сказанію видъ какого-то фрагмента, видъ небольшой главы, входившей первоначально въ составъ какого-то болѣе обширнаго труда. Отрывочность Сказанія подтверждается и самымъ его заглавіемъ. Памятникъ называется: «*Сказаніе о князехъ Владимірскихъ*», но о князьяхъ Владимірскихъ въ немъ совсѣмъ не говорится. Первоначально заглавіе и содержаніе, конечно, совпадали.

Какой же видъ могъ имѣть этотъ первоначальный памятникъ, на основѣ котораго сложилось Сказаніе о князехъ Владимірскихъ и его позднѣйшая переработка? Сказаніе расположено по родословной схемѣ: Рюрикъ—отъ рода кесаря Августа; отъ Рюрика четвертое колѣно—Владиміръ святой, отъ него четвертое колѣно Владиміръ Всеволодовичъ. На разсказѣ о Владимірѣ Всеволодовичѣ сказаніе обрывается. Не слѣдуетъ-ли предположить, что родословіе продолжалось и далѣе?

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что текстъ Повѣсти «Отъ исторіи Ханаоновы» вносился въ «Родословецъ великихъ князей», а этотъ Родословецъ помѣщался, какъ вступительная глава, въ родословныхъ книгахъ. Припомнимъ свидѣтельство Татищевскаго свода о митрополитѣ Кипріанѣ, который будто бы описалъ «степени великихъ князей русскихъ» [1]). Въ этомъ извѣстіи нужно отдѣлить

[1]) Исторія Росс., кн. IV, стр. 424.

Digitized by Google

упоминаніе о памятникѣ отъ опредѣленія его автора. Имя Кипріана могло быть внесено въ извѣстіе на основаніи преданія или догадки, точность которыхъ нельзя доказать. Иное значеніе имѣетъ указаніе на памятникъ. Тотъ, кто первый записалъ извѣстіе, сохраненное Татищевымъ, имѣлъ, конечно, въ виду какое-то опредѣленное произведеніе. Ни извѣстный намъ Царскій Родословецъ, ни Степенная книга въ ея позднѣйшемъ составѣ не могли быть приписаны Кипріану. Не представляетъ-ли Сказаніе о князехъ Владимірскихъ отрывка того именно генеалогическаго труда, который приписывался (хотя бы ошибочно) м. Кипріану? Схема, данная этимъ памятникомъ, могла лечь въ основу позднѣйшихъ генеалогическихъ работъ, при чемъ первоначальный текстъ могъ подвергаться и сокращеніямъ и добавкамъ. На той же генеалогической схемѣ, осложненной сводомъ историческихъ извѣстій и сказаній, построена и Степенная книга.

Извѣстная намъ редакція Степенной книги выработана несомнѣнно при м. Макаріѣ († 1564), не ранѣе при томъ 1555 года [1]). Но мы имѣемъ прямыя указанія на то, что памятникъ, носившій названіе Степенной книги, извѣстенъ былъ и ранѣе этого времени. Василій Тучковъ, написавшій въ 1537 году житіе Михаила Клопскаго, ссылается въ этомъ трудѣ на Степенную книгу [2]). Въ позднѣйшей Макаріевой редакціи Степенной несомнѣнно подверглись существенной передѣлкѣ первыя, вступительныя страницы древняго памятника. Макаріева Степенная начинается, какъ извѣстно, житіями княгини Ольги и Св. Владиміра. Оба эти житія написаны при м. Макаріѣ, по его благословенію. Что же находилось на первыхъ страницахъ древней редакціи Степенной книги? Вѣроятно, въ этой древней редакціи не было обстоятельныхъ свѣдѣній объ Ольгѣ и Владимірѣ; поэтому-то и понадобилось написать и внести въ пополнявшуюся книгу ихъ житія. Такое отсутствіе разсказовъ объ Ольгѣ и Владимірѣ; не покажется страннымъ, если допустимъ, что составитель первоначальной Степенной поставилъ себѣ задачей представить свѣдѣнія о князьяхъ именно Московскихъ. Онъ могъ поэтому ограничиться лишь бѣглымъ упоминаніемъ о древнѣйшихъ князьяхъ, а болѣе подробное повѣствованіе начать съ ближайшаго родоначальника князей Московскихъ—Владиміра Мономаха. Такое именно изложеніе мы и найдемъ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ, если

[1]) *Макарій*, Исторія р. церкви, VII, стр. 459; *Ключевскій*, Древне-русск. житія святыхъ, стр. 242.

[2]) Памятн. старинн. русск. литерат., вып. IV, стр. 48.

Digitized by Google

допустимъ, что Сказаніе это имѣло продолженіе въ видѣ ряда историческихъ извѣстій о представителяхъ младшей линіи Мономаховичей—потомкахъ Юрія Владиміровича [1]).

4) Когда появилось Сказаніе о князехъ Владимірскихъ или тотъ болѣе ранній памятникъ, изъ котораго извлечено было это сказаніе?—Посланіемъ Спиридона опредѣляется terminus ad quem: Сказаніе появилось не позже 1523 года. Что касается другой грани, ранѣе которой не могло явиться Сказаніе, то она, конечно, не можетъ быть опредѣлена вполнѣ точно; можно только замѣтить, что мы едва-ли имѣемъ право отодвигать эту грань на далекое разстояніе отъ указаннаго конечнаго пункта. Спиридонъ сообщаетъ своему корреспонденту повѣсть «отъ исторіи Ханаоновы» какъ произведеніе мало извѣстное, какъ своего рода литературную новинку. По этому поводу можно, пожалуй, замѣтить, что знакомство съ великокняжескимъ родословіемъ могло быть не всѣмъ доступно, извѣстность этого памятника могла распространяться не легко и не скоро. Припомнимъ приведенное выше извѣстіе Даніила Принтца: In annalibus suis, *quorum tamen cum difficultáte nostratibus copiam faciunt*, scriptum habent, Augusti fratrem Prussum ad mare Balthicum et Vistulam consedisse» и т. д. То, что считалось запретнымъ для иностранцевъ, не пользовалось, вѣроятно, извѣстностью и въ русскомъ обществѣ, ибо иначе и самое запрещеніе лишено было бы значенія. Можно бы остановиться на этомъ соображеніи, еслибы не было данныхъ, дозволяющихъ утверждать, что не далѣе, какъ во второй половинѣ XV вѣка, Сказаніе о князехъ Владимірскихъ не было извѣстно лицамъ, для которыхъ преданіе о родѣ русскихъ князей не могло, конечно, быть тайной. Я имѣю при этомъ въ виду посланіе ростовскаго архіепископа Вассіана къ Ивану III по поводу нашествія хана Ахмата (1480). Въ этомъ посланіи читаемъ: «поревнуй прежебывшимъ прародителемъ твоимъ великимъ княземъ; не точію Рускую землю обороняху отъ поганыхъ, но иныя страны приимаху подъ себе, еже глаголю Игоря и Святослава, и Владимера, иже на греческыхъ царехъ дань имали,

[1]) Встрѣчаются указанія на списки Степенной книги особаго состава, отступающаго отъ Макаріевой редакціи. Въ 1845 г. *Погодинъ* помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* (т. VI, 154) такую замѣтку: «я пріобрѣлъ *хронографъ*; въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ извѣстій, помѣщена Степенная книга безъ житій и словъ».—Въ Московской Синодской библіотекѣ есть списокъ Степенной (№ 277), который во многомъ не сходенъ съ печатнымъ изданіемъ; оканчивается 16 степенью», то-есть, Василіемъ Ивановичемъ (*Савва*, Указ. син. ризн. и библіот. 1858, стр. 254; ср. *Записки отд. р. и слав. археологіи*, III, стр. 57, прим.).

Digitized by Google

потомъ же и Владимера Мономаха, како и коли бился со окаянными Половци за Русьскую землю, и иные мнози, ихъ же паче насъ ты вѣси». Это обращеніе къ Ивану III очень близко напоминаетъ своимъ составомъ ту рѣчь, съ которой обращается Владиміръ Мономахъ къ своей дружинѣ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ: «егда азъ есми юнѣйшій преже мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великія Росия, яко той князь великій Олегъ ходилъ и взятъ съ Царяграда великую дань и здравъ возвратился во свояси, и потомъ князь великій Святославъ Игоревичъ взятъ на Константиновѣ градѣ тяжчайшую дань, а мы есмы наслѣдницы прародителей своихъ и отца моего Всеволода» и т. д. Вассіанъ говоритъ о походахъ на Цареградъ нашихъ древнихъ князей, называетъ при этомъ Игоря, Святослава, Владиміра Святаго; онъ упоминаетъ и о Владимірѣ Мономахѣ, но не даетъ ему мѣста въ ряду князей, боровшихся съ греческими царями: о Мономахѣ говорится только, что онъ бился съ Половцами. Нельзя допустить, чтобы Вассіанъ оставилъ не упомянутымъ такое блистательное дѣло, какъ походъ русскихъ дружинъ во Ѳракію, походъ, окончившійся пріобрѣтеніемъ царскаго вѣнца, если только походъ этотъ извѣстенъ былъ Ростовскому архіепископу. Вассіанъ, очевидно, не зналъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ. Но можно-ли предполагать, что ростовскій архіепископъ, ближайшій совѣтникъ Ивана III, его духовный отецъ, не былъ знакомъ съ памятникомъ, передающимъ свѣдѣнія о родѣ русскихъ князей, если только памятникъ этотъ существовалъ въ то время, когда написано Вассіаново посланіе?... Остается признать, что въ 1480 г. Сказаніе о князехъ Владимірскихъ еще не было извѣстно [1]). Отсут-

[1]) Ср. *Прозоровскій* op. cit. 15. Въ сборникѣ Румянцевскаго музея (358) начала XVI вѣка помѣщено «Родословіе великыхъ князей рускіхъ», доведенное до Ивана III. Статья эта начинается такъ. «Первый князь на роускои земли Рурикъ, пришедъ из немецкои земли, роди Игоря» (*Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. Музея, стр. 508). Такое же родословіе см. въ лѣтописи *Авраамки* (кон. XV или нач. XVI в.) и въ спискѣ XV вѣка Новгородской первой лѣтописи, (П. Собр. р. лѣт. XVI, 261, 307; Новгород. первая лѣтоп. изд. 1889 г., 431). Упоминанія о Прусѣ нѣтъ. Какъ видно, генеалогія русскихъ князей отъ римскаго властителя еще не пользовалась извѣстностью въ началѣ XVI вѣкя.—Въ чинѣ поставленія на великое княжество Димитрія Ивановича (въ 1498 г.) упоминаются шапка и бармы княжескія, но нѣтъ никакого указанія на историческое значеніе этихъ вещей. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія съ именемъ Ивана IV упоминается уже крестъ животворящаго древа, который прислалъ «греческый царь Костянтинъ Мономахъ на поставленіе великымъ княземъ русскымъ съ бармами и съ шапкою, съ Неофитомъ ефесскымъ митрополитомъ и съ прочими посланникы» (*Барсовъ*, Древне-русскіе памятн. вѣнчанія царей, 33, 50, 61).

Digitized by Google

ствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ этого сказанія въ памятникахъ русской письменности до XVI вѣка служитъ безмолвнымъ подтвержденіемъ этого положенія.

Случаевъ, при которыхъ могло бы припомниться сказаніе, представлялось не мало. Старо-русскіе писатели, когда имъ приходилось касаться положенія родной земли послѣ нашествія монголовъ, охотно возвращались мыслью къ болѣе древней порѣ, когда Русь еще на знала иноземнаго ига, когда не появлялся еще «языкъ не милостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красы уныхъ, немощи старецъ, младости дѣтий». По противоположности съ временемъ господства свирѣпыхъ инородцевъ предшествующая, домонгольская эпоха рисовалась въ чертахъ идеальнаго величія и счастья, какъ пора національной славы и общепризнаннаго могущества. «Отъ Рюрика начася державство въ Новѣгородѣ,—читаемъ въ древнемъ родословцѣ русскихъ князей,—отъ Игоря же сына его в Киевѣ и до Всеволода Юрьевича державствоваху, отъ нихъ же вси страны трепетаху ближніи и далніи, и сами гречестіи царіе, вси повиновахуся имъ и дань даяху отъ моря до моря: Угрове, и Чахи, и Ляхи, и Ятвязи, и Литва, и Нѣмцы, и Чюдь, и Корѣла, и Устюгъ, и обои Болгары, Буртасы и Черкасы, Мордва и Черемиса, и саміи Половци дань даяху и мосты мостяху; *Литва же тогда бояхуся и изъ лѣсовъ вышицати*, Татарове же тогда ни слухомъ именовахуся» [а]). Вспоминались при этомъ имена знаменитыхъ князей, изъ ряда которыхъ выдѣлялся съ особенной яркостью образъ «добраго страдальца за Русскую землю». Въ «Словѣ о погибели Роускыя земли» читаемъ: «отселѣ до Оугоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, отъ Чаховъ до Ятвязи, и отъ Ятвязи до Литвы, до нѣмець, отъ Нѣмець до Корѣлы, отъ Корѣлы до Оустьюга, гдѣ тамо бяху тоимици погании и за дышючимъ моремъ, отъ моря до Болгарь, отъ Болгарь до Боуртасъ, отъ Боуртасъ до Чермисъ, отъ Чермисъ, до Морьдви,—то все покорено было Богомъ кр҇тияньскому языкоу, поганьскыя

[а]) Рукоп. Погод. древлехран. № 1423. Такое изображеніе былаго величія Русской земли повторяется и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятникахъ. Такъ въ «Сказанія о началѣ Московскаго рода» Каменевича-Рвовскаго послѣ перечисленія племенъ, платившихъ нѣкогда дань Руси, читаемъ: «Литва вся убо тогда бояхуся и изъ лѣсовъ вонъ вынитца, татарове же тогда не сказовахуся и ниже слухъ ихъ къ намъ доношашеся и ни именовашеся». (Рукоп. Моск. синод. библіот. № 964, л. 501). Къ былымъ данникамъ Руси причисляются Каменевичемъ: Угры, Чехи, Ляхи, Ятвяги, Литва, Нѣмцы, Чудь, Корела, Устюгъ, Болгары двои, Буртасы, Черкасы Запорожскіе, Мордва, Черемиса, Половцы.

Digitized by Google

страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю Кыевьскому, дѣду его Володимеру Манамаху, которымъ то Половоци дѣти своя ношаху в колыбѣли, а *Литва из болота на свѣтъ не выникиваху*, а Оугры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимеръ тамо не выѣхалъ, а нѣмци радовахоуся, далече боудоуче за синимъ моремъ; Боуртаси, Черемиси, Вяда и Моръдва бортьничахоу на князя великаго Володимера, и жюръ *Маноуилъ црегородскый* опасъ имѣя, поне и *великыя дары посылаша к нему*, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ црягорода не взялъ» [6]). Авторъ «Слова» рисуетъ силу и могущество Владиміра Мономаха, подробно говоритъ объ его отношеніяхъ къ сосѣдямъ, упоминаетъ о греческомъ царѣ и умалчиваетъ о походѣ русскихъ дружинъ къ Цареграду, о полученіи царскаго вѣнца и бармъ.

---

[6]) «Слово о погибели Русскыя земли» найдено и издано *Хр. М. Лопаревымъ* (Памятники древней письменности, 1892, № LXXXIV). Рукопись изъ которой извлеченъ изданный текстъ,—XV вѣка, самый памятникъ издатель относитъ къ XIII вѣку.—«Слово» слагается изъ трехъ частей: а) небольшаго вступленія; б) отрывка изъ сказанія о нашествіи монголовъ и в) житія Александра Невскаго. Во вступленіи рисуется такая картина: «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси, озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравами чистыми (частыми?), польми дивными, звѣрьми различными, птицами бещислеными, городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами! всего еси испольнена земля руская, о правовѣрьная вѣра християньская!» Вступленіе это—одинъ изъ образцовъ агіографической риторики. Подобное же вступленіе находимъ въ житіи св. Ѳеодора кн. ярославскаго, составленномъ Андреемъ Юрьевымъ: «О свѣтлая и пресвѣтлая Русская земле! и преукрашенная многими рѣками и разноличными птицами, и звѣрми и всякою различною тварію потѣшая Богъ человѣка, и сътворилъ вся его ради на потѣху и на потребу различныхъ искушеній человѣческаго ради естества, и потомъ подарова Господь православною вѣрою, св. крещеніемъ, наполнивъ ю велицими грады и домы церковными и насѣявъ ю боголюбивыми книгами» и т. д. (*Ключевскій*, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 173).—Вслѣдъ за приведеннымъ вступленіемъ въ «Словѣ о погибели» читаемъ: «Отселѣ (?) до Угоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, отъ Чаховъ до Ятвязи» и проч. Безсвязность изложенія, неожиданность перехода указываютъ на работу неловкаго компилятора. Вступленіе, очевидно, не входило въ составъ сказанія о «Погибели русскія земли», а присоединено позже тѣмъ книжнымъ человѣкомъ, который переработалъ житіе Александра Невскаго, дополнивъ его выдержками изъ повѣсти о нашествіи монголовъ. Замѣтимъ еще, что выраженія, сходныя съ «Словомъ о погибели» встрѣчаются въ томъ житіи Александра Невскаго, которое помѣщено въ Степенной книгѣ (въ изд. Миллера; ч. I, стр. 322—323)

Digitized by Google

Новое доказательство поздняго появленія разсказа о мономаховыхъ инсигніяхъ!

Въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ Владиміръ Всеволодовичъ представляется современникомъ византійскаго императора Константина Мономаха. Въ «Словѣ о погибели»—иной анахронизмъ: Владиміръ Мономахъ († 1125) получаетъ дары отъ императора Мануила (1143—1180). Извѣстно, что Мануилъ находился въ живыхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми русскими князьями: дружилъ съ галицкими князьями Владимiркомъ и Ярославомъ Осмомысломъ, пріютилъ у себя братьевъ Андрея Боголюбскаго, которыхъ тотъ изгналъ изъ предѣловъ Руси, [1]) *прислалъ* въ 1164 году *богатые дары великому князю кіевскому* Ростиславу Мстиславичу: «присла царь (Мануилъ) дары многы Ростиславу, оксамиты и паволокы и вся узорочья разноличнаа» [2]), сказано въ лѣтописи. «Слово о погибели» замѣняетъ имя Ростислава именемъ его знаменитаго дѣда. Для объясненія такой замѣны нужно обратить вниманіе на хронологическую запутанность, окружающую въ нашихъ временникахъ имя императора Мануила. Подробныя Византійскія хроники, извѣстныя въ славянскомъ переводѣ, обрываются на историческихъ данныхъ, предшествующихъ эпохѣ комниновъ. Хроника Манассіи доходитъ до 1081 г., т. е. до вступленія на престолъ Алексѣя Комнина; болѣе поздняя хроника Зонары обрывается *въ переводѣ* на болѣе ранней порѣ [3]). Откуда же брали наши древніе писатели хронологическія указанія, касающіяся византійской исторіи XII, XIII, XIV вв.? По древне-русскимъ рукописямъ извѣстна краткая Византійская хроника («Цари царствующіи въ Констянтинѣ градѣ, православніи же и еретици»), доходящая до 1391 или даже до 1425 г. [4]). Хроника эта помѣщалась, обыкновенно, вслѣдъ за «Лѣтописцемъ въскорѣ» патріарха Никифора, какъ его продолженіе; содержаніе хроники ограничивается перечнемъ византійскихъ императоровъ съ указаніемъ лѣтъ ихъ царствованія и съ отмѣтками, кто изъ царей былъ православенъ и кто еретикъ. Въ перечнѣ есть крупныя ошибки. Такъ, продолжительность царствованія Алексѣя Комнина опредѣлена въ *семь* лѣтъ и шесть мѣсяцевъ вмѣсто *тридцати семи* лѣтъ и пяти мѣсяцевъ [5]).

---

[1]) *Карамзинъ*, И. Г. Р. II, 156, 184, 181.

[2]) П. Собр. р. лѣтоп. II, 92.

[3]) *Поповъ,* Обзоръ хронографовъ, II, 8—15.

[4]) Ibid. I, 186, II, 15.

[5]) П. Собр. р. лѣтоп. IX, стр. XXI. Ср. *Терновскій*, изученіе византійской исторіи въ древней Руси, I, стр. 142—143.

Digitized by Google

Эта роковая ошибка вела къ неизбѣжному анахронизму, при сопоставленіи византійской исторіи съ русской. Такъ, царствованіе императора Мануила, отодвигаясь при означенной ошибкѣ на 30 лѣтъ назадъ, должно было падать на 1113—1150 гг. *Мануилъ* оказывался поэтому *современникомъ Владиміра Мономаха*. «По Иванѣ царствова сынъ его Мануилъ Порфирогенитъ, сирѣчь Багренородный, лѣтъ 38, православенъ... При семъ цари Мануилѣ, по преставленіи Святополка Изяславича, вниде Володимеръ Манамахъ, сынъ Всеволожъ, внукъ Ярославль, правнукъ великаго Владимера, въ Кіевъ, въ недѣлю, и сяде на великомъ княженіи, на столѣ отца своего Всеволода въ Кіевѣ, мѣсяца марта въ 20 день» [1]). Такъ сказано въ лѣтописномъ сводѣ московской редакціи. Эта ошибка повторяется въ хронографѣ: «при семъ цари Мануилѣ въ лѣто 6620 преставися Святополкъ Изяславичь, былъ на великомъ княженіи лѣтъ 21. И сѣде на великое княженіе въ Кіевѣ Владимиръ Мономахъ, сынъ Всеволожь» [2]). Эту же мнимую современность Мануила и Владиміра Мономаха имѣлъ въ виду и авторъ «Слова о погибели рускія земли». Онъ зналъ, что императоръ Мануилъ прислалъ богатые дары великому князю Кіевскому, а такъ какъ Владиміръ Мономахъ признавался современникомъ Мануила, то извѣстіе о дарахъ этого царя получило въ «Словѣ» такой видъ: «Жюръ Мануилъ великыя дары посылаше к нему» (Владиміру Мономаху). Трудно усмотрѣть какую-либо связь этого псевдо-историческаго извѣстія съ Сказаніемъ о князехъ Владимірскихъ. Паволоки и оксамиты Мануила не могли подсказать преданія о царскомъ вѣнцѣ и о походѣ во Ѳракію; самое имя Мануила не могло бы изчезнуть безслѣдно въ позднѣйшихъ сказаніяхъ, если бы эти сказанія дѣйствительно имѣли связь съ извѣстіями объ отношеніяхъ Мануила къ русскимъ князьямъ.

Возвращаюсь на предняя: конецъ XV вѣка (отъ 1480 г.) и начало XVI (до 1522 г.)—таковы грани, которыми опредѣляется время составленія повѣсти «отъ исторіи ханаоновы».

5) Подъ вліяніемъ какихъ литератуныхъ и общественныхъ вѣяній сложилась эта повѣсть? Какія данныя легли въ ея основу? Ученая оцѣнка той части повѣсти, гдѣ говорится о Пгрусѣ, родоначальникѣ. русскихъ князей, сдѣлана была еще въ прошломъ столѣтіи Т. З. Байеромъ. По мнѣнію этого ученаго, генеалогія русскихъ князей отъ Августова брата, сложилась подъ вліяніемъ польской истори-

[1]) П. Собр. лѣтоп. IX, стр. 143—144.

[2]) Изборникъ слав. и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 20, 143.

Digitized by Google

ческой литературы. У польскихъ анналистовъ передается басня о римскихъ выходцахъ, поселившихся въ Пруссіи; inde jam facilis erat suspicio et plena gloriae fratrem aliquem germanum Augusti deduxisse. Басня же о римскихъ поселенцахъ могла быть плодомъ невѣрнаго пониманія какого нибудь извѣстія древнихъ писателей. Quid movit Polonos, ut crederent Prutenos Romanae stirpis populum fuisse? Multa sane, sed intemperanter adhibita. Si quis eorum apub Plinium (is enim fere in manibus erat omnium) legerat, Neronem Augustum in haec littora misisse Julianum equitem, is ex eo solo jam cetera de coloniis somniabat, et Neronis obliterata memoria ad Augustum,— quem alium aut notiorem in illis tenebris, quam Caesarem?— totam memoriam applicabat [1]). Мнѣніе Байера повторено съ нѣкоторыми дополненіями Татищевымъ. «У насъ, говоритъ историкъ, ни въ какихъ старыхъ хроникахъ сего, чтобъ родъ Рюриковъ отъ пруссовъ и отъ цесарей Римскихъ пошелъ, нѣтъ, а только извѣстно то, что оную сказку, отъ Цесаря Августа происшествіе, не смотря на то, что ни отъ него, ни отъ брата никакого отродія, ни по женскомъ отъ Нерона не осталось, перво Глинскій, *слыша оныя басни въ Литвѣ*, привнесъ, Герберштейнъ утвердилъ, а Макарій митрополитъ первой въ свою лѣтопись... безъ всякаго отъ древнихъ доказательства за истину принявъ положилъ». Имя Глинскаго представляетъ, конечно, только ученую догадку Татищева. Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи онъ выражается такъ: «Макарій митрополитъ, *или мало прежде его нѣкто, прельстяся польскими баснями*, хотѣлъ родъ Рюриковъ отъ Августа

---

[1]) Paradoxa Russica de originibus Prussicis въ изданіи Acta Borussica ecclesiastica, civilia, literaria, I Th. (1730), 6-tes Stück, 881—895 (статья изложена въ видѣ письма Байера къ издателю Актовъ—Michaeli Lilienthalio).—Послѣ замѣчанія о генеалогіи русскихъ князей отъ Пруса, Байеръ переходитъ къ извѣстіямъ объ Августѣ въ хроникѣ епископа Христіана: Opportune hoc loco tibi in memoriam revocanda duco, quae Christianus episcopus *ex Rutheno item scriptore* de Augusto prodidit (887). Хроника Христіана извѣстна только по отрывкамъ, сохранившимся у позднѣйшихъ прусскихъ лѣтописцевъ. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ говорится, что у Христіана была въ рукахъ какая-то русская лѣтопись: «ein Buch in Reuscher Sprache, aber mit Greckschen buchstaben geschrieben dat Ime von Iaroslao die Zeit Thumprobst zu Plotzko in der Masauen geliehen wurde». Христіанъ разсказываетъ о римскихъ посланцахъ, побывавшихъ въ Россіи, Ливоніи, Пруссіи. Подробный разборъ христіановыхъ извѣстій см. въ приложенія къ 1 тому Исторіи Пруссіи *Voigt'a* (Geschichte Preussens, I, Beilage IV, 667—678).—Къ мнѣнію Байера о польскомъ вліяніи на генеалогію отъ Пруса присоединился и *Г. Хр. Миллеръ* (См. Magazin für die neue Historie und Geographie, v. *A. Büsching*, XVI, 340—341).

Digitized by Google

Кесаря произвести» [1]. На генеалогіи русскихъ князей отъ Августа останавливается и Шлецеръ въ своемъ «Несторѣ»; соображенія знаменитаго критика представляютъ развитіе догадки Байера и Татищева [2]. Ученые нашего времени также указываютъ обыкновенно на польскіе образцы того родословія, которое внесено въ Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. Такъ академикъ Куникъ называетъ это родословіе die durch die polnische Gelehrsamkeit jener Zeit in Russland eingedrungene Sage [3]. Такого же взгляда держится и профессоръ Первольфъ: «Русскіе книжники XVI вѣка, зная кое что о производствѣ Литвы изъ Италіи, Рима,—какъ это утверждали «ученые» литовскіе лѣтописцы,—стали тоже разсказывать, что Рюрикъ былъ отъ рода римскаго кесаря Августа; этотъ кесарь назначилъ де своего брата Пруса правителемъ сѣверныхъ странъ балтійскихъ отъ Вислы до Нѣмана, въ землѣ, названной по Прусу—прусскою» [4]. Особнякомъ стоитъ мнѣніе г. Гедеонова, который хотѣлъ разглядѣть въ нашей родословной слѣды преданія о славянскомъ происхожденіи «варяжскихъ» князей. «Въ этихъ преданіяхъ (о Прусѣ и его потомкѣ Рюрикѣ) Шлецеръ и Куникъ хотятъ видѣть плодъ подражанія проникшей въ Русь XVI столѣтія польской учености; между тѣмъ ни одинъ польскій историкъ не производитъ и не могъ производить русскихъ князей отъ Августа кесаря; какъ поляки, такъ и нѣмцы смѣются не безъ тайной досады надъ генеалогическими притязаніями русскихъ царей [5]. Плодомъ польской учености было извѣстіе о занесенныхъ бурею въ Балтійское море римлянахъ, о Ромовской колоніи, Полемонѣ и т. д. [6]; плодомъ русской учености—сказка объ Августѣ Кесарѣ, Прусѣ и пр. Но основой этой сказки все-таки остается убѣжденіе, что Варяги, у которыхъ поселился братъ Августовъ Прусъ и

---

[1]) Исторія Россійская, кн. I, ч. 2, стр. 390, 553.

[2]) Несторъ, ч. I, стр. 276—288 (по перев. *Языкова*).

[3]) Berufung der Rodsen, I, 115.

[4]) Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. II, 436—437. *Г. Иловайскій* замѣчаетъ: По всей вѣроятности, эта легенда появилась вслѣдствіе соревнованія съ подобной же легендой о происхожденіи Литовскихъ князей, а слѣдственно и Ягеллоновъ, отъ римскаго выходца Полемона, относимаго также ко временамъ Августа. Сія послѣдняя легенда съ особою наглядностью около того времени выступила въ западно-русской хроникѣ, извѣстной подъ именемъ Быховца. (Ист. Россіи III, 664).

[5]) Авторъ указываетъ при этомъ на Стефана Баторія и переводчика генеалогіи (M. Moscoviae ducis genealogiae brevis epitome).

[6]) Пересказъ всѣхъ этихъ извѣстій можно найдти въ исторіи *Татищева* (кн. I, ч. 2, стр. 239—240; 388—390).

Digitized by Google

отъ которыхъ въ 862 г. вышли Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, жили не въ Швеціи, не въ Упландскомъ Роденѣ, а на берегахъ Вислы рѣки, то-есть, были западно-славянскаго происхожденія. Не отъ сказки объ Августѣ и Прусѣ родилось преданіе о поморской отчизнѣ варяжскихъ князей, а наоборотъ; въ эпоху, когда никто еще не думалъ объ этой сказкѣ, лѣтопись упоминаетъ о сербскихъ князьяхъ «съ Кашубъ, отъ поморія Варязского, отъ старого града за Кгданскомъ» (Ипат. 227) [1]).

Каково бы ни было значеніе общихъ соображеній г. Гедеонова о варяжскихъ князьяхъ и о варяжско-славянскомъ поморьѣ, съ той частью приведенной замѣтки, которая касается родословія отъ Пруса, нельзя не согласиться. Польскіе временники могли познакомить нашихъ книжниковъ съ манерой псевдо-историческихъ домысловъ, но не могли подсказать той родословной отъ Августа и Пруса, которую находимъ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Вызываетъ, впрочемъ, сомнѣніе и самый фактъ вліянія польской литературы на произведеніе русской письменности конца XV или начала XVI вѣка. Въ Сказаніи нѣтъ нѣтъ и намека на тѣ разсказы о римскихъ колонистахъ, которые передаются польскими писателями. Еслибы «польскія басни» дѣйствительно были извѣстны русскому книжнику, онѣ такъ или иначе отразились бы въ его произведеніи, какъ отразились онѣ въ позднѣйшихъ передѣлкахъ родословія. Образцомъ такой позднѣйшей передѣлки можетъ служить разсказъ Манкіева. Упомянувъ о томъ, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ вели родъ «отъ сѣмене Пруса, двоюроднаго брата Кесаря Августа», авторъ «Ядра русской исторіи» прибавляетъ: «ихъ предковъ пришествіе изъ италійскихъ странъ было купно съ Полемономъ и Публіемъ Ливономъ, княземъ римскимъ, въ котораго дружинѣ было 250 благородныхъ римскихъ лицъ» [2]) Такъ нашелъ необходимымъ дополнить разсказъ о Прусѣ писатель, *дѣйствительно* знакомый съ псевдо-историческими извѣстіями польскихъ анналистовъ. Предполагать подобное же знакомство въ авторѣ Сказанія нѣтъ основаній. И содержаніе, и изложеніе Сказанія переносятъ насъ въ эпоху, предшествовавшую проникновенію къ намъ польской учености. Начитанность, какую выказываетъ составитель Сказанія, напоминаетъ своимъ составомъ кругъ свѣдѣній, которымъ владѣли такіе книжные люди, какъ составитель первой редакціи хронографа. Библія, греческія хроники, Слово

---

[1]) Варяги и Русь, I, 138—139.

[2]) Ядро Росс. ист. (1770), стр. 22—24.

Digitized by Google

Меѳодія Патарскаго, сочиненія противъ латинянъ,—вотъ та литература, на которой воспиталась историческая ученость нашего автора. Нѣкоторыя сопоставленія, приведенныя ниже въ примѣчаніяхъ къ тексту Спиридонова Посланія (приложеніе IV) могутъ служить подтвержденіемъ этого. Обратимъ еще вниманіе на форму нѣкоторыхъ именъ (Врутосъ, Патрикій), ясно указывающую на вліяніе памятниковъ греческихъ или, по крайней мѣрѣ, переведенныхъ съ греческаго. Все это заставляетъ поискать объясненій для загадочной родословной внѣ польской исторической литературы.

Указанное выше свидѣтельство, сохраненное Татищевымъ, говоритъ что м. Кипріанъ: «книги своею рукою писаше, яко въ наставленіе душевное переписа соборы бывшіе въ Руси, много житія святыхъ русскихъ и степени великихъ князей русскихъ, иныя же въ наставленіе плотское, яко правды, и суды и лѣтопись русскую отъ начала земли рускія вся по ряду» [1]). Мы не можемъ воспользоваться этимъ свидѣтельствомъ для опредѣленія автора повѣсти, «отъ исторіи Ханаоновы»: повѣсть появилась не ранѣе послѣднихъ десятилѣтій XV вѣка, то есть, много лѣтъ спустя послѣ смерти Кипріана († 1406). Но упоминаніе имени этого митрополита, какъ составителя княжескаго родословія, можетъ имѣть другое значеніе. Извѣстіе Татищева, приписывающее Кипріану цѣлый рядъ учено-литературныхъ работъ, указываетъ, повидимому, на то, что имя Кипріана стало своего рода центромъ, къ которому стягивались, по догадкѣ, произведенія, носившія печать одного и того же направленія, одной и той же литературной школы, первымъ, самымъ памятнымъ представителемъ которой былъ м. Кипріанъ.

Болгаринъ по происхожденію, современникъ и другъ знаменитаго Терновскаго патріарха Евфимія, Кипріанъ первый познакомилъ русское общество съ тѣмъ образовательнымъ движеніемъ, которое открылось въ это время среди южныхъ славянъ. Движеніе началось въ Болгаріи, гдѣ главнымъ дѣятелемъ выступилъ упомянутый Евфимій: онъ заботился объ исправленіи церковныхъ книгъ, объ установленіи правилъ для вѣрной передачи священнаго текста, собиралъ и излагалъ свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ, съ которыми связаны были священныя, важныя для болгаръ, воспоминанія: писалъ житія, похвальныя слова, посланія. Это болгарское движеніе, начатое Евфиміемъ, вскорѣ переходитъ въ Сербію, гдѣ находитъ для себя удобную и подготовленную почву. Григорій Цамвлакъ, плодовитый пи-

[1]) Ист. Росс. IV, стр. 424.

Digitized by Google

сатель Евфиміевой школы, былъ нѣкоторое время настоятелемъ сербскаго монастыря въ Дечанахъ. Константинъ Костенчскій, ученикъ одного изъ сотрудниковъ Евфимія, переселился послѣ паденія Болгарскаго царства (1393) въ Сербію, гдѣ нашелъ пріютъ при дворѣ деспота Стефана Лазаревича († 1427), жизнь котораго впослѣдствіи описалъ [1]). Печальное время, наставшее послѣ смерти Стефана, усиленіе турецкой власти въ сербскихъ земляхъ не благопріятствовало, конечно, спокойному ходу учено-литературной работы, но работа все таки не прекратилась. Она нашла себѣ пріютъ на Аѳонѣ, гдѣ давно существовали славянскіе монастыри, въ которыхъ и продолжала теплиться любовь къ книжному дѣлу. Назовемъ при этомъ знаменитую Хиландарскую лавру, гдѣ «жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, которые, кромѣ отправленія монастырскихъ обѣтовъ, занимались еще писаніемъ книгъ. Въ Хиландарскомъ монастырѣ всего болѣе было написано древне-сербскихъ книгъ: лучшіе и драгоцѣннѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены, написаны или списаны, и отсюда распространены по всей Европѣ» [2]).

Успѣхи юго-славянской письменности XIV—XV вѣка не остались безъ вліянія на ходъ русской образованности. Я упомянулъ о м. Кипріанѣ, дѣятельность котораго развивалась параллельно съ трудами Евфимія и его сотрудниковъ [3]). Любопытно, что та сербская окраска,

---

[1]) О болгаро-сербскомъ просвѣтительномъ движеніи XIV—XV вв. см. въ сочин. *Попова* (Обзоръ хронографовъ, ч. II, стр. 25—53), *Некрасова* («Пахомій Сербъ» въ *Запискахъ Новоросс. универс.*, 1871 г., т. VI, стр. 1—26), *Пыпина* Исторія слав. литературъ, т. I, изд. 2, стр. 91—96), *Сырку* (Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.).

[2]) *Ягичъ* Исторія сербско-хорватской литературы, 182.

[3]) См. «Св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи» (*Прибавленія къ Твор. св. отцовъ*, ч. VI, кн. 2, 1848 г.); «Кипріанъ до восшествія на Московскую митрополію» (*Чтенія въ Общ., Ист. и древн. Росс.*, 1867, кн. 2); *Шевыревъ*, Исторія р. слов (ч. III, л. 13); *Филаретъ*, Обзоръ р. дух. лит. отд. 74; *Буслаевъ*, Лекціи изъ курса исторіи р. литературы (Лѣтописи р. литер и древн., т. III, стр. 69—71); *Макарій*, Исторія р. церкви (т. IV и V); *Ключевскій*, Древне-русскія житія (гл. III); *Амфилохій*, Что внесъ св. Кипріанъ изъ своего роднаго нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши богослужебныя книги? (въ Трудахъ 3-го археолог. съѣзда); 2) *Мансветовъ* (М. Кипріанъ въ его литургической дѣятельности, М. 1882). Ср. выше въ гл. I, прим. на стр. 15. Кромѣ Кипріана слѣдуетъ еще припомнить его земляка и родственника, м. *Григорія Цамблака*. См. *Шевыревъ* (ч. III, л. 15), *Макарій* (т. IV и V), *Сырку*, Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака, по поводу книги еп. *Мельхиседека*: Жизнь и сочиненія Григорія Цамблака (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1884, ноябрь).

Digitized by Google

которую получило движеніе, вышедшее изъ Болгаріи, перенесена была у насъ и на дѣятельность м. Кипріяна. «М. Кипріянъ, говорилъ Нилъ Курлятевъ, по гречьски гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же (аще съ ними единъ нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся), и онъ мнился, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и словехъ все *по-сербски* написалъ» [1]). Этотъ упрекъ, обращенный къ памяти Кипріяна (который долго слылъ у насъ за серба), объясняется тѣмъ вліяніемъ сербской письменности, которое замѣчается у насъ въ XIV—XV вѣкѣ. «При усилившихся сношеніяхъ нашихъ обителей съ аѳонскими, къ намъ тѣмъ удобнѣе стали приходить труды тамошнихъ сербскихъ и болгарскихъ иноковъ, особенно въ переводахъ съ греческаго языка. *Болѣе всего снабдѣвала ими сербская обитель Хиландарская»* [2]). Приносились на Русь сербскія книги, являлись и сербскіе книжники. Назовемъ знаменитаго Пахомія Сербина (XV вѣка), который пользовался славою образцоваго писателя, которому подражали русскіе агіографы. Позже, въ началѣ XVI вѣка, работалъ для русской литературы другой сербскій писатель Аникита Левъ Филологъ, составившій похвальныя слова Соловецкимъ святымъ и св. Михаилу Черниговскому [3]). Памятникомъ того живаго интереса, съ какимъ читались у насъ произведенія южно-славянскихъ писателей, можетъ служить хронографъ первой редакціи (1512 года), въ который внесены извле-

---

[1]) *Амфилохій*, op. cit.

[2]) О сношеніяхъ русской церкви съ Святогорскими обителями (*Прибавл. къ Твор. св. отцовъ*. ч. VI, 1848) стр. 137—138. Ср. *Христ. Чтеніе*, 1853, ч. II, 290—317 (Русскіе иноки на Св. горѣ), а также указанное выше сочиненіе г. *Некрасова* о Пахоміѣ Сербѣ (гл. I).

[3]) О Пахоміѣ см. указанныя сочин. *Некрасова* и *Ключевскаго* (Житія, гл. IV). «Свѣдѣнія о Филологѣ Черноризцѣ» въ *Прибавл. къ Твор. св. отцевъ* 1859 г., ч. XVIII, кн. IV. Ср. замѣчанія *Ключевскаго* (op. c. 266—269), *Макарія* (Ист. р. ц. VII, 402—403), *Яхонтова* (Житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ, 15).—Сербское культурное вліяніе выказывалось у насъ не въ одной только литературной области. Въ 6912 (1404) году появились въ Москвѣ первые башенные часы, вызывавшіе не малое удивленіе: «не бо человѣкъ ударяше, замѣчено въ лѣтописи, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизмечтанно и преухищрено. *Мастеръ же и художникъ сему бѣаше нѣкоторый чернецъ, иже отъ Святыя Горы пришедый, родомъ сербинъ, именемъ Лазарь»* (*Карамзинъ*, И. Г. Р. V, прим. 249)

Digitized by Google

ченія изъ сочиненій Евфимія Терновскаго, Григорія Цамвлака, Константина Костенчскаго и др. [1]).

Захожіе болгары и сербы являлись къ намъ съ запасомъ литературной образованности, они цѣнились какъ книжные люди, искусные въ плетеніи словесъ; но литературнымъ вліяніемъ не отграничивалось значеніе этихъ представителей юго-славянской учености. Митр. Кипріанъ былъ не литературнымъ только, но и государственнымъ дѣятелемъ. Ему приходилось считаться съ задачами и стремленіями московскаго правительства, съ вопросами, выдвигавшимися движеніемъ русской государственной жизни. Отвѣты, которые могъ давать на эти вопросы ученый болгаринъ, опредѣлялись, конечно, кругомъ тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя были въ ходу на его далекой родинѣ, которыя сложились подъ вліяніемъ исторіи балканскихъ государствъ. Припомнимъ нѣкоторые факты. Въ княженіе Василія Димитріевича, при м. Кипріанѣ, у насъ было отмѣнено церковное поминаніе именъ византійскихъ императоровъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ любопытной грамоты константинопольскаго патріарха къ русскому князю (1393 года) [2]). «Слышу нѣкоторыя слова, писалъ патріархъ которыя произноситъ благородство твое о державнѣйшемъ и благочестивомъ самодержцѣ моемъ и царѣ, и скорблю, что ты возбраняешь, какъ говорятъ, митрополиту поминать божественное имя царя... [3]). Слышу, что ты говоришь: мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ... Не возможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть. Царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе и не возможно отдѣлять одно отъ другаго. Христіане отвергаютъ только царей-еретиковъ, которые неистовствовали противъ церкви и вводили догматы извращенные и чуждые ученію апостольскому и отеческому. Но державнѣйшій и благочестивый мой самодержецъ, по благодати Божіей, есть православнѣйшій, вѣрнѣйшій поборникъ церкви, защитникъ и блюститель, и не возможно, чтобы нашелся такой архіерей, который бы не поминалъ его». Патріархъ упрекалъ одного только князя, но

---

[1]) *Поповъ*, l. c., Не къ этой ли полосѣ сербскаго литературнаго вліянія слѣдуетъ отнести и переходъ къ намъ такихъ произведеній, какъ романъ о Бовѣ?

[2]) *Макарій*, Ист. р. церкви, т. V, прилож. XI, стр. 469—473 (изъ Acta Patriarch. Const. II, 188—192). Отвѣтомъ на эту заносчивую грамоту могла служить «милостыня», собранная на Руси и отправленная въ Царьградъ въ 1397 году (Никон. лѣт. IV, 271—272).

[3]) Ἐν τοῖς διπτύχοις. Пр. *Макарій* переводитъ: «на сугубыхъ эктеніяхъ». Переводъ, конечно, не вѣренъ. Диптихи—поминальныя записи.

Digitized by Google

нельзя, конечно, допустить, чтобы такая мѣра, какъ отмѣна поминанія царскаго имени, могла состояться безъ согласія митрополита. «Послушай (продолжаетъ патріархъ) верховнаго апостола Петра, который въ первомъ своемъ соборномъ посланіи говоритъ: Бога бойтесь, царя чтите. Не сказалъ: «царей»,—*дабы кто не подумалъ объ именуемыхъ царяхъ отдѣльно у каждаго народа*, но «царя», показывая тѣмъ, что одинъ есть каѳолическій царь... Если же нѣкоторые изъ христіанъ усвоили самимъ себѣ имя царя, то это не естественно, не законно, и допущено болѣе по произволу и насилію». Кто же эти христіане, которые по произволу и насилію присвояли имя царя? [1]). Кипріанъ могъ сказать Василію Димитріевичу, что къ числу этихъ христіанъ нужно причислить и сербовъ, и болгаръ. За полвѣка передъ тѣмъ, въ 1346 году, сербскій краль Стефанъ Душанъ торжественно вѣнчался на царство и принялъ титулъ «царя Сербіи и Романіи» (βασιλεὺς Σερβίας καὶ Ρομανίας). Болгарскіе властители еще ранѣе присвоили себѣ царскій титулъ и пользовались имъ до паденія независимости Болгаріи. Послѣдній болгарскій царь Іоаннъ Шишманъ (1365—1393) былъ современникъ Василія Димитріевича. Кипріанъ могъ объяснить москвичамъ, какъ возникли и пали югославянскія державы. Онъ могъ разсказать о той долгой и упорной борьбѣ съ Византіей, которая проходитъ черезъ исторію сербовъ и болгаръ и которая воспитала въ нихъ мысль о «царствѣ», какъ выраженіи полной государственной самостоятельности, автократіи, равноправности съ греческимъ государствомъ. О подобной же самостоятельности думалъ и московскій князь, когда говорилъ: «церковь имѣемъ, а царя не имѣемъ». Греческій патріархъ держался, конечно, иныхъ взглядовъ, чѣмъ русскій князь и митрополитъ-болгаринъ. Патріархъ догадывался, что русскіе вступали на ту же дорогу, по которой шли болгары и сербы; мѣра, принятая русскимъ княземъ, его непочтительность къ «каѳолическому царю», могли казаться только первымъ шагомъ на этомъ пути, первымъ проявленіемъ на Руси «произвола и насилія», для которыхъ уже имѣлись примѣры въ дѣятельности «нѣкоторыхъ христіанъ». Припомнимъ при этомъ,

---

[1]) Едва ли можно допустить, что патріархъ имѣлъ при этомъ въ виду государей западныхъ, императоровъ священной римской имперіи. Въ грамотѣ читаемъ: «Христіане отвергаютъ царей-еретиковъ, которые... вводили догматы извращенные и чуждые ученію апостольскому и отеческому». Если-бы патріархъ дѣйствительно хотѣлъ указать на императоровъ западныхъ, онъ не пропустилъ бы, конечно, случая упомянуть, что это цари не только не законные, но и не православные, держащіеся неодобрительныхъ догматовъ.

Digitized by Google

что тотъ же митрополитъ Кипріанъ, при которомъ состоялась отмѣна поминанья греческихъ царей, дѣлаетъ у насъ извѣстной (а можетъ быть, и употребительной?) «молитву на поставленіе царя или князя» [1]. Припомнимъ также, что въ Кипріановомъ житіи м. Петра впервые записано извѣстное пророчество о Москвѣ, открывавшее передъ потомками Калиты величественную перспективу: «градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руцѣ его на плеща врагъ его».

Другой юго-славянскій выходецъ—монахъ Пахомій, современникъ сына и внука Василія Димитріевича, не занималъ такого важнаго и вліятельнаго положенія, какъ м. Кипріанъ, но и его дѣятельность не лишена была политическаго значенія. Я имѣю при этомъ въ виду не Пахоміевы житія, написанныя по заказу московскихъ властей, а «Слово избрано отъ св. писаній еже на Латыню». Слово это, написанное по поводу избранія и поставленія м. Ѳеодосія (1461 года), должно считаться, по счастливой догадкѣ профессора Павлова, принадлежащимъ перу сербскаго книжника. «Здѣсь прежде всего бросается въ глаза, говоритъ г. Павловъ, постоянное употребленіе титула *царь* и *боговѣнчанный царь* при имени великаго князя Василія Васильевича. Для *русскаго* писателя титулъ этотъ былъ еще слишкомъ необыченъ, между тѣмъ въ Словѣ онъ, очевидно, употребляется уже въ опредѣленномъ, хорошо сознаваемомъ смыслѣ. Авторъ заставляетъ самого греческаго царя Іоанна Палеолога признать за русскимъ великимъ княземъ несомнѣнное право на этотъ титулъ и торжественно заявить о томъ предъ восточными и западными іерархами, собравшимися на соборъ въ Феррару. «И не зборовааше долъго, ожидающе отъ великыя Руси митрополита Исидора.,. Царь же тогда кvръ Іоаннъ извѣствоваше слово Еугенію папѣ римьскому и всѣмъ, бывшимъ ту, яко въсточніи земли суть русстіи и *большее православіе и вышьшее христіанство Бѣлые Руси*, въ нихже есть государь великій, братъ мой Василей Васильевичъ, ему же въсточніи царіе прислухаютъ, и велицѣи князи съ землями служать ему. *Но смиренія ради благочестія и величествомъ разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ рускимъ своихъ земль православія»*. Дальнѣйшія событія, по мысли автора, навсегда утвердили

[1]) Ср. выше въ главѣ I-й, стр. 15. По поводу прощальной грамоты Кипріана, Карамзинъ говоритъ: «замѣтимъ, что митрополитъ именуетъ Василія Димитріевича великимъ княземъ *всея Руси*, другихъ же князей великихъ просто *русскими*, и въ особенности говоритъ о князьяхъ *мѣстныхъ* или помѣстныхъ» (И. Г. Р. V примѣч. 236).

Digitized by Google

за русскимъ великимъ княземъ титулъ царя, провизорно данный ему византійскимъ императоромъ. Такъ мыслить и писать могъ только человѣкъ, воспитавшійся подъ *ближайшими* вліяніями Византіи, очевидецъ паденія своего роднаго царства, современникъ такой же участи греческаго Царя-града и, съ другой стороны, свидѣтель сравнительнаго могущества русской земли и ея неизмѣнной вѣрности православію. Такой писатель могъ даже находить особенное нравственное утѣшеніе въ томъ, чтобы называть православнаго русскаго государя не иначе, какъ *боговѣнчаннымъ царемъ*. Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ, *несомнѣнно принадлежащихъ Пахомію Сербу*, титулъ царя и самодержца дается московскому великому князю съ замѣчательнымъ постоянствомъ» [1]). Мысль о Московскомъ царствѣ была такимъ образомъ высказана вполнѣ ясно. Оставалось найдти для этой мысли опредѣленную формулу и историческія оправданія.

Съ 1453 года Цареградъ находился въ рукахъ турокъ. Не было уже «каѳолическаго царя». Московскимъ князьямъ улыбалась мысль замѣстить своей властью оказавшійся пробѣлъ. Имъ не трудно было воспользоваться при этомъ тѣми внушеніями, которыя приходилось слышать отъ греческаго духовенства: «не возможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть». Константинопольскій патріархъ, писавшій эти слова въ 1393 году, не могъ, конечно, предполагать, что его теорія направленная *противъ* «такъ называемыхъ» царей, противъ «мѣстныхъ правителей», покушавшихся на прерогативы единаго истиннаго царя, вскорѣ обратится въ орудіе, которымъ воспользуются въ своихъ интересахъ потомки того русскаго князя, которому приходилось давать наставленія объ истинномъ значеніи «царства». Для московскихъ претендентовъ на византійское наслѣдство представлялось однако затрудненіе со стороны традиціоннаго смысла византійскаго царства: каѳолическій царь отожествлялся съ императоромъ римскимъ. «Хотя по допущенію Божію (читаемъ все въ томъ же патріаршемъ посланіи 1393 года) языческіе народы окружили державу царя и предѣлы,—не смотря на это, царь донынѣ имѣетъ такое же посвященіе отъ церкви, какъ и прежде, удостоивается такого же миропомазанія и поставляется *въ царя и самодержца римскаго, то-есть, всѣхъ христіанъ*» [2]). Но вѣдь въ самый

[1]) *Павловъ*, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 100—101, 108 (Отчетъ о XIX присужденіе наградъ гр. Уварова).

[2]) *Макарій*, 1. с. 471. О значеніи „римскаго царства“ ср. еще сужденія Киннама (стр. 241—242 русск. перевода).

Digitized by Google

Цареградъ, этотъ новый Римъ, развѣ не перенесена была власть изъ другаго, древняго Рима? Римское царство обладаетъ, очевидно, способностью передвиженія. Поэтому, и удаленное изъ Цареграда, оно, это передвижное «царство», могло отыскать себѣ какой-нибудь новый пріютъ. Гостепріимная Москва радушно предложила этотъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ, во дворцѣ своихъ великихъ князей. Дѣлаясь такимъ образомъ резиденціей Римскаго царства, Москва уже перерастала свое былое, мѣстное значеніе. Явилось представленіе, что Москва—третій Римъ, при чемъ, конечно, предполагалось, что этотъ третій Римъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній. «Два Рима пали, третій—Москва стоитъ, а четвертому не быть». Но вѣдь Константинъ, основатель втораго Рима, былъ дѣйствительно римскимъ императоромъ; римская власть переселялась на берега Босфора въ его лицѣ. Какимъ путемъ и по какому праву римская власть, удаленная изъ Константинова града, должна переселиться въ Москву? Московскій князь не могъ быть провозглашенъ римскимъ императоромъ. Оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отношеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы.

«Сказаніе о князехъ владимірскихъ» имѣетъ значеніе такого именно документа. Мы узнаемъ изъ него, что предокъ московскихъ князей былъ коронованъ византійскимъ императорскимъ вѣнцемъ, принявъ при этомъ титулъ царя; узнаемъ затѣмъ, что наши князья приходятся сродни самому основателю римской имперіи—Августу.

Образцы такихъ вымышленныхъ генеалогій, составленныхъ съ цѣлію оправдать притязанія на римское царство, можно найдти и у сербовъ и у болгаръ, ранѣе русскихъ пытавшихся перенести имперію на свою родную почву. По разсказамъ сербскихъ книжниковъ, родъ Неманей былъ въ родствѣ съ Константиномъ Великимъ. Въ жизнеописаніи Стефана Лазаревича, составленномъ въ 1431 г. упомянутымъ выше Константиномъ Костенчскимъ, читаемъ слѣдующее: «Конста великій, Зеленый нареченіемъ, великаго Константина отьць, мужь по всему кротчаишіи благочьстіе любя, тѣмь же християны приемляаше, въ Вретаніи царствіе правя, въ лѣта она, егда Діоклитіанъ и Максиміанъ Еркуліе, по еже побити тѣмь многия тмы християнъ, оставльша царство и въ простыхъ житіи бѣста. Максиміанъ же на въстоцѣ удръжа, у егоже умучителя Константинъ великии въ утальствѣ бяше; Максентіе же въ самомь велицѣмъ Римѣ

царствоваше. Великыи убо Конста роди три сины: Константина и Анавалiонъ Константiа, и Далматiи Консту, и дьщерь Констанцiю, юже великыи Константинъ вдасть Ликинiю въ жену, ему же и греческую чьсть отдѣли царствiе... Сеи же Ликинiе бяше долматiискыи господинъ, родомъ Сръбинъ, и роди отъ Константiя сина Бѣла Уроша, Бѣло Урошь же роди Тѣхомила, Тѣхомиль же роди Немана, иже въ иноческомъ образѣ нарečень бысть Сiмеонъ Монахъ» [1]). Авторъ бiографiи Стефана Лазаревича, конечно, только пересказалъ родословiе, ранѣе его составленное. Есть извѣстiе, что архiепископъ Никодимъ, жившiй въ первой половинѣ XIV вѣка, «написа и основа родословiе сербскихъ кралей и царей до него» [2]). Въ лѣтописяхъ сербскихъ, приведенное родословiе повторяется съ нѣкоторыми дополненiями и измѣненiями. Въ одной лѣтописи читаемъ: «бысть же великыи жупанъ (Неманя) отъ племене благочьстиваго и коренѣ вѣтьвь, прѣвънукь Константiе, сестры великаго Константина, *отъ племене римьскаго господьства и сгродьства Августа Кесара»* и т. д. [3]). Въ другомъ памятникѣ разсказывается, что въ Герцеговинѣ, въ селѣ Луца, жилъ «Стефань пресвитерь греческаго закона... и сеи Стефань влечется отъ рода царя Кенстантина великаго». У Стефана былъ сынъ Любомиръ, у Любомира—Урошь, у этого—Деша, у Деши—Неманя [4]). Что касается болгарскихъ царей Асеней, то мы знаемъ, что они претендовали на происхожденiе изъ Рима. Въ письмахъ папы Иннокентiя III къ болгарскому царю Iоанну (конецъ XII и начало XIII вѣка) упоминается о томъ, что этотъ Асень считалъ себя римляниномъ по происхожденiю (qui ex nobili Romanorum prosapia diceris descendisse). Въ письмѣ самого царя къ папѣ говорится: «Мы получили ваше священное письмо, которое намъ дороже всѣхъ сокровищъ въ мiрѣ, и возсылаемъ благодаренiе всемогущему Богу, который *привелъ насъ къ памятованiю крови и нашего отечества, откуда мы происходимъ* (qui reduxit nos ad memoriam sanguinis et patriae nostrae, a qua descendimus)» [5]).

---

[1]) *Гласник*, XXVIII (1870), стр. 379—380. *Попов*, Изборникъ, 100—101.

[2]) *Некрасовъ*, Пахомiй Сербъ, стр. 6—7.

[3]) *Гласник*, XI (1859), стр. 144.

[4]) *Гласник*, XXI (1867), стр. 233. Въ одномъ сборникѣ сербскаго письма, извѣстномъ мнѣ по описанiю Востокова, помѣщено „Родословiе сербскихъ кралей отъ Констанцiя Хлора"; родословiю предшествуютъ космографiя и астрономiя, начин. словами: «Потрѣба есть вѣдѣти, яко вѣдомое населенiе земли»... (*Востоковъ*, Описанiе рукописей Норова, № XIII въ Уч. Запискахъ втораго Отдѣленiя Академiи Наукъ II, 2, стр. 108).

[5]) *Успенскiй*, Образованiе втораго Болгарскаго царства, стр. 210—213.

Digitized by Google

Сербы навязывались въ родство основателю новаго Рима, болгары говорили о какомъ-то «знатномъ римскомъ родѣ». Составитель русской генеалогіи пошелъ по ихъ слѣдамъ, но двинулся дальше и смѣлѣе: родоначальникомъ нашихъ князей онъ назвалъ Пруса, брата кесаря Августа. Кто былъ этотъ смѣлый генеалогистъ, мы не знаемъ. Нельзя ли однако предположить, что Сказаніе о князехъ Владимірскихъ вышло изъ-подъ услужливаго пера того же Пахомія Сербина, который, мы знаемъ, много и охотно работалъ по заказу московскаго правительства. Тотъ кругъ свѣдѣній, который обнаруживаетъ авторъ сказанія, его начитанность и литературная сноровка, его безцеремонное обращеніе съ фактами [1]), тенденція лежащая въ основѣ его произведенія,—все это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что извѣстно о знаменитомъ агіографѣ. Хронологическихъ затрудненій для этой догадки о Пахоміи нѣтъ. Дѣятельность Пахомія продолжалась до 80-хъ и можетъ быть, даже до 90-хъ годовъ XV столѣтія [2]). Въ это время, то есть, въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка, и могло быть составлено Пахоміемъ Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. Сказаніе это, по нашему предположенію, могло представлять вступительную главу въ Степенной книгѣ древней, до-Макаріевой редакціи. Изъ свидѣтельства Василія Тучкова мы знаемъ, что въ древней Степенной находилось какое-то житіе св. Алексѣя: «якоже въ житіи чудотворца Алексія *въ Степеннѣ* сказаетъ». Какое именно житіе Алексѣя помѣщено было въ этой древней Степенной? Отвѣтъ можетъ дать редакція житія св. Алексѣя, которая читается въ Макаріевой Степенной. Въ основу этой редакціи положено житіе, составленное Пахоміемъ [3]) дополненное на основаніи другихъ источниковъ. Такъ какъ трудъ Макарія и его сотрудниковъ сводился къ пересмотру,—дополненію и исправленію,—существовавшаго уже текста Степенной книги, то указанная связь житія Алексѣя Макаріева времени съ произведеніемъ Пахомія даетъ право догадываться, что въ древнюю редакцію Степенной включено было именно Пахоміево житіе Алексѣя. Не была ли трудомъ Пахомія и вся Степенная книга древней редакціи?..

Эта догадка о Пахоміѣ, конечно, можетъ быть только болѣе или менѣе вѣроятною. Но несомнѣнною представляется связь Сказанія о князехъ владимірскихъ съ тѣми политическими теоріями, которыя

---

1) Примѣры безцеремонности Пахомія см. у *Ключевскаго* (Житія, 131, 138—140, 167).

2) *Ключевскій*, 126; *Некрасовъ*, 58—59.

3) *Ключевскій*, 245.

Digitized by Google

были у насъ въ ходу въ XV вѣкѣ, и съ тѣми литературными вѣяніями, которыя господствовали въ эту пору. Въ исторіи русскаго государства время Василія Темнаго и Ивана III есть время превращенія Московскаго княжества въ державу всея Руси; въ исторіи русской литературы—это время вліянія сербской образованности на нашу письменность. Эти два ряда явленій не могли оставаться уединенными: литература давала выраженіе тому, что назрѣвало въ жизни, но форма, въ какую облекались идеи вѣка, опредѣлялась ходомъ литературной исторіи. Обратимъ при этомъ вниманіе на одну подробность; и въ Посланіи Спиридона-Саввы, и въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ передается извѣстіе о раздѣленіи церквей: о папѣ Формозѣ, о патріархѣ Кирулларіи. Вставка этого извѣстія, не имѣющаго прямой связи съ разсказомъ объ отношеніяхъ Владиміра Мономаха къ Византіи, не могла быть случайна. Упоминаніе о раздѣленіи церквей, поставленное рядомъ съ извѣстіемъ о принесеніи на Русь царскаго вѣнца, даетъ намекъ на ту же мысль, которая выражается въ «Словѣ на Латыню», приписываемомъ Пахомію Сербу. Перенесеніе византійскаго вѣнца на Русь, коронованіе этимъ вѣнцемъ русскаго князя совершается одновременно съ раздѣленіемъ церквей. Русское «царство» зарождается, такимъ образомъ, на почвѣ обособившейся восточно-православной церковности. Проходитъ нѣсколько вѣковъ. На Флорентійскомъ соборѣ греческія власти, съ царемъ во главѣ, примкнули къ уніи, отступили отъ восточнаго правовѣрія. Но они забыли, что уже съ давнихъ поръ въ казнѣ московскихъ князей хранился византійскій царскій вѣнецъ. Теперь этотъ вѣнецъ получилъ новый блескъ. Обладатель этого вѣнца—«споспѣшникъ и исходатай» восточнаго правовѣрія, а столица его—третій Римъ.

Остается коснуться еще одного вопроса, возбуждаемаго изученіемъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ,—вопроса о судьбѣ этого памятника, объ его историко-литературномъ значеніи.

Сказаніе появилось въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка. На первыхъ порахъ оно не пользовалось, повидимому, большой извѣстностью. Тотъ, къ кому обращено Спиридоново Посланіе, не разъ обращался къ своему духовному отцу съ просьбой пересказать повѣсть «отъ исторіи Ханаоновы»; какъ видно, достать списокъ этой повѣсти было не легко. Родословіе отъ Пруса и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ получили широкую извѣстность только со временъ Ивана IV. Грозный царь, словесной премудрости риторъ, не могъ не обратить вниманія на замысловатыя историческія построенія, из-

Digitized by Google

ложенныя въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній временъ царя Ивана не разъ повторяется указаніе на римскоее происхожденіе московскихъ князей; генеалогіи отъ Пруса придается при этомъ значеніе несомнѣннаго историческаго извѣстія. «Мы отъ Августа кесаря родствомъ ведемся», писалъ Иванъ IV шведскому королю. «Это всѣмъ извѣстно», замѣтилъ Грозный литовскому послу Мих. Гарабурдѣ, упомянувъ о томъ же римскомъ родословіи [1]). Торжественное коронованіе Ивана придало особенный интересъ и второму отдѣлу нащего сказанія — разсказу о Мономаховомъ вѣнцѣ. Въ 1552 году устроено было «царьское мѣсто, еже есть престолъ»; на затворахъ этого мѣста помѣщенъ, какъ мы знаемъ, разсказъ о войнѣ Владиміра Мономаха съ греческимъ царемъ и о присылкѣ вѣнца изъ Византіи. Припомнимъ еще, что къ царствованію же Грознаго относится пересмотръ Степенной книги и царскаго Родославца; въ томъ и другомъ памятникѣ нашли мѣсто извѣстія и о Прусѣ, и о Константинѣ Мономахѣ, Въ царствованіе Ивана IV появляется и латинскій переводъ нашего родословія, познакомившій съ сказаніями о Прусѣ и о Мономахѣ европейскихъ читателей.

Генеалогіи русскихъ царей отъ Августова брата не долго однако пришлось сохранять то важное значеніе, которое придано было ей при царѣ Иванѣ. Съ прекращеніемъ династіи Рюриковичей, потомковъ Пруса, упоминаніе объ этой генеалогіи теряло силу [2]). За повѣстью «отъ исторіи Ханаоновы» осталось значеніе занимательнаго повѣствованія, которое продолжали читать и переписывать любители литературной старины. Болѣе прочное положеніе заняла вторая часть Сказанія — повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ. Упоминаніе о Мономаховыхъ утваряхъ находимъ въ грамотахъ и «чинахъ вѣнчанія» временъ Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича [3]). Въ связи съ «чиномъ вѣнчанія», какъ его историческое объясненіе, помѣщается нерѣдко въ рукописяхъ статья: «Поставленіе великихъ князей русскихъ откуду бѣ, и како начаша ставитися на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ».

---

[1]) *Карамзинъ*, Ист. Г. Р. IX, прим. 131, 414; *Соловьевъ*, Ист. Р. VI, 255, 322.

[2]) Василій Шуйскій въ грамотѣ о своемъ воцареніи не забылъ упомянуть о римскомъ происхожденіи Рюриковичей: «государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ Римскаго кесаря», и т. д. (*Соловьевъ* VIII, 160).

[3]) См. *Строевъ*, Выходы государей, указат., стр. 54; *W. Regel*, Analecta byzantino—russica, p. LXIV – LXV.

Digitized by Google

Было уже замѣчено, что эта статья представляетъ дословное сходство со вторымъ отдѣломъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ.

Содержаніе Сказанія объясняется, какъ мы видѣли, кругомъ тѣхъ историко-политическихъ представленій, которыя стали обращаться въ нашей литературѣ послѣ Флорентійской уніи и особенно послѣ паденія Константинополя. Какое же значеніе имѣли всѣ эти памятники старо-московсковской публицистики, въ которыхъ повторялось на разные лады, что истинное благовѣріе удержалось только въ Москвѣ, что Москва — третій Римъ, а московскій князь — наслѣдникъ власти римскихъ императоровъ и т. п.? Въ этой публицистикѣ нужно различать ея живой историческій смыслъ и условную литературную оболочку. Смыслъ сказаній объ Августѣ и Прусѣ, о византійскомъ вѣнцѣ, о третьемъ Римѣ представится намъ вполнѣ яснымъ, если припомнимъ то значеніе, которое получаетъ Московское княжество при Иванѣ III и Василіи Ивановичѣ. Рядомъ съ московскимъ княземъ не стало на Руси такихъ представителей власти, которые могли бы считать себя равными ему, независимыми отъ него. Силы, которыя стояли выше московскаго князя, исчезали: пала власть византійскихъ царей, пало «иго» Золотой орды. Московскій князь поднимался на какую-то невѣдомую высоту. Нарождалось въ Москвѣ что-то новое и небывалое. Книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому опредѣленную форму, стиль которой отвѣчалъ историческому кругозору и литературному вкусу ихъ времени. Придавать этой формѣ самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и о третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ «каѳолическаго царя», значило бы придавать слишкомъ мало цѣны русскимъ историческимъ преданіямъ государственнымъ и церковнымъ. Можно ли думать, что среди русскихъ людей откроется какое-то особенное увлеченіе византійскими идеалами какъ разъ въ то время, когда государственный строй, ихъ воплощавшій, терпѣлъ крушеніе, когда византійскому «царству» пришлось выслушать суровый историческій приговоръ? Наши предки долго и пристально наблюдали процессъ медленнаго умиранія Византіи. Это наблюденіе могло давать уроки отрицательнаго значенія, а не вызывать на подражаніе, могло возбуждать отвращеніе, а не увлеченіе. И мы видимъ дѣйствительно, что какъ разъ съ той поры, когда будто бы утверждаются у насъ византійскіе идеалы, наша государственная и общественная жизнь медленно, но безпо-

Digitized by Google

воротно вступаетъ на тотъ дѣйствительно новый путь, который привелъ къ реформѣ Петра. Любопытно, что изъ всей повѣсти «отъ исторіи Ханаоновы» Иванъ IV придавалъ значеніе одной подробности, происхожденію Рюрика отъ Пруса. Оторванная отъ цѣлаго, поставленная внѣ связи съ разсказомъ объ Августѣ, міровомъ властодержцѣ, подробность эта получала совершенно новый смыслъ. Ивану Грозному, при его несомнѣнныхъ, хотя нѣсколько сумбурныхъ, влеченіяхъ къ Западу, генеалогія отъ Пруса нравилась также, какъ нравилась и причудливая этимологія слова: «бояре» отъ Bayern. «Мои предки были нѣмцы», говаривалъ Иванъ Васильевичъ, если вѣрить Флетчеру. Генеалогическіе отрывки изъ повѣсти «отъ исторіи Ханаоновы» встрѣчаются и въ лѣтописныхъ сборникахъ, и въ родословныхъ росписяхъ, и въ Степенной книгѣ Макаріевой редакціи [1]). Во всѣхъ этихъ памятникахъ удерживается опять таки только тотъ отдѣлъ повѣсти, въ которомъ идетъ рѣчь о Прусѣ и Рюрикѣ. Этотъ же только отдѣлъ повѣсти передается и въ латинскомъ переводѣ Родословца. «Въ лѣто 6370 приде на Русь изъ Нѣмецъ, изъ Прусъ, мужъ честенъ отъ рода Римска царя Августа кесаря, имя ему князь Рюрикъ, да съ нимъ два брата, Труверъ да Синеусъ да племянникъ его Олегъ». Такъ изложено извѣстіе о происхожденіи Рюрика въ одномъ изъ списковъ родословной книги (времени Ѳедора Ивановича). Въ такой редакціи генеалогія отъ Пруса получала тотъ именно смыслъ, какой придавалъ этой генеалогіи Иванъ IV, смыслъ указанія на древнѣйшія связи Руси съ Западомъ [2]). Но и эти новыя, западныя влеченія не мѣшали нашимъ государственнымъ людямъ твердо стоять на русской исторической почвѣ и ясно понимать національное значеніе русской государственности. Въ 1587 году, послѣ смерти Стефана Баторія, велись переговоры между нашимъ правительствомъ и литовскими боярами о выборѣ царя Ѳедора въ короли польско-литовскіе. Возбужденъ былъ при этомъ вопросъ о титулѣ будущаго царя и короля. Московскіе бояре заявили, что титулъ будетъ такой: «царь и великій князь Владимірскій и Московскій, король польскій и великій князь литовскій». Иная форма титула не могла быть допущена. «Хотя бы—сказали бояре—и Римъ старый, и Римъ новый, цар-

---

[1]) Степенная книга, 7, 78. *Временникъ Общ. Исторіи и Древн. Росс.*, X, отд. II, стр. 131.

[2]) Составитель Сказанія о князехъ Владимірскихъ, ограничивавшій владѣнія Пруса пространствомъ между Вислой и Нѣманомъ, едва ли хотѣлъ выставить на видъ, что Рюрикъ призванъ былъ именно «изъ нѣмецъ».

Digitized by Google

ствующій градъ Византія, начали прикладываться къ нашему государю, то какъ ему можно свое государство Московское ниже какого нибудь государства поставить?» [1]). Въ глазахъ людей, говорившихъ такія рѣчи, могли ли имѣть какую нибудь цѣну мечты о византійскомъ наслѣдствѣ, о каѳолической монархіи?...

Авторъ Сказанія о князехъ Владимірскихъ присоединяетъ къ разсказу о Владимірѣ Мономахѣ извѣстіе о папѣ Формозѣ, о патріархѣ Керулларіѣ. Мы видѣли, что и это извѣстіе, кажущееся неумѣстною приставкой, объясняется тѣмъ представленіемъ о Московской Руси, какъ странѣ «бо̀льшаго православія», къ которому такъ часто и такъ охотно возвращались наши писатели XV—XVI вѣка. Такое повтореніе одной и той же мысли имѣло историческія причины. Попытки Рима къ сближенію съ Москвой, къ воздѣйствію на нее съ мыслью объ «единеніи», не прекратились и послѣ удаленія изъ Москвы митрополита Исидора (1441 г.). Припомнимъ сношенія Москвы съ Римомъ по поводу брака Ивана III съ Софьей Палеологъ и обстоятельства, сопровождавшія пріѣздъ къ намъ греческой принцессы (1472 г.) [2]). Припомнимъ еще заѣзжихъ италіанцевъ, ко-

---

[1]) *Соловьевъ*, Истор. Р. VII, 290.

[2]) Переговоры Москвы съ Римомъ по поводу брака русскаго князя и греческой царевны подробно разсказаны въ книгѣ о. *Павла Пирлинга:* Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ. (СПБ. 1892). Согласіе папы на бракъ католички Софіи съ православнымъ государемъ оставляетъ почтеннаго изслѣдователя въ нѣкоторомъ недоумѣніи. При переговорахъ о бракѣ ссылались правда на флорентійскую унію, къ которой присоединился и русскій митрополитъ Исидоръ, но вѣдь въ Римѣ не могла остаться неизвѣстной печальная судьба этаго уніата, неудача его единительныхъ стремленій. «Какимъ образомъ объяснить, спрашиваетъ о. Пирлингъ, благопріятный пріемъ оказанный папой предложеніямъ, основаннымъ на рядѣ заблужденій? Можно-ли предположить при Римскомъ дворѣ столь глубокое невѣдѣніе истиннаго положенія дѣлъ? Тщетно бы мы искали отвѣта въ современныхъ документахъ: они не заключаютъ въ себѣ точныхъ указаній,однако, если судить о фактахъ по нимъ самимъ, то подозрѣніе падаетъ на Вольпе, (черезъ котораго велись переговоры Москвы съ Римомъ). Не сыгралъ ли онъ двойной игры и не воспользовался ли онъ во зло своимъ положеніемъ?» (стр. 54). Изслѣдователь припоминаетъ подобныйже бракъ, заключенный при папѣ Мартинѣ V. «Сыновья императора Мануила получили разрѣшеніе отъ папы Мартина V жениться на католичкахъ. Папское бреве объявляетъ, что это снисхожденіе дѣлается съ цѣлію облегчить соединеніе восточной и западной церкви, сводя всѣ условія къ одному, чтобы эти браки не причиняли вреда истинной вѣрѣ. Уступки папы не могли идти далѣе этого умолчанія. Сикстъ IV находился по отношенію къ Ивану въ томъ же положеніи, въ какомъ Мартинъ V къ Мануилу: необходимое разрѣшеніе могло быть даровано Зоѣ, лишь бы только интересы церкви не пострадали.—Если

Digitized by Google

торые появляются въ Москвѣ при томъ же Иванѣ III. Въ виду такихъ сношеній съ «латинянами» благочестивые книжники считали не лишнимъ почаще напоминать о византійскихъ церковныхъ преданіяхъ, о нашей вѣковой связи съ православнымъ востокомъ. Но всѣ эти указанія и напоминанія о православномъ царствѣ не могли, конечно, установить у насъ какихъ-то новыхъ церковно - государственныхъ отношеній, не могли измѣнить того пониманія этихъ отношеній, какое выработала русская историческая жизнь. «Церковь имѣемъ, а царя не имѣемъ», говорилъ Василій Димитріевичъ. Эта формула, такъ ясно отдѣлявшая церковь и государство, шла въ разрѣзъ съ византійскими представленіями. Цареградскій патріархъ старается доказать русскому князю, что онъ заблуждается, что «царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе, и не возможно отдѣлять одно отъ другаго». Но всѣ доводы грека, цѣль которыхъ была вполнѣ ясна, не казались убѣдительными для нашихъ предковъ. Та и другая сторона, греческая и рус-

---

всѣ предосторожности не были приняты, это значитъ, что Ватиканъ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній, можетъ быть былъ обольщенъ обманчивыми увѣреніями Вольпе.» (стр. 55—56). Отъ вниманія о. Пирлинга ускользнулъ одинъ документъ, давно отмѣченный въ „Описаніи рукописей Московской синод. библіотеки“ (отд. II, Ч. 3, стр. 305—306). Документъ этотъ—посланіе къ папѣ Сиксту, написанное „въ опроверженіе клеветы, что народъ Русскій не совершенъ въ вѣрѣ христіанской“? Папа называется въ посланіи «вселеннѣй учительный отецъ»; его просятъ быть благосклоннымъ «къ намъ ко всѣмъ, требующимъ благословенія твоего святаго, послѣдующи своего прьвоначальнѣйшаго пастыря, яко грядущихъ къ нему не изгоняетъ вонъ, но всѣхъ равно купно милостиве къ себѣ приемлетъ, отъ востока, запада, сѣвера, моря».—«Съ папою Сикстомъ IV,—замѣчаютъ Горскій и Невоструевъ,—было сношеніе русскаго двора по дѣлу о бракосочетаніи Іоанна III съ Греческою царевною Софіею. Въ Римѣ тогда дѣйствительно сомнѣвались въ православіи сего монарха и народа его, но папа, какъ и послы наши, увѣряли въ приверженности Русскихъ къ Римскому престолу, какъ и писалъ Сикстъ въ отвѣтѣ Іоанну». (См. Ист. Гос. Рос. т. VI, стр. 39—41). Въ посланіи есть замѣчательное мѣсто, не отмѣченное въ Описаніи синод. рукописей: *«нѣсть бо разньствіа о Христѣ грекомъ и римляномъ и намъ сущимъ росиискимъ славяномъ, вси едино тоже суть»*. (Рукоп. Моск. синод. библіот. № 700, л. 307 об.—308). Это—открытое признаніе уніи. Кто былъ авторомъ посланія, имѣло ли оно значеніе документа, исходившаго непосредственно изъ властной среды,—вопросы, требующіе особыхъ разысканій. Можно лишь сказать, что посланіе написано отъ лица жителей сѣверной Руси, обитающихъ «на благоцвѣтущихъ горахъ сѣверныя страны, яже суть ребра сѣверова» (л. 305). Появленіе такого посланія во время переговоровъ о бракѣ Ивана III и Софіи (Зои) Палеологъ можетъ дать нѣкоторое объясненіе и «заблужденій» Рима и той тревоги, которую выказали представители нашей церкви при приближеніи къ Москвѣ папскаго легата.

Digitized by Google

ская, осталась при своемъ мнѣніи. Ужели призракъ третьяго Рима и сказка о Прусѣ могли измѣнить установившеееся воззрѣніе? То положеніе, которое примѣнялось у насъ къ «святому» каѳолическому царю, могло-ли утратить свой смыслъ и значеніе потому только, что царство, по мысли нѣкоторыхъ книжниковъ, переселилось изъ Цареграда на берега Москвы-рѣки? Въ посланіи Ивана Грознаго къ Курбскому читаемъ: «Нигдѣ же обрящеши, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому. Ты убо почто ревнуеши? *иже во грецѣхъ царствіе погубившихъ и туркомъ повинувшихся?* Сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу паче да будетъ» [1]). По мысли царя, нужно было ограждать государство отъ такого неумѣстнаго вліянія клира, примѣры котораго онъ находилъ именно въ Византійской исторіи. «Боюсь грѣха» говорилъ Иванъ III, когда пылкіе противники жидовствующихъ требовали, чтобы князь казнилъ еретиковъ. Вмѣшательство государственной силы въ вопросы совѣсти казалось ему дѣломъ опаснымъ, дѣломъ грѣховнымъ. Въ словахъ Ивана III и Ивана IV просвѣчиваетъ то же начало разграниченія церкви и государства, которое, лишь въ иномъ примѣненіи, высказано было Василіемъ Димитріевичемъ.

V.

Въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ самый важный и интересный для насъ отдѣлъ—разсказъ о Владимірѣ Мономахѣ и его отношеніяхъ къ греческому царю. Невозможность отыскать въ этомъ разсказѣ черты исторически-достовѣрнаго извѣстія указана выше. Мы не можемъ однако считать этотъ разсказъ такимъ же искусственнымъ построеніемъ какого-то книжника, какъ повѣствованіе объ Августовыхъ намѣстникахъ, о Прусѣ, поселившемся на берегу Вислы. Предположеніе «выдумки» устраняется существованіемъ особаго рода изводовъ сказанія о княжескихъ инсигніяхъ, изводовъ, не похожихъ на Сказаніе о князехъ Владимірскихъ. Преданіе, сохранившееся въ нѣсколькихъ версіяхъ, необъяснимыхъ одна изъ другой, предполагаетъ существованіе болѣе древняго памятника, служившаго для нихъ общею основою.

Кромѣ разсказовъ, переданныхъ выше (разсказъ о Владимірѣ Всеволодовичѣ и Константинѣ Мономахѣ въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ; разсказъ о князѣ Владимірѣ и о греческомъ царѣ

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр. 149.

Digitized by Google

Василіѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ Повѣсти о посольствѣ въ Вавилонъ), намъ остается еще познакомиться съ двумя извѣстіями о князѣ Владимірѣ, какъ первовѣнчанномъ князѣ.

А) Разсказъ о борьбѣ Владиміра Мономаха съ правителемъ генуэзскаго города Кафы. Краткое упоминаніе о походѣ на Кафу находимъ у Герберштейна. Описавъ обрядъ коронованія внука Ивана III Димитрія, Герберштейнъ говоритъ: «Бармы есть родъ широкаго ожерелья изъ мохнатаго шелку; снаружи онѣ прекрасно отдѣланы золотомъ и всякаго рода драгоцѣнными камнями; *Владиміръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ*. Pileus называется на ихъ языкѣ шапка: ее носилъ Владиміръ Мономахъ; она украшена драгоцѣнными камнями и чудно сдѣлана изъ золотыхъ пластинокъ, которыя извиваются на подобіе змѣй» [1]). Болѣе подробныя свѣдѣнія о войнѣ съ генуэзской колоніей переданы *Стрыйковскимъ:* Владиміръ Мономахъ Polowców poganów kilokróc porazil i Genuensów Włochów, którzy w ten czas w Taurice, gdzie dziś Prekopska horda, panowali, i Kaphę, albo Teodosią, miasto stołeczne sławne, pod nimi wziął. Tenże, gdy się miał drugi raz potykać z Genuensami nad morzem, wyzwał sam a sam na rękę hetmana ich starostę Kapheńskiego, którego, gdy obadwa do siebie skoczyli, Wołodimir z konia mężnie kopiją wysadził, a poimawszy związał i przywiódł go zbrojnego do swojego wojska, zjął też z niego łańcuch wielki złoty, perlami i kamieniami drogimi misternie sadzony, który zostawił po sobie Wielkim Xiędzom potomkom, i dziś go ma Moskiewski w skarbie, a zawżdy, kiedy Moskiewskich kniaziów poświącają, ten łańcuch, który Barmai nazywają, na nich kładą; pas także ze złotem i s perłami, takze *czapkę* xiążęcą z blachami złotymi, perłami i klejnotami drogimi, kosztownie oprawiona, na poświącanie na xięstwo i dla majestatu koronaciej zostawił, których także klejnotów i dziś Wielcy Kniaziowie Moskiewscy, jego potomkowie, z wielką uczciwością uzywają. O czym Herberstein wspomina fol. 22 *de rebus Moschoviticis*. A iz sam a cam ten Władimir, monarcha, z nieprzyjacioly zawżdy rad potykał, *aperto duello*, przezwano go dla tego Monomachem po grecku. Z tego tedy Wołodimira Monomacha Wsewoldawica, wszyscy Wielcy Kniaziowie Moskiewscy i insze xiążęta Ruskie, naród porządną genealogią, wiodą i dla tego się jedynowłajcami i Carzami wszej Rusi titułują, a żadnemu narodowi w tym przodku pozwolić nie chcą [2]).

---

[1]) Записки о Московіи, перев. *Анонимова*, стр. 37 и 16.

[2]) Kronika, изд. 1846 г., t. I, str. 188.

Digitized by Google

Подобныя же свѣдѣнія сообщаетъ *Петрей*: при коронованіи царь надѣваетъ «маленькую шапочку» (ein klein köstlich Mützlein), украшенную золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и «драгоцѣнное золотое облаченіе» (ein köstlicher Rock von gülden Stücken). «По мнѣнію русскихъ, великій князь, по имени Димитрій Мономахъ, досталъ и вывезъ эту одежду изъ Кафы, когда воевалъ съ татарами, и потомъ постановилъ, чтобы она употреблялась собственно для облаченія великаго князя, когда бываетъ его вѣнчаніе» [1]). Вѣроятно, Петрей зналъ извѣстіе Герберштейна, но спуталъ имя Димитрія Ивановича, вѣнчаніе котораго описано Герберштейномъ, съ именемъ князя, о которомъ тотъ упоминаетъ при описаніи коронаціонной утвари.

Преданіе о драгоцѣнностяхъ, вывезенныхъ русскимъ княземъ изъ Кафы, было извѣстно и на дальнемъ западѣ. Въ сочиненіи Hieronymi de Marinis, Patricii Genuensis: «Genua sive reipublicae Genuensis compendiaria descriptio», въ разсказѣ о генуэзской колоніи Ѳеодосіи («hodie Caffa»), помѣщена такая замѣтка: Quam vero in vastis illis Regionibus, et hodie, certe usque ad patrum nostrorum memoriam, duret inclyta Genuensium fama, colligi potest ex iis, quae scribit Antonius de Herera Philippi II Hispaniorum Regis historicus, qui lib. XVI. cap. VIII primae partis suae *generalis Historiae* de Moscovia agens deque Magno ejusdem Duce, Russiae Imperatore, tradit, quomodo succedatur in Imperio, et praecipue de consecratione Imperatoris, quae fit hoc modo. Inter Missarum solennia a duobus Archiepiscopis successor accipit mitram, innumeris lapidibus pretiosis ac margaritis ornatam, quae fuit Volodomeri, olim Russiae imperatoris, una cum baculo argenteo atque aureo monili ab eodem Volodomero bello quaesitis, dum praeliaretur cum Consule Genuensi, qui Theodosiam urbem regebat. Tanti aestimant Russiae Moscoviaeque nationes aliquando Imperatorem suum aliquod victoriae insigne de Consule unius Civitatis, Genuensibus subditae, reportasse, ut baculum illum ac monile, quasi pro sceptro atque corona, in insigni et solemni die suae consecrationis novus Imperator accipiat [2]).

---

[1]) Исторія о великомъ княжествѣ московскомъ, собр. *П. Петрей.* перев. *Шемякина*, ч. II, стр. 103 (*Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ* 1866, кн. I), ч. III, стр. 344 (*Чтенія*, 1867, кн. II); Rerum rossicarum scriptores exteri, t. I, p. 277.

[2]) Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae st. I. *G. Graevii*, t. I, p. 2, 1435. У Тереры (libr. XI, cap. VIII) упоминаются архіепископы Новгорода (Norgadia) и Ростова (Rostavia).

Digitized by Google

Историческія несообразности всѣхъ этихъ извѣстій указаны были еще Карамзинымъ: «Стриковскій, Петрей и Герера не справились съ хронологіею: въ княженіе Мономаха не было еще въ Кафѣ ни татаръ, ни генуэзцевъ, которые завладѣли ею въ XIII вѣкѣ» [1]). Въ разсказѣ о Владимірѣ Мономахѣ и о правителѣ Кафы мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ такою же исторической сказкой, какъ и преданіе о сношеніяхъ Владиміра Всеволодовича съ Константиномъ Мономахомъ.

Б) Кромѣ Мономаха, получившаго царскій вѣнецъ и титулъ изъ Византіи, московское преданіе знало еще другаго князя Владиміра, который также принялъ царское вѣнчаніе отъ царя и патріарха греческихъ. Въ переговорахъ русскаго правительства съ польскимъ по поводу принятія Иваномъ IV царскаго титула не разъ упоминается о Владимірѣ Святославичѣ, какъ первомъ вѣнчанномъ царѣ. Въ наказѣ посламъ, отправленнымъ къ Сигизмунду Августу въ 1554 году, было сказано: «Василью съ товарищи говорити: государь нашъ зоветца царемъ потому: прародитель его, великій князь Владиміръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю русскую крестилъ, и царь греческой и патріархъ вѣнчали ево на царство русское, и онъ писался царемъ». Въ 1556 году наши бояре говорили польскимъ посламъ: «великій князь Владиміръ Святославичъ вѣнчанъ на царство русское царемъ Васильемъ греческимъ, какъ принялъ отъ грекъ святое крещеніе» [2]). Рядомъ съ такимъ извѣстіемъ въ тѣхъ же посольскихъ наказахъ и боярскихъ рѣчахъ приводится и разсказъ о царскомъ вѣнцѣ, присланномъ Владиміру Мономаху. Получается такимъ образомъ своеобразная историческая редупликація: два князя Владиміра получаютъ изъ Византіи вѣнецъ и царскій титулъ.

Этой редупликаціи соотвѣтствуетъ любопытный параллелизмъ, который замѣчается между нѣкоторыми извѣстіями о Владимірѣ Мономахѣ и о Владимірѣ Святомъ. Владиміръ Мономахъ, по свидѣтельству Сказанія о князехъ Владимірскихъ, воюетъ съ греками; его войска идутъ во *Ѳракію, Царяграда область*. Есть подобное же извѣстіе и о Владимірѣ Святославичѣ. Въ «Повѣсти о латынѣхъ», при упоминаніи о греческихъ царяхъ Константинѣ и Василіѣ, замѣчено: «и въ днехъ царства ею абие *сниде Владимеръ князь роускыи съ всею силою своею великою дажде и до самаго Царяграда съ враж-*

---

[1]) Ист. Гос. Россійскаго II, прим. 221. Ср. *Мурзакевичъ*, Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, 5—8; *Кеппенъ*, О древностяхъ южнаго берега Крыма, 81—82.

[2]) Сборникъ Русск. ист. общества, т. 59, стр, 437, 474, 504, 527.

Digitized by Google

дою идыи на царство греческое; мановеніемъ Божиимъ и благодатию Святаго Духа внезапоу прѣложися отъ звѣринаго нрава на смирение божественое и бысть агня Христово вълѣсто волка, и тако сии приимъ святое крещение и нарече имя ему царь на святомъ крещеніи въ свое имя Василей» [1]).

Владиміръ Мономахъ идетъ на Кафу и возвращается побѣдителемъ. Находимъ Кафу и въ разсказахъ о Владимірѣ Святомъ. У того же Стрыйковскаго, который сохранилъ разсказъ о борьбѣ Мономаха съ правителемъ Кафы, передается извѣстіе, что Владиміръ Святославичъ, собравъ большое войско, отправился въ Тавриду, gdzie dobył Kaphy albo Teodosiej, miasta sławnego pod grekami. Далѣе Стрыйковскій передаетъ извѣстный разсказъ объ осадѣ и взятіи Корсуня [2]).

Владиміръ Мономахъ принимаетъ титулъ царя. Есть упоминаніе о царскомъ титулѣ и Владиміра Святославича. Кромѣ приведенныхъ отрывковъ изъ посольскихъ бумагъ, можно указать свидѣтельство все того же Стрыйковскаго: Владиміръ wszystkę Ruś pułnocną, wschodnią i na południe leżącą, Białą i Czarną, pod swoję moć przywiodł: dla tego się pisał Carzem albo królem, Jednowładcą i wielkim kniaziem wszystkiej Rusi [3]).

Въ разсказѣ, помѣщаемомъ въ связи съ повѣстью о Вавилонѣ замѣчается смѣшеніе преданій, пріурочиваемыхъ къ Владиміру Святому и къ Владиміру Мономаху. «И отъ того часа прослы великій князь Владиміръ Кіевскій *Мономахъ*, і до сего дни во всей Россіи вѣнчашася цари московъскія в нынѣшнемъ вѣцѣ виссомъ і порѳѵрою царскою і шапкою мономаховою і до сего дне». Эта замѣтка составлена подъ вліяніемъ знакомаго намъ сказанія о дарахъ, полученныхъ Владиміромъ Мономахомъ изъ Византіи. Но повѣсть о путешествіи въ Вавилонъ не упоминаетъ о Константинѣ Мономахѣ; греческій царь, съ которымъ воюетъ Владиміръ, называется въ повѣсти *Василіемъ*.

Всѣ приведенные разсказы о царскихъ утваряхъ сходны въ существенныхъ чертахъ, почему и можно разсматривать ихъ какъ варіанты

---

[1]) *Поповъ*, Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, 187 (Ср. Обзоръ хронографовъ, 91; Полн. собр. русск. лѣтоп. XVI, 26). Въ одномъ изъ списковъ хронографа помѣщено извѣстіе о морскомъ походѣ Владиміра на Царьградъ: «Иде Володимеръ въ Греки въ 200 людии».—„Походъ Аскольда и Дира приписанъ, Владиміру“, замѣчаетъ объ этомъ извѣстіи Востоковъ (Описаніе рукоп. Румянц. музея, стр. 730).

[2]) Kronika, изд. 1846 г., I, str. 129.

[3]) Ibid. 125.

Digitized by Google

одного и того же преданія. Это преданіе говорило о какомъ-то князѣ Владимірѣ, съ именемъ котораго не соединялось, какъ видно, ближайшаго опредѣленія, отчего и открывалась возможность узнавать въ этомъ Владимірѣ и Владиміра Всеволодовича, и Владиміра Святославича. Сказаніе о князехъ Владимірскихъ и замѣтка о князѣ Владимірѣ и царѣ Василіи въ повѣсти о Вавилонѣ говорятъ, что князь Владиміръ велъ войну съ греками и получилъ отъ побѣжденнаго греческаго царя богатые дары: вѣнецъ, крабійцу и проч. Въ извѣстіи, разсказывающемъ о вѣнчаніи Владиміра Святаго, не упоминается прямо о войнѣ съ греками, но на такую войну указываетъ связь вѣнчанія съ крещеніемъ: «вѣнчанъ на царство русское царемъ Васильемъ греческымъ, *какъ принялъ отъ грекъ святое крещеніе*». Обстоятельства Владимірова крещенія были общеизвѣстны: Владиміръ воюетъ съ греками, овладѣваетъ греческимъ городомъ. Версія, сообщаемая Герберштейномъ и Стрыйковскимъ, вмѣсто грековъ говоритъ объ италіанскихъ колонистахъ, вмѣсто Корсуня называетъ Кафу, но мы видѣли, что и взятіе Кафы пріурочивается къ имени Владиміра Святаго, при чемъ Кафа называется «городомъ греческимъ». Какой видъ могло имѣть первоначальное преданіе, отразившееся во всѣхъ этихъ разсказахъ? Надъ какимъ матеріаломъ работали книжные люди, писавшіе объ отношеніяхъ князя Владиміра къ греческому царю или генуэзскому воеводѣ?

О какихъ-нибудь литературныхъ, письменныхъ источникахъ приведенныхъ разсказовъ не можетъ быть рѣчи. Извѣстіе, записанное въ формѣ-ли лѣтописной замѣтки, или въ формѣ исторической повѣсти, не могло дать такихъ разнообразныхъ отраженій, какъ разсказы о Владимірѣ Святомъ и о Владимірѣ Мономахѣ, о походѣ на грековъ и о борьбѣ съ генуэзскими колонистами. Въ замѣткѣ или повѣсти даны были бы опредѣленныя имена лицъ и опредѣленныя мѣстныя названія, устранявшія необходимость догадокъ и противорѣчивыхъ соображеній и о самомъ князѣ Владимірѣ, и объ его противникахъ. Нужно, кромѣ того, припомнить, что въ памятникахъ литературныхъ до XVI вѣка мы не находимъ никакихъ извѣстій, которыя можно было бы признать основою занимающаго насъ сказанія въ его разнообразныхъ редакціяхъ. Остается, такимъ образомъ, допустить, что въ основѣ сказаній о вѣнчаніи князя Владиміра лежало какое-то устное преданіе [1]).

---

[1]) Говоря объ «устномъ» преданіи, я имѣю въ виду указать только на народно-поэтическій характеръ того сказанія, которое легло въ основу изучаемыхъ повѣствованій. Преданіе о войнѣ князя Владиміра съ греками могло, конечно,

Digitized by Google

Но устное преданіе могло быть не одинаково. Могло быть преданіе родовое, династическое, связанное съ святынями и драгоцѣнностями, хранившимися въ велико-княжеской семьѣ и слывшими подъ названіемъ «мономаховыхъ» или «владиміровыхъ»; могло быть и преданіе народное, сохранявшееся въ формѣ побывальщины или

быть записано и въ такомъ именно видѣ рукописнаго памятника стать извѣстнымъ составителямъ сказаній о вѣнчаніи Владиміра Мономаха или Владиміра Святаго, но способъ передачи преданія не могъ измѣнить его эпической природы. При разсмотрѣніи вопроса объ источникахъ сказаній о Владиміровомъ вѣнчаніи нельзя еще миновать нѣкоторыхъ извѣстій, попадающихся въ памятникахъ византійской письменности. *Константинъ Порфирородный* сообщаетъ, что скиѳскія племена, какъ хазары, руссы (Ῥῶς), требовали нерѣдко отъ византійскихъ императоровъ царскихъ одеждъ, коронъ (*στέμμα*) и т. п. (De administr. imp. cap. XIII). На это извѣстіе обратилъ вниманіе еще *Карамзинъ* (Ист. Гос. Росс. II, примѣч. 221). Никифоръ Григора, писатель XIV вѣка, разсказываетъ, что при дворѣ Константина Великаго находился какой-то русскій князь (ἡγέμων), занимавшій должность императорскаго стольника: ὁ δὲ Ῥωσικὸς τήν τε στάσιν καὶ τὸ ἀξίωμα τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης παρὰ τοῦ μεγάλου κεκλήρωται Κωνσταντίνου. (Nic. Gregoras, VII, 5, Боннск. изд. vol. I. p. 239. Объ этомъ извѣстіи см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, кн. 12, стр. 313). Первое изъ приведенныхъ свидѣтельствъ можетъ представлять извѣстную важность для исторіи инсигній нашихъ князей. „Въ виду какъ замѣченныхъ Карамзинымъ требованій русскими государями въ X вѣкѣ царской утвари, такъ и подаренныхъ Юстиніаномъ Ринотмитомъ Болгарскому князю Тривалу регалій за содѣйствіе къ возстановленію императора на престолѣ (Кедринъ), можно принять за несомнѣнное, что къ (русскому) великому князю были присланы нѣкогда собственно императорскіе знаки», замѣчаетъ г. *Прозоровскій* (*Записки Отдѣл. р. и слав. археологіи*, III, 17). Кромѣ болгарскаго князя можно еще указать на Цтаѳія, царя лазовъ (Ζτάθιος ὁ τῶν Λαζῶν βασιλεύς), который, принявъ христіанство, женился въ Цареградѣ на дочери „римскаго патриція“ и получилъ царскій вѣнецъ и другіе дары отъ императора Юстина (VI в.); «καὶ δεχθεὶς παρὰ τοῦ βασιλέως ἐφωτίσθη, καὶ χριστιανὸς γενόμενος ἠγάγετο γυναῖκα Ῥωμαίαν, τὴν ἐκγόνην Νόμου τοῦ πατρικίου, ὀνόματι Οὐαλεριάνην, καὶ ἔλαβεν αὐτὴν μεθ' ἑαυτοῦ εἰς τὴν ἰδίαν αὐτοῦ χώραν, στεφθεὶς παρὰ Ἰουστίνου, βασιλέως Ῥωμαίων, καὶ φορέσας στεφάνιον Ῥωμαϊκὸν βασιλικὸν καὶ χλαμύδα ἄσπρον ὁλοσήρικον» и т. д. (*J. Malalas*, lib. XVII, Боннск. изд. p. 413. Позже, при Михаилѣ Палеологѣ, византійцы, по свидѣтельству Георгія Пахимера (VI, 34), оспаривали права царя лазовъ носить знаки императорскаго достоинства). Императоръ Василій I далъ царскій титулъ и царскій вѣнецъ правителю Арменіи (*Regel*, Analecta byzantino—russica, p. LXXIX—LXXX, LXXXIV—LXXXV). Въ виду такихъ указаній *возможность* полученія русскими князьями знаковъ власти изъ Византіи не подлежитъ сомнѣнію. Припомнимъ еще при этомъ два извѣстія, относящіяся, правда, къ позднему времени, именно къ царствованію Ѳедора Ивановича. Въ 1591 году прибылъ въ Москву митрополитъ терновскій Діонисій; онъ поднесъ царю въ даръ частицы св. мощей и «вѣнецъ царской золотъ съ каменьемъ и съ жемчуги»; царицѣ — также мощи и «вѣнецъ царской» (*Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс. X, прим. 220). Въ 1593 году александрійскій патріархъ Мелетій пи-

Digitized by Google

даже пѣсни. Какой изъ этихъ двухъ видовъ преданія слѣдуетъ допустить какъ основу сказаній о драгоцѣнностяхъ, добытыхъ княземъ Владиміромъ?

Свѣдѣнія о дорогихъ вещахъ, принадлежавшихъ великимъ князьямъ московскимъ, сохранились въ ихъ душевныхъ грамотахъ. Сводъ и раз-

салъ Ѳедору Ивановичу: «тебѣ за твои подвиги слѣдуетъ быть увѣнчаннымъ двойною діадимою. Одну ты имѣешь свыше отъ предковъ; другую же представляемъ тебѣ мы. Эта діадима дана святымъ ефесскимъ соборомъ, бывшимъ при достославномъ самодержцѣ Іустиніанѣ, апостольскому престолу александрійской церкви и ею послѣ святѣйшаго папы старѣйшаго Рима одни предстоятели александрійской церкви имѣли обычай украшаться. Цѣнно это одѣяніе не столько блескомъ камней или другимъ веществомъ, сколько своею почтенною и славною древностью». (*Терновскій*, Изученіе Византійской исторіи, I, стр. 12). Предположимъ, что были извѣстія, подобныя только-что приведеннымъ, но относящіяся къ болѣе древней порѣ. Эти извѣстія о византійскихъ дарахъ не объяснили бы все-таки намъ ни разсказа о счастливомъ походѣ русскихъ дружинъ противъ грековъ или генуэзскихъ колонистовъ, ни извѣстій объ осадѣ этими дружинами какого-то города, ни упоминанія о добычѣ, доставшейся побѣдителямъ послѣ удачной войны. Для всѣхъ этихъ подробностей, разнообразная передача которыхъ составляетъ главное содержаніе изучаемыхъ нами сказаній, пришлось бы поискать какихъ нибудь иныхъ объясненій, иныхъ источниковъ. Подобное же недоумѣніе вызываетъ и греческое преданіе о русскомъ князѣ и царѣ Константинѣ, записанное Ник. Григорой. Трудно установить какую нибудь связь между этимъ преданіемъ и тѣми русскими повѣстями, которыя знакомы намъ по Сказанію о князехъ Владимірскихъ и по извѣстіямъ Герберштейна и Стрыйковскаго. Могло ли въ самомъ дѣлѣ преданіе о стольникѣ царя Константина вызвать такія литературныя отраженія, какъ разсказы о походѣ русскихъ войскъ во Ѳракію или объ осадѣ Кафы?.. Для уясненія дѣла считаю не лишнимъ припомнить здѣсь преданіе, связанное съ короной «священной римской имперіи». Въ Германіи разсказывали, что герцогъ Эрнстъ во время своего странствованія на востокъ (черезъ Угрію и Болгарію — въ Константинополь, оттуда въ Іерусалимъ, Вавилонъ, Индію) добылъ чудный камень, единственный въ своемъ родѣ, а потому прозванный «сиротой» (der Waise, Orphanus). Вернувшись на родину, Эрнстъ подарилъ этотъ камень императору Оттону, который украсилъ имъ свою корону. «Consummata harum et consimilium precum instancia, ecce lux primitus rarescens se ex gracia increatae lucis illis obtulit et ingens gaudium contulit. Tunc montem valde fulgorum (?) aspexere et lapidem unionem dictum ab uno, quod unus sit et nunquam sint ejusdem generis duo lapides, ab illo monte abrupere. Hunc lapidem romanus imperator quilibet, in corona regali propter decoris ingens augmentum collocatum ab Ottone imperatore, cui illum dux Hernestus, ut dicetur in sequentibus, credidit, baculare solet». Объ этомъ камнѣ говорили, что онъ honorem servat regalem. Или:

Hujus mira satis virtus: si sederit aequo
Vertice, romani resplendet imagine regni.

(*Uhlands* Schriften. VIII, 571, 575. Ср. выше, гл. II, примѣч. на стр. 38). Преданія о герцогѣ Эрнстѣ и о принесенномъ имъ камнѣ передавались и въ поэмахъ, и въ мнимо-историческихъ сказаніяхъ. Едва ли кто нибудь будетъ утверждать, что

Digitized by Google

боръ этихъ свѣдѣній находимъ въ трудахъ Строева, Снегирева, Вельтмана, Прозоровскаго [1]). Послѣдній изъ названныхъ ученыхъ путемъ сопоставленія данныхъ, извлеченныхъ изъ великокняжескихъ завѣщаній, приходитъ къ выводу, рѣшительно устраняющему предположеніе о родовомъ преданіи. «Сводя всѣ эти данныя, говоритъ г. Прозоровскій, нельзя не замѣтить: а) что первоначально вещамъ не присвоивалось особеннаго значенія, кромѣ того, какое онѣ имѣли въ княжескомъ семействѣ, частію какъ вещи родовыя, частью какъ обыкновенное имущество; б) что приписанныя Степенною книгою и другими памятниками Константину Мономаху вещи, кромѣ шапки и бармъ, являются въ духовныхъ постепенно; в) что ни въ одномъ изъ завѣщаній, кромѣ духовной Іоанна Грознаго, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что вещи составляютъ даръ греческихъ царей кому-либо изъ государей русскихъ, тогда какъ даръ патріарха Филоѳея указанъ именно [2]), да и другія вещи въ духовныхъ упомянуты подъ именами тѣхъ, отъ кого онѣ происходятъ; г) что между шапкою и бармами не существовало прежде никакой особенной связи; д) что ни изъ чего не видно: шапка-ли Семена Ивановича поступила во владѣніе Ивана Ивановича, или у Ивана Ивановича явилась особенная шапка; по крайней мѣрѣ, поступившій Семену Ивановичу вмѣстѣ съ шапкою червленый кожухъ болѣе нигдѣ не упоминается; е) что бармъ было двое и обои составляли принадлежность разнородныхъ одеждъ, но какія изъ нихъ получили знаменитость—не извѣстно» [3]). Трудно оспаривать основательность этихъ выводовъ. Можно, пожалуй, замѣтить, что въ такихъ памятникахъ, какъ духовныя завѣщанія, не мѣсто было разсказывать фамильныя воспоминанія. Но умѣстность такихъ разсказовъ и не предполагается. При существованіи родоваго преда-

основой этихъ сказаній могли быть какія нибудь неясныя преданія о драгоцѣнностяхъ, доставленныхъ когда-то германскому императору съ востока. Сказанія объ Эрнстѣ сложились на основѣ эпическихъ воспоминаній о событіяхъ германской исторіи временъ Саксонской и Франконской династій,—воспоминаній, осложненныхъ захожими разсказами (магнитная гора, путешествіе на грифахъ и т. п.). Разсказъ о добываніи чудеснаго камня повторяетъ одинъ эпизодъ Синдбадова путешествія въ сказочномъ сборникѣ: «Тысяча и одна ночь» (*Uhland*, VIII, 571; V, 325—343).

[1]) *Строевъ*, Выходы государей, стр. 53—54; *Вельтманъ*, Московская Оружейная палата, стр. 17 и слѣд.; *Снегиревъ*, Памятники моск. древности, стр. 265: *Прозоровскій*—въ указанной выше статьѣ «Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху» (*Зап. отд. р. и слав. археол.*, т. III, стр. 26—29).

[2]) Этотъ даръ упомянутъ впервые въ духовной Василія Димитріевича: «крестъ животворящій патріаршъ Филофѣевской».

[3]) Op. cit. 28—29.

Digitized by Google

нія, связаннаго съ нѣкоторыми вещами, можно было бы однако ожидать, что эти вещи будутъ такъ или иначе выдѣлены изъ числа другихъ, будутъ обозначены какимъ нибудь опредѣленіемъ, отвѣчавшимъ ихъ исторической важности, не останутся скрытыми подъ такими общими упоминаніями; «шапка золотая» или «цѣпь золотая съ крестомъ». Вѣдь упоминаются же въ завѣщаніяхъ: «крестъ патріаршъ Филоѳеевскій», крестъ Петра чудотворца, крестъ Парамшина дѣла, крестъ въ рацѣ Цареградской и т. п. Когда преданіе о Мономаховыхъ инсигніяхъ успѣло установиться, когда оно получило опредѣленную литературную форму, вошло въ завѣщанія и упоминаніе о Мономаховыхъ вещахъ. Въ духовной Ивана IV читаемъ: «да сына же своего Ивана благословляю царствомъ русскимъ, шапкою мономаховскою и всемъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владиміру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда» [1]).

Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія о Мономаховыхъ вещахъ помѣщена въ концѣ замѣтка о судьбѣ присланныхъ изъ Византіи даровъ. Владиміръ Мономахъ, говорится въ этой замѣткѣ, умирая «вручилъ царскую утварь шестому сыну своему Георгію, велѣлъ хранить оную, какъ душу или зѣницу ока, и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца въ государствѣ великороссійскомъ». Пока не явится такой царь, потомки Мономаха, по его завѣту, не имѣли права одѣваться въ царскіе уборы, вѣнчаться на царство [2]). Признать эту замѣтку за отголосокъ родоваго преда-

---

[1]) Дополн. къ Актамъ Историч., т. I, № 222

[2]) *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс. II, примѣч. 220. Извѣстіе передано историкомъ по рукописи Синод. Библ. № 365. Такой же разсказъ о судьбѣ Мономаховыхъ утварей нашелъ я въ краткомъ лѣтописцѣ, сохранившемся въ рукописи XVII в. Публ. Библіот. Q. XVII, № 71 (=Толс. II, № 250. См. *Калайдовича* и *Строева*, Описаніе рукоп. гр. Ѳ. А. Толстова, стр. 408—409). Послѣ разсказа о дарахъ, присланныхъ въ Кіевъ Константиномъ Мономахомъ, и о царскомъ венчаніи Владиміра Всеволодовича, сообщается слѣдуующее: „В лѣто 6633 царь и великій князь Владимиръ Всеволодовичъ Манамахъ впаде в болѣзнь тяшку и собравъ дѣтей своихъ и бояръ и всякого чину служилыхъ людей приказываетъ и заповѣдуетъ имъ всѣмъ по смерти своей, да не ставятся на его мѣсто на царство царемъ ни отъ дѣтей его, ни отъ бояръ для того, что в то время всѣ были удѣлные князи, и аще кого поставятъ себѣ царя, то завистию убиютъ царя и межь собою побиются. По глаголанні же семъ, по смерти царя і великаго князя Владиміра Всеволодовича Монамаха, приемлетъ животворящій крестъ Господень, его же присла изъ Царяграда греческиі царь Константинъ Маномахъ, и порфиру, и виссонъ, и гривну златую и вѣнецъ царскій сынъ царя и великаго князя Владимира Игорь (вм. Георгій) Владимировичъ и по повелѣнию отчю сохрани я и печашеся соблюсти *я*, аки душу свою, или аки зѣницу очей своихъ, а по смерти

Digitized by Google

нія,—слѣдовъ котораго мы не находимъ въ памятникахъ семейныхъ отношеній московскихъ князей,—конечно, нельзя. Замѣтка явилась, очевидно, какъ отвѣтъ на недоумѣнія и сомнѣнія, которыя могло возбуждать сказаніе о Мономаховой шапкѣ, — сказаніе, офиціально признанное и часто повторявшееся при Иванѣ IV, но не встрѣчав-

---

своей также повелѣ отдать сыну своему, иже бы моглъ сей великиі даръ царевъ в сохраненіі препроводити, дондеже отъ рода ихъ кого воздвигнетъ Богъ в велицѣи Россиі царя и самодержца». Въ дальнѣйшемъ теченіи лѣтописнаго разсказа читается рядъ одинаково выраженныхъ замѣтокъ о томъ, какъ цареградскія утвари передавались въ линіи младшихъ Мономаховичей: Игорь (то есть, Георгій) Владимировичъ передалъ ихъ сыну своему Всеволоду, Всеволодъ—сыну Ярославу. Послѣ ярослава Всеволодовича упоминаются: Александръ Невскій, Даніилъ Александровичъ, Иванъ Калита, Иванъ Ивановичъ, Димитрій Донской, Василій Димитріевичъ, Василій Темный, Иванъ Васильевичъ, Василій Ивановичъ. О послѣднемъ замѣчено: «въ соборной церкви царскую всю утварь на него возложиша і царя его і великаго князя Василия Ивановича Московскаго і всея Россіи нарекоша». (Ср. Моск. синод. библіот. № 964, л. 208—209, 210—215). Эта замѣтка о царскомъ вѣнчаніи Василія Ивановича напоминаетъ указаніе, находящееся въ странномъ памятникѣ: «Выпись изъ государевы грамоты, что прислана къ великому князю Василію Ивановичу о сочтаніи втораго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради. Твореніе Паисѣино, старца Ферапонтова монастыря (Изд. въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, 1847 № 8, отд. IV). Старецъ Вассіанъ, сообщается въ сказаніи Паисія, отговаривалъ Василія отъ развода съ Соломоніей, напоминая при этомъ князю, что въ случаѣ расторженія перваго брака и второй женитьбы, «ни на прагъ церковный стопамъ ногъ твоихъ коснутися правила не повелѣваютъ», оставаясь же въ первомъ бракѣ, Василій имѣетъ право «итти въ царскія двери, вземъ свой царскій скипетръ и царскую діадиму, рекше багряницу, и сердоликову крабицу и прародителя своего великаго князя Владиміра Мономаха ардарила (=ялдарилъ), рекше шапку, да сѣсти на престолѣ". Еще Карамзинъ высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности Паисіева сказанія. Издатель «Выписи» присоединяется къ мнѣнію пр. Филарета (см. его статью о Максимѣ Грекѣ въ *Москвитянинѣ* 1842 года; ср. Обзоръ русск. дух. литературы, § 106), не раздѣлявшаго подозрѣній Карамзина. Трудно одноко отыскать ясные признаки подлинности приписываемаго Паисію произведенія. Правда, извѣстіе о томъ, что Вассіанъ отговаривалъ Василія отъ развода, что это именно отговариваніе было причиной опалы и ссылки Вассіана, повторяется не въ одномъ сказаніи „о сочетаніи втораго брака", но послѣ указаній, приведенныхъ пр. *Макаріемъ* (Ист. русск. церкви, VI, стр 175—176), связь несчастій Вассіана съ женитьбой Василія на Еленѣ Глинской едва-ли можетъ быть признаваема. Остается присоединиться къ мнѣнію, что мнимо-Паисіево сказаніе составлено уже въ царствованіе Ивана IV и представляетъ оправданіе мысли, высказанной Курбскимъ: „и родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость» (Сказанія Курбскаго, изд. 3, стр. 5. Ср. *Иловайскій*, Исторія Россіи, т. III. стр. 609). Въ изображеніи вел. князя, идущаго въ алтарь въ мономаховомъ «ялдарилѣ» (?), съ сердоликовой коробкой въ рукахъ, едва-ли можно отыскать черты бытовой правды.

Digitized by Google

шееся въ памятникахъ древняго времени. Замѣтка пытается объяснять, почему это сказаніе оставалось не извѣстнымъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Оказывается, что шапка и другія вещи, полученныя отъ греческаго царя, находились подъ заклятіемъ самого Мономаха. Истинное значеніе этихъ вещей, скрытое до поры до времени, должно было обнаружиться только тогда, когда появится на Руси настоящій царь. Это упоминаніе о царѣ—veticintum post eventum, когда московскій князь принялъ царскій титулъ и царскій вѣнецъ. Также мало имѣетъ значенія другая замѣтка, отысканная въ одномъ позднемъ лѣтописномъ сборникѣ: «въ лѣто 6811 преставися великій князь Данило Александровичъ Невского; животворящій крестъ и порфиру, и виссонъ, и златую гривну и вѣнецъ Мономаховъ предаде четвертому своему сыну Іоанну Калитѣ» [1]). Замѣтка говоритъ о порфирѣ, виссонѣ, золотой гривнѣ. Нечего и говорить, что завѣщанія Ивана Даниловича и его потомковъ не упоминаютъ о такихъ вещахъ. Замѣтка,—очевидно, поздняго происхожденія. Она не объясняетъ сказанія о Мономаховомъ вѣнцѣ, а объясняется имъ.

Мы подошли такимъ образомъ къ народной «старинѣ», къ какому-то устно передававшемуся сказанію о князѣ Владимірѣ, которое въ книжныхъ передѣлкахъ получило видъ повѣствованій о Константинѣ Мономахѣ, о борьбѣ русскаго князя съ правителемъ Кафы и пр.

Въ народномъ сказаніи говорилось о какомъ-то удачномъ походѣ князя Владиміра. Книжные люди старались угадать, къ какому князю Владиміру и къ какому именно его походу долженъ быть отнесенъ этотъ разсказъ. Сопоставленіе намековъ, которые находились въ преданіи, съ историческими извѣстіями, которыя казались наиболѣе соотвѣтствующими этимъ намекамъ, приводило къ неодинаковымъ выводамъ, такъ какъ для сопоставленія избирались не одни и тѣ же извѣстія. Такимъ образомъ, на одной и той же основѣ создавались не одинаковыя повѣствованія, причемъ каждое изъ такихъ повѣствованій представляло сплавъ народно-эпическаго преданія съ

[1]) *Амфилохій*, Лѣтописныя и другія древнія сказанія о св. князѣ Даніилѣ Александровичѣ (М. 1875), стр. 1. Извѣстіе взято изъ рукописи Ундольскаго № 755. Въ «Очеркѣ собранія рукописей В. М. Ундольскаго» объ этой рукописи сообщено слѣдующее: «Лѣтописецъ русскій, сначала подробный, преимущественно по Степенной книгѣ, а потомъ краткій продолженный до 1648 года; тщательной скорописи половины XVII вѣка, въ 4-ку, 170 л.» (*Викторовъ*, Рукоп. Ундольскаго, стр. 21).

Digitized by Google

тѣми или другими подробностями, навѣянными литературой временниковъ и историческихъ сказаній.

а) Въ извѣстіи о вѣнчаніи Владиміра Святославича черты историческія выступаютъ съ полной ясностью: Владиміръ вѣнчался, когда принялъ крещеніе. Преданіе о вѣнцѣ сливается съ воспоминаніями объ отношеніяхъ князя Владиміра къ греческому царю Василію. Имя другаго царя, Константина, въ извѣстіи не упоминается. Имя греческаго царя Василія упоминается и въ спискѣ къ повѣсти о Вавилонѣ.

б) Труднѣе опредѣлить историческій матеріалъ, который вошелъ въ сказаніе о борьбѣ Владиміра Всеволодича съ Константиномъ Мономахомъ. Выше было уже указано лѣтописное извѣстіе о походѣ русскихъ дружинъ на Дунай въ 1116 году. «Въ се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Войтишича, и посажа посадники по Дунаю... Томъ же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай съ Ѳомою Ратиборичемъ и пришедъ къ Дьрьстру и невъспѣвше ничтоже воротишася» [1]). Едва-ли можно допустить, что составитель сказанія о вѣнцѣ имѣлъ въ виду извѣстіе объ этомъ именно Дунайскомъ походѣ. Правда, въ лѣтописной замѣткѣ упоминается имя Владиміра Мономаха, говорится о походѣ русскихъ дружинъ въ области принадлежавшія греческому царю, но содержаніе лѣтописной замѣтки не объясняетъ такихъ существенныхъ подробностей сказанія, какъ упоминаніе о походѣ къ Цареграду, о Константинѣ Мономахѣ, о греческихъ дарахъ. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что составитель сказанія о вѣнцѣ смѣшалъ Владиміра Мономаха съ Владиміромъ Ярославичемъ, который въ 1043 году дѣйствительно ходилъ съ войскомъ къ Константинополю *въ царствованіе Константина Мономаха.* Въ древнемъ лѣтописномъ сводѣ объ этомъ походѣ, который одинъ изъ нашихъ историковъ называетъ «послѣдней греческой войной», говорится слѣдующее: «Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы и вда ему вои многы, а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ в лодьяхъ; и придоша в Дунай, и *поидоша къ Цесарю граду*, и бысть буря велика, и разби корабли Руси, и княжь корабль разби вѣтеръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричь, воевода Ярославль. Прочии же вои Володимери вывержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотящимъ поити в Русь, и не идяше съ ними ничтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата:

[1]) Полное собр. русск. лѣтописей, II, стр. 7 — 8. Любопытно что у Татищева присылка вѣнца изъ Византіи поставлена въ связь съ обстоятельствами Дунайскаго похода (Исторія Россійская, кн. II, стр. 221, ср. стр. 217, 218.

Digitized by Google

«азъ поиду с ними»; и высѣде ис корабля к нимъ, и рече: «аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». И поидоша хотяще в Русь, и бысть вѣсть грькомъ, яко избило море Русь, *и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси олядий 14; Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идуть по немъ, въспятивъся изби оляди гречьския, и възвратися в Русь, всѣдъше в корабль свой.* Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата в Русь к Ярославу» [1]). Въ одной изъ позднихъ лѣтописей (Густынской) объ обстоятельствахъ Владимірова возвращенія замѣчено: «Володымеръ же бися съ ними крѣпко, *и побѣди ихъ*, и возвратися въ Русь». Далѣе узнаемъ, что и Вышата вернулся изъ плѣна при обстоятельствахъ, свидѣтельствовавшихъ о почетномъ для Русскихъ мирѣ. Вышата прибылъ вмѣстѣ съ греческой царевной, будущей матерью Владиміра Мономаха. «По трехъ же лѣтѣхъ смирися Ярославъ со греки, и поятъ дщерь у Константина Мономаха, царя греческаго, за сына своего Всеволода; и тогда отпущенъ бысть и Вышата» [2]).

Лѣтописныя извѣстія говорили о томъ, какъ князь Владиміръ пошелъ къ Цареграду, бился крѣпко съ греческими войсками и побѣдителемъ возвратился на Русь. Составитель Сказанія о князехъ Владимірскихъ, не отличавшійся заботливостью объ исторической точности своихъ разсказовъ, легко могъ спутать генеалогію князей и хронологію событій: вмѣсто Владиміра Ярославича онъ выставилъ другое, болѣе извѣстное и громкое имя, имя Владиміра Всеволодовича. Упоминаніе о дарахъ, полученныхъ Владиміромъ отъ грековъ, о вѣнчаніи князя подсказаны были тѣмъ устнымъ преданіемъ, которое въ извѣстіяхъ Герберштейна и Стрыйковскаго пріурочивается къ иному событію, къ походу на Кафу.

в) Въ Татищевскомъ лѣтописномъ сводѣ находимъ два извѣстія о походахъ Владиміра Мономаха въ Тавриду. Первое извѣстіе (подъ

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 150—151. Объ этомъ походѣ есть греческія извѣстія въ хроникахъ Кедрина (t. II, p. 551—555, по Боннск. изд.), Глики (595), Зонары (II, 253—254 Пар. изд.).

[2]) Полн. собр. русск. лѣтописей, II, 267. Лѣтописные разсказы объ отношеніяхъ Ярослава къ грекамъ слагаются изъ двухъ извѣстій: а) о походѣ и возвращеніи Владиміра Ярославича, б) о возвращеніи «по трехъ лѣтѣхъ, миру бывшю», воеводы Вышаты. Подобная же двойственность замѣчается и въ сказаніи о мономаховой шапкѣ: а) походъ русскихъ войскъ къ Цареграду и возвращеніе ихъ съ богатой добычей; б) посольство изъ Цареграда съ дарами и заключеніе Владиміромъ мира съ греческимъ царемъ.

Digitized by Google

6584—1076 г.): «Михаилъ, царь греческій, иже отца своего Романа царства лишивше, самъ пріялъ, но вскорѣ отъ болгаръ побѣжденъ, и Корсуняне ему отреклися, прислалъ ко Святославу пословъ со многими дары и обѣщаніи, прося его и Всеволода о помощи на болгаръ и корсунянъ. Святославъ же согласяся со Всеволодомъ хотѣлъ на болгары самъ итти съ сыны, *а Владимира сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на корсунянъ*; но вскорѣ самъ разболевся, пословъ отпустилъ съ тѣмъ, что самъ немедленно пойдетъ, или сыновъ своихъ пошлетъ. По смерти же Святослава пришла отъ грекъ вѣдомость, что Михаилъ умеръ, а царство пріялъ Никифоръ. Всеволодъ же войско все распустилъ въ домы, *и сына Святослава изъ Корсуня возвратилъ*» [1]). Другое извѣстіе (подъ 6603 — 1095 г.): «Корсуняне, напавъ на русскіе корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чемъ *Святополкъ и Владиміръ посылали къ царю Алексію просить и къ корсунянамъ, но не получили достойнаго награжденія, для котораго Владимиръ* съ Давидомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополчичемъ, имѣющимъ войски Святополковы, къ тому же взявъ Торковъ и Козаровъ, *пошелъ въ Корсунь и сошедшись съ войски корсунскими у града изъ Кафы побѣдилъ*, по которомъ корсуняне, заплатя всѣ убытки Владимиру, миръ испросили, и Владимиръ возвратился съ честію и *богатствомъ великимъ*» [2]). Въ примѣчаніи къ этому разсказу Татищевъ говоритъ: «Сей походъ Владимировъ и поедпнокъ съ генуэзскимъ генераломъ, отъ котораго Владимиръ Мономахъ проименовался, въ нѣкоторыхъ Степенныхъ и у Стрыйковскаго описано, *въ манускриптахъ же Несторовыхъ, кромѣ Симонова, бывшаго у Волынскаго, ни похода не упомянуто*» [3]). Въ «манускриптѣ Волын-

---

[1]) Исторія Россійская, II, 131. Критическій анализъ этого извѣстія сдѣланъ проф. *Васильевскимъ* (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1875, кн. 12, стр. 292 и слѣд.). Ср. *Сенигов*ъ, Историко-критич. изслѣдованія о Новгор. лѣтописяхъ и о Росс. Исторіи В. Н. Татищева, стр. 332—334.

[2]) Исторія Россійск., II, 156.

[3]) Ibid. 445. Разсказъ о поединкѣ князя Владиміра съ генуэзскимъ вождемъ переданъ Татищевымъ въ концѣ XII главы второй книги (стр, 230). Въ примѣчаніи къ этому разсказу историкъ, повторивъ свидѣтельство Стрыйковскаго, говоритъ: „Здѣ Стрыковскій *согласно съ русскаго* о поединкѣ говоритъ, которое имѣетъ быть тогда случилось, какъ онъ къ Кафѣ въ 1095 году ходилъ, токмо о поединкѣ и взятіи Кафы тогда ни въ одномъ видѣнномъ мною манускриптѣ не написано, да и о походѣ его и при окончаніи жизни о поединкѣ токмо въ двухъ написано, знатно оное давно утрачено“ (стр. 465). О лѣтописцѣ, принадлежавшемъ Волынскому, Татищевъ сообщяетъ, чтп списокъ былъ „довольно

Digitized by Google

скаго» извѣстіе о походѣ Владиміра изложено было, очевидно, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ передано оно Татищевымъ. Въ этомъ извѣстіи нѣтъ упоминанія о поединкѣ; война ведется съ греками, а не съ итальянскими колонистами.

Замѣна грековъ генуэзцами должна быть вмѣнена составителю того своднаго (основаннаго частью на историческихъ данныхъ, частью на народномъ преданіи) разсказа, который извѣстенъ намъ по сообщеніямъ Герберштейна и Стрыйковскаго. Любопытно, что и у Татищева упоминаются рядомъ Корсунь и Кафа: «пошелъ въ *Корсунь* и сошедшись съ войски корсунскими у града ихъ *Кафы* побѣдилъ» [1]). Нельзя признать невѣроятнымъ, что подобнымъ же образомъ могло быть изложено извѣстіе о Владиміровомъ походѣ и въ томъ памятникѣ, который былъ источникомъ историческихъ свѣдѣній составителя своднаго разсказа; но не устраняется возможность и инаго предположенія: названіе Кафы могло явиться, какъ неудачное подновленіе, принадлежащее самому составителю своднаго разсказа. Какъ бы то ни было, названіе Кафы дало поводъ припомнить тѣхъ, кому принадлежала Кафа. Явился разсказъ о томъ, какъ Владиміръ Мономахъ ходилъ въ Тавриду и боролся тамъ съ генуэзскими колонистами.

За вычетомъ историческихъ добавокъ, внесенныхъ въ книжные пересказы народнаго преданія о князѣ Владимірѣ, получается нѣкоторый эпическій остатокъ, общій всѣмъ версіямъ изучаемаго сказанія. Содержаніе этого остатка представляется на первый взглядъ чрезвычайно скуднымъ: какой-то князь Владиміръ велъ войну съ греками, одолѣлъ ихъ и получилъ отъ побѣжденныхъ богатые дары. Такой разсказъ остался бы загадочнымъ обломкомъ, лишеннымъ историческаго и литературнаго значенія, еслибы не открывалась возможность указать то эпическое цѣлое, къ которому принадлежалъ этотъ обломокъ, еслибы не былъ извѣстенъ цѣлый кругъ поэтическихъ сказаній, сосредоточивающихся около имени князя Владиміра,—

старый,... кончанъ разореніемъ Москвы отъ Токтамыша въ 1384 году" (кн. I, ч. 1, стр. 58).

[1]) Корсунь и Кафа соединяются у Татищева и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ: „въ Степенной и хронографѣ... именуютъ Корсунь или Кафа" (кн. II, стр. 407): „Стрыковскій пишетъ, что Анастасій былъ протопопъ въ Кафѣ,... равно-же въ Степенной и хронографѣ именуетъ его протопопомъ Херсонежскимъ" (ib. 408).

Digitized by Google

сказаній, сохранившихся и въ памятникахъ письменности и въ произведеніяхъ народной словесности.

Великорусскія былины, записанныя въ XVIII—XIX вв., разсказываютъ о ласковомъ князѣ Владимірѣ, объ его дружинѣ, о стольномъ городѣ Кіевѣ, куда собираются сильные—могучіе богатыри. Далекая историческая основа этихъ былинныхъ сказаній восходитъ къ событіямъ X—XI вѣковъ, къ слѣдамъ, оставленнымъ въ народной памяти дѣятельностью Владиміра Святославича. Преданія, записанныя въ древней лѣтописи, свидѣтельствуютъ, что еще въ началѣ XII вѣка образъ «стараго Владиміра» сталъ достояніемъ народнаго эпоса. Кое-какіе слѣды поэтическихъ сказаній о Владимірѣ попадаются и въ позднѣйшихъ сводахъ историческихъ извѣстій: въ лѣтописяхъ, хронографахъ, Степенной книгѣ. Редакторы этихъ сводовъ пытались воспользоваться данными былеваго эпоса, *какъ историческимъ матеріаломъ*; знакомые съ сказаніями о Владимірѣ не только письменными, но и «глаголемыми» [1]), они вносили въ свои труды

[1]) Въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ Степенной книгѣ, замѣчено: «о немъже (Владимірѣ) и преже сего обрѣтаеми суть многія повѣсти *глаголемыя* и пишемыя, и похвалами достойно украшены, но обаче не во единомъ мѣстѣ, но на многи части особь каяждо» (стр. 76, по изд. Миллера). Этими словами опредѣляется задача и составъ той работы, которую старался выполнить авторъ житія, работавшій по «благословленію и повелѣнію господина преосвященнаго митрополита Макарія всея Русіи». Составитель житія—компиляторъ, соединяющій „во единомъ мѣстѣ“ всѣ знакомыя ему сказанія о Владиміровомъ времени. Въ запасѣ этихъ сказаній отыскался матеріалъ и для особой главы (65) «о храбрыхъ мужехъ» (стр. 168—169 печатн. текста). Заботясь о полнотѣ свода, сотрудникъ Макарія написалъ произведеніе «растянутое и многословесное», которое „обнимаетъ не одну жизнь Владиміра, но вкороткѣ и всю нашу исторію, церковную и гражданскую, отъ начала Руси до его кончины“ (*Макарій*, Исторія р. церкви, VII, 454—55). Въ изложеніи Владимірова житія, въ характерѣ литературной работы его автора, отчасти въ самомъ содержаніи памятника замѣчается близкое сходство съ житіемъ княгини Ольги, помѣщеннымъ въ той же Степенной книгѣ. Вѣроятно, то и другое житіе написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ одномъ спискѣ Ольгина житія находится такая приписка: «Списано любомудрецомъ Селивестромъ, прозвитеромъ царствующаго града Москвы» (*Макарій*, l. c. Ср. Замѣтку *Коншина* о житіи Ольги въ ст. «Благовѣщ. іерей Сильвестръ и его писанія» *Голохвастова* и *Леонида*, помѣщ. въ *Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. росс.* 1874 г., кн. 1, стр. 108—110). Нѣтъ основаній отвергать это указаніе. Нельзя ли предположить, что и житіе Владиміра, внесенное въ Степенную книгу, написано тѣмъ же любомудрецомъ Сильвестромъ? Замѣчу еще, что это же житіе Владиміра помѣщено въ Милютинскихъ Четіихъ Минеяхъ подъ 15 іюля. (См. Оглавленіе четіихъ миней свящ. Іоанна Милютина, составленное архим. *Іосифомъ* въ *Чтеніяхъ Моск. общ. любителей дух. просвѣщенія*, 1868, стр. 229—230).

Digitized by Google

отрывки этихъ глаголемыхъ сказаній,—отрывки несомнѣнно родственные съ нашими былинами.

Приведенные выше разсказы о князѣ Владимірѣ представляютъ подобную же попытку привлечь эпическій матеріалъ къ изображенію исторически-былеваго. Тема этихъ разсказовъ—борьба Руси съ греками—въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ почти забыта, но въ болѣе раннюю пору она несомнѣнно была извѣстна народнымъ пѣвцамъ. Въ рукописи XVII вѣка отыскано «Сказаніе о Кѣевскихъ богатырехъ, какъ ходили въ Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь» [1]). Другой пересказъ этого памятника носитъ заглавіе: «Сказание о седми русскихъ богатыряхъ» [2]). Царь Константинъ, говорится въ сказаніи, отпускаетъ изъ Царяграда своихъ богатырей: «велитъ имъ Кіевъ изгубити», Князь Владиміръ объявляетъ объ этомъ своимъ богатырямъ, проситъ ихъ остаться въ Кіевѣ: «берегли бы естя града Киева і всеѣ моея вотчины». Богатырямъ такое предложеніе не нравится. Вмѣсто того, чтобы ожидать нападенія, они рѣшаются предупредить его и отправляются къ Цареграду. Дорогой богатыри встрѣчаются съ каликами и мѣняются съ ними платьемъ. Въ Цареградѣ эти мнимые калики находятъ доступъ къ Константину. Греческіе богатыри, окружающіе царя, хвалятся своею силой: пойдутъ они на Кіевъ, побьютъ русскихъ богатырей, а князя и княгиню въ полонъ возьмутъ. Эту похвальбу ожидала жестокая расплата. Царь Константинъ велитъ показать каликамъ какихъ-то диковинныхъ коней. Русскіе богатыри отняли себѣ по добру коню и начали расправу съ цареградскими витязями: многихъ побили, а одного, Тугарина Змѣевича, взяли въ плѣнъ и привезли въ Кіевъ.—Историческая стихія выражена въ этой былинѣ

---

[1]) «Сказаніе» издано *Е. В. Барсовымъ*, по рукописи ему принадлежащей (Сборникъ, XVII в.) подъ заглавіемъ: „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка" (приложеніе къ XL тому *Записокъ Академіи Наукъ*).

[2]) «Повѣсть о семи богатыряхъ» (изъ сборника Ѳ. И. Буслаева) — въ «Памятникахъ стар. русской литературы» (вып. 2, стр. 311—315). Ср. Пѣсни собр. Кирѣевскимъ, вып. 4, стр. 22—38. Упоминаніе о походѣ на Царьградъ встрѣчается въ пѣсняхъ обрядовыхъ и игорныхъ. Такова с.-р. хороводная пѣсня:

Подойду, подойду,
Подъ Царьгородъ подойду...

(*Снегиревъ*, Русскіе простонародныя праздники и обряды, вып. III, стр. 45—46 *Сахаровъ*, Сказ. р. народа, т. I, кн. 3, стр. 36—37, 81). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ ю.-р. колядки объ осадѣ города, осаждаемымъ представляется «Царів град»; побѣдителю «вивели панну в короні» (*Антоновичъ* и *Драгомановъ*, Ист. пѣсни ю.-р. народа, I, стр. 14—15).

Digitized by Google

слабо. Сказаніе, которое легло въ основу извѣстій о вѣнчаніи князя Владиміра, крѣпче держалось на почвѣ русскаго историческаго преданія. Объ этомъ можно догадываться по тѣмъ очертаніямъ сказанія, которыя могутъ быть возстановлены путемъ сличенія его разнообразныхъ версій.

1) Князь Владиміръ рѣшается начать войну съ греками.—Въ сказаніи о князехъ Владимірскихъ и въ пересказахъ отъ него идущихъ это рѣшеніе передается въ формѣ совѣщанія Владиміра съ его дружиной. «Великій князь Владиміръ Всеволодовичъ нача совѣтовати со князми своими и съ боляры, хотя итти на Царьградъ, глаголя: «егда азъ есмь юнѣйшій преже мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великія Россіи, яко той великій князь Олегъ ходилъ на Царьградъ и дань велію на вся воя своя взялъ и здравъ возвратися, и потомъ князь великій Всеславъ (Святославъ) Игоревичъ ходилъ и взялъ на Константинѣ градѣ тягчайшу дань и возвратися въ свое отечество, а мы есмы Божіею милостію настолницы прародителей своихъ и отца моего великаго князя Всеволода Ярославича, и наслѣдницы тоя же чести отъ Бога; и совѣта ищу отъ васъ, моея палаты—князей, и болярь и воеводъ и всего подъ нами христолюбиваго воинства, да превознесется имя святыя живоначальныя Троицы вашея храбрости могутствомъ, Божіею волею и нашимъ повелѣніемъ, кій ми совѣтъ вовдасте?» Изъ-за книжныхъ выраженій московской эпохи просвѣчиваетъ здѣсь знакомая эпическая картина, такъ часто повторяющаяся въ былинахъ Владимірова цикла.

«В столномъ было градѣ Кіевѣ, у великаго князя Владимира было пированье почестное на многія князи, и бояря и на сильныя могучия богатыри... И зговоритъ князь Владиміръ кіевски своимъ русскимъ богатырямъ: князямъ, богатырямъ вѣдомо ли, что отпущаетъ на меня царь изъ Царяграда сорокъ два богатыря, а велитъ итьти ко мнѣ изгонею въ Кіевъ градъ. А вамъ богатырямъ, накрѣпко стоять, с стольнаго града Кіева отъѣзду никакого не учинить никуды себѣ изъ моея вотчины».

(„Повѣсть о семи богатыряхъ“).

Или:

Говорилъ втогда Владиміръ князь...
„Ужь вы ой еси, князи моя бояра,
Да вы ой еси, паленицы да удалые,
Ище весь-то вы народъ да православные!
А и хто бы то видь съѣздилъ да въ чисто поле,
Да пересчитывать силы невѣрныя?

(*Кирѣевскій*, III, 44).

Digitized by Google

Въ пересказѣ повѣсти о Мономаховой шапкѣ, находящемся въ указанной выше рукописи Публичной библіотеки Q. XVII, 71, походъ противъ грековъ замѣненъ посольствомъ: «В лѣто 6621 сяде в Киевѣ князь Владимиръ Всеволодовичъ. Посовѣтовавъ з боляры своими послалъ во Царьградъ пословъ своихъ к греческимъ царемъ *за прошлые годы данъ иматъ*, якоже и преже сего великие князи Олегъ, Игорь, Святославъ, Владимиръ, Всеволодъ годовые дани имали. Послы же отъ великого князя Владимира во Царьградъ ко царю Константину Мономаху пріидоша и у царя Константина на великаго князя Владимира на многия лѣта дани просиша». Царь Константинъ отправляетъ въ Кіевъ пословъ и дары: вѣнецъ, крестъ и пр. [1]). Любопытно здѣсь упоминаніе о дани «за прошлые годы», напоминающее часто повторяющіяся выраженія былинъ. Князь Владиміръ говоритъ, напримѣръ, Добрынѣ:

Молодой Добрыня, сынъ Никитиничь!
Выкушай чашу зелена вина
И послужи мнѣ, князю, вѣрой-правдою:
Съѣзди ты въ Царьградъ
Собери-тко дани за семь лѣтъ,
А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ.

(*Рыбниковъ*, II, стр. 59).

2) Дружина кіевская отправляется въ походъ. По Сказанію о князехъ Владимірскихъ, самъ князь не принималъ участія въ походѣ. «Великій князь Владиміръ Всеволодовичъ собираетъ воеводы благоискусные и многоразумные и поставляетъ чиноначальники надъ различными воинствы... и совокупи многія тысящи воинства и отпусти ихъ въ Ѳракію, Царяграда область». По разсказу, сообщаемому Герберштейномъ и Стрыйковскимъ, Владиміръ отправился вмѣстѣ съ своею дружиной и въ рукопашной схваткѣ побѣдилъ генуэзскаго воеводу. На основаніи извѣстныхъ теперь былинъ можно бы отдать предпочтеніе первой версіи. Владиміръ, неподвижный и трус-

[1]) Подобное же упоминаніе о дани находимъ въ двухъ пересказахъ повѣсти о Мономаховой шапкѣ, помѣщенныхъ въ рукоп. сборникѣ моск. синод. библіотеки № 964 (л. 205—206 и 444—446). Текстъ одного изъ этихъ пересказовъ (л. 444) сходенъ съ приведеннымъ отрывкомъ изъ рукоп. Публ. библіотеки. По другому пересказу (л. 205), Владиміръ посылаетъ *сына своего Мстислава* «и прочая воеводы со множествомъ вой на Ѳракию и на прочая греческія грады». Поводъ къ походу Владиміръ объясняетъ такъ: «Прежде бывшіи насъ великія князи киевския Олегъ, Игорь, Святославъ, Владимиръ, Всеволодъ годовые дани с Царяграда взимали, нынѣ же гречаскіе цари намъ дань не даютъ».

Digitized by Google

ливый, охотно даетъ порученія богатырямъ, но самъ не беретъ на себя ихъ труднаго дѣла. Но въ болѣе древнюю пору нашъ эпосъ зналъ, повидимому, иной образъ Владиміра,—образъ, въ которомъ пированье съ дружиной не заслонило всѣхъ другихъ проявленій дѣятельности ласковаго князя. Въ одной изъ версій сказаніе о вѣнчаньѣ князя пріурочивается къ обстоятельствамъ крещенія Владиміра Святаго. Такое пріуроченіе не могло бы состояться, еслибы между разсказомъ о походѣ Владиміра на Корсунь и устнымъ преданіемъ о войнѣ съ греками не было замѣчено какого-то ближайшаго сходства; а такъ какъ въ корсунскомъ походѣ Владиміру принадлежала первенствующая и при томъ дѣятельная роль, то, вѣроятно, въ подобной же роли выступалъ и Владиміръ,—герой устнаго преданія. Припомнимъ при этомъ упоминаніе о богатырствѣ князя Владиміра, находящееся въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ китайскому правительству. Любопытный отрывокъ изъ этой грамоты отмѣченъ былъ недавно А. Н. Веселовскимъ. Въ отрывкѣ припоминается знакомая намъ генеалогія русскихъ князей отъ Августа, затѣмъ сообщается, что «Владиміръ Святославичъ (Се-фу-ла-ди-дцо) прославился подъ именемъ богатыря и храбреца (батурманга) въ государствѣ Греція (Хэ-рэ-си-я) [1]). Въ указанной выше «Повѣсти о Латынѣхъ» говорится: «*сниде* Владимеръ князь рускый съ всею силою своею великою дажде и до самаго Царяграда съ враждою *идый* на царство греческое» [2]). Любопытно, что въ посольскихъ бумагахъ, относящихся къ переговорамъ Москвы и Польши при Иванѣ IV, извѣстіе о Мономахѣ передается въ такихъ выраженіяхъ, которыя указываютъ на личное участіе Владиміра въ греческой войнѣ: «великій князь Владиміръ Маномахъ вѣнчанъ на царство русское, *коли ходилъ ратью на царя гречеекаго Констянтина Моно-*

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, май, стр. 32—33. Слово Святославичъ передано: Си-вэй-я-дос-ла-вэ-юнь-дзо; поэтому Се-фу-ла-ди-дцо, вѣроятно,—не Святославичъ, а Всеволодовичъ.

[2]) *Поповъ*, Обзоръ полемич. сочиненій пр. Латинянъ, 187. Въ замѣткѣ, приписанной къ повѣсти о Вавилонѣ: „Владиміръ... не повоева Царяграда и *отступи* отъ него". Выше (стр. 122) отмѣчено уже было извѣстіе хронографа о морскомъ походѣ Владиміра: „Иде Володимеръ въ Греки въ 200 лодки". (Опис. рукоп. Рум. музея, стр. 730).—Въ одномъ краткомъ лѣтописцѣ позднягo времени къ Цареграду пріурочено и крещеніе Владиміра: „В лѣто 6492 великиі князъ Владимиръ приіде во Царьградъ, крестися самъ и сыновъ своихъ і всѣхъ бояръ своихъ. В лѣто 6493 великиі князъ Владимиръ изъ Царяграда пришедъ во свою землю отчину во градъ Киевъ и крести Киевъ і вся предѣлы". (Рукоп. Моск. син. библіот. № 964, л. 441 об.).

Digitized by Google

маха, и царь Констянтинъ Мономахъ тогды... вел. кн. Владимеру добилъ челомъ и прислалъ къ нему дары» и т. д. [1]). Въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти о мономаховой шапкѣ, вмѣсто упоминанія объ отправленіи войскъ, говорится, что Владиміръ Мономахъ «собра вои многи и иде во греки ко Царюграду, тогда же во Царѣградѣ царствующу Константину, нарицаемому Мономаху» [2]). На личное участіе князя въ войнѣ указываетъ и легенда о Бормѣ. Въ легендѣ царь Иванъ Васильевичъ, замѣстившій князя Владиміра, получаетъ вавилонскія драгоцѣнности во время казанскаго похода. Это замѣщеніе могло явиться только въ томъ случаѣ, если преданіе разсказывало о Владимірѣ что-то похожее на обстоятельства казанскаго похода, въ которомъ, какъ извѣстно, принималъ участіе самъ царь.

Остается еще упомянуть объ единоборствѣ Владиміра Мономаха съ правителемъ Кафы. Нельзя, конечно, съ рѣшительностью утверждать, что такой подробности не могло быть въ устномъ преданіи, но нельзя также не обратить вниманія на этимологическія соображенія, которыми сопровождаетъ Стрыйковскій извѣстіе о поединкѣ: a iż sam a sam ten Włodimir monarcha z nieprzyjacioły zawżdy rad potikał aperto duello przezwano go dla tego Monamachen po grecku. Значеніе имени «Мономахъ» въ связи съ разсказами о походахъ Владиміра могло быть причиной появленія и самаго извѣстія объ его единоборствѣ.

3) Русскія дружины взяли непріятельскій городъ. Такъ разсказываетъ преданіе, упоминающее о Кафѣ. Въ повѣсти о Вавилонѣ: «воины силные Владиміровы *подъ градомъ* стояша». Получивъ дары, Владиміръ «не повоева Царяграда и *отступи отъ него*». Въ сказаніи о шапкѣ Мономаха нѣтъ такихъ подробностей. Данныя, указанныя выше, побуждаютъ и въ этомъ случаѣ отдать преимущество первой версіи. Владиміръ Святославичъ осаждаетъ Корсунь; Иванъ IV беретъ приступомъ Казань. Эти факты сливались съ воспоминаніями древняго преданія; вѣроятно, въ преданіи были подробности, дававшія поводъ къ такому сліянію, было упоминаніе объ осадѣ и взятіи какого-то города. На это намекаетъ и отмѣченный выше пересказъ, упоминающій объ участіи въ походѣ самаго Владиміра: «Онъ же (Владиміръ) со многимъ воинствомъ приіде ко Царюграду і посла ко царю: аще не покоришимися, то вскорѣ градъ возму и

---

[1]) Сборникъ Русск. историч. общ., т. 59, стр. 345.

[2]) Рукоп. Моск. син. библіот. № 964, л. 315—317. Текстъ этого пересказа см. въ приложеніяхъ (№ VI).

Digitized by Google

васъ всѣхъ подъ мечъ подклоню». (Син. библіот. № 964, л. 315). Если вѣрно, что на сказаніе о Мономаховой шапкѣ оказало вліяніе извѣстіе о походѣ Владиміра Ярославича, то этимъ смѣшеніемъ историческихъ и эпическихъ данныхъ и можно объяснить отсутствіе въ сказаніи упоминанія объ осадѣ; Владиміру Ярославичу и Вышатѣ не пришлось осаждать греческихъ городовъ.

4) Послѣ побѣды Владиміру и его дружинѣ достается богатая добыча. Съ этимъ упоминаніемъ о добычѣ связывается извѣстіе о княжескомъ вѣнчаніи. По разсказу, переданному Герберштейномъ и Стрыйковскимъ, русскому князю достались бармы генуэзскаго воеводы. Владиміръ, послѣ поединка съ этимъ воеводой, снявъ съ него «цепь златую великую, бисерами и драгоцѣнными камни изрядно устроенную, которая и нынѣ есть въ сокровищахъ русскихъ, и когда государи русскіе помазываются на престолъ, сію цѣпь, юже барми именуютъ на себя возлагаютъ: такожъ есть поясъ со златомъ и бисеромъ и шапка княжая со златыми дщицами и драгимъ каменіемъ изрядно сдѣлана, ко священію на княженіе и къ вѣнчанію на престолъ оставилъ, ихъ же и нынѣ государи русскіе... употребляютъ» [1]). По Сказанію о князехъ Владимірскихъ, царь греческій послѣ пораженія его войскъ посылаетъ Владиміру крестъ, вѣнецъ, бармы и иные многіе дары; греческіе епископы вѣнчаютъ Владиміра, какъ царя. Царское вѣнчаніе упоминается и въ приведенномъ выше извѣстіи о Владимірѣ Святомъ: «великій князь Владимеръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю русскую крестилъ, и царь греческой и патріархъ вѣнчали его на царство русское».

Послѣднее извѣстіе совпадаетъ [2]) съ догадкой нѣкоторыхъ археологовъ. «Регаліи, говоритъ Строевъ, присланы были великому князю Кіевскому Владиміру Святому по брачному родству его съ домомъ тогдашнихъ императоровъ» [3]). Это замѣчаніе повторено

---

[1]) *Татищевъ*, Ист. Русс., кн. II, стр. 464—465.

[2]) Говорю „совпадаетъ", потому что археологи не указывали на извѣстія, находящіяся въ посольскихъ дѣлахъ.

[3]) Выходы государей, 53. *Строевъ* пытался найдти основаніе для своей догадки въ грамотѣ восточнаго духовенства Ивану Грозному 1561 года. Подобное же соображеніе высказано *Катаевымъ*: „очевидно, что вѣнчаніе Владиміра Мономаха нельзя смѣшивать съ вѣнчаніемъ Владиміра Святаго, потому что послѣдній (супругъ царевны Анны) вѣнчанъ былъ митрополитомъ Ефесскимъ и Антіохійскимъ, а первый (Всеволодовичъ) Неофитомъ, митрополитомъ Ефесскимъ, и архіепископами Митулинскимъ (Митиленскимъ) и Милитинскимъ (Милетинскимъ), какъ сказано въ книгѣ Степенной". (О свящ. вѣнчаніи и помаза-

Digitized by Google

Вельтманомъ, указавшимъ въ подтвержденіе своего мнѣнія на примѣры вѣнчанія нѣкоторыхъ государей по принятіи ими крещенія [1]).

ніи царей на царство, стр. 72). Замѣчаніе—не точное. Въ грамотѣ упоминается не митрополитъ, а епархъ Антіохійскій. Стратига Антіохійскаго знаетъ и сказаніе о князехъ Владимірскихъ.

[1]) „Царскій золотой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя греческими императорами Василіемъ и Константиномъ первовѣнчанному вел. князю Владиміру Кіевскому" въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1860 г. кн. I. Указывая также на грамоту 1561 года, *Вельтманъ* замѣтилъ, что въ ней послѣ имени царя Константина нѣсколько словъ подскоблено. Недавно г. Регель сдѣлалъ опытъ возстановленія первоначальнаго текста, основываясь на разсмотрѣніи остатковъ соскобленнаго письма (Analecta byzantino—russica, p. LXX—LXXII, 75—78). Въ грамотѣ говорится, что церь Московскій Іоаннъ ведетъ свой родъ онъ царевны Анны, сестры императора Василія (ἀδελφῆς τοῦ αὐτοκράτορος Βασιλείου τοῦ πορφυρογενήτου). Вслѣдъ за этими словами рѣчь идетъ о Константинѣ Мономахѣ, приславшемъ царскій вѣнецъ князю Владиміру: ἔπιτα Μονόμαχος δὲ ὁ εὐσεβέστατος βασιλεύς Κωνσταντῖνος, μετὰ τοῦ τότε πατριάρχου, καὶ τῆς τηνικαῦτα ἱερᾶς τῶν ἀρχιερέων συνόδου, ἀποστείλαντες τὸν τότε ἱερώτατον μητροπολίτην Ἐφέσου καὶ τὸν τῆς Ἀντιοχείας ἔπαρχον, ἔστεψαν εἰς βασιλέα τὸν εὐσεβέστατον Βελὶκ Κνὲς Βολοντίμοιρον, καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τό τε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετὰ μαργαριτῶν διάδημα καὶ τἄλλα βασιλικὰ σημεῖα καὶ ἄμφια. По догадкѣ г. Регеля, въ первоначальномъ текстѣ было сказано: Іоаннъ—потомокъ царевны Анны „сестры самодержца Василія. Этотъ Василій и благочестивѣйшій царь Константинъ — вѣнчали князя Владиміра" (ἀδελφῆς τοῦ αὐτοκράτορος κυρίου Βασιλείου. οὗτος δὲ Βασίλειος καὶ ὁ εὐσεβέστατος βασιλεύς Κωνσταντῖνος κ. τ. λ.). Получается такимъ образомъ указаніе на царское вѣнчаніе не Владиміра Мономаха, а Владиміра Святаго. Но предполагаемое г. Регелемъ чтеніе и его объясненія вызываютъ нѣкоторыя сомнѣнія. 1) Страннымъ представляется самое построеніе предложеній: царь Іоаннъ—потомокъ Анны, сестры императора Василія. Этотъ Василій и царь Константинъ послали и проч. Почему имя Константина не упомянуто въ первомъ предложеніи? Составитель грамоты точно забылъ сперва объ этомъ царѣ, о второмъ братѣ царевны Анны, а потомъ вспомнилъ и присоединилъ его имя къ имени Василія. Можно было бы ожидать иного словорасположенія: Іоаннъ—потомокъ Анны, сестры царей Василія и Константина. Эти цари послали и проч. Въ извѣстномъ теперь текстѣ непослѣдовательности нѣтъ: имя царя Константина, брата Анны, не упоминается совсѣмъ. При этомъ возможна такая догадка: въ первоначальномъ, черновомъ текстѣ могли быть упомянуты оба брата Анны: „сестры царей Василія и Константина"; затѣмъ слѣдовало упоминаніе о Константинѣ Мономахѣ. Переписчикъ грамоты сдѣлалъ ошибку: пропустилъ нѣсколько словъ, смѣшавъ при этомъ двухъ одноименныхъ царей, брата Анны и Мономаха. Ошибка была замѣчена поздно, и, при недостаткѣ мѣста, не нашли возможнымъ исправить эту ошибку иначе, какъ выбросивъ совсѣмъ имя втораго брата царевны Анны. На такую именно ошибку намекаютъ странныя выраженія русскаго перевода грамоты: „Іоанъ отъ роду . . . . . Анны, сестры самодержца и царя Багрянороднаго Мономаха, въ шестыхъ же (?) отъ благочестиваго царя Константина и съ тогдаш-

Digitized by Google

Г. Прозоровскій нѣсколько видоизмѣнилъ мнѣніе своихъ предшественниковъ. По его предположенію, царское вѣнчаніе Владиміра могло быть соединено съ брачномъ обрядомъ. «Вступая въ импера-

нимъ патріархомъ и со священными архіерѣи собора Констянтина града послаша тогда пресвященного митрополита Ефесскаго и Андіохійскаго изрядноначалнѣйшего епарха и вѣнчаша благочестиваго вел. князя Владимера на царство". (*Оболенскій*, стр. 20). Такое чтеніе не объяснимо ни изъ извѣстнаго теперь греческаго текста, ни изъ конъектуры г. Регеля; неясность и запутанность перевода указываютъ на ошибки и путаницу въ оригиналѣ. По замѣчанію г. Милюкова, реставрація текста, предложенная г. Регелемъ, не отвѣчаетъ и остаткамъ стертаго письма. «Остатки затертыхъ буквъ вышли на снимкѣ (приложенномъ къ книгѣ г. Регеля) гораздо менѣе отчетливо, чѣмъ въ оригиналѣ грамоты.... Между πορφυρογενήτου и ἔπιτα, можно, напримѣръ, довольно отчетливо разобрать буквы μαχου». (*Русская Мысль*, 1894, Май, стр. 134—135). 2) Грамота ссылается на показанія достовѣрныхъ людей и на письменныя свидѣтельства хронографовъ: ἡ μετριότης ἡμῶν ἐπληροφορήθη καὶ ἐπιστώθη, οὐ μόνον ἐκ παραδόσεως πολλῶν ἀξιοπίστων ἀνδρῶν, ἀλλὰ δὴ καὶ ἀπὸ ἐγγράφων ἀποδείξεων τῶν χρονογράφων. Можно ли видѣть въ приведенныхъ словахъ прямое указаніе на свидѣтельства греческихъ хроникъ о вѣнчаніи Владиміра? Едва-ли. (Ср. *Regel*, p. LXXII). Достовѣрные мужи, о которыхъ говоритъ грамота,—конечно, русскіе уполномоченные, которые вели съ патріархомъ переговоры о царскомъ титулѣ Ивана Васильевича. Эти уполномоченные нетолько могли, но и должны были передать грекамъ тѣ извѣстія о Константинѣ Мономахѣ и его отношеніяхъ къ русскому князю, которыя знакомы намъ по Сказанію о князехъ Владимірскихъ; тѣ свѣдѣнія о Владимірѣ Святомъ и его свойствѣ съ греческими царями, которыя сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ и житіяхъ. Послы ссылались, конечно, при этомъ на письменныя свидѣтельства историческихъ памятниковъ. Для большей убѣдительности и ясности посламъ пришлось, быть можетъ, представить также письменное изложеніе своихъ разсказовъ на греческомъ языкѣ. Развѣ не могло указаніе грамоты на какіе-то хронографы относится къ этимъ именно сообщеннымъ патріархіи русскимъ разсказамъ? Слѣдуетъ вообще замѣтить, что въ виду обстоятельствъ, при которыхъ написана была грамота, придавать ея показаніямъ (каковы бы онѣ ни были) самостоятельное значеніе едва-ли можно. Московское правительство добивалось (не скупясь при этомъ на убѣжденія и подарки), чтобы дана была грамота такого содержанія, какое для Москвы было желательно и нужно. Греки исполнили это желаніе; при этомъ они, конечно, должны были сообразоваться съ тѣми данными, которыя были имъ сообщены. Поэтому въ грамотѣ появился тотъ же митрополитъ Ефесскій, тотъ же епархъ Антіохійскій, которые выступаютъ и въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ. Въ соотвѣтствіе вѣнцу и *бармамъ* явились στέμμα и διάδημα. 3) Отыскивая въ грамотѣ слѣды извѣстій о царскомъ вѣнчаніи Владиміра, г. Регель находитъ подтвержденіе своей догадки въ иной области,—въ области нумизматики. Par l'examen des monnaies de Vladimir et de ses successeurs,—говоритъ изслѣдователь,—nous arrivons à voir que nous y trouvons représentés les insignes des dignitaires byzantins. La couronne et le sceptre que nous y rencontrons prouvent que ces insignes n'étaient donnés à Byzance ni au césar, ni au nobilis-

Digitized by Google

торскую семью, Владиміръ, конечно, имѣлъ полное право одѣться къ вѣнцу сообразно одѣянію невѣсты, при томъ же здѣсь и самый брачный вѣнецъ могъ имѣть, кромѣ обыкновеннаго, и иное значе-

---

sime, mais appartenaient à l'empereur seul .... La charte (въ чтеніи г. Регеля) concorde entièrement sur le fait, en disant que Vladimir avait reçu les insignes des empereurs Basile II et Constantin VIII (p. LXXIX). До насъ дошло нѣсколько древнихъ повѣствованій о князѣ Владимірѣ (Слово о законѣ и благодати, приписываемое м. Иларіону; Память и похвала князю р. Володимеру мниха Іакова; житіе Владиміра занесенное въ лѣтопись). Возможно ли допустить, что составители этихъ повѣствованій пропустили, оставили безъ упоминанія такое крупное и славное событіе, какъ полученіе Владиміромъ царскаго вѣнца и царскаго титула? Авторъ Слова о законѣ и благодати, современникъ Ярослава, ищетъ наиболѣе сильныхъ выраженій для возвеличенія русской земли и ея князей, и находитъ лишь титулъ великаго кагана, который и примѣняетъ къ Владиміру. „Похвалимъ . . . . по силѣ нашей малыми похвалами великаяи дивьная сътворьшаго нашего учителя и наставьника, великаго кагана нашея земля Владимера, внука стараго Игоря, сына же славьнаго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша въ странахъ многахъ, и побѣдами и крѣпостью поминаються нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычьствоваша, но въ русьской, яже вѣдома и слышима есть вьсѣми коньци земля". Тотъ же авторъ, намекая на значеніе имени, принятаго Владиміромъ послѣ крещенія, говоритъ: „имя пріимъ вѣчно и имянито въ роды и роды — Василий". О соотвѣтствіи этого имени съ царственнымъ достоинствомъ Владиміра—ни слова. Въ другихъ русскихъ памятникахъ Владиміръ называется, обыкновенно, княземъ, въ греческихъ хроникахъ—ἄρχων (Ср. *Regel*, p. LXXXI). Г. Регель указываетъ еще на то, что жена Владиміра Анна называется, обыкновенно, въ русскихъ памятникахъ царицей (наприм. «Преставися цариця Володимеряя Анна»). Но такое титулованіе Анны не подверждаетъ, а опровергаетъ догадку г. Регеля. Если Анна постоянно называется царицей, а Владиміръ никогда не титулуется царемъ, значитъ, онъ и не носилъ такого титула. Анна называлась царицей по ея родству съ греческими царями. Замѣчаніе г. Регеля, что Анна въ такомъ случаѣ называлась бы не царицей, а царевной, слѣдуетъ признать обмолвкой. Наши предки не стали бы называть замужнюю женщину царевной. Въ виду отсутствія указаній на царскій титулъ Владиміра св., нумизматическія данныя (недостаточно при томъ точныя, по несовершенству чеканки) не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Объ употребленіи же знаковъ царскаго достоинства безъ соотвѣтствующаго титула не можетъ, конечно, быть и рѣчи, потому что при этомъ и самые знаки не имѣли бы никакой символической цѣнности. Какъ же объяснить изображеніе Владиміра на его монетахъ? Мастера, чеканившіе монеты, были, вѣроятно, греки. Получивъ заказъ, они нашли необходимымъ присоединить къ изображенію князя привычные для грека аттрибуты власти, мало заботясь о соотвѣтствіи такого изображенія съ дѣйствительностью. Наши древнія монеты представляютъ несомнѣнно подражаніе монетамъ византійскимъ. Эта подражательность обнаруживается даже въ изображеніи предметовъ русскаго быта. На монетахъ Владиміра читается напись: „Владимиръ на столѣ",—напись, отвѣчающая подобнымъ же

Digitized by Google

ніе, почему и надобно полагать, что при вѣнчаніи великій князь имѣлъ видъ царя и что на него была тогда возложена царская корона вмѣсто вѣнца брачнаго, и даже при этомъ слѣдуетъ допустить возможность возложенія на Владиміра царской утвари съ приличными молитвами» [1]).

Къ подобному же выводу, требующему только нѣсколько иной постановки, приводитъ и литературный анализъ извѣстныхъ намъ версій сказанія о Владиміровомъ вѣнчаніи. Древнее преданіе, послужившее источникомъ книжныхъ сказаній, имѣло такое содержаніе: Владиміръ, посовѣтовавшись съ дружиной, начинаетъ войну съ греками; осаждаетъ и беретъ греческій городъ; получаетъ отъ побѣжденныхъ богатые дары. Обстоятельства Корсунскаго похода Владиміра Святославича вполнѣ совпадаютъ съ схемой этого преданія. Связь былинъ Владимірова цикла съ воспоминаніями о Владимірѣ Святославичѣ придаетъ этому совпаденію еще большую вѣроятность. Не яснымъ остается только упоминаніе о «вѣнчаніи» князя Владиміра, о полученныхъ имъ царскихъ утваряхъ. Какія именно подробности древняго преданія могли дать поводъ къ такому упоминанію? Если разсматриваемое нами преданіе дѣйствительно имѣло отношеніе къ событіямъ 988 года, то въ воспоминаніяхъ объ этихъ событіяхъ должно отыскаться и объясненіе царскаго вѣнчанія Владиміра. Только при возможности найдти такое объясненіе сопоставленіе преданія о войнѣ Владиміра съ греками и Корсунскаго похода можетъ получить нѣкоторое значеніе, какъ матеріалъ для опредѣленія историческихъ основъ нашего былеваго эпоса.

Корсунскій походъ завершился бракомъ Владиміра съ греческою царевной. Христіанскій брачный обрядъ издавна назывался у насъ словомъ «вѣнчаніе», представляющимъ переводъ греческаго στεφάνω-

---

лѣтописнымъ выраженіямъ („сѣде на столѣ"). На нѣкоторыхъ монетахъ дѣйствительно изображено княжеское сѣдалище. Объ этомъ сѣдалищѣ знатокъ нашей древней нумизматики замѣчаетъ: „Перенести на штемпель дѣйствительную форму великокняжескаго престола было, вѣроятно, не по силамъ изготовителямъ штемпелей... Наши мастера упростили свою работу, скопировавъ прямо нужный имъ престолъ съ хорошо знакомыхъ имъ византійскихъ монетъ, не заботясь о томъ, что, можетъ быть, великій князь никогда на такомъ тронѣ не сидѣлъ". (*Гр. И. И. Толстой*, О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ X—XI вв., въ Запискахъ р. археологич. общества, т. VI, стр. 335).—Нѣсколько вѣскихъ замѣчаній, по поводу соображеній г. Регеля сдѣлалъ *Д. Ѳ. Бѣляевъ* во второй книгѣ своихъ извѣстныхъ Byzantina (стр. 216—217).

[1]) *Записки отдѣл. русск. и слав. археол.* III, 22—23.

Digitized by Google

μα [1]). Въ пѣсняхъ вступленіе въ бракъ обыкновенно обозначается выраженіемъ: «принять вѣнецъ».

Въ былинѣ о Добрынѣ:

Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.

(*Рыбн.* I, 132).

Въ пѣснѣ о «двухъ любовникахъ»:

Взялъ онъ Салфею за бѣлы руки,
Повелъ Салфею во Божью церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты вѣнцы.

(*Гильф.* 155).

Въ былинѣ о князѣ Василіѣ:

Потонулъ тутъ Василій князь
Отъ злата вѣнца идучи.

(*Кир.* V, 66).

Въ пѣснѣ: «Невольное постриженіе»:

Да батюшко идё да молода князя ведетъ,
Молодой князь идё да золоты вѣнцы несё.

(*Гильф.* 1279).

Въ устномъ сказаніи о Владиміровомъ походѣ могло быть упомянуто о бракѣ князя, о томъ, какъ онъ «принялъ золотой вѣнецъ». Позднѣйшіе писатели, искавшіе историческихъ свѣдѣній о царскихъ уборахъ, о царскомъ вѣнчаніи, обратили вниманіе на это упоминаніе о вѣнцѣ, которое, казалось имъ, бросало свѣтъ на интересовавшій ихъ темный вопросъ. Извѣстіе, имѣвшее отношеніе къ брачному вѣнчанію, было принято за указаніе на вѣнчаніе царское. Такое смѣшеніе двухъ вѣнцовъ не покажется особенно страннымъ, если припомнимъ, что подобное же, если не смѣшеніе, то сопоставленіе находимъ въ такомъ памятникѣ, какъ рѣчь митрополита Макарія, сказанная Ивану IV и Анастасіи Романовнѣ послѣ ихъ брачнаго вѣнчанія. «*Днесь* отъ Бога съчетана еста, говорилъ Макарій, царскымъ и законнымъ бракомъ, яко же и прочіи святіи цари и царици святіи, и почтени есте отъ Бога, и *вѣнчани царскымъ вѣнцемъ великаго царства россійскаго*» и т. д. [2]). Царское вѣнчаніе Ивана совершено было 16-го января 1517 года, а брачное—4-го февраля.

---

[1]) Στεφανοῦν, στεφανοῦσθαι—matrimonio conjungere; στεφάνωμα—nuptiae, matrimonium (Glossarium *Дюканжа*, t. II, s. v.). Примѣры употребленія словъ: вѣньць, вѣньчание, вѣньчати см. въ Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка *Срезневскаго* (вып. I, стр. 488—489).

[2]) Дополн. къ акт. ист. I, № 40, стр. 53.

Digitized by Google

Нельзя отрицать, что въ древней былинѣ о войнѣ съ греками, кромѣ упоминанія о Владиміровомъ вѣнчаніи, могло находиться указаніе и на какія нибудь драгоцѣнности, доставшіяся Владиміру послѣ Корсунскаго похода. Припомнимъ извѣстіе древней лѣтописи: «поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ... Взя же... мѣдянѣ двѣ капищи и четыре кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, *якоже невѣдуще мнять я мраморяны суща»* [1]). Въ этомъ извѣстіи особенно любопытно указаніе на народные толки о привезенныхъ изъ Корсуня предметахъ. Припомнимъ, что воспоминаніе о Корсунскихъ вещахъ, взятыхъ Владиміромъ, оставило слѣдъ въ рядѣ преданій (Корсунскія иконы, Корсунскія врата) [2]).

Въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ упоминаются, какъ мы видѣли, корона, костыль и порфира, взятыя въ Казани у царя Симеона:

И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала...
И за то онъ царицу пожаловалъ,
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя,
Онъ и вынялъ ясны очи косицами,
Онъ и взялъ съ него царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство.
(*Кирша Даниловъ*, 286—287).

Подобное же упоминаніе о Казани находимъ въ пѣснѣ о покушеніи Ивана на жизнь сына. Но въ нѣсколькихъ пересказахъ этой пѣсни Казань замѣняется Цареградомъ:

Ай повынесъ онъ царенье изъ Царяграда,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову срубилъ,

---

[1]) Лѣтоп. по Лаврентьевск. списку 113—114. Въ Никон. лѣт. прибавлено: „По семъ многи послы приходиша изъ Грекъ отъ царей съ многою честію и з дары и съ любовію“. Въ перечнѣ предметовъ, взятыхъ въ Корсуни, упомянуты еще „три львы мѣдяны“ (Полн. собр. лѣтоп. IX, 57).

[2]) *Аделунгъ*, Корсунскія врата, стр. 107—109, 216—217.

Digitized by Google

Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себи въ руки взялъ.
(*Гильф.* 104).

Эта замѣна хорошо знакомой и памятной Казани далекимъ Царе-градомъ намекаетъ на какія-то литературныя вліянія, на какую-то примѣсь, попавшую въ пѣсни объ Иванѣ изъ другаго эпическаго круга. Припомнимъ при этомъ загадочное мѣсто, находящееся въ краткомъ житіи князя Владиміра: «шедъ взя Корсунь градъ, *князя и княгиню оуби*, а дщерь ихъ за Ждьберномъ; не распоустивъ полковъ и посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити себе сестры ихъ» [1]). Въ одномъ позднемъ памятникѣ лѣтописнаго содержанія этотъ разсказъ о князѣ и княгинѣ Корсунскихъ переданъ съ подробностями, не извѣстными по древнему сказанію. Владиміръ стоялъ «подъ градомъ Херсунемъ многое время», надѣясь истомить жителей голодомъ. «Бысть же въ томъ градѣ мужь вареженинъ, именемъ Ижбернъ, се же написалъ ярлыкъ и вложы в стрелу и стрелялъ в полкъ ко Владимеру». Ижбернъ замѣняетъ такимъ образомъ Анастаса Корсунянина, который, по сказанію древней лѣтописи, «стрѣли ...напсавъ сице на стрѣлѣ: кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими». Въ ярлыкѣ Ижберна было сказано, что Владиміръ напрасно тратитъ время на осаду: «а сего не веси, яко корабли во градъ приходятъ с питьемъ и с кормомъ».—«Князь же Владимеръ вскоре велелъ путь перекопати и по трехъ мѣсяцахъ взялъ градъ, а князя и княгиню поимавъ привязалъ къ сохе шатерной, а дщерь взялъ и предъ ихъ очима сотворилъ с нею беззаконие [2]). І по трехъ днехъ князя и княгиню повелѣлъ смерти предать, а дщерь ихъ далъ за прежереченнаго Ижберна, и постави его властодержцемъ Херсуню граду». Сватовство Владиміра передано такъ; «Князь же Владимеръ посла к нимъ (греческимъ царямъ) посла своего и рече имъ: цари Василие и Констянтине, аще ли не дадите за мя сестры своей, то азъ сотворю вамъ аки князю Херсунскому: градъ возму и землю вашу приму, а васъ нечестныхъ сотворю» [3]).

---

[1]) *Востоковъ*, Описаніе рукоп. Румянц. музея, 687: „Оуспеніе благовѣрнаго вел. князя Владимера" (Издано г. *Соболевскимъ* въ Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси).

[2]) Нѣчто подобное разсказывается объ отношеніяхъ Владиміра къ дочери Рогволода: «Добрыня поноси ему и дщери его... и повелѣ Володимеру быти с нею предъ отцемъ ея и матерью» (Лѣтоп. по Лавр. сп. 285).

[3]) Публ. Библіот. Q. XVII. 72 (=Толст. II, 282), рукоп. XVII вѣка. Па-

Digitized by Google

Отзвуки сказанія о женитьбѣ князя Владиміра слышатся и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ народной поэзіи. Припомнимъ пѣсню «женитьба князя Владиміра», былины о Дунаѣ и Иванѣ гостинномъ сынѣ, сказку объ Илюшкѣ, сынѣ матроса [1]). Конечно, и въ этихъ пѣсняхъ, и въ этой сказкѣ мы напрасно стали бы искать слѣдовъ историческаго преданія о корсунскомъ походѣ Владиміра.

мятникъ, въ которомъ читается приведенный разсказъ, имѣетъ такое заглавіе: „Лѣтописецъ, написанъ отъ Рождества Христова, о царѣхъ жидовскихъ, и греческихъ, и русскихъ и что гдѣ и в которомъ граде и при которомъ царѣ и в которомъ году учинилось, и о святыхъ Его знаменияхъ, явльшихся с небесина землю Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, наказуя насъ грѣшныхъ всячески" л. 240). Передъ второй частью лѣтописца излагающей событія русской исторіи, находится особое заглавіе: (Н)ачало руских князей отъ чево зачалось руское княжение". (л. 263). Въ 6370 году „приидоша словяне з Новагорода великаго торговать за море к варягамъ в немецкую землю в область во градъ Прусы и рекоша словяне княземъ варяжскимъ: земля, господине, наша, рекомая Словенская Русь, добра и обилна" и т. д, Явились на Русь три брата. По смерти Рюрика остался малолѣтній сынъ Игорь: „сей же убо есть рускій князь и весь родъ его отъ колѣна Августа кесаря Тивирияндцкаго". Правилъ Олегъ „И в тѣ времяна и лѣта Олговы бысть в великомъ Новѣградѣ нѣцыи мужи воини, сирѣчь разбойницы лютиі, три брата"—Кій, Щекъ и Хоривъ. Долго терпѣли отъ нихъ Новгородцы. Наконецъ, удалось схватить разбойниковъ. Кій, Щекъ и Хоривъ, вмѣстѣ со всей ихъ родней („всѣ были храбры и силны добрѣ", посажены въ порубъ; просятъ объ освобожденіи, обѣщаясь удалиться изъ Новагорода. Отпущены. Шли дебрями около двухъ мѣсяцевъ; наконецъ, добрались до рѣки великой—Днѣпра. На горахъ, гдѣ святой Андрей поставилъ крестъ, Кій поселился. Спустя нѣкоторое время, Олегъ отправилъ къ греческому царю. Михаилу пословъ—Оскольда и Дира. Дойдя до города Кіева, они овладѣли имъ, убили Кія и весь родъ его и, забывъ о посольствѣ, поселились на берегахъ Днѣпра, гдѣ „создаша градецъ болѣ перваго". Олегъ побѣждаетъ Оскольда и Дира и утверждается въ Кіевѣ. Походъ Олега на Цареградъ и наложеніе дани на грековъ. Женитьба Игоря: „въ Плескове поня собѣ княжну именемъ Олгу, дщерь Таракона, князя Половецкаго". Смерть Олега. Походы Игоря противъ Древлянъ. Игорь убитъ.—Взятіе города посредствомъ птицъ пріурочено къ землѣ Цареградской. Крещеніе Ольги. Сынъ ея Святославъ княжилъ многія лѣта, имѣя миръ ко всѣмъ странамъ.—Ср. Древлехр. Погодина № 1578, л. 1 и сл. (*Бычковъ*, „Описаніе рукоп. сборниковъ Публ. библіот.", стр. 153—154); Моск. синод. библіот. № 964, л. 45—66, 343.

[1]) „Сказка о князѣ Владимірѣ и Илюшкѣ матросовомъ сынѣ" напечатана въ *Запискахъ Геогр. общ. по отдѣленію этнографіи*, ч. I, 659—661. Въ примѣчаніи указаны нѣкоторыя сходныя пѣсни—сербскія и болгарскія. Ср. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 358, 332. Припомнимъ еще былину о Вольгѣ, которую, какъ было уже замѣчено (гл. II, стр. 37), *А. Н. Веселовскій* сближаетъ съ поэмой объ Ортнитѣ: „я сравниваю ее съ поэмой объ Ортнитѣ, предполагая, что въ основѣ ихъ мотивы сходились ближе, и что нѣкоторое разногласіе внесено лишь позднѣйшей передѣлкой. Ортнитъ сверхъестественнаго происхожденія;

Digitized by Google

Связь разсказовъ о Дунаѣ и Илюшкѣ съ преданіемъ о Владиміровомъ бракѣ основывается лишь на сходствѣ эпической темы. Нельзя даже сказать, что разсказы о Дунаѣ и Ильѣ слились съ древнимъ преданіемъ о сватовствѣ Владиміра. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями не *сліянія*, а *замѣщенія* сказаній. Тема сватовства и брака дана была исторической былью; позже на эту тему нанизывались сказанія разнообразнаго состава и неодинаковаго происхожденія [2]). Правда, въ одной изъ указанныхъ былинъ, именно въ пѣснѣ о женитьбѣ Владиміра, можно подмѣтить нѣкоторыя черты сходства съ преданіями о Корсунскомъ походѣ, но едва ли можно утверждать, что эти немногія сходныя черты должны быть объясняемы, какъ несомнѣнные остатки забытаго сказанія о русскомъ князѣ и греческой царевнѣ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
Жилъ—былъ славный Владиміръ князь,
Похотѣлъ тутъ князь поженитися
За славнымъ за синимъ моремъ
У того короля у Литовскаго
На той Настасьѣ королевичной.
Вызываетъ онъ сватовъ—добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, братьевъ родимыихъ,
Родимыихъ братьевъ любимыихъ.
Одного звали Өедоромъ Ивановичемъ,
А другого Васильемъ Ивановичемъ.

Въ указанномъ выше сказаніи упоминаются также два посла Владиміра: «посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити за себе сестры ихъ».—И въ пѣсняхъ о Дунаѣ этотъ сватъ Владиміровъ сопутствуется обыкновенно другимъ лицемъ (Добрыней, Екимомъ Ивановичемъ).

Во время пребыванія въ Литвѣ сваты Владиміра получаютъ отъ него письмо съ такимъ наказомъ:

его отецъ -демонъ Альберихъ; его чудесной помощи Ортнитъ обязанъ успѣхомъ своей брачной поѣздки... Поѣздка Вольги не брачная; только у Кирши онъ женится на дочери убитаго имъ царя Индѣйскаго; другіе варіанты дѣлаютъ цѣлью поѣздки Турецъ-землю, либо Золоту орду. Я не рѣшусь сказать, что въ основѣ пѣсни лежало сватовство за невѣсту, но считаю это вѣроятнымъ" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890 г., мартъ, 23—24).

[2]) По поводу былинъ о Владиміровой женитьбѣ нужно еще замѣтить, что въ нихъ могли, конечно, отразиться воспоминанія не только о греческой царевнѣ, но и о женахъ Владиміра языческой поры. Въ извѣстномъ разсказѣ о Рогнѣдѣ (въ сказаніи „вѣдущихъ" о Всеславичахъ) замѣтенъ несомнѣнный отпечатокъ эпическаго повѣствованія.

Ай же ты, Ѳедоръ Ивановичъ,
Ай же ты, Василій Ивановичъ,
Буде честью отдастъ, то честью везите,
Буде честью не отластъ, возьмите безъ чести.

(*Рыбн.* III, 9—11).

Такими же «грозными послами» являются сваты Владиміра и въ книжныхъ сказаніяхъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ повторить въ самыхъ короткихъ словахъ тѣ выводы, къ которымъ привело насъ изученіе сказаній о добываніи вавилонскихъ и цареградскихъ драгоцѣнностей.

1) Въ XV—XVI вѣкахъ извѣстно было на Руси народно-поэтическое сказаніе о войнѣ князя Владиміра съ греками. Это сказаніе, родственное съ дошедшими до насъ былинами Владимірова цикла, представляло эпическое воспоминаніе о походѣ Владиміра Святославича на Корсунь.

2) Древняя «былина» о войнѣ Владиміра съ греками не дошла до насъ въ ея первоначальномъ видѣ. Она извѣстна намъ по книжнымъ передѣлкамъ XV—XVI вѣковъ (разсказъ о войнѣ Владиміра Всеволодовича съ греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ; разсказъ о походѣ Владиміра Мономаха на Кафу; извѣстіе о царскомъ вѣнчаніи Владиміра Святаго послѣ взятія Корсуни). Разница въ составѣ этихъ разсказовъ объясняется не одинаковыми историческими пріуроченіями одного и того же основнаго преданія.

4) Литературная исторія сблизила сказанія о перенесеніи на Русь греческихъ царскихъ утварей съ переводной повѣстью о томъ, какъ царь Левъ добылъ изъ Вавилона драгоцѣнности, принадлежавщія Навуходоносору. Сближеніе этихъ двухъ сказаній, туземнаго и захожаго, выразилось въ памятникахъ письменности и въ произведеніяхъ устной словесности неодинаково:

а) въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о греческомъ посольствѣ въ Вавилонъ находится въ концѣ дополнительная замѣтка, въ которой говорится о томъ, какъ греческій царь принужденъ былъ передать добытыя въ Вавилонѣ драгоцѣнности русскому князю Владиміру, войска котораго угрожали Цареграду. Извѣстіе о нашихъ царскихъ утваряхъ приводится такимъ образомъ въ связь съ разсказомъ о греческомъ посольствѣ въ Вавилонъ, но при этомъ удерживается отдѣльность и самостоятельность того и другаго преданія.

б) въ Самарской сказкѣ о Бормѣ-ярыжкѣ, сказаніе о посольствѣ

Digitized by Google

въ Вавилонъ не сопоставляется съ русскимъ преданіемъ, а замѣщаетъ его: то, что въ переводной повѣсти разсказывается о греческомъ царѣ, переносится въ сказкѣ на царя Московскаго Ивана Васильевича. Вѣроятно, имя Грознаго замѣнило въ этомъ случаѣ другое, болѣе древнее имя, — князя Владиміра. Въ содержаніи сказки находимъ такія подробности, которыя не объясняются извѣстными намъ старорусскими пересказами повѣсти о Вавилонѣ. Быть можетъ, въ основѣ самарской сказки лежалъ текстъ, аналогичный съ тѣмъ, который переработанъ былъ Генрихомъ von Neustadt въ поэмѣ объ Аполлоніи Тирскомъ.

в) въ легендѣ о Бормѣ соединеніе сказанія о Вавилонѣ съ русскимъ преданіемъ о царскихъ инсигніяхъ выражено такъ: Борма отправляется въ Вавилонъ *изъ Цареграда*; вернувшись, онъ застаетъ въ Цареградѣ «великое кровопролитіе» и отправляется *въ русскую землю*, гдѣ и отдаетъ добытыя драгоцѣнности царю Ивану Васильевичу. Сохраняется такимъ образомъ намекъ на первоначальную отдѣльность двухъ соединенныхъ сказаній. Сравненіе легенды съ повѣстью о Вавилонѣ даетъ основаніе предполагать, что разсказъ объ Иванѣ Грозномъ и объ осадѣ Казани явился въ легендѣ замѣной инаго, древнѣйшаго пріуроченія. Замѣчательно въ разсказѣ о Бормѣ упоминаніе именъ святаго Георгія и святаго Димитрія Солунскаго. Подобное же, только полнѣе и яснѣе выраженное соединеніе преданій о Вавилонѣ съ легендами о святомъ Георгіѣ находимъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ западныхъ (романъ объ Оберонѣ и др.). Такой параллелизмъ объясняется, вѣроятно, воздѣйствіемъ какихъ-то одинаковыхъ, не ясныхъ пока, литературныхъ вліяній.

4) Кромѣ повѣсти о греческомъ посольствѣ въ Вавилонъ, въ нашей старинной письменности извѣстно было еще другое сказаніе о Вавилонѣ: «Притча о Вавилонѣ градѣ». Въ этой притчѣ, не безызвѣстной, какъ мы видѣли, и на западѣ, рѣчь идетъ о Навуходоносорѣ и сынѣ его Василіи, о построеніи Вавилона и объ его запустѣніи. «Притча» о Навуходоносорѣ и повѣсть о послахъ царя Льва принадлежатъ, конечно, къ одному и тому же кругу сказаній о пустынномъ Вавилонѣ, но нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что притча и повѣсть составляли когда-то одно литературное цѣлое.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ И ЛЮДОВИКѢ

И БЫЛИНА:

«НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ».

Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ занесена къ намъ вмѣстѣ съ Книгой о семи мудрецахъ, переводъ которой появился въ XVII вѣкѣ [1]). Пѣсня «Неразсказанный сонъ», иначе. «Похожденія Ивана»

---

[1]) Свѣдѣнія о русскомъ переводѣ Повѣсти о семи мудрецахъ собраны въ книгѣ г. *Пыпина* (Очеркъ лит. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 251—260) и въ статьѣ г. *Мурко*: Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven (*Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der k. Akademie der Wiss. zu Wien*, B. 122, 1890). «Въ русскомъ переводѣ, — замѣчаетъ г. Пыпинъ, — не встрѣчалось намъ прямыхъ указаній на подлинникъ; по аналогіи, отчасти по языку, можно предполагать, что подлинникъ былъ польскій» (стр. 254). Г. Мурко, говоря о славянскихъ переводахъ семи мудрецовъ, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на спискахъ русскаго перевода. Сравненіе этихъ списковъ, представляющихъ немалое разнообразіе, приводитъ изслѣдователя къ предположенію, что Книга о семи мудрецахъ могла быть усвоена нашей литературой путемъ постепеннаго перевода: первоначальный «переводъ» могъ представлять лишь переписку кирилицей польскаго текста (примѣры такой переписки польскихъ текстовъ извѣстны; ср. *Пыпинъ*, op. cit., 262); нѣкоторыя малоизвѣстныя слова могли быть при этомъ замѣнены соотвѣтствующими русскими реченіями; позднѣйшія измѣненія и исправленія придали мало-по-малу русскій обликъ первоначальному полу-польскому тексту. Этимъ постепеннымъ измѣненіемъ объясняется и обиліе варіантовъ русскаго перевода повѣсти. Текстъ нашего перевода изданъ Обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей г. *Булгакова* (Пб., 1878); въ основу изданія положена рукопись XVII вѣка, принадлежащая библіотикѣ Общества; разночтенія взяты изъ двухъ списковъ XVII же вѣка (Публ. библ. и библіот. кн. Вяземскаго). Тексту повѣсти предпослано вступленіе, представляющее бѣглый очеркъ литературной исторіи изданнаго памятника. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ и въ видѣ отдѣльной статьи. Въ

Digitized by Google

(Васильевича), извѣстна по пересказу, записанному г. Рыбниковымъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ [1]).

I.

Повѣсть о семи мудрецахъ извѣстна во множествѣ переводовъ и пересказовъ, принадлежащихъ литературамъ и европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Повѣсть, по своему составу, представляетъ, какъ извѣстно, сборникъ притчъ и сказокъ, соединенныхъ въ нѣкоторое цѣлое при помощи охватывающей эти притчи повѣствовательной рамки. Эта повѣствовательная рамка, то-есть, разсказъ, въ который введены отдѣльныя притчи, сходно передается во всѣхъ версіяхъ: разницы замѣчаются лишь въ мелочахъ.

Герой повѣсти—молодой царевичъ. Его воспитаніе поручено семи мудрецамъ (по другой версіи воспитатель царевича—одинъ; семь мудрецовъ выступаютъ лишь какъ совѣтники царя). Спустя опредѣленное время, царевичъ, воспитывавшійся вдали отъ двора, призванъ къ отцу. Видъ красиваго юноши возбудилъ преступныя желанія въ сердцѣ его мачихи (=одной изъ женъ его отца). Но женская страсть не находитъ отголоска въ цѣломудренномъ сердцѣ добродѣтельнаго человѣка. Разгнѣванная неподатливостью пасынка мачиха обвиняетъ его въ покушеніи на ея супружескую вѣрность. Царевичу грозитъ висѣлица. Мудрые совѣтники (=воспитатели царевича) уговариваютъ царя отложить казнь. Мачиха, чтобы поддержать гнѣвъ мужа, разсказываетъ притчу, приноровленную къ этой цѣли. На эту притчу отвѣчаетъ (притчей же или, по другой версіи, двумя притчами) первый мудрецъ. Слѣдуетъ затѣмъ новая притча царицы и отвѣтная притча (или притчи) второго мудреца и т. д. Въ этихъ спорахъ проходитъ недѣля. Самъ царевичъ хранитъ все это время молчаніе. По рѣшенію судьбы, онъ долженъ былъ оставаться нѣмымъ въ теченіе первыхъ семи дней послѣ возвращенія въ родительскій домъ. По истеченіи этого срока, даръ слова возвращается къ царевичу, и онъ обличаетъ злую и преступную женщину. Версія, упоминающая о семи воспитателяхъ, и заканчивается притчей царевича. Редакція, въ которой выступаютъ семь

XVIII вѣкѣ повѣсть была напечатана въ сказочномъ сборникѣ: «Историческія сказки», С.-Пб., 1793 (*Пыпинъ*, Для любителей книжной старины, стр. 4—5).

[1]) „Отъ крестьянина дер. Горки Абрама Евтимьева Чуквоева, по прозвищу Бутылки“ (Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, т. Ш, № 58, стр., 305—319).

Digitized by Google

мудрецовъ и воспитатель, присоединяетъ къ *притчамъ* царевича дополнительный разсказъ его наставника.

Притчи, которыми обмѣниваются царица, царевичъ и мудрецы, представляютъ въ пересказахъ повѣсти, принадлежащихъ разнымъ литературамъ, значительное разнообразіе, указывающее на неоднократную передѣлку сказочнаго сборника. По составу притчъ пересказы повѣсти дѣлятся на двѣ главныхъ группы: къ первой группѣ принадлежатъ греческій Συντίπας и цѣлый рядъ восточныхъ пересказовъ (сирійскій, еврейскій, персидскій, арабскій); вторую группу составляютъ пересказы западные, къ числу которыхъ принадлежитъ и русскій переводъ Книги о семи мудрецахъ [1]).

Изъ всѣхъ притчъ, занесенныхъ въ повѣсть о семи мудрецахъ, насъ интересуетъ теперь одна лишь *заключительная притча западной группы пересказовъ*. Согласно съ терминологіей латинскихъ текстовъ, притча эта, *разсказанная царевичемъ*, упоминается обыкновенно подъ заглавіемъ: Vaticinium.

Въ пересказахъ повѣсти Vaticinium передается неодинаково, въ

---

[1]) Греческій Συντίπας изданъ Буассонадомъ (*Boissonade*, De Syntipa et Cyri filio Andreopuli narratio, Paris, 1828) и Эбергардомъ (*Eberhard*, Fabulae Romanenses, vol. I, Leipz., 1872, въ Bibliotheca Teubneriana). Различаются три редакціи греческой повѣсти. Первая, древнѣйшая редакція издана впервые Эбергардомъ (по Мюнхенской рукоп. XIV вѣка); вторая редакція извѣстна была по изданію Буассонада; снова напечатана Эбергардомъ (по Вѣнской рукописи XV вѣка съ разночтеніями по двумъ Парижскимъ рукописямъ, извѣстнымъ Буассонаду); изъ третьей редакціи, quae sermone Graecorum recentiore conscripta est, изданы Эбергардомъ лишь excerpta (Fabulae Romanenses, pag. 136—196, 1—135, 197—224). О Синтипѣ вообще см. *Krumbacher*, Geschichte der byzantinischer Litteratur, 470—473. Сирійскій пересказъ, ближайшій къ греческому, изданъ *Fr. Baethgen'омъ*: Sindbad oder die sieben weisen Meister, syrisch und deutsch, Leipz., 1879. Общее обозрѣніе пересказовъ восточной группы см. въ книгѣ: Mischle Sindbad, Secundus-Syntipas. Edirt, emendirt und erklärt... v. *Paulus Cassel* (1888); на стр. 362—363 помѣщена сравнительная таблица, объясняющая составъ отдѣльныхъ пересказовъ. Подобную же таблицу, касающую *западныхъ* пересказовъ, см. въ статьѣ *K. Goedeke*: Liber de septem sapientibus (*Orient und Occident*, 1864, III). Ср. *M. Landau*, Die Quellen des Dekameron, 2 Aufl., Tabelle B. Uebersicht der in den wichtigsten Bearbeitungen der sieben Weisen enthaltenen Erzählungen. Эта таблица представляетъ приложеніе къ тому отдѣлу книги Ландау (§§ 6—13, стр. 28—89), въ которомъ излагаются свѣдѣнія какъ о восточныхъ, такъ и о западныхъ пересказахъ „семи мудрецовъ". Замѣчательно, что къ группѣ западныхъ пересказовъ принадлежитъ армянскій переводъ. Аналогическое явленіе представляетъ литературная исторія Физіолога, обработки котораго распадаются также на двѣ группы—восточную и западную; армянскій Физіологъ принадлежитъ ко второй, западной группѣ (*Byzantinische Zeitschrift*, III, 1, 26, уъ ст. г. Карнѣева, о Физіологѣ).

Digitized by Google

краткой или болѣе сложной редакціи. Въ спискахъ старорусскаго перевода находимъ разсказъ второй, сложной редакціи, но, какъ увидимъ, у насъ не безызвѣстенъ былъ разсказъ и краткаго извода.

Содержаніе разсказа этого краткаго извода таково: У нѣкоего рыцаря былъ сынъ, умѣвшій понимать языкъ птицъ [1]). Однажды рыцарь, слушая пѣніе птицъ, замѣтилъ: «Дивнымъ бы даромъ обладалъ тотъ, кто умѣлъ бы растолковать, что говорятъ птицы».—Я ихъ понимаю,—отозвался сынъ.—«Ну, скажи, что говорятъ теперь птицы?» — Онѣ говорятъ, что придетъ время, когда вы, отецъ и мать, впадете въ крайнюю бѣдность; я же достигну такого высокаго положенія, что вы согласитесь подать мнѣ воду для умыванья рукъ.— Отецъ, разсерженный этимъ предсказаніемъ, бросилъ сына въ море, но утопавшій былъ замѣченъ и спасенъ экипажемъ проходившаго неподалеку корабля. Моряки продали юношу въ Сицилію. Въ это время король Сицилійскій не зналъ покоя отъ трехъ вороновъ, которые всюду слѣдовали за нимъ и надоѣдали ему своимъ крикомъ. Король объявилъ, что отдастъ руку своей дочери и половину царства тому, кто объяснитъ значеніе этого докучливаго спутничества вороновъ. Юноша, купленный однимъ изъ сицилійскихъ рыцарей, объявилъ, что онъ можетъ дать отвѣтъ на королевскій вопросъ. Призванный къ королю, юноша сказалъ: три ворона спорятъ между собой и хотятъ, чтобы король рѣшилъ ихъ тяжбу. Дѣло ихъ слѣдующее: воронъ, который постарше, оставилъ свою подругу и сталъ ухаживать за другой; покинутая ворониха подыскала другаго сожителя, помоложе; когда первый воронъ постарѣлъ, онъ вернулся къ прежней подругѣ и сталъ предъявлять свои супружескія права; молодой воронъ и его сожительница не признаютъ этихъ правъ. Король рѣшилъ дѣло въ пользу молодаго ворона: старикъ, покинувшій когда-то подругу, самъ отказался де отъ своихъ правъ. Послѣ этого птицы оставили короля. Мудрый юноша женился на его дочери.

Предсказаніе о величіи, ожидавшемъ юношу, сбылось. Исполнилось и пророчество объ его родителяхъ. Преступленіе рыцаря, бросившаго сына въ море, стало извѣстно. Онъ былъ изгнанъ за это изъ своего родоваго замка и поселился съ женой въ Сициліи. Жили они здѣсь въ крайней бѣдности. Однажды королевскій зять проѣзжалъ черезъ Мессину и увидѣлъ здѣсь бѣдныхъ старика и старуху, въ которыхъ узналъ своего отца и мать. Онъ вошелъ въ ихъ жи-

[1]) Разсказовъ, основанныхъ на повѣрьѣ о птичьемъ языкѣ, извѣстно не мало. Я предполагаю коснуться этихъ разсказовъ въ особой замѣткѣ.

Digitized by Google

лище, не называя своего имени. Старики подали ему воду для обмыванія рукъ. Знатный гость вступилъ въ бесѣду съ бѣдняками. «Какого наказанія заслуживаетъ отецъ, который убилъ бы такого сына, какъ я?»—спросилъ гость.—Для такого преступленія нѣтъ достаточно сильнаго наказанія,—отвѣтилъ старый рыцарь.—«Такое преступленіе совершили вы, бросивъ меня въ море, но Богъ спасъ меня. Я не буду платить зломъ за зло».

Содержаніе этого разсказа съ замѣчательной точностью повторяется въ одной изъ великорусскихъ сказокъ. Чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ сходствѣ, привожу рядомъ текстъ латинскаго и русскаго пересказовъ:

Pater unus miles fuit et dominus unius castri, qui filium habuit tantae subtilitatis, ut voces avium sic intelligeret, ut voces humanas. Et quia castrum patris erat in insula maris, dum quadam die omnes irent ad castrum et aves multae cantantes sequerentur navem, dixit pater filio et uxori, quam mirabilis virtus esset intelligere istas aves. Cui filius: „Ego optime, quid dicunt, intelligo“. Cui pater: „Obsecro, expone et revela“. Tunc filius respondit: „Dicunt, quod vos venietis cum domina matre mea ad tantam paupertatem, quod panem non habebitis ad comedendum, et ego veniam ad tantum nobilem statum, ut pro lotione manuum detis mihi aquam“.

Tunc pater indignatus eum projecit in mari, et invento postea de naufragio a nautis de Sardina est elevatus a mari. Et tandem venditus cuidam militi de Cicilia. Pater vero propter scelus et projectionem juvenis a suis hominibus est exheridatus a castro et cum uxore apud Ciciliam est exilio relegatus.

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ съ купчихою, и далъ имъ Господь сына, не по годамъ смышленнаго, по имени Василія. Разъ какъ-то обѣдали они втроемъ, а надъ столомъ висѣлъ въ клѣткѣ соловей и такъ жалобно пѣлъ, что купецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ: „еслибъ сыскался такой человѣкъ, которой отгадалъ бы мнѣ въ правду, что соловей распѣваетъ и какую судьбу предвѣщаетъ, кажись—при жизни бы отдалъ ему половину имѣнія, да и по смерти отказалъ много добра“. А мальчикъ—ему было лѣтъ шесть тогда—посмотрѣлъ отцу съ матерью въ глаза озойливо и сказалъ: „я знаю, что соловей поетъ, да сказать боюсь“.—Говори, безъ утайки! пристали къ нему отецъ съ матерью, и Вася со слезами вымолвилъ: „соловей предвѣщаетъ, что придетъ пора-время, будете вы мнѣ служить: отецъ станетъ воду подавать, а мать полотенце—лицо, руки утирать“.

Слова эти больно огорчили купца съ купчихою, и рѣшились они сбыть свое дѣтище: построили небольшую лодочку, въ темную ночь положили въ нее сонваго мальчика и пустили въ открытое море. На ту пору вылетѣлъ изъ клѣтки соловей вѣщунъ, прилетѣлъ въ лодку и сѣлъ мальчику на плечо. Вотъ плыветъ лодка по морю, а на встрѣчу ей корабль на всѣхъ

Digitized by Google

Tunc tres corvi sequebantur regem Ciciliae quo ibat, et quia per quinque annos tenuerant hoc, nec de die, nec de nocte dabant ei requiem, fecit praeconisari, ut quicunque veraeiter exponeret sibi praesagium corvorum et causam sequelae, ipse daret sibi filiam suam cum medietate regni sui. Tunc juvenis hoc audiens accessit ad militem dominum suum rogando, ut praesentaret eum regi, et quia ipse sciebat significationem corvorum. Tunc miles gavisus praesentavit eum regi, supplicando juveni, ut habito bono et medietate regni non esset immemor sui. Tandem rex requirit causam. Juvenis vero requirit confirmationem promissi. Qua facta juvenis sic ait: „Hic sunt duo corvi et una corva, unus antiquus et alter juvenis; unde antiquus lasciviis vacans corvam hanc dimisit, cum qua diu conhabitaverat, et conjunxit se junioribus. Iste corvus juvenis hanc derelictam ad alio in suam recepit ac nutrivit et protexit usque nunc. Et quia antiquior corvus dimissus est a junioribus, nunc vult recuperare istam, quam gratis et absque culpa dimisit, eo quod non potest invenire aliam corvam juniorem, et nititur auferre ab isto, quia sic eam protexit. Et quia iste junior modo non vult eam dimittere, sequuntur te, et requirunt judicium, cujus debet esse“. Tunc rex habito consilio et convocatis corvis ad praesentiam suam, dedit sententiam,

парусахъ летитъ. Увидалъ корабельщикъ мальчика, жалко ему стало, взялъ его къ себѣ, разспросилъ про все и обѣщалъ держать и любить его, какъ роднаго сына [1])... Ни мало, ни много прошло времени, присталъ корабль къ городу Хвалынску; а у здѣшняго короля уже сколько годовъ передъ дворцовыми окнами летаютъ и кричатъ воронъ съ воронихою и вороненкомъ, ни днемъ, ни ночью никому угомону не даютъ. Что ни дѣлали, никакими хитростями не могутъ ихъ отъ окошекъ отжить; даже дробь не беретъ! И приказано было отъ короля прибить на всѣхъ перекресткахъ и пристаняхъ такову грамоту: ежели кто сможетъ отжить отъ дворцовыхъ окошекъ ворона съ воронихою, тому король отдастъ въ награду полцарства своего и меньшую королевну въ жены; а кто возьмется за такое дѣло, а дѣла не сдѣлаетъ, тому отрублена будетъ голова. Много было охотниковъ породниться съ королемъ, да всѣ головы свои подъ топоръ положили. Узналъ про то Вася, сталъ проситься у корабельщика: „позволь пойдти къ королю—отогнать ворона съ воронихою“. Сколько ни уговаривалъ его корабельщикъ, никакъ не могъ удержать: „ну, ступай, говоритъ; да, если что недоброе случится, на себя пеняй!“ Пришелъ Вася во дворецъ, сказалъ королю и велѣлъ открыть то самое окно, возлѣ котораго воронье летало. Послушалъ птичьяго крику и говоритъ королю: „ваше величество, сами видите, что летаютъ здѣсь трое: воронъ, жена его ворониха, и сынъ ихъ вороненокъ; воронъ съ воронихою спорятъ, кому принадлежитъ сынъ—отцу или

[1]) Пропускаю подробности плаванія, во время котораго мальчикъ по пѣнью соловья предсказалъ бурю и встрѣчу съ разбойничьими кораблями. Подробности эти встрѣтятся намъ при разборѣ другихъ сказокъ подобнаго же содержанія (см. гл. III).

Digitized by Google

ut junioris corvi esset corva et non antiqui. Tunc antiquior solus recessit et juvenis cum corva similiter. Tunc juveni datur filia regis. Et militem dominum minorem in suo hospitio constituit.

матери, просятъ разсудить ихъ. Ваше величество! скажите, кому принадлежитъ сынъ?"—Король говоритъ: отцу. Только изрекъ король это слово, воронъ съ вороненкомъ полетѣли вправо, а ворониха—влѣво. Послѣ того король взялъ мальчика къ себѣ, и жилъ онъ при немъ въ большой милости и чести, выросъ и сталъ молодецъ молодцомъ, женился на королевнѣ и взялъ въ приданое полцарства.

Tandem sic sublimatus est ad tantum honorem, dum quodam mane equitaret per Messanam, vidit patrem et matrem sedere ad portam cujusdam hospitii in vilissimo habitu. Et non cognitus ab eis, sed ipse eos cognoscens descendit et misit pro cibariis, ut in domo eorum pranderet. Qui portantes aquam ad ablutionem manuum et (quum) accepisset a patre et matre aquam, dum sedissent ad mensam, ait juvenis patri: „Qua poena dignus est pater, qui talem filium, sicut ego sum, interficit?“ Cui pater: „Non possent satis multiplicari poenae contra enormitatem tanti peccati“. Cui juvenis: „Vos estis ille, qui projecistis me in mari propter declarationem vocum avium, et ideo non reddam vobis malum pro malo, quia a Deo ordinata sunt ista“. Ita, dico, pater, si interfecisses me, malum tibi procurasses; sed Deus me custodivit a tanto malo“ [2]).

Вздумалось ему какъ-то поѣздить по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ землямъ, людей посмотрѣть и себя показать; собрался и поѣхалъ странствовать. Въ одномъ городѣ остановился онъ ночевать; переночевалъ, всталъ по утру и велитъ, чтобъ подали ему умываться. Хозяинъ принесъ ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился съ ними королевичъ, и узналъ, что то были отецъ его и мать, заплакалъ отъ радости и упалъ къ ихъ ногамъ родительскимъ; а послѣ взялъ ихъ съ собою въ городъ Хвалынскъ, и стали они всѣ вмѣстѣ жить—поживать да добра наживать [1]).

Русскій переводъ Повѣсти о семи мудрецахъ, появившійся въ XVII вѣкѣ, передаетъ, какъ было уже замѣчено, разсказъ царевича въ иной, болѣе сложной редакціи. Сходство нашей сказки съ латинской притчей краткаго извода не даетъ еще, конечно, права утверждать, что у насъ извѣстенъ былъ другой переводъ повѣсти, но это сходство свидѣтельствуетъ, однако-жъ, о томъ, что разсказы

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, Сказки, кн. II, № 138, стр. 459—461 («Птичій языкъ»).

[2]) *Orient und Occident*, 1864, III, 420—421 (*Goedeke*, Liber de septem sapientibus).

Digitized by Google

Повѣсти распространялись у насъ не изъ одного только источника, извѣстнаго теперь переложенія Книги о семи мудрецахъ.

Притчи царевича передаются и въ греческомъ Синтипѣ и въ другихъ пересказахъ восточной группы. Но содержаніе этихъ притчъ не имѣетъ никакого сходства съ только что переданной притчей западныхъ пересказовъ [1]). Это обстоятельство не предрѣшаетъ, впрочемъ, вопроса о первоначальной родинѣ изучаемаго повѣствованія. Если не самая притча, то ея основная тема издавна была извѣстна на Востокѣ. Припомнимъ знакомый всѣмъ съ дѣтства—разсказъ объ Іосифѣ. Въ ранней молодости, когда любимому сыну Іакова было семнадцать лѣтъ, приснился ему вѣщій сонъ, будто солнце, луна и одиннадцать звѣздъ поклонились ему. Разсказъ Іосифа объ этомъ снѣ возбудилъ недовольство его отца и братьевъ. Сновидецъ проданъ братьями въ Египетъ. Здѣсь онъ прослылъ мудрецомъ, послѣ того, какъ растолковалъ сны хлѣбодара и виночерпія Фараона. Приглашенный къ Фараону, Іосифъ объяснилъ его сны о полныхъ и пустыхъ колосьяхъ, о жирныхъ и тощихъ коровахъ, давъ при этомъ совѣтъ, какъ предупредить бѣдствія будущихъ неурожаевъ. Мудрый совѣтчикъ сдѣланъ былъ правителемъ Египта. Настала неурожайная пора. Голодъ коснулся и земли Ханаанской. Іаковъ два раза посылалъ за хлѣбомъ въ Египетъ своихъ сыновей, а потомъ и самъ двинулся на чужбину по приглашенію возвеличившагося сына. Передъ смертью Іаковъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ на родинѣ. Іосифъ поклялся, что воля отца будетъ исполнена. «И поклонися Ісраиль на конецъ жезла его» (Книга Бытія, гл. XXXVII—XLVII).

Давно уже изслѣдователи обратили вниманіе на то, что основа Повѣсти о семи мудрецахъ (то-есть, разсказъ, служащій рамкой для внесенныхъ въ повѣсть притчъ) представляетъ ближайшее сходство съ разсказомъ о томъ же прекрасномъ Іосифѣ и о женѣ Пентефрія [2]). Мачиху царевича волнуютъ такія же грѣшныя вожделѣнія, какъ и жену египетскаго вельможи; царевичъ и Іосифъ—цѣломудренные юноши, которымъ приходится выдержать одинаковое искушеніе и подвергнуться преслѣдованію за добродѣтельное упрямство.

Это сходство могло быть замѣчено еще въ ту далекую пору,

---

[1]) Въ греческомъ Синтипѣ находимъ четыре притчи царевича: о людяхъ, отравленныхъ на пиру (*Eberhard*, 86—87, 156—159), о мудромъ трехлѣтнемъ мальчикѣ (92—94, 159—161), о мудромъ же пятилѣткѣ (94—99, 161—165), о купцѣ, торговавшемъ благовоннымъ деревомъ (99—110, 165—174).

[2]) *P. Cassel*. op. cit., 23—24. Рядъ сходныхъ разсказовъ отмѣченъ въ указанной выше книгѣ Ландау (§ 12: Die Rahmenerzählung der Sieben Weisen).

Digitized by Google

когда слагалась западная редакція повѣсти. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого именно сходства притчи царевича, извѣстныя по «восточному» изводу, замѣстились разсказомъ, отвѣчавшимъ воспоминанію о томъ же библейскомъ юношѣ, образъ котораго вызванъ былъ уже первыми страницами Повѣсти. Западный изводъ начинается разсказомъ объ искушеніи цѣломудреннаго царевича, оканчивается разсказомъ о мудромъ юношѣ, предсказавшемъ въ дѣтствѣ свое величіе. И тотъ и другой разсказъ напоминаютъ преданія объ Іосифѣ. Вступленіе и заключеніе повѣсти смыкаются такимъ образомъ нѣкоторой связью, подсказанной реминисценціями изъ библейской исторіи.

II.

Вторая редакція разсказа царевича—Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ. Повѣсть эта, повторяя все содержаніе разсказа первой редакціи, присоединяетъ къ нему особое сказаніе о двухъ друзьяхъ [2]).

Мудрый юноша, понимавшій языкъ птицъ, носитъ имя Александра. Соловей предсказываетъ ему будущее величіе въ такихъ выраженіяхъ, которыя оскорбили его отца. Александръ брошенъ въ море. Корабельщики, вытащивъ его изъ воды, привезли въ Египетъ и продали князю египетскому. Королю Египта не даютъ покоя три ворона. Александръ объясняетъ значеніе этой птичьей неотвязчивости: вороны хотятъ, чтобы король разобралъ ихъ тяжбу. Когда дѣло было рѣшено, и вороны удалились, король сказалъ Александру: «О чадо, нынѣ тебѣ приказываю: никого отцомъ не зови, кромѣ меня, и дамъ за тебя дочь свою въ жену, и по моей смерти краль будеши въ Египтѣ». Проживъ въ Египтѣ три года, Александръ сталъ просить короля, чтобы тотъ отпустилъ его къ славившемуся своею мудростью цесарю, да еще бы «у него премудрости навыкъ». Король отпускаетъ Александра, но беретъ съ него слово, что онъ вернется: «Заклинаю же тя, да не замедлиши тамо, буди ко мнѣ и поими дщерь мою».

Прибывъ къ цесарю, Александръ поступилъ къ нему на службу кравчимъ. Была у цесаря дочь, по имени Флорента, необыкновенная красавица. Однажды цесарь приказалъ Александру отнести обѣдъ Флорентѣ. «И Флорента видѣ и рече: кто ты еси? Александръ же сказася ей. Она же рече: Иже кто мя увидитъ, и тотъ умретъ. Алек-

---

[2]) Передаю содержаніе повѣсти по тексту, изданному Обществомъ любителей древней письменности (см. выше стр. 152. примѣч. 1).

Digitized by Google

сандръ же рече: Я и краше тебя видалъ, а не умирывалъ». Цесарь удивился, что красота дочери не поразила кравчаго, и съ этихъ поръ сталъ посылать его къ Флорентѣ.

«Нѣвкое время» пріѣхалъ къ цесарю сынъ египетскаго короля, по имени Людовикъ. Молодой иностранецъ опредѣленъ былъ чашникомъ. Александръ и Людовикъ подружились и вступили въ братство названое. «Бѣ же Александръ съ Людвикомъ лицемъ и возрастомъ, власы и гласы приличны другъ другу и молвіемъ въ рѣчахъ во всемъ подобны, токмо мудростію другъ друга раздѣлены». Была еще разница въ томъ, что «Александръ бѣ зѣло моченъ, а Людвигъ младъ и не моченъ».

Свиданія королевской дочери съ кравчимъ не прошли безслѣдно. Флорента полюбила Александра и «хотѣ имѣти себѣ мужемъ, понеже бяше храбръ и мудръ». Разъ Александръ попросилъ Людовика замѣстить его при цесарскомъ столѣ. При сходствѣ двухъ друзей цесарь не замѣтилъ, что ему служитъ не Александръ, и по обычаю послалъ кравчаго отнести обѣдъ Флорентѣ. Красота королевны поразила Людовика: «видѣ красоту ея и смутися и нача скорбѣти о красотѣ ея, и пріиде въ домъ свой и ляже на смертной постелѣ». Александръ угадалъ причину болѣзни своего друга и вызвался ему помочь. Купивъ дорогой умывальникъ, золотой съ драгоцѣнными каменями, Александръ передалъ его Флорентѣ отъ имени Людовика и открылъ красавицѣ страданія своего друга. Страданія эти не тронули, однако, Флоренты; она намекнула, что желала бы услышать о любви къ ней не Людовика, а Александра. Вѣрный другъ не обратилъ вниманія на этотъ намекъ. Онъ снова запасается дорогимъ подаркомъ («купи зерцало драгое») и снова ходатайствуетъ за брата названаго. Ходатайство и на этотъ разъ остается безуспѣшнымъ. Только послѣ третьяго подарка («ларецъ драгій со многимъ различнымъ каменіемъ») красавица склонилась на просьбу страдавшаго поклонника. Начались ночныя свиданія Флоренты и Людовика.

Провѣдали объ этихъ свиданіяхъ цесаревы «дворяне» и задумали погубить удачливаго поклонника Флоренты. Они подстерегали Людовика на дорогѣ. Александръ, узнавъ объ опасности, угрожавшей его другу, напалъ на его недруговъ и избилъ ихъ.

«По днехъ же нѣкіихъ пріиде Александру листъ о смерти короля Египецкого». Александръ поспѣшилъ въ Египетъ, чтобы получить королевское наслѣдство. При прощаньѣ названный братъ подарилъ ему перстень «на воспоминаніе любви». Замѣстителемъ Александра въ званіи цесарева кравчаго явился Сидонъ, сынъ короля

Digitized by Google

Ишпанскаго. Онъ разсказалъ цесарю о свиданіяхъ Людовика и Флоренты. Призванный къ отвѣту Людовикъ обозвалъ Сидона клеветникомъ, за что и вызванъ былъ имъ на поединокъ. Страшно стало Людовику, потому что Сидонъ былъ «мужъ возрастомъ моченъ». Флорента посовѣтовала своего поклоннику прибѣгнуть къ обману. «Иди борзо,—сказала она,—къ цысарю отцу моему и глаголи ему, еже отъ отца твоего къ тебѣ листъ пришелъ, что отецъ твой лежитъ на смертной постели и просися, иже бы отпустилъ отца навѣстить, а день битвѣ отсрочить, и егда тя цысарь отпуститъ, ты же поѣди борзо ко кралю Александру и проси у него милости, дабы возстаніе учинилъ, тебѣ помоглъ, пріѣхалъ, за тебя съ Сидономъ бился. Вѣмъ убо, что вы оба сличны; оприче меня никто васъ не знаетъ; аще ли се сотвориши, можеши смерти уйти и честь свою взяти». Людовикъ такъ и сдѣлалъ. Онъ прибылъ въ Египетъ какъ разъ наканунѣ свадьбы Александра, но это обстоятельство не помѣшало вѣрному другу исполнить просьбу названаго брата. «Азъ поѣду къ сроку,—сказалъ Александръ,—на день битвѣ, а ты въ мое мѣсто во Египтѣ буди кралемъ; вѣмъ убо, яко никто тя не познаетъ за наше приличіе... и въ мое мѣсто поими жену мою и справляй, яко краль, егда же придеши на ложе з женою моею, буди въ вѣрѣ, не коснися ея».

Александръ отправился въ Египетъ, а Людовикъ справилъ вмѣсто его свадьбу съ египетской королевной. Довѣріе друга не было обмануто: «вниде на ложе Людвикъ съ кралевою и взя мечь обнаженъ и положи межь собою и кралевою, что тѣло его не дотыкалось до кралевы тѣла». Александръ прибылъ между тѣмъ къ цесарю и бился съ Сидономъ. «И поможе Богъ Александру, ссѣче главу Сидону и несе ее къ цысаревнѣ. Цысаревна же, веземъ главу съ веселіемъ, и несе къ отцу своему и рече: Возми главу того, кто мя осрамоти и тебѣ лживо оклеветалъ, и мнѣ вдай того въ мужа, которой за мя умиралъ и за мою срамоту невинную». Цесарь изъявилъ согласіе. Тогда мнимый Людовикъ, ссылаясь на болѣзнь отца, уѣхалъ, обѣщаясь скоро вернуться. Прибывъ въ Египетъ, Александръ разсказалъ Людовику о своей поѣздкѣ и посовѣтовалъ другу поспѣшить къ Флорентѣ: «поѣди з Богомъ и служи цысарю и поими дщерь его». Людовикъ такъ и сдѣлалъ. Но, женившись на дочери римскаго цесаря, Людовикъ не остался у него на службѣ, а вернулся на родину и «королевствова во Израли».

Египетская королева не подозрѣвала, что въ первое время послѣ свадьбы дѣлила ложе не съ Александромъ, а съ его двойникомъ.

Digitized by Google

Поэтому мечъ, которымъ отдѣлялъ себя Людовикъ отъ жены друга, оскорбилъ и разгнѣвалъ ее. Не догадываясь о перемѣнѣ, она перенесла свое недовольство и на возвратившагося Александра, хотя мечъ не отдѣлялъ ея уже теперь отъ мужа. «Кралева же сама въ себѣ помысли: еже ты ми сотвори, азъ тебѣ то же учиню, и отъ тѣхъ мѣстъ нача любити нѣкоего рыцаря и нача съ нимъ мыслити, како бы убити его или окормити смертнымъ ядомъ. Во единъ же день дасть она Александру зелья пити. Александръ же нача пухнути и отрудоватѣлъ. Жена же его рече гражаномъ: Видите, яко краль мой трудоватъ, не можетъ королевства держати, вы же изрините его изъ королевства. И помалѣ изринуша его отъ королевства». Больной, изгнанный изъ Египта Александръ упросилъ нѣкоего боголюбиваго человѣка отвести его къ Людовику. Добравшись до королевскаго дворца, Александръ, когда настало время обѣда, обратился къ одному изъ слугъ съ просьбой: «Государю мой, иди къ цысарю и рцы ему: убогій азъ для Бога и для египецкого короля Александра прошу его милости, иже бы азъ напился изъ того кубка, изъ котораго онъ самъ пьетъ». Кубокъ былъ принесенъ. Александръ опустилъ въ него перстень, который далъ ему Людовикъ. Израильскій король тотчасъ же узналъ свой подарокъ и приказалъ слугамъ смотрѣть за больнымъ, чтобы тотъ не ушелъ. По окончаніи обѣда Людовикъ призвалъ къ себѣ больнаго. Александръ открылся другу. Призваны были со всѣхъ странъ врачи, осмотрѣли больнаго и признали его неизлечимымъ. «Цысарь же слышавше велми смутися и повелѣ звати убогихъ и законниковъ, иже бы ся о немъ молили, а самъ цысарь уклонися також на молитву и постися доволно, иже бы далъ Господь здравіе кролю Александру». Молился и самъ Александръ. Разъ ночью онъ услышалъ голосъ: «Аще ли цысарь Лодвикъ убіетъ своихъ пяти сыновъ своими руками и кровь ихъ источитъ и тою кровію обмыешися, да будетъ плоть твоя, яко отрочате млада». Александръ не рѣшается передать это откровеніе своему другу. Спустя нѣсколько дней услышалъ голосъ и Людовикъ: «Что плачеши и молишися объ Александрѣ, вѣсть убо и самъ Александръ про себя, чѣмъ можетъ уздравленъ быти». Людовикъ настоялъ, чтобы Александръ открылъ ему возвѣщенное свыше средство исцѣленія. Узнавъ же страшную тайну, вѣрный другъ не задумался пожертвовать дѣтьми для спасенія брата названнаго. Онъ искалъ только «подобна времени».

Разъ, когда Флорента была въ церкви, Людовикъ вошелъ въ комнату, гдѣ были дѣти. Убивъ ихъ, онъ собралъ кровь въ сосудъ и

Digitized by Google

принесъ ее Александру. Тотъ умылся кровью, и «ста тѣло его, яко отрочате, чисто». Флорента, узнавъ объ участи дѣтей, спокойно перенесла страшную вѣсть. Она вполнѣ одобрила рѣшеніе мужа. «Благословенъ день той,—сказала она,—воньже дѣти побихъ для Александра. Нынѣ же молю тя, дай ми его видѣти. Цысарь же, поемъ ея, иде ко Александру. Ѳлорента же видѣ Александра и паде отъ радости». Стали между тѣмъ готовиться къ похоронамъ дѣтей; пришли въ комнату, гдѣ онѣ были оставлены, и нашли ихъ живыми. «Флорентѣ, Людовику, Александру и всѣмъ людемъ бысть велія радость... и хваляху Бога, показавшаго имъ таковыя чудеса».

Собравъ войско, Людовикъ и Александръ двинулись въ Египетъ. Измѣнница и ея «чужеложникъ» были взяты въ плѣнъ и казнены. Воцарившись снова въ Египтѣ, Александръ женился на сестрѣ Людовика. «Потомъ же помысли ѣхати ко отцу своему и матери своей, отъ которыхъ былъ вкинутъ въ море и посла къ нимъ посла своего, а велѣлъ имъ вѣсть учинить, что хощетъ къ нимъ краль пріѣхати и столовати у нихъ». Когда король прибылъ къ отцу, «рыцарь же поставилъ обѣдъ и предъ столомъ принесе ему воды на руки, а мати его полотенце; Александръ же видѣвъ то и усмѣхнулся и помысли въ сердцы своемъ соловьево воспѣваніе. Рече цысарь: «Господине мой рыцарь, что ми воду самъ подаешь на руки мои, или у тебя некому служити? И самъ тому разсмѣхнулся». Послѣ обѣда король сталъ разспрашивать рыцаря объ его семьѣ. Рыцарь разсказалъ о сынѣ брошенномъ въ море. Александръ открылся: «Азъ вашъ сынъ, его же вкинуста въ море, и Богъ милосердіемъ своимъ изъ глубины морскія возстави и сотвори мя короля и государя Египту. Они же слышавше то убояшася и падша на землю и прошаху милости. Александръ же рече: не бойтеся, не будетъ злаго ничего, и объемъ цѣлова отца своего и матерь, и паки рече имъ: «Идите во Египетъ и царствуйте со мною». Пробывъ на родинѣ нѣсколько дней, Александръ отправился въ Египетъ, взявъ съ собой и родителей своихъ.

Разсказъ о вѣрныхъ друзьяхъ, который повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ сплетаетъ съ притчой о мудромъ юношѣ, извѣстенъ и въ отдѣльной обработкѣ, внѣ связи съ упомянутой притчей. Изъ ряда литературныхъ произведеній, въ которыхъ сохранилась эта отдѣльная обработка, слѣдуетъ прежде всего остановиться на пересказахъ старо-французской саги о двухъ друзьяхъ, именуемыхъ Amis и Amiles, Amicus и Amelius (=Omelius) [1]. Эти пересказы восхо-

[1]) Въ концѣ XI вѣка французскій монахъ Радульфъ (Radulphus Tortarius)

дятъ до XI вѣка. Въ виду того, что содержаніе саги повторяется въ переданной уже повѣсти, внесенной въ Книгу о семи мудрецахъ, нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ подробностяхъ сказанія объ Amis и Amiles. Ограничусь лишь припоминаніемъ общей послѣдовательности этого сказанія, какъ оно передается въ chanson de geste.

Два друга, Amis и Amiles, вступаютъ въ ряды дружинниковъ Карла Великаго [1]), принимаютъ участіе въ его походахъ, одерживаютъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ. Одинъ изъ удальцовъ, Amis, женится на племянницѣ важнаго сановника Hardré и удаляется отъ двора. Amiles остается у Карла. Дочь императора Belissant полюбила Амелія и встрѣтила взаимность. Молодые люди отыскали возможность увидѣться и отдаться своему чувству. Hardré доноситъ объ этомъ Карлу. Амелій называетъ доносъ клеветой и вызываетъ Hardré на поединокъ. Не довѣряя, однако, своимъ силамъ и опасаясь, что судъ Божій не оправдаетъ его, Амелій рѣшается обратиться за помощью къ своему другу. Поразительное сходство Amis'а и Amiles'а дозволяетъ имъ замѣстить одинъ другаго. Amis соглашается исполнить просьбу пріятеля, бьется на поединкѣ съ Hardré и побѣждаетъ его. Amiles въ это время остается въ домѣ друга, жена котораго принимаетъ его за своего мужа. Ночью мнимыхъ супруговъ раздѣляетъ

въ одномъ изъ своихъ посланій (Epistolae ad diversos) пересказалъ сагу de Amico et Amelio, какъ одинъ изъ примѣровъ вѣрной дружбы. Радульфъ замѣчаетъ, что сага пользовалась въ его время значительной распространенностью:

Historiam Gallus, breviter quam replico, novit,
Novit in extremo littore Saxo situs.

Отъ XI—XII вѣка дошла Vita sanctorum Amici et Amelii. Позже это житіе было пересказано Винцентіемъ Бовэ (въ Speculum historiale, lib. XXIV) и Альберикомъ Trium fontium (въ его хроникѣ). Къ XII—XIII вѣку относятся: chanson de geste и прозаическій разсказъ: Li amitiez de Ami et Amile. Въ XIV вѣкѣ легенда объ этихъ друзьяхъ обработана была въ драматической формѣ (Miracle de Nostre Dame d' Amis et Amile). Въ XV и XVI вѣкахъ появились прозаическіе пересказы, имѣющіе заглавіе «романъ» и „исторія“ (Histoire des deux vaillants chevaliers Amis et Amiles). Извѣстны, кромѣ того, англійскій итальянскій, исландскій-нѣмецкій пересказы этой саги. Указаніе всѣхъ варіантовъ можно найти въ книгѣ *K. Hofmann'a:* Amis et Amiles und Jourdains de Blaivies (первое изд. 1852, второе 1882). Ср. *Grässe,* Allg. Literärgeschichte II, 3, 348—350; *Keller*, Li romans des sept sages, предисл., стр. CCXXXII; *Dunlop-Liebrecht*, Geschichte der Prosadichtungen, S. 478, Anm. 213 a; *L. Gautier*, Les épopées francaises, I, p. 463—473 (по 2 изд.), *P. Schwieger*, Die Sage von Amis und Amiles (Jahresbericht über das K. Friedrich-Wilhelms-Gymnasium zu Berlin, 1885).

[1]) Въ „Vita“ Amicus—thesaurarius, a Amelius—dapifer Карла.

Digitized by Google

мечъ [1]). Послѣ счастливо окончившагося поединка роли мѣняются: Amis возвращается къ своей женѣ; Amiles выступаетъ побѣдителемъ и получаетъ руку принцессы.

Спустя нѣкоторое время Amis'а постигло несчастье. Онъ заболѣлъ проказой и принужденъ удалиться изъ своего дома. Послѣ долгихъ блужданій онъ прибылъ къ Amiles'у, который узналъ несчастнаго друга и пріютилъ его у себя. Средство исцѣленія прокаженнаго указано свыше: Amiles долженъ убить своихъ дѣтей и кровью ихъ обмыть больнаго. Въ душѣ Амелія борются чувства привязанности къ дѣтямъ и состраданія къ другу. Послѣднее чувство побѣдило. Дѣти убиты. Кровь ихъ вылѣчила Amis'а. Жертва любви не осталась безъ награды: дѣти чудомъ возвращены къ жизни.

Вмѣсто именъ Amis и Amiles, Александра и Людовика въ нѣкоторыхъ пересказахъ саги о двухъ друзьяхъ встрѣчаются иныя имена: Engelhard и Dietrich, Olivier и Artus, Loher и Maller [2]). Очевидно, одна и таже основная сага развѣтвилась на нѣсколько версій, при чемъ преимущество древности остается несомнѣнно за сказаніемъ de Amico et Amelio.

Гдѣ сложилось это сказаніе? Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей саги, Швигеръ, настаиваетъ на ея западномъ, европейскомъ происхожденіи: «Ueberschaut man die vielfachen Wandlungen, welche die Sage durchgemacht hat... so ergiebt sich zunächst, dass die Amis-Sage, so wie sie seit dem 11 Jahrhundert auftritt und das ganze Mittelalter durchzieht, keinerlei Beziehungen zu den Fabeln des Orients aufweist, sondern durchaus für das Abendland in Anspruchs zu nehmen ist [3]). Швигеръ обращаетъ при этомъ вниманіе на сходство старо-французскаго преданія съ сагой о Нибелунгахъ. Da bietet nun eine Vergleichung der Amis-Sage mit den Nibelungen überra-

---

[1]) Мечъ, отдѣляющій мнимыхъ супруговъ, извѣстенъ по Нибелунгамъ и по цѣлому ряду позднѣйшихъ повѣствованій (ср. *Dunlop-Liebrecht*, op. cit., 515), находимъ этотъ мече и въ народныхъ сказкахъ (*Аѳанасьевъ*, Сказки, IV, стр. 159). Есть указанія на бытовое значеніе этого эпическаго обычая (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterthümer, SS. 169—170).

[2]) Енгельгартъ и Дитрихъ выступаютъ въ поэмѣ Конрада Вюрцбургскаго (XIII вѣка): Engelhart und Engeltrut (изд. Haupt'омъ). Olivier и Artus—старофранцузская повѣсть, извѣстная и въ нѣмецкой передѣлкѣ. Loher und Maller появляются въ нѣмецкомъ разсказѣ, основанномъ на французскомъ оригиналѣ. (*F. Bobertag*, Geschichte des Romans I, 69—78). Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ повторяется тоже основное содержаніе, которое извѣстно и по пересказамъ саги объ Amis и Amiles.

[3]) Op. cit. 82.

Digitized by Google

schende Anhaltspunkte und Beweise dafür, dass der Kern der Sage viel älter ist als die Zeit Karls des Grossen und bis auf die ältesten Ueberlieferungen der Germanen zurückgeht. Schon Loiseleur wies auf gewisse Anklänge der Amis-Sage an die nordische Sage von Sigurd und seinem Waffengefährten Gunar hin, und Mone hat ihr mit Recht deutschen Ursprung zugeschrieben [1]). Сага о Нибелунгахъ пріурочилась къ историческимъ преданіямъ франковъ, соотвѣтствующая ей сага объ Amis и Amiles локализовалась въ Бургундіи. Wir haben es in der Amis-Sage nicht mit orientalischer Sage, auch nicht etwas mit keltischer Ueberlieferung oder mit Entlehnung aus dem klassischen Alterthume... zu thun, sondern mit einer ursprünglich deutschen Ueberlieferung, und zwar, da sowohl Clermont in der Auvergne als auch Bourges in Berry zum alten Königreich Burgund gehörten, mit einer burgundischen Stammes-Sage, die sich im Laufe der Zeit in durchaus eigentümlicher und erheblich abweichender Gestalt neben der verwandten fränkischen Sage von den Nibelungen entwickelt hat [2]). Изслѣдователь не можетъ, однако, не признать, что въ этой «бургундской сагѣ» сквозятъ захожія идейно-литературныя вліянія. Die burgundische Sage steht von vorn herein unter dem mächtigen Einflüsse der christlichen Religion, ihre Helden werden zu Märtyrern erhoben. Der Kindermord zeigt deutliche Anlehnung an Isaaks Opfer, und nur verstohlen klingt der alte Aberglaube von der Wunderkraft unschuldigen Blutes ale eine Erinnerung aus der Heidenzeit in die christliche Darstellung hinein [3]).

Присутствіе захожихъ литературныхъ мотивовъ въ сагѣ объ Amis и Amiles давно предположено было Гриммомъ [4]). По его мнѣнію сага принадлежитъ къ числу сказаній, зашедшихъ на западъ изъ греческой, византійской литературы. Знаменитый филологъ обращалъ при этомъ вниманіе на имя Amelius или *Omelius*. Эту послѣднюю форму Гриммъ сближалъ съ греческимъ ὁμηλικός, familiaris famulus.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ догадки Гримма могутъ служить разказы, встрѣчающіеся въ литературахъ, входившихъ въ раіонъ

[1]) Ibid., 34.

[2]) Ibid., 36. Клермонъ—родина Amis'a, a Буржъ—Amiles'a (по chanson de geste.)

[3]) Ibid., 36. Amicus и Amelius пали въ битвѣ, принимая участіе въ войнахъ Карла Великаго съ лонгобардскимъ королемъ Дезидеріемъ. Война начата была по просьбѣ папы Адріана.

[4]) Въ предисловіи къ изданію поэмы Гартмана von Aue: Armer Heinrich.

Digitized by Google

византійскаго культурнаго вліянія,—разсказы, сходные по составу съ преданіями объ Amis и Amiles. Я имѣю при этомъ въ виду старорусскую повѣсть о милостивомъ купцѣ и одну изъ грузинскихъ сказокъ.

Полное заглавіе русской повѣсти такое: «Слово о христолюбивомъ купцѣ, ему же сотворя бѣсъ напасть, милостыни его не терпя, благый же Богъ добродѣтели его ради отъ недуга исцѣли, и дѣтища заколеннаго его ради чюдодѣа въскреси» [1]). Купецъ, о которомъ разсказываетъ «слово», былъ человѣкъ благовѣрный и милостивый: «елико убо Богъ дяше ему, то все убогымъ раздаваше». Однажды, во время торговой поѣздки, онъ остановился въ гостинницѣ. Пришелъ туда нищій и попросилъ милостыни. Купецъ отправилъ весь свой товаръ впередъ, и потому ничего не могъ дать бѣдняку, кромѣ обѣщанія оставить для него подарокъ въ слѣдующій пріѣздъ. «Глагола нищій: како убо приходъ твой вѣдомъ будетъ мнѣ? Купецъ же рече: в ты дни ожидай мене; аще ли тогда не обращеши мене, и показа ему дъску, лежащу ту, и рече къ нищему: что ми Богъ повелитъ, подъ сею положю дскою, ты же възми, яже обрящеши, и моли о мнѣ Бога» Купецъ не могъ прибыть въ назначенное имъ время. Нищій, не зная объ этомъ, пришелъ къ гостинницѣ, поднялъ указанную доску и нашелъ подъ ней «сокровище злата». Накупивъ себѣ всякаго добра, бывшій бѣднякъ «поятъ себѣ жену отъ велможъ и начатъ жити славно». Спустя нѣкоторое время «пріиде онъ благовѣрный купецъ и, бывъ на мѣстѣ, въспомяну нищаго, и веемъ злато въ руку, въсхотѣ положити под ону дску, якоже обѣщася нищему, и порази его духъ лукавый, и паде нань язва зла от ногу и до главы, якоже на блаженнаго Іова; и раздаа все имѣніе врачемъ, и нача самъ, яко единъ отъ нищихъ ходя, просити милостини, и пріиде в домъ сего богатаго, бывшаго прежде нищаго». Богачъ пріютилъ у себя больнаго, приглашалъ врачей, но ни одинъ изъ нихъ не могъ

[1]) Памятники старинной русской литературы, вып. I, стр. 117—118: легенда объ умерщвленномъ младенцѣ (по списку XVI вѣка). Легенда помѣщалась въ прологѣ подъ 28-мъ октября; встрѣчается она и въ поучительныхъ сборникахъ инаго состава. Въ «Златой Матицѣ» (рукоп. Погод. древнехран., № 1024, л. 318 об.) Слово о купцѣ помѣщено, какъ чтеніе, пріуроченное къ понедѣльнику первой недѣли по Богоявленіи. *Г. Драгомановъ* въ статьѣ «Славянскитѣ сказания за пожертвуване собственно дѣте» (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. I) сопоставляетъ (стр. 81—83) легенду съ тѣмъ кругомъ сказаній, представителемъ котораго можетъ служить стихъ о женѣ-милосердой. Сходство сопоставляемыхъ сказаній очень отдаленное, почему и самое сопоставленіе теряетъ въ нѣкоторой мѣрѣ историко-литературный интересъ.

Digitized by Google

исцѣлить страшнаго недуга. «Послѣди же всѣхъ инъ врачь пріиде, глаголя: ничимъ же възможете страсти тоа исцѣлити, но аще кто зарѣжеть младенць первенець и тою кровію помажеть отъ главы и до ногу, и будеть здравъ болный. И положи си богатый на сердци, бяше бо у него младенць первенець, помысли заклати младенца сдравіа ради недужна. Печаше бо ся велми о того спасеніи за многую любовь. Искаше времени, да без матере младенца заколеть; обрѣте же часъ, егда жена его в баню иде мытися, видѣ своего младенца на ложи спяща покровенна, и с тщаніемъ притече закла и, и источи кровь в лохань, и паки вложи мертваго младенца и покры и, и поимъ болящаго на мѣсто скровно, и сволкъ его, и постави на мѣстѣ нага, и веемъ кровь младенца, помаза его по всему тѣлу от главы и до ногу, и абіе здравъ бысть болный, якоже исперва». Когда мать вернулась изъ бани, она подошла къ кроваткѣ ребенка, и «егда откры лице младенца, и нача по обычаю дѣтя верещати. Слышавъ же отецъ притече к дѣтищю ужасенъ и видѣ своего дѣтища жива, егоже бѣ заклалъ исцѣленія ради болнаго, и прослави Бога, таковая створша чюдеса, яко болнаго исцѣли, мертваго въскреси. Се же бысть обою вѣры ради и милостыня ради и любви».

Грузинская сказка сходнаго содержанія помѣщена въ сборникѣ Орбеліани. Привожу текстъ этой сказки по переводу проф. Цагарели: «У подошвы Бонлисской горы, гдѣ проходила дорога, построили одинъ хорошій постоялый дворъ; тамъ же жилъ содержатель этого двора. Онъ былъ такой человѣкъ, что всякаго путешественника принималъ, давалъ даромъ ночлегъ, ѣсть, пить, для лошади ячмень, солому; не бралъ платы за это и отправлялъ на слѣдующій день. Прибылъ одинъ большой караванъ и остановился тамъ. Онъ хорошо угостилъ ихъ ночью. Въ ту ночь пошелъ такой снѣгъ, что прервалъ сообщеніе въ горахъ, караванъ не могъ ни переправиться черезъ гору, ни воротиться назадъ. Караванъ остался въ томъ постояломъ дворѣ. Содержатель его ничего не позволялъ издерживать, и людей и верблюдовъ содержалъ онъ на собственный счетъ. Богатый купецъ (владѣлецъ каравана) и содержатель постоялаго двора сошлись близко. Купецъ спросилъ его: «есть у тебя сынъ?» Содержатель двора отвѣтилъ ему: не имѣю». У него былъ сынъ; но оказалось, онъ его не показывалъ потому, что онъ былъ прокаженный, думая: «моему гостю будетъ непріятно видѣть его, и мои увеселенія не понравятся ему больше». Онъ сына не выпустилъ на дворъ до тѣхъ поръ пока купецъ не уѣхалъ. Настала весна, открылоль сообщеніе въ горахъ. Этотъ богатый купецъ уѣхалъ признательнымъ и старался отпла-

тить ему за это. Послѣ того содержатель постоялаго двора выпустилъ сына. Этотъ разсердился на отца и сказалъ ему: «такъ какъ ты меня ненавидишь, то уйду отсюда». Онъ погнался за караваномъ и догналъ его. Богачъ купецъ спросилъ его: «кто ты такой?» Этотъ сказалъ ему: «я сынъ содержателя постоялаго двора; онъ тебѣ сказалъ, что не имѣетъ сына, думая, что ты пожелаешь видѣть меня, и, такъ какъ я уродъ, то, быть можетъ, ничего бы не понравилось тебѣ. Теперь я разсердился на него и ушелъ, или найду гдѣ нибудь исцѣленіе, или пропаду». Купецъ далъ ему клятву, говоря: «если можно будетъ помочь чѣмъ нибудь, то помогу». Онъ его взялъ съ собой и отправился. Прибылъ домой; приказалъ привести врача. Тотъ не нашелъ никакого средства вылечить его. Одинъ врачъ сказалъ ему: «Если отецъ добровольно отдастъ единственнаго двухлѣтняго сына красиваго и добраго, заклавъ, обагрить его кровью, этимъ онъ вылечится». Купецъ опечалился. Кто бы согласился дать ему сына? Оказалось, что у этого купца былъ такой сынъ, больше никакого не было. Онъ сказалъ такъ: «если не отдамъ на закланіе сына моего, то чѣмъ я могу отплатить за услуги, оказанныя мнѣ его отцомъ?» Жену онъ обманомъ отправилъ въ гости къ другимъ, остался дома онъ одинъ, закололъ своего сына и обагрялъ его кровью прокаженнаго. Тотчасъ же отпала съ него кожа, какъ древесная кора, и онъ выздоровѣлъ. Мертваго ребенка купецъ положилъ въ люльку и прикрылъ простыней. Въ гостяхъ жена купца почувствовала жжогу въ сосцахъ и животѣ; прибѣжала и сказала мужу: «у меня сосцы болятъ, не случилось ли чего съ ребенкомъ?» Мужъ сказалъ ей: «что же могло случиться? Онъ себѣ спитъ хорошо». Подошла мать и дала грудь ребенку. Этотъ взялъ ее въ ротъ и сталъ сосать! Она его вынула изъ люльки здороваго такъ, что ребенокъ сталъ смѣяться и ласкаться къ ней. На шеѣ у ребенка было что-то такое, какъ золотой ободокъ. Она позвала мужа, говоря: «что это такое?» Мужъ, увидѣвъ ребенка живымъ, палъ ницъ, воздалъ благодареніе Богу и разсказалъ женѣ все случившееся» [1]).

Въ сказкѣ перемѣщены нѣкоторыя подробности: заболѣвшимъ представляется не странствующій купецъ, какъ въ русскомъ разсказѣ, а сынъ содержателя гостинницы; купецъ жертвуетъ своимъ ребенкомъ для спасенія больнаго. При этихъ незначительныхъ раз-

---

[1]) **Книга мудрости и лжи (Грузинскія басни и сказки XVII—XVIII стол.). Саввы Сулхана Орбеліани, пер.** ***Ал. Цагарели*****, С.-Пб., 1878, стр. 136—138.**

Digitized by Google

ницахъ главное, основное содержаніе грузинской сказки вполнѣ совпадаетъ съ нашей повѣстью о христолюбивомъ купцѣ. Есть и западная легенда, близкая по содержанію къ русско-грузинскому сказанію. Легенда разсказываетъ о молодомъ человѣкѣ, отправившемся на богомолье въ Компостеллу [1]). Дорогою онъ познакомился и подружился съ другимъ пилигримомъ, направлявшимся также на поклоненіе мощамъ св. Іакова. Путешественники уговорились идти вмѣстѣ. Во время пути одинъ изъ нихъ умеръ (var. убитъ) [2]). Спутникъ устроилъ носилки и принесъ мертваго въ Компостеллу. Совершилось чудо: по молитвѣ св. Іакова мертвый воскресъ. Пилигримы пустились въ обратный путь и вскорѣ разстались: каждый вернулся на свою родину. Прошло нѣсколько лѣтъ. Странникъ, носившій мертвеца, заболѣлъ проказой и нашелъ себѣ пріютъ въ домѣ воскресшаго. Таинственный голосъ (var. совѣтъ пустынника или врача) указываетъ больному средство исцѣленія—дѣтскую кровь. Бывшій товарищъ по путешествію, узнавъ объ этомъ, убиваетъ свое дитя (var. двухъ дѣтей) и кровью мажетъ больнаго. Прокаженный выздоровѣлъ. Дѣти ожили.

Въ легендѣ, какъ и въ русско-грузинской повѣсти, исцѣленіе кровью связывается съ разсказомъ о путешествіи, о дорожной встрѣчѣ. Особенности легенды объясняются пріуроченіемъ ея къ кругу сказаній о чудесахъ св. Іакова [3]).

---

[1]) Извѣстно нѣсколько пересказовъ легенды на французскомъ, нѣмецкомъ и италіанскомъ языкахъ. Французскій варіантъ носитъ заглавіе: Le dit des trois pommes. Заглавіе объясняется вступительной подробностью, не повторяющеюся въ другихъ пересказахъ: отецъ юнаго пилигрима даетъ ему передъ отправленіемъ въ путь три яблока; если встрѣтятся странники, идущіе также въ Компостеллу, юноша яблоками можетъ испытать ихъ: кто возьметъ яблоко и не подѣлится—человѣкъ, которому довѣрять нельзя; кто возьметъ и подѣлится, съ тѣмъ стоитъ познакомиться и вмѣстѣ продолжать путь. Подобная же подробность встрѣчается въ упомянутой выше поэмѣ Конрада Вюрцбургскаго: Engelhard. Обзоръ пересказовъ легенды см. въ статьѣ *R. Köhler'a:* Die Legende von den beiden treuen Jacobsbrüdern (*Germania*, X, 1865, S. 447—455), *L. Gautier* причисляетъ Le dit de trois pommes къ ряду пересказовъ саги объ Amis и Amiles. По его опредѣленію, Le Dit—«Complainte populaire où la fiction est étrangement défigurée» (Les épopées françaises, I, 471). Такое опредѣленіе требуетъ, конечно, доказательствъ.

[2]) Замѣчательно, что въ старѣйшемъ пересказѣ легенды (Le Dit) убійство странника связано съ посѣщеніемъ гостинницы. Юноша, слѣдуя совѣту отца, останавливается въ его гостинницѣ. Ne prens pas,—говоритъ отецъ,—autre hostel au chemin que le mien. На что именно намекаетъ это выраженіе, легенда не объясняетъ.

[3]) Такихъ сказаній извѣстно не мало (см. Acta Sanctorum Julii, tom VI, p. 47—68).

Digitized by Google

Общая основа всѣхъ приведенныхъ выше разсказовъ—широко распространенное повѣрье о врачебныхъ свойствахъ человѣческой, преимущественно дѣтской крови [1]). Считалось особенно полезнымъ употребленіе крови именно при проказѣ. По свидѣтельству Плинія. Aegypti peculiare hoc malum et cum in reges incidisset, populis funebre: quippe in balineis solia temperabantur humano sanguine ad medicinam eam (H. N. 26. 5).По еврейскому преданію, египетскій фараонъ, пораженный проказой, лѣчился ваннами изъ дѣтской крови. для чего отбирали дѣтей у евреевъ. Господь, внимая плачу Израиля, исцѣлилъ фараона. Сходное по основѣ преданіе пріурочивалось къ имени Константина Великаго. Когда онъ заболѣлъ проказой, жрецы посовѣтовали ему выкупаться въ крови дѣтей. Человѣколюбивый Константинъ отвергъ это предложеніе; Господь исцѣлилъ его водою крещенія. О папѣ Иннокентіѣ VIII разсказывали, будто бы какой-то врачъ совѣтывалъ ему лечиться дѣтской кровью. Ипотребленіе крови, какъ врачебнаго средства, приписывалось также Людовику XI. Подобные разсказы ходили во Франціи даже въ XVIII вѣкѣ: былъ слухъ, что Людовикъ XV для возстановленія силъ бралъ ванны изъ дѣтской крови. Мнѣніе о цѣлебномъ свойствѣ крови повторялось, какъ преданіе старины, и въ ученой литературѣ. Ab antiquo receptum est,—писалъ Бэконъ,—balneum ex sanguine infantium sanare lepram et carnes jam corruptos restituere, adeo ut hoc ipsum fuerit regibus quibusdam invidiae apud plebem [2]).

---

[1]) Съ дѣтской кровью соединялось представленіе о чистотѣ, невинночти. Вѣрили, что сила этой непорочной жизни можетъ обновить и исцѣлить пораженное нечистотой и разрушающееся тѣло. Поэтому же, кромѣ дѣтской крови, повѣрье указывало также на кровь дѣвственницъ, какъ на сильное лѣчебное средство. На этой именно разновидности повѣрья основанъ разсказъ Гертмана von Aue о „бѣдномъ Генрихѣ“ (Armer Heinrich). Швабскій рыцарь Генрихъ заболѣлъ проказой. Врачъ изъ Салерно, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ, что недугъ можетъ быть исцѣленъ только кровью молодой дѣвушки (der maget herzen bluot), Дочь одного изъ „вольныхъ земледѣльцевъ“ (ein frier bûman) жившихъ на землѣ рыцаря, согласилась пожертвовать собой для пользы ближняго. Врачъ готовъ уже открыть ей кровь, но Господь оцѣнилъ ея милосердіе и простилъ рыцаря, очиститвъ его отъ проказы. Въ Исторіи Св. Граля (Histoire du S. Greaal) разсказывается о женщинѣ, заболѣвшей проказой: для ея исцѣленія нужна кровь дѣвушки, qui fust vierge en voulenté et en oeuvre.

[2]) Я привелъ лишь нѣсколько указаній. Обильный матеріалъ извѣстій и преданій, касающихся леченія кровью, можно найдти въ сочиненіяхъ: Die Symbolik des Blutes und „Der arme Heinrich“ von Hartmann von Aue (Berlin. 1882) v. *P. Cassel* (гл. IX, стр. 158—186: von der Heilung des Aussatzes durch Blut); Hartmanns Armer Heinrich mit Anmerkungen und Abhandlungen von *W. Wacker*.

Digitized by Google

Проникая въ область литературнаго творчества, преданіе о дѣтоубійствѣ, кромѣ знакомыхъ уже намъ сочетаній, сплетались и съ иными эпическими подробностями. Примѣромъ такого сплетенія можетъ служить народная сказка, въ которой картина дѣтоубійства соединяетсе съ разсказомъ о женитьбѣ сказочнаго героя на чудной красавицѣ. Въ русскомъ варіантѣ герой сказки [1])—Иванъ-царевичъ, добывающій себѣ невѣсту, живущую за тридесять земель въ тридесятомъ государствѣ. Ивану помогаетъ Булатъ-молодецъ. Завладѣвъ красавицей, Иванъ и Булатъ возвращаются домой. Настала ночь. Василиса Кирбитьевна и царевичъ уснули. Булатъ стережетъ ихъ. «Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ.» Дѣвицы предсказываютъ бѣду: «какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у псаря и разорветъ царевича на мелкія части, а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной». Въ слѣдующую ночь слышится предсказаніе о конѣ, который вырвется у конюха и убьетъ царевича, а въ третью ночь—о коровѣ, которая подниметъ царевича на рога. Когда царевичъ вернулся домой, онъ приказалъ привести свою любимую собачку, потомъ—коня, наконецъ—корову. Булатъ убиваетъ животныхъ. Разгнѣванный царевичъ приговариваетъ его къ казни. Булатъ объясняетъ свои дѣйствія. «Разсказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что ему говорили, и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про другую ночь—окаменѣлъ по поясъ... Разсказалъ про третью ночь, и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ и каждый день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ и слышитъ,—изъ камня голосъ раздается: «что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!»—Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ.—«Если хочешь,

nagel, herausg. v. *W. Toischer* (Basel, 1885), стр. 162—199 (Aussatz und dessen Heilung innerhalb der Geschichte), 199—206 (Sagenhafte Ausbildung und Anwendung des geschichtlichen Stoffes, der mit dem Aussatz und dessen üblicher und vermeintlicher Heilung durch unschuldiges Blut gegeben war), Ср. еще Der Blutaberglaube in der Menschheit von *H. L. Strack*, 4 Aufl. (1892). SS. 20—24. Сочиненіе—полемическое, направленное противъ извѣстнаго обвиненія евреевъ въ обрядовомъ употребленіи крови.

[1]) *Аѳанасьевъ*, Сказки, кн. 1, № 93, вар. с. стр, 463—472. Ср. Народныя сказки, собр. сельскими учителями изд. *Эрленвейна*, № XII, стр. 50—72; Труды энтогр. статист. экспедиціи въ Юго-Западный край, т. II, № 80, стр. 308—322.

Digitized by Google

можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей—сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови и той кровью помажь камень». Иванъ-царевичъ разсказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ, потужили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ, зарѣзали, нацѣдили крови и только помазали камень, какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены: «что вамъ жалко своихъ дѣтокъ»?—Жалко, Булатъ-молодецъ!»—Ну, пойдемте въ ихъ комнатку». Пришли, смотрятъ, а дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ».

Въ нѣмецкомъ пересказѣ [1]) рѣчь идетъ о королѣ, который по портрету влюбился въ красавицу, живущую въ златоверхомъ теремѣ (die Königstochter vom goldenem Dache). Влюбленный и его вѣрный слуга, der treue Johannes, снаряжаютъ корабль и отправляются подъ видомъ купцовъ въ ту страну, гдѣ жила красавица. Королевна завлечена на корабль и увезена. Во время обратнаго пути Іоаннъ подслушиваетъ разговоръ трехъ вороновъ, которые предсказываютъ королю бѣду. По пріѣздѣ домой вѣрный дядька дѣйствуетъ также рѣшительно, какъ и нашъ Булатъ, и подобно Булату же превращается въ камень. Изъ камня послышался голосъ: король долженъ убить своихъ дѣтей, кровь ихъ вернетъ къ жизни вѣрнаго слугу. Der König erschrack, als er hörte, dass er seine liebsten Kinder selbst tödten sollte, doch dachte er an die grosse Treue und dass der getreue Johannes für ihn gestorben war, zog sein Schwert und hieb mit eigenen Hand den Kindern den Kopf ab. Uud als er mit ihrem Blute den Stein bestrichen hatte, so kehrte das Leben zurück, und der getreue Johannes stand wieder frisch und gesund vor ihm. Er sprach zum König: «deine Treue soll nicht unbelohnt bleiben», und nahm die Häupter der Kinder, setzte sie auf, und bestrich die Wunde mit ihrem Blut, davon wurden sie im Augeblick wieder heil, sprangen herum und spielten fort, als wär ihnen nichts geschehen.

Измѣняя подробности, сказка удерживаетъ, однако, эпическую схему, повторяющуся и въ сагѣ объ Amis и Amiles и въ цѣломъ рядѣ сходныхъ съ нею повѣстей: король, герой сказки, овладѣваетъ красавицей при помощи преданнаго человѣка; за эту услугу королю приходится расплачиваться кровью своихъ дѣтей; дѣти возвращаются къ жизни. Замѣчательно, что въ одномъ изъ нѣмецкихъ варіантовъ сказки преданный дядька замѣняется вѣрнымъ другомъ. Es ist offen-

---

[1]) *Grimm*, Märchen, № 6: Der treue Johannes (стр. 23—30).

Digitized by Google

bar die Sage von den treuen Freunden, dem Amicus und Amelius, замѣчаетъ по поводу этой сказки Гриммъ [1]).

III.

Въ повѣсти объ Александрѣ и Людовикѣ разсказъ о мудромъ мальчикѣ, предсказавшемъ свое величіе, соединяется съ преданіемъ объ исцѣленіи проказы человѣческой кровью. Въ области народныхъ сказокъ этотъ разсказъ объ юномъ мудрецѣ встрѣчается въ иныхъ и при томъ неодинаковыхъ сочетаніяхъ. Поэтому составъ сказки представляетъ въ варіантахъ значительное разнообразіе.

а) Мордовская сказка [2]). Герой сказки — мальчикъ, отданный отцомъ въ ученье какому-то мудрому старцу. Срокъ ученья — три года. Мальчикъ успѣлъ въ это время научиться всѣмъ человѣческимъ языкамъ, потомъ языку животныхъ, наконецъ — языку птицъ. По истеченіи срочныхъ лѣтъ отецъ пришелъ за сыномъ, но встрѣтилъ при этомъ неожиданное затрудненіе. Оказалось, что мальчикъ можетъ вернуться домой только въ томъ случаѣ, если отецъ узнаетъ его въ образѣ сокола, голубя и т. п. При помощи сына отецъ выдерживаетъ испытаніе, узнаетъ свое чадо милое во всѣхъ превращеніяхъ. Желая съ своей стороны испытать сына, отецъ потребовалъ разъ, чтобы мальчикъ объяснилъ ему, что говоритъ воронъ. Юный мудрецъ сначала отказывается, но послѣ настойчивыхъ требованій объясняетъ, что воронъ говоритъ, будто настанетъ пора, когда отецъ будетъ пить воду съ ногъ сына. Старикъ разсердился и прогналъ сына. Юноша поступаетъ на службу къ нѣкоему царю; успѣваетъ оказать ему важную услугу и получаетъ за это руку царевны [3]). Обѣднѣвшій отецъ царскаго зятя приходитъ къ нему за милостыней, но не узнаетъ въ немъ своего сына. Старикъ принятъ былъ радушно. Ночью онъ захотѣлъ пить и взялся за чашку, въ которой, какъ оказалось, сынъ его мылъ ноги. Царскій зять замѣтилъ

---

[1]) Ibid., III B. (Anmerkungen), S. 18.

[2]) *Ahlquist*, Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik (Пб. 1861), SS. 97—107.

[3]) Услуга такая: царь отправился на войну; понадобились ему какія-то бумаги, оставленныя дома; юноша вызвался доставить ихъ въ необыкновенно короткое время. На обратномъ пути онъ, почувствовавъ утомленіе, прилегъ и уснулъ. Нѣкій коварный генералъ воспользовался этимъ, чтобы выдать себя за исполнителя царскаго порученія: онъ убилъ юношу и захватилъ бумаги. Обманъ, однако, былъ обличенъ, а вѣщій юноша возвращенъ къ жизни.

Digitized by Google

движеніе старика, удержалъ его отъ питья и открылся ему. Отецъ остался жить у возвеличившагося сына. Перебралась къ нему и мать.

б) Мазурская сказка [1]). Богатый купецъ отдалъ своего единственнаго сына въ ученье человѣку, который зналъ языкъ птицъ. Спустя опредѣленное время, юноша вернулся домой. Однажды отецъ и мать услышали, что сынъ ихъ разговариваетъ съ жаворонкомъ. По требованію родителей, юноша открываетъ, что говорила ему птичка: «Будешь богатъ; мать будетъ мыть тебѣ ноги, а отецъ выпьетъ воду съ твоихъ ногъ». Разгнѣванный отецъ продаетъ сына заѣзжему купцу. Во время пути обнаруживается мудрость юноши (вѣщіе сны) [2]). Прибывъ на чужбину, онъ очищаетъ церковь, которой овладѣли черти, исцѣляетъ королевскихъ дѣтей и отражаетъ нападеніе враговъ. Въ награду за это получаетъ руку исцѣленной принцессы и царство. Сказка оканчивается исполненіемъ предсказанія объ отцѣ и матери юнаго царя.

в) Валашская сказка [3]). «У одного строгаго отца былъ сынъ Петръ, которому *приснилось*, что онъ сдѣлается знатнѣе всѣхъ своихъ родичей и будетъ современемъ царемъ. Мальчикъ не могъ скрыть своей радости. «Отчего ты такъ веселъ?» пристаетъ къ нему отецъ, и Петръ, чтобы избѣжать разспросовъ, покидаетъ родительскій домъ. Утомленный долгимъ странствованіемъ, онъ сѣлъ подъ кустомъ и заплакалъ; вдругъ поднялась по дорогѣ пыль, и подъѣхала колесница, запряженная бѣлыми, какъ молоко, лошадьми, въ которой сидѣлъ царь; на немъ была бѣлоснѣжная одежда и на головѣ корона. Разспросивши мальчика, о чемъ онъ плачетъ, царь взялъ его съ собою: «я, сказалъ онъ, Бѣлый царь и могу тебя сдѣлать знатнымъ человѣкомъ». Случилось однажды,—за царскимъ столомъ зашелъ разговоръ о сновидѣніяхъ; царь потребовалъ при этомъ, чтобы Петръ разсказалъ свой сонъ, но тотъ, опасаясь возбудить противъ себя подозрѣніе, отказался. Царь, разгнѣванный такимъ упорствомъ, приказалъ заточить его въ развалинахъ замка и уморить голодомъ. Къ счастью, его полюбила царевна; она тайно являлась по ночамъ къ заключеннику, приносила ему и питье и пищу. Впослѣдствіи, когда настала въ немъ нужда, Петръ былъ освобож-

---

[1]) *Toeppen*, Aberglauben aus Masuren, SS. 150—154 (Die Prophezeiung der Lerche).

[2]) Эти вѣщіе сны напоминаютъ подобную же подробность русской сказки «Птичій языкъ» (юноша предсказываетъ бурю и встрѣчу съ пиратами).

[3]) *Schott*, Walachische Märchen, № 9. Содержаніе сказки передано по сокращенному пересказу Аѳанасьева (Сказки, кн. IV, стр. 314—315).

Digitized by Google

денъ; онъ помогъ Бѣлому царю разрѣшить три загадки, заданныя ему враждебнымъ королемъ (краснымъ); побѣдилъ этого послѣдняго, занялъ его престолъ и женился на прекрасной царевнѣ, дочери Бѣлаго царя».

г) Телеутская сказка [1]). Объ этой сказкѣ также, какъ и объ упоминаемой ниже сказкѣ бретонской, я имѣлъ уже случай говорить въ предыдущей статьѣ [2]). Поэтому передаю здѣсь содержаніе этихъ варіантовъ съ возможной краткостью. Мальчикъ, отданный въ ученье. Возвращеніе его домой. Разговоръ птицъ. Мальчикъ предсказываетъ свое величіе и униженіе родителей. Удаленіе его изъ родительскаго дома. Прибытіе въ страну, гдѣ умеръ князь. Выборы новаго князя: избранъ захожій юноша по знаменію загорѣвшейся свѣчи. Предсказаніе о родителяхъ исполняется.

д) Бретонская сказка [3]). Мальчикъ, предсказывающій свое величіе. Удаленіе его изъ родительскаго дома. Избраніе въ папы по знаменію. Встрѣча съ родителями.

Общая основа всѣхъ указанныхъ пересказовъ вполнѣ ясна. Особенности отдѣльныхъ пересказовъ объясняются смѣшеніемъ основной притчи съ другими скаками и преданіями.

Бретонская и телеутская сказки соединяютъ притчу о мудромъ мальчикѣ съ преданіемъ объ избраніи властителя (царя, папы) по знаменію самовозгорающейся свѣчи [4]). Мазурская сказка говоритъ объ очищеніи зданія, занятаго чертями, объ исцѣленіи царевны; эти подробности повторяются въ той группѣ сказокъ, къ которой принадлежитъ наша сказка о солдатѣ и чортѣ, нѣмецкая Bruder Lustig и др. [5]). Мордовскій пересказъ сплетаетъ съ притчей изображеніе одного изъ такихъ трудныхъ порученій, о какихъ говорится во многихъ сказкахъ [6]). Валашская сказка замѣняетъ предсказаніе птицъ вѣщимъ сномъ, напоминающимъ подобныя же сновидѣнія прекраснаго Іосифа.

---

[1]) *Radloff*, Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, I, 208.

[2]) Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ Владимірскихъ, гл. III, стр. 60—62.

[3]) *Mélusine*, 1878, 300—308, 374—383.

[4]) Ср. статью, указанную выше (Повѣсти о Вавилонѣ).

[5]) *Аѳанасьевъ*, Русскія нар. сказки, №№ 90, 91 (кн. I, стр. 421—427, 427—431); *Grimm*, Märchen, № 81.

[6]) Ср. *Аѳанасьевъ*, Сказки, кн. IV, стр. 271, 295.

Digitized by Google

IV.

Русскія сказки разсматриваемаго круга представляютъ нѣсколько разновидностей.

а) Не разъ упомянутая выше сказка «Птичій языкъ» *(Аѳанасьевъ*, № 138) сохраняетъ простоту первоначальной притчи, внося въ нее лишь нѣсколько несущественныхъ добавленій.

б) Сказки, помѣщенныя въ сборникѣ Аѳанасьева подъ № 140 (варіанты д и е), сплетаютъ знакомую намъ притчу съ сказкой о «Хитрой наукѣ». Содержаніе этой послѣдней сказки *безъ комбинаціи съ притчей* [1]) таково. Нѣкто отдалъ своего сына учиться хитрой наукѣ. Подъ этой наукой разумѣется искусство превращеній. Когда отецъ пришелъ въ назначенное время за мальчикомъ, учитель превращаетъ своихъ питомцевъ въ голубей, лошадей и т. п. При помощи условныхъ знаковъ, указанныхъ сыномъ, отецъ узнаетъ его во всѣхъ превращеніяхъ [2]). На пути въ родительскій домъ юноша оборачивается то охотничьей собакой, то красивымъ конемъ. Слѣдуя совѣту сына, отецъ продаетъ его въ этихъ превращеніяхъ за дорогую цѣну; оборотень снова принимаетъ человѣческій видъ и возвращается къ отцу. Учитель-волшебникъ отправляется въ погоню за ловкимъ питомцемъ, но овладѣть имъ не можетъ.

Сходство темы,—изображеніе необычной мудрости,—дало поводъ къ смѣшенію этой сказки съ притчей о птичьемъ языкѣ. Вотъ для образца одинъ изъ отмѣченныхъ выше варіантовъ Аѳанасьева:

«Жилъ-былъ купецъ съ купчихою, и было у нихъ одно дѣтище любимое; отдали они его учиться на разные языки къ одному мудрецу, аль тоже знающему человѣку, чтобъ повсячески зналъ—птица ли запоетъ, лошадь ли заржетъ, овца ли заблеетъ; ну, словомъ, чтобъ все зналъ! Поучился онъ одинъ годокъ, а ужъ лучше учителя все зналъ. Какъ кончилось ученье, пріѣзжаетъ за сыномъ отецъ, хочетъ его выкупить. А учитель говоритъ старику: «за ученье триста руб-

---

[1]) Пересказы безъ соединенія съ притчей: *Аѳанасьевъ*, № 140, вар. a, *b*, c; *Худяковъ*, № 19 (Иванъ Дорогокупленный), № 94 (Учитель и ученикъ); *Эрленвейнъ*, № 18 (Про старикова сына); *Рудченко*, № 29 (Охъ); *Чубинскій*, № 102 (Охъ або чортъ), 103 (Про оха-чудотвора), 104 (Охъ); *Добровольскій*, Смоленскій этногр. сборникъ, ч. I, стр. 615 — 619, № 36 (Якъ старуха свайго сына Воху на абученіе отдала). Ср. *Grimm*, Märchen, № 68 и примѣч. (B. III, S, 117—119).

[2]) Ср. указанную выше мордовскую сказку.

Digitized by Google

левъ, да прежде того узнай сына!» и сдѣлалъ онъ изъ тридцати учениковъ своихъ тридцать молодцевъ: молодецъ къ молодцу! А сынъ успѣлъ шепнуть отцу: на моемъ де лицѣ мушка сядетъ, а я ее платкомъ смахну. Такъ и сдѣлалъ; по той примѣтѣ старикъ угадалъ сына. «Ну, не ты мудёръ-хитёръ, — сказалъ ему учитель, — мудёръ-хитёръ твой сынъ! Угадывай сызнова». На другой разъ вывелъ онъ тридцать коней: волосъ къ волосу! Всѣ смирно стоятъ, а одинъ съ ноги нà ногу переступаетъ, и по той примѣтѣ опять угадалъ старикъ своего сына. «Не ты мудёръ-хитёръ, мудёръ-хитёръ твой сынъ! Угадывай въ третій разъ», — сказалъ учитель и выпустилъ тридцать сизокрылыхъ голубей; всѣ стоятъ, не шелохнутся, а одинъ голубокъ крылышкомъ взмахнулъ. И опять-таки узналъ купецъ сына. Нечего дѣлать, надо было отдать ученика.

Идутъ купецъ съ сыномъ дорогою, а ворона летитъ да кричитъ: «сынъ станетъ ноги мыть, а отецъ воду пить!»—Что это, дитятко, ворона-то кричитъ? — Сыну стыдно было сказать: «не знаю, батько!»—Экой дурень! чему-жъ тебя учили? за что я триста рублевъ заплатилъ?—«Не попрекай, батько, деньгами; я тебѣ ихъ съ лишкомъ отдамъ. Дойдемъ до базару, я обернусь конемъ; ты меня продавай, только уздечки не отдавай! Вотъ деньги и воротишь». — Сказано — сдѣлано; взялъ купецъ за сына триста рублевъ. Приходитъ домой, а сынъ уже дома. И во второй разъ сынъ оборотился жеребцомъ; купецъ взялъ за него еще триста рублевъ, а уздечки не отдалъ. Вотъ и въ третій разъ повелъ онъ сына на базаръ. Случись на то время быть тамъ учителю. Присталъ къ купцу: продай, да и продай лошадь!—Изволь, давай триста рублевъ.—«Дамъ, продай съ уздечкою». Купецъ призадумался. «Продай—надбавлю!» Соблазнился старикъ и продалъ. Учитель сѣлъ на коня, да и былъ таковъ! Взмылилъ онъ коня, вспѣнилъ ему бока; а самъ бьетъ да приговариваетъ: «я-жъ тебя перехитрю, я-жъ тебя перемудрю!» До костей пронялъ, и проѣхалъ на немъ безъ отдыху тридцать верстъ къ сестрѣ своей въ гости; привязалъ коня крѣпко-накрѣпко за кольцо къ столбу, а самъ вошелъ въ горницу. Скоро вышла сестра его и увидала на дворѣ ретиваго коня всего въ пѣнѣ; сжалилась надъ нимъ, разнуздала и дала пшена бѣлояраго и сыты медвяной. Вздумалъ учитель ѣхать домой, вышелъ, глядь — поглядь, а коня какъ не бывало; взъѣлся онъ на сестру: «ты мнѣ больше не сестра, я тебѣ не братъ!» А самъ пустился догонять: плохо пришлось купеческому сыну! На дорогѣ попалась рѣка; онъ скорѣе обернулся карасемъ да въ воду, учитель за нимъ щукою. Купеческій сынъ вы-

скочилъ изъ воды и сдѣлался перстнемъ: лежитъ на проруби, такъ и сіяетъ! Шла дѣвка-чернавка, увидала перстень, поскорѣй надѣла его на руку — и домой бѣжать. Марфида-царевна запримѣтила у дѣвки-чернавки тотъ перстень, выпросила себѣ, а на промѣнъ дала цѣлыхъ три кольца. Живетъ купеческій сынъ у царевны: днемъ перстнемъ на рукѣ, а ночью добрымъ молодцемъ на постели.

А учитель все знаетъ, все вѣдаетъ; взялъ себѣ гусли звончатыя, идетъ по улицѣ, разыгрываетъ. Марфида-царевна и говоритъ царю: «нельзя ли, батюшко, позвать его къ намъ?» Царь велѣлъ позвать. Вотъ одинъ разъ былъ, на гусляхъ игралъ, царевну съ царемъ потѣшалъ, и въ другой и въ третій былъ. Спрашиваетъ его царь: «чѣмъ тебя наградить, чѣмъ за игру заплатить?» — Да ничего, ваше царское величество, мнѣ не нужно, окромя перстенька, что блеститъ на ручкѣ у твоей царевны. Пришлось Марфидѣ-царевнѣ разлучаться съ перстенькомъ. А купеческій сынъ еще прежде научилъ ее: «какъ будешь отдавать перстень, урони словно ненарокомъ; я разсыплюсь мелкимъ жемчугомъ—наступи ногой на одну жемчужину». Она такъ и сдѣлала: перстень упалъ и разсыпался мелкимъ жемчугомъ; учитель обратился въ пѣтуха и давай клевать жемчугъ, а купеческой сынъ въ ту минуту выскользнулъ изъ-подъ ножки царевниной, обернулся соколомъ и свернулъ пѣтуху голову. Ну, дальше что и разсказывать: извѣстное дѣло—купуческой сынъ женился на Марфидѣ-царевнѣ и сдѣлался послѣ царемъ.

А отецъ и мать его обѣдняли и стали ходить по дворамъ, побираться. Разъ на праздникахъ пришли они вмѣстѣ съ другими убогими и нищими на царской дворъ. Царь велѣлъ ихъ накормить, напоить да и спать положить; таковъ былъ милостивъ! Вотъ дали имъ комнатку и уложили спать. Ночью старикъ проснулся, захотѣлось ему испить, посмотрѣлъ кругомъ—видитъ: стоитъ свѣтлой тазъ съ водою, давай изъ него пить. А въ томъ тазу царь на ночь ноги полоскалъ: стало быть, правду ворона сказала. Поутру царь началъ убогихъ разспрашивать: откуда, кто и какъ родомъ? и призналъ своихъ родителей. Съ того времени стали они вмѣстѣ жить-поживать, не горевать» [1]).

b) Сказки въ сборникахъ *Аѳанасьева* № 133 (Вѣщій сонъ), *Чудинскаго*, № 14 (Вѣщій сонъ), *Худякова* III, № 120 (Двѣнадцать Микитъ) соединяютъ изображеніе вѣщаго сна съ повѣстью о хитрой невѣстѣ. Полное сходство съ этими сказками представляетъ пѣсня,

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, II, стр. 480—483.

помѣщенная въ сборникѣ *Рыбникова* (т. III, № 57, стр. 305—319): «Похожденія Ивана. Нерасказанный сонъ».

Въ сказкахъ о хитрой невѣстѣ разсказывается о томъ, какъ царь или царевичъ, прослышавшій о нѣкоей красавицѣ, ѣдетъ къ ней свататься. Дѣвица соглашается выйдти замужъ подъ условіемъ, если женихъ рѣшитъ нѣсколько замысловатыхъ загадокъ и исполнитъ нѣсколько трудныхъ порученій [1]). Царь рѣшаетъ загадки и исполняетъ порученія при помощи одного изъ своихъ слугъ. Въ пересказахъ, отмѣченныхъ выше, этотъ мудрый помощникъ жениха изображается вѣщимъ сновидцемъ; повторяются при этомъ знакомыя надъ подробности: мальчикъ, отвергнутый отцомъ; его возвышеніе; родители находятъ пріютъ у простившаго ихъ сына.

«Было у отца три сына. Вотъ онъ и поставилъ новый домъ и говоритъ: Надо намъ переходить въ домъ; вамъ надо по ночи ночевать. — Большой сынъ ночевалъ въ домѣ; что привидѣлось, пришелъ, отцу разсказалъ. Другой сынъ ночевалъ; что привидѣлось, пришелъ, разсказалъ отцу. На третью ночь пошелъ меньшой. Ночевалъ, приходитъ къ отцу, не сказываетъ свой сонъ. Отецъ, мать не стали его любить за это» *(Худяковъ*, III, стр. 159). Въ пересказѣ, помѣщенномъ у *Чудинскаго*, переданы и самые сны. Старшіе братья видятъ во снѣ, что на дворѣ у нихъ много всякаго скота; младшему снится, что кто-то подошелъ къ нему и говоритъ: «Гриша! будешь ты царемъ, только отцу не говорить и даже никому» [2]).

За отказъ разсказать свой сонъ младшій сынъ посаженъ на три года въ погребъ, но и послѣ этого испытанія онъ не соглашается передать своихъ грёзъ. «Узналъ про это ихній помѣщикъ и взялъ его къ себѣ: мнѣ, говоритъ, скажетъ» *(Чудинскій)*. Въ пересказѣ *Худякова:* «Приходитъ къ нимъ проѣзжій мужикъ.—Что, говоритъ, вѣрно у васъ сынъ не родной? Продайте мнѣ его. Родной-то онъ родной, да не нуженъ онъ намъ, возьмите его». Въ сказкѣ *Аѳанасьева* — два сына. Младшій за нежеланіе разсказать сонъ привязанъ къ столбу на большой дорогѣ, освобожденъ проѣзжавшимъ мимо царевичемъ. Въ былинѣ:

---

[1]) О сказкахъ, развивающихъ тему трудныхъ порученій, см. замѣчанія *Аѳанасьева* (Сказки, т. IV, стр. 271). Ср. *Веселовскій*. Замѣтки по литературѣ и народной словесности, стр. 67—68.

[2]) *Чудинскій*, Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки (М., 1864), стр. 70.

Digitized by Google

При томъ царѣ при Өедорѣ Васильичѣ
Жилъ-былъ бояринъ богатый.
У него было три сына, три любимыихъ,
И выстроилъ всѣмъ по дому по великому.
Посылалъ онъ перво сына старшаго
Во во свой домъ новостроенный,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, мое чадо милое!
Что тебѣ во сняхъ привидится,
Тотъ мнѣ сонъ поразскажи“.
Ему во сняхъ ничего не привидѣлось.
По другую ночъ послалъ сына средняго,
И ему ничего не привидѣлось.
По третью ночь послалъ сына младшаго,
Ему чуденъ сонъ привидѣлся:
„Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
А отецъ опосля тую воду пилъ“.
Убоялся удалый добрый молодецъ
И не смѣлъ того сна поразсказать.
Разсердился родитель его батюшка,
Отдалъ его во слуги-рабы
Тому ли большему боярину (ст. 1—22);

Тотъ, кому отданъ былъ юноша, требуетъ, чтобы онъ разсказалъ свой сонъ. Юноша отказывается. Вынужденный послѣ этого оставить своего хозяина сновидецъ поступаетъ на службу къ царю. Повторяется вопросъ о снѣ и отказъ юноши. «Царю стало любопытно узнать то же самое. Онъ говоритъ: «Скажи мнѣ, Гриша, что видѣлъ во снѣ?» Нѣтъ, не скажу.—«Нѣтъ, скажешь».—Нѣтъ, что хотите дѣлайте, не скажу.—Царь думалъ, какъ бы выпытать изъ Гриши тайну, и велѣлъ засадить его въ каменный мѣшокъ, авось скажетъ! Приказалъ царь сдѣлать каменный столбъ, закласть его въ столбъ и сдѣлать только маленькое окошечко, чтобъ подавать ему туда ѣсть. Туда и засадили» (*Чудинскій*). Въ пѣснѣ:

Молодой Иванушко Васильевичъ:
Онъ въ солдатушкахъ служилъ три года
У того царя Өедора Васильича,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
А царь его любилъ-жаловалъ.
И сталъ его царь спрашивать...
„Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій,
Не скажешь мнѣ сну отцовскаго,
Посажу тебя въ тюрьму богадѣльную“.
И говоритъ ему Иванъ Васильевичъ:
„Не сказалъ я сну родитель-батюшку

Digitized by Google

И не сказалъ своему барину,
Не скажу тебѣ, царское величество!"
Разсердился царь Өедоръ Васильевичъ,
Посадилъ его въ тюрьму богадѣльную (ст. 38—43, 47—55).

Спустя нѣкоторое время царь отправился на чужую сторону. «Сбирается потомъ царь ѣхать въ чужія земли жениться и оставляетъ дома одну сестру. Царевна однажды пошла гулять, идетъ мимо этого столба, въ которомъ засоженъ Гриша. Гриша и кричитъ: ваше высочество! прикажите выпустить меня отсюда, а то вашъ братецъ безъ меня тамъ голову положитъ. Царевна приказала выпустить его. Гриша приходитъ во дворецъ и говоритъ царевнѣ: ваше высочество, чтобы спасти вашего брата, надо мнѣ человѣкъ 200, чтобъ были со мной голосъ въ голосъ, ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ. Для Гриши все было исполнено. Сѣлъ потомъ онъ съ этими молодцами на корабль поѣхалъ» (*Чудинскій*). Въ сказкѣ *Худякова* Микита подбираетъ себѣ «одинадцать Микитъ въ одинъ голосъ, въ одинъ волосъ». То же число повторяется въ сказкѣ *Аѳанасьева*. Пѣсня не упоминаетъ о спутникахъ вѣщаго юноши. Сестра царя Өедора Васильевича, проводивъ брата,

Домой пошла и заплакала,
Зашла она къ затюремщичкамъ,
Подавала имъ по милостины.
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:
„Ай же ты, Анна Васильевна!
Уѣхалъ твой братецъ за сине море,
Не будетъ онъ взадъ во живности".
Тутъ она порасплакалась.
Стала у него выспрашивать:
— Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
Почему ты можешь знать,
Можешь знать и высказывать?
Тогда онъ порасхвастался:
„Когда сдѣлаешь со мной заповѣдь великую,
Пойдешь за меня замужъ
И назовешься моей молодой женой,—
Тогда избавлю отъ смерти отъ напрасныя
Твоего братца любимаго".
Тутъ молода Анна Васильевна
Бѣжала къ отцу ко духовоому.
Писали они тутъ духовную
И давали ему золотой казны,
Столько давали, сколько надобно
Отправляли его за сине море.

(Ст. 62—85).

Digitized by Google

Дорогой герой пѣсни встрѣчается съ разбойниками, которые ссорились изъ-за шапки-невидимки.

Говоритъ удалый добрый молодецъ:
„Я раздѣлю эту шапочку:
Натяну я свой тугій лукъ,
Наложу я стрѣлочку каленую.
Стрѣлю въ одну сторону,
Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой
Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
Тому она достается“.
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону.
Тутъ они сорокъ разбойничковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ шапочку-невидимочку,
Садился во свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.

(Ст. 103—119).

Подобнымъ же образомъ достаетъ онъ затѣмъ «скатереточку-хлѣбосолочку» и «коверъ самолетный». Въ сказкѣ *Аѳанасьева* вмѣсто сорока разбойниковъ выступаютъ три старика; молодецъ достаетъ отъ нихъ шапку-невидимку, коверъ-самолетъ и сапоги-скороходы. Въ пересказѣ *Чудинскаго* два чорта спорятъ о коврѣ самолетѣ и шапкѣ-невидимкѣ. «Гриша и говоритъ: вотъ я брошу цѣлковый, кто скорѣй его найдетъ и принесетъ ко мнѣ, тотъ что хочетъ, то и бери. Черти согласились. Гриша закинулъ цѣлковый далеко. Черти побѣгли, а онъ надѣлъ шапку-невидимку и взялъ подъ мышку коверъ-самолетъ, пришолъ на корабль и говоритъ молодцамъ своимъ: плывите домой теперь, а я пойду пѣшій. Они поплыли домой». Въ сказкѣ *Худякова* изображеніе спора опущено.

Царевна, руки которой ищетъ заѣзжій царевичъ, предлагаетъ ему три задачи. «Пріѣхали вы жениться на мнѣ, такъ сдѣлайте мнѣ штуку такую, которая будетъ у меня, чтобъ была парная къ ней, а если не сдѣлаете, такъ на мнѣ и не женитесь». Гриша въ шапкѣ-невидимкѣ пробирается къ царевнѣ и узнаетъ, что нуженъ башмакъ бархатный, украшенный драгоцѣнными камнями. «Башмачникъ началъ шить башмакъ, сшилъ, а Гриша этотъ башмакъ унесъ, да и пошелъ вонъ изъ дворца. Башмачникъ хватился: гдѣ башмакъ? Нѣту. И давай другой такой же шить». Второе порученіе: принести золотаго селезня подъ пару къ серебряной уткѣ. Гриша исполняетъ

Digitized by Google

и это требованіе. Третья задача: нужны серебряные волосы. Царевна достаетъ эти волосы изъ бороды своего дѣдушки. Гриша въ шапкѣ-невидимкѣ отправляется къ тому же дѣдушкѣ: «заранѣе приготовилъ дубовый крюкъ, замоталъ полбороды, да какъ дернетъ, такъ полбороды и вытащилъ» (*Чудинскій*). Подобныя же задачи перечисляются въ пересказахъ Аѳанасьева и Худякова [1]). Въ былинѣ трудныя порученія даетъ отецъ невѣсты, грозный царь Василій Левидовъ. Порученія слѣдующія: сшить башмаки сафьянные, какіе онъ вздумаетъ; сшить шубу черныхъ соболей, а паволока, какую онъ вздумаетъ; принести три волосика золоченыхъ съ жемчужинами. Иванъ Васильевичъ исполняетъ за Ѳедора эти замысловатыя порученія.

Послѣ того, какъ задачи рѣшены, неподатливой невѣстѣ приходится волей-неволей исполнить свое слово. Заѣзжій царь женится. «Во дворцѣ ни пиво варить, ни вино курить, а вздумали, значитъ, да тотъ же часъ и за свадебку,—обвѣнчались» (*Чудинскій*). Пересказъ *Аѳанасьева* дополняетъ разсказъ о свадьбѣ изображеніемъ неудачной попытки царевны узнать того, кто исполнилъ ея задачи. «Разсердилась Елена Прекрасная, побѣжала въ свою опочивальню и стала смотрѣть въ волшебную книгу: самъ ли царевичь угадываетъ, или кто ему помогаетъ? И видитъ по книгѣ, что не онъ хитёръ, а хитёръ его слуга, купеческой сынъ». У царевича было двѣнадцать слугъ. Елена пыталась уличить того, кто рѣшилъ ея задачи, но это ей не удалось. Пересказъ *Худякова* замѣняетъ узнаваніе хитраго слуги картиной борьбы молодыхъ супруговъ. «Стали ложиться спать. Она и задумала его задушить; онъ и закричалъ: Микита, Микита!—Является Микита и выручаетъ царя изъ бѣды [2]).

Въ пѣснѣ нѣтъ упоминанія ни о борьбѣ, ни объ узнаваніи хитраго слуга.

Послѣ рѣшенія задачъ грозный царь

Повыдалъ замужъ свою дочушку
За того за Ѳедора Васильевича,
Далъ онъ вслѣдъ сорокъ кораблей.

(Ст. 385—387).

[1]) Въ сказкѣ *Худякова* исполненію трудныхъ порученій предшествуетъ узнаваніе невѣсты. У царя двѣнадцать дочерей: «какъ одна, такъ и другая узнать невозможно». Царь предлагаетъ жениху указать свою невѣсту. Помогаетъ Никита.

[2]) Изображеніе подобной борьбы находимъ и въ другихъ сказкахъ. См., напримѣръ, въ сборникѣ *Аѳанасьева* № 116 (Безногой и слѣпой богатыри).

Digitized by Google

Разсказывается о двухъ свадебныхъ пирахъ. Первый пиръ заводилъ царь Василій Левидовъ.

Какъ тутъ Иванушка Васильевичъ
Одѣлъ онъ шапочку-невидимочку,
Пошелъ въ палаты государевы;
Какъ были тамъ столы накрытые,
Обралъ онъ ѣства сахарныя,
Обралъ онъ питьица медвяныя,
И вышли всѣ голодны добры молодцы,
Что нечего было ни ѣсть ни пить.
(Ст. 403—410).

Второй пиръ—на кораблѣ у Ѳедора Васильевича:

Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Налагалъ свою скатереточку-хлѣбосолочку,
Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
Не могли они питьицевъ повыпити.
(Ст. 420—423).

Послѣ свадьбы Иванъ-царевичъ призываетъ своего вѣрнаго Гришу и говоритъ: «Чѣмъ мнѣ тебя благодарить за твою услугу?» А чѣмъ пожалуете, Иванъ-царевичъ!—«Я вотъ тебѣ дамъ письмо, говоритъ Иванъ-царевичъ, отвези его моей сестрѣ». Гриша простился съ Иваномъ-царевичемъ, сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ. Пріѣзжаетъ въ свое царство, приноситъ царевнѣ письмо. Она прочитала. Написано: «Сестрица милая! Позволяю тебѣ принять его къ себѣ во дворецъ на мѣсто меня и выйдти за него замужъ». Ну, и обвѣнчалясь. Сдѣлался Гриша царемъ, да и теперь благополучно поживаетъ». Такъ оканчивается сказка *Чудинскаго*. Пересказъ *Худякова* присоединяетъ упоминаніе объ отцѣ вѣщаго молодца: «Прибылъ къ нему его отецъ въ гости. Стали ему слуги ноги мыть, сыну-то; оставили помои. Отцу ночью захотѣлось пить; онъ взялъ изъ таза-то этихъ помой-то и напился. Поутру встаютъ. Микита говоритъ: «вотъ сонъ-то, говоритъ я видѣлъ: что мнѣ будутъ ноги мыть, а тебѣ придется помои пить». По пересказу *Аѳанасьева* вѣрный слуга, вернувшись на родину, снова сѣлъ въ тюрьму. Возвратившійся царевичъ освободилъ его.

Сходно въ былинѣ:

А этотъ Иванушко Васильевичъ
Садился на коверъ самолетный
И полетѣлъ впередъ червленыхъ кораблей,
Прилеталъ во землю во Русскую
И садился въ тюрьму богадѣльную. (Ст. 440—444).

Digitized by Google

Когда пріѣхалъ домой Өедоръ Васильевичъ, онъ приказалъ

Повыпустить Иванушка Васильева,
Отдавалъ за него Анну Васильевну,
Отдѣлилъ ему полцарства-полменства.
Тутъ то Иванушко Васильевичъ
Посылалъ звать своего родимаго батюшка
И заводилъ про него пированье, почестенъ пиръ.
Накормили его ѣствами сахарными,
Положили спать въ покои царскіе. (Ст. 465—473).

Передъ сномъ Иванъ Васильевичъ вымылъ ноги въ теплой водѣ и поставилъ тазъ подъ кроват.

Какъ спалъ его родитель-батюшка,
Похотѣлося ему пить похмельному,
И взялъ онъ тазъ сподъ кроватушки
И выпилъ тую теплу водушку. (Ст. 479—482).

Узнавъ объ этомъ, сынъ вспомнилъ о своемъ снѣ и разсказалъ его отцу.

Разсердился ты на меня, батюшка,
Потому что я тебѣ сна не разсказалъ,
А я видѣлъ тотъ сонъ во твоемъ новомъ дому:
Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
А ты, батюшка, опосля тую воду пилъ,
И не смѣлъ того сна поразсказать.
А я тебѣ прощаю теперь твою вину.
Тутъ они съ батюшкой помирилися,
Другъ другу въ ноги поклонилися,
И благословилъ его отецъ царствовать. (Ст. 491—500).

Сложное содержаніе пѣсни о приключеніяхъ Ивана и сходныхъ съ нею сказокъ очевидно. Выше уже было указано на сліяніе въ нашей пѣснѣ двухъ сказочныхъ темъ. Одна изъ этихъ темъ,—сватовство, соединенное съ исполненіемъ трудныхъ задачахъ,—развивается въ сказкѣ о хитрой невѣстѣ. Вторая тема знакома намъ по одной изъ притчъ Книги о семи мудрецахъ [1]), при чемъ пѣсня и сходныя съ нею сказки замѣняютъ предсказаніе птицъ вѣщимъ сно-

[1]) Припомнимъ подобное же соединеніе притчи о мудромъ мальчикѣ съ разсказомъ объ его женитьбѣ на царской дочери въ приведенныхъ выше мордовской, мазурской и валашской сказкахъ.

Digitized by Google

видѣньемъ [1]). Такая же замѣна встрѣтилась уже намъ выше, въ валашскомъ пересказѣ.

Сверхъ этихъ темъ, нужно отмѣтить еще одну эпическую подробность, примѣшавшуюся въ нашихъ пересказахъ къ повѣсти о мудромъ сновидцѣ. Подробность эта,—изображеніе спора о чудесныхъ вещахъ (шапка-невидимка, коверъ-самолетъ и т. п.),—повторяется въ цѣломъ рядѣ сказокъ. Для примѣра можно указать нѣмецкую сказку въ сборникѣ бр. Гриммъ: Der König vom goldenem Berg (№ 92). Бѣднякъ отдаетъ сына «черному человѣчку» (ein kleines schwarzes Männchen). Юноша освобождаетъ царевну, находившуюся въ плѣну у чудовища, и женится на ней. Спустя нѣкоторое время, герой сказки отправился посѣтить родину. На прощанье жена дала ему волшебное кольцо (Wünschring), но взяла слово, что онъ не воспользуется таинственной силой этого кольца,—не будетъ вызывать ее во время путешествія. Мужъ нарушилъ обѣщаніе. Жена явилась, но во время сна мужа поспѣшила удалиться. Герой сказки пускается въ обратный путь. Встрѣтились ему три великана, споривші о томъ, какъ подѣлить мечъ-самосѣкъ, плащъ-невидимку и сапоги-скороходы. Путешественникъ обѣщается разобрать ихъ дѣло, если они позволятъ ему убѣдиться въ чудесныхъ свойствахъ спорныхъ предметовъ. Согласіе дано. Овладѣвъ диковинками, нашъ герой поспѣшилъ разстаться съ великанами. Въ сапогахъ-скороходахъ онъ мигомъ перенесся домой, въ плащѣ-невидимкѣ тайкомъ пробрался во дворецъ, а мечомъ-самосѣкомъ расправился съ собравщимися врагами. Есть сказки такого же содержанія италіанская, мадьярская, норвежская [2]). Въ русской сказкѣ: «Въ награду за подвигъ царь выдаетъ за батрака свою дочь, но царевна не любитъ мужа. Прогнанный женою онъ идетъ по лѣсу и встрѣчаетъ трехъ спорщиковъ:

---

[1]) Есть, впрочемъ, пересказы, въ которыхъ удерживается вступленіе основной притчи. „По другимъ, имѣвшимся въ моихъ рукахъ спискамъ,—замѣчаетъ Аѳанасьевъ,—особенности встрѣчаются только въ началѣ разсказа; такъ въ одномъ спискѣ, вмѣсто вѣщаго сновидѣнія, *будущая судьба предсказывается птицами*. Ѣхали старикъ съ сыномъ въ телѣгѣ; вдругъ налетѣлъ ястребъ и сталъ долбить старику голову—едва отъ него отдѣлался. „Я знаю, что вѣщуетъ ястребъ“,—сказалъ сынъ.—А что?—спросилъ старикъ,—„Онъ вѣщуетъ, что придетъ время—будетъ матушка мнѣ на руки воды подавать, а ты, батюшка, будешь съ полотенцемъ стоять“... (Сказки, IV, стр. 313).

[2]) Варіанты сказки указаны *Р. Кёлеромъ* въ *Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, VII (1866), S. 135—148 (Volksmärchen aus Venetien von *G. Widter* und *A. Wolf* mit Nachweisen und Vergleichungen von *R. Köhler*, примѣчаніе къ сказкѣ: Der arme Fischerknabe).

Digitized by Google

шумять и ссорятся они за три диковинки—за коверъ-самолетъ, сапоги-скороходы и скатерть-самобранку. Батракъ вызывается разсудить дѣло: «полѣзайте-ка,—говоритъ онъ сборщикамъ,—на высокой дубъ; кто прежде влѣзетъ, тому и диковинки!» Тѣ полѣзли на дерево, а онъ взялъ сапоги да скатерть, сѣлъ на коверъ-самолетъ и былъ таковъ» [1]). Извѣстна эта сказочная тема и на востокѣ [2]).

Былина о похожденіяхъ Ивана—сказка въ пѣсенной передачѣ, сказка въ стихахъ. Пѣсня желаетъ, однако, придать сказкѣ нѣкоторую былевую окраску, связывая бродячую повѣсть съ именемъ царя Ивана Васильевича.

Замѣчательно, что это же историческое имя внесено въ другую былину такого же сказочнаго состава: «О царствѣ подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Өедорѣ Ивановичѣ». Припомнимъ въ короткихъ словахъ содержаніе пѣсни. «При царѣ было Васильѣ Михайловичѣ, жило при царѣ два мастера». Одинъ изъ этихъ мастеровъ сдѣлалъ для царя «орла самолетнаго». Сынъ царскій Иванъ Васильевичъ садится на орла и переносится въ царство Подсолнечное. Узнаетъ онъ, что у царя подсолнечнаго есть дочь Марья Лиховидьевна и влетаетъ на орлѣ въ ея теремъ. Молодые люди приглянулись другъ другу. «Со тыя поры, съ того времячка молодой Иванушка Васильевичъ по часту леталъ во царство Подсолнечно». Родился у Марьи сынъ. Иванъ Васильевичъ отдалъ его на воспитаніе «бабушкѣ задворенкѣ». Когда Өедору Ивановичу исполнилось 16 лѣтъ, онъ отправился къ отцу.

Пріѣзжаетъ онъ къ Ивану Васильевичу,
И услышалъ онъ о своемъ батюшкѣ,
Что отецъ его еще сватаетъ
У того великаго боярина
Молоду Анну Дмитріевичну.

Өедоръ знакомится съ этой Анной. Слухъ объ ихъ свиданіяхъ доходитъ до царя. Онъ приказываетъ казнить захожаго молодца. Передъ казнью открылось, что молодецъ — царскій сынъ. Өедоръ прощенъ и женится на Аннѣ.

---

[1]) *Аөанасьевъ*, Сказки, IV, стр. 249.

[2]) *Liebrecht*, Zur Volkskunde, S. 117—118; *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 35, примѣчаніе. Ср. *Grimm*, Märchen, III, S. 167—168.

Digitized by Google

А самъ-то Иванъ Васильевичъ
Взялъ Марью Лебедь Бѣлую
У того у царя у Подсолнечнаго [1]).

Сказочный характеръ этой пѣсни несомнѣненъ. Что же могло дать поводъ къ такому смѣшенію пѣсни и складки, историческихъ воспоминаній и сказочныхъ небылицъ? Очевидно, сказка могла втянуть въ себя историческія имена, могла переработаться въ пѣсню былеваго характера только въ томъ случаѣ, если между этой сказкой и опредѣленными былевыми воспоминаніями открывалось нѣчто общее, подмѣчались какія нибудь сходныя черты.

Пѣсня-сказка, о которой идетъ рѣчь, касается эпохи сравнительно поздней, исторически извѣстной. Поэтому опредѣленіе былевыхъ реминисценцій, проникшихъ въ сказку, не требуетъ ни разысканій, ни догадокъ. При сравненіи сказки съ былью оказывается, что сходство ограничивается здѣсь лишь нѣкоторой близостью основной темы.

Есть былевая пѣсня объ Иванѣ IV и его сынѣ Ѳедорѣ. Пѣсня идетъ отъ опредѣленнаго историческаго факта—убійства Грознымъ царемъ сына его Ивана, имя котораго замѣняется въ пѣснѣ именемъ другаго царевича. Поэтическое отраженіе смягчаетъ ужасныя подробности темнаго дѣла. Иванъ приказываетъ казнить сына, но царевичъ спасенъ отъ смерти Никитой Романовичемъ.

Въ пѣснѣ «О царствѣ Подсолнечномъ» также разсказывается о томъ, какъ «Грозный царь Иванъ Васильевичъ» приказалъ казнить провинившагося удалаго молодца, который оказался его сыномъ:

А тотъ царь Иванъ Васильевичъ
Приказалъ схватить удала добра молодца
И вывестъ на ступеночку высокую,
Отрубить ему буйна голова.

Открылось, что приговоренный къ казни—царевичъ.

Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ увидѣлъ сына любимаго,
Бралъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарныя.
(*Рыбниковъ*, III, 327—328).

---

[1]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. III, стр. 319—328. Подробный историко-литературный разборъ пѣсни см. въ статьѣ *А. Н. Веселовскаго*: Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о Подсолнечномъ царствѣ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1878, апрѣль).

Digitized by Google

Въ исторической былинѣ:

Скричалъ онъ, царь, зычнымъ голосомъ:
„А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
Возьмите царевича за бѣлы ручки,
Ведите царевича со царскаго двора
За тѣ за ворота Москворѣцкія,
. . . .
Ко той ко плахѣ бѣлодубовой.

Царевичъ спасенъ Никитой. Царь узнаетъ объ этомъ.

Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
А грозный царь Иванъ Васильевичъ
Цѣловалъ его въ уста сахарныя.
(*Кирша Даниловъ*, 328—329, 335).

Пѣсня о «Подсолнечномъ царствѣ» представляетъ примѣръ эпическаго замѣщенія. Бродячая сказка переработалась въ мнимо-историческую пѣсню, замѣщающую фантастическими подробностями реальныя воспоминанія былины. Основа замѣщенія—нѣкоторое сходство эпической темы.

Подобнымъ же замѣщеніемъ объясняется и внесеніе имени царя Ивана Васильевича въ сказку о вѣщемъ снѣ. Иванъ Васильевичъ— *первый царь* московскій. Вокругъ этой былевой темы, находившей себѣ выраженіе и въ историческихъ пѣсняхъ, сплотился рядъ сказокъ и преданій, разнообразно отвѣчающихъ на одинъ и тотъ же вопросъ: какъ московскій князь сталъ царемъ? Народные пересказы повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, пріурочивая къ Ивану IV захожую сказку о добываніи драгоцѣнностей, принадлежавшихъ Навуходоносору. Преданіе о выборѣ царя въ Москвѣ разсказываетъ о знаменіи самозагорающейся свѣчи; по такому именно знаменію избранъ де былъ въ цари Иванъ, прозванный Грознымъ [1]). Пѣсня о неразсказанномъ снѣ замѣняетъ избраніе по знаменію иными подробностями: Иванъ Васильевичъ помогаетъ царю Ѳедору овладѣть хитрой красавицей и за это получаетъ въ награду руку царевны и царскій титулъ [2]).

[1]) Труды 3-го Археологическаго Съѣзда, I, 337—388 (*Аристовъ*, Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ: I. Воцареніе Грознаго).

[2]) Быть можетъ, частая смѣна властителей послѣ смерти Ѳедора Ивановича можетъ объяснить, почему къ преданіямъ о Московскомъ царствѣ присоединились разсказы, построенные на мысли объ удачѣ, о быстромъ подъемѣ на высоту власти. Припомнимъ судьбу Бориса Годунова. Разсказывали, будто бы занятіе престола было ему предсказано: „истинно тебѣ возвѣщаемъ, — говорили

Digitized by Google

Пѣсни о Подсолнечномъ царствѣ и о неразсказанномъ снѣ даютъ замѣчательные образцы проникновенія захожихъ сказокъ въ область нашего историческаго эпоса. Но сложенныя, быть можетъ въ довольно позднее время эти сказочныя пѣсни не успѣли вытѣснить изъ народной памяти поэтическихъ былей. Поэтому историческая пѣсня о царѣ Иванѣ и его сынѣ и сказка въ стихахъ подобнаго же содержанія сохраняются рядомъ, не смѣшиваясь одна съ другой. Но при этомъ невольно является вопросъ: всегда ли были и небылицы, пѣсни историческія и проникавшія въ ихъ среду сказки могли уживаться такъ мирно, сохраняя свою раздѣльность и особность? Чѣмъ древнѣе историческія пѣсни, чѣмъ раньше могли проникнуть въ ихъ среду сказочныя повѣсти, тѣмъ труднѣе, конечно, могла удержаться раздѣльность пѣсни и сказки, тѣмъ легче, напротивъ, позднѣйшая повѣсть могла не только стать рядомъ, но и замѣнить, вытѣснить старую пѣсню.

Борису волхвы,—что получиши желаніе свое: будеши на царствіи московскомъ" (*Карамзинъ*. И. Г. Р., X, примѣч. 221). Осуществленію предсказанія содѣйствовало свойство Бориса съ царемъ Ѳедоромъ. Годуновъ сталъ выше другихъ бояръ, какъ царскій шуринъ. Пѣсня разсказываетъ также о занятіи престола по предсказанію и по свойству съ царемъ; имя царя—Ѳедоръ.

Digitized by Google

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ и ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ.

I.

Былина о Васильѣ Буслаевичѣ извѣстна по пересказамъ пѣсеннымъ и сказочнымъ. Всѣ эти пересказы могутъ быть раздѣлены на три группы. Первую и вторую группу составляютъ тѣ пересказы, которые передаютъ одну изъ двухъ частей былины: а) дѣтство Василья и его бой съ новгородцами, б) путешествіе Василья во Святую Землю. Пересказы третьей группы—сводные, излагающіе свѣдѣнія и о молодости Василья и объ его поѣздкѣ въ Іерусалимъ [1]).

---

[1]) Пересказы первой группы (Дѣтство Василья и бой его съ новгородцами): а) Древнія россійскія стихотворенія, собранныя *Киршею Даниловымъ*, № IX, стр. 72—84 (по изд. 1818 г.); б) Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ*, ч. I, № 55, стр. 335—344 (пѣсня записана въ Колодозерѣ Пудожскаго уѣзда отъ девяностолѣтняго старика), № 56, стр. 344—351 (записана въ Шальской волости Пудожскаго уѣзда), № 57, стр. 352—357 (запис. въ Купецкой волости Пудожскаго уѣзда, отъ Никифора Прохорова); ч. II, № 32, стр. 197—201 (запис. въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда отъ Терентія Іевлева); ч. III, № 39, стр. 233—239 (запис. въ Кижской волости); в) Онежскія былины, запис. *А. Ѳ. Гильфердингомъ*, № 30, ст. 152—154 (запис. на Масельгѣ Повѣнецкаго уѣзда, отъ Настасьи Аѳ. Поповой), № 103, ст. 593—596 (отъ Т. Іевлева, ср. *Рыбниковъ*, II, 32), № 286, ст. 1243—1246 (запис. въ деревнѣ Тамницкой Лахтѣ, на Кенозерѣ, Пудожскаго уѣзда, отъ Ѳедора Гр. Шуманова); г) Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*, выпускъ V, № 1, стр. 3—8 (запис. въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи), № 2, стр. 8—14 (запис. въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ 1844 г.), № 3, стр. 14—23 (перепечатка пѣсни № IX изъ сборника Кирши Данилова); д) Русскія былины старой и новой записи, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. Миллера*, отдѣлъ второй, № 64, стр. 236—237 (запис. отъ Московскаго мѣщанина И. А. Лапшина, постоянно жившаго въ Москвѣ); приложенія, № VI, стр. 289—292 (запис. Гильфердингомъ отъ крестьянина Ив. Як. Гусева, изъ дер. Конецъ Новоладожскаго уѣзда; напеч. первоначально въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. IV, стр. 455—458); е) Русскія сказки *Чулкова*, ч. IV (перепеч. въ сборникѣ Кирѣевскаго, выпускъ V, прилож., стр. III—XIII); ж) Русскія народныя сказки *Сахарова*, стр. 38—64, 270 («изъ сборника Бѣльскаго», перепеч. въ собраніи Кирѣевскаго, выпускъ V, прилож., стр. XIII—XXV).

Digitized by Google

И въ сводныхъ, и въ раздѣльныхъ пересказахъ; и въ пѣсняхъ, и въ сказкахъ существенное содержаніе былины передается одинаково. Разница касается лишь подробностей, передаваемыхъ съ не-

---

Вторая группа пересказовъ (путешествіе Василья въ Іерусалимъ): а) Др. росс. стихотворенія *Кирши Данилова*, № XVIII, стр. 166—179; б) Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, I, № 60, стр. 361—363 (запис. въ Шальской волости Пудожскаго уѣзда, отъ того же сказателя, который пѣлъ о боѣ Василья съ новгородцами: I, № 56); III, № 40, стр. 239—241 (запис. въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда, отъ того же сказателя, какъ и III, № 39); в) Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, вып. V, № 4, стр. 23—33 (перепечатка изъ сборника Кирши).

Сводные пересказы: а) *Рыбниковъ*, ч. I, № 58—59 (запис. въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда, отъ *Тр. Гр. Рябинина*; пѣсня разбита на два №№, потому что сказатель помнилъ лишь отрывки изъ перваго и втораго отдѣла былины); II, № 33, стр. 201—202 (запис. отъ калики изъ деревни Красныя Ляги, Каргопольскаго уѣзда); б) *Гильфердингъ*, № 44, ст. 215—220 (запис. отъ *Тимоѳея Антонова* изъ деревни Типеницы Петрозаводскаго уѣзда), № 54, ст. 289—295 (отъ *Ник. Прохорова;* Рыбниковъ, I, 57, записалъ отъ этого сказателя лишь первый отдѣлъ былины), № 141, ст. 722—727 (запис. въ Сѣнногубской волости Петрозаводскаго уѣзда, отъ *Домны Вас. Суриковой*), № 259, ст. 1184—1187 (запис. отъ *Ив. Мих. Кропачева*, иначе *Лядкова* въ дер. Мамоновѣ на Кенозерѣ), № 284, ст. 1240—1242 (запис. отъ *Марьи Вас. Лоскутовой* изъ дер. Горки на Кенозерѣ); в) *Тихонравовъ и Миллеръ*, отд. II, № 61, стр. 221—231 (запись сказателемъ И. А. Касьяновымъ, крестьяниномъ Олонец. губ.), № 62, стр. 231—233 (запис. въ дер. Трихнова Горка, Пудожск. уѣзда, отъ кр. П. О. Еремѣевой), № 63, стр. 234—236 (запис. въ дер. Трихнова Горка отъ кр. Я. С. Еремѣева); г) Сказка о Васильѣ Буслаевичѣ, записанная въ Пермской губерніи, изд. *Аѳанасьевымъ* (Народныя русскія сказки, кн. III, № 176, стр. 135—136) и *Безсоновымъ* (Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, V, прилож., № 1, стр. I—II).

Извѣстна еще лубочная картина, на которой изображенъ «сильный богатырь Буслай Буслаевичъ» (*Ровинскій*, Русскія нар. картинки, кн. I, стр. 40, кн. IV, стр. 134—135); текста при картинѣ нѣтъ. Особо стоятъ пѣсни съ именемъ Василья, помѣщенныя въ сборникахъ *Рыбникова*, ч. II, №№ 14 и 49. *Тихонравова* и *Миллера*, № 60. Я не упомянулъ о пересказѣ новгородской былины, напечатанномъ *Сахаровымъ* будто бы по «рукописи, принадлежавшей тульскому купцу Бѣльскому» (Сказанія русскаго народа, т. 1, ч. IV, стр. 16—22). Текстъ этого пересказа представляетъ *полное* сходство съ пѣснями Кирши №№ IX и XVIII; разница замѣчается только въ написаніи нѣкоторыхъ словъ (вмѣсто: «въ славномъ... Новѣградѣ»—во славномъ Новѣгородѣ: вмѣсто «оставалося чадо милое»—осталося чадо; вмѣсто «и ходя въ городѣ уродуетъ»—и ходитъ въ городѣ уродуетъ и т. п.); двѣ пѣсня Кирши напечатаны Сахаровымъ одна за другой подъ общимъ заглавіемъ («Василій Буслаевъ»), придающимъ тексту видъ своднаго пересказа. Не имѣетъ самостоятельнаго значенія и упомянутая выше сказка Сахарова, составленная по Чулкову и Киршѣ. Пѣсня о Васильѣ гостинномъ сынѣ (*Кир.*, VII, стр. 54; прилож., стр. 13—15) отнесена къ кругу былинъ о Васильѣ Буслаевичѣ по догадкѣ г. Безсонова.

Digitized by Google

одинаковой полнотой и ясностью. Пересказы раздѣльные вообще полнѣе пересказовъ сводныхъ. Составъ былины можно свести къ слѣдующимъ отдѣламъ:

1) Василій, сынъ стараго Буслая, рано лишившись отца, остается на попеченіи матери.

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалося чадо милое
Молодой сынъ, Василій Буслаевичъ:

(*Кирша*, стр. 72).

Эти свѣдѣнія объ отцѣ и матери Василья сходно передаются въ большей части пересказовъ [1]); можно замѣтить лишь нѣкоторое колебаніе въ обозначеніи именъ и въ опредѣленіи возраста родителей Василья. Отецъ его называется: Буславъ, Буславлюшко, Буславьюшко (*Рыбниковъ*, I, №№ 55, 56; III, 39; *Гильфердингъ*, 30, 44, 141, 286; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 61, Пермская сказка), Буславей (*Рыбниковъ*, II, 32), Буслаевъ (*Рыбниковъ*, II, 33), Бусланей (*Рыбниковъ*, II, 14), Буслай, Буслаюшко (*Кирша Даниловъ*, IX, *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 62, сказка Сахарова, лубочная картинка), Богуслай (сказка Чулкова). Изъ всѣхъ этихъ варіантовъ останавливаетъ вниманіе послѣдній. Называя Васильева отца Богуслай [2]), Чулковъ, очевидно, имѣлъ въ виду родство эпическихъ формъ: Буслай, Буславъ, съ именемъ Богуславъ. Догадка Чулкова подтверждается филологами нашего времени: «*Буславъ*, замѣчаетъ А. Ив. Соболевскій,—изъ *Богуславъ*, съ опущеніемъ г=h, откуда отчество

[1]) Въ пересказахъ *Рыбн.* I, 57, 58; *Кирѣевскій*, V, 1, 2; *Гильф.* 54, 259, 284; *Тихонр.* и *Миллеръ*, II, 63, 64, прилож. VI свѣдѣнія объ отцѣ Василья забыты.

[2]) Въ пересказѣ, записанномъ Гильфердингомъ отъ Ив. Гусева, (*Тихонравовъ Миллеръ*, прилож. VI) отчество Василья—*Богуслаевичъ*. Въ такомъ наименованіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ выраженіяхъ этого пересказа, замѣтно, повидимому, вліяніе Чулковской сказки.

Digitized by Google

Буславлевичъ, Буславличъ, искаженное Буславьевичъ, Буславьичъ,— одно изъ древнихъ и общеславянскихъ именъ. Оно было у насъ въ древности, повидимому, въ значительномъ употребленіи. Мы знаемъ въ XIII вѣкѣ новгородскаго боярина Богуслава [1]). 1-я Псковская лѣтопись подъ 1500 годомъ говоритъ о посадникѣ Ѳомѣ Буславичѣ. Деревня Буславля упоминается въ XVII вѣкѣ (*Тихонравовъ*, Владимірскій сборникъ, 186); село *Буслаево* существуетъ теперь въ Костромской губерніи. Фамилія Буслаевъ пользуется у насъ нѣкоторою распространенностью. Имя Богуславъ у чеховъ и поляковъ было нѣкогда въ большомъ употребленіи [2]»). Не отвергая этого объясненія, замѣчу, что возможна и иная догадка. Нельзя ли въ самомъ дѣлѣ предположить имя болѣе близкое къ формамъ: Буславъ, Буслай? Такимъ предполагаемымъ именемъ могло бы быть: Боуксл авъ (какъ Святославъ, Всеславъ, Вячеславъ), откуда черезъ стяженіе безударнаго к съ предшествующею гласной (какъ мово́ вм. моего) образовалась форма Буславъ. Припомнимъ древнее употребленіе слова буй: «буй Рюриче», «буй Романе», «буего Святославича» (въ Словѣ о полку Игоревѣ). Мать Василья называется: Мамелфа Тимоѳеевна (*Рыбниковъ*, I, 56, 58, 60; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, прил. VI), Амелфа (*Кирша*, IX, XVIII; *Рыбниковъ*, III, № 39; *Кирѣевскій*, V, 1, 2; *Гильфердингъ*, 286; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 64; сказки Чулкова и Сахарова), Омельфа (*Гильфердингъ*, 30; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 62, 63), Емельфа (*Рыбниковъ*, II, 33), Пaмельфа (*Гильфердингъ*, 44), Мальфа (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61) Ванильфа, Вамильфа (Пермская сказка), Фетьма (*Гильфердингъ*, 141), Авдотья Васильевна (*Рыбниковъ* I, 55), Офимья Александровна (*Рыбниковъ*, I, 57 = *Гильфердингъ*, 54). Изъ перваго ряда варіантовъ слѣдуетъ остановиться на формѣ Мамелфа. Мамелхва, имя св. мученицы IV вѣка, память которой отмѣчается въ святцахъ подъ 5 октября [3]); извѣстно и небольшое сказаніе объ ея житіи и стра-

---

[1]) На этого Богуслава указывалъ еще раньше г. *Иловайскій* (Исторія Россіи, ч. II, стр. 343). «Подъ 1228—1229 гг. она (новгородская лѣтопись) упоминаетъ о знатномъ новгородцѣ Богуславѣ Гориславичѣ (который могъ быть отцомъ ватамана повольниковъ Василія Богуславича).

[2]) *Соболевскій*, Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ, стр. 103—104 (*Живая Старина*, 1890 г. вып. II). Ср. *его же* Лекціи по исторіи русскаго языка, изд. 2, стр. 96, 113. Тожество именъ Буславъ и Богуславъ предположено было еще г. *Безсоновымъ* (Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, V, стр. LXVI).

[3]) *Сергій* арх., Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II; стр. 265, 320—321.

Digitized by Google

даніяхъ [1]), Въ памятникахъ древней письменности попадаются упоминанія о русскихъ женщинахъ, носившихъ имя Мамелфы [2]). Въ нашемъ эпосѣ это имя пользуется почему-то особеннымъ вниманіемъ: Мамелфой зовется и мать Василья Буслаевича, и мать Добрыни, и мать Збута Королевича, и мать Соловья Будиміровича.

Въ большей части пересказовъ повторяется указаніе на девяностолѣтній возрастъ Буслава. Пересказъ Гильфердинга № 286 опредѣляетъ продолжительность жизни Буслава столѣтіемъ:

И жилъ-то Буславьюшко сто годовъ
И жилъ-то Буславьюшко, не старѣлся [3]),
И теперь-то Буславьюшко преставился. (Ст. 1243).

Нѣкоторые варіанты заходятъ еще дальше, причудливо присоединяя къ 90 годамъ «цѣлу тысячу» (*Рыбниковъ*, III, 39; *Гильфердингъ*, 44, 141). Что касается матери Василья, то вмѣсто выраженія: «матера вдова» (*Кирша*, IX; *Кирѣевскій*, V, 1, 2; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 64), находимъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ противоположное обозначеніе: молодая (*Гильфердингъ*, 141, 286; пермская сказка); остальные пересказы, не указывая возраста Мамелфы, ограничиваются названіемъ: «честна вдова».

Есть одинъ только пересказъ (*Рыбниковъ*, I, 55), который во вступительной части былины о Васильѣ представляетъ очень важное и интересное дополненіе. «Передъ былиной,—говоритъ Рыбниковъ,—старикъ [4]) разсказалъ, что у Буслава долго не было дѣтей.

---

[1]) Великія Минеи-четіи м. *Макарія*, изд. Археогр. Комм., выпускъ 5, ст. 806—807, 808—809.

[2]) Въ житіи св. Зосимы и Савватія записано «Чудо преподобнаго Зосимы о Матѳеи и о женѣ его *Мамельфѣ*» (*Титовъ*, Житіе Зосимы и Савватія.., стр. 67); въ библіотекѣ Чудова монастыря есть рукописный потребникъ съ такой приписью: «*Мамелѳа* Матвѣева дочь, троецкаго попа Ларивонова попадья, продала есми книгу потребникъ мужа своего, поповъ, старцу Боголѣпу» и т. д. (Памятники древней письменности, вып. VI, 1879 г., стр. 157). Устранятся догадка г. *Лавровскаго* (*Дух. Вѣстникъ*, 1864 г., т. IX, стр. 356, примѣч.) о связи эпической Амелфы Тимоѳеевны съ *Амемфіей* или *Мемфіей*, женой Пентефрія, по апокрифнымъ сказаніямъ объ Іосифѣ.

[3]) Это выраженіе «не старѣлся» повторяется въ нѣсколькихъ пересказахъ: *Рыбниковъ*, I, 55; II, 33; III, 39; *Гильфердингъ*, 141.

[4]) Въ «Замѣткѣ собирателя», помѣщенной въ приложеніи къ III тому сборника Рыбникова, сообщаются слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ старикѣ: «въ Колодоверѣ я отыскалъ первостепеннаго сказателя, слишкомъ девяностолѣтняго старика, знавшаго древніе пересказы о Ставрѣ, Чурилѣ, Ильѣ, Дюкѣ, Михайлѣ Потыкѣ, Васильѣ Буслаевѣ; будь я здоровъ, я съ нимъ не разстался бы; а

Digitized by Google

Стоснулся Буславъ, садился на бѣлъ-горючъ камень, повѣсилъ буйную головушку, утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище. Объявилась ему Бабища матерая и говорила таковы слова: «Эхъ ты, Буславъ Сеславьевичъ! не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ, износу дѣтищу не было бы! Ступай-ка къ Авдотьѣ Васильевны, бери за груди за бѣлыя,.... заигрывай. Понесетъ она дѣтище любимое, сильнаго могучаго богатыря» (стр. 335). Не смотря на то, что эта вступительная замѣтка удержалась только въ одномъ пересказѣ, мы не можемъ не признать ее частью древнѣйшаго состава былины. Старикъ, отъ котораго слышалъ Рыбниковъ разсказъ о Буслаѣ и Бабищѣ матерой, очевидно, не присочинялъ, а лишь смутно припоминалъ полузабытую имъ эпическую интродукцію. Память измѣняла пѣвцу, и онъ передалъ содержаніе разсказа въ неясномъ и несомнѣнно измѣненномъ видѣ. Настроеніе Буслава изображается съ неопредѣленностью нѣсколько забавной: «утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище». Слова старухи: «не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ», неясны. Въ передачѣ колодозерскаго старика уцѣлѣли лишь общія очертанія древняго сказанія. Родители Василья долго, до старости, не имѣли дѣтей. Буславъ тоскуетъ; онъ рѣшается даже нарушить какой-то запретъ (не дотерпѣлъ трехъ мѣсяцевъ), лишь бы не умереть безъ потомства. Матерая бабища помогаетъ Василью добиться желаемаго; очевидно, этой женщинѣ придается какое-то особое значеніе, значеніе вѣдуньи, волшебницы. Что былина о Васильѣ изображала его рожденіе, какъ явленіе необычайное, это подтверждается и упоминаніемъ о преклонныхъ лѣтахъ Буслая. Онъ умеръ 90 или 100 лѣтъ, оставивъ сына *молодаго* Василья Буслаевича. Какова была эта молодость, видно изъ дальнѣйшаго содержанія былины: мы узнаемъ, что Василій спустя уже нѣкоторое время послѣ смерти отца достигъ семилѣтняго возраста.

Въ памятникахъ народнаго эпоса можно найти немало разсказовъ о бездѣтныхъ старикахъ, которымъ только въ концѣ жизни приходится испытать чувство родительской любви. Буслай и Амелфа принадлежатъ къ числу такихъ именно стариковъ, но самъ Василій

тутъ пришлось записать 5 былинъ и некого было попросить заступить мое мѣсто, потому что даже старшина былъ не грамотенъ. Мнѣ обѣщались, правда, списать всѣ извѣстные ему пересказы; но обѣщеніе такъ и осталось обѣщаніемъ» (стр. XXXII). Пересказы колодозерскаго старика записаны Рыбниковымъ въ 1860 году.

Digitized by Google

совсѣмъ не напоминаетъ тѣхъ вымоленныхъ, небомъ дарованныхъ дѣтей, разсказы о которыхъ помнитъ каждый, также какъ и «бабища матерая» не похожа на вѣстницу неба. Рожденіе Василья связано съ нарушеніемъ какого-то запрета; въ этомъ рожденіи обнаружилось воздѣйствіе какихъ-то темныхъ силъ и мутныхъ внушеній.

2) Когда Василью исполнилось семь лѣтъ, мать отдала его учиться грамотѣ.

Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ.
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло [1]).
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.

(*Кирша*, 73).

Въ сходныхъ выраженіяхъ описываетъ ученье Василья пересказъ, записанный въ Москвѣ:

Отдала она его грамотѣ учить:
Грамота Василью въ руку пошла.
Обучивши его грамотѣ,
Отдала его пѣтью учить.
Вотъ и не было у насъ такого пѣвца,
Какъ Василія Буслаевича.

(*Тихоноровов* и *Миллеръ*, стр. 236).

Въ Пермской сказкѣ: «Отдала Ванильфа Тимоѳеевна своего сына любимаго старику Угрумищу учить во листы писать; а выучился Василій Буслаевичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать» (*Кирѣевскій*, V, прилож., стр. I).

Въ пересказѣ *Рыбниковъ*, I, 56 новыя подробности:

Будетъ Василій семнадцати лѣтъ,
Обучился Василій наукъ воинскіихъ, [2])
Воинскихъ наукъ и рыцарскихъ. (Стр. 345).

---

[1]) Сахаровъ въ сказкѣ говоритъ иное: «Грамота и пѣнье Васькѣ въ науку *не пошло*» (*Кирѣевскій*, V, прилож., стр. XIII).

[2]) Ср. въ пересказѣ, записанномъ г. Куликовскимъ:

Сталъ Васильюшко конемъ владать,
Конемъ владать, копьемъ шормовать.

(*Миллеръ* и *Тихонравовъ*, стр. 231).

Digitized by Google

Въ остальныхъ пересказахъ упоминанія объ ученьѣ Василья нѣтъ.

3) Непривлекательны были задатки нравственнаго характера Василья: онъ рано сталъ обнаруживать дурной задоръ, жестокость, наклонность къ буйству и насилію.

Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы.
Допьяна ужъ сталъ напиватися,
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То изъ.... ногу выломитъ;
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ.

(*Кирша*, 73).

Проказы Василья сходно изображаются и въ другихъ варіантахъ. Нѣкоторые пересказы присоединяютъ при этомъ указаніе на возрастъ Василья:

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
Сталъ онъ на улици похаживать,
Со робятмы шутки пошучивать:
Кого за ногу, нога-то прочь,
Кого за руку, рука-та прочь.

(*Гильфердингъ*, ст. 153).

Это указаніе на пятнадцать лѣтъ повторяется въ сказкахъ Чулкова и Сахарова (*Кирѣевскій*, V, Прилож. стр. III, XIII — XIV). Въ пересказѣ *Рыбниковъ*, I, 56 порядокъ подробностей измѣненъ: разсказъ о недобрыхъ играхъ Василья предшествуетъ упоминанію объ ученьѣ; соотвѣтственно съ этимъ измѣнено и указаніе лѣтъ.

Будетъ Василій семи годовъ,
Сталъ онъ по городу похаживать,
На княженецкій дворъ онъ загуливать,
Сталъ шутить онъ, пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрыя
Со боярскима дѣтьмы, со княженецкима:
Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь,
Двухъ-трехъ вмѣсто столкнетъ, безъ души лежатъ.

Далѣе:

Будетъ Василій семнадцати лѣтъ,
Обучился Василій наукъ воинскихъ и проч. [1]).

(Стр. 344—345).

[1]) Быть можетъ, такое размѣщеніе подробностей имѣло основаніе въ древ-

Digitized by Google

Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія шуточками Василья, обращаются къ его матери съ жалобами и угрозами:

Стали приходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ честной вдовы Омельфы Тимоѳеевной:
„Ай же ты, матушка честна вдова Омельфа Тимоѳевна!
Ты уйми-тко свое чадо единакое,
Молода Василья Буслаевича,
Не оставить-то людей на симена".
(*Гильфердинъ*, ст. 153; ср. ст. 215—218).

Или:

Стали къ Васильевой матушкѣ похаживать,
Похаживать стали, пожаливаться:
„Ай же ты, честна вдова Амелфа Тимоѳеевна!
Уйми-тко свое чадо милое;
А не уймешь Василья сына Буслаева,
Пихнемъ его въ рѣку Волхову".
(*Рыбниковъ*, III, стр. 233; ср. *Гильфердинъ*, ст. 722).

По пересказу Кирши Данилова, мать Василья, выслушавъ жалобы новгородцевъ, стала его журить:

А и мужики Новогородскіе,
Посадскіе, богатые
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ
На того на Василья на Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить.
(Стр. 74).

Подобное же указаніе на материнское уговариваніе находимъ у *Рыбникова*, I, 56, и *Гильфердинга*, 141 [1]). Иную рѣчь ведетъ Васильева мать въ пересказахъ: *Рыбниковъ*, I, 55, II, 33; она не журитъ сына, а совѣтуетъ ему собрать дружину хоробрую;

ней редакціи былины, которая, кромѣ обученія грамотѣ, могла говорить и о воинскихъ упражненіяхъ Василья. Въ дѣтствѣ онъ учился читать и пѣть, а въ годы юности «обучился наукъ воинскіихъ».

[1]) У *Чулкова*: «Собираются пасадники новгородскіе, думаютъ крѣпку думушку, они приходятъ къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: «Ты гой еси честная жена Амелѳа Тимоѳеевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по-своему: уже нашъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ». Мать уговариваетъ сына (*Кирѣевскій*, V, Прилож., стр. III). Сказка Сахарова и въ этомъ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ, даетъ сводъ Кирши и Чулкова.

Digitized by Google

„Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
Прибирай-ка собѣ дружину хоробрую,
Чтобъ никто ти въ Новѣградѣ не обидѣлъ".
(*Рыбн.* I, стр. 336. Ср. *Тихонр.* и *Милл.*, стр. 222).

Первая версія (журьба матери) представляется болѣе соотвѣтствующей общему содержанію и ходу былины.

Въ пересказахъ *Рыбниковъ*, I, 57, 58, II, 32 (=*Гильфердингъ*, 103); *Кирѣевскій*, V, 1, 2; *Гильфердингъ*, 259. 284; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 63; Прилож. VI разсказъ о проказахъ Василья опущенъ.

4) Жалобы и угрозы новгородцевъ раздражили Василья. Онъ задумываетъ новыя, болѣе опасныя шуточки: собираетъ шайку сорванцевъ и дѣлается ея предводителемъ.

Журьба Васькѣ не взлюбилася,
Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатый стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,—
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное".
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ [1])
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки;
Въ то же время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ,
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ,
Къ тому чану, зелену вину;
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкой дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ, —
Въ половинѣ было налито

[1]) По пересказу *Рыбниковъ*, I, 55, Василій писалъ «скорописчатые ярлыки», привязывалъ ихъ къ стрѣлочкамъ и стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду. (ср. *Гельфердингъ*, № 44). Въ переск. *Рыбниковъ*, II, 33; «Написалъ онъ писемышко... и бросалъ писемышко на Волховъ мостъ». (Ср. *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61). У *Чулкова*: «Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ инъ кличъ кликати».

Digitized by Google

Тяжела свинцу чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ въ двѣнадцать пудъ.
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя не шевельнится
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родимаго".
А и мало времени позамѣшкавши
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ;
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залешена,
И не смѣлъ Василій показаться къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братьевъ Сбродовичи.
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго [1]),
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ
Какой зайдетъ, убьютъ его.
Убьютъ его, за ворота бросятъ [2]).
(*Кирша*, стр. 74—76).

По пересказу *Гильфердинга* № 141, Василій завелъ у себя «почестенъ пиръ» и выставилъ бочку и чару съ надписью:

„Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
Кто истерпи мой черленой вязъ".
Какъ идутъ мужики новгородскіе,
Скажутъ: къ чорту Василія и съ честнымъ пиромъ.
(Ст. 723).

По другимъ пересказамъ новгородцы напротивъ являются на зовъ Василья цѣлой толпой:

И собиралися мужики новогородскіе увалами,
Увалами собиралися, перевалами,
И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.

---

[1]) Это число (тридцать безъ единаго) повторяется и въ другихъ пересказахъ: *Рыбниковъ*, I, 56, 58.

[2]) Сходно изображается выборъ дружины въ пересказѣ *Рыбниковъ*, II, 33, упоминаются: Иванище Сильное, Потанюшко Хромненькой, Васинька Маленькой; всего «набралося тридцать удалыхъ, добрыхъ молодцевъ». Тридцать число эпическое. «Тридцать молодцевъ безъ единаго» составляютъ дружину Вольги; тридцать богатырей застаетъ Илья Муромецъ у князя Владиміра; дружина, состоящая изъ тридцати удальцевъ, извѣстна и въ сербскомъ эпосѣ (См. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 198, 313, 338; 166, 364).

Digitized by Google

Пировавшіе у Василья дорого поплатились за его угощенье:

Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ
И зачалъ Василій по двору похаживати,
И зачалъ онъ вязомъ помахивати:
Куды махнетъ, туды улочка,
Перемахнетъ—переулочекъ;
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ, какъ погодою.

(*Рыбниковъ*, I, 55, стр. 336—337; ср. III, 39, стр. 233—234; *Гильфердингъ*, 44, ст. 216; 259, ст. 1184; *Кирѣевскій*, V. I, стр. 2—4; 2, стр. 8—9).

Вслѣдъ за пиромъ (*Рыбниковъ*, I, 55; *Кирѣевскій*, V, 2) или во время самаго пира (*Рыбниковъ*, III, 39; *Гильфердингъ*, 259) Василій подбираетъ себѣ дружину, испытывая приходящихъ добровольцевъ чарой и вязомъ. Немногіе отваживаются на такое испытаніе: Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій (*Рыбниковъ*, I, 55); Ѳома Толстородливой, Костя Бѣлозерянинъ, Ванюша Новгорожанинъ (*Гильфердингъ*, 259); Котельная Пригарина, Потанюшко Хроменькій (*Кирѣевскій*, V, 1—2).

Пересказы *Рыбниковъ*, I, 57 и 58, отдѣляютъ пиръ отъ выбора дружины; въ первомъ варіантѣ собираніе добровольцевъ (упоминаются Потанюшка упалый и Ѳома благоуродливый) предшествуетъ пиру; во второмъ варіантѣ—порядокъ обратный.

Одинъ изъ отмѣченныхъ пересказовъ (*Гильфердингъ*, 259) указываетъ возрастъ Василья, когда онъ собиралъ дружину:

Молодой Василій Буславьевичъ
Да во млады лѣта былъ—восемнадцать лѣтъ,
Заводилъ онъ почестенъ пиръ—
Изобрать себѣ дружина хоробрая.

(Ст. 1184).

Въ пересказахъ *Рыбниковъ*, II, 32 (=*Гильфердингъ*, 103); *Гильфердингъ*, 284, 286; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 62, 63, 64, а также въ Пермской сказкѣ описаніе выбора дружины опущено.

5) Васька и его дружинники появляются на пиру, гдѣ собрались новгородцы, и затѣваютъ съ ними ссору. Какъ описаніе самаго пира, такъ и разсказъ объ обстоятельствахъ ссоры представляютъ нѣсколько варіантовъ.

Digitized by Google

а) Василій появляется на «братчинѣ», устроенной новгородцами въ складчину.

Послышалъ Васинька Буслаевичъ,—
У мужиковъ новгородскіихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину.
„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ:
За всякаго брата по пяти рублевъ".
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублей.
(*Кирша,* стр. 76. Ср. *Кирѣевскій,* V, 1 и 2).

Въ пересказахъ *Гильфердингъ,* 141, *Рыбниковъ,* I, 57 (=*Гильфердингъ,* 54) пиръ не называется братчиной, хотя устроителями пира представляются «новгородскіе мужики» вообще:

Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Накурили они зелена вина,
Наварили пива пьянаго,
(*Гильфердингъ,* ст. 723).

Нѣкоторые варіанты называютъ при этомъ отдѣльныя имена: Викулы Окулова *Рыбниковъ,* II, 33, *Тиханрововъ* и *Миллеръ,* 61) Микулы Селяниновича, Козьмы Родіоновича (*Рыбниковъ,* III, 39), Николы Зиновьевича, Ѳомы Родіоновича (*Кирѣевскій,* V, 1, 2). Пересказъ *Гильфердингъ,* 286, упоминаетъ о новгородскомъ старостѣ:

У тово ли новгородскаго старосты
И хорошъ былъ заведенъ почестной пиръ
И на сильни могучи богатыри
И на всѣ полчищи удалые
И на всѣ на добрые молодцы.
(Ст. 1243).

Пермская сказка хозяиномъ пира называетъ учителя Василья—старика Угрюмища (*Кирѣевскій,* V, прилож., стр. I); нѣкоторые Рыбниковскіе пересказы упоминаютъ князя (I, 55) или князей новгородскихъ (I, 56) [1]).

[1]) По пересказамъ *Рыбниковъ,* II, 32 (=*Гильфердингъ,* 103) и *Гильфердингъ,* 259, пиръ идетъ у князя Владиміра. Пѣсня *Рыбниковъ,* I, 57, не упоминая о Владимірѣ, припутываетъ къ Новгороду Кіевъ: «Молодой Васильюшка Буслаевичъ, онъ ходилъ-гулялъ по городу по Кіеву». По пересказу, записанному Гильфердингомъ отъ Ив. Гусева, пиръ завелъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Ко времени этого пира отнесенъ и выборъ Васильемъ дружинниковъ; упоминаются Поташенька сутулъ-горбатъ, Васька Бѣлозерянинъ (*Тихонравовъ* и *Миллеръ,* стр. 289—290).

Digitized by Google

б) Василій, по нѣкоторымъ пересказамъ, является на пиръ незваный. Мужики новгородскіе.

А всихъ-то они на̀ пиръ позвали,
А Василья Буслаевича и не позвали.
Спрогово̀ри Василій сынъ Буслаевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
Спрогово̀ритъ матушка родимая,
Молодая Фетьма Тимофеевна:
„Не ходи, Василій, на почѐстенъ пиръ!
Вси придутъ на пиръ гости званыи,
Ты придешь на пиръ незваный гость“.
Спроговоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
Куда меня посадятъ, я тамъ сижу,
Что могу достать, то я ѣмъ да пью“.
(*Гильфердингъ*, 141; ср. *Рыбниковъ*, I, 55; III, 39).

Пересказъ *Рыбниковъ*, II, 33 рисуетъ, какъ незванный гость силой вторгается на пиршество:

И говоритъ молодой Василій сынъ Буслаевичъ:
„Пойдемъ-те-тка, братіи, въ почестный пиръ
Ко тому къ Викулы къ Окулову“.
И пошли-то они въ почестный пиръ
Къ Викулы ко Окулову.
И увидѣли мужики новгородчана,
Что идетъ Василій сынъ Буславьевичъ,
И заложили ворота крѣпко-на̀-крѣпко.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, Васинька Маленькой!
Вскочи-тко ты въ широкій дворъ,
Найди-тко вѣтрянку маненьку [1])
И подними-тко ты съ широка двора,
Отвори-тко вороты-тѣ на пяту
И зазови-ко меня хлѣба-соли кушати“.

Васинька Маленькій исполняетъ волю атамана:

И заходилъ Василій сынъ Буслаевичъ
Ко тому Викулѣ ко Окулову
И садился во большомъ углу.
(Стр. 204—205. Ср. *Тихонрововъ* и *Миллеръ*, стр. 224—225).

Въ пересказѣ *Рыбниковъ*, I, 57 (=*Гильфердингъ*, 54) объясняется, почему именно новгородцы не пригласили Василья: они чувствовали себя обиженными:

---

[1]) Вѣтрянка—жердь.

Digitized by Google

Сдѣлалъ-то Васильюшка почестенъ пиръ
Для тыхъ мужичковъ новгородскіихъ
. . . .
Кормилъ-поилъ Васильюшка Буслаевичъ
Свою ли дружину хоробрую,
А тыхъ мужиковъ новгородскіихъ
Не кормилъ, не поилъ, да ни чевствовалъ,
А посылалъ по въ-зашей да въ сутычь ихъ.
Тутъ-то мужики новогородскіе
Видятъ, что не хорошо то-есть:
„Осмѣемся мы насмѣшку Васильюшкѣ,
Сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ,
Заведемъ для Василья для Буслаевича,
Не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ
Того Васильюшку Буслаева.

Стр 352—353).

Пѣсня въ сборникѣ Кирши представляетъ дѣло иначе: Василій вступаетъ въ братчину съ согласія старосты:

А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину,
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить
А и тѣ-то пива ячныя.

(Стр. 76).

Сказка Чулкова, разсказывая о пирѣ новгородцевъ, описываетъ посѣщеніе Амелфы посадниками: «Пріѣзжаютъ они въ старославенской дворецъ и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пиръ. Имъ отвѣтъ держитъ честна жена: «Не мое дѣло по пирамъ ходить; погуляла я и натѣшилась, когда живъ былъ мое солнышко, государь Богуслай, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василью Богуславевичу; можетъ, онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостью. .Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики новогородскіе къ своему княжичу» и т. д. (*Кирѣевскій*, V, прилож., стр. VII). По приглашенію является Василій и на пиръ князя Владиміра въ пересказѣ *Гильфердинъ*, 259:

Услыхалъ де солнышко Владиміръ князь да стольне-кіевской,
Созывалъ онъ Василья къ себѣ на почестенъ пиръ.

(Ст. 1184).

в) Опьянѣвшій Васька вызываетъ новгородцевъ на бой.

Тутъ они на пиру напивалися,
Тутъ они на пиру наѣдалися,
Тутъ они другъ другу поперечили,

Digitized by Google

Подходилъ Васька къ чану зелена вина,
Размахнулъ Васька въ чанѣ зелено вино,
Охлеснулъ Васька посудину полтретья ведра,
Самъ прогòворилъ Васька таково слово:
„Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,
Не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичъ,
Не боюсь я всего Новгòрода!
Лишó боюсь я крестоваго батюшка,
Матераго старчища Игнатьища,
Да боюсь я крестоваго брàтелка,
Молода Григорья Игнатьича:
Имъ отъ меня и честь и почетъ,
А что по чему, такъ и всѣхъ не боюсь!"
И ударился Васька о великъ закладъ,
Не о стѣ рублей, не о тысячѣ,
Ударился Васька о своей буйной головѣ:
За утрò биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

(*Киръевскій*, V, 1 и 2).

Въ большей части пересказовъ этотъ вызовъ на бой изображается, какъ выраженіе обычнаго въ эпосѣ застольнаго хвастовства:

Былъ Васильюшка Буславьевичъ
У князей новгородскіихъ на честномъ пиру,
Напился Василій Буславьевичъ допьяна,
Напился Василій, порасхвастался
И ударилъ о великъ закладъ
Со треми князьямы Новгородскима —
Выходить на мостикъ на Волховскій
И биться Василью съ Новымъ-городомъ,
Побить всѣхъ мужиковъ до единаго.

(*Рыбниковъ*, I, 56; ср. II, 32, 33; III, 39; *Гильфердингъ*, 259, 284. 286; *Тихонравовъ и Миллеръ*, 61, 62, 63, прилож. VI).

Или:

Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Возговоритъ Костя Новоторжанинъ [1]):
„А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ похвастати:
Я остался отъ батюшки малешенекъ.
Развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати:
Ударить съ вами о великъ закладъ
О буйной головы на васъ на Новгородъ,
Окромѣ трехъ монастырей—
Спаса Преображенія,
Матушки Пресвятой Богородицы,

[1]) Имя Кости вставлено тутъ, очевидно, по ошибкѣ: слѣдующій за похвальбой «закладъ» указываетъ на Василья.

Digitized by Google

Да еще монастыря Смоленскаго.
Ударилы оны о великъ закладъ,
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
„Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ:
Хоть свалятъ Василья до мосту,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова;
Хоть свалятъ Василья посередъ моста,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова,
А ужь какъ пройдетъ третью заставу,
Тожно больше дѣлать нечего“.

(*Рыбниковъ*, I, 55).

Въ двухъ пересказахъ (*Рыбниковъ*, I, 57 и *Гильфердинъ*, 141) вызовъ на бой представляется идущимъ не отъ Василья, а отъ новгородцевъ:

Когда ты, Василій, удалъ е,
Пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій,
На тою на рѣченьку на Волхову:
Ты со своима со дружинамы хоробрыма,
А мы будемъ драться всѣмъ народомъ“.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 353).

Пѣсня у Кирши Данилова вводитъ подробности, не повторяющіяся въ другихъ варіантахъ:

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Бросился на царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хораброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать,
А иной дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
Уже, Ваську, меня бьютъ“.

Digitized by Google

Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки ноги переломали.
Кричать, ревуть мужики посадскіе;
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ —
Битися, дратися
Со своею дружиною хороброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ Городомъ,
Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою
На всякой годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань“.
И въ томъ договорѣ руки они подписали.

(Стр. 76--78).

Слѣдуеть, кажется, остановиться на этомъ варіантѣ Кирши, какъ на болѣе древнемъ. Замѣна кулачной потѣхи застольной похвальбой легко объясняется воздѣйствіемъ эпической аналогіи, вліяніемъ тѣхъ картинъ пира, которыхъ такъ много въ былинахъ Владимірова цикла. Быть можетъ, и упоминаніе князя въ нѣкоторыхъ пересказахъ, замѣна пива новгородцевъ пиромъ княжескимъ объясняется вліяніемъ той же аналогіи. Припомнимъ, что князь въ нѣкоторыхъ варіантахъ прямо называется Владиміромъ стольно-кіевскимъ. Отмѣчу здѣсь кстати въ пересказѣ Кирши черту древности, хотя и искаженную. Василья принимаетъ въ братчину «староста церковной». При чемъ тутъ этотъ староста? Въ древнемъ текстѣ рѣчь шла, конечно, не о церковномъ старостѣ, а о старостѣ братчины. Позднѣйшій пѣвецъ помнилъ, очевидно, что на пиру выступалъ какой-то староста, но опредѣлить истинное значеніе этого должностнаго лица передатчикъ пѣсни уже не могъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что картина именно братскаго пира принадлежала къ древнѣйшему составу былины, ибо только забвеніемъ строя древне-русскихъ братчинъ можно объяснить появленіе «церковнаго старосты» въ роли распорядителя на пиру. Помнитъ, какъ мы видѣли, какого-то «Новгородскаго старосту» и одинъ изъ пересказовъ въ сборникѣ Гильфердинга (№ 286). Подобное же упоминаніе о новгородскомъ старостѣ сохранилось въ пересказѣ Еремѣевой, записанномъ г. Куликовскимъ (*Тихонравовъ и Миллеръ*, № 62).

Digitized by Google

г) Мать Василья, узнавъ объ его «закладѣ», принимаетъ мѣры, чтобы не допустить опаснаго боя.

Провѣдала его государыня матушка,
Честная вдова Мемелфа Тимоѳеевна,
Про своего сына про Васильюшку,
Что на томъ пиру ударилъ о великъ закладъ,
Выводила своего сына любимаго
Со того ли пира княженецкаго,
Засадила его во погреба глубокіе,
(*Рыбниковъ*, I, 56; ср. ibidem, 57).

Нѣкоторые пересказы приводятъ при этомъ разговоръ Мамелфы съ Васильемъ или съ его дружиной:

И пошелъ Василій со пира домой,
Не веселъ идетъ домой, нерадостенъ;
И встрѣчаетъ его желанная матушка,
Честная вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо, рожоное!
Что идешь не веселъ, не радостенъ?
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
„Я ударилъ съ мужиками о великъ закладъ—
Итти съ утра на Волховъ мостъ:
Хоть свалятъ меня до моста,
Хоть свалятъ меня у моста,
Хоть свалятъ меня посередь моста,
Вести меня на казнь на смертную,
Отрубить мнѣ буйна голова,
А ужъ какъ пройду третью заставу,
Тожно больше дѣлать нечего".
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
Тымъ ли вязомъчерленымъ [1]).
(*Рыбниковъ*, I, 55; ср. II, 32, III, 39, *Гильфердингъ*, 284, 286; *Киреевскій*, V, 1, 2).

Или Мамелфа спрашиваетъ дружинниковъ Василья:

Каково же васъ, дѣточки,
Во честномъ пиру чествовали?
Говорятъ они таково слово:
„Родитель ты, наша матушка!
Большій братъ нашъ атаманище

[1]) Пересказъ *Рыбниковъ*, II, 32, присоединяетъ еще такую подробность:
Тутъ напоила Василья родна матушка
Питіемъ его забудующіимъ.

Digitized by Google

Василій сынъ Буславьевичъ
Пьяными глазами ударился объ великъ закладъ".
Взяла его родна матушка,
Заложила въ погреба глубокіе.
(*Рыбниковъ*, II, 33; ср. *Гильфердингъ*, 141).

Пересказы *Рыбниковъ*, I, 55, III, 39; *Гильфердингъ*, 141, 284, 286; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61, 62, 63, а также сказка Чулкова упоминаютъ еще о дарахъ, которые предлагала Мамелфа новгородцамъ, прося ихъ отказаться отъ «заклада».

И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга
И понесла въ даровья князю Новгородскому [1])
Чтобы простилъ сына любимаго,
Говоритъ князь Новогородскій:
„Тожно прощу, когда голову срублю!"
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась—пошла, запечалилась,
Разсѣяла красно золото и чисто серебро
И скатенъ жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ,
А дорога мнѣ буйная головушка
Своего сына любимаго,
Молода Васильюшка Буслаева.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 341).

Или:

Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плече,
На мистку положила красна золота,
На другую чистаго серебра,
На третью скатнаго жемчуга.
Пришла она на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по-писаному,
Поклоны ведетъ по-ученому,
— Здравствуйте, мужики новгородскіе!
Возьмите дороги подарочки,
Простите Василья во той вины.
Говорятъ мужики новгородскіе:
„Мы не возьмемъ дороги подарочки
И не простимъ Василья во той вины.

[1]) «Къ новгородскому ко нову старости» (*Тих.* и *Милл.*, 62); «къ старосты новгородскимъ» (ibid. 63).

Digitized by Google

Хоть повладѣемъ Васильевыма кóнями добрыма,
Повладѣемъ платьями цвѣтныма!"
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Крестъ на лице, да съ терема долой.
Ударила чоботомъ во липину,
А улетѣла липина на заднiй тынъ,
А у нихъ заднiй тынъ весь и разсыпался,
Всѣ крыльца-перильца покосилися.
(*Гильфердингъ*, ст. 724—725).

Въ варiантахъ *Рыбниковъ*, I, 58, *Гильфердингъ*, 30, 44, *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 64 разсказа о пирѣ нѣтъ [1]).

6) На другой день послѣ пира новгородцы и дружинники Василья готовятся рѣшить, кто выиграетъ положенный закладъ. Начинается бой. Въ это время Василiй, запертый матерью въ погребѣ, спокойно спитъ, ничего не вѣдая о томъ, что творится на Волховскомъ мосту. Вѣсть о свалкѣ приноситъ Василью служанка, «дѣвушка чернавушка» [2]), ходившая по воду и видѣвшая Васильеву дружину. Положенiе дружины изображается неодинаково:

а) Какъ дѣвочка, её служаночка,
Со дубовымъ да со ведерышкомъ,
Пришла къ Василью во ту погребу,
Говорила Василью таково слово:
„Ты, Василiй сынъ Буславьевичъ,
Ты сидишь да вѣдь во погребѣ.
Какъ идё да шумъ да громъ да во Новомъ Градѣ,
Какъ твои тѣ дружинушки хоробрые,
Какъ тебя, Василья, дожидаются:
Еще гдѣ у насъ да славной воинъ есть,
Славный воинъ-отъ Василiй сынъ Буславьевичъ?
(*Гильфердингъ*, 284).

б) Какъ собиралисъ мужики уваламы,
Уваламы собиралисъ, переваламы,
Съ тыма шалыгамы подорожныма,
Кричатъ оны во всю голову:

---

[1]) Пересказы *Рыбниковъ*, III, 39, *Гильфердингъ*, 141 и 259, *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63 передаютъ подробности пира и заклада, но не упоминаютъ о запиранiи Василья матерью.

[2]) Только два пересказа (*Кирѣевскiй*, V, 1 и 2) опускаютъ разсказъ о служанкѣ; по этимъ пересказамъ, проснувшiйся Василiй самъ вспоминаетъ о товарищахъ. Припомнимъ, что образъ «дѣвушки-чернавушки» появляется, какъ извѣстно, и въ другихъ былинахъ: чернавка извѣщаетъ Берияту о знакомствѣ его жены съ Чурилой; чернавку выбираетъ себѣ въ жены Садко, попавшiй къ морскому царю. Въ пересказѣ Касьянова чернавку замѣняетъ «нянька Буславьева» (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61).

Digitized by Google

„Ступай-ка, Василій черезъ Волховъ мостъ,
Рушай-ка завѣты великіе!“
И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто,
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ силы до пяти сотъ.
На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій
И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.

Служанка говоритъ Василью:

„Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ,
Ты спишь, Василій, не пробудишься,
А твоя-то дружина хоробрая
Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ“.

(*Рыбниковъ*, I, 55).

в) Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
Хоть спишь ты, прохлаждаешься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь,
А бьется твоя дружина хоробрая
На томъ ли на мосточкѣ на Волховѣ;
И проломаны буйны головы,
И завязаны платками все бѣлыма.

(*Рыбниковъ*, III, 39; ср. I, 56, 57, II, 33; *Кирша*, IX; *Гильфердингъ*, 30, 44, 259, 286; *Тихонравовъ и Миллеръ*, 62, прилож. VI).

г) За утро встаютъ Котельная Пригарина,
Потанюшка Хроменькій ранешенько,
Умываются бѣлёшенько
И идутъ добры молодцы—сряжаются
Со всѣмъ биться съ Новымъ-Городомъ трои суточки [1]).
Молотами у нихъ головы испроломаны,
Кушаками головы завязаны.
„Что ты, Васька Буслаевичъ,
Измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!“

(*Кирѣевскій*, V, 2, ср. ibidem, 1).

д) Говоритъ она (служанка) да таковы слова:
„Хорошо-то было добру молодцу на пиру хвастати,
А нынѣ-то добра молодца и въ пору не знать;
Теперь вся твоя дружинушка прибитая!“

(*Рыбниковъ*, II, 32, ср. *Гильфердингъ*, 141).

е) „Что молодой Василій-да Буславьевичъ
Спишь да ты, прохлаждаешься,

---

[1]) Такое же указаніе на три дня находимъ у *Рыбникова*, I, 57, *Гильфердинга*, 286; въ варіантѣ *Рыбникова*, I, 56, вмѣсто трехъ дней—три часа. Въ остальныхъ пересказахъ продолжительность дня не опредѣляется.

Digitized by Google

А надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
Какъ твоей то дружины-хороброй
Имъ связаны ручки бѣлыя,
Имъ скованы ножки рѣзвыя
И загнаны оны во Пучай рѣку.
(*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61).

По нѣкоторымъ пересказамъ дѣвушка, извѣстившая Василья о товарищахъ, сама принимала участіе въ боѣ:

А и та-то дѣвушка чернавушка
На Волхъ рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
„Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
Но подай насъ у дѣла у ратнаго,
У того часу смертнаго".
И тутъ дѣвушка чернавушка
Вросало она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стало помахивати
По тѣмъ мужикамъ новогородскіимъ, —
Прибили ужъ много до смерти;
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала къ Василью Буслаеву и т. д.
(*Кирша*, IX; ср. *Рыбниковъ*, I, 55, 56; *Гильфердингъ*, 30, 259;
Тихонравовъ и *Миллеръ*, Прилож. VI; Перми. ск.).

Узнавъ о дракѣ, Василій выбирается изъ заключенія: онъ или самъ разбиваетъ всѣ запоры и преграды, или ему помогаетъ при этомъ дѣвушка, принесшая вѣсть о дружинѣ:

Тутъ бросился Васька на ободверины укладныя,
Высадилъ онъ двери на пяту,
Разметалъ онъ рогатины булатныя.
(*Кирѣевскій*, V, 1; ср. ididem, 2; *Гильфердингъ*, 30).

Въ пермской сказкѣ: «Василій Буслаевичъ... вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить, народъ» (*Кирѣевскій*, V, прилож., стр. II).

Иначе:

Говоритъ же дѣвочки служаночки:
„Ты одерни-ка рѣшеточку желѣзную,
Выпусти Васильюшка на бѣлый свѣтъ".
(*Гильфердингъ*, 284; ср. ididem, 44, 286; *Рыбниковъ*, I, 55, 56, 57).

Освобожденный Василій спѣшитъ къ товарищамъ, вооружившись своимъ «черленымъ вязомъ» (*Рыбниковъ*, I, 55; III, 39; *Гильфер-*

дингъ, 141, 284; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63), или попавшейся подъ руку осью телѣжной (*Кирша*, IX; *Рыбниковъ*, I, 56, 57; II, 32, 33; *Гильфердингъ*, 44, 286; *Кирѣевскій*, V, I, 2; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 61, 62, прилож. VI), слягой сарайной (*Гильфердингъ*, 30).

Хваталъ Василій свой черленый вязъ
И пришелъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же, любезна моя дружина хоробрая!
Поди-тко теперь опочивъ держать,
А я теперь стану съ ребятами поигрывать“.
И зачалъ Василій по мосту похаживать
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ, туды улица,
Перемахнетъ--переулочекъ.
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ, какъ погодою.

(*Рыбниковъ*, I, 55).

Или:

Не попало у Василья сбруи ратнія,
Палицы воинскія и копья мурзамецкаго:
У того у погреба глубокаго
Лежала ось телѣжная желѣзная,
Долиною въ двѣ сажени печатныихъ,
А на вѣсъ ось та сорока пудъ:
Хватаетъ онъ тую ось желѣзную [1])
На свое плечо богатырское
. . . .
Приходилъ онъ ко мостику ко Волховскому,
И видитъ дружину хоробрую попячену,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови,
Головки шалыгами прощелканы,
Платками руки перевязаны
И ноги кушаками переверчены.
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
„Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтракали,
Мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати“ [2]).

---

[1]) Это хватаніе оси—одинъ изъ примѣровъ часто встрѣчающагося въ эпосѣ вооруженія чѣмъ попало (см. *Миллера*, Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 520, 521, 618, 693, 696, 751).

[2]) Это упоминаніе объ обѣдѣ и завтракѣ, потворяющееся и въ другихъ былинахъ (см. напримѣръ, *Гильфердингъ*, № 80, ст. 493), родственно съ распространеннымъ въ народной поэзіи представленіемъ боя въ образѣ пира. Такое

Digitized by Google

Становилъ дружину на сторону,
А самъ началъ по мужичкамъ похаживать
И началъ мужичковъ пощелкивать,
Осью желѣзною помахивать:
Махнетъ Васильюшка—улица.
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ,
Мужиковъ новгородскiихъ мало ставится,
Очень рѣдко и мало ихъ.

(*Рыбниковъ*, I, 56).

Кирша Даниловъ относитъ удаленiе Васьки «въ погреба глубокiе» ко времени уже начавшагося столкновенiя, раздѣляя такимъ образомъ картину боя на двѣ части:

Началась у нихъ драка-бой великая,
А мужики новгородскiе
И все купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера.
Молодой Василiй сынъ Буслаевичъ
Со своею дружиною хороброю
Прибили они въ Новѣгородѣ,
Прибили уже много до смерти.
А и мужики новгородскiе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ:
„Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна!
Прими у насъ дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича“.

Амелфа посылаетъ за сыномъ «дѣвушку чернавушку». Когда та «притащила Ваську на широкiй дворъ», мать посадила его «въ погреба глубокiе».

А его дружина хорабрая
Со тѣми мужики новгородскими
Дерутся, бьются до вечера;
А и та-то дѣвушка чернавушка
На Волхъ рѣку ходила по воду и т. д.

Слѣдуетъ разсказъ объ участiи дѣвушки въ бою, о возвращенiи ея домой, объ освобожденiи Василья и пораженiи новгородцевъ.

представленiе встрѣчается, какъ извѣстно, еще въ Словѣ о Полку Игоревѣ («Ту пиръ докончаша храбрiи русичи»).

Digitized by Google

7) Во время боя убитъ Васькой его крестный отецъ, старчище-пилигримище (*Кирша*, IX; *Рыбниковъ*, I, 55, 56, 57; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 64), иначе: старчище угрюмище (*Гильфердингъ*, 284; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63), старецъ преугрюмище, старецъ со монастыря преугрюмова (*Рыбниковъ*, II, 33, *Тихонравовъ* и *Миллеръ* 61), старша угрюмища (Пермская сказка), старчище многолѣтище (*Чулковъ*), старецъ сильный богатырь (*Гильфердингъ*, 259). Нѣкоторые пересказы называютъ имя этого старца: Андронище, Ондронище (*Рыбниковъ*, III, 39; *Гильфердингъ*, 44, 141), Игнатьище (*Кирѣевскій*, V, 1, 2) Елизарище (*Рыбниковъ*, I, 58).

Василій встрѣчается съ старикомъ во время боя:

Побѣжалъ Василій по Новугороду,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ,
Кричитъ тотъ старецъ Пилигримища:
„А стой ты, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь, не полетывай.
Изъ Волхова воды не выпити,
Во Новѣградѣ людей не выбити;
Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
Стоимъ мы, молодцы не хвастаемъ“.
Говорилъ Василій таково слово:
„А и гой еси, старецъ Пилигримища,
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики Новогородскими,
Опричь почестнаго монастыря,
Опричь тебя старца Пилигримища,
Во задоръ войду—тебя убью“.
Ударилъ онъ старца во колоколъ
А и той-то осью тележною, —
Качается старецъ, не шевельнится;
Заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколомъ,
А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣтъ. [1])

(*Кирша*, IX, ср. *Рыбниковъ*, I, 55: *Гильфердингъ*, 141, 284).

Или:

Идетъ къ нимъ силушки на стрѣти чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона,

---

[1]) Въ пересказѣ Лапшина:

Ударилъ онъ старца по колоколу:
Во лбу глаза у него какъ вѣкъ не было.

(*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, № 64, стр. 286).

Digitized by Google

Напередъ этой силушки великія
Идетъ старчище Елизарище:
На головушку надѣтъ колоколъ дѣвяносто пудъ.
Говоритъ ему Васильюшка Буслаевичъ:
„Ай же ты, крестовый мой батюшка!
Не дано тоби у меня о Христовѣ дни,
А дамъ тоби яичко о Петровѣ дни!“
Билъ его палицей булатней по головушкѣ
И раскололь ему колоколъ девяносто пудъ.
(*Рыбниковъ*, I, 58; ср. ibidem, III, 39; *Кирѣевскій*, V, I, 2.
Тихонравовъ и Миллеръ, 63).

По нѣкоторымъ пересказамъ старикъ является на мѣсто драки по просьбѣ новгородцевъ (*Гильфердингъ*, 44, 259; *Рыбниковъ*, II, 33; I, 57; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61; сказка Чулкова); въ пѣснѣ *Рыбникова*, I, 56 новгородцы обращаются къ матери Василья, а та указываетъ имъ на старца; другая пѣсня того же сборника (II, 32) говоритъ, напротивъ, что старчище, передъ отправленіемъ на мѣсто боя, самъ заходилъ къ Мамелфѣ и убѣждалъ ее «унять своего сына Васильюшка».

Во всѣхъ этихъ пересказахъ старчище появляется среди уже разгорѣвшагося боя, послѣ того, какъ потѣха, затѣянная на пиру, превратилась при участіи Васьки въ ужасающее душегубство:

Взялъ онъ осью той да помахивать,
Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана,
Пошли къ старцищу, пошли къ Ондронищу
И къ его оцищу таки крёстному:
„Ай же ты, старчище, ой же Ондронище!
И уйми-тко чадо милое, дитё любимое,
Еще молода Василья да Буслаева
И оставь-ко мужиковъ хоть и на сѣмена“.
И пошолъ старцище, потомъ Ондронище, и пр.
(*Гильфердингъ*, ст. 217).

Или:

Видятъ князья бѣду не минучую,
Прибьетъ мужиковъ Василій Буславьевичъ,
Не оставитъ мужиковъ на сѣмена;
Приходятъ князья Новгородскіе,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѳома Родіоновичъ
Ко его государынѣ ко матушкѣ,
Къ честной вдовы Мамелоы Тимофеевны.
Сами говорятъ таковы слова:

Digitized by Google

Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
Уговори, уйми свое чадо милое,
Молода Василья Буслаевича:
Укротилъ бы свое сердце богатырское,
Оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена".
Говоритъ Мамелфа Тимоѳеевна:
„Не смѣю я, князья новгородскіе,
Унять свое чадо милое,
Укротить его сердце богатырское:
Сдѣлала я винушку великую,
Засадила его во погреба великіе.
Есть у моего чада милаго
Во томъ во монастырѣ во Сергѣевомъ
Крестовый его батюшка старчище Пилигримище:
Имѣетъ силу нарочитую,
Попросите, князья Новогородскіе,
Не можетъ ли унять мое чадо милое, и т. д.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 348—349).

Въ отмѣченныхъ выше пересказахъ *Рыбникова*, III, 39, и *Гильфердинга*, 141, Васька встрѣчается напротивъ съ старикомъ тотчасъ же послѣ пробужденія:

И бралъ Василій свой черленый вязъ,
И поскочилъ Василій на поле на Волхово.
И стрѣтится Василью старчище Андронище
На томъ на мосточкѣ на Волховомъ.
(*Рыбниковъ*, III, стр. 238).

Старчище Елизарище въ приведенномъ выше отрывкѣ встрѣчается съ Васькой также въ самомъ началѣ боя (*Рыбниковъ*, I, 58). Къ началу боя отнесена также встрѣча съ Угрюмищемъ въ пересказѣ Еремѣева (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63).

Въ пѣснѣ Кирши заключеніе Василья въ погребѣ раздѣляетъ, какъ мы видѣли, картину боя на двѣ части; убійствомъ старика открывается вторая часть: Васька выскакиваетъ изъ погреба, наталкивается прежде всего на старца и убиваетъ его.

По пересказу Еремѣевой Василій встрѣчается съ старикомъ *послѣ* боя:

Пошелъ Васильюшко со велика со бонща,
Стритился да кресной батюшко
На томъ мосту на Волховомъ,
Несе колоколъ да сто пудовъ,
Одинъ языкъ да еще триста пудъ.
Тутъ ему да еще смерть придалъ.
(*Тихонравовъ и Миллеръ*, 62).

Digitized by Google

Въ трехъ пересказахъ, кромѣ крестнаго отца, упоминается еще крестный братъ Василья.

И встрѣту идетъ крестовый братъ,
Въ рукахъ несетъ шалыгу девяносто пудъ,
А самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, мой крестовый брателко,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестоваго брата не наскакивай!
Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ,
И нынь-то я надъ тобой буду большій братъ".
Говоритъ Василій таковы слова:
„Ай же ты, мой крестовый брателко,
Тебя ли чортъ несетъ на встрѣту мнѣ?
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется,
Головамы, братецъ, играемся".
И ладитъ крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову.
Василій хватилъ шалыгу правой рукой
И билъ-то брателка лѣвой рукой
И пиналъ-то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата и души нѣтъ.
(*Рыбниковъ*, I, 55; ср. *Кирѣевскій*, V, 1 и 2).

Крестный братъ и крестный отецъ Василья убиты. Только немногіе пѣсенные пересказы (*Рыбниковъ*, II, 33; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61, прилож. VI) и сказки Пермская и Чулкова сохраняютъ старику жизнь.

Молодой Василій Буславьевичъ хватилъ старца преугрюмища,
Сшибъ его подъ вышиночку.
Стоючись-то онъ и раздумался:
„Старца убить — не спасенья запись,
А грѣха себѣ на душу".
И подхватилъ старца на руки:
„Поди-тко ты, старецъ преугрюмище, на свое мѣсто,
А въ наше дѣло не суйся".
(*Рыбниковъ*, II, стр. 206—207).

Или:

И ухватилъ Василій старца на руки
И сшибалъ его да подъ вышиночку,
А самъ стоячись пораздумался:
Отца креснаго убить не спасенье записъ.
А самъ говоритъ Василей таково слово;
„Отецъ кресной, старецъ Преугрюмищо!
Иди-тко назадъ да во Сергіевъ,

Digitized by Google

Молись-ко Богу Господу,
А въ наше дѣло не вникайся ты.
(*Тихонравовъ и Миллеръ*, стр. 228).

Чулковъ: «Убивать его Василій Богуслаевичъ не держалъ ни въ умѣ—въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію».

Пересказы *Гильфердинга*, 30 и 286, опускаютъ разсказъ о крестномъ отцѣ Василья.

Обиліе варіантовъ въ изображеніи столкновенія Василья съ старчищемъ даетъ поводъ предполагать, что этотъ отдѣлъ былины подвергся значительнымъ измѣненіямъ, въ которыхъ затерялся первоначальный видъ разсказа. Кто такой этотъ старчище, убитый Васильемъ? Пѣсенные варіанты называютъ его крестнымъ отцомъ; Пермская сказка—учителемъ Василья. («Отдала Ванильфа Тимоѳеевна своего сына любимаго старику Угрюмищу учить во листы писать»). Послѣднее опредѣленіе—не случайная ошибка сказателя. Мы видѣли, что и пѣсенные варіанты знаютъ крестнаго брата и товарища Василья по ученью:

Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ.

Василій убилъ товарища, убилъ и старика, который былъ ихъ воспріемникомъ и *учителемъ*.

Обстоятельства столкновенія Василья съ старчищемъ передаются неодинаково: одни пересказы говорятъ о появленіи старика послѣ того, какъ новгородцы были уже побиты Васильемъ и его дружиной; другіе изображаютъ столкновеніе Василья съ старикомъ, какъ первое убійство, совершенное Буслаевичемъ послѣ освобожденія изъ затвора; Пермская сказка упоминаетъ предварительно о ссорѣ Василья съ Угрюмищемъ на пиру. Не слѣдуетъ ли признать, что столкновеніе съ старикомъ имѣло первоначально видъ особаго эпизода былины [1]) и лишь позже поставлено въ связь съ картиной боя Василья и новгородцевъ? Выразительное наименованіе крестнаго отца Василья:

---

[1]) Припомнимъ, что одинъ изъ пересказовъ (*Тихонравовъ и Миллеръ*, 62) отдѣляетъ встрѣчу со старикомъ отъ картины боя:

Пошелъ Васильюшко со велика со боища
Стрѣтился да кресной батюшко и т. д.

Digitized by Google

«Старчище-*Пилигримище*», вызываетъ другую догадку: не слиты ли въ разсказѣ о немъ два кровавыя дѣла Васьки: убійство наставника (=крестнаго отца) и убійство какого-то пилигрима? Замѣчательно, что въ изображеніи старика, убитаго Васильемъ, пересказы былины обнаруживаютъ вообще нѣкоторое колебаніе. Крестный отецъ Василья называется обыкновенно «старчищемъ», то-есть, монахомъ. Соотвѣтственно съ этимъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ (*Рыбниковъ*, I, 56, 57, II, 33; *Гильфердингъ*, 54, 259) старикъ представляется выходящимъ изъ монастыря. Пермская сказка не знаетъ о монашествѣ Угрюмища. У Чулкова: «Посадники... видятъ бѣду не минучую, поспѣшаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ старчище многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, разорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣта древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молятъ его спасти свою отчизну» (*Кирѣевскій*, V, прилож., стр. XI). Не указываютъ на монашество старика и нѣкоторые пѣсенные пересказы. Такова, напримѣръ, пѣсня, записанная отъ Терентія Іевлева (*Рыбниковъ* II, 32; *Гильфердингъ*, 103):

Тутъ былъ у него дядька, крестный батюшка:
Идетъ онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки,
Говоритъ ей таково слово,
Что „силушка мужиковъ городокемскіихъ поразбита,
И чтобъ она пріуняла своего сына Васильюшка“.
Тутъ скочилъ онъ на башню колокольную,
Его дядька, крестный батюшко,
Тутъ сорвалъ онъ колоколъ девяносто пудъ,
Надѣлъ его себѣ на головушку, и проч.
(*Рыбниковъ*, II, стр. 199—200).

Это разнообразіе въ обрисовкѣ старика также, повидимому, намекаетъ на компликацію образовъ, которые, въ древнѣйшей редакціи былины могли выступать раздѣльно.

8) Окончаніе боя. Противники Василья, убѣдившись, что не въ силахъ съ нимъ справиться, обращаются къ честной вдовѣ Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ съ просьбой унять ея чадо милое.

Тутъ-то два князя новгородскіихъ,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѳома Родіоновичъ,
Приходятъ къ его государынѣ матушкѣ,
Честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны,
Сами говорятъ таковы слова:

Digitized by Google

„Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
Упроси свое чадо любимое,
Укротилъ бы свое сердце богатырское:
Мужичковъ въ Новѣградѣ рѣдко ставится,
Убилъ онъ крестоваго батюшку,
Честнаго старчища Пилигримища".
(*Рыбниковъ*, I, 56, ср. ibidem, 57, III, 39; *Гильфердингъ*, 30, 44, 141).

Иначе:

А ужь мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ:
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются:
„Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить
Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалешное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ".
(*Кирша*, IX; ср. *Рыбниковъ*, II, 33; *Гильфердингъ*, 286) [1]).

Или:

Да новгородскіе да новой староста
Видитъ онъ да бѣду неминучую
. . . .
Онъ беретъ-то мису злата-серебра,
Онъ беретъ другу да скатня жемчуга,
Пошелъ ко вдовы честной Мамельфы Тимофеевной:
„Вдова честна, Омельфа Тимофеевна!
Бери-тко мису злата-серебра,
Бери другую скатня жемчуга".
(*Тихонравовъ и Миллеръ*, 63; ср. 61, 62).

[1]) Въ пересказѣ *Гильфердинга*, 284, просьба новгородцевъ, обращенная къ Матери Василья, опущена. Нѣтъ этой просьбы и въ пѣснѣ, записанной *Рыбниковымъ* отъ Терентія Іевлева (II, 32); въ записки *Гильфердинга* (№ 103) тотъ же Іевлевъ вспоминаетъ объ этой просьбѣ.

Digitized by Google

Въ пересказѣ Лапшина:

Пошли мужики новгородскіе:
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ:
„Уйми ты свое чадо милое,
Василія Буслаевича,
Заплатимъ мы тебѣ дани
За всѣ двѣнадцать лѣтъ“.

(Ibid. 64).

По одному изъ варіантовъ въ усмиреніи Василья принимаетъ участіе сама мать Пресвятая Богородица:

И вышла мать Пресвятая Богородица
Со того монастыря Смоленскаго:
„Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмена“.

(*Рыбниковъ*, I, 55).

Мамелфа спѣшитъ на мѣсто боя:

Тутъ-то старушка покидалася,
Покидалася старушка, пометалася,
Скочила въ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Въ одной тонкоей рубашечкѣ безъ пояса,
Прибѣгала на мосточикъ на Волховскій.

(*Рыбниковъ*, I, 57; III, 39; *Гильфердингъ*, 141).

Или:

А выходитъ его матушка
Честна вдова Омельфа Тимоѳеевна;
А выходитъ она да на широкій дворъ,
Приходитъ она ко погребу широкому,
Широкому да глубокому,—
Нѣтъ Василія во погребу,
Пенья колодья всѣ разворочены,
А булатніи замочки поразломаны,
Бѣлодубовы двери порастворены,
Запрягала она одноколочку,
Выѣзжала она по Новугороду...

(*Гильфердингъ*, 30, ср. ibidem, 44).

Иначе:

Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна
Одѣвала платьица черныя,
Одѣвала шубу соболиную,
Полагала шеломъ на буйну голову

Digitized by Google

И пошла Мамелфа Тимоѳеевна
Унимать своего чада любимаго.

(*Рыбниковъ*, I, 57).

По одному ряду пересказовъ, слова матери оказывается достаточнымъ, чтобы заставить Василья прекратить бой (*Рыбниковъ* I, 55, 57; II, 33: *Гильфердингъ*, 30, 284, 286; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 62); въ пересказѣ Кирши Данилова Василій усмиряется даже при появленіи служанки, посланной матерью [1]).

По другому ряду варіантовъ Мамелфѣ приходится прибѣгнуть къ хитрости и силѣ, чтобы укротить расходившагося сына:

То выгодно собой старушка догадалася:
Не зашла она спереди его,
А зашла позади его,
И пала на плечи на могучія:
„Ай же ты, мое чадо милое,
Молодой Васильюшка Вуславьевичъ!
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,
Уброси свое смертное побоище,
Оставь мужичковъ хоть на сѣмена“.
Тутъ Васильюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матерь сыру землю,
И говоритъ Василій Буслаевичъ
Своей государынѣ матушкѣ:
«Ай ты, свѣтъ государыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.
А ежсли бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
Убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго“.
И тогда Васильюшка Бусьавьевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,

---

[1]) По пересказамъ *Рыбникова*, III, 39, и *Гильфердинга*, 141, мать уноситъ Василья съ мѣста боя:

Захватила Василья въ соболиную шубоньку
И принесла въ свои палаты бѣлокаменны.

Припоминается при этомъ Никита Романовичъ, который «бралъ немилаго постельника подъ полу подъ правую». (*Рыбниковъ*, II, стр. 216. Ср. *Вейнбергъ*, Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, стр. 27—28, 63—64).

Digitized by Google

Оставилъ мужичковъ малу часть,
А набилъ тыхъ мужиковъ, что пройти нельзя.
(*Рыбниковъ*, I, 56, ср. ibidem, II, 32; *Гильфердингъ*, 44, 54),

Пермская сказка не говоритъ о появленіи матери на мѣстѣ боя. Бой прекращается по просьбѣ Угрюмища, изъ-за ссоры съ которымъ и началась бѣда. «Старша Угрюмища ему и взмолился: «Гой ли ты еси, Василій Буслаевичъ! Уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія; я тебѣ пятьсотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу». Вотъ Василій Буславичъ смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говоритъ, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ». Не упоминаетъ о матери и одинъ изъ пѣсенныхъ пересказовъ (*Гильфердингъ*, 259). Чулковъ разсказываетъ о посредничествѣ названныхъ братьевъ Василья: «Въ ту пору (послѣ встрѣчи съ Старчищемъ Многолѣтищемъ), познавъ посадники свою бѣду неубѣжную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во терема тайницкіе, они пишутъ крѣпки записи, чтобы быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всѣмъ Новымъ Градомъ, землей Славенскою и Русскою, брать пошлины, каки онъ хочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту запись крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Богуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ Ѳому Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена». Названные братья Василья, его «богатыри», преклоняются на просьбу посадниковъ, идутъ съ ними въ поле и передаютъ «славянскому князю» новгородскую запись. «Тутъ Василій Богуслаевичъ укротилъ свой сильный гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побоища» (*Кирѣевскій*, V, прилож., стр. XII).

9) Разсказомъ о боѣ Василья съ новгородцами сказатели и оканчиваютъ обыкновенно первый отдѣлъ былины о сынѣ Буслава [1]). Лишь немногіе пересказы присоединяютъ дополнительную замѣтку о послѣдствіяхъ побоища.

По пересказу Кирши послѣ того, какъ дѣвушка чернавушка привела домой Василья и его дружину,

А сѣли они, молодцы, во единой кругъ,
Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу молодецкаго
Отъ мужиковъ новгородскіихъ;

---

[1]) **Пересказы Шенкурскіе (*Кирѣевскій*, V, 1 и 2) обрываются еще ранѣе, на разсказѣ о смерти Старчища Игнатьища.**

Digitized by Google

Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уѣдено,
Вкраснѣ хорошо не ухожено,
А цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залѣзено».
И повѣлъ ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Втапоры мужики новгородскіе
Приносили Василью подарочки
Вдругъ сто тысячей,
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

(Стр. 84).

Или:

Получае Василей Буславьевичъ со князь Владиміра
По залогу золоту казну до двухъ сотъ тысячъ.
Какъ Василей Буславьевичъ,
Со своей-то дружиной хороброю,
Получили они со князя залогъ золоту казну,
Пировали они, угощалисе
Ровно семь де денъ.

(*Гильфердингъ*, 259, ст. 1186).

Пересказъ *Рыбникова*, I, 56, не упоминая о новгородскихъ дарахъ, говоритъ лишь о приглашеніи на пиръ:

Тутъ приходятъ князья новогородскіе,
Воевода Николай Зиновьевичъ,
Старшина Ѳома Родіоновичъ
Ко тому Васильюшку Буславьеву.
Пали ко Василью въ рѣзвы ноги,
Просятъ Василья во гостебьице,
Сами говорятъ таковы слова:
„Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
Прикажи обрать тѣла убитыя,
Предать ихъ матери сырой землѣ;
Во той ли во рѣченькѣ Волховѣ
На цѣлую на версту на мѣрную
Вода съ кровью смѣсилася:
Безъ числа пластина принарублена“.
Тутъ-то Васильюшка Буславьевичъ
Приказалъ убрать тѣла убитыя,
Не пошелъ къ нимъ въ гостебьице:
Зналъ де за собой замашку великую,
А пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны,

Digitized by Google

Къ своей государынѣ ко матушкѣ,
Со своей дружиной со хороброю.
И жилъ Васильюшка въ праздности,
Излѣчилъ дружинушку хоробрую
Отъ тыихъ отъ ранъ кровавыихъ
И привелъ дружину въ прежнее здравіе.

(Стр. 351).

Чулковъ, какъ мы видѣли, поклонъ новгородцевъ относитъ ко времени до прекращенія боя; заключеніе сказки таково: *Онъ* (Василій Богуслаевичъ) *владѣлъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью* [1]). Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими. Вся Чудь платила ему дани съ вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братеникахъ: Ѳомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витязей со всего свѣта бѣлаго, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника, ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Новугороду».

10) Василій задумываетъ отправиться въ Іерусалимъ, помолиться, покаяться въ грѣхахъ своихъ. Мать даетъ благословеніе и наставленіе. Самый подробный разсказъ объ отправленіи Василья на богомолье находимъ въ пѣснѣ Кирши Данилова (№ XVIII):

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ-корабль
Какъ бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья, со его дружиною хороброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василей-то по кораблю похаживаетъ,
Таково слово поговариваетъ:
„Свѣтъ, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
Ставьте корабль поперекъ Ильменя.

---

[1]) Это выраженіе повторяется въ пересказѣ Гусева:

Да ужъ какъ сталъ Василій Богуслаевичъ
Владѣть да всѣмъ Новымъ—градомъ

(*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, стр. 292).

Ни въ одномъ изъ остальныхъ пересказовъ подобнаго выраженія нѣтъ.

Digitized by Google

Приставайте, молодцы, ко Новугороду".
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ.
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинушка хоробрая:
Только караулы оставили.
Приходитъ Василій Буславьевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ вьюнъ около ее убивается,
Проситъ благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое,
Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ
Со своею дружиною хороброю,
Мнѣ-ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися".
Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелѳа Тимоѳеевна:
„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля".
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается,
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружіе долгомѣрное:
„Побереги ты, Василій, буйну голову свою".

(Стр. 166—168).

Между боемъ Василья съ новгородцами и его отправленіемъ въ святыя мѣста должно было пройдти нѣкоторое время. Поѣздка Василья въ Іерусалимъ, очевидно, не первый опытъ его плаванія на «червленомъ караблѣ». Онъ гдѣ-то успѣлъ побывать, онъ откуда-то вернулся въ Новгородъ:

Ставьте корабль поперекъ Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду.

Василій идетъ къ матери, проситъ у нея благословенія «идти въ Ерусалимъ градъ». Мать отвѣчаетъ условнымъ согласіемъ:

Digitized by Google

То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое,
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля".

Въ этихъ словахъ слышится упрекъ и опасенье, объяснимые лишь при предположеніи болѣе ранней поѣздки Василья, къ которой можно было примѣнить слова: «на разбой пойдешь». Мамелфа боится, какъ бы новая затѣя ея сына не оказалась повтореніемъ прежней. Слѣдующее затѣмъ описаніе снаряженія Василья въ путь не напоминаетъ приготовленій къ благочестивому хожденію:

И даетъ она много свинцу, пороху....
И даетъ оружье долгомѣрное.

Описаніе срисовано съ картины какой-то иной, не паломнической поѣздки Василья.

Съ этими намеками пересказа Кирши совпадаютъ выраженія пермской сказки: «Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабь, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобъ ѣхалъ куда хочетъ, и рукой въ слѣдъ махнула». Эти выраженія непримѣнимы, конечно, къ благочестивому странствованію въ Палестину. Въ пересказѣ *Гильфердинга*, 44, поѣздка Василья непосредственно связана съ разсказомъ о появленіи Мамелфы на мѣстѣ боя. Мать проситъ Василья «оставить мужиковъ хоть на сѣмена».

И говоритъ-то вонь Василій да Буславьевичъ:
Ай же ты, да моя матушка!
Кабы ты ко мнѣ да спереди зашла,
Я теперь бы тебѣ живой да нé спустилъ,
И расходилось мое сердцо богáтырское.
Я теперь тебе, матушка, послушаю.
Ай же вы, дружьё-братьё хороброе,
Садитесь-ко на нáсады черленые,
Поѣдемте по славному веряжскому".

(Ст. 218).

О богомольной цѣли поѣздки нѣтъ и помину.

Пѣсни *Рыбникова*, I, 60, II, 33, III, 40; *Гильфердинга*, 141, начинаютъ разсказъ о поѣздкѣ Василья прямо съ указанія на измѣнившееся настроеніе новгородскаго удальца:

Какъ у молода Васильюшка Буславьева
Богатырское его сердце *пожалилося*,

Digitized by Google

Пожалѣлося сердце и разгорѣлося
Съѣздить со дружиною хороброю
На тую на матушку Ердань рѣку,
Ко тому ко граду Еросолиму
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
А на Ѳаворѣ горѣ осушитися
Со своей дружиною со хороброей.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 361).

Но и въ одномъ изъ этихъ пересказовъ есть намекъ на иное странствованіе Василья, имѣвшее совсѣмъ не благочестивыя цѣли:

Говоритъ онъ матушкѣ родимой:
„Ай же ты, матушка родимая!
Утрось я не завтракалъ, вечеръ я и не ужиналъ,
Дай хоть сегодня пообѣдати,
Спусти меня, молодца, въ Еросолимъ градъ,
Во святую святыню помолитися,
Ко Христову гробу приложитися,
Во Ердань рѣку окупатися;
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе:
Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ.
(*Гильфердингъ*, ст. 726).

Переносный смыслъ выраженій: «не завтракалъ, не ужиналъ, хочу пообѣдать», вполнѣ ясенъ. По одному изъ пересказовъ Василій, явившись изъ затвора на выручку товарищей, говоритъ:

Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтракали,
Мнѣ-ко-ва давайте пообѣдати [1])
(*Рыбниковъ*, I, стр. 348).

О такомъ же обѣдѣ думаетъ Василій и послѣ того, какъ принужденъ былъ прекратить бой на Волховскомъ мусту. Онъ чувствуетъ себя недовольнымъ, онъ не находитъ въ Новгородѣ достаточнаго простора для своей буйной удали. На червленомъ караблѣ онъ ѣдетъ туда, гдѣ нѣтъ непріятныхъ стѣсненій, гдѣ можно вдоволь погулять и потѣшиться. Въ Святой Землѣ Василій еще успѣетъ побывать, а теперь онъ, очевидно, направляетъ свой корабль въ какія-то иныя мѣста: онъ ѣдетъ не молиться, а «пообѣдать», хотя позднѣйшая пѣсня и смѣшиваетъ эти противорѣчивыя стремленія.

[1]) Ср. выше примѣч на стр. 216—217.

Digitized by Google

Пересказъ Кирши указываетъ и путь Василья: онъ ѣдетъ «по морю Каспійскому», не минуя, конечно, Волги, хотя названіе рѣки и не упомянуто въ пѣснѣ. Въ Поволжьѣ Василій, какъ видно, былъ уже извѣстенъ: казачьи атаманы, стоявшіе на островѣ Куминскомъ, не видали еще новгородскаго удальца, но знають о немъ:

Это де идетъ Василій Буславьевичъ,
Знать де полетка соколиная
Видѣть де поступка молодецкая.

(Стр. 172).

Былина говорить о Каспіи при описаніи путешествія Василья въ Іерусалимъ. Но въ такомъ маршрутѣ слѣдуетъ, вѣроятно, видѣть слѣдъ поздняго искаженія пѣсни. Едва ли можно предположить, будто старoновгородская былина могла говорить о путешествіи въ Палестину черезъ Волгу и Каспійское море. Паломниковъ къ св. мѣстамъ бывало у насъ не мало, особенно среди новгородцевъ. Еще въ XII вѣкѣ новгородскій клирикъ писалъ: «идутъ въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другымъ азъ бороню, не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти». Новгородцы знали, конечно, какъ ходятъ въ Іерусалимъ градъ, знали о Цереградѣ, гдѣ останавливались наши паломники, направлявшіеся къ св. мѣстамъ [1]). Еще болѣе было извѣстно Поволжье, куда новгородцы издавна проложили себѣ путь. Поэтому, если пѣсня запомнила путь новгородскаго

[1]) Нужно, впрочемъ, припомнить, что одинъ изъ старо-русскихъ паломниковъ, Василій Гагара, ходилъ въ Св. Землю (1634—1637) такимъ же необычнымъ путемъ, какой указываетъ и пѣсня Кирши. Гагара шелъ изъ Казани въ Астрахань, оттуда въ Тифлисъ, далѣе—на Ардаганъ, Карсъ, Ерзерумъ, Севастію, Кесарію, Едессу, Дамаскъ. Такой маршрутъ объясняется особыми обстоятельствами: Гагара, казанскій купецъ, знакомъ былъ съ Закавказьемъ по торговымъ сношеніямъ. Самъ онъ говоритъ, что не задолго передъ путешествіемъ «посла человѣка своего съ товаромъ за море торговати въ Персидскую землю». «И Божіимъ гнѣвомъ,—продолжаетъ Гагара,—за мое окаянство, на морѣ бусу со всѣми товары разбило, и все имѣніе мое потонуло. А се иные многія бѣды и напасти приключишася ми. *Въ то время* и въ тѣхъ скорбехъ и напастехъ азъ многогрѣшный и наипаче учалъ обѣщатися ежебъ ми тамо быти во Іерусалимѣ, у гроба Господня», и т. д. (Палестинскій сборникъ, вып. 33: Хожденіе В. Гагары, изд. подъ ред. *С. О. Долгова*, стр. 48). Гагара направился путемъ, который представлялся ему болѣе или менѣе знакомымъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, объясняющихъ путь казанскаго купца, едва ли можно придавать значеніе нѣкоторому сходству Гагарина маршрута съ указаніями Кирши Данилова, направляющаго Василія Буслаева къ острову Куминскому на Каспійскомъ морѣ, а оттуда—въ Іерусалимъ градъ.

Digitized by Google

удальца къ устьямъ Волги, то такое воспоминаніе должно, очевидно, относиться не къ паломничеству Василья, а къ другой, болѣе ранней его поѣздкѣ. Припомнимъ, что добраго молодца, гуляющаго на Волгѣ, знаетъ и другая новгородская былина:

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ.
(*Кирша*, стр. 266).

Гулялъ, очевидно, на Волгѣ и Василій Буслаевичъ.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ намековъ и соображеній—такой: съ полной вѣроятностью можно предполагать, что первоначально былина разсказывала о двухъ поѣздкахъ Василья: сынъ Буслая уѣзжаетъ изъ Новгорода, «гуляетъ» на Волгѣ; позже его настроеніе мѣняется: онъ задумываетъ покаяться въ грѣхахъ, возвращается въ Новгородъ и послѣ бесѣды съ матерью, получивъ ея благословеніе, отправляется въ Іерусалимъ:

11) Путешествіе Василья Буслаевича въ Іерусалимъ. Пѣсня Кирши Данилова передаетъ этотъ послѣдній отдѣлъ былины съ такими подробностями:

а) Новгородскіе «молодцы» плывутъ по озеру Ильменю.

Бѣгутъ они ужъ сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую;
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
„Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?"
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти [1]);

[1]) Въ былинѣ о Даниле Игнатьевичѣ этотъ старый богатырь говоритъ Владиміру:

Видь служилъ я у тебя пятьдесятъ годовъ,
Да убилъ я тобѣ видь пятьдесятъ царёвъ,
А мелкой силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ.
Теперь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ, въ монастырь пречёстные,
Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
Да спасти мнѣ-ка, *спасти да душа грѣшная*.
(*Кирѣевскій*, III, стр. 43)

Въ такомъ точномъ смыслѣ выраженіе: «съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти», непримѣнимо, конечно, къ Василью Буслаевичу.

Digitized by Google

А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
Ко святому граду Іерусалиму".

Гости корабельщики отвѣчають, что въ Іерусалимъ можно проѣхать двумя путями:

„Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года.
На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
На томъ острову Куминскіимъ
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы козачіе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи,
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли".
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленый вязъ;
А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ".
(Стр. 168—169).

б) Василій и его спутники останавливаются у горы Сорочинской и поднимаются на нее:

Будетъ Василій въ полу-горѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь.
Провѣщится пуста голова человѣческая:
„Гой еси Василій Буславьевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Умѣю я, молодецъ, валятися
А на той горѣ Сорочинскія;
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будетъ головѣ Васильевой!"
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
„Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,
Или нечистый духъ".
Пошелъ на гору высокую;

Это выраженіе имѣетъ цѣлію указать не столько разницу лѣтъ, сколько разницу душевнаго настроенія, хотя и намекаетъ все-таки на извѣстную продолжительность перваго, резгульнаго періода жизни Василья. Дошедшіе до насъ пересказы помнятъ лишь о боѣ Василья съ новгородцами; древняя редакція былины представляла, вѣроятно, болѣе сложную иллюстрацію приведеннаго намека: «съ молоду бито много, *граблено*»...

Digitized by Google

На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ,
Въ вышину три сажени печатныя,
А и черезъ его только топоръ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
„А кто де у каменя станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову".
Василій тому не вѣруетъ,
Приходитъ со дружиною хороброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперекъ того каменю поскакивати,
А вдоль то его не смѣютъ скакать.

(Стр. 170—171).

в) Застава корабельная, о которой говорили гости, не задержала Василья. Добравшись до острова, гдѣ стояли «козаки разбойники», Василій «на пристань сталъ» и скочилъ на крутъ бережокъ. Атаманы казачьи, узнавъ отъ караульщиковъ о прибытіи корабля, говорятъ приведенныя уже слова:

„Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,
Не видали страху великаго,
Это де идетъ Василій Буслаевичъ;
Знать де полетка соколиная,
Видѣть де поступка молодецкая".

Новгородецъ спрашиваетъ казаковъ о прямомъ пути ко святому граду Іерусалиму:

Говорятъ атаманы казачіе:
„Гой еси, Василій Буслаевичъ!
Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати".
Втапоры Василій не ослушался,
Садился съ ними за единой столъ;
Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра;
Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полуведру пить.

Послѣ угощенія казаки прощаются съ Васильемъ, даютъ ему богатые подарки и «молодца провожатаго».

г) Каспійскимъ моремъ Василій добирается де Ердань-рѣки:

Будутъ они во Ердань рѣкѣ,
Бросали якоря крѣпкіе,

Digitized by Google

Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ
Со своей дружиною хороброю
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборною,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василья Буславьевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ, —
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль;
Втапоры его дружина хоробрая
Купалися въ Ерданѣ рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
„Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича.
Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича".
И они говорятъ таково слово:
„Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ",

(Стр. 174—175).

д) На обратномъ пути Василій останавливается у знакомыхъ ему казачьихъ атамановъ.

Поклонялись ему атаманы казачіе:
„Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Здорово ли съѣздилъ въ Ерусалимъ градъ?"
Много Василій не баитъ съ ними,
Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за нихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за нихъ, молодцовъ.
Втапоры атаманы казачіе
Звали Василья обѣдати,
И онъ не пошелъ къ нимъ.

(Стр. 175—176).

е) Подъѣхавъ къ горѣ Сорочинской, Василій выходитъ на берегъ.

Digitized by Google

Повторяется приключеніе съ черепомъ, повторяется и прыганье черезъ камень, но съ иными послѣдствіями. Въ первый разъ Василій не рѣшился перескочить вдоль камня; теперь онъ

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.

(Стр. 177).

ж) Дружинники Василья возвращаются въ Новгородъ и приносятъ Мамелфѣ вѣсть о смерти сына.

Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Пошли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего,
Подите въ подвалы глубокіе,
Берите золотой казны не считаючи".
Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова;
„Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна,
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцевъ".
Втапоры матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина.
Подноситъ дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы
Кому куда захотѣлося.

(Стр. 178—179).

Сравнительно съ пѣсней Кирши остальные пересказы представляютъ небольшіе отрывки, въ которыхъ уцѣлѣли лишь нѣкоторыя подробности Васильева странствованія въ Іерусалимъ градъ.

α) Отдѣлы а, в, д, то-есть разсказы о встрѣчѣ Василья съ го-

Digitized by Google

стями-корабельщиками и съ казачьими атаманами, не встрѣчаются ни въ одномъ изъ пересказовъ, кромѣ пѣсни Кирши.

β) Лишь въ нѣкоторыхъ пересказахъ (*Рыбниковъ*, I, 60; II, 33; III, 40; *Гильфердингъ*, 141; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 61) сохранилось упоминаніе о купаньѣ Василья въ Іорданѣ:

И вся его дружина хоробрая,
Купались въ Ердань рѣкѣ во рубашечкахъ,
А онъ же Василій Буславьевичъ
Купался Василій нагимъ тѣломъ.
А его свѣтъ государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
По поѣздѣ давала родительское благословеніе:
„Ай же ты, мое чадо милое!
Будешь ты у матушки Ердань рѣки.
Не куплись, Васильюшка, нагимъ тѣломъ:
Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ!“
А онъ же, Васильюшка Буславьевичъ,
Нарушилъ родительско благословеньице.
Не послушалъ государыни матушки:
Окупался Василій нагимъ тѣломъ.

Пересказы *Рыбникова*, III, 40, и *Гильфердинга*, 141, не упоминая о наставленіи матери, говорятъ о замѣчаніи, сдѣланномъ Василью при купаньѣ дѣвушкой чернавушкой:

Пришелъ Василій сынъ Буслаевичъ,
Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
Идетъ та дѣвушка чернавушка,
Говоритъ Васильюшку Буславьеву:
„Ай Василій сынъ Буславьевичъ!
Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не купаются,
Нагимъ тѣломъ купался самъ Іисусъ Христосъ!
А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ“.

(*Гильфердингъ*, ст. 726).

Пересказъ Касьянова присоединяетъ такую подробность: на замѣчаніе «дѣвицы прикрасивой» относительно купанья Василій отвѣчаетъ:

Ай же ты, красна дѣвица!
Кабъ была ты, дѣвица, на сей старонѣ,
Я бы сдѣлалъ тебѣ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ—двухъ богатырей.“
А тутъ плюнула дѣвица и прочь пошла.

(*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, стр. 229).

Digitized by Google

Пѣсня въ сборникѣ *Рыбникова* II, 33 вмѣсто дѣвицы выводятъ «женшину престарѣлую», но удерживаетъ нескромный отвѣтъ Василья (стр. 208).

Въ пѣснѣ Кирши мы встрѣтили также «бабу залѣсную», которая предсказала Васильевымъ дружинникамъ смерть ихъ атамана.

γ) Пересказы *Рыбникова*, II, 33, III, 40, *Гильфердинга*, 141, говорятъ, какъ и пѣсня Кирши, о смерти Василья при возвращеніи его изъ путешествія.

И онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ градъ
Со своима дружинушками хоробрыма.
И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору".
И зашли они на матушку на Сіонъ-гору,
И нашелъ Василій косточку сохояловую,
И сталъ онъ косточку попинывать
По матушкѣ по Сіонъ-горы.
И провѣщется косточка сухоялова
Ему голосомъ человѣческимъ:
„Не пинай-ко, Василій сынъ Буславьевичъ:
Ты будешь лежать со мной
На матушкѣ Сіонъ-горы вѣкъ по вѣку".
Плюнулъ Василій и прочь пошелъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Сама спала, себѣ сонъ видѣла",

На обратномъ пути, послѣ посѣщенія Іерусалима и купанья въ Іорданѣ, Василій и его спутники опять

Пріѣхали противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
Посмотримъ косточки сухояловы".
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Станемъ скакать черезъ бѣлъ горючъ камень.
Дружина скачетъ передомъ,
А онъ Василій сынъ Буславьевичъ,
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И раскололъ буйную головушку
И остался лежать вѣкъ по вѣку.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 240—241).

Digitized by Google

О «Сивдонь-горѣ» упоминаетъ и пересказъ *Гильфердинга*, 141 [1]). На этой горѣ Василій нашелъ кость сухоялову, которая проговорила «гласомъ человѣческимъ». Слѣдуетъ посѣщеніе Іерусалима и купанье въ Іорданѣ.

Затѣмъ:

Сѣли въ суденышко съ дружинушкой поѣхали.
Заболѣла у Васильюшка буйна̀я головушка,
Спрогово̀ри Василій сынъ Буслаевичъ:
„Ай же дружинушка хоробрая!
Болитъ у меня буйная головушка.
Вечоръ были мы на матушкѣ Сивонь-горѣ,
Пошли мы съ костью разбранилися,
Пошли мы съ костью не простилися.
Заѣдемъ-ко на матушку Сивонь-гору,
Простимся у кости сухояловой.
Пріѣхали на матушку Сивонь-гору:
Гдѣ лежала кость сухоялова,
Тутъ лежитъ на томъ мѣстѣ синь камень:
Въ долину камень сорокъ сажень,
Въ ширину камень двадцать сажень.

Дружинники Василья скачутъ поперекъ камня, а самъ Василій— вдоль.

Скочилъ Васильюшко вдоль каменя,
Палъ Васильюшко о синь камень.
(*Гильфердингъ*, ст. 726—727).

Пѣсня, записанная Гильфердингомъ отъ Никифора Прохорова, изображаетъ путешествіе Василья, какъ гулянье по чисту полю.

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Онъ ходилъ-гулялъ по чисту полю
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Съ толстымъ Ѳомой еще съ Благоуродливымъ
А съ маленькимъ съ удаленькимъ Патанюшкой,
Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Лежитъ-то тутъ ужъ какъ вѣдь во чистомъ поли
Пустая голова человѣческая.

Голова «воспровѣщила».

Далѣе:

Находился, нагулялся тамъ Васильюшка,
Пошолъ назадъ туды да обратно бы
Этыимъ путемъ да дорогою.

---

[1]) Пересказы *Рыбникова*, II, 33, и 160, вмѣсто, Сіона называютъ Ѳаворъ.

Приходитъ онъ къ уловному тому да помѣстьицу,
Гдѣ та голова тутъ лежала-то.
Какъ смотритъ-то еще вѣдь стала тутъ гора каменная;
Какъ смотритъ тутъ Васильюшко Буславьевичъ,
Какъ на этой горы на каменной
Подпись та была подписана:
„А кто-то тутъ черезъ гору перѐскочитъ.
Перескочитъ черезъ гору три разу,
Того-то тутъ да вѣдь Господь проститъ;
Ахъ кто-то вѣдь есть не перескочитъ,
Тотъ будетъ трою проклятъ на вѣку то былъ".

Дружинники Василья скачутъ «со ратовьемъ» [1]). Иначе поступаетъ ихъ атаманъ:

Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
Да скочилъ назадъ еще черѐзъ гору,
Да скочилъ онъ, Васильюшко, назадъ—пятъ былъ,
Какъ тутъ-то вѣдь Василей сынъ Буславьевичъ
Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьянымъ
За тую гору да за каменну,
Поворотило какъ Васильюшка Буслввьева
Вничъ его вѣдь молодца головушкой,
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть...
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи
Копали тутъ-то яму на чистомъ поли,
А распростилисе съ Васильюшкомъ Буславьевымъ,
Спустили какъ тутъ его во матушку сыру землю.
Только тутъ Васильюшку славы поютъ.

(Ст. 294—295).

Пѣсня *Рыбникова*, I, № 60, удерживаетъ разсказъ о путешествіи въ Палестину, распредѣляя приключенія съ черепомъ и камнемъ въ такомъ порядкѣ: послѣ купанья въ Іорданѣ Василій и его товарищи

Скоро садились на добрыхъ коней
И поѣхали на славну на Ѳаворъ-гору,
Ко тому ко каменю ко Латырю
И ко той ко церкви соборнія,
Которая стоитъ со двѣнадцатью престолами,
У того у каменя у латыря,
На которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ.
Не доѣдучись до каменя до Латыря,

---

[1]) «То-есть, съ жердью, которая имъ служила опорою». (Примѣч. Гильфердинга).

Digitized by Google

На томъ на раздольѣ на широкомъ
Увидѣлъ Васильюшка Буславьевичъ
Лежащую кость богатырскую.

Кость воспроговоритъ, что Василью не доѣхать до церкви соборнія. Василій не обращаетъ вниманія на это предсказаніе и ѣдетъ дальше.

Не доѣдучись до церкви до соборнія,
Увидѣлъ предъ собою бѣлъ и великъ камень,
И на камени подпись подписана:
„Кто перескочитъ трижды черезъ бѣлъ камень.
„Тотъ достигнетъ церкви соборнія...
А кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень,
Тотъ не достигнетъ церкви соборнія“...

Дружина Васильева трижды перескочила черезъ бѣлъ камень. Самъ Василій два раза перескочилъ

И на третій говоритъ дружины хоробрыя:
Я на третій разъ не передомъ, задомъ перескочу...
И задѣла за камень ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буславьевичъ
О жестокъ камень своима плечмы богатырскима.
И тутъ Василью славы поютъ,
И во вѣки тая слава не минуетъ.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 361—363).

Пѣсня въ сборникѣ *Гильфердинга*, № 44, передаетъ разсказъ о смерти Василья безъ указанія на подробности путешествія:

И поѣхали по славному по веряжскому,
Заѣхали на гору сорочинскую
И ничего-то на горы они да нé нашли;
Столько лежитъ-то на горы да кость суха глава, и т. д.

Кость провѣщилась.

Ужь какъ тутъ Василью стосковалоси:
„Ай же вы, дружьё-братьё хороброе!
И пойдемте по горы по сорочинскія“.
И пошли-то по горы по сорочинскія
И ничего-то на горы они да нé нашли;
Есть только лежитъ на горы бѣлый камешокъ.

Василій скочилъ вдоль камня и не доскочилъ.

Въ пересказахъ: *Гильфердингъ*, 259 и 284, *Рыбниковъ*, I, 59; *Тихонравовъ* и *Миллеръ* 61, 63 нѣтъ упоминанія о говорящей кости. Уцѣлѣлъ лишь разсказъ о прыганьѣ черезъ камень. Пересказъ Еремѣевой обрывается на вѣщаніи черепа. (*Тих.* и *Милл.* 62).

Digitized by Google

Пермская сказка отступаетъ отъ пѣсенныхъ варіантовъ, замѣняя черепъ и камень «морской пучиной» [1]).

Путаница въ показаніяхъ о кости и камнѣ (кость и камень помѣщаются на одной и той же горѣ; кость и камень лежатъ отдѣльно; кость превращается въ камень) снова вызываетъ вопросъ: не смѣшаны ли въ былинѣ двѣ поѣздки Василья? Быть можетъ, разсказъ о черепѣ раздѣлялъ первоначально эти двѣ неодинаковыя по цѣли поѣздки. Василій во время своихъ странствованій наталкивается на человѣческій черепъ. Голосъ изъ «сухой кости», напоминавшій о неизбѣжномъ концѣ, смущаетъ и потрясаетъ удальца, не задумывавшагося до тѣхъ поръ ни надъ своей, ни надъ чужой жизнью. Василій рѣшается «душа спасти», отправляется на богомолье въ Іерусалимъ.

б) Заключительная замѣтка о матери Василья и его дружинѣ встрѣчается только въ пересказахъ *Рыбникова*, II, 33 *Тихонравова* и *Миллера* 61. Василій чувствуетъ приближеніе смерти

И наказываетъ своей братіи:
„Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ
И женился Василій на бѣломъ горючемъ камешкѣ“.
Тутъ-то Василій и преставился,
И похоронили Василья Буславьевича,
И поѣхали братія, къ его матушкѣ.
И встрѣчаетъ-то ихъ родна матушка:
„А гдѣ у васъ, братія, большій братъ, отоманище,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ?
—Сосватался, матушка, Василій на Ѳаворъ-горѣ,
Женился Василій на бѣломъ горючемъ на камешкѣ.
Тутъ-то его матушка расплакалась
И собрала она все свое имѣнье-богачество
И раздала она по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.
(*Рыбниковъ*, II, Стр. 208).

Въ пересказѣ *Гильфердинга*, 141, сохранился лишь послѣдній наказъ Василья товарищамъ:

[1]) «Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга: лежитъ тутъ Морская Пучина, вокругомъ глаза. Онъ вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ, а она ему и говоритъ: «Не пинай меня и самъ тутъ будешь!» Вотъ послѣ этого рабочіе его распутились межъ собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакали; онъ скакнулъ напослѣдѣ и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ». Разсказъ, очевидно, искаженный и спутанный.

Digitized by Google

„Съѣдешь, дружинушка хоробрая,
Къ моей матушкѣ родимое,
Вели поминать Васильюшка Буславьева".

(Ст. 727).

И пѣсни, и сказки съ большими или меньшими подробностями передаютъ одинъ и тотъ же разсказъ о смерти новгородскаго удальца: онъ умираетъ гдѣ-то на чужбинѣ послѣ неудачнаго прыжка черезъ камень (=гору, морскую пучину). Бурная, молодая жизнь прерывается неожиданно и преждевременно. Есть, однако, основаніе не только догадываться, но и утверждать, что, кромѣ такой, знакомой намъ, развязки былины о Васильѣ, извѣстна была другая, дававшая разгульному молодцу возможность и время превратиться въ степеннаго посадника. Я имѣю при этомъ въ виду извѣстіе, занесенное подъ 6679 (1171) годомъ въ лѣтописный сводъ XVI вѣка: «Того же лѣта преставися въ Новѣгородѣ посадникъ Васка Буславичь» [1]). Въ «Опытѣ о посадникахъ новгородскихъ» отмѣчено повтореніе этой замѣтки въ одномъ изъ списковъ хронографа [2]). Авторъ «Опыта» пользуется указаніями лѣтописи и хронографа, какъ исторически-достовѣрными свидѣтельствами, внося имя Васьки въ списокъ новгородскихъ посадниковъ. Иначе оцѣниваетъ приведенное извѣстіе Карамзинъ: «*Никоновская лѣтопись* говоритъ о двухъ нападеніяхъ половцевъ на южную Россію и о походѣ новгородцевъ на чудь, думаю, такъ же справедливо, какъ о смерти въ 1171 году новгородскаго посадника *Васки Буславича*, котораго никогда не бывало» [3]). Скептицизмъ Карамзина имѣетъ достаточное основаніе въ молчаніи новгородскихъ лѣтописей, не знающихъ Васьки Буслаева; не упоминаютъ о немъ и перечни новгородскихъ посадниковъ [4]). Вѣроятно, имя Васьки дошло до того лица, которое занесло

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, IX, стр. 247; Русская лѣтопись по Никонову списку (изд. 1768), ч. II, стр. 215. Подъ этимъ же годомъ помѣщенъ въ Никон. лѣтоп. разсказъ о знаменитой побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами.

[2]) Опытъ о посадникахъ новгородскихъ, стр. 91. Указаны: Никон. лѣтопись и хронографъ въ собраніи Румянцева («хронографъ рукоп. въ библіот. госуд. канцлера»). Въ примѣчаніи авторъ «Опыта» говоритъ: Память сего посадника сохраняется и теперь въ нашихъ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ» (стр. 301).

[3]) Исторія госуд. Росс., т. III, примѣч. 33. Ср. *Д. Прозоровскій*, Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ, стр. 1.

[4]) См. списки посадниковъ въ такъ называемой первой Новгородской лѣтописи (Новгор. лѣтопись по Синод. списку, стр 70—71, 441—442).

Digitized by Google

въ лѣтопись упомянутую замѣтку, путемъ не книжной, а устной традиціи. Лѣтописная замѣтка — намекъ на народныя сказанія, въ которыхъ хранился образъ мнимаго новгородскаго посадника.

Посадникъ Василій Буслаевичъ былъ, конечно, уже не такимъ удалымъ добрымъ молодцемъ, какимъ мы его знаемъ по былинамъ. Преданіе, отразившееся въ лѣтописной замѣткѣ, разсказывало, вѣроятно, о томъ, какъ Василій, бурно прожившій молодые года, послѣ какого-то глубокаго потрясенія, измѣнился, сталъ мирнымъ и уважаемымъ новгородскимъ гражданиномъ. Быть можетъ, и знакомое намъ заключеніе Чулковской сказки — не позднѣйшій вымыслъ, а лишь передѣлка забытаго теперь преданія. «Онъ владѣлъ надъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него поднятися, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими. Вся чудь платила ему дани со вѣрностью... Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные» (*Кирѣевскій*, V, Прилож., стр. XIII). Княжество Василья нужно, конечно, признать прикрасой редактора сказки. Поводъ къ такой прикрасѣ могло дать какое нибудь выраженіе народной пѣсни. Въ пересказѣ *Рыбникова*, III, 39, домъ Мамелфы называется «палатами *княженецкими*».

Тутъ пошелъ Василій со честна пира,
Повѣсилъ голову на правую сторонушку,
Утопилъ очи во сыру землю.
Приходитъ къ палатамъ *княженецкіимъ*,
Говоритъ его родна матушка, и т. д.

(Стр. 236).

Подобныя выраженія могли встрѣчаться и въ пѣснѣ, послужившей основой для сказки Чулкова. Древнѣйшее сказаніе говорило, конечно, не о княжествѣ Василья, а объ иномъ властномъ его положеніи. Лѣтописная замѣтка указываетъ это положеніе, называя Василья новгородскимъ посадникомъ.

Допустимъ иное предположеніе, признаемъ, что извѣстіе о смерти посадника Васьки Буслаева имѣетъ историческую достовѣрность, что Василій дѣйствительно былъ новгородскимъ посадникомъ; сдѣланный нами выводъ о значеніи лѣтописной замѣтки для опредѣленія первоначальной развязки былины не измѣнится. Если поэтическое сказаніе примкнуло къ лицу, бывшему посадникомъ, то каковъ бы ни былъ составъ такого сказанія, оно не могло, конечно, говорить о томъ, какъ неожиданно закончилась недолгая жизнь Василья.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о пѣсняхъ, въ которыхъ упоминаніе Василья Буслаева замѣняетъ другія эпическія имена.

Digitized by Google

а) Въ пѣснѣ *Рыбникова*, II, 14, Василій Буслаевичъ появляется передъ нами въ роли Ивана Годиновича.

Жилъ-то Бусланей девяносто лѣтъ,
Живучи онъ состарѣлся и преставился.
Оставался у Бусланея милый сынъ,
Изъ-по имени Василій Бусланеевичъ.
И поѣхалъ-то Василій Бусланеевичъ
Съ молодой женой Настасьей Митріевичной
Во славное раздольице чисто поле.
Ужъ онъ ѣздилъ-гулялъ по чисту полю,
Раскинулъ шатеръ бѣлый полотняный
И ложился на покой съ Настасьей Митріевичной.

Наѣзжаетъ Кощуй Трипетовичъ и овладѣваетъ женой Василья. Мужъ привязанъ къ сыру дубу, а жена и насильникъ остаются въ шатрѣ. (По пересказамъ съ именемъ Ивана Годиновича Настасья прежде, чѣмъ принуждена была выдти замужъ за Ивана, просватана была за Кощея; Кощей, стало быть, только отвѣчаетъ насиліемъ на насиліе). Не долго тѣшился Кощей. Онъ погибаетъ отъ своей же стрѣлы, пущенной въ голубей:

Какъ стрѣлилъ-то въ два сизыихъ голубя,
Высоко стрѣла подымалася
И низко она опущалася,
Она пала на Кощуя сына Трипетовича,
Расколола у него груди бѣлыя.

Привязанный Василій говоритъ женѣ:

„Ужъ ты экая баба неразумная!
Отвяжи Василья отъ сыра дуба“.
Она громко слезами уливалася,
Бѣлыимъ платочкомъ утиралася,
Забоялася она, застрашилася
Своего лютаго мужа Василья Бусланеича
И отвязла его отъ сыра дуба.

(Стр. 57—58).

На отвязываніи Василья пѣсня обрывается. Варіанты съ именемъ Ивана Годиновича даютъ возможность возстановить утраченный конецъ: Василій убиваетъ Настасью.

б) Въ пѣснѣ, записанной отъ В. Щеголенка (*Рыбниковъ*, II, 49; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 60) съ именемъ Василья Буслаевича связывается разсказъ «о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой», — разсказъ, извѣстный по цѣлому ряду пѣсенныхъ пересказовъ [1]).

[1]) См. *Рыбн.* I, 77, 78, II, 50, III, 52; *Гильф.* 89, 97, 117.

Digitized by Google

Василій, котораго батюшка «женилъ неволею», оставляетъ постылую жену и пускается въ путь «изъ земли въ землю». Добравшись до Литвы, онъ поступаетъ на службу къ королю и сближается съ его дочерью.

Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
Со дочерью жилъ королевскою;
Спалъ-то у ней на правой рукѣ,
На правой рукѣ, у бѣлой груди.

Тайна этой связи раскрывается самимъ Васильемъ:

И зашелъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ на царевъ кабакъ,
И выпилъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ чару зелена вина,
И другую выпилъ чару похмельную
И похвасталъ ей, красной дѣвушкой.

Василью грозитъ висѣлица, но заступничество королевны спасаетъ его отъ казни. Василій уходитъ изъ владѣній короля Литовскаго и возвращается домой (стр. 259—264).

Появленіе имени Василья въ этихъ пѣсняхъ имѣло, быть можетъ, основаніе въ какихъ нибудь теперь неясныхъ эпическихъ сближеніяхъ. Повѣсть о похожденіяхъ такого сорванца, какъ Василій Буслаевичъ могла находить вполнѣ подходящее дополненіе въ разсказахъ объ отношеніяхъ Василья къ женщинамъ,— отношеніяхъ, въ которыхъ скромность и нѣжность не были, конечно, преобладающими чертами. Припомнимъ, что Васька даже «женщинѣ престарѣлой» дѣлаетъ такія признанія:

Ай же ты, женщина престарѣлая!
Кабы ты была на сей сторонѣ,
Я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ—двухъ богатырей.
(*Рыбниковъ*, II, стр. 208).

Обзоръ эпическихъ данныхъ, связываемыхъ съ именемъ Василья Буслаевича, остался бы не законченнымъ, еслибы мы не отмѣтили еще, что новгородскій удалецъ появляется иногда и среди богатырей Владимірова цикла. Такъ, въ пѣснѣ о томъ, «съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси», въ числѣ погибшихъ храбрецовъ называется и Василій Буслаевичъ (*Кирѣевскій*, IV, стр. 108). По одному изъ пересказовъ былины о Дюкѣ съ нимъ вступаютъ въ состязаніе Михаила Долгомѣровичъ, Иванъ Годиновичъ, Василій

Digitized by Google

Буслаевичъ (*Рыбниковъ*, III, стр. 174—175). Эти примѣры указываютъ только на смѣшеніе эпическихъ цикловъ, втягивавшее сказаніе о новгородскомъ молодцѣ въ кругъ былинъ кіевскихъ. Было и обратное смѣшеніе. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Васильѣ появляются Владиміръ, князь стольно-кіевскій (*Рыбниковъ*, II, 32. *Гильфердингъ*, 103, 259), Добрыня (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 63).

II.

Василій Буслаевичъ—любимецъ нашихъ историковъ. При изображеніи древне-русскаго быта, при разсказѣ о судьбахъ Великаго Новгорода историкъ всегда отыщетъ мѣсто для воспоминаній о Васькѣ, для передачи сохранившихся о немъ преданій. Археологическое вниманіе привлекается той яркостью бытовыхъ красокъ, которая отличаетъ образъ Буслаева сына въ галлереѣ эпическихъ картинъ, сохраненныхъ нашей былевой поэзіей. «Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ,—говоритъ *С. М. Соловьевъ*,—изъ лицъ историческихъ описываемаго времени (1054—1228) является дѣйствующимъ новгородецъ Василій Буслаевъ. Пѣсня въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаетъ старину новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину общую русскую». Пересказавъ затѣмъ содержаніе былины о Васильѣ, историкъ замѣчаетъ: «Такимъ образомъ разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себѣ память въ народѣ, и предводитель новгородскихъ ушкуйниковъ является въ произведеніяхъ народной фантазіи среди богатырей Владимірова времени» [1]. *Н. И. Костомаровъ* въ Исторіи Новгорода и Пскова отдѣлилъ особую главу для изображенія «новгородскаго удальца по народному воззрѣнію». Удалецъ этотъ—Василій Буслаевъ. «Ничто,—говоритъ историкъ,—такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ». Слѣдуетъ подробный пересказъ былины о Васильѣ, сопровождаемый нѣкоторыми историческими объясненіями [2]. «Бы-

[1]) Исторія Россіи, т. III. гл. I (Внутреннее состояніе русскаго общества отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкаго), стр. 110—113.

[2]) Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчеваго уклада, т. II (Историческія монографіи, т. VIII), гл. IX, стр. 125—148.

Digitized by Google

лины новгородскія, — замѣчаетъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, — ярко рисуютъ бытъ Новгорода... Въ Васькѣ Буслаевѣ представляются намъ удальцы новгородскіе, не разбирающіе ни своихъ, ни чужихъ; поэтически изображается наборъ дружины пробованіемъ силы: кто выдержитъ ударъ дубиною, того и принимать въ дружину. Любопытно, что богатырь уступаетъ предъ авторитетомъ матери, и что въ концѣ жизни уходитъ замаливать грѣхи» [1]).

Пользуясь указаніями изслѣдователей древне-русской жизни, постараемся свести къ опредѣленнымъ пунктамъ тѣ историко-бытовыя данныя, которыя отыскиваются въ пѣсняхъ и сказкахъ о сынѣ Буслава.

1) Былина о Васильѣ начинается съ воспоминаній объ его отцѣ:

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.

(*Кирша*, стр. 72).

Или:

Съ каменной Москвой не перечился.
Съ Новымъ-городомъ спору не было.

(*Рыбниковъ*, II, № 33, стр. 201. Ср. III, стр. 233; *Гильфердингъ*, ст. 152, 722).

Пересказъ *Рыбникова*, I, 56, упоминаетъ еще о Псковѣ:

Со Новымъ-городомъ не спаривалъ,
Со Опсковымъ онъ не вздоривалъ,
А со матушкой Москвой не перечился.

(Стр. 344).

Это указаніе на Новгородъ, Псковъ и Москву, какъ на три самостоятельныя силы, принадлежитъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ обломковъ исторической старины, какихъ въ такой опредѣленной и ясной формѣ немного сохранилось въ былинахъ. Самостоятельность Новгорода и Пскова отошла въ область преданія со временъ Ивана III и сына его Василья. Не только для сказателей нашего времени, но и для пѣвцовъ болѣе ранней поры,—XVIII, даже XVII вѣка,—выраженіе: «съ Новымъ Городомъ не спаривалъ, со Опсковымъ не вздоривалъ», было, конечно, лишь пѣсенной формулой, которая повторялась по привычкѣ, безъ яснаго пониманія ея живаго значенія.

[1]) Русская исторія, т. I, стр. 362.

Digitized by Google

Буславу приходилось ладить съ Новгородомъ, Псковомъ, Москвой. Какъ видно, отецъ Василья занималъ въ родномъ городѣ видное, вліятельное положеніе; онъ, безспорно, принадлежалъ къ классу новгородскихъ бояръ, вятшихъ людей. На это указываетъ и богатство, доставшееся Василью. Онъ содержитъ на свой счетъ цѣлую дружину; вступая въ братчину, онъ платитъ за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго изъ своихъ дружинниковъ пять рублей. Мамелфа говоритъ товарищамъ своего сына: «подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны, не считаючи» (*Кирша*, стр. 178).

Человѣкъ именитый, вліятельный членъ новгородскаго вѣча, Буславъ не могъ не принимать участія въ между-областныхъ дѣлахъ. Ему приходилось улаживать отношенія Новгорода къ Москвѣ, къ Пскову. Умѣлъ онъ ладить и «со мужики новогородскими». Онъ зналъ, что безъ такого умѣнья легко было накликать на себя бѣду не малую. Черезъ всю исторію Новгорода проходитъ борьба общественныхъ классовъ, меньшихъ и вятшихъ людей, — борьба, вызывавшая иногда усобицы, которыя сопровождались убійствами и грабежомъ. Для примѣра укажу на лѣтописные разсказы о новгородскихъ усобицахъ 1255, 1257, 1259 и 1418 годовъ.

На княжескомъ столѣ новгородскомъ, послѣ Александра Ярославича Невскаго, сидѣлъ его сынъ Василій. «Въ лѣто 6763 (1255) выведоша новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича (брата Александра) и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ». Узнавъ объ этомъ, Александръ двинулся ратью къ Новугороду. Тутъ обнаружилось несогласіе между людьми меньшими и вятшими. Рѣшительными противниками князя Василья были меньшіе. «И рекоша меншии у святаго Николы на вѣчи: «братье! ци како station речеть князь: выдайте ми мои вороги», и цѣловаша святую Богородицю меншіи, како стати всѣмъ, любо животъ, любо смерть, за правду новгородьскую, за свою отчину; и бысть въ вятшихъ свѣтъ золъ, како побѣдити меншии, а князя въвести на своей воли». Главой партіи вятшихъ былъ нѣкій Михалко Степановичъ. Онъ поспѣшилъ къ своему полку, имѣя въ виду «уразити» противную сторону. «И увѣдавше черныи люди, погнаша по немъ и хотѣша на дворъ его». Вмѣшался въ дѣло посадникъ Онанья, пользовавшійся, какъ видно, вліяніемъ среди черныхъ людей:—«Братье,—сказалъ онъ,—аже того убиете, убійте мене переже»; «не вѣдяше бо, — прибавляетъ лѣтописецъ, — аже о немъ мысль злу свѣщаша — самого яти, а посадничьство дати Михалку». Эта «злая мысль» осуществилась. Князь Александръ поставилъ условіемъ мира смѣщеніе посадника Ананіи·

Digitized by Google

Избѣгая кровопролитія, новгородцы согласились исполнить это требованіе. «И сѣде князь Олександръ на своемъ столѣ». Посадничество дано было Михалку Степановичу [1]). Не долго, однако, пришлось ему пользоваться властью. Въ 1257 (6765) г. пришла вѣсть, что татары хотятъ брать на Новгородѣ тамгу и десятину. «И смятошася люди чересъ все лѣто; и къ госпожину дни умре Онанья посадникъ, а на зиму убиша Михалка посадника новгородци» [2]). Спустя два года, въ 1259 (6767) г., прибыли въ Новгородъ татарскіе посланцы Беркай и Касачикъ для переписи населенія. Боясь жителей, они просили князя Александра дать имъ охранную стражу. «И повелѣ князь стеречи ихъ сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскымъ по ночемъ». Опасеніе татаръ имѣло основаніе: требованіе числа и дани вызвало противодѣйствіе и смуту. «Чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: умремъ честно за святую Софью и за домы ангельскыя! Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святоі Софьи и по правой вѣрѣ; и створиша супоръ вятшии, велятъ ся яти меншимъ по числу». Сторона вятшихъ восторжествовала. «И злыхъ свѣтомъ яшася по число: творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло» [3]). Причиной новгородскихъ раздоровъ въ 1255 и 1259 гг. были дѣла не маловажныя: перемѣна князя, установленіе дани. Но бывали смуты, разгоравшіяся по ничтожному поводу. Такова усобица 1418 года. «Человѣкъ нѣкый Степанко, изымавше боярина Данила Ивановича, Божина внука, держащи вопияше людемъ: «а господо! пособите ми тако на злодѣя сего». Людіе же, видяще его вопль, влечахуть, акы злодѣя, к народу и казниша его ранами близъ смерти и сведше и с вѣца, сринуша и с мосту». Брошенный перехваченъ былъ въ челнъ проѣзжавшимъ рыбакомъ. Спасшись отъ смерти, бояринъ задумалъ отмстить врагу: схвативъ Степанка, «нача мучити» его. Это подлило масла въ огонь. «Слышавъ же народъ, яко изиманъ бысть Степанко, начаша звонити на Ярославли дворѣ вѣче; и сбирахуся людій множество, кричаху вопиюще по многы дни: «пойдемъ на оного боярина и домъ его расхытимъ!» и пришедъ въ доспѣсехъ съ стягомъ на Кузмадеміану улицу, пограбиша домъ его и иныхъ дворовъ мъного и на Яневѣ улицѣ берегъ пограбиша... И пакы възъярившися, аки піанѣ, на иного боярина, на Ивана на Иевлича, на Чюдѣнцевѣ улицѣ, и с

[1]) Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, изд. Археогр. Комм., 1888 г., стр. 275—277.

[2]) Ibid., 278.

[3]) Ibid., 279—280.

Digitized by Google

нимъ много разграбиша домовъ бояръскыхъ, нь и монастырь святаго Николы на полѣ разграбиша, ркуще: «здѣ житницѣ боярьскыи». И еще того утра на Людгощи улицѣ изграбиша дворовъ много, ркуще, яко «намъ супостаты суть», и на Прускую улицу приидоша, и они пакы отбишяся ихъ». Въ это время на Торговой сторонѣ (откуда приходили вороги боярскіе) распространился слухъ, что Софійская сторона вооружается и хочетъ отвѣчать на насиліе насиліемъ. «И начаша звонити по всему граду, и начаша людіе сърыскывати съ обою страну, акы на рать, в доспѣсѣхъ, на мостъ великый; бяше же и губленіе: овы отъ стрѣлъ, овы же отъ оружіа, бѣша же мертвіи, аки на рати; о отъ грозы тоя страшныя и отъ возмущенія того великаго въстрясеся весь градъ и нападе страхъ на обѣ страны» [1]). Только вмѣшательство архіепископа Симеона прекратило междоусобный бой.

Виновниками новгородскихъ смутъ бывали и сами бояре. Соперничество и ссоры этихъ людей питали и поддерживали общественную рознь, доводя ее порой до кровавыхъ усобицъ. Можно вспомнить при этомъ о новгородскихъ смутахъ 1230 и 1342 годовъ.

Въ 6738 (1230) году «роспрѣся Степанъ Твьрдиславиць съ Водовикомъ, Иванке Тимошкиниць по Степанѣ, и биша Иванка *паробчи посадници*». Эта ссора вызвала усобицу. Противники посадника Водовика разграбили его дворъ; тогда посадникъ и его сторонникъ Семенъ Борисовичъ подняли «городъ вьсь»: много дворовъ было разграблено, двое враговъ Водовика были убиты. Противники посадника не оставили этого насилія безъ отвѣта. Пріятель Водовика, Семенъ Борисовичъ, былъ убитъ; домъ и села его были разграблены. Самъ Водовикъ, домъ и села котораго также подверглись разгрому, бѣжалъ изъ Новгорода. Посадничество перешло къ Сте-

---

[1]) Ibid., 405—407. Въ такъ называемой второй Новгородской лѣтописи къ этому разсказу о безурядицѣ присоединяется еще такая подробность, рисующая раздраженіе народа противъ боярина Данила: «Бяше же и се дивно... жена нѣкая, отвергши женьскую немоща, вземши мужскую крѣпость, выскочивъ же посреди сонмища, дасть ему раны, укоряющи его, яко неистова, глаголющи, яко обидима есми имь» (Новгородскія лѣтописи, стр. 42). Это участіе женщины въ народной расправѣ приводитъ на память разсказъ былины о чернавкѣ, вмѣшавшейся въ бой Васильевой дружины съ новгородскими (*Кирша*, стр. 80; *Рыбниковъ*, I, стр. 342, 346—347; *Гильфердингъ*, ст. 1185). Замѣчательно, что и образъ женщины-воительницы пріурочивается въ нашемъ эпосѣ къ былинѣ о Ставрѣ, имѣющей новгородскую основу (припомнимъ новгородскаго сотскаго Ставра, заточеннаго Мономахомъ).

Digitized by Google

пану Твердиславичу [1]). Въ 6850 (1342) году «Лука Валфромѣевъ, не послушавъ Новаграда и митрополица благословенія и владычня, *скопивъ съ собою холоповъ збоевъ*, и поѣха за волокъ на Двину и постави городокъ Орлиць». Вскорѣ Лука былъ убитъ заволочанами. Когда слухъ объ его смерти дошелъ до Новгорода, «всташа чорныи люди на Ондрѣшка, на Федора на посадника на Данилова, а ркуци: яко тѣ заслаша на Луку убити, и пограбиша ихъ домы и села». Опять началась смута. Городъ раздѣлился: «сия страна собѣ, а сіа собѣ». Но владыка Василій и намѣстникъ Борисъ успѣли уладить дѣло и «доконцаша миръ» между враждовавшими сторонами [2]).

2) Для борьбы, къ которой привыкли новгородскіе бояре, нужны были бойцы, дружина хоробрая. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ находимъ упоминаніе о паробкахъ посадника Водовика, о холопахъ—збояхъ, собранныхъ Лукой Варѳоломѣичемъ. Въ былинѣ честная вдова Амелфа Тимоѳеевна говоритъ сыну объ отцѣ:

Не имѣлъ въ карманѣ онъ вѣдь ста рублей,
А имѣлъ дружину хоробрую.
(*Рыбниковъ*, II, стр. 202).

Собираетъ себѣ дружину и Васька. Написалъ онъ ярлыки скорописчаты:

„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
Тотъ ѣшь и пей готовое
И носи платье разноцвѣтное!"

Разославъ эти ярлыки, Василій поставилъ середи двора чанъ, полонъ зелена вина, опустилъ въ него чару въ полтора ведра и сталъ поджидать добровольцевъ.

Во славномъ было во Новѣградѣ:
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ,
Къ тому чану зелену вину;
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,..
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,

---

[1]) Лѣтопись по Синод. списку, стр. 233—236.
[2]) Ibid., 342—343.

Digitized by Google

А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя не шевельнится,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ
И паче мнѣ брала родимаго!“.
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскія,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ;
Молодой Василій, сынъ Вуслаевичъ,
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залешена...
Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи.
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ.

(*Кирша*, стр. 74—76).

Васька называетъ выбранныхъ имъ удальцовъ «братьями названымн», но это наименованіе соединяется въ былинѣ съ такими отношеніями, которыя не похожи на братскій союзъ. Дружинники Василья хотятъ «пить и ѣсть изъ готоваго». Такихъ новгородскихъ братьевъ-наймитовъ мы знаемъ по свидѣтельствамъ историческимъ. Митрополитъ Іона (1448—1458) писалъ въ Новгородъ: «Слышахъ, сынове, яко по изначалнаго врага душъ нашихъ и губителя діаволимъ навѣтамъ, нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло сътворяется въ вашемъ православномъ христіяньствѣ... *не томко отъ простыхъ людей, но и отъ честныхъ отъ великихъ людей*, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: не за кую сію и великую и малую вещь зачинается гнѣвъ и отъ того ярость и свары и прекословія и многонародное събираніе со обояхъ странъ еще и *наймовати на то злое и богоненавистное дѣло... сбродней, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣкъ, и бои замышляютъ и крови пролитія и души христіанские губятъ*» [1]). Дружина Василья Буслаевича, не робѣв-

[1]) Акты Историч., I, № 44, стр. 89. Іона повторяетъ это обличеніе въ особомъ посланіи къ архіепископу Евфимію: «И о семъ, сыну и брате, прошю тебе, яко да не позазриши смѣренію нашему, о ихъже вещехъ слышахомъ творящихся отъ нѣкоторыхъ твоихъ дѣтей, православныхъ христіанъ, еще же паче рещи и отъ честныхъ человѣкъ въ твоей паствѣ въ Великомъ Новѣгородѣ: нѣкая междоусобнаа спираніа, и раздоры, и убійства, и кровопролитія и нѣколикія сътворившаася и творящаася душегубства православному христіяньству, и на то на злое и богомерзъское дѣло наимованія, съ обою страну, злорадныхъ

Digitized by Google

шая ни передъ чарой, ни передъ дубиной, можетъ служить эпической иллюстраціей къ этимъ обличеніямъ митрополита Іоны.

3) Васька и его товарищи появляются на пиру, который въ старѣйшемъ пересказѣ Кирши Данилова называется «братчиной Никольщиной» [1]). Объ этой братчинѣ упоминаетъ и другая новгородская былина (о Садкѣ):

Тѣ мужики новогородскіе сходилися
На братчину Никольщину,
Начинаютъ пить канунъ, пива ячныя.
(*Кирша*, стр. 270—271).

Наименованіе братчины Никольщиной вполнѣ согласно съ обычаями древней Руси [2]), хотя бывали, конечно, братчины и при другихъ праздникахъ. Такъ въ лѣтописи, подъ 6667 (1159) г., при разсказѣ о Ростиславѣ Глѣбовичѣ, князѣ полоцкомъ, упоминается братчина въ Петровъ день: «И начаша Ростислава звати льстью у братьщину къ свѣтѣй Богородици къ старѣй на Петровъ день, да ту имуть и» [3]). Съ этимъ извѣстіемъ можно сопоставить упоминаніе о Петровѣ дни, повторяющееся въ цѣломъ рядѣ пересказовъ нашей былины:

Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не далъ я ти яичка о Христовомъ дни,
Дамъ тебѣ яичко о *Петровомъ дни*.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 349, 356, 360, II, 200; *Гильфердингъ*, ст. 217, 293, 595, 1186; *Тихонравовъ и Миллеръ*, 61)

Братчины—явленіе обще-русское, но болѣе устойчивую организацію и большую самостоятельность эти праздничныя собранія получили именно въ Новгородѣ и другихъ городахъ, обладавшихъ болѣе развитыми формами общественнаго быта. «Въ нѣкоторыхъ областяхъ,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—братчины постарались освободиться совершенно отъ вмѣшательства правительственныхъ лицъ и пріобрѣсть право суда надъ своими членами, произведшими без-

---

и хотящихъ кровопролитству, піянчивыхъ и о своихъ душахъ нерадящихъ злотворныхъ человѣкъ» (ibidem, № 48, ст. 88).

[1]) Братскій пиръ, какъ было уже указано, кромѣ пересказа *Кирши*, упоминается еще въ пересказахъ шенкурскихъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ *Кирѣевскаго* (V, 1, 2).

[2]) *Снегиревъ*, Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, вып. I, стр. 50, 162; IV, стр. 83; *Калинскій*, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси, 337 (*Записки Имп. Р. географич. общ. по отдѣл. этнографіи*, т. VII).

[3]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 83.

порядокъ во время пира. Легко догадаться, что эту большую степень самостоятельности братчины могли пріобрѣсть преимущественно въ Новгородѣ и его владѣніяхъ, во Псковѣ, по извѣстнымъ формамъ тамошняго быта... То же самое право имѣютъ братчины или братства и въ западной или Литовской Россіи, гдѣ бытъ городовъ... представлялъ сходныя черты съ бытомъ Новгорода и Пскова и гдѣ видимъ сильнѣйшее развитіе цеховаго устройства» [1]).

На важное значеніе братчинъ, въ ряду другихъ проявленій древне-русской общественности, указываютъ и тѣ религіозные обряды, которыми сопровождался братскій пиръ, и тѣ правительственныя постановленія, которыя опредѣляли права и обязанности братчиковъ. По разсказу датчанина Ульфельда, бывшаго въ Россіи въ 1575 и 1578 гг., приготовленію пива предшествовалъ церковный обрядъ освященія воды, хмѣля и ячменя. «Nescio sane, an hic significare debeam, quo pacto sanctorum opem in cerevisia coquenda implorant, quibusque ceremoniis utuntur. Cum aqua dolio infunditur ad manus habent sculpile baculo longo alligatum, quod dolio imponunt confestimque extrahunt, quod etiam fit cum frumentum et lupulus adduntur. Quo facto baculum in altum erigentes imaginem illam curvatis genibus, capitibus demissis frontibusque signo crucis signatis venerantur. Talibus superstitionibus imbuuntur, adeoque his ineptis fascinati sunt, ut hisce ceremoniis neglectis totum laborem irritum esse existiment» [2]). Ив. Аѳ. Бычковъ издалъ недавно, по рукописному требнику XVII вѣка, замѣчательную «молитву надъ канономъ». Въ этой молитвѣ, несомнѣнно новгородской редакціи, читаемъ между прочимъ: «Соблюди, Господи, и помилуй намѣстниковъ новъгороцькыхъ, и иныхъ князей и бояръ и всѣхъ приказьныхъ людей, царьскыхъ доброхотовъ: соблюди, Господи, и помилуй государя дому сего (імя рекъ), или *старосту брачьчины сей* (імя рекъ), съ его сынцы и сь ихъ женами и з дѣтьми и з гостьми приходящими и со всѣми православными крестьяны» [3]) и т. д.

Что касается правовыхъ отношеній древне-русскихъ братчинъ, то наиболѣе точное и ясное опредѣленіе этихъ отношеній даетъ Псковская судная грамота (XV вѣка): «А братьщина судить, какъ судия». Но подобныя же указанія на бо́льшую или меньшую само-

[1]) Исторія Россіи, т. VII, стр. 143.

[2]) Jacobi Ulfeldii Hodoeporicon Ruthenicum, p. 10 (*Starczewski*, Historiae Ruth. scriptores, vol. I).

[3]) Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей *И. Д. Богданова*, вып. I стр. 21.

Digitized by Google

стоятельность братчинъ находимъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ грамотъ, принадлежащихъ разнымъ мѣстностямъ Русской земли. Въ грамотахъ этихъ повторяется обыкновенно одно и тоже постановленіе: «А на пиры и на братчины... незванъ не ѣздитъ никто; кто пріѣдетъ къ нимъ на пиръ и на братчины незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно; а кто у нихъ станетъ пить силою, и случится у нихъ тутъ какая нибудь гибель, ино ему платить вдвое безъ суда и безъ исправы» [1]).

По пересказу *Кирши*, Василій Буслаевичъ внесъ свою долю въ общую складчину и принятъ былъ въ братчину *старостой*.

Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину:
„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ“.
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ;
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.

(Стр. 76).

По другимъ пересказамъ, не упоминающимъ, правда, о братчинѣ, Васька является на пиръ [2]) незванъ:

Не зовутъ Васильюшки Буслаева
На пированьице, на почестенъ пиръ;
Не ждетъ-то онъ чести великія,
А приходилъ онъ къ нимъ на почестенъ пиръ
Со своима со дружинамы хоробрыма
И идетъ-то во мѣсто во большее,
Садится молодецъ въ большой уголъ
И раздвигалъ мужиковъ новгородскіихъ,
Садился со дружинамы хоробрыма;

---

[1]) Сводъ извѣстій о братчинахъ см. въ статьяхъ *С. М. Соловьева*: „Братчины“ (*Русская Бесѣда*, 1856, IV, 108—117) и *А. П. Попова*: „Пиры и братчины“ (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. *Калачовымъ*, кн. II, полов. 2, отд. VI, стр. 19—41).

[2]) „Изъявленіемъ веселости и радушія,—замѣчаетъ Костомаровъ,—былъ пиръ, который въ Новгородѣ человѣкъ зажиточный считалъ обязанностью дѣлать для множества гостей и тѣмъ поддерживалъ свое значеніе... Когда князь пріѣзжалъ въ Новгородъ, избирался и поставлялся владыка, всегда торжество сопровождалось пиромъ. Князь Изяславъ Мстиславичъ, желая пріобрѣсть расположеніе новгородцевъ, сдѣлалъ пиръ для цѣлаго города. Какъ много значили пиры въ Новгородѣ и какъ легко было посредствомъ хлѣбосольства пріобрѣсть расположеніе, показываетъ то, что Борецкіе дѣлали пиры и черезъ то подбирали себѣ партію“ (Исторія Новгорода и Пскова, II, стр. 155—156).

Digitized by Google

Говорятъ мужики новгородскіе:
„А званому гостю хлѣбъ да соль,
А не званому гостю и мѣста нѣтъ“.

Василій отвѣчаетъ насмѣшкой:

„Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая,
А незваному гостю, какъ Богъ пришлетъ“.
(*Рыбниковъ*, стр. 353; ср. ibidem, 339, II, 204—205;
III, 235—236; *Гильфердингъ*, ст. 290, 723—724):

Грамоты, которыя говорятъ о братчинахъ, предусматриваютъ возможность непріятныхъ столкновеній между пирующими, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если на пиръ явится кто нибудь незваный: «а кто у нихъ станетъ пить силою, и случится у нихъ тутъ какая нибудь гибель», и т. д. Когда на новгородскомъ пиру появились такіе пьянчивые и кровопролитные люди, какъ Василій и его дружина, «гибель» была неизбѣжна.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Бросился на царевъ кабакъ
Со своею дружиною хораброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру...
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія.
Отъ того бою кулачнаго
Началася драка великая.
(*Кирша*, стр. 77).

4) Драка началась съ борьбы, которою стали тѣшиться попировавшіе ребята. На другой день послѣ пира назначенъ былъ новый бой новгородцевъ съ Васильевой дружиной, бой уже не случайный, а обставленный нѣкоторыми условіями, обезпеченный закладомъ и записями. Этотъ бой долженъ былъ имѣть такое же значеніе молодецкой потѣхи, состязанія въ силѣ и ловкости, какъ и «борьба ребячья», но бѣшеный задоръ Василья придалъ игрищу видъ кровавой свалки, напоминающей картину новгородскихъ усобицъ. По нѣкоторымъ пересказамъ ожесточеніе Василья объясняется, правда, страшнымъ залогомъ, о которомъ уговорился онъ съ новгородцами:

И ударился Васька о великъ закладъ,
Не о стѣ рублей, не о тысячѣ,
Ударился Васька о своей буйной головѣ
За утрò биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ
(*Кирѣевскій*, V, стр. 5, 12).

Digitized by Google

Ударились оны о великъ закладъ:
Если Василей побьетъ, съ князя два ста тысячъ;
Если побьютъ мужики Новгорожана,
То Василью голова срубить.
(*Гильфердингъ*, ст. 1185, ср. *Рыбниковъ*, I, стр. 340).

Но такую версію договора съ залогомъ въ видѣ буйной головы едва ли можно признать отвѣчающей первоначальному замыслу былины и отражавшемуся въ ней старо-русскому быту [1]). Въ старѣйшемъ пересказѣ Кирши залогъ понимается просто, какъ денежная плата:

Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякой годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань.

На плату намекаетъ и пересказъ *Гильфердинга*, 284:

Сдѣлали залоги тѣ великіе,
Пописали записи заболѣ того.
(Ст. 1240).

Въ подобныхъ же общихъ выраженіяхъ говорится о залогѣ и записяхъ и въ остальныхъ пересказахъ:

[1]) Говорю такъ, имѣя въ виду сравнительно позднюю историческую пору, отразившуюся въ былинѣ о Васильѣ. Болѣе суровая древность могла изображать состязаніе съ закладываніемъ головы. *Як. Гриммъ*, объясняя значеніе нѣмецкаго Wette, замѣчаетъ, что это слово, кромѣ значенія sponsio и pignus, имѣло еще иное. болѣе ограниченное значеніе—alea: „Die dingenden setzen gut, freiheit und selbst *das leben* auf ungewissen erfolg, der von einem spiel, von einem lauf... von vollendung einer arbeit oder von andern umständen abhieng. Es war nicht nöthig, dass beide theile dasselbe setzten, einer durfte höheres, der andere geringenes verwetten“. Какъ эпическая формула, заклады, ваніе головы повторяется и въ нашемъ эпосѣ, при чемъ можно указать на былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ (*Кирша,* стр. 56, *Рыбниковъ*, III, 193) и о Дюкѣ (*Рыбниковъ*, II, 181), и въ эпосѣ другихъ народовъ (*Миллеръ*, Илья Мур., стр. 85, 509–510, 614–615). „Es ist zeichen der sittenmilderung,--продолжаетъ Гриммъ,—dass schon unsere ältesten gesetze keinen anlass finden, der gefährlichen wetten zu erwähnen; zu der zeit, wo es den treubrüchigen schuldner das haupt kostete, mag es dem wettefälligen spieler an den hals gegangen sein“ (Deutsche Rechtsalterthümer, S. 621, по 2 изд.). Въ памятникахъ русской письменности слова: закладъ и запись употребляются обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ обязательствахъ денежныхъ или имущественныхъ вообще (См. *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка вып. II, ст. 918 и 935).

Digitized by Google

Ударили они о великъ закладъ,
Подписали подписи великія;
Что съ утра еще ранымъ рано
Итти-то на рѣченьку на Волхову,
На тотъ ли на мосточикъ на Волховскій.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 353—354).

Разсказъ о боѣ Василья съ новгородцами, намъ уже знакомый, яркими красками рисуетъ картину старо-русскаго игрища. Общій контуръ той же картины набросанъ въ извѣстномъ правилѣ митрополита Кирилла (1274): «Пакы же увѣдѣхомъ бѣсовьская ѥще дьржаще обычая треклятыхъ єлинъ, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бѣсовьскыя творити съ свистаниѥмь, и съ кличемь и въплемь *съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница и бьющеся дрькольѥмь до самыя смерти* и възимающе отъ оубиваѥмыхъ порты» [1]). Извѣстія объ игрищахъ попадаются и въ другихъ памятникахъ. Такъ въ лѣтописи подъ 1390 (6898) отмѣчено: «Тое же зимы по Рожествѣ Христовѣ на третій день Осей Кормиличичь князя великаго поколотъ бысть на Коломнѣ *въ игрушкѣ*» [2]). Среди новгородскихъ удальцовъ бои разыгрывались едва ли не чаще, чѣмъ въ другихъ русскихъ городахъ. Иноземцы, заключавшіе въ XIII вѣкѣ договоръ съ новгородцами, нашли нужнымъ внести въ этотъ договоръ особую статью о бояхъ: между дворами нѣмецкими воспрещалась «неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ» [3]); боялись, что бойцы не пощадятъ и заѣзжихъ людей. Припомнимъ еще приведенныя выше обличенія митрополита Іоны. Замѣчательно, что именно въ Новгородѣ хранилось воспоминаніе о какой-то связи боевыхъ игрищъ съ преданіями еще языческой поры. Я имѣю при этомъ въ виду разсказъ о палицѣ Перуна, извѣстный въ нѣсколькихъ пересказахъ. «И пріиде епископъ Іоакимъ, и требища разори, и Перуна посѣче, что в Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи в Волховъ; и повязавше ужи, влечаху й по калу, біюще жезліемъ и пхающе, и в то время бяше вшелъ бѣсъ в Перуна и нача кричати: «о, горе мнѣ, охъ! достахся немилостивымъ судіямъ симъ». И вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ

---

[1]) Историч. Христоматія *Буслаева*, ст. 392.

[2]) „Сіе извѣстіе,—замѣчаетъ Карамзинъ,—служитъ доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей“ (И. Г. Р., V, гл. II, стр. 139 и примѣч. 251).

[3]) Ibidem, III, примѣч. 244.

Digitized by Google

великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, еюже безумніи убиваюющеся утѣху творятъ бѣсомъ» [1]). Иначе: «Людіе же... влечаху его, біюще, и пришедше на мостъ вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе во глубину, и помалѣ явися зъ воды; единъ же нѣкто человѣкъ верже на него палицею, онъ же, travelling, вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка; порази же слѣпотою новгородцевъ, яко *оттоль въ сіе время, даже донынѣ, въ коеждо лѣто на томъ мосту люди собираются, и раздѣлшесся на двое играюще убиваются»* [2]). Герберштейнъ присоединяетъ такія подробности: «Даже и нынѣ въ извѣстные дни года бываетъ слышенъ этотъ голосъ Перуна; услышавъ его, тамошніе граждане тотчасъ сбѣгаются и бьютъ другъ друга палками, и отъ того происходитъ такое смятеніе, что начальникъ съ великимъ трудомъ едва можетъ прекратить его» [3]). Уговоръ Василья съ новгородцами, какъ онъ передается во многихъ пересказахъ, указываетъ на тотъ же Волховской мостъ, гдѣ творилась боевая потѣха по завѣту Перуна.

На этомъ же «великомъ мосту» бывали столкновенія новгородскихъ бойцовъ и во время усобицъ. Въ приведенномъ выше описаніи смуты 1418 года замѣчено: «и начаша людіе сърыскывати съ обою страну, акы на рать, въ доспѣсѣхъ на *мостъ великый*». «Слышавъ же,—продолжаетъ лѣтопись,—владыка Семеонъ особную рать промежи своими дѣтми и испусти слезы изъ очию и повелѣ предстоящимъ собрати зборъ свой; и вшедъ архиепископъ въ церковь святыя Софѣя, нача молитися съ слезами и облечеся въ священныя ризы съ своимъ зборомъ, и повелѣ крестъ Господень и пресвятыя Богородица образъ взяти, иде на мостъ.... И пришедъ святитель ста посредѣ мосту и вземъ животворящій крестъ, нача благословляти обѣ странѣ». Это «святителево пришествіе» успокоило бушевавшихъ: «и разидошяся *молитвами святыя Богородица* и благословеніемъ архиепископа Семеона, и бысть тишина въ градѣ» [4]).

---

[1]) Новгородскія лѣтописи, изд. подъ ред. *А. Ѳ. Бычкова*, стр. 172—173 Полное собраніе русскихъ лѣтоп., III, стр. 207. Брошенъ былъ въ рѣку идолъ Перуна и въ Кіевѣ. Такое ниввcovered ниспроверженіе идоловъ нужно сопоставить съ обрядовымъ бросаніемъ въ воду изображеній Купала, Костромы, съ Todaustragen и т. п (*Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззрѣнія славянъ, III, 720 и сл.; *Grimm*, D. Mythologie, II, 639 и сл., 4 изд.).

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтоп., II, 258—259. (Густинская лѣт.). О палицѣ, брошенной въ Перуна, упоминаетъ также Тверская лѣтопись (П. С. Р. Л., XV, 114).

[3]) Записки о Московіи, стр. 114 (по перев. *Анонимова*).

[4]) Новгор. лѣтопись по Синод. списку, стр. 407—408. Подобнымъ же обра-

Digitized by Google

Припомнимъ при этомъ прекращеніе боя, какъ оно изображено въ одномъ изъ пересказовъ былины о Васильѣ Буслаевичѣ:

И вышла мать Пресвятая Богородица
Съ того монастыря Смоленскаго:
„Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмена".
Выходила Авдотья Васильевна
Закликала своего чада милаго,

(*Рыбниковъ*, I, стр. 344).

5) Василій и его дружинники снаряжаютъ корабль и ѣдутъ по морю, которое въ одномъ изъ пересказовъ. записанныхъ *Гильфердингомъ*, (№ 44), называется «веряжскимъ» а въ пѣснѣ *Кирши*— Каспійскимъ. Мы видѣли уже, что разсказъ о путешествіи Василья заставляетъ предполагать, что сынъ Буслава, подобно Садку, «гулялъ по славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ».

Условія исторической жизни Великаго Новгорода, обширная завоевательно-колонизаціонная дѣятельность ильменскихъ славянъ рано выработали среди нихъ типъ удалаго «молодца», смѣлаго и рѣшительнаго «повольника», всегда готоваго принять участіе въ дѣлѣ, требовавшемъ отваги и предпріимчивости. Начало, даже большая часть новгородскихъ завоеваній относятся къ далекой, не захваченной исторической памятью порѣ. Древняя лѣтопись упоминаетъ о дани, какую брали новгородцы съ Перми и Печоры [2]). Когда и при какихъ обстоятельствахъ наложена эта дань, не знаемъ. Не знаемъ также, какъ утвердилось новгородское господство надъ Водью, Ижорой, Корелой, когда новгородцы ознакомились впервые съ Югрой. Но завоевательное и колонизаціонное движеніе Новгорода продолжалось и въ болѣе позднее, освѣщенное лѣтописными извѣстіями время. Какъ ни отрывочны эти извѣстія, они все-таки даютъ воз-

зомъ прекратилась усобица въ 1359 году: „И съиха владыка Моисѣй изъ манастыря и Олексѣй, поимя съ собою архимандрита и игумены, благослови я, рекъ: „дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты, не съступитеся бится" (ibid., 355). Архіепископъ Моисей жилъ въ это время въ монастырѣ, отказавшись по старости отъ завѣдыванія церковными дѣлами: занималъ каѳедру Алексѣй.

¹) Припомнимъ извѣстный разсказъ Гюряты Роговича Новгородца о Печерѣ и Югрѣ. Печера опредѣляется, какъ „люди, иже суть дань дающе Новугороду". (Лѣтоп. по Лаврентьевск. сп., стр. 226–227, подъ 1096 г.).

Digitized by Google

можность съ нѣкоторой ясностью представить картину новгородскаго молодечества.

Начиная съ XI вѣка, мы встрѣчаемъ новгородскія дружины въ постоянныхъ походахъ противъ Чуди, Еми, Литвы. Въ 1042 году «Володимиръ иде на Емь съ Новгородьци сынъ Ярославль» [1]). Въ 1111, 1113 и 1116 гг. новгородскія дружины ходили на Чудь подъ предводительствомъ князя Мстислава Владиміровича [2]). Сынъ Мстислава Всеволодъ предпринималъ съ новгородцами нѣсколько походовъ противъ Еми и Чуди (1123, 1130, 1131, 1133 гг.) [3]) Въ 1169 году «иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрѣй (Боголюбскій) пълкъ свой на нь, и бишася с ними, и бѣше новгородьць 400, а Суждальць 7000: и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородьць 15 мужь; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възяшя всю дань, а на суждальскыхъ смърдѣхъ другую, а придоша здорови вси» [4]). Къ 1179 году относится походъ новгородцевъ противъ Чуди подъ предводительствомъ Мстислава Ростиславича [5]). Подъ 1187 г. отмѣчено въ лѣтописи избіеніе новгородскихъ «данниковъ» въ Печерѣ и за Волокомъ: «и паде головъ о сте къметьства» [6]). Въ 1191 и 1192 гг. новгородцы воевали съ Емью и Чудью, а годъ спустя «идоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядреемъ» [7]). Въ 1214 году «иде князь Мьстиславъ съ новгородьци на Чюдь на Ереву, сквозѣ землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и осѣкы ихъ възьма, и ста съ новгородци подъ городомъ Воробииномъ, и Чюдь поклонишася ему, и Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань, и да новгородьцемъ двѣ части дани, а третьюю чясть дворяномъ; бяше же ту и Пльсковьскый князь Вѣволодъ Борисовиць съ Пльсковици и Торопьцьскый князь Давидъ, Володимирь братъ; и придоша здрави вси съ множьствомъ полона» [8]). Къ 1227 году относится походъ новгородцевъ противъ Еми; приведенъ былъ «по-

---

[1]) Новгор. лѣтоп. по Синод. списку, стр. 90; Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 150. Еще ранѣе, подъ 1030 годомъ, лѣтопись упоминаетъ о походѣ на Чудь Ярослава: «иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ“ (ibidem, 146) Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ походѣ принимала участіе новгородская дружина.

[2]) Новгород. лѣтоп. по Синод. сп., стр. 120—121.

[3]) Ibidem, 123, 125—126.

[4]) Ibidem, 148—149.

[5]) Ibidem, 156.

[6]) Ibidem, 161.

[7]) Ibidem, 163—164, 166—167

[8]) Ibidem, 195.

Digitized by Google

лонъ бещисла» [1]). Въ 1267 году «ходиша новгородци съ Елефѣрьемъ Сбыславичемъ и с Доумонтомъ съ Пльсковичи на Литву, и много ихъ повоеваша и приѣхаша вси здорови» [2]). Подъ слѣдующимъ 1268 годомъ записано въ лѣтописи замѣчательное извѣстіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ охотно пускались новгородцы въ воинственныя предпріятія: «Сдумаша новгородци с княземъ своимъ Юрьемь, *хотѣша ити на Литву, а инии на Полтескъ, а инии за Нарову*; и яко быша на Дубровнѣ, бысть распря, и въспятишася и поидоша за Нарову къ Раковору, и много в земли ихъ потратиша, а города не взяша;... и приѣхаша здорови» [3]). Въ 1278 году «князь Дмитрій съ новгородци... казни Корѣлу и взя землю ихъ на щитъ» [4]). Въ 1292 году «ходиша *молодци новгородстѣи* с воеводами съ княжими воевать на Емъскую землю; воевавше, пріидоша вси здрави» [5]). Въ 1338 году «ходиша молодци новгородстѣи с воеводами и воеваша Городѣцьскую Корѣлу Нѣмечкую (то-есть, признававшую власть шведовъ) и много попустошиша земли ихъ, и обилье пожгоша, и скотъ иссѣкоша; и пріидоша вси здрави с полономъ» [6]). Въ 1364 году вернулись въ Новгородъ воеводы Александръ Абакумовичъ и Степанъ Ляпа, а также дѣти боярскіе и «молодыи люди», ходившіе на Югру, воевавшіе «по Обѣ рѣки до моря» [7]).

Во всѣхъ этихъ походахъ дѣйствовали правильно организованныя дружины, подъ предводительствомъ князей [8]) или воеводъ: «молодци» исполняли волю Великаго Новагорода, ходили для завоеваній или для сбора дани («данници»). Но, кромѣ извѣстій о такихъ по-

---

[1]) Ibidem, 223.

[2]) Ibidem, 286.

[3]) Ibidem, 286.

[4]) Ibidem, 297.

[5]) Ibidem, 302.

[6]) Ibidem, 334.

[7]) П. С. Р. Л., IV, 64—65.

[8]) Новгородскимъ молодцамъ не сидѣлось дома. Поэтому они охотно принимали участіе и въ такихъ походахъ нашихъ князей, которые не касались новгородскихъ владѣній. Въ 1064 году „бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимирь, внукъ Ярославль, и съ нимъ бѣжа Порѣй, Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новгородчкого; и пришедъ выгна Глѣба ис Тьмутороканя, а самъ сѣде въ него мѣсто“ (Новг. лѣт. по Синод. сп., 94). Въ 1177 году, когда суздальскій князь Всеволодъ велъ войну съ рязанскимъ княземъ Глѣбомъ, „приѣхали к нему (Всеволоду) новгородци, Милонѣжкова чадь, и рекоша ему: княже! не ходи без новгородьскыхъ сыновъ, поиди нань единоя с нами“ (Лѣтоп. по Лавр. сп., 363). Выраженіе „Милонѣжкова чадь“ указываетъ, что рѣчь идетъ не о войскѣ Великаго Новгорода, а о дружинѣ повольниковъ.

Digitized by Google

ходахъ, встрѣчаются лѣтописныя замѣтки подобнаго же содержанія, но въ которыхъ нѣтъ упоминанія о новгородской волѣ: видимъ новгородцевъ, но не видимъ господина Великаго Новгорода. Въ 1186 году «ходиша на Емь молодьци о Вышатѣ о Василевици и придоша опять здорови, добывъше полона» [1]). Въ 1219 году «пойде Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоймокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярославъ сквозѣ свою землю; и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша,—Твьрдиславъ и Якунъ тысячьский заслаша къ Гюргю не пустити ихъ туда, и възвадиша городъ» [2]). Еминъ догадывался, что суздальскіе князья предупреждены были посадникомъ и тысяцкимъ; какъ видно, Еминъ ходилъ безъ воли новгородскихъ властей. Подъ 1340 годомъ въ лѣтописи отмѣчено: «Изъ Новагорода ходивше молодци, воеваша Устижну и пожгоша, нь угонивше, отъимаша у лодейниковъ полонъ и товаръ; потом же и Бѣлозерскую волость воеваша» [3]) Къ 1342 году относится знакомое намъ предпріятіе Луки Варѳоломеева, который, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ, поѣхалъ за Волокъ, поставилъ городокъ Орлецъ и взялъ на щитъ всю землю Заволоцкую на Двинѣ. Объ этомъ Лукѣ прямо замѣчено въ лѣтописи, что онъ пошелъ, «не послушавъ Новаграда и митрополица благословеніа и владычня» [4]).

Во второй половинѣ XIV вѣка новгородскіе молодцы, не забывая старинныхъ путей новгородскихъ, отыскиваютъ для своихъ набѣговъ новыя области. Легкіе ушкуи этихъ удальцевъ появляются на Волгѣ, спускаясь до Астрахани, заходя въ волжскіе притоки [5]). Вотъ рядъ

[1]) Новг. лѣтопись по Синод. сп., 160.

[2]) Ibibem, 209–210. По объясненію Карамзина, „Тоймокарами“ называлось мѣсто въ окружности рѣкъ Нижней и Верхней Тоймы, впадающихъ въ Двину близъ границъ Архангельской и Вологодской губерніи. (И. Г. Р., III, примѣч. 182).

[3]) Новгор. лѣтоп. по Синод. сп., 337.

[4]) Ibidem, 342—343.

[5]) О походахъ новгородцевъ на Волгу встрѣчаются извѣстія и болѣе раннія, но не вполнѣ точныя. Въ приведенный выше разсказъ о Лукѣ Варѳоломеевичѣ вставлена такая замѣтка: „В тоже время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Волгу“ (Лѣтоп. по Синоп. сп., 343). Также эта замѣтка читается и въ Никоновской лѣтописи: „В тоже время сынъ его Анцыфоръ иде на Волгу“ (Ш, стр. 175, подъ 1341 г.) Карамзинъ находилъ указаніе на Волгу неумѣстнымъ, замѣняя Волгу Вагой: „а сынъ его Онцифоръ отходилъ на *Вагу* (не Волгу)“ (И. Г. Р., IV, примѣчаніе 337). Это чтеніе внесено въ текстъ лѣтописи, изд. въ 3-мъ томѣ полнаго собранія лѣтописей, при чемъ упоминаніе о Волгѣ не оговорено даже въ примѣчаніи. Если вѣрить „Повѣсти о градѣ Вяткѣ“, то придется допустить, что новгородцы ходили на Волгу еще въ XII столѣтіи: „Въ лѣто 6682 (1174),

Digitized by Google

лѣтописныхъ извѣстій, изображающихъ, какъ гуляли на Волгѣ новгородскіе ушкуйники. Подъ 1360 годомъ въ новгородской лѣтописи помѣщена такая замѣтка: «взяша новгородци Жюкотинъ и много бесерменъ посѣкоша, мужій и женъ» [1]). То же извѣстіе въ Никоновской лѣтописи передано такъ: «из Великаго Новагорода *разбойницы* приидоша въ Жукотинъ, и множество татаръ побиша и богатство ихъ взяша, и за то разбойничество християне пограблени быша въ Болгарехъ отъ татаръ» [2]). Подъ 1366 годомъ въ новгородской лѣтописи: «Ѣздиша из Новаграда люди молодыи на Волгу без новгородьчкого слова, а воеводою Есифъ Валъфромѣевичь, Василій Федоровичь, Олександръ Обакуновичь; того же лѣта приихаша вси здрави въ Новъгородъ» [3]). Въ Воскресенской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ, кромѣ приведеннаго извѣстія, передается еще другое: «Пріидоша изъ Новагорода Волгою изъ Великаго полтораста ушкуевъ *съ разбойники съ новогородскими* и избиша по Волзѣ множество татаръ и бесерменъ, и арменъ, и Новгородъ Нижній пограбиша, а суды ихъ, и кербаты, и павоски, и ладіи, и учяны и струги всѣ изсѣкоша; и поидоша въ Каму и проидоша до Болгаръ такоже творяще и въююще» [4]). Въ 1369 году «шло Волгою десять ушкуевъ, а иніи шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары»; въ слѣдующемъ

при Ярославѣ Владиміровичѣ, отдѣлишася отъ предѣлъ Великаго Новаграда жителіе новогородцы самовластцы съ дружиною своею и шедше пловяху в судехъ внизъ по Волгѣ рѣкѣ" и т. д. (стр. 1). Очеркъ исторіи новгородскаго повольничества можно найдти въ сочиненіяхъ *Ив. Д. Бѣляева* (Разсказы изъ русской исторіи, кн. 2, стр. 96–112) и *Н. И. Костомарова* (Исторія Новгорода и Пскова, т. II, гл. VIII, стр. 119—124).

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтоп., IV, 63.

[2]) Никон. лѣтоп., III, 216. „Тогожь лѣта,—продолжаетъ лѣтопись,—князи Жуконстии поидоша во Орду ко царю и биша челомъ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ отъ разбойниковъ, понеже многа убиства и грабления отъ нихъ сотворяшеся беспрестани". Царь потребовалъ отъ русскихъ князей, чтобы они „разбойниковъ поимали и къ нему прислали». Требованіе было исполнено: „поимаша разбойниковъ и выдаша ихъ всѣхъ посломъ царевымъ и со всѣмъ богатствомъ ихъ, и тако послаша ихъ во орду".

[3]) Новгор. лѣтоп. по Синод. сп., стр. 359. Полное собраніе русскихъ лѣтоп., III, 88, 229.

[4]) П. С. Р. Л., VIII, 13–14. Эти два извѣстія относятся, безъ сомнѣнія, къ одному и тому же набѣгу. Въ такъ называемой новгородской четвертой лѣтописи извѣстіе объ этомъ набѣгѣ передано такъ: „Пришли новгородци въ ушкуѣхъ, а воеводы Осифъ Валфромеевичь, Василій Ѳедоровичь, Олександръ Обакуновичь на Нижній Новгородъ и много бесерменъ избиша подъ Нижнимъ Новымъ городомъ, а нашихъ пострѣлили Филипа Утреткова и Бориса Квашенкина да 2 человѣка" (П. С. Р. Л., IV, 65).

Digitized by Google

году «двожды шли новгородци Волгою и много зла створиша»[1]). Подъ 1371 г. въ новгородской лѣтописи отмѣчено: «новгородци взяли градъ Ярославль и Кострому»[2]); въ Никоновской лѣтописи нападеніе на Кострому отнесено къ 1370 г. («Великаго Новагорода ушкуйницы *разбойницы* взяша Кострому»), а подъ 1371 г. помѣчено лишь взятіе Ярославля («новгородцы взяша градъ Ярославль»)[3]). Въ 1374 г. «идоша на низъ Вяткою ушкуйницы разбойникы, 90 ушкуевъ, и пограбиша Вятку, и шедше взяша Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и даша имъ окупа 300 рублевъ; и оттуду раздѣлишася на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волзѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волзѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засуріе и Маръквашъ, и перешедъ за Волгу суды всѣ изсѣкоша, а сами поидоша къ Вяткѣ на конехъ, и много селъ по Ветлузѣ идуще пограбиша»[4]). Годъ спустя, въ 1375 г., на Волгѣ снова появились «новгородцкия разбойницы в седмидесять ушкуевъ, а воевода бѣ у нихъ Прокоѳей, а другии Смольянинъ, бѣ же ихъ всѣхъ двѣ тысящи». Ушкуйники напали на Кострому. Костромичи, числомъ болѣе 5.000, подъ предводительствомъ воеводы Плещеева, выступили на защиту своего города, но обходное движеніе новгородцевъ, давшее имъ возможность напасть на противниковъ и съ тылу и съ фронта, привело въ смятеніе костромичей. Воевода Плещеевъ первый пустился въ бѣгство, — обстоятельство, давшее лѣтописцу поводъ къ каламбуру: «воевода жь костромскии *Плещеевъ*, подавъ *плещи*, побѣжа». Взявъ Кострому, ушкуйники разграбили ее дочиста: «вшедше во градъ вся пограбиша и стояша недѣлю во градѣ цѣлую и всяко сокровище потаенное изобрѣтоша и, елико возмогоша, взяша, а елико не возмогоша, та вся пожгоша, а иное в рѣку в Волгу вметаша и многихъ христианъ в полонъ поведоша з женами и з дѣтьми». Отъ Костромы новгородцы направились къ Нижнему Новгороду: «и градъ зажгоша и люди избиша, а иныхъ в полонъ поведоша». Спустившись затѣмъ до Камы, ушкуйники завернули и въ нее «и много пограбиша на ней». Вернувшись съ Камы, направились «в Болгары, еже есть в Казань». Распродавъ здѣсь полонъ, они снова пустились внизъ по Волгѣ къ Сараю, «гости христианския грабяще и биюще». Послѣднимъ пунктомъ, до котораго добрались ушкуйники, была Астрахань; здѣсь они продали

[1]) П. С. Р. Л., IV, 66.

[2]) Ibidem, 67.

[3]) Никоновск. лѣт., т. IV, стр. 30–31. П. С. Р. Л., VIII, 18.

[4]) П. С. Р. Л., VIII, 21.

Digitized by Google

забранный по пути полонъ, здѣсь же пришлось имъ сложить свои буйныя головы. «Князь астароханскии Салчѣи начать ухищряти ихъ лестию, и многу честь и кормы даяше имъ; они же начаша упиватися и быша пияни, яко мертвы; астароханцы жь всѣхъ избиша, ни единаго ихъ жива оставиша и имѣние взяша. Такову кончину,— заключаетъ свой разсказъ лѣтописецъ,—прияша воевода Прокоѳей и другий воевода Смольянинъ со всею дружиною ихъ; въ нюже мѣру мѣриша, возмѣрися имъ» [1]). Въ 1379 г. вятчане ходили ратью въ Арскую землю, побили «разбойниковъ ушкуйниковъ», убили и воеводу ихъ Рязана [2]). Въ 1391 г. Тохтамышъ послалъ рать на Вятку; городъ былъ взять, многіе жители побиты или взяты въ плѣнъ. Этотъ набѣгъ не прошелъ татарамъ даромъ. Въ 1392 г. «новгородцы и устюжане и прочіи, къ тому съвъкупившеся, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на нихъ и взяша Жукотинъ и Казань, и вышедше на Влъгу пограбивше гостей всѣхъ, възвратишася» [3]). Упоминаніемъ объ этомъ набѣгѣ 1392 г. заканчиваются, сколько извѣстно, лѣтописныя показанія о новгородскихъ ушкуйникахъ. Правда, подъ 1409 г. встрѣчается лѣтописная замѣтка о походѣ русской рати на Болгары, но въ этой замѣткѣ рѣчь идетъ о двинскомъ бояринѣ Анфалѣ, измѣнившемъ Новгороду, отказавшемся отъ подчиненія его власти и передавшемся великому князю московскому. Въ 1398 г., послѣ похода новгородскихъ войскъ на Двину, этотъ Анфалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими боярами, «кто водилъ Двинскую землю на зло», былъ схваченъ и отправленъ въ Новгородъ для суда и расправы. Дорогой онъ бѣжалъ и скрылся въ Устюгѣ. Въ 1401 г. Анфалъ, начальствуя великокняжеской ратью, ходилъ на Двину, но около Холмогоръ былъ разбитъ дружиной важанъ. Въ 1409 г. «ходилъ Анфалъ на Блъгары Камою и Влъгою, 100 насадовъ Камою, а Волгою 100 и 50; избиша ихъ въ Камѣ татарове, а Анфала яша и ведоша во орду, а волжьскіе насады не поспѣли» [4]). Въ виду приведенныхъ выше извѣстій объ Анфалѣ, мы не можемъ причислить его походъ къ ряду набѣговъ новгородскихъ ушкуйниковъ. «Послѣ этого (Анфалова) похода, — замѣчаетъ Бѣляевъ,—по лѣтописямъ не встрѣчается болѣе извѣстій о похо-

[1]) Никон. лѣт., IV, 44—45; П. С. Р. Л, VIII, 23-24, IV, 71—72.

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 34.

[3]) Ibidem, 61. Замѣтка озаглавлена въ лѣтописи: „О разбойницѣхъ новгородцкыхъ“.

[4]) Ibidem, 84—85. Сводъ извѣстій объ Анфалѣ (Анфанѣ, Алфанѣ) см. въ Указатателѣ къ П. С. Р. Л., I, ст. 38.

Digitized by Google

дахъ новгородскихъ повольниковъ; но походы сіи, по всему вѣроятію, продолжались по-прежнему, ибо изъ новгородскихъ лѣтописей не видно, чтобы Новгородъ принималъ какія нибудь мѣры для прекращенія повольничества... По всему вѣроятію, повольничество пало вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности господина Великаго Новгорода» [1]). Повольничество не могло, конечно, прекратиться сразу, но вѣдь и молчаніе лѣтописей не можетъ быть случайнымъ. Нельзя также сказать, что Новгородъ не принималъ мѣръ противъ ушкуйниковъ. Въ 1390 г. новгородцы заключили мирный договоръ со Псковомъ; въ этомъ договорѣ значилось: «хто въ путь ходилъ на Влъгу, а за тѣхъ не стояти Пьсковичемъ, но выдавати ихъ» [2]). Если ушкуйники скрывались въ Псковѣ, если новгородцы требовали ихъ выдачи, то, очевидно, Новгородъ имѣлъ и силу и желаніе наложить свою руку на повольничество. Послѣ этого такимъ упрямцамъ, какъ Анфалъ, оставалось только отрекаться отъ Новгорода и искать себѣ новыхъ политическихъ связей [3]).

Но рѣшительныя мѣры противъ ушкуйниковъ приняты были въ Новгородѣ только въ самомъ концѣ XIV вѣка. Ранѣе новгородцы, хотя и не оправдывали участія своихъ молодцовъ въ ушкуйническихъ разъѣздахъ, склонны были, однако, снисходительно смотрѣть на эти кровавыя проказы. Александръ Аввакумовичъ, одинъ изъ тѣхъ «молодыхъ людей», которые въ 1366 г. ходили на Волгу безъ новгородскаго слова, въ 1371 г. начальствовалъ надъ ратью, посланной новгородцами для защиты Торжка противъ тверскаго князя Александра Михайловича; защитникъ Торжка палъ въ битвѣ: «и ту костию паде за Святый Спасъ и за обиду за новгородскую» [4]). Въ 1350 г. поставленъ былъ новгородскимъ посадникомъ Онисифоръ Лукичъ [5]); за восемь лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1342 г.) этотъ Онисифоръ принималъ участіе въ походѣ своего отца, начатомъ противъ воли Великаго Новагорода. Такая снисходительность къ людямъ, дѣйствовавшимъ безъ новгородскаго слова, объясняется тѣмъ, что ушкуйники

---

[1]) Разсказы изъ русской исторіи, II, 112. Анфалъ причисляется къ новгородскимъ ушкуйникамъ и Костомаровымъ (Ист. Новгорода и Пскова, II, 124).

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 61.

[3]) Для распространенія и утвержденія своей власти на восточной украйнѣ московскіе князья не пренебрегали услугами повольниковъ. Въ такъ называемой Архангелогородской лѣтописи подъ 1465 годомъ отмѣчено: „велѣлъ кн. вел. Иванъ Васильевичъ Василью Скрябѣ устюжанину Югорьскую землю воевати, а шли съ нимъ хотячіе люди“, и т. д. (стр. 166—167, по изд. 1819 г.).

[4]) Лѣт. по Син. сп., 362.

[5]) Ibidem, 350.

Digitized by Google

направляли на первыхъ порахъ свои набѣги въ далекія «бусурманскія» области. При этомъ новгородскимъ удальцамъ, ходившимъ на Волгу, удавалось иногда наносить сильные удары татарской власти. Они, поэтому, имѣли нѣкоторое основаніе хвалиться своей борьбой съ бусурманами,—борьбой, упредившей и битву на Вожѣ, и знаменитое Донское побоище. На эту борьбу съ бусурманами указывали сами новгородцы въ переговорахъ съ Димитріемъ Донскимъ. Въ 1366 г., послѣ упомянутаго уже волжскаго похода новгородскихъ молодыхъ людей, «князь Димитрій Іоанновичь на новгородцовъ разгнѣвася, и миръ поруши, и рече имъ тако: «почто есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили и бесерменъ побили?». Новгородцы же, слышавъ сія, и послаша пословъ своихъ к Москвѣ къ великому князю Димитрію Ивановичю, с челобитьемъ ради мира, и рекоша тако: ходили, господине, молодые люди на Волгу безъ нашего слова, а твоихъ, господине, гостей не грабили, *токмо побили бесерменъ*; а ты, господине, пожалуй, по прежнему к намъ миръ и любовь имѣй до конца с нами». Дѣло уладилось [1]). Но ушкуйники, какъ мы знаемъ, не переставали проказить. Въ 1386 г. Димитрій Ивановичъ, собравъ «воя многы», двинулся на Новгородъ, «дръжа гнѣвъ и нелюбіе великое про волжанъ, что взяли разбоемъ Кострому и Новгородъ Нижній». Новгородцамъ пришлось заплатить великому князю «за винные люди... за волжанъ и хто въ путь съ ними ходилъ» 8.000 рублей [2]). Снисходительность къ ушкуйникамъ дѣлалась опасной для Новгорода.

Въ приведенныхъ выше извѣстіяхъ, занесенныхъ въ московскій лѣтописный сводъ, ушкуйники называются обыкновенно *разбойниками*. То же названіе примѣняетъ къ новгородскимъ удальцамъ Епифаній Премудрый въ житіи Стефана Пермскаго: «и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойници словесы его увѣщевании бываху, еже не воевати ны» [3]). Въ такомъ названіи отразилось не столько измѣненіе взгляда на повольничество, сколько искаженіе самого повольничества. Новгородскіе молодцы древнѣйшей поры сдѣлали извѣстными имя и власть Новгорода на широкомъ пространствѣ отъ Волхова до Оби. Новгородъ могъ хвалиться своими молодыми людьми, которые составляли опору его силы и славы. За дѣйствія удальцовъ XIV вѣка Новгороду приходилось извиняться. Эти удальцы не умѣли разбирать ни своихъ, ни чужихъ, внося грабежъ и разо-

---

[1]) 2-я новг. лѣтоп., подъ 1366 г.

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 50—51. Лѣтоп. по Синод. сп., 372.

[3]) Памятники стар. русской литерат., вып. 4, стр. 160.

Digitized by Google

реніе повсюду, гдѣ только не встрѣчали отпора. Отъ ушкуйниковъ приходилось терпѣть не только бусурманамъ, но и жителямъ русскихъ городовъ: Костромы, Ярославля, Нижняго Новгорода.

Но ушкуйничество не было еще послѣдней ступенью въ деградаціи повольничества. Стѣсненное и преслѣдуемое на родинѣ, вызывавшее негодованіе въ другихъ русскихъ областяхъ, новгородское повольничество осуждено было на смерть и вырожденіе. Картину такого именно вырожденія рисуетъ разсказъ о нѣкоемъ новгородцѣ Васильѣ, занесенный въ чудеса свв. Зосимы и Савватія Соловецкихъ. «Бѣ *нѣкій человѣкъ боляръска рода, нооугородецъ*, Василій именемъ, бѣ же *силою велми мощенъ, живый нессурядное житіе, сіи рѣ боуяческое*, бѣ бо разбойникъ. Пріиде ему въ умъ, како бы ему отрещися злаго того обычая, пріиде на Соловки въ обитель Спасову, въ стяжаніе преподобнаго отца нашего Зосимы, тоу и пострижеся и оболъкся во мнишескіи образъ». Нѣкоторое время Василій спокойно жилъ въ монастырѣ, но потомъ дьяволъ началъ «влещи его на прьвыа обычаи». Не имѣя силы бороться съ помысломъ, Василій задумалъ бѣжать изъ монастыря. Забравъ у монаховъ книги, платье и другія вещи, «якоже обычай крадущимъ», онъ сложилъ наворованное добро въ монастырскую лодку и ночью удалился изъ монастыря. Послѣ непродолжительнаго плаванія, лодка принесена была къ Анзерскому острову, который принадлежалъ Соловецкому же монастырю. Утомленный ночной поѣздкой, Василій уснулъ. Во снѣ явились ему два старца. «Единъ же ею рече к нему, съ гнѣвомъ възрѣвъ нань: како, окаанне, крадеши мя? Азъ съзидаю, а ты разоряеши». Василій кается. Спустя нѣкоторое время, бѣглецъ былъ доставленъ въ монастырь со всѣмъ накраденнымъ добромъ [1]).

[1]) Рукоп. Публ. Библіот., F. I, № 512. Разсказъ о Васильѣ принадлежитъ къ ряду „чудесъ“, записанныхъ игуменомъ Вассіаномъ (1514—1527). Ср *А. А. Титова*, Житіе и подвиги преп. отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ (по рукописи XVII вѣка). М., 1889. Г. Титовъ сообщаетъ въ этомъ трудѣ свѣдѣнія о *лицевой* рукописи житія, изъ собранія И. А. Вахрамѣева. Картинки, сопровождающія разсказъ о Васильѣ, описываются такъ: „Л. 116. Вверху, налѣво большой красивый своими зданіями Великій Новгородъ. Одинъ рослый новгородецъ, Василій, съ саблею въ рукахъ, нападаетъ на беззащитнаго пѣшехода, идущаго съ сумой за плечами и съ посохомъ въ рукахъ, очевидно, съ намѣреніемъ ограбить. Ниже—этотъ разбойникъ плыветъ въ лодкѣ къ Соловецкой обители. Тамъ въ храмѣ Преображенія надъ нимъ совершаютъ обрядъ постриженія. Въ одной изъ келій видно, какъ спитъ монахъ, а постриженный разбойникъ между тѣмъ въ кладовой забираетъ книги и другое церковное имущество. Потомъ забранное имущество переноситъ къ берегу и кладетъ въ лодку, на которой отправляется въ путь и пристаетъ къ берегу. Л. 117.

Digitized by Google

Василій—выродившійся повольникъ. Далекіе предки его ходили на Чудь и Литву, собирали дань съ Перми и Югры, а онъ, Василій, мощный силою, любившій буячѣское житіе, могъ найдти такое житіе только въ разбоѣ... Подъ конецъ онъ опустился еще ниже, сталъ таскать книги и всякій хламъ у соловецкихъ монаховъ. Только чудо спасло Василья отъ окончательной гибели.

Подъ вліяніемъ ушкуйничества и установившихся на него воззрѣній измѣнялся со временемъ взглядъ и на повольничество вообще. Любопытный въ этомъ отношеніи матеріалъ представляетъ «Повѣсть о градѣ Вяткѣ» [1]). Повѣсть эта—памятникъ поздній, въ

Достигнувъ берега, монахъ-воръ втаскиваетъ лодку на берегъ и ложится спать. Во снѣ ему являются Зосима и Савватій, изъ которыхъ первый грозитъ ему пальцемъ. Монахъ просыпается, идетъ къ берегу и приходитъ въ отчаяніе, не находя ни лодки, ни имущества. Потомъ онъ садится и плачетъ. Въ это время къ берегу подплываетъ лодка, полная крестьянъ, которые и берутъ его съ собою. Л. 118. Два монаха съ берега закидываютъ въ море сѣти. Во время ночи одному изъ нихъ во снѣ являются Зосима и Савватій. Инокъ просыпается и идетъ къ братіи повѣдать ей о всемъ видѣнномъ имъ; послѣ этого они вмѣстѣ отправляются къ берегу, на который втащено судно, нагруженное церковными вещами" (стр. 43).

[1]) Извлеченіе изъ Повѣсти о градѣ Вяткѣ напечатано было а) въ „Опытѣ Казанской Исторіи" *П. Рычкова* (стр. 187—196) и б) въ „Дневныхъ Запискахъ" *Н. Рычкова* (ч. II, стр. 29—50). Позже „Повѣсть" (иначе: Вятская лѣтопись) издана была: а) въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1824, II (и отдѣльной брошюрой), б) въ *Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1866 года (и отд. оттискомъ). Еще *Карамзинъ* (Ист. Гос. Росс., III, прим. 31) указалъ на хронологическія несообразности въ разсказѣ объ основаніи Вятки. Въ недавнее время эти несообразности были внимательно разсмотрѣны г. *В(ерещаг)инымъ* („Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ", Вятка, 1887) и привели его къ отрицательному отвѣту на вопросъ: „Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ?" (рефератъ I, стр. 1—23). Повѣсть, очевидно, имѣетъ значеніе не исторически-точнаго разсказа, а записаннаго преданія, интереснаго не по фактическому матеріалу, а по освѣщенію прошлаго Вятки съ точки зрѣнія мѣстныхъ симпатій и завѣтныхъ воспоминаній. Когда записано преданіе? Списки Вятской повѣсти или лѣтописи не идутъ далѣе XVIII вѣка. „Можно съ достовѣрностью сказать,—говоритъ г. Верещагинъ,—что Вятская лѣтопись составлена никакъ не ранѣе конца XVII вѣка". Что касается источниковъ лѣтописи, то, по мнѣнію г. Верещагина, „всего вѣроятнѣе, что составитель Вятской лѣтописи писалъ по преданіямъ, или слышаннымъ имъ отъ своихъ современниковъ, или, можетъ быть, и записаннымъ какими либо предшествовавшими книжниками"... Разсказъ о самовластіи вятчанъ „едва ли.. не составляетъ домысла самого составителя лѣтописи" (рефератъ II: „Откуда почерпнуты и на сколько достовѣрны вообще показанія Вятскаго лѣтописца?", стр. 35, 39—40). Вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ трудно. Повѣсть о Вяткѣ, извѣстная по спискамъ XVIII—XIX вв., несомнѣнно редактирована въ

Digitized by Google

которомъ улеглись рядомъ два пониманія новгородскаго молодечества. «Въ лѣто 6682 (1174)... отдѣлишася отъ предѣлъ Великаго Новаграда жителіе новогородцы самовластцы з дружиною своею и шедше пловяху в судехъ внизъ по Волгѣ рѣкѣ и дошедше рѣки Камы и пребыша ту нѣколико время и поставиша на Камѣ градъ малъ во обитаніе себѣ». Спустя нѣкоторое время, часть этихъ новгородскихъ поселенцевъ, услышавъ о Вяткѣ рѣкѣ и о живущей по ней Чуди, отправилась вверхъ по Камѣ. Завоеватели подвигались впередъ, «плѣняюще отяцкія жилища и окруженныя земляными валами ратію вземлюще и обладающе ими». Добравшись до города на р. Вяткѣ, расположеннаго на высокой горѣ, «возжелаша ратію взяти его и обѣщашася прародителемъ своимъ... страстотерпцемъ Борису и Глѣбу и заповѣдаша всей дружинѣ своей поститися—ни ясти, ни пити»... Городъ былъ взятъ 24-го іюля, на память свв. Бориса и Глѣба: «и побиша ту множество чуди и отяковъ, а иніи по лѣсомъ разбѣгошася, и по обѣщанію своему поставиша въ томъ градѣ церковь во имя страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и нарекоша тотъ градъ Никулицынъ». Когда вѣсть объ этой побѣдѣ дошла до новгородскихъ выходцевъ, остававшихся въ городкѣ близь устья Камы, они также двинулись въ путь. Подойдя къ городку Кокшарову, они «такожде обѣщашася и молебная пѣнія Господу Богу воспѣвше, призываху на помощь сродниковъ своихъ... Бориса и Глѣба». Городокъ сдался: жители отворили ворота, «возвѣщающе новгородцемъ, что имъ показася ко граду приступающе неисчетное воинство». Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о томъ, какъ вятскіе поселенцы задумали основать «единъ общій градъ крѣпкій отъ нашествія супостатъ». Передъ началомъ постройки совершилось чудо: «и заутра возставше обрѣтоша нѣкако Божіимъ промысломъ все изготовленіе принесено по Вяткѣ рѣкѣ». Городъ назвали Хлыновъ. «И тако новогородцы начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители и нравы своя отеческія, и законы и обычаи новгородскія имяху на лѣта многа до обладанія великихъ князей рос-

---

позднее время, на которое указываетъ г. Верещагинъ. Но первоначальная запись вятскихъ преданій должна быть отнесена къ болѣе далекой порѣ. Въ самомъ дѣлѣ, та страстность тона, которая слышится въ Повѣсти, когда заходитъ рѣчь о клеветѣ на вятскихъ „разбойниковъ", о послѣдней порѣ вятской независимости, указываетъ на время, когда воспоминаніе объ этой утраченной независимости было еще свѣжо. Нельзя не обратить вниманія и на то, что лѣтописныя замѣтки обрываются въ повѣсти на половинѣ XVI вѣка.

Digitized by Google

сійскихъ» [1]). Въ этомъ разсказѣ сохранились, безъ сомнѣнія, отрывки древнихъ мѣстныхъ преданій. Преданіе окружило жизнь предковъ легендарнымъ сіяньемъ. Новгородскіе повольники получаютъ высшую, небесную помощь: предметы, нужные для постройки города, являются чудесно, Божіимъ промысломъ; туземцы бѣгутъ, устрашаемые видѣніемъ неисчетнаго воинства. Легенда продолжала рѣять и надъ дальнѣйшими подвигами новгородскихъ колонистовъ. Утвердившись на Вяткѣ, они продолжали борьбу съ туземцами. Послѣ одной изъ битвъ съ черемисами и вотяками, вятчане установили крестный ходъ изъ села Волкова въ гор. Хлыновъ. Въ этой процессіи переносился чтимый образъ св. Георгія; вмѣстѣ съ образомъ переносились стрѣлы, окованныя желѣзомъ. Изображеніе древняго «побѣдоносца», окруженное стрѣлами, должно было напоминать о томъ, чьей помощи приписывали новгородскіе поселенцы свои успѣхи среди вятской чуди [2]). «Оставшіися же въ Новѣгородѣ людіе,—продолжаетъ Повѣсть,—вознегодоваше на нихъ, вятчанъ, зѣло и вадяще на нихъ княземъ россійскимъ, оболгающе всяко и нарицающе ихъ *Новагорода бѣглецами* и разорителями россійскихъ князей вотчинъ... наипаче же называху ихъ, вятчанъ, *разбойниками* и отказные на нихъ великимъ княземъ подающе, пишуще ихъ самовольниками» [3]). Князья московскіе, наслушавшись этихъ внушеній,

[1]) Эти выраженія вятской лѣтописи напоминаютъ вступительныя строки нѣкоторыхъ новгородскихъ повѣстей: «Въ тоже время Новаграда людіе житие имяху самовластно по своей волѣ, никимъ же обладаеми, властвующе областію своею, якоже имъ лѣпо есть"; или: «Въ лѣта благочестивыхъ великихъ князей нашихъ рускихъ, живущимъ новгородцемъ въ своей свободѣ» и т. д. (Памятн. стар. русской литерат., I, стр. 241, 251).

[2]) Отрывки легендарныхъ преданій о новгородскихъ повольникахъ уцѣлѣли и до позднѣйшаго времени. См. *Вологодскія губернскія Вѣдомости* 1845 года № 11: «Извѣстіе объ основаніи четырехъ холевскихъ приходовъ Никольскаго уѣзда (изъ Записокъ Ильи Страхова, отставнаго солдата)». Въ «Запискахъ» рѣчь идетъ о покровительствѣ св. Георгія новгородскимъ выходцамъ, положившимъ основаніе русской колонизаціи въ предѣлахъ упомянутыхъ приходовъ, (Ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1863, ч. 117, стр. 27—28 въ ст. *Щапова*: «Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія»).

[3]) Вятчане,—продолжаетъ Повѣсть,—«въ отмщеніе укоризны ихъ рекоша, что будто имъ изъ Новаграда на Вятку бѣжавшимъ, сжившимся съ женами новгородцевъ и дѣтей прижившимъ, а имъ новгородцемъ будто бывшимъ на войнѣ семь лѣтъ, посланнымъ изъ Великаго Новаграда". По другимъ сказаніямъ, это же преданіе пріурочивается къ *Холопьему городу* на р. Мологѣ. Татищевъ указывалъ мѣсто Холопьяго города двояко: близъ села Бронницы на Мстѣ (Словарь историческій, I, 195) или близъ села Кимра въ Кашинскомъ уѣздѣ (ibidem, III, 204—205). «Сія басня,—замѣчаетъ Карамзинъ (И. Г. Р., I,

Digitized by Google

постарались прибрать Вятку къ рукамъ. Великій князь Василій Васильевичъ наложилъ на Вятскую землю дань, а сынъ его, Иванъ III, послалъ на Вятку своихъ воеводъ, которые привели жителей къ крестному цѣлованію. Эти извѣстія въ сопоставленіи съ приведенными выше воспоминаніями о чудесахъ, сопровождавшихъ основаніе Хлынова, даютъ наглядное представленіе объ измѣнившихся воззрѣніяхъ на невольничество. Удальцовъ, которымъ помогалъ самъ Егорій Храбрый, стали называть разбойниками, самовольниками, бѣглецами. Авторъ повѣсти, вятскій патріотъ, пытается объяснить недобрую молву о своихъ землякахъ, какъ клевету, вызванную раздраженіемъ обитателей метрополіи противъ непокорныхъ колонистовъ. Враждебныя отношенія между Новгородомъ и Вяткой дѣйствительно были, но не эта, конечно, вражда привела къ паденію вятской независимости. Московскіе князья, стремившіеся къ расширенію своихъ владѣній, не нуждались въ указаніяхъ и совѣтахъ новгородцевъ. Что же касается удальцовъ вятскихъ, то они извѣстны были не менѣе, чѣмъ и новгородскіе ушкуйники. Въ 1417 году «с Вятки, изъ князя великаго отчинѣ,—разсказываетъ *новгородская* лѣтопись,—княжь бояринъ Юрьевъ· Глѣбъ Семеоновичь с *новогородчкыми бѣглицѣ* съ Семеономъ Жадовьскымъ и с Михайлою съ Россохинымъ и съ устьюжаны и с вятцаны изъихаша в насадехъ безъ вѣсти в Заволочьскую землю». Повоевали они волость Борокъ и Емцу, сожгли Холмогоры, набрали плѣнниковъ. Двинскіе бояре отбили полонъ, но нападавшихъ отпустили. За ними пустилась въ погоню дружина заволочанъ: «идоша за *разбойникы* в погоню и пограбиша Устьюгъ» [1]). Въ 1466 г. «вятчаня ратью прошли мимо Устюгъ на Кокшенгу, а сторожи не слыхали на городѣ, а шли по Сухонѣ рѣцѣ въ верхъ, а воеваша Кокшенгу, а назадъ шли Вагою въ низъ, а по Двинѣ въ верхъ до Устюга». Намѣстникъ устюжскій послалъ объ этомъ вѣсть великому князю; тотъ приказалъ вятчанъ переимать. Намѣстникъ догналъ вятчанъ подъ городкомъ Гледѣномъ: «и вятчаня намѣстнику дали посулъ, стоявъ три дни, и къ Вяткѣ пошли» [2]). Въ 1471 году «вятчане, шедъ суды Влъгою· на низъ, взяша Сарай, и много товара взяша и плѣнъ многъ поимаша». Татары пытались задержать смѣльчаковъ, для чего «всю Влъгу за-

прим. 458),—взята изъ древней греческой сказки о рабахъ скиѳскихъ»; разумѣется преданіе объ основаніи Тарента (*Костомаровъ*, 241).

[1]) Новгор. лѣтоп. по Синод. сп., стр. 404.

[2]) Архангелогор. лѣтоп., стр. 167—169 (по изд. 1819 г.).

Digitized by Google

ступиша суды своими, хотяще ихъ перебити, они же единако пробишяся сквозѣ и уйдоша съ всѣмъ» [1]).

Буйство этихъ вятскихъ невольниковъ бросало, какъ видно, тѣнь на всю Вятку. Вятчанъ стали обзывать разбойниками, распространяя это обидное опредѣленіе и на первыхъ завоевателей края, новгородскихъ повольниковъ древняго времени [2]). Авторъ «Повѣсти» нашелъ нужнымъ вступиться за своихъ земляковъ, но онъ, очевидно, не придавалъ большаго значенія набѣгамъ вятскихъ удальцовъ, если объяснялъ дурную славу Вятки только злобой и клеветами новгородцевъ. Онъ не позаботился провести рѣзкой грани между смѣлыми повольниками, впервые поселившимися на Вяткѣ, и буйными вятскими выходцами, нападавшими на сосѣдей. Такая грань для него, очевидно, была не ясна. Вятскимъ ушкуйникамъ могло казаться, что они идутъ по слѣдамъ своихъ отцовъ, подражаютъ ихъ лихимъ набѣгамъ, поддерживаютъ наслѣдственную удаль. Преемственность и историко-психологическое родство явленій, дѣйствительно, не подлежатъ сомнѣнію. Вятскіе «разбойники»—такіе же предпріимчивые повольники, какъ и ихъ предки, подвиги которыхъ стали достояніемъ мѣстной легенды. Но разница въ томъ, что позднѣйшимъ повольникамъ пришлось проявлять свою удаль среди условій, не похожихъ на тѣ, которыя застали поколѣнія стараго времени. Измѣнилось время, измѣнились политическія отношенія русскихъ областей, измѣнился и взглядъ на повольничество [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII, стр. 168.

[2]) Подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія, оставленнаго набѣгами, ушкуйниковъ, пытались иногда отыскивать слѣды извѣстій о «новгородскихъ разбойникахъ» въ отдаленнѣйшей древности. Такъ въ одной поздней хроникѣ новгородскими разбойниками называются Кій, Щекъ и Хоривъ: они должны были удалиться изъ Новгорода и поселились на берегахъ Днѣпра; позже эти новгородскіе выходцы побѣждены были Олегомъ (ср. выше стр. 148). Помѣщаю этотъ разсказъ въ приложеніяхъ (№ VII).

[3]) Въ дополненіе къ разсказамъ о новгородскихъ и вятскихъ разбойникахъ можно еще указать на преданіе объ основаніи города Великія Луки: «Недовольные князьями многіе изъ ильменскихъ славянъ бѣжали къ кривичамъ, обитавшимъ на верховьяхъ Днѣпра, Волги, Двины и на берегахъ Ловати; непроходимые лѣса близъ нынѣшняго города Холма служили имъ надежнымъ убѣжищемъ. Изъ бѣглецовъ составилась шайка удалыхъ разбойниковъ: они нападали на суда, плывущія мимо, бились съ дикими сосѣдями, воевали съ новгородцами. Между этими витязями особенно отличался наѣздничествомъ и богатырствомъ Лука, мужъ *великій и дородный*. Тѣсно ему сталo между удалыми холмитянами, и онъ, собравъ своихъ молодцовъ, переселился за 70-ть верстъ вверхъ по Ловати. Между высокими холмами, гдѣ нынѣ городъ *Луки*, свилъ себѣ гнѣздо ли-

Digitized by Google

Въ повѣсти о градѣ Вяткѣ слышится голосъ апологета мѣстныхъ отношеній, пытавшагося обѣлить своихъ земляковъ отъ тяжелыхъ обвиненій. Подобный же голосъ долженъ былъ слышаться въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, въ ея первоначальной редакціи, заканчивавшейся посадничествомъ Васьки. Древнее сказаніе изображало, какъ видно, жизнь Василья въ двухъ картинахъ, непохожихъ одна на другую: на одной рисовался Васька буянъ, разбойникъ, предводитель шайки отчаянныхъ бездѣльниковъ; на другой—видѣлся степенный посадникъ, именитый гражданинъ Великаго Новгорода Былина не прикрашивала бѣшеной и кровожадной удали Васьки, не пыталась изобразить своего героя en beau. Дѣятельность Васьки изображается, какъ дѣятельность преступная, какъ разбой. Мамелфа говоритъ сыну:

> То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
> Тебѣ дамъ благословеніе великое;
> То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
> И не дамъ благословенія великаго,
> А и не носи Василья сыра земля.

Такимъ образомъ благословеніе дается Василью съ оговоркой: быть можетъ, онъ дѣйствительно идетъ на богомолье, но предполагается, что онъ можетъ пуститься въ путь и для лихаго дѣла. Это предположеніе имѣло основанія. Самъ Василій произноситъ о себѣ такой приговоръ: «съ молоду бито много, граблено». Мы видѣли, что въ пылу боя онъ не пощадилъ даже своего учителя и крестнаго отца. Но Васька не оставался необузданнымъ удальцомъ до конца жизни и пѣсни. Передъ заблудившимся ушкуйникомъ открывался выходъ на прямую дорогу, онъ могъ еще «спасти душу». Въ заключительномъ отдѣлѣ былины и рисовался именно этотъ правый путь, на который удавалось выбраться Василью. Не въ таинственномъ загробномъ мірѣ послышался для него голосъ: Ist gerettet! Спасеніе отыскалось здѣсь, на землѣ, въ томъ самомъ Новѣгородѣ, который былъ свидѣтелемъ кровавыхъ проказъ Василья. Василій съумѣлъ загладить впечатлѣніе этихъ проказъ. Древнее сказаніе знало и изображало забытаго теперь Василья, полезнаго и сильнаго общественнаго труженика, излюбленнаго посадника Великаго Новгорода.

хой ястребъ. Отсюда, какъ стая хищныхъ птицъ, налетала его дружина на сосѣдей,—кривичей, новгородцевъ, полочанъ, литовцевъ, чудь,—не было пощады и прежнимъ землякамъ холмитянамъ» (Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ, замѣтки *Мих. Семевскаго*, стр. 4—5).

Digitized by Google

«Быль молодцу не укоръ». Александръ Аввакумовичъ въ 1366 году ходилъ на Волгу вмѣстѣ съ другими «новгородскими разбойниками»; въ 1372 г. онъ «костію паде за святый Спасъ и за обиду за новгородскую». Лѣтопись упоминаетъ о Васькѣ Буславичѣ подъ 1171 годомъ; въ той же лѣтописи помѣщено подъ этимъ годомъ извѣстіе о неудачной осадѣ Новгорода суздальскими войсками. Не разсказывала ли древняя былина о томъ, какъ Василій спасъ городъ, осажденный врагами? Такой разсказъ и могъ дать поводъ къ воспоминанію о Васькѣ именно подъ 1171 годомъ. Книжный человѣкъ, редактировавшій лѣтописный сводъ, нашелъ въ преданіи имя новгородскаго посадника Васьки Буславича, узналъ, что онъ отбилъ приступъ враговъ, подступившихъ къ городу, и на основаніи этихъ эпическихъ данныхъ построилъ соображеніе, что имя Васьки должно быть пріурочено ко времени отраженія суздальцевъ отъ Великаго Новгорода.

Концепція былины о Васильѣ Буслаевѣ, типическія черты самаго Васьки достаточно ясно указываютъ на ту эпоху, къ которой нужно отнести замышленіе изучаемаго нами новгородскаго сказанія. Василья нельзя поставить рядомъ съ древними новгородскими повольниками, какъ ихъ понимало и изображало народное преданіе, записанное въ повѣсти о градѣ Вяткѣ. Егорій Храбрый не сталъ бы конечно, покровительствовать такимъ друженникамъ, какъ Потанюшка Хроменькій или Ѳома Благоуродливый, и такому атаману, какъ Василій Буслаевичъ. Еще меньше похожъ Василій на того несчастнаго разбойника, о которомъ разсказывается въ житіи соловецкихъ святыхъ. Василій—новгородскій повольникъ именно ушкуйнической поры,—той поры, когда измѣнившееся молодечество еще жило полной жизнью, но когда новгородцамъ уже приходилось отыскивать оправданіе для своихъ удальцевъ, когда этихъ удальцевъ стали обзывать разбойниками: «Ходили, господине, молодые люди на Волгу безъ нашего слова, а твоихъ, господине, гостей не грабили, токмо побили бесерменъ», говорили новгородцы московскому князю. Нѣчто подобное долженъ былъ думать новгородскій пѣснотворецъ стараго времени, когда онъ «хотяше пѣснь творити» о сынѣ Буслава. Герой пѣсни,—новгородскій «молодецъ», но молодецъ, на которомъ тяготѣетъ обвиненіе въ душегубствѣ, — удалецъ, нуждающійся въ оправданіи, удалецъ той поры, когда стали говорить о «новгородскихъ разбойникахъ», когда явились «ушкуйници-разбойници». Новгородское ушкуйничество опредѣлилось и было по достоинству оцѣнено во второй половинѣ XIV вѣка. Устанавливается такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ крайній предѣлъ, ранѣе котораго не могъ сложиться былинный образъ Василья Буслаевича. Упоминаніе о Васькѣ, занесенное въ лѣтописный сборникъ XVI вѣка, указываетъ другой, позднѣйшій пунктъ, за который нельзя перенести былину о Васильѣ въ ея основномъ замыслѣ, въ ея первичной редакціи.

Для хронологическихъ соображеній важно обратить вниманіе и на другія историческія черты, сохранившіяся въ былинѣ. Пѣсня, какъ мы знаемъ, помнитъ независимость Новгорода и Пскова:

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ Новымъ-Городомъ не спаривалъ,
Со Опсковымъ онъ не вздоривалъ,
А со матушкой Москвой не перечился.

Отношенія политическаго равенства установились между Псковомъ и Новгородомъ съ 1347 года. По договору, заключенному въ этомъ году, Псковъ былъ признанъ младшимъ братомъ Великаго Новагорода. «Посадникомъ нашимъ,—говорили новгородцы,—у васъ въ Плесковѣ не быти, ни судити, а отъ владыцѣ судить вашему плесковитину, а изъ Новагорода васъ не позывати дворяны, ни подвойскыми, ни Софьяны, ни извѣтникы, ни биричи» [1]). Дальнѣйшія отношенія братьевъ показали, что младшій вовсе не былъ расположенъ признавать старшаго «въ отца мѣсто». Новгородцамъ приходилось употреблять не мало усилій, чтобы ладить съ обитателями бывшаго пригорода новгородскаго. Что касается Москвы, то необходимость ладить съ этой «матушкой» выяснилась для новгородцевъ со времени первыхъ московскихъ князей. Припомнимъ столкновеніе Новгорода съ Иваномъ Калитой по вопросу о закамскомъ серебрѣ, походъ къ Торжку Симеона Гордаго, отмѣченныя выше отношенія Новгорода къ Димитрію Донскому, войны Василія Димитріевича, пребываніе въ Новгородѣ Василья Темнаго и т. д. до конца, то есть, до роковыхъ для Новгорода походовъ Ивана III въ 1471 и 1478 гг.

Устно передававшаяся былина не могла сохранять неизмѣннымъ своего первоначальнаго состава. Представленный въ предшествующей главѣ разборъ пѣсенъ и сказокъ о Васильѣ Буславичѣ убѣдилъ насъ, что время, пережитое былиной, оставило на ней глубокіе слѣды. Замѣтны измѣненія, позднѣйшія прибавки и въ истори-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 58—59.

Digitized by Google

ческихъ подробностяхъ пѣсни. По пересказу Кирши Данилова, Василій встрѣчается на Волгѣ съ казацкими атаманами:

> На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
> На томъ острову на Куминскіимъ
> Стоитъ застава крѣпкая,
> Стоятъ атаманы козачіе,
> Не много, не мало ихъ—три тысячи;
> Грабятъ бусы, галеры,
> Разбиваютъ червлены корабли.
>
> (Стр. 169).

«Еще въ малолѣтство Грознаго,—замѣчаетъ историкъ Поволжья,—ногайскіе князья и мирзы начинаютъ въ своихъ грамотахъ къ царю жаловаться на то, что мещерскіе и касимовскіе казаки на нихъ приходятъ и «сжегодъ отгоняютъ отъ нихъ и крадутъ животину, деньги» и людей. Жалобы эти повторяются отъ времени до времени, съ указаніемъ на количество лошадей или людей, уведенныхъ отъ нихъ казаками и севрюками и съ присоединеніемъ требованія, чтобы государь унялъ казаковъ... Отъ нападаній казаковъ не мало терпѣли сами русскіе и даже ихъ служилые люди, изъ чего можно заключить объ ограниченности надъ ними русскаго вліянія и власти» [1]). Въ 1557 году казаки убили царскаго воеводу Ляпуна Филимонова, который посланъ былъ на Волгу для того, «чтобъ казаки не воровали и на нагайскіе улусы не приходили». Вскорѣ затѣмъ «шелъ въ Асторохань Елизаръ Ржевской с казною и з запасы, и тѣ же казаки приходили на Елизара и казну взяли государеву, и которые были в тѣхъ ушкулѣхъ люди, тѣхъ били». Тогда отправлены были изъ Казани отряды стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, чтобы «тѣхъ воровъ с Волги згонити, и кого изымаютъ, тѣхъ побити». Казаки убѣжали на Донъ. Для преслѣдованія ихъ отправлено было царское войско [2]). Еже ранѣе, въ 1551 году, подвергся нападенію гулявшихъ на Волгѣ казаковъ посолъ Севастьянъ, отправленный изъ Москвы въ Астрахань. «Противъ Иргизскаго устья, въ стругѣхъ пришелъ князь Василій Мещерскій да казакъ Личюга хромой, путивлецъ»; одно изъ судовъ посольскаго каравана было разграблено, находившіеся на немъ люди убиты [3]).

Былина заставляетъ новгородскаго ушкуйника встрѣтиться съ

---

[1]) *Перетятковичъ*, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ, стр. 304—305.
[2]) Никон. лѣтоп., VII, 286—287.
[3]) *Перетятковичъ*, ор. с., 285.

Digitized by Google

казацкими атаманами, стоявшими на островѣ Куминскомъ. Въ этой встрѣчѣ, свидѣтельствующей о позднѣйшей подправкѣ новгородской пѣсни, выразился своеобразный эпическій синтезъ, вѣрно схватившій преемственную связь явленій. Казаки смѣнили на Волгѣ прежнихъ ушкуйниковъ. Въ XVI вѣкѣ новгородское повольничество было уже преданьемъ старины. Ушкуйники вымерли. Но не перевелись на Руси люди, любившіе, какъ и ушкуйники, «буяческое житіе». Эти буйныя, бродячія силы направились на окраины Русской земли, и въ формѣ казачества возродили древнее повольничество со всѣми его блестящими и темными чертами.

III.

«У Буслава долго не было дѣтей. Стоснулся Буславъ, садился на бѣлъ-горючъ камень, повѣсилъ буйную головушку, утупилъ очушки во сыру землю, думалъ про себя, удумливалъ: какъ бы породить ему любимое дѣтище. Объявилась ему бабища матерая и говорила таковы слова: «Эхъ ты, Буславъ Сеславьевичъ! не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ, износу дѣтищу не было бы! Ступай-ка къ Авдотьѣ Васильевны, бери за груди бѣлыя..... заигрывай. Понесетъ она дѣтище любимое, сильнаго могучаго богатыря» (*Рыбниковъ*, I, стр. 335).

Этотъ вступительный разсказъ былины о Васильѣ Буслаевичѣ имѣетъ видъ неяснаго, полузабытаго отрывка. Разсказъ намекаетъ на какой-то запретъ, нарушенный Буславомъ, на какое-то особенное вѣщее значеніе «бабищи матерой», но эти намеки оставались, очевидно, темными и загадочными для мысли пѣвца, забывшаго полное очертаніе древняго преданія. Первыя строки былины, которыя, повидимому, должны были объяснить слѣдующее за ними повѣствованіе о Васильѣ, оказываются такимъ образомъ полустертыми, на половину оборванными. Есть, однако, возможность разглядѣть въ этихъ испорченныхъ временемъ строкахъ кое-какія подробности, повторяющіяся въ другихъ, полнѣе сохранившихся памятникахъ. Путемъ сопоставленія такихъ подробностей можно, если не вполнѣ возстановить полузабытый разсказъ, то, по крайней мѣрѣ, угадать его общій смыслъ.

Кн. Курбскій въ началѣ своей «Исторіи князя великаго московскаго» разказываетъ о разводѣ Василья Ивановича съ Соломоніей и о женитьбѣ его на Еленѣ Глинской. Второй бракъ Василья, заключенный при жизни первой жены, изображается, какъ дѣло пре-

Digitized by Google

ступное и нечестивое: «Князь Великій Василій московскій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божія дѣломъ своимъ и сіе приложилъ:... живши со женою своею первою, Соломонидою, двадесять и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество не хотящу и не мыслящу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы больше дву-сотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащь, и затворити казалъ ребро свое въ темницу, зѣло нужную и унынія исполненную, сирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ не токмо мнихомъ, но и сигклитомъ его». И не напрасно, какъ оказалось, смущались святые люди нечестивымъ бракомъ. Беззаконіе не прошло безслѣдно: оно дало страшный плодъ. «Тогда зачалая нынѣшній Іоаннъ нашъ, и *родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость»*. Далѣе, въ главѣ шестой, Курбскій снова возвращается къ браку Василья съ Еленой и передаетъ при этомъ такія подробности: Василій со оною предреченною законопреступною женою, юною сущею самъ *старъ будущи*, *искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду*, *да помогутъ ему ко плодотворенію*. О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы.... и оттуду провожаху ихъ къ нему лехтущихъ оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ, *по произволенію презлому*, *а не по естеству отъ Бога вложенному уродилися ему два сына*: единъ таковый прелютый, и кровопійца, и погубитель отечества, иже не токмо въ Русской землѣ такого чуда и дива не слыхано, но воистинну нигдѣ же никогда же мню;.... а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ, такожъ, аки дивы якой, родился» [1]).

Московскій князь Василій и новгородецъ Буславъ одинаково томятся отсутствіемъ потомства. Чтобы помочь горю, князь обращается къ чародѣямъ. Новгородецъ спрашиваетъ совѣта у бабищи матерой, роль которой такимъ образомъ выясняется: бабища принадлежитъ, очевидно, къ числу такихъ же вѣщихъ людей, какъ и тѣ чаровники, которыхъ искалъ Василій Ивановичъ, «да помогутъ ему ко плодотворенію». При помощи ворожбы исполняется желаніе бездѣтныхъ стариковъ. Какъ плодъ чародѣйства, рождается въ Москвѣ жестокій Иванъ Васильевичъ, въ Новгородѣ буйный Василій Буслаевичъ. Еще ранѣе подобное же вліяніе волхвованія замѣчено было въ Полоцкѣ.

---

[1]) **Сказанія князя *Курбскаго* стр. 4—5, 88—89 (по 3 изд.).**

Digitized by Google

Въ древней лѣтописи подъ 6552 (1044) годомъ находимъ такую замѣтку о полоцкомъ князѣ Всеславѣ: «В сеже лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, *его же ради мати отъ вълхвованья*,— матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «се язвено навяжи нань, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ, — *сего ради не милостивъ есть на кровьпролитье»* [1]).

Говоря о задаткахъ лютости царя Ивана въ самомъ его рожденіи, Курбскій является выразителемъ мнѣнія, распространеннаго въ древнюю пору, когда искали объясненія людскихъ характеровъ и дѣлъ въ воздѣйствіи высшихъ таинственныхъ причинъ. «Родилася въ законопреотупленію и во сладострастію лютость».... Хорошія дѣти—Божья награда за цѣломудріе, за добрую, благочестивую жизнь. Нечестіе и невоздержность находятъ себѣ выраженіе и

[1]) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, стр. 151. Выраженіе: «се язвено навяжи нань», вѣрно объяснилъ і. *Халанскій*: «Язвено едва ли здѣсь значитъ «язвина» (*Карамзинъ*, Исторія; *Иловайскій*, Исторія Россіи, I, 111)... Церковнославянское извенок, извено, изьно—δέρμα, δέρματα, corium (*Miklosich*, *Востоковъ*: Церковно-слав. слов.); стало быть, *извено на главѣ*—родимое, напоминающее нѣмецкое helm или haube или czepek—w czepku się rodził» (Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ, I. 53). Значеніе „сорочки" (pileus naturalis), какъ амулета, извѣстное у многихъ народовъ, удерживалось у насъ до поздняго времени. „Вышедшій изъ утробы младенецъ въ сорочкѣ,—писалъ Чулковъ,— почитается отъ простолюдиновъ весьма щастливымъ, отъ чего и произошла пословица: въ сорочкѣ родился. Сію сорочку сънмая кладутъ въ маленькій кошелечекъ или мошеночку и привязываютъ на шнурокъ младенцу, на которомъ обыкновенно носимъ крестъ, которая мошонка называется ладонкою, вѣря, что щастіе отъ того младенца въ присутствіи оной сорочки никогда уже не отойдетъ» (Абевега русскихъ суевѣрій, стр 295; ср. стр. 229—230). Относительно повѣрій, связываемыхъ съ сорочкой, см. *Grimm*, D. Mythologie, II, 728—729, III, 265, по 4 изд.; *Ploss*, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, I, 12—15, по 2 изд.; *Аѳанасьевъ*, Поэт. воззрѣнія славянъ на природу, III, 360—361; *Потебня*, О Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ въ *Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества* II, 20; *Веселовскій*, Разысканія въ области русск. дух. стиха, вып. V, гл. XIII, 174—175. *Сумцовъ*, Культурныя переживанія, гл. 78, 176—178. Въ запасѣ этихъ повѣрій о сорочкѣ мы не найдемъ основаній для того, чтобы выраженіе: „сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье" поставить въ связь съ предшествующимъ предложеніемъ: «матери бо родивши его бысть ему язвено на главѣ»; то обстоятельство, что Всеславъ родился въ сорочкѣ, не объясняетъ его кровожадности. Замѣчаніе объ «язвенѣ» имѣетъ, очевидно, значеніе вводнаго предложенія; слова же: «сего ради немилостивъ есть»... нужно поставить въ связь съ первымъ предложеніемъ: „роди мати отъ вълхвованья.»

Digitized by Google

казнь въ дурномъ, зломъ и развратномъ потомствѣ. Злые люди — плодъ грѣха, преступнаго увлеченія, нарушенія Божьихъ заповѣдей. «Многы жены,—читаемъ въ старинномъ поученіи,—не любовно с мужьми своими живуще, нъ ревнощами и свары и *многыми чарами*, и непокориви мужемъ своимъ суще. Того ради проказньство на ражающаяся дѣти приносять. Ио сему бо извѣстно ны есть велми, яко испръва Каинъ бѣ по преступленіи Божии заповѣди зачать; Авель же плодъ бысть послушания и чядо покореніа в заповѣдехъ Божіахъ. Тако бо и нынѣ иже в бестрашіи Божіи пребываютъ и не творяще воля его, безъ закона живуще, того дѣля проказньство на пороженіе свое приводять, *по преслушаніи бо заповѣди Божіа аще ся зачьнетъ младенецъ, то нѣсть добра в немъ* [1])». Не ограничиваясь такими общими соображеніями, древняя мысль охотно останавливалась на ближайшихъ обстоятельствахъ человѣческаго зачатія. «Аще смеситъся кто с женою в пятьницю и в суботу и в недѣлю, да аще зачнетъ, и будетъ тать, или разбойникъ, или блоудникъ» [2]). Такъ сказано въ «Заповѣди святыхъ отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ». Подобный же запретъ и подобная же угроза повторяются въ пересказахъ стиха о двѣнадцати пятницахъ:

Кто эти пятницы не станетъ постить
И постомъ и молитвами,
Ежели во-въ тѣ пятницы
Мужъ женѣ приближенъ будетъ,
Зародится отъ нихъ дѣтище недоброе,
Либо воръ, либо плутъ, либо пьяница,
Клеветникъ, еретникъ, или душамъ пагубникъ [3]).

Нагляднымъ выраженіемъ этихъ указаній на день зачатія можетъ служить ново-греческое повѣрье о каликантсарахъ (χαλικάντσαρος), страшныхъ существахъ, появляющихся во время святокъ. По представле-

[1]) *А. С. Архангельскій,* Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, IV (Творенія I. Златоустаго въ древне-русскихъ Измарагдахъ), стр. 189—190.

[2]) *Тихонравовъ,* Памятники отреченной русской литературы, II, 302—303, 312. Давняя извѣстность у насъ этой суевѣрной заповѣди подтверждается Вопрошаніями Кирика, который говоритъ: «Прочтохъ же ему (еп. Нифонту) изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ суботу и въ пятокъ лежитъ человѣкъ, а зачнетъ дѣтя», и т. д. «А ты книги годяться съжечи», отвѣчалъ чуждый суевѣрія епископъ (*Калайдовичъ,* Памятники росс. словесности XII вѣка, стр. 188—189).

[3]) *Безсоновъ,* Калѣки перехожіе, вып. VI, стр. 131.

Digitized by Google

нію, удержавшемуся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Хіосъ, Закинѳъ), каликантсары—люди родившіеся на 25-е декабря или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Рождественской недѣли (до 1-го января). «Ein solcher Mensch,—говоритъ B. Schmidt,—ist nämlich nach des Volkes naivem Wahn genau neun Monate vorher, an Mariä Verkündigung (Εὐαγγελισμὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, 25 März) gezeugt worden, und man hält es für eine Ungeheuerlichkeit, dass ein sündhaftes Weib zu derselben Zeit empfange und gebäre, zu welcher die jungfräulich reine Gottesmutter empfangen und geboren hat». Въ наказаніе за невоздержность отца и матери родившійся въ концѣ декабря дѣлается на время святокъ злымъ и кровожаднымъ оборотнемъ, который нападаетъ на людей, впивается въ тѣло, рветъ его зубами и когтями. Особенно опасны каликантсары для дѣтей [1]). Подобное же повѣрье извѣстно и на Руси: на Благовѣщенье, по мнѣнію галичанъ зарождаются вѣдьмы и упыри [2]).

Чаровниковъ, помогавшихъ Василью Ивановичу «ко плодотворенію». Курбскій называетъ «совѣтниками сатанинскими». «Чары,—говоритъ далѣе этотъ писатель,—яко всѣмъ есть вѣдомо, безъ отверженія Божія и *безъ согласія со діаволомъ не бываютъ»* [3]). Такимъ образомъ помощь чародѣевъ ко плодотворенію сводится къ воздѣйствію на человѣческое рожденіе духа тьмы, высшей, но злой силы. Для обнаруженія этой силы чародѣяніе было лишь однимъ изъ средствъ. Воздѣйствіе духа тьмы могло выражаться и болѣе открыто, безъ посредства волхвовъ и волшебницъ. Средневѣковое повѣрье помнило древне-миѳологическія представленія объ инкубахъ и суккубахъ [4]), о сношеніяхъ людей съ демонами, о зачатіи отъ змѣя и дракона [5]). Эти стародавнія представленія прилаживались къ новымъ

---

[1]) *B. Schmidt*, Das Volksleben der Neugriechen, I, 145—146. Ср. Сборникъ за народни умотворенія, кн. IX (1893), стр. 552.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, 471. Этимъ значеніемъ Благовѣщенія, какъ дня воздержанія по преимуществу, объясняется, почему въ разсказѣ объ отношеніяхъ Чурилы къ женѣ Бермяты былина отмѣчаетъ день ихъ свиданія: „Наканунѣ было праздника Христова дня, честнова Христова Благовѣщенья" (*Рыбниковъ*, II, стр. 125, 124, III, стр. 136; *Гильфердингъ*, ст. 1065 1142, 1312). Это обстоятельство придаетъ волокитству Чурилы значенія нечестія, неуваженія къ святой праздничной ночи.

[3]) L. c., 89.

[4]) Сводъ извѣстій о древне-римскихъ инкубахъ см. *Preller's* Römische Mythologie, 337 (2 Aufl.).

[5]) Указанія на повѣрья о змѣяхъ-насильникахъ будутъ приведены ниже, въ гл. VII.

Digitized by Google

вѣрованіямъ, при чемъ инкубы и змѣи сливались съ образами дьявола и аггеловъ его [1]). Въ апокрифныхъ Дѣяніяхъ апостола Θомы разсказывается о женщинѣ, къ которой привязался демонъ, посѣщавшій свою любимицу по ночамъ. Связь эта, тянувшаяся пять лѣтъ, истомила бѣдную женщину. Молитва святаго апостола избавила ее отъ ласкъ нечистаго [2]). Въ ряду сочиненій плодовитаго византійскаго писателя Михаила Пселла есть небольшой трактатъ о демонахъ: Περὶ ἐνεργείας δαιμόνων. Трактатъ этотъ изложенъ въ формѣ разговора двухъ лицъ, именуемыхъ: Τιμόθεος и Θρᾷξ. Послѣдній, ссылаясь на какого-то монаха Марка, опытнаго въ распознаваніи злыхъ духовъ, говоритъ, что есть демоны любострастные, способные къ плодотворенію: Πολλὰ γοῦν οὗτος εἶπε καὶ ἐπεσάφησεν ἄτοπα καὶ δαιμόνια. Καὶ ποτέ μου πυθομένου εἴ τινές εἰσι δαίμονες ἐμπαθεῖς, «καὶ μάλα, ἦ δ' ὅς· ὥστε καὶ σπερμαίνειν τούτων, ἐνίους καὶ σκώληκας ἀπογεννᾶσθαι τοῖς σπέρμασιν». Такіе демоны возбуждаютъ и въ людяхъ плотскія вожделѣнія: Ἐνίοτε δὲ καὶ τὰ ἐν ἡμῖν ὑπογάστρια γαργαλισμοῖς ἐρεθίζοντες εἰς ἐμμανεῖς καὶ παρανόμους ἔρωτας ὑποθήγουσι καὶ μάλιστα ἣν γε καὶ τὰς ἐν ἡμῖν ἐνθέρμους ὑγρότητας λάβωσι συνεργούς [3]).

Подобныя же свидѣтельства можно отыскать и въ памятникахъ западно-европейской письменности. Въ «Бесѣдѣ о чудесахъ» (Dialogus miraculorum) Caesarii Heisterbacensis находимъ разказы: De virgine, quam daemon in specie viri procabatur (dist. III, cap. VI); De miraculis sancti Bernardi abbatis, qui incubum daemonem a muliere fugavit (cap. VII); De filia Arnoldis sacerdotis, quam daemon corrupit (cap. VIII); De muliere in Briseke, quae moriens confessa est,

---

[1]) Обширный запасъ извѣстій и разсужденій о сношеніяхъ людей съ демонами можно найдти въ сочиненіи *Mart. del Rio*: Disquisitionum magicarum libri sex (1612). На вопросъ: An sint unquam daemones incubi et succubae et an ex tali congressu proles nasci queat?—авторъ отвѣчаетъ положеніями: 1) Solent malefici et Lamiae cum daemonibus, illi quidem succubis, hae vero incubis actum Venereum exercere, 2) Potest etiam ex hujusmodi concubitu daemonis incubi proles nasci; 3) Attamen daemones nequeunt vi sua et ex propria substantia more animantium generare и т. д. (lib. II, quaestio XV). Разсмотрѣніемъ средневѣковыхъ представленій о демонахъ занимались *Roskoff* (Geschichte des Teufels, см. Bd. I, S. 297 fg.), *Dreyer* (Der Teufel in der deutschen Dichtung des Mittelalters), *Graf* (Naturgeschichte des Teufels, см. гл. VII) и др. На русскомъ языкѣ есть статья *Зотова*, Документ. исторія черта (*Историч. Вѣстникъ*, 1884, т. XV). Ср. *Сумцовъ*, „Культурныя переживанія", гл. 125, стр. 276—281.

[2]) *Lipsius*. Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, I, 257—258.

[3]) Ψέλλος. M. Psellus de operatione daemonum cum notis Gaulmini, cur. *T. Fr. Boissonade* (1838), pp. 15, 19.

Digitized by Google

se sex annis cum daemone incubo peccasse (cap. IX), и др. «Crementum humanum,—объясняетъ Цезарій,—quod contra naturam funditur, daemones colligunt et ex eo sibi corpora, in quibus tangi viderique ab hominibus possint, assumunt: de masculino vero masculina et de feminino feminina. Sicque dicunt magistri in his, qui de eis nascuntur, veritatem esse humanae naturae, eosque in judicio, ut vere homines, resurgere» [1]).

Послѣдняя замѣтка помѣщена Цезаріемъ въ концѣ главы, имѣющей заглавіе: Exemplum de Hunis et de Merlino et quod in filiis incuborum sit veritas humanae naturae (cap. XII). Мерлинъ, propheta Britannorum, и воинственные гунны (fortissima gens Hunorum) [2]) служатъ такимъ образомъ доказательствомъ, что не только возможна связь демоновъ съ представительницами человѣческаго рода, но возможно и появленіе плодовъ этой связи. Послѣ сошествія I. Христа въ адъ, разсказывается въ романѣ о Мерлинѣ, духи тьмы, пораженные разгромомъ своей вѣковой твердыни, задумали отыскать какое нибудь средство возстановить свою власть надъ людьми. На общемъ совѣщаніи, состоявшемся по этому поводу, одинъ изъ бѣсовъ вызвался помочь адской бѣдѣ. Онъ вступаетъ въ связь съ непорочной дѣвой, воспользовавшись ея оплошностью: она забыла перекреститься на сонъ грядущій и такимъ образомъ сдѣлала возможнымъ приближеніе нечистаго. Царство тьмы надѣется, что сынъ демона разрушитъ среди людей то, что сдѣлано сыномъ Божіимъ. Надежды эти, однако, не сбылись. Родившійся отъ демона Мерлинъ вышелъ въ мать, а не въ отца: доброе начало побѣдило злое: Отъ отца Мерлинъ наслѣдовалъ только знаніе прошлаго; Господь даровалъ ему и знаніе будущаго [3]).

То, что не удалось аду въ былое время, исполнится въ концѣ вѣковъ, когда духъ зла явится въ образѣ человѣческомъ и утвердитъ, хотя и не надолго, свою власть надъ людьми. Посланецъ ада,

---

[1]) *Caesarii Heisterbacensis* Dialogus miraculorum, recogn. *Jos. Strange* (1851), pp. 116—120, 120, 121, 121—122, 124—125. По русскому повѣрью, „черти плода не имѣютъ, а умножаются проклятыми и купленными людьми". (*Потанинъ*, Юго-Западная часть Томской губ., стр. 145 въ *Этногр. Сборн.* вып. VI).

[2]) Припомнимъ, что въ Словѣ о Полку Игоревѣ Половцы называются „дѣти бѣсови"—„Половці называются,—замѣчаетъ г. Огоновскій,—дітьми біса, дітьми духа тьми, Русичі же внуками Дажбога—бога світла сонічного" (Слово о пълку Игоревѣ, Львовъ, 1876, стр. 58. Ср. *Потебня*, О мифич. знач. нѣкот. обр. стр. 253).

[3]) *Веселовскій*, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, стр. 204, 316.

Digitized by Google

имѣющій явиться передъ послѣднимъ днемъ міра, — антихристъ. Мнѣнія свѣдущихъ людей о томъ, какъ именно родится противникъ Христа, не одинаковы. Nascetur autem ex copulatione patris et matris, sicut alii homines, *non ut aliqui dicunt de sola virgine*, sed tamen totus in peccato concipitur (l. concipietur), in peccato generabitur et in peccato nascitur (l. nascetur). In ipso autem conceptionis suae initio diabolus simul introibit in uterum matris ejus et ex virtute diaboli confovebitur et contutabitur in ventre matris et virtus diaboli semper cum illo erit [1]). Упомянутое въ этомъ отрывкѣ мнѣніе, будто антихристъ родится отъ дѣвицы, встрѣчается, между прочимъ, въ старо-славянскомъ переводѣ передѣланнаго слова св. Ипполита объ антихристѣ: «діаволъ отъ скверныя жены изыдетъ на землю, родится же по привидѣнію отъ дѣвицы» [2]).

Антихристъ, воплотившійся дьяволъ, явится лишь завершителемъ долгой и непрерывной работы духа тьмы надъ развращеніемъ человѣческаго рода. Попытки сатаны передать свою природу людямъ обнаруживались не разъ. Отъ времени до времени появлялись люди, въ характерѣ и дѣятельности которыхъ замѣчались черты, указывавшія на ихъ демоническое происхожденіе. Таковъ императоръ Юстиніанъ, какъ его изображаетъ Прокопій въ своихъ Ἀνέκδοτα [3]). «Юстиніанъ, еще въ молодыхъ годахъ захватившій въ свои руки власть, сталъ виновникомъ бѣдствій для римлянъ; о такихъ бѣдствіяхъ, о такомъ ихъ множествѣ не слыхано во всѣ предшествующіе вѣка. Онъ не задумываясь отнималъ у однихъ жизнь, у другихъ—имущество; для него ничего не значило погубить тысячи людей, не уличенныхъ ни въ какомъ преступленіи» [4]). Прокопій сравниваетъ Юстиніана съ заразительной болѣзнью; но отъ заразы,—прибавляетъ исто-

---

[1]) *Haupt's Zeitschrift f. d. Alterthum*, X (1856), 266—267 (De Antichristo quomodo nasci debeat).

[2]) *Срезневскій*, Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ (1874), стр. 106.

[3]) Подробный пересказъ содержанія, переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ и историческую оцѣнку этого сочиненія Прокопія см. въ книгѣ *Курганова:* Отношенія между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи, стр. 347 и слѣд.

[4]) Ἰουστινιανὸς νέος ὢν ἔτι διῳκεῖτο τὴν ἀρχὴν ξύμπασαν καὶ γέγονε Ῥωμαίοις ξυμφορῶν αἴτιος, οἵας τε καὶ ὅσας ἐς τὸν ἅπαντα αἰῶνα οὐδείς που πρότερον ἀκοῇ ἔλαβεν. Ἔς τε γὰρ ἀνθρώπων ἄδικον φόνον καὶ χρημάτων ἁρπαγὴν ἀλλοτρίων ῥᾷστα ἐχώρει, καὶ οὐδέν ἦν αὐτῷ μυριάδας πολλὰς ἀνθρώπων ἀφανισθῆναι, καίπερ αὐτῷ αἰτίαν οὐδεμίαν παρασχομένων (*Procopius* ex recensione G. Dindorfii, vol. III. p. 45).

Digitized by Google

рикъ,—многіе спаслись; Юстиніанъ не щадилъ никого[1]). «Природа, казалось, собрала отъ разныхъ людей ихъ пороки и вложила ихъ въ душу этого человѣка» [2]). Жестокость Юстиніана, его преступныя наклонности объясняются обстоятельствами его рожденія. «Мать Юстиніана признавалась, что онъ не былъ сынъ ея мужа Савватія или другаго какого нибудь человѣка. Передъ зачатіемъ (сына) посѣщалъ ее демонъ, котораго она не видѣла, но присутствіе котораго ощущала. Демонъ сходился съ ней, какъ мужъ съ женой, и потомъ исчезалъ, какъ сонъ» [3]). Нечеловѣческая природа Юстиніана обнаруживалась иногда съ полной ясностью. Какой-то святой монахъ, приведенный къ Юстиніану, въ ужасѣ бѣжалъ, увидѣвъ, что на тронѣ сидитъ демонъ [4]). «Что онъ былъ не человѣкъ,—замѣчаетъ еще Прокопій,—а демонъ въ образѣ человѣческомъ, это засвидѣтельствуетъ каждый, кто только обратитъ вниманіе на множество зла, сдѣланнаго имъ людямъ. Въ чрезмѣрности сдѣланнаго обнаруживается сила сдѣлавшаго. Мнѣ кажется, что никто, кромѣ Бога, не могъ бы опредѣлить число погубленныхъ Юстиніаномъ. Легче, думаю, сосчитать весь песокъ, чѣмъ множество жертвъ этого царя» [5]).

Похожъ былъ на Юстиніана падуанскій правитель Эццелино. Мать его призналась, что зачала своихъ дѣтей, Ezzelino и Alberico, отъ демона. Узнавъ объ этомъ, Эццелино заявляетъ, что постарается

---

[1]) Τὸν μὲν οὖν λοιμόν, ὅσπερ μοι ἐν τοῖς ἔμπροσθεν λόγοις ἐρρήθη, καίπερ ἐπισκήψαντα εἰς τὴν γῆν ξύμπασαν, διέφυγον ἄνθρωποι οὐχ ἧσσους ἢ ὅσοις διαφθαρῆναι τετύχηκεν, ἢ οὐδαμῆ τῇ νόσῳ ἁλόντες ἢ ὑγιαζόμενοι, ἐπειδή σφισιν ἁλῶναι ξυνέβη· ἄνδρα δὲ τοῦτον διαφυγεῖν ἀνθρώπῳ γε ὄντι τῶν πάντων Ῥωμαίων οὐδενὶ ξυνηνέχθη, ἀλλ' ὥσπερ τι ἄλλο ἐξ οὐρανοῦ πάθος ὅλῳ τῷ γένει ἐπεισπεσὸν ἀνέπαφον οὐδένα παντελῶς εἴασε (ibid., 45—46).

[2]) Πᾶσαν ἡ φύσις ἐδόκει τὴν κακοτροπίαν ἀφελομένη τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους ἐν τῇ τοῦδε τοῦ ἀνδρὸς καταθέσθαι ψυχῇ (ibid., 57).

[3]) Λέγουσι δὲ αὐτοῦ καὶ τὴν μητέρα φάναι τῶν ἐπιτηδείων τισὶν ὡς οὐ Σαββατίου τοῦ αὐτῆς ἀνδρὸς οὐδὲ ἀνθρώπων τινὸς υἱὸς εἴη· ἡνίκα γὰρ αὐτὸν κύειν ἔμελλεν, ἐπιφοιτᾶν αὐτῇ δαιμόνιον οὐχ ὁρώμενον, ἀλλ' αἴσθησιν τινα ὅτι δὴ πάρεστιν αὐτῇ παρασχὸν, ἅτε ἄνδρα γυναικὶ πλησιάσαντα, καθάπερ ἐν ὀνείρῳ αφανισθῆναι (ibid., 80). Нѣчто подобное разсказывали о патріархѣ Фотіѣ его враги (*Иванцовъ-Платоновъ*, Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1892, май, стр. 2).

[4]) Φάναι λέγουσιν αὐτὸν ἄντικρυς ὡς τῶν δαιμόνων τὸν ἄρχοντα ἐν τῷ παλατίῳ ἐπὶ τοῦ θρόνου καθήμενον ἴδοι (p. 81).

[5]) Ὅτι δὲ οὐκ ἄνθρωπος, ἀλλὰ δαίμων τις, ὥσπερ εἴρηται, ἀνθρωπόμορφος ἦν, τεκμηριώσαιτο ἄν τις τῷ μεγέθει σταθμώμενος ὧν εἰς τοὺς ἀνθρώπους κακῶν ἔδρασεν. ἐν γὰρ τῷ ὑπερβάλλοντι τῶν πεπραγμένων καὶ ἡ τοῦ δεδρακότος δύναμις εὔδηλος γίνεται. τὸ μὲν οὖν μέτρον ἐς τὸ ἀκριβὲς τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἀνῃρημένων εἰπεῖν οὐκ ἄν ποτέ μοι δοκεῖ τῶν πάντων τινὶ ἢ τῷ θεῷ δυνατὰ εἶναι. Θᾶσσον γάρ τις, οἶμαι, τὴν πᾶσαν ψάμμον ἐξαριθμήσειεν ἢ ὅσους βασιλεὺς οὗτος ἀνήρηκε (p. 106).

Digitized by Google

стать достойнымъ сыномъ своего отца. Добившись власти, онъ пользуется ею только для проявленія своей безпощадной жестокости; Альберикъ помогаетъ кровожадному брату. Но демонское отродье ждалъ печальный конецъ. Потерпѣвъ пораженіе въ битвѣ, Эццелино умираетъ въ отчаяніи; вскорѣ погибъ и его братъ [1]).

По народному повѣрью дѣти, родившіяся отъ демона, бываютъ обыкновенно безобразны, обжорливы, капризны, злы [2]). Припомнимъ при этомъ старо-русскую повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи, къ которой повадились ходить «окаяннiи демони». Явились и дѣти демонскія: «и зача... въ утробѣ и носила ихъ *полтора года*». По истеченіи этого срока, «пріиде къ ней отъ тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ жена, и нача с нею водитися; и роди ихъ шесть, а *видѣніемъ они сини*, и взя ихъ та жена, что съ нею водилась, и унесе изъ храмины подъ мостъ. Отецъ же ея пріиде въ домъ со всѣми домашними и начаша ясти, и они темнозрачніи демони, которые родились, воставше из-подъ моста, *каменіемъ начаша метати и землю бросати*». Много страдала отъ бѣсенятъ и мать, «понеже *ссаху ея за сосцы, яко зміи лютыи*» [3]).

Одно изъ преданій, развившихся на почвѣ представленій «о демоническихъ натурахъ», получило въ средніе вѣка литературную обработку и пользовалось значительной извѣстностью среди читателей стараго времени. Въ преданіи этомъ выступаетъ передъ нами Робертъ, по прозванію дьяволъ, герцогъ нормандскій, въ чертахъ котораго нельзя не замѣтить несомнѣннаго сходства съ нашимъ Васильемъ Буслаевичемъ.

Для того, чтобы это сходство не затерялось среди неодинаково передаваемыхъ подробностей былины, припомнимъ здѣсь ея общее очертаніе.

Буславъ и Мамелфа—бездѣтная чета, томящаяся желаніемъ увидѣть у себя чадо милое. Чадо рождается, подобно Всеславу Полоцкому, «отъ волхвованія». Вскорѣ затѣмъ Буславъ умираетъ.

Когда Василью исполнилось семь лѣтъ, мать отдала его учиться книжной мудрости. Мальчикъ выказываетъ счастливыя дарованія, дѣлается прекраснымъ грамотѣемъ и пѣвцомъ. (Сказка *Сахарова* замѣчаетъ, напротивъ, что «грамота и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло»). Вмѣстѣ съ блестящими способностями рано сталъ обнаруживать Василій иныя, непривлекательныя черты своей природы:

---

[1]) *Graf*, op. cit., 203—204.

[2]) *Сумцовъ*, Культурныя переживанія, стр. 278.

[3]) Памятники старинной русской литературы, I, 153—154.

Digitized by Google

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
Сталъ онъ на улицы похаживать,
Со ребятами шутки пошучивать:
Кого за ногу, нога-то прочь,
Кого за руку, рука-то прочь,

Злой и буйный нравъ Василья дѣлаетъ его опаснымъ для окружающихъ. Появляется Василій на какомъ-то новгородскомъ праздникѣ (братчина, пиръ у князя), праздникъ оканчивается бѣдой. Затѣвается кулачный бой; при участіи Василья потѣха превращается въ кровавое побоище. Встрѣчается Васька съ старцемъ-пилигримомъ, своимъ крестнымъ отцомъ и наставникомъ; тотъ пытается образумить буяна и платится за это жизнью.

Окруживъ себя шайкой отчаянныхъ головорѣзовъ (одинъ изъ пересказовъ указываетъ при этомъ возрастъ Василья: 18-ти лѣтъ), сынъ Буслава разбойничаетъ не только въ Новгородѣ, но и далеко за его предѣлами. Его знаютъ «казаки-разбойники», стоявшіе на заставѣ корабельной въ устьѣ Волги.

Подъ вліяніемъ какого-то потрясенія, душевное настроеніе Василья мѣняется. Въ разбойникѣ пробуждается совѣсть. Онъ задумываетъ покаяться, «душу спасти», и съ этою мыслью отправляется въ Іерусалимъ градъ. Въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ, разсказывающихъ о путешествіи Василья въ Святую Землю, былина оканчивается извѣстіемъ о преждевременной смерти новгородскаго удальца послѣ неудачнаго прыжка черезъ какой-то камень. Но есть основаніе утверждать, что существовалъ изводъ былины съ инымъ окончаніемъ. Въ этомъ древнемъ изводѣ не было рѣчи о безвременной смерти удальца; говорилось, напротивъ, какъ Василій сталъ уважаемымъ новгородскимъ гражданиномъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ посадникомъ. Пріуроченіе извѣстія о Васильѣ къ году осады Новгорода суздальскими войсками даетъ поводъ къ догадкѣ, что древняя былина разсказывала о какомъ-то участіи Василья въ защитѣ роднаго города отъ наступавшихъ враговъ.

Возвратимся къ западному родственнику Василья Буслаевича. Сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ извѣстно въ нѣсколькихъ пересказахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе восходятъ къ XIII вѣку [1]). Этому именно

[1]) Обозрѣніе пересказовъ саги о Робертѣ, а также изслѣдованіе о составѣ саги см. въ книгѣ *K.Breul'я*: Sir Gowther. Eine englische Romanze aus dem XV Jahrhundert, kritisch herausgegeben nebst einer litterarhistorischen Untersuchung über ihre Quelle sowie den gesamten ihr verwandten Sagen-und Legenden-Kreis mit Zugrundelegung der Sage von Robert dem Teufel, 1886. Изъ болѣе ранней

Digitized by Google

столѣтію принадлежать: а) небольшой прозаическій разсказъ, написанный по-латыни доминиканскимъ монахомъ Стефаномъ (Etienne de Bourbon) [1]; б) французскій романъ въ стихахъ (li Romans de Robert le Diable или li livres de Robbert le Deable) [2]; в) нормандская хроника (Les cronicques de Normendie), въ составъ которой вошла повѣсть о Робертѣ [3]. Въ XIV вѣкѣ появились: г) сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ (le Dit de Robert le Deable), написанное въ четырехстрочныхъ строфахъ [4], и д) драматическая обработка преданія о Робертѣ: Miracle de Nostre Dame de Robert le Diable [5]. Въ XV вѣкѣ стала извѣстна прозаическая передѣлка преданій о Робертѣ: La vie du terrihle Robert le Dyable [6]. Въ XVIII вѣкѣ издана была новая переработка сказанія о нормандскомъ герцогѣ:

литературы о Робертѣ слѣдуетъ упомянуть богатую содержаніемъ статью *Ed. du Méril'я*: De la légende de Robert le Diable (помѣщена въ *Revue Contemporaine*, 1854, t. XIV, перепечатана въ сборникѣ статей *Du Méril'я*: Études sur quelques points d'archéologie et d'histoire littéraire, 1862).

[1]) Разсказъ озаглавленъ: De multiplici utilitate penitenciae. Текстъ—у *Breul'я*: Anhang, S. 208—210.

[2]) Романъ изданъ былъ въ 1837 г. *Trébutien*'омъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Содержаніе романа подробно пересказано было *Литтре* и *Келлеромъ*. Статья Литтре помѣщена въ Histoire littéraire de la France, t. XXII (1852), а потомъ вошла въ сборникъ его статей, переведенный *Л. Маркевичемъ* на русскій языкъ (Варвары и средніе вѣка, Одесса, 1874). Нѣмецкій пересказъ Келлера, составленный по изданію Trébutien'a, появился въ 1840 году (Altfranzösische Sagen, gesammelt von *H. A. Keller*, II Bd., Ss. 58—166.)

[3]) Хроника рано появилась въ печати; есть изданія 1487, 1500 и др. годовъ; всѣ эти старопечатныя изданія представляютъ, конечно, величайшую рѣдкость. Краткое извлеченіе изъ хроники помѣщено было въ Mélanges tirés d'une grande bibliothèque, X, pp. 196—201. У меня были подъ рукой выписки изъ изданія 1487 г. (по экземпляру Парижской національной библіотеки). Выписки эти я получилъ при содѣйствіи *А. А. Чебышева*, которому считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность.

[4]) *Auguste Pichard*, Le Dict de Robert le Diable (*Revue de Paris*, 1834, t. VII, 30—51). Пересказъ содержанія и отрывки текста; въ примѣчаніяхъ—нѣсколько мѣстъ изъ Нормандской хроники. Нѣкоторыя строфы изъ Dit приведены въ указанной выше статьѣ *Du Méril*'я и вь приложеніи въ книгѣ *Breul*'я (211—215). Полный текстъ „Сказанія“ не изданъ.

[5]) Miracle изданъ былъ а) отдѣльно въ 1836 и въ 1879 гг. и б) въ сборникѣ: «Miracles de Nostre Dame... publiés par *G. Paris et U. Robert*». (t. VI).

[6]) La terrible et merveilleuse vie de Robert le Diable lequel aprés fut homme de bien съ предисловіемъ и примѣчаніями — въ Nouvelle bibliothèque bleue ou légendes populaires de la France, précédées d'une introduction par *M. Charles Nodier* et accompagnées de notices littéraires et historiques par *M. Le Roux de Lincy*, 1842. Отдѣльно Vie издавалась много разъ. См. еще *Uhland's* Schriften, Bd. VII, 655—661.

Digitized by Google

Histoire de Robert le Diable et de Richard sans Peur, son fils [1]).

Кромѣ французскихъ, извѣстны еще пересказы испанскіе, англійскіе, нѣмецкіе, а также португальскій и голландскій. Всѣ эти пересказы ведутъ свой родъ отъ французскихъ оригиналовъ, преимущественно отъ Vie. Нѣкоторой своеобразностью отличаются только: а) англійская поэма о сынѣ австрійскаго герцога, именуемомъ Sir Gowther [2]), b) нижне-нѣмецкое стихотвореніе: De vorlorne Sone [3]), и с) нѣмецкій прозаическій разсказъ о французскомъ королѣ, изданный недавно К. Боринскимъ [4]).

Познакомимся съ содержаніемъ разсказовъ о Робертѣ Дьяволѣ.

1) Родители Роберта долгое время были бездѣтны. Въ горѣ и отчаяніи они обращаются къ духу тьмы. Рождается сынъ. Audivi a duobus fratribus, a fratre, qui hoc se legisse asserebat, quod, cum uxor cujusdam comitis prole careret et dominum multum rogasset pro ea optinenda, nec daretur ei, ad ultimum promisit dyabolo, quod eam ei daret, si eam ei procuraret, quod et fecit. Que concepit et peperit filium, quem baptizatum vocavit Robertum. Такъ разсказываетъ Etienne de Bourbon. Въ романѣ XIII вѣка вмѣсто «какого-то графа» (cujusdam comitis) выступаетъ «герцогъ нормандскій»; въ хроникѣ и въ Dit имя герцога—Aubert, въ Vie и Histoire—Hubert [5]). Мать Роберта въ романѣ—дочь графа; въ хроникѣ и въ Vie—дочь (въ Dit—сестра) герцога Бургундскаго; въ «Исторіи»—Матильда, дочь герцога Бретанскаго. Долго (longuement въ романѣ; въ другихъ пересказахъ—17, 18, даже 40 лѣтъ) нормандскій герцогъ и его жена ожидали дѣтей; они молились, давали обѣты, но тщетно: герцогиня оставалась безплодной. Разъ, въ то время, когда мужъ былъ на охотѣ, одинокая женщина съ особенной силой почувствовала свое горе. Отчаявшись въ помощи Божіей, она обращается къ дья-

---

[1]) Bibliothèque bleue ou recueil d' histoires singulières et naives (1769). Есть русскій переводъ: Исторія Роберта, герцога нормандскаго, прозваннаго Дьяволомъ, переведенная съ французскаго *И. Я(ковкинымъ)*. С.-Пб. 1785.

[2]) *Breul*, op. cit.

[3]) Flos unde Blankflos. Von *Stephan Waetzoldt*. Als anhang: De vorlorne Sone (Robert der Teufel) und De Segheler, Bremen, 1880 (*Niederdeutsche Denkmäler*, Bd. III).

[4]) *K. Borinski*, Eine ältere deutsche Bearbeitung von Robert le Diable (*Germania*, 1892, I, 44—62). Повѣсть издана по двумъ рукописямъ XV вѣка.

[5]) Въ нѣмецкой повѣсти, изд. Боринскимъ: „ein kunig des lanndes francken-reich“. Имена короля и его сына не названы. Въ нижне-нѣмецкомъ стихотвореніи eyn ritter (безъ имени). Въ англійскомъ пересказѣ—герцогъ австрійскій (Estryk, Ostrych); сынъ его—Gowther.

Digitized by Google

воду: «Молю тебя, дьяволъ,—говоритъ она,—услышь меня! Если ты дашь мнѣ дитя, я буду съ этихъ поръ молиться тебѣ».

Diable, fait—ele, je te proi
Que tu entenges ja vers moi;
Se tu me dones un enfant,
Je te proi des ore en avant [1]).

Въ Vie это обращеніе къ демону передано такъ: «Si je conçois aujourd'hui un enfant, au Diable soit-il donné, et dès á présent je lui donne de bonne volonté». Подобная же фраза—въ Миракле. Вернувшійся съ охоты мужъ,—разсказываетъ далѣе романъ,—вошелъ къ женѣ. По дѣйствію дьявола, въ немъ вспыхнула страсть. Вскорѣ затѣмъ герцогиня почувствовала себя беременной, но надежда стать матерью не радовала ее: вспоминая свое обращеніе къ духу тьмы, она не ждала добра. Когда наступило время рожденія, несчастная женщина цѣлую недѣлю страдала, прежде чѣмъ увидѣла сына [2]).

Въ нормандской хроникѣ виновникомъ грѣха является мужъ; *указывается при этомъ день зачатія Роберта, un jour de samedi* [3]). Жена отказывалась исполнить грѣшное желаніе мужа, но должна была уступить его настойчивости, при чемъ у нея вырвалось неосторожное слово. Намекъ объясняется приведеннымъ выше замѣчаніемъ старо-русскаго памятника: «аще смѣситься кто с женою в пятьницю и *в суботу*» и т. д. Въ «Исторіи Роберта» обращеніе къ демону замѣнено волхвованіемъ. Герцогиня обращается къ колдуну еврею, который владѣлъ искусствомъ вызывать тѣни, предсказывать будущее, а также умѣлъ лечить безплодныхъ женщинъ (rendre fécondes les femmes stériles). Послѣ нѣсколькихъ заклинаній, произнесенныхъ колдуномъ, въ глубинѣ пещеры, гдѣ совершалось чародѣяніе, показался молодой чело-

---

[1]) Nouvelle bibliothèque bleue..., p. 300.

[2]) Въ Vie и Histoire страданія матери Роберта продолжены на цѣлый мѣсяцъ. Эпосъ знаетъ еще болѣе тяжелые роды (*Миллеръ*, Илья Муромецъ стр. 117).

[3]) Le duc Aubert vint par ung samedy de chacier des forests et voust gésir oy de sa moullier. La dame refusa à gésir a son mary... et com la dame ne osa deneer la compaingnie de son Seignour, par courouz ele dist que ja n'eust, Dieu part en chose qu'ilz feissent. Нижне-нѣмецкій пересказъ (De vorlorne Sone) упоминаетъ о святкахъ (en wynachten auende dat gheschach)... Въ англійскомъ стихотвореніи прибавлена еще такая подробность: бездѣтный герцогъ грозитъ развестись съ женой, если она не подаритъ ему сына. Подобная угроза встрѣчается и въ другихъ эпическихъ памятникахъ (*Веселовскій*, Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 117; Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 143; *Истринъ*, Александрія русскихъ хронографовъ, стр. 70—71).

Digitized by Google

вѣкъ удивительной красоты и бросился къ ногамъ Матильды. Явившійся успѣлъ увѣрить довѣрчивую даму, что онъ никто иной, какъ ея мужъ, лишь помолодѣвшій при помощи волшебнаго искусства. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ наединѣ съ мнимымъ мужемъ, Матильда замѣтила, что дѣлившій ея восторги совершенно измѣнился: кажущееся сходство съ герцогомъ исчезло. Оскорбленная и разгнѣванная женщина требуетъ объясненія. «Я демонъ,—сказалъ обманщикъ,—дитя, которое ты зачала, будетъ имѣть твои добродѣтели и мои пороки; молчи, скрой отъ мужа то, что съ тобой было; вопреки волѣ неба ты хотѣла имѣть сына; черезъ девять мѣсяцевъ ты его увидишь» [1]). Герцогиня вернулась домой и поспѣшила лечь въ постель, ссылаясь на нездоровье. На другой день подъ утро вошелъ къ ней мужъ: il la trouva un peu abattue, il se coucha auprès d'elle, et lui fournit des raisons de douter, si le fils qui devoit naître d'elle, appartiendroit au duc ou au démon. Когда настало время рожденія, Матильда испытывала страшныя боли, продолжавшіяся цѣлый мѣсяцъ. Появленіе на свѣтъ Роберта сопровождалось знаменіями: небо покрылось тучами, слышались страшные удары грома; дворецъ герцога казался въ огнѣ; одна изъ дворцовыхъ башенъ разрушена была ураганомъ; сова влетѣла въ комнату Матильды и погасила крыльями всѣ свѣчи, которыя снова зажглись сами собой. О подобныхъ же знаменіяхъ, кромѣ Исторіи, разсказываетъ и Vie [2]).

2) Робертъ—злой и капризный ребенокъ: онъ кусалъ кормилицъ, постоянно кричалъ, а когда подросъ, бросалъ въ окружающихъ все, что попадало подъ руку, сталъ драться со сверстниками. Злой ребенокъ получилъ прозвище «Дьяволъ», которое за нимъ и осталось.

3) Когда Роберту исполнилось семь (въ нѣкоторыхъ пересказахъ восемь) лѣтъ, родители выбрали для него опытнаго наставника. Мальчикъ былъ даровитъ, но учился неохотно. Много горя при-

---

[1]) Разсказъ о видѣніи демона едва ли можно считать присочиненіемъ редактора «Исторіи»; подобный же разсказъ встрѣчается въ болѣе древнемъ пересказѣ —въ стихотвореніи о Gowther'ѣ.

[2]) Peu après que l'enfant fut né, il sourdit une nuée si obscure qu'il sembloit qu'il dût venir nuit et et commença à tonner si merveilleusement et éclaira tellement, qu'il sembloit que le ciel fût ouvert et le feu par toute la maison. Les quatre vents furent aussi émus part elle manière que la maison trembloit tant qu'il y tomba une grande partie de la terre. Lors les seigneurs et dames qui étoient là, pensoient tous prendre fin, vu les terribles tempêtes qui couroient alors: mais à la fin Dieu voulut que le temps s'apaisât et fut doux et serein (Nouv. bibliothèque bleue..., pp. 7—8).

Digitized by Google

шлось испытать его наставнику: требованіе занятій, надзоръ, какое нибудь замѣчаніе раздражали Роберта, приводили его въ бѣшенство. Кровавая развязка завершила эти тяжелыя отношенія. Учитель сына нормандскаго герцога умеръ такой же насильственной смертью, какъ и наставникъ нашего Васьки Буслаева: *Робертъ убилъ своего наставника*. «Son maistre,—разсказываетъ нормандская хроника,—le reprinst une fois et s'en voust corrigier Robert. Quant Robert eust été corrigiez, com son maistre se dormoit, it occist d'ung coustel trenchant» [1]). Подобный же разсказъ въ Dit. По разсказу, внесенному въ Vie, Робертъ высказываетъ передъ умирающимъ наставникомъ увѣренность, что освободился отъ ученья навсегда. Puis Robert dit à son maitre, en lui jetant son livre par dépit: «Maitre, voilá votre science, jamais prêtre ni clerc ne sera mon maitre, je vous l'ai assez fait connaitre» [2]). Въ позднихъ пересказахъ смерть воспитателя изображается, какъ слѣдствіе злой продѣлки Роберта. Однажды ночью воспитатель поднялся въ комнату Роберта, чтобы посмотрѣть, спитъ ли онъ. Мальчикъ, ожидавшій посѣщенія, пропустилъ старика и прибилъ къ полу его туфли, оставленныя на краю лѣстницы. Наставникъ, возвращаясь, всунулъ ноги въ туфли, и хотѣлъ спускаться, но потерялъ равновѣсіе и упалъ. Получивъ при этомъ тяжелые ушибы и раны, онъ не долго жилъ (Histoire).

4) Съ лѣтами дурныя наклонности Роберта начали обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе. Еще мальчикомъ сталъ онъ, подобно Василью Буслаеву, по улицѣ похаживать: кого за руку возьметъ—рука прочь, кого за ногу—нога прочь. Vie описываетъ это буйство Роберта въ выраженіяхъ, почти дословно сходныхъ съ былиной: Il commença bien jeune á mener mauvaise vie, il rompoit les bras à un et les jambes à l'autre.... Toujours alloit l'enfant par les rues, frappant et heurtánt ce qu'il rencontroit, comme s'il fût enragé; nul n'osoit se trouver devant lui [3]). Когда Роберту пошелъ 16-й годъ,—говоритъ романъ,—слухъ объ его проказахъ распространился по всей странѣ, такъ что никто не рѣшался появляться при дворѣ герцога. Робертъ билъ, а нерѣдко и убивалъ всѣхъ, кто только попадался ему на встрѣчу. Даже молившіеся въ церкви, міряне и священники, не могли считать себя безопасными отъ его нападеній. Справиться съ нимъ никто не могъ. На двадцатомъ году, — замѣчаетъ романъ, — Робертъ превосходилъ всѣхъ и ростомъ и силой.

[1]) *Pichard*, l. c.
[2]) Nouv. bibliothèque bleue..., p. 10.
[3]) ibid., p. 9.

Digitized by Google

Родителямъ Роберта приходилось безпрестанно выслушивать жалобы на ихъ буйнаго сына.

5) Не довольствуясь одиночными проказами. Робертъ задумалъ собрать себѣ дружину хоробрую. Дружина составилась изъ сорванцевъ, похожихъ на братьевъ названыхъ новгородскаго удальца. Къ Роберту шли люди, не умѣвшіе или не хотѣвшіе жить трудомъ, люди, не находившіе себѣ мѣста въ обществѣ, любители легкой наживы. дешево цѣнившіе и свою, и чужую жизнь. Robert fit assembler avec lui tous les mauvais garçons du pays, et les retint pour le servir; car il y en avoit de mauvais et de diverses sortes, comme larrons, meurtriers, gens pervers et mauvais.... geni gloutons et orgueilleux et les plus terribles de dessous les cieux: *de telles gens Robert fit une grande assemblée et il étoit capitaine* (Vie) [1]. Въ Миракле дружинники Роберта получаютъ прозвища въ родѣ тѣхъ, которыя въ нѣкоторыхъ пересказахъ примѣняются къ братьямъ названымъ Василья Буслаева: Увалень (Lambin), Петля (Boute-en-Couroye) [2]) Раздави чарочку (Brise-Godet), Бражникъ (Rigolet). Припомнимъ Котельную Пригарину, Ѳому Благоуродливаго и другихъ товарищей нашего Васьки.

6) Мать Роберта, чтобы образумить его, вызвать въ немъ желаніе исправиться, совѣтуетъ герцогу посвятить сына въ рыцари. Герцогъ соглашается, надѣясь, какъ и его жена, что, получивъ званіе, налагающее извѣстныя обязанности, Робертъ откажется отъ прежней жизни. По случаю посвященія новаго рыцаря при нормандскомъ дворѣ устроенъ былъ большой праздникъ, закончившійся турниромъ. Явившись на этотъ турниръ, Робертъ ведетъ себя такъ, какъ Василій Буслаевичъ послѣ заклада съ новгородцами. Потѣха превращается въ кровавую битву: всѣхъ рыцарей, которыхъ только встрѣчалъ Робертъ. онъ сбрасывалъ съ коня, и при томъ съ такой силой, точно шелъ бой не на животъ, а на смерть. «Онъ умертвилъ въ этотъ день болѣе тридцати человѣкъ и навелъ на всѣхъ такой ужасъ, что никто больше не рѣшался сразиться съ нимъ»,—замѣчаетъ романъ. Затѣмъ Робертъ побывалъ еще на нѣсколькихъ турнирахъ и вездѣ, гдѣ онъ появлялся, праздникъ оканчивался бѣдой. Особенно подробно описывается турниръ въ «Исторіи». Привожу это описаніе по русскому переводу прошлаго вѣка: «Назначенный для торжества

---

[1]) Ibid., pp. 15—16. Въ хроникѣ составъ Робертовой дружины опредѣляется эпическимъ числомъ—30.

[2]) О значеніи выраженія Boute-en-courroie см. замѣтку G. P(aris) въ *Romania*, t. XXI (1892), № 83, pp. 407—413.

Digitized by Google

и поединковъ день наступилъ уже, и съѣхавшіеся кавалеры всѣ приготовились къ принятію Роберта.... Робертъ, выступивъ на мѣсто поединка, представилъ въ себѣ неустрашимѣйшаго ратоборца; не довольствовался тѣмъ, что побѣждалъ всѣхъ ихъ; но еще выбивалъ у ихъ оружіе, умерщвлялъ подъ ними лошадей и съ толь превеличайшимъ искусствомъ сражался противу наступающихъ, что какъ скоро какой нибудь отважный кавалеръ на его нападалъ, такъ скоро усматривалъ жизнь свою въ опасности и оставлялъ на мѣстѣ поединка или плечо (un bras) или ногу. Всѣ кавалеры имъ были не довольны; и для того предложилъ имъ, что сразится онъ одинъ со всѣми ими вмѣстѣ; но сему противорѣчили законы кавалерства, потому что не было ни малѣйшей славы отъ такой побѣды; но быть отъ одного многимъ побѣжденнымъ было еще гораздо стыднѣе. И потому, дабы учинить свою сторону хотя нѣсколько равною, Робертъ требовалъ, чтобъ ему позволено было выбрать хотя такихъ товарищей, которые бы едва только еще на лошадяхъ сидѣли, и выступить имъ на мѣсто поединка для его подкрѣпленія. Кавалеры, опасаясь, дабы не причтено было имъ въ знакъ трусости, ежели ему откажутъ въ его требованіи, на то согласились: можетъ быть, они чрезъ то надѣялись отмстить ему соединенными силами за всѣ удары, которые каждый изъ нихъ получилъ отъ его въ довольномъ количествѣ. Молодые его товарищи, бывшіе только единственно смотрителями сихъ поединковъ, выступили на мѣсто сраженія въ числѣ пятнадцати человѣкъ. Кавалеры, бывшіе еще въ состояніи съ нимъ сражаться, всѣ предстали: и какъ ихъ числомъ было гораздо болѣе, то они хотѣли было метнуть жребій, но Робертъ требовалъ, чтобъ всѣ они съ нимъ сразились. ***Лишь только далъ онъ знакъ своимъ товарищамъ къ нападенію, какъ тотчасъ большая половина лошадей была опрокинута и кавалеры принуждены были отступить.*** Тогда Робертъ разъярившись бросился въ ихъ средину; въ одно мгновеніе шишаки, копья и шпаги были переломаны: самые неустрашимѣйшіе изъ ихъ затрепетали; онъ ихъ гналъ и опрокидывалъ все, что ни попадалось подъ его удары. Копье его изломалось; притупленная шпага его имѣла уже видъ пилы; но онъ тѣмъ опаснѣйшія еще давалъ раны; наконецъ она въ рукахъ у его изломилась: онъ взялъ у своего товарища другую, которая также вскорѣ переломилась. ***Итакъ, не имѣя чѣмъ поражать другихъ, увидѣлъ желѣзную дубину*** (une barre de fer), ***лежавшую на мѣстѣ сраженія; скочивъ съ лошади, схватилъ сіе новое оружіе и безъ разбору билъ ею какъ лошадей, такъ и кавалеровъ.*** Сраженіе учинилось чрезвычайно кровопролитно; трое изъ

Digitized by Google

самыхъ мужественнѣйшихъ кавалеровъ потеряли тутъ жизнь свою; мѣсто сраженія покрылось обломками оружій, отрубленными членами и убитыми лошадьми. Робертъ еще не преставалъ сражаться; но герцогъ, отецъ его, приказалъ прекратить поединки и объявилъ, что турниръ уже окончился: но сынъ его нимало не внималъ его повелѣніямъ и дышалъ единственно только кровопролитіемъ и убійствомъ. Восьмеро оставшіеся кавалеры, не взирая ни на число, ниже на неравенство силъ, соединились для совокупнаго на его нападенія. Робертъ дожидался ихъ съ твердостію и, чтобъ не быть себѣ обхвачену съ боковъ, приказалъ двумъ своимъ товарищамъ подкрѣпить себя и защищался съ толикимъ мужествомъ, что принудилъ трехъ своихъ соперниковъ грызть землю. Наконецъ народъ, на его негодуя за столь многую пролитую кровь, зароптал и возмутился. Робертъ, безразсудный Робертъ дерзнулъ и на его напасть; уже чернь (la populace) начала въ него бросать каменьями, и бунтъ начиналъ быть всеобщій. *Герцогиня съ заплаканными глазами бросается въ сраженіе, вбѣгаетъ предъ Роберта и показываетъ видъ, что намѣревается она пасть на колѣни: тогда-то онъ, постыдився сего движенія, отдалъ оружіе своей матери и далъ себя вести въ покои»* (au palais) [1]).

При описаніи посвященія Роберта въ рыцари нармандская хроника вводитъ еще такую подробность: когда отецъ взялъ мечъ, чтобы дать новому рыцарю обычный обрядовой ударъ, сынъ обнажилъ и свой; онъ поразилъ бы отца, еслибы его не удержали. Описаніе турнира опущено. Изображеніе неудачнаго рыцарства Роберта въ хроникѣ и сказаніи (Dit) предшествуетъ разсказу объ образованіи разбойничьей шайки [2]).

Любопытную особенность находимъ въ нѣмецкомъ разсказѣ о французскомъ королѣ, у котораго былъ буйный сынъ. Старикъ умеръ. Do nu das kint also aufwuchse das es kam zu sein jaren,

[1]) Исторія..., стр. 52—58.

[2]) Въ Vie и Histoire отецъ посылаетъ за сыномъ особый отрядъ; Робертъ разбилъ этотъ отрядъ, ослѣпилъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ къ отцу. Въ латинскомъ разсказѣ XIII вѣка грѣхи юности Роберта описываются кратко: qui cum cresceret per processum temporis, crescebat malicia plus et plus in eo, ita primo quod mammas nutricum mordebat, post major alios percuciebat, post quem occurrebat, destruebat et rapiebat, post virgines rapiebat et deflorabat et conjugatas, homines capiebat et occidebat; et cum, procedente tempore, cresceret in flagiciis, factus miles, fit magis scelestus. Въ стихотвореніи: De vorlorne Sone не говорится ни о чемъ подобномъ,—обстоятельство, котораго приведется коснуться въ слѣдующей главѣ.

Digitized by Google

do starb sein vater der kunig von franckenreich. Сынъ наслѣдовалъ тронъ, но, сдѣлавшись королемъ, остался такимъ же необузданнымъ буяномъ, какъ и прежде. Умеръ отъ горя и австрійскій герцогъ, о которомъ разсказываетъ старо-англійское стихотвореніе [1]). Sir Gowther сталъ герцогомъ, но продолжалъ вести прежнюю жизнь.

7) Въ душѣ Роберта совершается перемѣна. Задумавъ покаяться и исправиться, онъ идетъ въ Римъ къ святому отцу. Тотъ отправляетъ его къ благочестивому отшельнику, который выслушавъ исповѣдь разбойника, назначаетъ ему суровую эпитимію.

Cum aliquando mater sua ei dixisset, commota ad querelas conquerencium de eo, quod pro nihilo circa eum laboraretur, quia constabat ei, quod non faceret, nisi malum, ipsam impetit extracto gladio dicens, quod aut eam occideret aut ei diceret, cur hoc ei dixerat et cur esset ita malus, ipsa autem, timore perterrita, refert, quomodo eum dyabolo dederat... Такъ разсказываетъ латинская проза XIII вѣка. Въ другихъ пересказахъ обстоятельства, вызвавшія переломъ въ настроеніи Роберта, изображаются съ подробностями, не упомянутыми въ латинской статьѣ. Послѣднимъ злодѣяніемъ Роберта,—говорится въ романѣ,—было нападеніе на женскій монастырь. Монахини были перебиты, зданія монастыря преданы огню. Вслѣдъ за тѣмъ Робертъ отправляется въ замокъ (château d'Arques), гдѣ находилась его мать. При приближеніи разбойника всѣ разбѣгаются; никто не является даже взять его лошадь. Это одиночество, этотъ общій ужасъ поражаютъ Роберта. Въ его душѣ поднимаются мучительные вопросы: отчего онъ такой злой, отчего всякая добрая мысль тотчасъ же заглушается въ немъ иными, не добрыми влеченіями. Робертъ догадывается, что причина зла должна скрываться въ самомъ его рожденіи... Слѣдуетъ разсказъ о свиданіи Роберта съ матерью, которая, по настойчивому требованію сына, открываетъ ему тайну демонскаго вліянія на его зачатіе. Сказаніе (Dit) не упоминаетъ о нападеніи на женскій монастырь [2]); послѣднимъ преступленіемъ Роберта, вызвавшимъ раскаяніе въ его душѣ, представляется убійство трехъ пустынниковъ. Vie и Historie увеличиваютъ число этихъ послѣднихъ жертвъ Роберта до семи. Онъ встрѣтилъ *старцевъ пи-*

---

[1]) Въ нижне-нѣмецкомъ разсказѣ:

Do it to achte yaren quam,
de dot do den vader nam.

[2]) Въ нормандской хроникѣ есть разсказъ о нападеніи на женскій монастырь, но разсказъ этотъ помѣщенъ передъ извѣстіемъ о посвященіи Роберта въ рыцари.

Digitized by Google

лигримовъ въ лѣсу. «Нещастіе,—разсказываетъ Исторія,—привело къ нему седьмь пустынниковъ (Hermites), *проходившихъ чрезъ Нормандію и возвращавшихся изъ Рима.* Сіи злощастные сами къ нему пришли спрашивать дороги». Робертъ притворился сначала благочестивымъ, разспрашивать пилигримовъ объ ихъ путешествіи, а потомъ перевелъ разговоръ на искушенія, которымъ подвергаются пустынники. При этомъ по знаку Роберта появились передъ монахами пять молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ разбойники скрывали въ укрѣпленіи, построенномъ среди лѣса. Пустынники бѣжали, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ (en faisant de grand signes de croix). Робертъ погнался за ними и двухъ убилъ. Одинъ изъ оставшихся обратился къ Роберту съ грозной обличительной рѣчью. «По сихъ словахъ Робертъ разъярился; а *пустынники на него напали* (les Hermites s'élancent sur lui): лишь только сбили его съ ногъ, то женщины подняли ужасный крикъ, который даже услышанъ былъ и въ крѣпости, откуда трое законопреступниковъ выскочили на помощь Роберту; пустынники, симъ устрашенные, побѣжали, а Робертъ, съ товарищами своими погнавшись за ними, умертвилъ всѣхъ ихъ одного послѣ другаго. Одинъ изъ нихъ умирая сказалъ Роберту съ спокойнымъ и веселымъ духомъ: Робертъ! ты радуешься, а душа твоя раздирается; я никакъ не промѣняю моей участи на твою: умираю невиненъ и безъ всякаго смущенія; я тебя прощаю; да и худо бы я поступилъ, когда бы пустился во гробъ съ мерзостнѣйшимъ чувствованіемъ ненависти; о! когда бы и небо тебя простило также, какъ я! Прости; я тебя не ненавижу и предвижу, что грызенія совѣсти обратятъ тебя къ добродѣтели; воспоминай о мнѣ и моихъ товарищахъ только въ подобное сему время и будь увѣренъ, что мы всѣ тебѣ простили». Слова умирающаго, его спокойствіе передъ смертью тронули Роберта и подготовили его раскаяніе. Разговоръ съ матерью завершилъ перемѣну въ его душѣ [1]). Въ нормандской хроникѣ подробности обращенія Роберта передаются иначе. Старый герцогъ послѣ того какъ сынъ его сталъ во главѣ разбойничьей шайки, объявилъ Роберта лишеннымъ покровительства закона: каждый могъ безнаказанно отнять у него свободу и жизнь. Этимъ объявленіемъ воспользовался виконтъ de Coutance, у котораго Робертъ убилъ сына. Собравъ дружину, виконтъ напалъ на Роберта; разбойничья банда была разбита; предводитель ея, тяжело раненный, находитъ убѣжище у какого-то отшельника. Тотъ ухаживаетъ за больнымъ и

---

[1]) Исторія..., стр. 72—85.

Digitized by Google

успѣваетъ вылечить не только тѣло, но и душу Роберта: подъ вліяніемъ благочестиваго пустынника разбойникъ перерождается, отрекается отъ прежней жизни и отдается заботамъ о спасеніи своей души. Въ нѣмецкой статьѣ, изданной Боринскимъ, раскаяніе молодаго французскаго короля связано съ описаніемъ неудавшагося съѣзда знатныхъ людей. Nu geschah zu einen zeiten das ein grosser hoff wart aussgeruffet yn dem lande zu frankenreich. Zu dem hoffe komen uil furtsten und heren dy dar zu besant nnd geladen wurden. Когда стало извѣстно, что на этомъ собраніи будетъ присутствовать и молодой король, никто не явился на зовъ. Король, подъ вліяніемъ чувства стыда и оскорбленнаго достоинства, созываетъ совѣтъ и проситъ объяснить причину того страха, который охватилъ приглашенныхъ на съѣздъ. Совѣтъ намекаетъ королю на его жестокость, а за разъясненіемъ причины зла предлагаетъ обратиться къ матери. Подобныя же подробности передаются и въ поэмѣ о Gowther'ѣ [1]).

Послѣ свиданія съ матерью и раскрытія тайны рожденія Робертъ отправляется въ Римъ. Quod (сказанное матерью) cum audisset,—передаетъ Etienne de Bourbon,—relictis omnibus, ivit Romam ingerens se, quomodo posset confiteri papae multotiens. Ad ultimum, in quadam processione, per pedes eum arripit, dicens, quod prius se occidi permitteret, quam non loqueretur ei. Qui cum audisset eum, misit eum ad quemdam sanctum inclusum; qui cum in missa sua rogaret dominum, quod intimaret, quam penitenciam ei injungeret, quia perplexus erat de hoc, quod factum ejus audierat, mittitur ei per columbam quaedam carta, in qua erat scriptum, quod daret ei in penitencia, quod de cetero non loqueretur, nisi de licencia dicti inclusi; quod fatuum se faceret, et injurias sibi illatas a pueris et aliis sibi pacienter portaret, et quod de cetero cum canibus jaceret et non comederet, nisi (quod) ab eis auferret. Quam cum audiret, accepit penitenciam illam gratanter quasi munus a deo sibi missum, promittens, ut hanc penitenciam consummaret. Tonsus ut fatuus ab heremita ivit ad civitatem regiam; insecutus a pueris, ascendit aulam regiam, pugnat cum canibus, rapit ea, quae eis proiciuntur, ab eorum dentibus; curiales proiciebant ossa et alia eis, ut viderent pugnam eius et canum. Cum autem rex perpenderet, quod aliter non vellet comedere, nisi proiceretur canibus, multa eis proiciebat, ut ille, qnem fatuum credebat, ea

[1]) Въ испанской драмѣ съ содержаніемъ, взятымъ изъ преданій о Робертѣ, грѣшникъ исправляется послѣ явленія Христа, который обращается къ разбойнику съ словами обличенія и увѣщанія (*Breul*, 95—96, 232).

Digitized by Google

comederet. Nolebat jacere, nisi cum canibus sub gradibus, ubi pernoctabat in fletu et oracione. Rex autem, multum ei compaciens, non sinebat eum molestari. Въ романѣ покаяніе Роберта изображается съ такими же подробностями. Кающійся грѣшникъ бросилъ свой мечъ, обрѣзалъ волосы и пустился въ путь. Придя въ Римъ, онъ убѣдился, что увидѣть «святаго апостола» не легко. Робертъ прибѣгаетъ къ хитрости: прокрадывается незамѣтно въ капеллу св. Іоанна, гдѣ папа каждый день служилъ мессу, и куда не впускали обыкновенно никого. Когда обѣдня окончилась, Робертъ приблизился къ папѣ, распростерся передъ нимъ и, обнимая его ноги, съ слезами молилъ выслушать исповѣдь грѣшника. Служители хотятъ отогнать Роберта, они готовы даже убить его, но папа ихъ останавливаетъ, выслушиваетъ признанія грѣшника и приказываетъ ему идти къ благочестивому отшельнику, жившему недалеко отъ Рима. Робертъ исполняетъ приказаніе. Пустынникъ затрудняется указать способъ покаянія для такого необычнаго грѣшника; покаяніе для него можетъ быть опредѣлено только волей Божіей. Послѣ долгой пламенной молитвы Роберта и старца совершается чудо: съ неба упало письмо, въ которомъ изложены были нужныя наставленія. Робертъ долженъ былъ выдержать тройную эпитимію: долженъ юродствовать, притворяться безумнымъ и, ходя по улицамъ, терпѣливо переносить толчки и удары прохожихъ; долженъ притворяться нѣмымъ, не произносить ни одного слова, что бы ни случилось; долженъ, наконецъ, питаться только вмѣстѣ съ собаками. Выслушавъ это повелѣніе, Робертъ спѣшитъ приступить къ его исполненію. «Съ палкою въ рукахъ, которой онъ угрожаетъ каждому, не приводя, однако, въ исполненіе своей угрозы, въ одеждѣ юродиваго онъ входитъ въ Римъ, гдѣ народъ смѣется надъ нимъ и бьетъ. Онъ молча переноситъ все, и когда оскорбленія становятся ему не подъ силу, скрывается во дворецъ императора. Здѣсь тоже привратники останавливаютъ его и бьютъ, но ему удается пробраться къ самому императору. Императору жаль этого бѣдняка, и онъ пускаетъ его подъ свой столъ, тѣмъ болѣе, что родъ помѣшательства, которымъ одержимъ Робертъ, возбуждаетъ веселость принца. Роберту даютъ кусокъ мяса, но вмѣсто того чтобы его взять, онъ позволяетъ схватить его находящейся тутъ же собакѣ, потомъ ссорится съ нею и отнимаетъ кусокъ. Такъ проходитъ жизнь сына нормандскаго герцога; онъ ходитъ по городу, гдѣ его бьютъ, возвращается драться съ собакой за порцію хлѣба подъ столъ императора, не произноситъ ни одного слова и отдыхаетъ въ одной конурѣ съ

Digitized by Google

собакой» [1]). Сходно въ общихъ чертахъ описывается покаяніе Роберта и въ другихъ пересказахъ; разницы касаются подробностей. Въ хроникѣ и въ поэмѣ о Gowther'ѣ эпитимія налагается на Роберта не отшельникомъ, а самимъ папой. Въ Dit и Histoire говорится, что передъ отправленіемъ въ Римъ Робертъ направился къ своей дружинѣ и сообщилъ ей о своемъ намѣреніи отказаться отъ прежней жизни; убѣдившись, что дружинники не выказываютъ желанія подражать теперь своему бывшему вождю, Робертъ перебилъ одного за другимъ всѣхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. Въ разсказъ о путешествіи въ Римъ Histoire вводитъ нѣсколько приключеній, неизвѣстныхъ по болѣе древнимъ пересказамъ: въ какомъ-то савойскомъ городѣ Робертъ выступаетъ на сценѣ въ роли Полифема; вытаскиваетъ затѣмъ изъ болота завязшаго въ немъ рыцаря, оказываетъ покровительство молодымъ супругамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованій тещи. Въ нѣмецкомъ разсказѣ о французскомъ королѣ нѣсколько особенностей: кающійся идетъ сначала къ священнику, отъ него къ епископу, далѣе—къ папѣ, наконецъ—къ отшельнику [2]); въ составъ эпитиміи введена новая подробность—хожденіе на четверенькахъ (er solt krichen auf dem ertrich, als eine vihe); время покаянія въ большей части пересказовъ *семь лѣтъ*, въ нѣмецкой статьѣ—*шесть*; кающійся не возвращается въ Римъ, а идетъ въ Апулію, ко двору неаполитанскаго короля: Vnt er schide sich mit grossen frewden von dem Einsidel vnd kam... in das lant gen Pullen (Apulien) an des kunigs hoff gen Napels.

8) По истеченіи семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Робертъ терпѣливо выдерживалъ наложенную на него эпитимію, онъ отправился въ Іерусалимъ и жилъ тамъ отшельникомъ до блаженной кончины. Robert... apres ce qu'il ot esté sept ans à Romme sanz parler, il ala a Jherusalem ou il fust hermite toute sa vie et vesqui et mourut tres saintement. Такъ говоритъ нормандская хроника. Во всѣхъ остальныхъ пересказахъ содержаніе заключительной части повѣсти о Робертѣ—иное. Въ латинской прозѣ XIII вѣка передается слѣдующее. На страну, гдѣ отбывалъ Робертъ свою эпитимію, напали какіе-то враги (barbari). Ангелъ Господень явился Роберту, повелѣвая ему принять участіе въ битвѣ, привелъ кающагося къ источнику, который находился въ царскомъ саду, и далъ ему тамъ бѣлое вооруженіе съ краснымъ крестомъ и бѣлаго коня (eum arma-

[1]) *Литтре*, op. cit., 253.
[2]) Подобный же порядокъ въ De vorl. Sone.

Digitized by Google

vit armis albis cum cruce rubra et imposuit super equum album). Вооружившись, Робертъ поспѣшилъ къ мѣсту битвы, разбилъ и прогналъ враговъ, а затѣмъ, слѣдуя наставленію, данному ангеломъ, сложилъ оружіе и оставилъ коня на томъ мѣстѣ въ саду, откуда отправился въ бой. Была у царя нѣмая дочь. Она видѣла изъ окна, какъ Робертъ отправился въ путь и какъ сложилъ оружіе послѣ побѣды. Когда царь вернулся домой и сталъ разспрашивать о рыцарѣ въ бѣломъ вооруженіи, дѣвушка указала на юродиваго, но отецъ не обратилъ на это вниманія. Спустя нѣкоторое время, враги снова напали на царя, у котораго пріютился Робертъ. По повелѣнію ангела, Робертъ отправляется къ источнику, вооружается, какъ прежде, бросается въ бой и одерживаетъ побѣду. Царь, слѣдившій за дѣйствіями неизвѣстнаго рыцаря, отдалъ своимъ дружинникамъ приказаніе схватить побѣдителя, желая наградить его по заслугѣ. Одинъ изъ дружинниковъ, пытаясь исполнить волю царя, но не имѣя силъ догнать Роберта, пустилъ въ него копье и ранилъ побѣдителя въ ногу, при чемъ желѣзный наконечникъ копья остался въ ранѣ. Робертъ, добравшись до источника, снялъ вооруженіе, вынулъ желѣзо изъ раны и прикрылъ ее (mustum supra vulnus posuit). Царская дочь, видѣвшая все это, поспѣшила къ источнику и взяла брошенный Робертомъ наконечникъ копья. Царь объявилъ между тѣмъ, что отдаетъ побѣдителю руку своей дочери и признаетъ его своимъ наслѣдникомъ. Сенешаль царскій, узнавъ о такой наградѣ, задумалъ обмануть своего повелителя: ранилъ себя въ ногу, отломилъ желѣзо у копья и представилъ его, какъ доказательство своихъ подвиговъ; воинъ, ранившій Роберта, хотя и видѣлъ обманъ, не рѣшился, однако, заявить, что представленный сенешалемъ обломокъ копья не тотъ, которымъ раненъ былъ побѣдитель. Нѣмая царевна знаками старалась объяснить, что она отвергаетъ притязанія сенешаля, и продолжала указывать на Роберта. Когда король рѣшился силой принудить дочь подчиниться его рѣшенію, отверзъ Господь уста нѣмой; она разсказала отцу все, что видѣла, и принесла наконечникъ копья, который дружинникъ призналъ своимъ. Въ это же время, по Божію откровенію, пришелъ пустынникъ, наложившій эпитимію на Роберта, и разрѣшилъ ему прервать молчаніе. Истина открывается [1]). Въ другихъ пересказахъ повѣсти о Робертѣ основное содержаніе послѣдняго отдѣла передается сходно съ латинской статьей; отличія заклю-

---

[1]) Въ Vie явившійся пустынникъ говоритъ: vous êtes maintenant agréable à Dieu, car au lieu de diable vous aurez nom l'homme de Dieu.

чаются лишь въ прибавленіи или опущеніи тѣхъ или другихъ подробностей. Вмѣсто неопредѣленныхъ варваровъ (barbari) въ романѣ и въ позднѣйшихъ пересказахъ являются турки или сарацины; три раза подступають они къ Риму и каждый разъ отражаются Робертомъ. Нѣмецкій разсказъ говорить о двухъ приступахъ къ Неаполю; нападають «турки и невѣрные» (dy Turcken vnd dy vnglaubigen). Въ англійскомъ стихотвореніи рѣчь идетъ о войнѣ съ персами; при каждомъ изъ трехъ нападеній герой появляется въ вооруженіи неодинаковаго цвѣта (чернаго, краснаго, бѣлаго); о продѣлкахъ сенешаля не упоминается [1]).

Побѣдителю царь (король, императоръ) предлагаетъ руку дочери, но Робертъ отказывается отъ брака. Отказывается онъ также отъ нормандскаго наслѣдства и удаляется въ пустыню. Cum autem rex vellet ei filiam suam unigenitam dare et regnum suum resignare et illud ei dimittere, et homines patris sui, hoc audientes, eum repeterent, ut eis dominaretur, noluit eos exaudire; sed cũm dicto heremita, relictis omnibus, ivit et heremiticam duxit vitam. Таково же заключеніе романа о Робертѣ и нѣмецкаго разсказа о французскомъ королѣ. Романъ прибавляетъ, что по смерти Роберта тѣло его принесено было въ Римъ и погребено у святаго Іоанна, именуемаго Латеранскимъ, какъ войдти въ церковь—направо:

Enterré l'ont à Saint Iehan,
Celui que l'on dit de Latran,
Si com entre et moustier à destre.

Позже мощи св. Роберта перенесены были во Францію графомъ Пюи (Pui) и положены въ основанномъ имъ монастырѣ.

Въ другихъ пересказахъ (Dit, Vie, Histoire) повѣсть заканчивается извѣстіемъ о бракѣ побѣдителя съ дочерью царя, при дворѣ котораго жилъ каявшійся удалецъ. Послѣ женитьбы,—говоритъ Vie,—Робертъ возвратился на родину и принялъ на себя управленіе Нормандіей (отецъ Роберта умеръ еще до возвращенія сына). Послѣ долгой добродѣтельной жизни герцогъ Робертъ скончался, оставивъ сына Ришара, который прославился, какъ участникъ походовъ Карла Великаго. Также оканчивается Исторія [2]). Припомнимъ при этомъ

[1]) Въ De vorl. Sone Робертъ узнается не царевной, а побѣжденнымъ султаномъ.

[2]) Поэма о Gowther'ѣ оканчивается разсказомъ о томъ, какъ онъ вернулся въ Австрію, какъ потомъ наслѣдовалъ владѣнія и корону императора, какъ много сдѣлалъ добра при жизни и какъ, наконецъ, прославился чудотвореніями по смерти

Digitized by Google

заключеніе Чулковской сказки о Васильѣ Буслаевичѣ: «Онъ владѣлъ надъ Новымъ-Градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими... Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные».

IV.

Вторая часть повѣсти о Робертѣ (разсказъ объ его борьбѣ съ невѣрными) встрѣчается, какъ мы видѣли, не во всѣхъ пересказахъ. Нормандская хроника, сохранившая одинъ изъ старѣйшихъ варіантовъ повѣсти, не говоритъ ни объ юродствованіи Роберта при дворѣ какого-то царя, ни о побѣдахъ, одержанныхъ покаявшимся удальцомъ. Пересказъ хроники заканчивается извѣстіемъ о путешествіи Роберта въ Іерусалимъ и объ его пустынножительствѣ въ Палестинѣ. Нижненѣмецкое стихотвореніе (De vorlorne Sone) отступаетъ отъ другихъ варіантовъ въ изображеніи дѣтства и юности человѣка, обреченнаго дьяволу. Vorlorne Sone чуждъ тѣхъ дурныхъ наклонностей, той жестокости и буйства, которыя доставили Роберту прозвище дьявола. Герой нѣмецкаго разсказа—юноша даровитый и добрый, возбуждающій общія симпатіи:

de moder settede to der schole dat kynt,
wysheyt he beghunde leren synt,
also dat he wart kunsten ryk;
he was ok houesch vnde mynnechlyk,
leftalych vnde ok wol ghethogen!
se worden alle ghudes hoghen
alle de ene angheseghen (vv. 144—150)

Удаленіе юноши изъ родительскаго дома объясняется скорбью и слезами матери. Узнавъ причину ея печали, обреченный демону пускается въ путь, чтобы отыскать человѣка, который помогъ бы ему избавиться отъ власти духа тьмы. Видимъ такимъ образомъ, что пересказы разсматриваемой нами саги представляютъ существенную разницу въ передачѣ и вступительной и заключительной части повѣствованія. Какъ же объяснить эту разницу? Какой изъ видовъ повѣсти слѣдуетъ признать болѣе близкимъ къ основному?

Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать сравненіе нашей повѣсти съ такими разсказами, которые несомнѣнно родственны съ преданіями о Робертѣ, но составъ которыхъ менѣе сложенъ, болѣе удобенъ для историко-литературнаго анализа.

Digitized by Google

1) Давно уже отмѣчено близкое сходство сказанія о Робертѣ съ легендой о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу и спасшемся отъ его власти при помощи св. Дѣвы. Первый указалъ на эту легенду *Pichard* въ указанной выше статьѣ: Le Dict de Robert le Diable [1]); въ дополнительномъ примѣчаніи къ статьѣ напечатанъ текстъ легенды по рукописи парижской національной библіотеки. По той же рукописи, болѣе точно, чѣмъ Pichard'омъ,—издана легенда въ приложеніи къ книгѣ Breul'я [2]). Нѣсколько рукописныхъ пересказовъ указали Mussafia и Tobler [3]). Не осталась неизвѣстной эта легенда и въ греко-славянскомъ мірѣ. Пересказъ ея внесенъ въ сборникъ благочестивыхъ размышленій и легендъ, составленный монахомъ *Агапіемъ* подъ заглавіемъ: Ἁμαρτωλῶν σωτηρία; извѣстны славянскіе переводы этого сборника, русскій и болгарскій [4]).

[1]) *Revue de Paris*. 1834, VII, 44.

[2]) Op. cit., стр. 210.

[3]) *Mussafia*, Studien zu den mittelalterlichen Marien-Legenden, 50, 56, 84 (*Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, 1888, Bd. CXV); *Tobler*, Altfranzösische Legenden, 21 (*Jahrbuch f. roman. und engl. Litter.*, hrsg. von *Ebert*, 1866, VII, 412—413). Легенда извѣстна и въ драматической обработкѣ: Un miracle de Nostre Dame d'un enfant qui fu donne au dyable quant il fu engendre (изданъ въ сборникѣ: Miracles de Nostre Dame publiés par *G. Paris* et *U. Robert*, I, и отдѣльно *Keller*'омъ. Ср. *Götting. gel. Anzeigen*, 1867, II, 912; *Revue Critique* 1866, pp. 103—105).

[4]) Полное заглавіе труда Агапія такое: Βιβλίον ὡραιότατον καλούμενον Ἁμαρτωλῶν Σωτηρία συντεθὲν εἰς κοινὴν τῶν Γραικῶν διάλεκτον παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός. Въ книгѣ три части; легендарный матеріалъ собранъ преимущественно въ послѣдней, содержащей чудеса Пресвятой Дѣвы. Авторъ бралъ этотъ матеріалъ частію изъ греческихъ синаксарей и патериковъ, частію изъ западныхъ источниковъ: онъ указываетъ на βιβλία διαφορὰ Ἰταλικὰ καὶ Ῥωμαϊκά, упоминаетъ о Цезаріи (Caesarius Heisterbacensis) и Винценціи (Vincentiu Bellovacensis). Книга Агапія имѣла нѣсколько изданій (1641, 1671, 1803, 1840, 1883). Въ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка московской синодальной библіотеки (№ III—337) помѣщены въ переводѣ два отрывка изъ книги: Ἁμαρτωλῶν Σωτηρία: относительно втораго отрывка въ описаніи синодальныхъ рукописей замѣчено «черновой списокъ, правленный рукою Евеимія монаха» (II, 3, стр. 808—809. 812). Въ числѣ рукописей архангельской семинаріи упоминается «Грѣшныхъ спасеніе, твореніе пустынножителя Агапія святогорца. Въ сей книгѣ написаны чудеса Пресвятыя Богородицы, числомъ 67» (*Викторовъ*, Описи рукописныхъ собраній сѣверной Руси, стр. 56). Судя по послѣднему замѣчанію, архангельская рукопись содержитъ переводъ только послѣдней части греческой книги. Въ отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1876 г. (стр. 44) указанъ рукописный сборникъ XVIII в. (Q. I. 786), заключающій въ себѣ переводъ того же отдѣла чудесъ изъ книги Агапія. У меня есть списокъ перевода первой части; заглавіе: «Книга преизрядная, именуемая Амартолонъ Сотиріа, си-

Digitized by Google

Содержаніе легенды слѣдующее.

Жила въ нѣкоемъ городѣ благочестивая чета. Избѣгая плотскихъ утѣхъ, мужъ и жена порѣшили воздерживаться отъ супружескаго общенія. Долгое время они хранили свой обѣтъ, но остаться ему вѣрными до конца не смогли. Обѣтъ былъ нарушенъ по невоздержности мужа. Жена, нехотя уступившая его желанію, въ досадѣ обрекла дьяволу зачатое дитя (laquelle en eust si grant dueil quelle donna au deable lenfant se point en engendroit [1]). Родился хорошенькій мальчикъ. Мать часто плакала надъ нимъ, припоминая свое неосторожное слово. Когда мальчикъ подросъ, онъ сталъ спрашивать мать, о чемъ она такъ часто плачетъ. Женщина долго не рѣшалась объяснить причину своего горя, но, наконецъ, по настоятельной просьбѣ сына, открыла ему свою тайну. Юноша, желая спасти свою душу и тѣло отъ власти дьявола, отправился къ папѣ и разсказалъ ему о своей бѣдѣ; папа послалъ его къ епископу іерусалимскому (a levesque de Jerusalem), а тотъ направилъ къ святому отшельнику. Пустынникъ, выслушавъ разсказъ несчастнаго, молится вмѣстѣ съ нимъ Господу объ избавленіи отъ лукаваго. Разъ, когда святой мужъ служилъ обѣдню, явился дьяволъ, схватилъ обреченнаго ему и понесъ въ адъ. Но благословенная Дѣва Марія защитила несчастнаго, исторгла его изъ рукъ демона и передала пустыннику. Тогда отшельникъ и мальчикъ, узнавъ, что молитва ихъ услышана, воздали благодареніе Богу и Дѣвѣ Маріи. И возвратился отрокъ къ родителямъ своимъ и жилъ свято (et revint li enfes a son pere et a sa mere et mena sainte vie).

Кромѣ этого краткаго извода, легенда о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу, встрѣчается еще въ двухъ редакціяхъ болѣе сложнаго со-

---

рѣчь: грѣшныхъ спасеніе, юже сочини на греческій простый языкъ многимъ прилѣжаніемъ Агапій, критянинъ, скитствующій во стой горѣ Аѳонстѣй и исправи той же и печатію издаде в Венеціи» (имѣется, вѣроятно, въ виду изданіе 1641 года). Въ болгарскомъ переводѣ издана послѣдняя часть труда Агапія: «Чудеса Пресвятыя Богородицы преведени отъ книга нарицаемая Грѣшникомъ спасеніе» (1817, 1846, 1851). У меня были въ рукахъ Венеціанское изданіе греческаго текста 1883 года и болгарскій переводъ въ изданіи 1846 г. Этими книгами я пользовался изъ библіотеки *П. А. Сырку*, которому приношу глубокую благодарность. Считаю не безполезнымъ перепечатать въ приложеніи (№ VIII) легенду о человѣкѣ, обреченномъ демону, въ греческомъ пересказѣ и въ русскомъ его переводѣ.

[1]) Въ пересказѣ, занесенномъ въ Speculum Historiale Vincentii Bellovacensis, слова женщины переданы такъ: quidquid in hac nocte a nobis fuerit operatum, sit maledictum et a dyabolo mancipatum (Lib. VIII, cap. CXV: De puero in vigilia Paschae concepto, quem Dei genitrix eripuit ab inferno).

Digitized by Google

става. Въ одной изъ этихъ редакцій легенда соединяется съ сказкой о мнимомъ шелудякѣ, въ другой — съ сказаніемъ о покаявшемся разбойникѣ

2) Сказка о шелудякѣ (Grindkopf) извѣстна въ многочисленныхъ пересказахъ[1]). На основаніи ихъ сравненія сказка можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Вторая часть въ общихъ ея чертахъ передается одинаково во всѣхъ пересказахъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ появляется юноша чужеземецъ, скрывающій свое имя[2]). Голова юноши покрыта повязкой или пузыремъ; въ нѣкоторыхъ варіантахъ объясняется значеніе этой повязки: юноша утверждаетъ, что голова у него шелудивая, а потому онъ и закрываетъ ее. Юноша поступаетъ на службу при царскомъ дворѣ: помогаетъ царскому садовнику или повару. Спустя нѣкоторое время, на страну, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ шелудякъ, напали сосѣди. Враги разбиты были какимъ-то неизвѣстнымъ удальцемъ, скрывшимся послѣ побѣды. На-

---

[1]) Рядъ варіантовъ этой сказки указали: *Grimm* (Märchen, Anmerk. zu № 136: Der Eisenhans), *R. Köhler* (*Jahrbuch f. roman. und engl. Litteratur*; VIII, 253; Sicilianische Märchen, ges. v. *Laura Gonzenbach*, № 26, II, 222; *Zeitschrift für romanische Philologie*, II, 182), *Liebrecht* (*Göttingische gel. Anzeigen*, 1870, 1417; *Heidelberger Jahrbücher der Litteratur*, 1869, Bd. LXII, 115; Zur Volkskunde, 107), *Cosquin* (Contes populaires lorraines, № XII: Le prince et son cheval, *Romania*, 1877, t. VI, 1881. t. X). Не повторяя этихъ указаній, ограничимся перечнемъ русскихъ пересказовъ: лубочная «сказка о Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ» (*Ровинскій*, Русскія народныя картинки, кн. I, стр. 161—169, ср. кн. IV, стр. 163), лубочная же «сказка о Булатѣ молодцѣ» (ibid., I, 170—178; IV, 163—164), «Сказка о Иванѣ Кручинѣ, купеческомъ сынѣ» (*Бронницынъ*, Русскія народныя сказки, С.-Пб., 1838, стр. 63—85), «Сказка объ Иванѣ богатырѣ» (*Московской Городской Листокъ*, 1847 г., №№ 153, 154, 155, стр. 613, 616—618, 621—622), «Незнайко» (*Аѳанасьевъ*, Нар. русскія сказки, изд. 2, кн. III, № 165, а—б, стр. 62—86, кн. IV, стр. 391—405), «Димитрій царевичъ» (*Худяковъ*, Великорусскія сказки, вып. I, № 4, стр. 21—25; ср. *его же*, Матеріалы для изученія народной словесности, стр. 49), «Иван Иванович» (*Рудченко*, Народныя южнорусскія сказки, I, № 47, стр. 100—109), «Незнайко» (ibid., № 48, стр. 109—115), «Про царевича и его коня» (*Чубинскій*, Труды этнограф. экспедиціи въ Юго-Зап. край», II, № 58, стр. 214—219), «Голопузъ» (ibid., № 59, стр. 219—226), «Старецъ пилигримъ» (*Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества*, т. I, вып. 3: Верхоянскій сборникъ, стр. 268—288, якутскій пересказъ).

[2]) Поэтому въ русскихъ пересказахъ онъ называется обыкновенно „Незнайко“. Подобное же прозвище встрѣчается въ одномъ изъ нѣмецкихъ варіантовъ (*Zingerle*, Sagen aus Tirol, № 28). Упоминаніе о мнимо-шелудивой головѣ во многихъ пересказахъ опущено; я удерживаю, однако, названіе: шелудякъ (Grindkopf), какъ установившееся и повторяемое въ изслѣдованіяхъ о сказкахъ.

Digitized by Google

паденіе повторилось, и снова побѣдителемъ остался невѣдомый воинъ [1]). Загадка рѣшается при участіи царской дочери, которая видѣла, какъ мнимый шелудякъ отправился въ битву и какъ онъ вернулся послѣ побѣды. Сказка заканчивается бракомъ царевны съ заѣзжимъ удальцемъ. Вотъ для примѣра разсказъ одного изъ велико-русскихъ варіантовъ.

«Иванъ, купеческій сынъ,... нарядился въ бычью шкуру, на голову пузырь надѣлъ и пошелъ на взморье. По синю морю корабль бѣжитъ; увидали корабельщики эдакое чудище—звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, на головѣ пузырь, кругомъ шерстью обросло, подплывали къ берегу на легкой лодочкѣ, стали его выспрашивать, изъ ума вывѣдывать. Иванъ, купеческій сынъ, одинъ отвѣтъ ладитъ: «не знаю!». Коли такъ, будь же ты Незнайкою! Взяли его корабельщики, привезли съ собой на корабль и поплыли въ свое королевсто. Долго ли, коротко ли—приплыли они къ стольному городу, пошли къ королю съ подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелѣлъ поставить то чудище предъ свои очи свѣтлыя. Привезли Незнайку во дворецъ, сбѣжалось народу видимоневидимо на него глазѣть. Сталъ король его выспрашивать: «что ты за человѣкъ?»—Не знаю.—«Изъ какихъ земель?»—Не знаю.—«Чьего роду племени?—Не знаю. Король плюнулъ и отправилъ Незнайку въ садъ: пусть де на мѣсто чучела птицъ съ яблонь пугаетъ, а кормить его наказалъ съ своей королевской кухни.

«У того короля было три дочери: старшія хороши, меньшая еще лучше! Въ скоромъ времени сталъ за меньшую королевну арабской королевичъ свататься, пишетъ къ королю съ такими угрозами: «если не отдашь ее изъ доброй воли, то силой возьму». Королю это не по нраву пришло, отвѣчаетъ арабскому королевичу: «начинай де войну; что велятъ судьбы Божіи!». Собралъ королевичъ силу несмѣтную и обложилъ все его государство. Незнаюшка сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вышелъ на чистое поле, припалилъ волосокъ и крикнулъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ посвистомъ. Откуда ни взялся его чудной конь—конь бѣжитъ, земля дрожитъ; «Гой еси доброй молодецъ, что такъ скоро меня требуешь?»—На войну пора!—Сѣлъ Незнаюшка на своего коня добраго, а конь его спрашиваетъ: «Какъ тебя высоко нести—въ полдерева или поверхъ лѣса стоячаго?» — Неси поверхъ лѣса стоячаго!—Конь поднялся отъ земли и полетѣлъ на

---

[1]) Въ нѣмецкой сказкѣ, помѣщенной въ сборникѣ бр. *Гриммъ*, королевичъ-шелудякъ является на первую битву въ красномъ вооруженіи, на вторую—въ бѣломъ, на третью — въ черномъ (№ 136: Der Eisenhans). Ср. подобное же разнообразіе вооруженія въ поэмѣ: Sir Gowther.

Digitized by Google

вражье воинство. Наскакалъ Незнайко на непріятелей, у одного мечъ боевой выхватилъ, у другаго шишакъ золотой сдернулъ да на себя надѣлъ, закрылся наличникомъ и сталъ побивать силу арабскую: куда ни повернетъ, такъ и летятъ головы—словно сѣно коситъ! Король и королевны съ городовой стѣны смотрятъ да дивуются: «что за витязь такой! отколь взялся? ужь не Егорій ли Храбрый намъ помогаетъ?»—а того и на мысляхъ нѣтъ, что это тотъ самый Незнайко, что̀ воронъ въ саду пугаетъ. Много войскъ побилъ Незнаюшко, да не столько побилъ, сколько конемъ потопталъ; оставилъ въ живыхъ только одного арабскаго королевича да человѣкъ десять для свиты на обратный путь. Послѣ того побоища великаго подъѣхалъ онъ къ городовой стѣнѣ и говорилъ: «ваше королевское величество, угодна ли вамъ моя послуга?». Король его благодарилъ, къ себѣ въ гости звалъ, да Незнайка не послушался: ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ своего добраго коня, вернулся домой, надѣлъ пузырь да шкуру и началъ попрежнему по̀ саду ходить, воро̀нъ пугать.

«Прошло ни много, ни мало времени, опять пишетъ къ королю арабской королевичъ: «коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее въ полонъ возьму». Королю это не показалося; написалъ въ отвѣтъ, что ждетъ его съ войскомъ. Арабской королевичъ собралъ силу больше прежняго, обложилъ государство со всѣхъ сторонъ, трехъ могучихъ богатырей впередъ выставилъ. Узналъ про то Незнаюшко, сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вызвалъ своего добраго коня и поскакалъ на побоище. Выѣхалъ супротивъ него одинъ богатырь; съѣхались они, поздоровались, копьями ударились. Богатырь ударилъ Незнайку такъ сильно, что онъ едва-едва въ одномъ стремѣ (стремени) удержался; да потомъ оправился, налетѣлъ молодцомъ, снесъ съ богатыря голову, ухватилъ ее за волосы и подбросилъ вверхъ: «вотъ такъ-то всѣмъ головамъ летать!». Выѣхалъ другой богатырь, и съ нимъ то же сталося. Выѣхалъ третій, бился съ нимъ Незнаюшка цѣлый часъ: богатырь разсѣкъ ему руку до крови, а Незнайко снялъ съ него голову и подбросилъ вверхъ; тутъ все войско арабское дрогнуло и побѣжало врозь. Въ тѣ поры король съ королевнами на городовой стѣнѣ стоялъ; увидала меньшая королевна, что у храбраго витязя кровь изъ руки струится, снимала съ своей шеи платочекъ и сама ему рану завязывала; а король звалъ его въ гости. «Буду,—отвѣчалъ Незнайко,—только не теперь». Ускакалъ въ чистое поле, отпу-

Digitized by Google

стилъ коня, нарядился въ шкуру, на голову пузырь надѣлъ и сталъ пò саду ходить, ворòнъ пугать.

«Ни много, ни мало прошло времени, просваталъ король двухъ старшихъ дочерей за славныхъ царевичей и затѣялъ большое веселье. Пошли гости въ садъ погулять, увидали Незнайку и спрашиваютъ: «это что за чудовище?». Отвѣчаетъ король: «это Незнайка, живетъ у меня вмѣсто пугала—отъ яблонь птицъ отгоняетъ». А меньшая королевна глянула Незнайкѣ на руку, запримѣтила свой платочекъ, покраснѣла и слова не молвила. Съ той поры, съ того времени начала она въ садъ почасту ходить, на Незнайку засматриваться, про пиры, про веселье и думать забыла. «Гдѣ ты, дочка, все ходишь?.—спрашиваетъ ее отецъ.—Ахъ, батюшка, сколько лѣтъ я у васъ жила, сколько разъ по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видѣла!—Потомъ стала она отца просить, чтобъ благословилъ ее за Незнайку замужъ идти; сколько отецъ ее ни отговаривалъ, она все свое: «если, говоритъ, за него не выдашь, такъ вѣкъ въ дѣвкахъ останусь, ни за кого не пойду!». Отецъ согласился и обвѣнчалъ ихъ. Послѣ того пишетъ къ нему арабской королевичъ въ третій разъ, проситъ выдать за него меньшую дочь: «а коли не такъ, все государство огнемъ сожгу, а ее силой возьму». Отвѣчаетъ король: «моя дочь уже обвѣнчана; если хочешь, пріѣзжай — самъ увидишь». Арабской королевичъ пріѣхалъ; видя, что такое чудище да на такой прекрасной королевнѣ обвѣнчано, задумалъ Незнайку убить и вызвалъ его на смертный бой.

«Незнайко сбросилъ съ себя шкуру, снялъ съ головы пузырь, вызвалъ своего добраго коня и выѣхалъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Съѣхались они въ чистомъ полѣ, широкомъ раздольѣ; бой не долго длился: Иванъ, купеческій сынъ, убилъ арабскаго королевича. Тутъ только король узналъ, что Незнайко—не чудище, а сильно могучій и прекрасный богатырь, и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ» [1]).

Захожій юноша прикрываетъ свою голову пузыремъ, выдавая себя за шелудяка [2]). На самомъ дѣлѣ повязка или пузырь нужны

---

1) *Аванасьевъ*, Народныя русскія сказки, III, № 165.

2) Въ нѣмецкой сказкѣ королевичъ, объясняя, почему его голова всегда покрыта, говоритъ: „ich habe einen bösen Grind auf dem Kopf" (*Grimm*, № 136). Въ русскомъ пересказѣ: „царь позвалъ садовника, спрашиваетъ его: почему никогда шапки не сымаешь? — У меня, — говоритъ Иванъ,—голова не чиста" (*Аванасьевъ*, № 165).

Digitized by Google

ему для того, чтобы скрыть *золотые волосы*. «Царевна пришла къ своему мужу по приказу своего отца и стала его будить, однако разбудить не могла и во время его сна увидила царевна у него на главе *златые власы*», — замѣчено въ лубочной сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ [1]). Эта подробность повторяется во многихъ пересказахъ. Даже и въ тѣхъ варіантахъ, гдѣ золотые волосы забыты, удерживается покрываніе головы, указывающее на что-то недосказанное. Нужно поэтому признать, что золотые волосы представляютъ подробность, принадлежащую основному содержанію сказки.

Вступительный отдѣлъ сказки, разсказъ о приключеніяхъ мнимаго шелудяка до его появленія въ чужомъ государствѣ,—передается разнообразно. Въ большей части варіантовъ содержаніе вступительной части таково: юноша волей или неволей оставляетъ родительскій домъ и проводитъ нѣсколько времени въ обществѣ какого-то необыкновеннаго существа. Нѣмецкая сказка въ сборникѣ бр. Гриммъ (№ 136) разсказываетъ при этомъ о королевскомъ охотникѣ, который нашелъ въ лѣсу дикаго человѣка (ein wilder Mann). Чудовищный человѣкъ посаженъ въ клѣтку. Сынъ короля выпустилъ дикаря и унесенъ имъ въ лѣсъ. Дикарь поручилъ мальчику смотрѣть за колодцемъ съ золотой водой (Goldbrunnen). Разъ юноша нагнулся надъ колодцемъ, длинные волосы его опустились въ воду и стали золотыми: голова его сіяла, какъ солнце (das ganze Haupthaar war schon vergoldet und glänzte, wie eine Sonne). Дикій человѣкъ, узнавъ объ этомъ, разсердился на юношу и удалилъ его отъ себя, но въ благодарность за освобожденіе изъ плѣна далъ обѣщаніе являться къ царевичу всякій разъ, какъ онъ будетъ нуждаться въ его помощи. Слѣдуетъ разсказъ о появленіи юноши въ чужомъ государствѣ и объ его побѣдахъ при помощи дикаго человѣка. Русская сказка о Булатѣ молодцѣ замѣняетъ дикаго человѣка этимъ именно Булатомъ, который освобожденъ изъ темницы сыномъ царя Ходора. Освобожденный указываетъ царевичу, гдѣ и какъ онъ можетъ найдти коня богатырскаго, и обѣщаетъ свою помощь въ случаѣ нужды [2]) Въ

---

[1]) *Ровинскій*, Народныя картинки, I, стр. 169; *Аѳанасьевъ*, Сказки, IV стр. 399.

[2]) Сказка забыла золотые волосы, но удерживаетъ упоминаніе о колодцѣ, хотя и въ иномъ значеніи. Послѣ свиданія съ Булатомъ царевичъ возвращается домой, а потомъ отправляется „во иныя государства" вмѣстѣ съ своимъ дядькой. Подъѣхали они къ колодцу. Чтобы достать воды, царевичъ опускается на веревкѣ вглубь водоема. Дядька соглашается вытащить спутника только подъ условіемъ перемѣниться именемъ: дядька выдаетъ себя за царевича, а царевичъ

Digitized by Google

одномъ изъ варіантовъ сказки о Незнайкѣ чудовище, къ которому попадаетъ сказочный герой,—змѣй чудо-юдо о двадцати пяти головахъ. «Иванъ... нанялся служить этому змѣю. На другой день говоритъ ему чудо-юдо: «вотъ тебѣ мои ключи; вездѣ можешь ходить, не ходи только въ конюшню; коли ослушаешься, убью тебя!». Чудо-юдо полетѣлъ въ дальнія страны, за синія моря, за темные лѣса, а Иванъ, купеческій сынъ, не вытерпѣлъ, пошелъ и отворилъ конюшню; а въ конюшнѣ конь да левъ привязаны... Говоритъ ему конь: «приподыми подо мной половицу, достань мазь оттуда и намажь свою голову». То же и левъ сказалъ. Иванъ, купеческій сынъ, помазалъ правую половину головы одной мазью, а лѣвую—другою, и сдѣлались у него кудри золотыя да серебряныя. Послѣ того ушелъ онъ отъ змѣя, нарядился въ коровью шкуру и нанялся къ царю въ садовники» и т. д. Въ другихъ варіантахъ сказки о Незнайкѣ упоминаніе о пребываніи Ивана у чудовища опущено; рѣчь идетъ только о чудесномъ конѣ, доставшемся сказочному герою [1]). Забыто чудовище и въ нѣкоторыхъ другихъ пересказахъ (наша лубочная сказка о Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ; французскій варіантъ въ сборникѣ лотарингскихъ сказокъ *Cosquin*'а и др.) [2]).

Во всѣхъ отмѣченныхъ пересказахъ юноша по той или другой причинѣ самъ оставляетъ родительскій домъ. Но есть группа варіантовъ, въ которыхъ обстоятельства удаленія юноши передаются иначе: сказочный герой удаленъ изъ дома отцомъ, вынужденнымъ исполнить обѣщаніе, данное по неосторожности или по невѣдѣнію. Пересказы этого разряда представляютъ два типа.

Примѣромъ перваго типа варіантовъ могутъ служить малорусскія сказки о Незнайкѣ въ сборникѣ *Рудченка*: «Був собі купец Иван

играетъ роль слуги. Побѣды, одержанныя истиннымъ царевичемъ, обнаруживаютъ коварство самозванца.

[1]) *Аѳанасьевъ*, Сказки, № 165. Замѣчательной чертой сказки о Незнайкѣ представляется примѣсь изъ сказокъ о злой мачехѣ. Отецъ сказочного героя женатъ на второй женѣ; мачеха преслѣдуетъ пасынка, старается его извести; юноша оставляетъ родительскій домъ при помощи чудеснаго коня. Ср. еще сказку объ Иванѣ Кручинѣ въ сборникѣ *Бронницына*. Въ малор. сказкѣ „Про царевыча и его коня“ (*Чубинскій*, 58) мачеха замѣнена злой матерью, измѣнившей отцу царевича. Упоминаніе объ измѣнницѣ встрѣчается и въ другихъ пересказахъ (Sicilianische Märchen, II, 222, Anm. zu № 26). Въ сказкѣ, помѣщенной въ *Моск. Гор. Листкѣ*, Иванъ богатырь—вдовій сынъ.

[2]) И въ этихъ сказкахъ помощникомъ героя является чудесный конь. Въ началѣ сказки объ Иванѣ богатырѣ введены подробности, напоминающія дѣтство Ильи Муромца.

Digitized by Google

Иванович; він усе йіздив по морі. Ото набрав харчі на сім год и отправився з своими робітниками на море. Плавав він по тому морю довго, и заплив у таке море, що не видно ни світа, ни неба. То він узяв харчі на сім год, а то вже й не стало. Робітники на його кричять: «давай нам хліба а то ми тебе тутъ утопим!». Він ім каже: пливім далі, може, кого таки побачим. Ото пливуть, тай пливуть; коли дивляцця, аж шось горить. Так він тоді каже: «пливім туди», Допливають до того огню, так, може, як на саженей десять: аж то змій з дванадцятю головами, той каже йім; а хто то такій?—Иван Иванович каже йому: «я—Иван Иванович». Змій: знаю я тебе добре, а чогож ти тут?—Иванович: «заблудив, не попаду на свою дорогу». Тоді змій йому каже: а що мині дасі, як я виведу тебе изъ ційей темноти?—Иван Иванович каже йому: «а що тобі дать?«—Змій: а даси те, що в тебе дома без тебе стало.—Иван Иванович: «що-ж там таке? може, пара волив чумацких?»... Змій: я не скажу, бо ти не даси.—А Иван Иванович подумав: «чи луче тут пропасти, чи луче отдать йому те! Отдам». Послѣ такого обѣщанія змѣй указалъ купцу дорогу. Иванъ Ивановичъ «прийізжае до дому, аж йому син,—той, що як його не було дома, то він родився,—каже: «ви мене, тату, *отдали чортові*». Тоді батько так зажуривсь, а син йому: «нічого, тату; якось будем жить». Цей же син та звавсь Иваном. Ото вони радяцця: як би тут достацця туда. Так син йому каже: «глядіть, тату, достаньте таку віровку, щоб була сорок сажен». Запасшись такой веревкой, отецъ и сынъ идутъ къ колодцу. Мальчикъ опущенъ въ глубину и попадаетъ «на тотъ свѣтъ», къ двѣнадцатиголовому змѣю. Освободивъ трехъ чудныхъ коней, купеческій сынъ при ихъ помощи выбирается изъ подземнаго царства. Во время пребыванія здѣсь голова у него стала золотой, руки—серебряными, ноги—мѣдными. Слѣдуетъ разсказъ о службѣ Незнайки у какого-то царя, о побѣдѣ надъ врагами и т. д. [1]). Сходенъ съ этимъ пересказомъ и другой варіантъ, помѣщенный у Рудченка. Купеческій сынъ отданъ змѣю, находитъ у него трехъ чудныхъ коней, выбирается изъ подземнаго міра и поступаетъ на службу къ царю; побѣда надъ царскими непріятелями замѣнена борьбой со змѣемъ и спасеніемъ отъ него трехъ царевенъ, на младшей изъ которыхъ Незнайко женится [2]). Въ сказкѣ о «Голопузѣ», помѣщенной въ сборникѣ *Чубинскаго*, блужданіе по морю замѣнено бѣдствіемъ на

---

[1]) № 47, стр. 100—109.
[2]) № 48, стр. 109—115.

Digitized by Google

сушѣ, недостаткомъ воды. «Прийшлось напоіти коней, шукать води,—нема, а коні ажъ и ржуть. Що робить? уже верстъ на пять обшукали води округи,—нема ніде. Позъіздились до повозокъ и хотіли уже запрягать коней, коли це вилазить изъ земли якийсъ человікъ». Человѣкъ этотъ обѣщаетъ показать воду, если купецъ согласится отдать, «що дома есть милійше». Путешественникъ соглашается и обрекаетъ такимъ образомъ чорту своего сына. Юноша, отданный чорту, отправляется къ нему и проводитъ на службѣ цѣлый годъ. Выбравшись при помощи коня, герой сказки «узявъ тай обмазався увесь половою». Въ такомъ видѣ юноша, назвавшійся Голопузомъ, идетъ на царскій дворъ и нанимается помогать садовнику. Разъ вышли въ садъ три царевны. «Гуляли, зривали яблука та іли, а меньша баришня побачила, що лежить Голопузъ підъ деревомъ, підийшла близче до ёго, дивитьця—трошки закотилось у ёго щось на виду. Вона підняла ту шкурку до половини, дивитьця—красавчикъ, вона й влюбилась у ёго». Царевна выходитъ замужъ за Голопуза. На царя три раза нападаютъ враги; Голопузъ каждый разъ остается побѣдителемъ [1]).

Примѣры сказочнаго зачина втораго типа можно найдти въ сказкахъ: итальянской, переданной *Келеромъ*, греческой въ сборникѣ *Хана* и нѣмецкой въ сборникѣ *Зоммера* [2]). Бездѣтные супруги томятся желаніемъ испытать чувство родительской любви. Мужъ встрѣчается съ чародѣемъ (такъ въ итальянской сказкѣ; въ греческой вмѣсто чародѣя выступаетъ дракъ; въ нѣмецкой—ein graues Männchen), который обѣщается помочь горю, если только желающій стать отцомъ согласится отказаться отъ ребенка черезъ опредѣленное время. Слово дано. Обѣщаніе исполняется: у старика рождается сынъ. Когда мальчикъ подросъ, отецъ принужденъ отвести его къ волшебнику или драку. Далѣе сказка развивается по знакомому уже намъ плану: юноша нарушаетъ запрещеніе, данное тѣмъ, у кого онъ во власти; золотые волосы (или золотое пятно) выдаютъ его; герой сказки уходитъ отъ страшнаго существа, прикрывъ слѣды золота повязкой или колпакомъ. Мнимый шелудякъ. Служба у царя, побѣда надъ его врагами открываютъ, кто именно скрывался подъ образомъ шелудяка.

Въ послѣднихъ пересказахъ, изображающихъ сѣтующую бездѣтную чету, слышатся несомнѣнно отзвуки легенды о малюткѣ, обре-

[1]) № 59, стр. 219—226.

[2]) Всѣ эти сказки отмѣчены и разсмотрѣны въ указанной выше работѣ *Кёлера* (*Jahrbuch f. rom. und engl. Literatur*, VIII).

Digitized by Google

ченномъ дьяволу. Нельзя, однако, не только доказать, но и предположить, что изъ всѣхъ варіантовъ сказки о шелудякѣ первоначальная редакція сохранилась именно въ послѣднихъ пересказахъ. Противъ этого говоритъ рядъ такихъ варіантовъ, въ которыхъ вступительная часть сказки не имѣетъ никакого сходства съ преданіемъ о человѣкѣ, обреченномъ демону; къ этому ряду принадлежитъ большая часть варіантовъ. Да и сказки, упоминающія объ отцѣ, отдающемъ ребенка чудовищу, не безъ причины, конечно, замѣняютъ демона чародѣемъ, дракомъ, змѣемъ. Въ этомъ обнаруживается вліяніе традиціи, первичной сказочной схемы, не дававшей мѣста образу демона. Видимъ такимъ образомъ, что сказка о шелудякѣ въ нѣкоторыхъ варіантахъ приблизилась къ сказанію о жертвѣ, отданной демону, но вполнѣ слиться легенда и сказка не могли.

Обратимся къ вопросу объ отношеніи разсматриваемой сказки къ повѣсти о Робертѣ Дьяволѣ. Указаніе на присутствіе въ этой повѣсти подробностей, напоминающихъ сказку о шелудякѣ, сдѣлано было впервые по поводу одного изъ русскихъ варіантовъ. *Антонъ Дитрихъ*, издавшій въ 1831 году небольшой сборникъ русскихъ сказокъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ примѣчаніи къ сказкѣ объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ, припомнилъ сходное преданіе о нормандскомъ герцогѣ: «In einigen Theilen hat dieses, so wie das zehnte Märchen (Bulat der brave Bursche) grosse Aehnlichkeit mit dem englischen Volksmärchen «Robert der Teufel» [1]). Это указаніе прошло, кажется, безслѣдно. На него не обратили вниманія изучавшіе повѣсть о Робертѣ. Сближеніе повѣсти съ сказками того разряда, къ которому принадлежатъ указанные Дитрихомъ варіанты, сдѣлалось предметомъ историко-литературныхъ соображеній только со времени появленія замѣтки Либрехта, помѣщенной въ *Göttingische Gelehrte Anzeigen* 1869 года [2]). Либрехтъ останавливается на второй части саги о Робертѣ, то-есть, на разсказѣ о пребываніи кающагося разбойника при императорскомъ дворѣ, объ его побѣдѣ надъ сарацинами, о женитьбѣ на нѣмой принцессѣ. Послѣднее обстоятельство, женитьба Роберта,

---

[1]) Russische Volksmärchen in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt v. *Ant. Dietrich* (1831), S. 260. Дитрихъ называетъ сагу о Робертѣ „англійской сказкой“, потому что познакомился съ этой сагой въ англійскомъ пересказѣ. Онъ цитуетъ: Altenglische Sagen und Märchen... hrsg. von *W. S. Thoms*, deutsch... von *R. O. Spazier*, 1830. Замѣчаніе Дитриха полностью повторено г. *Ровинскимъ* (Народныя картинки, IV, стр. 163, примѣч.).

[2]) Замѣтка перепечатана въ извѣстномъ сборникѣ статей *Либрехта*: Zur Volkskunde, 106—107 (Robert der Teufel).

Digitized by Google

не встрѣчается,—замѣчаетъ Либрехтъ, — въ древнѣйшихъ пересказахъ саги. Возможно, что составитель народной книги (Vie de Robert) ввелъ это измѣненіе, принаравливаясь къ вкусу своихъ читателей; но во всякомъ случаѣ и древнѣйшая версія саги не сохранила неизмѣннымъ ея первоначальнаго вида. Сага принадлежитъ къ распространенному кругу сказокъ о шелудякѣ (Grindkopf). Въ средніе вѣка церковные писатели охотно брали и перерабатывали сообразно съ своими цѣлями мірской литературный матеріалъ. Къ сказкѣ о шелудякѣ придѣлано было вступленіе, связанное съ ученіемъ о дьяволѣ, и назидательное заключеніе [1]). Это замѣчаніе Либрехта, повторенное Cosquin'омъ въ примѣчаніи къ французскому варіанту сказки о шелудякѣ [2]), положено Breul'емъ въ основу выясняемаго имъ генезиса всей повѣсти о Робертѣ. Указавъ на предположеніе Либрехта и Коскена, Брейль говоритъ: «Взглядъ этихъ изслѣдователей—вмѣстѣ съ тѣмъ и мой... По моему мнѣнію, легенда о Робертѣ представляетъ переработку старинной широко распространенной сказки объ юношѣ-героѣ, уничижающемся, а потомъ награждаемомъ рукой царской дочери,—сказки о männliche Aschenputtel, по удачному выраженію Гримма» [3]). «Въ предупрежденіе недоразумѣній,—продолжаетъ Брейль,—замѣчу, что я не думаю, будто можно найдти сказку, которая бы во всѣхъ подробностяхъ соотвѣтствовала сагѣ о Робертѣ... Духовному писателю, знакомому со сказками, могли припомниться тѣ или другія сказочныя подробности, которыми онъ и воспользовался; такимъ образомъ «первичная сказка» (das ursprüngliche Märchen) можетъ быть понимаема только, какъ «сумма преданій» (die Summe der Traditionen), которыя являются переработанными въ сагѣ о Робертѣ» [4]). Слѣдуетъ затѣмъ подробное сопоставленіе предполагаемой «первичной сказки» съ разными версіями саги о Робертѣ [5]). По мнѣнію Брейля, это сопоставленіе не только убѣждаетъ въ томъ, что сага о нормандскомъ герцогѣ принадлежитъ къ кругу сказокъ о мнимомъ шелудякѣ, но и даетъ основаніе для дальнѣйшихъ соображеній: Führt uns die

---

[1]) Diese Sage.., *deren eigentliche Grundlage sich in dem letzten Theile derselben befindet* und, wie ich gezeigt, aus dem angeführten Märchenkreise hervorgegangen ist, hat im Mittelalter, wo die Kirche so viele profane Stoffe für ihre Zwecke verwandte und umarbeitete, einen diabolischen Anfang und erbaulichen Schluss erhalten (l. c., 107).

[2]) Toute cette partie de notre conte se retrouve dans une légende du moyen âge, celle de Robert le Diable (примѣч. къ сказкѣ: Le prince et son cheval).

[3]) Op. cit., 115—116.

[4]) Ibidem, 117.

[5]) Ibidem, 118—129.

Digitized by Google

untersuchung dazu, in ihm zunächst einen elfensohn, mit wunderbaren kräften ausgestattet, zu sehen, einen spross überirdischer wesen, dessen überaus schnelles wachstum, goldiges haar, frühzeitige staunenswerte kraftentfaltung und weiser sinn seine herkunft noch verraten. Sollten wir aber nicht noch einen schritt weiter gehen dürfen und in seiner person ursprünglich einen lichten, segenspendenden gott, etwa den sonnengott oder frühlingsgott erkennen? ich bin mir sehr wohl bewusst, dass diese hypothese durch das bisher bemerkte noch keineswegs sicher erwiesen ist, doch scheint mir in allen den hier in betracht kommenden sagen und märchen sehr vieles eine solche vermutung wahrscheinlich zu machen. Auch der sonnengott oder der frühlingsgott lebt eine zeitlang verborgen und in niedrigkeit unter der herschaft des bösen prinzips, der nacht oder des winters, unter dessen gewalt die menschheit leidet, aber er besiegt und vernichtet diesen, überwindet die feinde des lichtes, die drachen une riesen, gleich Apollo und Thor; in strahlender rüstung auf windschnellen rosse eilt er durch die lande; wo er sich zeigt, weichen die finsteren mächte vor ihm zurück und fliehen machtlos auseinander; aus langer banger haft befreit, entfaltet er plötzlich ungeahnte kräfte und zeigt sich der erstaunten und entzückten welt als herscher in herlichkeit» [1]). Эти соображенія Брейля вызвали возраженіе со стороны одного изъ критиковъ его книги, *К. Боринскаго*. «Der Charakter der Legende,—говоритъ Боринскій,— ist wie auch ihrer ersten Bearbeitungen ein rein geistlicher, ja kirchlicher. Reuige Bekehrung eines grossen und zugleich gefährlichen Sünders ist das Motiv... Der Typus jener Märchen vom «Grindkopf» (wie ihn Köhler bezeichnet) oder vom «Starken Hans» in Nöten (vergl. Grimmische Märchen, III, 258 ff.), wie man sie vielleicht charakterischer taufen könnte, enthalten zunächst den geraden Gegensatz zur Robertsage. Es ist der Held im Narrenkleide (vergl. Chrestien-Wolframs junger Parzival), der Königssohn in Niedrigkeit oder der in allen Gefahren unverwüstliche Wundersteinbesitzer, der bretonische Lanzelot, der Stammvater aller neueren Fortunate. Hier ist ein gutes Princip im Kampf mit bösen Mächten, die durch Wolken brechende Sonne. Robert aber zeigt in seinem Grundwesen ein entschieden böses Princip im trotzigen Kampf mit guten, hilfreichen Mächten. Es ist nicht in Not, wie jene Helden, sondern er schafft Not und zwar ohne jeden Grund. Er hat keines von den Attributen jener alten Sonnenhelden, selbst die

[1]) Ibidem, 129—130.

Stärke tritt zurück vor der «Wildheit», ist höchstens übel angewendete Stärke mit dem Grundzug der Bosheit» [1]). Съ этимъ замѣчаніемъ Боринскаго можно согласиться только на половину. То вѣрно, что сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ, имѣющее яркую легендарную окраску, существенно отличается отъ сказки о мнимомъ шелудякѣ, но вѣдь ни Брейль, ни Либрехтъ не утверждаютъ, конечно, что въ сагѣ удержаны основной характеръ и идельный смыслъ сказки. И Либрехтъ, и Брейль говорятъ о церковно-легендарной передѣлкѣ, давшей сказкѣ новое значеніе и новую мысль. Брейль, мнѣ кажется, былъ бы совершенно правъ, еслибы остановился на точкѣ зрѣнія Либрехта и не пускался въ догадки о какомъ-то солнечномъ героѣ или даже божествѣ, будто бы скрывающемся за образомъ Роберта Дьявола. Либрехтъ говоритъ о сходствѣ со сказкой во *второй части* повѣсти о Робертѣ. Отрицать это сходство едва-ли возможно: уничиженное положеніе героя повѣсти, коварство сенешаля [2]), нападеніе враговъ, борьба съ ними мнимо-убогаго человѣка, участіе царской дочери— всѣ эти подробности совершенно одинаково повторяются и въ сказкѣ, и во второй части повѣсти о Робертѣ. Воспользовавшись указаніемъ Либрехта, Брейль попытался распространить параллелизмъ сказки и саги и на первый отдѣлъ повѣсти о Робертѣ. Несостоятельность этой попытки ясно обнаруживается въ странномъ противорѣчіи, замѣчаемомъ въ положеніяхъ Брейля. Es ist also nach meinem dafürhalten die legende von Robert dem Teufel die geistliche überarbeitung eines alten weitverbreiteten volksmärchens vom sich selbst erniedrigenden und endlich durch die hand einer königstochter belohnten heldenjünglinge, dem männlichen aschenputtel, wie es treffend in der anm. zu Grimm's nr. 136 heisst» (стр. 115—116). Рѣчь идетъ объ опредѣленной сказкѣ; изъ этой именно сказки объ Aschenputtel мужескаго рода Брейль обѣщается объяснить намъ все развитіе саги о Робертѣ. На слѣдующей страницѣ, послѣ приведенной выше оговорки о «суммѣ традицій, переработанныхъ въ сагѣ о Робертѣ» читаемъ: «im allgemeinen gesagt ist unsere sage eine zusammensetzung aus zwei märchen, deren erstes in den kreis der «kinderwunschmärchen», deren zweites in den der märchen vom «grindkopf» oder «männlichen aschenputtel» gehört» (стр. 117). Оказывается такимъ образомъ, что изъ сказки о шелудякѣ объяснить всю сагу о Робертѣ нельзя; нужно предположить сліяніе въ сагѣ двухъ сказокъ: сказки о героѣ въ

[1]) „Zur Legende von Robert dem Teufel" (*Zeitschrift für Völkerpsychologie*, 1889, 1, 78—79).

[2]) Припомнимъ, напримѣръ, коварнаго дядьку въ лубочной сказкѣ о Булатѣ.

Digitized by Google

уничиженіи и какой-то сказки о желанныхъ дѣтяхъ; ближайшаго опредѣленія послѣдней сказки Брейль не даетъ. Эта поправка, вносимая изслѣдователемъ въ гипотезу о мнимомъ шелудякѣ, какъ первообразѣ Роберта, ясно показываетъ, что самая гипотеза требуетъ иной формулы, не похожей на возстановленіе какой-то первичной сказки. «Ich will,—говоритъ Брейль,—nun das *«ursprüngliche» märchen der Robert-sage* zum zweck einer eingehenden vergleichung zug um zug gegenüberstellen und dabei auf verwandte märchen hinweisen» (стр. 118). Но о какой же первичной сказкѣ можетъ быть рѣчь, если самъ же изслѣдователь говоритъ, что сага основана на сліяніи сказокъ, относящихся къ двумъ различнымъ кругамъ? Брейль не берется доказать, что разсказъ о бездѣтной четѣ, о ребенкѣ, обреченномъ демону, составлялъ существенную, исконную часть сказки о шелудякѣ; нельзя, стало быть, утверждать, что первый и второй отдѣлы саги о Робертѣ имѣютъ общую первоначальную основу.

Присматриваясь къ этимъ двумъ отдѣламъ саги, какъ они передаются въ разныхъ пересказахъ, находимъ, что одинъ изъ древнѣйшихъ пересказовъ,—пересказъ нормандской хроники,—знаетъ лишь первый отдѣлъ саги, совсѣмъ не упоминая о подробностяхъ, сходныхъ со сказкой о шелудякѣ. Не смотря на такой пропускъ, содержаніе разсказа и самый образъ Роберта сохраняютъ полную опредѣленность и законченность. Для церковнаго писателя, для этого geistlichen Ueberarbeiter народныхъ преданій, первая часть саги и должна была имѣть особенную цѣнность; въ этой именно части опредѣлялся нравоучительный замыселъ повѣсти. Поэтому, если нужно говорить объ основѣ саги о Робертѣ, то такую основу можно предполагать въ легендарномъ, а не сказочномъ отдѣлѣ саги. Въ дополненіе слѣдуетъ еще замѣтить, что приведенная выше легенда о ребенкѣ, обреченномъ дьяволу, легенда несомнѣнно родственная съ сказаніемъ о Робертѣ, достаточно ясно говоритъ о самостоятельномъ значеніи перваго отдѣла саги.

Что касается второй части повѣсти о Робертѣ, то взятая внѣ связи съ первымъ отдѣломъ, она примкнетъ къ сказкамъ о мнимомъ шелудякѣ, которыя уведутъ насъ далеко отъ какихъ бы то ни было христіанско-легендарныхъ преданій. Правда, сказка о шелудякѣ въ нѣкоторыхъ варіантахъ представляется, какъ мы видѣли, соединенной съ разсказомъ о человѣкѣ, отдавшемъ свое дитя демону [1]). Для

[1]) Чтобы правильно оцѣнить это сочетаніе, не нужно опускать изъ виду, что обреченіе демону примѣшивается и къ сказкамъ инаго состава. Такъ, въ одномъ изъ варіантовъ нашей сказки о Василисѣ Премудрой вмѣсто образа царя

Digitized by Google

саги, дающей подобное же соединеніе, отыскивается такимъ образомъ литературная аналогія, которая могла бы получить значительную цѣнность, еслибы нашлись основанія для предположенія, что такая именно сводная версія сказки извѣстна была еще въ XIII вѣкѣ. Для разъясненія дѣла можемъ допустить такое предположеніе. Признаемъ, что ранѣе обработки саги о Робертѣ была уже извѣстна сказка, въ которой соединенъ былъ разсказъ о человѣкѣ, отданномъ демону, съ подробностями сказки объ уничижающемся героѣ. На возможность такого предположенія указываетъ нижне-нѣмецкое стихотвореніе, гдѣ выступаетъ De vorlorene Sone. Стихотвореніе это, найденное въ рукописи XV вѣка, не предваряетъ, конечно, литературной обработки преданій о Робертѣ, но оно свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о раннемъ соединеніи легенды и сказки. Но ни нѣмецкое стихотвореніе, ни сказка о шелудякѣ съ легендарнымъ зачиномъ не объяснятъ намъ повѣсти о Робертѣ вполнѣ.

Въ варіантахъ сводной сказки повторяется безъ измѣненій знакомая намъ легенда о мальчикѣ, освобождающемся отъ власти дьявола. Но повѣсть о Робертѣ, при несомнѣнномъ сходствѣ ея общаго

водянаго рисуется чортъ: „Воротился охотникъ домой, а у него сынъ народился; жаль стало ему *отдавать чорту* дѣтище родимое“ и т. д. (*Аѳанасьевъ*, II, стр. 334. № 125). Подобную же замѣну отмѣтилъ Аѳанасьевъ и въ другихъ пересказахъ (IV, стр. 282, 285, 293). Въ сказкѣ о Василисѣ развивается тема трудныхъ задачъ (постройка моста въ одну ночь, разведеніе сада въ такой же короткій срокъ и проч.). Такое же соединеніе мотивовъ обреченія демону и трудныхъ работъ находимъ въ лотарингской сказкѣ: La baguette merveilleuse (*Cosquin*, № LXXV, *Romania*, X), а также въ великорусскихъ сказкахъ въ сборникѣ *Худякова:* Мужикъ и Настасья Адовна (вып. I, № 18, стр. 60—65) и младъ Вьюноша (вып. III, № 118, стр, 150--154). Въ нѣмецкой сказкѣ: Der König von goldenen Berg (*Grimm*, № 92), имѣющей много родичей, обреченіе демону связывается съ добываніемъ клада: бѣднякъ получаетъ золото за обѣщаніе отдать сына чорту (пересказы отмѣчены въ *Jahrbuch für roman. und engl. Literatur*, 1866, VII, S. 139—148). Сказка въ сборникѣ *Cosquin'a*: Le fils du diable (№ XIV), примыкающая къ тому кругу сказокъ, образцомъ которыхъ можетъ служить Пушкинская сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ, (ср. *Аѳанасьевъ*, № 87, *Grimm*, № 90), соединяетъ основную тему съ вступленіемъ, разсказывающимъ объ отцѣ, отдавшемъ сына демону. Въ свою очередь сказка о шелудякѣ замѣняетъ иногда обреченіе демону преданіями совершенно инаго характера. Въ сборникѣ русскихъ народныхъ легендъ *Аѳанасьева* помѣщенъ разсказъ: „Крестный отецъ“ (№ 30, стр. 99—104 и 183—195), представляющій замѣчательное соединеніе сказки о шелудякѣ съ легендой о Божьемъ крестникѣ (Повѣсть о сынѣ крестномъ, какъ Господь крестилъ младенца убогаго человѣка). О послѣдней легендѣ см. замѣчанія г. *Петрова* въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, 1872, № 8, стр. 765—766. (Ср. Описаніе рукоп. Кіевской Академіи, вып. II, 517—518).

Digitized by Google

содержанія съ легендой, представляетъ и существенное различіе. Въ краткой легендѣ, а также въ нижне-нѣмецкомъ стихотвореніи предъ нами появляется несчастный невинный мальчикъ, обреченный дьяволу, но спасенный отъ угрожавшей ему бѣды молитвами и заступничествомъ Св. Дѣвы. О злобѣ и жестокости юноши нѣтъ и помину; онъ изображается, напротивъ, съ чертами добраго и кроткаго человѣка. Не таковъ Робертъ. Подобно герою легенды, Робертъ подчиняется власти дьявола и избавляется отъ этой власти при помощи св. пустынника. Но Робертъ не только несчастный человѣкъ, но и великій грѣшникъ; онъ не обреченъ дьяволу, а рожденъ подъ воздѣйствіемъ темной силы; онъ не жалкая жертва демона, а его страшный плодъ; онъ нуждается не только въ защитѣ отъ лукаваго, но и въ очищеніи отъ грѣха, въ прощеніи преступленій. Какъ объяснить эту разницу? Легенда ли осложнилась подробностями сказанія о покаявшемся грѣшникѣ, или образъ преступника успѣлъ освободиться въ легендѣ отъ покрывавшей его нечистоты? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать—

3) сказаніе, соединяющее легенду о малюткѣ, обреченномъ дьяволу, съ повѣствованіемъ о покаявшемся разбойникѣ [1]). Мнѣ кажется, что сказаніе это, не привлекавшееся къ толкованію преданій о Робертѣ, можетъ послужить полезнымъ подспорьемъ при выясненіи развитія занимающей насъ саги. Въ большей части пересказовъ, которыхъ извѣстно не мало, содержаніе сказанія передается такъ: человѣкъ, возвращающійся изъ путешествія, попадаетъ въ болото, изъ котораго не въ силахъ выбраться. Явившійся дьяволъ обѣщаетъ выручить путника изъ бѣды, если тотъ согласится отдать ему то, что неожиданно найдетъ у себя дома. Путникъ соглашается. Когда онъ приблизился къ дому, вышла къ нему на встрѣчу жена съ новорожденнымъ сыномъ (или беременная жена); ребенокъ оказывается такимъ образомъ обреченнымъ демону [2]). Ро-

---

[1]) Обстоятельное обозрѣніе варіантовъ этого сказанія см. въ статьяхъ г. *Карловича*: Podanie o Madeju (въ журналѣ: *Wisła*, t. II, 804—814; t. III, 102—134, 300—305, 602—604, 881—885. Madej—имя разбойника въ польскихъ пересказахъ). Въ русской литературѣ останавливались на этомъ сказаніи *А. Н. Аѳанасьевъ* (Народныя русскія легенды, № 27, Кумова кровать, стр. 177—180), *А. Н. Веселовскій* (Разысканія въ области р. духовн. стиха, X, стр. 378—382): *Н. Ѳ. Сумцовъ* (*Кіевская Старина*, 1887 г., т. XIX, стр. 35—36, въ статьѣ: Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ).

[2]) Такая завязка повторяется, какъ мы видѣли, и въ нѣкоторыхъ варіантахъ сказки о шелудякѣ. Припомнимъ малорусскіе пересказы въ сборникѣ *Рудченка*.

Digitized by Google

дители скорбятъ, не находя средствъ помочь бѣдѣ. Вотъ для примѣра одинъ изъ малорусскихъ пересказовъ. «Бив един чоловік, іхав в дорогу і позастрігали му кони в багно велике. І так приходит к нему проклятий, повідат: «Запиши мі тото, у нім незнаеш нічь, то я тя вибавлю, а як ні, то згинеш ту і з всім товаром». Тот взяв, пригадовав собі де що мав, та записав; а оно жона зашла в тяж, а він не знав, і відтак як записав і приїздив домів і повідат жоні: «Кгаздинойко! бив ем в такім, же бив бим згиб, а приходит такій ге панич, та мовит: жебим тото записав зацом не свідомий; та я записав».

«А она мовит: «Кгаздойко! то ти свою детину записав». Він взяв, тот запис у скриню замок, та ся зажурив. Прійшло, она злегла, уродила хлопця; як уродила, так хлоп росте, так хлоп росте—дала го до чків учиться; уже ся вивчив і прійшов домів на вакацію, та сі ходит так з вітцем, і его сі отец все сумуе. Він повідат: «Татуню, чому ви таки все сумні дуже?—Повідат: дітино, моя дітино! я сумний, бо ся тобов недовго видиш буду тішити.

«Тот ся питат: чому? А тот му не хоче повісти; потом пішов домів з поля, а отец му забив ключик, тот прійшов і знайшов тот запис, що у матерній утробі запроданий». Провѣдавъ такимъ образомъ о своей судьбѣ, мальчикъ рѣшается отправиться въ адъ и освободиться отъ условія, заключеннаго его отцемъ. На пути онъ встрѣчается съ разбойникомъ. Узнавъ, куда идетъ захожій человѣкъ, разбойникъ проситъ развѣдать, какая мука приготовлена для него въ аду. Въ указанномъ выше пересказѣ приводится при этомъ такой разговоръ разбойника и юноши:

— «Ого, повідат (разбойникъ), хвала Богу, то я тя забю.

— «О, повідат, вже мені едно, бій!

— «А шо ти за един?

— «Я такій самій, як ти.

— А ци ти у матери в утробі запроданий?

— «Я,

— «Ну, то *ти такій, як я е*, та ідиж на вислугу, іди, я тебе не буду бити, а жебись мі повів, яке мені тамъ ложе постелено» [1]).

Обреченный дьяволу приходитъ въ адъ и при Божьей помощи достигаетъ того, что дьяволъ отказывается отъ условія, заключеннаго съ нимъ когда-то человѣкомъ, завязшимъ въ болотѣ. Узнаетъ юноша и о наказаніи, ожидающемъ разбойника: для него пригото-

---

[1]) *Драгомановъ*, Малорусскіе народные преданія и разсказы, стр. 406—408.

Digitized by Google

влено ложе съ острыми гвоздями. Если разбойникъ желаетъ избавиться отъ этой муки, онъ долженъ не только бросить свое ремесло, но выдержать еще такое испытаніе: воткнувъ въ землю сухую палку, поливать ее до тѣхъ поръ, пока она не зазеленѣетъ и не дастъ плодовъ. Разбойникъ кается и терпѣливо выдерживаетъ испытаніе. Прошло много лѣтъ. Человѣкъ, побывавшій въ аду, рукоположенъ былъ въ священники. Разъ случилось ему проходить около того мѣста, гдѣ жилъ кающійся разбойникъ. Изъ палки успѣла вырости яблоня. На деревѣ было много плодовъ. Это свидѣтельствовало о томъ, что срокъ покаянія окончился. Привожу для примѣра отрывокъ бѣлорусскаго пересказа: «Јонъ вернувсе съ пекла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: якъ ты людзей рѣзау, такъ и цебе рѣзаць будуць!» Дыкъ јонъ просе высповядаць яго. Той мальчик каже: я не ксендзъ цебе сповядаць».—Коли не будзешь сповядаць, я цебе зарѣжу!—Ну, јонъ зачау спавядаць яго. Разбойникъ каже, кабъ покуту задау. Јонъ пашоу у лѣсъ з нимъ, знашоу сухую яблыню и кажець: «носи съ своей хатци воду у губѣ на колѣняхъ и поливай яе, ажъ поки яна ни отживець и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забиу, столько тамъ будзе яблыковъ». Сказау и самъ поѣхау дамоу до своего бацьки. Бацька оддау яго учицца: јонъ выучиуся и высвянциуся на ксёндза: Ѣдзе јонъ дамоу са школы презъ той лѣсъ, идзѣ быу разбойникъ, и чуе — яблыки пахнуць; стау шукаць и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за покуту поливаць, ажь подъ тей яблыней ляжиць умершій разбойникъ. Јонъ узяу яго, повезъ съ собой и сховау подъ церквой» [1]).

Двойственный составъ переданной легенды очевиденъ. Легенда слагается изъ разсказовъ: а) о покаявшемся разбойникѣ и б) о человѣкѣ, обреченномъ демону. Независимость этихъ друхъ повѣствованій подтверждается такими варіантами, въ которыхъ кающемуся разбойнику дается болѣе дѣятельная роль, чѣмъ въ отмѣченныхъ выше пересказахъ. Для примѣра можно указать одинъ изъ малорусскихъ варіантовъ: «Як був собі розбойник і він ходив дванадцать годъ по світу, шоб хто з попів покуту ёму накинув за гріхи. Як котрий не накине, то він ёго і вбъе. За дванадцать годів убив дванадцать попів. Прийшов до 13-го, шоб той спокутував ёго гріхи, росказав своэ похожденіе і похвалився, стілко попів убив. Перелякався піп і каже: «ну, я тобі покуту накину. Іди, каже, до мене в сад, там есть яблуня і від неі йде 7 одростків, зрубай ти іі, пору-

[1]) *Аѳанасьевъ*, Народныя русскія легенды, 178.

Digitized by Google

бай на мілкі часті, запали, тай положи зверху руки по лікті, а ноги по коліна». Зробив так разбойник і поодпалював собі руки й ноги. Після того приносе ёму піп мідну цеберку й каже: «нà, та в цій цеберці носи дванадцять годъ воду, та поливай яблуню, поки вона одросте і уроде». Прошло двѣнадцать лѣтъ; у разбойника отросли руки и ноги; яблоня покрылась листвой и плодами. Попъ велѣлъ тряхнуть яблоню; всѣ яблоки осыпались, осталось на деревѣ только два. «Піп и каже: «то батькові та материні гріхи». Шоб спокутувать, каже піп, батькові й материні гріхи, то наймись до мене, або так стань на год вівці пасти». Разбойникъ согласився. От раз іде по біля кладбища, коли дивиться, ходе человік з ціпком, тай штрика в гробки: «уставайте, каже, сукини-сини, та ідіть на панщину». Розбойник прийшовъ тай пита: «шо ти тут робиш? Той молчить». Кающійся убиваетъ этого человѣка и разсказываетъ объ этомъ священнику. Оказывается, что это убійство завершило покаянные подвиги бывшаго разбойника. «Ну, каже піп, тепер ти совсімъ спокутував уже свої грихи і не грішним став, бо вбив того чоловіка, шо ёго й земля не прийма: то чоловік був у пана отаманом надъ панськіми людьми, та так дуже обіжав людей, та не по правді робив, шо грішнішого від ёго мабуть і в світі вже не було». Тай отпустив тоді піп розбойника» [1]). О человѣкѣ, обреченномъ дьяволу, о видѣніи страшнаго ложа въ этомъ пересказѣ нѣтъ и помину. Остановимся еще на любопытной легендѣ «Грѣхъ и покаяніе», помѣщенной въ сборникѣ Аѳанасьева. Сынъ бѣдной вдовы нашелъ кладъ—большой котелъ съ золотомъ. Онъ нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать, какъ послышался голосъ: «не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!». Оглянулся онъ назадъ, никого не видно и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось. Опять нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать изъ котла, какъ послышались тѣ же самыя слова. «Что такое?—говоритъ онъ самъ себѣ:—никого нѣтъ, а голосъ слышу». Думалъ, думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «Тебѣ сказано: не

[1]) *Драгомановъ*, op. cit., 131—132. Въ сводномъ разсказѣ, сообщенномъ г. Кулишемъ, выступаетъ также разбойникъ, ищущій покаянныхъ испытаній. Онъ убилъ двухъ священниковъ, не умѣвшихъ назначить ему эпитимію. Только третій духовникъ, человѣкъ, бывавшій въ аду, указалъ на поливаніе палки, какъ на средство покаянія. Особенностью этого пересказа представляется его заключеніе: покаяніе не достигло цѣли, разбойникъ не получилъ прощенія. Явившійся священникъ велѣлъ каявшемуся тряхнуть яблоню: „усі серібні яблука обсипались, а двое золотыхъ висить.. Опе жь, каже (іерей), твоі два гріхи висить, що ти отця й матіръ убивъ“. (Записки о южной Руси, I, 309—311).

смѣй трогать! А коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи, все золото твое будетъ». Воротился парень домой и крѣпко призадумался. По настоянію матери, парень открылъ ей причину своей задумчивости. Жадная старуха подговорила куму и дочь добиться того, чтобы золото досталось парню. Онѣ подпоили его, и грѣхъ былъ совершенъ. «Пьяному море по колѣно, а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы!—«Ну, что же, сынокъ,— говоритъ ему старуха,—о чемъ тебѣ печалиться? Ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу». Собрался парень, взошелъ на гору, смотритъ: золото стоитъ въ котлѣ не тронуто, такъ и блеститъ: «Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только бъ грѣха избыть». И послышался голосъ: «Ну, что еще думаешь? Теперича не бойся, бери смѣло, все золото твое!» Тяжело вздохнулъ парень, горько заплакалъ, не взялъ ни одной копѣйки и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ себѣ да идетъ дорогою и, кто ни встрѣтится, всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. *И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой*; всякаго, кто только попадется на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ, тотчасъ убиваетъ до смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, всего девяносто девять душъ, а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе». Послѣдней, сотой жертвой разбойника сдѣлался отшельникъ, неумѣвшій сказать, какъ замолить грѣхи. Наконецъ, несчастный отыскалъ таки такого человѣка, который указалъ средство, какъ очиститься отъ грѣха. То былъ скитникъ, обитавшій въ дремучемъ лѣсу.

«Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ назбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь,—спрашиваетъ онъ,—озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ.—«Вижу»,—говоритъ разбойникъ.—«Ну, ползай же къ энтому озеру на колѣняхъ, носи оттудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка и до тѣхъ таки поръ поливай, покудова не пуститъ она отростковъ и не выростетъ отъ нее яблоня. Вотъ когда выростетъ отъ нее яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты тряхнешь ее и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на земь, тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи». Прошло 37 лѣтъ. «Выросла яблоня, разцвѣла и принесла

Digitized by Google

сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, тряси теперь яблоню!» Тряхнулъ онъ дерево, и сразу осыпались всѣ до единаго яблоки; въ тужъ минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ ему яму и предалъ его землѣ честно»[1]). Легенда, разсказывая о кающемся кровосмѣсителѣ, примыкаетъ къ цѣлому ряду сказаній подобнаго же содержанія[2]), но замѣчательно, что русскій пересказчикъ легенды нашелъ возможнымъ слить съ нею разсказъ о кающемся разбойникѣ. Очевидно, что легенда объ инцестѣ напоминала нѣкоторыми подробностями разсказъ о разбойникѣ; составъ этихъ двухъ сказаній представлялъ нѣкоторое сходство, вызывалъ смѣшеніе. Кающійся любодѣй-разбойникъ самъ (а не черезъ посредство человѣка, обреченнаго демону) разузнаетъ, какъ ему замолить грѣхи тяжкіе; способъ примиренія съ небомъ указываетъ ему, какъ и кающемуся Роберту, благочестивый отшельникъ.

Что касатся другаго разказа, входящаго въ составъ приведенной выше легенды, то въ нѣкоторыхъ варіантахъ этотъ разсказъ допускаетъ любопытное замѣщеніе: вмѣсто путника, отдающаго дьяволу свое дитя за помощь, оказанную нечистымъ, появляется знакомый намъ образъ бездѣтной четы, обрекающей демону своего единственнаго ребенка. Таковъ варіантъ, записанный въ Бретани. Бездѣтные

---

1) *Аөанасьевъ*, Легенды, № 28, стр. 91—94.

2) Сводъ легендъ о кровосмѣшеніи см. въ статьѣ *A. Seelisch*'а: Die Gregorius-Legende; въ концѣ: Uebersicht über die Gregorlegende und verwandte Fassungen (*Zeitschrift für deutsche Philologie*, 1887, Bd. XIX, 385—421). Извѣстные у насъ пересказы разсматривали: *Костомаровъ* (Легенда о кровосмѣсителѣ въ Моногр., I, 329—358) *V. Diederichs* (Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Stein und der Sage von Judas Ischariot въ *Russische Revue*, 1880, Bd. XVII, 119—146), *Веселовскій* (Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ и сказаніе объ ап. Андреѣ, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885, іюнь). Смѣшеніе легендъ о кровосмѣсителѣ и разбойникѣ облегчалось сходствомъ покаянныхъ испытаній. Поливаніе сухаго дерева примкнуло къ апокрифнымъ преданіямъ о ветхо-завѣтномъ инцестѣ: Авраамъ приказываетъ Лоту принести три головни и поливать ихъ: „аще в 40 дній оживятся и вкореняться главни, вѣдомо буди, яко умилитися есть Богъ“ (*Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукоп. Солов. библіот., стр. 102). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что палка, дающая ростки,—подробность, повторяющаяся во многихъ легендахъ, не только христіанскихъ (*Веселовскій*, Разысканія., X, 379—380; ср. въ моей книгѣ: «Къ литер. исторіи р. былевой поэзіи, стр. 183; *Мандельштамъ*, Опытъ объясненія обычаевъ, созд. подъ вліяніемъ миѳа, I, стр. 102—104), а и буддійскихъ (*Стасовъ*, О происх. р. былинъ въ *Вѣстникѣ Европы*, 1868, мартъ, стр. 273; ср. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стран. 738, примѣч. 39).

Digitized by Google

супруги тоскують въ одиночествѣ. Разъ у горюющей женщины вырвались неосторожныя слова: «мнѣ хотѣлось бы имѣть дитя, хотя бы потомъ и чортъ его взялъ». Это желаніе исполняется. Появляется на свѣтъ Божій малютка, еще до рожденія обѣщанный дьяволу. Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о томъ, какъ обреченный демону идетъ за совѣтомъ къ священнику, какъ священникъ отсылаетъ его къ папѣ, а папа—къ пустыннику, какъ мальчикъ встрѣчается съ разбойникомъ [1]) и т. д. Нѣчто подобное находимъ въ великорусской сказкѣ: «Спасеніе души», помѣщенной въ сборникѣ *Худякова*. «Жила баба на горѣ; мужъ у ней ушелъ въ Москву. А къ ней вмѣсто́ мужа приходилъ чортъ. Вотъ родился у нихъ сынъ. Нечистый и написалъ: «живой твой, а мертвый мой». Стало ему восемь лѣтъ; а эта записка была въ столикѣ. Онъ игралъ, игралъ, да и заглянулъ въ столикъ, а въ столикѣ лежитъ записка. Онъ и читаетъ: «живой твой, а мертвый мой».—Мамаша, говоритъ, что это такое?—Она разсказала ему. Мальчикъ взялъ эту записку и пошелъ свою душу отыскивать. Пошелъ онъ къ труженику. Пришелъ, показываетъ ему записку. «Ахъ, говоритъ, какъ мнѣ душу выручить?»—Ты, говоритъ, ступай къ такому-то купцу, наймись у него служить». — Мальчикъ исполнилъ этотъ совѣтъ. Купецъ, оказывается, водилъ знакомство съ нечистымъ. Отправившись вмѣстѣ съ хозяиномъ къ чертямъ, мальчикъ выручилъ свою душу и узналъ о казни, ожидающей купца: ему приготовлена желѣзная кровать, а подъ кроватью бугоръ огня. «Купецъ и спрашиваетъ: «какъ же мнѣ, говоритъ, душу свою выручить?» А мальчикъ и говоритъ: «я схожу, говоритъ, къ труженику, узнаю, что онъ мнѣ скажетъ». Пошелъ онъ къ труженику узнавать, какъ купцу душу выручить. Труженикъ ему и говоритъ: «скажи купцу: сколько у него ни есть денегъ, чтобы на всѣ деньги дровъ накупилъ. Возилъ бы ихъ въ поле; когда до копѣйки деньги выйдутъ, тогда зажечь эти дрова; покуда они всѣ не сгорятъ въ уголья, лечь и у Бога прощенія просить».—Купецъ такъ и сдѣлалъ. «Зажегъ онъ эти дрова, и горѣли они три года. Пока не сгорѣли всѣ эти дрова, купецъ лежалъ на жару и у Бога прощенья просилъ.

---

[1]) *Luzel*, Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne, I, 107—203 (указ. у *Карловича*, *Wisla*, II, 117). Легенда удерживаетъ упоминаніе о покаявшемся разбойникѣ. Сказка въ сборникѣ *Cosquin'a*: Saint Etienne (№ LXIV) передаетъ разсказъ о человѣкѣ, отданномъ дьяволу, еще ближе къ приведенной выше старофранцузской легендѣ. Подробностей, напоминающихъ сказку о шелудякѣ или легенду о разбойникѣ, въ разказѣ о св. Стефанѣ нѣтъ.

Digitized by Google

Богъ его простилъ» [1]). Любопытно, что и въ сказкѣ, записанной въ Бретани, разбойникъ строитъ печь; жаръ печи долженъ напоминать грѣшнику огонь геенны. Въ одномъ изъ малорусскихъ пересказовъ начало легенды передано такъ: «Була на селі вдова та все іі хотілось, шоб син був у неі. От чорт і довідавсь та перекинувсь паном і перестрів іі. «Деб тут, кае, можно було переночувать та так шоб і з бабою?»—Чом, кае, не можно, і я переночую.—«Ну, так, то й так, кае, тілкі зробимо росписку, як син народиться, то буде твій до зросту, а там буде мій, а як дочка—хай твоя!»—Та вертілась, вертілась,—согласилась. Погуляли от то ніч, вранці распростивсь чорт і пішов. От як уж вийшло іі, родила вона сина. Став син до літ доходити, такий став грамотний та разумний. Якось і найшов ті росписки. «Шо це ви, кае, мамо, наробили?»—Плаче».—Слѣдуетъ далѣе разсказъ о путешествіи къ сатанѣ, о страшной кровати и проч. [2]).

Знакомясь съ пересказами отмѣченныхъ выше легендъ и сказокъ, мы вращаемся, очевидно, въ кругу эпическихъ данныхъ, связанныхъ взаимнымъ притяженіемъ, и потому легко поддававшихся соединенію и обмѣну подробностей. Легенда о человѣкѣ, освобождающемся отъ власти дьявола, сливалась то съ разсказомъ о покаявшемся разбойникѣ, то съ сказкой о мнимомъ шелудякѣ.

Связь этихъ переплетающихся повѣствованій съ сказаніемъ типа Роберта Дьявола несомнѣнна: въ легендахъ и сказкахъ мы находимъ всѣ элементы, изъ которыхъ сложилась повѣсть о смирившемся удальцѣ. Одна легенда разсказывала о бездѣтныхъ супругахъ, обрекающихъ демону желанное дитя (прямымъ ли призываніемъ нечистаго, или нарушеніемъ обѣта цѣломудрія); позже этотъ обреченный дьяволу человѣкъ, при помощи благочестиваго отшельника, освобождается отъ темной силы. Въ другой легендѣ рѣчь шла о великомъ преступникѣ, о разбойникѣ, разузнающемъ, какъ ему загладить свои грѣхи; способъ примиренія съ небомъ указывается святымъ отшельникомъ. Мы знаемъ, что эти двѣ легенды соединялись въ сводномъ разсказѣ: обреченный демону встрѣчается съ разбой-

[1]) Великорусскія сказки, вып. III, стр. 95—97. Припомнимъ, что по одному изъ малорусскихъ варіантовъ разбойникъ, по наставленію священника, долженъ развести огонь и положить «зверху руки по лікті, а ноги по коліна» (*Драгомановъ*, 181). Въ нѣмецкомъ пересказѣ разбойникъ разводитъ огонь, ставитъ на него котелъ съ масломъ и погружается въ горячую жидкость. (*Mone*, Anzeiger für Kunde der teutschen Vorzeit, 1837, VI, 390—400: Teutsche Volkssagen № 30).

[2]) *Драгомановъ*, op. cit., стр. 50—51.

Digitized by Google

никомъ и не только самъ спасается отъ грозившей ему бѣды, но и разбойнику указываетъ путь спасенія. Повѣсть типа Роберта Дьявола представляетъ иное сцѣпленіе тѣхъ же легендъ: Робертъ—человѣкъ, отданный дьяволу, и кающійся разбойникъ. Въ только что указанномъ свободномъ разсказѣ образъ благочестиваго отшельника, назначающаго преступнику эпитимію, сливается съ образомъ человѣка, ходившаго въ адъ. Повѣсть о Робертѣ даетъ иное смѣшеніе, отождествляя человѣка, обреченнаго демону, съ разбойникомъ, отыскивающимъ средство примиренія съ небомъ.

Остается коснуться еще одного вопроса. Въ приведенныхъ выше легендахъ настойчиво повторяется одно и то же покаянное испытаніе: поливаніе сухаго дерева. Испытаніе Роберта иное. Не мѣшаетъ ли эта разница сопоставленію легендъ о разбойникѣ съ сагой о нормандскомъ герцогѣ? Въ правѣ ли мы поэтому разсматривать сводную легенду о разбойникѣ и человѣкѣ, обреченномъ демону, какъ литературную аналогію повѣсти о Робертѣ? Драгоцѣннымъ пособіемъ для разрѣшенія этихъ недоумѣній можетъ служить житіе св. Варвара разбойника, помѣщаемое въ житейныхъ сборникахъ греческихъ и славяно-русскихъ [1]). Житіе это представляетъ замѣча-

[1]) Память св. Варвара помѣщается въ славянскихъ прологахъ и минеяхъ подъ разными числами: 6-го мая, 18-го августа, 2-го октября (*Сергій*, Полный мѣсяцесловъ Востока, т. I, прилож., стр. 114; т. II, ч. I, стр. 118, ч. 2, стр. 125). Въ четьихъ-минеяхъ Димитрія Ростовскаго въ началѣ житія Варвара (подъ 6-мъ мая) помѣчено на полѣ: „изъ великія минеи четьи". «Слово о Варварѣ, разбойницѣ, како приведе его Богъ на покаянье" издано недавно г. *Лопаревымъ* по рукописи. Торжественнику XVI вѣка (Описаніе рукописей Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, ч. I, № CLXXXV, стр. 344—346). Въ греческихъ синаксаряхъ память Варвара отнесена къ 15-му мая. Г. *Пападопуло Карамей* нашелъ и напечаталъ Κωνσταντίνου'Ακροπολίτου Λόγος εἰς τὸν ἅγιον Βάρβαρον ('Ανάλεκτα 'Ιεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας... 'Εκδ. ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, τόμος Α' XVIII, 406—420). Разсказъ Константина Акрополита, писателя XIII—XIV вѣка, представляетъ значительныя разницы сравнительно съ текстомъ, внесеннымъ въ наши и греческіе синаксари. *Гавр Сп. Дестунисъ*, въ статьѣ, вызванной появленіемъ сборника г. Керамея, высказываетъ такія соображенія относительно разницъ въ сказаніи о Варварѣ: „Въ сказаніяхъ, доселѣ издававшихся о житіи этого угодника... обращеніе его изъ разбойника и безбожника въ христіанина изображалось, какъ плодъ его собственнаго размышленія и богомыслія. По тексту Константина Акрополита, на обращеніе Варвара подѣйствовало необычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на него святою литургіей. Хотя авторъ этого жизнеописанія жилъ въ XIII—XIV вѣкахъ и отдѣленъ былъ слишкомъ четырьмя столѣтіями отъ самыхъ событій, но онъ, безъ сомнѣнія имѣлъ, подъ рукою болѣе вѣрные источники, чѣмъ тѣ, которыми пользовались, издаваемыя доселѣ минеи. Въ новомъ текстѣ находимъ живую картину

Digitized by Google

тельное сходство съ одной стороны съ отмѣченными выше легендами, а съ другой—съ сказаніями о Робертѣ.

Варваръ разбойничалъ «въ странахъ Ликиискихъ, многы крови человѣческыя проливая; никто же можаше его няти, ни противитися

религіозныхъ гоненій, совершавшихся въ царствованіе Михаила Косноязычнаго (Травла) (820—828 г.) и рядомъ съ ними опустошеній имперскихъ земель извнѣ саракинами. Съ этимъ-то общимъ ходомъ дѣлъ въ тѣсную связь поставлена прежняя грѣховная жизнь Варвара и его обращеніе на путь истины. Отложивъ въ сторону плохое объясненіе самого Константина о происхожденіи этого лица отъ Афровъ, мы однако не отвергаемъ того факта, разсказаннаго тѣмъ же авторомъ, что Варваръ принадлежалъ къ сонмищу жителей мѣстечка *Драгомъсто*, по сосѣдству съ Амвракіей (Артой) и что въ своихъ похожденіяхъ онъ доходилъ *до Ниша* (Νύσαν). Итакъ, правдоподобнымъ намъ кажется, что онъ былъ славяниннъ». (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1892, августъ, стр. 393—394). Не касаясь вопроса объ исторической основѣ житія, вызывающей не мало недоумѣній (*Сергій* op. cit. II, 2, 124—125), позволю себѣ высказать догадку о самой легендѣ, связанной съ именемъ Варвара. Неодинаковые изводы сказанія о Варварѣ напоминаютъ литературную исторію западной легенды о св. Христофорѣ, соединившей разсказъ о дикарѣ, ставшемъ христоносцемъ, съ памятью св. мученика, носившаго имя Христофора. Основою нашей легенды могла быть поучительная притча о дикарѣ, обратившемся къ Христу. Имя βάρβαρος, имѣвшее въ притчѣ нарицательное значеніе, дало однако поводъ къ смѣшенію анонимнаго разсказа съ памятью о св. мученикѣ Варварѣ, извѣстномъ по восточнымъ и западнымъ легендамъ. Позже, подъ вліяніемъ этого смѣшенія, когда легенда о Варварѣ распалась на двѣ редакціи (древнюю и новую, основанную на притчѣ), раздвоился и образъ Варвара: явилось „въ Греціи два Варвара мνроточца: одинъ усѣченный при Іуліанѣ во Ѳракіи, но коего мощи положены въ Меѳонѣ пелопонесскомъ, другой—на сѣверѣ Греціи“ (*Сергій*, 1, cit.). Первая, пелопонесская локализація, принадлежитъ древней легендѣ. Для новой, приточной редакціи понадобилось отыскать и новую мѣстность. Она найдена была тамъ, гдѣ эллины смѣшивались съ варварами, въ странахъ съ греко-славянскимъ населеніемъ. Памятникъ, въ которомъ сохранилась эта приточная редакція,—слово Константина Акрополита. „Ἦν μὲν ἐκ Βαρβάρων“, замѣчаетъ Константинъ о своемъ героѣ. Видимъ такимъ образомъ, что нарицательное значеніе имени Варвара сохраняетъ еще полную прозрачность. Обращеніе Варвара къ Христу изображается такъ: δάκρυα γὰρ κρουνηδὸν προχέας τῶν ὀφθαλμῶν ὁ δάκρυα πολλάκις περιιδών, μᾶλλον δὲ συχνοῖς συχνὰς δακρύων ἀφορμὰς παρασχόμενος, καὶ τὰ πιστὰ δοὺς ἐνθένδε τῆς μεταθέσεως μυεῖται τὰ ὑψηλότερα, τὴν μακαρίαν ὁμολογεῖ Τριάδα καὶ Κανδάκης τις ἄλλος καθαπερεὶ βαπτισθῆναι ζητεῖ καὶ βαπτίζεται; то-есть: ручьемъ лилъ слезы изъ глазъ многократно презиравшій слезы, болѣе того—многимъ много поводовъ давшій къ слезамъ; доказавъ этимъ свое раскаяніе, онъ посвящается въ высочайшія тайны (вѣры): исповѣдуетъ блаженную Троицу и, подобно Кандаку, ищетъ крещенія и крѣстится (стр. 413). Оказывается такимъ образомъ, что варваръ былъ язычникъ; авторъ слова сравниваетъ его съ эѳіопомъ, обращеннымъ и крещеннымъ ап. Филиппомъ (книга Дѣяній апостоловъ VIII, 27—39). Выраженіе Константина, Κανδάκης τις ἄλλος—не точно; въ книгѣ Дѣяній упоминается δυνάστης Κανδάκης

Digitized by Google

ему; зане крѣпокъ бѣ тѣломъ». Разъ, когда разбойникъ сидѣлъ въ пещерѣ и разсматривалъ золото, собранное грабежемъ, «внезапу осия его свѣтъ и умилися душею, прииде, въ страхъ божии, в себѣ бывъ и плакашеся душа своя грѣшныя». Задумавъ покаяться, Варваръ «остави все, токмо единъ мечь подъ пазуху вземъ, и иде въ село, в немъ же бѣ церковь; и узре прозвитера въ церкви, по утрении падъ на ногу его моляшеся со слезами» [1]). Священникъ приводитъ грѣшника къ алтарю, выражая готовность выслушать его исповѣдь. Этой готовностью духовникъ спасъ себѣ жизнь. Оказалось, что разбойникъ уже обращался раньше къ двумъ іереямъ, но тѣ отказались принять его покаяніе и были убиты. «Убихъ, кается Варваръ, до трехсотъ мужей мечемъ своимъ, *убихъ двою прозвитеръ не хотѣвше мя пріяти на покаяние»*. Припомнимъ совершенно сходную подробность въ народныхъ легендахъ о кающемся разбойникѣ: онъ

τῆς βασιλίσσης Αἰθιόπων. Но подобное же перенесеніе имени Кандаки на ея вельможу, встрѣчается, впрочемъ, и у другихъ писателей (*Lipsius*, Die apocryphen Apostelgeschichten, II, 2, 40). Упоминаніе о слезахъ, которыя презиралъ и причинялъ Варваръ, объясняется его жизнью до обращенія къ Христу: онъ былъ разбойникъ (стр. 410). Редакція житія, извѣстная по синаксарямъ, запомнила только послѣднюю подробность, разбойничью жизнь Варвара. Его обращеніе къ Христовой вѣрѣ, всѣ подробности этого обращенія забыты. Въ этой вторичной передѣлкѣ легенда объ обращенномъ Варварѣ перестроилась по типу разсказовъ о покаявшемся разбойникѣ Сообразно съ этимъ измѣнены, какъ увидимъ при дальнѣйшихъ сличеніяхъ, и нѣкоторыя подробности разказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Варвара утратило прежнюю значимость; оно могло быть понято только какъ имя собственное. При передачѣ содержанія житія я держался славянскаго текста, изданнаго г Лопаревымъ.

[1]) Въ словѣ К. Акрополита обращеніе Варвара объясняется чудеснымъ видѣніемъ: присутствуя въ церкви при литургіи, Варваръ видѣлъ въ алтарѣ пресвитера и съ нимъ прекрасное дитя (ὁρᾷ θαυμάσια οἷα καὶ βλέπει ἐξαίσια· πρῶτα μὲν γὰρ τὸν πρεσβύτερον καὶ περὶ αὐτὸν βρέφος περικαλλὲς ἀστεῖον περιπολεῦον τὸ ἄδυτον, стр. 411), видѣлъ также двухъ свѣтозарныхъ юношей, которые помѣщались по сторонамъ священнослужителя, держась надъ землей локтя на два (τεθέαται δὲ καὶ νεανίας δύο ὡς λευκὰ μὲν ἐνδεδυμένους, ἡλίου δὲ δίκην μᾶλλον δὲ καὶ ὑπὲρ ἥλιον λάμποντας· οἳ καὶ ἑκατέρωθεν τὸν θύτην ὑπήρειδον καὶ τῆς γῆς ὡσεὶ δύο πήχεις ἐτίθουν μετέωρον, стр. 412). Это видѣніе напоминаетъ «Сказаніе Амфилога царя о святѣй литургіи» («видѣлъ Христа яко дитятко малое») и другіе подобные же разсказы объ евхаристическомъ чудѣ. Разсказы эти разсмотрѣны въ ст. *А. Н. Веселовскаго*: «Амфилогъ—Evalach въ легендѣ о св. Гралѣ» и «Къ видѣнію Амфилога» (Разыск. въ области р. дух. стиха, вып. V, гл. XVII, стр. 331 — 349. 375—376, вып. VI, гл. XXI, стр. 137—146). Въ дополненіе могу указать разсказы, записанные въ Dialogus miraculorum (отд. IX: De sacramento) и въ нашемъ патерикѣ (Древній патерикъ, изложенный по главамъ, изд. 2, стр. 339—341, 342—344).

Digitized by Google

убиваетъ нѣсколько священниковъ, отказавшихся наложить на него эпитимію [1]).

Выслушавъ исповѣдь Варвара, священникъ сказалъ ему: «чадо, нѣсть грѣхъ, иже милость Божію удоволити, но токмо не отчайся и поиди въ домъ мои, да яже ти глаголю, то сътвори дѣло». Пошедшу же прозвитеру изъ церкви и обращеся *видѣ Варвара на колѣну и на логтию по себѣ идуща* [2]) и рече: что се чадо? Онъ же рече: «Отнележе отвергохся всего зла предъ Богомъ, своихъ грѣховъ, и не имамъ въстати, дондеже ми отпущены будутъ. Вшедшима же има в домъ и рече ему попъ: се, чадо, дѣти мои, а се раби и пси, кому хощеши равенъ быти, да с тѣми ядь прими. Варваръ же рече: азъ есми ни псомъ себе помышляю равна быти, но обаче нужды ради тѣлесныя, съ тѣмы псы яди вкушу... [3]). И рече ему: сътвори, чадо, якоже предъ Богомъ реклъ еси, и *пребысть три лѣта съ псы яды*». Такимъ образомъ кающійся Варваръ оказывается выдерживающимъ то именно испытаніе, которое знакомо намъ по сагѣ о Робертѣ: ascendit aulam regiam, pugnat cum canibus, rapit ea, quae eis proiciuntur, ab eorum dentibus. Этотъ же видъ покаянія повторяется въ нѣкоторыхъ другихъ западныхъ сказаніяхъ: въ сагѣ о Валентинѣ и Орсонѣ [4]) и въ одной изъ переработокъ легенды о гордомъ царѣ [5]). Припомнимъ при этомъ еван-

[1]) Близкое сходство съ житіемъ Варвара представляетъ исландская легенда о разбойникѣ Vilchin-ѣ: разбойникъ убилъ двухъ священниковъ, отказавшихъ ему въ прощеніи грѣховъ; третій духовникъ назначаетъ кающемуся эпитимію составъ эпитиміи иной, чѣмъ въ житіи Варвара); прохожій человѣкъ убилъ покаявшагося разбойника.—Сходная по началу легенда извѣстна и въ нѣмецкомъ пересказѣ. (*H. Gering*, Isländische Legenden, Novellen und Märchen, II, 19—22,394).

[2]) Хожденіе на четверенькахъ упоминается, какъ было уже замѣчено, въ нѣмецкомъ разсказѣ о французскомъ королѣ: er solt krichen auf dem ertrich als ein vihe (Germania, 1892, 50).

[3]) Варваръ самъ выбираетъ себѣ этотъ способъ покаянія. Подобная же черта встрѣчается въ нормандской хроникѣ: et voua a Dieu que iamais viande ne mengeroit sil ne lostoit aux chiens. (*Breul*, op. cit. 76—77).

[4]) Valentin und Namelos... nebst Einleitung, Bibliographie und Analyse des Romans Valentin et Orson von *W. Seelmann* (Denkmäler, herausg. vom Verein für niederdeutsche Sprachforschung IV), S. L, LVI.

[5]) Переработка эта пріурочена къ имени Роберта, короля Сицилійскаго (см. *H. Varnhagen*, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatishen und europäischen Litteraturen, 64—90). Фарнгагенъ съ излишней, кажется, рѣшительностью утверждаетъ, будто авторъ стихотворенія о Робертѣ сицилійскомъ nicht verschmähte, gewisse Züge der im Mittelalter ebenfalls weit verbreiteten, interessanten Sage von Robert dem Teufel zu entlehnen und seiner Dichtung einzuverleiben. So nennt er auch den Helden Robert.

Digitized by Google

гельскую притчу о богачѣ и нищемъ.—Бѣдный Лазарь «желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы приходя лизали струпья его». (Ев. Луки, XVI, 21). Нашъ духовный стихъ развиваетъ евангельскую картину:

Псы по подстольямъ похаживали,
Обронныя крошечки собирывали,
Къ убогому Лазарю приношивали.
(Калѣки перех. I, 56).

Этою же евангельскою картиной уничиженія воспользовалась и легенда, придавъ ей значеніе покаяннаго испытанія [1]).

Собачьей жизнью не ограничилось испытаніе Варвара. Послѣ трехъ лѣтъ такой жизни священникъ сказалъ покаявшемуся разбойнику: «уже, чадо, не велить ти Богъ питатися съ тѣми. И рече Варваръ: отче, аще хощу скотомъ пасомъ быти. — И рече попъ: «се, чадо, Богъ вѣсть, за предняя свои прегрѣшения хощеши страдати. *И тако изыде скоты пасти*; оттолѣ же изыде въ дубраву и пребысть 12-ть лѣтъ в пустыни, зѣлия суровыя по нужѣ вкушаше, нагъ ходя; ничего же на тѣлѣ своемъ имѣяше; бяше же ему плоть, аки кора финикова, отъ мраза разсѣдшися, отъ солнца почерневши») [2]). Подобное же превращеніе разбойника въ пастуха встрѣчается и въ указанныхъ выше народныхъ легендахъ:

«Шоб спокутувать, каже піп, батькові й материні гріхи, то наймись до мене, або такъ стань на год вівці пасти. Разбойникъ согласився» и пр.

Выдержавъ покаянный искусъ, Варваръ скончался смертью муче-

---

[1]) Иное опять значеніе, — значеніе жизненнаго опыта, — получаетъ этотъ образъ въ изреченіяхъ Даніила Заточника: «Не бившися со псомъ объ одинъ моклокъ, добра не видати. Не гнавши бо ся кому послѣ шершня съ метлою о кроху, ни скакавши со стола по горохово зерно, добра не видати». Въ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ Часова жена пользуется сходнымъ же образомъ, чтобы поглумиться надъ бѣдностью жениха своей дочери:

Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
Ищетъ-то упалаго зерничка,
А чѣмъ бы ему голова пропитать.
(*Рыбн.* I, 256, 252; III, 142; *Гильф.*, 836).

[2]) Константинъ Акрополитъ изображаетъ покаянное испытаніе Варвара иначе: на руки и ноги его накладываются тяжелыя путы; на шею накидывается цѣпь, пригибающая голову къ рукахъ (πεδεῖται χεῖρας ἅμα καὶ πόδας βαρυτάτοις ὅτι κλοιοῖς, καὶ ἐξαρτᾶται τούτῳ τοῦ τραχήλου σειρὰ, τὴν κεφαλὴν συγκατακλίνουσα ταῖς χερσὶ 414).

Digitized by Google

ника. Какіе то прохожіе купцы приняли его за звѣря и подстрѣлили. Когда же они подошли и увидѣли свою ошибку, ужасъ охватилъ ихъ. Но умирающій не повелѣлъ имъ скорбѣть, разтказалъ о себѣ и попросилъ отогнать овецъ къ попу. Священникъ, получивъ извѣстіе о смерти Варвара, пришелъ похоронить его и увидѣлъ тѣло его, свѣтящееся какъ солнце.

Двойной параллелизмъ житія Варвара разбойника придаетъ этому памятнику особенное значеніе. Повѣсть о св. Варварѣ представляетъ несомнѣнно пересказъ той именно легенды, которая извѣстна и по народнымъ преданіямъ о покаявшемся разбойникѣ. Сходство такихъ мелочныхъ подробностей, какъ убійство двухъ священниковъ, не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Но житіе Варвара выдается изъ ряда сходныхъ съ нимъ сказаній картиною покаяннаго испытанія. Это испытаніе одинаково съ тѣмъ, которое изображается въ сагѣ о Робертѣ. Сага оказывается такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ примыкающей къ тому же кругу сказаній, къ которому принадлежатъ извѣстныя намъ народныя легенды.

Повѣсти о Варварѣ и Робертѣ тѣмъ удобнѣе сопоставить, что какъ та, такъ и другая дошли до нас путомъ не устной, а письменной традиціи. Традиція эта уводитъ насъ за предѣлы русской литературы. Сага о Робортѣ знакомитъ насъ съ западной легендой. Житіе Варвара даетъ возможность прослѣдить сходныя черты въ области греческой агіологіи.

Но легенда о покаявшемся разбойникѣ объясняетъ лишь часть саги о Робертѣ, другая ея часть связана, какъ мы видѣли, съ легендой о человѣкѣ, обреченномъ демону. Сага не сопоставляетъ только эти двѣ темы, какъ сводный разсказъ о разбойникѣ и о посѣтителѣ ада, а соединяетъ ихъ въ эпическое цѣлое, проникнутое одной мыслью и расположенное по опредѣленному, выдержанному плану. Повѣсть— не скопленіе легендарныхъ и сказочныхъ подробностей, набранныхъ по сходству содержанія, а обдуманное, цѣлесообразное сочетаніе этихъ подробностей, сплоченное живымъ творческимъ замысломъ. Въ одномъ изъ указанныхъ выше малорусскихъ разсказовъ разбойникъ встрѣтившійся съ юношей, обреченнымъ демону, спрашиваетъ: «А ци ти у матери в утробі запроданий?» На утвердительный отвѣтъ юноши разбойникъ замѣчаетъ: «Ну то ти такій какій як я е». Этотъ намекъ на какую-то связь разбоя съ обреченіемъ демону остался въ народномъ разсказѣ не развитымъ. Въ сагѣ о Робертѣ эта именно мысль о воздѣйствіи дьявола на обреченнаго ему человѣка положена въ основу всего разсказа. Древній поэтъ, слагавшій впервые такой разсказъ, зналъ

Digitized by Google

преданія о чертовѣхъ дѣтяхъ, о людяхъ съ демонической природой, какъ императоръ Юстиніанъ, и т. п. Эти преданія послужили для него образцомъ, дали ему основную нить, на которую онъ нанизывалъ подробности изъ подходящихъ по содержанію, и при томъ же легко поддававшихся скрещиванію легендъ и сказокъ: о человѣкѣ, обреченномъ демону и освободившемся отъ его власти, о покаявшемся разбойникѣ, о мнимомъ шелудякѣ. Получилась сложная, но цѣльная повѣсть, которая повторяется и во французскомъ романѣ о нормандскомъ герцогѣ, и въ англійской поэмѣ о герцогѣ австрійскомъ, и въ нѣмецкомъ разсказѣ о какомъ-то французскомъ королѣ, и въ нашей былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ.

Правда, наша былина не знаетъ теперь подробностей, соотвѣтствующихъ второй половинѣ саги о Робертѣ и его литературныхъ двойникахъ. Но въ древнюю пору, въ первоначальной редакціи былины такія подробности, вѣроятно, были. Припомнимъ пріуроченіе имени Василья къ году осады Новгорода суздальскими войсками. Такое пріуроченіе, какъ было уже замѣчено, даетъ поводъ къ догадкѣ, что въ древней былинѣ передавался разсказъ объ осадѣ города, объ отраженіи вражескаго набѣга, при чемъ дѣйствующимъ лицомъ выступалъ Василій Буслаевичъ. Припомнимъ еще пѣсню, гдѣ Василій является въ положеніи Ваньки ключника:

И пошелъ молодецъ изъ земли въ землю,
И попалъ молодецъ къ королю въ Литву,
Нанялся молодецъ къ королю на двѣнадцать лѣтъ,
И первый годъ жилъ въ конюхахъ:
И вина-то горькаго молодецъ не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ...

На другой годъ молодецъ жилъ во поварахъ, на третій годъ—во ключникахъ (*Рыбниковъ*, II, № 49, стр. 260).

Для изображенія Василья въ такомъ положеніи приживальщика при королевскомъ дворѣ должны же были представляться какія-нибудь основанія; въ пѣсняхъ о Васильѣ должно было отыскиваться что-то похожее на положеніе добраго молодца, служившаго на чужбинѣ. Если дошедшіе до насъ пересказы былины не представляютъ такого сходства, то остается предположить, что въ этихъ пересказахъ нѣкоторыя подробности прежней былины забыты. Пѣсня о Васильѣ, королевскомъ конюхѣ и ключникѣ, получаетъ, при такомъ предположеніи, значеніе смутнаго, искаженнаго воспоминанія объ утраченномъ эпизодѣ древней былины.

Устойчивой подробностью сказки о шелудякѣ представляется,

Digitized by Google

какъ мы видѣли, упоминаніе о золотыхъ волосахъ сказочнаго героя. Эти золотые волосы сближаютъ мнимаго шелудяка съ «Васильемъ златовласымъ, королевичемъ Чешскія земли», дѣйствующимъ лицомъ повѣсти, вѣроятно, захожей, но успѣвшей натурализоваться на русской почвѣ [1]). Въ извѣстномъ теперь текстѣ повѣсти нѣтъ объясненія прозвища героя; золотые волосы Василья не вплетаются въ содержаніе разсказа. Но литературное творчество стараго времени не терпѣло условныхъ, ничего не выражающихъ прозвищъ. Вѣроятно, повѣсть о Василіѣ была измѣнена, при чемъ кое-какія подробности были забыты [2]). Повѣсть развиваетъ теперь тему сказокъ о гордой, разборчивой невѣстѣ; въ сказкѣ этой группы женихъ является обыкновенно «въ чужомъ образѣ: нищаго, бѣдняка, садовника, ходебщика, угольщика, пекаря, парикмахера, пастуха, лакея, юродиваго, гусельника» [3]). Такая тема имѣетъ нѣкоторое сходство съ знакомыми намъ сказками о героѣ въ уничиженіи, о мнимомъ шелудякѣ. Не представлялся-ли первоначально златовласый Василій такимъ именно златовласымъ шелудякомъ, какъ Незнайко и подобные ему сказочные герои? Повѣсть о королевичѣ Чешскія земли примкнула бы при такомъ предположеніи къ тому кругу сказокъ, къ которому съ другой стороны примыкаетъ повѣсть о Робертѣ, родственная съ былиной о Васильѣ Буслаевѣ. Не случайно, быть можетъ, сходство именъ чешскаго королевича и новгородскаго удальца...

Собирая эти мелочные, полузабытые намеки, предполагающіе

---

[1]) Повѣсть о Василіѣ указана была впервые *И. М. Снегиревымъ* (въ изслѣд. о лубочныхъ картинкахъ; ср. *Пыпинъ*, Исторія повѣстей и сказокъ, 223), найдена въ погодинской рукописи *А. Ѳ. Бычковымъ* (Описаніе рукоп. сборниковъ Публичной библіотеки, стр. 272), издана *И. А. Шляпкинымъ* (Памятники др. письменности 1882 г.), разсмотрѣна *А. Н. Веселовскимъ* (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, стр. 62—80).

[2]) На измѣненія и пропуски въ текстѣ повѣсти указываютъ и другія подробности ея состава. „Имена главныхъ дѣятелей повѣсти, замѣчаетъ академикъ Веселовскій, принадлежатъ вѣроятно ея искомому оригиналу, въ которомъ, быть можетъ, нашли бы себѣ объясненія и *нѣкоторые неясно разсказанные ея эпизоды.* Къ чему оказывается нужнымъ стеклянный полъ, прикрытый сукномъ? Откуда взялись у царевича чудесныя гусли, очевидно, гусли сказки, гдѣ онѣ чередуются съ столь же диковинною свирѣлью, то усыпляющей, то подстрекающей къ пляскѣ? Мудрость царевны, о которой говорится въ началѣ разсказа, далѣе ничѣмъ не мотивирована, какъ остается не объясненнымъ, почему и гость, ѣдущій съ царевичемъ, и его тридать спутниковъ названы Васильями“ (op. cit. 66—67).

[3]) ibid. 73. См. еще замѣчанія о сказкахъ этой группы въ ст. *П. Кузьмичевскаго*: Шолудовый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ (Кіевская старина, 1887. т. XIX, октябрь, стр. 237—241).

Digitized by Google

сходство древней былины о Васильѣ со второй частью саги о Робертѣ, я совсѣмъ не думаю утверждать, что такое предположеніе неизбѣжно необходимо. Если наша былина не знаетъ подробностей, отвѣчающихъ сказкѣ о мнимомъ шелудякѣ, то вѣдь не знаетъ такихъ подробностей и одинъ изъ древнѣйшихъ пересказовъ саги о Робертѣ,—Нормандская хроника. Былина о Васильѣ Буслаевѣ въ ряду родственныхъ ей сказаній дѣйствительно должна занять отдѣльное мѣсто, должна быть признана своеобразною редакціей широко распространенной саги, но право на такое признаніе дается нашей былинѣ не отсутствіемъ сходства съ сказкой о шелудякѣ, а иными, болѣе важными и интересными особенностями.

V.

Кающійся разбойникъ—образъ, часто появляющійся въ христіанско-легендарной литературѣ. Рѣзкій переходъ отъ мрака къ свѣту, отъ разгула грѣшныхъ страстей къ суровымъ подвигамъ покаянія, превращеніе злодѣя въ праведника—тема драгоцѣнная для поучительныхъ выводовъ. Составители благочестивыхъ легендъ охотно возвращались къ этой темѣ, имѣя образецъ въ евангельскомъ разсказѣ о «благоразумномъ» разбойникѣ, покаявшемся на крестѣ.

«И сказалъ ему Іисусъ: истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю» (Ев. Луки, XXIII, 43). Эти святыя слова оправдались на многихъ грѣшникахъ и болѣе поздней поры. Въ ряду сказаній объ апостолѣ Іоаннѣ находимъ «слово о уноши разбойницѣ. его же спасе Іоаннъ Богословець» [1]). Анастасій Синайскій въ своихъ Вопросо-отвѣтахъ упоминаетъ о разбойникѣ, котораго исправили вниманіе и заботливость императора Маврикія [2]). Отрывокъ изъ сочиненія Анастасія, передававшій этотъ разсказъ, переписывался въ славянскомъ Прологѣ и въ Четіихъ Минеяхъ въ видѣ отдѣльной статьи (подъ 17-мъ октября). Въ тѣхъ же Минеяхъ и въ Прологѣ находимъ еще «Житіе и жизнь старѣйшаго разбойниковъ, именемъ Флавіана» (подъ 18-мъ октября), знакомое намъ житіе св. Варвара, бывшаго разбойника (подъ 6-мъ мая), разсказъ «о разбойницѣ, иже исповѣдая вся своя согрѣшенія предъ всѣми каяся» (подъ 7-мъ мая).

---

[1]) Великія Четіи Минеи митрополита Макарія. вып. 3, ст. 1582—1584.
[2]) Patrolog. cursus compl., t. 89.

Digitized by Google

Такія же сказанія заносились и въ патерики. Такъ, въ сводномъ, такъ называемомъ азбучномъ патерикѣ находимъ упомянутое уже житіе Флавіана, разсказы о покаявшихся разбойникахъ Давидѣ, Киріакѣ и др. [1]).

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ этихъ легендахъ. Для примѣра напомню въ самыхъ короткихъ словахъ содержаніе лишь двухъ отмѣченныхъ выше разсказовъ: о разбойникѣ, обращенномъ апостоломъ Іоанномъ, и о покаявшемся Флавіанѣ. Юноша, о которомъ говорится въ сказаніи о св. Іоаннѣ, обращенъ былъ апостоломъ на путь правый, но потомъ снова пустился въ разбой. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ отправился въ горы, гдѣ скрывался разбойникъ. Увидѣвъ святаго, юноша побѣжалъ отъ него. Старикъ хочетъ его догнать, но скоро теряетъ силы, падаетъ и съ мольбой простираетъ руки къ этому человѣку, удалявшемуся на свою гибель... Онъ не погибъ, однако. Подвигъ любви не могъ остаться безплоднымъ. Юноша вернулся къ тому, кто звалъ его на путь добра. О Флавіанѣ разсказывается, что онъ былъ страшный разбойникъ. Предводительствуя шайкой подобныхъ ему головорѣзовъ, онъ распространялъ ужасъ въ странахъ Египетскихъ. Послѣднее злодѣяніе, задуманное Флавіаномъ,—нападеніе на женскій монастырь. Оставивъ свою дружину въ засадѣ, разбойничій атаманъ вошолъ въ обитель, переодѣтый монахомъ. Онъ имѣлъ въ виду выждать удобное время и впустить товарищей внутрь монастырскихъ стѣнъ. Случилось иное. Видъ кроткихъ отшельницъ, радушіе, благоговѣйный почетъ, съ которымъ приняли онѣ захожаго старца, пробудилъ дремавшія въ разбойникѣ добрыя чувства. Чудо, совершившееся по волѣ Божіей, довершило его обращеніе: глухонѣмая дѣвочка, жившая въ монастырѣ, была исцѣлена водой, которой монахини обмывали ноги путника, просившаго пріюта. Эта чудотворная вода милосердія исцѣлила и Флавіана [2]). Онъ возродился къ новой жизни. Дружинники вмѣсто призыва къ нападенію услышали отъ своего атамана покаянное признаніе. Простившись съ прежней жизнью, Флавіанъ уже не захотѣлъ вернуться въ міръ. Онъ остался среди тѣхъ, кому обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Изъ западныхъ легендъ подобнаго же содержанія можно указать на легенду о св. Гутлакѣ († 715). Есть житіе этого подвижника, составленное по повелѣнію Етельбальда, короля Anglorum orientalium; Ordericus Vitalis занесъ свѣдѣнія о

---

[1]) Патерикъ азбучный (Почаевъ, 7299 г.), Д, гл. 15; З, гл. 4; К, гл. 11, Ф. гл. 8.

[2]) Великія Четіи Минеи, вып. 5, ст. 1109—1111.

Digitized by Google

Гутлакѣ въ свою церковную исторію; извѣстно еще англо-саксонское стихотвореніе, разсказывающее жизнь знаменитаго отшельника [1]). Гутлакъ, принадлежавшій къ знатному и богатому роду, бурно и буйно провелъ свою молодость. Cum adolescentiae vires increvissent et juvenili in pectore egregius dominandi amor fervesceret, tunc valida priscorum heroum facta reminiscens, veluti ex sopore evigilans, mutata mente, aggregatis satellitum turmis, sese in arma convertit, et cum adversantium sibi urbes et villas, vicos et castella igne ferroque vastaret corrosisque undique diversarum gentium sociis immensas praedas congregaret; tunc velut ex divino consilio edoctus, tertiam partem aggregatae gazae possidentibus remittebat. Въ этихъ наѣздахъ и грабежахъ прошло восемь лѣтъ. Наконецъ, post tot praedas, caedes rapinasque Гутлакъ почувствовалъ отвращеніе къ той жизни, какую велъ. «Mirum dictu!—восклицаетъ авторъ житія,—extemplo velut percussus pectore spiritualis flamma omnia praecordia supra memorati viri incendere cepit». Оставивъ родныхъ и друзей, Гутлакъ ушелъ въ монастырь и принялъ тонзуру, а затѣмъ удалился въ пустыню, гдѣ и провелъ остальную жизнь въ суровыхъ аскетическихъ подвигахъ. Прославленный еще заживо даромъ прозрѣнія и чудотворенія, онъ по смерти причисленъ былъ къ лику святыхъ [2]).

Замѣчательно, что поэма о Gowther'ѣ отожествляетъ австрійскаго принца съ этимъ именно св. Гутлакомъ [3]). Такое отожествленіе важно, какъ выраженіе литературнаго сознанія. Авторъ поэмы, очевидно, понималъ переданную имъ сагу, какъ одну изъ легендъ о покаявшемся удальцѣ. Сказаніе о Робертѣ Дьяволѣ или о его англійскомъ двойникѣ дѣйствительно представляетъ обработку такого именно литературнаго матеріала, какъ отмѣченныя выше легенды.

---

[1]) Acta Sanctorum, aprilis, t. II, p. 38—50 (Vita auctore Felice); Historiae Normannorum scriptores antiqui ed. *A. Duchesnius* Turonensis (1619), p. 537 sq. (Orderici Vitalis Angligenae coenobii Uticensis monachi Ecclesiasticae historiae lib. IV). Подробный анализъ англо-саксонскаго стихотворенія см. въ статьѣ *Fr. Charitius*'a: Ueber die angelsächsischen Gedichte vom heil. Gudlac («Anglia», B. II, 1879).

[2]) Acta Sanct., l. c.

[3]) Замѣчаніе *Breul*'я что легенда о св. Гутлакѣ hat faktisch mit der unsrigen (Sir Gowther) nichts zu tun (op. c., 191), требуетъ поправки. Тотъ, кто отожествилъ Gowther'а съ Гутлакомъ, имѣлъ, очевидно, въ виду юношескія проказы Гутлака и его позднѣйшее подвижничество. Подобное же превращеніе буйнаго удальца въ святаго угодника изображается и въ поэмѣ о Gowther'ѣ. Это именно общее сходство въ судьбѣ двухъ легендарныхъ героевъ и дало поводъ къ смѣшенію ихъ въ одно и то же лицо.

Digitized by Google

Но сказаніе относится къ легендамъ, какъ сложная, развившаяся литературная форма къ ея простѣйшимъ зачаткамъ. Легенды о разбойникахъ, остававшіяся достояніемъ патериковъ, записывались лишь съ цѣлью назиданія. Литературная форма, занимательность разсказа, подробности его завязки и развязки, яркость бытовой обстановки, образность стиля—все это мало интересовало благочестивыхъ списателей поучительныхъ повѣствованій. Сказаніе, давшее основу для саги о Робертѣ Дьяволѣ и для нашей былины о Васильѣ Буслаевѣ, примыкаетъ къ литературѣ легендъ, но оно не осталось въ предѣлахъ поучительно-повѣствовательной письменности; судьба его была иная. Легенда, покинувшая страницы синаксаря, попавшая въ среду, гдѣ въ почетѣ было «замышленіе бояне», не могла довольствоваться своимъ прежнимъ скромнымъ костюмомъ. Пѣснотворцы стараго времени не останавливались на тѣхъ скудныхъ литературныхъ средствахъ, какими ограничивались составители легендарныхъ сборниковъ. Въ средѣ этихъ пѣснотворцевъ легенда осложнялась, развивалась, разнообразилась, превращалась въ романъ, въ поэму, въ былину. При этомъ неизбѣжно являлось различіе редакцій и пересказовъ, вводившихъ или опускавшихъ тѣ или другія подробности.

Въ занимающемъ насъ сказаніи разнообразіе пересказовъ обнаруживается преимущественно въ двухъ пунктахъ: въ изображеніи обстоятельствъ, вызвавшихъ расканіе грѣшнаго удальца, и въ заключительной части сказанія.

А. Раненый Робертъ находитъ пріютъ у отшельника; внушенія благочестиваго старика такъ подѣйствовали на больнаго, что онъ съ ужасомъ осматривается на свою прежнюю жизнь и въ подвигахъ покаянія ищетъ примиренія съ проснувшейся совѣстью. Такъ разсказываетъ нормандская хроника. Въ другихъ пересказахъ саги перемѣна въ душевномъ настроеніи Роберта объясняется общимъ страхомъ и отчужденіемъ, которые поразили Роберта при его появленіи въ замкѣ матери. Въ испанской драмѣ съ содержаніемъ, взятымъ изъ преданій о Робертѣ, покаяніе грѣшника слѣдуетъ за явленіемъ Христа [1]). Австрійскій принцъ задумывается послѣ обличительныхъ словъ какого-то графа; подобный же мотивъ обращенія въ нѣмецкомъ разсказѣ о французскомъ королѣ. У нашего Василья Буслаева новое настроеніе является, повидимому слѣдствіемъ его боя съ новгородцами.

---

[1]) *Breul*, op. cit., 232.

Digitized by Google

Какъ у молода Васильюшки Буславьева
Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося сердце и разгорѣлося
Съѣздить со дружиною хороброю
На тую на матушку Ердань рѣку,
Къ тому ко граду Еросолиму,
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися
И во Ердань рѣкѣ окупатися [1])
Со своей дружиной со хороброей.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 361).

Обращаясь къ матери, Василій говоритъ:

Спусти меня, молодца, въ Еросолимъ градъ
Во святую святыню помолитися,
Ко Христову гробу приложитися,
Во Ердань рѣку окупатися.
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ!
(*Гильфердингъ*, ст. 726).

Или:

Ахъ, ты, мать, ты, моя матушка,
Спусти меня Богу молитися,
Въ грѣхахъ пойду прощатися,
Во Ердани-то пойду купатися.
(*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 62).

По пересказу Кирши, Василій заявляетъ корабельщикамъ:

Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье не охотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти [2]).
(Стр. 169).

---

[1]) Въ такихъ же точно выраженіяхъ говоритъ о путешествіи во Св. Землю одинъ изъ старо-русскихъ паломниковъ: „я обѣщахся въ печали своей во Іерусалимъ ити помолитися и у Господня гроба приложитися, и во Іерданѣ искупатися и многимъ патріархомъ греческимъ о грѣсѣхъ своихъ блудныхъ и скверныхъ покаятися". (Хожденіе Вас. Гагары, стр. 2 по изд. *С. О. Долгова*, въ 33 вып. Палестинскаго сборника).

[2]) Въ пересказѣ, замѣняющемъ имя Василья именемъ другаго эпическаго лица, измѣненіе въ его настроеніи поставлено въ ближайшую связь съ убійствомъ крестнаго отца:

Тутъ самъ Вольга *ужаснулся вдругъ,*
Убирался онъ съ матушки съ Волхова,
Приходитъ къ родители къ матери

Такъ говоритъ Василій передъ поѣздкой въ Святую Землю. Но далѣе, при изложеніи подробностей самаго путешествія, мы встрѣчаемся въ былинѣ съ эпизодомъ, развивающимъ мотивъ увѣщанія, предостереженія, обращеннаго къ грѣшному человѣку. Я разумѣю при этомъ разсказъ о говорящемъ черепѣ.

...На пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
„Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Къ чему меня, голову, попинываешь
И къ чему побрасываешь?
Я молодецъ не хуже тебя былъ,
Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Лежать будетъ и Васильевой головѣ“.

(*Кирша*, стр. 176—177).

Черепъ, вѣщающій такого рода предостерегающія рѣчи, извѣстенъ не по одной былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Такой же черепъ воспроизводится на одной изъ лубочныхъ картинокъ, издававшейся или отдѣльно, или въ ряду изображеній, входившихъ въ составъ лицеваго синодика. Къ изображенію присоединяются надпись и подпись: «Зри, человѣче, и познавай, чія сія глава, по смерти твоей будетъ твоя такова. *Глаголю сія зрящему на мя: азъ убо бѣхъ, якоже ты, ты же будеши, якоже азъ*. Сія глава сама о себѣ сказуетъ и подобіе свое намъ показуетъ». «Кости зракъ—смерти знакъ; зри се всякъ, будеши такъ. Вижадь, человѣче, свое тѣлесное суетствіе и внимай, яко будеши по малѣ времени самъ костемъ сообразенъ и всякаго временнаго имѣнія и красоты міра сего суетнаго лишаемъ» [1]). Изображеніе мертвецовъ, напоминающихъ живымъ объ ожидающемъ

Самъ Вольга и хвастаетъ:
„Ай, родитель моя матушка!
Я сдѣлалъ теперь незаконный судъ,
Убилъ своего отца было крестнаго!“
Говоритъ родитель ему матушка,
Тому Вольгѣ Всеславьеву:
„Молодой Вольга Всеславьевичъ!
Не потерпитъ тебя небесной царь,
Что убилъ отца ты крестнаго
За ту напрасну смерть.“

(*Гильфердингъ*, № 2).

О смѣшеніи пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ съ былиной о Вольгѣ см. въ гл. VII.

[1]) *Ровинскій*, Русскія народныя картинки, кн. III, стр. 190, 131, 216.

Digitized by Google

ихъ концѣ, повторяется въ цѣломъ рядѣ памятниковъ средневѣковой литературы и искусства. Однообразно передаются при этомъ и приведенныя выше слова: «азъ бѣхъ, якоже ты, ты же будеши, якоже азъ».

Quod nunc es, fuimus.
Quod sumus, hoc eris.

Nous étions ce que vous êtes et vous serez ce que nous sommes.

Sus sprechent die dâ sint begraben
bei diu zen alten and zen knaben:
„daz ir dâ sit, das wâre wir,
daz wir nû sin, daz werdet ir."

(*Freidank* [1]).

Въ пѣснѣ о новгородскомъ удальцѣ поучительное напоминаніе мертвеца потеряло условную форму иносказанія; говорящій черепъ понятъ, какъ былевая картина. Подобная же картина рисуется въ одной изъ новогреческихъ пѣсенъ. «Я гулялъ по кладбищу.... наступилъ случайно на могилу удальца (ἀντρειωμένου μνῆμα). Изъ могилы послышались стоны и тяжелые вздохи. «Что съ тобой, могила? О чемъ ты вздыхаешь и стонешь, молодецъ? Земля ли тебѣ тяжела, или велика мраморная плита?» Мнѣ земля не тяжела, не велика мраморная плита, но больно мнѣ стало, когда наступилъ ты мнѣ на голову (ἐπάνω στὸ κεφάλι). Развѣ и я не былъ молодъ, развѣ и я не былъ храбрымъ палликаромъ?» и т. д. [2]), Въ старо-французскомъ сказаніи о трехъ мертвыхъ и трехъ живыхъ (Li trois mors et li trois vis) предостереженіе, даваемое мертвыми, развивается въ болѣе сложную картину; трое молодыхъ людей встрѣчаются съ тремя мертвецами; живые и умершіе обмѣниваются рѣчами; мертвые говорятъ о ничтожности земныхъ радостей, о могуществѣ смерти [3]). Въ Dialogus miraculorum находимъ разсказъ De converso a spiritu superbiae tentato et per angelum per ostenta cadavera mortuorum liberato. Указывая

---

[1]) Рядъ такихъ изреченій собранъ въ статьѣ *R. Köhler*'а: Der Spruch der Todten an die Lebenden (*Germania*, V, 220—226). Cp. „Serapeum", VIII, 137, 172 (ст. *Massmann*'а); *Wackernagel*, Kleinere Schriften, I, 338. Подобныя же изреченія отыскиваются и въ литературныхъ памятникахъ востока (*Monatsberichte der Berlin. Akademie*, 1858, 512).

[2]) *B. Schmidt*, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder, S. 168—171.

[3]) См. Histoire littéraire de la France, t. XXIII, 278—279. Cp. *Wackernagel*, Kleinere Schriften, I, 321, 326. Текстъ сказанія о трехъ мертвыхъ и трехъ живыхъ изданъ *Todd*'омъ въ 1883 г.

Digitized by Google

на трупы, ангелъ говоритъ гордецу: Vides hunc hominem? Cito talis eris.... [1]).

Въ сохранившихся пересказахъ былины черепъ, найденный Васильемъ Буслаевымъ, говоритъ вразумляющую рѣчь уже послѣ того, какъ въ душѣ ушкуйника совершился переходъ къ новому настроенію. «Много бито, граблено,.... надо душа спасти», говоритъ Василій и затѣмъ слышитъ вразумляющую рѣчь мертвой головы. Болѣе естественнымъ представляется, конечно, иной порядокъ. Вразумленіе было бы умѣстно не позже, а прежде, чѣмъ въ душѣ Василья созрѣла рѣшимость идти въ Іерусалимъ градъ, замолить свои грѣхи. Мы видѣли уже, что въ разсказѣ о путешествіи Буслаева дошедшіе до насъ пересказы былины смѣшиваютъ, повидимому, двѣ поѣздки Василья: его ушкуйническое гулянье на Волгѣ и его странствованіе въ Святую Землю. Приключеніе съ черепомъ въ первоначальной редакціи былины могло заканчивать первую изъ этихъ поѣздокъ. Горячая молодая сила встрѣчается съ холодной смертью. Встрѣча не переходитъ въ борьбу, какъ въ извѣстномъ «Прѣніи Живота и Смерти». Жизнь и безъ борьбы убѣждается въ всепобѣждающей силѣ великой противницы. Беззаботный молодецъ задумался надъ черепомъ былаго удальца. Изъ «пустой головы» ему слышится голосъ:

Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія.

«*Ужъ какъ тутъ Василью стосковалося*», замѣчено въ одномъ изъ пересказовъ (*Гильфердинъ*, ст. 219). Эта тоска—первое проявленіе душевнаго перелома, испытываемаго новгородскимъ ушкуйникомъ. Чтобы спасти душу, онъ идетъ на богомолье въ Іерусалимъ градъ [2]).

---

[1]) IV, 4, p. 175—176 (по изд. *Strange*).

[2]) Въ дополненіе къ приведеннымъ выше примѣрамъ можно еще отмѣтить, что говорящій черепъ встрѣчается и въ иныхъ литературныхъ сочетаніяхъ. Въ легендѣ о св. Макаріи черепъ открываетъ отшельнику тайны загробнаго міра (разборъ этой легенды см. въ сочиненіи *Ө. Д. Батюшкова*: Прѣніе души съ тѣломъ, стр. 14—15, 24, 281); въ сербскомъ преданіи объ основаніи Царьграда черепъ говоритъ царю объ ожидающемъ его бѣдствіи (*Веселовскій*, Южно-русскія былины, стр. 295; *Massmann*, Kaisercbronik, III, 870). Припомнимъ еще мертвую голову въ сказкѣ объ Еруланѣ. «Пріѣхалъ Уруланъ, сталъ надъ головою, а говоритъ: Голова де была добраго человѣка. И голова промолвитъ: Врате де Урусланъ Залазоревичъ! *Твоей голов̃ѣ такожъ лежать*» и т. д. (Лѣтоп. русской литературы и древн., II, отд. II, стр. 114—115; Ср. *Ровинскій*, Русск. народныя картинки, кн. I, стр. 62—63).

Digitized by Google

Предположеніе двухъ поѣздокъ Василья оправдывается намеками и недомолвками извѣстныхъ теперь пересказовъ былины. Но если даже устранить это предположеніе, значеніе говорящаго черепа не можетъ измѣниться: Василій гуляетъ на Волгѣ, наступаетъ на черепъ, слышитъ отъ него неожиданное внушеніе, задумывается надъ своею жизнью и отправляется «душа спасти». И при такой схемѣ придется допустить если не двѣ поѣздки, то два различные отдѣла одной и той же поѣздки: на Волгѣ и въ Палестинѣ. Приключеніе съ черепомъ заканчиваетъ первую часть путешествія, отдѣляя ее отъ второй.

На смѣшеніе двухъ путей или двухъ поѣздокъ Василья, кромѣ другихъ причинъ, могло оказать вліяніе сближеніе *черепа*, встрѣча съ которымъ заканчиваетъ первую поѣздку, съ *камнемъ*, упоминаемымъ въ концѣ разсказа о второй поѣздкѣ. Такое сближеніе ясно, хотя и неодинаково, выражается въ пересказахъ былины. По нѣкоторымъ варіантамъ кость и камень лежатъ на одной и той же горѣ Сорочинской:

И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать,
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною,
И будетъ онъ въ полъ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость....
. . . .
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя и т. д.

(*Кирша*, стр. 176—177; ср. *Гильфердинъ*, ст. 218—219).

Въ пересказѣ *Рыбникова*, I, 60 (стр. 361—362) камень лежитъ на Ѳаворъ-горѣ, а черепъ—на пути къ этой горѣ. По другимъ варіантамъ тамъ, гдѣ лежалъ черепъ, появляется позже камень:

И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая,
Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору,
И зашли они на матушку на Сіонъ-гору,
И нашелъ Василій косточку сухояловую...

Digitized by Google

Позже Василій и его дружинники снова

Пріѣхали противъ матушки Сіонъ горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
Посмотримъ косточки сухояловы“.
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючь камень.

(*Рыбниковъ*, III стр. 239—240; ср. *Гильфердингъ*, ст. 726—727, 294—295).

Какъ объяснить это сближеніе черепа и камня? При разсказѣ, упоминавшемъ объ Іерусалимѣ, о Христовой гробницѣ, въ сознаніи пѣвцовъ, передававшихъ былины, легко могли всплыть реминисценціи изъ палестинскихъ легендъ, изъ сказаній о великихъ событіяхъ, совершившихся въ Іерусалимѣ. Такая именно реминисценція и могла натолкнуть на смѣшеніе камня и головы. Разъ, во время охоты, говоритъ одно изъ апокрифныхъ сказаній, ловчій царя Соломона зашелъ въ какую-то пещеру, оказавшуюся на самомъ дѣлѣ громаднымъ черепомъ. То былъ черепъ Адама. «Видѣхъ,—говоритъ ловчій,—пещеру, и вьнидохъ въ неи, конь мой вънеуду стояше, азь же сь хрьтомь і ястрѣбомь вънидохъ и *видехъ кость, а не камень пещера ть.* Царь наутріе иде и очисты кость отъ кореніа и оть прьсты и позна, яко то есть Адамова глава» [1]. *Черепъ и камень* упоминаемые въ былинѣ, могли сблизиться въ воспоминаніи съ этимъ *черепомъ Адама, похожимъ на камень.*

В) Епитимійныя испытанія, изображаемыя въ легендахъ о покаявшемся разбойникѣ, разнообразны: грѣшникъ поливаетъ сухое дерево, ходитъ на четвереньках, ползаетъ съ путами на рукахъ и ногахъ, страдаетъ отъ жара горящаго костра или печи, живетъ и ѣстъ съ собаками, юродствуетъ... Нѣкоторыя изъ этихъ испытаній перенесены въ сагу о Робертѣ Дьяволѣ.

Наша былина объ ушкуйникѣ, задумавшемъ спасти душу, заканчивается картиной неудачнаго прыганья Василья черезъ какой-то камень.

И упалъ черезъ бѣлъ горючь камень
И раскололь буйную головушку,
И остался лежать по вѣку.

(*Рыбниковъ*, III, 241).

---

[1]) *Тихонравовъ*, Отреч. книги, I, стр. 312.

Digitized by Google

Или:

Какъ тутъ-то вѣдь Василій сынъ Буславьевичъ
Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьяннымъ
За тую гору да за каменну.
Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
Вничь его вѣдь молодца головушкой;
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю;
Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.
(*Гильфердинъ*, 295).

Былина знаетъ предсмертныя страданія Василья, она рисуетъ его *горькую* смерть, но пѣснѣ чужда, повидимому, мысль объ очищающемъ значеніи страданій, о той мукѣ перерожденія, которая придаетъ смыслъ уродливымъ образамъ покаянныхъ испытаній. Пѣсня оканчивается печально, обрывается на крикѣ боли, замирающемъ безъ отзыва...

Но еще безотраднѣе заканчивается замѣчательная версія сказанія о Робертѣ Дьяволѣ, которой я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Свѣдѣнія объ этой версіи переданы *Görres*'омъ въ его «Die teutschen Volksbücher» (1807), гдѣ указано такое преданіе (Volkssage): «Робертъ Дьяволъ, герцогъ нормандскій, 768 г., могъ оборачиваться разными звѣрями; три года онъ каялся, но подъ конецъ взялъ его чертъ, поднялъ на воздухъ и бросилъ, чтобы *онъ разбился*» [1]). «Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ Брейль,—Гёрресъ не присоединилъ никакого замѣчанія о томъ, гдѣ онъ нашелъ сагу, локализировавшуюся въ такомъ видѣ; я при своихъ разысканіяхъ нигдѣ не натолкнулся на подобную версію». Только у Bergh'а въ его книгѣ: De nederlandsche Volksromans Брейль нашелъ намекъ на какое-то сказаніе, въ которомъ шла рѣчь о томъ, какъ Робертъ, отдавъ свою душу дьяволу, получилъ за это знаніе тайнъ чародѣянія [2]). Боринскій въ рецензіи на сочиненіе Брейля называетъ разсказъ Гёрреса позднѣйшей протестантской редакціей преданія о Робертѣ: Diese Version aber steht..... unter dem Einflüsse des protestantischen Geistes, der für die Verworfenen keine Busse kennt. Der ursprüngliche Robert aber ist ein Sohn des Zeitalters, in dem die Kirche keinen höheren Ehrgeiz kennt, als dem Teufel eine Seele zu entreissen [3]). Въ позднѣйшей работѣ, въ послѣсловіи къ нѣмецкому разсказу о французскомъ королѣ, Боринскій высказываетъ

[1]) Die teutschen Volksbücher, S. 216.
[2]) *Breul*, op. cit., 106.
[3]) *Zeitschrift f. Völkerpsychologie*, XIX (1889), 82.

Digitized by Google

нѣкоторое сомнѣніе относительно сообщенія Гёрреса: Unter den deutschen Bearbeitern in neuerer Zeit ist Görres der einzige, der mit seiner ganz individuellen Fassung in seinen teutschen Volksbüchern (die freilich ebensowohl blosse Phantasie sein kann) auf eine originale deutsche Version weisen könnte [1].

Разсказъ Гёрреса представляется такимъ образомъ какой-то загадкой. Стоитъ ли останавливаться на этой загадкѣ? Можно ли признать разсказъ, переданный въ teutschen Volksbücher особой версіей саги о Робертѣ? Есть ли какія нибудь литературныя данныя, объясняющія намеки Гёрреса? Передъ этими вопросами, передъ этой загадкой, заданной старымъ собирателемъ народныхъ преданій, мы не остаемся совершенно безпомощными. Любопытную аналогію съ разсказомъ Гёрреса представляютъ нѣкоторыя подробности одного изъ памятниковъ старо-нѣмецкой литературы—поэмы о Вольфдитрихѣ (Wolfdietrich A и его сокращеніе) [2]. Въ эту многосоставную поэму, на ряду съ другими эпическими данными, несомнѣнно вошло *сказаніе, родственное съ преданіями о Робертѣ Дьяволѣ* [3].

О Вольфдитрихѣ разсказывается, что нѣкоторые считали его сыномъ дьявола. Основаніемъ для такой догадки послужила необыкновенная сила и жестокость, обнаруженныя Вольфдитрихомъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Разъ, когда ему было всего три года, онъ сидѣлъ за столомъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ; подбѣжала собака и хотѣла вырвать у него хлѣбъ; ребенокъ схватилъ животное и расшибъ его объ стѣну. Послѣ этого нѣкоторые стали говорить Гугдитриху, отцу маленькаго силача: «Король, прикажите его убить, онъ сынъ злого чорта, повѣрьте, онъ отъ чорта. Откуда бы иначе онъ взялъ эту силу? Если оставить рости этого чорта, будетъ тебѣ много горя; придетъ онъ въ свои года, пострадаютъ отъ него и люди и страна».

Hêr künec, nu heizt in toeten, er ist des übeln tiuvels kint.
Ir sult daz gelouben, erst von dem tiuvel komen.

---

[1]) *Germania*, XXXVII (1892), 57, Anm.

[2]) Анализъ поэмы о Вольфдитрихѣ и пересмотръ мнѣній объ ея составѣ см. въ книгѣ *А. И. Кирпичникова*: Поэмы ломбардскаго цикла, стр. 30—87, 124—146. Приводимые ниже отрывки цитуются по изданію Амелунга и Енике: Deutsches Heldenbuch, 3-ter Theil. Ortnit und die Wolfdietriche herausg. v. *Arth. Amelung* und *Osk. Jänicke* (1871).

[3]) Замѣчательно, что сказаніе вплелось именно въ редакцію А, въ составѣ которой обнаруживается вообще «вліяніе литературы легендъ» (*Кирпичниковъ*, op. cit., 140).

Digitized by Google

Wâ solte er dise sterke anders han genommen?
Laest du den tiuvel wahsen dir wirt dâ von sorge bekant:
Kumt er ze sînen jâren er verderbet liute und lant.
(Стр. 40—41).

Графъ Сабене изъ ненависти къ матери Вольфдитриха развиваетъ эту догадку о чортѣ въ цѣлый разсказъ. Онъ говоритъ, что королева поносъ понесла послѣ того, какъ произнесла разъ ночью имя дьявола:

Dö sprach er zuo dem künege: herre ich sage dir daz,
Swaz ich eins nahtes hôrte, do ich bî der frouwen saz:
Si sprach: „und wolte den tiuvel immer bî mir sîn!"
Von den selben sachen ist komen daz kindelin (стр. 45) [1].

Король допрашиваетъ жену: «откуда у тебя ребенокъ, ты зачала его отъ чорта?»—Нѣтъ,—отвѣчала королева. Но Гугдитрихъ не вѣритъ, онъ отказывается признать ребенка своимъ сыномъ и наслѣдникомъ:

der künec sprach zuo der frouwen: „wâ naem daz kindelîn,
du ennaemest von dem tiuvel?" „nein", sprach diu künigin.
Dô sprach der künec in zorne: „ez sol niht lenger leben;
Ich wil im ouch mîns erbes nimmer halbe stat gegeben,
Im wirt ouch von mir nimmer beidiu burc unt lant:
swaz ich im erbes gaebe, daz waer übelo gewant" (стр. 62).

«Какъ ему оставить королевство? Ни тѣломъ, ни душой онъ не похожъ на королевское дитя,—прибавляетъ Гугдитрихъ,—онъ будетъ убивать въ лѣсу людей, чтобы овладѣть ихъ добромъ».

Wer liez im sîn künicrîche? er mac nihts küneges kneht
gesîn mit sînem lîbe: er hât niht küneges muot;
er sol in dem walde liute morden umbe ir guot" (стр. 65).

Ребенку, отвергнутому отцемъ, грозитъ гибель; но тотъ, кому поручено убить дитя, сохраняетъ ему жизнь, оставляетъ у себя и воспитываетъ, какъ сына. Годы дѣтства и юности Вольфдитриха, когда онъ жилъ у Берхтунга (такъ звали его воспитателя), напоминаютъ молодость Роберта и нашего Васьки Буслаева: «кого за руку возьметъ, рука прочь, кого за ногу—нога прочь». Берхтунгъ видѣлъ

daz er in der bürge niemen niht vertruoc,
daz er sô manegen starken roufete unde sluoc.
Ouch wart er in der bürge sô frevel und müelich,
daz si alle wâfen schriuwen über den Wolf Dietrîch (стр. 252—253).

[1]) Въ сокращенной редакціи Вольфдитрихе А Сабене говоритъ, что ребенокъ принесенъ чортомъ.

Digitized by Google

Берхтунгу не легко было обуздывать буйство Вольфдитриха: онъ и съ воспитателемъ готовъ былъ вступить въ борьбу. Когда умеръ Гугдитрихъ, старый Берхтунгъ намекнулъ своему воспитаннику объ его матери. Вольфдитрихъ, также какъ и Робертъ, бросается къ матери съ обнаженнымъ мечемъ и требуетъ, чтобы она открыла ему тайну его рожденія. Королева была въ церкви:

er truoc vil zorniclîche daz swert in sîner hant:
hin gie er in das münster, dâ er sîn muoter vant.
Er sprach: „nu saget mir, frouwe, und heizt ir ein künigin,
wizzt ir ob ir erkennet den lieben vater mîn?“ (стр. 298—299)

Спустя много лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда подвиговъ и приключеній, Вольфдитрихъ возвращается на родину, въ Константинополь, и спѣшитъ посѣтить могилу своего воспитателя.

Мертвый провѣщился:

Got peid sie do erhorte: die tot zung zu ym sprach и. т. д. [1]).
(Стр. 110 сокращ.).

Подъ конецъ жизни Вольфдитрихъ идетъ въ монастырь и выдерживаетъ здѣсь страшное испытаніе: черти схватываютъ его, хотятъ унести его въ адъ, но по Божьей волѣ принуждены оставить свою жертву. Поднятый и потомъ брошенный демонами, Вольфдитрихъ падаетъ на землю:

Da bleib er in dem kloster der helt Wolfditereich
und puszt darinn sein sunde di er beging sein tag:
dar umb het er grosz rewe und jamerliche klag.
Er peiht di sund dem abte. man legt in auf ein par,
er puszt in einer nachte sein sund auch alle gar.
Man gab im gotes segen, befal in got zu stunt:
manch teufel wolt in furen mit in in helle grunt.
Si furten in von dannen und prachten in da wider,
als bald in got gepote, *liessen in fallen nider*. (Стр. 161 сокращ.).

Выдержавъ испытаніе, герой умираетъ. О покаяніи его есть разсказъ и въ такъ называемомъ Вольфдитрихѣ D: кающійся проводитъ ночь въ церкви; души имъ убитыхъ являются и вступаютъ съ нимъ въ борьбу; утромъ нашли Вольфдитриха еле живаго; волосы

---

[1]). Въ редакціи B мертвый сообщаетъ Вольфдитриху вѣсти изъ загробнаго міра. Нельзя при этомъ не припомнить остроумной догадки г. Потанина, что „Пуста голова—это, можетъ быть, голова самого пилигримища“, убитаго Васильемъ (*Этнограф. Обозрѣніе*, 1891, № 2, стр. 77, въ статьѣ: „Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ“).

Digitized by Google

его побѣлѣли въ страшную ночь. Послѣ такого испытанія онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ [1]).

Картина испытанія, нарисованная въ Вольфдитрихѣ А, не представляется неожиданностью. Припомнимъ заключеніе легенды о человѣкѣ, обреченномъ демону: «Когда пустынникъ служилъ обѣдню, пришелъ дьяволъ, схватилъ мальчика и понесъ его въ адъ; но благословенная Дѣва Марія взяла его и возвратила на прежнее мѣсто». Эта подробность удержана и въ стихотвореніи: De vorlorene sone (ст. 741—766). Но герои легенды и стихотворенія—только жертвы, а не дѣти дьявола; въ ихъ природѣ нѣтъ ничего демоническаго. Дьяволъ пытается овладѣть невинными людьми, но высшая сила спасаетъ ихъ. Въ легендѣ, примкнувшей къ Вольфдитриху, адскій полетъ получаетъ значеніе испытанія: каявшійся пострадалъ отъ демоновъ, они схватываютъ и бросаютъ его.

Соединяя легенду о человѣкѣ, освободившемся отъ власти дьявола, съ картиной покаянныхъ испытаній, заканчивающей, обыкновенно, повѣствованія о покаявшемся удальцѣ, поэма о Вольфдитрихѣ повторяетъ, очевидно, то же сводное сказаніе, которое отразилось и въ сагѣ о Робертѣ Дьяволѣ. Остовъ этого сказанія, порядокъ его основныхъ подробностей сохранился въ поэмѣ съ полной ясностью. Зачатіе Вольфдитриха отъ демона представляется невѣрной догадкой и злой клеветой; не смотря на это, удержаны и картина юношескаго

---

1) Передъ изображеніемъ испытанія Вольфдитриха редакція D помѣщаетъ разсказъ о нападеніи на монастырь, гдѣ поселился Вольфдитрихъ, языческаго короля Тарсіаса. Вольфдитрихъ отражаетъ это нападеніе подобно тому, какъ кающійся Робертъ отбиваетъ варваровъ, напавшихъ на городъ, гдѣ онъ отбывалъ свое покаяніе. Покаяніе Вольфдитриха, сообразно съ общимъ планомъ поэмы, отнесено въ концу его жизни, къ годамъ его старости. Нашъ Василій Буслаевичъ, отправляясь въ Іерусалимъ, заявляетъ, что „съ молоду бито много, граблено, *подъ старость* надо душа спасти". Это выраженіе, встрѣчающееся въ пересказѣ Кирши, дастъ, быть можетъ, поводъ къ догадкѣ, что первоначальный планъ нашей былины былъ близокъ къ тому виду легенды о покаявшемся удальцѣ, который извѣстенъ по поэмѣ о Вольфдитрихѣ. Выше я имѣлъ случай замѣтить, что приведенное выраженіе пересказа Кирши не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при опредѣленіи времени покаяннаго путешествія Василья. Во всѣхъ извѣстныхъ теперь пересказахъ, говорящихъ о поѣздкѣ въ Іерусалимъ (не исключая и пересказа Кирши), Василій представляется молодымъ человѣкомъ: упоминается его мать, которая даетъ сыну не только благословеніе, но и напутственныя наставленія. Что касается древней редакціи былины, то и въ ней покаяніе Василья не могло быть отнесено къ послѣднимъ годамъ его жизни: извѣстная лѣтописная замѣтка сообщаетъ, что Василій умеръ новгородскимъ посадникомъ.

23*

Digitized by Google

буйства, и грозное обращеніе къ матери съ вопросомъ объ отцѣ, и покаянное испытаніе—рядъ подробностей, повторяющихся и въ сагѣ о Робертѣ Дьяволѣ. Древнѣйшіе пересказы послѣдней саги, принадлежащіе французской литературѣ, восходятъ къ XIII вѣку; поэма о Вольфдитрихѣ, составленіе которой относятъ къ тому же XIII вѣку, даетъ основаніе утверждать, что сказаніе сходнаго состава съ давней поры извѣстно было и въ нѣмецкой литературѣ. Сказаніе, насъ занимающее, построено, какъ мы видѣли, на соединеніи легендъ о человѣкѣ, обреченномъ демону, и о покаявшемся разбойникѣ. Пересказы съ именемъ Роберта примыкаютъ въ картинѣ испытаній ко *второй* легендѣ; пересказъ, вошедшій въ поэму о Вольфдитрихѣ, повторяетъ въ той же картинѣ испытаній заключительную часть *первой* легенды.

Преданіе, записанное Гёрресомъ, заканчивается такой же картиной, какъ и поэма о Вольфдитрихѣ: Робертъ, какъ и Вольфдитрихъ, поднятъ демонами на высоту и затѣмъ брошенъ на землю. Преданіе это и разсказъ о Вольфдитрихѣ представляютъ, очевидно, два варіанта одного и того же извода основной саги. Особенностями Гёрресова варіанта представляются: а) изображеніе Роберта, какъ чародѣя, и б) предположеніе несчастнаго исхода демонскаго полета: о прощеніи Роберта, о его примиреніи съ небомъ нѣтъ упоминанія. На первой особенности остановимся позже (въ главѣ VII). Что же касается несчастнаго исхода Робертова паденія, то сравненіе съ поэмой о Вольфдитрихѣ даетъ право признать такой исходъ позднѣйшимъ измѣненіемъ саги. Подобное измѣненіе находимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ преданіяхъ о Робертѣ, изображающихъ загробныя страданія нормандскаго удальца. По одному изъ такихъ преданій около развалинъ замка нормандскихъ герцоговъ появляется иногда Робертъ въ образѣ волка, жалобный вой котораго напоминаетъ человѣческій голосъ [1]). Преданіемъ забыто покаяніе Роберта,

[1]) Мѣстные нормандскіе разсказы о Робертѣ Дьяволѣ записаны были не разъ. Привожу одинъ изъ пересказовъ: „Sur la rive gauche de la Seine,—разсказываютъ *Taylor* и *Charles Nodier* (Voyage pittoresque de l'ancienne France),—non loin de Moulineaux, on aperçoit des ruines colossales, que l'on prétend être des restes du châteu ou de la forteresse de Robert le Diable. Des souvenirs vagues, une ballade, des récits de bergers, voilà toutes les chroniques de ces débris imposants. Toutefois le bruit des déportements de Robert le Diable retint encore dans la contrée qu'il habita. Son nom même éveille toujours ce sentiment de crainte qui ne résulte ordinairement que d'impressions récentes. Aux environs du château de Robert le Diable tout le monde connait ses exploits désordonnés, ses violentes victoires et les rigueurs de sa pénitence. Les cris de ses

Digitized by Google

какъ забыто оно и сказаніемъ, переданнымъ Гёрресомъ. Подъ вліяніемъ печальнаго конца измѣняется, очевидно, и смыслъ саги о Робертѣ: легенда о силѣ покаянія превращается въ повѣсть объ отомщеніи, ожидающемъ зло. Какъ ни существенно такое измѣненіе, оно легко могло явиться подъ воздѣйствіемъ литературной аналогіи. Есть преданія, сходныя въ основныхъ чертахъ съ сказаніемъ о Робертѣ, но завершающіяся такимъ именно сходствомъ, какъ и разсказъ Гёрреса. Таковы именно преданія «о поганомъ зломъ Дедрикѣ» изъ

victimes résonnent encore dans les souterrains et viennent l'épouvanter lui-même dans ses promenades nocturnes, car Robert est condamné à visiter les ruines et les tombes de son château. Vers la fin de l'automne, au soffle des brises qui murmurent dans les feuilles desséchées, aux cris des arbres morts qui se rompent, *un loup parait sur le coteau, dans un sentier qui n'est pratiqué que par lui*; il s'avance lentement, s'arrête, regarde l'antique forteresse et remplit l'air d'affreux hurlements. *Ce loup, c'est Robert, qui se souvient de sa gloire et de ses conquêtes.* Il se montre sans peur. Jamais pourtant les chasseurs ne l'ont surpris, malgré toutes leurs embûches. Il doit subir sa longue pénitence. On le réconaît à son poil blanchi par l'âge, à l'attention douloureuse avec laquelle il regarde ses anciens domaines, à sa voix plaintive qui ressemble à une voix d'homme. Quelquefois, s'il faut en croire les plus anciens de la contrée, on a vu Robert, encore vêtu de la tunique flottante d'un ermite, comme le jour où il fut enseveli, parcourir les environs de son château et visiter, les pieds nus, la tête échevelée, le petit coin de la plaine, où devait être placé le cimetière. Quelquefois un pâtre, égaré dans le taillis voisin à la recherche de ses troupeaux dispersés par un orage du soir, a été frappé de l'aspect redoutable du fantôme, qui errait, à la lueur des éclairs, au milieu de ses fosses. Il l'a entendu, dans les intervalles de la tempête, implorer la pitié de leurs muets habitants; et le lendemain il s'est detourné de ce lieu avec horreur, parce que la terre, nouvellement remuée, s'y est ouverte de toutes parts, pour effrayer les regards de l'assasin par d'épouvantables débris" (Légendes de l'autre monde... par *T. Collin de Plancy*, p. 118—119). Въ преданіи Робертъ принимаетъ видъ волка; о такихъ волкахъ-оборотняхъ (волкодлакъ, Verwolf, loupgarou) извѣстно много сказаній (см. *Grimm*, D. Mythol., II[4]. 915—918, III, 316; *Аѳанасьевъ*, Поэтич. возвр. славянъ на природу, I, 736, III, 526—532, 548—551) Въ патристической и средневѣковой литературѣ волкъ служитъ обыкновенно символомъ дьявола (*Grimm* D. Myth., II[4], 832). По мнѣнію *В. Гримма*, этотъ символическій образъ, сливавшійся съ воспоминаніями о миѳическомъ значеніи волка, можетъ помочь объясненію преданій о Вольфдитрихѣ. Es lag in dem Geist des Alterthums Menschen deren Eigenschaften das gewöhnliche Mass überschritt, einen dämonischen Ursprung beizulegen... Die Wölflinge sind ein Heldengeschlecht, dessen Ahnherr wahrscheinlich ein dämonischer Wolf war... Weitere Aufschlüsse gestattet das Gedicht von Wolfdieterich. Въ подтвержденіе Гриммъ указываетъ, между прочимъ, на нѣкоторыя черты въ характерѣ Вольфдитриха, намекающія на его демоническую природу. (*W. Grimm*, Die mythische Bedeutung des Wolfs въ *Haupt's Zeitschrift für d. Alterth.*, XII, 203—228).

Digitized by Google

града Берна (припомнимъ, что съ Дитрихомъ Бернскимъ сближаютъ и Вольфдитриха). Въ Тидрексагѣ разсказывается, между прочимъ, о поединкѣ Дитриха и Гёгни (Högni). Разгнѣванный герой называетъ своего противника сыномъ эльфа, а тотъ въ отвѣтъ обзываетъ Дитриха *сыномъ чорта* [1]). Это прозвище не объясняется изъ самой саги: въ ней нѣтъ разсказа о вліяніи демона на рожденіе Дитриха. Но разсказъ такого содержанія былъ извѣстенъ. Мы находимъ его въ прибавленіи къ книгѣ о богатыряхъ (Heldenbuch). Когда мать Дитриха, говорится въ этой книгѣ, была имъ беременна, явился ей во снѣ злой духъ Махметъ въ образѣ отсутствовавшаго мужа. Женщина проснулась, протянула руки къ мнимому мужу и тотчасъ же убѣдилась, что передъ нею духъ (do greiff sú vf ein holen geist). Этотъ духъ, называемый прямо чортомъ (duvel), предсказываетъ матери Дитриха, что ребенокъ, который у нея родится, прославится необычайной храбростью, но отъ сна, видѣннаго матерью, у него при гнѣвѣ будетъ показываться изо рта огонь (wurtt im das fir vssz dem mund schiessen, so er zornig wurtt) [2]). Прозваніе Дитриха чортовымъ дѣтищемъ предполагаетъ если не это именно, то подобное преданіе о рожденіи героя. Кончина Дитриха представляется такой же загадочной, какъ и его рожденіе. По Тидрексагѣ онъ умчался неизвѣстно куда на чудесно явившемся ворономъ конѣ. Дитрихъ догадывается, что его уноситъ не конь, а чортъ [3]). Предполагаютъ, что на это именно преданіе объ исчезновеніи Дитриха намекаетъ Оттонъ Фрейзингенскій (XII вѣка) въ извѣстіи о смерти Өеодориха Великаго: Ob ea non multis post diebus, XXX imperii sui anno, subitanea morte rapitur ac juxta beati Gregorii dialogum a Ioanne et Symmacho in Aetnam praecipitatus, a quodam homine cernitur. Hinc puto fabulam illam traductam, qna vnlgo dicitur: *Theodoricus vivus equo sedens ad inferos descendit.* У Григорія Двоеслова, на котораго ссылается Оттонъ, дѣйствительно есть разсказъ о низверженіи нечестиваго Өеодориха in Vulcani ollam (Dial. VI, 30). Это низверженіе было наказаніемъ за смерть папы Іоанна и патриція Симмаха, убитыхъ по приказу Өеодориха [4]). Связь смерти Өеодориха съ казнью невинныхъ людей указывается также въ разсказѣ Прокопія Кесарій-

---

[1]) Die deutsche Heldensage und ihre Heimat von *Aug. Raszmann*, II-ter B., S. 94. Подобный же намекъ встрѣчается въ другомъ отдѣлѣ саги. Монахи, которымъ угрожаетъ другъ Дитриха Геймиръ, обзываютъ Дитриха, чортомъ (ib. 680).

[2]) Ibid., 358.

[3]) Ibid., 684–685.

[4]) Ibid., 685—686

Digitized by Google

скаго, передающаго, впрочемъ, другія подробности. По волѣ Θеодориха казнены были Симмахъ и Боецій, люди знатные и уважаемые. Вскорѣ послѣ этихъ казней случилось слѣдующее: разъ за ужиномъ Θеодориху подана была голова какой-то большой рыбы; ему показалось, что это *голова недавно казненнаго Симмаха*. Въ ужасѣ онъ уходитъ изъ-за стола и удаляется въ спальню. Видѣніе сразило Θеодориха: онъ захворалъ и вскорѣ умеръ [1]).

Возвращаемся къ испыланіямъ, которымъ подвергаются Вильфдитрихъ и Робертъ Гёрресова разсказа: демоны поднимаютъ ихъ и потомъ *бросаютъ на землю*. Картина такого испытанія удерживаетъ насъ въ предѣлахъ все той же легендарной литературы, въ памятникахъ которой отыскались и другія подробности изучаемаго сказанія. Вотъ для примѣра нѣсколько разсказовъ объ искушеніяхъ, напоминающихъ полетъ и паденіе Вольфдитриха и Роберта. Въ Великомъ Зерцалѣ есть разсказъ о трактирщикѣ, который «всихъ тако злыхъ, якоже и добрыхъ в домъ свой примоваше и попущаше играти и плещуще скакати, блядословити, и упиватися, и всякое беззаконіе плодити. Единою же въ день недѣльный, егда вино несе гостемъ ис пивницы... и се вихрь зѣльный восхити его по воздуху несе предъ всѣми видящими людми. Егда же его тако *диаволи вознесоша*, возопи сокрушеннымъ сердцемъ: «о Боже, что будетъ с душею моею!», и тако диаволи отступиша во единомъ поли, глаголюще: аще бы сего не сотворилъ еси, то съ душею и тѣломъ во адъ убо бы тя погрузили. И тако обретеся в поли и принесенъ бысть в домъ, и елико можаше, исправи животъ свой, винопродавство остави и никому же по семъ попусти в дому своемъ играти, блядословити, скакати или что иное зло творити» [2]). Поднимание на высоту имѣетъ въ этомъ разсказѣ значеніе казни, которая не могла вполнѣ осуществиться только потому, что грѣшникъ раскаялся и обратился съ молитвой къ Богу. Иной смыслъ имѣли подобныя же дѣйствія духа тьмы, когда они были направлены противъ людей, спасавшихъ свою душу. Одному изъ такихъ подвижниковъ явился разъ демонъ въ образѣ соблазнительной женщины. Предложеніе искусительницы не имѣло, однако, успѣха. Quæ cum verbis

---

[1]) Δειπνοῦντι δε οἱ ὀλίγαις ἡμέραις ὕστερον (послѣ убійства Симмаха) ἰχθύος μεγάλου κεφαλὴν οἱ θεράποντες παρετίθεσαν, αὕτη Θευδέριχῳ ἔδοξε κεφαλὴ Συμμάχου νεοσφαγοῦς εἶναι (De bello Goth., I, 1) Сводъ преданій о Θеодорихѣ см. въ указанной книгѣ *Рассмана* (l. c. 685—6·9), а также у *Массмана* (Kaiserchronik, III, 243—244) и *Уланда* (Schriften, I, 203—205).

[2]) Рукопись Публичной Библіотеки, Погодинск. древлехран., № 1382, л. 586 об.—587.

Digitized by Google

non proficeret inter brachia sua virum tollens et multum comprimens *in aera levavit* atque ultra monasterium Sancti Patrocli, quod satis altum est illum transferens in pasculo deposuit. Брошенный демономъ былъ еле живъ и не скоро пришелъ въ себя [1]). Старцу Ору явился разъ дьяволъ въ образѣ свѣтлаго духа и сказалъ: «исправилъ еси вся, о человѣче, прочее поклони ми ся и *яко Илію вознесу тя*».—«Господь не будетъ требовать отъ меня поклоненія, потому что я всегда поклоняюсь ему», отвѣчалъ Оръ. Дьяволъ исчезъ [2]). Подобное же искушеніе испыталъ и другой благочестивый монахъ. Предсталъ предъ нимъ духъ тьмы въ образѣ ангела и сказалъ: «Вѣждь, отче, яко непорочнаго ради твоего жительства и равноаггельнаго житія *пріити имуть къ тебѣ и друзіи аггели, яко да тако съ тѣломъ вознесуть тя на небеса*». Монахъ передалъ объ этомъ видѣніи игумену. Тотъ объяснилъ неопытному подвижнику хитрости демоновъ. «И тіи вземше мантію прелщеннаго безвѣсти быша, и зряшеся мантія восходящи на высоту воздуха, дондеже скрыся, и по часѣ доволнѣ се мантія сходящи паде на землю» [3]).

Къ этимъ разсказамъ объ искушеніяхъ близки и по замыслу и по составу легенды, въ которыхъ демонскія козни развиваются также въ картину полета и паденія, но безъ демонскаго вознесенія. Образцемъ для такихъ легендъ послужилъ евангельскій разсказъ объ искушеніи Іисуса. «Потомъ беретъ Его діаволъ въ святый городъ и поставляетъ Его на крылѣ храма. И говоритъ Ему: если ты сынъ Божій, бросься внизъ, ибо написано: *Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею* (Псал. XC, 11—12). Іисусъ сказалъ ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Ев. Матѳ., IV, 5—7; Лук., IV, 9—10). Въ легендахъ евангельскій разсказъ отражается съ измѣненными чертами. Неосторожные люди, не понявъ козней дьявола, бросаются съ высоты и разбиваются. Такъ нѣкій монахъ былъ прельщенъ бѣсомъ и поклонился ангелу сатанину, принявъ его за вѣстника Божія. Демонъ повелѣлъ прельщенному броситься въ глубокій ровъ, увѣряя, «яко никакоже бѣду прочее постраждетъ за сущую ему добродѣтелъ велику и яже по Бозѣ труды. Той же не разсудивъ помысломъ совѣщающа ему сіа, но помрачився мыслію верже

[1]) Dial. miracul. III, 11, p. 223—124 (по изд. Strange).

[2]) Пандекты Никона Черногорца, л. 323 (по Почаевскому изданію 1795 г.).

[3]) Ibid., л. 319 — 320: Подобныя же легенды о демонахъ, разсказывающія о подниманіи на воздухъ и паденіи, извѣстны и по памятникамъ буддійской литературы. (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 113).

Digitized by Google

себе посредѣ нощи въ ровникъ и по мнозѣ же увидѣвше братіа случшееся со мнозѣмъ трудомъ едва возмогоша исполу мертва исторгнути его. По исторгнутіи же его поживъ два дни въ третій умреть» [1]). У Цезарія Гейстербашскаго находимъ разсказъ: De homine qui... spe diaboli de turri saltans diruptus est [2]).

Подниманіе на высоту получаетъ въ легендахъ значеніе или демонскаго искушенія, или испытанія, связаннаго съ покаяніемъ грѣшника. Подобное же двойственное значеніе имѣетъ картина «преткновенія о камень». Приведенныя выше легенды, упоминающія о паденіи и преткновеніи, развиваютъ тему искушенія, удерживая при этомъ основныя черты евангельскаго образца. Въ иномъ видѣ и съ иной мыслью представляется преткновеніе въ небольшомъ легендарномъ повѣствованіи, извѣстномъ мнѣ по одному изъ рукописныхъ сборниковъ Публичной Библіотеки [3]). Вотъ текстъ этого повѣствованія, имѣющаго заглавіе: «О прѣнии аггломъ о дши з бесы». «Нѣкто іногда покаявся іде безмолвствовати. *Случи же ся ему абие на камень пасти и уязвитися ногою*, и яко же много крови источивпу и малодушьствовавшу предати душу, придоша же бѣсове взяти душу его; и рѣша имъ аггли: возрите на камень и видите кровь его, иже излия Га ради; і рекшимъ аггломъ свободися душа отъ лукавыхъ бѣсовъ». Разсказъ—сжатый, довольствующійся только намеками, но несомнѣно построенный на соединеніи картины преткновенія съ мыслью о покаянномъ подвигѣ: «нѣкто *покаявся* иде безмолвствовати». Паденіе на камень понято въ разсказѣ какъ испытаніе, какъ очистительное страданіе: видите кровь его, юже *излія Господа ради*». Послѣ испытанія ангелы защищаютъ умирающаго отъ бѣсовъ, которые, повидимому, считали его душу своей добычей: «придоша же бѣсове взяти душу его». Сходная легенда извѣстна и въ латинскомъ пересказѣ: De latrone pœnitente. Fuit quidam latro, qui cum filio suo latens per nemora furta et homicidia multo tempore perpetraverat. Quodam autem die cum jaceret in gremio filii sui dixit ei filius cachinnando: «Pater, jam canus es et senex, amodo te deberes corrigere». Quo audito compunctus, surgens de gremio filii, cum de confessione anxius cogitari coepit, vidit conventum monachorum alborum funns quoddam processionabiliter ferentem per illud nemus transeuntem. Et occurrens post illos cum magno clamore: «Expectate, inquit, peccatorem

---

[1]) Ibid., л. 322.

[2]) V, 35, p. 318—319.

[3]) Рукоп. Публичной Библіотеки Q. I, № 1009 (изъ собр. Богданова), л. 489.

Digitized by Google

confiteri volentem et poenam agentem». Quo cognito timentes, ne sub fraude vellet eos occidere, cum ingrado (?) concito fugerent, et ille eos velociter sequeretur; *offenso pede ad truncum cecidit et fracto sibi collo protinus expiravit.* Cujus animum cum quidam sanctus monachus qui erat inter alios vidisset in coelum ab angelis deferri et animum usurarii, cujus corpus ferebant honorifice, torqueri a dæmonibus, in infinitum stupescens narravit caeteris veritatem [1]). Краткіе намеки славянской легенды получаютъ при сопоставленіи съ этимъ латинскимъ разсказомъ большую ясность и опредѣленность. Вмѣсто невѣдомаго «нѣкто» называется прямо latro, qui furta et homicidia perpetraverat. Предъ нами рисуется знакомый образъ кающагося разбойника. Въ грѣшникѣ проснулась совѣсть, онъ спѣшитъ покаяться, но на пути «случися ему на камень (var. на пень, ad truncum) пасти и уязвитися ногою»; паденіе вмѣняется пострадавшему въ епитимію. Узнаемъ такимъ образомъ, что легенда о покаявшемся разбойникѣ, кромѣ повторенія знакомыхъ намъ картинъ покаянныхъ испытаній, могла еще развиваться по своеобразному плану: кающійся подвергается неожиданному страданію, наталкивается на камень преткновенія, падаетъ и получаетъ прощеніе грѣховъ.

Мы подошли къ развязкѣ новгородской былины. Василій Буслаевъ кающійся удалецъ, сознавшій, что «съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти». Онъ отправился въ покаянное странствованіе и дорогой преткнулся о камень ногою своею... Былина повторяетъ легенду.

Повторяетъ, впрочемъ, не безъ измѣненій и добавокъ. Жителямъ черноземныхъ равнинъ и песчаныхъ низменностей были недостаточно ясны, не представлялись съ наглядностью тѣ камни, на которые наталкивались и падали обитатели горныхъ странъ и каменистыхъ пустынь. Поэтому такой камень, особенно, когда онъ встрѣчался въ легендѣ съ подробностями изъ области чудеснаго,—могъ представляться предметомъ необыкновеннаго значенія, невольно вызывающимъ работу воображенія. Припоминался при этомъ, усиливая напряженность поэтической мысли, ***библейскій камень преткновенія*** (λίθος προσκόμματος lapis offensionis), этотъ великій и загадочный камень, изображаемый метафорическимъ стилемъ священныхъ писателей на страницахъ и ветхаго и новаго завѣта. «Аще будеши уповая на него,—пишетъ пророкъ Исаія,—будетъ Тебѣ во освяще-

---

[1]) A selection of latin stories ed. *Thomas Wright* (1842), p. 94 — 95. Cp. Isländische Legenden, Novellen und Märchen hrsg. v. *H. Gering*, II, 22.

Digitized by Google

ніе, а не якоже *о камень претыканія преткнешися*, ниже яко о камень паденія» (Ис., VIII, 14). Выраженія ветхозавѣтнаго пророка повторяются въ посланіяхъ апостоловъ Петра и Павла. «Сказано въ писаніи: вотъ я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоцѣнный, и вѣрующій въ Него не постыдится. Итакъ онъ для васъ, вѣрующихъ, драгоцѣнность, а для невѣрующихъ камень, который сдѣлался главою угла, *камень претыканія* и камень соблазна. (I Посл. Петра, II, 6 — 7). *Се полагаю въ Сіонѣ камень преткновенія* и камень соблазна; но всякій вѣрующій въ Него не будетъ постыжденъ» (Посл. къ Римл., IX, 33). Народный эпосъ не знаетъ библейскаго символизма. Камень преткновенія могъ быть понятъ реально, какъ предметъ, находящійся на горѣ Сіонѣ. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ новгородской былины камень, на который падаетъ Василій, помѣщается на этой именно Сіонъ-горѣ:

Пріѣхали противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
Посмотримъ косточки сухояловы."
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючь камень.
(*Рыбниковъ*, III, стр. 240; ср. *Гильфердингъ*, ст. 727).

Вліяніе воображенія, встревоженнаго библейскими воспоминаніями, особенно ясно обнаруживается въ подробностяхъ, съ какими изображается камень въ разныхъ пересказахъ былины. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ упоминается только «бѣлъ горючь камень» (*Рыбниковъ* I, стр. 360; II, стр. 208; III, 240; *Гильфердингъ*, стр. 727), въ другихъ варіантахъ камень опредѣляется, какъ «бѣлъ и *великъ*» (*Рыбниковъ*, I, стр. 362), или «превеличающей» (*Гильфердингъ*, ст. 1242). Въ пѣснѣ Кирши Данилова точно указывается величина камня:

Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью.

(Ст. 177).

Въ пересказахъ *Гильфердинга*, №№ 44, 141, 259, размѣры камня увеличены съ большой смѣлостью:

И въ долину-то камень сорока саженъ,
А въ ширину-то камень тридцати саженъ.

(Ст. 219).

Digitized by Google

Въ долину камень сорокъ саженъ,
Въ ширину камень двадцать саженъ.

(Ст. 727).

Въ долину камень до сорока саженъ,
Въ вышину камень до двадцати саженъ,
Въ толщину камень до десяти саженъ.

(Ст. 1187).

Натолкнуться незамѣтно на такую громаду нельзя. Преткновеніе ногою о камень въ нѣсколько саженъ можетъ быть понято только, какъ рискованная попытка перескочить черезъ высокую преграду, какъ своего рода испытаніе силы:

Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючь камень,
И задѣла за камень ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буслаевичъ
Ожестокъ камень плечмы богатырскима.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 363).

Этотъ разсказъ даетъ намъ своеобразно понятое, эпически разработанное и раскрашенное описаніе камня преткновенія, который оказывается и камнемъ паденія. На счетъ этой же эпической разработки нужно отнести и надпись на камнѣ. Камни съ подписью всѣмъ извѣстны: они часто встрѣчаются въ сказкахъ, попадаются и въ былевыхъ пѣсняхъ. Въ былинѣ о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца:

Ѣздилъ старъ доброй молодецъ
Съ младости и до старости
На своемъ на добромъ конѣ во чистомъ полѣ,
И наѣхалъ во чистомъ полѣ камень бѣлыйй.
Отъ камени пошло три дороженьки,
На камени подпись подписана...

(*Рыбниковъ*, III, стр. 40).

Или въ другой былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Отправлялся Илей къ стольному городу ко Кіеву,
Пришелъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписана:
Илей, Илей, камень сопри съ мѣста неподвижнаго...

(*Гильфердингъ*, ст. 648).

Подпись, прочитанная Васильемъ Буслаевымъ, передается разнообразно:

А кто-де у камени станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по камени,
Сломитъ будетъ буйну голову. .

(*Кирша*, стр. 177).

Кто скочитъ черезъ этотъ бѣлъ горючь камень,
Тотъ буде живъ,
А не скочитъ, не бывать живу..

(*Рыбниковъ*, I, 360).

Кто перескочитъ трожды черезъ бѣлъ камень,
Тотъ достигнетъ церкви соборнія
И тому образу Преображенскому;
А кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень,
Тотъ не достигнетъ церкви соборнія
И тому образу Преображенскому.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 362).

А кто-то тутъ черезъ гору перéскочитъ,
Перескочитъ черезъ гору три разу,
Того-то тутъ да вѣдь Господь проститъ;
Ахъ кто-то вѣдь есть не перескочитъ,
Тотъ будетъ трою проклятъ на вѣку то былъ

(*Гильфердингъ*, ст. 294).

Еще кто этотъ камень вѣдь перескочитъ,
Такъ вѣдь богато будетъ жить [1]).

(*Гильфердингъ*, ст. 1242).

Такое обиліе и такая пестрота варіантовъ ясно указываютъ на то, что слова подписи не имѣли существеннаго значенія и тѣсной связи съ содержаніемъ былины: подпись можетъ быть та или другая, ходъ эпическаго дѣйствія не мѣняется. Нужно еще прибавить, что какъ подпись, такъ и другія подробности, окружающія камень преткновенія, проходятъ не черезъ всѣ пересказы былины. Такъ, въ пѣснѣ *Рыбникова*, II, № 33, все приключеніе съ камнемъ передано въ четырехъ строкахъ:

Пріѣзжаютъ они ко Ѳаворъ-горѣ,
И увидѣлъ Василій бѣлъ-горючій камешекъ,
И скочилъ онъ черезъ камешекъ,
И о камень головушкою ударился.

(Стр. 208).

---

[1]) Эта послѣдняя редакція подписи напоминаетъ преданіе, записанное Олеаріемъ. По его словамъ, на берегу Волги у горы Арбухимъ, ниже Симбирской горы, лежалъ большой камень, длиною въ 10 локтей, вышиною нѣсколько ниже этой мѣры. На камнѣ было написано: „Поднимешь ты мя, добро тебѣ будетъ“.— „Однажды русскій стругъ долженъ былъ стать въ этомъ мѣстѣ на якорь, по причинѣ противнаго вѣтра, и 50 человѣкъ, прочитавши подпись на камнѣ и думая найти подъ нимъ большія сокровища, съ великими усиліями подкопали и перевернули камень, но ничего не нашли, кромѣ слѣдующей надписи, высѣченной на другой сторонѣ камня: „Что ищешь? Ничего не положено“, (Путешествіе Олеарія, перев. *Барсова*, стр. 424).

Digitized by Google

Изложенное въ такомъ видѣ паденіе Василья на камень почти совпадаетъ съ легендами о преткновеніи.

Латинскій пересказъ легенды о преткновеніи оканчивается смертью упавшаго: fracto collo protinus expiravit. Въ пересказѣ, извѣстномъ по русской рукописи, нѣтъ упоминанія о смерти. Покаявшемуся грѣшнику во время пути «случися на камень пасти и уязвитися ногою» и якоже много крови источившу и малодушьствовавшу предати душу, придоша же бѣсове взяти душу его«. Выраженія легенды не даютъ основанія говорить, что упавшій на камень долженъ былъ умереть; онъ только «малодушествова предати душу», то-есть, упалъ духомъ, боялся, что тотчасъ же умереть, считалъ себя близкимъ къ смерти. Бѣсы готовы «взяти душу» пострадавшаго. Ангелы защищаютъ его, но нѣтъ и слова о томъ, что они принимаютъ душу спасеннаго ими человѣка. «И рекшимъ ангеломъ свободися душа отъ лукавыхъ бѣсовъ». Этими словами заканчиваотся наша легенда. Латинскій пересказъ прибавляетъ, что душа умершаго отнесена была ангелами на небо; это вознесеніе зрѣлъ какой-то святой монахъ. Нельзя допустить, чтобы наша легенда опустила такую или подобную картину блаженной кончины, еслибы она дѣйствительно имѣла въ виду изобразить *смерть* покаявшагося человѣка. Подробности нашей легенды иныя. Демоны *придоша взяти* душу путника, но не взяша ее. Этого не допустили ангелы, но вѣдь и они не взяли души преткнувшагося о камень. Стало быть, онъ остался живъ. Паденіе было только умилостивительнымъ страданіемъ «Господа ради». Есть подобная, хотя и обставленныя иными подробностями легенда, гдѣ преткновеніе о камень имѣетъ подобное же значеніе богоугоднаго испытанія. Нѣкій отшельникъ отправился къ жившему недалеко старцу, чтобы подѣлиться съ нимъ запасомъ хлѣба. «Идущу же ему путемъ преткну персты ноги своея о камень; текущи же крови отъ ноги его, начатъ мнихъ плакати о болѣзни». Является ангелъ и утѣшаетъ больнаго: «Не плачи прочее, но радуйся, ибо стопы, яже твориши ко старцу трудяся, отъ Господа изочтени и со многою мздою предъ лицемъ Божиимъ стоятъ, но обаче множае да извѣщу ти: се предъ тобою вземлю отъ крови твоея и приношу предъ Бога, яко миро благовонное» [1]). Винцентій Бовэ въ своемъ Speculum historiale передаетъ разсказъ, въ которомъ преткновеніе о камень соединено съ изображеніемъ очистительныхъ страданій. Нѣкій бѣднякъ шелъ босикомъ,

[1]) Рукоп. Публичной Библіотеки, Q. I, № 1009, л. 331 об. — Ср. Древній Патерикъ, излож. по главамъ, стр. 336 (по 2 изд. 1892 г.).

Digitized by Google

наткнулся на камень и расшибъ себѣ ногу (lapidis offensione pedem, quem nudum habebat, sibi lesit). Раздраженный болью, онъ помянулъ нечистаго, сказавъ: камень этотъ положенъ тутъ во имя дьявола (vi doloris substomachans dyabolum nominavit, dicens, lapidem illum in nomine dyaboli ibi fuisse positum). Лишь только онъ произнесъ эти слова, какъ почувствовалъ, что силы его оставляютъ. Онъ не могъ двинуться съ мѣста. Несчастный пораженъ былъ затѣмъ страшной болѣзнью, которую всѣ признавали за проказу (ab omnibus elephantico morbo percussus diceretur). Страдалецъ спасенъ былъ покаяніемъ и молитвой. При помощи Божіей, по заступничеству Пресвятой Дѣвы, онъ исцѣлился (Dei auxilio et Ejus martis suffragio ad plenum curatns est) [1]).

Въ извѣстныхъ теперь пересказахъ былина о Васильѣ Буслаевѣ оканчивается такъ-же, какъ латинская легенда De latrone poenitente. Есть однако основаніе предполагать, что первоначально преткновеніе о камень имѣло въ былинѣ иной исходъ и иное значеніе. Паденіе на камень не заканчивало былину, а соединялось съ дальнѣйшими подробностями, слагавшимися въ общую картину покаянныхъ испытаній. Нѣкоторое представленіе объ этой древней картинѣ можетъ дать ея замѣчательная копія, сохранившаяся въ финскомъ пересказѣ былины объ Ильѣ Муромцѣ [2]). Илья встрѣчается съ каликой и мѣняется съ нимъ платьемъ. Богатырь и калика подходятъ затѣмъ къ горѣ, въ расщелинѣ которой находятъ человѣка, жившаго триста лѣтъ. «Снова они обмѣнялись платьемъ съ Ильей и освобождаютъ того человѣка. Вокругъ горы стала изгородь по колѣна вышиной. «Если вы перепрыгнете черезъ ограду спиной впередъ, то будете жить также долго, какъ и я,—говоритъ человѣкъ,—не то быть вамъ въ бѣдѣ». Калика пытается прыгнуть, но зацѣпился крючьями и разбилъ голову о гору. Илья перепрыгнулъ легко и живымъ взятъ на небо за то, что освободилъ человѣка». Въ этомъ разсказѣ мы находимъ своеобразную передачу того же самаго приключенія, съ которымъ знакомитъ насъ и былина о Васильѣ Буслаевѣ. Странное смѣшеніе былинъ о новгородскомъ удальцѣ и о кіевскомъ богатырѣ предполагаетъ, очевидно, какое-то сходство, которое находили народные сказатели между приключеніями Василья и Ильи. Былинный Илья переодѣвается каликой; Василій Буслаевъ дѣлается каликой, странствуетъ къ святымъ мѣстамъ. Такое внѣшнее, случайное сходство

---

[1]) Vincentii Bellovacensis Speculum historiale, l. VIII, cap. XCVIII.

[2]) Этотъ пересказъ приведенъ въ одной изъ „Замѣтокъ къ былинамъ" *А. Н. Веселовскаго* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890, мартъ, 15).

Digitized by Google

не могло, конечно, вызвать перемѣщенія эпическихъ картинъ. Сходство должно было касаться самаго содержанія этихъ картинъ, ихъ существенныхъ подробностей. Илья Муромецъ финской побывальщины смѣшивается съ пророкомъ Ильей, онъ даже прямо называется пророкомъ. Этимъ объясняется заключеніе побывальщины. Илья «живымъ взятъ на небо». Но если эта картина вознесенія только прибавка, подсказанная именемъ Ильи, его смѣшеніямъ съ пророкомъ, то какъ объяснить, что къ картинѣ примкнулъ разсказъ о прыжкѣ черезъ ограду,—разсказъ, не имѣющій никакой связи съ воспоминаніями о библейскомъ праведникѣ? Могло ли образоваться такое сочетаніе, еслибы въ разсказѣ о прыжкѣ не было какихъ нибудь подробностей, отвѣчающихъ картинѣ вознесенія? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ едва ли возможны колебанія. Необходимо поэтому допустить, что въ первоначальномъ сказаніи, которое приладилось въ финской побывальщинѣ къ имени Ильи, кромѣ перескакиванія черезъ преграду, упоминалось еще о подниманіи на высоту, о какомъ-то полетѣ. Это подниманіе и могло дать поводъ къ пріуроченію разсказа о прыжкѣ къ имени Илья Муромца, смѣшиваемаго съ Ильей пророкомъ. Далѣе: заключительная картина вознесенія, слѣдуя въ побывальщинѣ непосредственно за прыганьемъ черезъ ограду, представляетъ странное противорѣчіе съ словами трехсотлѣтняго старика: «если перепрыгнете черезъ ограду, будете жить также долго, какъ я». Илья перепрыгнулъ, но слова старика не сбылись: вслѣдъ за прыжкомъ Илья живымъ взятъ ни небо. Если старикъ говорилъ: «будете жить *также долго, какъ я*», то онъ разумѣлъ, конечно, не вѣчную, небесную жизнь, а жизнь здѣшнюю, земную. Очевидно поэтому, что въ первоначальномъ сказаніи, которое отразилось въ финской побывальщинѣ, если и изображалось какое нибудь вознесеніе героя, то оно должно было заканчиваться не удаленіемъ его изъ среды людей, а возвращеніемъ въ условія земнаго человѣческаго существованія... Припомнимъ заключеніе Вольфдитриха и сходныя съ нимъ легенды. Въ сказаніи, отрывки котораго уцѣлѣли въ финской побывальщинѣ объ Ильѣ и въ нашихъ пѣсняхъ о Васильѣ Буслаевѣ, сливались, вѣроятно, въ одну картину подробности легендъ—о преткновеніи и демонскомъ полетѣ. Такое сліяніе облегчалось родствомъ темъ и образовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу сказаній объ освобожденіи отъ демонской власти. Покаявшійся удалецъ отправляется въ благочестивое странствованіе. Дорогой «случися ему на камень пасти и уязвитися ногою, и якоже много крови источившу и малодушьствовавшу предати душу, придоша бѣсове»... Они схва-

Digitized by Google

тили пострадавшаго; подняли его на воздухъ для адскаго полета, но высшая сила остановила нечистыхъ. Появляются ангелы. Полетъ демоновъ смѣняется движеніемъ небесныхъ силъ, взявшихъ грѣшнаго человѣка подъ свою защиту. Подобнымъ образомъ схваченъ и оставленъ былъ демонами Вольфдитрихъ, De vorlorne sone, мальчикъ, обреченный демону...

Возстановленіе одного изъ эпизодовъ древней новгородской былины предлагается, конечно, только какъ догадка. Несомнѣнно лишь то, что разсказъ финской побывальщины о прыжкѣ Ильи основанъ былъ на эпической картинѣ, изображавшей не гибель героя послѣ salto mortale, а испытаніе, заканчивавшееся обновленіемъ силъ. Это заключеніе идетъ на встрѣчу выводу, сдѣланному ранѣе на основаніи разсмотрѣнія инаго матеріала. «Того же лѣта (6679—1171) преставися въ Новѣгородѣ посадникъ Васка Буславичь». Это лѣтописное извѣстіе, въ связи съ окончаніемъ нѣкоторыхъ сказокъ о новгородскомъ удальцѣ, даетъ право утверждать, что первоначальное сказаніе о Васильѣ Буслаевичѣ не могло заканчиваться такой печальной развязкой, какую помнятъ дошедшія до насъ пѣсни. Къ такому же выводу приводитъ и финская пебывальщина, сохранившая разсказъ о прыжкѣ въ своеобразной формѣ, необъяснимой изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ новгородской былины. Въ дополненіе считаю умѣстнымъ остановиться здѣсь на одномъ загадочномъ извѣстіи, касающемся Новгорода. Извѣстіе это записано въ памятникѣ XV вѣка, въ сочиненіи Энея Сильвія Пикколомини (бывшаго впослѣдстіи папой подъ именемъ Пія II, ум. 1464 г.): De Polonia, Lithuania et Prusia sive Borussia. Въ одной изъ главъ этого труда собраны свѣдѣнія De Ruthenis et quomodo principatus apud eos soleat assequi. О Новгородѣ говорится здѣсь слѣдующее: In hac gente civitatem permaximam esse tradunt Nogardiam appellatam, ad quam Teutonici mercatores magno labore parveniunt. Magnas ibi esse opes fama est et multum argenti, pellesque praetiosas vendentesqne atque ementes ponderato argento, non signato utuntur. *Lapis in medio fori quadratus est, quem qui ascendere potuerit neque deiectus fuerit principatum urbis assequitur.* Pro ea re in armis dimicant saepeque una die plures conscendisse ferunt, unde saepe seditiones in populo emersere [1]). Оказывается

[1]) Polonicae historiae corpus, ex biblioth. Pistorii, t. I, p. 4. Извѣстіе, впервые записанное Пикколомини, повторяется позднѣйшими писателями. См. *Antonii Sabellici* Opera, II, 906—908 (lapis est in medio fere quadrata forma, quem si quis ascendit, nec inde vi deturbari possit, principatum urbis obtinet, ingens de ascensu loci et dejectu dimicatio inter indigenas saepiusque ob eam rem pugna-

Digitized by Google

такимъ образомъ, что въ Новгородѣ среди площади находился квадратный камень. Камень этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе при перемѣнѣ правителя города: власть оставалась за тѣмъ, кому удавалось вспрыгнуть на камень и удержаться на немъ. Что касается самой власти (principatus), связанной съ удачнымъ прыжкомъ, то подъ ней разумѣется, конечно, посадничество. Историческая критика едва ли занесетъ это извѣстіе о камнѣ въ списокъ матеріаловъ для бытовой исторіи Новгорода. Посадники въ Новгородѣ и Псковѣ назывались степенными: «вѣроятно потому,—говоритъ историкъ Псковскаго княжества,—что при избраніи на вѣчѣ возводили и сажали ихъ на возвышенное мѣсто со степенями, съ коего они и судъ производили. Сіе можно заключить изъ двухъ случаевъ, упоминаемыхъ въ Псковской лѣтописи, въ коей подъ годомъ 1462 сказано, что псковичи будучи недовольны своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на вѣчѣ сопхнули его со степени и выгнали, а подъ 1510 годомъ замѣчено, что присланный въ Псковъ отъ великаго князя московскаго дьякъ Третьякъ Далматовъ, на вѣчѣ объявивъ псковичамъ указъ великокняжескій, сѣлъ на степени» [2]). Описывая новгородское вѣче, Костомаровъ замѣчаетъ: «Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуною. Съ него говорили народу. *Оно находилось у вѣчевой башни*: въ ней помѣщалась вѣчевая изба, то есть, канцелярія вѣча» [3]). Въ сообщеніи ученаго итальянца упоминается не эта вѣчевая эстрада, а какой-то квадратный камень, лежащій среди площади; рисуется картина состязанія: сбѣгаются честолюбивые люди и стараются вспрыгнуть на камень власти. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло къ какимъ-то мѣстнымъ новгородскимъ преданіемъ, которому приданъ лишь видъ бытоваго факта. Преданіе, несомнѣнно плохо понятое, дошло до итальянскаго писателя въ искаженномъ пересказѣ. Новгородецъ XV вѣка не могъ разсказывать, будто власть въ его вѣчевой общинѣ достается

---

tum inter cives...), *Raphaelis Volaterrani* Commentariorum urbanorum libri XXXVIII, tom. I, lib. VII, col. 259 (Hic lapis in medio foro quadratus, quem, dum civitas erat libera, qui ascendere poterat, neque inde deiici, princeps habebatur).

[2]) *Евгеній* (*Болховитиновъ*), Исторія княжества Псковскаго, ч. I, стр. 36—37.

[3]) Исторія Новгорода и Пскова, т. II, гл. II, стр. 39. Нѣкоторое представленіе о вѣчекыхъ „степеняхъ" можетъ дать древняя печать Великаго Новгорода. На ней изображена возвышенная площадка, на которую ведетъ рядъ ступеней; вдоль ступеней положенъ посохъ. Посохъ служитъ, конечно, символомъ архіепископскаго достоинства, власти церковной, а ступени должны, вѣроятно, указывать на власть вѣча и посадника.

Digitized by Google

нли доставалась тому, кому только поможетъ случай и отвага. Каковы бы ни были неурядицы, въ которыхъ запутывалась иногда общественная жизнь Новгорода, въ его гражданахъ жило и ясно обнаруживалось сознаніе, что власть въ Новгородской землѣ можетъ принадлежать только тому, кому вручитъ ее народная воля, кто будетъ выбранъ на вѣчѣ, поставленъ отъ всего Великаго Новагорода. «А вы, братіе, въ посадничествѣ и въ князѣхъ вольны есте»,—говорилъ на вѣчѣ посадникъ Твердиславъ въ 1218 году. Такова была новгородская пошлина. Въ XV вѣкѣ, въ виду усиленія Москвы, эта пошлина получила для новгородцевъ особенное значеніе, они дорожили ею, какъ завѣтомъ предковъ, какъ родовой святыней. Въ новгородскихъ сказаніяхъ XV вѣка обыкновенно старательно отмѣчаются особенности древне-новгородскаго государственнаго быта: «Въ то же время Новаграда людие житие имяху самовластно, по своей волѣ, никимъ же обладаеми, властвующе областию своею, якоже имъ лѣпо есть». Могли ли люди, такъ ревниво дорожившіе началомъ самоуправленія, разсказывать, будто власть у нихъ получалъ тотъ, кто раньше другихъ умѣлъ прыгнуть на какой-то камень? Но если такихъ разсказовъ быть не могло, то какъ же объяснить извѣстіе, переданное Пикколомини? Едва ли не слѣдуетъ предположить, что въ этомъ извѣстіи дошелъ до насъ далекій отзвукъ того же новгородскаго сказанія, которое извѣстно и по былинамъ о Васильѣ Буслаевѣ. Въ Новгородѣ разсказывали объ удальцѣ, который натолкнулся на камень преткновенія; это преткновеніе и паденіе на камень соединялись съ представленіемъ о прыжкѣ:

И увидѣлъ Василій бѣлъ-горючій камешекъ
И скочилъ онъ черезъ камешекъ.

Позже, прибавляли разсказчики, этотъ прыгавшій черезъ камень человѣкъ былъ новгородскимъ посадникомъ. Какой-нибудь иностранецъ слышалъ новгородскую былину, слышалъ также разсказы о новгородскомъ вѣчѣ, о выборѣ и смѣщеніи посадниковъ, объ усобицахъ новгородскихъ. При недостаточномъ знакомствѣ съ особенностями русскаго быта подробности этихъ свѣдѣній легко могли быть перепутаны (тѣмъ ли, кто первый слышалъ новгородскіе разсказы, или послѣдующими передатчиками): возвышеніе, на которое входилъ степенный посадникъ, смѣшалось съ камнемъ, на который натолкнулся посадникъ, Василій; подъ вліяніемъ такого смѣшенія связь послѣдовательности смѣнилась связью причинной (вмѣсто: прыгалъ и *потомъ* сталъ посадникомъ, явилось: прыгалъ и *потому* сталъ посадникомъ); свѣдѣнія о новгородскихъ усобицахъ слились съ воспоми-

наніями о боѣ Василья съ новгородцами, окончившемся торжествомъ удальца; торжество же это могло быть понято, какъ пріобрѣтеніе власти, и примкнуло къ общей картинѣ новгородскихъ обычаевъ. Въ итогѣ всей этой путаницы получилось извѣстіе о небываломъ состязаніи изъ-за власти, о какомъ-то скачкѣ на камень почета. Нужно еще замѣтить, что на такое искаженіе новгородскихъ разсказовъ могла оказать вліяніе и литературная аналогія. Есть преданія, въ которыхъ пріобрѣтеніе власти представляется дѣйствительно дѣломъ удачи, побѣды на состязаніи. Припомнимъ, напримѣръ, польское преданіе о Лешкѣ, который провозглашенъ былъ княземъ послѣ побѣды на состязаніи въ бѣгѣ коней [1]). Иностранецъ, слышавшій нашу былину, могъ быть знакомъ съ подобными преданіями и невольно, незамѣтно вложилъ новый смыслъ въ недостаточно ясное для него новгородское сказаніе.

VI.

Въ предыдущей главѣ я пытался выяснить главнѣйшія особенности былины о Васильѣ Буслаевичѣ. Но этими особенностями не ограничивается отличіе былины отъ родственныхъ ей сказаній. Русскій изводъ интересующей насъ саги выдѣляется цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ подробностей, объясняемыхъ частью условіями бытоваго пріуроченія перехожей повѣсти, частью литературными отношеніями, въ которыя вступала эта повѣсть въ предѣлахъ нашей народной словесности. Съ чертами бытоваго реализма новгородской былины мы уже знакомы. Припомнимъ хоть одинъ образецъ такого реализма. Грубость, дикій и жестокій нравъ молодаго Роберта иллюстрируются картиной неудавшагося турнира. При участіи чортова дѣтища турниръ превращается въ побоище. Въ нѣмецкомъ разсказѣ, изданномъ Боринскимъ, турниръ замѣняется придворнымъ собраніемъ (ein grosser Hof). Наша былина изображаетъ либо праздничный пиръ у князя, либо городскую братчину. Появленіе Василья вноситъ сумятицу въ среду пировавшихъ. Предложенный на пиру «закладъ» о кулачномъ боѣ готовитъ новгородцамъ новую бѣду. Состязаніе удальцевъ принимаетъ видъ кровавой расправы, при которой бѣшеный Василій не даетъ пощады никому. Примѣромъ вліянія литературной аналогіи можетъ служить указанная выше пѣсня, въ

[1]) Объ этомъ преданіи см. *San-Marte*, Die polniche Königssage (Aus dem *Neuen Jahrbuche für deutsche Sprache und Alterthumskunde*, B. VIII), 1848, 5-ter Kapitel (Die Fürstenwahl).

Digitized by Google

которой Василій Буслаевичъ изображается королевскимъ ключникомъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ бытовыхъ и литературныхъ данныхъ, представляемыхъ новгородской былиной. Эти данныя важны для раскрытія литературной исторіи пѣсни.

А) Въ разсказахъ о дѣтствѣ и юности Роберта мы постоянно встрѣчаемся съ его отцемъ, хотя болѣе значительная, болѣе дѣятельная роль принадлежитъ безспорно матери. По ея винѣ дитя обрекается дьяволу; она же преимущественно заботится объ исправленіи несчастнаго. Правда, не подъ вліяніемъ посвященія въ рыцари, какъ предполагала мать, а подъ вліяніемъ иныхъ, болѣе сильныхъ впечатлѣній совершается переломъ въ душѣ Роберта, но и въ этомъ случаѣ рѣшительное слово принадлежитъ опять таки матери: только послѣ ея разсказа о призываніи злаго духа Робертъ бросаетъ прежнія привычки и отдается заботамъ о спасеніи души. Въ нѣмецкомъ разсказѣ роль отца еще менѣе значительна: изображеніе неудавшагося праздника и обращеніе грѣшника на путь правый отнесены ко времени послѣ смерти отца: Do nu das kint also aufwuchse das es kam zu sein jaren, do starb sein vater der kunig von Franckenreich [1]). О смерти отца упоминаетъ и поэма, изданная Брейлемъ. Пересказы былины о Васильѣ Буслаевичѣ обыкновенно и начинаются разсказомъ о смерти стараго Буслая:

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
. . . .
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѳеевна,
И оставалося чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.

(*Кирша*, стр. 72).

Только одинъ изъ варіантовъ сохранилъ, хотя и въ видѣ отрывка, разсказъ объ отцѣ Василья. Мамелфа, очевидно, заслонила передъ нашими пѣвцами стараго Буслава. Объясняется это, вѣроятно, вліяніемъ многочисленныхъ пѣсенъ о вдовьихъ сыновьяхъ. Потерявъ мужа, Мамелфа присоединилась къ кружку эпическихъ вдовъ, ко-

[1]) *Germania*, 1892, 1 H., 47.

Digitized by Google

торымъ безпокойные сыновья причиняютъ много горя и заботъ. Припомнимъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, объ Иванѣ гостиномъ сынѣ, о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ, малорусскую думу объ Иванѣ Коновченкѣ и многочисленныя безыменныя пѣсни о сынѣ вдовы [1]). Замѣчено, что изображеніе «честной вдовы» не рѣдко встрѣчается и въ нашей древней письменности [2]). Извѣстно также, что образъ «сына вдовы» любимъ въ новогреческихъ пѣсняхъ [3]).

Б) Пересказы саги о Робертѣ долго останавливаются на его дѣтской жестокости: онъ кусалъ мамокъ, бросалъ въ сверстниковъ чѣмъ попало; когда подросъ, билъ нещадно всякаго встрѣчнаго. Наша былина, при изображеніи дѣтства Василья, не вдаваясь въ подробности, ограничивается такой картиной:

Сталъ Васинька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ, рука прочь,
За ногу возьметъ, нога прочь;
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ, самъ сутулится.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 335).

Совершенно сходныя выраженія встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ памятниковъ нашей народной словесности. Въ былинѣ о Константинѣ Сауловичѣ:

Будетъ онъ, Константинушка, десяти годовъ,
Сталъ онъ по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить.
. . . .
Онъ шутку шутитъ не по ребячью,
А творки творилъ не по маленькимъ:
Котораго возьметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ;
И котораго задѣнетъ за ногу,
По ... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ,
Безъ головы домой придетъ.

(*Кирша*, стр. 254).

---

[1]) *Кирѣевскій*, II, № 4; *Гильфердингъ*, № 172; *Рыбниковъ*, I, № 76; *Головацкій*, Пѣсни Галицкой Руси, I, стр. 9—12 и др. Указываю для примѣра лишь по одному пересказу каждой пѣсни.

[2]) *Основа*, 1861 г., т. II, іюнь, стр. 62—68 (въ ст. *М. Сухомлинова*: „О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи").

[3]) *Дестунисъ*, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ, стр. 120.

Digitized by Google

Въ сказкѣ о богатырѣ Никитѣ Поповичѣ говорится, что онъ «обладалъ, еще въ молодыхъ годахъ, такой силой, что кого изъ парней одних съ нимъ лѣтъ схватитъ за голову — голова прочь, за ногу—нога прочь» [1]). Въ сказкѣ объ Урусланѣ: «И какъ будетъ Урусланъ десети лѣтъ, выдетъ на улицу: и ково возметъ за руку, и у того руку вырветъ, а ково возметъ за ногу, тому ногу выломитъ» [2]). Въ лубочной сказкѣ о богатырѣ Самсонѣ: когда минуло ему 12 лѣтъ, началъ она шутить шутки нехорошія: кого хватитъ за руку, у того рука прочь, кого за ногу, у того нога прочь [3]). Въ одномъ изъ варіантовъ сказки о королевичѣ и его дядькѣ: «Жилъ-былъ король, и у него былъ одинъ сынъ Иванъ Королевичъ: сталъ онъ на возрастѣ, собралъ своихъ сверстниковъ и началъ съ ними погуливать и шутить шутки нехорошія: кого за руку ухватитъ — рука прочь, кого за голову—голова прочь» [4]). Въ сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ: «кого за руку дернетъ, нѣтъ руки. За голову схватитъ, головы не стало. Гдѣ щелкнетъ, тамъ и упадетъ либо носъ, либо ухо» [5]). Повторяясь въ рядѣ памятниковъ неодинаковаго седержанія [6]), картина уродованія представляетъ родъ общаго мѣста, мало выразительнаго для изображенія такого удальца, какъ Василій Буслаевичъ.

В) Одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій Роберта — убійство его наставника. Чтобы уяснить все ужасное значеніе этого душегубства, нужно припомнить, что даже оскорбленіе наставника признавалось преступленіемъ, требовавшимъ суровой кары. Въ поэмѣ о Флоовантѣ разсказывается, что этотъ французскій королевичъ обрѣзалъ бороду у своего наставника, когда тотъ спалъ; за этотъ проступокъ Флоовантъ приговоренъ былъ къ смерти, и только по просьбѣ его матери казнь замѣнена была изгнаніемъ изъ Франціи на семь

---

[1]) *Ефименко*, Матеріалы по этнографіи Архангельской губерніи, стр. 187.

[2]) Лѣтописи русск. литерат. и древн. II, отд. II, стр. 100—101. Ср. *Ровинскій*, Русск. нар. картинки, кн. I, стр. 42. Такія же жестокія проказы приписываются и восточному предку нашего Еруслана—Рустему (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. VI, приложеніе, стр. 20. Ср. *Вс. Миллеръ*, Экскурсы въ область русск. народн. эпоса, стр. 43).

[3]) Къ литературной исторіи русск. былевой поэзіи, стр. 172, примѣч.

[4]) *Аѳанасьевъ*, т. I, № 67, стр. 234.

[5]) *Московскій Городской Листокъ*, 1847, № 153, стр. 613.

[6]) См. еще *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр 40, 48, 123; *Стасовъ*, О происхожденіи русск. былинъ (*Вѣстникъ Европы*, 1868 г., январь, 196 -197); *Hahn*, Sagwissenschaftliche Studien, 340 (Arische Aussetzungs-und Rückkehr-Formel).

Digitized by Google

лѣтъ [1]). Въ Knabenspiegel Викрама (XVI вѣка) разсказывается о безпутномъ юношѣ, который бросился съ ножемъ на своего учителя; боясь наказанія, юноша бѣжалъ изъ отечества [2]) Пилигримъ, котораго убилъ Василій Буслаевъ, лишь въ нѣкоторыхъ пересказахъ удержалъ значеніе учителя; въ большей же части сохранившихся пѣсенъ пилигримъ представляется только крестнымъ отцемъ Василья:

И на встрѣчу Васильюшку Буслаеву
Идетъ *крестовый батюшко*, старичище пилигримище,..
Говоритъ Старичище Пилигримище:
Ай же ты, мое *чаделко крестовое*,
Молодой курень, не попархивай;
На своего крестоваго батюшка не поскакивай.

(*Рыбниковъ*, I, 343)

Пилигримъ называется обыкновенно «старцемъ» (старчище), то-есть, монахомъ. По просьбѣ новгородцевъ онъ покидаетъ келью, чтобы унять своего крестника и ученика [3]). Въ такомъ изображеніи наставника и крестнаго отца Василья былина остается вѣрною старо-русскимъ обычаямъ. «Воспріемниками при крещеніи князей,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—встрѣчаемъ духовныя лица: такъ, владыка новгородскій Василій ѣздилъ во Псковъ крестить сына (Михаила) у князя Александра Михайловича Тверскаго; митрополитъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича Нижегородскаго; у Димитрія Донскаго сына Юрія крестилъ св. Сергій Радонежскій; у князя Василья Михайловича Кашинскаго крестилъ сына Димитрія троицкій игуменъ Никонъ..., у Василія Васильевича Темнаго крестилъ сына (Іоанна) троицкій же игуменъ Зиновій» [4]). Иванъ Грозный и братъ его Юрій были крестниками переяславскаго игумена Даніила. Крестнымъ отцемъ царевича Ивана Ивановича, сына Грознаго, былъ митрополитъ Макарій. У дочери Ивана IV Анны воспріемниками были два старца: Адріанъ изъ

---

[1]) *Darmesteter*, De Floovante vetustiore gallico poëmate, p. 35—86, 55

[2]) *Bobertag*, Geschichte des Romans.. in Deutschland, I, 246.

[3]) «Жилъ еще въ мостынари, старчищо тамъ жилъ перегримищо» (*Гильфердингъ*, ст. 292), «Былъ у новгорожанъ староста Ѳома Родивоновичъ, шолъ въ монастырь де онъ Юрьевской, упросилъ де онъ старца, сильня богатыря"... (ibid., ст. 1186). «Есть у моего чада милаго во томъ во монастырѣ во Сергъевомъ крестовый его батюшка старчище пилигримище, имѣетъ силу нарочитую» (*Рыбниковъ*, I, стр. 348—349). «Ой же вы, братцы, удалые молодцы! Въ томъ ли монастырѣ во Кириловскомъ есть старчище пилигримище» (ibid., стр. 356). «Тогда мужики Новгородчана достали старца со монастыря Преугрюмова» (*Рыбниковъ*, II, стр. 206).

[4]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, IV, 189.

Digitized by Google

Андросовой и Геннадій изъ Сарайской пустыни [1]). О крестникѣ новгородскаго архіепископа Василія, князѣ Михаилѣ Александровичѣ, сохранилось въ лѣтописи такое извѣстіе: «Приихалъ Михаилъ княжчичь Олександровичь со Тьфѣри в Новгородъ ко владыцѣ, *сынъ хрестьный*, *грамотѣ учится*» [2]). Кумовство съ монахами нельзя, конечно, считать особенностью княжескаго быта; оно было явленіемъ общераспространеннымъ [3]). Василій Буслаевичъ не пощадилъ пилигрима, котораго долженъ былъ уважать, какъ старца [4]), какъ крестнаго отца, какъ наставника.

Подойдя къ пилигриму новгородской былины, нельзя не задѣть его знаменитаго колокола.

Стоитъ тутъ старецъ пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во трисга пудъ.
(*Кърша*, стр. 80).

Или:

На буйной головы—колоколъ пудовъ въ тысячу,
Во правой рукѣ—языкъ во пятьсотъ пудовъ.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 343).

Извѣстно, что академикъ Срезневскій объяснялъ этотъ колоколъ, какъ забытое названіе одежды. «Колоколомъ, klakol, и колокольцей, klakolca, у чеховъ въ древности назывался плащъ, въ родѣ капы, носимой пилигримами.... И не у однихъ чеховъ въ средніе вѣка плащъ назывался колоколомъ. Англичане и французы также употребляли это слово, разумѣется, выговаривая по-своему: англичане—cloak, французы—cloche, clochette, въ латинскомъ выговорѣ у тѣхъ

---

[1]) Ibid., VII, 2—3.

[2]) Новгородская лѣтопись по харатейному списку, стр. 340—341 (подъ 1341 г.).

[3]) *Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа, стр. 155: «Выборъ воспріемниковъ падалъ чаще всего на *духовнаго отца* или родственника».

[4]) Въ пересказѣ *Рыбникова*, II, 33, Василій, какъ было уже замѣчено, щадитъ старца,

«Старца убить—не спасенья зались,
А грѣха себѣ на душу!»
И подхватилъ старца на руки:
«Поди-тко ты, старецъ преугрюмище, на свое мѣсто,
А въ наше дѣло ты не суйся».

Подобное же выраженіе объ убійствѣ «старца» повторяется и въ другихъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ былинѣ о двухъ королевичахъ изъ Крякова:

Въ кельѣ старца убить, то есть не спасенье;
Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 415).

Digitized by Google

и у другихъ одинаково cloca, и такъ же со смысломъ колокола и плаща (ср. нѣм. clocca, glocca, glocke), плаща дорожнаго, безъ разрѣза напереди. По уставу Юліанской обители аббата Михаила, братья-священники въ поѣздкахъ должны были употреблять именно колоколъ приличной длины... Вотъ колоколъ былины о Василье Буслаевичѣ, капа, плащъ. Употребленіе этого слова въ пересказахъ былины, хотя и неправильное, доказываетъ, что когда-то оно было у насъ употребляемо и въ значеніи одежды, и, судя по тому, что въ пересказахъ былины оторвано отъ своего настоящаго смысла, употребляемо было только въ древности, можетъ быть, даже не долго» [1]). Не отрицая этой догадки, замѣчу, однако, что колоколъ нашего пилигрима можетъ дать поводъ къ сближеніямъ инаго рода.

Пилигримъ новгородской былины изображается съ чертами ненеобычайнаго силача, напоминающаго сказочныхъ великановъ [2]).

Старчище Питигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается,
Къ своему ко хрестнику любимому,
Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ.
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ.

(*Рыбниковъ*, I, 349).

О такихъ эпическихъ силачахъ разсказывается, что они могутъ держать на головѣ колоколъ, точно шапку. Можно при этомъ указать на нѣмецкую сказку въ сборникѣ бр. Гриммъ: Der junge Riese (№ 90). Силачъ, окруженный раздраженной толпой, бросается въ колодезь; поселяне, преслѣдующіе великана, снимаютъ съ башни колоколъ и бросаютъ въ колодезь, чтобы придушить врага. Силачъ выскакиваетъ изъ колодца *съ колоколомъ на головѣ*. «Вотъ такъ славный колпакъ!» — крикнулъ онъ и убѣжалъ отъ растерявшейся толпы [3]).

Въ одной изъ побывальщинъ объ Ильѣ Муромцѣ разсказывается, какъ богатырь посѣтилъ Билогремлища, «который въ свое время носилъ на головѣ вмѣсто шишака колоколъ въ 300 пудовъ, а на

[1]) *Срезневскі*, Крута каличья, 14—15 (*Извѣстія Археологич. Общ.*, т. IV).

[2]) Самое употребленіе увеличительныхъ „старчище“, „пилигримище“ указываетъ на фигуру не обычныхъ размѣровъ

[3]) Kinder-und Hausmärchen, III, S. 160. Миѳологи сближаютъ этотъ колоколъ съ котломъ, который добываетъ Торъ у великана Гимира и который онъ приноситъ на головѣ (*Grimm*, D. Mythol., 155—156, по 4 изд.: *Simrock*, Mythol. 259, 256. Ср. *Потанинъ*, Очерки Сѣв.-Западн. Монголіи, IV, 817).

Digitized by Google

плечѣ палицу и того тяжелѣй. И когда скликалъ свою дружину по темнымъ лѣсамъ, тогда булавой ударялъ въ колоколъ» [1]).

Тяжести, подобныя тѣмъ, которыя носилъ новгородскій пилигримъ, находимъ и у другихъ каликъ.

Есть то калика перехожая:
Тутъ то каликушка справляется,
Тутъ то калика снаряжается,
Къ городу калика къ Іерусолиму,
Сильный, могучій ли Иванище
. . . .
А были у калики клюхи въ сорокъ пудъ.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 89).

Такъ начинается одинъ изъ пересказовъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ поганомъ. Въ другомъ пересказѣ той же былины богатырь, встрѣтившійся съ каликой, говоритъ:

Разболокай, Данило, платье каличье,
Скидай съ ногъ лапотбчки-обтбпочки,
Подавай мнѣ-ка шляпу землегрецкую,
Землегрецкую шляпу сорокъ пять пудовъ.

(*Кирѣевскій*, IV, стр. 23).

Въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ говорится, что богатыри

Сустигли старчища пилигримища.
Клюхи у него сорока пудовъ.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 232).

Но силѣ этихъ тяжело вооруженныхъ каликъ не соотвѣтствовала ихъ отвага. Илья Муромецъ говоритъ встрѣтившемуся каликѣ:

Есть въ тебѣ, Иванище, силы два меня,
А нѣтъ въ тебѣ смѣлости полъ-меня.

(*Кирѣевскій*, IV, стр. 21).

Или:

Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
Молодца въ тебѣ въ два меня,
И силы-то у тебя въ три меня,
А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.

(*Рыбниковъ*, III, стр. 29).

Съ такихъ неудалыхъ и неуклюжихъ каликъ срисовано и изо-

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868, ч. 138, стр. 624 (въ ст. *Л. Н. Майкова* о 4-мъ томѣ пѣсенъ, собр. Рыбниковымъ). *О. Ѳ. Миллеръ* справедливо признавалъ этого Билогремлища за одного изъ „тѣхъ всенародныхъ перехитряемыхъ *великановъ*, къ которымъ относится и Омировъ Полифемъ“ (Илья Муромецъ. стр. 241).

Digitized by Google

браженіе крестнаго отца Василья Буслаевича. Одѣтый въ тяжелый кафтанъ, съ большимъ колоколомъ на головѣ, съ огромной клюкой въ рукахъ, пилигримище представляетъ герои-комическую фигуру, не отвѣчающую, конечно, первоначальному замыслу былины. Вмѣсто убійства беззащитнаго старца предъ нами рисуется столкновеніе ловкаго удальца съ неповоротливымъ великаномъ, напоминающее бой печенѣжскаго силача съ лѣтописнымъ усмошвецомъ, и т. п.

По нѣкоторымъ пересказамъ пилигримъ появляется на мѣстѣ боя по просьбѣ новгородцевъ. Формула просьбы представляетъ замѣчательную двойственность:

Ай же ты, старчище пилигримище,
Послужи ты намъ вѣрой-правдою,
Сходи ты на мостикъ на Волховскій
Ко своему ко сыну крестовому,
Молоду Васильюшкѣ Буславьеву:
Уговори его сердце богатырское,
Чтобы онъ оставилъ побоище,
Не билъ бы мужиковъ новгородскіихъ,
Оставилъ бы малую часть на сѣмена.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 349; ср. *Гильфердингъ*, ст. 217).

Или:

Былъ у новгорожанъ староста Ѳома Родивоновичъ,
Шолъ въ монастырь де онъ Юрьевской,
Упросилъ де онъ старца сильня богатыря,
Посулилъ де онъ старцу много золотой казны,
Чтобы онъ побѣдилъ де Василья Буславьева [1]).

(*Гильфердингъ*, ст. 1186).

Ясно, что значенію пилигрима, какъ крестнаго отца и наставника Василья, отвѣчаетъ именно первая формула. Вооруженіе старца и его намѣреніе не уговорить, а одолѣть Василья можно объяснить только позднѣйшимъ измѣненіемъ пѣсни. Къ этому измѣненію мы еще вернемся.

Г) Въ эпитимійномъ номоканонцѣ сказано: «Аще кто разбой створитъ... 10 лѣтъ *да покаешься въ инои области;* толи потомъ да пріятъ будетъ въ свое отечество, аще будетъ покаялся о хлѣбѣ

---

[1]) Ср. въ пересказѣ *Рыбникова*, I, 57:

Ой же вы, братцы, удалые молодцы!
Въ томъ ли монастырѣ во Кириловскомъ
Есть Старчище-Пилигримище;
Пойдемъ-те-ка, братцы, подкупимъ-те:
Бываетъ, *онъ побьетъ Ваську Буслаева.*

(Стр. 356).

Digitized by Google

и водѣ.... Аще ли ся будеть не добрѣ покаялъ, то не приять будеть въ свое отечество» [1]). Подобное же правило встрѣчается и въ постановленіяхъ западной церкви [2]). Сообразно съ этимъ правиломъ построены сказанія о кающемся Робертѣ Дьяволѣ и о Васильѣ Буслаевѣ. Первый отбываетъ свое покаяніе въ Римѣ, второй—въ Святой Землѣ.

Направляя Василья по знакомому паломничьему пути, былина не могла не внести и соотвѣтствующихъ подробностей, которыя не трудно было отыскать въ запасѣ устныхъ и письменныхъ разсказовъ бывалыхъ людей. Подобно всѣмъ каликамъ, ходившимъ въ Палестину, Василій и его дружинники посѣтили Іерусалимъ, побывали и на Іорданѣ:

Какъ будутъ они во Іерусалимѣ,
Святой святынѣ помолились
И ко Господнему гробу приложились,
Во Іордань рѣкѣ стали купатися.
Василій-то сынъ Буслаевичъ
Купляется нагимъ тѣломъ...

(*Рыбниковъ*, III, 240).

Послѣднему обстоятельству, купанью въ Іорданѣ, былина придаетъ особое значеніе. Въ священной рѣкѣ купались обыкновенно, не снимая рубашки. «Божіею благодатію, говоритъ Вас. Гагара,—сподобихомся искупатися во Ерданѣ рѣцѣ: мужіе и жены всѣ купались въ рубашкахъ» [3]). Новгородскій ушкуйникъ отступаетъ отъ этого обычая, не смотря на предостереженіе, данное ему или матерью передъ отъѣздомъ въ Палестину, или на самомъ мѣстѣ купанья какой-то «женщиной престарѣлой», бабой залѣсной, дѣвкой чернавкой.

А его свѣтъ государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
По поѣздѣ его давала родительско благословеніе:

---

[1]) *Б. А. Яковлевъ*, Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда", стр. 153. Ср. *Тихонравовъ*, Отреч. книги т. II, стр. 304.

[2]) „Странствіе Василья Буслаевича,—замѣчаетъ Срезневскій,—было какъ будто исполненіемъ того постановленія, долго остававшагося въ полной силѣ въ южной Франціи, по которому всякій убійца покаявшись... исповѣдывался въ преступленіи, перековывалъ свой мечъ въ цѣпи... заковывалъ себя въ нихъ и *отправлялся на поклоненіе святыни*". (Русскіе калики древняго времени, стр. 209, въ *Зап. Акад. Наукъ*, т. I, кн. 2).

[3]) Хожденіе Вас. Гагары, стр. 71, по изд. *С. О. Долгова* въ 33 вып. „Палестинскаго Сборника".

Digitized by Google

„Ай же ты, мое чадо милое!
Будешь ты у матушки Ердань рѣки,
Не куплись Васильюшка, нагимъ тѣломъ.
Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ".

(*Рыбниковъ*, I, 361).

Или:

И говоритъ дѣвушка чернавушка:
„Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
Какъ ты куплишься нагимъ тѣломъ:
Кто у насъ купался нагимъ тѣломъ,
Тотъ у насъ живъ не доѣзжалъ".

(*Рыбниковъ*, III, стр. 240).

Иначе:

Идетъ тутъ женщина престарѣлая
И проговоритъ она таково слово:
„Ай же, молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
Что же ты купаешься нагимъ тѣломъ?"

(*Рыбниковъ*, II, стр. 208; ср. *Кирша*, стр. 174).

Какъ объяснить и это предостереженіе и это нарушеніе Васильемъ общепринятаго обычая? Быть можетъ, эти подробности введены въ былину только для того, чтобы еще одной лишней чертой обрисовать самоувѣренность и легкомысліе Василья: онъ не вѣритъ подписи на камнѣ, не внимаетъ голосу мертвой головы, не обращаетъ вниманія и на предостереженіе, требовавшее уваженія къ священнымъ воспоминаніемъ, связаннымъ съ Іорданомъ. Но возможна и другая догадка.

Положеніе кающагося Роберта, принужденнаго скрывать и свое имя и свою знатность, напоминаетъ положеніе наказаннаго гордеца въ легендѣ о зазнавшемся царѣ, извѣстной во многихъ пересказахъ. Въ одной изъ версій этой легенды, пріуроченной къ имени Роберта, короля *Сицилійскаго*, гордецъ подвергается, какъ было уже замѣчено выше, такому же испытанію, какое выдерживаетъ *Робертъ Нормандскій* [1]). Это сходство имени и эпитиміи ясно указываетъ, что легенды о наказанномъ гордецѣ и кающемся душегубцѣ представляли нѣкоторыя точки соприкосновенія, допускали смѣшеніе подробностей.

Среди варіантовъ легенды о гордомъ царѣ есть цѣлая группа разсказовъ, связывающихъ начало испытанія съ купаньемъ. Для примѣра можно указать на разсказъ «Римскихъ Дѣяній» о гордомъ цесарѣ Евиньянѣ. «Евинянъ цесарь зѣло можный въ Римѣ царство-

[1]) *H. Varnhagen*, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Litteraturen, 65—66.

валъ и въ нѣкоторое время, на ложѣ лежачи, чрезъ великую можность свою поднелося сердце его в великую гордость, и почалъ мыслить, самъ въ себѣ глаголя: нѣсть Богъ иный сильнѣйшій и можнѣйшій, паче мене. (Est ne aliquis alius deus quam ego?). А какъ онъ такъ мыслилъ, уснулъ. И рано вставши, паномъ своимъ и дворяномъ повелѣлъ, чтобъ готовы были всѣ съ нимъ ѣхать на ловлю. Тогда дворяня его изготовилися, того же дня ѣхали съ нимъ. А какъ были на дорогѣ, и тогда цесарь отъ солнечнаго зною такъ разгорѣся, что умереть хотѣлъ, толко бы не искупался въ студеной водѣ... Тогда цесарь узрѣ издалече великую воду, реклъ своимъ рыцаремъ: «Остантеся вы тутъ и подождите мя, дондеже азъ шедъ искупаюсь», и отъѣхавъ отъ нихъ; и пришедъ до оной воды и разодѣвся, нача купатися; а какъ онъ купался, тогда пріиде нѣкій человѣкъ, въ словѣ и въ походкѣ и во всемъ образомъ подобенъ цесарю и облечеся во все цесарьское одѣяніе, и всѣдши на его коня, ѣхалъ къ рыцаремъ. Видѣвше дворяне образъ цесаревъ мнѣли быть цесарю своему и пріяша его съ честію, а цесаря нага оставиша... Евинянъ цесарь, вышедъ изъ воды, не узрѣ ни платья, ни коня... и дивися велми, что никого не видалъ, смутися, что будучи цесаремъ, а сталъ нагъ, и почалъ мыслити, самъ въ себѣ рече: что имамъ сотворити, что такъ нужно и ганебне отъ своихъ оставленъ», и т. д. Одежда купавшагося взята была ангеломъ, принявшимъ видъ цесаря. Послѣ многихъ униженій и страданій проученный гордецъ возстановленъ былъ въ своемъ прежнемъ званіи. Послѣ испытанія «Евинянъ цесарь, будучи паки привращенъ на престолъ свой, благодарилъ Господу Богу и ходилъ во всѣхъ заповѣдѣхъ Господнихъ... и соверши послѣдній день свой въ покою» [1]). Не представлялъ ли и разсказъ о купаньѣ Василья нагимъ тѣломъ реминисценціи изъ круга сказаній о наказанномъ гордецѣ? На такую реминисценцію могли натолкнуть не только обычаи, соблюдавшіеся при погруженіи въ Іорданъ («всѣ купались въ рубашкахъ»), но и нѣкоторыя преданія, связанныя съ этой рѣкой.

Іорданъ — рѣка покаянія. Согрѣшившій Адамъ говоритъ своей женѣ: «Вниди ты въ Тигръ рѣку, положи камень на главу свою, а

---

[1]) Римскія Дѣянія, изд. Общ. любит. др. письменности, вып. I, стр. 69—85. Съ купаньемъ связано и указанное выше исчезновеніе Дитриха Бернскаго по разсказу Тидрексаги (*Rasmann* op. cit., 684—685). Обзоръ сказаній о гордомъ царѣ см. въ отмѣченной книжкѣ Фаргагена, а также въ статьяхъ *R. Köhler*'а: Der nackte König (*Germania*, II), и *А. Н. Веселовскаго*: Новыя данныя къ исторіи Соломоновскихъ сказаній (Разысканія въ обл. русск. дух. стиха, V).

Digitized by Google

другий подъ ноги своя, стани до выи въ водѣ и не послушай никогоже, да не паки предана будеши». Самъ Адамъ идетъ къ Іордану: «Воставъ Адамъ и иде во Іорданъ каятися... Погрузися весь во Іордани и пребысть 40 дній» [1]). Тутъ же, на мѣстѣ покаянія Адама, каялся и павшій Лотъ, исполняя эпитимію, наложенную на него Авраамомъ [2]). Въ одномъ изъ апокрифныхъ сказаній о Соломонѣ разсказывается, что мудрый и могущественный еврейскій царь, потерявъ чудесный перстень, оказался въ положеніи, напоминающемъ испытаніе наказаннаго гордеца: онъ лишился своей прозорливости и силы. Перстень потерянъ былъ Соломономъ во время купанья въ Іорданѣ [3]).

Наказаніе, которому подвергается легендарный гордецъ, было пригодно и для Василья Буслаева. Былина несомнѣнно хочетъ выставить его не только человѣкомъ необузданнымъ, но и до дерзости самоувѣреннымъ. На слова старухи объ Іорданѣ дружина Василья отвѣчаетъ:

Нашъ Василій тому не вѣруетъ...

(*Кирша*, стр. 175).

Подобнымъ же образомъ выражается и самъ Василій:

А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленый вязъ.

(Ibid. 179).

Любопытно при этомъ обратить вниманіе на то, что самоувѣренность и вольнодумство Василья рисуется чертами, въ которыхъ церковный писатель нашелъ бы только отсутствіе суевѣрія. Василій не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ; противъ вѣры въ такія примѣты вооружалась и духовная литература. Въ извѣстномъ поученіи

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхов. лицахъ и событіяхъ по рукоп. соловецкой библіот., стр. 93, 41—43; *Тихонравовъ*, Отреч. книги, I, стр. 4; *Пыпинъ*, Ложныя и отреч. книги, стр. 2.

[2]) „Двѣ рѣцѣ в Палестинѣ суть вкупѣ смѣшени, иже Іоръ и Данъ, и едину рѣку свершаютъ Іорданъ... Посредѣ убо съединеніа рѣкъ близъ явѣ двоихъ смѣшеніяхъ, обходящу во онъ годъ великому Аврааму, бысть обрѣсти ему нѣкоего мужа горко рыдающа и плачюща“... Авраамъ воткнулъ въ землю, въ разстояніи полпоприща отъ рѣки, три головни и заповѣдалъ Лоту носить воду изъ Іордана и поливать головни въ теченіи 40 дней. По истеченіи этого срока головни дали ростки. Это означало, что грѣшникъ прощенъ. (*Порфирьевъ*, op cit., 101—102; *Пыпинъ*, 82).

[3]) *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 132.

Digitized by Google

о казняхъ Божiихъ читаемъ: «Друзiи же и закыханью вѣруютъ, еже бываетъ на здравье главѣ» [1]).

Тяжелая эпитимiя, которую пришлось выдержать Роберту, напоминаетъ изслѣдователямъ подобныя же испытанiя, о которыхъ разсказываютъ и христiанскiя легенды [2]), и сказанiя о буддiйскихъ подвижникахъ. «In der that, замѣчаетъ Breul, finden sich innerhalb der geschichten von buddhistischen heiligen züge, welche durchaus denen entsprechen, welchen wir in der Robert-sage und den verwandten legenden begegnen» [3]).

Разсказъ о паломничествѣ нашего Василья Буслаевича давалъ поводъ къ подобнымъ же сопоставленiямъ съ восточными сказанiями. Примѣры такихъ сопоставленiй можно найдти въ трудахъ почтеннаго фольклориста, обогатившаго нашу литературу изданiемъ и изслѣдованiемъ обширнаго запаса этнографическихъ данныхъ, собранныхъ среди разноплеменныхъ обитателей Азiи. Въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголiи» г. Потанина помѣщено описанiе «камланья», — обряда, совершаемаго шаманами и символически изображающаго путь приближенiя къ божеству. При камланьѣ въ честь Ерлика, подземнаго бога, поется пѣсня, изображающая путь, по которому будто бы движется шаманъ (камъ). «За двумя скучными степями, поетъ между прочимъ камъ, лежитъ желѣзная гора Темиръ-тайха (то-есть, желѣзный бѣлокъ)»; камъ приглашаетъ дружину быть единодушнѣе на опасномъ подъемѣ... Далѣе камъ описываетъ трудный подъемъ на гору, представляетъ, будто онъ поднимается на нее, и потомъ, взобравшись на вершину горнаго перевала, тяжело вздыхаетъ. На горѣ онъ видитъ множество костей когда-то погибшихъ при смѣломъ и самонадѣянномъ подъемѣ камовъ, отправившихся также къ Ерлику, но не обладавшихъ достаточнымъ количест-

---

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 166. Ср. *Востоковъ*, Словарь церк.-слав. языка подъ словомъ „чьхъ“ (стр. 570). *Срезневскiй*, Матер. для словаря русск. языка, вып. 2, ст. 925 (закыхание). Рядъ указанiй относительно вѣры въ чохъ см. въ сочин. *Снегирева* (Русскiе простонар. праздники и обряды, I, 70), *Аѳанасьева* (Поэтич. воззр. славянъ, II, 338, примѣч.), *Сумцова* (Культурныя переживанiя 284—285).

[2]) Такова легенда о св. Албанѣ, Dit des III chanoines и др. (*Breul*, op. cit. 130—132). „Un grand nombre de ces légendes, замѣчаетъ G. Paris, sont originairement orientales, l'ascétisme bouddhique en est le premier inspirateur, et le christianisme s'est approprié“... (*Revue critique*, 1866, p. 45—46).

[3]) Op. cit. 132.

Digitized by Google

камъ силы... «Кости мужей навалены рябыми горами, конскія кости пѣгими горами стали»... «Небесный край прядаеть, желѣзная крыша ударяется. Небесный край прядаетъ. единодушно пройдемъ! Желѣзная крыша ударяется, прыгнувъ перескочимъ!» Пропѣвъ эти слова, камъ и въ самомъ дѣлѣ прыгаетъ; тихо поколотивъ въ бубенъ послѣ прыжка и помолчавъ немного, камъ тяжело вздыхаетъ... Потомъ камъ подъѣзжаетъ къ отверстію, ведущему въ подземный міръ... Спустившись въ земную пасть, камъ опять ѣдетъ по плоскости и встрѣчаетъ море, чрезъ которое протянутъ одинъ волосъ. Онъ переходитъ по этому опасному мосту и т. д. [1]). Въ примѣчаніи указано сходство нѣкоторыхъ подробностей этого обряда съ былиной о Василье Буслаевѣ и съ преданіемъ о первомъ бурятскомъ шаманѣ Моргонъ-Хара. «Множество костей, лежащихъ на вершинѣ Темиръ-Тайги, а также около того мѣста, гдѣ приходится прыгать между толкучими краями неба и земли, напоминаетъ прыгающихъ на камнѣ миѳическаго бурятскаго шамана Бохоли-хара (или Моргонъ-хара) и нашего В. Буслаева» [2]). Объ упомянутомъ шаманѣ говорится, что онъ раздражилъ царя злыхъ духовъ Эрленъ-хана и божество неба Эсэгэ-Маланъ-Тенгери. «Моргонъ-Харан исколько пе уступалъ и даже, повидимому превосходилъ царя злыхъ духовъ Эрлен-хана своими таинственными силами и чародѣйствомъ. Моргон-хара велъ жестокую борьбу съ злыми духами, которые всегда стремились поймать человѣческую душу и посадить ее въ адъ, по приказанію своего царя Эрленъ-хана, то-есть, царя-сатаны, который управляетъ злыми духами. Первый бурятскій шаманъ Моргонъ-хара никогда не давалъ душу человѣка злому духу, который старался поймать душу; а поймавши ее, злой духъ запиралъ въ адъ, заковывалъ въ тяжелыя желѣзныя цѣпи, которыя надѣвалъ на шею, на руки и на ноги, чтобы пойманная душа не могла убѣжать обратно къ своему тѣлу или въ Уханъ-хатъ, куда онѣ убѣгаютъ иногда во время преслѣдованія злыми духами и прячутся въ Уханъ-хатѣ, гдѣ злые духи не могутъ поймать человѣческую душу, ибо ей покровительствуетъ (Уханъ-хатъ)... Нѣсколько разъ злой духъ похищалъ души людей и заключалъ ихъ въ адъ, а шаманъ Моргонъ-хара, возвращалъ душу обратно тѣлу. Наконецъ, злой духъ поднялся на небо къ Эсэгэ-Маланъ-Тэнгэри жаловаться на шамана Моргон-хара, который такъ жестоко поступалъ съ злымъ духомъ, обижая его на каждомъ шагу.

---

[1]) Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 64—65.

[2]) Ibid. 690.

Digitized by Google

Злой духъ говорилъ Эсэгэ-Маланъ-Тэнгэри: «Ты создалъ насъ обоихъ и приказалъ раздѣлить людей пополамъ, живыхъ ему, то-есть, шаману Моргон-хара, а мертвыхъ мнѣ (то-есть, души умершихъ людей), но шаманъ Моргон-хара не даетъ мнѣ ни одной души; я возьму какую-нибудь, посажу въ адъ или спрячу куда-нибудь, а Моргон-хара находитъ вездѣ и освобождаетъ, вслѣдствіе этого не могу овладѣть ни одной человѣческой душой; такимъ поведеніемъ Моргон-хара нарушаетъ твое повелѣніе, которое должно исполняться съ обѣихъ сторонъ ненарушимо до окончанія свѣта». Эсэгэ-Маланъ-Тенгери захотѣлъ испытать правдивость жалобы злого духа Эрленхана и могущество шамана Моргон-хара, которому придавали сверхъестественную силу и который соперничалъ съ царемъ злыхъ духовъ. Эсэгэ-Маланъ-Тэнгери взялъ душу одного человѣка, положилъ въ бутылку и закрылъ отверстіе бутылки большимъ пальцемъ правой руки.» Шаманъ сумѣлъ освободить и эту закупоренную душу. За это Эсэгэ-Маланъ-Тэнгэри разсердился на шамана Моргон-хара и наказалъ его слѣдующимъ образомъ: «поставилъ его на сѣверо-восточной сторонѣ на черный камень величиною съ быка, чтобы Моргонъ-хара на этомъ камнѣ скакалъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не сотрется и ничего не останется отъ него, тогда исполнится его полное наказаніе за то, что онъ осмѣлился дерзнуть на Отца Неба. Моргонъ-хара до сихъ поръ скачетъ на одномъ и томъ же камнѣ, гдѣ его поставилъ Отецъ неба. Послѣ Моргон-хара всѣ шаманы далеко стали слабѣе знаніями и силами и не достигали до такого совершенства, какъ шаманъ Моргон-хара, потому что отецъ неба (Эсэгэ-Маланъ Тэнгэри) уменьшилъ ихъ силы и знанія» [1]).

Путешествіе къ Эрлику, освобожденіе заключенныхъ въ твердыняхъ ада повторяется и въ другихъ монгольскихъ сказаніяхъ. Герой одного изъ такихъ сказаній—Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле. Этотъ Мекеле родился, когда отцу его было 990, а матери 886 лѣтъ. «Изъ утробы матери родившійся мальчикъ держалъ во рту алмыса (дьявола)... Только что родившемуся ему уже нужна была одежда, какъ на пятнадцатилѣтняго мальчика; со дня рожденія онъ уже могъ состязаться въ стрѣльбѣ и съ мудрецами бесѣдовать; въ крыльцахъ его была сила 70 лу (драконовъ), по поясъ у него была сила Ханъ-Харидэ... Пальцы его были такіе, что чего ни коснется, все ломается.... Имя его раздавалось во всѣхъ сторонахъ. Если война

---

[1]) *Извѣстія Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества*, т. XI, № 1—2. („Первый Бурятскій шаманъ Моргонъ-Хара").

Digitized by Google

была далеко, онъ поражалъ войска мыслью; если близко—личнымъ участіемъ. Сорокъ тысячъ мангысовъ онъ могъ подъ стременемъ задавить, десять «муджи» могъ ладонью раздавить». Слѣдуетъ разсказъ о подвигахъ и приключеніяхъ Мекеле. Послѣдній изъ этихъ подвиговъ—путешествіе въ царство смерти. Мекеле былъ женатъ уже пять лѣтъ, но не имѣлъ дѣтей. Горюя объ этомъ, онъ отправился за совѣтомъ къ благочестивому ламѣ. Тотъ посовѣтывалъ молиться Гучинъ-Гурбу-Хормусту. Разъ, во время молитвы этому божеству, Мекеле услышалъ голосъ: «Ты, крѣпкорожденный герой, очисти восемнадцать адовъ Ерлика, уничтожь Ерликъ-Намынъ-хана. Если это повелѣніе исполнишь, у тебя родится сынъ». Герой исполнилъ данное ему повелѣніе: раскрылись при его приходѣ двери ада и «всѣ заключенные поднялись на небо и сдѣлались бурханами». Не могъ быть освобожденъ одинъ только великій грѣшникъ Алачь-Укуръ-Хара-Батыръ. «Этотъ человѣкъ семь лѣтъ рождался на свѣтъ и каждый разъ во время своей земной жизни онъ убивалъ своихъ отца, мать и учителя».—Предсказаніе, данное Мекеле, исполнилось. Вернувшись домой, онъ обрадованъ былъ рожденіемъ сына [1]). Сходнаго содержанія—разсказъ о бездѣтномъ старикѣ, ходившемъ къ Бурхану-бакши. На пути онъ находитъ рогатую змѣю, которая отломила одинъ рогъ и сказала: «покажи этотъ рогъ Бурхыну-бакши и спроси его: за что онъ наказалъ меня этою парою роговъ? Они мѣшаютъ мнѣ пролѣзать въ нору и выходя изъ нея я всегда сбиваю кожу съ головы. Пусть онъ проститъ меня». Встрѣчается потомъ старый лама. Узнавъ, что путникъ идетъ къ Бурхыну-бакши, лама сказалъ: «когда дойдешь до него, спроси, когда будетъ конецъ моей молитвѣ. Восемнадцать лѣтъ сижу здѣсь, рукъ не разводя, такъ что онѣ обросли травой. Не пора ли мнѣ дать отпущеніе?» Слѣдуетъ, наконецъ, встрѣча съ тремя людоѣдами (махачи). «Они просятъ старика попросить Бурхынъ-бакши, чтобы тотъ простилъ ихъ, великихъ грѣшниковъ. Старикъ передалъ эти просьбы божеству. Относительно змѣи Бурхынъ-бакши сказалъ, что «ей не будетъ отпущенія, потому что она много зла сдѣлала. На счетъ ламы Бурхынъ-бакши сказалъ, что ему тоже не будетъ отпущенія, потому что онъ молился только о себѣ. Про трехъ же махачи сказалъ, что онъ ихъ прощаетъ, потому что они давно покаялись и признали себя грѣшниками». Когда старикъ объявилъ людоѣдамъ это рѣшеніе, «они тотчасъ же стали подниматься на небо и сдѣлались бурханами». Вернувшись домой, ста-

[1]) Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 429—430, 481—484.

Digitized by Google

рикъ помолодѣлъ; вернулась юность и къ его женѣ; у нихъ родился сынъ [1]). Въ другомъ подобномъ же разсказѣ рѣчь идетъ о бѣднякѣ, который «надумался на старости лѣтъ идти на богомолье въ Богдо-хуре (то-есть, въ Ургу) поклониться Богдо». На пути онъ встрѣтилъ ламу, который «такъ долго молился, что у него и четки износились и пальцы истерлись отъ перебиранія. Лама, вручивъ четки старику, просилъ показать ихъ Богдо. Далѣе странникъ заходитъ въ жилье Махачи. Узнавъ, что старикъ идетъ къ Богдо, «махачи, разрѣзавъ свою грудь, вынулъ свое сердце, отдалъ его старику и сказалъ: «Передай это Богдо и скажи ему, что я великій грѣшникъ, много зла на землѣ сдѣлалъ, пусть проститъ меня». Старикъ исполнилъ данныя ему порученія. Лама оказался осужденнымъ, потому что молился только о себѣ, а покаявшійся разбойникъ прощенъ и сталъ бурханомъ [2]). Противопоставленіе мнимаго благочестія ламы и искренности кающагося грѣшника дало также содержаніе бурятскому преданію о птицѣ ангиръ. «Птица турпанъ (по-бурятски, ангиръ) прежде была ламою. Одинъ лама, желая очистить свои грѣхи, переселился на высокую гору надъ моремъ. Сидя на горѣ онъ читалъ священныя книги въ продолженіе трехъ лѣтъ. Онъ пересталъ чувствовать голодъ, холодъ и жаръ. Однажды къ ламѣ приходитъ одинъ человѣкъ и говоритъ, что онъ ищетъ Бога, что найдя его, онъ хочетъ ему помолиться. Тогда лама говоритъ: «Я сижу на этой горѣ и читаю священныя книги въ продолженіе трехъ лѣтъ и до сихъ поръ не вижу бога. Ты тоже не увидишь бога». Не вѣря словамъ ламы, этотъ человѣкъ сталъ допытываться: «Ты знаешь, гдѣ богъ. Укажи мнѣ»! Онъ упрашивалъ ламу до того, что надоѣлъ ламѣ. Лама говоритъ ему: «садись на коня верхомъ и съ этой горы прыгни въ море! Тогда увидишь тамъ бога!» Человѣкъ повѣрилъ ламѣ, сѣлъ верхомъ на коня и прыгнулъ въ море, но на пути былъ поднятъ вверхъ на небо. Тогда лама тоже прыгнулъ въ море, но на пути былъ обращенъ въ птицу турпана и улетѣлъ» [3]). Въ варіантѣ этого преданія ламѣ противопоставляется именно кающійся разбойникъ [4]).

Сопоставленіе этихъ разсказовъ (со включеніемъ и камской мистеріи) приводитъ г. Потанина къ выводу, что «эти произведенія

---

[1]) Ibid., IV, 272—274.

[2]) Ibid., 259.

[3]) *Записки Восточно-сибирск. отд. Географ. общ.*, I, 1, стр. 123, 152 (Бурятскія сказки и повѣрья).

[4]) Ibid. I, 2, стр. 189.

народнаго творчества не суть заимствованія изъ южно-буддійскихъ сказаній, а возникли самостоятельно на шаманской почвѣ южной сибири и сѣверной Монголіи» [1]). Повторяя этотъ выводъ знатока народной монгольской словесности, не могу однако не замѣтить, что такія подробности разсматриваемыхъ сказаній, какъ неоднократное рожденіе хара-батыря (въ сказкѣ о Мекеле) указываютъ, повидимому, на вліяніе буддійскихъ представленій, примѣшавшихся къ шаманской основѣ. При предположеніи такихъ буддійскихъ вліяній легче объяснить какое-то сходство приведенныхъ разсказовъ съ группой европейскихъ легендъ о покаявшемся разбойникѣ.

Въ сказкахъ о Мекеле и о бездѣтномъ старикѣ мы находимъ тѣ же эпическіе элементы, которые легли въ основу и знакомой намъ легенды о Мадеѣ: бездѣтные супруги; рожденіе у нихъ давно желаннаго сына; путешествіе въ адъ; покаяніе и прощеніе разбойника. Соединеніе этихъ элементовъ въ монгольскихъ и европейскихъ легендахъ не одинаково: въ восточныхъ разсказахъ путешествіе въ подземный міръ и встрѣча съ разбойникомъ усвояются бездѣтному старику, у котораго послѣ путешествія рождается сынъ; въ европейскихъ преданіяхъ рожденіе желаннаго сына предшествуетъ разсказу о путешествіи; странствующимъ представляется мальчикъ, обреченный родителями демону. Такая разница комбинаціи не закрываетъ однако сходства входящихъ въ ея составъ элементовъ. Важенъ и самый фактъ комбинаціи: сходны эпическіе элементы, сходно и то, что эти элементы представляются такъ или иначе связанными.

Выше я старался показать, что сказаніе, уцѣлѣвшее въ повѣсти о Робертѣ Дьяволѣ и въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, родственно съ преданіями типа Мадея. А такъ какъ эти преданія обнаруживаютъ близость къ приведеннымъ выше монгольскимъ сказаніямъ, то устанавливается нѣкоторая связь съ этими сказаніями и нашей былины. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ остановиться на предположеніи только такой именно непрямой и отдаленной связи нашей былины съ преданіями востока [2]). Разсказы, сообщенные въ сборникѣ г. Потанина, убѣждаютъ, что нѣкоторые элементы, входящіе въ составъ западныхъ легендъ о кающемся разбойникѣ, извѣстны и среди обитателей Азіи. Въ виду того, что проникновеніе въ область христі-

[1]) Очерки с. з. Монголіи, IV, 910.

[2]) Едва ли есть основаніе подчеркивать отдѣльныя подробности, какъ напримѣръ, прыганье шамана въ обрядѣ камланья, прыжокъ съ горы въ преданіи о птицѣ ангиръ. Ближайшаго сходства съ извѣстнымъ эпизодомъ новгородской былины эти прыжки не представляютъ.

Digitized by Google

анско-легендарной литературы восточныхъ, именно буддійскихъ, преданій подтверждается прочно-установленными литературными фактами (повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ), мы не имѣемъ основанія отрицать, что могли заходить съ востока и сказанія, подобныя отмѣченнымъ выше. Но вѣдь проникая въ христіанскую литературу, захожіе эпическіе элементы не оставались неизмѣнными; они принимались какъ литературный матеріалъ для новыхъ, своеобразныхъ сочетаній. Мы видѣли, какъ не однородна по составу повѣсть о Робертѣ Дьяволѣ: нити ея тянутся и къ преданіямъ о чертовомъ дѣтищѣ, и къ легендамъ о покаявшемся разбойникѣ, и къ сказкѣ о мнимомъ шелудякѣ. Эта многосоставность повѣсти, это соединеніе въ ней нѣсколькихъ легендарныхъ темъ устраняютъ, кажется, возможность предполагать для нея какой-нибудь опредѣленный восточный прототипъ.

Для нашей былины предположеніе такого прототипа имѣетъ еще меньше значенія. Еслибы восточный образецъ не только могъ быть предполагаемъ, а даже былъ бы указанъ, ближайшее пособіе для экзегезы новгородской былины пришлось бы все таки отыскивать не въ этомъ первообразномъ сказаніи. Легенда, давшая основу былинѣ, прежде чѣмъ достигнуть береговъ Волхова, должна была пройти долгій литературный путь, подвергаясь при этомъ разнообразнымъ вліяніямъ, испытывая перемѣны и въ содержаніи и въ формѣ. Ближайшій этапъ, съ котораго пришла къ намъ легенда, можетъ быть, предполагаемъ на двухъ противоположныхъ концахъ великаго пути изъ варягъ въ греки, проходившаго черезъ русскую землю. Имѣя дѣло съ сказаніемъ, осѣвшимъ на новгородской почвѣ, нельзя не припомнить культурныхъ связей Новгорода съ міромъ варяжскимъ. Мы знаемъ, что эти связи находили выраженіе и въ фактахъ литературнаго общенія. Сказаніе, давшее основу для новгородской былины, могло быть такимъ же заноснымъ съ запада произведеніемъ, какъ Двоесловіе Живота и Смерти или легенда о земномъ раѣ [1]). Не устраняется, однако, возможность и другаго предположенія. Легендарные элементы, изъ которыхъ сложилось сказаніе о грѣшномъ удальцѣ, представляютъ общее достояніе средне-вѣковой литературы. Они также были извѣстны на христіанскомъ востокѣ, какъ и на христіанскомъ западѣ. Припомнимъ житіе Варвара разбойника, вѣро-

[1]) Сравненіе новгородскаго сказанія о земномъ раѣ съ западными легендами сходнаго содержанія см. въ «Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха» акад. *Веселовскаго* (вып. VI, ст. XIX, стр. 91—104). О преніи Живота и Смерти въ моей кн. „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, стр. 2—14, 193—200.

Digitized by Google

ванія во вліяніе демоновъ на человѣческое зачатіе. На востокѣ же, въ области греческой, византійской литературы могла сложиться и та комбинація легендарныхъ элементовъ, которую находимъ въ сказаніи, давшемъ основу для саги о Робертѣ и для новгородской былины.

Нельзя здѣсь не остановиться на остроумной догадкѣ Боринскаго объ исторической основѣ саги о Робертѣ Дьяволѣ. Относительно этой былевой основы саги высказано было нѣсколько предположеній. Одни старались угадать въ легендарномъ Робертѣ одного изъ исторически извѣстныхъ нормандскихъ герцоговъ (Роллонъ, Робертъ I, Робертъ II); другіе предполагали, что сага представляетъ воспоминаніе объ эпохѣ, предшествовавшей образованію нормандскаго герцогства, что Робертъ—имя правителя области, позднѣе вошедшей въ составъ Нормандіи [1]). Въ виду противорѣчивости и малоубѣдительности всѣхъ этихъ догадокъ нѣкоторые изслѣдователи саги о Робертѣ совершенно отказывались отъ историческихъ предположеній. Такъ, по мнѣнію Ed. du Méril'я, даже самое имя Роберта могло появиться въ сагѣ лишь вслѣдствіе его символическаго значенія, отвѣчающаго прозвищу: Дьяволъ [2]). Либрехтъ, разсматривающій повѣсть о Робертѣ, какъ передѣлку сказки о мнимомъ шелудякѣ, рѣшительно отрицаетъ историческую основу саги: eine historische Basis ist... umsonst gesucht worden und kann auch nie gefunden werden [3]). Къ этому мнѣнію присоединился и Брейль. Боринскій, не смотря на рѣшительный приговоръ Либрехта, рѣшился возобновить историческія догадки. По его мнѣнію, Роберта саги нѣтъ надобности искать среди герцоговъ Нормандіи. Въ древней редакціи саги Робертъ представляется уроженцемъ Нормандіи, но дѣятельность его развивается далеко отъ Нормандіи: онъ идетъ въ Римъ, борется съ сарацинами. Робертъ, повидимому,—какой-то итальянскій норманнъ. Боринскій указываетъ такого именно историческаго норманна въ лицѣ извѣстнаго Роберта Гвискара: «Wer in

---

[1]) Обзоръ всѣхъ этихъ догадокъ см. у *Breul'я* (op. cit. 107—111).

[2]) «Par euphémisme on désigna le diable lui-même par le nom de Robert. Въ подтвержденіе приведены два отрывка изъ памятниковъ XIII и XII вѣковъ:

Competenter per Robert robbur designatur;
Robertus excoriat, extorquet et minatur
Vir quicunque rabidus consors est Roberto.

Другой примѣръ: Secundus dicebatur Robertus, quia a re nomen habuit, spoliator enim diu fuit et praedo (*Revue contemporaine*, 1854, t. XIV, 51).

[3]) Zur Volkskunde, 107.

Digitized by Google

Gibbons History die Charakteristik des berühmtesten und bedeutendsten jener normännischen Räuber liest, deren Abenteurerleben mit einer Fürstenkrone endet, der wird in Robert Guiscard Zug für Zug die Bedingungen wiederfinden, die bei unserem Legendenkreis vorauszusetzen sind» [1]). Въ послѣсловіи къ тексту нѣмецкаго разсказа о французскомъ королѣ Боринскій возвращается къ своей догадкѣ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что въ нѣмецкомъ разсказѣ кающійся король отправляется въ Апулію (das lant Pullen), живетъ при дворѣ короля неаполитанскаго (des kunigs hoff Napels). Wir betonen diesen Zug... als lehrreiche Bestätigung unserer bereits... vertretenen Ansicht, dass diejenigen Forscher, die Möglichkeit einer historischen Unterlage der Sage in Erwägung zogen,... besser gethan, hätten statt an die normännischen Herzoge und ihre Ahnen, lieber an die *italienischen* Normannen und unter ihnen an den furchtbaren, vom apulischen Räuber zum Herzog erhöhten, zum Helfer und Retter des Kaisers und des mächtigsten Papstes «bekehrten» Robert Guiscard zu denken [2]). Разсказъ Гиббона, на который ссылается Боринскій, основанъ на свидѣтельствахъ западныхъ и византійскихъ лѣтописцевъ [3]). Эти свидѣтельства показываютъ, что борьба Роберта съ греками, его удалые набѣги и безпощадная расправа съ побѣжденными, окружили имя норманнскаго хищника рядомъ сказаній, въ которыхъ народная молва смѣшивала были и небылицы, впечатлѣнія дѣйствительности и догадки возбужденнаго воображенія. Молва шла изъ южной Италіи, гдѣ утвердился Робертъ,—изъ области съ смѣшаннымъ греко-итальянскимъ населеніемъ. Здѣсь же, въ этой смѣшанной средѣ, въ предѣлахъ вліянія византійской культуры, могли отыскаться матеріалы и для саги о Робертѣ Дьяволѣ, если допустить догадку Боринскаго о тожествѣ легендарнаго Роберта съ Робертомъ Гвискаромъ [4]). Нельзя

[1]) *Zeitschrift f. Völkerpsychologie*, XIX, 84.

[2]) *Germania*, 1892, 60.

[3]) „Въ первыхъ подвигахъ, которые онъ совершилъ, воюя съ греками и съ мѣстнымъ населеніемъ, не легко различить героя отъ разбойника. Напасть врасплохъ на какой нибудь замокъ или монастырь, поймать въ ловушку какого нибудь зажиточнаго мѣстнаго жителя, награбить въ сосѣднихъ деревняхъ съѣстные припасы—таковы были безславные подвиги, на которые онъ тратилъ свои умственныя и физическія силы. Норманнскіе волонтеры стали стекаться подъ его знамя, а служившіе подъ его начальствомъ калабрійскіе крестьяне усвоили названіе и характеръ норманновъ" (*Гиббонъ*, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, переводъ Невѣдомскаго, т. VI, стр. 332).

[4]) Общую характеристику культурно-этнографическихъ отношеній южной Италіи въ средніе вѣка см. въ книгѣ, *А. Н. Веселовскаго*: Боккачьо, его среда и сверстники, I, 20—24.

Digitized by Google

при этомъ не остановиться еще на одной подробности саги,—на изображеніи города, въ которомъ жилъ каявшійся герцогъ. Городъ этотъ, безыменный въ латинской легендѣ (civitas regia), въ романѣ и въ позднѣйшихъ пересказахъ саги называется Римомъ. Въ этомъ городѣ живетъ и папа, передъ которымъ кается Робертъ, и императоръ, у котораго нашелъ себѣ пріютъ нормандскій герцогъ. Такое изображеніе Рима въ произведеніи французскаго писателя XIII вѣка представляется загадочнымъ. Невольно является вопросъ: не скрывается ли за этимъ папско-императорскимъ Римомъ воспоминаніе о другомъ «новомъ Римѣ» (νεὰ Ῥώμη), который дѣйствительно былъ резиденціей и царя, и патріарха? Такое воспоминаніе указывало бы на среду, въ которой сложилась первоначально сага о Робертѣ... Сказаніе, основы, котораго извѣстны были среди «ромеевъ», легко могли найдти доступъ и въ литературы запада, и въ область древне-русской поэзіи.

Каковы бы ни были пути, по которымъ двигалась легенда о покаявшемся удальцѣ, и каковы бы ни были измѣненія, которымъ подвергалась она, останавливаясь и обживаясь то тамъ, то здѣсь, основныя черты преданія удерживаются во всѣхъ его пересказахъ и передѣлкахъ. Поэтому и западные разсказы о Робертѣ Дьяволѣ, и наша былина о новгородцѣ Васильѣ обнаруживаютъ несомнѣнное родственное сходство, хотя способъ храненія и передачи нашихъ и западныхъ сказаній былъ не одинаковъ.

Западныя отраженія легенды могутъ быть изучаемы по литературнымъ памятникамъ, рядъ которыхъ восходитъ до XIII вѣка. Матеріалами для ознакомленія съ русской обработкой той же легенды служатъ устно-передававшіяся пѣсни и сказки, записанныя лишь въ XVIII—XIX вѣкахъ, да отрывочная замѣтка, занесенная въ лѣтописный сборникъ XVI вѣка. Сопоставленіе этого небогатаго матеріала съ болѣе древними и болѣе полными сказаніями о Робертѣ помогло намъ выяснить общія очертанія древне-русскаго извода повѣсти о смирившемся удальцѣ. Считаю не лишнимъ припомнить здѣсь схему этой повѣсти, дошедшей до насъ въ отрывочномъ видѣ.

А) Супружеская чета—Буславъ и Мамелфа—долгое время оставалась бездѣтной. Отсутствіе потомства особенно тяготитъ старика Буслава. Чтобы помочь горю, онъ прибѣгаетъ къ волхвованію, обращается къ бабищѣ матерой.

Б) Сынъ Буслава, рожденный отъ волхвованія, рано обнаруживаетъ дикій и жестокій нравъ: кого за руку схватитъ, рука прочь, кого за ногу—нога прочь. Съ лѣтами задоръ Василья усиливается.

Digitized by Google

Собравъ дружину сорванцовъ, онъ а) безчинствуетъ на пиру, б) безпощадно бьетъ новгородцевъ на кулачномъ бою, в) убиваетъ стараго монаха, своего наставника и крестнаго отца, г) ушкуйничаетъ на Волгѣ.

В) Настроеніе Василья мѣняется (подъ вліяніемъ рѣчи мертвеца?). Онъ отправляется въ Святую землю замаливать свои грѣхи. Во время этого путешествія случилось ему преткнуться о камень ногою своею. Тяжелыя страданія, пережитыя бывшимъ ушкуйникомъ послѣ этого паденія на камень, послужили для него полезнымъ урокомъ. Василій вернулся на родину новымъ человѣкомъ; новгородцы поняли и оцѣнили измѣнившееся настроеніе Буслаева сына, избравъ его своимъ посадникомъ [1]).

Въ позднѣйшихъ пересказахъ древній составъ былины не остался неизмѣннымъ. Въ произведеніяхъ такъ называемаго народнаго эпоса, въ былевыхъ пѣсняхъ, сохраняющихся путемъ устной передачи,— легче всего подвергаются порчѣ и утратѣ вступительныя и заключительныя картины, начало и конецъ пѣсни [2]). Въ дошедшихъ до насъ пересказахъ новгородской былины такой именно процессъ разрушенія оставилъ ясные слѣды. Вступленіе, упоминающее о тоскѣ бездѣтнаго Буслава, удержалось въ одномъ только пересказѣ,—удержалось при томъ въ видѣ полузабытаго отрывка, потерявшаго метрическую оболочку. Второй отдѣлъ пѣсни, — разсказъ о путешествіи Василья въ Іерусалимъ,—въ пересказахъ, сохранившихъ оба отдѣла былины, передается обыкновенно далеко не съ такой обстоятель-

---

[1]) Замѣчательно, что на сходномъ мотивѣ построена была и былина о Садкѣ. Содержанію втораго отдѣла этой былины (путешествіе Садка по морю, хожденіе къ морскому царю) отвѣчаетъ цѣлый рядъ разсказовъ о наказанныхъ и покаявшихся преступникахъ: они обречены на выбрасываніе въ море, но чудесно спасаются отъ гибели послѣ раскаянія въ грѣхахъ (пророкъ Іона, Sadoc старо-французскаго романа: Tristan le Léonois и др.). Припомнимъ, что, по старѣйшему пересказу Кирши, Садко „удалый добрый молодецъ“ *гулялъ* по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ двѣнадцать лѣтъ (Разборъ былицы о Садкѣ и сходныхъ съ нею сказаній см. въ статьѣ *А. Н. Веселовскаго*, помѣщенный въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1886, декабрь).

[2]) „Многіе у насъ знаютъ былины, немногіе только умѣютъ *завести пѣсню* и разсказать, какъ слѣдуетъ, чѣмъ былина окончилась“. Такъ говорилъ мнѣ одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ былинъ, Ив. Тр. Рябининъ. Какъ видно изъ этого свидѣтельства, труднѣе всего удерживаются памятью именно начало и конецъ пѣсни; хорошій пѣвецъ — тотъ, кто умѣетъ завести пѣсню и знаетъ, какъ ее кончить, то-есть, помнитъ вступленіе и заключеніе былины. Сказанное о пѣсняхъ подтверждается изученіемъ сказокъ. Наиболѣе варіантовъ замѣчается обыкновенно въ заключительномъ и вступительномъ отдѣлахъ сказокъ.

Digitized by Google

ностью, какъ отдѣлъ первый. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ (*Гильфердингъ*, №№ 259, 284, *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, №№ 62, 63) разсказъ о путешествіи сокращается въ небольшую заключительную замѣтку, имѣющую видъ добавки къ главному содержанію пѣсни, къ повѣсти о проказахъ Василья. Въ отдѣльныхъ пѣсняхъ странствованіе Василья изображается полнѣе, но уже самое распаденіе былины на двѣ пѣсни свидѣтельствуетъ о разрушеніи первоначальной цѣльности сказанія. Эти отдѣльныя пѣсни о Васильѣ напоминаютъ старинную рукопись, разбившуюся на два отрывка съ утраченными листами въ началѣ и концѣ.

Разрушеніемъ и порчей нѣкоторыхъ подробностей первоначальнаго сказанія не ограничилось его измѣненіе. Пѣсня не только разрушалась, но и видоизмѣнялась, перестроивалась. Съ нашимъ Васильемъ Буслаевичемъ повторилось то же, что испыталъ и его литературный двойникъ герцогъ Робертъ. Рядомъ съ сказаніемъ, оканчивавшимся перерожденіемъ Роберта, слагались преданія, изображавшія казнь грѣшника, его неожиданную и страшную смерть. Василій Буслаевъ первоначальнаго сказанія извѣстенъ былъ какъ почтенный новгородскій гражданинъ; онъ умеръ въ званіи новгородскаго посадника. Васька дошедшихъ до насъ пѣсенъ извѣстенъ только какъ удалой предводитель дружины ушкуйниковъ. Онъ умеръ во время путешествія въ Іерусалимъ, разбившись о какой-то камень. Вернувшіеся домой дружинники Василья приносятъ его матери вѣсть о смерти сына:

И собрала она все свое имѣнье-богачество
И роздала она по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.
(*Рыбниковъ*, II, стр. 208).

Н. И. Костомаровъ сближалъ былину о Васильѣ съ южно-русской пѣснью объ Иванѣ Коновченкѣ: «конецъ Василья, говоритъ историкъ, представляетъ сходство съ окончаніемъ исторической пѣсни объ Иванѣ Коновченкѣ, которая и вообще въ своемъ духѣ имѣетъ сходство съ новгородскою думою» [1]).

Между южно-русской и сѣверно-русской пѣснями, дѣйствительно, есть нѣкоторое сходство. Это сходство не касается первоначальнаго замысла былины, но оно не лишено значенія для уясненія ея позднѣйшей литературной исторіи:

---

[1]) Исторія Новгорода и Пскова, т. II, стр. 148.

Digitized by Google

Въ славнимъ мѣстѣ у Черкасѣ, тамъ жила вдова,
Вдова Коновчиха красна, молода;
Мала вона сына одного Ивася,
Тай той ся сынъ на вôйну напирае:
„Гей! Мати жь моя, рôдненькая мати!
Пусти мене съ казаками погуляти,
Щобы отцевскую славу не втеряти“.

Мать удерживаетъ сына, но тотъ настаиваетъ на своемъ желаніи и уѣзжаетъ къ казакамъ:

Якъ прiѣхавъ Коновченько до обозу,
Тамъ всѣ ковакп взяли ся изъ нимъ витати,
Старшина его дуже собѣ полюбила,
Тай до курѣня заразъ го прiймила.

Новый казакъ спѣшитъ

Славы лыцарства козацькому вôйську доставати,
Та и отцевской славы не втерятп.

Онъ проситъ атамановъ отпустить его «на Черкеню долину гуляти». Старики предостерегаютъ неопытнаго удальца:

„Ой ты, Коновченьку, молода детино,
Не йди съ козаками на Черкеню долину!
Бо ты ни на полѣ, ни на морѣ не бувало.
Смерьти козацькои коло себе не видало.
Якъ ты съ Туркôвъ кровь уздришь, на кони зôмлѣешь,
На кони зôмлѣешь и до дому не прiѣдешь“.

Предостереженіе атамановъ не имѣло успѣха:

Ой рано, ранесенько и коника сѣдлае
И коника сѣдлае, а на Бога не гадае,
На Бога не гадае, та на войну ся наперае.
Ой выѣхавъ съ козаками, и козаки ся росступаютъ,
Козаки ся росступаютъ, ему Бôгъ допомогае,
Ему Бôгъ допомогае, а вôнъ Турковъ рубае,
На арканъ бере, въ неволю посылае.

На другой день послѣ этой стычки все войско казацкое отправляется въ походъ. Коновченко:

Ой рано, ранесенько и горѣвки ся напивае
И ѣсти ся доправуе, и на вôйну ся зберае.

По этому поводу гетманъ и молодой удалецъ обмѣниваются такими рѣчами:

„Ой сыну, Коновченьку, треба ся впередъ вмыти,
И Богу ся помолити, вôттакъ на вôйну ити“!
— Ей, батьку, Гетьмане! Я ся вчера не моливъ
И лиця' мъ не мывъ, а предцê тилько Туркôвъ побивъ.
„Ей, сыну Ивасю! Треба ся, сыну, впередъ умыти,
И Богу ся помолити, тай горѣвки не пити;

Digitized by Google

Бо горѣвки напьешься—сонъ головку похилить
И зобачуть тя турки, то в'ны тя порубають".
— Ей, батьку, Гетьмане! Я ся ихъ не страхаю,
Най ся они мене страхають, якъ я выйду погуляти".

Слова гетмана сбылись:

Гей! Поѣхавъ на войненьку—сонъ головку похиляе,
Ивасенько коникови по гривѣ ся постеляе.
Ой узрѣли Турки—прибѣгли, его порубали.

Возвратившіеся домой казаки сообщаютъ старой Коновчихѣ о смерти сына:

„Ой, вдово Коновчихо, нема твого сына Ивася!
Турки его пострѣляли, тай на смерть го порубали" [1]).

Изображеніе удальца, умирающаго на чужбинѣ, повторяется во многихъ народныхъ пѣсняхъ. Такую именно картину смерти находимъ въ извѣстной великорусской пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море». Раненый молодецъ лежитъ одинокій среди зеленой дубравы:

Что изъ далеча-далеча, изъ чистаго поля,
Приходятъ къ нему братцы товарищи,
Зовутъ ли доброва молодца на святую Русь,
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
„Подите, братцы, на Святую Русь,
Приходитъ ли мнѣ смерть скорая;
Отцу, матери скажите челобитьице,
Роду-племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите волюшку свою
На всѣ ли, на четыре на сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньице" [2]).

По другому варіанту раненый посылаетъ вѣсть о себѣ черезъ коня:

Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать колена стрѣла [3]).

По одному изъ варіантовъ пѣсни о Коновченкѣ, мать его, получивъ извѣстіе о смерти удалого сына,

Всіхъ козаківъ на хлѣб-на сіл зазывала,
Похороны и *весільля* Ивасеві одбувала [4])!

---

[1]) *Головацкій*, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. I, стр. 9—12. Обзоръ пересказовъ пѣсни о Коновченкѣ см. въ книгѣ г. *Житецкаго*: Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, стр. 209—210.

[2]) *Сахаровъ*, Сказанія р. народа, т. I, кн. 3 стр. 204, № 9.

[3]) Idid. 203, № 5.

[4]) *Костомаровъ*, l. c.

Digitized by Google

Былина о Васильѣ Буслаевѣ выказываетъ несомнѣнное тяготѣніе къ этому циклу пѣсенъ о безвременно погибшемъ удальцѣ: Василій умираетъ на чужбинѣ; его товарищи приносятъ матери вѣсть о смерти сына. Въ одномъ изъ пересказовъ находимъ даже сравненіе смерти съ бракомъ [1]), повторяющееся въ приведенныхъ выше отрывкахъ.

И тутъ-то Василій Буславьевичъ помирать зачалъ,
И наказываетъ своей братіи:
„Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ
И женился Василій на бѣломъ горючемъ камешкѣ".
(*Рыбниковъ*, II. стр. 208; *Тихонравовъ* и *Миллеръ* 230)

Такое сходство былины съ пѣснями о матери, оплакивающей смерть отважнаго сына, указываетъ на одно изъ измѣненій, пережитыхъ былиной. Подъ вліяніемъ эпической аналогіи забытый конецъ пѣсни, о которомъ мы знаемъ изъ лѣтописной замѣтки, замѣстился иной развязкой, взятой изъ того круга пѣсенъ, къ которому принадлежитъ дума объ Иванѣ Коновченкѣ.

Съ измѣненіемъ развязки соединилось измѣненіе не только въ строѣ пѣсни, но и въ обрисовкѣ ея героя.

Древняя пѣсня изображала глубокій переворотъ въ душѣ человѣка, надѣленнаго могучими силами «демонической природы». Прикосновеніе высшаго начала измѣнило эту природу: сила осталась, но отъ нея отнятъ былъ злой, разрушительный характеръ. Буйный, немилостивый на кровопролитье удалецъ превращается въ полезнаго общественнаго работника. Появленіе сказанія съ такимъ замысломъ именно въ новгородскомъ эпосѣ отвѣчаетъ, какъ было уже замѣчено, быту и исторіи Новгорода. Исторія Новгорода знала людей такого типа, какъ Василій Буслаевъ древней пѣсни,—съ молоду буйныхъ удальцевъ, подъ старость степенныхъ посадниковъ.

Не таковъ Василій Буслаевичъ позднѣйшихъ пѣсенъ. Онъ до конца остается такимъ же сорванцемъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ. Отправился удалецъ на богомолье въ святую землю, но и на чужбинѣ онъ ведетъ себя также, какъ въ Новгородѣ. Попадается ему на дорогѣ

Пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь.

---

[1]) Нѣсколько примѣровъ представленія смерти въ образѣ брака см. въ моей книгѣ: Къ литерат. исторіи русской былевой поэзіи, стр. 223—225. Ср. *Халанскій*, О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ Косовскаго цикла, стр. 34—35.

Digitized by Google

Голова провѣщилась.

> Плюнулъ Василій, прочь пошолъ:
> „Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,
> Или нечистой духъ“.

Передъ купаньемъ въ Іордань-рѣкѣ какая-то женщина престарѣлая предостерегаетъ Василья:

> Ай же молодой Василій сынъ Буславьевичъ!
> Что же ты купаешься нагимъ тѣломъ?

Василій отвѣчаетъ грубой шуткой:

> „Ай же ты, женщина престарѣлая!
> Кабы ты была на сей сторонѣ,
> Я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
> Двухъ мальчиковъ—двухъ богатырей“.

(*Рыбниковъ*, II, стр. 208; ср. *Тихонравовъ и Миллеръ*, стр. 229).

Пѣсня выставляетъ на видъ не столько силу и жестокость Василья, сколько его легкомысленную самоувѣренность и мальчишескій задоръ. Онъ и падаетъ жертвою этого задора. Читаетъ удалецъ подпись на камнѣ:

> А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
> И и тѣшиться, забавлятися,
> Вдоль скакать по каменю,
> Сломить будетъ буйну голову.
> Василій тому не вѣруетъ;
> Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
> Поперекъ камню поскакивати;
> Захотѣлось Василью вдоль скакать,
> Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
> И не доскочилъ только четверти
> И тутъ убился подъ каменемъ.

(*Кирша*, стр. 177).

Въ этомъ изображеніи задорной удали Василья, не оставляющей его и во время странствованія въ святую землю, видны слѣды какой-то новой мысли. Василій прыгаетъ черезъ камень, не смотря на предостерегающую подпись. Это предостереженіе, очевидно, только раздразнило его. Ему хочется сдѣлать именно то, что выставляется опаснымъ, рискованнымъ, запретнымъ. Его манитъ эта игра на жизнь и на смерть, эта задача, считающаяся нерѣшимой, эта борьба съ невидимымъ противникомъ, который слыветъ непобѣдимымъ. Василій не выдержалъ этой борьбы, но онъ остался вѣренъ себѣ до конца: онъ умеръ удальцомъ, не знающимъ страха, безпощаднымъ къ другимъ, но безпощаднымъ и къ себѣ. Такой разсказъ о смерти Василья дол-

Digitized by Google

женъ, повидимому, примирить насъ съ его преступнымъ прошлымъ. Василій дорого расплатился за свою буйную удаль... Да и самыя преступленія Василья пѣсня изображаеть въ чертахъ, расчитанныхъ на смягченіе нашего приговора. Говоря о дѣтствѣ Василья, былина отдѣлывается краткой замѣткой, которая примѣняется въ памятникахъ народнаго творчества не къ одному Василью. Въ разсказъ объ убійствѣ наставника введены комическія подробности, имѣющія, повидимому, цѣлію ослабить впечатлѣніе, оставляемое содержаніемъ разсказа.

Такія измѣненія и добавки трудно объяснить случайнымъ искаженіемъ полузабытой пѣсни, или воздѣйствіемъ эпической аналогіи. Измѣненія такъ важны и такъ послѣдовательны, что мы въ правѣ принять ихъ за указаніе на новую переработку древняго преданія, на установленіе новой редакціи былины. Кому же принадлежитъ эта редакція? Какъ объяснить ея появленіе?

Въ понятіи «народнаго творчества» мы едва ли найдемъ основаніе для отвѣта на эти вопросы. Тутъ, въ установленіи позднѣйшей редакціи былины, обнаруживается, очевидно, воздѣйствіе болѣе опредѣленной среды, — среды умѣвшей не только хранить древнія сказанія, но и передѣлывать старыя погудки на новый ладъ. Чтобы опредѣлить точнѣе этотъ новый ладъ, намъ нѣтъ надобности пускаться въ область догадокъ. О средѣ, въ которой жила нѣкогда наша былевая пѣсня, мы имѣемъ свидѣтельство писателя, еще заставшаго обломки старорусскаго быта. «Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимирѣ слыхалъ, говоритъ Татищевъ, въ которыхъ женъ его именами, такожь о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексіѣ Поповичѣ, Соловьѣ разбойникѣ, Долкѣ Стефановичѣ и проч. упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ» [1]). Свидѣтельство историка подтверждается указаніями пѣсни.

Одна изъ былинъ оканчивается такой припѣвкой:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,

---

[1]) Исторія россійская, кн. I, ч. 1, стр. 44. Ср. *Веселовскій*, Разысканія въ области русск. дух. стиха, VI—X, стр. 218; *Дашкевичъ*, Былины объ Алешѣ Поповичѣ, стр. 49; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, Былины старой и новой записи, отд. I, стр 74.

Digitized by Google

Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

(*Кирша*, стр. 283).

«Веселые молодцы», которыхъ за пѣсни угощаютъ пивомъ,—тѣ же скоморохи, о которыхъ говоритъ и Татищевъ.

Черезъ скоморошью среду прошла, конечно, и пѣсня о Васильѣ Буслаевѣ. На это указываетъ составъ пѣсни. Тотъ новый ладъ, на который настроена былина въ дошедшихъ до насъ пересказахъ, вполнѣ отвѣчаетъ вкусамъ и повадкамъ «веселыхъ молодцевъ», ихъ болѣе, чѣмъ снисходительной морали.

Припомнимъ свѣдѣнія о скоморохахъ, сохраненныя въ Стоглавѣ: «По дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими, по 60 и по 70 и до 100 человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ и по дорогамъ людей разбиваютъ». (Гл. 41, вопр. 19). Такими же неразборчивыми на средства наживы людьми изображаетъ скомороховъ и пѣсня:

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой весело разговариваютъ:
Да гдѣ же веселымъ будетъ спать, ночевать?
Мы ночуемъ у старой бабы во келейкѣ.
У старой бабы во келейкѣ бесѣдушка была,
Промежду собой старухи разговаривали:
У кого денегъ полтина, у кого двѣ, три,
У меня ль, у старой бабы, четыреста рублевъ
Въ подпольѣ на полкѣ въ кубышкѣ лежатъ.
Веселые-то ребята злы, догадливы:
Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать,
А третій веселой будто спать захотѣлъ,
Онъ и ручку протянулъ
И кубышку стянулъ.
Пойдемте-тко ребята
Подъ ракитовъ частой кустъ,
Станемъ денежки дѣлить,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи, баба, подолѣ,
Ты копи денегъ поболѣ,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ
Опять возьмемъ;

Digitized by Google

А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сожжемъ [1]).

«Веселые» обворовали богатую старуху, да они же и смѣются надъ ней. У нихъ и лихое дѣло мѣшается съ шуткой.

Въ Васильѣ Буслаевѣ дошедшихъ до насъ пѣсенъ есть черты, намекающія на его родство съ этими шутливыми ворами. Скоморохи поздней поры нашли, очевидно, въ старой пѣснѣ о новгородскомъ ушкуйникѣ что-то отвѣчавшее ихъ тревожному житью-бытью и передѣлали былину на свой ладъ. Въ этой передѣлкѣ новгородскій посадникъ былъ забытъ, на смѣну его выступилъ удалый добрый молодецъ, большой грѣховодникъ, но парень лихой. Еще въ дѣтствѣ онъ шутилъ шуточки нехорошія, да такимъ шутникомъ и остался на всю свою недолгую жизнь. Онъ и умеръ забавляясь:

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю.
И не доскочилъ только четверти
И тутъ убился подъ каменемъ.

Чѣмъ больше отодвигалась въ историческую даль былая новгородская жизнь, тѣмъ все менѣе и менѣе понятной и интересной дѣлалась древняя былина и тѣмъ успѣшнѣе и шире распространялась ея позднѣйшая передѣлка.

VII.

Предшествующее изложеніе оставило нетронутымъ одинъ изъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ былины о Васильѣ Буслаевѣ. Вопросъ касается отношенія былины къ пѣснямъ о Волхѣ (или Вольгѣ) Всеславьичѣ. Народные пѣвцы выказываютъ несомнѣнную наклонность къ смѣшенію этихъ пѣсенъ. Въ пересказѣ, записанномъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ отъ Козьмы Романова, Вольга называется по отчеству Буслаевичъ, при чемъ это опредѣленіе проходитъ чрезъ всю былину [2]).

---

[1]) *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, I, 3, стр. 221. Сводъ пѣсенныхъ извѣстій о скоморохахъ см. въ книгѣ *Фаминцына*: Скоморохи на Руси. (С.-Пб. 1889).

[2]) Въ пересказѣ *Рыбниковъ*, I, № 55 находимъ иную замѣну: къ имени отца Василья прилагается отчество: Сеславьевичъ (стр. 335).

Digitized by Google

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буслаевичь
На матушкѣ на святой Руси.
Рссъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли и т. д.
(*Рыбниковъ*, I, стр. 1—6; *Гильфердингъ*, ст. 551—556).

Въ пѣснѣ, записанной Гильфердингомъ отъ Петра Калинина (№ 2, ст. 9—16), слиты былины о Садкѣ, Вольгѣ и Васильѣ Буслаевѣ, при чемъ имя Василья замѣщено именемъ Вольги. Пѣсня начинается разсказомъ о Садкѣ (Сатокъ), который побился съ купцами новгородскими о великъ залогъ скупить у нихъ всѣ запасы хлѣбныи и всѣ товары красныи. Много накупилъ Садко всякаго товара, но всего скупить не могъ.

За свое за бахвальство за ложноё,
За свое пустое за хвастаньѐ
Отсѣчь набъ Сатку буйна голова,
Прикончить Сатку своя скора жизнь.
Сбѣжалъ Сатокъ купецъ богатыи
Отъ тыхъ купцёвъ новгородскіихъ,
Сбѣжалъ изъ думы изъ крѣпкіи
Къ тому Вольги Всеславьеву:
„Молодой Вольга Всеславьевичъ,
Сбереги меня Сатка купца богатаго
Отъ тою смерти напрасною
За свое за ложное хвастаньё!"
Одѣвался Вольга Всеславьевичь
И въ латы богатырскіи,
Беретъ орудію богатырскую,
Ставился Вольга Всеславьевичь,
Ставился на матушку на Волхово,
Ставился на широкъ мостъ,
Казнилъ онъ народъ безщадно, безпощадно,
Рылъ народъ во матушку во Волхово и т. д.

Продолжается разсказъ о боѣ Вольги съ новгородцами, представляющемъ точное повтореніе знакомаго намъ боя Василья Буслаевича. Упоминается при этомъ и о крестномъ отцѣ Вольги:

Одѣвается отецъ его крестныи,
Кладывае колоколъ себѣ на главу,
Кладывае колоколъ же мѣдныи,
Мѣдныи колоколъ еще сорокъ пудъ.
Идетъ къ крестовому дитятку,
Къ тому Вольги Всеславьеву и т. д.

Digitized by Google

Крестный отецъ убитъ. Послѣ боя Вольга отправляется съ дружиной хороброю въ дальню сторону. Слѣдуетъ встрѣча Вольги съ пахаремъ Викулой Селягинымъ. Послѣ этой встрѣчи Вольга и его дружинники

Поѣхали въ путь дороженку,
Не доѣхали до города Орѣхова,
Попадае имъ камень огромныи,
На камешки подпись великая:
„Скакать черезъ этотъ же камешокъ
Тому же богатырю
Тому Вольги Всеславьеву,—
Дружинушки его въ поперекъ каменя,
Ему Вольги вдоль камешка.
Не скочитъ Вольга Всеславьевичъ,
Тутъ будетъ Вольги скора смерть".
Отправляется дружина хоробрая
Скакала она впоперекъ сёго каменя;
Направляется Вольга Всеславьевичъ
Скочитъ сёго вдоль каменя.
Скочилъ Вольга Всеславьевичь
Черезъ всю длину сёго каменя,
Задѣвае конь подковамы
За длинныи за камешекъ.
Застрадалъ Вольга Всеславьевичъ,
Не доѣхалъ Вольга до Орѣховца,
Скончался на той пути дороженки
И тотъ же Вольга Всеславьевичъ.
Доставала дружина хоробрая,
Доставала Вольгу Всеславьева
Въ свое же мѣсто великое;
Тутъ же Вольга приставился.

Былина о Вольгѣ, записанная Гильфердингомъ отъ Троф. Рябинина, начинается выраженіями, напоминающими обычное вступленіе пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да переставился
Оставалось отъ него чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичь
Сталъ Вольга ростѣть-матерѣть и т. д.

(Ст. 435).

Подобное же сходство выраженій находимъ въ былинѣ Кирши Данилова при разсказѣ объ ученьѣ Волха Всеславьевича:

А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
А грамота Волху въ наукъ пошла,

Digitized by Google

Посадила его ужъ перомъ писать.
Письмо ему въ наукъ пошло [1]).

(Ст. 46).

Всѣ приведенные примѣры указываютъ, конечно, лишь на позднѣйшее смѣшеніе пѣсенъ. Это смѣшеніе — дѣло передатчиковъ былинъ, а не ихъ древнихъ редакторовъ. Тотъ же Рябининъ, который по записи Гильфердинга, начиналъ былину о Вольгѣ упоминаніемъ объ его отцѣ, при передачѣ пѣсни Рыбникову [2]), пѣлъ вступленіе былины такъ:

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга ростѣть-матерѣть и пр.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 17).

Этимъ замѣчаніемъ о позднемъ смѣшеніи пѣсенъ не лишается однако, значенія самый фактъ смѣшенія. Смѣшиваются пѣсни о Вольгѣ и Васильѣ не въ одномъ пересказѣ и при томъ не въ однихъ и тѣхъ же подробностяхъ. Такое повторяющееся смѣшеніе едва ли можетъ быть случайнымъ.

Предположеніе случайности покажется намъ еще менѣе вѣроятнымъ, если обратимъ вниманіе на то, что подобное же смѣшеніе находимъ и въ кругу тѣхъ западныхъ разсказовъ, съ которыми мы сравнивали былину о Васильѣ Буслаевѣ. Припомнимъ разсказъ Гёрреса: «Робертъ Дьяволъ.... могъ превращаться въ разныхъ живот-

[1]) «Черта эта (обученіе грамотѣ) должна быть признана замѣшавшеюся сюда изъ былинъ о Васькѣ Буслаевѣ», замѣчаетъ *Ор. Ѳ. Миллеръ* (Илья Муромецъ стр. 193).

[2]) „При ближайшемъ знакомствѣ съ пѣвцами, говоритъ Рыбниковъ, я замѣтилъ, что они не всегда поютъ былины совершенно одинаково. Сказатели знаютъ часто одну и ту же былину отъ нѣсколькихъ учителей и, разумѣется, только тогда различаютъ варіанты, когда они рѣзко отличаются одинъ отъ другаго; когда же варіанты очень близки между собой, тогда пѣвецъ поетъ одинъ разъ былину по одному варіанту, а другой разъ по другому. Напримѣръ, въ 1862 г. Рябининъ пѣлъ у меня на дому былину о Вольгѣ (№ 3, ч. I) и такъ завелъ ее.

Жилъ Святославъ 90 лѣтъ,
Живучись Святославъ состарился,
Состарился и переставился.
Оставалось чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.

Это начало быть можетъ, заимствовано изъ старины о Васильѣ Буслаевѣ, но, можетъ, оно принадлежитъ к особому варіанту о Вольгѣ“ (Пѣсни, т. III, Замѣтка собирателя, стр. XXXIX—XL).

Digitized by Google

ныхъ (vermogte in alle Thiergestalten sich zu verwandeln); три года онъ каялся, но подъ конецъ взялъ его чортъ, поднялъ его на воздухъ и бросилъ (führte ihn in die Luft und liess ihn herabfallen, dass er zerschmetterte). Въ этомъ преданіи Робертъ представляется такимъ же чародѣемъ, волхвомъ, какъ и нашъ Волхъ (Вольга) Всеславичъ:

А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.

(*Кирша*, стр. 47).

Съ былиннымъ Волхомъ проф. Буслаевъ не безъ основанія сближалъ того Волхва, о которомъ говорится въ Сказаніи объ основаніи Новгорода: «Волхъ Всеславичъ даже по самому рожденію своему — существо сверхъестественное. Хотя онъ родился отъ обыкновенной женщины, отъ какой-то княжны Мареы Васильевны, но отцемъ его былъ лютый змѣй, вѣщая натура котораго отозвалась въ сынѣ тѣмъ, что онъ былъ чародѣй, оборотень: самъ обертывался яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ, туромъ—золотые рога и умѣлъ превращать въ нечеловѣческіе образы всю свою храбрую дружину. Наши грамотные предки даже XVII вѣка вѣрили, что этотъ Волхъ былъ старшій сынъ миеическаго Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе славяне, а отъ Волхва—рѣка Волховъ, прежде называвшаяся Мутною. Этотъ Волховъ будто бы былъ «бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила;; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не покланялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ—будто бы—тогда почиталъ его за бога и называлъ его Громомъ или Перуномъ. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ зовомомъ Перыня, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно пословицею): *въ боги сѣлъ*. И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ, и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волховскаго его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ пла-

Digitized by Google

чемъ отъ невѣждъ тутъ былъ онъ погребенъ съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризнища разверзлась земля и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: иже и донынѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся» [1]). Если допустить сближеніе Волха и Волхва [2]), то передъ нами обрисуется эпическая схема, близкая къ разсказу Гёрреса: Волхвъ-чародѣй, принимавшій видъ разныхъ животныхъ; подъ конецъ черти подхватили его, вознесли на воздухъ и бросили.

Какъ объяснить это замѣчательное сходство русскагв и нѣмецкаго преданія о чародѣяхъ Волхѣ и Робертѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объяснитъ намъ, быть можетъ, и странное смѣшеніе Волха—Вольги съ Васильемъ Буслаевичемъ.

Въ самыхъ сказаніяхъ о Васильѣ и Робертѣ мы не найдемъ данныхъ для рѣшенія вопроса объ ихъ отношеніи къ преданіямъ о чародѣяхъ. Приходится допустить, что параллельное уподобленіе и Роберта и Василья Буслаева какому-то волхву объясняется какимъ-то вліяніемъ извнѣ, примѣсью какого-то особаго сказанія, отразившагося и въ нашей былинѣ, и въ нѣмецкомъ преданіи. Мнѣ кажется, можно не только предполагать, но и указать это сказаніе. Я

[1]) Историч. очерки русск. народн. словесности и искусства, т. II, стр. 8. Ср. *его-же* „Народная поэзія, историч. очерки“, стр. 34—35, 268. Текстъ „Исторіи еже о началѣ Рускія земли и созданіи Новаграда и откуду влечашеся родъ Словенскихъ князей“ напечатанъ *А. Н. Поповымъ* въ Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи“ стр. 442—447. Разсказъ о смерти Волхва переданъ въ изданномъ текстѣ такъ „Наше же христіянское истинное слово не ложнымъ испытаніемъ многоиспытнѣ извѣстися о семъ окаяннѣмъ чародѣи волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ Волховѣ и мечтаніями бѣсовскими окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову и извержено на брегъ противу волховнаго его городка, идѣ же нынѣ зовется Перыня“.

[2]) Былинное имя Волхъ (а не Волхвъ) едва ли можетъ служить препятствіемъ къ сближенію сказаній о Волхвѣ и Волхѣ. Формы: волхъ, волхи соотвѣтствуютъ въ языкѣ былинъ церк.-слав. влъхвъ, влъсви. Примѣръ:

Ай же вы мои да князи, бо́яра,
Сильни руськіе могучіе богатыри
Еще вси волхи бы вСѣ волшебники“. (*Гильфердингъ*, стр. 475).

Въ пѣснѣ Кирши (№ IX) Волховъ (прилагательное отъ Волхъ, по объясненію Буслаева) замѣняется названіемъ Волхъ—рѣка. Сближеніе Волха и Волхва повторено г. *Халанскимъ* въ его изслѣдованіи о Маркѣ Кралевичѣ, при чемъ указанъ и приведенный примѣръ изъ сборника Гильфердинга (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1892 г., кн. I, стр. 142).

Digitized by Google

разумѣю при этомъ апокрифное повѣствованіе о Симонѣ волхвѣ, извѣстное по Дѣяніямъ апостола Петра и по ихъ многочисленнымъ передѣлкамъ, распространеннымъ въ средніе вѣка [1]). Наши предки знакомились съ разсказами о Симонѣ.

а) по славянскому переводу Дѣяній ап. Петра: «Бысть по отшествіи святаго апостола Павла отъ Гавдомелетскаго острова» и т. д. (Ἐγένετο μετὰ τὸ ἐξελθεῖν τὸν ἅγιον Παῦλον ἀπὸ Γαυδομελέτης τῆς νήσου... [2]).

б) по особому разсказу о преніи Петра съ Симономъ волхвомъ («Словопрѣніе Петрово съ Симономъ волхвомъ» или: «о прѣніи Петровѣ съ Симономъ»), основанному также на «Дѣяніяхъ» [3]).

---

[1]) Подробное обозрѣніе апокрифныхъ сказаній объ апостолѣ Петрѣ см. въ книгѣ *Lipsius'а*, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, II-ter B., Erste Hälfte. Въ этой книгѣ можно найдти указанія и на рукописи славянскаго перевода Дѣяній (II, I, 208, 210, 294—295; Ergänzungsheft, 49—52); указанія эти сообщены были нѣмецкому ученому г. Соколовымъ. Позже г. Сперанскій сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ сообщеніямъ Соколова (см. слѣдующее примѣчаніе). Греческіе и латинскіе пересказы Дѣяній изданы были Тишендорфомъ, а потомъ Липсіусомъ (Acta apostolorum apocrypha post Const. Tischendorf denuo ediderunt *R. Ad. Lipsius* et *Max Bonnel*. Pars prior, Acta Petri... ed. *R. Ad. Lipsius*. Lipsiae. 1891.—Ср. *Massmann*, Kaiserchronik, III, 635—677 694—714. (Сводъ извѣстій о Симонѣ волхвѣ), Dictionnaire des apocryphes, т. II стр. 700 и слѣд.

[2]) Тексты славянскаго перевода приготовлены были къ изданію *А. Н. Поповымъ*, изданы послѣ его смерти подъ редакціей и съ примѣчаніями г. *Сперанскаго* (*Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ*, 1889, кн. 3: „Библіографическіе матеріалы“, собр. *А. Н. Поповымъ*). Изданіе воспроизводитъ два текста Дѣяній: а) рукоп. Чудова монастыря № $^{62}/_{264}$ (XVI вѣка) съ разночтеніями изъ рукоп. Ундольскаго № 1299 (XV вѣкъ) и б) рукоп. Хлудова № 105 (XV вѣкъ) Первый текстъ имѣетъ ближайшее сходство съ греческими Πράξεις τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου (Tischendorf—Lipsius, 178—222); текстъ рукописи Хлудова представляетъ сокращенную редакцію Дѣяній; по мнѣнію г. Сперанскаго, переводъ этой краткой редакціи „сдѣланъ независимо отъ полнаго и также съ греческаго оригинала“.

[3]) „Прѣніе“ издано дважды: а) *П. А. Лавровскимъ* по рукоп. прологу XIII вѣка Публ. библіот. („Описаніе семи рукописей Публичной библіотеки“ въ Чтеніяхъ Ист. и древн. росс. 1858 г., кн. 4) и б) *Н. А. Петровскимъ* по рукоп. прологу XVII вѣка соловецкой библіот. („Нѣсколько словъ о Прологѣ, памятникѣ древне-русской письменности“ въ *Извѣстіяхъ Казанскаго Университета* 1875 г., № 5). Изданія сопровождаются объяснительными статьями. И въ томъ и въ другомъ изданіи передается сходный текстъ (нач. „Пришедшу убо святому апостолу Петру отъ Антіохіа въ Римъ“). По рукописямъ извѣстна еще иная редакція Прѣнія (Нач. „По Клавдіи же царствова сынъ его“...); см. объ этой редакціи сообщенія Соколова въ книгѣ Липсіуса (II, 1, 210—212; ср. *Сперанскій*, l. c. стр. 50—51).

Digitized by Google

в) По извлеченію изъ Дѣяній, занесенному въ хроники Малалы и Амартола [1]).

Въ библейской книгѣ Дѣяній апостольскихъ говорится, что Симонъ «волхвовалъ и изумлялъ народъ самарійскій, выдавая себя за кого-то великаго. Ему внимили всѣ отъ малаго до большаго, говоря: сей есть великая сила Божія. А внимали ему потому, что онъ не малое время изумлялъ ихъ волхвованіями». (Гл. VIII, ст. 9—11). Апокрифныя сказанія развиваютъ это краткое извѣстіе о волхвованіи Симона въ болѣе сложную картину. Симонъ, говорится въ этихъ апокрифныхъ сказаніяхъ, былъ великій чародѣй, какого раньше не бывало: онъ бросался въ огонь и оставался невредимъ, леталъ по воздуху, показывалъ какія-то тѣни, называя ихъ душами умершихъ, приводилъ въ движеніе статуи и другіе предметы, *принималъ видъ разныхъ животныхъ* и творилъ много иныхъ удивительныхъ знаменій [2]). Въ Римѣ Симонъ встрѣтился съ апостоломъ Петромъ. Выдавая себя за высшее существо, магъ объявилъ, что, подобно Христу, онъ вознесется на небо. Демоны подняли Симона на воздухъ, но по молитвѣ апостола должны были отступить. Симонъ упалъ, расшибся и умеръ.

«Рече Симонъ Петру: Реклъ еси, яко Христосъ Богъ твой възнесся, се и азъ вознесуся. И видѣвъ его Петръ възнашаема влъшвениемъ на въздусѣ посредѣ града Римскаго, помолися, и абіе

[1]) Эти разсказы византійскихъ хроникъ вносились въ наши хронографы. (*Поповъ*, Обзоръ хронографовъ, I, стр. 44—45, 139) и лѣтописные своды (Лѣтоп. по Лаврент. списку стр. 175; Новгород. лѣтоп. по синод. сп. стр. 110). Изъ памятниковъ древней письменности, повторяющихъ извѣстія о Симонѣ, можно еще отмѣтить посланіе о латинахъ м. Никифора (*Макарій*, Ист. р. церкви, т. II. прилож. № 9 и 10, стр. 353, 359—360) и „Слово похвальное св. апостоламъ Петру и Павлу“ Григорія Самвлака (ср. слѣд. примѣч.).

[2]) Вотъ для примѣра описаніе волшебныхъ дѣйствій Симона по пересказу Григорія Самвлака: „Въ Римъ пришедъ дѣяше волхвованія многа: идолы древянныя и каменныя творяше ходити сатанинскимъ дѣйствомъ, и въ огни валяшеся и не сгараше; по воздуху леташе, *змѣй биваше*, въ злато прелагашеся, двери заключенныя и верея отверзаше и желѣзная южа рѣшаше, на вечерехъ образы и виды всяческія представляше“ (Минея Четья, іюнь, подъ 29 ч., рукоп. Публ. библ. F. I, 294 = Толст. I, 265). Привожу для сравненія одинъ изъ греческихъ пересказовъ: ἀνδριάντας γὰρ ἐποίει περιπατεῖν, εἰς πῦρ κυλιόμενος οὐκ ἐκαίετο, εἰς ἀέρα ἵπτατο, ἐκ λίθων ἄρτους ἐποίει, δράκων ἐγίνετο, εἰς χρυσὸν μετεβάλλετο, καὶ εἰς ὄφεις καὶ ἕτερα ζῷα μετεμορφοῦτο, διπρόσωπος ἐγίνετο, θύρας κεκλεισμένας καὶ μεμοχλευμένας ἤνοιγε, σιδηρᾶ δεσμὰ διέλυεν, ἐν δείπνοις εἴδωλα παντοδαπῶν ἰδεῶν παρίστα, τὰ ἐν οἰκίᾳ σκεύη αὐτομάτως φέρεσθαι πρὸς ὑπηρεσίαν ἐποίει τῶν φερόντων οὐχ ὁρωμένων, σκιὰς πολλὰς προηγεῖσθαι αὐτοῦ παρεσκεύαζεν, ἅσπερ ψυχὰς τῶν τεθνεώτων ἔφασκεν εἶναι... (Georg, Cedrenus, I, 368—369).

Digitized by Google

падъ Симонъ и съкрушься умреть. Мрьзкое же его тѣло положено бысть, идѣже и паде. И прозвася мѣсто оттолѣ Симоново». Такъ разсказываетъ Георгій Амартолъ [1]). Въ «Дѣяніяхъ» Петра паденіе Симона описывается нѣсколько подробнѣе. Во время пренія Симона съ ап. Петромъ въ присутствіи Нерона магъ обратился къ императору съ такой просьбой: «Повели ми стльпъ створити дрѣвѣнь высокь, да вьзлѣзу нань и призову аггли своѥ и повелю имь, да всѣмь зрещимь, вьзнесуть ме кь отцу моѥму на небо» [2]). Желаніе волхва было исполнено. На Марсовомъ полѣ (ἐν τῷ κάμπῳ Μαρτίῳ) построена была высокая башня. Множество народа собралось посмотрѣть на полетъ знаменитаго мага. «Тогда Симонъ вьзыде на столпъ предо всѣми и воздѣвъ руцѣ, увязенъ же бѣ даѳиниемъ (ἐστεφανωμένος δάφναις), начатъ летѣти... Петръ возърѣвъ слѣдъ Симона, рече: «заклинаю вы аггли сотонины, носящеи Симона по воздуху на прельщеніе срдць члкъ невѣрныхъ Богомь сотворьшимъ всяческая, Гмь Іс Хсмь, егоже в третии днь воскреси ізь мртвыхъ і ѿ сего чеса до (не) носите его к тому, да останетеся его». Абие же упущенъ бысть, паде на мѣсте нарицаемомъ Сакра вия, яже есть і людьскіи путь, и на четыря части разбися, четырьмя тцками камеными, гладкими и обогренныма, яже в темне, іма же путь стелють, пишуща, яже суть на свидѣтельство апостольскаго одолѣния і до днешняго дне» [3]). Послѣдняя подробность, упоминаніе о камняхъ, передана въ славянскомъ переводѣ не ясно. Греческій оригиналъ говоритъ о камняхъ, которые соединены, склеены были кровью Симона: Καὶ παραχρῆμα ἀπολυθεὶς ἔπεσεν εἰς τόπον λεγόμενον Σάκρα Βία, ὅ ἐστιν ἱερὰ ὁδός· καὶ τέσσαρα μέρη γενόμενος τέσσαρας σίλικας συνήνωσεν, οἵ εἰσιν εἰς μαρτύριον τῆς τῶν ἀποστόλων νίκης ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας [4]). У Малалы вмѣсто этихъ камней упоминается каменная ограда, которой окружено было мѣсто, гдѣ упалъ Симонъ: καὶ τὸ λείψανον αὐτοῦ κεῖται ἐκεῖ ἕως ἄρτι ὅπου ἔπεσε, καὶ ἔχει πέριξ κάγκελλον λίθινον καὶ ἀκούει ὁ τόπος

[1]) Лѣтовникъ Георгія инока, изд. Общ. любит. древней письменности, стр. 159.

[2]) По рукоп. Хлудова, л. 63 (*Чтенія*, 1889, III). Подобнымъ же образомъ изображается неудачное вознесеніе Симона и во многихъ другихъ пересказахъ, но есть группа памятниковъ, въ которыхъ паденіе мага передается нѣсколько иначе: Симонъ бросается съ горы, увѣряя, что поддерживаемый ангелами онъ спокойно опустится на землю; по молитвѣ апостола полетъ оканчивается низверженіемъ. Липсіусъ полагаетъ, что послѣдняя версія представляетъ первоначальную редакцію легенды. (op. cit., 328).

[3]) По Чуд. рукоп. л. 215 (*Чтенія*, 1889, III).

[4]) Acta apostolorum apocrypha, I, 211.

Digitized by Google

ἐκεῖνος ἔκτοτε τὸ Σιμώνιον [1]). Мѣстное римское преданіе помнило и указывало камень, на который упалъ Симонъ. Въ церемоніалѣ XII вѣка, описывающемъ шествіе папы изъ Ватикана въ Латеранъ, замѣчено между прочимъ: «Transit per silicem, ubi cecidit Simon Magus, iuxta templum Romuli» [2]).

По другимъ пересказамъ легенды Симонъ послѣ паденія еще жилъ нѣкоторое время. Онъ былъ унесенъ изъ Рима въ Арицію, потомъ въ Террачину, гдѣ и умеръ. Καὶ καταπεσόντος αὐτοῦ ἄνωθεν τὸ σκέλος κατέαξεν ἐκ τριῶν τόπων.... Ὁ δὲ Σίμων ἐν τῇ συμφορᾷ γενόμενος εὗρέν τινας τοὺς διακομίσαντας αὐτὸν νυκτὸς κραββάτῳ ἀπὸ Ῥώμης εἰς Ἀρικίαν κἀκεῖ ἐπιμείνας ἀπηνέχθη πρός τινα Ῥώμης ἐξορισθέντα Κάστωρα εἰς Ταρακίναν ἐπ' αἰτίᾳ μαγικῇ, κἀκεῖ κατατεμνόμενος, τὸ πέρας τοῦ βίου ὁ τοῦ διαβόλου ἄγγελος ἔδωκεν Σίμων [3]). Въ соотвѣтствующемъ латинскомъ текстѣ: Et continuo cecidit ad terram, fregit crus in tres partes... Simon autem male tractatus invenit qui eum tollerent in granato extra Romam Aricia. Et ibi paucos dies fecit et inde tultus est quasi exiliaticum ab urbe nomine Castorem Terracina. Et ibi duo medici concidebant eum, extremum autem diem angelum satanae fecerunt, ut expiraret [4]). Иначе: venit Simon ex alto in terram et crepuit medius, nec tamen continuo exanimatus est, sed fracto debilitatoque corpore, ut poenam suam et ruinam cognosceret, ad locum qui vocatur Aricia sublatus, post paululum cum diabolo eius anima discessit in gehennam [5]).

Новгородская повѣсть о Волхвѣ разсказываетъ, что «люди... невѣгласи богомъ сущимъ того окаяннаго нарицаху и грома его или Перуна нарекоша... И баснословятъ о семъ Волхвѣ невѣгласи глаголюще: въ бога сѣлъ». Признавался за бога и Симонъ волхвъ. Римляне, пораженные знаменіями, которыя совершалъ Симонъ, поставили въ честь его статую съ надписью: Simoni deo sancto. Древнѣйшее извѣстіе объ этой статуѣ находится въ Апологіи Іустина Философа: Σίμωνά τινα Σαμαρέα... ὃς ἐπὶ Κλαυδίου Καίσαρος διὰ τῆς τῶν ἐνεργούντων δαιμόνων τέχνης δυνάμεις ποιήσας μαγικὰς ἐν τῇ πόλει ὑμῶν βασιλίδι Ῥώμῃ Θεὸς ἐνομίσθη καὶ ἀνδριάντι παρ' ὑμῶν ὡς Θεὸς τετίμηται, ὃς ἀνδριὰς ἀνεγήγερται ἐν τῷ Τίβερι ποταμῷ μεταξὺ τῶν δύο γεφυρῶν, ἔχων

---

[1]) J. Malalae Chronographia, ex recens. *Dindorfii*, p. 255.

[2]) *Lipsius*, op. cit., 326.

[3]) Acta apost. apocrypha, 82, 84.

[4]) Ibid. 85.

[5]) Ibid. 232.

Digitized by Google

ἐπιγραφὴν ῥωμαϊκὴν ταύτην· Σιμωνι Δέω Σαγκτω [1]). Одинъ изъ увѣровавшихъ въ божественность Симона, Марцеллъ, признавался апостолу Петру: магъ me tantum suasit, ut statuam illi ponerem suscriptioni tali: Simoni iuueni deo [2]). Была еще въ римѣ статуя двуликаго Симона, воздвигнутая по повелѣнію Нерона [3]).

Въ спорѣ съ апостоломъ Симонъ называетъ себя сыномъ божіимъ, богомъ, принявшимъ видъ человѣка: «Симонъ же рече къ Нерону: аще не явлюся и покажю себя суща бога, никто же ми достойныя чести воздай» (Ἐγὼ ἐὰν μὴ φανερώσω ἐμαυτὸν καὶ ὑποδείξω εἶναι θεὸν, οὐδεὶς μοι τὸ ὀφειλόμενον ἀπονέμει σέβας). Магъ предлагаетъ слѣдующее испытаніе: «аще мниши, благый царю, волхва мя суща, повели усѣкнути мя в темнѣ мѣстѣ, и аще в третій день не востану, вѣждь мя волхва суща; ащели же воскресну, вѣждь, яко сынъ есмь божій (γίνωσκε υἱόν με εἶναι τοῦ θεοῦ). Апостолъ Павелъ уговариваетъ Нерона не вѣрить знаменіямъ волхва: «Симъ словесемъ не внимай, царю, льстецъ бо и волховъ есть Симонъ, в погибель хощетъ ввести душю твою... Якоже бо египетьстии волсви Анній и Амврій прельстиша ѳараона и воя его, дондеже погрязоша въ морѣ; такожде и Симонъ наказаніемъ *отца его дьявола* (διά τῆς τοῦ πατρὸς αὐτοῦ τοῦ διαβόλου παιδεύσεως) творитъ человѣкомъ многа в себѣ удержати зло (πείθει τοὺς ἀνθρώπους πολλὰ κακὰ εἰς ἑαυτοὺς ποιεῖν)». Приготовляясь къ полету, Симонъ говоритъ о вознесеніи къ отцу своему на небо (πρὸς τὸν πατέρα μου εἰς τὸν οὐρανὸν); апостолъ же заклинаетъ ангеловъ сатаны (οἱ ἄγγελοι τοῦ σατανᾶ), и Симонъ низвергается на землю [4]).

Нѣмецкое преданіе записанное Гёрресомъ, имѣетъ ближайшее сходство съ легендой о Симонѣ волхвѣ: Робертъ, какъ и Симонъ,— чародѣй, принимавшій видъ разныхъ животныхъ; и Робертъ, и Симонъ поднимаются на воздухъ при помощи ангеловъ сатаны; и тотъ и другой падаютъ и разбиваются. Схема этого разсказа повторяется, какъ было уже замѣчено, и въ новгородскомъ сказаніи о Волхѣ-волхвѣ.

---

[1]) Извѣстіе объ этой статуѣ объясняется смѣшеніемъ имени Симона съ названіемъ одного изъ древне-сабинскихъ божествъ: Semo Sancus. Въ 1574 году въ Римѣ,—въ той именно мѣстности, которая указана Іустиномъ, найдена была статуя съ надписью: Semoni Sanco Deo и т. д. (*Lipsius*, 33—34).

[2]) Acta apostol. apocrypha, 57.

[3]) Ibid. 227.

[4]) По Чуд. рукописи листы 211—212, 215. Acta apost. apocrypha 200—203, 208—211.

Digitized by Google

Какъ объяснить сходство этихъ сказаній? Что могло дать поводъ къ сближенію Роберта съ библейско-апокрифнымъ магомъ?

Въ спорѣ съ Симономъ апостолъ Павелъ называетъ мага сыномъ дьявола: Симонъ творитъ знаменія «наказаніемъ отца его дьявола». Эти слова напоминаютъ подобныя же библейскія выраженія. Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ разсказывается о столкновеніи апостола Павла съ волхвомъ, который старался отвратить отъ вѣры во Христа проконсула Сергія Павла. Апостолъ сказалъ при этомъ волхву: «О исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства, *сынъ діавола* (υἱὲ διαβόλου), врагъ всякой правды! Перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ»? (XIII, 10). Христіанское преданіе усвоило эту точку зрѣнія на волхвованіе, какъ на дѣло темныхъ силъ, при чемъ выраженіе: «сынъ дьявола», понятое въ буквальномъ смыслѣ, давало поводъ къ созданію легендъ о чародѣяхъ, рожденныхъ отъ демона. Припомнимъ отмѣченное выше сказаніе о волшебникѣ Мерлинѣ, зачатомъ отъ демона [1]).

Если чародѣи признавались дѣтьми дьявола, то и «сынъ дьявола», какимъ представлялся Робертъ, могъ въ свою очередь принять видъ чародѣя. Но такая возможность еще не объясняетъ пріуроченія къ имени Роберта подробностей опредѣленной легенды,— легенды о Симонѣ. Нельзя не обратить вниманія на другое обстоятельство. Волхвъ Симонъ погибаетъ послѣ паденія, которымъ закончилось его неудачное вознесеніе. Подобное же вознесеніе и паденіе мы видѣли и въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ о покаянныхъ испытаніяхъ (Вольфдитрихъ). Не слѣдуетъ ли поэтому допустить, что существовала такая версія саги о Робертѣ, въ которой каявшійся удалецъ подвергался испытанію, сходному съ тѣмъ, которое выдержалъ смирившійся Вольфдитрихъ? Грѣшникъ, поднятый демонами на воздухъ и потомъ брошенный на землю, могъ, дѣйствительно, напоминать вознесеннаго и павшаго волхва... [2]).

---

[1]) По свидѣтельству Псевдо-Климентовыхъ Recognitiones магъ Симонъ, сынъ Антонія и Рахили, утверждалъ, будто Антоній ему не отецъ, будто Рахиль зачала его, оставаясь дѣвою (*Lipsius*, 41). Для позднѣйшихъ писателей это свидѣтельство послужило основаніемъ къ сопоставленію Симона съ Мерлиномъ (*Massmann*, Kaiserchronik, III, 658).

[2]) Сказанія о Симонѣ волхвѣ послужили, какъ извѣстно, основой для повѣсти о Фаустѣ. Замѣчательно, что повѣсть удержала картину полета и паденія, пріурочивъ ее къ самому Фаусту. Er wollte sich zu Venedig sehen lassen und sagte, er werde gen Himmel fliegen. Der Teufel aber zog ihn herab und gab ihm einen solchen Stoss, dass er auf die Erde stürzte und fast gestorben wäre,

Digitized by Google

Допустивъ такое сближенiе, мы откроемъ себѣ путь къ объясненiю смѣшенiя и нашихъ сказанiй о Васильѣ Буслаевѣ и Волхѣ-Волхвѣ. Въ области русскаго эпоса повторилось то же, что замѣчается въ кругу западныхъ преданiй о Робертѣ Дьяволѣ. Волхъ новгородскаго преданiя «злѣ разбiенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ Волховѣ и мечтанми бѣсовскими окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову» и т. д. Послѣдняя подробность, упоминанiе о рѣкѣ, объясняется географическимъ прiуроченiемъ легенды, смѣшенiемъ Волхва съ Волховомъ. Несмотря, однако, на такое смѣшенiе, Сказанiе помнитъ, что волхвъ «злѣ разбiенъ бысть отъ бѣсовъ». Рисуется картина, напоминающая знакомое намъ вознесенiе и паденiе Симона: нашъ Волхвъ упалъ, разбился и брошенъ въ Волховъ.

Поворотило какъ Васильюшка Буслаева
Внизъ его вѣдь молодца головушкой,
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.

(*Гильфердингъ*, 295).

Изученiе преданiй, родственныхъ съ былиной о Васильѣ, привело насъ къ предположенiю, что въ первоначальной редакцiи былины испытанiе, выдержанное новгородскимъ удальцомъ, могло быть соединено съ подниманiемъ на высоту: грѣшникъ поднятъ демонами и брошенъ на землю. Паденiе волхва — казнь, паденiе Василья — испытанiе, но это не могло помѣшать сближенiю сходныхъ картинъ...

Волховъ книжнаго сказанiя — сынъ князя Словена и жены его Шелони, племянникъ Русса, братъ Волховца и Жилотуга. Былина о Волхѣ не знаетъ, конечно, этой искусственной генеалогiи. Былинный Волхъ называется Всеславьевичъ, но матерью его оказывается «молода *княжна*». Рожденiе сына этой княжны также необычайно, какъ и рожденiе нѣкоторыхъ другихъ чародѣевъ:

По саду-саду зеленому ходила-гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславьевна.
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя;
Обвивается лютой змѣй около чебота — зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапоры княгиня поносъ понесла,
А поносъ понесла и дитя родила.

---

doch starb er nicht... (*Massmann*, Kaiserchronik, III, 702). Припомню при этомъ, что нѣкоторые французскiе изслѣдователи (Du Méril, Ristelhuber) сближали сагу о Робертѣ съ повѣстью о Фаустѣ (*Breul*, op. cit., 102).

Digitized by Google

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяць,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденья богатырского,
Молода Волха Всеславьевича [1]).

Подобное же нападеніе змѣя изображается какъ извѣстно, и въ другихъ пѣсняхъ: въ былинѣ о Саурѣ Ванидовичѣ и въ безыменной пѣснѣ о какой-то княгинѣ:

Ходила княгиня по крутымъ горамъ,
Ходила она съ горы на гору,
Ступала княгиня съ камня на камень;
Ступала княгиня на люта змѣя,
На люта змѣя на Горынича.
Вокругъ ея ножки змѣй обвился,
Вокругъ ея башмачка сафьянова,
Кругомъ ея чулочка скурлатъ-сукна;
Хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыи груди,
А княгиня втопоры понось несла.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 12).

Изъ того ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася,—
Во чревѣ дитя встрепенулося.

(*Кирѣевскій*, III, стр. 113—114).

Разсказы о змѣяхъ, вступавшихъ въ сношеніе съ женщинами основываются на широко распространенномъ повѣрьѣ. Такіе разсказы находимъ еще у древнихъ писателей (Плутархъ Эліанъ) [2]). Въ сочиненіи Περὶ δραχόντων, приписываемомъ Іоанну Дамаскину, опровергается вѣрованіе въ драконовъ, похищающихъ женщинъ и вступающихъ съ ними въ связь (δράχοντας... γυναῖχας ἁρπάζοντας, καὶ

---

[1]) Знаменія, сопровождающія рожденіе Волха, принадлежатъ какъ извѣстно, къ числу эпическихъ картинъ, имѣющихъ не мало параллелей въ другихъ литературахъ (*Миллеръ*, Илья Муромецъ, 190—192; *Веселовскій*, Св. Георгій, стр. 118—119) Припомнимъ, что подобныя же знаменія упоминаются и въ нѣкоторыхъ пересказахъ саги о Робертѣ. (Ср. *Breul*, op. cit 120—121).

[2]) Нѣсколько такихъ сказаній указалъ *Aug. Marx* въ сочиненіи Griechische Märchen von dankbaren Tieren und Verwandtes (1889), s. 121—123. Ср. *Истринъ*, Александрія р. хронографовъ, прилож. стр. 13, 16.

Digitized by Google

συνουσιασμένους αὐταῖς [1]). Образъ этого любострастнаго змѣя или дракона появляется и въ легендарной литературѣ. Есть разсказъ о рожденіи отъ змѣя св. Георгія, то-есть, того именно святаго, который извѣстенъ какъ змѣеборецъ [2]). Этимъ сближеніемъ змѣеборства съ рожденіемъ отъ змѣя объясняются намеки нашей безыменной пѣсни о княгинѣ и змѣѣ:

Носила въ утробѣ чадо девять мѣсяцовъ;
На десятой-то мѣсяцъ чадо провѣщилось,
Провѣщилось чадо проговорилось:
»Ужь ты гой еси, матушка родимая!
Не дамъ я тебя змѣю въ обиду.
Когда я буду на возврастѣ,

. . . .

Тогда то я, матушка, буду со змѣемъ воевать:
Я заѣду-то къ нему въ пещерички змѣиныя,
Сниму ему буйную головушку,
Подниму его головушку на острый колъ,
Поднесу его головушку къ твоему дворцу.

(*Рыбниковъ*, I, стр. 12 –13).

Припомнимъ далѣе нашу легенду о Петрѣ и Февроніи муромскихъ.

Въ миѳологическихъ преданіяхъ образъ змѣя двоится: онъ представляется или существомъ добрымъ, благодѣтельнымъ, или силой темной и злой [3]). Въ легендарной литературѣ утвердился второй, мрачный образъ змѣя, отвѣчающій воспоминаніямъ о библейскомъ искусителѣ. О женѣ муромскаго князя говорится: «искони ненавидяй добра роду человѣческому дияволъ и всели неприязнена летяща змия к женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей, яковъ же бѣяше естествомъ, приходящимъ же людемъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдяше с женою своею» [4]). Змѣй, прилетающій къ женщинѣ, извѣстенъ и по памятникамъ народнаго суевѣрія. «Какъ во градѣ Лукорьѣ, говорится въ одномъ изъ великорусскихъ заклинаній, летѣлъ змѣй по поморію, града царица имъ прельщалася, отъ тоски по царѣ убивалася, съ нимъ, со змѣемъ, сопрягалася, бѣлизна ея умалялася, сердце тосковалося, одному утѣшенію предавалася, — какъ змѣй прилетитъ, такъ ее и обольститъ» [5]). Въ южной Руси

---

[1]) Patrologiae cursus compl., Series graeca, t. 94, 1599–1602.

[2]) *Веселовскій*, Св. Георгій, стр. 113 –114.

[3]) *Лавровскій*, О миѳическихъ вѣрованіяхъ у славянъ въ облако и дождь, 39 (*Ученыя Записки II-го отдѣл. Академіи Наукъ*, VII, 2). Ср. *Aug. Marx*, op. cit. 96 fg.

[4]) Памятники стар. русской литературы, I, стр. 34.

[5]) *Майковъ*, Великорусскія заклинанія, стр. 577.

Digitized by Google

демонъ—обольститель называется летавцемъ. «Здѣ же прилучитися можетъ, говоритъ Иннокентій Гизель, и смѣшеніе тѣлесное съ діаволомъ, сіесть съ лѣтавцемъ, который блудъ есть наитяжшій» [1]). Тотъ же образъ и съ тѣмъ же именемъ (Latawiec) извѣстенъ по польскимъ повѣрьямъ [2]).

Былина разсказываетъ о сынѣ змѣя, обладавшемъ чародѣйской способностью оборачиваться и соколомъ, и волкомъ, и туромъ; имя этого змѣевича—Волхъ. Книжное сказаніе говоритъ о Волхвѣ,—чародѣѣ, который могъ превращаться въ лютаго звѣря. Нельзя не предположить связи этихъ сказаній, сходныхъ и по именамъ дѣйствующихъ лицъ, и по основной чертѣ дѣятельности Волха и Волхва. Но нарицательное Волхвъ, какъ имя героя былины, едва ли можетъ быть явленіемъ первичнымъ. Сравненіе новгородскаго сказанія съ апокрифною легендой о Симонѣ волхвѣ, даетъ основаніе догадываться, что нашъ Волхъ-Волхвъ—одно изъ превращеній знаменитаго мага. Пріуроченіе же захожей легенды къ русскимъ историческимъ воспоминаніямъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ значеніемъ, какимъ пользовались у насъ въ древнюю пору волхвы. Припомнимъ извѣстія о волхвахъ, появлявшихся именно въ Новгородѣ. При князѣ Глѣбѣ († 1078) явился волхвъ «*творяся акы богъ* и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко провѣде вся и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашетъ бо, яко *переиду по Волхову предъ всѣми.* И бысть мятежь в градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа». Князь Глѣбъ убилъ волхва; «онъ же погыбе тѣломъ и

---

[1]) Лѣтописи русской литературы и древности, т. I, отд. III, стр. 149—150. (въ „Замѣткахъ о старинѣ и народности“ *Ө. Ив. Буслаева*); *Сумцовъ*, Культурныя переживанія, стр. 278—279. Ср. *Аөанасьевъ*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, II, 607—616, III, 479—480; *Поповъ*, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа, стр. 192—193; *Записки Географ. общ. по отдѣл. этнографіи*, т. II, стр. 36.

[2]) Latawiec—incubus ad masculos accedens, feminam fingit, feminas aggrediens masculum se exhibet. (*Linde*, Słownik, указ. *Сумцова*, l. c.). Въ 1687 г. переведена была съ польскаго языка на русскій книга демонологическаго содержанія: „Противъ человѣка, всечестнаго творенія Божія, завистное сужденіе и злое поведеніе проклятаго демона“. (Ср. Лѣтоп. русск. литературы, т. III, отд. II, 42—43; *Шляпкинъ*, Св. Димитрій Ростовскій и его время, 91). Въ 18 главѣ этой книги (О покусахъ и препинаніяхъ человѣкомъ) сообщаются свѣдѣнія о разнаго вида и наименованія демонахъ, между ними о демонѣ Летавцѣ; въ 20 главѣ (о фантазмахъ демонскихъ, сирѣчь призракахъ) рѣчь идетъ объ явленіи женщинамъ демона мечты; приводятся при этомъ разсказы о Мерлинѣ, о рыцарѣ Лебедя и др. Помѣщаю эти извѣстія и разсказы въ приложеніи.

Digitized by Google

душею, предавъся дьяволу» [1]). Въ 1227 году «ижгоша вълхвы 4, творяхуть е потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли дворе» [2]). Выраженія лѣтописи о волхвѣ: «многы прельсти, вси яша ему вѣру» указываютъ на силу и вліяніе волхвовъ. Чародѣяніе поражало умы; волхвы возбуждали удивленіе и ужасъ передъ загадочной силой, открывавшейся въ ихъ потворахъ. Но замѣчательна разница въ настроеніи новгородцевъ XI и XIII вѣковъ. Народная толпа, современная князю Глѣбу, и вѣрила и сочувствовала волхву: «вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа». Въ XIII вѣкѣ новгородцы еще вѣрятъ въ чародѣяніе (творяхуть е потворы дѣюще), но относятся къ волхвамъ, какъ къ носителямъ темной и злой силы. Въ Никоновской лѣтописи приведенное выше извѣстіе о волхвахъ 1227 года передано такъ: «Явишася въ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны и потворницы, и многая волхвованіа, и потворы, и ложная знаменія творяху и много зла содѣваху, многихъ прельщающе. И собравшеся новгородци изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископъ дворъ, и се мужи княже ярославли вступишася о нихъ; новгородци же ведоша волхвовъ на ярославль дворъ, и съкладше огнь великій на дворѣ ярославли и связавше волхвовъ всѣхъ, и вринуша во огнь, и ту згорѣша вси» [3]). Эти «потворы» волхвовъ и разсказы о нихъ подготовили почву для заносной легенды о древнемъ магѣ. Легенда не затерялась среди переводнаго литературнаго матеріала; она принялась на почвѣ нашего эпоса и дала отростокъ въ видѣ былины о Волхѣ-Волхвѣ.

Остается коснуться сближенія именъ: Волхвъ и Волховъ. «Словенъ князь съ родомъ, иже подъ рукою его, сѣде на рѣцѣ, зовомой тогда Мутная, послѣди же Волховъ проименовася во имя старѣйшаго сына Словенова Волхва зовомаго». Волхвъ «залягаше въ той рѣцѣ Волховѣ путь водный»; въ Волховъ же было брошено тѣло Волхва. Какое значеніе и цѣну имѣютъ эти извѣстія? Авторъ «Сказанія о началѣ Русскія земли» желаетъ отыскать героевъ — эпонимовъ для объясненія племенныхъ и географическихъ наименованій. Упоминаются братья Русъ и Словенъ; у Словена — жена Шелонь, дѣти: Волхвъ и Волховецъ; сынъ Волховца—Жилотугъ («и протокъ проименовася во имя его Жилотугъ, въ немъ же и утопе еще дѣтищъ сый»); у Руса — жена Порусія и дочь Полиста. Нѣтъ надобности

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 173—174 (подъ 1701 г.); Новгор. лѣтоп. по синод. списку, 110—111.

[2]) Новгор. лѣтоп. по синод. сп. 223—224.

[3]) Русская лѣтоп. по Никон. списку, ч. II, стр. 357.

Digitized by Google

доказывать, что эта генеалогія — не запись народныхъ преданій, а псевдо-историческая комбинація книжника. Волхвъ же—одинъ изъ членовъ этой генеалогіи: *какъ эпонимъ Волхова*, онъ не отдѣлимъ поэтому отъ Руса и Словена, отъ Шелони и Жилотуга. Нельзя затѣмъ не обратить вниманія на отожествленіе Волхва съ Перуномъ: авторъ сказанія видимо желаетъ приладить разсказъ о Волхвѣ къ лѣтописному извѣстію о низверженіи идола Перуна. Въ лѣтописи: «И пріиде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ;... и вринуша его въ Волховъ; онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ» и т. д. [1]). Въ сказаніи: «Постави же онъ окаянный чародѣй... градокъ малъ на мѣстѣ нѣкоемъ, зовомомъ Перыня, идѣже и кумиръ перуновъ стояше,... окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову и извержено на брегъ противу волховнаго его городка, иже нынѣ зовется Перыня». Созвучіе именъ: Волхвъ и Волховѣ, отожествленіе Волхва съ Перуномъ,—таковы основанія, на которыхъ построилъ авторъ Сказанія соображеніе о Волхвѣ, какъ эпонимѣ Волхова. Отъ себя этотъ авторъ прибавилъ еще упоминаніе о лютомъ звѣрѣ коркодилѣ, въ котораго превращался Вохвъ и залегалъ путь водный.

Но вся эта работа книжника не успѣла, однако, вполнѣ закрыть слѣды народно-поэтическаго преданія въ разсказѣ о Волхвѣ. Авторъ Сказанія несомнѣнно зналъ такое преданіе: онъ ссылается на толки «невѣгласовъ». Волхвъ былъ великій чародѣй, превращавшійся въ лютаго звѣря. «*Сего же ради* люди, тогда невѣгласи, Богомъ сущимъ того окаяннаго нарицаху». Далѣе: «И баснословятъ о семъ Волхвѣ невѣгласи глаголюще: *въ бога сѣлъ*». Послѣ того какъ чародѣй «злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ», онъ «отъ невѣгласъ погребенъ бысть.... съ великою тризною поганскою и могилу ссыпаша надъ нимъ вельми высоку, якоже есть обычай поганымъ. И по трехъ убо днехъ окаяннаго того тризнища просѣдеся земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово, и могила его пресыпася съ нимъ во дно адово, иже и донынѣ, якоже повѣдаетъ, знакъ ямы тоя не наполнится» [2]).

---

[1]) Новгородскія лѣтописи, стр. 172—173.

[2]) *Поповъ*, Изборникъ, 443—444. Ср. *Чулковъ*, Абевега русскихъ суевѣрій, стр. 69; *Михаилъ Поповъ*, Описаніе древняго славянскаго баснословія, стр. 4—5.

Digitized by Google

Черезъ посредство Волха-Волхва Василій Буслаевичъ породнился и съ Вольгой Сеславьичемъ, который въ былинахъ отожествляется, обыкновенно, съ Волхомъ.

Былина о Волхѣ не знаетъ той заключительной картины, которая удержалась въ Сказаніи о созданіи Новгорода. Въ былинѣ эта картина замѣщается иными подробностями, какихъ нѣтъ ни въ сказаніи о древнемъ магѣ, ни въ преданіяхъ о Робертѣ Дьяволѣ.

Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набиралъ дружины себѣ семь тысячей.

Съ этой дружиной Волхъ отправляется «ко славному царству индѣйскому», властитель котораго задумалъ «Кіевъ градъ за щитомъ весь взять». При помощи оборотничества, принимая видъ тура, сокола, горностая, Волхъ добрался до царства индѣйскаго, проникъ въ царскія палаты, подслушалъ тайныя рѣчи царя и царицы, забрался затѣмъ въ погреба и подвалы.

У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
У того ружья вѣдь у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.

Обернувшись «мурашками», Волхъ и его дружинники «прошли стѣну бѣлокаменну», окружавшую индѣйское царство, и напали неожиданно на царя Салтыка Ставрульевича. Царь убитъ.

И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну;

Переженились и его дружинники и «стали люди посадскіе».

Онъ злата, серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

(*Кирша*, № 6).

Весь этотъ разсказъ о походѣ, соединенномъ съ превращеніями, повторяется въ пѣсняхъ о Вольгѣ, при чемъ вмѣсто индѣйскаго царства называется Турецъ—земля или Золота орда [1]). Такое чередо-

---

[1]) Обзоръ пересказовъ былины о Вольгѣ см. въ книгѣ *Миллера* (Илья Муромецъ, гл. IV, стр. 188 и слѣд.) и въ статьѣ *Веселовскаго* (Мелкія замѣтки къ былинамъ, гл. XV, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г., мартъ, стр. 24—26).

Digitized by Google

ваніе именъ Волха и Вольги указываетъ на смѣшеніе эпическихъ образовъ и соединенныхъ съ ними преданій: захожій волхвъ, натурализовавшійся на русской почвѣ, отожествленъ былъ съ вѣщимъ Вольгой Святославичемъ.

По поводу этого отожествленія я могу предложить лишь нѣсколько отдѣльныхъ припоминаній и замѣтокъ:

а) Подробности, связываемыя въ пѣсняхъ съ именемъ Волха-Вольги, даютъ поводъ къ сближенію нашей былины съ старо-нѣмецкой поэмой объ Ортнитѣ. Такое именно сближеніе сдѣлано было А. Н. Веселовскимъ: «я сравниваю ее (былину о Вольгѣ) съ поэмой объ Ортнитѣ, предполагая, что въ основѣ ихъ мотивы сходились ближе, и что нѣкоторое разногласіе внесено лишь позднѣйшею передѣлкой. Ортнитъ сверхъестественнаго происхожденія; его отецъ—демонъ Альберихъ; его чудесной помощи Ортнитъ обязанъ успѣхомъ своей брачной поѣздки, но можно предположить такую редакцію сказанія, въ которой чудесное происхожденіе отражалось въ таковыхъ же дарахъ самаго героя. Сюжетъ саги о немъ: брачная поѣздка на востокъ; отецъ невѣсты ему враждебенъ, мать подается и уговариваетъ мужа согласиться: вѣдь Ортнитъ разгромилъ Судерсъ, возьметъ силой и невѣсту. Въ отвѣтъ на это разгнѣванный Махарель бьетъ жену по лицу и обезумѣлъ отъ гнѣва, когда въ бесѣду вмѣшался невидимый Альберихъ. Напомнимъ еще эпизодъ объ Альберихѣ, портящемъ бранный снарядъ непріятелей; въ древней пѣснѣ эти продѣлки могли быть разсказаны о самомъ Ortnit'ѣ, тайно (оборотнемъ?) проникнувшемъ въ осажденный городъ» [1]).

б) По мнѣнію Мюлленгофа, поэма объ Ортнитѣ родственна съ древне-сѣверными сагами о Гаддингахъ,—а именно съ Örvaroddssaga и Hervararsaga (въ послѣдней сагѣ упоминается также объ Орвароддѣ) [2]). Основаніемъ для такого предположенія послужила этимологическая связь именъ: Гаддинги (Haddingr) и Гартинги или Гартунги (Hartinc). На эту связь указалъ еще Як. Гриммъ [3]). Отрывки сказаній объ этихъ Гартунгахъ или Гаддингахъ Мюлленгофъ отыскиваетъ и въ Тидрексагѣ, и въ Hervararsage, и въ поэмахъ ломбардскаго цикла. Въ Hervararsaga говорится о двухъ братьяхъ, сы-

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890, мартъ, 23—24.

[2]) *Zeitschrift für deutsches Alterthum*, XII (1865), 352:... hat die altnordische Sage von den Haddingen (in der Hervarar-saga und Örvarodds-saga überliefert) als der deutschen Ortnit-und-Wolfdietrichssage verwandt erkannt... (въ статьѣ, Zeugnisse und Excurse zur deutschen Heldensage, гл. XXIV).

[3]) Deutsche Mythologie, I, 283—284 (по 4 изд.).

Digitized by Google

новьяхъ короля Arngrim'а. По догадкѣ Мюлленгофа этимъ братьямъ соотвѣтствуютъ въ Тидрексагѣ Гертнитъ и Гирдиръ (Hirdhir, Herder), въ нѣмецкихъ поэмахъ Ортнитъ и Вольфдитрихъ [1]).

в) Давно указано ближайшее сходство извѣстнаго лѣтописнаго преданія о смерти Олега съ разсказомъ сѣверной саги о смерти Орвар-одда. Какъ нашему Олегу, такъ и герою сѣверной саги предсказано, что они умрутъ отъ любимаго коня; предсказаніе сбывается; и Олегъ и Орвар-оддъ умираютъ ужаленные змѣей, выползшей изъ конскаго черепа [2]).

Получается такимъ образомъ видъ нѣкотораго литературнаго уравненія: былина о Вольгѣ родственна съ поэмой объ Ортнитѣ; поэма объ Ортнитѣ сближается съ сагами, въ которыхъ дѣйствующимъ лицемъ выступаетъ Орвар-оддъ; съ однимъ изъ эпизодовъ саги объ Орвар-оддѣ тожественно лѣтописное преданіе, пріуроченное къ имени вѣщаго Олега.

Можно ли объяснить этотъ рядъ сближеній случайнымъ совпаденіемъ? Не слѣдуетъ ли предположить, что въ этихъ сближеніяхъ просвѣчиваютъ намеки на эпическую связь былиннаго Вольги и лѣтописнаго Олега? Такое предположеніе представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что оно встрѣчается съ догадкой, исходившей изъ изученія собственно русскаго эпоса. По этой догадкѣ былина о Вольгѣ признается отголоскомъ преданій о вѣщемъ Олегѣ [3]).

Рядомъ съ былинами о Вольгѣ хранились и передавались пѣсни о Волхѣ, Волхвѣ, связанныя съ захожими сказаніями о Симонѣ магѣ. Въ дошедшихъ до насъ пересказахъ эти двѣ былины,—о вѣщемъ Волхвѣ и о вѣщемъ Вольгѣ,—сливаются.

---

[1]) *Müllenhof*, l. c. Ср. *Кирпичниковъ*, Поэмы ломбардскаго цикла, 107—108; *Sarrasin*, Germanische Sagenmotive im Tristan-Roman, 3—4 (*Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte*, I, 1887).—Анализъ содержанія одной изъ указанныхъ сагъ см. въ статьѣ *А. Н. Веселовскаго* (въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, май, стр. 78 и сл.): „Готы и Гунны и русская мѣстность Hervararsaga'и (по поводу книги *R. Heinzel*'я, Ueber die Hervararsaga).—Örvarodds-saga изд. *Boer*'омъ (1888).—Извлеченія изъ той и другой саги помѣщены въ Antiquités russes, t. I (1850), p. 89—211.

[2]) «Въ одной исландской сагѣ, замѣчаетъ Карамзинъ, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ» (Цит. *Torfaei* Historia rerum norvegicarum... T. I, VI, 273).—Позже *Сухомлиновъ* (О древней русской лѣтописи, 123—124), *Simrock* (Handbuch der Deutschen Mythologie, 197—198, по 3 изд.), *Liebrecht* (*Germania*, X, 110—111, въ рецензіи на книгу Зимрока) указали и другіе варіанты этой „басни“.

[3]) *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 188, 193, 396; *Костомаровъ*, Монографіи XIII, 84.

Digitized by Google

Въ сказаніи о Волхвѣ передатчики былинъ находили кое-что сходное съ пѣснями о Васильѣ Буслаевичѣ. Былины о новгородскомъ удальцѣ не слились, правда, съ пѣснями о Волхѣ-Вольгѣ, но въ сознаніи народныхъ пѣвцовъ Василій и Волхъ-Вольга обнаруживаютъ, какъ мы видѣли, несомнѣнную склонность къ взаимному сближенію.

Digitized by Google

ПѢСНИ О КНЯЗѢ РОМАНѢ.

Географія великорусскихъ былинъ давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей, давая основанія для соображеній о родинѣ и времени первоначальнаго разцвѣта нашего былеваго эпоса.

Изъ ряда географическихъ названій, встрѣчающихся въ нашихъ былинахъ, особенный интересъ и важность представляютъ тѣ, которыя принадлежатъ мѣстностямъ далекимъ и малоизвѣстнымъ на сѣверѣ. Таково названіе Галичъ, встрѣчающееся въ былинахъ съ характеристическимъ, не оставляющимъ мѣста недоразумѣнію, прибавленіемъ: Волынь, указывающимъ на землю Галицко-Волынскую. Былина о Дюкѣ Степановичѣ открывается такою картиной:

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ славна Волынца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача добрый молодецъ,
Молодой Дюкъ, сынъ Степановичъ [1]).

Та же картина повторяется въ былинѣ о Михаилѣ Казариновѣ:

Какъ изъ далеча было изъ Галичья,
Изъ Волынца города изъ Галичья. . .
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ [2]).

Въ пѣснѣ: «Сорокъ каликъ со каликою»:

Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ той же Корелы изъ богатыя
Во ту ли во пустыню во Данилову
Собиралося, собрунялося
Сорокъ каликъ со каликою [3]).

---

[1]) Др. росс. стихотворенія, собр. *Киршею Даниловымъ*, 22.

[2]) Ibid. 203.

[3]) Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, III, 81.

Digitized by Google

Простодушные сказатели XVIII и XIX вв., упоминая Волынь и Галичъ, не отдавали себѣ, конечно, отчета въ истинномъ значенiи этихъ названiй. Они смѣшиваютъ Галичъ съ болѣе знакомою Карелой; названiя же Галичъ, Волынь повторяются какъ что-то заученное, доставшееся отъ старины. Что же это за старина? Какое время оставило свой слѣдъ въ приведенныхъ выше традицiонныхъ запѣвахъ? Могли ли сѣверно-русскiе пѣвцы, поэты московской эпохи имѣть достаточный поводъ и интересъ перенести мѣсто дѣйствiя передававшихся ими сказанiй въ далекiй, забытый ими Галичъ, если бы для этого не представлялось какихъ-либо основанiй въ эпическомъ запасѣ болѣе ранняго времени, если бы самое имя Галича не было подсказано какими-нибудь «старыми словесы»? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ не можетъ, конечно, быть колебанiй и разногласiя.

Галицко-Волынская земля оставила свое имя въ былинахъ. Но ужели только имя? Нельзя ли отыскать въ былинахъ слѣдовъ не имени, а исторiи Галича? Сохранились ли какiя-нибудь эпическiя воспоминанiя о былой жизни этой юго-западной русской украйны?

Въ исторiи Галицкаго княжества былъ блестящiй, но очень не продолжительный перiодъ, когда оно занимало важное, влiятельное положенiе среди другихъ русскихъ областей. Этотъ перiодъ, когда событiя, совершавшiяся въ Галичѣ, могли привлекать общее вниманiе, обнимается княженiемъ Ярослава Осмомысла, Романа Мстиславича и его сына «короля» Данiила. Сыну Данiила Льву еще удавалось поддерживать славу отца и дѣда, но по смерти Льва († 1301) Галичъ быстро утрачиваетъ свое былое значенiе. Его исторiя наполняется мелкими усобицами и неудачною борьбой съ сосѣдями. Въ половинѣ XIV столѣтiя Галичъ теряетъ самостоятельность, дѣлается частью Польскаго государства. Галицко-русскiй народъ будетъ бережно хранить черты родной старины, но его политическая жизнь пойдетъ по чужой дорогѣ, отдѣльно отъ исторiи Руси. Отрѣзаннымъ ломтемъ въ ряду другихъ русскихъ земель остается Галичъ и до нашихъ дней. Поэтому если пѣсенная традицiя могла сохранить какiя-нибудь воспоминанiя объ исторической жизни Галича, то эти воспоминанiя должны, конечно, относиться къ далекой порѣ его мимолетной славы, къ эпохѣ Данiила и Романа.

Послѣднее имя, имя князя Романа, не чуждо дѣйствительно и нашимъ былинамъ. Связь былинныхъ сказанiй о князѣ Романѣ съ воспоминанiями о знаменитомъ Галицкомъ князѣ была уже отмѣчена г. Безсоновымъ, мнѣнiе котораго повторено г. Дашкевичемъ и Ор.

Digitized by Google

Миллеромъ [1]), Задача моей работы—представить болѣе обстоятельное обозрѣніе тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя связываются съ именемъ князя Романа въ памятникахъ письменности, въ произведеніяхъ южно-русской поэзіи и въ великорусскихъ былинахъ.

I.

Наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности князя Романа Мстиславича далеко не отвѣчаютъ той извѣстности, которою онъ пользовался среди современниковъ, и той славной памяти, которую оставилъ въ потомствѣ. Извѣстно, что та часть Галицко-Волынской лѣтописи, которая сохранилась въ сборникахъ типа Ипатскаго списка, открывается припоминаніями, вызванными смертью Романа; предшествующая же часть, которая должна была содержать разсказъ о княженіи Романа, утрачена [2]). Свѣдѣнія о первой половинѣ жизни Романа, до утвержденія его въ Галичѣ, ограничиваются отрывочными извѣстіями, находимыми въ южно-русскомъ и Новгородскомъ лѣтописныхъ сводахъ; для второго, галицкаго періода жизни Романа всего больше даютъ матеріала польскіе лѣтописцы [3]).

Я ограничусь лишь самымъ бѣглымъ припоминаніемъ данныхъ Романовой біографіи, чтобы съ большимъ вниманіемъ остановиться на извѣстіяхъ, указывающихъ на глубокій слѣдъ, оставленный дѣятельностью Романа въ умахъ его современниковъ и въ памяти народной.

Романъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Изяславича и какой-то

---

[1]) Пѣсни. соб. *Рыбниковымъ*, т. I. замѣтка г. *Безсонова*, стр. IV—V. *Дашкевичъ*, Даніилъ Галицкій 111—112, примѣч. *Миллеръ* въ Ист. р. слов. *Галахова*, т. I, изд. 2-е, стр. 120—121.

[2]) О лѣтописи Галицко-Волынской см. *Костомаровъ*, Лекціи по р. ист. 47—51; *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, 151—157.

[3]) Изъ польскихъ лѣтописцевъ особенно важенъ *Кадлубекъ*, современникъ Романа († 1223); хроника его доведена до 1203 г. Хроника *Богухвала* или *Годислава Пашка* въ основныхъ своихъ частяхъ принадлежитъ также XIII вѣку, но въ составъ ея внесено позже много дополненій и измѣненій. Изъ позднѣйшихъ компиляторовъ, извѣстія которыхъ касаются и времени Романа, назовемъ *Длугоша* (XV в.), *Бѣльскаго* (XVI), *Стрыйковскаго* (XVI). О древне-польскихъ лѣтописцахъ см. соч. г. *Линниченка*: Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XVI ст. (Кіевъ, 1884), гл. I.—Объ извѣстіяхъ Кадлубка, касающихся Руси, есть статья г. *Ярмаховича*: Magistri Vinc. Kadlubkonis Chronica Polonorum, какъ источникъ для русской исторіи (въ *Кіевскихъ унив. Извѣстіяхъ* 1878 г., декабрь). Извлеченіе изъ Длугоша извѣстій о Руси дано *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ* въ приложеніи къ сочиненію о составѣ лѣтописей.

Digitized by Google

польской княжны, воспитывался въ Польшѣ при дворѣ своего дяди [1]). Въ 1168 г. Романъ занялъ княжескій столъ въ Новѣгородѣ, но оставался тамъ недолго. Вскорѣ послѣ знаменитой побѣды новгородцевъ надъ суздальскими войсками [2]), новгородцы «показаша путь» Роману (1170). Въ это же время онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и, по совѣту дружины, поспѣшилъ на югъ, въ Владиміръ Волынскій, гдѣ и занялъ столъ княжескій. Въ 1187 г., по смерти Ярослава Осмомысла, Романъ, пользуясь нерасположеніемъ галичанъ къ ихъ князю Владиміру Ярославичу, пытался овладѣть Галичемъ, но удержаться здѣсь ему на этотъ разъ не удалось. Его вытѣснили изъ Галича угры, которые впрочемъ тоже недолго владѣли этою русскою областью. Въ 1190 г. Владиміръ Ярославичъ снова занялъ галицкій столъ. Романъ же, при помощи своего тестя Рюрика Ростиславича, сѣлъ опять во Владимірѣ Волынскомъ. Въ 1198 г. умеръ Владиміръ Ярославичъ. Романъ снова рѣшился овладѣть Галичемъ и на этотъ разъ, при помощи польскихъ войскъ, успѣлъ утвердиться здѣсь; польскіе лѣтописцы сообщаютъ, что съ недовольными его властью Романъ раздѣлался преслѣдованіями и казнями.

Изъ событій, относящихся ко времени княженія Романа на Волыни и въ Галичѣ, извѣстны: борьба Романа съ его тестемъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, походы противъ Литвы и половцевъ и вмѣшательство въ польскія дѣла.

---

[1]) „Крайне запутаны“, говоритъ г. Линниченко, — „благодаря состоянію источниковъ, родственныя отношенія Романа Мстиславича и Казимира Справедливаго. Кадлубекъ, правда, выразительно называетъ Романа Мстиславича и Казимира двоюродными братьями; наша лѣтопись называетъ Мѣшка Старого, брата Казимира, уемъ Роману: но вопросъ этимъ не разрѣшается, ибо по однимъ извѣстіямъ мать Романа была сестрой Казимира, по другимъ самъ Казимиръ былъ женатъ на дочери русскаго князя“. Какая именно сестра Казимира была матерью Романа, и какая русская княжна была замужемъ за Казимиромъ, остается неяснымъ. Г. *Линниченко* выставляетъ гипотезу: „не былъ ли Казиміръ женатъ на сестрѣ Мстислава Изяславича? И въ такомъ случаѣ Лешекъ и Романъ были бы двоюродными братьями и Мѣшко могъ называться уемъ Романа» (op. cit, 62—64). Трудно согласиться съ этимъ предположеніемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ Мѣшко едва ли бы названъ былъ *уемъ* Романа, ибо приходился бы Роману родственникомъ по отцу, а не по матери. О воспитвніи Романа въ Польшѣ упоминаетъ Кадлубекъ: «Meminit namque idem Romanus, quanta erga se Casimiri fuerint beneficia, apud quem paene a cunabalis educatus» (L. IV, c. 23).

[2]) Объ этой побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами есть особая повѣсть (Памятн. стар. р. лит. I, 241—242). Въ повѣсти упоминается, конечно, о князѣ („Бысть же у нихъ въ то же время князь Романъ сынъ Мстиславль, внукъ Изяславль“), но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ не онъ, а знаменитый архіепископъ Іоаннъ.

Digitized by Google

Романъ поссорился съ тестемъ изъ-за нѣсколькихъ городовъ въ Кіевской области (Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ). Рюрикъ, занявшій (въ 1195 г.) кіевскій столъ по смерти Святослава Всеволодовича (извѣстнаго по «золотому слову» въ Словѣ о полку Игоревѣ), далъ упомянутые города Роману, но потомъ отнялъ ихъ по требованію великаго князя Суздальскаго Всеволода. Романъ соединился съ Ольговичами Черниговскими и послалъ войско въ Кіевскую область, но въ это время на его собственныя владѣнія напали Ростиславъ Рюриковичъ и Владиміръ Галицкій. Романъ не имѣлъ силъ отбить нападенія и принужденъ былъ смириться. Позже, когда Романъ утвердился въ Галичѣ, Рюрикъ пытался отнять у него эту область, но поплатился за это своимъ княженіемъ. Романъ взялъ Кіевъ (1202 г.), выгнавъ оттуда тестя. Въ 1204 г. Рюрикъ снова овладѣлъ Кіевомъ, но не надолго. По приказанію Романа, Рюрикъ былъ схваченъ, отвезенъ въ монастырь и постриженъ. Въ то же время пострижены жена Рюрика и его дочь, жена Романа, который вступилъ потомъ въ новый бракъ.

О битвахъ Романа съ Литвой упоминаютъ польскіе лѣтописцы и Слово о полку Игоревѣ [1]). Въ русской лѣтописи подъ 1196 (6701) г. отмѣчено: «Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичъ на Ятвягы отомьщеваться, бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде въ землю ихъ, они же не могучи стати противу силѣ его, и бѣжаша во своя тверди, а Романъ пожегъ волость ихъ и отомстився возвратися во свояси» [2]).

Есть лѣтописныя извѣстія и о походахъ Романа противъ половцевъ. Въ 1202 (6710) г. «ходи Романъ князь на половци, и взя вежѣ половечьскыѣ, и приведе полона много, и душь хрестьяньскыхъ множство отполони отъ нихъ, и бысть радость велика в земли Русьстѣй». Въ 1205 (6713) г. «ходиша Рустии князи на половци, Рюрикъ Киевьский, Ярославъ Переяславьский великого князя Всеволожь сынъ, Романъ Галицкий Мстиславичь и иныи князи; бысть же тогда зима люта, и половцемъ бысть тегота велика, посланая на ня казнь отъ Бога, и взяша Рускии князи полону много, и стада ихъ заяша, и возвратишася во свояси с полономъ многимъ, и бысть ра-

---

[1]) „Тѣми трѣсну земля и многы страны: Хынова, Литьва, Ятвязи, Деремела и Половьци“ (по чтенію проф *Потебни*). Упоминаемыя здѣсь побѣды, относящіяся ко времени до 1187 года (когда написано Слово о полку Игоревѣ), неизвѣстны по лѣтописямъ.

[2]) Полное собр. р. лѣт. II, 150, 326.

Digitized by Google

дость велика всѣмъ хрестьяномъ Русской земли» [1]). О первомъ изъ этихъ походовъ разсказываютъ также византійскіе лѣтописцы. Половцы опустошали Ѳракію. Походъ Романа, къ которому обращался за помощью Алексѣй Комнинъ, отвлекъ ихъ силы отъ греческихъ владѣній [2]).

Что касается вмѣшательства Романа въ польскія дѣла, то оно вызвано было просьбой «Казимиричей» (Лешка и Конрада), которые боролись со своимъ дядей Мечиславомъ. Романъ двинулся съ своими войсками въ польскіе предѣлы, но былъ раненъ въ битвѣ при Мозгавѣ и вернулся въ Волынь (1195). Побѣда осталась за Мечиславомъ [3]). Позже дружественныя отношенія Романа къ Казими-

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 397, 399. Ср. П. собраніе р. лѣт., II, стр. 328.

[2]) *Успенскій*, Образованіе втораго Болгарскаго царства, стр. 208—209. Ср. *Карамзинъ*, И. Г. Р. III, стр. 66 (изд, *Эйнерл.*). пр. 108. Въ описаніи путешествія въ Царьградъ Добрыни Андрейковича упоминаются послы «отъ великаго князя Романа», прибывшіе въ Константинополь, вѣроятно, для переговоровъ по поводу упомянутаго похода на половцевъ, (Путешествіе Новгородск. архіепископа Антонія, изд. съ примѣчаніями *Савваитова*, 79). Польскіе лѣтописцы, а за ними и Густынская лѣтопись, разсказываютъ еще, что по взятіи Константинополя крестоносцами Алексѣй Ангелъ бѣжалъ въ Галичъ къ Роману: «они же (войска римскія и нѣмецкія) прійдоша къ Цариграду моремъ и обрѣтоша Алексѣя Ангела царя Греческаго не готова, ихъ же Алексѣй убояся, ксему же яко не имѣя во Грецѣхъ никого же себѣ пріязнаго, сего ради, оставивъ царство Исаакію, ослѣпленному брату своему, а самъ со своими бояры и со множествомъ богатства и сокровищъ побѣже въ Русскую землю ко Роману Мстиславичу въ Галичъ" (Собраніе лѣт., II, 327). Вѣроятно, въ связи съ утвержденіемъ латинянъ въ Цареградѣ стоитъ и посольство къ Роману отъ папы (1204 г.). Извѣстенъ отвѣтъ Романа легату: «таковъ ли мечъ у папы?« (*Макарій*, Исторія Русской церкви, III, стр, 284—285).

[3]) „Романъ же... ѣха въ Ляхы помочи дѣля (въ борьбѣ съ тестемъ своимъ Рюрикомъ) ко Казимеричемъ и рекоша ему Казимеричи: «мы быхомъ тобѣ радѣ помоглѣ, но обидить насъ стрый свой Межька, ищетъ надъ нами волости, а переже оправи насъ, а быхомъ былѣ вси Ляхове не разно, но за одинѣмъ быхомъ щитомъ былѣ съ тобою и мьстили быхомъ обиды твоя». Романъ же улюбивъ съвѣтъ ихъ и послушавъ ихъ, и поѣха на Межьку со сыновци его съ Казимеричи, сдума съ мужи своими, рекъ: «ажь примучю сихъ, а Богъ ми на ня поможеть, и тогда совокупивъ всихъ на одино мѣсто исполню съ ними честь свою и хотѣніе мысли своея налѣзу»; и то помысливъ въ сердци своемъ, и поѣха противу Мьжьцѣ биться. Межько же приславъ противу ему и не хотяше битися съ нимъ, но веляшеть Романови, абы и уладилъ со сыновци его; Романъ же не послушавъ ихъ и ни мужій своихъ, и да ему полкъ. И ударишася Ляхове съ Русью, и потопташа Ляхове Русь, и побѣди Межько Романа, и избиша въ полку его Руси много и Ляховъ своихъ; а самъ утече къ Казимеричемъ въ городъ, и оттуду веемши и дружина его, несоша и къ Володимерю". (П. собр.

Digitized by Google

ричамъ смѣнились открытою враждой. Галицкій князь требовалъ отъ польскихъ князей Люблинскую область, какъ вознагражденіе за издержки, вызванныя походомъ противъ Мечислава. Неудовлетвореніе этого требованія вызвало войну. «Романъ Мстиславичъ Галицкій, ища вины на Ляховъ, посла съ гордостію до Лешка Бѣлаго, князя Полского, да ему дасть волость во своей державѣ за труды, яже подъять помогая ему на Мечислава Стараго, стрія его; Лешко же отвѣща ему, яко недостоинъ еси мзды, понеже бѣжалъ еси отъ брани. Романъ же разгнѣвася велми и собра велико множество вой, пойде въ державы лядзкія, хотя Ляховъ и вѣру ихъ погубити, и пришедъ къ Люблину облеже и́ и стоя подъ нимъ мѣсяцъ, но не може его взяти; и потомъ услыша, яко Лешко князь съ Кондратомъ братомъ своимъ идутъ на него, оставивъ Люблинъ, пойде противу ихъ презъ Вислу, и тамо подъ Завихвостомъ градомъ пораженъ и убіенъ бысть сей великій и храбрый и славный во князѣхъ Романъ Мстиславичъ; и оста по немъ два сына его, Данило, имѣя лѣтъ четыре. и Василко двою лѣтъ» [1]), Вдова Романа отдалась подъ покровительство короля Угорскаго Андрея. Угорскія войска заняли Галичъ, но скоро вытѣснены были оттуда Черниговскими князьями. На галицкомъ столѣ сѣлъ Владиміръ Игоревичъ (упоминаемый въ Словѣ о полку Игоревѣ). Жена Романа бѣжала съ дѣтьми сначала во Владиміръ Волынскій, а оттуда въ Краковъ къ Лешку Бѣлому, съ которымъ такъ недавно воевалъ Романъ. Лешко отправилъ Даніила въ Угрію; Василько приглашенъ былъ на княженіе въ Брестъ. Въ Галичѣ между тѣмъ Игоревичей смѣнилъ присланный королемъ Андреемъ воевода Бенедиктъ, заслужившій своими дѣйствіями прозвище Антихриста. Игоревичамъ удалось прогнать Бенедикта, но король Андрей снова отправилъ противъ нихъ войско, съ которымъ прибылъ и Даніилъ Романовичъ. Населеніе съ радостью привѣтствовало появле-

---

р. лѣт., II, 145—146 подъ 6703—1195 г.). „Польскіе историки пишутъ", говоритъ Карамзинъ, — „что онъ (Романъ) повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а воевода Краковскій Николай другимъ и срединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ нести себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменитый епископъ Краковскій Фулько ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. „Не имѣя ни силы въ рукахъ, ни воиновъ, отчасти убитыхъ, отчасти разсѣянныхъ, могу ли быть вамъ полезенъ?" сказалъ ему Мстиславичъ, а на вопросъ епископа: „чтожь дѣлать?" отвѣтствовалъ: защищать столицу, пока соберемся съ силами. (И. Г. Р., изд. *Эйнерл.*, III, стр. 58).

[1]) П. собр. р. лѣт. II, 329 (Густ. лѣт.). Ср. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 404—405, подъ 6714—1206 г.

Digitized by Google

ніе молодого князя, надѣясь на прекращеніе смутъ и усобицъ [1]. Даніилъ сѣлъ въ Галичѣ; туда же прибыла и мать его. Вскорѣ однако враждебное настроеніе нѣкоторыхъ бояръ Галицкихъ, непріязненное движеніе одного изъ сосѣднихъ князей (Мстислава Ярославича Нѣмого, князя Пересопницкаго) заставили Даніила снова оставить Галичъ. Онъ бѣжалъ въ Угрію, оттуда къ Лешку Бѣлому, а затѣмъ въ Каменецъ, куда еще ранѣе прибылъ Василько, принужденный оставить Брестъ [2]. Только много лѣтъ спустя, послѣ тяжелой борьбы и цѣлаго ряда приключеній, Даніилъ успѣлъ утвердиться въ Галичѣ (1235 г.).

Характеръ князя Романа, полный неутомимой энергіи и поразительной силы, его разнообразная дѣятельность, вызывавшая сношенія и столкновенія съ русскими князьями и половецкими ханами, съ польскими владѣтелями и съ послами изъ Византіи и Рима, полная превратностей судьба Романа, ставившая его въ положеніе то завоевателя, то изгнанника, его смерть на полѣ битвы, страданія и приключенія, выпавшія на долю оставленныхъ имъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ носилъ потомъ титулъ короля,—все это придавало Роману черты одного изъ тѣхъ историческихъ образовъ, которые приковываютъ къ себѣ общее вниманіе, которые дѣлаются достояніемъ народныхъ разсказовъ, пѣсенъ, преданій. «Романъ», говоритъ Карамзинъ,—«надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима... Ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними князьями» [3]. Эти слова можно подтвердить рядомъ свидѣтельствъ русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ. Мы увидимъ изъ этихъ свидѣтельствъ, что образъ Романа долго тревожилъ народное воображеніе и на Руси, и въ Польшѣ. Разсказы о Романѣ даже современныхъ ему писателей носятъ несомнѣнные слѣды такого потревоженнаго воображенія. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени черты поэтическаго замышленія выступаютъ еще яснѣе.

---

[1] П. собр. р. лѣтописей, II, стр. 155—159.

[2] „Княгини же Романовая (съ) сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толъстымъ бѣжаша во Угры, а Василко съ Мирославомъ ѣхаща въ Бѣлзъ.. Данилъ же отъиде съ матерью своею въ Ляхи, отпросився отъ короля, Лестько же прія Данила съ великою честью; и оттуда же иде въ Каменець съ матерью си, братъ же его Василко и бояре вси срѣтоша и съ великою радостью... Потомъ же Данило и Василко Лестьковою помощью пріяста Тихомль и Перемиль отъ Олександра, и княжаста съ матерью своею въ немъ, а на Володимеръ зрящи: „се ли, ово ли Володимеръ будетъ наю“ (ibid. 159—160).

[3] И. Г. Р., III, стр. 68—69.

Digitized by Google

1) Въ 1187 году авторъ Слова о полку Игоревѣ обращался къ князю Роману, тогда еще Волынскому князю, съ такими словами: «А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими, тѣми тресну земля и многы страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи». Авторъ Слова хорошо зналъ современныхъ ему князей и ихъ относительное значеніе. Пышное обращеніе, облеченное въ форму, навѣянную «старыми словесы», даетъ понять, какъ отражалась дѣятельность Романа въ умахъ современниковъ.

2) Отрывокъ Галицко-Волынской лѣтописи открывается слѣдующею замѣткой о Романѣ: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ ума мудростью, ходяща по заповѣдемъ Божіимъ: устремилъ бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же и бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измаилтяны, рекомыя Половци, изгнавшю отрока во Обезы за желѣзная врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживишю; тогда Володимеръ Моносмахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю и загнавшю оканяныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ оставъшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы река: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою, молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочетъ, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ (емшанъ). Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшю и восплакавшю, рече: «да луче есть на своей землѣ костью лечи, не ли на чюжѣ славну быти». И приде во свою землю, отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву. Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьникы» [1]).

3) Въ 1251 году князья Даніилъ и Василько, сыновья Романа одержали побѣду надъ Ятвягами. Лѣтопись сопровождаетъ извѣстіе объ этомъ такой замѣткой: «многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшю има, и придоста со

[1]) П. собр. р. л. II, 155.

Digitized by Google

славою на землю свою, наслѣдивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху» [1]).

4) Въ 1257 году князь Даніилъ Романовичъ снова воевалъ съ ятвягами и наложилъ на нихъ дань. Лѣтопись замѣчаетъ при этомъ: «по великомъ князѣ Романѣ никтоже не бѣ воевалъ на нѣ въ Руских князихъ, развѣе сына его Данила» [2]).

5) Въ 1288 году умеръ князь Владиміръ Васильковичъ. «Плакахуся по немъ», говоритъ лѣтописецъ,—«лѣпшіи мужи Володимерьстіи, рекуче: «добро бы ны, господине, съ тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ; ты же бяше, господине, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего; нынѣ же, господине, уже ктому не можемъ тебе зрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ» [3]).

Изъ приведенныхъ отрывковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ охотно вспоминали о князѣ Романѣ въ Галицко-Волынской землѣ, особенно интересны отрывки второй и третій.

Замѣтка лѣтописи, посвященная воспоминаніямъ о Романѣ и Владимірѣ Мономахѣ, много разъ разсматривалась изслѣдователями Слова о полку Игоревѣ, которые находили въ этой замѣткѣ нѣкоторое сходство съ литературнымъ стилемъ Слова. Еще митрополитъ Евгеній указывалъ на сходство выраженій Слова «съ Волынскою лѣтописью». Головинъ въ изданіи Слова (1846 г.) отмѣтилъ приведенный выше отрывокъ, какъ образецъ литературнаго изложенія, напоминающаго слогъ пѣвца Игорева [4]). Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Вс. Ѳ. Миллеръ, идетъ далѣе. «Быть можетъ», говоритъ онъ,—«эта повѣсть была частью извѣстнаго намъ «Слова», вышла изъ-подъ пера того же автора и нѣкоторыя черты ея по реминисценціи занесены лѣтописцемъ» [5]). Въ такомъ предположеніи едва ли есть надобность. Но замѣченное сходство слога разсказа о Романѣ и Слова о полку несомнѣнно. Изложеніе Слова о полку Иго-

[1]) Ibid. 187. Въ Ермолаевскомъ спискѣ прибавлено: „страшаху: ' Романъ! Романъ! албо: Русъ! Русъ!" Ср. въ Повѣсти объ Александрѣ Невскомъ: „начаша жены моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: Александръ ѣдетъ!"

[2]) Ibid. 194.

[3]) Ibid. 220.

[4]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей (изд. *Москвитянина*) I, 243. Ср. *Смирновъ*, О Словѣ о полку Игоревѣ (Литература слова), I, 35, 89.

[5]) Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, 138—141.

Digitized by Google

ревѣ представляетъ художественный сплавъ народно пѣсенныхъ пріемовъ съ чертами, заимствованными изъ книжно-переводной литературы. То же, дѣйствительно, находимъ и въ приведенномъ отрывкѣ лѣтописи. Относительно книжныхъ вліяній я позволю здѣсь повторить свою замѣтку, помѣщенную въ статьѣ о Словѣ о полку: «Не отрицая вліянія народно-поэтическихъ преданій на упомянутое лѣтописное воспоминаніе, замѣчу, что въ немъ видно присутствіе и другого рода литературныхъ элементовъ, вліяніе памятниковъ переводныхъ. «По смерти же великаго князя Романа... одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ ума мудростью, ходяща по заповѣдемъ Божіимъ»... Въ «Лѣтописцѣ Еллинскомъ и Римскомъ» въ разсказѣ объ Ираклѣ читаемъ: «Палицею оубивша змия, рекше одолѣвшу тремъ частемъ злымь похотемь ума мудростью акы палицею, хо́дяща въ котызѣ, акы въ лвѣ язвенѣ, въ твердѣ умѣ» и т. д, (Поповъ, Обзоръ хронографовъ р. ред. вып. I, стр. 14; ср. Fragmenta hist. graec. coll. C. Müllerus, t. IV, p. 543)» [1]). Что касается народно-поэтической стихіи въ замѣткѣ о Романѣ, то она вѣрно была угадана поэтическимъ чувствомъ одного изъ нашихъ поэтовъ [2]), Разсказъ о гудцѣ Орѣ, который пѣснями и запахомъ степной травы напоминалъ изгнаннику его далекую родину, воспоминаніе о Кончакѣ, «иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву»,—все это носитъ несомнѣнный характеръ поэтическаго преданія. Воспоминанія о князѣ Романѣ и его походахъ на половцевъ слились съ этими поэтическими сказаніями старины.

Третій изъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ отрывковъ, упоминающій о походѣ Даніила и Василька на Ятвяговъ въ 1251 г., важенъ по прямому указанію на пѣсенное славленье князей. Лѣтопись сопоставляетъ удачу сыновей Романа съ побѣдами ихъ отца: «придоста со славою на землю свою, наслѣдивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имъ же половци дѣти страшаху». Это сопоставленіе, хотя бы въ иныхъ выраженіяхъ, можетъ принадлежать пѣснѣ. Но если пѣсня славила тѣхъ, кто только шелъ по слѣдамъ Романа, ужели она молчала о немъ самомъ?

Что касается польскихъ лѣтописцевъ, то они особенною подробностью разсказываютъ: 1) о жестокостяхъ, которыми сопровожда-

---

[1]) Литература Слова о полку Игоревѣ, 52—53 (въ *Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ* 1880 г.).

[2]) См. стихотвореніе А. Н. Майкова „Емшанъ“.

Digitized by Google

лось второе занятіе Галича Романомъ; 2) объ его походахъ въ Литву и 3) о послѣдней битвѣ Романа съ польскими князьями.

1) Винцентій Кадлубекъ, современникъ Романа Мстиславича, разсказываетъ, что занявъ Галичъ, Романъ началъ страшную расправу съ враждебными ему боярами: закапывалъ живыхъ въ землю, сдиралъ кожу, разрывалъ на части, разстрѣливалъ. Вотъ слова Кадлубка: Vix enim dux Lestco pedem cum suis dimoverat, quum Galiciensium satrapas et eubagionum florentissimos incautos occupat ac trucidat, quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit. Unde solenne illi erat quasi proverbium: melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso, non rarefacto examine; nec sapere species, nisi creberrime pilo contusas [1]). На этотъ разсказъ Кадлубка оказала несомнѣнное вліяніе быстро ростущая народная молва. Позднѣйшіе лѣтописцы польскіе или повторяютъ почти буквально разсказъ Кадлубка (Богухвалъ, Сарницкій), или распространяютъ его нѣкоторыми новыми подробностями (Длугошъ, Стрыйковскій). Вотъ разсказъ Стрыйковскаго: Roman xiaże Władimirskie... wielkim się rychło tirannem sstał: niktorich scinał y czwiertował niktorych żywych w ziemię zagrzebywać, drugich z skory łupić, w stuki rozsiekiwać, na pałe wbijać, scinac, palić, topić, piłami przecierać, oczy wymować y rozmaitymi mękami prawie tiranskimi mordować kazał. A panow ruskich, ktorzy przed jego tyranstwem uciekali, łagodnym ofiarowaniem przyzwawszy potym na drzewie zawieszonych każdégo ustrzełał, przypominając to zwykle swoie tyranskie

---

[1]) Monumenta Poloniae historica, vyd. *Aug. Bielowski*, t. II, 440. О приведенной Кадлубкомъ пословицѣ Карамзинъ замѣчаетъ: «Сію пословицу, извѣстную и римлянамъ во времена ихъ тирановъ, нашелъ я въ Волынской лѣтописи Галицкій сотникъ Микула говоритъ сыну Романову, Даніилу: „Господине! не погнетши пчелъ, меду не ясти“ (И. Г. Р. III, пр. 106. Ср П. собр. р. лѣт. II, 171). Тотъ же Кадлубекъ передаетъ еще другую пословицу, сказанную будто бы Романомъ Краковскому епископу послѣ битвы при Мозгавѣ, когда раненый князь долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ Казимиричей противъ Мешка: caput (разумѣется столица) ergo et custodiri et defendi convenit, donec nostrorum livor vulnerum detumescat. *Piscis* enim *quorsumvis sequitur*, *si illius filo branceam teneas*“. Карамзинъ замѣчаетъ: „Послѣдняя рѣчь значитъ: „и рыба идетъ, куда хочешь, если захватишь оную за жабры“. Романъ, назвавъ столицу главою, прибавляетъ иносказательно, что непріятель овладѣетъ и государствомъ, если возьметъ оную. Въ сравненіи съ рыбою слово *жабры* употреблено вмѣсто *головы*“ (И. Г. Р. III, пр. 93).

Digitized by Google

przysłowie, iź żaden miodu bezpiecznie poźywać nie moźę, aźby pierwey roje pszczoł wygładził. Wielkie też skarby zébral, pobierajac dobra y majetnosci uciekających y wywolanych panow ruskich» [1]).

2) О походахъ противъ Литвы находимъ разсказъ у Стрыйковскаго: «Litwę też Jatwieżow, ludzi lesnych w sąsiedztwie przyległych zwojował, zhołdował y do posłuszeństwa ruskiego moca przypędził. Плѣнниковъ литовскихъ wszystkich do bydlęcych robot, co miały konie y woly robić, przymuszał [2]). Кромѣ того Стрыйковскій даетъ другой разсказъ о борьбѣ Руси съ Литвой, разсказъ ошибочно связанный съ именемъ Романа Ростиславича Смоленскаго: «A gdy Litwa z Jaczwingami, ludzie lesni, zebrawszy się, s połną mocą do ruskich xięstw wtargnęli y łupy wielkie pobrali, z ktorych byli zwykli źyć, zebrał się na nich Roman monarcha Kijowski a s korzyscią w lesne jaskinie uciekających dogonił y poraził, rosproszył y lupow część większą odgromiwszy, wielkosć Jatwieżow y Litawow poganow poimal a zagnawszy ich do Kijowa y do inszych zamkow ruskich w srogim więzięnu chował, cięszkie a bydlęce roboty nimi odprawnjąc: drugich kazał okowawszy w pługu zaprzągać a jako wolami pola orać, starzyny karcze na nowinach albo ladach, jako po rusku zową, uprzętać, skąd ona przypowieść była wrosła, gdy jeden Litwin nauczywszy się języku ruskiego u pługu ciągnac rzekł: Romanie, Romanie lichym się karmisz, Litwoju oresz [3]). Этотъ разсказъ повторяется и въ позднихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, напримѣръ, въ такъ называемой «Подробной лѣтописи»: «По преставленіи благовѣрнаго князя Глѣба, сѣде на престолѣ Кіевскомъ Романъ князь Смоленскій. Сей бѣ зѣло храбръ и Литву порази, многихъ же плѣнивъ въ жестокихъ узахъ держаше и тяжкія работы на нихъ возлагаше, и иныхъ окованныхъ въ плугъ впрягаше и ими, яко волами, поля окресть Кіева ораше, и оттуда оная притча израсте, егда одинъ литвинъ въ плузѣ тянувъ, научися языка руска, и рече: Романе, Романе, худымъ живеши, Литвою ореши» [4]). Эта «притча» представляетъ примѣненіе къ обстоятельствамъ Романовой борьбы съ Литвой извѣстнаго въ нѣсколькихъ варіантахъ сказанія объ обращеніи побѣжденныхъ въ положеніе ра-

---

[1]) Ks. VI, rozdz. V. По изд. 1582 г. стр. 238. Статья о Романѣ имѣетъ заглавіе: „O tyranstwie Romana Wladimirskiego y Halickiego". На полѣ: „Roman xiąże drugi Phalaris y Nero".

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., str. 227.

[4]) Ч. I, стр. 115—116.

Digitized by Google

бочаго скота. Извѣстнѣйшій изъ такихъ варіантовъ —преданіе объ Обрахъ, занесенное въ начальную лѣтопись [1]).

3) Особенно интересны и важны разсказы польскихъ лѣтописцевъ о послѣдней борьбѣ Романа съ поляками и объ его смерти. У Кадлубка извѣстія объ этомъ нѣтъ. Бѣлевскій въ своемъ изданіи польскихъ историковъ замѣчаетъ, что Кадлубекъ имѣлъ однако въ виду разсказать о походѣ Романа въ Польшу. Основаніемъ этой догадки служатъ слова Кадлубка: Quod beneficii qua tandem gratiarum devotione Polonis rependere studuit, suo loco docebitur. Обѣщанный Кадлубкомъ разсказъ Бѣлевскій находитъ въ старомъ Краковскомъ лѣтописцѣ (подъ 1205 г.). Догадка основывается на сходствѣ слога. Извѣстіе лѣтописца—краткое: in Zavichost est in proelio interfectus; прибавлено, что битва сопровождалась страшнымъ кровопролитіемъ: insuper cedis valitudinem inauditam fuit protestata et exundans cruoris effusio in flumine Wizla [2]). Въ хроникѣ Богухвала въ разсказѣ о пораженіи Романа замѣчено, что немногимъ изъ русскихъ удалось тогда спастись; остальные были убиты или погибли въ Вислѣ [3]). У позднѣйшихъ компиляторовъ (Длугошъ, Мѣховита, Кромеръ, Стрыйковскій, Бѣльскій), вмѣсто такихъ краткихъ извѣстій о послѣдней битвѣ Романа, находимъ подробный разсказъ, интересный по нѣкоторымъ чертамъ и намекамъ народно-эпическаго характера. Порядокъ разсказа такой: Романъ требуетъ у польскихъ

[1]) «Въ лѣтописи Величка... разсказывается, что поляки запрягали въ плуги людей и женщинъ-матерей, сестеръ и женъ, и заставляли орать по льду на рѣкѣ, а жиды подгоняли ихъ бичами. Въ фальшивой исторіи Конисскаго разсказывается, будто римско-католическое духовенство разъѣзжало по Малороссіи въ длинныхъ повозкахъ, запряженныхъ людьми". (*Костомаровъ*, Моногр. XIII, 32). О молдавскомъ воеводѣ Стефанѣ вел. (на дочери котораго Еленѣ женатъ былъ сынъ Ивана III—Иванъ молодой) преданіе говоритъ, что послѣ побѣды надъ поляками (1496) онъ приказалъ запрячь плѣнниковъ въ плуги и вспахать ими все поле битвы (*Головацкій*, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. I, стр. 281, чит. 681). Нѣмецкая пѣсня разсказываетъ о графѣ Александрѣ, который взятъ былъ въ плѣнъ языческимъ королемъ. Александру предложили на выборъ смерть, или работу въ плугѣ. Плѣнникъ дорожилъ жизнью.

Alexander sprach: „Edel ist das Leben,
wann mir Gott gehelfen mag;
ich mich willig in den Pflug ergeben".

Графа, вмѣстѣ съ другими христіанскими невольниками, впрягли въ плугъ; надсмотрщики били нещадно несчастныхъ рабовъ. (*Uhlands* Schriften, IV, 300—301).

[2]) Monumenta Pol. hist. II, 440.

[3]) Ibid. 553.

Digitized by Google

князей Люблинскую область въ вознагражденіе за потери и убытки, понесенные имъ въ битвѣ при Мозгавѣ. Получивъ отказъ, Галицкій князь вторгается въ польскія владѣнія; переправившись черезъ Вислу у Завихвоста (въ 1½ миляхъ отъ Сендомира), онъ расположился лагеремъ на берегу; туда поспѣшили польскія дружины подъ начальствомъ Лешка и Конрада. Въ ночь передъ битвой (19 іюня) Романъ видѣлъ сонъ: отъ Сендомира прилетѣли щеглы, напали на воробьевъ и побили ихъ; по утру Романъ разсказалъ свой сонъ: одни объясняли его въ благопріятномъ смыслѣ, другіе видѣли въ немъ предвѣстіе бѣды. Приблизились между тѣмъ польскія войска. Романъ, не ожидавшій такого быстраго нападенія, поспѣшилъ привести свои дружины въ нѣкоторый боевой порядокъ. Началось сраженіе. Русскіе были отброшены къ рѣкѣ. Въ это время подъ Романомъ былъ убитъ конь; онъ бросился на первую попавшуюся кобылу и вплавь переправился черезъ Вислу. Но поляки и здѣсь преслѣдовали отступавшихъ противниковъ. Романъ, замѣшавшійся въ толпѣ, не былъ узнанъ и палъ подъ ударами какого-то польскаго воина. Тѣло его было погребено въ Сендомирѣ, но потомъ русскіе выкупили его и похоронили въ родной землѣ. Привожу для образца разсказъ Длугоша. Ad fluvium quoque Vislam perveniens, partim illum navibus et lembis, partim vadis in aliquot locis repertis siccitate aestatis aquis illius diminutis superat, et ad oppidum Zawichost stativa ponit; ill iceum consistentem frequenter sui exploratores de Polonorum adventu avisant. Quorum cum irrideret relationes, milites, quos pro excubiis tenendis transmiserat, exploratorum sententiam confirmant, sed cum his quoque Romanus diffideret et Polonos nequaquam secum pugnaturos crederet, 19 die mensis Iunii S. Gervasti et Protassii martyrio dicata, sole oriente, Leszko et Conradus Duces cum Polonorum exercitibus, quorum Christinus Palatinus Masoviæ erat ductor, adveniunt et ordinatas acies decertare parati ostendunt. Romanus ex fastuoso trepidus factus, vix primas acies urgentibus et infestantibus eum Polonorum sagittariis explicare in spatio arcto permissus, copias tumultuario magis, quam legitimo more educit et signis collatis dimicat. Ingenti clamore ab utroque exercitu sublato, infestis lanceis concursum est, et æquo primum Marte praelium gerebatur... Interim fervente pugna primis Ruthenorum ordinibus per Polonos contritis et prostratis, Polonorum res meliori, Ruthenorum deteriori loco esse cœpit. Abundante tamen multitudine, et Romano integros pro cadentibus aut vulneratis subducente, providentia et solicitudine ducis Romani prælium in pluribus locis inclinatum re-

Digitized by Google

stituitur, Poloni non Ruthenis, sed duci Romano velut proditori fidefrago et transfugae irati ad illius occisionem ardentissime conspirant, et globo facto Romanum inter primos pugnantem ex insignibus. cognitum adorti invadunt. Romano duce gravissima cuncta observante oculis, manus universa militum, quae circa illum conglobata, hactenus illum egregie defenderat, a Polonis deleta, strenui ac fortissimi quique pugnatores, ante ducis sui ora caesi, mutuoque cadentes fugam et ducis Romani et caeterorum suorum Ruthenorum inhibebant. Inter haec Romanus dux ultimi periculi videns sibi imminere discrimen, jam enim et equus, cui insidebat, telis frequentibus confossus, excutere illum sategebat, per medias acies prorumpens ad fluvium Vistulam pervenit, ubi equus corruens illum deseruit. Hinc vero majus obortum periculum, quonam modo manus illorum esset evasurus et fluvium trajiceret, tandem effoetam, ut fertur, equam a suis sibi administratam ascendens fluvium aegre superavit.. Mixtus deinde fugientium suorum turbae... a Polonis fugientes insequentibus et gregarium militem illum existimantibus obtruncatus est... Victoria quoque ipsa tam sonora et famosa fuit, ut vicinarum nationum gentionum gentiumque crebris celebraretur sermonibus. Poloni quoque, quibus provenerat, quosque fama, divitiis et honore extulerat, variis illam et seriem ejus prosequebantur carminibus, quae etiam in hanc diem canora voce in theatris audimus promulgari. Cadaver Romani ducis, quod jam Sandomiriae Leszkonis jussu sepultum erat, exhumatum per Ruthenorum Proceres, omnibus, quos ceperat ex Polonis restitutis in libertatem captivis, et mille marcis argenti ad sepulturam a Leszkone Polonorum duce redemptum, et in Wladimiriam delatum est... Fertur, Romanus nocte praecedente cladem per quietem somniasse, quod parvus avium rubra capita (quos Sczygielki apellamus) habentium numerus ab ea parte, qua Sandomiria sita est, adveniens maximum passerum numerum devoravit. Id cum amicis in diluculo retulisset, licet plerique juvenes felix auspicium pronunciassent, senes tamen et prudentes astruxerunt, somnium triste esse et Polonis quidem felicem portendere successum, Ruthenis vero adversum et calamitosum» [1]). M. Бѣльскій въ «Хроникѣ Польской» повторяетъ тотъ же разсказъ, но съ любопытнымъ измѣненіемъ въ концѣ: Ciało jego

[1]) S. a. 1205. Тѣ же подробности повторяются у Кромера, Мѣховиты, Стрыйковскаго.

Digitized by Google

w Sendomirzu pochowano, ale ie Rusacy odkupili tysiącem funtow srebra y pochowali miedzy Bohatyry swe w Kijowe»[1].

Сонъ Романа принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣщихъ сновъ, которые упоминаются во множествѣ пѣсенъ, сказокъ и преданій. Символика сна напоминаетъ нѣкоторые образы Слова о полку Игоревѣ: «О, далече зайде соколъ, птиць бья, къ морю!—Почнутъ наю птицы бити въ полѣ Половецкомъ.—Не было въ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине!»

Высокій интересъ представляетъ свидѣтельство Длугоша о томъ, что въ его время (XV в.) слышались еще въ Польшѣ пѣсни о пораженіи Романа; quae (carmina) etiam in hanc diem canora voce in theatris audimus promulgari. Здѣсь снова является тотъ же вопросъ, который представился намъ при обозрѣніи русскихъ свидѣтельствъ о Романѣ: ужели не было русскихъ пѣсенъ объ этомъ князѣ, если имя его упоминалось даже въ пѣсняхъ польскихъ?.. Свидѣтельство Бѣльскаго разрѣшаетъ это недоумѣніе, давая, какъ мнѣ кажется, твердое основаніе для положительнаго отвѣта на поставленный вопросъ: «тѣло Романа Русскіе похоронили въ Кіевѣ среди своихъ богатырей». Какой смыслъ имѣетъ это извѣстіе? Откуда оно явилось? На чемъ основано? Богатырскія могилы въ Кіевѣ упоминаются не однимъ Бѣльскимъ. Припомнимъ извѣстное свидѣтельство Сарницкаго: «quod olim Romani de septentrionalibus et indianis monstris et miraculis sparserunt, hos Russi de prodigiis et heroibus suis, quos Bohatiros, id est semideos vocant, aliis persuadere conantur. Contumulare autem istos solent in cavernis rupium». Бѣльскій и Сарницкій повторяли въ своихъ извѣстіяхъ только то, что хранилось и передавалось на Руси. Въ XVI вѣкѣ въ Кіевѣ показывали путешественникамъ могилы богатырей Ильи и Чоботка (разсказъ Лассоты). Въ XVII в. Кальнофойскій въ описаніи Кіево-Печерскаго монастыря упоминаетъ о мощахъ св. Ильи, котораго lud pospolity Czobotkiem zowie, и котораго представляли великаномъ (obrzym). Свидѣтельство Бѣльскаго указываетъ, что въ ряду кіевскихъ богатырей давали мѣсто и князю Роману; его могилу отыскивали среди гробницъ Ильи, Чоботка и другихъ «храбрыхъ» стараго времени[2]. Переводя эпическіе образы народнаго

---

[1]) Kronika Polska (изд. 1830 г.) II, 74.

[2]) Въ Книгѣ о россійскихъ святыхъ (XVII в.) есть такое извѣстіе о св. Меркуріи Смоленскомъ: «св. великомученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворецъ, въ лѣто 6747 (1239) ноемвріа въ 14 день во гробѣ въ Кіевъ приплы». (*Буслаевъ*, Очерки, II, 194). Это извѣстіе представляетъ любопытную параллель

Digitized by Google

преданія на обыкновенную рѣчь, мы получимъ такой выводъ: образъ князя Романа, какъ онъ отпечатлѣлся въ народномъ воображеніи, тѣ черты, которыя входили въ составъ этого образа, то, что̀ соединялось съ этимъ образомъ въ народныхъ воспоминаніяхъ, все это очень близко напоминало то, что̀ соединялось обыкновенно съ представленіями о богатыряхъ; а такъ какъ представленія о богатыряхъ неразрывно связывались съ рядомъ подвиговъ и приключеній, которыя передавались въ пѣсняхъ и преданіяхъ, то слѣдуетъ допустить, что подобныя же пѣсни и преданія соединялись и съ именемъ князя Романа. Романа причисляли къ богатырямъ, потому что о немъ разсказывалось что-то похожее на былины о богатыряхъ. Иное толкованіе свидѣтельства Бѣльскаго едва ли возможно.

Заручившись такимъ образомъ указаніями на существованіе поэтическихъ преданій о князѣ Романѣ Мстиславичѣ, мы уже съ большею смѣлостью можемъ отыскивать слѣды этихъ преданій въ памятникахъ народной словесности южно-русской и сѣверно-русской.

II.

Изъ памятниковъ южно-русской словесности для изученія преданій о князѣ Романѣ важны два: 1) преданіе и пѣсня о пораженіи и смерти хана Боняка и 2) игра и пѣсня «Воротарь».

1) Въ книгѣ Іоанникія Галятовскаго: «Небо новое» въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Чуда пресвятой Богородици розныи на розныхъ мѣстцахъ» читается между прочимъ такой разсказъ: «Въ Малой Россіи, въ повѣтѣ Галицкомъ, есть мѣсто Заваловъ, названное отъ валовъ давно высыпаныхъ, которыхъ есть три надъ тымъ мѣстомъ на горѣ. Межи тыми трома валами знайдуется монастыръ при церквѣ святого архіерея Николая. Повѣдаютъ люде старыи духовныи и свѣцкіи, которыи отъ дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ чували, же Бунякъ (яко они мовятъ), але рачей Батій, царъ Татарскій, егда воевалъ землю Русскую, на той часъ еденъ воевода, на имя Романъ, з землѣ Русской вышолъ з войсками своими противъ ордамъ татарскимъ, а видячи великую потугу поганскую, а свое малое войско христіянское, окопался тромя валами и фрасовался и фрасуючися зоснулъ, которому въ снѣ показалъся святый архіерей Ніколай и

къ разсказу Бѣльскаго о перенесеніи въ Кіевъ Романова тѣла. Кіевъ—эпическій центръ, къ которому стягивались всѣ преданія, въ которыхъ открывались черты богатырской былины.

Digitized by Google

казалъ ему ити смѣле на орды бѣсурманскіи и где бы нагонилъ погановъ и звытяжилъ ихъ, казалъ ему на томъ мѣсцу церковь збудовати на честь пресвятой Богородици, за которои помочу мѣлъ махометановъ звытяжити, межи тыми зась трома валами, казалъ збудовати церковь на честь святому архіерею Ніколаю. Очкнувшися отъ сна, Романъ воевода рушилъся смѣле з войсками своими на татаровъ и погналъ ихъ и утѣкаючихъ гонилъ и доганялъ на тыхъ поляхъ, которыи недалеко за мѣстомъ Тысменицею знайдуютъся, и славное надъ ними одержалъ звытяство, по которомъ звытязтвѣ на тымъ полю збудовалъ церковъ Успенія Пресвятой Богородици за которой предстателствомъ звытяжилъ орды поганьскіи. Въ той церквѣ есть намѣстный образъ пресвятой Богородици чудотворный. При той церквѣ знайдуеться монастыръ, который называетъся Погоня для того, же тамъ Романъ воевода погналъ и догналъ и разогналъ татаровъ непріятелей своихъ и моглъ мовити слова Давидовы: пожену враги моя и постигну я и не возвращуся, дондеже скончаються, оскорблю ихъ и не возмогутъ стати, падутъ предъ ногама моима. По звѣтязствѣ же межи трема валами збудовалъ церковь святого архіерея Ніколая, который ему тамъ во снѣ показалъся и казалъ едну церковъ на честь пресвятой Богородици, другую на имя свое збудовати« [1]).

Тотъ же разсказъ отысканъ въ «Krajowej galicyjskiej Tabuli»: Романъ, князь Островскій, братъ короля Даніила Галицкаго, вмѣстѣ съ братомъ Димитріемъ и племянникомъ Васильемъ, князьями Острожскими, выступилъ, противъ sołodywego Buniaka, inaczej sełodywo albo wsiów dsiwowiska, księcia i herszta Połowców, to jest Podolanów. Утромъ въ день битвы является Роману во время молитвы святитель и повелѣваетъ вступить въ бой съ невѣрными, обѣщая побѣду. Половцы дѣйствительно были разбиты. Русскія войска гнали ихъ до Днѣстра. Большая часть половцевъ при этомъ погибла, оставшіеся въ живыхъ бѣжали въ горы за Днѣстръ. Буняку отрубили голову, а тѣло его сожгли и пепелъ выбросили въ Днѣстръ [2]).

Далѣе, то же преданіе записано въ Галиціи въ нашемъ столѣтіи на основаніи устнаго народнаго пересказа. Содержаніе этого пересказа, сходное вообще съ приведенными уже варіантами, представляетъ слѣдующее дополненіе въ концѣ: когда Бунякъ былъ убитъ,

---

[1]) Л. 211 (по изд. 1699).

[2]) Pokucie. Obraz etnograficzny scr. *Osk. Kolberg*, t. I, 344 —346. Преданіе отыскано въ «Krajowej galicyjskiej Tabuli, e libro fond, pag 109».

Digitized by Google

его отрубленная голова покатилась съ мѣста боя [1]); она была перехвачена только на полѣ, что за мѣстечкомъ Тысменицей, отчего и мѣсто это получиао названіе «Погоня» [2]).

Наконецъ, на ту же тему о гибели Буняка есть и пѣсня. Пѣсня эта, по свидѣтельству лица ее записавшаго [3]), сохраняется среди обитателей Поднѣстровья. Вотъ текстъ пѣсни въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ въ трудѣ польскаго собпрателя:

Szczoż to za dywy!
może Buniak solodyvy?
każut jeho czereda
pryszla nas wybnaty.
Łysze dadut jemu znaty,
kuda bude utikaty.

---

[1]) Эта катящаяся голова Буняка напоминаетъ ударъ, которымъ сразилъ Илья Муромецъ Идолище поганое. Богатырь

Металъ шляпой въ Одолища поганого,
Попадалъ ему въ буйну голову,
Полетѣла голова ровно пугвица,
Вышибала въ горницѣ три паклинка.
(Пѣсни, собр. *Кир.*, IV, 32—33).

Въ индійской Викрамачаритрѣ разсказывается, что, «побѣдивъ войско Викрамадитьи, Саливахана отрубаетъ ему самому голову съ такой силой, что она полетѣла въ Ужжаини, гдѣ найдена и сожжена тайнымъ образомъ» (*Веселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, 29 прим.).

[2]) Pokucie, l. c. Преданіе о пораженіи Боняка подъ Заваловомъ передается еще въ другомъ видѣ: Gdy szełudywy Buniak najeźdźał Ruś, żyła naówczas bardzo sławna wróżka. Do niéj zgromadzili się piérwsi męże ruscy, prosząc ją, aby wynalazła środek, którym bu można zgubić szełudywego Buniaka. J wróżka pod warunkiem, że jéj syn zostanie królem, obiecała go zgubić. Jakoż gdy jéy uroczyście przyrzekli, skąpawszy pierw syna w ziolach, z zamową wyprawila go z czarnym wołem pierwakiem na wojnę. Zaszła bitwa pod Zawałowem. wojsko szeludywego Buniaka pobyte przez Rusinów rozpierzchło się, syn wróżki spotkał się z szełudywym Buniakem w pojedynku i głowę sciął, która spadłszy zerwala się i ptakiem zleciała. Puścili się za nią w pogoń i dopędzili ją pod Tyśmienicą. Wieś Pohonia ćwierć mili od Tysmienicy do dziś dnia przypomina to zdarzenie. Owoż tam wielu obietnicami uprosiła głowa, że ją praczka pod chusty skryla. Wynaleziono ją i po naradzie skazano na spalenie na stosie cierniowym. Gdy mieli już palić, głowa przemówiła: „Jeśli chcecie, aby się wam w najlepiéj rodziło, wetknijcie mi w zęby. Jistotnie wetknęli jéj w zęby, ale coż: tarki i polne roże, które jeśli zarodzą, to owoc oblipnie około gałązek, tak że i liścia niedojrzeć. Z płomieni wyprysnęly dwa trzonowe zęby i uciekly aż na Turezyzne“ (Bibliot. Ossol. 1844, XI, str. 184—185).

[3]) Священника Гарасевича, сообщеніе котораго напечатано было въ альманахѣ Lwowianin 1837 г.

Digitized by Google

Hej na na
Buniaka!
Ej berut sia do neho
kniaż Roman, bojary,
a szczoż bude z neho,
gdy pide w prehony.
Ot wtikajet hołowa,
Za nym biżyt czereda,
Holowa Buniaka,
Zdrast wam Boże,
Wże nasza [3]).

Изложеніе преданія въ книгѣ І. Галятовскаго носитъ на себѣ слѣды неудачнаго мудрованія. Этимъ объясняются такія выраженія- какъ «Бунякъ (яко они мовятъ) але рачей Батій, царъ Татарскій» или «мѣлъ махометановъ звытяжати» и т. п. Наименованіе Романа воеводой противорѣчитъ остальнымъ варіантамъ. Не болѣе удачное мудрованіе видно и въ варіантѣ Tabuli: князь Романъ, противникъ Буняка, князя половцевъ, to jest Podolanów (sic!), называется братомъ короля Даніила. Такого брата у Даніила не было, также какъ не было въ ту эпоху и Острожскихъ князей Даніила и Василія. Народные пересказы проще и лучше. Они, безъ всякихъ уловокъ и оговорокъ, ставятъ рядомъ имена хана Боняка и князя Рома́на. Анахронизмъ очевиденъ: дѣятельность знаменитаго въ своемъ родѣ хана Боняка относится къ XI и началу XII вѣка; первый Галицкій князь, носившій имя Романа, былъ Романъ Мстиславичъ, боровшійся съ половцами въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка. Но этотъ

[1]) Ibid. *Г. Вагилевичъ* (въ статьѣ Szełudywy Buniak. Z podań ludu) высказывалъ сомнѣніе въ подлинности пѣсни о Бонякѣ: ona nie zdaje mi się być ludowa, chociaż bardzo przypomina Żelmana z obrzędu Gajówek (Biblioteka Ossolińskich, t. XI, 1844, str 186).—Это сомнѣніе раздѣляетъ г. *Кузьмичевскій*, авторъ изслѣдованія: «Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ» (Кіевская Старина, 1887 г., августъ 676—713, октябрь, 233—276). „Уже самая манера сообщенія ея: krąży czasem taka spiewka,—замѣчаетъ г. Кузьмичевскій,—очень напоминаетъ выраженія съ какими сообщали въ 30-е—40-е годы усердные патріоты фальшивыя пѣсни. Далѣе такіе литературные пріемы, какъ „кажуть, его череда“ и др., неупотребительны въ устной пѣснѣ; наконецъ финалы куплетовъ пѣсенки совсѣмъ странны. По этимъ признакамъ пѣсенка Гарасевича кажется намъ издѣліемъ грамотѣя, если не самаго Гарасевича, на тему прозаическаго преданія“ (стр. 682). Пѣсня, дѣйствительно, кажется не народной (сочиненной, или, по крайней мѣрѣ, подправленной), но основа ея, преданье о смерти Буняка, несомнѣнно извѣстна въ народѣ, какъ указываетъ приведенный выше прозаическій пересказъ.

Digitized by Google

анахронизмъ вполнѣ понятенъ и объяснимъ съ точки зрѣнія народнаго эпоса.

Половецкіе ханы хорошо были знакомы русскимъ людямъ и какъ враги, и какъ временные, наемные союзники нѣкоторыхъ князей. Но дѣятельность хана Боняка представляла явленіе, выходящее изъ ряда обычныхъ половецкихъ набѣговъ; появленіе на Руси отважнаго хана производило на современниковъ впечатлѣніе чего-то ужаснаго и вмѣстѣ загадочнаго. Припомнимъ разсказъ начальной лѣтописи, подъ 6604 (1096 г.), гдѣ такъ живо передается переполохъ печерскихъ монаховъ при нечаянномъ появленіи Боняка: «Приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый отай хыщникъ къ Кыеву внезапу и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града .. И придоша на манастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырьскыми, намъ же бѣжащимъ задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю, и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху в кельи; посемь въжгоша домъ святыя Владычицѣ нашея Богородица и придоша к церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроенни, и вторыя же к сѣверу, и влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашь» [1]).

Припомнимъ далѣе разсказъ лѣтописи подъ 6605 (1097 г.) о битвѣ Боняка въ союзѣ съ Давидомъ Игоревичемъ противъ угровъ: «Идущема же има, сташа ночлегу; и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему и начаша волци выти мнози, Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко побѣда ны есть на угры заутра». Угры дѣйствительно были разбиты: «Бонякъ же раздѣлися на три полкы, и сбиша Угры в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ» [2]). Разсказъ этотъ, какъ занимательная историческая «притча», припоминается въ Словѣ Даніила Заточника (по ред. XIII в.): «Тако и Бонякъ судивый хитростію побѣди угры у Галича; онѣмъ нарядивщимся на ступъ, а сіи, яко ловцы, разсыпашася по земли. Тако изби угры на избой и злѣ ихъ погуби» [3]). Припомнимъ наконецъ извѣстіе лѣтописи о смерти

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., 224—225.

[2]) Ibid. 261.

[3]) *Русская Бесѣда*, 1856, № 2. *Буслаевъ*, Русская Хрестом., 138.

Digitized by Google

сына Боняка: «Ту же и Севенча Боняковича дикаго половцина убиша, иже бяшеть реклъ: «хощю сѣчи въ золотая ворота, якоже и отець мой» [1]).

Преданія о Бонякѣ хранятся и до нашихъ дней въ южно-русскомъ народѣ, причемъ удерживается и характерный эпитетъ этого хана «шелудивый» или «солодивый» [2]). Одно изъ такихъ преданій говоритъ «о крѣпостяхъ галицкихъ, якъ ихъ добувалъ солодывый (шелудивый) Бонякъ, а не мôгши добути ни якимъ способомъ, ужилъ

---

[1]) П. собр. р. лѣт. II, 62. Бонякъ былъ убитъ во время одного изъ своихъ набѣговъ на Русь. Въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Игоря Святославича на половцевъ и о послѣдствіяхъ этого несчастнаго похода читаемъ: «молвяшеть бо Кончакъ: «пойдемъ на Кіевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашъ Бонякъ» (П. собр. р. лѣт. II, 132) Когда и гдѣ именно палъ Бонякъ, неизвѣстно. У польскихъ историковъ находимъ, правда, извѣстіе, что Бонякъ убитъ въ 1107 г., вмѣстѣ съ своимъ братомъ и ханомъ Шаруканомъ (*Stryjkowski*, 202, по изд. 1582 г.), но нашими лѣтописями это извѣстіе не подтверждается. Подъ 6615—1107 г. въ лѣтописи говорится: «Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече» (Лѣт. по Лавр. сп., 271—272). Перечень лѣтописныхъ извѣстій о Бонякѣ см. въ Указателѣ къ П. собр. р. лѣт. вып. I, стр. 59.

[2]) Въ Словѣ Даніила Зат. Бонякъ названъ «судивый», въ лѣтописныхъ спискахъ: шелудивый, шолудивый, солудивый, солодывій, шюлудивый; въ народныхъ разсказахъ: шолудивый, солодывый. Пр. *Потебня* отдаетъ предпочтеніе первой формѣ (судивый), сближая ее съ польск. sędziwy, чешск. Šedivý, сѣдой, старый. Въ формѣ шелудивый, по его мнѣнію, *лу* есть, быть можетъ, вставка переписчика (Слово о п. Иг. 34). Согласиться съ этимъ предположеніемъ мѣшаетъ устойчивость формъ: шелудивый и солодивый и въ письменной, и въ устной традиціи. Изъ этихъ двухъ формъ первоначальною слѣдуетъ, кажется, признать форму: солодивый. Эта неясная форма подъ вліяніемъ звуковой аналогіи легко могла замѣниться распространеннымъ словомъ: шелудивый («конь шелудивый» въ былинахъ и сказкахъ), обратное измѣненіе (изъ шелудивый—солодивый) представляется мало вѣроятнымъ. *Солодивый*, въ формѣ неполногласной—*сладивый*, могло быть образовано (блядивыи, бладивыи, правьдивыи, завидивыи) отъ *слад*, *солод*. Припомнимъ, что ц.-сл. *сласть* имѣетъ постоянное значеніе: τρυφή, delicіæ, наслажденіе, притомъ наслажденіе чувственное, удовольствіе стола и ложа. Слово: *слащь*, *слащии* употребляется въ значеніи сластолюбивый (*Востоковъ*, Словарь s. v.). Не могло ли предполагаемое: сладивыи (солодивый) имѣть подобное же значеніе? Любопытно, что лѣтописный разсказъ о нападеніи Боняка на монастырь Печерскій отмѣчаетъ веселье и потѣхи половецкихъ грабителей: „Хрестьяномъ бо многыми скорбьми и напастьми внити в царство небесное, а симъ поганымъ и ругателемъ *на семъ свѣтѣ приимшимъ веселье и пространьство*, а на ономъ свѣтѣ приимуть муку съ дьяволомъ и огнь вѣчный“ (6604 г.). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что „*шелудивый*“ и „*солудивый*“ могли быть просто параллельными формами одного и того же слова съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ.

лести, то-есть велѣлъ собѣ дати по парѣ голубôвъ изъ каждаго двора, а одступивши не далеко, казалъ привязовати зажженніи спички къ ногамъ сихъ птиць, котори вернувшися въ свои гнѣзда, зажгли домы и городъ пôддался» [1]). Каждый, конечно, припомнитъ при этомъ лѣтописный разсказъ о взятіи Ольгою древлянскаго города Искоростеня, разсказъ, имѣющій многочисленную родню [2]).

По другому преданію, Бонякъ (шолудивый Буняка) представляется людоѣдомъ и притомъ существомъ страшнаго вида: «мало того, що страшенно великій, ще выбачайте, у его печінки й легке

[1]) Вѣнокъ Русинамъ на обжинки, упл. *Ив. Головацкій*, ч. II (У Вѣдни 1847), 165—166. Приданіе это пріурочивается къ гор. Бычъ (теперь сел. Тустановичи), Галичъ, Жидачевъ и др. (Biblioteka Ossolińskich, t. VI, 1813, str. 163 t. XI, 1844, 182), при чемъ Бонякъ изображается страшнымъ существомъ съ паршивою головой, съ вѣками длинными, какъ у вія. съ открытыми внутренностями: „Straszny Szełudywy Buniak pół-demon z parchami (szeludami) na głowie, powiekami długiemi, spływającémi do ziemi, które czeladź na rozkaz podejmuje słotemi widlami, i z brzuchem otwartym“. Подобный же образъ извѣстенъ и по великорусск. сказкамъ (*Аѳанасьевъ*, Нар. русскія сказки, кн. IV, стр 118; Поэтич. воззрѣнія славянъ, I, 171, 550). Ср. представленія объ уродливыхъ великанахъ (*Grimm*, D. Mythol. I. 436—437 по 4 изд.).

[2]) Пов. вр. лѣтъ подъ 6454 г. Въ одномъ позднемъ лѣтописномъ сборникѣ (XVII в.) разсказъ о взятіи Ольгою Коростена и о сожженіи его посредствомъ голубей и воробьевъ пріуроченъ къ Царьграду“ (*Бычковъ*, Опис. рук. сборн. Имп. П. Библ. 154). Указано множество варіантовъ этого сказанія. См. *Шевыревъ*, Ист. р. слов. I, 231—232, 256; *Сухомлиновъ*, «О преданіяхъ въ древней р. лѣтописи» въ журн. *Основа* 1861 г. іюнь; *Худяковъ*, Народныя историч. сказки въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1864, мартъ отд. IV, стр. 53; *Костомаровъ*, Преданія первонач. р. лѣтописи въ Моногр. XIII, 108—109; ср. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1875, февраль (въ ст. пр. *Васильевскаго*: Варяго-русская дружина въ Константинополѣ); *Liebrecht—J. Dunlop's* Gesch. der Prosadichtungen 202, 486; Anm. 273 a; Otia imperialia v. Gerv. v. Tilbury, 81, 262 Nachtr.; Zur Volkskunde, 109—110, 263; ср. *Ettmüller*, Altnordischer Sagenschatz, 18.—Утверждаютъ, что всѣ эти разсказы стоятъ въ связи съ повѣрьями объ огненосной птицѣ (avis incendiaria у Плинія Hist. Natur. X. 17), а эти повѣрья связаны въ свою очередь съ миѳическимъ представленіемъ молніи и огня въ образѣ птицы, „краснаго пѣтуха“ (*Kuhn*, Die Herabkunft des Feuers 28—31; *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. сл. I, гл. X. Сказки т. IV, стр. 291, Ср. *Orient* и *Occident* I, 363). Любопытно однако, что эти зажигающія птицы не остались только достояніемъ поэтической саги, а находили себѣ бытовое примѣненіе. *Liebrecht* (Zur Volkskunde, 262—263) приводитъ такое описаніе персидскаго праздника «Сада», справлявшагося въ октябрѣ: „Hac quidem nocte ubique festivales ignes accendunt, et reges et principes, accipientes aves et alia animalia et eorum pedibus alligantes herbas aridas, eas igne accendunt et ignitas reddunt, et sic flammantes dimittunt, ut volent et currant per campos et montes et hoc modo omnia accendant. (изъ *Hyde*, Veter. Persar. Relig. Hist. 1760, 255 sq.).

Digitized by Google

та булі на верси, отакъ отъ і стреміли за плечіма». По требованію людоѣда къ нему приводили хлопцевъ, которыхъ онъ и пожиралъ. Пришла очередь идти къ нему хлопцу, который былъ одинъ сынъ у матери. При прощаніи мать дала сыну пирожковъ, приготовленныхъ на ея молокѣ, и приказала, чтобы онъ этими пирожками угостилъ непремѣнно Буняку. Хлопецъ такъ сдѣлалъ. «Як же наівся Буняка тіх періжків, заразъ і почув, яка въ іх заправа була. «Ну, каже, хлопче, дякуй своій матері, що такъ мудро вхитрувалася: тепер ти еси визволений від смерти, не можу бо я тобі того лиха заподіяти черезъ те, що ти стався міні братом» [1]. Ночью хлопецъ отрѣзалъ у спавшаго людоѣда печенки. «Як відтяв, Буняка заразъ і пропав» [2]. Варіантъ этого преданія занесенъ въ Львовскую хронику Каноника Юсефовича подъ 1663 г. Бунякъ представляется въ этомъ варіантѣ принимающимъ участіе въ казацкихъ набѣгахъ. His forte expeditionibus cecidisse in acie cum nostris perhibetur famosus apud Cosacos bellator, Sołoduszczy Buniak dictus, Polonorum hostis acerrimus, spectrum quinimo cacodaemon forma humana indutus. Cujus quia vulgatum in Ukraina nomen multique et magni acervi cadaveritii, vulgo Mogiły, Polesiam

---

[1]) Въ виду того, что „обычай молочнаго усыновленія на Кавказѣ—черта реально бытовая и locus comm. народныхъ сказаній“, г. Халанскій дѣлаетъ предположеніе, что „малорусское преданіе о шелудивомъ Бунякѣ сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ кавказскихъ, и, можетъ быть, черкесскихъ сказаній и обычаевъ“. (Великор былины, 35. 37). Едва ли есть надобность въ такомъ предположеніи, ибо молочное родство извѣстно не на одномъ Кавказѣ. Въ Сербіи родство молочное приравнивается къ кровному: молочный братъ не вступаетъ въ бракъ съ молочной сестрой; въ Персіи подобные браки запрещены закономъ (*Ploss*, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, 2 Aufl. II, 180). Печенье, приготовленное на материнскомъ молокѣ, упоминается въ цѣломъ рядѣ сказокъ (См. *Пушкинъ*, Сочин., изд. литерат. фонда, III, 450; *Худяковъ*, Матеріалы для изученія народной словесности, стр. 25, 41, 71; *Потанинъ*, «Восточныя параллели къ нѣкот. русскимъ сказкамъ», въ *Этногр. Обозрѣніи*, кн. VIII, стр 153; *Radloff*, Proben der Volkslitteratur der türk. Stämme, 300—301). Изъ числа этихъ сказокъ близкое сходство съ преданіемъ о Бунякѣ представляетъ сербская сказка о Змѣѣ, пожиравшемъ дѣтей. Мать одного изъ мальчиковъ, обреченныхъ змѣю, даетъ ему передъ отправленіемъ къ чудовищу калачъ, приготовленный на ея молокѣ. Змѣй съѣдаетъ калачъ и даетъ пощаду молочному брату. Окончаніе сказки напоминаетъ извѣстное преданіе о Троянѣ: чудовище погибаетъ, оставивъ жилище послѣ восхода солнца. (*Худяковъ*, l. c. Первоначально сказка напечатана была въ сборникѣ *Николича*: Народне србске приповедке. 1842 г.).

[2]) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 224—225. Преданіе пріурочено къ „Бунякову замчищу“, около села Деревичи Новоградволынскаго уѣзда.

Digitized by Google

Kijoviam versus erecti, sylvis pineis, quercinis cooperti, hucusque retinent, non abs re judico vulgatam illius historiam, ex relationibus Cosacorum petitam et apud illos, nugis fabellarum assvetos, facile credibilem referre. Narrant itaque aliqui Cosacorum, quod Sołodowy Buniak miles illorum fuerit a scabioso capite, id est od głowy parszywey, sic dictus, ignotam originem habens, qui ardenti Cosacorum odio turmis se adjunxit magnamque crudelitatem in Polonos aeque ac Cosacas praefecturam assecutus exercuit. Hic semel in mense balneo utebatur semperque secum unum sequentem ex ordine regestri turmalem militem assumebat, quem lotione perfunctum illico occidi mandabat sive ipse perimebat, vel ideo, ne cuipiam narraret, quod praeter vultum, manus, pedes et viscus putrefactum, non carnem, non corpus viventium hominum, sed skieletum, prout cadavera videntur aut mors in imaginibus adumbratur, praesentabat. Accidit, ut turnus eundi pro comite ad fatales termas in quendam caderet filiam unicum superviventis matris, qui mortem indubitatam praesentiens, matrem accersit, multorum fata suumque vitae discrimen, situm corporis sui praefecti enarrat, quomodo itaque certam mortem evadere sive a consortio praefecti sui declinare possit, consilium opemque exquirit. Jntellexit illa forte non inscia doli infernalis, utpote volatilis (versatilis?) mulier, quis in illo imaginario homine lateret, ideo filium bono animo esse jubet, placentam illi lacte uberum suorum conditam offert, quam ut egrediens a thermis in oculis praefecti manducaret eidemque petituro partem sponte offerret, serio demandat, quod Cosacus ille fatalium thermarum socius adimplendum constituit. Dum itaque saevus ille balneator placentam a commilitone lotione perfuncto comestam videret, ut sibi frustum divideret, rogasse fertur, quod dum oblatum sapide comederat dixisse narratur: Eja, nunc mortem evasisti, sed mihi intulisti, quia insimul eodem ubere matris lactati sumus. Sic ille Cosacus mortis laqueos jam paratos evasit et suis diffidens, ad nostros Polonós profugus secretum spectri illius, quod ictus Polonorum irritos reddebat et summopere nocebat, propalasse narratur. Atque sic adhibitis benedictionibus innuus ille cadaver portans pro corpore humano ferro visibili inpervius in conflictu succubuisse sive evanuisse creditur. Haec si pro rei veritate non subsistunt (apud Cosacos enim praestigia locum habent) pro exhilaratione tamen legentium sufficiant. Hoc tamen observatione dignum, quod loca illa, quae idem Buniak possederat, lemures infecta ac inhabitabilia ad praesens dicantur [1]).

[1]) Annales revol. regni Poloniae et rerum notabilium civitatis Leoburgicae

Digitized by Google

По свидѣтельству Костомарова, «между Кременцемъ и Дубномъ, близъ мѣстѣчка Вербы, показываютъ курганъ, гдѣ будто-бы погребенъ Бунякъ» [1]).

Третье преданіе о Бунякѣ связано съ урочищемъ «Настина Могила» (около мѣстечка Мирополя Новоградволынскаго уѣзда). Жилъ тутъ въ давнюю пору «поганый Буняка, ворожбит татарин». Взялъ себѣ этотъ Буняка «за жінку Настю, тутешню таки дівку, чи молодицю». Настя, увидѣвъ, что у ея сожителя «печінкі на версі» и догадавшись кромѣ того, «що то він не аби з ким знаеться», тайкомъ убѣжала отъ Буняка. Тотъ догналъ ее и сталъ уговаривать вернуться. Настя отказалась и поплатилась за это жизнью. «Ота ж сама Настя сказала була, щоб на іі коштъ поставили у степу корчму. То от, де іі вбито, висипали могилу, такъ вона й зветься Настина могила, а на шляху за Миропільямъ постановили корчму,—вона й тепер стоіть і теж зветься Настиною» [2]).

Четвертое преданіе, сохранившееся въ Галиціи, разсказываетъ о

---

ab anno 1614 usque ad 1700. Приведенный отрывокъ включенъ г. *Петрушевичемъ* въ его «Сводную Галицко-Русскую лѣтопись», стр. 320—321 (Литературный Сборникъ, издаваемый Галицко-русскою Матицею, 1872—1873 г.). На основаніи хроники Юсефовича преданіе пересказано *Энгелемъ* (Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken, 1796, 155) и *Костомаровымъ* (Богданъ Хмельницкій, изд. 3, I, 180=Монографіи, т. IX).—*Г. Кузьмичевскій* (op. cit. 249—250) передаетъ этотъ же разсказъ по польскому переводу хроники Юсефовича. Ср. еще Bibliot. Ossol. 1844, t. XI, str. 190—191. Хроника упоминаетъ о могилахъ (multi et magni acervi cadaveritii, vulgo Mogily... sylvis cooperti) насыпанныхъ Бунякомъ. Подобное же преданіе записано въ Луцкомъ уѣздѣ, причемъ имя «Бунякъ» получаетъ собирательное значеніе. „Происхожденіе кургановъ приписываютъ какому-то воинству, подъ названіемъ „Бунякъ", которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха дѣлало курганы, насыпая при этомъ землю своими башмаками». (*Чубинскій*, Труды этнограф. экспедиціи въ Западно-русскій край, т. I, стр. 39).

[1]) l. c.

[2]) *Драгомановъ*, op. c., 225—226. Изображеніе чудовищнаго Буняка съ торчащими сзади внутренностями напоминаетъ распространенное представленіе черта. По русскому повѣрью, чтобы узнать черта, принявшаго видъ человѣка. «нужно заглянуть ему за спину: спины у него нѣтъ, и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ, какъ въ корытѣ». (Этногр. Сборникъ, вып. VI, стр. 143, въ ст. *Потанина*: Юго-Западная часть Томской губерніи) —Въ одной изъ легендъ, занесенныхъ въ Dialogus Miraculorum (III, 6), дьяволъ самъ признается: Licet corpora humana nobis assumamus, dorsa tamen non habemus Es ist hierbei,—замѣчаетъ Roskoff,—an die Frau Welt und die nordischen Waldroen, welche hinten wie ein hohler Baum oder ein Backtrog anzusehen sind, erinnert worden". (Geschichte des Teufels, I, 319).

Digitized by Google

разрушеніи Бунякова зàмка. Шелудивый Бунякъ поселился со своею дружиной въ укрѣпленномъ мѣстѣ, гдѣ собралъ много награбленнаго добра, драгоцѣнныхъ тканей, золотыхъ и серебрянныхъ вещей, денегъ. Разъ мимо этого зàмка проходили музыканты. Бунякъ приказалъ ихъ позвать. Началась пирушка. Когда шелудивый, его приближенные и прислуга перепились, музыканты забрали все, что могли унести, вставили въ бочки съ порохомъ зажженныя свѣчи и ушли. Спустя нѣкоторое время, когда скоморохи были уже далеко, раздался страшный ударъ: зàмокъ Буняка взлетѣлъ на воздухъ; подъ его развалинали погибли всѣ тамъ бывшіе, кромѣ самого Буняка. На золотой колесницѣ онъ отправился въ Угрію, но на границѣ коляска задѣла за дерево, опрокинулась и вросла въ землю. Говорятъ, что и самъ Бунякъ вросъ вмѣстѣ съ колесницей [1]).

Пятое галицкое преданіе связываетъ имя Буняка съ именемъ «Царицы Елены». Г. Петрушевичъ указываетъ надпись въ церкви Плесницко-Подгорецкаго монастыря, основанную на этомъ преданіи. Надпись гласитъ: «1180 року гони *Батый* Елену княжну, яже и церковь сію въ то время сооружи» [2]). Народное преданіе замѣняетъ Батыя Бунякомъ. Царица Елена объявила что выйдетъ за мужъ за того, кто отгадаетъ, что за животное сидитъ у нея въ банкѣ. Шолудивый Бунякъ съ длинными вѣками отгадываетъ, что

---

[1]) Jeden Szełudywy Buniak na złotéj kolesnicy ujechał na Węgry, a i ta na granicy uderzyła o buk, zapadla i wrosła; dodają nektorzy, że sam szełudywy Buniak wrósł razem z kolesnicą (Biblioteka Ossolińskich, t. VI, 1843, str. 164—165). Вотъ еще нѣсколько разсказовъ о гибели Буняка. W Samborze opowiadają, że Buniakowi idącemu przez kładkę, baba wróżka piorąca chusty narzéce. toporom głowę odcięła, a togdy po wstrząsnieniu kladki ześliznął się i upadł. W Rozdole opowiadają, że Buniaka zabili dwaj bracia bliźnięta i pierwaki synowie wróżki, gdy się kąpał w łazni. W Pomorzanach opowiadaią, że gdy się Buniak oparł o morze, wystąpil przeciw niemu Aleksander wielki, człowiek z ogromném zwierciadlem, gdzie gdy ujrzał sám siebie Buniak, w ziemię się zapadł. W Narajowie opowiadają, że Buniaka zaprozil do cérkwi wyłożonej zwierciadłami na nabożeństwo przemądry Salamon, tu zaś lżył go najsromotniej, puki ow w gniewie nie rozkazał sobie podijąć powiek, ale zobaczywszy sam siebie w zwierciadłach, w ziemię się zapadł. (Op. cit. 1844, t. XI str. 183—184).

[2]) Сводная галицко-русская лѣтопись, стр. 223—224, 321—322. По замѣчанію г. Петрушевича, это преданіе пріурочивается и къ другимъ урочищамъ, «Народъ нашъ... спрошенъ при всѣхъ большихъ русскихъ городищахъ, кто бы разрушилъ тѣ городы, всегда тоже толкуетъ, что ихъ построила св. Елена царица, вмѣстѣ съ великолѣпными св. храмами, но Солудивый Бунякъ, гоняся за нею, разорилъ ихъ своимъ страшливымъ взоромъ, когда ему только дружина его желѣзными вилами подняла долговолосыя брови».

Digitized by Google

въ банкѣ—блоха, откормленная до необычайныхъ размѣровъ. Не желая выйдти за чудовищнаго жениха, Елена пускается въ бѣгство. Ее сопровождаетъ небольшая дружина. Около города Плесниска Елена и ея друженники остановились и устроили окопы. Въ это время проходилъ около Плесниска польскій королевичъ съ большимъ войскомъ. Елена соглашается отдать ему руку, если онъ защититъ ее отъ Буняка. Подходитъ Бунякъ. Получивъ отъ Елены отказъ, онъ проклинаетъ ее и королевича. «Ты царица, со своимъ дворцомъ, казною и людьми провалишься; разъ только въ годъ, въ ночь передъ Пасхой, и то на минутку только, ты будешь выходить на верхъ земли съ твоей пышностью и богатствами. Ты же, королевичъ, провалишься со всѣмъ твоимъ войскомъ и будешь терпѣть кару. Когда же Польша погибнетъ, тогда каждый годъ будетъ въ пасхальную ночь открываться ходъ въ твое жилище, и кто будетъ такъ счастливъ, что въ эту минуту войдетъ и на твой вопросъ: пора ли уже? отвѣтитъ: «уже пора для тебя», тотъ станетъ твоимъ избавителемъ. Тогда ты выйдешь съ твоимъ войскомъ и отобьешь отъ враговъ твое королевство». Проклятіе Буняка исполнилось: царица, ея дружина, дворецъ, казна, а также и королевичъ съ войскомъ провалились въ землю» [1]).

Къ этимъ преданіямъ примыкаютъ и указанныя выше разсказы о Бунякѣ и князѣ Романѣ. Помнили страшнаго Буняка; помнили и грознаго Романа, «имъ же половци дѣти страцаху». Эти два ряда воспоминаній шли на встрѣчу одинъ другому. Когда приходилось говорить о набѣгѣ «поганыхъ», невольно подвертывалось имя шелудиваго Буняка; когда нужно было разсказать объ отраженіи и гибели степняковъ, изъ памяти выдвигался образъ князя Романа, который «устремилъся бяше на поганыя, яко и левъ... и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ». Получался такимъ образомъ образчикъ своеобразнаго поэтическаго синтеза, въ которомъ сливались во-едино явленія разновременныя, но по существу однородныя.

2) Пѣсня, соединенная съ игрой «Воротарь», принадлежитъ къ отдѣлу веснянокъ [2]). Ходъ игры такой: участвующіе раздѣляются

---

[1]) Пересказъ и обстоятельный разборъ этого преданія см. въ указанномъ изслѣдованіи г. *Кузьмичевскаго* (стр. 691—713, 233—244). Запись преданія помѣщена въ сборникѣ *С. Баронча*: Bajki, fraszki. podania, przyslowia i pieśni na Rusi (Львовъ, 1886), стр. 76—80. Было бы очень важно имѣть другую запись этого преданія, особенно второй его части (предсказаніе Буняка).

[2]) Текстъ пѣсни и описаніе связанной съ нею игры см. въ сборникахъ *Головацкаго* (Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. II, 695; ч. III, отд. 2, 159,

Digitized by Google

на двѣ партіи: одна изображаетъ стражу, стоящую у воротъ города, другая—отрядъ, подступающій къ городу. Въ рядахъ второй партіи, которая называетъ себя «людьми князя Романа», находится ребенокъ: сидитъ онъ на золотомъ креслѣ, одѣтъ дорогимъ аксамитомъ,

---

165, 175), *Чубинскаго* (Труды Экспед. въ Западно-русскій край т. III, 38—41), *Кольберга* (Pokucie, I, 173, 181, 186), *Антоновича* и *Драгоманова* (Историч. пѣсни малор. народа, I, 38—42), *Шейковскаго* (Быть подолянъ, I, 1, стр. 27). Объясненія пѣсни даютъ гг. Антоновичъ и Драгомановъ, Костомаровъ и Потебня. Издатели «Историческихъ пѣсенъ малор. народа» замѣчаютъ: „Слова этихъ игровыхъ пѣсенъ — разговоръ двухъ хоровъ, изъ которыхъ одинъ, представляется, сидитъ въ городѣ, а другой проситъ привратника... пустить въ городъ. Этотъ второй хоръ *несетъ дань*; дань эта теперь, сообразно обычаямъ игры, дитя, но въ варьянтахъ... упоминается обычная дань старой Руси—медъ. Замѣчательно, что во всѣхъ приведенныхъ варьянтахъ изъ Подлясіи... князь называется Романомъ. Должно думать, что князь Романъ называется въ подлясскихъ пѣсняхъ не случайно и что пѣсни эти относятся къ Роману Мстиславичу Галицкому. Данники пѣсенъ нашихъ должны быть древніе обитатели Подлясіи—Ятвяги, въ землѣ которыхъ Романъ владѣлъ городами, входы въ которые должны были крѣпко оберегаться воротарями; часть Ятвяговъ была у Романа въ подданствѣ и платила ему дань" (41—42). Указаніе на скрытое въ пѣснѣ воспоминаніе о Галицкомъ князѣ представляется мнѣ несомнѣннымъ, но съ подробностями объясненія согласиться не могу. Дитя въ разсматриваемой пѣснѣ—существенный и основной образъ, около котораго вращается все содержаніе пѣсни во всѣхъ ея варіантахъ; такой образъ не могъ явиться случайною приставкой, позднѣйшею замѣной какихъ-то другихъ подробностей. Допустимъ однако приставку. Предполагается, что пѣсня говоритъ о приносѣ дани. Примѣсь къ такой пѣснѣ упоминанія о дитяти является необъяснимою. О дани дѣтьми едвали можетъ быть рѣчь; образъ приносимаго ребенка не могъ представлять никакой аналогіи съ разсказомъ о дани. Если же однако образъ этотъ въ пѣснѣ есть, и притомъ въ значеніи существенной подробности, то остается допустить, что основное содержаніе пѣсни—не разсказъ о дани. Присматриваясь къ пѣснѣ, мы найдемъ этому подтвержденіе. Несущіе ребенка называютъ себя людьми князя Романа. Что значитъ это наименованіе? Могли ли быть названы такъ представители чужаго, враждебнаго, хотя бы и принужденнаго платить дань, племени, такого племени, какъ ятвяги? Варіанты пѣсни выводятъ насъ изъ недоумѣнія: выраженіе: люди „князя Романа" чередуется съ другими: „князеві служенькі", „паньцькіе служеньки", „царськиі служечки", „пана государа", „царя Александра". Ясно, что несущіе ребенка — не данники, а слуги князя, его дружина, а слѣдовательно, и пышно одѣтый ребенокъ („паньськое дитятко", „гетманьскее дитя"), находящійся среди дружинниковъ, тоже не чужой Роману. Да и нужно ли было упоминать о необыкновенной роскоши, окружающей дитя (одежда изъ аксамита, золотое кресло и т. п.), еслибы рѣчь шла о принесеніи дани?—*Костомаровъ*, не находя убѣдительными приведенныя выше соображенія издателей «Историческихъ пѣсенъ», вовсе отказывается отъ примѣненія исторической экзегезы къ разсматриваемой пѣснѣ. По его мнѣнію, пѣсня о воротарѣ имѣетъ миѳологическій смыслъ: ребенокъ „вѣроятно означалъ символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго

Digitized by Google

играетъ золотымъ яблокомъ. Между стражей и подступающею къ городу дружиной идутъ переговоры, оканчивающіеся тѣмъ, что стража переходитъ на сторону «Романовыхъ людей» и открываетъ городскія ворота (изображаемыя скрученнымъ платкомъ, за концы

года, считавшагося съ весны, образъ, замѣчаемый во многихъ миѳологіяхъ". (*Вѣстн. Евр.* 1874, № 12, 590. Ср. *Бесѣда* 1872 г., IV, 65, V, 80 въ ст. «Историч. знач. ю.-р. пѣс. творчества»). Вопросъ о князѣ Романѣ и его людяхъ оставляется такимъ образомъ открытымъ.—Пр. *Потебня* не отрицаетъ присутствія въ пѣснѣ о Воротарѣ историческихъ воспоминаній, но не придаетъ имъ существеннаго значенія: «Мнѣ кажется», говоритъ онъ,—«что въ малороссійской пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII вѣка, но что для объясненія самой игры эта черта не существенна. Важнѣе именно тѣ черты малороссійской игры, которыя допускаютъ, по видимому, миѳологическое объясненіе» (Объясненіе малороссійскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 56). Нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ, которое ни въ его сущности, ни въ его примѣненіи къ разсматриваемой пѣснѣ не имѣетъ достаточныхъ основаній. Миѳологическій анализъ символическихъ образовъ, входящихъ въ составъ народныхъ пѣсенъ, также необходимъ. какъ необходимъ этимологическій анализъ словъ и формъ нашего языка. Но на миѳологическомъ только анализѣ поэтическихъ образовъ остановиться нельзя, также какъ при изученіи литературнаго текста нельзя ограничиться справками съ корнесловомъ. Беззавѣтная преданность миѳологической этимологіи въ примѣненіи къ объясненію народнаго эпоса можетъ привести къ самымъ страннымъ натяжкамъ и несообразностямъ. Такихъ натяжекъ не чуждо и объясненіе пѣсни о Воротарѣ, предложенное г. Потебней. 1) Пѣсня о Воротарѣ говоритъ о ребенкѣ, о малюткѣ, котораго носятъ, который играетъ серебряными орѣшками и золотымъ яблочкомъ. Для миѳологической экзегезы такой возрастъ неудобенъ, такъ какъ „заключая отъ другихъ весеннихъ игръ, можно ожидать, что и здѣсь миѳологическія черты, буде они есть, пріурочены къ сватанью и браку"—нужна взрослая дѣвица. Предполагается поэтому, что въ разсматриваемой игрѣ „дитя" понималось какъ малый ребенокъ, „можетъ быть подъ вліяніемъ какъ самаго слова, такъ и другой игры «мостъ», въ которой по рукамъ. сложеннымъ въ видѣ моста, дѣйствительно ходитъ маленькая дѣвочка, потому ли, что если дать эту роль взрослой, то игра изъ эстетической превратится въ гимнастическую, или, что менѣе вѣроятно, по требованію лежащаго въ основаніи миѳа" (57—58). Такимъ образомъ дѣтскій возрастъ пѣсеннаго «дитяти» оказывается совершенною случайностью, вызванною чуть ли не гимнастическими соображеніями. 2) Въ игрѣ, сопровождающей пѣсню о Воротарѣ, дитя—обыкновенно мальчикъ: «двѣ дѣвушки берутся за руки, на руки имъ садится *мальчикъ*» (*Чубинскій*. ор. с. 38. Ср. *Шейковскій*, Бытъ подолянъ, I, 27); въ варіантахъ пѣсни упоминается впрочемъ и „мізильночка дочка" или «молода дівонька». Для миѳологическаго объясненія нужна дѣвушка, образъ которой и признается порвоначальнымъ. Но при этомъ возникаетъ недоумѣніе: замѣна мальчика дѣвочкой легко объясняется литературною аналогіей, на которую указываетъ самъ г. Потебня, говоря о вліяніи на Воротаря игры «мостъ», въ которой по рукамъ, сложеннымъ въ видѣ моста, дѣйствительно ходитъ маленькая дѣвочка». (Ср. варіантъ у *Головацкаго*, II, 694—696, гдѣ смѣшеніе пѣсенъ

Digitized by Google

котораго держатся двое изъ участвующихъ). «Дитя», охраняемое преданною ему дружиной, вступаетъ въ городъ. Въ пѣсенную форму облечены переговоры двухъ сторонъ:

1. **Володарь (=Воротарь), Володарку, отчини ворота!**
2. **Чого хочете, чого клинете?**

выступаетъ ясно). Обратное явленіе, то-есть, предполагаемое замѣщеніе дѣвочки мальчикомъ остается неяснымъ. 3) Дѣвица въ пѣснѣ о Воротарѣ кажется мнѣ не нужною даже и въ томъ случаѣ, если держаться только того способа объясненія, какой предлагается г. Потебней. Сказавъ, что имя Романа—черта ня существенная, г. Потебня продолжаетъ: «Въ *сходной* сербской игрѣ говорится не о людяхъ князя Романа, а о войскѣ Стефана бана изъ Цареграда». Эта пѣсня о банѣ Стефанѣ разсмотрѣна пр. Потебней въ § 2 той же главы о веснянкахъ, гдѣ рѣчь идетъ о Воротарѣ (§ 3), при чемъ сербская пѣсня сопоставляется съ такими русскими «играми», какъ Сѣяніе проса, Царевъ сынъ, Король. Въ этихъ пѣсняхъ одна сторона, мужская, грозитъ взять дѣвицу силой; другая, женская, сторона принуждена «отворить ворота» (48). Правда, въ пѣснѣ о банѣ Степанѣ «не молодецъ, а дѣвица требуетъ: отвори врата...», но «здѣсь, по замѣчанію г. Потебни, можно предположить такое же смѣшеніе ролей, какъ въ сѣяньи проса» (51). Если такое соображеніе примѣнимо къ сербской пѣснѣ, отчего же нельзя примѣнить его къ сходной русской игрѣ о Воротарѣ? Отчего нужно предполагать и настаивать, что въ Воротарѣ подступающая къ городу сторона женская? Вѣроятно, упоминаніе о какой-то платѣ, о какомъ-то подаркѣ, который приносятъ подступающіе къ городу: «що за даръ дасте?—Срібло та золото». Но эта плата вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ выкупомъ коней, о которомъ упоминается въ пѣснѣ: Сѣянье проса: «а мы дадимъ сто рублей, сто рублей». Самъ же г. Потебня вполнѣ убѣдительно доказалъ, что это предложеніе платы идетъ отъ мужской, подступающей стороны, при чемъ пѣсня должна оканчиваться вступленіемъ молодцевъ въ станъ сѣятельницъ проса (ibid., 39—45). 4) Общее заключеніе г. Потебни о первоначальномъ смыслѣ игры и пѣсни о Воротарѣ такое: „Первоначальная сцена здѣсь не земля, а небо. Ворота суть небесныя ворота, въ которыхъ восходитъ и заходитъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмыкаетъ ключами и замыкаетъ *заря* (а можетъ быть, и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ *росу*, отожествляемую по одному воззрѣнію съ *ключами* зари, по другому—съ медомъ“ (93). Что даетъ такое объясненіе? Да и гдѣ въ пѣснѣ черты, соотвѣтствующія *выпусканію* зарей росы или меда? 5) Г. Потебня допускаетъ, какъ мы видѣли, вліяніе историческихъ воспоминаній о кн. Романѣ на пѣсню о Воротарѣ, но эта черта кажется ему не существенною (56). Нѣсколько далѣе, въ той же главѣ своего труда, онъ говоритъ между прочимъ о бѣлорусской пѣснѣ, въ которой передается причитаніе дѣвушки: „Абрусы маі шавковые, а ци горы вами высцілаці“? и т. д. Эти выраженія напоминаютъ извѣстную пѣсню царевны Ксеніи (въ сборникѣ Джемса): „А свѣты браныи убрусы, береза ли вами крутити“? и проч. «Этотъ мотивъ, какъ плачъ самой невѣсты.... по горячимъ слѣдамъ событій примѣненъ къ положенію и вложенъ въ уста Ксеніи Борисовны Годуновой» (73). Можно ли сказать, что это примѣненіе «по горячимъ слѣдамъ событій», это историческое пріуроченіе обрядоваго дѣвичьяго причитанія въ пѣснѣ о Ксеніи—черта не су-

Digitized by Google

1. Пускайте в город, пускайте в город.
2. А що-ж за людзі, а що-ж за людзі?
1. Кнізя Романа, нашого пана!
2. Ніт ёго в дома, ніт ёго в дома.
1. А де поіхав, а де поіхав?
2. До Львова на торг, до Львова на торг.

щественная? Конечно, г. Потебня этого не сказалъ бы, потому что при всемъ сходствѣ обрядоваго и былеваго плача только сопоставленіе пѣсни Ксеніи съ историческими о ней извѣстіями можетъ объяснить и нѣкоторыя частныя подробности произведенія (Гришка Отрепьевъ Разстрига.... полонивъ меня хочетъ *постричи*), и художественную прелесть цѣлаго. Пѣсня составлена *послѣ* постриженія, *послѣ* встрѣчи съ самозванцемъ, *послѣ* отправленія царевны „въ дальнюю пустыню", но пѣсня не разсказываетъ всѣхъ этихъ фактовъ; неизвѣстный поэтъ, слагавшій пѣсню, ставитъ себѣ иную задачу: онъ пытается представить, какъ движеніе грозныхъ историческихъ событій должно было отразиться въ зеркалѣ наивнаго чувства „малой птички", застигнутой политическою бурей, онъ рисуетъ намъ настроеніе Ксеніи передъ наступленіемъ страшной грозы, при чемъ per anticipationem упоминается и постриженіе, и ссылка; грядущее точно бросаетъ тѣнь на этотъ чистый и кроткій образъ, выступающій въ пѣснѣ. Пѣсня о Воротарѣ, какъ и пѣсня о Ксеніи, представляетъ сліяніе элементовъ обрядовой пѣсни (весенней игры) и исторической были. Я вспоминаю при этомъ превосходное замѣчаніе профессора Потебни по поводу того мѣста Слова о П. Иг., гдѣ рѣчь идетъ о Всеславѣ Полоцкомъ («връже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу... скочи къ граду Кыеву и дотъчеся стружиемь злата стола Кыевьскаго»), «Вс. Миллеръ замѣчаетъ, что Всеславъ напоминаетъ здѣсь тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые добываютъ руку царевны, сидящей на башнѣ удалымъ скачкомъ коня. Раздѣляя это мнѣніе, замѣчу....., что *дѣвица* можетъ имѣть здѣсь символическое значеніе *города*, *волости*. Все это могло быть пріурочено ко Всеславу подъ вліяніемъ величальныхъ пѣсенъ уже примѣненныхъ къ этому князю. или же—общихъ. Обыченъ мотивъ величаній молодца въ колядкахъ: N добываетъ городъ и не мирится ни на какомъ выкупѣ, предлагаемомъ горожанами, кромѣ дѣвицы.... Любою Всеславу дѣвицей можетъ быть Новгородъ, Кіевъ» (Сл. о П. Иг, 121—122; ср. *Огоновськiй*, Сл. о П. Иг., 107). Это замѣчаніе проливаетъ свѣтъ и на пѣсню о Воротарѣ, которая могла сложиться также, какъ предполагаемая пѣсня о Всеславѣ. Существовала весенняя игра, подобная извѣстнымъ и теперь игровымъ пѣснямъ: мр. „король" (*Чубинскiй*, III, 42—46). вр. «княжій сынъ» (*Сахаровъ*, Сказ., I, кн. 3, 37), пѣсня, стоящая въ связи съ символическими изображеніями брака. Позже пѣсня эта, говорившая о приближеніи къ городу какой-то дружины, была примѣнена mutatis mutandis къ опредѣленной исторической были. Важнѣйшее mutatum—изображеніе ребенка, находящагося въ рядахъ дружины. Это черта, подсказанная конечно, не древнею игрой, а условіями ея историческаго пріуроченія. Сліяніе историческихъ воспоминаній и подробностей былеваго эпоса съ народными играми—явленіе, указанное въ нѣсколькихъ примѣрахъ. (*Антоновичъ* и *Драгомановъ*, l. c. Ср. *Дашкевичъ*, Былины объ Алешѣ Поповичѣ, 56, примѣч.; *Миллеръ*, Илья Мур., 328, прим. 2).—Въ недавнее время коснулся пѣсни о Воротарѣ г. Лопаревъ въ одномъ изъ примѣчаній къ изданному имъ тексту „Слова

Digitized by Google

1. Коли поіхав, коли поіхав?
2. Вчера з вечора, вчора з вечора.
1. Коли приіде, коли приіде?
2. Завтра к обіду, завтра к обіду.
1. Що за дар дасте, що за дар дасте?
2. Мізіне дзецко, мізіне дзецко.
1. А в чім те дзецко, а въ чім те дзецко?
2. У срібру, в злоті, в ткацькій роботі.

(Историч. пѣсни ю.-р. народа, I, 38—39).

о погибели Руския Земли". Почтенный издатель „Слова" возвращается къ предположенію о посольствѣ съ данью, какъ былевой основѣ „Воротаря". Въ „Словѣ о погибели" говорится, что древнимъ русскимъ князьямъ „Половоци дѣти своя ношаху в колыбѣли". Г. Лопаревъ припоминаетъ для объясненія этого извѣстія лѣтописную замѣтку, помѣщенную подъ 1256 годомъ: «Ятвязи се послаша послы своя и дѣти своя и дань даша, и обѣщевахуся работѣ быти ему и городы рубити в землѣ своей (П. С. Р. Л. II, 194). О Романѣ Галицкомъ лѣтопись говоритъ, что онъ «ревноваше дѣду своему Мономаху, погубившему поганыяизмаилтяны, рекомыя Половци». Сопоставленіе этихъ извѣстій съ пѣсней о Воротарѣ приводитъ г. Лопарева къ такимъ соображеніямъ: „Если Половцы, подобно Ятвягамъ, приносили *дань* Владиміру (Роману) *въ видѣ дѣтей*, то объясненіе этого можно найти въ пѣснѣ и игрѣ „Воротарь". Одинъ хоръ *съ ребенкомъ* (варіантъ: съ медомъ) *въ видѣ дани* подходитъ къ другому и проситъ пропустить въ городъ къ Роману, называя себя княжими слугами. Весьма вѣроятно,.... что это Половцы, принесшіе Роману дань въ видѣ ребенка въ знакъ покорности и называющіе себя поэтому княжими слугами" (Памятн. др. письменности, № LXXXIV: Слово о погибели руския земли, стр. 22). Замѣчу прежде всего, что приведенныя г. Лопаревымъ свидѣтельства не даютъ еще права говорить о «дани въ видѣ дѣтей» или о «ребенкѣ въ видѣ дани». Лѣтописная замѣтка 1256 г. отдѣляетъ дѣтей отъ дани, упоминая о дѣтяхъ вмѣстѣ съ послами: „послаша послы своя и дѣти своя и дань даша". Была отправлена дань, ее сопровождали послы и дѣти. Такъ какъ послы не были, конечно, отправлены „въ видѣ дани", то нѣтъ достаточно яснаго основанія утверждать, что и дѣти, бывшіе при послахъ, назначались именно для дани. Дѣти могли быть посланы или какъ заложники, или только какъ выразители усиленной просьбы, мольбы о пощадѣ и мирѣ. Что касается свидѣтельства „Слова о погибели р. з.", то самъ же г. Лопаревъ замѣчаетъ, что „можно вм. „ношаху" (дѣти своя) читать и „страшаху". Дѣйствительно, фраза Слова близко намъ напоминаетъ знакомое намъ замѣчаніе лѣтописи о Романѣ Мстиславичѣ: „имъ же Половци дѣти страшаху". Подобныя же выраженія находимъ въ Сказаніи объ Александрѣ Невскомъ: „начаша жены Моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: Александръ ѣдетъ".—Допустимъ, однако, что дѣти Половцевъ или Ятвяговъ оставлялись у русскихъ князей,—оставлялись хотя бы и не «въ видѣ дани», а какъ заложники. Можно ли въ пѣснѣ о Воротарѣ видѣть картину посольства, сопровождающаго какого-то малолѣтняго заложника? Интересъ пѣсни, какъ было уже замѣчено, сосредоточивается на изображеніи мальчика, окруженнаго людьми князя Романа. Дитя одѣто «у срібру в злоті, или «в чорнім оксамиті», посажено на «*золотім* кресли»; для игры у ребенка есть «*золота* дудочка»,„ червоне

Или:

1. Вородарь, Вородаричку,
   Очини ворітечка!
2. Хто з за воріт кличе?
1. Царевні слуги.
2. А що ж він (?) виносить?
1. Мизине дитятко.
2. А в чім да наряжене?
1. У сріблі у златі.
2. А на чім да посажене?

яечко или „червоне яблучко“; для разрѣзыванія яблочка есть „*золотий* ножик“; мальчикъ даритъ „*золоті* перстюнки“. Нѣкоторые пересказы вносятъ въ изображеніе дитяти даже фантастическія подробности: „на місяцю посажено, зірками обгорожено“. Зачѣмъ нужно было останавливаться на этомъ великолѣпіи, окружающемъ ребенка, если пѣсня представляетъ воспоминаніе о прибытіи половецкаго заложника, а не отрывокъ величальной пѣсни въ честь какого-то князя? Въ величальныхъ пѣсняхъ такое именно изображеніе роскоши и блеска, какое находимъ въ пѣснѣ о Воротарѣ, дѣйствительно обычно. Припомнимъ колядки, гдѣ рисуется „господиновъ дворъ на седьми верстахъ, около двора желѣзной тынъ, на всякой же тычинкѣ по маковкѣ, на всякой же по крестику, на всякомъ же крестику по жемчужку“, рисуются „три терема златоверховаты: въ первомъ терему—красно солнце, въ другомъ терему—свѣтелъ мѣсяцъ, въ третьемъ терему—часты звѣзды“ и т. п. Припомнимъ еще epitheton „златъ“, которымъ постоянно сопровождается въ Словѣ о полку Игоревѣ наименованіе предметовъ княжескаго быта (златъ столъ, златъ стремень, златъ шеломъ, злато сѣдло, злато ожереліе). Стиль древнихъ величаній удерживается и въ пѣснѣ о Воротарѣ.—Выше было уже замѣчено, что Воротарь, какъ пѣсня игорная, родственна съ другими подобными же пѣснями: Царевъ сынъ, Король и т. п. Вотъ для примѣра отрывокъ пѣсни о царевичѣ:

Вовъ городѣ царевна, царевна,
Какъ за городомъ царевъ сынъ, царевъ сынъ,
Какъ по городу щеголяетъ, щеголяетъ,
Золотымъ перстнемъ сіяетъ, сіяетъ.
Отворяйтесь-ко, ворота, ворота,
Какъ царевъ сынъ вовъ городъ, вовъ городъ,
Поклонитесь-ко пониже, пониже,
Какъ еще тою пониже, пониже и т. д.

(*Рыбн. III*, стр. 441).

Этотъ же образъ повторяется и въ Воротарѣ. Зачѣмъ было бы нужно говорить объ укрѣпленномъ городѣ, о воротахъ, охраняемыхъ, стражей, передавать переговоры подступающихъ къ городу со стражей, если бы смыслъ пѣсни сосредоточивался на изображеніи появленія пословъ побѣжденнаго народа, несчастныхъ данниковъ, являющихся съ заложникомъ ребенкомъ? Если остановиться на предположеніи о дани, то придется признать, что въ Воротарѣ какъ бы намѣренно собраны подробности, не выясняющія, а затемняющія основной смыслъ эпической были.

Digitized by Google

1. **На золотім крислі.**
2. **А чим забавляеться?**
1. **Золотим яблучком.**
2. **А чим покравае?**
1. **Золотим ножичком** (ibid., 328—329).

---

1. **Молода ворôтничка,**
   Отвори жь намъ ворôточка!
2. **Що же намъ за панъ ѣде?**
   Що жь то намъ за даръ везе?
1. **Дзелене дзерняточко,**
   Найкрашше дитяточко.

(**Пѣсни Гал. Руси, III, 2, стр. 159**).

Прочитаемъ теперь лѣтописный разсказъ о занятіи Галицкаго стола малолѣтнимъ Даніиломъ Романовичемъ послѣ бѣгства въ Угры: «Съвѣтъ же створиша Игоревичи на бояре Галичкыи, да избьютъ и по прилучаю избьени быша, ... убьено же бысть ихъ числомъ 500, а иніи разбѣгошася, Володиславъ же кормиличичь бѣжа во Угры, и Судиславъ, и Филипъ. Наидоша Данила во Угорьской землѣ дѣтьска суща, и просиша у короля Угорьскаго: «дай намъ отцича Галичю Данила, атъ съ нимъ пріимемъ й отъ Игоревичевъ». Король же съ великою любовью посла вся въ силѣ тяжцѣ, и великого дворьского Пота, поручивъ ему воеводьство надо всими вои... И совокупившеся вси, первое придоша на градъ Перемышль, и пришедшю Володиславу ко граду, и рече имъ: «Братье! Почто смущаетеся? Не сіи ли избиша отци ваши и братью вашю, а инѣи и имѣніе ваше разграбиша, и дщери ваша даша за рабы ваша, а отьчьствіи вашими владѣша иніи пришелцы? То за тѣхъ ли хочете душю свою положити?» Они же сжалившиси о бывшихъ, предаша градъ и князя ихъ Святослава яша. Оттуду же поидоша ко Звенигороду, Звенигородцемъ же лютѣ борющимся имъ съ ними и не пущающимъ ко граду, ни ко острожнымъ вратомъ, онѣмъ же стоящимъ окрестъ града»... Княжившій въ Звенигородѣ Романъ Игоревичъ «изъиде изъ града, помощи ища въ Рускыихъ князѣхъ... ятъ бысть Зерньскомъ и Чюхомою и приведенъ бысть во станъ ко князю Данилови и ко всимъ княземъ и ко воеводамъ Угорьскымъ. И послаша ко гражаномъ, рекуще: «предайтеся, князь вашь ятъ бысть», онѣмъ же не имущимъ вѣры, донелѣ же извѣстно бысть имъ, и предашася Звенигородьци. Оттуду же поидоша къ Галичю, и Володимеръ бѣжа изъ Галича и сынъ его Изяславъ... Тогда же... вси бояре Володимерьстіи и Галичкыи и воеводы Угорьскыя посадиша князя Данила

Digitized by Google

на столѣ отца своего великаго князя Романа во церькви святыя Богородица Приснодѣвица Марья» (П. С. Р. Л., II, 158—159).

Сходство этого лѣтописнаго разсказа съ приведенною выше пѣсней «Воротарь» такъ велико, что пѣсня и игра кажутся просто повтореніемъ того, что̀ говорится въ лѣтописи. Въ пѣснѣ и лѣтописи тѣ же лица и тѣ же положенія: люди князя Романа (Володиславъ и др.) съ «маленькимъ дитятей», права котораго они защищаютъ (то-есть, съ княземъ Даніиломъ Романовичемъ), подступаютъ къ укрѣпленному городу (Перемышль, Звенигородъ) и вступаютъ въ переговоры съ гражданами (пришедшю Володиславу ко граду и рече имъ...; и посласта ко гражаномъ рекуще:..); городъ сдается (предаша градъ...; предашася Звенигородьци). Я говорю объ очевидности сходства, имѣя въ виду игорный характеръ пѣсни о Воротарѣ. Въ пѣснѣ былевой, не соединенной съ «дѣйствомъ», чисто-литературное развитіе эпической темы можетъ существенно измѣнить составъ древней были, послужившей первоначальною основой пѣсни. Не то въ пѣсняхъ обрядовыхъ и игорныхъ. Здѣсь нужно было не распространеніе, а возможно сжатое выраженіе основнаго содержанія пѣсни. Устойчивость этого содержанія находилась подъ охраной «дѣйства». Конечно, и пѣсня связанная съ игрой, не можетъ считаться застрахованною отъ измѣненій: въ нѣкоторыхъ пересказахъ «Воротаря» очевидна примѣсь изъ другихъ игръ и пѣсенъ (Пѣсни Гал. Руси, II, 694—696; Историч. пѣсни ю.-р. нар. I, 42, 329). Но и при этихъ измѣненіяхъ общій ходъ игры и основныя поэтическія формулы остаются одинаковыми во всѣхъ варіантахъ.

Соединеніе пѣсни о появленіи въ Галичѣ Романова сына съ народною игрой и сохраненіе этой былевой игры въ рядѣ поколѣній—явленіе любопытное, объясненія котораго слѣдуетъ искать въ содержаніи пѣсни и въ судьбѣ ея героя. Величальныхъ пѣсенъ въ честь князей слагалось, конечно, много, но на долю этихъ пѣсенъ рѣдко выпадала долгая жизнь. Большею частью онѣ также легко забывались, какъ быстро складывались. Такой печальной судьбы могли избѣжать только тѣ пѣсни, которыя представляли почему-нибудь особую занимательность. А такой именно не заурядною пѣснью и была пѣсня объ юномъ Даніилѣ. Ребенокъ, окруженный военнымъ отрядомъ, присутствующій при осадахъ и битвахъ, вступающій въ городъ какъ побѣдитель и князь, представлялъ такого необыкновеннаго пѣсеннаго героя, который возбуждалъ невольный интересъ. Въ пѣснѣ, разсказывавшей о такомъ героѣ, было что-то сказочное, вызывавшее въ памяти образы дѣтей, которыя ростутъ не по днямъ,

Digitized by Google

а по часамъ, выказываютъ рановременную мудрость и т. п. Успѣхъ и живучесть пѣсни были такимъ образомъ обезпечены. Припомнимъ еще, что ребенокъ, о которомъ говорила пѣсня, сталъ потомъ знаменитымъ «королемъ» Даніиломъ, котораго величали въ «славныхъ пѣсняхъ», какъ наслѣдника подвиговъ и славы своего отца. Въ эти годы силы и величія Даніила и онъ самъ, и его современники нерѣдко, конечно, вспоминали, какъ онъ еще ребенкомъ появился въ Галичѣ во главѣ вооруженной дружины и занялъ княжескій столъ. Эта первая удача казалась предвѣстницей будущей славы, прекраснымъ прологомъ торжественной пьесы. Сравненіе предвѣщанія съ исполненіемъ, того, что́ было, съ тѣмъ, что́ стало, придавало воспоминаніямъ о дѣтствѣ Даніила особый смыслъ и значеніе, и увеличивало сумму тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя окружали пѣсню о Романовомъ сынѣ. Эпическій ростокъ нашелъ себѣ хорошую почву, пустилъ корни, которые обезпечили ему долгую жизнь.

Отпрыски этихъ корней мы найдемъ далеко на сѣверѣ, въ былевыхъ пѣсняхъ, сохранившихся въ Обонежьѣ и въ Двинской землѣ.

III.

Великорусскихъ былинъ, въ которыхъ выступаетъ князь Романъ, три:

1) былина о набѣгѣ на владѣнія Романа двухъ племянниковъ короля Литовскаго (Рыбниковъ, I, № 73, 74, 75; III, № 51, IV, № 17; Гильфердингъ, № 12, 42, 61, 71; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, № 69; Записки восточно-сибирск. отдѣла географ. общества, т. I, вып. 3, стр. 303—307).

2) былина о похищеніи жены князя Романа Марьи Юрьевны (Кирѣевскій, V, стр: 92—96 и 96—99) [1];

3) пѣсня о томъ, какъ «князь Романъ жену терялъ» (Кирѣевскій, V, 100—102, 102—104, 104—105, 106—108, 108—111, 111—112) [2].

---

[1]) Оба пересказа записаны г. *Максимовымъ* въ Архангельской губерніи. Изданы были первоначально въ сборникахъ *П. Якушкина*: а) Русскія народныя пѣсни, собр. П. *И. Якушкинымъ*, съ предисл. *Буслаева* (*Лѣтописи р. литер. и древн.*, т. I), стр. 122—125 и 119—122; б) Русскія пѣсни, собр. П. *Якушкинымъ*, С.-Пб. 1860, стр. 62—66 и 66—68; в) Народныя русскія пѣсни изъ собранія *П. Якушкина*. С.-Пб. 1865. (Первые листы этого сборника, стр. 1—106, взяты изъ предшествующаго изданія 1860 г.). Въ сборникѣ *Безсонова* („Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*“) пѣсни перепечатаны изъ послѣдняго сборника Якушкина.

[2]) Пересказъ 4-й взятъ изъ Новиковскаго пѣсенника съ разнорѣчіями изъ пѣсенника Чулковскаго; пересказъ 5-й—изъ сборника Кирши Данилова; пере-

Digitized by Google

Первая изъ этихъ былинъ, о нападеніи королевскихъ племянниковъ, слагается изъ слѣдующихъ эпизодовъ:

а) Передъ Чимбаломъ, (=Чембаломъ, Чумбаломъ, Цимбаломъ, Чолпаномъ), королемъ Литовскимъ (=королемъ Политовскимъ да земли Польскія), появляются два его племянника «два брата, два Ливика» (Рыбн., 1, 73; Гильф., 42, 61), иначе: «два малыихъ два витвичка» (Гильф., 12) или «два витника—совитника» (Рыбн., I, 74; Гильф., 71), Левики королевичи (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, 69). Королевичи просятъ позволенія отправиться въ походъ противъ князя Романа:

Ахъ, ты дядюшка нашъ, Чимбалъ король,
Чимбалъ, король земли Литовскія!
Дай-ка намъ силы сорокъ тысячй,
Дай-ка намъ казны сто тысячей:
Поѣдемъ мы на святую Русь
Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ.
(Рыбн., I, 73).

Иначе:

. . . не можемъ болѣ терпѣть славы великія
Про Московскаго князя Романа Дмитріевича,
Давай-ка намъ прощеньице-благословеньице,
Силу-войско, латниковъ-кольчужниковъ,
Силу-войско на добрыхъ коняхъ (ib. 74),

Пересказъ Гильф. № 12 соединяетъ Москву съ Золотою ордой.

Политовскій король да земли польскія!
Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
Крѣпкую мы думу заединую,
Ѣхать намъ во матушку во каменну Москву,
Въ каменну Москву, да въ золоту орду.

Имени князя въ этомъ варіантѣ нѣтъ. Вмѣсто Романа выступаетъ «старый Никитушка Романовичъ» [1]). Король не даетъ согласія:

сказъ 6-й—изъ „Русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ Саратовской губерніи *А. Н. Мордовцевой* и *Н. И. Костомаровымъ*“ (*Лѣтоп. р. лит. и древн.*, т. IV). Можно еще указать пересказъ въ сборникѣ *Суханова*: Древнія русскія стихотворенія, служащія въ дополненіе къ Киршѣ Данилову. С.-Пб. 1840, № 2. Нѣмецкій переводъ далъ *Goetze*: Stimmen des russischen Volks in Liedern. 1828, № 55: „Knjas Roman“. Варіантъ этой же пѣсни, но безъ имени князя, у *Рыбн.*, III, № 64, стр. 342—344.

[1]) Въ пересказѣ *Гильф.* № 42 королевскіе племянники просятъ позволенія „ѣхать на святую Русь, къ Роману Митріевичу на почестный пиръ“, но въ дальнѣйшемъ изложеніи вмѣсто Романа выступаетъ царь Иванъ Васильевичъ: „перепала тутъ вѣсточка нерадостная грозному царю Иванъ Васильевичу“ и т. д. Въ пересказѣ, записанномъ г. Истоминымъ (*Тих.* и *Милл.* 69), имя князя: Константинъ Дмитричъ. Въ Сибирскомъ пересказѣ: „царь Елизаръ“.

Digitized by Google

Ай же вы, два брата, два ливика,
Королевскіихъ два племянника!
Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
И не дамъ прощеньица-благословеньица,
Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ.
Сколько я на Русь не ѣзживалъ,
А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ. (Рыбн., I, стр. 73).

Вмѣсто набѣга на владѣнія Романа король совѣтуетъ племянникамъ отправиться «во землю во Левонскую» (Рыбн., I, 73, 74) или «Лимоньскую» (Гильф., 71).

Поѣзжайте вы во землю во Левонскую
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому:
Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
А добры кони по стойламъ застоялися,
Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
Золота казна по погребамъ запасена.
Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Тамъ получите добрыхъ коней,
Тамъ получите цвѣтно платьице,
Тамъ получите безсчетну золоту казну (Рыбн., I. 73).

Въ другихъ пересказахъ вмѣсто Левонской земли упоминается Кіевъ (Рыбн., I, 75), Индія богатая—Корела проклятая (Гильф., 12), Золотая орда (*Тихонр.* и *Милл.* 69), или просто «чисто поле» (Гильф., 42). Въ пересказѣ Гильф., 61 совѣтъ короля опущенъ.

Въ пересказахъ Рыбн., I, 74, и Гильф., 12, 71 бесѣда короля съ племянниками соединяется съ разсказомъ о пирѣ: у короля было столованье

На своихъ-то на пановей,
На пановей на улановей

Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивалися, только два королевскіе племянника

Не пьютъ они, не кушаютъ,
Бѣлой лебеди не рушаютъ,
Повѣшены буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ.

Король спрашиваетъ: отчего они не веселы. Оказывается, что они не могутъ «терпѣть славы великія» князя Романа Дмитріевича.

Упоминаемые въ этомъ разсказѣ «панове и уланове» измѣнились въ нѣкоторыхъ пересказахъ въ названіе мѣстности: «на Паневѣ было на Улановѣ» (Рыбн., I, 73; III, 51; Гильф., 61).

б) Походъ въ землю Левонскую (=Индію богатую) былъ удаченъ:

Digitized by Google

Во землѣ во Левонской на бою имъ пришла Божья помочь:
Тыи города они огнемъ сожгли,
Какъ оттуда они погнали добрыхъ коней стадмы-стадомъ,
Добрыхъ молодцовъ рядмы-рядомъ,
А красныхъ дѣвушекъ, мосодыхъ молодушекъ
Повели оттуль толпицами:
Несчетной золотой казны
Насыпали телѣги ордынскія.
Красна золота, чиста серебра, скатна жемчуга.
(Рыбн., I, 74).

Или:

А поѣхали они да во Индѣюшку,
А въ ту было Индѣю во богатую,
А въ ту было Корелу во проклятую
. . . .
Разорили тутъ Индѣю всю богатую
Разорили всю Карелушку проклятую,
Изъ конца они въ конецъ да съ головней прошли
(Гильф., 12).

Въ пересказѣ Рыбн., I, 75, и Гильф., 61, нѣтъ разсказа о походѣ въ Левонскую землю или Индію. Пересказъ Гильф., 42 замѣняетъ походъ поѣздкой въ чисто поле.

в) Предостереженіе короля пропало даромъ. Племянники его не отказались отъ рѣшенія напасть на владѣнія князя Романа. Послѣ побѣды въ землѣ Левонской

. . . Выѣхали два брата—два Ливика
Во далечо-далече чисто поле,
Развернули шатры полотняные,
Начали ѣсть, пить, веселитися
На той на великой на радости,
Сами говорятъ таково слово:
Не честь-хвала молодецкая
Не съѣздить намъ на святую Русь
Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ
(Рыбн., I, 73).

Сказано—сдѣлано. Польскіе королевичи опустошили три села, принадлежавшія Роману [1]), и взяли въ плѣнъ княгиню Настасью Митріевичну съ «младенцемъ двумѣсячнымъ (=трехмѣсячнымъ, трех-

[1]) Села называются Славское, Корочаево, Переяславское (*Рыбн.*, I, 73); Ярославское, Переславское и Косы Улицы (*Гильф.*, 12); Ярославское, Катеринградское, Косоульское (*Гильф.*, 61). Въ переск. *Рыбн.*, I, 74 и *Гильф.*, 71 упоминаются четыре села: Славское, Переславское, Корачаево, Косоулицы (*Рыбн.*) Лягово, Коротяево, Карачаево и Косы Улицы (*Гильф.*). Въ пересказѣ *Рыбн.* I, 75 вмѣсто селъ называются улицы города Сребрянскаго: Березина, Крестовая, Красныя Лавицы.

Digitized by Google

лѣтнимъ). Княгиня называется то женой (Рыбн., I, 75), то сестрой (Рыбн., I, 74; Гильф., 61, 71), то племянницей (Гильф., 12) Романа.

Набѣгъ королевичей не встрѣтилъ отпора, потому что (какъ замѣчено въ нѣкоторыхъ пересказахъ) князя Романа не было въ то время дома:

И тая побѣда учинилася,
Дома князя не случилося (Рыбн., I, 75).

Или:

А въ ты поры было, въ то время
Князя Романа Митріевича при домѣ не случилося.
А былъ-то князь за утѣхою,
За утѣхою былъ во чистомъ полѣ (ib., 73).

г) Романъ узнаетъ о случившейся бѣдѣ:

А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку (Гильф., 12).
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна (ib., 42).

По большей части пересказовъ, эту вѣсточку нерадостну приноситъ Роману какая-нибудь птица (воронъ, голубь и голубка, жаворонокъ) [1]).

А тутъ князь Романъ Митріевичъ
Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Бросалъ онъ о дубовый столъ,
О дубовый столъ, о кирпиченъ мостъ,
Сквозь кирпиченъ мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ ты, тварь, ты, тварь поганая,
Ты поганая тварь, нечистая!
Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
Я хочу съ вами, со щенками, управиться (Рыбн., I, 73).

Въ другихъ пересказахъ негодованіе Романа выражается менѣе бурно:

Закручинился князь, запечалился,
Повѣсилъ буйную голову
И рветъ свою сѣдую бороду:
„Ахъ ты, старость моя, старость глубокая!
Налетѣла изъ чиста поля чернымъ ворономъ,
Садилась на плечушки на могутныя.
А молодость моя, молодость молóдая!
Когда-жь ты была на моихъ плечахъ,
Такъ не смѣялся воръ — самъ король,
А теперича насмѣхаются два королевича, два выблядка".
(Рыбн., I, 75).

---

[1]) По пересказу въ сборникѣ Тихонравова и Миллера, вѣсть приноситъ гонецъ.

Digitized by Google

Нужно освободить семью изъ плѣна. Князь Романъ созываетъ свою дружину (40.000; 9.000) и выбираетъ изъ нея отрядъ наиболѣе надежныхъ людей, которые, какъ показали нѣкоторыя примѣты, устоятъ въ бою, не будутъ ни убиты, ни ранены [1]. Съ этимъ отборнымъ отрядомъ Романъ отправляется въ походъ. Приблизившись къ лагерю королевичей, онъ оставляетъ войско въ засадѣ, приказавъ ему двинуться въ путь по данному знаку:

„Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Какъ заграю во первый наконъ
На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
Вы сѣдлайте скоро добрыхъ коней;
Какъ заграю я во второй наконъ
На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
Вы садитесь скоро на добрыхъ коней;
Какъ заграю я въ третій наконъ,
Вы будьте на мѣстѣ на порядноемъ
Во далече-далече во чистомъ полѣ“ (Рыбн., I, 73).

д) Романъ проникаетъ въ непріятельскій станъ, обернувшись сначала сѣрымъ волкомъ, а потомъ горностаемъ.

Самъ князь обернется сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ-то князь во чисто поле,
Ко тымъ ко шатрамъ полотнянымъ,
Забѣжалъ онъ въ конюшни во стоялыя
У добрыхъ коней глоточки повыхваталъ,
По чисту полю поразметалъ;
Забѣжалъ онъ скоро въ оружейную,
У оружьицевъ замцчки повывертѣлъ,
По чисту полю замочки поразметалъ;
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусалъ,
По чисту полю тетивочки поразметалъ;
Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горностаемъ,
Прибѣгалъ онъ скоро во бѣлый шатеръ (Рыбн., I, 73).

Узнаетъ Романа его малолѣтній сынъ (=племянникъ):

Сидитъ княгиня Настасья Митріевична
Со малымъ со отрокомъ двумѣсячнымъ,
И говоритъ Насдасья Митріевична:
„Была бы у твоего батюшки прежняя молодость,
Повыручилъ-бы тебя съ полону великаго;
А старость застигла глубокая,
Не выручитъ тебя съ полону великаго“.
И говоритъ малый отрокъ двумѣсячный:

[1]) Въ пересказѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ Тихонравова и Миллера, подробности выбора дружины опущены.

Digitized by Google

„Ай же ты Настасья Митріевична!
Нашъ батюшко ходитъ—дѣло дѣлаетъ
Малымъ бѣлымъ горносталюшкомъ“ (Рыбн., I, 75).

Королевичи хотятъ поймать горностая:

Какъ тутъ-то сила пробуждалася,
Пробуждалася она, перепалася,
Какъ вешняя вода всколыбалася:
Стала иматъ горносталя во шатрикахъ,
Соболиныма шубкамы призакидывать.
Онъ по шубкамъ, по рукавчикамъ выскакивалъ,
На улушкѣ обернулся чернымъ ворономъ,
Вылетѣлъ во сырой дубъ,
Самъ заграялъ во всю голову (ib., 74).

Бросились къ оружію, чтобы убить ворона. Оружіе оказалось поломаннымъ. А между тѣмъ по данному знаку подоспѣла дружина Романова:

Какъ наѣхала силушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
А меньшому брату ноги выломали,
И посадили меньшаго на большаго,
И послали къ дядюшкѣ
Чимбалъ-королю земли Литовскія,
Самъ-же князь-то приговаривалъ:
„Ты, безглазый, неси безногаго,
А ты ему дорогу показывай“ (ib., 73).

Этою расправой обыкновенно и оканчивается былина о Романѣ. Но въ нѣкоторыхъ пересказахъ присоединены въ концѣ слѣдующія подробности:

Какъ приходятъ во землю во литовскую,
Увидѣлъ ихъ дядюшка Цимбалъ-король.
„Ахъ вы, любезные два витника, два совитника!
Говорилъ я вамъ, удалымъ молодцамъ:
Не ходите вы на святую Русь
Ко князю Роману Дмитріевичу.
Князь Романъ хитеръ-мудеръ,
Знаетъ онъ языки воронины,
Знаетъ языки всѣ птичіе,
У меня была пора—сила великая,
И терпѣлъ я славу вѣкъ по вѣку,
А вы теперь получили безчестье великое
Великое безчестье, на вѣки нерушимое!“
Говорятъ они таковы слова:
„Ай же ты, родный нашъ дядюшка!
Не можемъ мы терпѣть безчестья великаго,
Казни насъ казнью своеручною:
Руби намъ буйны головы,

Digitized by Google

Копай насъ во матушку сыру землю".
Онъ какъ бралъ сабельку вострую,
Рубилъ имъ буйны головы,
Копалъ ихъ во матушку сыру землю,
Теперь-то двумъ витникамъ, двумъ совитникамъ
Славу поютъ (Рыбн., I. 74; ср. Гильф., 71).

Пѣсня о похищеніи жены князя Романа разсказываетъ, подобно разобранной уже былинѣ, о набѣгѣ на Романовы владѣнія литовскихъ людей, но это происшествіе обставлено здѣсь новыми подробностями:

Жилъ-былъ князь Романъ Митріевичъ,
Съ женой спалъ, и ей прищавилось ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка съ мезеночка
И разсыпался на мелкія зернотка,
Она всѣ собрала, одного не могла отыскать.
„Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
Чтобы твой сонъ разсудили,
Чтобы твой сонъ разсказали".
— Я свой сонъ сама разсужу,
Я свой сонъ сама разскажу:
Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
Три червленыхъ три корабля,
Увезутъ меня, Марью, за сине море,
За сине море за соленое
Къ тому Мануилу сыну Ягайлову.
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ (Кир., V, стр. 92).

Въ другомъ пересказѣ вмѣсто посланцевъ Ягайла называются «поганы татарове». Романъ уѣзжаетъ «сбирать дани за тѣ годы за старые». Вѣщій сонъ сбылся.

Она сѣла къ окошечку косивчату
И глядитъ: бѣжатъ изъ-за моря,
Изъ-за моря изъ-за синя
Три черныхъ три корабля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную (ib., 93).

Марья убѣгаетъ въ чисто поле и «засѣла подъ яблонь кудреватую». Но ее отыскали тамъ, забрали на корабль и отвезли къ Мануилу сыну Ягайлову (царю Батышу Батурьевичу).

Онъ встрѣчаетъ ее съ честью съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченыи,

Digitized by Google

Онъ хочетъ цѣловать ее въ сахарны уста.
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
— У насъ до трехъ годовъ не цѣлуются,
Не цѣлуются, не обнимаются (ib, 94).

Разъ Мануилъ Ягайловичъ отправился на охоту:

Пойдучи матери наказывалъ:
„Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
Ежели она закручинится“.

Романова жена дѣйствительно закручинилась: -

Мать дала ей нянячекъ-служаночекъ
(Нянячекъ служаночекъ) въ сады гулять,
И дала напитковъ всякихъ разныехъ,
И дала козла любимова Моналинова.
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами бе́зъ себя;
Вотъ она взяла козла-зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидывала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку и пошла съ горы.
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ, что громъ гремитъ.
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
— Ой же ты, мать Дарья рѣка!
Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе
Пропустите меня Марью Юрьевну!
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ,
Перебрела она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать.
И пришла ей больше того рѣка,
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ,—плаваетъ на другой сторонѣ
Плаваетъ колода бѣлодубова;
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
— О же ты, колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На мелки кресты, на чудны образы,
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ.
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку (ib., 95—96).

Добравшись до дому, княгиня разсказала мужу про чудесную колоду. Вывезли колоду на святую Русь, вырѣзали на мелки кресты и на чудны образы, позолотили ихъ и разослали по церквамъ.

Digitized by Google

Третья изъ указанныхъ выше пѣсенъ говоритъ о томъ, какъ князь Романъ [1]) жену терялъ.

А князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во ту ли во рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравные;
Откуль взялся младъ сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

(Кир., V, стр. 108).

Дочь Романа спрашиваэтъ его о матери. Отецъ даетъ противорѣчивые отвѣты, лживость которыхъ скоро открывается.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
„Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?"

Романъ отвѣчаетъ:

Ушла твоя матушка мытися,
А мытися и бѣлитися,
А въ цвѣтно платье наряжатися
. . . .
Пошла она молода княжна
Со своими няньки-мамками:
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла найдти своей матушки.

Снова спрашиваетъ она отца о матери. Романъ говоритъ:

Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленой садъ,
Во вишенье, во орѣшенье.

И это указаніе оказалось ложнымъ. По нѣкоторымъ варіантамъ, Романъ старается утѣшить дочь обѣщаніемъ подарковъ:

„Ты, сударь, ты мой батюшка;
Ты куда дѣвалъ мою матушку?
— Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка,
Я куплю тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень со алмазами.
„Мнѣ не надо золота перстня,

---

[1]) Одинъ изъ пересказовъ (въ сборникѣ *Мордовцевой* и *Костомарова*) имя Романъ замѣняетъ именемъ: Демьянъ.

Digitized by Google

Золота перстня зо алмазами.
Ты куда дѣвалъ мою матушку?
— Твоя мать въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платье наряживатся и т. д. (ib., 104).

Дѣло раскрывается съ появленіемъ орла, который приноситъ отрубленную руку Романовой жены.

Ни отколь взялся младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ
Во тотъ ли зеленый садъ;
А втапоры нянюшки-мамушки
Подхватили онѣ рученьку бѣлую,
Подавали онѣ молодой княжнѣ
Молодой—душѣ Аннѣ Романовнѣ;
А втапоры Анна Романовна
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя мотушки;
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула (ib., 110).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ орелъ не только приноситъ руку, но и разсказываетъ о преступленіи:

Что летитъ-летитъ птица грозная,
Птица грозная, младъ сизой орелъ.
. . . .
Увидѣла Марья дочь Романовна,
Закричала громкимъ голосомъ:
„Ой же ты, птица грозная,
Птица грозная, младъ сизой орелъ!
И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?
— Ой же ты, Марья дочь Романовна!
Ужь какъ князь Романъ тутъ жену терялъ,
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ,
Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во тоё ль во рѣку во Смородину“ (ib., 101; ср. 103, 107).

Въ одномъ варіантѣ вмѣсто орла приносятъ руку и сообщаютъ вѣсть объ убійствѣ волки.

Пошла дочь во темный лѣсъ,
На встрѣчу ей волки сѣрые.
Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ (105).

Романъ пытается успокоить дочь:

Ты не плачь, Марья дочь Романовна:

Digitized by Google

Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ
Я складу тебѣ печь муравленую,
Я солью тебѣ золотъ перстень,
Я сошью тебѣ кунью шубу,
Приведу я къ тебѣ молодую мать
. . . . , ...
— Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ,
Провалися ты, печь муравленая,
Растопися, мой золотой перстень,
Ты сотлѣй, моя шуба кунья,
Ты умри, моя молодая мать,
Молодая мать, злая мачиха,
И ты встань-проснись, родная матушка (102).

Въ пересказѣ Новиковскаго пѣсенника разговоръ Романа съ дочерью переданъ такъ:

Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
Не я терялъ, не мои руки:
Потеряло ея слово противное.
Приведу я тебѣ матушку любезную.
Что возговоритъ молода княжна:
„Не желаю матушки любезныя,
Желала бъ свою матушку родимую“ (108).

Варіантъ Кирши Данилова вмѣсто заключительнаго разговора отца съ дочерью даетъ разсказъ о похоронахъ убитой: княжна послала нянюшекъ-мамушекъ и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ отыскать тѣло матери:

Нашли они пусту голову,
Сбирали они съ пустою головой
А всѣ тутъ кости и ребрушки;
Хоронили они и пусту голову
Со тѣми костьми, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ (111)

Изъ пересказанныхъ былинъ о князѣ Романѣ я постараюсь прежде всего выдѣлить тѣ эпическія картины и подробности, которыя встрѣчаются въ другихъ памятникахъ въ иныхъ сочетаніяхъ, и которыя поэтому безъ особыхъ доказательствъ не могутъ быть признаны принадлежностью основнаго, первоначальнаго состава разсматриваемыхъ пѣсенъ.

I. Хромецъ и слѣпецъ. Дружинники Романовы

Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
Меньшему-то брату по колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,

Digitized by Google

Садили безногаго на безглазаго,
Отпущали къ Цимбалу королю Литовскому.
(Рыбн., I, стр. 437).

Подобнымъ же образомъ расправляется съ врагами Илья Муромецъ въ былинѣ о Калинѣ царѣ [1]).

Тутъ Илья взялъ,—сломалъ ему бѣлыя руки,
Еще сломалъ собакѣ рѣзвы ноги,
Другому Татарину онъ сильному
Ломалъ ему бѣлы руки,
Выкопалъ ему ясны очи,
Привязалъ собаку за плечи Татарину,
Привязалъ его, самъ выговаривалъ:
„На-тко, Татаринъ, неси домой
А ты, собака, дорогу показывай“ (ib., 106).

Это изображеніе хромца на слѣпцѣ повторяется во множествѣ варіантовъ, отысканныхъ и на востокѣ, и въ греко-римскомъ мірѣ, и въ средневѣковой письменности восточной и западной Европы, и въ ново-европейскихъ литературахъ [2]).

Къ восточнымъ варіантамъ принадлежатъ: арабскій разсказъ о чудѣ Іисуса Христа, арабскій же разсказъ о судѣ Божіемъ надъ людьми, подобный же разказъ еврейскаго Талмуда, одна изъ сказокъ Тысячи и одной ночи. Въ литературѣ греческой извѣстно на ту же тему небольшое стихотвореніе Филиппа Ѳессалоникійскаго (современника Августа), внесенное въ Антологію. Подобное же стихотво-

---

[1]) Ср. въ былинѣ о Кострюкѣ:

Михайла расхо́дился,
Михайла разсе́рдился,
Коструку ноги выломалъ,
Коструку глаза выкопалъ
Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ (Рыбн., II, стр. 229).

[2]) Указанія относительно многочисленныхъ пересказовъ притчи о хромцѣ и слѣпцѣ дали: *Kurz* (Esopus v. *B. Waldis*, II, Th., B. IV, № 61, S. 145, 168), *Oesterley* (*Kirchhof*, Wendunmuth, B. V., S. 131, № 124, въ Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart, B. 99; Gesta Romanorum, S. 723, 71), *Liebrecht* (*Germania*, XXV, 1880, 3, 298—299), *Perles* (*Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums*, 1873, Febr.), *Сухомлиновъ* (Соч. Кирилла Туровскаго, XLVI—LI; Повѣсть о судѣ Шемяки въ XXII т. *Зап. Ак. Наукъ*, 34—35. Два семитическія сказанія, встрѣч. въ памятникахъ русской литературы, II—въ *Запискахъ Ак. Наукъ* 1873), *Ровинскій* (Русскія народныя картинки, кн. IV, стр. 574—576, въ *Сборн. 2-го отд. Ак. Наукъ* т. XXVI). Пр. *Воеводскій* (Этнологическія и миѳологическія замѣтки въ XXV т. *Зап. Новор. Унив.*, 75 — 76) едва ли удачно сближаетъ сказочныхъ хромца и слѣпца съ «греческими могущественными богатырями близнецами Моліонами», которые представляли «олицетвореніе верхняго и нижняго жернова».

Digitized by Google

реніе есть у Авзонія (IV вѣка). Въ средневѣковой литературѣ можно указать на пересказы повѣсти о хромцѣ и слѣпцѣ, внесенныя въ Gesta Romanorum, въ Speculum morale Винценція изъ Бовэ и др. Въ новоевропейскихъ литературахъ эта повѣсть повторяется писателями XVI, XVII, XVIII (Геллертъ, Флоріанъ) вѣковъ.

Въ старорусской письменности разсказъ о хромцѣ и слѣпцѣ передается въ «Причтѣ о тѣлѣ человѣчьстѣ и о души и о въскресеніи мертвыхъ». Эта причта помѣщается въ спискахъ «Пролога» подъ 28-мъ сентября; другой ея пересказъ, представляющій маловажныя отличія отъ проложнаго варіанта, встрѣчается съ именемъ Кирилла Туровскаго [1]). Та же причта перенесена была на лубокъ и вошла въ рядъ такъ называемыхъ народныхъ картинокъ [2]).

Отдѣльно отъ притчи стоитъ сказка «Безногій и слѣпой богатыри» [3]). Въ сказкѣ передается между прочимъ, какъ «слѣпой богатырь, славный своимъ бѣгомъ. . . находитъ безногаго Катому, и вздумали они жить и кормиться вмѣстѣ: безногій служитъ слѣпому своими глазами, а слѣпой безногому своими скорыми ногами» [4]).

Всѣ отмѣченные пересказы повѣсти о хромцѣ и слѣпцѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, на два извода [5]). Образцомъ перваго извода можетъ служить стихотвореніе греческой антологіи и Авзоніева епиграмма.

Πηρὸς ὁ μὲν γυίοις, ὁ δ'ἄρ 'ὄμμασιν· ἀμφότεροι δε
εἰς αὐτοὺς τὸ τύχης ἐνδεὲς ἠράνισαν.
τυφλὸς γὰρ λιπόγυιον ἐπωμάδιον βάρος αἴρων,
ταῖς κείνου φωναῖς ἀτραπὸν ὠρθοβατεῖ,
πάντα δε ταύτ' ἐδίδαξε πικρή παντόλμος ἀνάγκη,
ἀλλήλοις μερίσαι τοὐλλιπὲς εἰς ἔλεον. (Anthol. LXIX).

---

¹) Соч. Кирилла Туровскаго, ред. *Сухомлинова*, 136—141, XLVI-LI. Ср. Библіографическіе матеріалы, собр. *А. Н.* *Поповымъ*, изд. *В. Щепкинъ*, стр. 127—146, XXVII—XXI (Чтенія въ Общ. Исторіи и древн. росс. 1889 г., кн. III).

²) *Ровинскій* l. c.

³) *Аѳанасьевъ*, Сказки, изд. 2-е № 116. Малорусскій варіантъ въ Записк. о южной Руси *Кулиша*, II, 59—82.

⁴) *Аѳанасьевъ*, IV, стр. 258.

⁵) Поэтому, если принять, что родиной повѣсти былъ востокъ, придется допустить два переноса ея на европейскую почву, какъ это предполагается относительно нѣкоторыхъ другихъ сказокъ (*Benfey*, Pantschatantra, I, 359—361. Ср. въ моей книгѣ „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, стр. 33—36, примѣч.). Но этотъ двойной переносъ не надо ли представлять въ такомъ видѣ: басня съ европейской почвы переносится на востокъ, а оттуда въ измѣненномъ видѣ снова возвращается въ Европу?

Digitized by Google

Insidens caeco graditur pede claudus utroque.
Quo caret alteruter, sumit ad alterutro.
Caecus namque pedes claudo gressumque ministrat,
At claudus caeco lumina pro pedibus. (Epigr. CXXVI:

Смыслъ притчи указанъ греческимъ стихотвореніемъ: нужда учитъ, вызываетъ находчивость и чувство взаимопомощи. Та же мысль лежитъ на основѣ 71-й главы «Римскихъ Дѣяній»: богатый человѣкъ устрояетъ пиръ и зоветъ на него всѣхъ желающихъ; слѣпой беретъ себѣ на плечи хромого и такимъ образомъ оба попадаютъ на пиръ [1]). Позднѣйшіе европейскіе варіанты представляютъ подраженіе греческому и латинскому стихотвореніямъ. Для примѣра укажу на Wendunmuth Кирхгофа. Solchs haben die Griechen in einer feinen pictur und bildniss gantz artig vorgestellet, also dass ein blinder einen krüppel auffgefasset und dahin er begehret, tragen wolte, dieweit aber dem blinden der weg unkäntlich, unterstund sich der lame ihm den weg anzuzeigen, und thet ein ieglicher so viel er vermöchte. Слѣдуютъ затѣмъ versiculi de caeco et claudo (епиграмма Авзонія) и вольный ихъ переводъ [2]).

Къ этому изводу притчи о хромцѣ и слѣпцѣ примыкаетъ и наша сказка о слѣпомъ и хромомъ богатыряхъ.

Образцомъ втораго извода можетъ служить сказка «1001 ночи». Привожу эту сказку въ передачѣ акад. Сухомлинова: «Визирь спросилъ у принца: душа и тѣло одинаково ли подлежатъ наградѣ и наказанію?»' «Ихъ ждетъ одинаковая участь, ибо и здѣсь они дѣйствуютъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда хромой и слѣпой». «Что это за исторія?» «Хромой и слѣпой жили въ дружбѣ и вмѣстѣ просили милостыню; разъ какъ-то выразили они желаніе, чтобы какой-нибудь богатый человѣкъ приставилъ ихъ къ своему саду. Услышавши это, какой-то добрякъ сжалился надъ ними, взялъ ихъ въ свой садъ, нарвалъ имъ плодовъ, и оставляя ихъ въ саду, просилъ только ничего въ немъ не портить. Но плоды до того пришлись имъ по вкусу, что они едва отвѣдали ихъ, имъ захотѣлось еще болѣе, хромой и слѣпой сообщили другъ другу свое желаніе и вмѣстѣ сожалѣніе, что одинъ не видитъ плодовъ, а другой не можетъ подойти къ нимъ. Пришедшій на ту пору сторожъ спрашиваетъ о причинѣ ихъ унынія,

[1]) Морализація басни гласитъ: слѣпецъ-богачъ, хромецъ-нищій; только помогая бѣднымъ, богачъ можетъ достигнуть небеснаго царства: certe elemosinas eis dando et in eorum necessitatibus subveniendo, hoc est pauperes portare, et fideliter viris ecclesiasticis decimas dare (изд. *Oesterley*, стр. 386).

[2]) V. Buch, 124 (B. III, S. 361—362 въ изд. *Oesterley*).

Digitized by Google

и узнавши въ чемъ дѣло, вскрикиваетъ: «Горе вамъ! развѣ не слышали вы, какъ хозяинъ предостерегалъ васъ ничего не портить въ саду? Обуздайте свои желанія, иначе онъ выгонитъ васъ изъ сада». Но они возразили: «Мы хотимъ плодовъ во что бы то ни стало, и хозяинъ ничего не замѣтитъ; не выдай только насъ, и укажи способъ удовлетворить наше желаніе». Сторожъ, видя, что не хотятъ слѣдовать его совѣту, сказалъ слѣпому: «Возьми хромого къ себѣ на плечи; онъ будетъ руководить тебя своими глазами, а ты своими ногами донесешь его до дерева; я уйду, и вы можете наслаждаться». Слѣпой сейчасъ же взялъ хромого на плечи, принесъ его къ дереву, и они принялись срывать плоды, наломали вѣтвей и перепортили весь садъ. Но какъ только хозяинъ воротился домой и увидѣлъ садъ въ такомъ безпорядкѣ, онъ съ гнѣвомъ обратился къ нимъ: «Что вы надѣлали? Это ли награда за то, что я пустилъ васъ въ садъ свой и надѣлилъ плодами? Можно ли было такъ злоупотреблять моимъ довѣріемъ»? Они отвѣчали: «Господинъ, ты вѣдь знаешь, что мы ничего не могли испортить, потому что одинъ изъ насъ слѣпъ, а другой хромъ». Но онъ возразилъ: «Или вы еще думаете запираться, и полагаете, что я не знаю, какъ вы это сдѣлали; еслибы вы сознались въ своей винѣ, я отпустилъ бы васъ во-свояси; но такъ какъ вы запираетесь, то и заслуживаете наказанія». Онъ выгналъ ихъ изъ сада и заключилъ въ темницу, гдѣ они и погибли. «Значеніе этой притчи», продолжалъ принцъ,—«слѣдующее: Слѣпой представляетъ тѣло, хромой—душу; садъ есть образъ этого міра; владѣлецъ сада есть Богъ и творецъ; дерево означаетъ животныя стремленія, а сторожъ—разумъ, предостерегающій отъ дурнаго и направляющій къ хорошему. Посему душа и тѣло подлежатъ совокупной наградѣ и совокупному наказанію».

Тоже основное содержаніе (сравненіе человѣка, грѣшащаго душой и тѣломъ, съ слѣпымъ и хромымъ ворами, дѣйствовавшими за одно) находимъ въ талмудическомъ и мусульманскомъ сказаніяхъ о Божіемъ судѣ [1]) и въ притчѣ Пролога, пересказанной Кирилломъ

[1]) Рабби Іегуда, говорится въ талмудѣ, объясняя императору Антонину Пію ученіе о будущемъ судѣ Божіемъ и наказаніи за грѣхи, разсказалъ ему притчу о хромцѣ и слѣпцѣ. Хозяинъ обворованнаго виноградника посадилъ хромого на слѣпого и наказалъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Такъ поступаетъ и Господь Богъ: онъ беретъ душу, помѣщаетъ ее вторично въ плоть и наказываетъ ихъ обѣихъ вмѣстѣ. Мусульманское преданіе изображаетъ судящаго людей Господа parabolam illis propositurum coeci et claudi. Хромецъ и слѣпецъ, вмѣстѣ обокравшіе садъ, вмѣстѣ и наказаны; такъ наказываются душа и плоть, обѣ принимавшія участіе въ грѣхѣ. Въ арабскомъ разсказѣ о дѣтствѣ Іисуса Христа воровство

Digitized by Google

Туровскимъ. Старо-русскій варіантъ (предполагающій, конечно, греческій оригиналъ) заканчивается изображеніемъ суда надъ ворами: «Тогда господинъ, сѣдъ на суднѣмъ столѣ, начатъ има судити, и рече: якоже еста крала, тако да всядетъ хромець на слѣпца. Всѣдшю же хромцю, повелѣ предъ всѣми ствоими рабы немилостивно казнити» [1]). Изображеніе казни враговъ въ нашихъ былинахъ о Калинѣ царѣ и о князѣ Романѣ навѣяно, конечно, этимъ приточнымъ судомъ.

II. Выборъ дружины. Собравъ войско у рѣки Березины, Романъ

Припущалъ силушку пить во рѣку во Березину.
Начала силушка пить во рѣкѣ во Березины:
Котора сила пила пападкою,
Говорилъ князь Романъ Дмитріевичъ:
„Той силы на бою мертвой быть“;
Отпущалъ назадъ тую силушку [2]).
Котора сила пила шеломамы да черепушкамы,
Тую силу съ собой бралъ (Рыбн., I, стр. 435).

хромца и слѣпца понято не какъ parabola, а какъ реальный фактъ. Dixit Waheb Ibn Mamba, cui propitius sit Deus: Hoc quoque est ex miraculis Jesu. Aedes Dacâni, ad quem Maria et Jesus diverterant, ingressus est fur et abstulit quidquid in illis erat. Tristis ergo Dahcânus inquit Jesu: Indica mihi, quis opes meas abstulerit. Respodet Jesus: convoca mihi totam familiam tuam. Quod cum fecisset, inquit Jesus: Ubi est coecus ὁ δεῖνα? (supple: et claudus ille? замѣчаніе переводчика) His ergo adductis, inquit Jesus: Isti duo sunt fures, qui tua omnia abstulerunt. Haec cum miraretur populus, inquit illis Jesus: claudus iste adjutus fuit viribus coeci et coecus visu claudi; claudus enim manu sua funem tenebat in fenestra dum singula (coecus) afferret et ad ipsum rediret (Evangelium infantiae ed. *H. Sike*, 40—43; *Thilo*, Codex apocr. novi testam. 145—146). Ср. *Батюшковъ*, Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы, стр. 58—59.

[1]) Соч. Кир. Тур. L.

[2]) Въ сказкѣ о морскомъ царѣ и Василисѣ Премудрой говорится, какъ нѣкій царь возвращался изъ далекаго путешествія въ свое государство. «Напала на него жажда великая: что ни дать, только бы воды испить! Осмотрѣлся кругомъ и видитъ невдалекѣ большое озеро; подъѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилегъ на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьетъ и не чуетъ бѣды, а царь морской ухватилъ его за бороду» и т. д. (*Аѳан.* Сказки, изд. 2, II 335; ср. ib. 192, IV, 292, *Добровольскій*, Смоленскій этнографич. сборникъ, I, стр. 99). Такой же способъ питья въ припадку находилъ примѣненіе въ странномъ обрядѣ, описанномъ въ Topographia Hibernica Giraldi Cambrensis (Dist. III, c. xxv): Est igitur in boreali et ulteriori Ultoniae parte, scilicet apud Kenelcunnil, gens quaedam, quae barbaro nimis et abominabili ritu sic sibi regem creare solet. Collecto in unum universo terrae illius populo, in medium producitur jumentum candidum. Ad quod sublimandus ille non in principem, sed in beluam, non in regem, sed exlegem coram omnibus bestialiter accedens, non minus impudenter

Digitized by Google

Иначе:

Стала сила пить воды:
И которая сила колпакомъ пьетъ,
И которая сила шеломомъ пьетъ,
И которая сила нападчи пьетъ.
Которая сила нападчи пьетъ,
Тая сила будетъ мертвая;
Которая сила колпакомъ пьетъ,
Тая сила будетъ полоненая;
А которая сила шеломомъ пьетъ,
Тую силу съ собой беретъ (ib., 441).

Этотъ былинный эпизодъ—варіантъ всѣмъ знакомаго библейскаго разсказа о Гедеонѣ: «Іероваалъ, онъ же и Гедеонъ, всталъ по утру и весь народъ, бывшій съ нимъ, и расположились станомъ у источника Харода: Мадіамскій же станъ былъ отъ него къ сѣверу у холма Море въ долинѣ. И сказалъ Господь Гедеону: народа съ тобою слишкомъ много, не могу я предать мадіанитянъ въ руки ихъ, чтобы не возгордился Израиль предо Мною, и не сказалъ: моя рука спасла меня. Итакъ провозгласи вслухъ народа и скажи: кто боязливъ и робокъ, тотъ пусть возвратится и пойдетъ назадъ съ горы Галаада. И возвратилось народа двадцать двѣ тысячи, а десять тысячь осталось. И сказалъ Господь Гедеону: все еще много народа: веди ихъ къ водѣ, тамъ Я выберу ихъ тебѣ. О комъ я скажу: пусть идетъ съ тобою, тотъ пусть идетъ съ тобою, а о комъ скажу тебѣ: не долженъ идти съ тобою, тотъ пусть и не идетъ. Онъ привелъ народъ къ водѣ. И сказалъ Господь къ Гедеону: кто будетъ лакать воду языкомъ своимъ, какъ лакаетъ песъ, того ставь особо, также и тѣхъ всѣхъ, которые будутъ наклоняться на колѣна свои и пить. И было число лакавшихъ ртомъ своимъ съ руки триста человѣкъ; весь же остальной народъ наклонялся на колѣна свои пить воду. И сказалъ Господь Гедеону: тремя стами лакавшихъ Я спасу васъ, и предамъ мадіанитянъ въ руки ваши, а весь народъ пусть идетъ каждый въ свое мѣсто». (Книга Судей, гл. VII, ст. 1—7).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о князѣ Романѣ (Рыбн., 1,

---

quam imprudenter se quoque bestiam profitetur. Et statim jumento interfecto et frustatim in aqua decocto, in eadem aqua balneum ei paratur. Cui insidens de carnibus illis sibi dilatis circumstante populo suo et convescente, comedit ipse. De jure quoque, quo lavatur, non vase aliquo, non manu, sed ore tantum circumquaque haurit et bibit. Quibus ita rite, non recte completis, regnum illius et dominium est confirmatum (Gir. Cambr. opera, v. V въ изданіи Rerum britann. medii aevi scriptores).

Digitized by Google

73; Гильф., 42) выборъ по способу питья замѣненъ выборомъ по жребію: дружинники Романовы рѣзали жеребья липовы, всякъ на своемъ жеребьѣ подписывалъ. Бросили потомъ жеребья въ рѣку: у однихъ они поплыли по теченію, у другихъ—противъ, у третьихъ ко дну пошли.

Вставалъ князь Романъ Митріевичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
Которы жеребья каменемъ ко дну,
Тая сила будетъ убитая;
Которы жеребья противъ быстрины пошли,
Тая сила будетъ поранена;
Которы жеребья по воды пошли,
Тая сила будетъ здравая.
Не надобно мнѣ силы девять тысячей,
А надобно столько три тысячи (Рыбн., I, стр. 426).

Пересказъ Гильф. 61 соединяетъ оба способа выбора: испытаніе питьемъ и бросаніе жребія.

III. Жалоба на старость. Получивъ извѣстіе о набѣгѣ королевичей,

Говоритъ князь Романъ Дмитріевичъ;
Ахъ ты, молодость моя молодецкая!
Какъ былъ-то я (мастеръ) въ молоду пору
По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкіимъ бѣлымъ горносталемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрою утушкою.
Ахъ ты, старость моя глубокая,
Да не въ пору молодца старость состарила!
У меня ль головка состарѣла,
Сердце молодецкое соржавѣло,
Русы кудри посѣдатѣли (Рыбн., I, стр. 434).

Такая же жалоба читается въ одномъ изъ пересказовъ былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца:

Ѣздитъ-то старъ по чисту полю,
А самъ себѣ старой дивуется:
„Ахъ ты, старость, ты, старость, ты старая,
А старая старость глубокая,
А глубокая старость триста годовъ,
А триста годовъ да пятьдесятъ годовъ!
Застала ты стараго въ чистомъ поли,
Во чистомъ поли застала чернымъ ворономъ,
А сѣла ты на мою буйную голову.
А молодость моя, молодость молодецкая!
Улетѣла ты молодость во чисто поле,
А во чисто поле да яснымъ соколомъ. (Гильф., ст. 946).

Digitized by Google

Далѣе та же жалоба на старость влагается въ былинахъ въ уста Никиты Романовича:

Ай же, молодость, ты, моя молодость,
Улетѣла отъ меня да во чисто поле,
Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!
Ай же, старость моя, старость глубокая!
Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,
Изъ чиста поля налетѣла чернымъ ворономъ
Садилась на плечики могучіе [1]). (Рыбн., I, стр. 408—409).

Г. Безсоновъ сопоставляетъ эту жалобу съ знаменитымъ золотымъ словомъ Святослава въ Словѣ о полку Игоревѣ: «Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?.. А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду». Ср. еще въ Иліадѣ рѣчь Нестора на тризнѣ Патрокла (XXIII, 629—645).

IV. Птица-вѣстница. Князь Романъ получаетъ извѣстіе о набѣгѣ королевичей отъ птицы:

Прилетѣла пташеча со чиста поля,
Она сѣла пташица на бѣлой шатеръ,
На бѣлой шатеръ полотняненькой.
Она начала пташица пѣть—жупѣть,
Пѣть—жупѣть, выговаривать:
„Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ!
Спишь ты, князь не пробудишься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Пріѣхали два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника,
Разорили оны своихъ три села“ и т. д.
(Рыбн., I, стр. 424—425).

Птица-вѣстница—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ образовъ народной поэзіи. Изъ множества отмѣченныхъ варіантовъ этого эпическаго мотива [2]), оставившаго слѣдъ въ извѣстной поговоркѣ: «сорока на хвостѣ принесла», укажу хоть два примѣра. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины объ отъѣздѣ Добрыни вѣсть о готовящейся свадьбѣ его жены приносятъ богатырю птицы. Добрыня отдыхаетъ въ шатрѣ, разбитомъ подъ дубомъ:

---

[1]) Ср. *Рыбн.*, IV, 95.

[2]) *Uhland's* Schriften, III, 109—128; *Веселовскій*, Южнор. былины, II, 9—10, 403—406. Ср. *Grimm*, D. Mythol. II[4], 558—563 и III, Nachträge; *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. I, 509—511.

Digitized by Google

На этотъ сырой дубъ прилетитъ голубь съ голубушкой,
И голубь со голубушкой стали оны прогуркивать:
„Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
Спишь ты да прокладаешься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Твоя-то молода жена Настасья Микулична,
За мужъ идетъ за славнаго богатыря,
За того Олешеньку Поповича“ (Рыбн., I, стр. 163).

Въ малороссійской колядкѣ:

Ой ластôвонька та прилѣтае,
Господаренька та пробуждае:
„Ой, устань, устань, господареньку,
Побуди усю челядоньку“ (Голов., II, 32).

Въ былинѣ о томъ, какъ князь Романъ жену терялъ, орелъ-вѣстникъ выступаетъ съ особымъ значеніемъ обличителя преступленія, свидѣтеля убійства:

А князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, во рѣку бросалъ
. . . .
Откуль взялся младъ сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Орелъ приноситъ руку княжнѣ и извѣщаетъ о совершенномъ убійствѣ.

Подобную же картину находимъ и въ другихъ пѣсняхъ. Въ малорусской пѣснѣ объ убитомъ казакѣ:

Десь узявся сизоперий орелъ,
Та взявъ руку зъ козацького трупу,
Та нонісъ руку у чистее поле,
Тай ставъ руку бити, побивати;
Стала рука до орла промовляти:
Колибъ сее отець и мать знали,
Вони бъ сее тіло поховали.

Въ великорусской пѣснѣ о падшемъ воинѣ: «изъ-за лѣса летитъ орелъ и несетъ въ когтяхъ руку молодецкую» [1]).

---

[1]) *Костомаровъ*, Историч. знач. южно-русскаго народнаго пѣс. творчества, 24—25 (*Бесѣда*, 1872, IV).—Сочиненія *К. Аксакова*, I, 396. Тотъ же „образъ извѣщенія родственниковъ убитаго посредствомъ принесенія орломъ или ворономъ руки съ перстнемъ пользуется довольно широкимъ распространеніемъ въ славянской (сербской, болгарской) народной поэзіи“. (*Халанскій*, О сербскихъ нар. пѣсняхъ Косовскаго цикла, 56—59, въ *Р. Филол. Вѣстникѣ* 1883 г.).

Digitized by Google

Уландъ приводитъ шотландскую балладу, въ которой разсказывается о рыцарѣ, убитомъ его ревнивою подругой; птица открываетъ преступленіе и указываетъ мѣсто, гдѣ брошенъ трупъ: «Hier erinnert man sich, замѣчаетъ Уландъ,—sonst bekannten Sagen von der Mordklage, die in Ermanglung andrer Zeugen den Vögeln obliegt, von den Kranichen des Ibycus an bis zu den Raben des heiligen Meinrad und dem Adler, der seinen Flügel in das Blut des Erschlagenen taucht und damit in die Wolken auffliegt» [1]).

V. Вызовъ дружины троекратнымъ звуковымъ сигналомъ. Извѣстнѣйшій примѣръ такого вызова находимъ въ сказаніяхъ о Соломонѣ. Соломонъ, отправившійся отыскивать свою похищенную жену, проникаетъ въ городъ, гдѣ она находилась; дружина оставлена въ засадѣ. Когда Соломону грозитъ бѣда, когда онъ уже приведенъ къ висѣлицѣ, онъ проситъ позволенія поиграть на трубѣ. Позволеніе дано. Соломонъ трубитъ три раза, является его дружина и расправляется съ врагами [2]).

Пріѣхали къ рели ко дубовыя,
Становился Саламанъ на первой ступень

. . . .

Затрубилъ Саламанъ во турій рогъ во первый разъ
Сила то вся сколыбается,
Скоро сѣдлали добрыхъ коней

. . . .

Ступилъ Саламанъ на второй ступень,
Затрубилъ въ третій рогъ во второй разъ:
Сила то вся сколыбалася,
Скоро садились на добрыхъ коней

. . . .

Вступилъ Саламанъ на третій ступень,
Затрубилъ ли онъ въ турій рогъ по ратному:
Сила то вся оболелѣяла,
Будто ясные соколы облетѣли,
Будто сѣріе-то волки обрыскали и т. д. [3]).

Подобный же способъ извѣщенія о грозящей бѣдѣ находимъ въ русской сказкѣ «Балдакъ Борисьевичъ» [4]), въ нѣмецкой сказкѣ «Der

---

[1]) Schriften, III, 127; ср. *Benfey*, Pantschat. I, 573; *Grimm*, Märchen, III, 196.

[2]) *Лѣтоп. р. лит. и древн.*, т. IV, отд. 2, 119—121, 144—147, 151—153; Памятники стар. р. литер. 3, 68; *Буслаевъ*, Истор. христом., 718—721.

[3]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, № 52, 53, III, № 56. Ср. *Худяковъ*, Сказки, № 80, 83.

[4]) *Аѳанасьевъ*, Сказки, № 180; IV, 459. Ср. *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, CCCLII—CCCLVII.

Digitized by Google

treue Johannes», въ поэмѣ о Ротерѣ [1]) и т. д, Въ былинѣ о князѣ Романѣ игра на трубѣ замѣнена троекратнымъ крикомъ:

Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Какъ заграю во первый наконъ
На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
Вы сѣдлайте скоро добрыхъ коней;
Какъ заграю я во второй наконъ
На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
Вы садитесь скоро на добрыхъ коней,
Какъ заграю я въ третій наконъ,
Вы будьте па мѣстѣ на порядноемъ
Во далече-далече во чистомъ полѣ.
(Рыбн. I, стр. 426—127).

VI. Герой пѣсни—оборотень. Романъ проникаетъ въ станъ королевичей, оборачиваясь волкомъ и горностаемъ. То же находимъ опять въ сказаніяхъ о Соломонѣ [2]). Далѣе, подобное же превращеніе находимъ въ былинахъ объ Иванѣ Удовкинѣ сынѣ, о Вольгѣ, о Никитѣ Романовичѣ:

Обвернулся Ванька горносталемъ,
Сманулъ Ванька въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую,
Въ палаты обвернулся добрымъ молодцемъ (ib. 444).

О Вольгѣ:

Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную,
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки всѣ повывертѣлъ,
Въ боченкахъ порохъ перезолилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ,
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ (ib. 5—6).

О Никитѣ Романовичѣ:

Обвернулся тонкімъ бѣлымъ горносталемъ
И бѣжалъ то онъ по славной каменной Москвы,

---

[1]) *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 297; Разысканія въ области р. дух. стиха, V, 84—88, 99—102; *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1888 г., мартъ (въ разборѣ книги Gaster'a); *Кирпичниковъ*, Поэмы ломб. цикла, 183—184. Ср. *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, CCCIV.

[2]) *Веселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, 233.

Digitized by Google

Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружій онъ замочки прочь выщалкивалъ.
Обвернулся Микита сѣрымъ волкомъ,
Бѣжалъ онъ на конюшни лошадиныя,
У коней онъ глоточки повыторкалъ (ib. 409).

Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ упоминается особая наука оборотничества:

Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога (Кирша, 47).

Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ:

Царь Афромей Афромеевичъ
Скоро онъ вражбу чинилъ,
Обернется гнѣдымъ туромъ,
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ (ib., 142).

Король Литовскій говоритъ о князѣ Романѣ:

А какъ ёнъ да хитёръ-мудёръ:
А какъ знатъ языки какъ ужь птичьіи,
Знатъ ёнъ языки пакъ вранииыи,
А какъ ёнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
Ай по полямъ скакать да онъ сѣрымъ волкомъ,
А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
А по крутымъ горамъ скакать чернымъ да горносталюшкомъ,
Ай какъ по синімъ морямъ плавать сѣрой утушкой [1]).
(Гильф., стр. 401).

VII. Описательное обозначеніе осени. Королевичи Литовскіе, послѣ опустошительнаго набѣга на Романовы волости, раздернули шатры бѣлополотняны:

И стоятъ—дожидаютъ осени богатыя,
Богатыя осени хлѣбородныя,
Когда будетъ баранъ тученъ, овесъ ядренъ,
Когда повыростутъ пшеницы бѣлояровы,

[1]) Въ спискѣ «ложныхъ книгъ» упоминается книга «Чаровникъ»: «се же есть первое—тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ и волкомъ, летаютъ зміемъ, и рыщутъ рысію и медвѣдемъ». (*Лѣт. зан. археогр. комм.*, I, отд. 1, стр. 42—43). Ср. *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр., I, 793—796; III, 525—568,

Digitized by Google

Тогда еще грозятъ заѣхати
Во матушку во славну каменну Москву.
(Рыбн. I, стр. 432; Гильф., 402).

Такое же обозначеніе осени находимъ въ народной сказкѣ о Мамаѣ безбожномъ: «когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ и трава, и вода, втѣпоры стану Русь воевать». Эта угроза, по замѣчанію Аѳанасьева, «напоминаетъ обычныя выраженія крымскихъ грамотъ XVI и XVII столѣтій» [1]).

VIII. Пиръ. Былина о набѣгѣ королевичей на Романовы земли открывается, по нѣкоторымъ пересказамъ, описаніемъ пира у короля:

Во той земли, въ хороброй Литвы,
У Цимбала короля Литовскаго,
Какъ было столованье почестенъ пиръ
На своихъ-то на пановей.
На пановей на улановей.
Собиралися-съѣзжалися на почестенъ пиръ
Всѣ его князья-бояряны,
Всѣ дьяки его думные,
Всѣ панове и уланове
И вся поленица удалая.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Король по палатушкѣ похаживаетъ,
Ажно увидѣлъ двухъ своихъ витниковъ-совитниковъ,
Двухъ любезныхъ королевскіихъ племянничковъ,
Увидѣлъ за столамы за дубовыма:
Не пьютъ они, не кушаютъ,
Бѣлой лебеди не рушаютъ:
Повѣшены буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ.
Говорилъ король таковы слова:
„Ай же вы, два витника-совитника,
Королевскіихъ два племянника!
Что же вы не пьете, не кушаете,
Бѣлой лебеди не рушаете,
Повѣсили буйныя головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупили очи ясныя во кирпиченъ полъ?
Какую же вы невзгодушку свѣдали,
Что же нехорошее призаслышали?

[1]) Сказки, изд. 2, III, № 182; IV, стр. 466.

Digitized by Google

Али васъ мужикъ—деревенщина.
Либо васъ голь кабацкая,
Либо мурза-татаринъ поганыій
Обнесъ васъ словами неразумныма?
Али ѣствушки мои не по нраву,
Напиточки мои не по обычаю?"

Племянники отвѣчаютъ королю, что никѣмъ они не обижены, нравится имъ и угощенье королевское, а невеселы они оттого, что не могутъ болѣе терпѣть славы князя Романа Дмитріевича. (Рыбн., I, 74. Гильф., 12, 71).

Этотъ разсказъ о пирѣ и о задумавшихся гостяхъ—буквальное повтореніе тѣхъ описаній пировъ князя Владиміра, которыя такъ часты въ богатырскихъ былинахъ. Вотъ начало былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ:

Въ стольнѣнѣмъ красномъ Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Былъ то у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей, на бояровъ,
На русскіихъ могучіихъ богатыревъ.
Вси на пиру да наѣдалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да порасхвасталися.
Умный хваста отцемъ, матерью,
Ой безумный хваста молодой женой,
Душка Иванъ Гостинный сынъ
Сидитъ-то онъ, не ѣстъ, не пьетъ,
Не ѣстъ, не пьетъ, ничѣмъ не хвастаетъ.
Сговоритъ Владиміръ стольно-кіевской:
Душка, Иванъ Гостинный сынъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь,
Не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
Бѣлыя лебеди не рушаешь?
Мѣсто ли было тебѣ не по люби,
Хлѣбъ да соль не по души,
Чарой тебя подбошли,
Пьяница не надсмѣялась ли? и т. д. (Гильф., ст. 698).

Ср. был. объ Иванѣ Годиновичѣ (ib., № 293, ст. 1262), о Данилѣ Игнатьевичѣ (ib., № 192, ст. 927). Вопросы о причинѣ недовольства подобные тѣмъ, которые находимъ въ нашихъ былинахъ, обычны также въ ново-греческихъ пѣсняхъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о набѣгѣ королевичей встрѣ-

---

[1]) *Дестунисъ*, Был. объ Армури, стр. XVIII. Ср. *Веселовскій*, Южно-русск. былины, II, 8—9.

Digitized by Google

чаемъ еще упоминаніе пира съ тѣмъ символическимъ значеніемъ битвы, которое знакомо намъ по Слову о полку Игоревѣ:

Ахъ, ты, дядюшка нашъ, Чимбалъ король,
Чимбалъ, король земли Литовскія!
Дай-ка намъ силы сорокъ тысячей,
Дай-ка намъ казны сто тысячей,
Поѣдемъ мы на святую Русь
Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ.
(Рыбн., I, № 73; ср. Гильф., 42; 61).

Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты напоиша, а сами полегоша за землю Русскую». Комментаторами Слова указано много примѣровъ подобнаго же изображенія битвы въ образѣ пира въ памятникахъ народной поэзіи.

IX. Описательное обозначеніе роскоши. Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ разсказывается, какъ послы Владиміра входятъ въ палату бѣлокаменную и привѣтствуютъ бывшую тамъ женщину:

„Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова Матушка!"
Говоритъ она таковы слова:
„Не есть я Дюковая матушка,
„А есть я Дюковая рукомойница".

Послы идутъ дальше. Въ другомъ покоѣ опять встрѣчаютъ они женщину и повторяютъ свое привѣтствіе.

Говоритъ она таковы слова:
„Не есть я Дюковая матушка,
„А есть я Дюковая портомойница".

Въ третьемъ покоѣ—новая встрѣча и прежняя ошибка:

„Не есть я Дюковая матушка,
„А есть я Дюковая стольница (Рыбн., I, стр. 294).

Эта ошибка при отыскиваніи хозяйки повторяется въ былинѣ о похищеніи жены кн. Романа. Похитители

Приходили въ высокъ теремъ,
Туто ходитъ Марьина протомойница.

Ее спрашиваютъ:

„Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?"
И говорила имъ Марьина протомойница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
„Я есть Марьина протомойница".

Далѣе—встрѣча съ ключницей:

И говорила имъ Марьина ключница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина ключница". (Кир., V, стр. 98).

Digitized by Google

X. Сонъ о кольцѣ. Жена Романа видитъ во снѣ,

Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка, съ мезёночка
И разсыпался на мелкія зернотка;
Она всѣ собрала, одного не могла отыскать [1]).

Символика сна такъ ясна, что для объясненія его княгинѣ нѣтъ надобности въ знахаряхъ:

Я свой сонъ сама разсужу,
Я свой сонъ сама разскажу:
Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
Три червленыихъ, три корабля,
Увезутъ меня, Марью, за сине море [2]).

Подобный же сонъ упоминается въ одной пѣснѣ въ сборникѣ Сахарова:

Какъ вочоръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось.
Не хорошь-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужь кабы у меня, у младешеньки,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень [3]).

Въ другой пѣснѣ говорится, что дѣвушка обронила золото кольцо. Это предвѣщало ея милому «вѣсть недобрую—горько разлученьице» [4]) Ср. въ Краледворской рукописи стихотвореніе «Роза».

Usnuch, snieše mi sè ve snè,	Я заснула, мнѣ приснилось,
jakoby mnè nebožce	Что съ руки-то у бѣдняжки,
na pravej ruce z prsta	Перстенечекъ спалъ завѣтный,
svlekl sè zlatý prstének,	Выпалъ камень самоцвѣтный.
smekl sè drahý kamének.	Не нашла я камня снова,
Kamének nenadidech,	Не дождалась я милова!
Zmilitka sè nedoždech	

---

[1]) *Лит. р. лит.*, I, отд. 2, 122. Въ перепечаткѣ г. *Безсонова* (Пѣсни Кирѣевск. V, 92) послѣдняя строка пропущена.

[2]) Въ другомъ варіантѣ:

.... спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Со меньшова перста, съ мизеночка
И разсыпался на мелкія зернотка, на мушенки;
Тутъ изъ далеча, далеча, чиста поля
Прилетѣло стадо вороновъ
Расклевали мой Марьюшкинъ злаченъ перстень.

Тотъ же образъ въ иномъ примѣненіи встрѣчается во многихъ народныхъ пѣсняхъ (*Потебня*, Объясненіе малор. и сродныхъ нар. пѣсенъ, 160—169).

[3]) Пѣсни семейныя, № 12 (въ Сказ. р. народа, т. I).

[4]) Русское національное пѣснопѣніе, 179—180.

Digitized by Google

XI. Переправа черезъ рѣку. Жена Романа, возвращаясь изъ плѣна, подходитъ къ рѣкѣ:

Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ
Плаваетъ колода бѣлодубова;
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
„Ой же ты, колода бѣлодубова,
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На мелки кресты, на чудны образы,
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ.
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку. (Кир., V, 95—96).

Княгиня исполняетъ свое обѣщаніе. Колода пошла на кресты.

Переправа черезъ воду (переплываніе, переходъ въ бродъ или по мосту)—одинъ изъ самыхъ любимыхъ и часто употребительныхъ образовъ народной поэзіи. Обычное символическое значеніе этого образа—вступленіе въ бракъ, проявленіе любовныхъ отношеній [1]). Поэтому и возвращеніе плѣнницы къ мужу, возстановленіе нарушенныхъ семейныхъ отношеній могло символизоваться въ подобномъ же образѣ. Менѣе яснымъ съ точки зрѣнія эпической символики представляется употребленіе колоды на кресты. Едва ли мы не имѣемъ здѣсь передъ собою реминисценціи изъ сказаній о крестномъ древѣ. По одному изъ такихъ сказаній дерево, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, служило сначала мосткомъ черезъ потокъ; царица Савская, прибывшая къ Соломону, не рѣшается вступить на этотъ мостокъ и объясняетъ будущее священное употребленіе лежавшей черезъ потокъ колоды [2]). Подобное же отраженіе сказаній о деревѣ, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, видятъ въ образѣ малороссійской колядки: «райское дерево плыветъ» [3]).

---

[1]) Обильный матеріалъ, объясняющій пѣсенное употребленіе этого символа, собранъ пр. *Потебней* (*Древности*, археологич. вѣстникъ, изд. Московск. археол. общества, 1868 г., т. I, 254—266: «Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака»; «Объясненіе малоросс. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», 132—151; ср. Обзоръ поэтич. мотивовъ колядокъ и щедрив., указатель).

[2]) *Веселовскій*, Опыты по исторіи развитія христ. легенды II, 1 (*Журн. Мин. Нар.* Пр. 1876, февраль 245); Разыск. въ области русск. дух. стиха, X, 383, 417—418).

[3]) *Потебня*, Обзоръ поэт. мот. колядокъ, II, 234. Нужно впрочемъ припомнить еще замѣчаніе пр. *Буслаева*, сближавшаго бѣлодубовую колоду, упоминаемую въ пѣснѣ о женѣ кн. Романа, съ представленіями о гробѣ-ладьѣ: „Извѣстно, что *колода* (у Нестора *клада*) была древнѣйшимъ у насъ названіемъ гроба,

Digitized by Google

XII. Похищенная жена. По былинѣ о двухъ Ливикахъ, жена Романа захвачена въ плѣнъ во время набѣга. По другой былинѣ, она похищена пріѣхавшими изъ-за моря людьми:

И прибѣгали три кораблика три черныихъ
Прямо въ гавань корабельную.
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали шеенки шелковые.
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ полаты бѣлокаменны
И искали Марью: не могутъ найти.
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не искомъ ищетъ—слѣдочки выправливаетъ.

Дѣтинушка отыскалъ Марью

И увозилъ на червленомъ на кораблѣ
За сине море за Соленое. (Кир., V, стр. 93—94).

Такимъ же образъ похищается и жена Соломона, при чемъ въ нѣкоторыхъ пѣсенныхъ пересказахъ этого эпизода выступаетъ тотъ же дѣтинушка поваренный, какъ и въ пѣснѣ о женѣ кн. Романа.

Василій Окульевичъ ищетъ себѣ жену красавицу. Помочь ему вызывается

. . . . . дѣтина поваренный,
Поваренный, помаранный (Рыбн., II, стр. 289, 278).

Нужно, конечно, замѣтить, что увозъ похищенной женщины на кораблѣ встрѣчается не только въ сказаніяхъ о Соломонѣ, наиболѣе

равно какъ и до нашихъ временъ раскольники и простой народъ кое-гдѣ кладутъ покойниковъ въ дубовыя колоды. Извѣстно также, что древнѣйшій обрядъ похоронъ совершался спущеніемъ мертвеца на воду въ ладьѣ. На этомъ вѣроятно основывается древне-чешское выраженіе: „ити до *навы*“, то-есть, до корабля или лодки (слич. лат. *navis*, санскр. *нау* и проч.); сюда же должно отнести древне-болг. *нави*—царство мертвыхъ, тартаръ, древне-русское *навье*—покойники и выраженіе: „въ нави зрѣти“ въ извѣстной муромской легендѣ. Такъ какъ на ладьѣ же прибываютъ изъ невидимаго міра новорожденные эпическіе герои, а иногда и взрослые, только все же изъ міра таинственнаго, какъ напримѣръ, *Рыцарь лебедя* или малорусскій *Ивася*: то въ чудесной *священной* колодѣ Марьи Юрьевны изслѣдователь древнѣйшихъ эпическихъ преданій не безъ вѣроятности можетъ усмотрѣть любопытный остатокъ сказаній, относящихся къ упомянутымъ выше первобытнымъ обрядамъ и миѳологическимъ представленіямъ“ (*Ист. р. лит.*, I, отд. 2, 91—92; Очерки р. нар. слов. и искусства, I, 427).

[1]) Ср. *Весел.* Соломонъ и Китовр., 239.

Digitized by Google

близкихъ къ нашей былинѣ, а повторяется въ цѣломъ рядѣ памятниковъ [1]).

Изъ трехъ пѣсенъ о князѣ Романѣ двѣ имѣютъ, какъ мы видѣли, близкое сходство, а именно: былина о набѣгѣ королевскихъ племянниковъ и былина о похищеніи жены Романовой. Въ той и другой пѣснѣ рѣчь идетъ о захватѣ Романовой жены и о возвращеніи ея на родину [2]). Въ былинѣ о похищеніи этимъ разсказомъ объ удаленіи и возвращеніи княгини исчерпывается все содержаніе пѣсни; въ былинѣ о набѣгѣ упомянутый разсказъ соединяется съ другимъ: о походѣ Романа въ Литовскую землю. Третья пѣсня (объ убійствѣ жены) стоитъ особнякомъ, хотя и въ ней дѣйствующими лицами выступаютъ князь Романъ и его жена.

Чтобы выяснить себѣ основной составъ и постепенное развитіе пѣсенъ, связанныхъ съ именемъ князя Романа, остановимся прежде всего на послѣдней пѣснѣ.

Пѣсня о томъ, какъ князь Романъ убилъ жену, имѣетъ видъ какого-то отрывка. Она начинается довольно необычно для народной пѣсни, безъ вступленія, прямо упоминаніемъ о совершенномъ убійствѣ:

Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ-терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину.

За что́ князь убилъ жену, при какихъ обстоятельствахъ? Пѣсня

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Поэмы ломб. ц., 178—179; *Ор. Миллеръ*, Илья Муромецъ, 560; *Халанскій*, Великор. былины, 160—165.

[2]) Въ пересказахъ былины о нападеніи на Романа польскихъ королевичей взятая ими въ плѣнъ женщина называется, какъ мы видѣли, то женой, то сестрой, то племянницей Романа. Слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отдать предпочтеніе первому обозначенію а) на основаніи сравненія былины о нападеніи польскихъ князей съ былиной о похищеніи Марьи Юрьевны: въ этой послѣдней былинѣ, передающей эпизодъ похищенія отдѣльно отъ другихъ подробностей, изложенныхъ въ былинѣ о нападеніи, похищенною представляется именно *жена* Романа; б) на основаніи сравненія пѣсни о нападеніи королевичей съ отмѣченными выше сказаніями о похищенныхъ женахъ (о женѣ Соломона). Подробности этихъ послѣднихъ сказаній могли оказаться въ былинахъ о Романѣ только въ томъ случаѣ, если похищенною изображалось *жена*. Любопытно, что въ югославянскихъ пѣсняхъ о похищеніи жены Марка королевича встрѣчается подобная же замѣна: вмѣсто жены называется въ нѣкоторыхъ варіантахъ сестра. Первое обозначеніе признается и здѣсь первоначальнымъ (*Халанскій*, Замѣтки, по славнар. поэзіи, 27—43).

Digitized by Google

о Романѣ молчитъ объ этомъ. Иначе представляется дѣло въ тѣхъ безыменныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ въ положеніи князя Романа является «казакъ», или «молодой маіоръ», или просто «добрый молодецъ» [1]). Въ этихъ безыменныхъ пересказахъ пѣсня начинается не ex abrupto, а открывается вступительною картиной, знакомою по многимъ другимъ памятникамъ народной поэзіи:

У ключа было у гремячаго
Донской казакъ коня поилъ (Кир., V, 113).

Въ малорусскомъ варіантѣ:

Коло колодезя, коло дубового,
Ой тамъ козакъ коні наповвъ (Чуб., V, 795).

Въ одномъ рядѣ пересказовъ вслѣдъ за этою вступительною картиной слѣдуетъ разсказъ объ убійствѣ

Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.
(Кир., V, 113, ср. 114, 115, 117. Чуб., 1 с.)

Или,

У колодезя у студенаго
Добрый молодецъ тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ:
„Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!"
Во кусту, во кусту во ракитовомъ,
Тутъ Донской казакъ жену терялъ.
(Кир., V, стр. 120, ср. 120—121, 123).

Въ другомъ рядѣ пересказовъ вступительная картина распространяется новою чертой:

У колодца у студенаго
Молодой маіоръ коня поилъ,
Красная дѣвица воду черпала (ib., 127).

Эта красная дѣвица представляется или только свидѣтельницей преступленія, или соумышленницей убійцы:

Изъ-подъ камушка—камня бѣлова
Протекала тутъ рѣка быстрая.
Какъ по той ли из рѣченьки
Плыла легка лодочка.
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ,
Въ томъ ли корабличкѣ
Душа красна дѣвица.

[1]) Пѣсни *Кирѣевскаго*, V, 113—127 (13 пересказовъ). Нужно еще указать малорусскій варіантъ (*Чубинскій*, Труды экспед. въ зап.-русск. край, V, стр. 795, № 369).

Digitized by Google

Она мылася и бѣлилася,
И бѣлилася, и румянилася,
Нарумянившись, на гору взошла.
Какъ увидѣла она добраго молодца
У колодезя у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ,
Не коня поилъ, жену терялъ. (Кир., 123—124, ср. 119).

Иначе:

Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоя коня сталъ думу думати,
Думу крѣпкую съ красною дѣвкою:
„Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
Какъ мнѣ быть, какъ жену сгубить?" (126, ср. 122),

Послѣ вступительной сцены въ пѣснѣ передается послѣдняя просьба несчастной жены:

Жена мужу взмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
„Мужъ мой, батюшко, Донской казакъ,
Не теряй меня рано съ вечера,
Потеряй меня во глуху полночь,
Какъ добры люди спать полягутся,
Наши дѣтушки угомонятся".

По утру дѣти ищутъ мать, не находятъ ея, спрашиваютъ отца и т. д., какъ въ знакомой намъ пѣснѣ о князѣ Романѣ.

Въ одномъ изъ пересказовъ пѣсни о женоубійствѣ отецъ говоритъ дѣтямъ:

Ваша матушка распутная,
Пошла гулять съ полюбовникомъ (ib. 114).

Это обвиненіе, передаваемое въ одномъ только пересказѣ, представляетъ лишь одну изъ тѣхъ отговорокъ, которыми отвѣчаетъ убійца на вопросы дѣтей о матери. Видѣть въ этихъ словахъ указаніе на причину убійства нельзя. Истинный мотивъ преступленія опредѣляется вступительною сценой. Приближеніе къ колодцу, поеніе коня—символическая картина, встрѣчаемая обыкновенно въ пѣсняхъ при описаніи любовнаго свиданія [1]). Поэтому упоминаніе о встрѣчѣ

[1]) „У криницы", говоритъ Костомаровъ,—„мѣсто первой любви и вообще любовныхъ свиданій.... Особенно любимый народною поэзіею образъ: казакъ поитъ коня, а дѣвица беретъ воду; тутъ между ними происходитъ разговоръ: казакъ проситъ дѣвицу напоить коня изъ криницы, а скромная дѣвица отвѣчаетъ, что она еще не принадлежитъ ему, чтобы поить его коня" (*Бесѣда*, 1872, V, 111, въ ст. „Историч. значеніе ю.-р. нар. творчества". Ср. *Вс. Миллеръ*, Слово о полку Игоревѣ, 236—238.

Digitized by Google

героя пѣсни съ красною дѣвицей (хотя и опускаемое въ нѣкоторыхъ пересказахъ) нужно считать существенною и первоначальною чертой пѣсни объ убійствѣ жены. Пропускъ этой подробности лишаетъ вступительную часть пѣсни ея истинно-эпическаго значенія: сцена у колодца получаетъ при этомъ видъ случайной обстановки, при которой совершено убійство, а такая случайность не имѣетъ мѣста въ произведеніяхъ народнаго творчества. Кромѣ того, указаніе на встрѣчу героя пѣсни съ красною дѣвицей, указаніе на новую любовь, которая и вызвала убійство постылой жены, вполнѣ отвѣчаетъ заключенію пѣсни: отецъ, утѣшая дѣтей, говоритъ, что приведетъ онъ имъ «молодую мать» (118, 127). Пѣсня такимъ образомъ получаетъ законченность и опредѣленный порядокъ: женатый человѣкъ, полюбивъ другую (сцена у колодца), убиваетъ жену и собирается жениться на дѣвушкѣ, возбудившей его позднюю страсть.

Примѣненная къ князю Роману, эта пѣсня потерпѣла существенное измѣненіе: вся первая часть (сцена у колодца, рѣчь жены) оказывается отброшенною, не будучи замѣнена никакою новою добавкой. Это важное измѣненіе не можетъ быть признано случайнымъ, потому что оно повторяется во всѣхъ пересказахъ пѣсни о Романѣ, а такихъ пересказовъ, записанныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, сохранилось не мало. Ясно, что въ сознаніи пѣвцовъ примѣненіе первой части пѣсни о женоубійствѣ къ князю Роману оказывалось неудобнымъ, неумѣстнымъ, а это въ свою очередь съ очевидностью показываетъ, что князь Романъ, введенный въ пѣсню о женоубійствѣ, не былъ для пѣвцовъ только именемъ, которое можно было подставить для того, чтобы какъ-нибудь назвать пѣсеннаго героя, а былъ живымъ и опредѣленнымъ эпическимъ образомъ, съ которымъ приходилось считаться, къ которому нужно было прилаживать пѣсню, дѣлая соотвѣтствующія измѣненія въ ея составѣ. Ясно также съ другой стороны, что и самое примѣненіе къ Роману той или другой пѣсни, при необходимости допустить опредѣленное эпическое значеніе этого имени, могло состояться только въ томъ случаѣ, если содержаніе примѣняемой пѣсни могло дать къ этому поводъ, если между этою пѣсней и тѣмъ, что извѣстно было о Романѣ, оказывалось нѣкоторое соотвѣтствіе.

Въ пѣснѣ о женоубійствѣ, примѣненной къ Роману, отброшена вступительная сцена, изъ которой мы узнаемъ, что убійство вызвано было не виной жены, а несчастною страстью мужа. Ясно, что эта сцена, а слѣдовательно, и указанная въ ней причина убійства, не могли быть примѣнены къ князю Роману. Для убійства совершен-

Digitized by Google

наго Романомъ, предполагался, очевидно, какой-то другой мотивъ. Какой же?

Пѣсня о Романѣ изображаетъ расправу его съ женой нетолько какъ убійство, но какъ истязаніе, терзаніе:

Ужъ какъ князь Романъ жену терялъ,
Онъ терялъ—терялъ и тѣло терзалъ,
Онъ терзалъ—терзалъ и во рѣку бросалъ (100).

Это указаніе на терзаніе повторяется во *всѣхъ* варіантахъ съ именемъ Романа (102, 104, 106, 108). *Ни въ одномъ*, напротивъ, безыменномъ пересказѣ подобнаго выраженія нѣтъ. Далѣе, въ одномъ изъ варіантовъ убійство, совершенное Романомъ, представлено такъ:

Во чистомъ полѣ подъ ивкою,
Подъ ивкою, подъ ракиткою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ,
Пускалъ руду во сыру землю,
Металъ тѣло по чисту полю (100).

Это разбрасываніе тѣла вполнѣ отвѣчаетъ той картинѣ отыскиванія частей трупа, которую находимъ въ пересказѣ Кирши Данилова (III). Такихъ подробностей нѣтъ также ни въ одномъ изъ безыменныхъ варіантовъ.

При разсказѣ о томъ, какъ жена поплатилась жизнью за преступное увлеченіе мужа, картина истязанія была, конечно, рѣшительно неумѣстна. Влюбленному убійцѣ не за что было терзать свою жертву. Въ иномъ видѣ представляется убійство, совершенное Романомъ. Если онъ не убиваетъ только, а еще терзаетъ жену, то, очевидно, его преступленіе имѣло, по мысли пѣвцовъ, иной смыслъ, вызвано было инымъ мотивомъ, чѣмъ преступленіе «добраго молодца». Романъ убиваетъ въ гнѣвѣ, изступленіи; онъ не убиваетъ, а мучительно казнитъ. Гнѣвъ былъ же чѣмъ-нибудь вызванъ; казнь послѣдовала за какую-нибудь вину. По одному изъ пересказовъ Романъ говоритъ дочери:

Ахъ, свѣтъ, моя дочь любезная!
Не я терялъ, не мои руки;
Потеряло ея слово противное (108).

Придавать этой Романовой отговоркѣ рѣшающее значеніе нельзя не только потому, что подобное указаніе дано однимъ только варіантомъ, но и по рѣшительному несоотвѣтствію вины и наказанія. Народный эпосъ нерѣдко изображаетъ намъ расправу мужа съ женой, расправу, оканчивающуюся смертью, но эта расправа всегда вызывается одною, самою тяжкою, по мысли пѣснотворцевъ, женскою

Digitized by Google

виной—измѣной, невѣрностью. Такъ именно истязаетъ и губитъ свою преступную жену Иванъ Годиновичъ:

Ставалъ Иванъ на рѣзвы ноги,
Взимаетъ тую сабельку вострую,
Отсѣкъ еѣ бѣлы рученьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ рученекъ не надобно;
Обнимали поганаго Татарина“.
Отсѣкъ ей уста сахарнія,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ губушекъ не надобно
Цѣловали поганаго Татарина“.
Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ ноженекъ не надобно:
Охапляли поганаго Татарина“ (Рыбн. I, 201).

Подобно Ивану Годиновичу губитъ Добрыня Марину Игнатьевну (Кир. II, стр. 60). Инымъ, еще болѣе жестокимъ способомъ расправляется съ невѣрной женою Потокъ:

Настасью, Лебедь Бѣлую, дочь Лиходѣевну
Къ семи жеребцамъ къ хвостамъ привязалъ;
По чисту полю ее раздернули (Рыбн., I, 227).

Такое же значеніе мучительной казни измѣнницы должно представлять то женоубійство, которое изображается въ пѣснѣ о князѣ Романѣ. Но какъ объяснить появленіе такой пѣсни? Измѣненія, которымъ подверглась пѣсня о женоубійствѣ въ примѣненіи къ Роману, заставили насъ признать, что имя князя Романа связано было въ мысли пѣвцовъ съ какими-то опредѣленными преданіями, вліяніемъ которыхъ и можно только объяснить упомянутыя перемѣны. Пѣсенныя преданія о князѣ Романѣ знакомы намъ теперь по былинамъ о захватѣ въ плѣнъ Романовой жены. Если эти былины и пѣсни о женоубійствѣ Романа не представляютъ лишь случайнаго сходства въ имени героя, а дѣйствительно относятся къ одному и тому же эпическому лицу, то между означенными былинами и тѣми измѣненіями, которыя отыскиваются въ пѣснѣ о женоубійствѣ, пріуроченной къ Роману, должно оказаться извѣстное соотвѣтствіе.

Такое соотвѣтствіе дѣйствительно есть. Былины о похищеніи жены могутъ объяснить пѣсню объ убійствѣ. Намъ нужно при этомъ остановиться прежде всего на одномъ эпизодѣ былины о двухъ королевичахъ. Былина говоритъ о троекратномъ сигналѣ, которымъ вызываетъ свою дружину князь Романъ, пробравшійся къ похитителямъ своей жены. Эта подробность, какъ было уже замѣчено, встрѣ-

Digitized by Google

чается и въ другихъ памятникахъ и притомъ въ такомъ же сочетаніи, какъ и въ былинѣ о Романѣ: троекратнымъ сигналомъ вызываетъ дружину мужъ, отыскивающій похищенную жену. Похищенная оказывается обыкновенно измѣнницей. Типическимъ образцомъ такого рода сказаній могутъ служить повѣсти о Соломонѣ. У этого мудраго царя похищена была жена. На чужбинѣ она успѣла привязаться къ похитителю. Соломонъ, пробравшійся къ измѣнницѣ, схваченъ и по ея совѣту приговоренъ къ повѣшенію:

И приходитъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
И заходитъ въ палату бѣлокаменну.
Говоритъ царица Саламанія:
„Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Кого мы боялись съ поры,
И кого мы боялисд по два года,
Тотъ замкнутъ нонь въ окованъ ларецъ.
. . . .
Ты поди-тка во славное чисто поле,
Поставь-ка два столбика точеныхъ,
И клади-тка во славное чисто поле,
И клади-тка грядочку орленую,
Наладь-ка петелку шелковую;
И мы повѣсимъ-ка царя Саламона.
Во эту во петелку шелковую“ (Рыбн., II, 283—284).

Когда Соломона ведутъ на казнь, онъ проситъ позволенія три раза поиграть на трубѣ; вызванная этимъ сигналомъ дружина выручаетъ царя изъ бѣды и помогаетъ ему расправиться съ врагами. Соломонъ казнитъ похитителя и его помощника, а потомъ и свою невѣрную жену;

И повѣсили царицу Саламанію
Во тую во петелку шелковую (ib., 287).

Замѣчено, что совершенно сходное приключеніе (отыскиваніе жены и казнь ея за измѣну) разсказывается въ нѣкоторыхъ памятникахъ европейскаго эпоса (французская поэма о Bastard de Buillon, португальскія преданія о королѣ Рамиро [1]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что указанныя выше подробности проникли въ пѣсни о князѣ Романѣ именно какъ реминисценціи такихъ сказаній объ отыскиваніи похищенной жены, какъ сказаніе о Соломонѣ. Но пѣсня о плѣнѣ Романовой жены останавливается при этомъ, такъ сказать, на полпути: жена Романова не похожа на Саламанію; она любитъ мужа и остается вѣрна ему. Пѣсня о женоубійствѣ Романа идетъ дальше въ

[1]) См. выше стр. 22—23. Ср. *Миллеръ*, Илья Мур., 372.

Digitized by Google

смѣшеніи сказаній. Она пытается дополнить разсказы о Романѣ такою чертой, которая подсказывалась аналогіей сказаній о похищенныхъ женахъ [1]). Въ этой пѣснѣ Романова жена оказывается такою же измѣнницей, какъ похищенныя жены типа Соломоновскихъ сказаній. Припомнимъ, что близкое сходство пѣсенъ о Романѣ съ сказаніями о Соломонѣ замѣчается и въ другихъ пунктахъ. Такъ, въ былинѣ о похищеніи Романовой жены приключеніе это изображается какъ мы видѣли, въ чертахъ, напоминающихъ похищеніе жены Соломона (корабль; дѣтинушка поваренный). Былина о набѣгѣ королевичей изображаетъ Романа проникающимъ къ похищенной оборотнемъ; къ оборотничеству прибѣгаетъ и Соломонъ, отыскивающій жену. Быть можетъ, и самое соединеніе въ одну былину двухъ разсказовъ изъ жизни Романа (возвращеніе изъ плѣна Романовой жены и война съ Литвой) явилось не безъ вліянія литературной аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что пѣсня о похищеніи и возвращеніи Романовой жены разсказываетъ эти событія, не упоминая ни о набѣгѣ сосѣдей-враговъ, ни о походѣ противъ нихъ Романа. Видѣть въ этой былинѣ обособившійся эпизодъ былины о набѣгѣ едва ли можно, потому что трудно указать причину или поводъ такого выдѣленія. Скорѣе можно предположить, что пѣсни о Романовой женѣ и о походѣ Романа въ Литовскую землю имѣли первоначально видъ отдѣльныхъ разсказовъ, которые только позже слились въ одну былину по аналогіи сказаній о похищенныхъ женахъ.

Но это воздѣйствіе литературной аналогіи, такъ ясно выступающее въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ, не дошло однако, какъ видимъ, до уподобленія одного сказанія другому. Рядомъ съ чертами сходства отыскиваются и черты различія. Подъ вліяніемъ аналогіи пѣсня о женоубійствѣ Романа разсказываетъ о казни измѣнницы. Но былины о набѣгѣ и о похищеніи не знаютъ этой подробности. Развязка этихъ былинъ совсѣмъ иная, чѣмъ въ сказаніи о Соломоновой женѣ, и т. п.

---

[1]) Въ сказаніи о похищеніи жены Соломона разсказывается, что Соломонъ, пробравшійся во владѣнія похитителя, встрѣчается прежде всего съ служанкой, черпавшею воду: „пріиде въ садъ, гдѣ черпаютъ воду Китоврасу царю, и выиде дѣвка по воду въ садъ со златымъ кубцомъ, и рече Соломонъ: „дай же ми, дѣвица, изъ сего кубца испити“ и т. д. (*Веселовскій*, Разысканія, V, 78). Та же подробность повторяется въ пѣсняхъ о женѣ Марка Королевича (*Халанскій*, l. c.). Можно бы предположить, что этотъ эпизодъ встрѣчи съ служанкой могъ дать поводъ къ сближенію пѣсни о женоубійствѣ, открывающейся сценой у колодца, съ пѣснями о похищеніи жены, къ которымъ примкнула и былина о женѣ кн. Романа; но этой догадкѣ мѣшаетъ отсутствіе упоминанія о встрѣчѣ съ дѣвицей во всѣхъ тѣхъ варіантахъ пѣсни объ убійствѣ жены, гдѣ выступаетъ кн. Романъ.

Digitized by Google

Если ближе присмотрѣться къ былинамъ о Романѣ, то въ нихъ отыщется нѣсколько такихъ подробностей, которыя являются неумѣстными въ пѣсняхъ о похищенной женѣ, и присутствіе которыхъ указываетъ на нѣкоторую традицію, которая сдерживала и ограничивала вліяніе аналогіи. Слѣды этой традиціи даютъ намъ возможность разглядѣть первоначальныя очертанія пѣсенъ о Романѣ, просвѣчивающія сквозь слой позднѣйшихъ измѣненій. Такимъ, напримѣръ, остаткомъ первоначальнаго вида пѣсенъ о Романѣ слѣдуетъ признать упоминаніе похищеннаго малютки въ былинѣ о набѣгѣ королевичей. Нечего и говорить, что въ пѣснѣ на тему о похищеніи замужней красавицы эта черта совершенно лишняя: похитителю нужна чужая жена, а не чужая семья. Очевидно, въ первоначальномъ видѣ пѣсенъ о Романѣ условія, при которыхъ удалялись на чужбину, а потомъ возвращались домой жена князя и его ребенокъ, не имѣли ничего общаго съ сказаніями о похищенныхъ женахъ. Позже, при измѣненіяхъ пѣсни подъ вліяніемъ эпической аналогіи, указанная подробность (похищенный ребенокъ) утрачивала смылъ и должна была исчезнуть. Она и исчезла въ самомъ дѣлѣ въ пѣснѣ объ увозѣ Романовой жены, потому что пѣсня эта въ большей степени подверглась дѣйствію литературныхъ вліяній, чѣмъ пѣсня о набѣгѣ королевичей. Въ пѣснѣ объ увозѣ ясно выраженъ мотивъ похищенія, мотивъ совершенно сходный съ сказаніями Соломонова типа:

И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову.
Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченыя,
Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
„У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
Не цалуются не обнимаются“ (94).

Въ былинѣ о нападеніи королевичей нѣтъ такихъ подробностей. Далѣе, между пѣснью о похищеніи Романовой жены и былиной о набѣгѣ польскихъ князей есть еще другая любопытная разница. Въ пѣснѣ объ увозѣ похититель один ъ; тѣ люди, которые захватываютъ Марью Юрьевну, только исполняютъ волю этого похитителя. Это вполнѣ отвѣчаетъ разсказу о похищеніи Соломоновой жены. Въ былинѣ о набѣгѣ похитителями являются два брата, два королевича: обстоятельство, исключающее тотъ мотивъ похищенія, который слышится въ пѣснѣ объ увозѣ. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отстаткомъ такого разсказа объ удаленіи на чужбину Романовой жены,

Digitized by Google

который былъ построенъ совершенно иначе, чѣмъ разсказъ о похищеніи замужней красавицы.

Такимъ образомъ въ пѣсняхъ, связанныхъ съ именемъ кн. Романа, ясно замѣчается борьба двухъ теченій. Одно теченіе позднѣйшее, опредѣлявшееся вліяніемъ эпической аналогіи, втягивавшей пѣсни о Романѣ въ кругъ сказаній Соломонова типа. Другое теченіе древнѣйшее, теченіе исторической традиціи, опредѣлявшейся первоначальнымъ составомъ были о кн. Романѣ и его семьѣ. Мы видѣли въ чемъ именно сказалось вліяніе аналогіи, видѣли также, что комбинаціи, данныя этимъ позднѣйшимъ вліяніемъ, не вездѣ хорошо прилажены къ составу пѣсенъ о Романѣ, не вездѣ оказываются умѣстными. Ясно, что преданіе успѣло прочно установить основные факты сказаній о Романѣ; позднѣйшая обработка пѣсенъ могла вносить новые мотивы и подробности, но остовъ пѣсенъ оставался неизмѣннымъ. Этотъ традиціонный остовъ сводится къ слѣдующимъ фактамъ:

1) Князь Романъ ведетъ борьбу съ двумя сосѣдними князьями, родными братьями: дружины этихъ сосѣдей вторгаются въ русскія области; кн. Романъ отплачиваетъ за этотъ набѣгъ походомъ въ землю непріятелей.

2) Семья Романа, его жена и малолѣтній сынъ, принуждены удалиться на чужбину; они—въ плѣну у тѣхъ именно князей, съ которыми борется Романъ. Позже княгиня и юный князь возвращаются на родину.

Въ историческихъ чертахъ былинъ о кн. Романѣ, въ ихъ географической и этнографической терминологіи, замѣчается такая же двойственность, такая же борьба двухъ теченій, какъ и въ подробностяхъ, касающихся состава былинъ. Одно теченіе указываетъ на западно-русскія отношенія: выступаютъ король земли польской, его племянники, русскій князь Романъ, владѣнія котораго сосѣдятъ съ землей, принадлежащей королю.

Другое теченіе привноситъ черты восточно-русскихъ отношеній: Романъ—князь Московскій; его враги—татары; въ нѣкоторыхъ пересказахъ появляются, какъ дѣйствующія лица, Никита Романовичъ и Иванъ Грозный. Едва ли нужно доказывать, что первое теченіе есть древнѣйшее, первоначальное, основное. Стоитъ только прочитать тѣ мѣста былинъ о Романѣ, гдѣ встрѣчаются историческія и

Digitized by Google

географическія упоминанія, чтобы тотчасъ замѣтить, что московскія черты являются несомнѣнною и очевидною примѣсью, притомъ же плохо примѣненною и ясно отдѣляющеюся. Вотъ примѣры:

У того же короля да Политовскаго
Пированьице было на третій день.
. . . .
Сидятъ на пиру два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ Татарина (Гильф., ст. 100).

Или:

Ай какъ у Чембала[1]) короля у Литовскаго
Ай какъ было столованье почестенъ пиръ
А для своихъ какъ для пановьевъ для улановьевъ
А для бурзовъ поганыихъ татаровьевъ (ib., 399),

Что упоминаніе здѣсь татаръ неумѣстно и неудачно, ясно само собою. Припомнимъ при этомъ, что дядя «двухъ витниковъ» во всѣхъ пересказахъ называется королемъ. Въ былинѣ объ увозѣ Романовой жены лицомъ, для котораго совершаеуся похищеніе, называется Мануйло Ягайловичъ (Кир. V, 94), имя несомнѣнно связанное съ воспоминаніями изъ польско-литовской исторіи; въ другомъ пересказѣ въ томъ же положеніи выступаетъ Батышъ царь Батурьевичъ, властитель «земли Бусурманской» (ib. 99). Что первое обозначеніе слѣдуетъ признать отзвукомъ отношеній, изображавшихся въ первоначальномъ сказаніи о Романѣ, а второе—позднѣйшимъ измѣненіемъ, это подтверждается всѣмъ складомъ русскаго былеваго эпоса. Враги, съ которыми борются обыкновенно наши былинные воители,—татары. Перенесеніе этихъ постоянныхъ враговъ въ пѣсню, изображавшую первоначально иныя отношенія,—явленіе понятное и нерѣдкое [2]). Обратное измѣненіе, то-есть замѣна болѣе употребительнаго наименованія менѣе употребительнымъ, представляется явленіемъ маловѣроятнымъ. Далѣе, что касается главнаго героя разсматриваемыхъ пѣсенъ, то нельзя не обратить вниманія на замѣчательную устойчивость его имени. Его постоянное, удерживаемое во всѣхъ почти пересказахъ имя—князь Романъ. Князь этотъ представляется въ былинахъ владѣющимъ «каменной Москвой», называется

---

[1]) Имя Чимбалъ напоминаетъ имя татарскаго царя Кумбала въ былинѣ о Суровцѣ-Суздальцѣ. Выраженіе: „панове-уланове" встрѣчается и въ другихъ былинахъ (см., напримѣръ, Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, Ш, 16).

[2]) Подобное же смѣшеніе Татарщины съ Литвой и Польшей—въ пѣсняхъ о женитьбѣ Ивана Грознаго (*Вейнбергъ*, Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, 12—13) Упоминаніе враждебной Литвы не рѣдко и въ малор. пѣсняхъ (*Потебня*, Объясненіе пѣсенъ, 35—36).

Digitized by Google

прямо «Московскимъ княземъ» (Рыбн. I, № 74); но нечего и говорить, что московскія историческія преданія не могли подсказать этого имени. Это имя могло удержаться только въ силу пѣсенной традиціи, указывающей, вопреки упоминанію Москвы; на иной край Русской земли, на иную, не-московскую эпоху. Отыскать этотъ край и эту эпоху не трудно. Изъ князей, носившихъ имя Романа, можно указать только одного, воспоминанія о которомъ могли дать такое эпическое отраженіе, какое мы видимъ въ разсматриваемыхъ былинахъ. Это—князь Галицкій и Волынскій Романъ Мстиславичъ, знакомый намъ уже по лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ.

Остается еще коснуться обозначенія той страны, куда направляетъ своихъ племянниковъ Польскій король. Вмѣсто того, чтобы нападать на владѣнія могучаго князя Романа, король совѣтуетъ племянникамъ идти въ землю Левонскую (Рыбн., I 73; 74) или Лимоньскую (Гильф., 71). Въ этомъ названіи не трудно, конечно, угадать землю Ливонскую. Черты въ какихъ изображается въ былинахъ эта «Левонская земля», вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ представленіемо о Ливоніи, которое составилось у русскихъ людей послѣ ближайшаго знакомства съ этою страной во время походовъ Ивана IV. Въ былинѣ о землѣ Ливонской говорится такъ:

Поѣзжайте вы во землю во Левонскую.
. . . .
Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
А добры кони по стойламъ застоялися,
Цвѣтно палтьице по вышкамъ залежалося,
Золота казна по погребамъ запасена.
Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Тамъ получите добрыхъ коней,
Тамъ получите цвѣтно платьице,
Тамъ получите безсчету золоту казну (Рыбн., I, стр, 243).

Или:

А поѣзжайте-тко во землю во Лимоньскую.
Ай какъ та земля есть пребогатѣюща,
Ай какъ въ той земли много есть краснаго золота,
Ай какъ въ той земли много есть да чиста серебра,
Ай какъ много есть мелкаго скатняго да жемчугу,
А силы-рати въ ней мало можется.
Ай какъ можете тую землю въ полонъ-то взять.
(Гильф., ст. 401).

Очень сходное съ этимъ изображаніе Ливоніи находимъ у Курбскаго въ его исторіи Ивана IV: «И воевахомъ ее (Ливонію) мѣсяцъ цѣлый, и нигдѣже опрошася намъ битвою; точію со единаго

Digitized by Google

града изошли сопротивъ посылокъ нашихъ, и тамо поражено ихъ. И шли есмя ихъ землю, воюющe вдоль вяще четыредесять миль, и изыдохомъ въ землю въ Лифляндскую съ великаго мѣста Пскова, и вышли есмы совсѣмъ здраво съ ихъ земли ажъ на Иванъ-градъ, вколо ихъ землею ходяще; и изнесоша съ собою множество различныхъ корыстей: понеже тамъ земля зѣло была богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили, и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотецъ своихъ, но удалилися и ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь къ пьянству многому, и невоздержанію, и ко долгому спанію, и лѣнивству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣломъ послѣдовати» [1]). Такое же сужденіе о положеніи Ливоніи влагаетъ Курбскій въ уста «славнаго начальника Лифляндскаго, храбраго мужа Филиппа ленсмаршалка». Вотъ что́ говорилъ этотъ Филиппъ: «Нынѣ, егда отступихомъ отъ вѣры церковныя, и дерзнухомъ, и опровергохомъ законы и уставы святые, и пріяхомъ вѣру новоизобрѣтенную, и затѣмъ въ невоздержаніе ко широкому и пространному пути вдахомся, вводящему въ погибель: и явственно нынѣ обличающе Господь грѣхи наши и казняще насъ за беззаконія наши, предалъ насъ въ руки вамъ, врагомъ нашимъ. И яже сооружили были прародители наши намъ грады высокіе и мѣста твердыя, палаты и дворы пресвѣтлые, вы, о томъ не трудившись, ни проторовъ многихъ полагающе, внидоша въ нихъ; садовъ же и виноградовъ нашихъ не насадивше наслаждаетесь, и другихъ таковыхъ устроеній нашихъ домовыхъ ко житію потребныхъ.—А что глаголю о васъ, иже, аки бы мните, мечемъ побрасте? Другіе жъ безъ меча въ наши богатства и стяжанія туне внидоша, ни мало ни въ чесомъ же трудившесь, обѣщавающе намъ помощь и оброненіе. Се добра ихъ помощь, иже стоимъ предъ враги связаны» [2]). Такимъ образомъ, не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что земля Левонская—Ливонія, «земля Лифляндская». Но рядомъ съ этимъ упоминаніемъ Ливоніи, навѣяннымъ московскою эпохой, пересказы былины даютъ другія географическія названія, указывающія на то, что мѣстомъ дѣятельности «двухъ витниковъ» была первоначально не Ливонія, а какая-то другая область. Въ пересказѣ Рыбн., I, № 75 вмѣсто Ливоніи называется Кіевъ [3]).

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр 47—48.

[2]) Idid. 65—66.

[3]) Въ пересказѣ *Гильф.* № 42 названіе страны, куда должны отправиться королевичи, забыто. Упоминается просто „чисто-поле“.

Digitized by Google

Въ пѣснѣ, помѣщенной въ сборникѣ *Тихонравова* и *Миллера* (№ 69) упоминается «золотая орда». Въ пересказѣ Гильф., № 12 король направляетъ своихъ племянниковъ въ Индію богатую, въ Корелу проклятую:

„Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
„А во ту Корелушку проклятую“.

Племянники

А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки, матераго,
А того же короля да Политовскаго,
А поѣхали они да во Индѣюшку,
А подъ ту было Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
Разорили тутъ Индѣю всю богатую,
Разорили всю Корелушку проклятую.
Изъ конца они въ конецъ да съ головней прошли.
(ст. 101) [1]).

Эта Индія-Корела хорошо знакома намъ по другимъ былинамъ, гдѣ она обыкновенно соединяется съ другимъ названіемъ, съ Волынцемъ-Краснымъ Галичемъ». Напримѣръ, въ былинѣ о Дюкѣ:

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волынь-земли богатыя,
Да изъ той Корелы изъ упрямые,
Да изъ той Сорочины изъ широки,
Изъ той Индѣи богатые
Не ясенъ соколъ тамъ пролетывалъ и т. д.
(Гильф., ст. 1068).

Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Изъ Волынца города изъ Галица,
Изъ Волынь-земли невѣрные,
Изъ той Корелы изъ упрямые
Лежала дорожка широкая и т. д. (ib., 1155).

Въ пѣснѣ о сорока каликахъ:

Изъ Волынца-города, изъ Галича,
Изъ той же Корелы изъ богатыя,
Во ту пустыню во Данилову
Собиралося, собрунялося
Сорокъ каликъ со каликою (Кал. пер., I, 21).

Такимъ образомъ, сочетанія Волынь-Галичь и Индія-Корела представляютъ какое-то общее мѣсто нашихъ былинъ, а это наводитъ на догадку, не явилась ли и въ былинѣ о Роменѣ Индія-Ка-

[1]) Ср. въ Сл. о Полку Игоревѣ: „смагу мычючи въ пламянѣ розѣ“.

Digitized by Google

рела изъ сочетанія съ Волынцемъ-Галичемъ, что указывало бы въ свою очередь на первоначальную географію пѣсни? Но допустивъ это, мы должны будемъ признать, что упоминаемые въ пѣснѣ два похода королевичей (въ землю Левонскую и во владѣнія Романа) представляли первоначально только два эпизода изъ исторіи отношеній кн. Романа и его польскихъ сосѣдей. Это соединеніе двухъ эпизодовъ въ одномъ разсказѣ явилось, быть можетъ, плодомъ той компилятивной работы, которую мы предположили въ основѣ пѣсни о двухъ Ливикахъ. Въ пѣснѣ этой слиты были два разсказа: о войнѣ Романа съ Польшей и объ удаленіи на чужбину семьи Романовой. Тотъ и другой разсказъ могъ открываться упоминаніемъ о набѣгѣ: а) польскіе князья нападаютъ на владѣнія Романа; Романъ отплачиваетъ за это походомъ въ Польскую землю; б) польскія дружины вторгаются въ земли Романа; семья Романа принуждена удалиться на чужбину. Діаскевасты пѣсни о двухъ витникахъ, соединяя эти разказы, поставили въ связь удаленіе семьи Романа и его походъ въ Польшу; но при этомъ оставался не пріуроченнымъ къ общему ходу событій другой польскій набѣгъ, который въ подробностяхъ могъ представлять своеобразныя черты, а потому и не могъ быть безслѣдно опущенъ. Приходилось повторить разсказъ о набѣгѣ два раза; пѣвцы такъ и дѣлаютъ, отличая одинъ набѣгъ отъ другаго чертой, которая могла быть дана и первоначальнымъ сказаніемъ: одинъ набѣгъ сдѣланъ съ согласія короля, даже по его совѣту; другой—противъ его воли. Различеніе набѣговъ по мѣстности могло быть дѣломъ позднѣйшихъ пересказчиковъ. Въ этомъ случаѣ могла оказать вліяніе своеобразная историческая аналогія, слѣды которой наблюдаются въ былинахъ о Романѣ. Передъ мыслью народныхъ пѣвцовъ открывалось какое-то сходство между содержаніемъ пѣсенъ о Романѣ и явленіями московской исторической жизни XVI вѣка. Этою только аналогіей и можно объяснить, какъ въ былины о Романѣ пробрались Никита Романовичъ и самъ грозный царь Иванъ Васильевичъ [1]). Этою же аналогіей объясняется и упоминаніе Ливонской земли. Вмѣсто «Краснаго Галича» явилось такимъ образомъ два названія: побѣдитель Романъ—владѣлецъ «каменной Москвы»; завоеванная сосѣдями страна «земля Левонская».

---

[1]) *Гильф.*, № 12 и 42.

Digitized by Google

Имя князя Романа, нѣкоторыя подробности былинъ о немъ напомнили намъ образъ Галицко-Волынскаго князя Романа Мстиславича. Но это сопоставленіе пѣсеннаго и историческако Романа все еще имѣетъ значеніе только догадки, хотя и вѣроятной. Нужно чтобы не имя, не отдѣльныя подробности, а тотъ рядъ фактовъ, который составляетъ основу пѣсенъ о Романѣ, могъ найдти себѣ объясненіе въ историческихъ преданіяхъ о Галицкомъ князѣ.

Такое объясненіе дѣйствительно отыскивается. Припомнимъ основные факты пѣсенъ о Романѣ и пересмотримъ ихъ параллельно съ историческими извѣстіями и преданіями о знаменитомъ Галицкомъ князѣ.

1) Эпическій князь Романъ ведетъ борьбу съ двумя братьями. племянниками короля Польскаго: [1]) Въ жизни историческаго Романа важное, роковое значеніе имѣла его борьба съ родственными ему польскими князьями, двумя братьями Лешкомъ и Конрадомъ Казимиричами. Въ 1194 г. кн. Романъ выступилъ съ своими войсками на помощь этимъ юнымъ князьямъ, «королевскіимъ двумъ племянникамъ», которые боролись съ своимъ дядей Мечиславомъ († 1202). Раненый въ битвѣ при Мозгавѣ, Романъ долженъ былъ отступить и удалился въ свое княжество. Но этотъ походъ на помощь Лешку и Конраду далъ Роману основаніе требовать отъ этихъ князей вознагражденія: ему хотѣлось присоединить къ своимъ владѣніямъ область Люблинскую, которая находилась подъ польскою властью. По-

---

[1]) Послѣ соединенія Польши съ Литвой русскіе люди привыкли въ теченіе долгаго времени представлять себѣ одного короля польско-литовскаго. „Литва“, была, конечно, болѣе извѣстна, болѣе близка. Поэтому, говоря о королѣ, упоминали часто только о Литвѣ. Напримѣръ:

А и нѣту у насъ царя въ ордѣ, короля въ Литвѣ,
Мы тебя поставимъ царемъ въ орду, королемъ въ Литву.
(*Кирѣевск.* 3, 121).

Въ загадкахъ: „Никого не боюсь, ни царя въ Москвѣ, ни короля въ Литвѣ“, или: “Видѣла царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ“. (*Садовниковъ*, Загадки русск. народа, стр. 252). Встрѣчаются, впрочемъ, упоминанія и о другой королевской землѣ:

Гулялъ-гулялъ Дунай да съ земли въ землю,
И загулялъ Дунай да къ королю въ Литву,
А къ тому ли королю да Ляховинскому.
(*Кирѣвск.* 3, 58).

Въ разсматриваемыхъ нами пѣсняхъ король, какъ было уже замѣчено, называется Литовскимъ, или „Политовскимъ да земли Польскіи“. (*Гильф.* № 12. ст. 100).

Digitized by Google

лучивъ отказъ, Романъ измѣнилъ свои отношенія къ королевичамъ: «Nam et negotiantes, говоритъ Длугошъ, in terris suis Polonos singulis fortunis dispoliat et commercia illis cum suis subditis de caetero interdicit. Ad haes terras Sandomiriensem et Lubliensem suis finitimas primum clandestinis, mox etiam publicis excursionibus invadit et vexat. In plerisque quoque locis praesidia locat, et milites in frequenti numero illis imponit, terras Leszconis vastaturus, Лешко требуетъ, чтобы Романъ прекратилъ набѣги. Получивъ отказъ, repressalibus Leszko uti coepit et vicissitudinariis ordinatis praesidiis, Ruthenos temere progressos et ad spolia effusos aliquot certaminibus prosperis stravit eorumque insolentiam brevi composcuit [1]).То же разсказываетъ Бѣльскій. Романъ нападаетъ на Сендомирскую область. Изъ Сендомира отвѣчаютъ вторженіемъ въ Романовы владѣнія. Затѣмъ когда Романъ услышалъ, что противъ него идутъ Лешко и Конрадъ, онъ выступилъ противъ нихъ, при чемъ во время похода дѣйствовалъ съ безпощадною жестокостью [2]). Видимъ такимъ образомъ, что борьба вызывала чередованіе нападеній: то русскія дружины нападали на польскія земли, то польскія войска вторгались въ Романовы владѣнія. Пѣсня вѣрно передаетъ общій характеръ борьбы Романа съ сосѣдями, удерживая даже точное опредѣленіе противникомъ Галицкаго князя (два королевича). Но при такомъ сходствѣ между пѣсней и историческими извѣстіями о Романѣ есть и существенное различіе. Послѣдній походъ Романа противъ польскихъ князей окончился, какъ извѣстно, несчастно: Романъ былъ убитъ въ битвѣ при Завихвостѣ. Пѣсня же заканчиваетъ борьбу Романа побѣдой и страшною расправой съ противниками. Открывается такимъ образомъ рѣзкая, непереходимая, по видимому, грань между пѣснью и исторіей, между былиной и былью. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ историческими преданіями о кн. Романѣ рѣзкія очертанія этой грани сглаживаются. Дѣло въ томъ, что въ ряду извѣстій о послѣднемъ походѣ Романа мы находимъ и такіе разсказы, которые носятъ несомнѣнные слѣды своеобразнаго патріотизма, не примирявшагося съ пораженіемъ и смертью знаменитаго князя. Таковъ разсказъ, переданный Татищевымъ: «Въ концѣ лѣта сего (1205) Романъ, видя что отъ полякъ никоего ему удовольствія не учинено, собравъ войско, паки пошелъ въ Польшу къ Люблину и взявъ два города и часть войска, отпустилъ въ разъѣздъ къ Сен-

[1]) Подъ 1204 г.

[2]) Kronika Polska (1830), II, 72—73.

домиру для разоренія земли и множество селъ пожегъ; но услыша, что поляки идутъ противу его, самъ совсѣмъ пошелъ къ Сендомиру, и перешедъ чрезъ Вислу, ставъ на брегу, посылалъ всюду разъѣзды о войскѣ польскомъ провѣдывать, но не могъ никакой подлинно вѣдомости получить. Тогда пріѣхали къ нему паки послы о мирѣ, и онъ имѣя съ ними разговоры, и познавъ, что они никакой власти о договорѣ не имѣютъ, послалъ съ ними своихъ пословъ къ Лешку увѣдать о подлинномъ намѣреніи польскомъ, приказавъ, что онъ до полученія подлиннаго отвѣта будетъ стоять на томъ мѣстѣ, и разорять болѣе не будетъ; а Лешковы послы договоромъ съ клятвою его увѣрили, что съ ихъ стороны никакого дѣйства военнаго до съѣзда пословъ или отказа не будетъ, что́ имѣло быть въ десять дней. На сіе Романъ обнадѣяся, велѣлъ всѣхъ посланныхъ по земли для разоренія, разъѣзды возвратить къ полкамъ, и ожидая отповѣди той, до урочнаго дня былъ безопасенъ, не думая, чтобъ за положеннымъ договоромъ могло кое отъ полякъ нападеніе учиниться. Но въ седьмый день послѣ отъѣзда пословъ, октября 13-го дня, поѣхалъ съ малыми людьми на псовую охоту прогуляться; и какъ былъ недалеко отъ полковъ, тогда нѣсколько поляковъ стояло въ лѣсу, и усмотря его, тотчасъ отъѣхавъ отъ полковъ, напали на него. Романъ, видя такое злоключеніе, мужественно оборонялся, и нѣсколько поляковъ побилъ, доколѣ въ его полкахъ увѣдавъ, на помочь къ нему поспѣшали. Между тѣмъ Романъ проколотъ былъ тяжко копьемъ, и едва отнять его могли и привезли въ обозъ едва жива. Поляковъ же оныхъ едва кто ушелъ, всѣхъ ухватя порубили безъ милосердія, а Романъ того дня скончался. Тысяцкій Романовъ, взявъ тѣло его, возвратился со всѣмъ войскомъ къ Галичу; Лешко же съ польскимъ войскомъ хотя не далѣ полудня былъ, но наступить не смѣлъ и возвратился» [1]). Оказывается такимъ образомъ, что Романъ вовсе не потерпѣлъ пораженія. Онъ, правда, былъ тяжело раненъ во время нечаяннаго нападенія на охотѣ [2]), но подоспѣвшая дружина жестоко отплатила врагамъ за рану князя. Поляки были побиты, такъ что едва ли и спасся кто-нибудь изъ нихъ. Это пораженіе навело такой страхъ на Лешка, что онъ поспѣшилъ отступить. Романъ умеръ побѣдителемъ. Слѣды подобнаго же изображенія послѣдняго Романова похода нахо-

---

[1]) Исторія росс., кн. 3, 346—347.

[2]) При нѣкоторой свободѣ домысла съ этимъ разсказомъ объ охотѣ, во время которой подоспѣваютъ къ Роману его войска, можно бы сопоставить былинный эпизодъ о Романовыхъ превращеніяхъ.

Digitized by Google

димъ въ замѣткѣ такъ-называемой «Подробной лѣтописи»: «По семъ великій князь и самодержецъ Романъ животъ смертію премѣни и погребенъ бысть во Владимірѣ Волынскомъ честно»[1]). Въ извѣстномъ сборникѣ былей и небылицъ, носящемъ заглавіе «Россійской исторіи» Ѳ. Эмина, говорится, что Романъ удачнымъ набѣгомъ на польскія земли добился своего: Люблинская область была ему отдана. «Тогда послы, именемъ своего государя согласясь на его требованія уступили ему Люблинскую провинцію во владѣніе до тѣхъ поръ, пока не выплатятъ требуемой княземъ Романомъ суммы. Тогда же Романъ удалился въ городъ Галичъ, гдѣ годъ цѣлый владѣвъ мирно скончался, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ первороднаго своего сына Данилу» [2]). Эти разсказы указываютъ на существованіе преданія, въ которомъ развязка борьбы Романа съ польскими князьями представлялась совсѣмъ не такъ, какъ изображается она въ памятникахъ польской исторіографіи. Что касается народной пѣсни о Романѣ, то въ ней нельзя и ожидать иной развязки, кромѣ той, какую находимъ въ сохранившихся былинахъ. Пѣсня заканчиваетъ походъ Романа такъ, какъ этотъ походъ долженъ бы окончиться, какъ оканчивались другія, болѣе раннія столкновенія Романа съ его сосѣдями.

2) Семья Романа, его жена и малолѣтній сынъ, принуждены удалиться на чужбину; они въ плѣну у тѣхъ королевичей, съ которыми враждуетъ Романъ; позже княжичъ и княгиня возвращаются однако на родину. Такъ разсказываетъ пѣсня. Судьба Романова семейства намъ извѣстна. Послѣ Романа остались два малолѣтнихъ сына: Даніилъ 4 лѣтъ и Василько 2 лѣтъ. Даніилъ, по смерти отца, провозглашенъ былъ княземъ Галицкимъ, но недолго пользовался этимъ титуломъ. Рюрикъ Ростиславичъ въ союзѣ съ Ольговичами Черниговскими двинулся къ Галичу [3]) Узнавъ объ этомъ, вдова Романа вмѣстѣ съ дѣтьми поспѣшила во Владиміръ Волынскій, но скоро ей пришлось покинуть и этотъ городъ. Боясь угрозъ утвердившагося въ Галичѣ Владиміра Игоревича, который хотѣлъ «искоренити племя Романово», княгиня рѣшилась отдаться въ руки враговъ ея мужа, которые еще не прекращали войны съ Галичемъ, съ которыми еще не былъ заключенъ миръ. «Княгини... съвѣтъ створи съ Мирославомъ съ дядькомъ, и на ночь бѣжаша въ Ляхы. Данила же возмя дядька передъ ся, изъиде изъ града, Василка же Юрьи попъ съ

---

[1]) Часть I, стр. 118.

[2]) Т. III, 433.

[3]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 405.

Digitized by Google

кормилицею возмя, изыйде дырею градною, не вѣдяху бо камо бѣжаще, бѣ бо Романъ убьенъ на Ляхохъ, а Лестько мира не створилъ» [1]). Лешко и Конрадъ могли быть довольны: Романа не стала, семья его шла къ нимъ въ добровольный плѣнъ. «Богу же бывшю поспѣшнику, Лестко не помяну вражды, но съ великою честью прія ятровь свою и дѣтятѣ, сожаливъ си и рече: яко дьяволъ есть повергъ вражду сію межи нами» [2]). Выказавъ великодушіе побѣдителя, Лешко не думалъ однако оказать дѣятельную помощь искавшимъ его покровительства князьямъ. Даніилъ отправленъ былъ къ Угорскому королю; вдова Романа съ младшимъ сыномъ осталась въ Польшѣ [3]). Спустя нѣкоторое время Василько и его мать выбрались на Русь по просьбѣ жителей Бреста: «и пріѣхаша Берестьяне ко Лестькови и просиша Романовой и дѣтяте... и вдасть имъ, да владѣеть ими; они же съ великою радостью срѣтоша й, яко великаго Романа жива видяще» [4]). Позже вернулся въ Галичъ и Даніилъ. «Тогда же пріѣха княгини великая Романовая видить сына своего присного Данила. Тогда же бояре Володимірьстіи и Галичкыи... посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа [5]). Въ пѣсенномъ отраженіи удаленіе на чужбину Романовой семьи представляется плѣномъ, каковымъ оно въ сущности и было. Жители Бреста привѣтливо встрѣтили маленькаго князя, возвратившагося вмѣстѣ съ матерью изъ Польши, «яко великаго Романа жива видяще». Привѣтствіе могло быть облечено въ форму величальной пѣсни, въ форму обрядоваго славленья. Былина разсказываетъ также о возвращеніи изъ плѣна жены Романа и его маленькаго сына, но пѣсня не знаетъ лѣтописнаго «яко жива». Романъ дѣйствительно

---

[1]) П. собр. р. лѣтописей, II, 156.

[2]) Ibid.

[3]) Лешко и Конрадъ продолжали между тѣмъ вмѣшиваться въ дѣла русскаго княжества. По просьбѣ Александра Всеволодовича, Романова племянника, Лешко двинулся къ Владиміру и, овладѣвъ этимъ городомъ, отдалъ его Александру. Походъ сопровождался грабежомъ и жестокостями. „Возведе Олександръ Лестька и Кондрата. Придоша Ляхове на Володимерь и отвориша имъ врата Володимерци, рекуще: „се сыновець Романови“. Ляхове поплѣниша городъ весь. Олександру молящюся Льстькови о останцѣ града и о церкви святѣй Богородици; твердымъ же бывшимъ дверемъ, не могоша и съсѣчи, донелѣже Лестько пріѣха и Кондратъ и возбиста Ляхы своя; ти тако спасена бысть церкви и останокъ людій“ (П. С. Р. Лѣт., II, 156).

[4]) Ibid. 157.

[5]) Ibid. 158.

Digitized by Google

живъ [1]). Его врагамъ не долго удалось торжествовать. Жена [2]) и сынъ Романа, попавшіе въ плѣнъ, благополучно возвращаются на родину.

Въ заключеніе нужно еще обратить вниманіе на тѣ черты, которыми обрисованъ въ былевыхъ пѣсняхъ образъ князя Романа.

Романъ—могучій и грозный князь, съ которымъ опасно вступать въ борьбу. Польскій король говоритъ своимъ племянникамъ:

Ай же вы, два любезныи племянника!
А у меня была пора—сила великая,
Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь,
А ко князю Роману Митріевичу (Гильф., ст. 401).
Сколько я на Русь не ѣзживалъ,
А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ (Рыбн., I, стр. 423).

Въ этотъ изображеніи не трудно узнать лѣтописнаго «великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца [3]) всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ».

Пѣсенный Романъ—человѣкъ необыкновенный:

А какъ ёнъ да хитёръ мудёръ,
А какъ знатъ языки какъ ужь птичьіи,
Знатъ ёнъ языки какъ вранинын,

---

[1]) Припомнимъ впрочемъ приведенное выше замѣчаніе професс. Буслаева о значеніи „колоды бѣлодубовой". Пѣсня въ первоначальномъ ея видѣ могла соединять разсказъ о возвращеніи Романовой семьи съ воспоминаніемъ о прибытіи гроба Романа.

[2]) Въ большей части пересказовъ былины о двухъ королевичахъ, жена Романа называется Настасья Дмитріевна. Любопытно, что то же имя встрѣчается въ подложныхъ грамотахъ, данныхъ будто бы Романомъ монастырю Печерскому: „се азъ князь Романъ Галицкій, Кіевскій, Владимерскій, Луцкій и иныхъ земель русскихъ обладатель съ женою моею княгинею *Анастасіею* надали есмы" и т. д. (*Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 114).

[3]) Этотъ эпитетъ „самодержецъ" получаетъ надлежащій смыслъ, если припомнимъ, что въ польскихъ извѣстіяхъ о Романѣ князь этотъ изображается напротивъ ставленникомъ и вассаломъ польскихъ владѣтелей. Кадлубекъ, упомянувъ о томъ, что Романъ при помощи Лешка занялъ столъ Галицкій, прибавляетъ: Quod beneficii qua tandem gratiarum devotione Polonis rependere studuit, suo loco docebitur (Monum. Poloniae, t. II, 440; разсказа о пораженіи Романа у Кадлубка, какъ мы знаемъ, нѣтъ). Позднѣйшіе историки прямо называютъ Романа вассаломъ Лешка „in rebellionem.... versus, pensa hactenus denegat tributa et se non vasallum, neque subjectum, sed hostem infestum Leszkoni et suis Ducatibus declarat (Длугошъ подъ 1204 г.). Сужденія польскихъ историковъ повторяетъ Густынская лѣтопись: «Романъ же сѣдъ на княжствѣ цѣлова крестъ Лешку королю, яко послушенъ ему быти» (П. собр. р. лѣтописей, II, 326, подъ 6707—1199 г.).

Digitized by Google

А какъ ёнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
Ай по полямъ скакать да онъ сѣрымъ волкомъ,
А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
А по крутымъ горамъ скакать да горносталюшкомъ,
Ай какъ по синіимъ морямъ плавать сѣрой утушкой
(Гильф., 401).

Лѣтопись говоритъ о Романѣ Мстиславичѣ: «устремилъ бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бѣ, яко и туръ» [1]). Подобныя выраженія могли быть и въ пѣсняхъ о Романѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Ср. въ Словѣ е Полку Игоревѣ: «скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда»; «скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ»; «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше»; «а Игорь князь поскочи горносталемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мьглами»; «коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече». Народная пѣсня замѣняетъ такія образныя выраженія реальнымъ изображеніемъ оборотничества.

Пѣсенный Романъ—человѣкъ суровый и мстительный. Въ гнѣвѣ онъ не помнитъ себя. Получивъ извѣстіе о набѣгѣ польскихъ князей,

Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Бросалъ онъ о дубовый столъ,
О дубовый столъ, о кирпиченъ мостъ,
Сквозь кирпиченъ мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ ты тварь, ты тварь поганая!
Ты, поганая тварь, нечистая!
Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
Я хочу со вами, со щенками, управиться“.
(Рыбн., I, стр. 425).

Съ побѣжденныи противниками Романъ учиняетъ страшную расправу: вырѣзываетъ глаза, ломаетъ ноги и при этомъ издѣвается:

Самъ же князь-то приговаривалъ:
„Ты, безглазый, неси безногаго,
А ты ему дорогу показывай“ (ib., 428—429).

Припомнимъ разсказы о Романѣ польскихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ за преувеличеніями и прикрасами скрывается, конечно, истори-

[1]) П. С. Р. Л., II, 155.

чески вѣрная основа. Утвердившись въ Галичѣ, Романъ расправляется съ противниками: «quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit» [1]). Во время послѣдняго похода въ Польшу Романъ «okazował wielkie okrucieństwo nad ludem pospolitym w ciągnieniu, nie przepuszczaiąc wszelkiemu stanowi, a naywięcey kapłany dziwnemi mękami trapił, koscioly palił, dzieweczki gwałcił, gorzey niż kiedy poganin» [2]). Съ этими извѣстіями можно сопоставить приведенныя выше слова лѣтописи: «сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ». Татищевъ приводитъ такое описаніе наружности и нравственныхъ качествъ Галицкаго князя, «Сей Романъ Мстиславичъ, внукъ Изяславовъ, ростомъ былъ хотя не весьма великъ, но широкъ и надмѣрно силенъ, лицемъ красенъ, очи черные, носъ великъ съ горбомъ, власы черные и коротки, вельми яръ былъ во гнѣвѣ, косенъ языкомъ, когда осердится, не могъ долго слова выговорить, много веселился съ вельможи, но піянъ никогда не бывалъ, много женъ любилъ, но ни едина имъ владѣла, воинъ былъ храбрый и хитрый на устроеніе полковъ... всю жизнь свою въ войнахъ препровождалъ, многи побѣды получилъ, а единою побѣжденъ былъ, того ради всѣмъ окрестнымъ былъ страшенъ. Когда шелъ на полякъ, то сказалъ: или полякъ побѣжду и покорю, или самъ не возвращусь, и збылося послѣднее» [3]). Это изображеніе не имѣетъ конечно цѣнности достовѣрнаго историческаго извѣстія, но оно любопытно, какъ попытка возстановить образъ грознаго Галицкаго князя, который долго продолжалъ тревожить народное воображеніе и на Руси, и въ Польшѣ.

Польскія пѣсни о Романѣ Мстиславичѣ извѣстны намъ только по упоминанію Длугоша. Русскія пѣсни о знаменитомъ Галицкомъ князѣ сохранились и на югѣ, и на сѣверѣ нашей земли.

Основы малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ о князѣ Романѣ восходятъ къ одной и той же исторической были XIII вѣка, но судьба этихъ пѣсенъ была не одинакова. Малорусская пѣсня о воротарѣ, связанная съ игрой, могла измѣняться сравнительно мало, допуская лишь примѣсь изъ другихъ игорныхъ пѣсенъ. Сѣверно-рус-

[1]) Mon. Pol., II, 440.
[2]) *Бѣльскій*, Kronika Polska (1830), II, 73.
[3]) Ист. Росс., III, 347—348.

Digitized by Google

скія пѣсни о Романѣ носятъ слѣды болѣе глубокихъ измѣненій. Захваченныя широкимъ потокомъ нашего былеваго эпоса, пѣсни эти подвергались и взаимному сліянію, и разнообразнымъ воздѣйствіямъ литературной и исторической аналогіи. Изучая былины о Романѣ, я пытался опредѣлить, что́ именно слѣдуетъ признать въ нихъ принадлежащимъ первоначальной основѣ, и въ чемъ можно видѣть слѣдъ позднѣйшихъ измѣненій. Нѣкоторые пункты этихъ измѣненій, можетъ быть, опредѣлены неудачно, но указанный выше ходъ литературной исторіи былинъ о князѣ Романѣ кажется мнѣ соотвѣтствующимъ въ общихъ чертахъ и характеру историческихъ преданій объ этомъ князѣ, и составу сохранившихся о немъ пѣсенъ.

Выше (стр. 426—427) было уже замѣчено, что историческая основа пѣсенъ о князѣ Романѣ угадана была давно. Провѣрка этой догадки по историческимъ и эпическимъ даннымъ убѣдила меня въ томъ, что пѣсни о князѣ Романѣ не только могутъ, но и должны быть поставлены въ связь съ преданіями о Романѣ Мстиславичѣ. Въ дополненіе считаю, однако, необходимымъ замѣтить, что высказывались объ этихъ пѣсняхъ и иныя догадки. Такъ, г. А. С—кій пытался разглядѣть въ великорусскихъ пѣсняхъ о Романѣ слѣды историческихъ воспоминаній о литовско-русскихъ отношеніяхъ XIV—XV вѣковъ. «Онѣ (пѣсни о кн. Романѣ) говорятъ о двухъ литовскихъ князьяхъ Витвикахъ, родственникахъ польскаго короля Ягайловича, о нападеніи ихъ (передъ нападеніемъ на Русь) на Ливонскую землю, о сборѣ Романомъ войска на берегу рѣки Березины; сверхъ того, онѣ упоминаютъ о Москвѣ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тою эпохою борьбы Руси съ Литвою, когда княжили въ Литвѣ два брата (Ольгердъ и Кейстутъ), когда Литва боролась, кромѣ Руси, съ ливонскими нѣмцами, когда, наконецъ, установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею. Имя *Витвикъ*—какъ будто искаженіе историческаго имени *Витовтъ*. Такимъ образомъ, передъ нами XIV и начала XV вѣка.—Романъ нашихъ пѣсенъ не можетъ быть Романомъ галицко-волынскимъ. Мы должны искать его среди князей смоленскихъ, рязанскихъ, брянскихъ XIV—XV в., изъ нихъ же нѣкоторые носили имъ Романа. Лѣтописи сохранили намъ объ нихъ мало свѣдѣній, но это нисколько не мѣшаетъ предполагать, что одинъ или двое изъ нихъ остановили на себѣ вниманіе современниковъ и сдѣлались героями пѣсенъ». [1]).

Догадка высказана съ большой рѣшительностью, но соображенія, представленныя для подтвержденія этой догадки, мало убѣдительны.

[1]) *Живая Старина*, вып. I, отд. III, стр. 19.

Digitized by Google

1) Догадка страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью. Эта неопредѣленность достаточно ясно выступаетъ въ сопоставленіи Ольгерда и Витовта. Въ пѣсняхъ о Романѣ «мы имѣемъ дѣло съ тою эпохою борьбы Руси съ Литвою, когда княжили въ Литвѣ два брата (Ольгердъ и Кейстутъ),.... когда установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею. Имя *Витвикъ*—какъ будто искаженіе историческаго имени *Витовтъ*». Итакъ, къ какому же именно времени нужно отнести историческую основу пѣсенъ о кн. Романѣ,—ко времени ли Ольгерда и Кейстута, или къ порѣ болѣе поздней, къ эпохѣ Витовта и Ягелло, ко времени, когда установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею? Если остановиться на Ягеллѣ и Витовтѣ, то придется устранить, какъ малозначительную подробность, упоминаніе пѣсни о двухъ братьяхъ, нападавшихъ на Русь. Если же придавать упоминанію о братьяхъ существенное значеніе, то окажется, что указаніе пѣсни на какого-то короля должно быть разсматриваемо какъ примѣсь, не принадлежащая основному замыслу пѣсни. Замѣчаніе о Витвикѣ—Витовтѣ едвали прибавляетъ что либо къ убѣдительности и ясности догадки. Пѣсня упоминаетъ о двухъ «витвичкахъ», или о двухъ «витникахъ». Можно при этомъ припомнить чешское vítnik, витязь, удалецъ.

2) Пѣсеннаго Романа г. А. С—кій предлагаетъ «искать среди князей смоленскихъ, рязанскихъ, брянскихъ XIV—XV в.». Поищемъ. Изъ смоленскихъ князей современниками Ольгерда и Витовта были Иванъ Александровичъ (+1359), Святославъ Ивановичъ (+1386), Юрій Святославичъ (+1407). Первый изъ этихъ князей, Иванъ Александровичъ, называлъ себя «младшимъ братомъ» Гедимина. Какъ видно, еще до Ольгерда установились отношенія какой-то зависимости Смоленска отъ Литвы. Ольгердъ старательно поддерживалъ эти отношенія. Въ 1340 году «прииде Олгердъ князь великій литовскій со многою ратію ко граду Можаиску, и волости и села плѣни и посадъ позже» [1]). Походъ предпринятъ былъ съ цѣлію возвратить Можайскъ смоленскому князю, союзнику Ольгерда. Въ 1352 году московскій вел. князь Семенъ Ивановичъ выступилъ къ Смоленску. На границѣ смоленской области его встрѣтило Литовское посольство. Семенъ «не оставя слова Олгердова, миръ взя и послы отпусти с миромъ». Спустя нѣкоторое время явились и смоленскіе послы. Въ отвѣтъ на это посольство московскій князь «и своя послы посла в Смоленскъ и взя миръ, возвратися к Москвѣ» [2]). «Изъ

[1]) Никон. лѣтоп. III, 174.
[2]) Ibid. 195.

Digitized by Google

разсказа этого ясно,—замѣчаетъ историкъ вел. княжества литовскаго,—что Ольгердъ, охраняя смоленскіе интересы, относился къ Смоленскому княжеству какъ къ области, находившейся отъ него въ зависимости: мирный договоръ заключили съ великимъ княземъ Московскимъ послы литовскіе, смоленскому же посольству пришлось принять его условія и, вѣроятно, установить только окончательное рѣшеніе по частнымъ вопросамъ» [1]). Не довольствуясь этими отношеніями подчиненности, Ольгердъ задумывалъ, повидимому, постепенное присоединеніе смоленскихъ владѣній къ княжеству Литовскому. Въ 1355 г. литовское войско заняло Ржеву; самъ Ольгердъ направился къ Смоленску и «у князя Василья Смоленскаго (брата Ивана Александровича) полонилъ сына» [2]). Спустя два года, (1357 г.) «тверская рать да можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша» [3]), но въ слѣдующемъ же году Ржева снова должна была принять намѣстниковъ Ольгерда [4]). Въ тоже время присоединенъ былъ къ владѣніямъ Литовскаго князя Мстиславль [5]). При сынѣ и преемникѣ Ивана Александровича, Святославѣ Ивановичѣ, зависимость Смоленска отъ Литвы удерживалась въ полной силѣ. «Малѣйшее уклоненіе смоленскаго князя отъ этой зависимости ведетъ къ тяжелымъ репрессаліямъ со стороны Ольгерда. Такъ, когда въ 1374 году одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Иванъ Васильевичъ, присоединился къ походу великаго князя московскаго на Тверь, то Ольгердъ немедленно вступилъ въ смоленскую территорію, «глаголя: почто есте ходили воевати князя Михаила?» Онъ сильно опустошилъ смоленскую область, разорялъ пригороды и увелъ въ полонъ многихъ жителей. Попытки Москвичей противудѣйствовать литовскому вліянію на Смоленскъ имѣли мало успѣха: въ 1368 году они «повоевали» часть смоленской области, а въ 1375 рать, посланная Дмитріемъ Ивановичемъ, осаждала Ржеву, сожгла посадъ, но не могла взять города. Такимъ образомъ Смоленскъ остался въ полной зависимости отъ великаго князя Литовскаго и ясно было, что приближалось время паденія самобытности этого русскаго удѣла и присоединенія его къ Литовскому государству» [6]). Послѣ смерти Ольгерда

---

[1]) *В. Б. Антоновичъ*, Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I, стр. 112. (Очеркъ исторіи вел. княжества Литовскаго).

[2]) Никон. лѣтоп. III, 207.

[3]) Ibid. 211.

[4]) Ibid. 213.

[5]) Ibid. 213.

[6]) *Антоновичъ*, Монографіи, I, 113.

Digitized by Google

(+1377) Святославъ Ивановичъ пытался отнять у литвы Мстиславль. Витовтъ вмѣстѣ съ князьями Ольгердовичами выступилъ противъ Смоленскаго князя. Въ битвѣ подъ Мстиславлемъ были убиты Святославъ Ивановичъ и его племянникъ Иванъ Васильевичъ. «Литва... взяша всю волю свою, елико восхотѣша, а на княжении у нихъ въ Смоленсцѣ посадиша и—своей руки князя Юрья Святославича, и брата его князя Глѣба Святославича поведоша с собою въ Литву; и поидоша въ свояси с побѣдою великою и славою, побѣдивше многое множество Смоленскаго воинства, князей и бояръ, и воеводъ и слугъ, и простыхъ людей безъ числа» [1]). Князь Юрій, посаженный Литвой, недолго княжилъ въ Смоленскѣ. Въ 1395 году началась усобица между смоленскими князьями: «бысть в нихъ замятня велия и не послушаху братъ брата и другъ друга» [2]). Юрій Святославичъ удалился въ Рязань; Смоленскъ занятъ былъ Витовтомъ. Въ 1401 году князь Юрій, при помощи Олега Рязанскаго, снова «сяде на великомъ княженіи Смоленскомъ», [3]), но владѣлъ онъ этимъ княженіемъ недолго. Въ 1404 Смоленскъ взятъ былъ Витовтомъ и присоединенъ къ княжесгву Литовскому [4]).

Помощь, оказанная Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ зятю его, Смоленскому князю. вызывала враждебныя столкновенія Витовта съ Рязанской землей. Въ 1395 году Олегъ Ивановичъ съ Юріемъ Смоленскимъ, съ князьями Пронскими, Козельскимъ и Муромскимъ «поиде ратью на Литву и много зла сотвориша имъ» [5]). Витовтъ отвѣчалъ на этотъ набѣгъ нападеніемъ на Рязанскую область [6]). Въ 1397 году Литовскій вел. князь снова двинулся на Рязань: «прииде ратью на Рязанскую землю и много зла сотвори Рязанской землѣ, люди улицами сажали, сѣкли, и много кровь неповинная пролита бысть» [7]). Посадивъ въ 1401 г. на Смоленскомъ столѣ Юрія Святославича, Олегъ Ивановичъ «с прочими князи и со всѣмъ воинствомъ идоша въ Литву і воеваша и со многимъ полономъ возвратишася во свояси» [8]). Ободренные успѣхомъ Рязанцы въ слѣдующемъ (1402) году снова двинулись противъ литовскаго князя. Про-

---

[1]) Никон. лѣтоп. IV, 153—154.
[2]) Ibid. 265.
[3]) Ibid. 301—302.
[4]) Ibid. 310.
[5]) Ibid. 265.
[6]) Ibid. 265—266.
[7]) Ibid. 269.
[8]) Ibid. 302.

Digitized by Google

тивъ Родослава Ольговича, предводительствовавшаго Рязанцами, выступили Семенъ Лугвеній Ольгердовичъ и князь Алексанръ Патрикѣевичъ Стародубскій: «и одолѣша Литва и избиша Рязанцевъ, а иныхъ изсѣкоша, а самого князя Родослава Ольговича взяша и приведоша его к Витоѳту Кестутьевичу и пребысть в няти и в нужи велицей 3 лѣта; тажь потомъ взя на немъ Витоѳтъ Кестутьевичъ окупа 3000 рублевъ и отпусти его в Рязань» [1]). Великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ умеръ въ 1402 году. Изъ преемниковъ его современниками Витовта (+1430) были Ѳедоръ Олеговичъ и Иванъ Ѳедоровичъ. Ѳедоръ жилъ въ мирѣ съ Литвой, а Иванъ вступилъ даже въ зависимыя отношенія къ Витовту: «добилъ челомъ, дался ему на службу» [2]) Что касается предшественника Витовта, Ольгерда, объ его столкновеніяхъ съ Рязанью нѣтъ извѣстіи Правда, въ 1370, во время похода Ольгерда на Москву, противъ него выступилъ князь Владиміръ Пронскій «а с нимъ рать великаго князя Олга Ивановича Рязанскаго», но этой рати не пришлось биться съ Литвой. Ольгердъ и Московскій князь поспѣшили заключить миръ [3]).

Обратимся къ Брянску. Воспользовавшись смутами, долгое время волновавшими Брянскъ, Ольгердъ безъ усилій овладѣлъ этимъ русскимъ княжествомъ. Въ 1355 году умеръ князь Брянскій Василій. «И бысть въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, и замятня велия и опустѣние града; и потомъ нача обладати Брянскомъ князь великии Литовскии» [4]). «Этотъ неясный, лишенный подробностей разсказъ,—замѣчаетъ историкъ Литовскаго княжества,—составляетъ единственное лѣтописное свидѣтельство о присоединеніи Брянскаго удѣла къ великому княжеству Литовскому; по послѣдовавшимъ фактамъ можно заключить, что вслѣдъ за Брянскомъ Ольгерду подчинились и многочисленные удѣлы, на которые распадалось Черниговско-сѣверское княженіе; вѣроятно, послѣ паденія Брянска многіе удѣльные князья Сѣверщины добровольно признали надъ собою власть Ольгерда и потому въ послѣдующее время многіе представители княжескаго черниговскаго рода: князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д. продолжаютъ княжить въ своихъ удѣлахъ подъ верховною властью великихъ князей литовскихъ» [5]).

[1]) Ibid. 305—306.

[2]) *А. В. Экземплярскій*, Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ Татарскій періодъ, т. II, стр. 594, 596—597.

[3]) Никон. лѣтоп. IV, 27.

[4]) Ibid. III, 207.

[5]) *Антоновичъ*, Моногр. I, 114—115.

Digitized by Google

Сравнимъ приведенныя извѣстія о борьбѣ русскихъ и литовскихъ князей съ пѣснями о князѣ Романѣ.

Въ пѣснѣ рисуется могущественный и грозный князь, котораго побаивается король Потитовскій. Удерживая своихъ племянниковъ отъ похода на Русь, противъ «московскаго князя Романа Дмитріевича», король говоритъ:

У меня была пора—сила великая
Не во васъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
И тутъ я не смѣлъ ѣхать на святую Русь.
Колько я на Русь силу не важивалъ,
Со святой Руси силы не выважпвалъ,
А несчастный все выѣзживалъ

(Рыбн., I, стр. 430).

Такое изображеніе Романа, какъ сильнаго, могучаго князя, нельзя не признать принадлежащимъ древнѣйшему составу пѣсни. На это указываетъ упоминаніе о Москвѣ (*Рыбн.* IV, № 17; *Гильф.* 12, 42, 61, 71; *Тихонр.* и *Милл.* 69), названіе Романа Московскимъ княземъ (*Рыбн.* I, 74). Пѣвцы московской эпохи находили, очевидно, въ древней пѣснѣ образъ такого князя, какимъ представлялся для нихъ только великій князь Московскій.—Молодые витники нападаютъ на владѣнія Романа; ихъ ожидаетъ за это страшная расправа: Романъ и его дружинники

Присѣкали—прирубали всю Литву поганую;
Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
Меньшему то брату по колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
Садили безногаго на безглазаго,
Отпущали къ Цимбалу, королю Литовскому.

(Рыбн. I, стр. 437).

Похожи ли на этого страшнаго князя Романа тѣ слабые удѣльные князья, которымъ приходилось ладить съ Литвой, а въ случаѣ сопротивленія или набѣга расплачиваться опустошеніемъ ихъ владѣній или даже потерей княжества? Припомнимъ отношенія къ Смоленску Ольгерда и Витовта, присоединеніе къ Литвѣ Брянска. Даже Олегъ Рязанскій, сильнѣйшій изъ упомянутыхъ выше князей, дорого платился за свои набѣги въ Литву. Борьбу Олега съ Литвой можно было бы сопоставить съ пѣснями о князѣ Романѣ, еслибы въ положеніи этого Романа изображенъ былъ не русскій, а литовскій князь.

Пѣсни называютъ русскаго князя Романомъ. Въ ряду тѣхъ князей, съ которыми боролись Ольгердъ и Витовтъ, не находимъ князя Романа [1]).

[1]) Выше названы были имена старшихъ князей Смоленскихъ, современныхъ Ольгерду и Витовту. Вотъ имена ихъ родственниковъ: у Ивана Александровича

Digitized by Google

Пѣсня говоритъ о двухъ братьяхъ, племянникахъ какого-то короля. Король, человѣкъ опытный, многое испытавшій, не совѣтуетъ «витникамъ» нападать на владѣнія русскаго князя Романа. Удалые, но легкомысленные королевичи не слѣдуетъ этому совѣту.

И выѣхали два брата, два Ливика
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
Начали ѣсть—пить, веселитися.....
Сами говорятъ таково слово:
„Не честь—хвала молодецкая
Не съѣздить намъ на святую Русь
Ко князю Роману Митріевичу на почестенъ миръ“.
Тутъ два брата, два Ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Брали свою дружину хоробрую,
Стрѣльцовъ—удалыхъ добрыхъ молодцевъ.

Ливики разорили три села, принадлежащія Роману, и полонили «Молоду Настасью Митріевичну со младенцемъ со двумѣсячнымъ». Разгнѣвался Романъ, получивъ вѣсть объ этомъ набѣгѣ:

„Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
Я хочу со вами, со щенками, управиться“.

И дѣйствительно, какъ мы знаемъ, управился. «Щенки» подверглись страшной казни.

Можно ли въ этомъ эпическомъ отраженіи какой-то были отыскать что—либо напоминающее положеніе и дѣятельность Ольгерда и Кейстута, Витовта и Ягелло? О впечатлѣніи, которое производила на

братъ Василій, у Василья сынъ Иванъ; у Святослава Ивановича братъ Василій, у Василья сынъ Иванъ; у Юрія Святославича—сынъ Өедоръ, братья: Глѣбъ, Иванъ, Владиміръ.—Нѣтъ Романа и среди Рязанскихъ князей второй половины XIV и начала XV ст. (См. Родословную таблицу князей рязанскихъ, муромскихъ и пронскихъ» въ прилож. къ указанному выше сочин. г. *Экземплярскаго*, т, II; ср. т. I, стр. 105: замѣчаніе о *Романѣ Новосильскомъ*, упоминаемомъ (съ титуломъ князя Рязанскаго) въ договорѣ Димитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1373г.).—Изъ числа Брянскихъ князей извѣстны два Романа. Первый изъ нихъ жилъ въ XIII столѣтій. Второй извѣстенъ какъ подручникъ Витовта. Въ 1401 г., какъ было уже упомянуто, князь Юрій Святославичъ овладѣлъ Смоленскомъ. „Онъ же вшедъ во градъ Смоленскъ... Витовтовыхъ воеводъ ляховъ изсѣче; тогда убо во градѣ сидѣлъ отъ Витовта намѣстникъ и воевода князь Романъ Михайловичъ Брянскіи, онъ же и того уби, и бояръ брянскихъ и смоленскихъ изби, которые не хотѣли его, а княгиню Романову и дѣти отпустиша“ (Никон. лѣтоп. IV, 302). Подъ 1374 г. князь Романъ Михайловичъ Брянскій упоминается въ числѣ князей, выступившихъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Донскимъ противъ Тверскаго князя (ibid 42).

Digitized by Google

Русскихъ людей дѣятельность Ольгерда, можно судить по отзывамъ лѣтописи. «Сей же Олгердъ премудръ бѣ зѣло, и многими языки глаголаше, и превзыде властию и саномъ паче всѣхъ; і воздержаніе имяше велие, отъ всѣхъ плищей суетныхъ отвращашеся, потѣхи и играния и протчихъ таковыхъ не внимаше, но прилежаше о державѣ своей всегда день и нощь; и піянства отвращашеся.... и велико воздержание имяше во всемъ. И отъ сего великъ разумъ и смыслъ пріобрѣте, и крѣпку думу стяжа и таковымъ коварствомъ многи земли и страны повоева, и грады и княженія поималъ за себя и удержа власть велию, и умножися княжение его паче всѣхъ, ниже отецъ его, ниже дѣдъ его таковъ бысть». [1])—Или: «Бѣже обычай Олгерда Гедимановича таковъ: никтоже не вѣдяше его, куды смысляше ратию ити, или на что збираетъ воинства много, понеже и самии тии воинственнiі чинове и рать вся не вѣдяще, куды идяше, ни свои, ни чужии, ни гости пришелцы, в таинствѣ все творяше любомудро, да не изыдетъ вѣсть въ землю, на неяже хощетъ ити ратию. И таковою хитростью... поималъ многи грады и страны поплѣнилъ, не только силою, елико мудростию воеваше. И бысть от него страхъ на всѣхъ и превзыде княженіемъ и богатствомъ паче многихъ». [2]) Говоря о занятіи Смоленска Витовтомъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: «и такова на нихъ бѣда не бывала, ниже прежь сихъ надъ Смоленскомъ, якоже нынѣ пострадаша отъ Витовта лукаваго и несытаго чюжая восхищати». [3]) Для изображенія такихъ насильниковъ эпосъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы краски непохожія на тѣ, которыми набросаны въ пѣснѣ портреты юныхъ королевичей,—смѣлыхъ, но безразсудныхъ витниковъ.

3) Пѣсня упоминаетъ о землѣ Левонской или Лимонской. Земля эта изображается, какъ страна богатая, но слабо защищаемая.

Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
А добры кони по стойламъ застоялися,
Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
Золота казна по погребамъ запасена.

Или:

Тая земля пребогатѣюща;
Много есть злата и серебра,
Много есть безсчетной золотой казны.
Силы-войска рати маломошица.

---

[1]) Никон. лѣтоп. III, 174; IV, 49.
[2]) ibid. IV, 20—21.
[3]) ibid IV, 266.

Digitized by Google

Напоминаетъ ли это изображеніе Ливонію XIV и начала XV столѣтія? Извѣстенъ цѣлый рядъ нападеній Ливонскихъ рыцарей на владѣнія литовскихъ князей. «Набѣги... предпринимаются безпрерывно: принимая въ разсчетъ только болѣе крупные, тѣ, подробности которыхъ записаны въ лѣтописяхъ ордена, мы насчитываемъ до 70 походовъ въ Литву со стороны прускихъ крестоносцевъ и *болѣе 30 со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени 1345—1377 годъ*; если въ теченіи этого времени встрѣчаются рѣдкіе годы отдыха, когда лѣтописи умалчиваютъ о походахъ крестоносцевъ на Литву, за то въ другіе годы свѣдѣнія о нихъ бываютъ особенно многочисленны. Такъ подъ 1362, 1367, 1375 и 1377 годами лѣтописцы помѣчаютъ отъ 4 до 8 походовъ въ годъ». [1])

Очевидно ли, что въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ мы имѣемъ дѣло съ тою эпохою борьбы Руси съ Литвою, когда княжили въ Литвѣ два брата (Ольгердъ и Кейстутъ), когда Литва боролась, кромѣ Руси, съ Ливонскими нѣмцами, когда, наконецъ, установились союзныя отношенія Литвы съ Польшею? Мнѣ кажется, нѣтъ, не очевидно.

По мнѣнію Д. И. Иловайскаго «былинному князю Роману могутъ соотвѣтствовать: во-первыхъ, знаменитый Романъ Волынскій, а во-вторыхъ, Романъ Брянскій, тоже довольно крупное лице въ XIII вѣкѣ». [2]) Пересматривая сохранившіяся до насъ извѣстія о Романѣ Брянскомъ, [3]) не нахожу основаній присоединиться къ предположенію почтеннаго историка о сводномъ характерѣ разсмотрѣнныхъ выше пѣсенъ о князѣ Романѣ.

---

[1]) Антоновичъ, Монографіи, I, 98—99.

[2]) *Русскій Архивъ*, 1893 г., № 5, стр. 35 (въ статьѣ: „Богатырь-казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лице“.)

[3]) Лѣтописныя извѣстія объ этомъ Романѣ, князѣ Брянскомъ, будутъ приведены ниже, въ статьѣ: „Пѣсни о князѣ Михайлѣ“.

Digitized by Google

ПѢСНИ О КНЯЗѢ МИХАИЛѢ.

Былина о кн. Михайлѣ, извѣстная въ нѣсколькихъ пересказахъ, [1]) имѣетъ слѣдующе содержаніе:

Князь Михайло отправляется на войну (или на охоту), оставивъ дома молодую жену.

Собирался князь Михайло
Въ государеву во службу (Кир. 5., ср. 1, 2, 3).

Или:

Какъ поѣхалъ же князь Михайло
Въ чисто полечко погуляти
Со своими князьями—боярами,
Со совѣтничками потайными,
Со причетниками удалыми. (Рыбн., II, 46).

Такъ начинается пѣсня о князѣ Михайлѣ въ большей части пересказовъ. Но два пересказа (Рыбн. 47, Гильф. 299) упоминаютъ прежде всего, что Михайло женился противъ воли матери. Невѣстка не нравилась свекрови.

Поѣхалъ князь Михайло жениться,
Женился—у матушки родимой не спросился.
Обвѣнчался онъ—ей не сказался,
Его матушка родима
Была гнѣвна и сердита. (Рыбн. 47).

Уѣзжая кн. Михайло проситъ мать позаботиться объ его женѣ. Онъ наказываетъ родной матушкѣ:

„Охъ ты, матушка родимая!
Береги мою молоду княжну;

---

[1]) Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, вып. V, пять пересказовъ: стр. 68—70; 70—71; 72—73; 74; 75—76; Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, т. II, № 46 и 47, стр. 249—250; Онежскія былины, запис. *Гильфердингомъ* № 299 ст. 1277—1278; Новгородскій Сборникъ, вып. II (1865), отд. I стр. 169—171 и 171—173; Пѣсни изъ собр. *Якушкина*, стр. 125—126.

Digitized by Google

Клади ее спать во соборную вечерню,
Подымай ее во соборную обѣдню;
Ты корми ее крупитчатыми калачами,
Ты пой ее медовой сытой. (Кир. 3).

Въ пересказѣ *Кир.* 2 указывается на необходимость особаго рода заботъ:

Не покинь мою молоду княгиню
Да при нужномъ при времѣ.

Въ отсутствіе сына мать рѣшается погубить невѣстку.

Какъ съѣхалъ князь Михайло
Съ широкаго подворья,
Велѣла она банюшку топити,
Горючь камень разжигати;
Молодой княгинѣ
На бѣлыя груди клала;
Она первый разъ закричала,
А въ другой-то застонала,
А въ третій замолчала. (Кир. 2).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ это злое дѣло передается съ такими подробностями:

Его матушка родима
Скоро съ дому спроводила,
Парну баенку топила,
Парну байну не угарну;
Созвала мать княгиню
Въ парну баенку помыться
. . . .
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы,
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку,
Положила мать княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду,
Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ,
Опустила мать колоду
Въ синѣ морѣ Волынско (Рыбн. 47).

По дурнымъ примѣтамъ князь догадывается, что у него дома ворится что-то недоброе.

Добрый конь его спотыкнулся! [1])

[1]) Споткнувшійся конь—дурная примѣта, нерѣдко упоминаемая въ памятникахъ народнаго эпоса. Споткнулся конь Марка Кралевича, предвѣщая его смерть. «У Добрыни конь потыкается, "давая знать о готовящейся свадьбѣ жены Добрыниной съ Алешей. (Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ* I, стр. 132; *Миллеръ*, Илья Муром, стр. 494, 794). См. еще *Чубинскій*, Труды эксп. въ зр. край, V, стр. 719, № 312; Sušil, Moravské národni písné, стр. 88, № 91.

Digitized by Google

„Ахти, братцы, не здорово!
Либо матушки не стало,
Либо молодой княгини!“ (Кир. 1).

Или:

Подъ княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой
Ясный соколъ встрепенулся,
Съ князя шапочка свалилась.
Какъ возговоритъ Михаилъ князь:
„Ахти, дома всѣ здоровы-ль?
Вѣрно матушки не стало
Или молодой моей княгини“ (Кир. 3).

Пересказъ Новгородскаго сборника присоединяетъ къ изображенію убійства подробности, неизвѣстныя по другимъ варіантамъ. Мать

Парну байну затопляла,
Понасередки [1]) клала.
— Ты, родная моя мать!
Позволь три слова сказать,—
Съ отцемъ, матерью проститься
И со княземъ со Михайломъ.
Она вышла на крылечекъ,
Закричала громкимъ голасомъ:
— Вы завійте, витры буйны,
Зашумите, лиса темны,
Сколыбайся, сине море,
Сдогадайся, князь Михайло!
— Охти мни, братцы, тошненько
Ретиву сердцу больненько!
Либо дома не здорово,
Либо матушки не стало,
Не то молоденькой княгини,
Моей поручной Катерины.
Князь Михайло побросался
Въ легку лодку,
Легка лодка въ сине море,
Съ синя моря въ чисто поле.
Въ чистомъ поли на добра коня садился,
Добрый конь подъ имъ бодрился.

Князь спѣшитъ домой, узнаетъ о случившемся и умираетъ, самъ лишивъ себя жизни. Этотъ послѣдній эпизодъ пѣсни передается въ пересказахъ неодинаково:

---

[1]) «Обыкновенное очень выраженіе во всей Новгородской губерніи, если хотятъ выразить, что сдѣлано что-нибудь по злобѣ». (Примѣч. Собир.)

Digitized by Google

а) Михайло встрѣчается съ матерью и отъ нея узнаетъ о страшной потерѣ.

Ужь ты, матушка родная!
Гдѣ-жъ моя княгиня?
— Ужь твоя, сударь, княгиня
Во бѣлыхъ палатахъ:
Во тесовой во гробницѣ.
Вынимаетъ князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ (Кир. 4).

Въ пересказѣ Кир. 5 мать на вопросъ сына о женѣ отвѣчаетъ словами злобы и клеветы:

Что твоя-то ли княгиня,
Что твоя-то ли молодая
Всю ноченьку не сыпала,
Все съ друзьями просидѣла:
Она топеречи почиваетъ
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во дубовой во гробницѣ.

б) Князя встрѣчаютъ его слуги.

На вопросъ:

Охъ вы, вѣрны мои слуги,
Все-ли дома здорово?

Слуги отвѣчаютъ:

Слава Богу, да не само.

Такой же загадочный отвѣтъ даютъ затѣмъ нянюшки и сѣнны дѣвушки. Далѣе слѣдуетъ: встрѣча съ матерью, печальное извѣстіе, смерть (*Кир.* 1).

в) Князь встрѣчается прежде всего съ матерью; на вопросъ о женѣ мать даетъ уклончивые и ложные отвѣты:

Твоя молода княгиня
Сь нянькaми—мамками играетъ (*Кир.* 2).

Или:

Пошла твоя княгиня во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ бѣлиться, румяниться. (*Кир.* 3).

Михайло узнаетъ правду отъ сѣнныхъ дѣвушекъ:

Ахъ ты, батюшко нашъ, Михаилъ князь,
Мы не смѣемъ вамъ сказать:
Наша молодая княгиня преставилась.
Она стоитъ во соборной церкви (*Кир.* 3.)

г) Отъ слугъ узнаетъ Михайло о смерти жены и въ тѣхъ пересхазахъ, которые упоминаютъ о бросаніи труповъ въ воду [1]).

[1] Въ плохомъ пересказѣ *Рыбн.* 46 разсказывается, что княгиня сама бро-

Digitized by Google

Онъ пошелъ, князь Михайло,
Къ рыболовамъ,
Велѣлъ онъ рыболовамъ
Закинуть шелковъ неводъ.
Шелковъ неводъ закидали,
Колоду вытягали;
Тутъ колоду разбивали,
Увидалъ тутъ князь Михайло
Княгиню со младенемъ,
На колоду ушибался,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощался,
Со своей душой разстался (Рыбн. 47).

Пѣсня заканчивается криками муки и раскаянія преступной матери:

Его маминька родима
Вдоль по бережку ходила,
По бережку ходила,
Причеты говорила:
„Тяжко, тяжко согрѣшила,
„Три души я погубила:
„Перву душу безымянну,
„Другу душу безотвѣтну,
„Третью душеньку сердечну“ (Рыбн. 47).

Или:

Его матушка раскаялась,
Со слезами слово молвила;
„Передъ Богомъ согрѣшила я,
„Три души я погубила вдругъ:
„Первую душеньку--сыновнюю,
„Другую душу—невѣсткину,
„А третью— младенца во утробѣ. (*Кир.* 3).

силась въ воду въ припадкѣ умопомѣшательства. Слуги говорятъ вернувшемуся князю:

Княгиня то, наша матушка,
Ума—разума лишилася,
Она бросилась вовъ сине море,
Вовъ сине море къ желтымъ пескамъ.

Этимъ и заканчивается пѣсня. Объясненіе этого разсказа объ утопленницѣ слѣдуетъ искать въ смѣшеніи разсматриваемой былины съ особаго рода пѣснями образцомъ которыхъ можетъ служить моравская пѣсня: „Utonulá“. Герой пѣсни отправляется на войну, оставивъ на родинѣ любящую подругу. Истекаетъ семь лѣтъ; милый не возвращается. Думая, что его уже нѣтъ въ живыхъ, дѣвушка бросается въ Дунай. Возвратившійся узнаетъ о бѣдѣ и убиваетъ себя. (Sušil, Moravské národní písne, стр. 87—88, № 91).

Digitized by Google

Памятники народной поэзіи вообще, а побывальщины въ особенности представляютъ обыкновенно широкій просторъ для сопоставленій и параллелей, которыя отыскиваются и въ предѣлахъ и за предѣлами той литературы, которой принадлежитъ изучаемый памятникъ. Пѣсня о князѣ Михайлѣ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Ближайшее сходство съ нашей былиной имѣютъ пѣсни словенская (словацкая) и моравская, текстъ которыхъ привожу вполнѣ.

Katariena a Herceg.

Bola jedna stará vdova,
Sedem synov vychovala,
A tú ôsmu Katarienu,
Do dvora ju slúžit' dala.
«Ne daj ma tam, stara matí,
Bo tam ludia všelijací;
Najdú sa tam starí, mladi,
S dievčatmi sa hrajú radí».
Katariena kravy dojí,
Mladý herceg pri nej stojí;
Katariena mlieko cedí,
Mladý herceg pri nej sedí.
Mladý herceg strojí vojnu
A lúči sa s Katkú strojnú:
Zdravá buď', moja dušička,
Nezabývaj na mužička.»
Katrienka po dvore chodí,
A ruce za hlávku lomí:
«Ach Bože môj premilený,
Kto že mne je v tom príčina?»
Hercegova stará mati
Dala Katku zavolati.
„Katariena, dievka moja,
Od koho si samodruhá?“
—„Od koho by od druhého,
Od hercega od mladého!“
„Katariena, Katariena,
Akú si smrt' zaslúžila?
Či na kusy posekati,
Či za živa zahrabati?“
—„Radš' na kusy posekati,
Jak za živa zahrabati'“.
Všetci pani z vojny idú,
Mladý herceg smutný ide;
Všetkym kone poskakujú,

Milenka st'ata.

Byla jedna chudá vdova
Svojich osem synů měla.
Měla ona osem synů,
A devátú Katerinu,
A tu dala do majira,
Do Heršekového dvora.
Paní mámo moja milá,
Nedávaj mia do majira.
Šak sa mně tam neco stane,
Čo mia velce hanba bude.
Neminula malá chvila,
Katariena sama druhá.
Na koho mám žalovati,
Na koho mám povidati?
Na Heršeka na mladého,
Ci na služebníka jeho?
Nepovídaj na jiného,
Na Heršeka na mladého.
Už páni do vojny jedú,
Svojich paní si ne vezú.
Heršek mladý taky jede,
Katerinky si ne veze.
Hned izbetky zametala
Slzami jich polévala.
Ach čeho sem tu dočkala,
Svůj věneček jsem stratila!...
Už ti páni z vojny jedú,
Svojim paňám dary vezú,
Haršek mladý taky jede,
Katerince dary veze.
Veze on jí postelenku,
V postelence kolébenku.
Jak ho máti uviděla,
Hned mu vrata otvírala.
Peni mámo moja milá,

Jeho smutne vykročujú.
„Otvor, mamuš, otvor branu,
Nach uvidím Katarienu
Či so synom, či so dcérú.“
—„Nie so synom, nie so dcérú,
Lež na kusy posekanú,
V širom poli zahrabanú.“
Mladý herceg nič ne meškal,
Len do ruky dva nože bral;
Jednym nožom jamu kopal,
A druhým si srdce preklal.
„Nach tu leží telo s telom.
A tri duše s Pánom Bohom“.

(Sborník slovenských narodnich piesni... Vyd. Matica slovneská, Sv. II, Soš. I, 1874, стр.100—101, № 36).

Kde je moja Katerina?
A v kravárni kravy dojí,
Druhá divka u ní stojí.
Heršek mladý s koňa skočil
A hned do kravárně vkročil.
Kde je moja Katerina,
Moja vérná služebkyňa?
Není tu tvá Katerina,
Šak o ní ví paní máma.
Paní mámo moja milá,
Kde je moja Katerina?
Poslala jsem ju pret šaty,
Nemožu sa jí dočkati.
Heršek mladý koňa bodel,
A hned rychle k Dunaju jel.
Postřetl ho tam starý pán:
Heršek mladý, kam jedeš, kam?
A ja jedu ku Dunaju,
A ja tam mám Katerinu,
Svoju vèrnú služebkyňu.
Není tu tvá Katerina,
Šak o ní ví paní máma
Paní mámo moja milá
Kde je moja Katerina?
Dala jsem ju katom st'ati,
Měla na t'a nesvad'ati.
A měl on dva nože čisté,
Na oba dva boky ostré.
Jedným sobě hrob vykopal,
Tym druhým si hlavěnku st'al.
Zostavaj tu tělo s tělom,
A dušičky s Pánem Bohem.
(Moravské národni písně sebr. od Fr. Sušila, стр. 89—90, № 92).

Въ варіантѣ словенской пѣсни, къ сожалѣнію напечатанномъ невполнѣ, Катерина называется даже *женой* графа (такъ титулуется герой пѣсни):

Vyhral hrabe vojnu vel'kú,
Domov chváta objat' ž i e n k u;
Ale koník smutne kráča,
Z boka na bok sa otača.

. . . .

Bo Katuška t v o j a ž e n a
S synom v hrobe zavraždená (l. c.)

Такимъ образомъ сходство нашей былины о кн. Михайлѣ и пѣ-

Digitized by Google

сенъ словенской и моравской такъ велико, что оно сводится въ сущности къ отношенію пересказовъ одной и той же пѣсни.

Пѣсни, указываемыя далѣе, не представятъ такого полнаго параллелизма. Сходство окажется не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ хотя и существенныхъ, частяхъ пѣсни. Установленіе такихъ частныхъ параллелей имѣетъ особенный интересъ, помогая намъ разглядѣть художественное строеніе пѣсни и опредѣлить ея связи съ другими сосѣдними ей произведеніями народнаго эпоса.

Былина о кн. Михайлѣ представляетъ художественное сліяніе нѣсколькихъ пѣсенныхъ темъ, которыя даютъ содержаніе отдѣльнымъ произведеніямъ, осложняясь и разнообразясь при этомъ тѣми или другими подробностями,

1) Жена (=невѣста, любовница) умираетъ въ отсутствіе мужа (=жениха, любовника). Вдовецъ —въ отчаяніи. Образцомъ пѣсенъ на эту тему могутъ служить тѣ безыменные пересказы, которые напечатаны въ сборникѣ Кирѣевскаго въ видѣ дополненія къ пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ пересказахъ является «король», «королевичъ», «козаченько». Содержаніе пѣсни одинаково передается во всѣхъ варіантахъ; разница между ними замѣчается только въ томъ, съ большей или меньшей полнотой передаются всѣ подробности пѣсни. Извѣстны и малорусскіе пересказы этой пѣсни [1]). Привожу рядомъ два пересказа,—великорусскій и малорусскій:

Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице (вар. воеваньице),
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.
Пустилъ своего добраго коня на зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу явношунекъ сонъ:

Поѣхавъ Ивасенько на пoлованье,
Лишивъ свою милу на горёванье.
Выѣхавъ Ивасенько въ чисто поле
Пустивъ коника на попасанье,
А самъ припавъ къ сирôй землѣ на спочиванье.
Приснився Ивасенкови дивненькій сонъ,
Що злетѣвъ съ правой ручки ясненькій соколъ,

[1]) Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, вып. 5, стр. 78—91. Помѣщено 11 пересказовъ. Пересказъ № 9 взятъ изъ сборника *Мордовцевой* и *Костомарова* (Лѣт. р. лит. и древн. т. IV, отд. II, стр. 48—49); послѣдній пересказъ—малорусскій (изъ ст. *Костомарова* о Горѣ-Злосчастье въ „Современникѣ“ 1856, № 10 и въ Памятн. стар. лит. вып. I.—Пѣсни, собр. *Якушкинымъ* 120—122. Новгородскій Сборникъ, вып. III (1865), отд. I, стр. 1—3. *Головацкій*, Пѣсни гал. Руси, I, стр. 181—182; *Чубинскій*, Труды эксп. въ зап, р. край, V, 766—778 (18 пересказовъ).

Digitized by Google

Изъ—подъ ручки изъ—подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ ручки сѣрая утица.
Сказали вѣсть королевичу — и радость и печаль—
„Твоя жена Марусенька сына родила,
По утрицу ранёшенько сама померла.
Воротился королевичъ къ дому своему:
Широкіе воротички растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки новыставлены,
Генералы—полковники въ черномъ убраны.
„Твоя Марусенька въ цвѣтномъ убрана".
Ударился королевичъ объ дубовый столъ:
„Ахъ свѣтъ—моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
Очи её прекрасныя не ўзрѣли меня,
Ножки её рѣзвёшуньки не встрѣтили меня,
Ручки её бѣлёшуньки не обняли меня,
Уста её сахарныя не промолвили.
(Кир. 5).

Варіантъ:

Привидился королевичу единъ дивенъ сонъ:
Поѣхалъ королевичъ къ старой бабѣ ворожить.
„Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истину:
Вечеръ я, королевичъ, ложился спать
На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;
Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица".
—Скажу тебѣ, королевичъ, правду-истину:
Вечеръ твоя Марусенька сына родила
А зъ лѣвой изъ бѣлой сивая зозуля.
Пріѣхавъ Ивасенько до вороженьки,
Щобъ вôдгадала дивненькій сонъ:
Вороженька голубонька сонъ отгадала,
Молодому Ивасеви жалю задала:
„Уже-жь твоя Марисенька сына повила,
А за сыномъ Марисенька сама полягла".
—Ступомъ, ступомъ, сивый коню, нога за ногою,
Та чей же я ще застану миленькую мою!
Ѣде, ѣде Ивасенько, все коника бьючи,
А вже своей миленькой та не застаючи.
Пріѣхавъ Ивасенько та пôдъ вороточка,
Стукнувъ, пукнувъ сивый коникъ та у копыточка.
Выйшла до него найстаршая свѣсть:
„А вже жь тобѣ, Ивасеньку, недобрая вѣсть!
Витай, витай, пане зятю чужій, а не нашъ,
Бо вже твоей миленькой на свѣтѣ не машъ".
Війшовъ Ивасенью до новой свѣтлици,
Лежить его миленькая на престôлницѣ:
„Нôжки-жь мои скоропадни, чому на пôдете?
Ручки мои бѣленькіи, чомъ не пригорнете?
Очка мои чорненькіи, чому не глянете?
Уста мои пріязненьки, чомъ не промовите?
—Нôжки мои скоропадни вже ся находили,
Ручки мои бѣленькіи вже ся наробили,
Очка мои чорненькіи вже ся надивили,

Digitized by Google

По утру ранешенько сама померла. Уста мои синенькiи вже съ нагово-
рили.

(Кир. 1). (Головацк., I, стр. 181—182 [1]).

Съ южно-русскими и сѣверно-русскими пересказами побывальщины о несчастномъ вдовцѣ можно сопоставить цѣлый рядъ пѣсенъ сходнаго содержанія въ другихъ литературахъ. Такова нѣмецкая пѣсня о молодой женщинѣ, умершей отъ родовъ въ отсутствіе мужа. Мужъ, отправившійся пригласить тещу, слышитъ, возвращаясь домой, похоронный звонъ. Встрѣтившійся пастухъ объявляетъ ему значеніе этого звона. Несчастный спѣшитъ домой, цѣлуетъ умершую и закалывается. Умираетъ и мать: у нея разрывается сердце отъ горя [2]).

Есть подобнаго же содержанія датская пѣсня. Malfred беременна двѣнадцатымъ ребенкомъ. Мужъ ея Esben отправляется пригласить родныхъ. Жена проситъ его остаться, подождать: еще въ ранней молодости ей было предсказано, что она умретъ, если забеременѣетъ двѣнадцатый разъ. Esben не обращаетъ на это вниманія и уѣзжаетъ. Дорогой ему каждую ночь грезятся печальные сны. Вернувшись, онъ видитъ дѣтей въ траурѣ, встрѣчается затѣмъ съ матерью и узнаетъ отъ нея, что предсказаніе сбылось. Въ отчаяніи Esben хватаетъ ножъ и убиваетъ себя. Мужъ и жена погребены въ одной могилѣ [3]).—Въ новогреческой пѣснѣ объ умершей женѣ дѣйствующими лицами выступаютъ Харосъ, молодая женщина и ея мужъ. Стрѣла смерти поражаетъ женщину, когда мужа ея не было дома. Вернувшійся мужъ лишаетъ себя жизни. На могилахъ супруговъ выростаютъ кипарисъ и тростникъ [4]). Въ варіантѣ этой пѣсни вмѣсто мужа и жены упоминаются женихъ и невѣста [5]) Такое же обозначеніе упоминаемыхъ въ пѣснѣ лицъ повторяется въ шведскомъ пересказѣ. Птица приноситъ жениху вѣсть отъ невѣсты. Вѣсть эта

---

[1]) Сходство великорусской и малорусскій пѣсенъ объ умершей женѣ давно указано было *Костомаровымъ*, по мнѣнію котораго сѣверная пѣсня—пересказъ южной. „Не много нужно навыка къ народной поэзіи, чтобы видѣть въ пѣснѣ не чисто великорусскую, а перенятую отъ малороссіянъ". (Пам. стар. р. лит. I, стр. 16). Подобное же замѣчаніе находимъ въ статьѣ г-жи *Кохановской*: „Сличеніе нѣскольких русскихъ пѣсенъ". (Воронежская Бесѣда 1861 г.) Слѣдуетъ, кажется, согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

[2]) *Uhlands* Schriften, IV 13. (Anmerkungen zu den Volskliedern) S. 99—100,

[3]) Ibid. 100.

[4]) *Passow*, Popularia carmina Graeciae recentioris № 414—416. Ср. *Liebrecht*. Zur Volkskunde. S. 182—183.

[5]) *Uhlands* Schriften. IV. 104. Пѣсня—изъ сборника *Форіеля*(II, 112).

Digitized by Google

намекаетъ на какую-то печаль. Женихъ спѣшитъ къ возлюбленной и застаетъ ея похороны. Онъ останавливаетъ погребальное шествіе, проситъ сдѣлать могилу побольше, бросается на мечь и погребенъ, какъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ невѣстой. На ихъ могилѣ выростаетъ липа, листья которой сплетаются одинъ съ другимъ [1]). Шотландская баллада разсказываетъ о лордѣ Lovel и Lady Nanciebel, которые любили другъ друга. Lovel отправляется въ далекій путь, изъ котораго вернется только черезъ семь лѣтъ. Но миновалъ лишь одинъ годъ, какъ у него является какое-то тяжелое предчувствіе. Онъ возвращается къ возлюбленной, но уже не застаетъ ея въ живыхъ. Снимаетъ онъ гробовую крышку, открываетъ покровъ и цѣлуетъ блѣдныя губы усопшей. Lovel не пережилъ потери. На другой день онъ умеръ [2]). Семилѣтнее отсутствіе влюбленнаго человѣка, упоминаемое шотландской балладой, повторяется въ моравской пѣснѣ: «Milá v hrobě» [3]). Юрій отправляется на войну, оставивъ на родинѣ невѣсту:

Marianno dzěvečko,
Eż do ročku sedmèho
Nè miluj tu żadnèho.

На седьмой годъ Юрій возвращается и узнаетъ, что его милой уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ спѣшитъ на могилу невѣсты.

Třikrat klašter odjechal,
Marijanku zavolal.
„Marijanko dzěvečko,
Přemluv ke mně slovečko!“
—„Cěžké moje mluvení,
Dy ve mně dechu ňení.“
Zlaty prsteň s prstu sjal,
Marijance na prst dal,
A sam se zamordoval.

Есть варіанты этой пѣсни, заканчивающіеся голосомъ изъ могилы [4]). Самоубійство возвратившагося не упоминается, какъ и въ русскихъ пѣсняхъ о королюшкѣ.

---

[1]) Ibid., 101.

[2]) Ibip., 103.

[3]) Sušil Moravské nár. písně № 96, стр. 92—96 (6 пересказовъ). Въ примѣчаніи къ пѣснѣ указаны ея варіанты въ другихъ славянскихъ литературахъ: *Erb.* I, 19; *Luž.* I, 34, 88. *Vojc.* I, 56; II, 295, *Ol.* 399. *Z. P.* ч. II, 13.

[4]) Ibid. 92, 93, 95.

Digitized by Google

Во всѣхъ указанныхъ пѣсняхъ [1]) нѣтъ и намека на жестокую свекровь. Страданія невѣстки отъ свекрови—особая тема, которая въ пѣсняхъ такого типа, какъ наша былина о кн. Михайлѣ, сплелась съ темою, повторяющейся въ приведенныхъ выше пересказахъ пѣсни объ умершей женѣ.

2) Мужъ уѣзжаетъ, оставивъ жену на попеченіи своей матери. Свекровь преслѣдуетъ невѣстку, обижаетъ ее. Возвратившійся мужъ узнаетъ объ этомъ. Злой матери приходится раскаиваться въ своей безразсудной жестокости. Изъ пѣсенъ съ такимъ содержаніемъ укажу прежде всего на новогреческую пѣсню. Молодая женщина терпитъ въ отсутствіе мужа всякаго рода оскорбленія отъ свекрови и деверей. Когда сынъ вернулся, мать пытается обмануть его: говоритъ, что жены его уже нѣтъ въ живыхъ. Ложь открывается. Мужъ находитъ жену въ полѣ: ее заставили пасти скотъ. Злая мать должна сознаться и въ обманѣ и въ жестокости. [2]) Совершенно сходнаго содержанія испанская пѣсня: Don Guillermo. Онъ отправляется на войну. оставивъ жену у матери. Свекровь обижаетъ невѣстку, обременяетъ ее работой, посылаетъ ее пасти свиней. Вернувшійся мужъ узнаетъ объ этомъ. «Еслибы ты не была моя мать, говоритъ онъ жестокой старухѣ, я бы сжегъ тебя и пепелъ пустилъ по вѣтру.» [3])—Къ этому кругу пѣсенъ принадлежитъ малорусская пѣсня:

Поіхавъ Ясенько та й на воёванне,
Ой гоя, гоя, гоя та й войеванне,
Покинувъ Касеньку та на горованне.
Казавъ давати Каси пшеничного хліба,
Казавъ ій давати пити зеленого вина,
Казавъ кладовити спати въ пуховихъ перинахъ.
Матка Яся не слухала и казала ій давати овсяного хліба,
Давала ій пити помый изъ корита,
Казала ій спати у ячной полові.
Ажъ на трете літо мой Ясенько іде;

---

[1]) Обиліе варіантовъ разсматриваемой пѣсни (о смерти жены или невѣсты) въ европейскихъ литературахъ, варіантовъ чрезвычайно близкихъ одинъ къ другому и къ нашей пѣснѣ о королевичѣ даетъ основаніе предполагать, что русская пѣсня—прямой потомокъ баллады, занесенной съ запада. Роль посредницы при этомъ могла принадлежать народной поэзіи одного изъ западно-славянскихъ племенъ. На русской почвѣ заносная пѣсня усвоена была сначала на югѣ, а оттуда перебралась на сѣверъ, въ область великорусской народной поэзіи.

[2]) *Passow* op. cit. № 458. Ср. *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 187.

[3]) *F. Wolf.* Proben portugiesischer und catalanischer Volksromanzen, 145 (Sitzungsberichte der philos.—hist. Classe der Wiener Akademie. Bd. XX).

Digitized by Google

То Ясенько іде, штирі кони веде;
Штирі коні веде, самъ на пьятомъ іде.
Кася не видала, матка вискочила.
„Матуню, матуню, ци гараздъ все дома,
Ци гараздъ все дома, ци Кася здорова?“
— Синочку Ясеньку, усе гараздъ дома,
Усе гараздъ дома и Кася здорова.
Синочку Ясеньу, мене Кася не слухала,
Въ сваволю вдавала. (Чуб. V, 726—727 .

Пѣсня представляется не законченной. Сравненіе съ указанными выше пересказами позволяетъ восполнить недостающее: обманъ и клевета раскрываются; мужъ узнаетъ, какія оскорбленія приходилось переносить его женѣ.—Французскій пересказъ этой пѣсни (La Porchéronne), представляющій близкое сходство съ указанными выше варіантами, отличается отъ нихъ одной лишней подробностью, занесенной изъ другаго круга пѣсенъ.

C'est monsieur de Beauvoire,
Tout jeun' s' est marié.
Na pris un' femm' si jeune
Qu' ell' ne sait pas habillier.

Юной четѣ не долго пришлось побыть. вмѣстѣ. Мужу нужно отправиться на войну. Уѣзжая, онъ поручаетъ свою жену заботамъ матери въ выраженіяхъ, напоминающихъ слова нашего князя Михайла:

„Mèr', voila mon épouse:
Mère, gardez-la bien.
Ne faites lui rien faire
Qu'a boire et à manger
Et aller à la messe,
Quand il faudra y aller.
Quand elle ira à la messe,
Trois chambrières apres:
Un' portera son livre,
Et l'autre ses gants blancs,
Et l'autre sa boursette
Pour donner aux pauvres gens.“ .

Мать выслушала просьбу сына, но лишь только онъ уѣхалъ, злая женщина отобрала у невѣстки всѣ дорогія вещи, которыя подарилъ ей мужъ, и послала ее пасти свиней. Прошло семь лѣтъ. Мужъ возвращается. Приближаясь къ дому, онъ встрѣчается въ полѣ съ пастушкой, въ которой узнаетъ свою жену, самъ оставаясь неуз-

Digitized by Google

наннымъ. Не узнаетъ его и мать, когда онъ вошелъ въ домъ и попросилъ дать ему помѣщеніе и ужинъ. Просьба эта исполнена. Пріѣзжій заявляетъ потомъ, что онъ не хочетъ провести ночь одинокимъ. Старуха рекомендуетъ ему свою пастушку. После ужина мужъ уводитъ съ собой все еще не узнающую его жену.

Allons donc, porchéronne,
Tu couch'ras avec moi.
—„Ho! non, ho! non, monsieur,
J' lai pas accoutumé;
Je couche à l'écurie
Aveque mes lévriers."
L'a pris par sa main blanche,
En chambre l'a mené;
La pauvre porchéronne
Ell' s' est mise à pleurer.
—„J'en suis fille honnête,
Je perdrais mon honneur.
„Ne pleurez pas, madame,
Je suis votre mari."

Жена узнаетъ наконецъ мужа и разсказываетъ ему о своихъ лишеніяхъ. Утромъ старая хозяйка будитъ мнимую пастушку: пора ей приниматься за работу. На это требованіе отвѣчаетъ мужъ:

„Allez-y vous, ma mère,
Elle y est tant allée!
Si vous n' étiez ma mère,
Tuée vous en seriez;
Du fil qu'elle a filé
Vous en seriez étranglée;
Du bois qu'elle a porté
Vous en seriez brûlée;
Puisque vous êtes ma mère
Tout sera pardonné.
Ho! donnez moi, ma mére,
Les clefs de mon château." [1])

Сходнаго содержанія пѣсня о Germaine (или Germine). Мужъ въ отъѣздѣ. Спустя семь лѣтъ, онъ возвращается и проситъ у жены, не узнавшей его, позволенія переночевать.

Non, non, mes beaux messieurs, je ne puis vous loger:
Car à mon mari je promis fidelité.
Allez à c' beau château que vous voyez d'ici,
Là vous y trouverez un log'ment pour la nuit:
Car c'est là qu'reste la mèr' de mon mari.

---

[1]) „Romania", I (1872), 352—359.

Digitized by Google

Въ замкѣ пріѣзжій и его спутники встрѣчаютъ радушный пріемъ. Они просятъ, чтобы приглашена была Germine. Хозяйка согласна исполнить эту просьбу. Она отправляется къ невѣсткѣ, зоветъ ее. Та съ негодованіемъ отвергаетъ сдѣланное ей приглашеніе:

Si n'ètiez pas la mér', la mèr' de mon mari,
Je vous ferais passer à Lyon sur le pont
Pour vous faire manger les petits poissons!
La bell'-mèr' s' retourn', s'en retourne en pleurant:
— Mangez, mes beaux messieurs, Germin' n'veut pas venir;
C'est la plus méchant' femm' qu'il y ait dans le pays.
— Si vous n'tiez pas la mèr', la mèr' qui m'a nourri,
Je vous ferais passer au fil de mon épée,
D'avoir voulu séduir' Germin' ma bien aimée [1]).

Этотъ разсказъ о неузнанномъ мужѣ примѣшался къ пѣснямъ о преслѣдуемой невѣсткѣ изъ особаго рода пѣсенъ, извѣстнымъ во множествѣ варіантовъ [2]).

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ разсматриваемаго круга, разсказывающія о страданіяхъ невѣстки отъ преслѣдованій свекрови, вводятъ такую подробность: мать, встрѣчая сына, клевещетъ на его жену, обвиняя ее въ своевольствѣ и легкомысліи [3]). Относительно этой подробности нужно замѣтить, что клевета свекрови—тема, развиваемая въ особыхъ пѣсняхъ, въ которыхъ притомъ лживыя обвиненія не разоблачаются такъ скоро и такъ удачно, какъ въ приведенныхъ пересказахъ. Пріѣхавшій мужъ, повѣривъ наговорамъ матери, въ гнѣвѣ убиваетъ жену. Позже онъ узнаетъ, что былъ обманутъ, и проклинаетъ злодѣйку. Пѣсня съ такимъ именно содержаніемъ извѣстна и въ Малой, и въ Великой и въ Бѣлой Руси. Вотъ варіанты малорусскій и великорусскій:

Ой уже сімъ літъ доньця зъ-за Дону нітъ,
А на восьмий годъ донецъ на Донъ иде.
Пристигла ёго нічка темная,
Нічка темная, та невидная;
Вінъ самъ лігъ та на кургані,
Привъязавъ коня до дубового колка.

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павино перо.
Ой не жаль пера, жаль мнѣ павушки,
Ой мнѣ жаль младца, одинъ сынъ въ отца,
Одинъ сынъ въ отца, добрый молодецъ.
Онъ на службу идетъ государеву;

---

[1]) Chants populaires recueillis dans le pays Messin... par le c-te de Puymaigre, nouv. éd. (1881) t. I. p. 47—59.—Указаны варіанты бретонскій, провансkій и др. Ср. „Romania" X, 369—371, 584—587.

[2]) Наприм. op. cit. 60—64 („Le retour du Mari").

[3]) Клевета матери внесена, какъ мы видимъ, и въ нѣкоторые пересказы пѣсни о князѣ Михаилѣ (Кир. № 5).

Digitized by Google

Прилізла къ нёму чорна гадина;
То не гадина—то мати его.
„Ой ти іди, козаче, на швидчій на Донъ,
Ой уже твій двръі изпустошений,
Вже твоя жінка та заміжъ пішла,
Вже твоі діти посиротіли,
Вже твои слуги безъ пана живуть,
Вже твоі жупані поношені,
Вже твоі меда одпечатані."
Призжае казаченько на тихій Дінъ,
Зустріла ёго жінка молода.
Ой якъ вихопивъ та остренький мечъ,
Та й знявъ жінці головку зъ плечь.
Призжае казакъ та у свій у двіръ,
Его дворочекъ—та якъ віночокъ,
Діточки его за столомъ сидять,
За столомъ сидять, все перомъ пишуть,
А слуги ёго золотомъ шиють,
Золотомъ шиють, силненко плачуть
По своій панеі та по добренькій.
Якъ увійде вінъ въ нові комори,
У его жупани та позлежовалися,
Якъ увійде вінъ въ новиі погреби,
У его меды позацвітали...
—„Ой, мати моя, моя мати!
Ты не мати—чорна гадина!
Зъіла сонце, зъішъ і місяця,
Зъіжъ и зірочки-дрібні діточки".

(Чуб. V, стр. 734—735)

Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ,
А на третій годъ ко двору идетъ.
Его мать встрѣла середи поля,
А сестра встрѣла середи села,
А жена встрѣла середи двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
„А твоя жена увесь домъ снесла!
Что коней твоихъ порасиродала,
Соколовъ твоихъ пораспустила,
А меды твои поразвыпила."
Вынулъ молодецъ саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову;
Голова жены покатилася
Ворону коню подъ праву ногу...
Пошелъ молодецъ во конюшенку,
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ,
Пошелъ молодецъ во соколенку,
Соколы сидятъ, почищаются,
И меды стоятъ не починены.
Пошелъ молодецъ на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ колыбель виситъ.
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ,
„Ты баю-баю, мое дитятко,
Ты баю—баю, мое милое!
У тебя, дитя, нѣту матери,
У меня, младца, молодой жены.
Пошелъ молодецъ на высокъ теремъ:
Какъ ударился о дубовый столъ:
„Что не мать ты мнѣ и не матушка.
А змѣя же ты подколодная!" [1])

(Воронежская Бесѣда 1861 г.)

Варіантъ, сообщенный въ сборникѣ Гильфердинга («Онежскія былины», № 253) подъ неудачнымъ заглавіемъ: «Ревнивый мужъ», представляетъ нѣкоторыя особенности. Уѣзжавшій и вернувшійся—князь.

[1]) Въ статьѣ г-жи Кохановской: „Сличеніе нѣскольких русскихъ пѣсенъ". Ср. Пѣсни изъ собр. Якушкина (1865) стр. 114. Сличеніе приведеннаго великорусскаго пересказа съ малорусскимъ указываетъ, при полномъ сходствѣ основнаго содержанія, нѣкоторыя разности въ подробностяхъ. Слѣдуетъ допустить существованіе великорусскаго пересказа болѣе близкаго къ малорусскому, ибо приведенный южнорусскій варіантъ по его складу, по его поэтическому стилю, предполагаетъ, кажется, великорусскій первообразъ.—Два бѣлорусскихъ варіанта см. въ сборникѣ Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія сѣверо-зап. края, т. I, ч. 1, стр. 434—435 и 481—482.

Digitized by Google

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ,
Онъ ли бралъ княгину девяти годовъ,
Онъ ли жилъ со княжной ровно три года,
На четвертой годъ онъ домой пошелъ.
Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три года,
На четвертой годъ онъ домой пошелъ.

Ложныя вѣсти о женѣ сообщаютъ ему встрѣтившіяся «двѣ старицы, двѣ чёрноризицы»:

„Молода жена во терему сидитъ,
Во терему сидитъ, колубень качатъ."
И не синеё-то море всколыбалосе,
У князя сердце разгорѣлосе.
И приходитъ князь къ своему дворцу,
Къ своему дворцу да княженецкому,
Топне ворота правой ноженкой,
Улѐтѣли тѣ ворота середи двора,
Середи двора да княженецкаго,
Вышла княгиня на круто крыльцо,
Въ о̀дной тоненкой рубашкѣ безъ ни̇тничка,
Въ однѣхъ бѣленкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
А срубилъ у княгины буйну голову.

Убѣдившись потомъ, что обвиненіе, взведенное на его жену, было ложно, князь спѣшитъ въ погоню за старицами.

И заставалъ онъ князь и въ чистомъ поли
Этыхъ старицей да чёрноризицей,
Вынимаетъ князь и востру сабельку,
Онъ срубилъ у старицъ буйну голову. [1])

---

[1]) Варіанты этой былины записаны Ѳ. М. Истоминымъ въ г. Онегѣ и свящ. К. И. Боголѣповымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Въ Шенкурскомъ пересказѣ нѣтъ имени князя.

„Жилъ былъ князь, имя коего неизвѣстно. Женился этотъ князь въ 12 лѣтъ взялъ онъ княгиню 9 годовъ и 9 мѣсяцевъ, жилъ онъ съ княгинею ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ гулять пошелъ. Ходилъ онъ,—гулялъ ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ князь домой пошелъ. Идучи дорогой, видитъ, идутъ ему на встрѣчу три старицы, три монахины черноризицы и бѣлокнижницы. Давно ли вы, спрашиваетъ ихъ князь, съ моего двора съ Княжевинаго, съ Екатеринскаго? Отвѣчали старицы: мы вчера съ твоего двора съ Княжевинаго, съ Екатеринскаго, и у тебя, князь, въ дому все не по старому, не по прежнему—всѣ добрыя кони по колѣнъ въ назьму стоятъ, ѣдятъ траву все осатину, пьютъ воду все наземную, золота казна вся расхищена, въ теремѣ колубень виситъ (люлька). Выслушавши все это, князь погонилъ своего добра коня, сломя голову. Пріѣзжаетъ князь къ своему двору къ Княжевинскому, къ Екатеринскому: выходитъ малода жена, встрѣчаетъ въ одной тоненькой рубашкѣ—безъ косетчина (сарафана), въ однѣхъ тоненькихъ чулочькахъ, безъ башмачекъ; выни-

Digitized by Google

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить одинъ изъ романсовъ, сообщенныхъ въ упомянутомъ выше трудѣ Вольфа. Мужъ въ отъѣздѣ. Вернувшись, онъ не находитъ жены дома: она отправилась къ своимъ роднымъ. Свекровь клевещетъ на невѣстку. Разгнѣванный мужъ спѣшитъ въ домъ тестя и требуетъ, чтобъ жена сейчасъ же отправилась вмѣстѣ съ нимъ, не смотря на ея болѣзнь. Во время пути несчастная женщина умираетъ. Вдовецъ пускается въ паломничество [2]).

Послѣдняя подробность могла находиться и въ первообразѣ русской пѣсни. Въ измѣненномъ видѣ это паломничество могло дать поводъ къ упоминанію въ пѣснѣ странствующихъ стаарицъ, замѣнившихъ клеветницу-мать.

3) Пѣсня о кн. Михайлѣ соединяетъ два разсказа объ отсутствующемъ мужѣ (умершая жена, преслѣдуемая невѣстка), но при этомъ соединеніи вводится новая подробность, которая и служитъ связующимъ элементомъ, придающимъ пѣснѣ значеніе самостоятель-

маетъ князь саблю вострую, срубилъ, сказнилъ поплечь голову, укатилась голова конямъ подъ ноги. Потомъ заходилъ князь въ конюшню свою и находитъ, всѣ кони по колѣнъ въ овсѣ, они ѣдятъ траву все шелковую, они пьютъ воду: все ключевую, все цвѣтно платье по стопочькамъ, во теремѣ золота казна по шкатулочькамъ, бѣла посуда по наблюдничкамъ, ключи-замки все по полочькамъ, во теремъ зашелъ, колубни тутъ нѣтъ, дитя малаго не видано, тутъ пяла стоятъ золоченыя, не столько въ нихъ шито, сколько плакано, все князя въ домъ дожидано. Въ другой теремъ заходитъ и тутъ все въ порядкѣ находитъ; за бѣду князю тутъ стало, за досадушку великую. Заходитъ князь во конюшню во свою выбираетъ князь лошадь добрую, погонилъ онъ коня, сломя голову, ко двумъ старицамъ, двумъ монашицамъ, черноризицамъ, бѣлокнижницамъ, и, прибывши къ нимъ, говоритъ: ужъ вы старицы, монашицы, черноризицы, бѣлокнижницы, зачѣмъ, зачѣмъ вы мнѣ наврали? Потомъ взялъ саблю острую и срубилъ, сказнилъ имъ головы, а самъ бросился на колъ-вострой конецъ, и тѣмъ предалъ себя скорой смерти.“ («Живая старина», 1890 г., вып. II, отд. I, стр. 23). Въ записи о. Боголѣнова пѣсенный складъ разсказа удержался съ достаточной ясностью, но мѣстами этотъ метрическій складъ уже разрушенъ. Въ Онежскомъ пересказѣ имя князя—Димитрій. Убивъ оклеветанную жену, князь Димитрій палъ на саблю вострую ретивымъ сердцемъ. Родные князя послали птицу вѣрную «за живой водой за мертвою.» Вода принесена. Умершіе возвращены къ жизни, пѣсня оканчивается казнью монашенокъ. (Пѣсни русск. народа, собр. въ губ. Архангельской и Олонецкой въ 1886 г., стр. 63—67.)

[2]) Sitzungs-Berichte der Wiener Akademie, XX, 99—103. («Helena«).—Ср. Liebrecht, Zur Volkskunde, 187 (Злая мачиха, обижавшая жену своего пасынка во время его отсутствія, клевещетъ на нее, когда тотъ вернулся, обвиняетъ въ измѣнѣ. Мужъ требуетъ, чтобы жена сама покончила съ собой. Внезапно молнія поражаетъ злую старуху. Мужъ видитъ въ этомъ проявленіе божественнаго суда, наказавшаго неправду, и примиряется съ женой).

Digitized by Google

наго цѣлаго. Мать кн. Михайла—убійца; она не обижала только свою невѣстку, а извела ее. На внесеніе этой подробности, а слѣдовательно и на сложеніе самой былины, могла оказать вліяніе аналогія пѣсенъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о злой женщинѣ, которая задумываетъ погубить невѣсту (жену) сына и при этомъ губитъ и самого сына. Таковы пѣсни о матери-отравительницѣ, образцомъ которыхъ можетъ служить былина о Васильѣ и Софьѣ [1]).

Во славномъ городи во Кіеви
Жила-то была честная вдова.
Было у вдовушки тридцать дочерей
И вси оны во спасенье пошли,
Вси разъѣхались по пустымъ пустынямъ
И по всѣмъ монастырямъ,
Всѣ становились по крылосамъ
И всѣ поютъ: „Господи Боже".
Одна Сафеюшка промолвилась:
Хотѣла сказать: „Господи Боже",
А втапоры сказала: „Васильюшко, подвинься сюды".
Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина
А Сафеи наливала зелья лютаго.
Говоритъ она таково слово:
„Ты, Васильюшка, пей, да Сафеи не давай,
А, Сафеюшка, пей, да Василью не давай."
А Васильюшка пилъ и Сафеи подносилъ,
А Сафеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ, что головушка болитъ,
А Сафея говоритъ: ретиво сердце щемитъ.
Они оба вдругъ переставились
И оба вдругъ переславились.

---

[1]) Пересказы: Безсоновъ, Калѣки перехожіе, ч. I, вып. 3, №№ 167 и 168, стр. 697—700; Гильфердингъ, Онежскія былины, №№ 31, 134, 285, стр. 154—156, 696—697, 1242; Барсовъ, Изъ обычаевъ обонежскаго народа, № 12 (Олон. губ. вѣд. 1867, № 14). Г. Квашнинъ-Самаринъ (въ статьѣ о сборникѣ Гильфердинга) относитъ пѣсню о Васильѣ и Софьѣ къ ряду былинъ о Васильѣ Казимировичѣ: «думаемъ, что дѣло идетъ о немъ, другаго Василья въ кіевскомъ эпосѣ мы не знаемъ, да онъ же названъ князем" („Русск. Вѣстн." 1874, № 10, 784—785). Основаніе, какъ ясно само собой,—недостаточное.—Имена великорусскаго варіанта (пѣсня, какъ увидимъ, извѣстна и за предѣлами русскаго былеваго эпоса) могли быть подсказаны смутными воспоминаніями о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ.

Digitized by Google

Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Сафею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ,
Василья хоронили по правую руку,
А Сафею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выростало кипарично дерево,
А Сафеѣ выростала золота верба;
Они вмѣстѣ вершочками свивалися
И вмѣстѣ листочками слипалися.
Тутъ старый идетъ-то наплачется,
А младыій идетъ надивуется,
А малый идетъ—то натѣшится.
Тутъ провѣдала Васильева матушка,
Кипарично дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила.

(Гильф. 134).

Разницы, находимыя въ варіантахъ пѣсни, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

а) Въ пересказѣ Безсонова 168, къ упоминанію Кіева присоединяется указаніе на кн. Владиміра:

Повелъ онъ Софію по Кіеву
Ко славному князю Владиміру.

Въ пересказѣ Безсонова 167 говорится только, что мать Василья «сходила во въ Кіевъ городокъ». Переск. Гильф. 285 замѣняетъ Кіевъ Китай-городомъ («поѣзжала во Китай-города»). Въ вар. Гильф. 31 и Барсовъ 12 мѣсто дѣйствія не опредѣляется.

б) Пересказы Гильф. 31 и 285 упоминаютъ о вѣнчаніи Василья и Софьи:

Взялъ онъ Салфею за бѣлы руки,
Повелъ Салфею во Божью церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты вѣнцы.

в) Число дѣтей Софьиной матери опредѣляется неодинаково: 9 дочерей (Гильф. 31; Барсовъ 12); 30 дочерей (Безс. 168); 33 доч. (Гильф. 285); 33 сына и одна дочь (Безс. 167).

г) Въ пересказѣ Гильф. 285 Василій названъ княземъ:

Князь молодой ты, Васильюшко,
Ты, Васильюшко, подвинься сюда.

д) Въ варіантѣ, сообщенномъ г. Барсовымъ, свиданье Василья и Софьи передаются такъ:

Всѣ они (сестры Софіи) пошли по Божьимъ церквамъ,
Меньшая сестра—на бесѣдушку.
Она сѣла-посѣла на дверну лавочку.
Надумала сказать, что „Господи прости,“

Digitized by Google

И попало сказать, что „Васильюшко дружокъ,
Потронься, подвинься на лавочкѣ сюда.“

Извѣстно не мало пѣсенъ, сходныхъ съ нашей былиной о Васильѣ и Софьѣ. Такова малорусская пѣсня о юношѣ, который выбралъ себѣ невѣсту противъ воли матери:

А мати якъ ся дознала,
Доразъ на гору бѣжала,
На высоку гору бѣжала,
Жолте корѣня копала,
Въ червеномъ винѣ мочила,
Жебы невѣсту гостила.
Невѣста презъ прагъ вкрочуе,
Свекра ей съ виномъ честуе:
„Пій ты, невѣсто, пій вино,
Не пила 'сь таке якъ живо!“
Невѣста краснѣ здравкала,
Не пила, Ванёви дала.
Скоро Ванюсё ся напилъ,
Доразъ за сердце ся хватилъ:
„Ахъ, мамо, чьто вы сробили,
Никда вы добры не были,
Хотѣли 'сте Ганчю стравити,
Ей, а вы меня стравили.“
(Голов. II, стр. 711—712. Ср. I, стр. 81).

Такого же содержанія моравская пѣсня: «Matka travička». Дѣвушка идетъ по воду. Проѣзжіе люди зовутъ ее съ собой. Дѣвушка соглашается, отправляется въ путь, прося увѣдомить ея мать,

Že se svadba strojí
Na Rakúském poli

По другому варіанту начало пѣсни передается такъ: юноша и дѣвушка полюбили другъ друга, сблизились. Женихъ приводитъ невѣсту въ свой домъ. Дальше варіанты сходятся:

Matka ne meškala,
Dvě sklenice vzala,
Do sklepa běžela
A do jedné medu,
A do druhé jedu.
A před syna s medem,
Před nevěstu s jedem.
Sám Pán Bůh to změnil,
Napil se syn jedu,
A nevěsta medu.
Syn se jedu napil,
Po světnici chodil,
Poručenství robil.

Digitized by Google

Брату онъ отказываетъ коней, сестрѣ—коровъ, милой—свой домъ. Очередь доходитъ до матери.

Co mně, synu, co mně?
Co mně, staré mamě?
Tobě, matko, tobě
Ten kameň široký
A Dunaj hluboký.
Že's mě otravila,
S milú rozlúčila [1]).

Можно еще указать новогреческую пѣсню: злая мать отравляетъ жену своего сына варевомъ, приготовленнымъ изъ змѣй [2]).

Заключеніе русской пѣсни объ отравленіи сближаетъ ее съ пѣснями на другую, хотя и близкую, тему: юноша и дѣвушка любятъ другъ друга, но мать (его или ея) мѣшаетъ ихъ браку; для несчастныхъ влюбленныхъ жизнь теряетъ свою прелесть: они умираютъ одинъ за другимъ (онъ, потомъ она, или наоборотъ). Въ сборникѣ Караджича помѣщено нѣсколько пересказовъ сербской пѣсни такого именно содержанія: Смрт драге и драгога, Смрт Ивана и Јелене, Смрт Омера и Мериме [3]).

Для образца привожу въ пересказѣ одну изъ этихъ пѣсенъ. «Иванъ и Елена сильно любили другъ друга. Вотъ однажды Иванъ и говоритъ Еленѣ: «Елена, душа мая дорогая! спрашиваю тебя, хочешь ли выйти за-мужъ за меня»? Елена ему отвѣчаетъ: «Дорогой мой Иванъ! Ты меня спрашиваешь, хочу ли я выйти за тебя? Да, я хочу, но нужно спросить у милой моей матери, выдастъ-ли она меня за тебя». Идетъ она къ бѣлому двору, увидѣла матушку и спрашиваетъ: «Милая матушка моя, проситъ меня у тебя молодой Иванъ. Хочешь ли выдать меня за него?» — «Не дури, Елена, — говоритъ мать,—я хочу выдать тебя за лучшаго и богатѣйшаго». Идетъ Елена къ горѣ, встрѣчаетъ Ивана и разсказываетъ ему обо всемъ. Затѣмъ подаетъ ему такой совѣтъ: «Иванъ мой, дорогой изъ дорогихъ! Проси племянницу мою Манду, она меня и выше, и лучше, и одеждой богаче». На это Иванъ ей отвѣчаетъ: «Лучше не говори пустяковъ, дорогая моя Еля! Пусть себѣ Манда и выше, и лучше, и одеждой богаче, но сердцу моему она не мила». Какъ бы то ни было, онъ все-таки послѣдовалъ совѣту своей милой. Отправляется

---

[1]) Sušil, Moravské nár. písně, стр. 154—155, № 157.

[2]) Passow, № 456, 457. Ср. Liebrecht, Zur Volkskunde, 187, 214 (указано нѣсколько параллелей).

[3]) Спрске народне пјесме, ч. I (1841), стр. 238—259, №№ 340—345.

онъ къ бѣлому двору и проситъ Маиду; получивъ согласіе, онъ отправляетъ къ ней сватовъ. Елена увидѣла сватовъ Ивана, подозвала свою матушку и сказала, что еслибъ она согласилась тогда выдать ее за Ивана, то теперь они шли бы къ ней. Когда сваты прошли мимо двора Елены, заплакала прекрасная дѣвица: она не могла снести душевнаго горя, взошла на башню и тамъ повѣсилась. На ея могилѣ простился съ душой и Иванъ. Здѣсь подлѣ милой его Елены похоронили и его» [1]). Въ другой пѣснѣ разсказывается, что юноша погибаетъ изъ-за черноокой дѣвицы. «Мать уложила его на носилки, пронесла его возлѣ двора любимой его дѣвушки. Черноокая увидѣла его и говоритъ своей старой матери: «Я умираю, моя старая мать! Положи меня на легкія носилки и неси меня за этимъ мертвецомъ. Выкопайте намъ рядомъ могилы и чрезъ гробы соедините наши руки» [2]). Пѣсни этого круга заканчиваются обыкновенно картинкой, знакомой намъ по нѣкоторымъ варіантамъ пѣсни объ умершей женѣ и по былинѣ о Васильѣ и Софьѣ:

Мало вроме затим постаjало,
Више драгог зелен бор израсте,
А виш' драге румена ружица;
Па се виjе ружа око бора,
Као свила око ките смильа (№ 341).

Есть малорусская пѣсня, чрезвычайно сходная съ указанными сербскими пересказами. Жили двѣ сосѣдки,—у одной была дочь, у другой—сынъ.

Тоты двое люди такъ ся любовали,
Же и въ святой церкви покоя не мали.
Они въ святой церкви покоя не мали,
Со златымъ яблочькомъ до себе метали.

Любовь мѣшаетъ имъ молиться, какъ Василью и Софьѣ. Ганусина мать противится сближенію молодыхъ людей, разлучаетъ ихъ. Влюбленные не переносятъ разлуки.

„Умру я, мамичько, про бѣлу Ганичьку.“
А ужь конець былъ, серденько не било.
Ганчя ся дознала, кановцу порвала,
Кановцу порвала, на воду бѣжала,
Труны ся хватила, житя утратила.

---

[1]) Пересказъ взятъ изъ соч. г. Веревскаго: Вукъ Караджичъ и его сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ, стр. 72—73 («Филологич. Записки» 1889 г., вып. 2).

[2]) Ib. 72.

Digitized by Google

А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
Души спочиваютъ съ милымъ паномъ Богомъ,
Съ едной страны церкви Яничька сховали,
Съ другой про Ганичьку смутный гробъ выбрали;
На Янчовомъ гробѣ росла розмарія,
На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія,
Тоты двое зѣля такъ повырастали,
Ажь ся ихъ вершочьки верхъ церкви схаджали.
Ганусина мати на томъ застояла,
Драбины ставляла, вершки сожинала,
Яничьково тѣло съ гробу прогварило:
„Ей мати, ты, мати, пренедобра мати,
Не дала 'сь намъ жити, дай намъ почивати!
Хоцъ тѣло въ гробѣ гніе, порохніе,
Але наша любовь и за гробомъ жіе."
(Голов. II, стр. 710—711).

Въ новогреческой пѣснѣ о злой матери разсказывается слѣдующее: мать, подслушавъ нѣжный разговоръ дочери съ молодымъ человѣкомъ, подговариваетъ своихъ сыновей убить сестру; умершую несутъ мимо дома ея возлюбленнаго; тотъ, узнавъ о несчастіи, закалывается; женихъ и невѣста погребены въ одной могилѣ; два растенія поднимаются надъ этой могилой, обнимаясь и цѣлуясь одно съ другимъ [1]).

Близость указанныхъ выше пѣсенныхъ темъ вела къ ихъ смѣшенію.—Слѣды такого смѣшенія замѣтны и въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ уже пересказовъ. Такъ пѣсни о смерти жены въ отсутствіе мужа допускаютъ разницу въ заключительной части. Наша пѣсня (Королевичъ) заканчивается изображеніемъ горя вдовца; въ испанскомъ пересказѣ, указанномъ Уландомъ, послѣдняя часть пѣсни передается такъ: вдовецъ идетъ на могилу жены, онъ проситъ умершую взять его къ себѣ, но изъ могилы слышится голосъ, призывающій къ жизни и счастью [2]); подобное же окончаніе (голосъ изъ могилы) мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ варіантахъ моравской пѣсни. По другому ряду пересказовъ пѣсня оканчивается изображеніемъ смерти вдовца, причемъ, какъ заключительная подробность, упоми-

---

1) Passow, № 469, 470. Liebrecht, op. cit. 188—189.
2) Schriften, IV, 103—104.

Digitized by Google

нается появленіе на могилѣ сплетающихся растеній [1]). Такое окончаніе пѣсни сложилось едва ли не подъ вліяніемъ аналогіи съ пѣснями такого типа, какъ «Василій и Софья» или Смрт драге и драгога» и т. п.

Еще яснѣе выступаетъ вліяніе аналогіи въ нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсняхъ разсматриваемаго круга. Такова пѣсня объ отравленіи, которую привожу въ двухъ разныхъ варіантахъ:

Оженила мати своего сина,
Молодоі невістки да не злюбила.
Що синъ пішовъ у військо-дорогу,
Молода невистка — коней стадо пасти [2])
Коней пасе, рушникъ вишиває,
Рушникъ вишиває, до коней промовляе:
„Пасітеся, коні, на шовковій травці,
Да пийте, коні, холодную воду,
Поки прийде милый изъ війська, зъ дороги.“
Прийшовъ милый изъ війска, зъ дороги,
Да кланяется своій жінці низенько у ноги:
—„Ходімъ, жінко, до матері въ гості.“
Пришли до матері—чоломъ и рукою,
А мати до сина изъ горілкою,
А до невісточки изъ отрутою;
Посадила сина у конець стола,
Молоду невістку у порога;
Да частуе сина горілкою,
Молоду невістку отрутою.
„Ой, вилиймо, жінко, горілку до дому,
Да випиймо отруту за мною;
Выпиймо, жинко, да по повній чарці,
Щобъ насъ похвали да у одній ямці;

[2]) Варіантъ:
Та послала сина въ далеку дорогу,
А молоду невістку—стада пасти.

На середъ села седѣла вдова,
Ой мала жь вона сына Василя,
Ой мала жъ вона, до школы дала,
Зо школы взяла, въ вôйсько вôддала,
Въ вôйсько вôддала, на вôйну пôслала!...
Чекае рочокъ, не йде сыночокъ,
Чекае другій, не йде сынъ любый,
На третій рочокъ идетъ сыночокъ,
Сыночокъ иде, невѣстку веде.
Ой выйшла мати зъ новои хати,
Ой взяла жь вона сына витати:
Вынесла вона двѣ склянцѣ вина,
А трета бутылька сама тротина.
До сынонька пье червонымъ виномъ,
Невѣстцѣ дае саму тротину.
Сынъ вина не пивъ, пôдъ коня выльявъ,
А тротиноньку по половинцѣ;
Невѣстка пье, та й омлѣвае,
А сынъ ся дивитъ, съ коня ся хиляе.
„Знала 'съ насъ, мати, якъ чаровати
Знай же насъ, мати, вкупцѣ сховати“.
А мати сына не послухала,
Якъ сама хтѣла, такъ ихъ сховала:
Сына Василья пôдъ оконцями,
А невѣсточку пôдъ воротцями;
На сыну Василю соненько сходитъ,
На невѣстонцѣ увесь міръ бродитъ;
На сынонькови яворъ зелененькій,
На невѣстонцѣ бѣла березонька.
Береза росте, розрастаеся,

[1]) Сплетающіяся растенія—образное выраженіе той мысли, что разлученные здѣсь соединяются тамъ. Поэтому появленіе такого образа существенная и необходимая заключительная часть тѣхъ пѣсенъ, которыя построены на упомянутой антитезѣ совершающагося до могилы и за могилой. Внесенный въ пѣсни о женщинѣ, смерть которой изображается, какъ „судъ Божій“, образъ этотъ утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ.

Digitized by Google

Ой выпиймо да по половинці,
Щобъ насъ поховали въ одній домовинці.“
Ой, умеръ синъ у неділю въ ранці,
Молода невістка—пообідавши.
Положили сина на тисовий лавці,
А невісточку на постійниці. (?)
Що по синові отець, мати плаче,
А по невісточці чорный воронъ кряче.
Що по синові въ усі звони звонять,
А по невісточці всі люде говорять.
Заховали сина підъ церквою,
Молоду невістку —підъ звонпцею.
Та на синові яворъ зеленіе,
А на невісточці береза біліе,
Гілька до гільки схиляется,
Мати за дітьми да побивается:
„Коли бъ я була знала, да дітей не труіла,
Своего серденька да не печалила.“
(Чуб. V, стр. 711—712).

Листъ до листонька привертаеся,
А яворъ росте, розрастаеся,
Листъ вôдъ листонька вôдвертаеся.
(Голов. I, стр. 186—187).

Соединеніе въ первомъ изъ этихъ пересказовъ (Чуб.) двухъ пѣсенныхъ темъ (отравленіе; женщина, обижаемая свекровью во время отлучки мужа) ясно до очевидности [1]).

Другой яркій образецъ сліянія пѣсенныхъ темъ представляетъ малорусская же пѣсня, очень близко стоящая къ нашей былинѣ о кн. Михайлѣ (Голов. I, стр. 74—77, №№ 30 и 31). — Молодой человѣкъ, женившійся безъ вѣдома матери, уѣзжаетъ на войну, оставивъ жену у свекрови.

Ой поѣхавъ Ивасенько семь лѣтъ на вôйну,
Лишивъ свою Марусеньку на матенку рôдну.
Ой поѣхавъ на вôйноньку, просивъ свою матѐноньку:
„Ой матусю, матусенько, шануй мою Марусеньку!
Купай же ю, моя мамко, въ бѣломъ молоцѣ,
Постели й, моя мамко, пôдъ бôкъ перину,
Положи й въ головоньки двѣ подушеньки,
Накрывай й, моя мамко, лехковъ периновъ,
Годуй же й, моя мамко, съ перцемъ каплуномъ,
Наповай й, моя мамко, медомъ та й виномъ!“

Мать Ивасенька не послухала: купала ее въ холодной водѣ, вмѣсто перины дала «стару ряднину», вмѣсто подушекъ — камни,

[1]) См. еще бѣлорусскія пересказы въ сборникѣ Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія с.-зап. I, 1, стр. 447—451.

Digitized by Google

годовала ее не каплуномъ, а «лютымъ ящуромъ», поила «горкимъ полиномъ».

Ой а за дня Марусенька ще кужель пряла,
А зъ вечера Марусенька детя купала,
О пôвночи Марусенька та й застогнала,
Ой у куряхъ Марусенька вже исконала.
Не наймали Мэрусенцѣ, абы звонили,
Ой до днины Марусеньку вже й поховали,
Щобы да ту Марусеньку й люди не знали!

Ивасенько возвращается и узнаетъ о бѣдѣ.

Ой та пôшовъ Ивасенько на Марусячинъ грôбъ,
Та уклякъ же Ивасенько Марусѣ до нôгъ:
„Чи кажешь ми, Марусечко, чи кажешь ся жинити,
Чи кажешь ми, Марусечко, вдôвцемъ ходити?
—„Ахъ, я жь тебѣ, Ивасеньку, та й не бороню...
Твоя мати—чарôвниця, счаруе й тоту,
Якъ вона мня, Ивасеньку, та й счаровала,
Лютыми мня ящурами нагодовала;
Не наймала, Ивасеньку, менѣ звонити,
Щобы менѣ, Ивасеньку, тяжко лежати!„

Варіантъ:

Нû кажу ти женитоньки, нû кажу ти тужитоньки;
Посѣй же ты руту круту, на сêмъ камени:
Якъ та рута, якъ та крута буде сходити,
Тогдѣ жь ты ся, Ивасеньку, будешь женити.
Ой якъ озьмешь лѣпшу мене, забудешь за мене,
А якъ озьмешь гôршу мене, то згаадешь мене:“

Нѣкоторые отдѣлы этой пѣсни буквально сходны съ приведенными выше пересказами пѣсни о смерти жены въ отсутствіе мужа; заключительная часть совпадаетъ съ той группой варіантовъ, въ которой упоминается только о горѣ вдовца (голосъ изъ могилы). Но не менѣе близкое сходство представляетъ указанная пѣсня и съ пересказами побывальщины о преслѣдуемой невѣсткѣ: мужъ уѣзжаетъ, жена остается у его матери, сынъ проситъ мать позаботиться о молодой женщинѣ, свекровь обижаетъ и преслѣдуетъ невѣстку. Вступленіе пѣсни («Поѣхавъ Ивасенько на войну»=«на полованье»)—буквальное повтореніе соотвѣтствующаго мѣста въ пѣснѣ о несчастной невѣсткѣ. Что касается изображенія смерти молодой женщины («счаровала, лютыми ящурами нагодовала»), то тутъ слышится отголосокъ пѣсенъ объ отравленіи.

Пѣсня такого типа, какъ былина о кн. Михайлѣ, идетъ далѣе въ сліяніи пѣсенныхъ темъ. Къ разсказамъ о преслѣдованіи невѣ-

Digitized by Google

стки свекровью и о смерти жены былина присоединяетъ еще разсказъ о самоубійствѣ вдовца,—разсказъ, появляющійся (какъ мы видѣли) и въ нѣкоторыхъ варіантахъ пѣсни объ умершей женѣ, но не представляющій существенной, первоначальной части этой пѣсни. Было уже замѣчено, что въ пѣснѣ объ умершей женѣ разсказъ о самоубійствѣ внесенъ вѣроятно подъ вліяніемъ поэтической аналогіи. Это замѣчаніе можно повторить и относительно былины о кн. Михайлѣ съ оговоркой, что въ былинѣ означенная подробность (самоубійство) могла явиться черезъ посредство того извода пѣсенъ о смерти жены, который осложнился разсказомъ о смерти вдовца. Въ былинѣ недостаетъ только упоминанія о сплетающихся растеніяхъ [1],— подробности, которая такъ часто встрѣчалась намъ въ пѣсняхъ разсматриваемаго круга.

Сліяніе пѣсенныхъ темъ въ былинѣ о кн. Михайлѣ и сходныхъ съ нею пѣсняхъ (пересказы моравскій и словацкій)—не плодъ смѣшенія неточно сохраняемаго памятью эпическаго матеріала, какъ это нерѣдко бываетъ при передачѣ пѣсни плохими пѣвцами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ другаго порядка. Сліяніе темъ въ былинѣ о кн. Михайлѣ—не ошибка памяти, а выраженіе художественнаго замышленія пѣвца-устроителя пѣсни,—замышленія, составляющаго основу всей пѣсни, а потому проходящаго чрезъ всѣ ея пересказы. Пѣсня построена на нѣсколькихъ темахъ, но знакомясь съ нею вы не замѣчаете какой-нибудь спайки разнородныхъ частей; всѣ подробности слиты въ единствѣ содержанія, развивающагося съ стройной послѣдовательностью: кн. Михайло уѣзжаетъ, оставивъ беременную жену на попеченіи матери; мать, женщина жестокая, не любитъ невѣстки и не задумывается надъ преступленіемъ, чтобы освободиться отъ постылой; вернувшійся мужъ, узнавъ о бѣдѣ, не въ силахъ пережить ее: онъ умираетъ [2].

---

[1]) Объ этомъ образѣ см. A. Koberstein: Ueber die in Sage und Dichtung gangbare Vorstellung von dem Fortleben abgeschiedener menschlicher Seelen in der Pflanzenwelt (Weimarisches Jahrbuch für deutsche Sprache, Litteratur und Kunst, I Band. S. 73—100) и дополненіе къ этой статьѣ R. Köhlera, (Vom Fortleben der Seelen in der Pflanzenwelt, ein Nachtrag... ibid. 479—483). Аѳанасьевъ, Поэт. возвр. слав. на природы, т. 2, стр. 500—508; Liebrecht, Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen, 84; Le c-te de Puymaigre, Choix de vieux chants portugais (Paris, 1881), 188—190; Мандельштамъ Опытъ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа, ч. I стр. 59—69; „Mélusine", t. IV (1888), 12, 60—62, 85—91, 142; t. V, 39—40; «Этнографическое Обозрѣніе» 1889 г., кн. III, стр. 50—53, 211 (Замѣтки г. Н. Я. и В. В. Каллаша); «Живая старина», вып. II (1890), стр. 193.

[2]) Кромѣ разсмотрѣнной былины о кн. Михайлѣ, есть еще великорусская

Digitized by Google

II

Имя князя Михаила встрѣчается и въ пѣсняхъ юго-западной Руси. Въ сборникѣ «Историческихъ пѣсенъ южно-русскаго народа» Антоновича и Драгоманова помѣщены двѣ пѣсни, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ выступаетъ именно «князь Михайло». Вотъ эти пѣсни:

А.

Маці дочку карала:
Гдешь ты, доню, веньчик діла?
Ехавъ, мамко, князь Міхайло,
І зняв, мамко, веньчик з мене,
Повёз, мамко, дорогою широкою,
Дубровою зеленою,
Через село Лунінскее,
Через місто боярскее.
Касіна маті по двору ходит,
Слуги будит:
Слуги мої молодие,
Уставайце, закладайце
Коңі вороние
Да бежице, доганяйце,
З пліч головку здоймíце! (стр. 56).

Б.

Въ темнум лѣсѣ
На й оресе
Зовзуленька гнездо звіла,
Звівши гнездо заковала,
Заковавши полепула
Въ тее село Лунінскее
Въ тее місто боярскее,
А въ тим селі удивонька

пѣсня о смерти какого-то «командира» русской «армеюшки», называемаго въ пѣснѣ «княземъ Михайломъ». Этотъ Михайло попалъ въ плѣнъ къ врагамъ („злымъ-чернымъ молдаванамъ и злымъ безбожнымъ татарамъ“):

Какъ ни мучили, ни били, души его не выняли;
И умеръ князь Михайло на тридсятомъ на году.
(Кир. V, стр. 77).

Содержаніе пѣсни напоминаетъ нѣкоторыя малороссійскія думы; любопытно, что въ пѣснѣ упоминаются „войска русскія — козаки украинскіе“. По стилю пѣсня похожа на позднія солдатскія пѣсни. Нѣтъ, конечно, основанія пріурочивать эту пѣсню къ тому-же эпическому лицу, о которомъ говорится въ разсмотрѣнной былинѣ.

Digitized by Google

Двор будуе,
А збудовавши да й малюе,
А помалёвавши да й говорит.
Кто в гетим дворі
Паном буде?
Кто моім деткам
Бацьком буде?
Кто в гетим двору
Паніею буде?
Кто моім деткам
Маткою буде?
Ехав селом
Князь Міхайло
Да каже: я в гетом двори
Паном буду,
Твоім деткам
Бацьком буду,
А моя жинка панею буде,
Твоим діетками маткою буде [1]).

(стр. 56—57).

«Пѣсни эти довольно не ясны,—замѣчаютъ ученые издатели,—какъ это часто бываетъ съ варьянтами, записанными въ полѣсской мѣстности, и даже не совсѣмъ вяжутся одна съ другою... Первая пѣсня передаетъ въ довольно общихъ выраженіяхъ тему извѣстную

[1]) Текстъ пѣсенъ взятъ изъ сборника Пинскихъ пѣсенъ Зенькевича (Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851) стр. 150—152, 154—156, въ отдѣлѣ: „Pieśni wiosenne“. Въ изданіи гг. Антоновича и Драгоманова (т. I, стр. 56—57) измѣнена лишь транскрипція пѣсенъ Варіантъ первой пѣсни записанъ свящ. Д. Г. Булгаковскимъ въ пинскомъ же уѣздѣ

Маты доню бье, карае:
Дѣ ты, доню, вінчикъ діла?
Іхав, мати, князь Михайло,
Изнявъ вінчикъ дай поіхавъ
Дорогою широкою,
Дубровою зеленою.
Маты ходить, слуги будить:
Ой вы, слуги молодые,
Берите кони вороные,
Да бѣжите, догоните,
Съ плічъ головку здымите,
Да везите черезъ село селянское,
Черезъ місто мѣщанское,
Нехой стары дивуются,
А молодые покаются,
Дѣвкамъ танка не мѣшають,
Съ дѣвки вѣнка не знимають.

(Пинчуки. Этнографическій сборникъ, стр. 87 въ Запискахъ Импер. русск. географич. общ. по отдѣл. этногр. т. XIII, вып. 3).

Digitized by Google

и изъ другихъ, какъ малорусскихъ, такъ и западныхъ пѣсенъ [1]),— о насильствѣ надъ дѣвушкою, или обманѣ, или похищеніи дѣвушки,— хотя и безъ тѣхъ подробностей, какія мы видимъ въ этихъ пѣсняхъ».

Мнѣ кажется, нѣкоторое объясненіе этихъ пѣсенъ можно получить путемъ сопоставленія ихъ съ пѣснями того круга, къ которому принадлежитъ великорусская былина о кн. Михаилѣ. При этомъ намъ нужно прежде всего ознакомиться съ особымъ изводомъ пѣсенъ о женщинѣ, умершей въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, изводомъ, котораго я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Въ пѣсняхъ этого извода рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, покинутой ея любовникомъ и умирающей въ разлукѣ съ нимъ; окончаніе пѣсни сходно съ заключительной частью былины о кн. Михайлѣ. Вотъ для образца нѣмецкій пересказъ этой пѣсни:

Der Ritter und die Maid.

1. Es spilt ein ritter mit einer Maid,
Sie spilten alle beide,
Und als der helle morgen anbrach,
da hub sie an zu weinen.
2. „Weine nicht, weine nicht, brauns mägdelein!
dein er will ich dir zalen,
ich will dir geben ein reitersknecht
dazu dreihundert taler.“
3. Den reitersknecht den mag ich nicht,
will lieber den herren selber,
krieg ich den herren selber nicht,
so klag ichs meiner mutter.
4. Und da sie vor die stat Augsburg kam,
wol vor die hohen tore,
da sah sie ir frau mutter sten,
die tät ir freundlich winken.
5. O tochter, liebste tochter mein,
wie ist es dir ergangen,
dan dir dein rock von vorn so klein
und hinten vil zu lange?“
6. Sie nam das maidlein bei der hand
Und fürt sie in ir kammer,
sie setzt ir auf ein becher wein
dazu gebackne fische.
7. „Ach, mutter, liebste mutter mein,
ich kan noch essen noch trinken,

[1]) Указаны нѣкоторыя малорусскія, моравскія и лужицкія пѣсни.

Digitized by Google

macht mir ein bettlein weiss und fein,
dass ich darinn kan ligen."

8. Und da es kam um mitternacht.
dem ritter traumt es schwäre,
als wenn sein herzallerliebster schatz
im kindbett gestorben wäre.

9. "Ste auf, ste auf, lieb reitknecht mein,
sattel mir und dir zwei pferde!
Wir wollen reiten tag und nacht.
biss wir den traum erfaren."

10. Und als sie über die heide kamen,
hörten sie ein glöcklein läuten.
„Ach reicher gott vom himmel herab,
was mag doch diss bedeuten!"

11. Und als sie vor die stat Augsburg kamen,
sahen sie die gräber gruben
und als sie vor das tor hin kamen,
sahen sie die träger tragen.

12. Stellt ab, stellt ab, ir träger mein,
lasst mich den toten schauen!
es möcht mein herzallerliebste sein
mit iren schwarzbraunen augen".

13. Er deckt ir auf den schleier weiss
und sah ir unter die augen:
„o we, o we! der blasse tod
hats äuglein der geschlossen!"

14. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die hände:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber hats ein ende."

15. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die füsse:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber schläfst du süsse".

16. Er zog herauss sein blankes schwert
und stach sich in sein herze:
„hab ich dir geben angst und pein,
so will ich leiden schmerzen".

17. Man legt den ritter zu ir inn sarg
verscharrt sie wol unter die linde,
da wuchsen nach drei vierteljarn
auss irem grab drei liljen [1]).

Близость этой пѣсни къ приведеннымъ выше варіантамъ пѣсни объ умершей женѣ очевидна. Въ нѣмецкой пѣснѣ есть только одна новая для насъ, чрезвычайно важная въ общемъ содержаніи пѣсни,

[1]) *Uhland*, Alte hoch-und-niederdeutsche Volkslieder, S. 220—223, № 97.

Digitized by Google

черта—указаніе на отвергнутую любовь, на разлуку. Есть варіанты. въ которыхъ эта черта выражена еще сильнѣе. Въ португальской пѣснѣ, переданной Вольфомъ, разсказывается, какъ дѣвушка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, идетъ его отыскивать, находитъ женатымъ и умираетъ. Онъ не могъ ее пережить. Вдова хоронитъ мужа и его подругу вмѣстѣ. На ихъ могилѣ появляются сплетающіяся растенія [1]).—Сходна англійская пѣсня, указанная Уландомъ. Дѣвушка узнаетъ, что ея женихъ беретъ замужъ другую; она видитъ, какъ онъ идетъ со своей невѣстой. Покинутая умираетъ. Ночью ея призракъ является къ брачному ложу невѣрнаго. Ему кажется, что его постель полна крови. Придя въ себя, онъ спѣшитъ къ дому умершей, онъ проситъ ея братьевъ пустить его проститься съ ней, поцѣловать ее въ послѣдній разъ,—онъ докажетъ, что любилъ ее больше, чѣмъ кто либо изъ ея родныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, доказательство не замедлило явиться: сегодня умерла она, а завра онъ. На ихъ могилѣ любовно свились роза и шиповникъ. [2])—Въ греческой пѣснѣ о Синодинѣ—то же содержаніе, но съ новыми подробностями. Четырнадцать лѣтъ продолжалась связь Синодина съ сестрой его жены. Вздумалъ онъ разъ посмѣяться надъ своей любовницей и говоритъ ей: «Не хочешь ли ты выйти за мужъ?» — Кто меня теперь возьметъ? отвѣчаетъ она. Мое платье стало мнѣ спереди коротко, кушакъ едва сходится, а прежде я могла имъ опоясаться три раза, да еще оставались концы.—«Попроси мать сшить тебѣ новое платье», продолжаетъ издѣваться Синодинъ. — Я лучше умру, говоритъ она, чѣмъ стану обращаться къ матери съ такой просьбой.—«А хочешь умереть, такъ ступай въ садъ, попробуй тамъ соку лавра да дикой оливы, съѣшь еще змѣиную голову, — смерть будетъ вѣрная». Дѣвушка такъ и сдѣлала. Узналъ о томъ Синодинъ, пришелъ къ умершей, простился съ ней, а потомъ выхватилъ кинжалъ и вонзилъ себѣ въ сердце. Умершіе погребены въ одной могилѣ. На ней выросли кипарисъ и лимонное дерево. Каждое воскресенье деревья склоняются одно къ другому, цѣлуются [3]).

Положеніе дѣвушки въ пинской пѣснѣ (А) о князѣ Михайлѣ напоминаетъ несчастную судьбу покинутой любовницы въ приведенныхъ пѣсняхъ. Кася потеряла свой вѣнокъ, его взялъ князь Михайло. Соблазнитель уѣхалъ. Кася—у матери, отъ которой не могло

---

[1]) Sitzungsberichte d. Wiener Akademie XX, 94 (Примѣч.).

[2]) Schriften, IV, 101—102. Ср. Herders, Stimmen der Völker № 7 (Wilhelm und Margreth).

[3]) Liebrecht, Zur Volkskunde, 175—176.

Digitized by Google

укрыться положеніе дочери. Мать—въ гнѣвѣ, она посылаетъ слугъ догнать Михайла, убить его. Что же дальше? Пѣсня молчитъ объ этомъ. Въ ней нѣтъ конца. Мы не знаемъ, какъ именно завершились отношенія Михайла и Каси, что сталось съ нимъ и съ нею, не знаемъ развязки Лунинской драмы.

Упоминаніе о погонѣ за соблазнителемъ напоминаемъ (какъ замѣчено уже гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ) особыя пѣсни на эту тему. Въ пѣсняхъ этихъ разсказывается, какъ мать узнаетъ, что ея дочь похищена; за дѣвушкой отправляются въ погоню ея братья; сестра отказывается вернуться домой [1]). Вотъ два несходныхъ пересказа этой пѣсни:

Пріѣхавъ Ивасенько съ Подôля,
Та прпсплпвъ коника до гôля;
Насунула чорна хмара съ Нôдгôря,
Ой прійшовъ вôнъ до Марусі въ подвôря:
„Ой пдъ менѣ, Марусенько, пдъ менѣ!
Привêзъ е'мъ ти срêбла, злота двѣ скрынѣ!"
— „По тихеньку, мôй миленькій, говори,
Щобъ не вчула моя мати съ коморы".
Ой учула стара мати съ коморы:
„Хто съ тобою, Марусенько, говори?"
— Съ кухарками, моя мати, говорю,
Высылаю по Дунаю по воду".
— „На що тобѣ Марусенько та вода?"
— Умытися, напитися, якъ треба.
— „Ой, маешь ты мêдъ, вино, напійся!
Ой маешь ты молоко, умыйся!
Маешь ты садъ вишневый, пройдися!
Ой маешь ты бѣле ложе, преспися!"
Матêнонька стара заснула, заснула,
Марусенька зъ Ивасенькомъ махнула.
Ой устала стара мати на зорѣ, на зорѣ:
„Не машь моей Марусеньки въ коморѣ!"
Ой устала стара мати раненько,

Та ишли Ляшки изъ Аршави,
На іхъ сині шаровари;
Вони й Катю й подмовляли:
Та ідь, Катю ідь изъ нами,
Ой ідь зъ нами Ляшеньками.
Та купимъ тобі два перстники,
Два перстники золотні,
Два жупани голубні,
Два коники воронні".
Та дурна Катя й послухала,
Зъ Ляшеньками й поіхала.
Та й ажъ приходить мати съ поля;
Не зостае дочки дома:
„Та сусідочки, голубочки,
Не бачили ві моеі дочки?
— Та ми бачили й ми видали,
Поіхала зъ Ляшеньками.
„Та сини жъ моі й дорогиі,
Сідлайте коні воронні,
Доженіть Катю зъ Ляшеньками".
Та якъ прибігли до Полтави,
Сидить Катя зъ двомя Ляшками:
— „Та здорова будь, сестро наша,
Де поділась твоя зъ лица краса?
Та два ляшки полюбила—
Зъ лиця красу залубила.
(Чуб. V, стр. 908).

[1]) Сходное содержаніе—въ повѣсти „объ убіеніи злочестиваго царя Батыя", занесенной въ житіе Михаила кн. Черниговскаго. (Объ этой повѣсти см. Ключевскій, Др.-русск. житія, 147, Халанскій, Великор. былины, стр. 111 сл.).

Digitized by Google

Заплакала по Маруси ревненько [1]):
„Ой сѣдайте, рôднії братя, на коні,
Доганяйте Марусеньку въ погонѣ!“
Ой дôгнали Марусеньку въ нôвъ бору:
— „Ой вертайся, Марусенько, до дому!“
— „Не на то я, мои братя, махнула,
Щобы я ся та изъ вами вернула,
Лишила 'мъ въ моêй мамцѣ признача чокъ —
У пивницѣ на кôлочку вѣночокъ.
Та возмѣте той вѣночекъ съ пивниці,
Повѣсьте го на кôлочокъ въ свѣтлицѣ;
Ой що моя стара мати погляне,
Ой то мене молоденьку спомяне:
„Ой десь, моя Марусенька детина,
Та що вона вь тимъ вѣночку ходила!
Десь то моя Марусенька въ чужинѣ,
Догаджае Ивасеви въ дружинѣ.
(Голов. I, 77—78).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ конецъ пѣсни передается такъ: братья, отыскавшіе сестру,

Що хотіли, те й зробили,
Да таки жъ поляченьківъ порубили,
Марусеньку исъ собою забрали
(Чуб. 909).

Или:

Сребро, золото—все забрали
И Ляшенька зарубили (ibid).

Иначе:

Гнали, гнали, не дôгнали.
Ажь у Львовѣ та й пôзнали:
Ходить Кася та въ рубочку,
Носить детя по рыночку.
„Помагай Бôгъ, сестро наша!
Десь подѣла свекра Яся?“—
— „Ой у дому за столикомъ,
Пье си вино зъ ремêсникомъ“.
— Помагай Бôгъ, ой ты, Ясю,
Десь ты подѣвъ сестру Касю?

---

[1]) Варіантъ: Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько.
(Голов. Ш, 1, стр. 17, ср. стр. 18).

Digitized by Google

— Якъ утяли по колѣна:
„Отъ тожъ, Ясю, намовлёня!“
Якъ утяли вижше паса:
„Отъ тожъ тобѣ, сестра наша! “
(Голов. I, стр. 85, ср. 86—87).

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить англійскую балладу о Черномъ Дугласѣ.—У лорда Дугласа похищена дочь Маргарита. Какъ и въ нашей пѣснѣ, мать первая узнаетъ объ этомъ и поднимаетъ тревогу. Въ погоню отправляются отецъ и братья похищенной. Бой. Дугласъ раненъ, сыновья его убиты. Раненъ и похититель. Онъ съ Маргаритой едва успѣваетъ добраться до своего дома, гдѣ его ждетъ мать. Лордъ Вильямъ умеръ отъ ранъ. Вскорѣ послѣ него умерла и Маргарита. На ея могилѣ выросла роза, на его—боярышникъ. Растенія склонялись одно къ другому и сплетались вѣтвями, такъ что каждый могъ узнать, что тутъ покоятся двое влюбленныхъ. Ѣхалъ мимо черный Дугласъ и вырвалъ боярышникъ [1]).

Близость пѣсни о кн. Михайлѣ и Касѣ къ пѣснямъ объ увезенной дѣвушкѣ—несомнѣнна. Сходство замѣчается и въ подробностяхъ содержанія, и въ изложеніи. Но это сходство не даетъ еще намъ права утверждать, что пинская пѣсня—испорченный варіантъ пѣсни о похищеніи. При всемъ сходствѣ пѣсни о кн. Михайлѣ съ пѣснями о похищеніи, есть между ними и существенная разница. Кася увлечена Михайломъ, но она имъ не похищена. Кася остается дома, она брошена любовникомъ; объ этомъ узнаетъ ея мать. Ясно, что интересъ пѣсни долженъ сосредоточиться на изображеніи того, что станется съ покинутой, какъ она перенесетъ разлуку и позоръ, какъ отзовется ея горе на судьбѣ ея любовника. Словомъ, положеніе Каси, какъ было уже замѣчено, ставитъ пинскую пѣсню въ ближайшую связь съ пѣснями о покинутой любовницѣ.

Это явленіе двойнаго параллелизма, наблюдаемое при сравненіи пѣсни о кн. Михайлѣ съ родственными ей памятниками народной поэзіи, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ пѣснѣ этой слиты двѣ темы (похищеніе и разлука), причемъ это слитіе не выгодно отразилось на составѣ пѣсни. Пинская пѣсня имѣетъ видъ какого-то обломка, потому что внесенныя въ нее темы плохо ладили одна съ другой, разнородныя подробности не сливались въ художественное цѣлое.

---

[1]) Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder german. Nationen v. Talvj, 565—567.

Digitized by Google

Перейдемъ ко второй изъ приведенныхъ выше пинскихъ пѣсенъ о кн. Михайлѣ. Въ томъ видѣ, какъ эта пѣсня записана Зенькевичемъ, она недостаточно ясна. Рѣчь идетъ о какой-то вдовѣ, «будующей дворъ». Она спрашиваетъ, кто въ этомъ дворѣ будетъ паномъ и панею, кто будетъ отцемъ ея дѣтямъ. Появляется кн. Михайло и заявляетъ, что онъ будетъ паномъ и отцемъ, а его жена—панею и матерью. Рисуется поэтическая картина безъ движенія, безъ опредѣленной завязки и развязки,—явленіе довольно необычное въ области народнаго эпоса. Что за отношенія у кн. Михайла къ этой женщинѣ, строющей домъ? Какой смыслъ имѣютъ его слова:

А моя жинка панею буде
Твоимъ діеткам маткою буде.

Въ пѣснѣ мѣстомъ дѣйствія представляется «село Лунінское», которое упоминается и въ другой, знакомой уже намъ, пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Это сходство имени лица и названія мѣстности даетъ основаніе предположить, что и упоминаемая въ пѣснѣ женщина есть та же самая Кася, которую любилъ и покинулъ кн. Михайло.

Вступительная часть пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ напоминаетъ пѣсни о вдовѣ, увлеченной захожими людьми. Такова именно моравская пѣсня:

Nematka.

Při jednej dolině
Vètr profukuje,
Při druhej dolině
Snížek poletuje.
Při třetí dolině
Vdova dům buduje,
Vdova dům buduje.
Kolem ho cifruje.
Jedú Turci, jedú,
Před domem stanuli,
Před domem stanuli,
Na vdovu volali:
Vdovo, milá vdovo,
Zanech budování,
Zanech budování,
A povandruj s nami.
Pane, milý pane,
Já bych vandrovala,
Kambych děla ditky,
Ubohé sirotky?

Турки (въ варіантахъ: «tři pěkní mládenci», или «Janek, z Po-

Digitized by Google

dola furmanek») отвѣчаютъ, что старшихъ дѣтей она можетъ оставить на родинѣ, а маленькое дитя пусть возьметъ съ собой. Дорогой ребенокъ расплакался.

Vdovo, milá vdovo,
S dėtma sem t'a nebral,
Než sem t'a bral samu
Za svú věrnú ženu.
Vdovo ne meškala
Březu ohýbala,
Vintušku vázala,
Syna do ní klala.

Но она не вынесла разлуки съ дѣтьми:

A dyž už zajeli
Za hory daleko,
Tepr v milú vdovu
Bolelo srdečko.
Bolelo, bolelo
Nad détma jejíma,
Srdečko v ní puklo
Nad dėtma drobnýma.

По другому пересказу, мать убита похитителями:

Dy's ty chtėla dítė lítovati,
Nemėla's s námi jíti.
Hned Marušku mezi sebe vzali,
Na kusy roztrhali. [1])

Моравская пѣсня—эпическая сосѣдка такого рода произведеній народнаго творчества, какъ приведенныя выше пѣсни о дѣвушкѣ, увлеченной захожими людьми, а эти пѣсни имѣютъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя родственныя черты съ первой изъ пинскихъ пѣсенъ о кн. Михайлѣ. Особенностью моравской пѣсни, напоминающею вступительную картину второй пинской пѣсни, является то, что увлекаемой представляется вдова, имѣющая дѣтей, Разсказы, слѣдующіе за вступленіемъ въ моравской и пинской (Б) пѣсняхъ, не имѣютъ однако сходство.

Нѣкоторыя выраженія нашей пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ повторяются въ малорусской пѣснѣ такого содержанія: бѣдная вдова горюетъ и причитаетъ:

„Ой якъ мені жити, ой якъ горювати,
Якъ мені свої дітки тай нагодувати?“
Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:

---

[1]) Sušil, Moravské písnė, 139—141, № 144.

Не журися, бідная вдова
Я твойму добру хозяінъ буду,
Я твоимъ діткамъ батенькомъ буду.

Оказывается однако, что слова эти нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ:

Я твою худобу попропиваю,
Я твоі дітоньки порозганяю,—

говоритъ козакъ [1]). Вдова отвѣчаетъ:

Ламли калиноньку, ламли еі й вітки,
Любишь удівоньку, люби еі й дітки.
(Чуб., V, стр. 821—822).

Послѣднія слова болѣе умѣстно приводятся въ другой малорусской пѣснѣ: молодой козакъ полюбилъ дивчину, но не могъ на ней жениться: ее выдали за другого; позже онъ встрѣчается съ ней, уже вдовой:

„Калиноньку ломлю, ломлю,
А ви, віти, одхилитеся;
Удівоньку люблю, люблю,
А ви, діти, розійдітеся!"
— Коли ломишь калиноньку,
То ломай іі віти,
Коли любишь удівоньку,
То люби іі діти. (Чуб. стр. V, 822—823, № 391).

Пѣсня о встрѣчѣ кн. Михайла съ какой-то вдовой, имѣющая нѣкоторое сходство съ указанными пѣснями, отличается отъ нихъ важной, существенной подробностью: князь Михайло, разговаривающій съ вдовой, женатъ:

А моя жинка панею буде,
Твоім діткам маткою буде.

Дѣйствіе пѣсни, очевидно, должно было развиваться иначе, чѣмъ въ пѣсняхъ о вдовѣ, выходящей замужъ.

Въ малорусскихъ пересказахъ пѣсни о возвращающемся мужѣ, женщина, томящаяся ожиданіемъ, называется вдовой:

Край города, край села
Проживае удова.

Къ ней заходитъ козакъ и проситъ пріюта. «Вдова» говоритъ:

Молоденький козаченько,
Боюсь поговору...

Оказывается потомъ, что захожій козакъ—вернувшійся, но не

[1]) Сходна бѣлорусская пѣсня въ сборникѣ Шейна (Матеріалы.... I, 1. стр. 415, № 506).

Digitized by Google

узнанный мужъ. (Чуб. V, стр. 815). Такое же наименованіе женщины, находящейся въ разлукѣ съ ея возлюбленнымъ, встрѣчаемъ въ другой малорусской пѣснѣ:

„Ой удово, вдово, удово—небого,
Ой якъ ти живешъ на чужині,
Що ворогівъ много?“

Женщина, называемая вдовой, говоритъ:

„Ой повіи, вітроньку, зъ яру на гору,
Прибудь, прибудь, мій миленький, зъ Дону до дому.
Вітеръ повівае, хмару розганяе,
А мій милий прибувае, славу покривае.
(Ibid. 813—814).

Подобнымъ же образомъ и женщина, упоминаемая въ пинской пѣснѣ Б, могла быть названа вдовой по тому только, что ей пришлось жить въ разлукѣ съ отцемъ ея дѣтей. Допустивъ это, мы устраняемъ препятствіе для сближеніе второй пинской пѣсни съ первой. Изъ пѣсни А мы узнаемъ, что въ селѣ Лунинскомъ осталась покинутая княземъ Михайломъ его полюбовница Кася; пѣсня Б разсказываетъ, что, проѣзжая черезъ то же село Лунинское, кн. Михайло, успѣвшій уже жениться, встрѣчается съ женщиной, положеніемъ которой онъ имѣетъ какое-то основаніе интересоваться. Мы подходимъ такимъ образомъ къ знакомой намъ темѣ пѣсенъ о покинутой любовницѣ, встрѣчающейся съ своимъ невѣрнымъ другомъ послѣ его женитьбы. Съ вѣроятностью можнѣ предположить, что и окончаніе пинской пѣсни должно было быть сходно съ приведенными выше балладами. Рѣчи кн. Михайла о покровительствѣ, которое онъ обѣщаетъ «вдовѣ» и отъ себя и отъ своей жены, должны были звучать для Каси, какъ горькое оскорбленіе и злая насмѣшка. Она не перенесла обиды. Обидчикъ, въ порывѣ поздняго раскаянія, «пронзаетъ свое ретиво сердце», какъ говорится въ великорусской пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Таковъ былъ, вѣроятно, конецъ разсмотрѣнной нами пинской пѣсни, распавшейся на два эпическихъ обломка, въ которыхъ затерялся смыслъ первоначальнаго цѣлаго.

Выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше сопоставленій и параллелей получается такой: сѣверно-русскія и западно-русскія пѣсни о кн. Михайлѣ имѣютъ нѣкоторыя общія, родственныя черты, позволяющія утверждать, что пѣсни эти стоятъ въ генеалогической связи, представляютъ развѣтвленія одного и того же первоначальнаго сказанія. Составъ этого сказанія извѣстенъ намъ въ двухъ изводахъ: а) смерть женщины, на время оставленной мужемъ; б) смерть жен-

Digitized by Google

щины, покинутой ея любовникомъ. Сѣверно-русская пѣсня передаетъ разсказъ перваго извода; изученіе пинскихъ пѣсенъ обнаруживаетъ ихъ близость къ разсказу втораго извода — къ пѣснямъ о покинутой полюбовницѣ.

Но что же слѣдуетъ сказать о тѣхъ подробностяхъ пинскихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ разсказы о дѣвушкѣ или вдовѣ, увлекающейся захожими людьми? Эти подробности настойчиво повторяются въ пинскихъ пересказахъ: для пересказа А отыскиваются параллели въ пѣсняхъ о погонѣ за бѣглянкой ея родныхъ; пересказъ Б въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ сходенъ съ моравской пѣснью о вдовѣ, выходящей за мужъ на чужбину. Можно, конечно, предположить, что эти подробности позже примѣшались къ пѣснѣ о кн. Михаилѣ, имѣвшей первоначально такое содержаніе, которое указано выше. Но не устраняется возможность и другого, противоположнаго предположенія: пѣсня о кн. Михаилѣ въ ея первоначальномъ видѣ могла принадлежать къ ряду пѣсенъ о женщинѣ, увозимой на чужую сторону; позже, путемъ эпической ассимиляціи, пѣсня сблизилась съ разсказами совершенно иного содержанія, подъ вліяніемъ которыхъ измѣнился самый составъ памятника. Въ этомъ измѣненномъ видѣ получилась пѣсня, похожая по содержанію на побывальщины о брошенной и умирающей любовницѣ. Въ области великорусскаго эпоса преобразованная пѣсня подверглась новому измѣненію: пѣсня о смерти покинутой любовницы перестроилась по типу родственныхъ ей пѣсенъ о смерти женщины, на время оставленной мужемъ. Какое изъ этихъ двухъ предположеній представляется болѣе основательнымъ, какому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

Нѣкоторый, конечно только вѣроятный, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать разсмотрѣніе исторической стороны пѣсенъ о кн. Михайлѣ. Это имя: «князь Михайло», повторяющееся и въ сѣверно-русскихъ и въ западно-русскихъ пересказахъ, не можетъ быть случайнымъ. Безспорно, это имя историческое.

III.

О слѣдахъ историческихъ воспоминаній въ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ гг. Антоновичъ и Драгомановъ говорятъ слѣдующее: «мы рѣшаемся видѣть въ этихъ двухъ пѣсняхъ память о какомъ-то частномъ и мѣстномъ событіи, такъ какъ въ двухъ варьянтахъ названо не только одно имя, но и одно мѣсто и притомъ послѣднее съ

Digitized by Google

характеристическимъ прозваніемъ. — Похожденія князя Михайла происходятъ въ «боярскомъ селѣ», или мѣстечкѣ Лунинскомъ, т. е. въ ту эпоху, когда низшіе слои боярщины, населяя цѣлыя села, превратились въ свободное, но малоземельное, сословіе хлѣбопашцевъ, болѣе сближавшееся съ крестьянскимъ (также свободнымъ, но по большей части безземельнымъ), чѣмъ съ рыцарскимъ сословіемъ, т. е. въ XV или XVI столѣтіи. Самое названіе—село Лунное есть названіе географическое: село это существуетъ въ Гродненской губерніи и принадлежало къ леннымъ владѣніямъ князей Сопиговъ (Сапѣговъ). Вѣроятно, князь Михайло — одинъ изъ членовъ этого рода. Въ 1583 г. Лунное село находилось во владѣніи князя Льва Михайловича Сопѣги» (Стр. 58).

Замѣчаніе это вызываетъ возраженіе со стороны географическаго опредѣленія «села Лунинскаго». Село это упоминается въ пинскихъ пересказахъ. Едва ли есть надобность отыскивать это село въ Гродненской губерніи [1]), если подобное же, вполнѣ совпадающее съ пѣсеннымъ, мѣстное наименованіе встрѣчаемъ въ предѣлахъ Пинскаго же уѣзда. Въ «Историко-статистическомъ описаніи девяти уѣздовъ Минской губерніи» въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Пинскаго уѣзда значится между прочимъ мѣстечко Лунинъ (въ 38 верстахъ отъ Пинска) [2]). Г. Зеленскій въ описаніи Минской губерніи сообщаетъ, что Лунинъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «застѣнковъ», при чемъ это названіе объясняется такъ: «Застѣнки составляютъ особенность сѣверо-западныхъ губерній. Отличительная черта ихъ, равно какъ и околицъ, заключается въ томъ, что всѣ они заселены или шляхтою, пользующеюся и теперь правами дворянства, или однодворцами, т. е. людьми, потерявшими дворянство по неимѣнію на то доказательствъ» [3]). Такое значеніе застѣнка объясняетъ выраженія пѣсенъ:

Через село Лунінскее,
Черезъ місто боярскее (А)
или:
В тее село Лунінскее
В тее місто боярскее (Б)

---

[1]) При томъ же названіе Гродненскаго села не совпадаетъ вполнѣ съ пѣсеннымъ: Лунное, по Геогр. Словарю Семенова-Лунна (т. III, s. v.)

[2]) Труды Минскаго губ. статист. комит. 1870 г.

[3]) Матеріалы для геогр. и статистики Россіи. Минская губернія (Спб. 1864) ч. II, стр. 662. Лунинъ отнесенъ здѣсь по ошибкѣ къ Игуменскому уѣзду; въ спискѣ населенныхъ мѣстъ этого уѣзда (Труды статист. комит.) такого мѣстечка не значится.

Digitized by Google

Зенькевичъ въ примѣчаніи къ этимъ пѣснямъ говоритъ; Łunin-wieś kśiążat Hieronimów Druckich-Lubeckich [1]). Друцкіе-Любецкіе—потомки владѣтельныхъ князей Друтскихъ [2]). Поэтому съ вѣроятностью можемъ догадываться, что разсказъ о событіи, мѣстомъ дѣйствія котораго представляется «село Лунинское», а дѣйствующимъ лицемъ—князь Михайло, всего скорѣе могъ быть связанъ съ воспоминаніями, имѣющими отношеніе къ какому либо лицу изъ рода именно Друтскихъ князей. Въ русскихъ памятникахъ нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій о родословіи Друтскихъ князей. Карамзинъ только догадывается, что «князья Друцкіе должны быть потомки древнихъ владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ» [3]). Польскіе генеалогисты утверждаютъ, что Друцкіе ведутъ свой родъ отъ князя Михаила Романовича, одного изъ сыновей знаменитаго Романа Галицкаго. У этого Михаила былъ сынъ Семенъ, у Семена—Димитрій и т. п. [4]). Что родословная эта не безупречна, ясно само собой. У Романа Мстиславича не было сына Михайла. Въ усыновленіи родоначальника Друцкихъ Галицкому князю сказалась только обычная слабость генеалогистовъ, желавшихъ связать начало того или другого рода съ какимъ-нибудь крупнымъ историческимъ именемъ. Но на основаніи этой ошибки мы едва ли въ правѣ признать указанный перечень Друтскихъ князей лишеннымъ всякой исторической достовѣрности [5]), ибо трудно допустить, чтобы въ княжескомъ родѣ, принадлежавшемъ къ числу владѣтельныхъ князей—Рюриковичей, не сохранялось воспоминаній о предкахъ, неизвѣстно

---

[1]) Piosenki.... стр. 157. Ср. того же Зенькевича O uroczyskach i zwyczajach ludu pińskiego, стр. 8—9: „Łunin na północo-wschód od Pinska, leży o mil 7 drogą zimową, a o 10 letnią“.

[2]) Друтскъ (Дрьютьскъ, Дрюцкъ)—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ; первое лѣтописное упоминаніе о немъ относится къ 1092 году. Теперь Друцкъ—мѣстечко Могилевской губ. и уѣзда, въ 65 верстахъ отъ города. (см. Геогр. Словарь Семенова, т. II. Опытъ описанія Могилевской губ. Дембовецкаго, кн. 2, 37—38).

[3]) Ист. гос. росс. IV, пр. 317. Въ родословныхъ нашихъ извѣстія о кн. Друцкихъ—очень позднія: „Князь Василей, да князь Богданъ, да Андрей Димитріевичи, а Димитрій Друцкой Юрьевичъ; Друцкіе пріѣхали изъ Литвы служити къ великому князю Василью Ивановичу всея Руси“ (Временникъ Общ. ист. и др. р. кн. X. стр. 198).

[4]) Herbarz Polski K. Niesieckiego wyd. przez J. N. Bobrowicza, III, 409.

[5]) Князь Друтскій Семенъ Михайловичъ упоминается у Стрыйковскаго (Kronika.... изд. 1846 г., t. I, 249, ср. 251, гдѣ упоминается кн. Димитрій Друтскій).

Digitized by Google

было даже имя родоначальника. Помнили, конечно, что старѣйшимъ Друтскимъ княземъ былъ Михаилъ Романовичъ; но генеалогическое положеніе этого князя въ ряду другихъ Рюриковичей могло быть забыто: свѣдѣнія объ этомъ выходили за предѣлы фамильныхъ и мѣстныхъ воспоминаній. Названіе Михаила Ромавовича Друтскаго сыномъ Романа Галицкаго—плодъ неудачнаго соображенія генеалогиста; оно не лишено значенія только какъ указаніе на эпоху, къ которой пріурочивалось время жизни перваго Друтскаго князя. Среди русскихъ князей XIII вѣка, современныхъ дѣтямъ Романа Мстиславича (Даніилъ † 1266; Василько † 1269), извѣстенъ одинъ только князь, носившій имя Михаила Романовича, именно Михаилъ, сынъ Романа князя Брянскаго [1]). Не былъ ли родоначальникомъ князей Друтскихъ этотъ именно Михаилъ Романовичъ?...

Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: 1) князья Брянскіе (Дебрянскіе) принадлежали, по всей вѣроятности, къ роду Смоленскихъ князей (Ростиславичей). Первый Брянскій князь, о которомъ сохранились извѣстія,—только что названный нами князь Романъ. Лѣтописи упоминаютъ: а) о нѣсколькихъ походахъ этого князя противъ Литвы (въ 1263, 1264, 1275 г. [2]), б) о бракѣ дочери Романа съ Волынскимъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ (1263) [3]) и в) о попыткѣ Брянскаго князя овладѣть Смоленскомъ (1285) [4]). По родословнымъ, Романъ былъ сынъ извѣстнаго Михаила Всеволодовича Черниговскаго (убитаго въ ордѣ и признаннаго святымъ): «А у великаго князя Михаила Всеволодовича у Кіевскаго и у Черниговскаго было 5 сыновъ... другой сынъ его кн. (Романъ) былъ послѣ отца своего на княженіи на Черниговѣ и на Брянскѣ, и отъ него пошли Осовецкіе князи, а убилъ его царь во ордѣ» [5]). Соловьевъ не рѣшается принять это извѣстіе, хотя и не отвергаетъ его прямо. Въ одномъ изъ примѣчаній (344) къ третьему тому «Исторіи Россіи» читаемъ: «Романъ Брянскій считается сыномъ Михаиловымъ». Въ текстъ исторіи (стр. 237) это извѣстіе не внесено; нѣтъ имени Романа и въ родословной таблицѣ князей Черниговскихъ, приложенный къ 3 тому (№ III, 3). Далѣе, подъ

---

[1]) Нужно прибавить, что и между всѣми русскими князьями извѣстенъ, кажется, одинъ только Михаилъ Романовичъ, а именно упомянутый сынъ Брянскаго князя. (См. Указатель Строева къ исторіи Карамзина).

[2]) П. Собр. р. лѣтопис. Т. II, 201, 202, 205—206.

[3]) Ibid. 202.

[4]) Лѣт. по Лавр. сп. 459.

[5]) Временникъ Общ. ист. и др. росс. X. 68.

Digitized by Google

1309 годомъ въ Никоновской лѣтописи помѣщена такая замѣтка: «того же лѣта князь Святославъ Глѣбовичъ выгна братанича своего князя Василія изъ Брянска, и самъ сяде на княжени во Брянске; того же лѣта князь Василеи Брянскии иде во орду ко царю жаловатися на дядю своего на князя Святослава Глѣбовича» (ч. Ш, стр. 106). По поводу этой замѣтки Карамзинъ говоритъ: «Въ Волынск. лѣт. упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегѣ и Михаилѣ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Романовымъ, вопреки Никонов. Лѣтописцу, который не отличилъ Святослава Глѣбовича Можайскаго, плѣненнаго Георгіемъ Московскимъ, отъ Святослава Брянскаго» (И. Г. Р. т. IV, прим: 242). Иначе смотритъ на дѣло Соловьевъ: «Никонов. списокъ считаетъ Василія Брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, дядю его, Святослава, Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ Можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юріемъ Московскимъ; Карамзинъ, обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшеніи разныхъ князей, говоритъ, что Василій могъ быть внукомъ... Брянскаго князя Романа. Димитрій Брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, слѣдовательно братомъ Василія» (Ш, прим. 430). Замѣчаніе Карамзина о Святославѣ Глѣбовичѣ справедливо названо голословнымъ, но соображеніе самого Соловьева объ Александровичахъ Брянскихъ едва-ли основательно: а) Никон. лѣт. не называетъ отчества Брянскаго князя Василія, хотя изъ другого мѣста той же лѣтописи мы и узнаемъ, что у Александра Глѣбовича было два сына Василій и Иванъ (Ш, 108); б) относительно извѣстія родословной книги («пришелъ изъ Смоленска князь Александръ Глѣбовичъ; у него три сына: Дмитрей, Володимеръ, Иванъ; Дмитрей да Володимеръ были воеводы у вел. кн. Дмитрея на Дону») находимъ замѣчаніе у Карамзина, съ которымъ въ этомъ случаѣ трудно не согласиться: «Сіи Александровичи, вышедшіе въ Москву съ отцемъ около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго смоленскаго князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году». (IV, прим. 315). Строевъ въ Указателѣ къ Исторіи Госуд. Росс. отожествляетъ Димитрія Брянскаго съ Димитріемъ Романовичемъ Смоленскимъ, ходившимъ въ 1311 году въ Финляндію съ дружинами новгородскими [1]). Если это вѣрно, то нельзя ли и Василья, предполагаемаго брата Димитрія, считать сыномъ не Александра, а Романа Глѣбовича? Указаніе Ни-

---

[1]) Карамзинъ, IV, прим. 214; Соловьевъ, Ш, стр. 283.

Digitized by Google

кон. лѣт. о Святославѣ Глѣбовичѣ, боровшемся съ Брянскимъ племянникомъ Васильемъ, осталось бы при этомъ сохраняющимъ свою силу. О Романѣ Глѣбовичѣ мы имѣемъ извѣстіе лѣтописи подъ 1300 годомъ: «Того же лѣта Олександръ Глѣбовичъ ис Смоленьска приводилъ рать къ Дорогобужю, и оступъ городъ воду отъялъ; Андрѣй Вяземьскый князь приде с Вяземци и поможе Дорогобужьцемъ, и убиша у Олександра сына, а самого Олександра ранили князя, и брата его Романа, а Смолнянъ убили 200 человѣкъ, и Олександръ взвратися всвояси» [1]). Нельзя ли допустить, что этотъ Романъ Глѣбовичъ и упомянутый выше князь Брянскій Романъ—одно и то-же лицо? При такой догадкѣ установилась бы такая преемственность Брянскихъ князей: Романъ Глѣбовичъ, сынъ его Василій, братъ Василья—Димитрій. Можно, пожалуй, замѣтить, что Романъ Брянскій еще въ 1263 выдавалъ замужъ дочь, а потому едва ли въ 1300 году, т. е. спустя 37 лѣтъ, могъ принимать участіе въ походѣ, Но замѣчаніе это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: намъ извѣстенъ ранній, даже дѣтскій возрастъ, въ которомъ заключались въ ту пору браки у нашихъ князей [2]).

2) Каково бы ни было родословіе Брянскихъ князей, несомнѣнно, что Брянскъ и Смоленскъ и князья этихъ городовъ находились въ живыхъ, постоянныхъ отношеніяхъ: исторія Брянска примыкаетъ къ исторіи Смоленска. Въ 1309 г., Святославъ кн. Смоленскій, какъ мы видѣли, борется съ своимъ племянникомъ изъ-за Брянска. Въ 1340 г. сидѣлъ въ Брянскѣ кн. Глѣбъ Святославичъ [3]), сынъ только что названнаго Смоленскаго князя. Брянскіе князья пытаются, съ своей стороны, утвердиться въ Смоленскѣ: въ 1285 г.—Романъ, въ 1333 г.—Димитрій [4]). Въ грамотѣ отъ епископа рижскаго къ смоленскому великому князю Ѳеодору (1281—1297) упоминается Брянскій князь, называемый при этомъ «намѣстникомъ великаго князя»[5]).

3) Извѣстно, что еще «въ началѣ XIII в. Полоцкое княжество было въ зависимости отъ Смоленска или въ какой-то связи съ нимъ» [6]). Въ упомянутой выше грамотѣ Рижскаго епископа конца

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 461.

[2]) „Женили князья сыновей своихъ вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ; дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ“ (Соловьевъ, III, 8).

[3]) Соловьевъ, III. 309.

[4]) Ibid.

[5]) Русско-ливонскіе акты, № XXXIV.

[6]) Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 181.

Digitized by Google

XIII вѣка говорится, что Витьбляне жаловались на Рижанъ предъ Брянскимъ княземъ, намѣстникомъ вел. князя Смоленскаго. Видимъ, такимъ образомъ, что Полоцкія волости и въ это время находились въ зависимости отъ Смоленскихъ князей. При такихъ отношеніяхъ Полоцка къ Смоленскому нѣтъ ничего удивительнаго, что вѣтвь Брянскихъ князей, родственныя и политическія отношенія которыхъ переплетаются съ исторіей Смоленскихъ князей, могла утвердиться въ одномъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества — Друтскѣ [1]). Мы возвращаемся такимъ образомъ къ сдѣланному выше предположенію, что родоначальникомъ князей Друцкихъ могъ быть Михаилъ Романовичъ, сынъ Брянскаго князя Романа.

Объ этомъ кн. Михаилѣ Романовичѣ въ лѣтописи сохранилось такое извѣстіе: «бысть свадба у Романа князя у Бряньского, и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И въ то веремя рать приде Литовьская на Романа; онъ же бися съ ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть и не мало бо показа мужьство свое, и пріѣха во Брянескъ съ побѣдою и честью великою и не мня раненъ на тѣлеси своемъ за радость; и отда дочерь свою: бѣахуть бо у него иныѣ три, а се четвертая; сія же бяшеть ему всихъ милѣе, и посла съ нею сына своего старѣйшего Михаила и бояръ много» [2]).

Выраженія, въ которыхъ записано это извѣстіе, указываютъ, что свадьба княжны Ольги, любимой дочери ея отца Романа, свадьба, совпавшая съ побѣдой Романа надъ Литвой, осталась памятнымъ событіемъ въ семьѣ Брянскихъ князей. Могла явиться и пѣсня о томъ, какъ юная княжна отвезена была на чужую сторону ея братомъ княземъ Михайломъ.

Извѣстны свадебные обряды и пѣсни съ ясно выраженными воспоминаніями объ умыканіи невѣстъ. Въ пѣсняхъ этого рода говорится о насильникѣ, захватывающемъ дѣвушку; невѣста обращается

---

[1]) Удѣлы въ предѣлахъ Полоцкаго княжества: Изяславль, Логожскъ, Стрѣжевъ, Друтскъ, Минскъ. (Погодинъ, Изслѣдованія и замѣтки, т. V, 303). Были, конечно, въ Друтскѣ князья и прежде предполагаемаго утвержденія въ немъ вѣтви Смоленскихъ князей. Въ концѣ XII вѣка (подъ 6703—1195 г) упоминается въ лѣтописи Друтскій князь Борисъ (П. Собр. р. лѣт. II, 147), котораго считаютъ сыномъ Полоцкаго князя Давида Всеславича (Указ. къ лѣт. I, 65).

[2]) П. Собр. лѣт. II, 202.

Digitized by Google

къ брату съ просьбой защитить ее отъ чужаго человѣка, не выдавать ее:

Родимый ты, братецъ мой!
Ты подп-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было пройти, ни проѣхати!

Или:

Ахъ, ты, братецъ, голубчикъ мой!..
Не оставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонушкѣ,
У чужова отца, матери,
У чужова роду-племени!

Предполагаемая пѣсня объ Ольгѣ Романовнѣ сложена была, конечно, по типу обрядовыхъ брачныхъ пѣсенъ съ особенностями и дополненіями, которыя подсказывались обстоятельствами дѣла. Въ пѣснѣ говорилось о разлукѣ княжны съ отцемъ, который любилъ ее больше другихъ дѣтей, говорилось и о кн. Михаилѣ, который сталъ не защитникомъ, а разлучникомъ сестры, который взялся отвезти ее на чужую сторону. Быть можетъ, брату разлучнику давалась въ пѣснѣ особенно важная, главная роль.

Пѣсня, связанная съ именемъ Михаила Романовича, сохранялась, вѣроятно, среди лицъ, близкихъ къ нему и къ его потомкамъ, князьямъ Друтскимъ, но по занимательности ли содержанія, или по достоинствамъ изложенія пѣсня эта могла найти и болѣе широкое распространеніе. При этомъ пѣсня о были XIII вѣка не избѣжала, конечно, общей участи памятниковъ устной поэзіи. — перерожденія, обусловливаемаго вліяніемъ литературной аналогіи.

Предполагаемое содержаніе древней пѣсни о Михаилѣ Романовичѣ и наблюденіе надъ составомъ сохранившихся пѣсенъ о князѣ Михаилѣ позволяютъ свести литературную исторію этихъ эпическихъ памятниковъ къ слѣдующимъ пунктамъ:

* 1) Слагается обрядово-историческая пѣсня такого содержанія: молодая княжна разлучается съ родной семьей: ее берутъ заѣзжіе люди, отвозятъ на чужую сторону; съ дѣвушкой отправляется ея братъ, кн. Михайло; вмѣсто того, чтобы защищать сестру отъ «чужанина», онъ оставляетъ ее у этого чужанина — Волынскаго князя который облюбилъ Ольгу, назвалъ ее своей.

* 2) Утративъ, со временемъ, историко-бытовую опредѣленность,

Digitized by Google

пѣсня эта сближается съ рядомъ пѣсенъ о похищаемыхъ, увлекающихся красавицахъ: дѣвушка увозится на чужбину; за нею отправляются ея братъ или братья; но возвращаются они домой одни: дѣвушка привязалась къ похитителю, полюбила его. Имя кн. Михайла, какъ имя главнаго дѣйствующаго лица первоначальной пѣсни, могло удержаться и здѣсь, но оно перемѣстилось съ измѣнившимся содержаніемъ пѣсни: князь Михайло—похититель.

3) Пѣсня объ увезенной красавицѣ смѣшивается съ пѣснями объ увлеченной и покинутой дѣвушкѣ. Слѣды этого смѣшенія видны еще въ сохранившихся пинскихъ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ.

4) Составъ пѣсенъ о покинутой любовницѣ имѣетъ ближайшее родство съ пѣснями о женщинѣ, оставленной мужемъ и умирающей во время его отлучки. Великорусская былина о кн. Михайлѣ—одинъ изъ пересказовъ такой именно пѣсни объ умершей женѣ. Историческимъ остается, такимъ образомъ, въ былинѣ только имя дѣйствующаго лица; то, что разсказывается объ этомъ лицѣ,—представляетъ повтореніе странствующей баллады, въ которой мы можемъ отыскивать отраженіе бытовой, но не былевой дѣйствительности.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

I.

Сказаніе о Вавилонѣ градѣ.

(По рукописи проф. М. Ив. Соколова, № 143) [1].

Сказаніе царя Лѣвуя, нареченнаго во святомъ крещеніи Василия, о Вавилонѣ градѣ и о великомъ зміи, что вькругъ града лежитъ, и какъ посылалъ царь великіи въ Вавилонъ градъ, чрезъ того великаго змія, чрезъ градовую стѣну трехъ человѣкъ проповѣдати въ царство святыхъ тріехъ отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и въ царскихъ палатахъ, и вся тамо видѣти, и каково и что есть.

Бысть у царя Новходоносора младъ юноша отъ великаго роду, и помниша во умѣ своемъ с младаго своего ума сотворити змія великаго и страшнаго. И собра со всего града Вавилона младыхъ юношеи, и устави у нихъ урядники, кому нарежать, чтобы ему удѣлати того великаго змія около всего Вавилона града. И начаша глину копати и основаша того великаго змія, и уставиша челюсти зміевы у вратъ градныхъ, а хоботъ приведоша къ тѣмъ же вратомъ. И какъ уже здѣлати того змія великаго и украсиша его различными цвѣты и прописавше на немъ травы различныя. И увѣдавъ Новходоносоръ царь радъ бысть велми тому сотворенному змію великому, и поидоша съ царицею своею видѣти того змія великаго. Царица же видѣвши змія того великаго, и возрадовася радостію великою зѣло, и рече царица Новходоносору царю, да повелитъ ей украсити жемчюгомъ и златомъ і сребромъ и каменіемъ многоцѣннымъ. Царь же положи на волю ей. Царица украсивши змія того великаго, царь же пророчествова, и рече царице своей: наше бо все будетъ подножіе змія того. Змию же тому стоящу два лѣта на мѣстѣ томъ около всего града Вавилона и не бысть отъ него зла ничего

---

[1]) Ср. выше стр. 22, примѣч. 5.

Digitized by Google

опричь того, что царю и царице потѣха на всякъ день, такоже и младымъ юношамъ видѣти велми потѣшно. На третіе же лѣто[1]) вложи діаволъ въ того змія дыханіе, и сталъ живъ, и нача движатися и рыкати, аки ехидна, і аки левъ страшный и нача съедати на день по единому крылатому, сиречь по птице. И повѣдаша о томъ Новходоносору царю, халдѣи начаша пророчествовати о томъ зміи великомъ. Новходоносоръ же царь и царица нача мыслити, какъ бы того змія ізвести. Халдѣи же рекоша царю Навходоносору: «Царь, уже во градѣ змій крылатыхъ птицъ всѣхъ поядаетъ, ничего не осталось, и вамъ будетъ тоже, тебѣ, царю, и царице твоей, и ни единаго человѣка не останется въ Вавилонѣ градѣ отъ того змія великаго, и петелъ не воспоетъ и пси не пролаютъ». Новходоносоръ же царь разгнѣвася на халдѣянъ, и повелѣ ихъ всадити въ темницу и заклепати. Змій же великій во градѣ снѣдаше волы и всякое животное, и все збыстся халдѣйское пророчество: не птицъ, ни всякаго скота четвероногаго, ничего неосталось во градѣ, и учалъ зміи великіи во градѣ Вавилонѣ все поядать. И потомъ повѣдаша Новходоносору царю, царь же велми печаленъ бысть, и повелѣ халдѣевъ истемницы выпустить. Зміюже тому велми рыкающу, а малѣйшия же зміи около того великаго змія множество же, и какъ змій великіи тронется с мѣста своего, и ложе его, сиречь мѣсто, полно младыхъ зміевъ и жабъ, и скорпѣевъ. Великіи же зміи Вавилонъ градъ кругомъ весь охватилъ хобототомъ своимъ и нача поядать людеи: которыи человѣкъ поидетъ ко вратамъ градным, тутъ ему и смерть, а малые зміи ползающе во градѣ и поядающе младенцы. Царь же и царица, видѣвше во градѣ уже зміи великіи всѣхъ людей пояде, токмо онъ единъ с царицею и з боляры, зѣло плакаше і совѣтоваше с боляры, глаголюще: «змій великіи поядаетъ, а намъ что будетъ?». По малѣм же времени и бояръ всѣхъ пояде, токмо остася царь и царица. И пришедши дни уреченному, и нача зміи великіи рыкати; царь же съ царицею нача между себе помышляти, како избыти имъ отъ того змія великаго, во врата проити градныя, и нача жребіи метати, кому из нихъ прежде ити ко вратомъ граднымъ на съеденіе змію тому великому, и падѣ жребіи царице итти. Царица же зелне плачющися и горко рыдающи, и простися съ царемъ своимъ поиде во врата ко змію великому, змійже принялъ ея въ челюсти свои, и сниде ея. Царь печаленъ велми, и снятъ зъ главы своея царьскіи свои вѣнецъ и положи въ полатѣ царскои и у гроба святыхъ трехъ отрокъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и плачася горко, припадая ко

[1]) Въ рукоп. „лѣло“,

Digitized by Google

святымъ и прощаяся и пойде ко вратомъ граднымъ и не смѣяше того пройти. Змій той великіи, услышавъ царя стояща у вратъ, веемъ его въ челюсти и снѣде. И отъ того времени градъ бысть пустъ и не бысть в немъ людеи никого и всякого животнаго, и порастѣ лѣсомъ и быліемъ великимъ, токмо во градѣ Вавилонѣ великіи зміи и зміи малыя, и жабы и скорпіи многіи.

Царь же Лѣвъ, а нареченъныи во святомъ крещеніи Василіи, посла въ великіи во градъ Вавилонъ испытати и взяти въ церкви святыхъ тріехъ отрокъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и въ царскихъ полатахъ потребная. Первое послалъ тріехъ человѣкъ, христіянскаго роду дарситскаго, да греченина; тіи же люди рекоша: «царю Василіе, не подобаетъ намъ быти, но пошли царю иныхъ людей, из грекъ греченина, из бѣжъ бѣженина, из руси русянина». Царь же посла ихъ, якоже хотяше быти; и какъ будеть [1]) близъ Вавилона града за 15 дней, и рече царь Василіи къ посланнымъ: «аще какое [2]) вамъ будетъ знаменіе отъ святыхъ тріехъ отрокъ Ананіи, Азаріи и Мисаила, да не отлучитеся отъ Иерусалима, но будите подобни вѣре христіянстей и поборники на враги иновѣрныя за родъ христіянскій; хотя и пostражите, то вѣнцы на васъ положени будутъ». Бѣженинъ же—Ияковъ именемъ, русянинъ же—Іулиянъ, греченинъ—Илия. Они же помолившеся и поехаша до Вавилонъ, и пріидоша тамо и не видѣша долго Вавилона града, бѣ бо оброслъ лѣсомъ болшимъ и былиемъ великимъ, якоже и царскихъ полатъ невидѣти. Они же попускавше коней своихъ, бяше себѣ путь малъ къ Вавилону граду, хожденіе звѣремъ, по тому пути таможе сколко былія травы, а въдвое тово гаду всякого, но небысть имъ страху и трепету. Они же пріидоша къ Вавилону и къ великому змію, и бяше тутъ лѣствица здѣланна отъ древа кипарися, ипреложена чрезъ великаго змія на стѣну; и бяше на лѣствице написано: «котораго человѣка Богъ привелъ к лѣствице, (второе слово написано бѣжское, третіе русское итако глаголетъ) да лѣзи чрезъ стѣну великаго змія того, и во градъ Вавилонъ без боязни с лѣствицы поиди»; да чесовіи тутъ лѣсть на стѣну иная лѣствица 17 степенеи, такова бо бяше и толсти чрезъ того великаго змія [3]). Они же взыдоша къ горѣ на стѣну чрезъ ве-

[1]) Въ рукоп. „будете“. Ср. въ текстѣ Румянц. музея: „доѣхавъ царь Василей Вавилона града за 15 поприщъ, и призва посланниковъ своихъ и глагола имъ“ и т. д (Пам. стар. русск. литер. 2, 394).

[2]) Въ рукоп. «кокое».

[3]) Текстъ испорченъ. Пропущено указаніе на греческую надпись. Ср. въ Румянц. музеѣ: «на той лѣствицѣ написано три писма: первое греческимъ языкомъ, второе—обѣжанскимъ языкомъ, третіе—славянскимъ и россійскимъ язы-

Digitized by Google

ликаго змія того, а другая же лѣствица внутрь града таковаяже, на ней же тоже. Ониже поидоша въ полаты, полаты бо полны всякаго гаду ползающаго, но ничесоже имъ зла сотвориша. Они же пришедше въ церковь святыхъ тріехъ отрокъ Ананіи, Азаріи и Мисаила и наполнишася всякого благоуханія отъ мощей святыхъ мученикъ уста ихъ много, аки яденія и питія, а въ церкви написано вельми пречюдно; и поклонишася святымъ тріемъ отрокомъ Ананію, Азарію и Мисаилу, и глаголаша къ нимъ: «Богохранимыи и великіи царь Василіи повелѣ у васъ просити знамения», и в то время стояще, видяще купокъ златыи на гробѣ камениемъ драгимъ и жемчюгомъ многоцѣннымъ велми украшенъ стоитъ полнъ мира, и стклaница стоитъ тогоже мира полна. Мы же пихомъ ис кубка того и быхомъ веселы и помыслихомъ тои кубокъ взяти и нести къ царю Василію; и стоящимъ намъ бысть гласъ отъ раки святыхъ въ 9-мъ часу дни: «Не берите, знаменію здѣсъ ничтоже, но идѣте въ царскіи домъ и полати и тамо возмите знаменія ско(лко) мощно вамъ». Они же ужасни бывше вельми и стояхомъ со страхомъ, и во вторыи часъ гласъ бысть намъ: «Не ужасайтеся, идите и творите повелѣнное». И восташа и поидоша въ царскія полаты, и видѣвше тамо одръ стоящь и на немъ лежаще два вѣнца драгоцѣнны, Новходоносора царя и ево царицы. Они же вземше тѣ вѣнцы видѣша на столѣ златѣ написано грѣческимъ языкомъ: «Сіи вѣнцы сотворены быша, егда Новходоносоръ царь сотвори златое тѣло и постави на полѣ Медиаламтѣ, тѣ бо вѣнцы бяху здѣланы отъ камене самѳира да измарагда, отъ жемчюга драгаго и отъ злата аравицкаго, а нынѣ положены будутъ на богохранимаго царя Василия на главѣ его, и на его благовѣрной царицѣ Александре». И молитвами святыхъ вшедше въ другую царскую полату и видѣвше тамо лежаще запоны и порфиры царскія драгія, і егда приняшася руками своими, и все бысть, яко прахъ; и стояще ларцы многія со златомъ и сребромъ украшени велми пречюдно; и открывше ларцы и видѣвше многое множество злата и сребра, и каменія многоцѣннаго, и жемчюговъ великихъ (вземше) числомъ двадесять отвѣсть къ царю Василію, а и себе вземше, якоже мощно, и взяшн кубокъ, что въ церкви святыхъ тріехъ отрокъ, и не бысть имъ гласа ничтоже; и начаша скорбѣти и вземше отъ

комъ. А написано глаголетъ сице: греческимъ: «коего человѣка Богъ принесетъ, пойди къ лѣствицѣ“; сеже обежанскимъ языкомъ глаголетъ: „полѣзи на лѣствицу сію безъ боязни чрезъ великаго змія“; а по словенски глаголетъ: „да пойди и по другой лѣствицѣ во градъ и до самыя тоя церкви не убояся“. (Пам. ст. р. лит. 2, 395).

купка того испиша и быша весели. И бысть имъ гласъ глаголющъ: «Заутра свитающу дни неделному....[1]) и рекоша к себе: чемъ умыемъ лица своя?», и видѣша купокъ церковный стоящъ полнъ воды[2]), и умывше лица своя из него и воздаша хвалу Богу и святымъ тріемъ отрокомъ Ананію, Азарію и Мисаилу, и отпѣвше заутреню и часы, и бысть имъ гласъ: «Поидите путемъ своимъ ко царю Василию богохранимому». Они же поклоншеся святымъ и іспивше по три чаши, и поидоша изъ церкви на стѣну, и поползоша по лѣствице чрезъ великаго змія. Беженін же, именемъ Ияковъ, запнулся на 17 степени, и спаде с лѣствицы и обуди великаго змія. Змій же на мѣсте своемъ тронулся, и воста на немъ чешуя, аки волны морскія. Они же вземше друга своего Іякова, и поидоша сквозь былія тоюже травою аки с полдни, и видѣвше кони своя ходяще и други своя и егда начаша складиватися на кони своя вся потребная, и великіи зміи свиснулъ. Они же отъ страха того падоша на землю, аки мертвы царю же Василію стоящу и ожидающу детеи своихъ,—бяше бо нарече ихъ себѣ, аки дѣти своя. Свистъ же змія того слышанъ бысть тамо, и падоша мнози и отъ страха изомроша яко три часа. Стояще же 15 дней и глагола царь Василіи: «долго дѣтей моихъ нѣсть», и рече: «дѣти моя изомроша». Токмо царь Василіи еще пождавъ малое время, они же восташа, яко отъ сна своего, и поидоша путемъ своимъ и достигоша царя Василія, и пришедше поклонишася царю; царь же радъ бысть и вси его; ониже сказаша царю все бывшее, что видѣли. Патріархъ же вземъ два вѣнца и прочая[3]) царская, и возложи на главу царя Василія, и другіи вѣнецъ возложи на главу царице Александре. Царь же вземъ кубокъ з златомъ и сребромъ и наполниша сосуды златомъ и сребромъ и камениемъ драгимъ, и посла къ патриарху во Іерусалимъ, а что себѣ принесоша, царь же ничтоже у нихъ взялъ, но даде имъ по три пера златыхъ, и отпусти ихъ с миромъ, гдѣ ихъ родители живутъ. Они же прославиша Бога и святыхъ тріехъ отрокъ, Ананія, Азарія и Мисаила и царя Левія, нареченнаго во святомъ крещенія Василія, имъ же честь и слава со безначалнымъ его Отцемъ и с пресвятымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

---

[1]) Въ спискѣ Румянц. музея: „Заутра свитающу воскресному дни на 1-мъ часу бысть имъ гласъ: „...умойте лица своя“ (l. cit.).

[2]) Въ рукоп. „виды“.

[3]) Въ рукоп. „причая“.

Digitized by Google

II.

О Соломонѣ и царицѣ Южской.

(По рукописи Московскаго Публичнаго музея № 589. л. 151—152) [1]).

Бысть во Іерусалимѣ граде іудейстемъ царь Соломонъ, много предивна чюдеса сотвори, святая святыхъ воздвиже. Приіде во Іерусалимъ южская царица, іменемъ Малкодушка, святая святымъ помолитися, гробу господню приложитися, мудрости і похотию царя Соломона ізвѣдати. Царь же повелѣ дворъ еі очистить близъ своево царского двора, она же пришедъ ста близъ царя Соломона. Царь же Соломонъ велию честь возда еі, она͠, та царица Малкодушка, бывъ у царя Соломона, хлѣба кушала і приіде на двор свої, гдѣ поставлена, і ту почи. Царь же Соломонъ послѣ тола опочивалъ, і воста отъ ложи своея, і вниде в лекарню, і повел(ѣ) слугамъ своимъ *воду грѣть* [2]), і повелѣ на себя возлить, і седе в сребренной купѣли в воде по шею. Царица͠ Малкодушка виде царя Соломана в окошко бѣлова стекла по шею в воде, скоро вниде к царю Соломану в полату і поконися царю і рече: «Благовѣрныі царю Соломонѣ мудрый, милостивыі ото одержащия мя скорби подай здравие тѣлу моему!» і обнажи і тѣло свое. Царь же Соломонъ видевъ тѣло ея, яко еловая кора, царь же Соломонъ повелѣ слугамъ своимъ крыжму [3]) сотворить і баню продержать, і повелѣ царицѣ Малкодушкѣ в банѣ измытися. Она͠, ізмывся в банѣ, і ста пред царемъ нага. Царь же Соломанъ повѣле слугамъ своимъ царицу Малкодушку окати(ти) с крыжмою. Тоі часъ великая скорбь с царицы спаде, яко еловая кора; той часъ тѣло царицыно здраво бысть велми чисто, ничемъ не вредимо. Царица͠ великия радости наполнися. Царь же Соломонъ, видевъ тѣло

---

[1]) Изъ собранія Пискарева (см. *Викторовъ*, Каталогъ слав.-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева, № 154, стр. 35). Ср. выше стр. 24.

[2]) Въ рукоп. „во͡д теть͡р“.

[3]) Крыжма=крижьма, хризма: χρῖσμα, μῦρον, миро, масть (*Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русск. языка, т. 1, вып. 3. ст. 1322; *Востоковъ*, Словарь церк.-слав. языка, т. II, ст. 542). Въ Палеѣ 1477 года: „мовъ-кражма“ (ср. выше, стр. 24).

Digitized by Google

ея велми чисто, і прия поцеловавъ ея, і пребысть с нею в любви, і умывся бѣседова с нею пия і веселяся. Царица^ послыша в животѣ своемъ, что понесе во утробѣ своей, і ударивъ челомъ царю Соломону і простився, і пойде во свою землю, і приіде во свое царство южское. Боляре же ея і велможи пришедъ к ней поклонишася і здравствова(ша) ей. Она^ почтивъ болярь своихъ, они же разъехашася по домомъ своимъ. Царица^ Малкодушка, видевъ утробу свою ростяше, уже спеюще, она же нача скрыватися отъ болярь своихъ и нача́ пребывати (в) внутреннихъ своихъ царскихъ ложницахъ, а к боляромъ своимъ не выхождаше, скрываяся отъ болярь своихъ, дабы не обозрили ея чрева; повелѣ своимъ вернымъ мамкамъ боляромъ отказывать, что не домогаетъ царица. Егда приспѣ рождению, роди царица отроча мужескъ полъ, і призва к себѣ верна слугу и одари его, и дасть ему злата много, і повѣлѣ ему отроча своего в Вавилонские пределы отвѣсти, на лѣсу положити повѣлѣ. Царица^ Малкодушка великие радости наполнися ізбывша пакости царствуя по прежнему.

Отвергнутый сынъ Соломона и южской царицы—будущій великій царь Навуходоносоръ.—Вслѣдъ за приведеннымъ отрывкомъ въ рукописи помѣщены: сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ (Нач. «Бысть в Вавилонскомъ государствѣ царь Аксерскъ...», л. 153—161) и повѣсть о посольствѣ въ Вавилонъ царя Алевуя (Нач. «Бысть во Цареграде царь Алѣвуі, во святомъ крещеніі Василѣі...», л. 162—167).

III.

Посланіе въ Вавилонъ градъ отъ царя греческаго Улевуя.

(По рукописи Тверскаго музея, № 3146, л. 375—386) [1]).

Послание ото Улевуия Греческаго Царя, во святомъ крещеніи Василиа, іже посла въ Вавилонъ градъ посланники своя іспытати тамо знаменіе у святыхъ триехъ отроковъ, Ананіи і Азаріа і Мисаила.—Прежде царь Греческій [2]) Василій хотя послати в Вавилонъ двy человѣковъ розноязычныхъ кр(е)стиянска рода, они же два рекоша царю: «Недостоитъ намъ двема сущимъ ітти тáмо, понеже путь есть тѣсенъ, но пошли ізъ грекъ гречанина, а из обѣжанъ обѣженина, а изъ русиновъ словянина». І бысть слово сие угодно царю Василию, і сотвориша тако, якоже восхотѣша посланницы его. І посла трехъ благочестивыхъ мужей крестьянска рода, іменемъ Юрья гречанина, Іякова обѣженіна, Лавра словяніна. Егда же посла іхъ, а сам же царь Васілей собра воинство безчисленное множество, і пойдоша во слѣдъ посланныхъ своихъ, і недошедъ Великаго Вавилона царь Василей ста на мѣсте единомъ за 15 поприщъ, і призва посланникы своя сице глаголя: «Послушайте мене, вамъ глаголю, Юрие і Лавре і Якове, нынѣ же глаголю вамъ,—отселѣ пойдите въ Вавилонъ градъ водими Богомъ; аще будетѣ тамо, обрящете гдѣ знамение святыхъ триехъ отроковъ, і да принесете сѣмо на мѣсто, і самъ азъ не отлучуся отъ Ерусалима, но буду поборникъ на враги іновѣрныя о православной верѣ за родъ крестиянскій» Трие жь мужи, слышавше глаголемая отъ царя, і поклонишася ему до земли і отъидоша отъ царя путемъ ко граду Вавилону. Ідоша же посланницы медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ і с великою

[1]) Рукопись—сборникъ. Перечень входящихъ въ составъ рукописи статей см. въ «Описаніи рукописей Тверскаго музея» *М. И. Сперанскаю* (М. 1891), стр. 161—163.— Считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность г. директору Тверскаго музея А. К. Жизневскому, доставившему мнѣ возможность пользоваться Тверскою рукописью здѣсь, въ Петербургѣ.

[2]) въ рукоп. „Вавилонскій".

Digitized by Google

нуждею ідоша, і уже пріидоша близъ града, ничтоже видѣша града, ни полать. Они же пустиша кони своя в путлахъ і обрѣтоша путецъ, малаго звѣря хождение, ту бо ізрасте былие великое, аки лѣсъ, і волчецъ безгодная трава кругомъ всего Вавилона, а вдаль отъ града Вавилона тое травы за 15 поприщъ. Бѣ же по тому былию двe части противъ гадовъ всякаго зминнаго родства, полозовъ и скорпей, і отъ жабъ великихъ іное различное змеино родство, іхже не бѣ числа: аки великие копны осенныя вьющеся отъ земли і до верха былиа того, овіи же свисташе, а иніи сипяше злѣ, і студове отъ нихъ ісходять, яко зиме. Но Божіимъ ізволениемъ і молитвами триехъ святыхъ отроковъ не бѣ посланникомъ тѣмъ страха, ни уядения отъ гадовъ тѣхъ, но вси гади бѣжаще отъ нихъ с шумомъ крыющеся главы своя і отступиша отъ стезя іхъ въ далныя страные былія того. Они же посланники въ 3 день дойдоша великаго змія, іже бѣ лежить кругъ всего града обогнувся, якоже прочіе змеи согнувся лежать кругъ всего того мѣста; толстота же того змия выше градныя стѣны.—Бѣ же ту лѣствица отъ древа кипариса положена чрезъ того великаго змія на градную стѣну, а еже кто постави лѣствицу ту, і то Богъ вѣсть; высота же тоя лѣствицы осмьнадесять ступеней. На той же лѣствіцѣ напісаны три пісания, первое греческі, второе бѣжескіи, третие словенскіи і россійскіи, а пісанія сия глаголють: по греческіи: «коего человѣка Богъ принесеть сѣмо к лѣствицѣ сей», по обѣжскіи глаголеть: «да лезеть на лѣствицу безъ боязни чрезъ великаго того змия», по рускии же: «да идетъ по второй лѣствицѣ во градъ і до самыя тоя (?) не ужасаясь». Тамо внутрь града чрезъ великаго того змия до часовницы утверждена вторая лѣствица, а гдѣ же болшия врата града Вавилона, і ту бысть глава великаго того змия. Сам же той великий змій обогнувши кругъ всего града, а хобот же свой пригнувше к темъ же вратомъ, ідѣже лежить глава его. Посланницы же со дерзновениемъ ідоша на лѣствицу ту чрезъ великаго того змия і по второй лѣствицѣ поидоша внутрь града, еже утверждена з градныя стѣны і до часовницы, і тамо на той лѣствицѣ напісаны три же писма, якоже і на первой лѣствицѣ: не повелѣваетъ гадовъ тѣхъ страшитися, ні самого того великаго змія. Они же, вшедше в церковь святыхъ триехъ отроковъ, і наполнишася уста іхъ благоуханія. Бяху бо во церкви святыхъ отроковъ многия писания і дѣяния, пісано в лицѣхъ по стѣнамъ церкви. Они же трие благочестивыя мужи поклонишася гробомъ святыхъ отроковъ і глагола: «пріидохъ сѣмо поклонитися вамъ, святіи отроцы, Ананій і Азарій

і Мисаилъ, по божию ізволению і повелѣнию государя нашего Греческаго царя Улевуиа, во святомъ крещеніи Василия і принести знамения отъ васъ к нему, елико есте вы ізволисте дати, святіи отроцы». Видѣша же посланницы кубокъ стоящъ на гробѣ Ананнe, зѣло чуденъ сотворенъ отъ злата, украшенъ жемчугомъ і камениемъ драгимъ, бѣже полонъ той кубокъ мира і ливана. Посланницы же, емше той кубокъ і піяще изъ него, и бѣ въ веселіи, уснуша мало время; і воспрянувъ отъ сна того, і хотяше взяти кубокъ той со благоуханиемъ тѣмъ, нести ко царю хотяше; бѣже імъ в то время гласъ отъ гробовъ святыхъ въ 9 часу дни, аще глаголя: «недерзайте сего знамения, но идите во царския сокровища, рече во царевъ дворъ, і тамо возмите знамение». Они же трн мужи ужасни быша, сего ради і бысть імъ вторицею гласъ глаголя: «Не ужасайтеся, но идите во царевы полаты»; они же воставъ пріидоша. Бѣ же дворъ царевъ отъ тоя церкви яко мочно ізъ лука стрѣлити; на дворе же царевѣ полатъ множество; бѣ бо одна полата велика зѣло, украшена паче іныхъ полатъ многими вещми. Они же посланницы внидоша внутрь полаты тоя, бѣ же в ней одръ стоящъ отъ драгихъ узорочей сотворенъ і украшенъ, на немже лежаше два венца первоначальнаго Новгоднасора царя Вавилонскаго і всеа вселенныя і его царицы; туже видѣша грамоту лежащу написаннымъ греческімъ языкомъ, сіце глаголетъ: Сия венцы сотворены бысть, егда же Новгодоносоръ царь вавилонскій сотвори тѣло златое на полѣ Диоре; бѣ же тѣ вѣнцы отъ камени самъѳира і зморагда, отъ бисера драгого і отъ злата аравииска, а сокровенни суть доселѣ Богомъ, нынѣ же імутъ быти на греческомъ царе Улевуие, во святомъ крещеніи Василии, і на его царицѣ Александре молитвами святыхъ триехъ отроковъ». Они же посланницы, веемше венцы і грамоту, і пойдоша во вторую полату і туже в дѣша запоны драгия, сия рече царския завѣсы; посланницы же хотяще взяти іхъ руками, запоны же тѣ разсыпашася, яко прахъ, понеже много лѣтъ лежаще; тут же в полатѣ видѣша крабиицу сердаликову, в ней же бѣ царская багряница, сиречь пероира; в той же полатѣ стоятъ два ларца, насыпаны злата і сребра і бисера драгаго і многоцѣннаго камения; і тутъ же видѣша кубокъ златъ таковъ же, якоже і во церкви стоитъ на гробѣ святаго Ананіи. Посланницы же они, веемше крабийцу і златый той кубокъ і царскую багряницу і отъ каменій драгихъ числомъ 20, какъ бы мощно было нести драгихъ тѣхъ вещей ко царю Василию, і возвратишася отъ царскаго двора і пріидоша паки во церковь триехъ святыхъ отроковъ і поклонишася гробомъ іхъ. Уже к

Digitized by Google

нимъ не бѣ гласа отъ гробовъ святыхъ, посланницы же они сего ради въ велицѣй печали быша, приступиша со дерзновениемъ і еще іспиша іс кубка того і обвеселишася, і отъ сего успоша во всю нощъ; а за утраже, свѣтающе недѣльному дню, на первомъ часу дни бысть имъ гласъ вторицею глаголя: «Умыйте лица ваша». Они же посланницы воспрянуша скоро, тутъ кубокъ стояше церковный с водою, вземше его и умыша лица своя і воздаша хвалу Богу і святимъ триемъ отрокомъ; і егда совершися утреннѣе пѣніе і часы, тогда бысть имъ і третицею гласъ, глаголя: «Яко взясте знамение отъ насъ, нынѣ же поидите в путь свой водими Богомъ ко царю Василию». Ониже слышавше і поклонишася гробомъ святыхъ отроковъ, но и еще іспіша по три чаши [1]) іс того кубка; кубокъ же той Божнею благодатію стоитъ полонъ, не убываетъ из него. Потом же посланніцы пойдоша к лѣствицѣ і понесоша своя тяжкая бремена, іже бѣ взяша во градѣ Вавилонѣ. Взыдоша же по лѣствицѣ из града і пойдоша за градъ на вторую лѣствицу чрезъ великаго змия; единъ же отъ нихъ, Іаковъ обѣжанинъ, ступи сверху на третию ступень і спаде с лѣствицы на великаго змия і убуди его отъ сна. Великій же той змій послышалъ, і воста на немъ (чешуя), яко волны морския колебахуся. Посланницы же они, вземше третияго своего (друга) Іакова, скоро бѣжаще в былие ко царю Василию, і уже близъ полудни обрѣтоша кони своя на мѣсте, ідѣже оставиша ихъ, і положиша бремена своя на нихъ і сами всѣдоша; і уже имъ сѣдящимъ на конехъ, в той часъ свиснувше той великій змій, яко не бѣ такова зыка слышати нигдѣже; отъ зыка же того с коней своихъ вси на землю спадоша, яко мертвіи, і лежаще на земли долгъ часъ, і егда очутишася, на кони своя сѣдоша і добѣжавъ мѣста, ідѣже стоялъ царь Василей с войскимъ своимъ, і не бѣ ту царя, ни силы его, ні вѣсти про него, ні послышанния, только видѣша умершихъ коней множество. Егда той великій змій свиснулъ, въ той часъ в стану цареве сотворися велиа пакости царю Василию і людемъ его: люди же вси і воинство его с коней спадоша, овіи умроша отъ свитания того, а друзіи оглушишася і коней множество умроша. Царь же Василий устрашися сего і отступи отъ мѣста того за 15 поприщъ на второе мѣсто отъ града Вавилона. Печаленъ же бѣ царь Василей о трехъ мужей, іже посла іхъ въ Вавилонъ, тако глаголя о нихъ: «Уже дѣти моя умроша отъ свистания того—тако зжалися царю Василію,—да пожду іхъ мало на семъ мѣсте, яко чаю они сохра-

---

[1]) Въ рукоп. „часы“.

нены і живи Богомъ і святыхъ отроковъ молитвами». Посланницы же они дойдоша царя на второмъ мѣсте і пришедше, поклонишася царю. Царь же, видя посланиики своя, возрадовася зѣло, прослави Бога і святыхъ триехъ отроковъ чудеса. Они же посланніцы повѣдаша царю грамоту, яже взяша в полатѣ царевѣ на одре, царь же веземъ ю і отдасть патриарху; патриархъ же прочте ю і веземъ у посланниковъ царския венцы, і положи единъ венецъ на главу царю Василию, а другий венецъ положи на главу царіцѣ его Александре, і благослови іхъ патриархъ. Царь же Василей веземъ у посланниковъ кубокъ і наполни златомъ; взя же 20 каменій драгихъ і пять камений мелкихъ і кубокъ со златомъ і посла во Иерусалимъ 5 и 10 каменій остави у себя. А что они посланницы принесли злата и сребра, камения і бисера драгаго і отъ иныхъ драгихъ узорочей, і то все царю объявиша. Царь же Василей нічто у нихъ не взя, токмо почте іхъ і дасть імъ свои дары по 30-ти златниковъ і тако глагола імъ царь: «Поидите с миромъ і просите у мене, елико хощете, да азъ дамъ і со вторицею вамъ по прошенію вашему». Посланницы же слышавъ і поклонишася царю; шедше же прославиша Бога і благочестиваго греческаго царя Елевуиа, во святомъ крсщеніи Василиа.

Примѣчаніе. Въ разсказѣ о посольствѣ въ Вавилонъ греческаго царя Льва изображается страна, кишащая змѣями. Въ окрестностяхъ Вавилона „сколько былія травы, а вдвое того гаду всякаго". Много тутъ водилось „всякаго змінаго родства, полововъ, и скорпей, и жабъ великихъ".—Извѣстія о Вавилонскихъ змѣяхъ восходятъ къ далекой старинѣ. Знали этихъ змѣй древніе греческіе и римскіе писатели. Аполлоній Дисколъ сообщаетъ извѣстіе о змѣяхъ въ Вавилонѣ, которыя нападаютъ на чужеземцевъ, а мѣстныхъ жителей щадятъ. Περὶ Βαβυλῶνα δὲ, διαβάντι τὸν Εὐφράτην ποταμὸν ὀφίδια γίγνεται καὶ τοὺς ξένους τύπτει, τοὺς δὲ 'εντοπίους οὐκ 'αδικεῖ [1]). Аполлоній повторяетъ свидѣтельства болѣе древнія. У Аристотеля есть разсказъ о змѣяхъ, переплывающихъ съ одного берега Еврата на другой; туземцевъ эти змѣи не трогаютъ, эллиновъ кусаютъ. 'Εν δὲ τῇ Μεσοποταμίᾳ τῆς Συρίας φασὶ καὶ 'εν 'Ιστροῦντι ὀφείδια τινα γίνεσθαι, ἃ τοὺς 'εγχωρίους οὐ δάκνει, τοὺς ξένους δ'ἀδικεῖ σφόδρα. Περὶ δὲ τὸν Εὐφράτην καὶ τελείως φασὶ τοῦτο γίνεσθαι. πολλοὺς γὰρ φαίνεσθαι περὶ τὰ χείλη τοῦ ποταμοῦ και διανέοντας 'εφ' ἑκάτερα, ὥστε τῆς δείλης 'ενταῦθα θεωρουμένους ἅμα τῇ ἡμέρᾳ ἐπὶ θατέρου μέρους φαίνεσθαι, καὶ τοὺς ἀναπαυομένους τῶν μὲν Σύρων μὴ δάκνειν, τῶν δ' 'Ελλήνων μὴ ἀπέχεσθαι [2]). Сходное извѣстіе находимъ у Плинія. In Syria angues

[1]) Apollonii Dyscoli Historiae commentitiae liber, cap. XII.
[2]) Περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων, гл. CXLIX—CL.

circa Euphratis maxime ripas, dormientes Syros non attingunt, aut etiamsi calcati momordere, non sentiuntur maleficia; aliis cujuscumque gentis infesti avide et cum cruciatu exanimantes, quamobrem et Syri non necant eos. [1])

Еврейскіе пророки говорили о змѣяхъ въ Вавилонѣ, какъ о Божіей карѣ, которая должна постигнуть нечестивую страну. „И будетъ Вавилонъ въ запустѣніе, жилище зміемъ, въ чудо и позвизданіе, понеже не будетъ живущаго“ (Іерем. LI, 37).--Позднѣйшіе христіанскіе писатели пользовались библейскимъ образомъ нечестиваго Вавилона для символическаго изображенія царства мрака и вѣчной погибели. „І нынѣ есть Вавилонъ, мѣсто великое,—говоритъ Кириллъ Транквилліонъ,—зобраня всѣхъ нечестивыхъ сыновъ гнѣва вѣчнаго, праве великое, яко три части свѣта гинетъ и до него збирается на мешканя и вѣчное згинения. Но и смокъ есть страшливый, седмиглавый змій древный прелестникъ оторіи не тѣла едины пожираетъ, но и души людскіе“ [2]).

---

[1]) Historia natur. Lib. VIII, cap. LXXXIV (LIX).
[2]) Зерцало богословія, л. 33, по изд. 1618 г.

Digitized by Google

IV.

Сказаніе о князехъ Владимірскихъ.

(По рукописи Имп. публ. библіотеки. Q. XVII, № 149, л. 181—188; въ примѣчаніяхъ этотъ списокъ обозначается буквой О. Варіанты—изъ рукописей публ. библіотеки: Погод. № 1572 (А); О. IV, № 21 (Б); F. IV, № 238 (В). Основной списокъ XVI вѣка, остальные XVII. Дополненія и разночтенія, внесенныя въ текстъ, означены скобками и курсивомъ).

Сказание великихъ князей [1]) Владимерскихъ великіа Росія [2]).

Отъ история Ханаонова и предѣла [3]), рекомаго *Арфафсадова* [4]) перваго сына Ноева рождьшагося по потопѣ.

(По) [5]) отца своего Ноя благословению раздѣлися [6]) вся вселенная на три части тремъ сыномъ его: Симу, Хаму и Афету; извержеся отъ нерадѣния Хамъ отъ благословения отца своего, [7]) зане не покры наготы отца своего Ноя [8]) упивъшася [9]) виномъ. Егда истрезвися Ной отъ вина и вразумѣ, елика [10]) сотвори сынъ его [11]) меншій, и рече [12]): «Проклятъ буди Хамъ, да будетъ рабъ братома своима», и благослови дву сыновъ своихъ Сима и Афета, иже покрыша наготу отца своего *опакы* [13]) зряще [14]), наготы же [15]) не видѣша. И благослови Симова сына Арфаксадова [16]), яко да вселится въ предѣлехъ ханаоновыхъ, и *родишася ему* [17]) двѣ [18]) близняте: первому имя Мерсемъ, [19]) второму Хусъ, сіи началницы Египту.

[1]) о великихъ князехъ А, Б. [2]) Русіа А; Руси В; Росия Б. [3]) придѣла В. [4]) Б, В; Аѳраксадова А; Арфачадова О. [5]) А, Б, В. [6]) разделився В. [7]) *приб.* Ноя А, Б, В. [8]) *словъ*: Зане не покры наготы отца своего Ноя *нѣтъ* Б. [9]) упившися А. [10]) елико А, Б, В. [11]) *нѣтъ* Б. [12]) *приб.* ему Б. [13]) А, Б, В; въ О: в знакъ. [14]) зряши В. [15]) *приб.* его А. [16]) Аѳраксада А. [17]) А. В; въ О: родиша. [18]) два Б. [19]) *приб.* а А.

Digitized by Google

V.

Посланіе Спиридона Саввы.

(Погод. Древлехр. № 1567, л. 95—105).

О святѣмъ Дусѣ Спиридонъ рекомый, Сава глаголемый, сынови смирения нашего імре радоватися, аще ти в потребу молитва нашего смиренія со благоговениемъ. Слышание мое, еже потребавалъ еси отъ насъ своимъ писаниемъ и нашими черньцы, ищучи отъ насъ нѣкихъ прежнихъ лѣтъ ото историкіи атъ ханаонова предѣла, рекомаго отъ Арѳаксадова, первого сына Ноева рожешегося по потопѣ.

И по отца своего Ноя благословенію раздѣлися вселенная на три части тремъ его сыномъ: Симу, Хаму и Аѳету, и извержеся отъ небреженія Хамъ благословенія отца своего: упившуся виномъ, и истрезве Ной отъ виннаго вкуса и своихъ двоихъ сыновъ Сима и Аѳета благослови, иже покрыша ноготу срамоты его опакы, не зряще стыденія отца своего Ноя; благослови же и четвертаго своего сына Арѳаксада вселитися въ ханаоновыхъ предѣлехъ, и родишася ему двѣ близняте: первому имя Мерсемъ, второму Хусъ, сии началницы Египту. I умножившимся отъ нихъ родамъ колѣна, и отлучися Хусъ въ глубочайшая страны Индия и распространися тамо на востоце; Месрену же умножишася по колѣну племена даждь до Сеостра; и Аѳету излияшася племена отъ вечернихъ странъ до полунощия. И воста нѣкій началникъ из рода того, именемъ Ѳарсисъ, в Калаврѣйскыхъ странахъ и созда градъ во імя свое. Имяше же и Симъ, сынъ Ноевъ, сынъ, именемъ Арѳаксадъ, отъ его же рода правнукъ его, именемъ Гандуварій; сей первое написа астронамѣю во Асиріи въ

Digitized by Google

И умноживъшимся ихъ [1]) родомъ по колѣномъ [2]) отлучися Хусъ въ глубочайшаа [3]) страны Индия [4]) и распространися тамо на востоцѣ; Мерсу же *умножишася* [5]) племена даже и [6]) до сеи страны; Афету же излишняа [7]) племена отъ сѣверныхъ странъ даже и до полунощныя [8]) И воста нѣкій началникъ тогоже роду, именемъ Фарисъ в Калаврійскихъ странахъ и созда градъ во имя свое, именемъ Арфакса, правнукъ же его, именемъ Гундаварій [9]) сей первыи написа астрологию во Асиріи въ предѣлехъ Симовѣхъ [10]) и [11]) по семъ Сотръ [12]). Первое [13]) всѣхъ Сотръ воцарися во Египтѣ лѣтъ 20, [14]) и по колѣну его многа [15]) лѣта преминуша. И отъ того [16]) роду *нача* [17]) царьствовати Филиксъ [18]) и той пообладa всю [19]) вселенную [20]). По Филиксѣ же многимъ лѣтомъ минувъшимъ воста нѣкій царь во Египтѣ отъ того же роду, именемъ Нектанавъ волъхвъ; сей роди Александра] Макидонскаго [21]) отъ Алимпиады [22]) жены Филиповы. Сей вторый пообладa вселенную [23]) лѣтъ 12, и всѣхъ лѣтъ живота его 32, и [24]) скончася, [25]) предаде Египетъ ряднику своему Птоломѣю. Мати же Александрова, по смерти сына своего, возъвратися ко отцу своему Фолу, царю Ефіопскому; Фолъ же дасть [26]) ю ко второму браку за Виза сродника Нектанавова. Визъ же роди отъ нея дщерь и нарече имя ей Антия [27]) и созда градъ в Созсвѣнехъ [28]) и нарече (имя) [29]) граду тому [30]) во свое имя и дщеря своея [31]) Византия, иже нынѣ зовется [32]) Царьградъ. И [33]) *отъ* [34]) Александра царя [35]) Македонскаго премину до Птоломѣя царя [36]) прокаженаго во Египтѣ *Птоломпевъ 22.* [37]).

---

[1]) отъ нихъ А, Б. [2]) *приб.* и А. [3]) глубочайшіа. А. [4]) Индѣа А; Индѣя В. [5]) А, Б; въ О: умножившеся. [6]) *нѣтъ*. А, Б. [7]) излишася Б. [8]) полунощіа А, Б, В. [9]) Гайдуварій А. Б. В. [10]) Симовыхъ А. [11]) *нѣтъ* А. [12]) Сеостръ. [13]) прьвее В. [14]) Сей же Сеостръ первіе всѣхъ на земли воцарися А. *слов*: лѣтъ 20 *нѣтъ* А. Б.[15]) многая А, Б.[16]) его А, Б.[17]) А, Б, В; въ О: начаша. [18]) А, Б, В; въ О; Филиксѣи [19]) *нѣтъ* А, Б, В. [20]) вселенною А, Б. [21]) Македонскаго А. [22]) Алемпіады А. [23]) вселенною А, Б, В. [24]) *нѣтъ* А. Б. [25]) *приб.* и А. [26]) вдасть А, Б, В. [27]) нарече ю Антіа А. Б, В. [28]) Сосѳенехъ А. [29]) А, Б. В; въ О *нѣтъ*. [30]) *нѣтъ* А, Б. [31]) въ О *повторено*: и свое. [32]) именуемъ А, Б. [33]) *приб.* паки В.[34]) А, Б, В; въ О: какъ- [35]) *нѣтъ* А, Б, В. [36]) *нѣтъ* А, Б, В, [37]) А, В, В; въ О: Пътоломѣй поживъ лѣтъ 22.

Digitized by Google

предѣлехъ Симовѣхъ, прародителя своего [1]), и Сеостръ же первѣе всехъ на лицы всея земля воцарися во Египтѣ отъ колѣна Месренова, и по колѣну его многия лѣта мимоидоша. И отъ его рода нача царствовати нѣкто Ѳиликсъ іменемъ; сии бо Ѳиликсъ пообладa вселенною [1]). По Ѳиликсе же во много число лѣтъ воста нѣкій царь во Египте отъ рода его, именемъ Ахтанавъ волхвъ [2]); сей роди Олександра Макидонскаго отъ Алимпиады жены Филиповы. Сей второе пооблада вселенную; житъ же Александръ 30 лѣтъ и скончася, и предаде Египетъ ряднику своему Птоломѣю. И отъ Птоломѣя Заѣчича [3]) до Птоломѣя прокаженнаго премину во Египте Птоломѣевъ 20. А мати же Александрова, по смерти сына своего, возвратися ко отцу своему Еѳиопскому царю Ѳолу [4]); Ѳолъ же вда ю ко второму браку за Виза Ахтанавова сродника, Визъ же роди отъ нея дщерь і нарече имя ей Антія, и созда градъ в Сосвенехъ [5]) и нарече имя граду тому во имя дщеря своея и свое Византія, иже

---

[1]) Сообщаемый здѣсь перечень дѣтей и внуковъ Ноя противорѣчитъ библейскимъ извѣстіямъ. (Кн. Бытія, гл. 10; кн. Паралипом. I, гл. 1). Въ Библіи упоминаются только три сына Ноя. Арфаксадъ—внукъ Ноя, сынъ Сима. Хусъ и Месраинъ—дѣти Хама. Ѳарсисъ—внукъ Іафета, сынъ Іована. Имя Гандуварія встрѣчается въ византійскихъ хроникахъ. Ὅτι διαμερισθέντων τῶν ἐθνῶν ἀνεφάνη τις ἀνὴρ Ἰνδός ἐκ τοῦ γένους Ἀρφαξάδ, τοὔνομα Ἀνδουβάριος, ὅς παρέδωκε τοῖς Ἰνδοῖς ἀστρονομίαν (G. Cedrenus, I, 27 по Боннскому изд.). Это извѣстіе повторяется и въ нашихъ хронографахъ: Въ лѣта же та отъ племене Афраксадова обрѣтеся мужъ нѣкыи муринъ мудръ индіанинъ астреномъ, именемъ Гандуваріи, иже и списалъ пръвѣе въ Индіохъ астрономію. (*Истринъ*, Александрія русскихъ хранографовъ, стр. 329).

[2]) Месренъ, Сеостръ, Ѳиликсъ, то-есть, Μεστραίμ (=Μεστρέμ), Σῶσις, Θοῦλις византійскихъ хроникъ. О послѣднемъ изъ этихъ властителей Египта сообщается, что онъ παρέλαβε μετά δυνάμεως πολλῆς πᾶσαν τὴν γῆν ἕως τοῦ Ὠκεανοῦ (*I. Malalae* Chronogr. Боннск. изд. 21, 24—25; *G. Cedreni* Hist. comp. I, 21, 32, 36. Ср. *Поповъ*, Обзоръ хронографовъ р. ред. I, 19).

[3]) Ахтанавъ (Νεκταναβῶ, Νεκτεναβῶ, Νεκτέναβος, Ἐκτέναβος), отецъ Александра Македонскаго, извѣстенъ по „Александріи“ и по ея многочисленнымъ отраженіямъ въ позднѣйшихъ греческихъ хроникахъ. (См. напр. *Cedr*. I, 264 *Malal* 189).

[4]) Птоломей Заечичъ, то-есть, Πτολεμαῖος ὁ Λάγου. Такой же переводъ (Птоломей Заечичъ) находимъ въ славянскомъ текстѣ временника Г. Амартола и Лѣтописца патр. Никифора (*Истринъ*, op. cit, 237; II. Собр. русск. лѣтоп. IX, стр. XVII).

[5]) О Фолѣ, отцѣ Олимпіады, упоминается въ словѣ Меѳодія Патарскаго. (Памятн. отреч. р. литерат. II, 218. Ср. *Веселовскій*, Phol als aethiopischer König въ *Archiv*'ѣ Ягича, III, 84—86).

Digitized by Google

Птоломѣй же [1]) прокаженый имѣя дщерь премудру, именемъ Клеопатру, и та *правяше* [2]) царство свое [3]) подъ отцемъ своимъ Птоломѣемъ. И въ тоже время Июліи [4]) кесарь римскіи посла зятя своего Антонина стратига римскаго воинствомъ на Египетъ. Антонину же пришедшу со многими вои по суху и по морю на брань ко Египту, посла же Клеопатра ко [5]) Антонину, стратигу римскому, послы своя з дары многими [6]) (глаголющи) [7]): «вѣси ли, о стратиже римскій, [8]) египетское царство и [9]) богатество, лучше ли есть с покоемъ [10]) царьствовати, нежели [11]) с малоуміемъ пролияти крови человѣческия». Умиливъ же ся[12]) Антонинъ, прия [13]) Египетъ бес крове, и посяже зань [14]) царица Клеопатра премудра, и воцарися Антонинъ во Египтѣ [15]). Услышавъ Улие [16]), кесарь римскій, Антониново презоръство, и постави брата своего Августа стратигомъ надъ ипаты и посла его с четырми браты своими и со всею областию римскою на Антонина [17]). И пришедъ Августъ, и [18]) възять Египетъ, и уби зятя своего Антонина, а [19]) самъ сяде [20]) во Египтѣ. И [21]) възя же [22]) Клеопатру царицу, дщерь Птоломѣя [23]) прокаженаго, и посла ю [24]) в Римъ в кораблехъ со многимъ богатествомъ Египетскимъ; и [25]) Клеопатра [26]) уморися ядомъ аспидовымъ во умѣ глаголющи: «лучьши ли [27]) есть царице [28]) Египетской смерть прияти, нежели плѣнницею приведенѣй [29]) быти в Римъ» [30]).

Восташа же ипаты на Улия [31]) кесаря, Врутосъ [32]), и Панпліи [33]), и Красъ, и убиста его в Римѣ; и скоро пріидѣ вѣсть ко Августу во Египетъ о Улиевѣ смерти [34]). Онъ-же зѣло опечалися о братни смерти [35]) и скоро созва вся воеводы и *чиноначалники* [36]), и нумеры, и *препоситы* [37]), и возвѣщаетъ имъ смерьть Иулия кѣ-

[1]) иже В. [2]) А, Б, В; въ О: правящи. [3]) Египетцкое царство А. Б. В. [4]) Іуліе А, Б, В. [5]) *нѣтъ* А, Б. [6]) со многими дарми А, Б. [7]) А, Б; въ В: глаголюще; въ О *нѣтъ*. [8]) *нѣтъ* А, Б. [9]) *слов*: царство и *нѣтъ* въ А, Б. [10]) с покоемъ—*нѣтъ* Б. [11]) не҃ Б. [12]) умилиже ся А, Б. В. [13]) пріатъ А, Б, В. [14]) А. Б; въ О: занеже [15]) *приб.* и А, Б. [16]) Иулие А, Б, В. [17]) Антония В. [18]) *нѣтъ* А. [19]) *нѣтъ* Б. и А, В. [20]) сѣде А. [21]) *нѣтъ* А. Б. [22]) взятже А, Б; взявъ же В. [23]) *приб.* царя В. [24]) *нѣтъ*, А. [25]) *нѣтъ* А. [26]) *приб.* же А; *слова*: уморися... во умѣ *опущены* въ А; въ Б: Клеопатру, она же глаголющи. [27]) *нѣтъ* А. [28]) царица В. [29]) приведеной А, Б, В. [30]) *въ* А и Б *приб.* И умори себя ядомъ аспидовымъ (аспидовнымъ В). [31]) Іуліа А, Б. [32]) Врутусъ Б. [33]) Помпміе А, Б. [34]) приб и Б. [35]) *Словъ:* онъ же . . . . смерти *нѣтъ* въ А, въ Б нѣтъ словъ: онъ же зѣло. [36]) А, Б, В; въ О: начальники. [37]) А, Б; въ О и препроситы.

Digitized by Google

зовется и нынѣ Костянтиньградъ. Сия о [1]) сихъ; і паки на предлежащее возвратимся.

Птоломѣй же прокаженный имѣ дщерь зѣло премудру, именемъ Клеопатру, [2]) и та правяше Египетское царство подо отцемъ своимъ подъ Птоломѣемъ. И в то время Vлие кесарь римскии посла зятя своего стратига римска, именемъ Антонина, во Египетъ воинствомъ. Антонину же пришедшу со многими вои сухомъ и моремъ на брань ко Египту, посылаетъ же Клеопатра ко Антонину стратигу римскому послы своя со многими дары: «веси ли ся, о стратиже римскии, египетское богатство, лутше есть с покоемъ царствовати, нежели съ малоумиемъ излияти кровь человѣческу» [3]). Умили же ся Антонинъ и приятъ Египетъ бес крови, и посяже занъ царицы Клеопатра премудрая, и воцарися Антонинъ во Египтѣ. И услышавъ Иулие, кесарь римскии, Антониново прозорство и постави брата своего Августа стратигомъ надъ ипаты и посла его с четырми браты своими и со всею областію римскою на Онтонина. І прииде Августъ на Египетъ и уби зятя своего бывшего Антонина, а самъ оста на Египтѣ; взятъ же Клеопатру царицу, дщерь Птоломѣя прокаженнаго, и посла ю в Римъ на кораблехъ со всемъ богатествомъ Египту; и Клеопатра уморится ядомъ аспидовымъ в мори глаголюще: «лутчи есть царицы Египетской смерть пріяти, нежели пленницою приведенной быти в Римъ».

Всташе же ипатіи на Улія кесаря Врутосъ и Помплие и Красъ и убиста и мечи своими руками премудраго Иулия, кесаря римска; и скоро прииде вѣсть ко Августу стратигу во Египетъ о Улиевѣ смерти, и скоро созываетъ вся воеводы, и чиновники, и нумеры, и

---

[1]) Въ рукоп. «отъ».

[2]) Въ хроникѣ Малалы упоминаются двѣ женщины, носившія имя Клеопатры: одна изъ рода Птоломеевъ, другая—изъ рода Селевкидовъ. 1) δωδέκατος δὲ Πτολεμαῖος ἐβασίλευσεν ὀνόματι Διόνυσος.., ὅς ἔσχε θυγατέρα ὀνόματι Κλεοπάτραν καὶ υἱὸν ὀνόματι Πτολεμᾶιον. καὶ λοιπὸν τρισκαιδεκάτη βασίλισσα τῶν Πτολεμαίων Κλεοπάτρα; 2) Μετὰ δὲ Ἀντίοχον τὸν Εὐεργέτην ἐβασίλευσαν ἐκ τοῦ γένους αὐτοῦ ἄλλοι θ' βασιλεῖς ἕως τῆς βασιλίας Ἀντιόχου τοῦ Διονίκους τοῦ λεπροῦ τοῦ πατρὸς Κλεοπάτρας καὶ Ἀντιοχίδος (*Mal.* 197, 208; ср. примѣч. *Edm. Chilmeadi* p. 551: Quisnam vero sit Antiochus iste Dionicus... fateor me nescire). Въ нашемъ памятникѣ *Птоломей* Діонисъ и Антіохъ Діоникъ *прокаженный* соединены въ одно лице.

[3]) Въ текстѣ родословной книги слова Клеопатры переданы такъ: „вѣси ли, о преславный стратиже, Египетское богатство лучше есть безъ брани пріяти и съ покоемъ во Египтѣ царствовати, нежели съ малоуміемъ изліяти крови человѣческія“.

Digitized by Google

саря римскаго. Они же единогласно рѣша, римляне и египтянѣ: «о преславный стратиже, Улия [1]) кесаря, брата твоего, отъ смерти воставити не можемъ, а твое величество венчаемъ [2]) римскаго царьства венцемъ [3])». И облекоста его во одежду Сеострову [4]) начальнаго царя Египту, въ порфиру [5]) и виссонъ, и препоясаста его поясомъ дермлидомъ и возложиста на главу ему [6]) митру Пора царя индѣйскаго, юже принесъ царь [7]) Александръ Македонскій [8]) отъ Индѣя, и приодѣша [9]) по плещема окройницего царя Филикса владѣющаго [10]) вселенною и радостно воскликнуша веліимъ [11]) гласомъ: «радуйся, Августе, цесарю Римскіи и всея вселенныя!» [12]).

Въ лѣто 5457 Августу кесарю Римьскому градущу во Египетъ съ своими ипаты, яже [13]) бѣ [14]) власть его [15]) Египетская рода суща [16]) Птоломѣева. И срѣте его Иродъ Антипатровъ, творя ему веліе послуженіе вои и [17]) пищею и дарми. Предаде же Богъ Египетъ и Клеопатру въ руцѣ Августу. Августъ же начатъ дань подкладати на вселенней. Постави брата своего Патрекіа [18]) царя Египту, Августаліа, другаго брата своего, постави Александріи властодръжца, Ирода же Антипатрова Асколонятина [19]) за многие [20]) его почести постави царя надъ Июдѣи [21]) въ Іерусалимѣ, Асію же поручи Евлагерду сроднику своему, Ілирика [22]) брата своего постави в повершіи *Истра*, *Піона* [23]) постави во отоцехъ златыхъ, иже нынѣ нарицаются [24]) Угрове и [25]) Пруса [26]) сродника своего постави [27]) в брезѣ Вислы рецѣ [28]) в градѣ Марборокъ и Турнъ и Хвоица [29]) и пресловыи Гданескъ и ины многи [30]) грады по реку, глаголемую Нѣмонъ, впадшую въ море. И житъ Прусъ многа времена лѣтъ и до четвертаго роду [31]); оттоле и до сего времени зовется Прусская земля.

---

[1]) Іуліа А; Іулія В. [2]) *приб.* венцемъ А, Б, В. [3]) *нѣтъ*, А, Б, В. [4]) А, Б. въ О: в сеострову. [5]) перфиру А. [6]) его А, Б. [7]) *нѣтъ* А, Б. [8]) *нѣтъ* А. [9]) *приб.* его А, Б, В. [10]) владущаго А, В. [11]) великимъ Б. [12]) *далѣе въ О пропускъ до словъ*: яко да пошлете въ прусскую землю"; *недостающее пополнено по сп.* А. [13]) Иже В. [14] *нѣтъ* В [15]) *нѣтъ* В. [16]) *нѣтъ* В. [17]) *нѣтъ* Б [18]) Патрикия Б. [19]) Асколотянина В. [20]) *приб.* ради Б, В. [21]) Иньдѣею. [22]) Лирика Б. а Лирика В. [23]) Б; Истратіона А; Истранпиона В. [24]) наричаются Б. [25]) а В. [26]) Просу Б. [27]) *нѣтъ* Б, В. [28]) ре͠ш Б. [29]) Хвойни Б, В. [30]) иные многие В. [31]) *приб.* и Б, В.

Digitized by Google

препоситы и возвещаетъ имъ смерть Иулия кесаря римскаго. Они же единогласно рѣша, римляне и египтяне: «о преславный стратиже, Иулие кесарю, а отъ смерти его воставити не можемъ, а твое великочестіе венчеваемъ венцемъ римскаго царства [1]) в похвалу добродѣемъ, а в мѣсть злодѣемъ». И облекоста я во одежу царя Сеостра, началнаго царя Египту, въ пороиру и виссонъ, і препоясаста и поясомъ ѳелрмидомъ [2]) и возложиста на главу ему митру царя Пора индѣйскаго, юже принесе Александръ Макидон(скій) отъ Индия, и приѳдеша и по плещама окройницею царя Филикса владущего вселенною, содѣланною отъ самбукия, и радостнѣ вси воскликнуша велиимъ гласомъ: радуйся!

Августъ же начатъ рядъ покладати на вселенную: постави брата своего Патрекия царя Египту и Августалия брата своего Александрѣи властодерьжца постави и Киринѣя [3]) Сиріи властодержца положи, и Ирода же Антипатрова отъ Аманитъ за многия дары и почтенія постави царя еврѣйска во Еросалиме, а Асию всю поручи Евлагероду сроднику своему, и Илирика брата же своего постави в повершии Истра, [4]) и Пиона поставивъ в Затоцехъ Златыхъ, иже нынѣ наричютца Угровѣ [5]), а Пруса в брезехъ Вислы рѣки во градѣ, глаголемый Мамборокъ, и Турокъ, и Хвойница, и пресловы(й) Гданескъ и иныхъ многыхъ градовъ по реку глаголемую Нѣмокъ,

---

[1]) Ἐν Ῥώμῃ μόνος Αὔγουστος Ῥωμαίων μοναρχεῖ, διάδημα πρῶτος καὶ κόσμον τά τε λοιπὰ περιθέμενος βασιλικὰ σύμβολα. (*Georg. Syncelli* Chron. Бонн. изд. 589).

[2]) Въ „Книгѣ, глаголемой Козмографіи“ читаемъ: „Страна Угорская и Ческая:... нарицалися они Златыя Отоцы, что златыя руды копаютъ множество и златыя угорскія идутъ по всей земли“ (*Поповъ*, Изборникъ статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 462).

[3]) Въ Сказаніи о князехъ Владимірскихъ и Родословцѣ: „поясомъ дермлидомъ“. Ѳелрмидъ, дермлидъ=вълъръмитъ, вълърьмитъ, т. е. vermiculatus, vermelius, vermilius (красный, алый). Въ Шестодневѣ Іоанна екзарха Болгарскаго находимъ такое описаніе княжескаго наряда: „аще се прилоучитъ емоу и кнеза видѣти сѣдеща въ срацѣ бисромь покыданѣ, гривноу цетавоу на выи носеща и оброучи на роукоу, поясомъ вълъръмитомъ поясана и мечь златъ при бедрѣ висещь“. (*Горскій и Невоструевъ*, Описаніе рукоп. Моск. синод. библіот. II, 1, стр. 22; *Востоковъ*, Словарь цсл. яз. 123; *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, вып. I, 384).

[4]) Извѣстіе о Киринеѣ взято изъ Евангелія Луки (гл. II, ст. 1—2): „Въ тѣ дни вышло отъ Кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись по всей землѣ. Сія перепись была первая въ правленіе Квиринія Сиріею (ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου).“ Въ бѣлорусскомъ спискѣ Родословца извѣстіе измѣнено: «Киринѣи і Сирѣи положи властодрьжца Ірода Антипатрова“ (Чтенія въ Общ. Исторіи и древн. росс. 1889 г., кн. 3, стр. 69).

[5]) въ рукописи: „поверши листра“.

Digitized by Google

И в то время нѣкіи воевода Новогородцкій [1]), именемъ Гостомыслъ, скончеваетъ свое житіе и созва [2]) владѣлца Новагорода и рече имъ: о мужне Новогородстіи, [3]) совѣтъ даю вамъ азъ, яко да пошлете въ Прусскую землю мужа мудрыя [4]) и призовите отъ тамо [5]) сущихъ родовъ владѣлца себѣ» [6]). Они же шедше въ Прузскую землю [7]), обрѣтоша тамо нѣкоего князя, именемъ Рюрика, суща отъ рода римска [8]) Августа царя, и молиша князя Рюрика посланницы отъ всѣхъ Новогородцевъ [9]), дабы шелъ к нимъ княжити. Князь же Рюрикъ пришедъ [10]) въ Новъгородъ, имѣя с собою два брата, имя единому Труворъ, а другому [11]) Синеусъ, а третеи племянникъ его с ним [12]), имянемъ Олегъ; и отъ того времени [13]) нареченъ бысть великій Новградъ [14]), и нача князь великіи Рюрикъ первыи княжити въ немъ въ лѣто 6375 [15]). Отъ [16]) великаго князя Рюрика [17]) великіи князь Владимеръ 4-е колѣно [18]), иже просвѣти [19]) русскую землю святымъ крещеніемъ въ лѣто 6496 [20]).

Поставленіе великихъ князей русскихъ откуду бѣ, и како начаша ся ставити на великое княженіе святыми бармами и царскимъ венцемъ [21]).

В лѣта 6622 бысть сіи князь великій Владимеръ Всеволодовичь [22]) Манамахъ, князь великій киевъскіи, правнукъ великаго князя Владимера, просвѣтивъшаго [23]) Русскую землю, отъ него же 4-е колѣно. Той бо Мономахъ прозвася отъ таковыя вины [24]).

Егда сѣде въ Киевѣ на великое княженіе [25]), начатъ съвѣтъ творити со князі [26]) своими и з боляры и с велможи, глаголя [27]) тако рече: [28]) «егда азъ малъ есмь [29]) преже мене царствовавшихъ и хорюгви правящихъ [30]) скипетра великия (Росия) [31]), якоже князь

[1]) Ноугородцкий Б. [2]) *приб.* вся В. [3]) Ноугородстии Б; Новгородцы В. [4]) мудры А, Б. [5]) тамо отъ А. [6]) к собѣ владѣлца А, Б. [7]) *приб.* и А, Б, В. [8]) римьскаго А, Б, В. [9]) Ноугородцовъ Б. [10]) пріиде А, Б. [11]) въторому Б. [12]) *словъ*: с нимъ *нѣтъ* А, Б. [13]) *вмѣсто*: отъ того времени—оттоле А, Б. [14]) Новъгородъ А. [15]) *словъ*: въ лѣто 6375 *нѣтъ* А, Б. [16]) и отъ Б. [17]) *приб.* четвертое колѣно А, Б. [18]) *нѣтъ* А, Б. [19]) просвѣтилъ А, Б, В. [20]) *въ* Б это хронологическое указаніе отнесено къ началу разсказа о Владимірѣ Мономахѣ [21]) *Заглавія нѣтъ*; А, Б. [22]) Всеволодичъ В. [23]) крестившаго В. [24]) Въ А и Б начало разсказа о Владимірѣ Мономахѣ изложено такъ: А отъ великого князя Владимера четвертое колѣно князь великіи Владимеръ Всеволодичъ Манамахъ правнукъ. [25]) на великомъ княженіи А, В. [26]) съ князми А, Б. [27]) *нѣтъ* А, Б. [28]) такъ рекъ В. [29]) есми А. [30]) А Б В; въ О: правяще. [31]) В; Русіа А, Б; въ О *нѣтъ*.

Digitized by Google

впадшую в море [1]); и уселися ту Прусъ многымы времены лѣтъ, пожитъ же до четвертого роду по колѣну племени своего; и до сего часа по имени его зовется Пруская земля. И сия о сихъ.

И в то время нѣкіи воевода Новогородцкии, именемъ Гостомыслъ, скончаваетъ житие и созвавъ владалца сущая с нимъ Новагорода и рече: совѣтъ даю вамъ, да послете в Прускую землю мудры мужа и призоветѣ князя отъ тамо сущихъ родовъ римскаго царя Августа рода. Они же шедше въ Прускую землю и обрѣтоша тамо нѣкоего князя іменемъ Рюрика, суща отъ рода римска царя Августа, і молиша его посланми всехъ Новогородцовъ. Князь же Рюрикъ пріиде к нимъ в Новгородъ і имѣ с собою два брата, имя единому Труворъ, а другому Синѣусъ, а третіи племянникъ, именемъ Олегъ; и оттоле нареченъ бысть Новгородъ великіи; княжевъ с нимъ князь великіи Рюрикъ, и отъ великого князя Рюрика четвертое колѣно князь великіи Володимеръ, просвѣтивый землю рускую святымъ крещеніемъ, нареченный во святомъ крещеніи Василеи; и отъ него четвертое колѣно князь великіи Володимеръ Всеволодичъ.

И совѣтъ творяше со князми своими и з боляры своими и с велможами и з боляры глаголя: «егда азъ есми юнѣиши преже мене державствовавшихъ и хорогови правящихъ скипетра великія Росия, яко тои князь великіи Олегъ ходилъ и взятъ с Констянтинаполя, с новаго Рима, по главамъ дань и здравъ возвратися во своя сіи; и потомъ князь великіи Святославъ Игоревичъ, пореколъ имый Лехкіи, и иде в ладияхъ на двою тысящь и седмью сотъ и взятъ на Костентинове граде тяжчаишую дань и возвратися во своя отечество, Киевскую землю, и скончаваетъ житие. А мы есмы наслѣдницы прародителей своихъ и отца моего Всеволода Ярославича и наслѣд-

---

[1]) Перечень поставленныхъ Августомъ правителей представляетъ смѣсь историческихъ именъ (Иродъ, Киринеи) и титуловъ, принятыхъ за имена собственныя (Августалій, Патрикій). Что касается имени Пруса, то оно извлечено, конечно, изъ названія страны и народа, но что могло дать основаніе (конечно, только призрачное) сблизить этого Пруса съ Августомъ? Не примѣшалось ли тутъ воспоминаніе о пасынкѣ Августовомъ Друзѣ и его походахъ въ Германію? Къ владѣніямъ Пруса причисляются, кромѣ Гданска, Мамборокъ (Маръборокъ, то-есть, Marienburg, польск. Malborg), Хвойница (польск. Chojnice, нѣм. Konitz. См. *Головацкій*, Геогр. словарь зап.-слав. земель, 189, 338), Турокъ (=Турогъ, въ Степнной книгѣ Туронъ, то-есть Торунь, нѣм. Thorn). Нѣмокъ (=Немьянъ, Немонъ) –Нѣманъ. Подобно имени Пруса образованы имена Илирика и Піона (ср. «Пеони глаголемѣи Угри, иже сами нарицаются Магерѣ» въ Повѣсти о латынѣхъ. *Поповъ*, Полем. соч. 187).

Digitized by Google

великіи Олегъ ходилъ и възялъ со [1]) Царяграда велию [2]) дань на вся воя своя [3]) и потомъ великіи князь Всеславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Констянтинѣ градѣ тяжчаишую дань. А мы-есмя [4]) Божиею милостию настолницы своихъ прародителей и отца своего [5]) великого князя Всеволода Ярославича и наслѣдницы тоя же чести (отъ Бога) [6]) сподоблены, [7]) и нынѣ убо [8]) съвѣтъ [9]) іщу отъ васъ, моея полаты, князей, и бояръ, и воеводъ и всего надъ вами [10]) христолюбиваго воинства, и [11]) да превознесется [12]) имя святыя и [13]) живоначальныя Троица [14]) вашея [15]) храбрости могутствомъ Божиею волею с нашимъ повелѣниемъ, и кии ми [16]) съвѣтъ [17]) воздаете»? Отвѣщаста же великому князю Владимеру Всеволодовичю [18]) князи и боляря [19]) его и воеводы и рѣша ему [20]): «сердце царево в руцѣ Божіи, якоже есть писано [21]), а мы есмя [22]) вси раби твои [23]) подъ твоею властию [24])». Великіи же князь Владимеръ збираетъ [25]) воеводы благоискусны и благоразумны и благоразсудны, [26]) поставляетъ чиноначалники [27]) и сотники и пятидесятники, и совокупи многи тысяща [28]) воинствъ [29]) и отпусті ихъ на Фракию Царяграда бласти, и поплѣниша ихъ [30]) довольно, и возвратишася со многимъ огатествомъ здрави во свояси).

[1]) въ В. [2]) великую А, В. [3]) *приб.* и здравъ во своя си возвратися А, В, В. [4]) *нѣтъ* А; есмь В. [5]) моего Б. [6]) А, Б, В. [7]) *нѣтъ* А, Б. [8]) *нѣтъ* А, [9]) совѣта Б [10]) *слов*: надъ вами *нѣтъ* въ А, Б. [11]) *нѣтъ* А, Б. [12]) вознесетъ А. [13]) *нѣтъ*. В. [14]) *приб.* и А. [15]) вашіа А. [16]) нѣтъ А. [17]) отвѣтъ противу А. [18]) Всеволодичю А, Б, В. [19]) боляре А, Б. [20]) *слов*: и рѣша ему *нѣтъ* въ А, Б. [21]) *слов*: якоже есть писано *нѣтъ* въ А, Б. [22]) *нѣтъ* А; есми В. [23]) *приб.* и В. [24]) всѣ в твоей воле А, Б. [25]) собираетъ А. [26]) *приб.* и А. [27]) *приб.* надъ различными чины борѣнія, тысящники... В; въ А и Б: надъ различными воинствы, тысущники, сотники, пятдесятники надъ различными чинми бореніа и совокупи... [28]) тысуща А. [29]) воинства А, Б. [30]) *нѣтъ* А, я Б. [31]) *слов*: здрави во свояси *нѣтъ* въ А, Б.

Digitized by Google

ницы тоя же чти отъ Бога. и совѣта ищу отъ васъ, моея полаты князи, и бояре, и воеводы, и всего подъ вами христолюбиваго воинства, да превознесется имя живоначалныя Троица вашия храбрости могутъствомъ Божіею волею с нашимъ повелѣниемъ, кіи ми совѣтъ воздаваете»? Отвѣщаста же великому князю Володимиру Всеволодичю (послѣди нареченъ Манамахъ) князи, и болярове, и воеводы его, рѣша: «серце царево в руцѣ Божіи, якоже писашеся, а мы есми въ твоей воли, государя нашего по Бозѣ». Великіи же князь Володимерь зъбираеть воеводы благоискусныя і мноразумныя и поставляетъ чиновники надъ различнымъ воинствомъ, тысящники. и сотники, и пятдесятники надъ различными чины борѣния, и совокупи многия тысяща воинства, и отпусті я а на Ѳракию Царяград(а), и плениша ю доволно, и возвратишася со многимъ богатствомъ во здравие мнозѣ во своя си. И сия о нихъ тако.

В та бо времена въ лѣто 6000-ное 550-го отвержеся Римъ, испаде папа Формосъ отъ вѣры [1]), Царю же Костянтину Манамаху о таковыхъ вещехъ во мнозѣ печали сущу, собираетъ соборъ по совѣту царску и по благословенію святѣйшаго патриарха Киръ Лария [2]); и воспосылаютца скорѣйшая посланья ко другимъ патриархомъ, ерусалимску і александръску і антиохѣиску. И паки тѣ посланницы вскоре возвратишася и послы тѣхъ патриархъ и сь ихъ послами і совѣтомъ духовнымъ. І совѣщаста святѣишии вселенскии патриархъ Кир-Ларье [3]) и боголюбивыя царь Костянтинъ, глаголемыи Манамахъ, совѣтомъ вселенскаго собора четырехъ патриархъ и сущихъ подъ ними митрополитъ і епископъ даже и до нижнихъ чиновъ [4]), сирѣчь до ерѣи, и діяконъ, и поддьяконъ, извергоста папино имя ис паралипомѣна церковныхъ престолъ четырехъ патриархъ вселенъскихъ; і отъ тѣхъ временъ и лѣтъ даже до сего часа лы-

---

[1]) Формозъ жилъ не въ XI (6550—1042 г.), а въ IX столѣтія (былъ папой 891 — 896 г.). Имя Формоза повторяется во многихъ древне-русскихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ (*Поповъ*, Обзоръ полем. соч. пр. лат. 5, 142, 183, 388), а также въ сочиненіяхъ старообрядцевъ (Ср. *Гиляровъ-Платоновъ*, О папѣ Формозѣ въ *Прибавл. къ твор. св. отцевъ*, 1855, ч. XIV, кн. 2, 239—277). Воспоминанія о Формозѣ встрѣчаются въ сборникахъ повѣстей и сказокъ (Isländische Legenden, Novellen und Märchen, hrsg. v. *N. Gering*, № XII).

[2]) въ рукоп. Ларияя.

[3]) Киръ-Ларий, Кир-Ларье, то-есть Михаилъ Кируларій (Μιχαὴλ ὁ Κηρουλάριος) патріархъ Константинопольскій (1043—1059). Соборъ по поводу извѣстнаго посольства отъ папы Льва былъ въ 1054 г.

[4]) Въ рук. «даже и до нихже чиновстии рече до ерѣи».

Digitized by Google

Тогда [1]) бѣ во Цареградѣ [2]) благочестивый царь Костянтинъ [3]) Манамахъ, и в то время брань имѣя [4]) с Персы и с Латины [5]). И составляетъ [6]) съвѣтъ благъ [7]) премудрый царьскіи [8]), отряжаетъ убо [9]) послы своя [10]) к великому князю Владимеру Всеволодовичю [11]) митрополита Ефесскаго Неофита отъ Асия [12]) и с нимъ два епископа, Митулінскаго и Мелетінскаго [13]), и стратіга [14]) антиохийскаго, игѣмона Иерусалимского Иеустафия [15]) и иныхъ своихъ благородныхъ. Отъ своея же царьския [16]) выя снимаетъ [17]) животворящіи крестъ отъ самого животворящаго древа, на немъже распятся владыка Христосъ, снимаетъ [18]) же отъ своея главы [19]) царьскій венецъ и поставляетъ его на блюде злате; повелѣваетъ же принести крабѣйцу [20]) сердоликову, из нея же Августия [21]) царь римскіи [22]) веселящеся, [23]) посылаетъ же [24]) и ожерелие, сирѣчь святыя бармы [25]), иже на плещу свою [26]) ношаше [27]), и чепъ отъ злата аравитскаго [28]) скованну [29]) и ины многи дары царьскія, и дастъ [30]) ихъ митрополиту Неофиту и [31]) епископомъ [32]) и своимъ благороднымъ посланникомъ, и отпусти [33]) ихъ къ великому князю Владимеру Всеволодовичю [34]) моля его (и) [35]) глаголя: «Пріими отъ

---

[1]) *приб.* же В. [2]) Цариградѣ Б. [3]) Констянтинъ А. 4) имый Б. [5]) латынею А, Б. [6]) *приб.* же В. [7]) *нѣтъ* А, Б. [8]) мудрѣи царскыи А. [9]) *нѣтъ* А, Б. [10]) *нѣтъ* А, Б. [11]) Всеволодичю А, Б. [12]) *словъ*: отъ Асия *нѣтъ* А, Б. [13]) Милитинскаго В; въ А и В: два епископа Милитинска А, Б. [14]) антипата А, Б. [15]) Еустаѳіа А, Б. [16]) *нѣтъ* А, Б. [17]) съемлетъ А. [18]) съемлетъ А, Б. [19]) *приб.* и В. [20]) крабицу А, Б, В. [21]) Авъгуста Б. [22]) *нѣтъ* А. [23]) А, Б, В; въ О: веселящеся. [24]) *нѣтъ* А, Б. [25]) *словъ*: сирѣчь святыя Бармы *нѣтъ* А, Б. [26]) своею А, Б [27]) *нѣтъ* въ О и В. [28]) аравъска А, Б; арависка В. [29]) искованну А. В. [30]) предаде А, Б. [31]) со А, Б. [32]) епископы А, Б. [33]) посла, А Б. [34]) Володимеру Всеволодичю А, Б. [35]) А.

Digitized by Google

тають отъ православныя вѣры отпадшеи, наречени быша латыня, и к тому не поминается папино имя въ церковныхъ преданиехъ отъ четырехъ патриаршескихъ престолъ вселенскыхъ. Сеи бо блядивыи Ѳормосъ не нарицаемъ оттоле папа, но отступникъ [1]) православныя вѣры нашия, юже прияхомъ благовѣстиемъ Господа нашего Іса Христа Сына Божія, Слова и Бога, и святыхъ ученикъ его проповеданми, вселѣнскихъ седми соборъ преданми. Сеи бо окаянный Ѳормосъ пресѣче живоначалныя Троица составъ и впаде в латынскии языкъ, четвертое лице въ Божествѣ, еже исходити Духу Святому и отъ Сына, блядословляше; мы же, православія ученицы, исповѣдуемъ безначална Отца и безначална Сына Его Слова и сопрестолна суща Святаго Духа, исходяща ис Пречистыхъ нѣдръ отчихъ, единасущна бо есть Троица, Отець, и Сынъ, и Святый Духъ. И сия о сихъ; мы же паки на предлежащее поидемъ.

Царь же боголюбивыи Костянтинъ Манамахъ составляетъ совѣтъ и отряжаетъ послы к великому князю Володимеру Всеволодичю в Киевъ и в Володимеръ Неоѳита митрополита отъ Асия Еѳесскаго и с нимъ два епископа Митѣлейска и стратига антиохииска і авѳусталия александрейска и гермона ерусалимска Еустаѳья, и отъ своея выя приемлетъ животворящии крестъ отъ самого животворящего древа, на немже распятся владыка Христосъ, снем же с своея главы венецъ царскии поставляетъ его на блюде злате; повелевает же принести и крабицу сердоликову, из нея же Августъ кесарь римскіи веселяшеся, и ожерелие, иже на плещу своею ношаше, и кацыю [2]), иже отъ злата аравитьска искованy, и змирну со многими благовонными цвѣты Индиискія земля составлену, и ливанъ отъ злата аравитска трема смѣшение имати, и ины многи дары, и предаетъ ихъ митраполиту Неоѳиту со епископы и своимъ благороднымъ рядникомъ и посылаетъ ихъ к великому князю Володимеру Всеволодичю в Киевъ: «Пріими отъ насъ, о боголюбивыи и благовѣрныи княже, сия честная дорове отъ начатокъ вѣчнаго твоего родства поклонения на славу и честь и венчание твоего волнаго и самодержавнаго царства; имже начнутъ тя молити наши пословѣ, и мы отъ твоего благолюбія просимъ мира и любвѣ, да церкви Божия без мятежа будутъ и все православие в покои пребудутъ подъ сущею властию нашего царства и твоего волнаго самодержавства великія Росия, да

---

[1]) Въ рукоп. „не нарицаемъ, но оттоле папа отступникъ“...

[2]) Кація, кацыя—ручная кадильница (Словарь цсл. и русск. яз. изд. II, s. v. Указ. Акты арх. эксп. I, 469).

Digitized by Google

насъ, [1]) боголюбивыи и благовѣрныи [2]) княже, сия честныя дарове [3]) (иже отъ начатка [4]) вѣчныхъ лѣтъ твоего родства [5]) и *поколѣніа* [6]) царьскихъ [7]) жребіи на славу и честь [8]) на венчание твоего (волнаго) [9]) и самодержавнаго царствия [10]). О немъ же [11]) начнутъ молити тя [12]) наши посланницы, что мы отъ твоего благородия просимъ мира и любве, яко да [13]) церкви Божия (безмятсжна) [14]) будетъ [15]) и все православие въ покои *да* [16]) пребудетъ подъ сущею (властію) [17]) нашего царства и твоего волнаго самодержавства великия Росия, [18]) да нарицаешися [19]) боговенчанныи царь, венчанъ симъ царьскимъ венцемъ рукою святѣйшаго митрополита Киръ Неофита съ епископы». И с [20]) того времени князь великіи Владимеръ Всеволодовичъ [21]) наречеся Манамахъ, царь великия Росия [22]), и потомъ пребыста [23]) прочаа времена съ царемъ Констянтиномъ [24]) князь великіи Владимеръ [25]) въ мирѣ [26]) и любви. Оттолѣ [27]) и донынѣ тѣмъ царьскимъ [28]) венцемъ венчаются [29]) великіи князи Владимерстіи, его же прислалъ греческій царь Констянтинъ Манамахъ егда поставятся [30]) на великое княженне росіиское [31]). Преставися князь великіи Владимеръ Киевскіи Монамахъ въ лѣто 6632, княжилъ въ Киевѣ лѣтъ 13, а живе всѣхъ лѣтъ 73, и положенъ бысть во святѣи Софеи въ Киевѣ мая въ 19 день. [32]).

В царьство же Констянтина Манамаха отлучися отъ Цариграда Церкви и отъ правыя вѣры отпаде римскии папа Ѳормосъ [33]) и уклонися в Латыньство. Царь же Канстянтинъ и святѣйшии патриархъ Киръ Иларие повелѣ собратися собору во царствуюпціи градъ, святѣйшіи патріарси Александриискій и Антиохиискій і Ерусалимьскій, и сихъ совѣтомъ благочестивыя царь [34]) Манамахъ съ святымъ вселенскимъ соборомъ, четырми патриархи, и митрополиты, и епископы, (и) иерѣи, изверготпа папино имя ис поминаней церковныхъ и отлучиша его отъ четырехъ патріархъ и отъ православныя вѣры отпадша; и отъ того времене и донынѣ лытають, нарекошася латыня; мы же, православніи кр҇тьяне [35]), исповѣдаемъ святую Троицу, безначалнаго Отца съ единороднымъ Сыномъ и *с пресвятымъ единосущнымъ и животворящимъ Духомъ* [36]) во единомъ Божествѣ, вѣруемъ и славимъ и покланяемъся.

---

[1]) *приб.* о А, В, В. [2]) *словъ*: и благовѣрныи *нѣтъ* А. [3]) дары А. [4]) начала В. [5]) благородия В. [6]) А, Б, В; въ О: поколѣни. [7]) царьскіи А. Б. [8]) *приб.* и А. [9]) А, В [10]) *приб.* и А. [11]) *словъ*: твоего.. о немъже *нѣтъ* Б. [12]) молитися В. [13]) *нѣтъ* А, Б. [14]) Б; безмятежно А. [15]) будутъ А. [16]) Б; въ О: и; *нѣтъ* В. [17]) А, Б, В. [18]) *приб.* яко А, Б, В. [19]) *приб.* отселе А, Б. [20]) отъ А, Б. [21]) Всеволодичъ А. [22]) Русіа А. [23]) пребысть А, Б. [24]) *слѣдующихъ словъ*: князь великій Владимеръ въ мирѣ и любви *нѣтъ* Б. [25]) *словъ*: князь великіи Владимеръ *нѣтъ* А. [26]) смиреніи А. [27]) И оттолѣ А, Б. [28]) *нѣтъ* А, Б. [29]) *приб.* царскимъ А, Б. [30]) ставятся А, Б. [31]) руское А, Б, В. следующаго далѣе извѣстія о смерти Владиміра Мономаха нѣтъ въ А и Б. [32]) здѣсь оканчиваются списки О и В. Послѣдній отдѣлъ Сказанія издается по спискамъ А и Б. [33]) Форьмасъ Б. [34]) *приб.* Констянтинъ Б. [35]) Християне Б. [36]) Б; въ А: пресвятый единосущный и животворящій Духъ.

Digitized by Google

нарицаешися отселе боговѣнчанныи царь вѣнчався [1]) симъ царьскимъ вѣнцемъ рукою святѣйшаго митрополита Неоѳита и съ епископы». И отъ того времени князь великіи Володимиръ Всеволодовичъ наречеся Манамахъ и царь великій великия Росия, и отъ того часа тѣмъ вѣнцемъ царскимъ, что присла великіи царь греческіи Констянтинъ Манамахъ, вѣнчаются вси великие князи Володимерския, егда ставятся на великое княжение руское, якоже и сие волныи и самодержацъ царь великія Росия Василей Ивановичь вторыйнадесять по колѣну отъ великого князя Володимера Манамаха, а отъ великого князя Рюрика 25-е колѣно, и братья его Ивановичи и Андрѣевичи.

Сия убо, аще и грубъ, изрекохъ скудостью домысла, пачеже старостію одержимъ многою, имамъ бо лѣтъ отъ рожения много девятьдесятъ и едино, но паче увидѣхомъ отъ историкия Гаднуярия нѣкоего именемъ отъ рода Арѳаксадова, первие исписавшу астронамию во Асирью Еврѣйска и о ка [2])питулы Римскы. Не просто бо глаголетъ государей нашихъ поколѣнства благочестія удрьжавшихъ православныя вѣры, родомъ бо ихъ начатокъ отъ Месрема внука Ноева. Претече же нынѣ до великого князя Василія Ивановича волнаго самодерьжца и царя лѣтъ 4000 осмъ сотъ. А царству ихъ начатокъ отъ Сеостра (и отъ Августа) [3]) кѣсаря римска и царя, сей бо Августъ пооблада вселенною.

---

[1]) въ рукоп. вѣнчаӣя.

[2]) Здѣсь оканчивается текстъ старинной рукописи; остальное написано (на вплетенномъ въ рукопись листкѣ) рукой Строева.

[3]) слова: „и отъ Августа“ въ рукоп. пропущены.

Digitized by Google

VI.

Походъ Владиміра Мономаха къ Цареграду [1]).

Сей же благовѣрный великій князь Володимеръ Всеволодовичъ украшенъ добрыми нравы и прослывый в побѣдахъ, его-же имени вся страны трепетаху, понеже бо онъ всею душею возлюби Господа Бога і возлагая все упование на вседержителя Бога, во время же княжения своего собра вои многи и иде во Греки ко Царюграду, тогда же во Царѣградѣ царствующу Константину нарицаемому Мономаху. Онъ же со многимъ воинствомъ пріиде ко Царюграду і посла ко царю: «Аще не покоришимися, то вскорѣ градъ возму и васъ всѣхъ подъ мечь подклоню». Царь же со всѣми граждани убоявшеся и дяше дань, что хощеши. Князь же великиі Владиміръ: «не хощу убо ни злата, ни сребра взяти», токмо прошаше у нихъ: «дайте ми диадиму, сиі ре̑ порѳиру царьскую, да шапку, да скипетръ державы греческаго царствия, и азъ градъ вашъ свобожду и миръ с вами сотворю». Царь-же і вси людие ради быша прошению его і вынесоша к нему диадиму, сиі рѣ̑ порѳиру, да шапку царьскую, да скипетръ, державу греческаго царствия. Онъ же прия у нихъ с великою любовию і честию и отступи отъ града, сотвори с ними вѣчный миръ; и приде во свою отчину в богоспасаемый градъ Кіевъ с великою побѣдою и честию. И какъ великому князю Владимиру прилучися время причаститися божественныхъ таинъ, тогда возлагаше на себя порѳиру царьскую и шапку и тако причащаяся божественнымъ тайнамъ со страхомъ и трепетомъ. Всемилостивый же человѣколюбецъ Богъ за его премногую добродѣтель покори ему многи страны і языки, прозваея имя его во всеі вселеннѣи: Царь и великиі князь Владимиръ Всеволодичь, нарицаемый Монамахъ, всеа великия Россиі самодержецъ. Прия даръ отъ Бога: егда в церковь вниде, слыша божественное пѣние, слезы испущаше и молитву ко владыцѣ Христу творяше отъ всеа души своея, і милостыню требующимъ раздая доволну. И исполни лѣта живота своего в доброденствиі і в покое безмятежно [2]).

(Рукоп. Московскоі синод. библіот. № 964, л. 316—317.

[1]) Ср. выше стр. 139.

[2]) ср. въ Степ. книгѣ т. I, стр. 246—247 (по изд. Миллера).

Digitized by Google

VII.

Новгородскіе разбойники Кій, Щекъ и Хоривъ [1].

В тѣ времяна и лѣта Олговы бысть в великомъ Новѣградѣ и нѣцыи мужы воини, си ре разбойницы лютиі, три брата: перьвый братъ Кий, вторый братъ Щекъ, третии братъ Хоривъ, да у нихъ сесътра Лыбѣдь, такоже была храбра и велми красна. И много тѣ мужы и сестра ихъ (зла) творяша новгородцомъ [2]), разбои чиняше во граде и по сѣламъ. Новго(ро)тцы же гражане мужы Кия и брата его и сесътру ихъ Лыбѣду поимавъ и посадиша ихъ в порубъ, и жены, и дѣти ихъ, и весь родъ ихъ, и всѣхъ ихъ числомъ до тридеся душъ; всѣ были храбры и сильны добрѣ. И седяше тѣ мужые много лѣтъ в темницы, и Новгородцы же повелѣша их обесити. Кии же и братья ево нача плакати и бить челомъ князю Олгу: «Господине княже Олгъ, яви милость рабомъ своимъ, вели ис темницы выпустить, и мы отойдемъ отъ града сего и отъ твоея благости, идеже, господине, держава твоя ни есть». И умилосерьдися Олгъ князь и от(пу)сти Кия и братию его и весь родъ его. Они же идяше дебриемъ до дву месецъ, и дойде до реки великие, рекомаго до Днепра, иже течетъ изъ Руси на полдень в море теплое, по нему жывутъ Варяги; и приідоша на горы высокия и обрете на тѣхъ горахъ крестъ, его же постави при страсти Господни первозванный апостолъ Анъдрей, братъ Петровъ. И рече сицо святый Андрей: «в последние лѣта и на сихъ горахъ возъсияетъ благодать Божыя и будетъ градъ нареченъ имя ему Киевъ; той градъ будетъ всемъ градомъ рускимъ мати, и утверьдитца о немъ хрестиянская вѣра и прославитца той градъ во всей стране Еленские области и поклонятца [3]) цари, и князи, и колѣна варваръская господьямъ града того». И полюби Кіи мѣсто сие и вселися на горѣ, иже есть и доныне Киевица, а братъ его Щекъ вселися близъ его на второй горѣ, иже есьть Щековиуа, а Хоривъ вселися на третье горѣ, иже есть Хоривица, а Лыбедь сестра ихъ таже веселися со всеми роды

---

[1]) ср. выше стр. 148 и 277.
[2]) въ рукоп. Новгороцкомъ.
[3]) въ рукоп. варваръскаго.

Digitized by Google

своими. И посемъ Киі и весь родъ его нача делати землю рукама своими и нача славно жыти. и прихожаху к нимъ многие люди со всѣхъ странъ и вселяхуся ту с Киемъ, и распространися мѣсто сие и людей мнот множество в немъ; и тогда наченше Кия и дружину ево наймовати Древляне, и в то время Кии з дружыною своею сотъвори себе градецъ малъ Киевецъ. И нача слыти первой Киевъ по всемъ странамъ и болши того множесътво множайше людей к месту тому прихождаху. И по семъ князь Олгъ посла изъ Новагорода (послы) своя ко Царюграду и греческому царю Михайлу с великою честию и со многими многими [1]) царскими драгими дары. I послаша к нему два мужа чесные, единому имя Осколдъ, а вгорому имя Идиръ; ониже насланнии мужы Олговы приидоша до Кия до горъ тѣхъ, [2]) и дивитися наченъше, зряще красоты мѣста того; и пустиша посланьнии мужы на Кия и побиша они Кия и всю братию ево и весь родъ его, а сами не поидоша ко Царюграду посольствомъ, и веселишася ту и создаша градецъ, боле перваго, и жывяше во славе велицеи многи дни.

(Рукоп. Имп. Публ. библіот., Q. XVII. 72. Ср. Погод. древлехр. № 1578. Въ Погодинскомъ сборникѣ сохранился лишь отрывокъ приведеннаго сказанія, отъ словъ: к нему два мужа чесные, единому имя Осколдъ).

---

[1]) въ рукоп. множествомъ.
[2]) въ рукоп. Погод. № 1578 приб. Днепрой.

Digitized by Google

VIII.

Легенда о человѣкѣ, обреченномъ демону *).

(Βιβλίον ὡραιότατον καλούμενον Ἁμαρτωλῶν Σωτηρία)

Θαῦμα Μ'.

Περὶ τοῦ παραδοθέντος ὑπὸ τῆς μητρὸς ἐντῇ συλλήψει αὐτοῦ τῷ Δαίμωνι.

Ἦτον ἕνα ἀνδρόγυνον, ἀμφότεροι φοβούμενοι τὸν Θεὸν ποιοῦντες ἐλεημοσύνας, και ἄλλας ἀρετάς· καὶ ἀφοῦ ἔκαμαν ἀντάμα ἱκανοὺς χρόνους, ἐσυμφώνησαν νὰ κάμουσιν ἀποχὴν τῆς σαρκικῆς μίξεως, καὶ οὕτως ἐπέρασε πολὺς καιρός, ὁποῦ ἔζοῦσαν ὡς ἀδελφοὶ καὶ ὄχι ὡς ἀνδρόγυνον. Ἀλλ' ὁ ἐχθρος τῆς σωφροσύνης ἐφθόνησε τὴν ἀρετὴν τούς, καὶ ἐπολέμησε τὸν ἄνδρα μίαν ἡμέραν, ὁποῦ ἦτον μέγα Σάββατον,, καὶ τοῦ ἔδωκε τόσον πειρασμόν, ὁποῦ μὴ δυνάμενος νὰ ὑπομένῃ, ἔπεσε μετὰ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ στανικῶς της, ἡ ὁποία τὸν ὠνείδισε πολλά, καὶ ἤλεγξεν, ἐνθυμίζουσα τὸ τῆς ἡμέρας αἰδέσιμον, ἀμὴ 'εκεῖνος δὲν ἐσυλλογίσθη τὸν ἔλεγχον ἀλλὰ ἔκαμνε τὴν ἐπιθυμίαν του.

Τότε τοῦ λέγει ἡ γυνὴ μετ' ὀργῆς· Ἐπειδὴ δὲν εὐλαβήθης ἀνόητε τὴν σεβασμίαν τοῦ Κυρίου Ἀνάστασιν, παρακαλῶ τὸν Θεόν, εἴτι γεννηθῇ ἀπὸ λόγου μας τὴν νύκτα ταύτην νὰ ἦναι παραδομένον τοῦ Δαίμονος.

(Амартолонъ сотиріа, сирѣчь чюдесы всехвальныя Богоматере).

Чюдо четыредесятое.

О преданномъ въ зачатіи матерію отроча(ти) бѣсу.

Бяше едино супружество, обое боящеся Бога и творяще милостыни и иныя добродѣтели; и пребыша купно доволна лѣта, согласистася воздержатися отъ смѣса плоти, и тако мину время многое: живяста, яко братія, а не яко супружество. Но врагъ цѣломудрію позавидѣ добродѣтели ихъ и боривъ мужа въ день великія субботы, и даде ему толико искушеніе, яко не могущи стерпѣти, паде с женою своею нужно, якоже поноси ему велми и обличаше, воспоминающи дни святость и величество, но той не помысливъ на обличеніе, но сотворивъ похоть свою. Тогда рече ему жена со гнѣвомъ: «понеже не устыдился еси, безумне, честнѣйшаго Господа востанія, молю Бога, еже ся родитъ отъ наю нощи сея, да будетъ отданое бѣсу».

*) Ср. выше стр. 309—310.

Digitized by Google

Τὴν ὥραν ἐκείνην, ὁποῦ εἶπε τὸν λόγον ἡ ἄγνωστος, ἐσυλλήφθη, καὶ μὲ τὸν καιρὸν ἐγέννησεν ἕνα ἀρσενικὸν παιδὶ ὡραιότατον, τὸ ὁποῖον ὅσον ἐτρέφετο, ἔδειχνε πλέον χαριτωμένον καὶ φρόνιμον, τόσον ὑποῦ ἐχαιροντο οἱ συγγενεῖς νὰ τὸν βλέπουσιν. Ὅταν δὲ ἔφθασεν εἰς τοὺς ιβ'. χρόνους, φαίνεται πρὸς τὴν μητέρα αὐτοῦ ὁ Δαίμων, καὶ λέγει της·

Εἰς τρεῖς χρόνους, ἔρχομαι νὰ πάρω τὸ δῶρον, ὁποῦ ἔταξες. Ταῦτα ἀκούσασα ἡ ἀθλία μήτηρ, ἔλαβε θλίψιν καὶ πόνον εἰς τὴν καρδίαν, καὶ καθεκάστην ἐθρήνει ἀπαραμύθητα, καὶ μάλιστα ὅταν ἐκύττάζε τὸν ὑιὸν της,, ὅστις ἐθαύμαξεν εἰς αὐτὸ, καὶ τὴν ἠρώτησε λέγων·

Εἰπέ μοι, μῆτερ, παρακαλῶ σε, διὰ ποίαν αἰτίαν πάντες οἱ φίλοι καὶ συγγενεῖς μὲ βλέπουν καὶ χαίρονται, καὶ σὺ μόνον δακρύεις ὁρῶσά με; Ἡ δὲ εἶπεν αὐτῷ πᾶσαν τὴν ἀλήθειαν.

Ὁ νέος λοιπὸν ἐπικράνθη πολλὰ, καὶ φοβούμενος μὴ πάθῃ τίποτε ἐναντίον ἀπὸ τὸν ἀνθρωποκτόνον διάβολον, ἔφυγε μίαν νύκτα, καὶ πορευθεὶς εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα, ἐξωμολογήθη τῷ Πατριάρχῃ, ὅστις τὸν ἔστειλεν εἰς ἕνα Ἐρημίτην Πνευματικὸν ἁγιώτατον ὅπου ἐτρέφετο ἐκ χειρὸς Ἀγγέλου ὁ ὁποῖος του ἤφερνε καθ' ἑκάστην ἕναν ἄρτον θαυμάσιον· ὅταν δὲ ἀπήρχετο τινὰς νὰ τὸν εὕρῃ, τοῦ ἔφερνεν ὁ Ἄγγελος δύω ἄρτους, καθὼς ἔκαμε καὶ τὴν ἡμέραν ἐκείνην. Εἰς ὀλίγην ὥραν ἐλθὼν ὁ νέος, τοῦ ἔδωσε τὸ γράμμα τοῦ Πατριάρχου, καὶ ἀφοῦ τὸ ἀνέγνωσεν, εἶπεν αὐτῷ. Ἂς ἐπικαλέσωμεν, τέκνον μου, τὴν πανάμωμον Δέσποιναν, ἥτις δύνεται πολλὰ κατὰ τῶν δαιμόνων, ὅτι αὐτὴ τοὺς ἐξενεύρισεν, ἀφανίζουσα αὐτῶν τὴν δύναμιν ἅπασαν καὶ πολλὰς ψυχὰς ἅρπασεν ἀπὸ τὰς χεῖρας αὐτῶν, καὶ ἐλύτρωσε τῆς αἰωνίου κολάσεως. Οὕτως εἶπε, καὶ νουθετήσας αὐτὸν νὰ προσεύχεται μὲ δάκρυα πολλὰ καὶ εὐλάβειαν, τὸν ἐκράτησεν εἰς τὸ κελλίον του ἕως τὴν ἁγίαν Λαμπρὰν,

В часѣ убо томъ, иже изрече слово безумная, зачатъ и со временемъ породи мужеска полу прекрасное отроча, которое, елико воспиташеся, толма являшеся даровитое и мудрое, толма яко радовахуся сродницы видѣти его. Егда бысть 12 лѣтъ, является ко матери его бѣсъ и рече ей: «еще три лѣта, и пріиду взяти даръ, иже мнѣ обѣтовала еси». Сія услышавши окаянная мати пріятъ скорбь и болѣзнь въ сердцѣ и на всякъ часъ рыдаше неутѣшно и наипаче егда зряше на сына своего. Онъ же чудяшеся о семъ и вопроси матерь свою глаголя: «Скажи ми, мати моя, молюся, за кую вину вси сродницы и друзи зряще мя радуются, а ты точію самая слезиши, зряще мя?» Она же сказа ему всю правду.

Младый убо огорчися велми и и боящися, да не нѣчто пострваждетъ противное отъ бѣса и человѣкоубійцы діавола, бѣ же нощію шедъ во Іерусалимъ и исповѣдася патріархови. Онъ же его посла к пустыннику духовному святому, иже питашеся изъ рукъ аггла, приносяща ему всегда единъ хлѣбъ дивенъ, егда же ему гость кто прихождаше приносяще ему агглъ два хлѣба, якоже сотворивъ и в день той. По маломъ часѣ пришедъ юный даде ему писаніе отъ патріарха и прочетши рече ему: «Призовемъ чадо всенепорочную владычицу, яже можетъ велми на бѣсы. Она бо изсѣче ихъ и искоренивши имъ силу всю и многи души исхити из

Digitized by Google

Ὁποῦ ἐτελείωναν οἱ τρεῖς χρόνοι ἀπὸ τὴν ἡμέραν, ὁποῦ ὁ δαίμων ἐσύντηχε τῆς μητρὸς τοῦ νέου· καὶ τότε ὁ Ἅγιος ἐλειτούργησεν. Ὁ δὲ νεανίας ἐστέκετο ἐκεῖ ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας Τραπέζης μετὰ φόβου καὶ τρόμου πολλοῦ. Ὅταν δὲ ἐξῆλθεν ὁ Ἱερεὺς μετὰ Ἅγια εἰς τὸν Χερουβικὸν ὕμνον, εἰσῆλθεν ὁ δαίμων καὶ ἁρπάσας τὸν νέον, τὸν ὑπῆγεν εἰς τὴν κόλασιν σύσσωμον. Ὁ δὲ Ὅσιος ἀκούσας τοῦ νέου τὰς φωνὰς ἐθλίβη πολλά, καὶ ἀποθέσας τὰ Ἅγια εἰς τὴν ἱερὰν Τράπεζαν ἐδέετο μετὰ δακρύων, ἱκετεύων ἐκτενῶς τὸν Δεσπότην, καὶ τὴν Ἀειπάρθενον Μητέρα αὐτοῦ, νὰ μὴν ἀφήσουν ἀπαίδευτον τοιαύτην αὐθάδειαν καὶ ἀναισχυντίαν τοῦ Δαίμονος, ἀλλὰ νὰ τοῦ πάρουσιν εἰς τὸ πεῖσμά του τὸν νεανίαν, νὰ τὸν στρέψουσα σῶον καὶ ἀβλαβῆ διατὶ ἐτόλμησεν ὁ τρισκατάρατος νὰ τὸν ἁρπάσῃ ἀπὸ τὸ ἁγίον Βῆμα. Ταῦτα εἰπὼν ὁ Ὅσιος ἀνέγνωθε τὰς εὐχὰς τῆς Ἱερουργίας, νὰ μὴ τὴν ἀφήσῃ ἀτελείωτον· καὶ καθὼς ἔλεγε τὴν εὐχὴν ταύτην.

Ὥς τε γενέσθαι τοῖς μεταλαμβάνουσιν εἰς νῆψιν ψυχῆς, εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν. καὶ τὰ ἑξῆς, ἤγουν, ἀφοῦ ἐτελειώθησαν τὰ Ἅγια, ἐταν ἐκφώνησε, λέγων·

Ἐξαιρέτως τῆς Παναγίας ἀχράντου·

Μέγας εἶ Κύριε, καὶ θαυμαστὰ τὰ ἔργα σου! Ὢ τῆς ἀηττήτου τῆς Παρθένου δυνάμεως! εὑρέθη ὁ νέος εἰς τὸ ἅγιον Βῆμα, καὶ ἐφώνησε λέγων. Μέγα τὸ ὄνομα τῆς ἁγίας Τριάδος. Ἀφοῦ δε ἐτελείωσεν ἡ Λειτουργια, ἐκοινώνησεν ὁ νέος, ἔπειτα τὸν ἠρώτησεν ὁ Ὅσιος ποῦ τὸν ὑπήγασι, καὶ τί ἔπαθεν; Ὁ δε εἶπεν ὅτι, καθὼς τὸν ἅρπασεν ὁ Δαίμων, τὸν ἔρρίψεν εἰς ἕνα τόπον ζοφώδη καὶ δυσωδέστατον, ὁποῦ ἦσαν ψυχαὶ ἁμαρτολῶν ἀναρίθμητοι, ἀρρήτως βασανιζόμεναι, καὶ εὐθὺς παρεγένετο ἡ πολύμνητος Δέσποινα, καὶ τὸν εὔγαλεν ἀπ᾽

рукъ ихъ и избави вѣчнаго мученія» Сице рече и поучивши его молитися со слезами многими и благоговѣніемъ, удержа его въ келіи своей даже до дне свѣтлаго Воскресенія.

Егда исполнишася три лѣта, отнелѣ же бѣсъ глагола матери юнаго, и тогда святый служивъ святую литургію, юноша же стояше предъ святымъ престоломъ со страхомъ многимъ. Егда же изыде священникъ со святыми на херувимской пѣсни вниде. бѣсъ и, похитивши юнаго, несе его въ муку съ тѣломъ. Преподобный же слыша юнаго вопль, опечалися велми и, положивши святая на священной трапезѣ, помолився со слезами, прося прилѣжно пресвятую Владычицу приснодѣвую Матерь Божію не оставити безъ казни сицевую гордость безстуднаго бѣса, но да отъиметъ на уничиженіе ему юношу, возвративъ [1]) его цѣла и невредна, занеже дерзнувъ треклятый онъ похитити отъ святаго олтаря. Сія рекши, преподобный прочиташе молитвы священнодѣйствія, да не оставитъ несовершенна: и егда бысть глаголющю ему молитву сію: «якоже быти причащающимся во изтрезвіе души, во оставленіе грѣховъ» и прочая, сіесть повнегда совершена бысть стая, егда возгласивъ глаголя: «Изрядно о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй владычицѣ нашей

[1]) Въ рукоп. „возраствъ".

Digitized by Google

ἐκεῖνον τὸν πανώδυνον τόπον, καὶ οὕτως εὑρέθη εἰς τὴν Ἐκκλησίαν. Ὁ γοῦν Ἅγιος ἐδόξασε τὸν Κύριον, καὶ τὴν Ἀειπάρθενον Κόρην, ὁποῦ ἐπήκουσαν τῆς αὐτοῦ δεήσεως.

Богородицѣ и Присnодѣвѣ Маріи» — велій еси еси Господи и чудна дѣла твоя! О непобѣдимыя силы пресвятыя Присnодѣвы! обрѣтеся юный во святомъ олтарѣ и возгласивъ: «Велико имя святыя Троицы!» и совершися святая литургіа; причастися и юноша, таже вопроси его преподобный, гдѣ веденъ бысть и что пострада? Онъ же рече, яко похитивъ его бѣсъ, въверже в мѣсто мрачно и злосмрадно, идѣже суть души грѣшныхъ бесчисленніи несказанно мучиміи, и абіе пріиде пресвятая и всепѣтая Владычица и изведе его из онаго и всеболѣзненнаго мѣста, и тако обрѣтеся въ церкви. Святый же прослави Господа и присnодѣвую Отроковицу, услышавшую молитвы его.

Ὁ δὲ νεανίας ἀπελθὼν εἰς τὸν Πατριάρχην, καὶ εὐλογηθεὶς ὑπ' αὐτοῦ, παρεγένετο εἰς τοὺς συγγενεῖς του οἵτινες ἔκλαιον αὐτοῦ τὴν ἀπώλειαν, νομίζοντες ὅτε οἱ Δαίμονες τὸν ἐπήρασιν. Ἰδόντες δε αὐτὸν ἀνελπίστως, πᾶς τις ἠμπορεῖ νὰ καταλάβῃ πόσην ἀγγαλλίασιν ἔλαβον, και πόσας εὐχαριστίας ἀνέπεμψαν τῷ Δέσπότῃ Χριστῷ, καὶ τῇ πανυμνήτῳ αὐτοῦ Μητρι, ἧς ταῖς ἱκεσίαις τύχοιμεν τῆς οὐρανίου Μακαριότητος.

(Стр. 323—325 по изд. 1883 г.)

Младыи же пошедъ къ патріарху и благословися отъ него, пріиде к сродникомъ своимъ и родителемъ, иже плакаху по немъ о погибели его, мняще, яко бѣсове взяша его. Видящи же его нечаянно всякъ, кто можетъ уразумѣть, колику радость пріяша, видѣвше и колико благодареніе возслаша владыцѣ Христу и преблагословенной Его Матери, Ея же молитвами да улучимъ небесное блаженство.

(Рукоп. Публ. библіот. Q. I, № 786, л. 136—138).

IX.

Демонъ Летавецъ:

(Сужденіе діаволе противу рода человѣча) [1]).

Глава 18. О покусахъ и препинаних чеовѣком.

Летавецъ демонъ на земли и на воздусѣ держится, таковыхъ же обычаевъ, яко и овіи [2]), точію иже тѣла [3]) на ся пріемлетъ мечтателно [4]) і прелестное и [5]) темности держится, яко нетопырь или кротъ. Приемлютъ сего въ свое послуженіе бабы и всѣ зломышленныя чаровники и чаровницы и разговариваютъ со онѣмъ в темности тако, иже единъ другаго не видитъ. Сей всезлобный повреждаетъ человѣкомъ любовное брачество и отъимаетъ жены, обаче не таковымъ обычаемъ, якоже (человѣцы) [6]) мнятъ, — не яко браческимъ совокуплениемъ,—не вѣрь никтоже сему!—не имать бо по человѣческому естеству ничтоже, ни сущаго тѣла, точію притворное и ничтоже человѣкоподобное,—но лестное и мучительное. Множество же о семъ блазнятся, а паче иже древле писали и глаголютъ, яко святый Мерлинъ почася и родися отъ летавца: азъ же глаголю, яко той Мерлинъ родися отъ человѣка, якоже и прочіи, но мати его ради стыда своего, она кралева [7]) британскаго господарства [8]), сказала на летавца. Обаче бываютъ въ демонскомъ родѣ и самецъ и самица, но притворно же.

---

[1]) По рукоп. Публ. Библіот. Q. I, № 232 (=Толст., II, 268); дополненія и разночтенія по рукоп. Публ. Библіот. Q. I, № 1022. За указаніе на послѣднюю рукопись приношу благодарность Ив. Аѳ. Бычкову.

[2]) Ранѣе идетъ рѣчь о демонахъ, именуемыхъ Ѳалеръ, Обсесъ и др.

[3]) тѣло.

[4]) мечьтателное.

[5]) в.

[6]) человѣцы- изъ рук. № 1022.

[7]) кралевна.

[8]) гдрьства.

Digitized by Google

Глава 20. О фантазмахъ демонскихъ, сирѣчь призракахъ.

Святый Августинъ въ наказателныхъ словесѣхъ своихъ пишетъ сице: несносное бремя Адамъ возложи на наслѣдие свое, сирѣчь народъ человѣчь на земли отъ исхода человѣка на свѣтъ и до изшествія изъ него, не точию на престарѣлыя и средовѣчныя, но и на младенцы безгрѣшныя, иже аще (и) [1]) обновляются отъ ветхаго праотеческаго грѣха Духомъ пресвятымъ и благимъ, искусителя же козней избыти не могутъ, ибо фантазмы, показующия имъ в нощи, толико зѣло страшатъ я [2]), иже ниже опочивати, ниже упокоитися могутъ, точию велми плачютъ. Фантазма же здѣ разумѣется демонъ внутрь и в мысли вселяющеся, иже можетъ възяти на ся, аще хощетъ, и скотску особу и человѣческу, звѣрску же и гадцку, и мечтатися [3]) и свѣтомъ и тмою, водою и горою и всякимъ страшнымъ и злымъ привидѣніемъ: можетъ же злыми своими мечты положити [4]) в колыбель въ мѣсто сущаго младенца облудное и прелестное, а истинное дитя на ино мѣсто отнести, дабы въ семъ злобу и печаль и зловѣтріе [5]) въ человѣцѣхъ утвердилъ, якоже прилучися таковое кралевѣ Британскія земли. — Сія никогда [6]) же исхождала [7]) изъ своихъ чертогъ, ниже кто, кромѣ дѣвицъ, бяше при ней, породила же сына, имянемъ Мерлина. Егда же о семъ, откуду ей се бысть, вопрошена и отъ кого, почела отвѣщать: [8]) «окномъ ко мнѣ, рече, леталъ не вѣмъ кто, и отъ сего ми сіе сотворися, и вси на се положиша, яко леталъ к ней летавецъ, си есть фантазма или мечта. Гисториографи же за истину сіе вознепщеваша и писаша, яко отъ лета(в)ца Мерлинъ почася, иже бысть человѣкъ великій и ученый, и господарь; у мудрыхъ же человѣковъ сіе не пріемлется, понеже духъ не можетъ въсплодити, не имать бо ничтоже тѣлесное, ниже отъ другихъ сѣмене, якоже иніи мнятъ, приноситъ, но се бываетъ и отсюду [9]) Мерлинъ почася, яко оный лѣтавецъ или мечтавецъ

---

1) „и"—изъ рук № 1022.
2) страшатся.
3) мечтается.
4) подложить.
5) зловѣріе.
6) нѣкогда.
7) исходила.
8) отвѣща.
9) Далѣе въ рукописи № 232 пропускъ, недостающее (до словъ: „Пишетъ же нѣкто Гилимандъ") взято изъ рукоп. № 1022.

Digitized by Google

чюжее нѣгдѣ дитя украде и ко кралевѣ принесе, вне ума сотворивъ ю, и кралева она во мнѣниі своемъ облознися.

Пишутъ же в неметскихъ гисторияхъ ученныи человѣцы сицѣ: Нѣкии юноша шляхтичъ в вечеру восхотѣ в мори при песцѣ искупатися, и егда нача купатися, приплывѣ к нему жена и егда ю той вопроси, кто есть, не отвѣща ему ничесоже, точию уласкается к нему. Онъ же взять ю под одежду свою, приведе в домъ свой и поразсмотре, видѣвъ же, яко чюдная красоты, и непщева о молчаниі, яко стыдится, оженися ею, восплоди же с нею сына. И по неколицѣхъ летахъ начаша ему сродниі его зазирати и зазлѣвати глаголюще, яко глуху и нѣму жену поя. Онъ же стужи си отъ своихъ, веземъ кордъ [1]) введе ю в ложницу, глаголетъ: «пробию тя, аще не будешь со мною глаголати». Она же поглагола к нему сице: «егда мя глаголати приневоляеши, ктому мя отселѣ у себѣ не узриши, аще же бы глаголати мя не принуждалъ, благополучну и мирну жизнь пожилъ бы еси и многое сокровище приобрѣлъ бы еси». И сие изрекши изчезе и к тому паки не показася. Бысть же сие удивително всѣмъ. И дѣтище с нею же прижи, и уже подросте в добромъ наказаниі, нѣкогда изыде купатися; на оноже мѣсто пріиде она и восхити его, и оттолѣ никдоже виденъ бысть отъ кого.

Здѣ показуется, яко и рожденное отъ нея мечтателное и привидѣнное бѣ, яко и она; аще же бы истинныи человѣкъ былъ, не претерпѣлъ бы, но задушился бы отъ воды и моремъ изверженъ бы былъ и при брегахъ обрѣтенъ.

Пишетъ же нѣкто Гилимандъ [2]) о нѣкоемъ воинѣ, иже привезе его лебедь въ лодіицѣ по рѣкѣ Ренѣ на златой чепи, возложенной ему на шеи. Егда же привезеся ко брегу, изыде из лодіицы всѣмъ зрящимъ со удивлениемъ, понеже никтоже знаяше его. Егда же воинъ изыде, лебедь отплы по рекѣ Ренѣ въ море и ктому не видѣша еге. Воинъ же той знаменитъ и славенъ сотворися, купи же и домъ [3]) славенъ надъ рекою Реною, и оженися, и чадо [4]) со оною женою возимѣ. По неколицехъ же лѣтехъ премногимъ человѣкомъ на брегъ Рены изшедшимъ и всѣмъ зрящимъ лебедь оный приплыве, лодіицу тягляше возложенною на шію сіи златою чепию. Воинъ оный стоя ближая [5]) всѣхъ, и абіе въскочи во ону лодійцу и сѣдши

---

[1]) Въ рукописи кодръ.

[2]) Гелимавдъ (то-есть, Helinand).

[3]) дворъ.

[4]) чада.

[5]) ближае.

Digitized by Google

поклоняся [1]) всѣмъ, поѣде по Рене в море и ктому никтоже нигдѣже відѣ его. Дѣти же его быша истинніи и добрии (и) честніи, и пребываетъ родство ихъ и до нынѣшнихъ временъ. Носятъ же за гербъ лебедя со златою чепью на шеяхъ и отсюду разумно, яко воинъ онъ былъ призракъ или мечта, а не человѣкъ, такожде и лебедь и чепь и лодіица мечтательство бѣ, такожде и приѣдзъ его и отъѣздъ призракъ бѣ, якоже когда и апостоли, егда видѣша Христа Господа по морю ходяща, глаголаша, яко призракъ есть. Дѣтей же она фантазма покраде нѣгдѣ отъ иныхъ колыбелей, а ины подложилъ.

Пишутъ же и о Португанской кралевнѣ [2]): восхотѣся оной покупатися на морскихъ пескахъ при брезѣ и купающейся ей з дѣвицами подплыве подъ ню [3]) водою потиху сатыръ, сирѣчь мужъ дикій или водный, восхити же ю и утече с нею толико скоро, иже никими мѣрами со всякимъ усиліемъ и тщаніемъ достигнути не могоша, но не дивно сіе, понеже въ морѣ и в лѣсехъ премного есть различныхъ и дивныхъ видовъ на свѣтѣ и подобныхъ человѣку. Здѣ не демонскою кознию стася, но отъ прилучая и отъ притворства морскаго.

---

[1]) уклоняся.
[2]) кралевѣ.
[3]) по дну.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Стр. 8. Оплетавъ богатырь. Сходное имя (Оплетай) находимъ въ сибирскихъ повѣрьяхъ. «Оплетаи—люди, состоящіе изъ половины и способные спаряться; когда идетъ одинъ Оплетай, онъ не страшенъ, потому что имѣетъ одну ногу, одну руку, одинъ глазъ, но если два оплетая сростутся, то отъ нихъ и на конѣ не ускрестись». (Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 149 въ статьѣ г. *Потанина*: Юго-западная часть Томской губ. въ этногр. отношеніи).

Стр. 17—18. Борьба льва съ дракономъ. Ср. *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 472.

Стр. 25. Хрустальные полы извѣстны и въ нашемъ былевомъ эпосѣ. По одному прозаическому пересказу былины о Дюкѣ (Юнкѣ) Степановичѣ въ палатахъ его «половицы въ полу стеклянныя, подъ ними вода течетъ, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя» (*Рыбниковъ*, Пѣсни I, стр. 311). Ср. *Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 611; *Веселовскій*, Южно-русскія былины, 222; *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 115.

Стр. 49. Дѣянія ап. Ѳомы. Въ «Библіографическихъ матеріалахъ» *А. Н. Попова*, изд. подъ редакціей г. *Щепкина* (Чтенія въ общ. исторіи и древн. росс. 1889 г., кн. III) помѣщенъ текстъ славянскаго перевода Дѣяній св. Ѳомы по русскому списку XIV вѣка (стр. 61—71, XXIII—XXVI).

Стр. 69—70. Родословіе великихъ князей русскихъ. Кромѣ указанныхъ списковъ этого Родословія, слѣдуетъ еще отмѣтить списокъ XVI вѣка въ бѣлорусскомъ сборникѣ, принадлежащемъ Чудову монастырю. Нѣкоторые отдѣлы этого сборника изданы въ Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. россійскихъ 1889 г., кн. III (Библіографическіе матеріалы *А. Н. Попова*, изд. подъ ред. г. *Сперанскаго* стр. 69—71).

Стр. 103—105. Южно-славянское вліяніе на русскую письменность разсматривается въ «Рѣчи, читанной на годичномъ актѣ Ар-

Digitized by Google

хеологич. Института 8 мая 1894 года проф. *А. И. Соболевскимъ*». Въ приложеніи къ рѣчи помѣщенъ «списокъ литературныхъ произведеній, появившихся въ нашей литературѣ послѣ половины XIV вѣка». (стр. 17—22). Ср. изслѣд. *А. С. Архангельскаго*: «Къ изученію древне-русской литертуры. Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности», стр. 136—142.

Стр. 125. Сказанія, касающіяся священной римской имперіи. Обильный матеріалъ для изученія этихъ сказаній указанъ въ книгѣ проф. *G. von Zezschwitz*—а: Das Mittelalterliche Drama vom Ende des römischen Kaisertums deutscher Nation. Императорское достоинство представлялось перенесеннымъ на западъ отъ грековъ. — Есть извѣстія и о драгоцѣнностяхъ, которыя присылались западнымъ монархамъ греческими императорами. Такъ въ Chronographia Sigeberti Gemblacensis подъ 872 годомъ записано: Basilius imperator Graecorum inter caetera munera mittit Ludowico regi Germanorum christallum mirae magnitudinis mire auro gemmisque ornatum, cum parte non modica sanctae crucis. (*Pertz*, Monum. germ. VIII, 341).

Стр. 135. Походъ на Цареградъ. Ср. замѣтку *В. В. Каллаша* въ Этнографическомъ обозрѣніи, кн. IV, смѣсь, стр. 8—9 (Мелкія этнологическія замѣтки: 6. Къ сказанію о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ).

Стр. 181. Сказки о хитрой невѣстѣ. Ср. указанія г. *Кузьмичевскаго* въ «Кіевской старинѣ» 1887 г., окт. стр. 237—241.

Стр. 194. 247. Пѣсня о В. Буслаевичѣ, записанная отъ В. Щеголенка. Эта же пѣсня отъ того же сказателя записана была г. *Гурьевымъ* (Записки русск. геогр. общ. по отдѣл. этнографіи, т. III, 1873 г., стр. 573—578).

Стр. 335. Видѣніе Амфилога. Ср. замѣтку *А. Н. Веселовскаго* въ «Живой Старинѣ» вып. I (1890), отд, I, стр. 124—125.

Стр. 354. Вольфдитрихъ. Либрехтъ сближаетъ поэму о Вольфдитрихѣ съ старо-англійскимъ стихотвореніемъ о Guy of Warwick. Сходство отыскивается въ рядѣ подробностей, между прочимъ и въ заключительномъ отдѣлѣ сказаній: «um den Rest seines Lebens in Busse zu enden, pilgert Guy nach dem heiligen Lande, rettet zurückgekehrt sein Vaterland von den Heiden, indem er deren Vorkämpfer Colbrand erschlägt, und zieht sich sodann in eine Einsiedelei zurück; ganz so beschliesst auch Wolfdietrich sein Leben im Kloster, nachdem er dasselbe vorher.... gegen die Heiden vertheidigt nnd diese besiegt hat. (Zur Volkskunde, 472). Припомнимъ указанное выше (стр. 279, 339) пріуроченіе лѣтописнаго из-

Digitized by Google

вѣстія о Васильѣ Буслаевѣ къ году осады Новгорода суздальскими войсками.

Стр. 418. «Завистное сужденіе демона». Свѣдѣнія о спискахъ и содержаніи этой книги см. въ сообщеніи *А. И. Кирпичникова*, изд. Обществомъ любителей древней письменности. (Памятники др. письм. 1894 г., вып. CV: «Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго»).

Стр. 451—452. Хроника Юзефовича. См. о ней статью *В. Б. Антоновича*: «Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи южной Руси» (Кіевская старина, 1887 г., ноябрь, стр. 529—536). Ср. Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси. изд. подъ ред. проф. *Антоновича* (К. 1888), стр. 113 и и слѣд. (извлеченіе изъ хроники), XXX—XLVI (изслѣдованіе о хроникѣ).

Стр. 453. Бонякъ. Есть еще мѣстное Кіевское преданіе о Бонякѣ, связывающее имя грознаго хана съ воспоминаніемъ о золотыхъ воротахъ. Бонякъ выломалъ, говорятъ, эти ворота и увезъ ихъ въ свою землю. (*Закревскій*, Описаніе Кіева, т. I, стр. 326—327, примѣчаніе).

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ

I.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

II.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ исправить:
6	23	расахватило	расхватило
44	20	царствоватой	царствова той
—	21	ево	его
52	37	*Потанинъ*	*Потанинъ*
59	7	выг-	вы-
—	8	налъ	гналъ
68	16	«такъ: бывшу	такъ: «бывшу
86	25—26	о Птоломеяхъ	о Птоломеѣ Заечичѣ
87	22	Спиридсна	Спиридона
90	32	родословпа	родословца
97	20	комниновъ	Комниновъ.
98	34	Пгрусѣ	Прусѣ
103	31	*Общ.*,	*Общ.*
119	32	iz	iż
—	—	cam	sam
—	37	zadnemu	żadnemu
129	7	veticintum	vaticinium
143	81	царнцей	царицей
172	1	расказовъ	разсказовъ
194	23	запись	запис.
221	41	замись	зались
232	32	мусту	мосту
233	19	Цереградѣ	Цареградѣ
298	11	geni	gens
309	30	Vincentiu	Vincentius
334	41	(вѣры):	(вѣры),
336	27	Novelleu	Novellen
338	3	разтказалъ	разсказалъ
358	20	умчалсл	умчался
—	37	Дитриха,	Дитриха
631	19	аггли	а̄ггли
862	34	προσκόμματος	προσκόμματος,
367	39	Иамѣтокъ	Замѣтокъ
—	—	Жылннамъ	былинамъ

Digitized by Google

394	13	основы,	основы
416	32	Плутархъ	Плутархъ,
439	22	ill iceum	illic eum
447	4	Бонявъ	Бонякъ
450	8	Cosacas	Cosacos
458	46	Романа	Романа.
525	42	потыкается,	потыкается»,
—	—	«давая	давая
538	5	mér'	mèr'
541	36	водой	водой,
551	33	Köhlera	Köhler—a
555	3	mitternaeht.	mitternacht,
—	9	nacht.	nacht,
—	16	gruben	graben;
—	26	der	dir
—	39	sarg	sarg,
562	1	вдова	вдова,
567	36	исторіи	Исторіи
616	17	germ.	Germ.
624	17	Птеломей	Птоломей

Digitized by Google

Digitized by Google

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА
ИМѢЮЩИХСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

АНТРОПОЛОГІЯ

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакціею профессора **И. И. Мечникова.** Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА
И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. **Н. Н. Страхова.**
Томъ I-й: Исторія матеріализма до Канта. 398 стр.
Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ Канта. 495 стр.
Цѣна за 2 тома 5 р. Отдѣльно 2-й т. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія **ДАВИДА РИКАРДО.** Перев. *Н. Зибера*, съ приложен. переводчика. 685 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ИСТОРІЯ ТЕОРІИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ **Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе.** Пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями проф. **Янсона**, съ 3-мя таблицами чертежей. 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
РУКОВОДСТВО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.
ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ. 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ЗАПАДА.

Эллинская эпоха. Съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.
СТЭНЛИ ДЖЕВОНСА.
Перев. съ англ. **М. А. Антоновича.** 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Ст. Джевонсъ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ ДЕДУКТИВНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ, СЪ ВОПРОСАМИ И ПРИМѢРАМИ.
Перев. съ англ. **М. А. Антоновича.** 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ЗВУКЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. Альфреда Маршалля Майера. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

СВѢТЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. А. Майера и Барнара. Съ 29 рис. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 84 стр. Ц. 50 к., съ пересылкою 65 к.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекціи Роско: Изъ чего составлена земля.—**Локаеръ:** Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть.—**Уильямсонъ:** Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Лекціи проф. Эдинб. унив. **П. Г. Тэта.** Пер. подъ редакц. **И. М. Сѣченова.** Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

СЕРІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Переводъ съ англійскаго **М. А. Антоновича.**

Введеніе. Проф. **Гексли.** Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Химія.** Проф. **Роско.** Съ 36 рис. въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Физика.** Проф. **Бальф. Стюарта.** Съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—**Физическая географія.** Проф. **Гейки.** Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. **Геологія** Проф. **Гейки.** Съ 46 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Физіологія.** Д-ра **Фостера.** Съ 18 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Астрономія. Нормана Локаера.** Съ 48 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Составилъ **А. Я. Гердъ.**

Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и въ первомъ изданіи одобренъ какъ руководство для гимназій. Въ 3 част. съ 207 рисунк. въ текстѣ. Изд. 7-ое Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

ОПЫТНАЯ МЕХАНИКА. С. С. БОЛЬ.

Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Наукъ. Перев. съ англ. подъ ред. **Н. Н. Любавина.** Съ 100 рис. въ текстѣ. 358 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Проф. **А. Гейки.** Перев. съ англ. **А. Я. Гердъ.** Съ 78 рис. въ текстѣ и 10 картин. въ прилож. 370 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ГИМНАСТИКА ГОЛОСА, ОСКАРА ГУТМАНА,

ОСНОВАННАЯ НА ФИЗІОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

Руководство къ упражненію и правильному употребленію органовъ рѣчи и пѣнія.

128 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

О ПСИХОМОТОРНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ

И РАЗВИТІИ ИХЪ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Проф. **И. Р. Тарханова.** Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к

ЛЕКЦІИ ОБЩЕЙ ТЕРАПІИ. Проф. В. МАНАССЕИНА.

Часть 1-я. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ДОМАШНІЙ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ.

Д-ра **Курвуазье,** съ предисл. проф. **Манассеина.** Съ рис. въ текстѣ. Перев. съ 3-го нѣмецк. изд. **М. Ловцовой.** Ц. 75 к., съ перес. 85 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ФИЗІОЛОГІИ,

кратко и общедоступно изложенные К. Прейеромъ, ординарн. проф. физіологіи. Перев. **И. Р. Тарханова.** 265 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ, НА НЕЙ ЖИВУЩИХЪ.

Проф. **А. Н. Бекетова.** Изд. 5-е, съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к., съ перес. 1 руб.

НАРОДЫ ТУРЦІИ.

Двадцать лѣтъ пребыванія среди **болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ.** Перев. съ англ. 300 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Digitized by Google

И. П. Минаевъ. ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА и ИНДІИ.
ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО.
2 части, 522 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес 2 р. 80 к.

О ПОГЛОЩЕНІИ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ СОЛЯНЫМИ РАСТВОРАМИ И КРОВЬЮ.
И. М. Сѣченова. 164 стр. больш. форм. Ц. 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

СКОТОВОДСТВО.
Заттегаста. Перев. подъ редакціею Д-ра **О. А. Гримма.** 2 тома, съ 200 рис. въ текстѣ. Ц. вмѣсто 7 р.—3 р., съ пересылкою. 3 р. 60 к.

К. СМАЙЛЬСЪ.
ИСТОРІЯ ШОТЛАНДСКАГО НАТУРАЛИСТА
Томаса Эдварда.
Перев. **С. И. Смирновой.** 163 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ.
А. Н. **Бекетовъ.** Ц. 50 коп., съ пересылкою 60 к.

ЛИНГВИСТИКА.
Абеля Овелана. Переводъ съ франц. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭМБРІОЛОГІИ.
Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунк. Пер. съ англ. подъ ред. **Г О. А.римма** 350 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.
Шесть лекцій, читанныхъ въ королевскомъ институтѣ въ 1873 г., и
Единство исторіи.
Лекціи, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ, **Эд. Фримана.** Перев. съ англ. **Н. Коркунова.** 376 стр. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою 2 р. 80 к.

М. ФОСТЕРЪ. НАЧАЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ.
Перев. съ англ. **С. В. Пантелѣевой.** 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О НЕНОРМАЛЬНОСТИ МОЗГОВОЙ ЖИЗНИ
современнаго культурнаго человѣка. **М. М. Манассеиной.** Ц. 1 р. 25 к.

Клаузіусъ. О запасахъ энергіи въ природѣ. пер. *Флугъ.* Ц. 30 к.

КЛЕРКЪ-МАКСУЭЛЛЬ.
МАТЕРІЯ И ДВИЖЕНІЕ.
Перев. съ англійск. **М. А. Антоновича.** Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Рудольфъ Арендъ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ХИМІИ.
Съ 178 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. **Тавилдарова.** Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

В. Карпентеръ.
ЭНЕРГІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.
Перев. съ англійск., съ 81 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.
Грантъ Алленъ. Ч. Дарвинъ. Перев. съ англ. подъ ред. *А. Н. Энгельгардта.* Ц. 1 р. 50 к.

О. А. ШТОФФЪ (Женщина-врачъ.)
УХОДЪ ЗА РЕБЕНКОМЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ.
Практическіе совѣты матерямъ. Ц. 50 к.

Digitized by Google

Арендъ, Р. Основныя начала химіи. Съ 178 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. проф. *Н. Тавилдарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго промысла. Перев. *К. Флугъ.* Ц. 2 р.

Compendium микроскопической техники. **А. Бемъ и Альб. Оппель.** Пер. съ нѣм. *Ѳ. В. Семеновъ.*

Бойсъ, Ч. В. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности. Переводъ съ франц. подъ ред. *Б. П. Вейнберга.* Ц. 60 к.

Вахтель Г. Руководство къ техническому анализу. Подъ ред. проф. Спб. Технолог. Инст. *Н. И. Тавилдарова.* Цѣна 5 р.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ. Перев. *С. И. Серебренникова.* Ц. 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. Ч. I. Общій обзоръ земного шара. Ч. II. Азія. Ц. 50 коп.

Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Ц. 75 к.

Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.

" " " Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 25 к.

" " " Міръ Божій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. 2-е изд. Съ 42 рисунками. Ц. 40 коп.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики. Ц. 1 р. 50 к.—Прикладная механика. Ц. 2 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенства химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. Ц. 1 р.

Люббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора *А. Бекетова.* Переводъ съ англійскаго *А. Гердъ.* Цѣна 1 р. 25 к.

Ремсенъ. Введеніе органич. химіи или химіи углерод. соединеній. Перев. *Н. С. Дрентельна.* Ц. 2 р.

Сѣченовъ, И. М. Физіологія нервныхъ центровъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Тэтъ, П. Теплота. Перев. съ англ. подъ ред. проф. *Усова.* Ц. 3 р.

" Свойства матеріи. Переводъ съ англійск. *И. М. Сѣченова* Ц. 2 р. 50 к.

Тавилдаровъ, Н. И., проф. Спб. Технол. Инстит. Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Томъ I съ 40 таблицами политипажей, томъ II съ 36 табл. политипажей. Цѣна за два тома 8 р.

Томсонъ, В. Строеніе матеріи. Популярныя лекціи и рѣчи. Переводъ съ англ. *Б. П. Вейнберга*, подъ ред. проф. *И. И. Боргмана*, съ 67 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Уффельманъ, Юлій. Руководство частной и общественной гигіены ребенка. Пер. съ нѣм. подъ ред. приватъ-доцента *В. Ф. Якубовича.* Ц. 2 р. 50 к.

Эммингаусъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Ф. Якубовича.* Цѣна 2 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей. Цѣна 2 р.

(См. продолженіе на обложкѣ).

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. С.-Петербургъ. Литейный проспектъ, д. № 46.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 26 Октября 1894 г.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

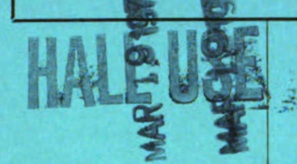
Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~FEB 9 '52 H~~

Digitized by Google

